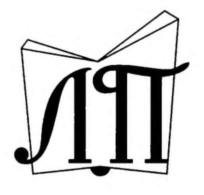
МИХАИЛ БУЛГАКОВ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ • БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Литературные Памятники

МИХАИЛ
БУЛГАКОВ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Издание подготовил
Е.А. ЯБЛОКОВ

Научно-издательский центр
«Ладомир»
«Наука»
Москва

Ответственный редактор
Н.В. КОРНИЕНКО

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

*К 125-летию
со дня рождения М.А. Булгакова*

*К 90-летней годовщине
первой публикации романа «Белая гвардия»*

ISBN 978-5-86218-536-2

Михаил Афанасьевич Булгаков. 1927 г.
1891–1940

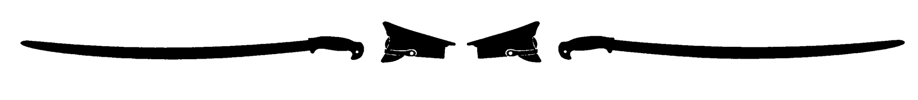
БЕЛАЯ ГВАРДИЯ[1]

Посвящается Любови Евгеньевне Белозерской[2]

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями.
Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение
темное небо смешалось с снежным морем.
Все исчезло.
— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!

«*Капитанская дочка*»[3]

И судимы были мертвые по написанному в книгах
сообразно с делами своими...[4]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды:[1] звезда пастушеская — вечерняя Венера[2] и красный, дрожащий Марс[3].

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят, как стрела, и молодые Турбины[4] не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь[5]. О, елочный дед[6] наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?[7]

Через год после того, как дочь Елена[8] повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом[9], и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину[10] в Город[11], в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску[12] на Подол[13], в маленькую церковь Николая Доброго[14], что на Взвозе[15].

Когда отпевали мать, был май[16], вишенные деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр[17], от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту[18], мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг и Анюта[19], выросшая в доме Турбиной, и Николка[20], оглушенный смертью, с вихром, нависшим на правую бровь[21], стояли у ног старого коричневого святителя Николы[22]. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик Бог[23], моргал. За что

такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо Бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что всё, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему[24].

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец[25]. И маму закопали. Эх... эх...[26]

***

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску[27], изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник»[28], часы играли гавот[29], и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях[30]. В ответ бронзовым с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем[31]. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава[32]. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор[33], все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками[34], потертые ковры, пестрые и малиновые[35], с соколом на руке Алексея Михайловича[36], с Людовиком XIV[37], нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами[38], пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой[39], Капитанской Дочкой[40], золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, всё это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

— Дружно... живите[41].

***

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину старшему – молодому врачу – 28 лет. Елене – 24. Мужу ее, капитану Тальбергу, – 31, а Николке – 17 с половиной[42]. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера[43], и метет и не перестает, и чем дальше, тем хуже[44]. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром[45]. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах[46], но она не только не начинается, а кругом становится всё страшнее и страшнее. На севере воет и воет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит всё грознее и щетинистей.

***

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

– Живите.

А им придется мучиться и умирать.

Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру[47], сказал:

– Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время... Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинетика, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

– Что сделаешь, что сделаешь, – конфузливо забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми.) – Воля Божья.

– Может, кончится всё это когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? – неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

— Тяжкое, тяжкое время, что говорить, — пробормотал он, — но унывать-то не следует...

Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темного рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

— Уныния допускать нельзя, — конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. — Большой грех — уныние...[48] Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, — он говорил всё увереннее. — Я последнее время всё, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше всего богословские...[49]

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

— «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь»[50].

2

Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине[1]. Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах[2]. Восемнадцатому году скоро конец.

Над двухэтажным домом № 13, постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом[3]), в саду, что лепился под крутейшей горой[4], все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело, засыпало сарайчики во дворе, и стала гигантская сахарная голова[5]. Дом накрыло шапкой белого генерала[6], и в нижнем этаже (на улицу — первый, во двор под верандой Турбиных — подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович[7], а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна[8].

В сумерки Алексей и Николка пошли за дровами в сарай.

— Эх, эх, а дров до черта мало. Опять сегодня вытащили, смотри.

Из Николкиного электрического фонарика ударил голубой конус, а в нем видно, что обшивка со стены явно содрана и снаружи наскоро прибита.

— Вот бы подстрелить чертей! Ей-богу. Знаешь что: сядем на эту ночь в караул? Я знаю — это сапожники[9] из одиннадцатого номера. И ведь какие негодяи! Дров у них больше, чем у нас.

— А ну их... Идем. Бери.

Ржавый замок запел, осыпался на братьев пласт, поволокли дрова. К девяти часам вечера к изразцам Саардама нельзя было притронуться.

Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки[10], сделанные в разное время 18-го года рукою Николки тушью и полные самого глубокого смысла и значения:

Если тебе скажут, что союзники спешат к
нам на выручку, — не верь[11]*. Союзники — сволочи*[12].

Он сочувствует большевикам[13].

Рисунок:
рожа Момуса[14].
Подпись:
Улан[15] *Леонид Юрьевич*[16].

Слухи грозные, ужасные,
Наступают банды красные!

Рисунок красками:
голова с отвисшими усами, в папахе
с синим хвостом.
Подпись:
Бей Петлюру![17]

Руками Елены и нежных и старинных турбинских друзей детства — Мышлаевского[18], Карася[19], Шервинского[20] — красками, тушью, чернилами, вишневым соком записано:

Елена Васильевна любит нас сильно.
Кому — на, а кому — не[21].

Леночка, я взял билет на Аиду[22].
Бельэтаж № 8, правая сторона.

1918 года, мая 12 дня я влюбился[23].
Вы толстый и некрасивый.

После таких слов я застрелюсь.

(Нарисован весьма похожий браунинг.)[24]

Да здравствует Россия!
Да здравствует самодержавие!
Июнь. Баркарола[25].

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина[26].

Печатными буквами, рукою Николки:

Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского района. Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер[27].

1918 года, 30-го января[28].

Пышут жаром разрисованные изразцы, черные часы ходят, как 30 лет назад: тонк-танк. Старший Турбин, бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года[29], во френче[30] с громадными карманами, в синих рейтузах[31] и мягких новых туфлях, в любимой позе — в кресле с ногами. У ног его на скамеечке Николка с вихром, вытянув ноги почти до буфета, — столовая маленькая. Ноги в сапогах с пряжками. Николкина подруга, гитара[32] нежно и глухо: трень... Неопределенно трень... потому что пока что, видите ли, ничего еще толком не известно. Тревожно в городе, туманно, плохо...

На плечах у Николки унтер-офицерские[33] погоны с белыми нашивками[34], а на левом рукаве остроуглый трехцветный шеврон[35]. (Дружина первая, пехотная, третий ее отдел[36]. Формируется четвертый день, ввиду начинающихся событий.)

Но, несмотря на все эти события, в столовой, в сущности говоря, прекрасно. Жарко, уютно, кремовые шторы задернуты[37]. И жар согревает братьев, рождает истому.

Старший бросает книгу, тянется.

— А ну-ка, сыграй «Съемки»...[38]

Трень та там... трень та там...

Сапоги фасонные,
Бескозырки тонные,
То юнкера-инженеры идут!

Старший начинает подпевать. Глаза мрачны, но в них зажигается огонек, в жилах — жар. Но тихонько, господа, тихонько, тихонечко.

Здравствуйте, дачники,
Здравствуйте, дачницы...[39]

Гитара идет маршем, со струн сыплет рота, инженеры идут – ать, ать! Николкины глаза вспоминают:

Училище[40]. Облупленные александровские колонны[41], пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.

Туча солдат осадила училище, ну форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался[42], сдался с юнкерами. Па-а-зор...

Здравствуйте, дачницы,
Здравствуйте, дачники,
Съемки у нас уж давно начались.

Туманятся Николкины глаза.

Столбы зноя над червонными украинскими полями[43]. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было всё это и вот не стало. Позор. Чепуха.

Елена раздвинула портьеру, и в черном просвете показалась ее рыжеватая голова. Братьям послала взгляд мягкий, а на часы очень и очень тревожный. Оно и понятно. Где же, в самом деле, Тальберг? Волнуется сестра.

Хотела, чтобы это скрыть, подпеть братьям, но вдруг остановилась и подняла палец.

– Погодите. Слышите?

Оборвала рота шаг на всех семи струнах: сто-ой! Все трое прислушались и убедились – пушки[44]. Тяжело, далеко и глухо. Вот еще раз: бу-у... Николка положил гитару и быстро встал, за ним, кряхтя, поднялся Алексей.

В гостиной-приемной совершенно темно. Николка наткнулся на стул. В окнах настоящая опера «Ночь под Рождество»[45] – снег и огонечки. Дрожат и мерцают. Николка прильнул к окошку. Из глаз исчез зной и училище, в глазах – напряженнейший слух. Где? Пожал унтер-офицерскими плечами.

– Черт его знает. Впечатление такое, что будто под Святошином[46] стреляют. Странно, не может быть так близко.

Алексей во тьме, а Елена ближе к окошку, и видно, что глаза ее черно-испуганны. Что же значит, что Тальберга до сих пор нет? Старший чувствует ее волнение и поэтому не говорит ни слова, хоть сказать ему и очень хочется. В Святошине. Сомнений в этом никаких быть не может. Стреляют, 12 верст[47] от города, не дальше. Что за штука?

Николка взялся за шпингалет, другой рукой прижал стекло, будто хочет выдавить его и вылезть, и нос расплющил.

– Хочется мне туда поехать. Узнать, в чем дело...

– Ну да, тебя там не хватало...

Елена говорит в тревоге. Вот несчастье. Муж должен был вернуться самое позднее, слышите ли, – самое позднее, сегодня в три часа дня, а сейчас уже десять.

В молчании вернулись в столовую. Гитара мрачно молчит. Николка из кухни тащит самовар, и тот поет зловеще и плюется. На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, в виде фигурных колоннок. При матери, Анне Владимировне, это был праздничный сервиз в семействе, а теперь у детей пошел на каждый день. Скатерть, несмотря на пушки и на всё это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоту и прочность жизни, несмотря на то, что на подступах к Городу – коварный враг, который, пожалуй, может разбить снежный, прекрасный Город и осколки покоя растоптать каблуками. Цветы. Цветы – приношение верного Елениного поклонника, гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавщицы в конфетной знаменитой «Маркизе»[48], друга продавщицы в уютном цветочном магазине «Ниццкая флора»[49]. Под тенью гортензий тарелочка с синими узорами, несколько ломтиков колбасы, масло в прозрачной масленке, в сухарнице пила-фраже[50] и белый продолговатый хлеб. Прекрасно можно было бы закусить и выпить чайку, если б не все эти мрачные обстоятельства... Эх... эх...

На чайнике верхом едет гарусный[51] пестрый петух, и в блестящем боку самовара отражаются три изуродованных турбинских лица, и щеки Николкины в нем, как у Момуса.

В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли.

Застрял где-то Тальберг со своим денежным гетманским поездом[52] и погубил вечер. Черт его знает, уж не случилось ли, чего доброго, чего-нибудь с ним?.. Братья вяло жуют бутерброды. Перед Еленою остывающая чашка и «Господин из Сан-Франциско»[53]. Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова:

«...мрак, океан, вьюгу»[54].

Не читает Елена.

Николка наконец не выдерживает:

– Желал бы я знать, почему так близко стреляют? Ведь не может же быть...

Сам себя прервал и исказился при движении в самоваре. Пауза. Стрелка переползает десятую минуту и — тонк-танк — идет к четверти одиннадцатого.

— Потому стреляют, что немцы мерзавцы, — неожиданно бурчит старший.

Елена поднимает голову на часы и спрашивает:

— Неужели, неужели они оставят нас на произвол судьбы? — Голос ее тосклив.

Братья, словно по команде, поворачивают головы и начинают лгать.

— Ничего не известно, — говорит Николка и обкусывает ломтик.

— Это я так сказал, гм... предположительно. Слухи.

— Нет, не слухи, — упрямо отвечает Елена, — это не слух, а верно; сегодня видела Щеглову, и она сказала, что из-под Бородянки вернули два немецких полка[55].

— Чепуха.

— Подумай сама, — начинает старший, — мыслимое ли дело, чтобы немцы подпустили этого прохвоста близко к городу? Подумай, а? Я лично решительно не представляю, как они с ним уживутся хотя бы одну минуту. Полнейший абсурд. Немцы и Петлюра. Сами же они его называют не иначе, как бандит. Смешно.

— Ах, что ты говоришь. Знаю я теперь немцев. Сама уже видела нескольких с красными бантами[56]. И унтер-офицер пьяный с бабой какой-то. И баба пьяная.

— Ну, мало ли что! Отдельные случаи разложения могут быть даже и в германской армии.

— Так, по-вашему, Петлюра не войдет?

— Гм... По-моему, этого не может быть.

— Апсольман[57]. Налей мне, пожалуйста, еще одну чашечку чаю. Ты не волнуйся. Соблюдай, как говорится, спокойствие.

— Но, Боже, где же Сергей? Я уверена, что на их поезд напали и...

— И что? Ну что выдумываешь зря? Ведь эта линия совершенно свободна.

— Почему же его нет?

— Господи, Боже мой. Знаешь же сама, какая езда. На каждой станции стояли, наверное, по четыре часа.

— Революционная езда. Час едешь — два стоишь.

Елена, тяжело вздохнув, поглядела на часы, помолчала, потом заговорила опять:

— Господи, Господи. Если бы немцы не сделали этой подлости, всё было бы отлично. Двух их полков достаточно, чтобы раздавить этого вашего Пет-

люру, как муху. Нет, я вижу, немцы играют какую-то подлую двойную игру. И почему же нет хваленых союзников? У-у, негодяи. Обещали, обещали...

Самовар, молчавший до сих пор, неожиданно запел, и угольки, подернутые седым пеплом, вывалились на поднос. Братья невольно посмотрели на печку. Ответ — вот он. Пожалуйста:

Союзники — сволочи.

Стрелка остановилась на четверти, часы солидно хрипнули и пробили — раз, и тотчас же часам ответил заливистый, тонкий звон под потолком в передней.

— Слава Богу, вот и Сергей, — радостно сказал старший.

— Это Тальберг, — подтвердил Николка и побежал отворять.

Елена порозовела, встала.

***

Но это оказался вовсе не Тальберг. Три двери прогремели, и глухо на лестнице прозвучал Николкин удивленный голос. Голос в ответ. За голосами по лестнице стали переваливаться кованые сапоги и приклад. Дверь в переднюю впустила холод, и перед Алексеем и Еленой очутилась высокая, широкоплечая фигура в серой шинели до пят и в защитных погонах с тремя поручичьими звездами химическим карандашом[58]. Башлык[59] заиндевел, а тяжелая винтовка с коричневым штыком заняла всю переднюю.

— Здравствуйте, — пропела фигура хриплым тенором и закоченевшими пальцами ухватилась за башлык.

— Витя!

Николка помог фигуре распутать концы, капюшон слез, за капюшоном блин офицерской фуражки с потемневшей кокардой, и оказалась над громадными плечами голова поручика Виктора Викторовича Мышлаевского. Голова эта была очень красива, странной и печальной и привлекательной красотой давней, настоящей породы и вырождения. Красота в разных по цвету, смелых глазах[60], в длинных ресницах. Нос с горбинкой, губы гордые, лоб бел и чист, без особых примет. Но вот один уголок рта приспущен печально, и подбородок косовато срезан так, словно у скульптора, лепившего дворянское лицо, родилась дикая фантазия откусить пласт глины и оставить мужественному лицу маленький и неправильный женский подбородок[61].

— Откуда ты?

— Откуда?

— Осторожнее, — слабо ответил Мышлаевский, — не разбей. Там бутылка водки.

Николка бережно повесил тяжелую шинель, из кармана которой выглядывало горлышко в обрывке газеты. Затем повесил тяжелый маузер[62] в деревянной кобуре, покачнув стойку с оленьими рогами. Тогда лишь Мышлаевский повернулся к Елене, руку поцеловал и сказал:

— Из-под Красного Трактира[63]. Позволь, Лена, ночевать. Не дойду домой.

— Ах, Боже мой, конечно.

Мышлаевский вдруг застонал, пытался подуть на пальцы, но губы его не слушались. Белые брови и поседевшая инеем бархатка подстриженных усов начали таять, лицо намокло. Турбин-старший расстегнул френч, прошелся по шву, вытягивая грязную рубашку.

— Ну конечно... Полно. Кишат[64].

— Вот что, — испуганная Елена засуетилась, забыв Тальберга на минуту, — Николка, там в кухне дрова. Беги зажигай колонку. Эх, горе-то, что Анюту я отпустила. Алексей, снимай с него френч, живо.

В столовой у изразцов Мышлаевский, дав волю стонам, повалился на стул. Елена забегала и загремела ключами. Турбин и Николка, став на колени, стягивали с Мышлаевского узкие щегольские сапоги с пряжками на икрах.

— Легче... Ох, легче...

Размотались мерзкие пятнистые портянки. Под ними лиловые шелковые носки. Френч Николка тотчас отправил на холодную веранду — пусть дохнут вши. Мышлаевский, в грязнейшей батистовой[65] сорочке, перекрещенной черными подтяжками, в синих бриджах со штрипками стал тонкий и черный, больной и жалкий. Посиневшие ладони зашлепали, зашарили по изразцам.

Слух... грозн...
наст... банд...
Влюбился... мая...

— Что ж это за подлецы! — закричал Турбин. — Неужели же они не могли дать вам валенки и полушубки?

— Ва... аленки, — плача передразнил Мышлаевский, — вален...

Руки и ноги в тепле взрезала нестерпимая боль. Услыхав, что Еленины шаги стихли в кухне, Мышлаевский яростно и слезливо крикнул:

— Кабак!

Сипя и корчась, повалился и, тыча пальцем в носки, простонал:

— Снимите, снимите, снимите...

Пахло противным денатуратом[66], в тазу таяла снежная гора, от винного стаканчика водки поручик Мышлаевский опьянел мгновенно до мути в глазах.

— Неужели же отрезать придется? Господи... — Он горько закачался в кресле.

— Ну что ты, погоди. Ничего... Так. Приморозил большой. Так... отойдет. И этот отойдет.

Николка присел на корточки и стал натягивать чистые черные носки, а деревянные, негнущиеся руки Мышлаевского полезли в рукава купального мохнатого халата. На щеках расцвели алые пятна, и, скорчившись, в чистом белье, в халате, смягчился и ожил помороженный поручик Мышлаевский. Грозные матерные слова запрыгали в комнате, как град по подоконнику. Скосив глаза к носу, ругал похабными словами штаб в вагонах I класса, какого-то полковника Щеткина[67], мороз, Петлюру, и немцев, и метель, и кончил тем, что самого гетмана всея Украины[68] обложил гнуснейшими площадными словами.

Алексей и Николка смотрели, как лязгал зубами согревающийся поручик, и время от времени вскрикивали: «Ну-ну».

— Гетман, а? Твою мать! — рычал Мышлаевский. — Кавалергард?[69] Во дворце?[70] А? А нас погнали в чем были[71]. А? Сутки на морозе в снегу... Господи! Ведь думал — пропадем все... К матери! На сто саженей[72] офицер от офицера — это цепь называется? Как кур чуть не зарезали!

— Постой, — ошалевая от брани, спрашивал Турбин, — ты скажи, кто там под Трактиром?

— Ат! — Мышлаевский махнул рукой. — Ничего не поймешь! Ты знаешь, сколько нас было под Трактиром? Со-рок человек. Приезжает эта лахудра — полковник Щеткин и говорит (тут Мышлаевский перекосил лицо, стараясь изобразить ненавистного ему полковника Щеткина, и заговорил противным, тонким и сюсюкающим голосом): «Господа офицеры, вся надежда Города на вас. Оправдайте доверие гибнущей матери городов русских, в случае появления неприятеля — переходите в наступление, с нами Бог! Через шесть часов дам смену. Но патроны прошу беречь...» (Мышлаевский заговорил своим обыкновенным голосом) — и смылся на машине со своим адъютантом. И темно, как в жопе! Мороз[73]. Иголками берет.

— Да кто же там, Господи? Ведь не может же Петлюра под Трактиром быть?

— А черт их знает! Веришь ли, к утру чуть с ума не сошли. Стали это мы в полночь, ждем смены... Ни рук, ни ног. Нету смены. Костров, понятное дело, разжечь не можем, деревня в двух верстах, Трактир — верста. Ночью чудится: поле шевелится. Кажется — ползут... Ну, думаю, что будем делать?.. Что? Вскинешь винтовку, думаешь — стрелять или не стрелять? Искушение. Стояли, как волки выли. Крикнешь — в цепи где-то отзовется. Наконец зарылся в снег, нарыл себе прикладом гроб[74], сел и стараюсь не заснуть: заснешь — каюк. И под утро не вытерпел, чувствую — начинаю дремать. Знаешь, что спасло? Пулеметы. На рассвете, слышу, верстах в трех по-ехало! И ведь, представь, вставать не хочется. Ну, а тут пушка забухала. Поднялся, словно на ногах по пуду, и думаю: «Поздравляю, Петлюра пожаловал». Стянули маленько цепь, перекликаемся. Решили так: в случае чего, собьемся в кучу, отстреливаться будем и отходить на город. Перебьют — перебьют. Хоть вместе, по крайней мере. И, вообрази, — стихло. Утром начали по три человека в Трактир бегать греться. Знаешь, когда смена пришла? Сегодня в два часа дня. Из первой дружины человек двести юнкеров. И, можешь себе представить, прекрасно одеты — в папахах, в валенках и с пулеметной командой. Привел их полковник Най-Турс[75].

— А! Наш, наш! — вскричал Николка.

— Погоди-ка, он не белградский гусар?[76] — спросил Турбин.

— Да, да, гусар... Понимаешь, глянули они на нас и ужаснулись: «Мы думали, что вас тут, говорят, роты две с пулеметами, как же вы стояли?»

Оказывается, вот эти-то пулеметы, это на Серебрянку[77] под утро навалилась банда, человек в тысячу, и повела наступление. Счастье, что они не знали, что там цепь вроде нашей, а то, можешь себе представить, вся эта орава в город могла сделать визит. Счастье, что у тех была связишка с Постом-Волынским[78], — дали знать, и оттуда их какая-то батарея обкатила шрапнелью[79], ну, пыл у них и угас, понимаешь, не довели наступление до конца и расточились[80] куда-то к чертям.

— Но кто такие? Неужели же Петлюра? Не может этого быть.

— А, черт их душу знает. Я думаю, что это местные мужички-богоносцы достоевские![81] у-у... вашу мать!

— Господи, Боже мой!

— Да-с, — хрипел Мышлаевский, насасывая папиросу, — сменились мы, слава те, Господи. Считаем: тридцать восемь человек. Поздравьте: двое замерзли. К свиньям. А двух подобрали, ноги будут резать...

— Как! Насмерть?

— А что ж ты думал? Один юнкер да один офицер. А в Попелюхе[82], это

под Трактиром, еще красивее вышло. Поперли мы туда с подпоручиком[83] Красиным сани взять, везти помороженных. Деревушка словно вымерла – ни одной души. Смотрим, наконец, ползет какой-то дед в тулупе, с клюкой. Вообрази – глянул на нас и обрадовался. Я уж тут сразу почувствовал недоброе. Что такое, думаю? Чего этот богоносный хрен возликовал: «Хлопчики... хлопчики...» Говорю ему таким сдобным голоском: «Здорово, дид*. Давай скорее сани». А он отвечает: «Нема. Офицерня уси** сани угнала на Пост». Я тут мигнул Красину и спрашиваю: «Офицерня? Тэк-с. А дэж вси ваши хлопци?***» А дед и ляпни: «Уси побиглы до Петлюры[4*]». А? Как тебе нравится? Он-то сослепу не разглядел, что у нас погоны под башлыками, и за петлюровцев нас принял. Ну, тут, понимаешь, я не вытерпел... Мороз... Остервенился... Взял деда этого за манишку[84], так что из него чуть душа не выскочила, и кричу: «Побиглы до Петлюры? А вот я тебя сейчас пристрелю, так ты узнаешь, как до Петлюры бегают! Ты у меня сбегаешь в царство небесное, стерва!» Ну, тут, понятное дело, святой землепашец, сеятель и хранитель[85] (Мышлаевский, словно обвал камней, спустил страшное ругательство), прозрел в два счета. Конечно, в ноги и орет: «Ой, ваше высокоблагородие[86], извините меня, старика, це[5*] я сдуру, сослепу, дам коней, зараз[6*] дам, тильки не вбивайте![7*]» И лошади нашлись, и розвальни[87].

– Нуте-с, в сумерки пришли на Пост. Что там делается – уму непостижимо. На путях четыре батареи насчитал, стоят неразвернутые, снарядов, оказывается, нет. Штабов нет числа. Никто ни черта, понятное дело, не знает. И главное – мертвых некуда деть! Нашли наконец перевязочную летучку[88], веришь ли, силой свалили мертвых, не хотели брать: «Вы их в город везите». Тут уж мы озверели. Красин хотел пристрелить какого-то штабного. Тот сказал: «Это, – говорит, – петлюровские приемы». Смылся. К вечеру только нашел наконец вагон Щеткина. Первого класса, электричество... И что ж ты думаешь? Стоит какой-то холуй денщицкого типа и не пускает. А? «Они, – говорит, – сплять. Никого не велено принимать». Ну, как я двину прикладом в стену, а за мной все наши подняли грохот. Из всех купе горошком выскочили. Вылез Щеткин и заегозил: «Ах, Боже

* Дед (*укр.*, *искаж.*).

** Все (*укр.*, *искаж.*).

*** А где же все ваши парни? (*укр.*, *искаж.*)

4* Все сбежали к Петлюре (*укр.*, *искаж.*)

5* Это (*укр.*, *искаж.*).

6* Мигом (*укр.*).

7* ...только не убивайте! (*укр.*, *искаж.*)

мой. Ну конечно же. Сейчас. Эй, вестовые, щей, коньяку. Сейчас мы вас разместим. П-полный отдых. Это геройство. Ах, какая потеря, но что делать – жертвы. Я так измучился...» И коньяком от него на версту. А-а-а! – Мышлаевский внезапно зевнул и клюнул носом. Забормотал, как во сне:

– Дали отряду теплушку[89] и печку... О-о! А мне свезло. Очевидно, решил отделаться от меня после этого грохота. «Командирую вас, поручик, в город. В штаб генерала Картузова[90]. Доложите там». Э-э-э! Я на паровоз... окоченел... замок Тамары[91]... водка...

Мышлаевский выронил папиросу изо рта, откинулся и захрапел сразу.

– Вот так здорово, – сказал растерянный Николка.

– Где Елена? – озабоченно спросил старший. – Нужно будет ему простыню дать, ты веди его мыться.

Елена же в это время плакала в комнате за кухней, где за ситцевой занавеской, в колонке, у цинковой ванны, металось пламя сухой наколотой березы. Хриплые кухонные часишки настучали одиннадцать. И представился убитый Тальберг. Конечно, на поезд с деньгами напали, конвой перебили, и на снегу кровь и мозг. Елена сидела в полумгле, смятый венец волос пронизало пламя, по щекам текли слезы. Убит. Убит...

И вот тоненький звоночек затрепетал, наполнил всю квартиру. Елена бурей через кухню, через темную книжную, в столовую. Огни ярче. Черные часы забили, затикали, пошли ходуном.

Но Николка со старшим угасли очень быстро после первого взрыва радости. Да и радость-то была больше за Елену. Скверно действовали на братьев клиновидные, гетманского военного министерства погоны[92] на плечах Тальберга. Впрочем, и до погон еще, чуть ли не с самого дня свадьбы Елены, образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно[93]. Сух сосуд. Пожалуй, главная причина этому в двухслойных глазах капитана генерального штаба Тальберга, Сергея Ивановича...[94]

Эх, эх... Как бы там ни было, сейчас первый слой можно было читать ясно. В верхнем слое простая человеческая радость от тепла, света и безопасности. А вот поглубже ясная тревога, и привез ее Тальберг с собою только что. Самое же глубокое было, конечно, скрыто, как всегда. Во всяком случае, на фигуре Сергея Ивановича ничего не отразилось. Пояс широк и тверд. Оба значка – академии и университета[95] – белыми головками сияют ровно. Поджарая фигура поворачивается под черными часами, как автомат. Тальберг очень озяб, но улыбается всем благосклонно. И в благосклонности тоже оказалась тревога. Николка, шмыгнув длинным носом, первый

заметил это. Тальберг, вытягивая слова, медленно и веско рассказал, как на поезд, который вез деньги в провинцию и который он конвоировал, у Бородянки, в сорока верстах от города, напали — неизвестно кто! Елена в ужасе жмурилась, жалась к значкам, братья опять вскрикивали «ну-ну», а Мышлаевский мертво храпел, показывая три золотых коронки.

— Кто ж такие? Петлюра?

— Ну, если бы Петлюра, — снисходительно и в то же время тревожно улыбнувшись, молвил Тальберг, — вряд ли я бы здесь беседовал, э... с вами. Не знаю кто. Возможно, разложившиеся сердюки[96]. Ворвались в вагоны, винтовками взмахивают, кричат: «Чей конвой?» Я ответил: «Сердюки», — они потоптались, потоптались, потом слышу команду: «Слазь, хлопцы». И все исчезли. Я полагаю, что они искали офицеров, вероятно, они думали, что конвой не украинский, а офицерский, — Тальберг выразительно покосился на Николкин шеврон, глянул на часы и неожиданно добавил: — Елена, пойдем-ка на пару слов...

Елена торопливо ушла вслед за ним на половину Тальбергов в спальню, где на стене над кроватью сидел сокол на белой рукавице, где мягко горела зеленая лампа на письменном столе Елены и стояли на тумбе красного дерева бронзовые пастушки[97] на фронтоне часов, играющих каждые три часа гавот.

Неимоверных усилий стоило Николке разбудить Мышлаевского. Тот по дороге шатался, два раза с грохотом зацепился за двери и в ванне заснул. Николка дежурил возле него, чтобы он не утонул. Турбин же старший, сам не зная зачем, прошел в темную гостиную, прижался к окну и слушал: опять далеко, глухо, как в вату, и безобидно бухали пушки, редко и далеко.

Елена рыжеватая сразу постарела и подурнела. Глаза красные. Свесив руки, печально она слушала Тальберга. А он сухой штабной колонной возвышался над ней и говорил неумолимо:

— Елена, никак иначе поступить нельзя.

Тогда Елена, помирившись с неизбежным, сказала так:

— Что ж, я понимаю. Ты, конечно, прав. Через дней пять-шесть, а? Может, положение еще изменится к лучшему?

Тут Тальбергу пришлось трудно. И даже свою вечную патентованную улыбку он убрал с лица. Оно постарело, и в каждой точке была совершенно решенная дума. Елена... Елена. Ах, неверная, зыбкая надежда... Дней пять... шесть...

И Тальберг сказал:

— Нужно ехать сию минуту. Поезд идет в час ночи...

...Через полчаса всё в комнате с соколом было разорено. Чемодан на полу и внутренняя матросская крышка[98] его дыбом. Елена, похудевшая и строгая, со складками у губ, молча вкладывала в чемодан сорочки, кальсоны, простыни. Тальберг, на коленях у нижнего ящика шкапа, ковырял в нем ключом. А потом... потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысьей побежкой[99] на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, – ждите, пока к вам придут.

Тальберг же бежал[100]. Он возвышался, попирая обрывки бумаги, у застегнутого тяжелого чемодана в своей длинной шинели, в аккуратных черных наушниках, с гетманской серо-голубой кокардой и опоясан шашкой.

На дальнем пути Города-I Пассажирского[101] уже стоит поезд[102] еще без паровоза, как гусеница без головы. В составе девять вагонов с ослепительно белым электрическим светом. В составе в 1 час ночи уходит в Германию штаб генерала фон Буссова[103]. Тальберга берут: у Тальберга нашлись связи... Гетманское министерство – это глупая и пошлая оперетка[104] (Тальберг любил выражаться тривиально, но сильно), как, впрочем, и сам гетман. Тем более пошлая, что...

– Пойми (шепот), немцы оставляют гетмана на произвол судьбы, и очень, очень может быть, что Петлюра войдет. В сущности, у Петлюры есть здоровые корни[105]. В этом движении на стороне Петлюры мужицкая масса, а это, знаешь ли...

О, Елена знала! Елена отлично знала. В марте 1917 года Тальберг был первый – поймите, первый, – кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве[106]. Это было в самых первых числах, когда все еще офицеры в Городе при известиях из Петербурга[107] становились кирпичными и уходили куда-то в темные коридоры, чтобы ничего не слышать. Тальберг, как член революционного военного комитета[108], а не кто иной арестовал знаменитого генерала Петрова[109]. Когда же к концу знаменитого года в Городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский[110], Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка. И он оказался до известной степени прав: вышла действительно опе-

ретка, но не простая, а с большим кровопролитием. Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве[111]. Тальберг сказал, что те в шароварах — авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские.

Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы[112], и на головах у них были рыжие металлические тазы[113], предохранявшие их от шрапнельных пуль, а гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что при взгляде на них Тальберг сразу понял, где корни[114]. После нескольких тяжелых ударов германских пушек под Городом московские смылись куда-то за сизые леса есть дохлятину, а люди в шароварах притащились обратно, вслед за немцами[115]. Это был большой сюрприз. Тальберг растерянно улыбался, но ничего не боялся, потому что шаровары при немцах были очень тихие, никого убивать не смели[116] и даже сами ходили по улицам как бы с некоторой опаской, и вид у них был такой, словно у неуверенных гостей. Тальберг сказал, что у них нет корней, и месяца два нигде не служил. Николка Турбин однажды улыбнулся, войдя в комнату Тальберга. Тот сидел и писал на большом листе бумаги какие-то грамматические упражнения, а перед ним лежала тоненькая, отпечатанная на дешевой серой бумаге книжонка:

«Игнатий Перпилло — “Украинская грамматика”»[117].

В апреле 18-го, на Пасхе[118], в цирке весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом. Тальберг стоял на арене веселой, боевой колонной и вел счет рук — шароварам крышка, будет Украина, но Украина «гетьманская», — выбирали «гетьмана всея Украины»[119].

— Мы отгорожены от кровавой московской оперетки, — говорил Тальберг и блестел в странной гетманской форме[120] дома, на фоне милых, старых обоев. Давились презрительно часы: тонк-танк, и вылилась вода из сосуда. Николке и Алексею не о чем было говорить с Тальбергом. Да и говорить было бы очень трудно, потому что Тальберг очень сердился при каждом разговоре о политике и в особенности в тех случаях, когда Николка совершенно бестактно начинал: «А как же ты, Сережа, говорил, в марте...» У Тальберга тотчас показывались верхние редко расставленные, но крупные и белые зубы, в глазах появлялись желтенькие искорки, и Тальберг начинал волноваться. Таким образом, разговоры вышли из моды сами собой.

Да, оперетка... Елена знала, что значит это слово на припухших прибалтийских[121] устах. Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шаро-

варам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу. У каждого человека есть своя звезда, и недаром в Средние века придворные астрологи составляли гороскопы, предсказывали будущее. О, как мудры были они! Так вот, у Тальберга, Сергея Ивановича, была неподходящая, неудачливая звезда. Тальбергу было бы хорошо, если бы всё шло прямо, по одной определенной линии, но события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги, и тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет. Он не угадал[122]. Далеко еще, верст сто пятьдесят, а может быть, и двести от Города, на путях, освещенных белым светом, – салон-вагон[123]. В вагоне, как зерно в стручке, болтался бритый человек[124], диктуя своим писарям и адъютантам на странном языке, в котором с большим трудом разбирался даже сам Перпилло. Горе Тальбергу, если этот человек придет в Город, а он может прийти! Горе. Номер газеты «Вести»[125] всем известен, имя капитана Тальберга, выбиравшего гетмана, также. В газете статья, принадлежащая перу Сергея Ивановича, а в статье слова:

> «Петлюра – авантюрист, грозящий своею опереткой гибелью краю...»

– Тебя, Елена, ты сама понимаешь, я взять не могу на скитанья и неизвестность. Не правда ли?

Ни звука не ответила Елена, потому что была горда.

– Я думаю, что мне беспрепятственно удастся пробраться через Румынию в Крым и на Дон[126]. Фон Буссов обещал мне содействие. Меня ценят. Немецкая оккупация превратилась в оперетку. Немцы уже уходят. (Шепот.) Петлюра, по моим расчетам, тоже скоро рухнет. Настоящая сила идет с Дона. И ты знаешь, мне ведь даже нельзя не быть там, когда формируется армия права и порядка. Не быть – значит погубить карьеру, ведь ты знаешь, что Деникин был начальником моей дивизии[127]. Я уверен, что не пройдет и трех месяцев, ну самое позднее – в мае, мы придем в Город. Ты ничего не бойся. Тебя ни в коем случае не тронут, ну а в крайности, у тебя же есть паспорт на девичью фамилию. Я попрошу Алексея, чтобы тебя не дали в обиду.

Елена очнулась.

– Постой, – сказала она, – ведь нужно братьев сейчас предупредить о том, что немцы нас предают?

Тальберг густо покраснел.

– Конечно, конечно, я обязательно... Впрочем, ты им сама скажи. Хотя ведь это дело меняет мало.

Странное чувство мелькнуло у Елены, но предаваться размышлению было некогда: Тальберг уже целовал жену, и было мгновение, когда его двухэтажные глаза пронизало только одно — нежность. Елена не выдержала и всплакнула, но тихо, тихо — женщина она была сильная, недаром дочь Анны Владимировны. Потом произошло прощание с братьями в гостиной. В бронзовой лампе вспыхнул розовый свет и залил весь угол. Пианино показало уютные белые зубы и партитуру «Фауста» там, где черные нотные закорючки идут густым черным строем и разноцветный рыжебородый Валентин поет:

Я за сестру тебя молю,
Сжалься, о, сжалься ты над ней!
Ты охрани ее[128].

Даже Тальбергу, которому не были свойственны никакие сентиментальные чувства, запомнились в этот миг и черные аккорды, и истрепанные страницы вечного «Фауста». Эх, эх... Не придется больше услышать Тальбергу каватины про Бога всесильного[129], не услышать, как Елена играет Шервинскому аккомпанемент! Всё же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, опять зазвучат клавиши и выйдет к рампе разноцветный Валентин, в ложах будет пахнуть духами, и дома будут играть аккомпанемент женщины, окрашенные светом, потому что Фауст, как Саардамский Плотник, — совершенно бессмертен[130].

Тальберг всё рассказал тут же у пианино. Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать бровей. Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка[131]. Голос Тальберга дрогнул.

— Вы же Елену берегите. — Глаза Тальберга в первом слое посмотрели просительно и тревожно. Он помялся, растерянно глянул на карманные часы и беспокойно сказал: — Пора.

Елена притянула к себе за шею мужа, перекрестила его торопливо и криво и поцеловала. Тальберг уколол обоих братьев щетками черных подстриженных усов. Тальберг, заглянув в бумажник, беспокойно проверил пачку документов, пересчитал в тощем отделении украинские бумажки и немецкие марки и, улыбаясь, напряженно улыбаясь и оборачиваясь, пошел. Дзинь... дзинь... в передней свет сверху, потом на лестнице громыханье чемодана. Елена свесилась с перил и в последний раз увидала острый хохол башлыка.

В час ночи с пятого пути из тьмы, забитой кладбищами порожних товарных вагонов, с места взяв большую грохочущую скорость, пыша крас-

ным жаром поддувала[132], ушел серый, как жаба, бронепоезд и дико завыл. Он пробежал восемь верст в семь минут, попал на Пост-Волынский, в гвалт, стук, грохот и фонари, не задерживаясь, по прыгающим стрелкам свернул с главной линии вбок и, возбуждая в душах обмерзших юнкеров и офицеров, скорчившихся в теплушках и в цепях у самого Поста, смутную надежду и гордость, смело, никого решительно не боясь, ушел к германской границе. Следом за ним, через десять минут, прошел через Пост сияющий десятками окон пассажирский, с громадным паровозом. Тумбовидные, массивные, запакованные до глаз часовые-немцы мелькнули на площадках, мелькнули их широкие черные штыки. Стрелочники, давясь морозом, видели, как мотало на стыках длинные пульманы[133], окна бросали в стрелочников снопы. Затем всё исчезло, и души юнкеров наполнились завистью, злобой и тревогой.

— У... с-с-волочь!.. — провыло где-то у стрелки, и на теплушки налетела жгучая вьюга. Заносило в эту ночь Пост.

А в третьем от паровоза вагоне, в купе, крытом полосатыми чехлами, вежливо и заискивающе улыбаясь, сидел Тальберг против германского лейтенанта и говорил по-немецки.

— O, ja*, — тянул время от времени толстый лейтенант и пожевывал сигару.

Когда лейтенант заснул, двери во всех купе закрылись и в теплом и ослепительном вагоне настало монотонное дорожное бормотанье, Тальберг вышел в коридор, откинул бледную штору с прозрачными буквами «Ю.-З. ж.д.»[134] и долго глядел в мрак. Там беспорядочно прыгали искры, прыгал снег, а впереди паровоз нес и завывал так грозно, так неприятно, что даже Тальберг расстроился.

---

* О, да (*нем.*).

3

В этот ночной час в нижней квартире домохозяина, инженера Василия Ивановича Лисовича, была полная тишина, и только мышь в маленькой столовой нарушала ее по временам. Мышь грызла и грызла, назойливо и деловито, в буфете старую корку сыра, проклиная скупость супруги инженера, Ванды Михайловны[1]. Проклинаемая костлявая и ревнивая Ванда глубоко спала во тьме спаленки прохладной и сырой квартиры[2]. Сам же инженер бодрствовал и находился в своем тесно заставленном, занавешенном, набитом книгами и, вследствие этого, чрезвычайно уютном кабинетике. Стоячая лампа, изображающая египетскую царевну, прикрытую зеленым зонтиком с цветами, красила всю комнату нежно и таинственно, и сам инженер был таинственен в глубоком кожаном кресле. Тайна и двойственность зыбкого времени выражалась прежде всего в том, что был человек в кресле вовсе не Василий Иванович Лисович, а Василиса... То есть сам-то он называл себя – Лисович, многие люди, с которыми он сталкивался, называли его Василием Ивановичем, но исключительно в упор. За глаза же, в третьем лице, никто не называл инженера иначе как Василиса. Случилось это потому, что домовладелец с января 1918 года, когда в городе начались уже совершенно явственно чудеса, сменил свой четкий почерк и вместо определенного «В. Лисович», из страха перед какой-то будущей ответственностью, начал в анкетах, справках, удостоверениях, ордерах и карточках писать «Вас. Лис.»[3].

Николка, получив из рук Василия Ивановича сахарную карточку[4] 18-го января 18-го года, вместо сахара получил страшный удар камнем в спину на Крещатике и два дня плевал кровью. (Снаряд лопнул как раз над сахарной очередью[5], состоящей из бесстрашных людей.) Придя домой, держась за стенки и зеленея, Николка, все-таки улыбаясь, чтобы не испугать Елену, наплевал полный таз кровяных пятен и на вопль Елены:

— Господи! Что же это такое?! —
ответил:

— Это Василисин сахар, черт бы его взял, — и после этого стал белым и рухнул на бок. Николка встал через два дня, а Василия Ивановича Лисовича больше не было. Вначале двор номера 13-го, а за двором весь город начал называть инженера Василисой, и лишь сам владелец женского имени рекомендовался: председатель домового комитета[6] Лисович.

Убедившись, что улица окончательно затихла, не слышалось уже редкого скрипа полозьев, прислушавшись внимательно к свисту из спальни жены, Василиса отправился в переднюю, внимательно потрогал запоры, болт, цепочку и крюк и вернулся в кабинетик. Из ящика своего массивного стола он выложил четыре блестящих английских булавки[7]. Затем на цыпочках сходил куда-то во тьму и вернулся с простыней и пледом. Еще раз прислушался и даже приложил палец к губам. Снял пиджак, засучил рукава, достал с полки клей в банке, аккуратно скатанный в трубку кусок обоев и ножницы. Потом прильнул к окну и под щитком ладони всмотрелся в улицу. Левое окно завесил простыней до половины, а правое пледом при помощи английских булавок. Заботливо оправил, чтобы не было щелей. Взял стул, влез на него и руками нашарил что-то над верхним рядом книг на полке, провел ножичком вертикально вниз по обоям, а затем под прямым углом вбок, подсунул ножичек под разрез и вскрыл аккуратный, маленький, в два кирпича, тайничок, самим же им изготовленный в течение предыдущей ночи. Дверцу — тонкую цинковую пластинку — отвел в сторону, слез, пугливо поглядел на окна, потрогал простыню. Из глубины нижнего ящика, открытого двойным звенящим поворотом ключа, выглянул на свет Божий аккуратно перевязанный крестом и запечатанный пакет в газетной бумаге. Его Василиса похоронил в тайнике и закрыл дверцу. Долго на красном сукне стола кроил и вырезал полоски, пока не подобрал их как нужно. Смазанные клейстером[8], они легли на разрез так аккуратно, что прелесть: полбукетика к полбукетику[9], квадратик к квадратику. Когда инженер слез со стула, он убедился, что на стене нет никаких признаков тайника. Василиса вдохновенно потер ладони, тут же скомкал и сжег в печурке остатки обоев, пепел размешал и спрятал клей.

На черной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчаса сидела, страдая на морозе, но жадно наблюдая через предательскую щель над верхним краем простыни работу инженера, навлекшего беду именно простыней на зелено окрашенном окне. Пружинно прыгнув в сугроб, фигура ушла вверх по улице, а далее

провалилась волчьей походкой в переулках[10], и метель, темнота, сугробы съели ее и замели все ее следы.

Ночь. Василиса в кресле. В зеленой тени он чистый Тарас Бульба. Усы вниз, пушистые[11] – какая, к черту, Василиса! – это мужчина[12]. В ящиках прозвучало нежно, и перед Василисой, на красном сукне, пачка продолговатых бумажек – зеленый игральный крап:[13]

Знак Державної скарбниці
50 карбованців[14]
ходит нарівні з кредитовыми білетами[15]*.

На крапе – селянин с обвисшими усами, вооруженный лопатою, и селянка с серпом. На обороте, в овальной рамке, увеличенные, красноватые лица этого же селянина и селянки. И тут червяками усы вниз, по-украински. И надо всем предостерегающая надпись:

За фальшування карається тюрмою**.

Уверенная подпись:

Директор державної скарбниці Лебідь-Юрчик[16].

Конно-медный Александр II[17] в трепаном чугунном мыле бакенбард, в конном строю, раздраженно косился на художественное произведение Лебідя-Юрчика и ласково – на лампу-царевну. Со стены на бумажки глядел в ужасе чиновник со Станиславом[18] на шее – предок Василисы, писанный маслом. В зеленом свете мягко блестели корешки Гончарова[19] и Достоевского и мощным строем стоял золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон[20]. Уют.

Пятипроцентный прочно спрятан в тайнике под обоями. Там же 15 «катеринок», 9 «петров», 10 «николаев I-х»[21], три бриллиантовых кольца, брошь, Анна[22] и два Станислава.

В тайнике № 2 – 20 «катеринок», 10 «петров», 25 серебряных ложек, золотые часы с цепью, три портсигара («Дорогому сослуживцу», хоть Василиса и не курил), 50 золотых десяток, солонки, футляр с серебром на шесть

* Знак государственного казначейства 50 карбованцев ходит наравне с кредитными билетами (*укр.*).

** Подделка карается тюрьмой (*укр.*).

персон и серебряное ситечко (большой тайник в дровяном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены. Всё в ящиках эйнемовского печенья[23], в клеенке, просмоленные швы, два аршина[24] глубины).

Третий тайник — чердак: две четверти[25] от трубы на северо-восток под балкой в глине: щипцы сахарные, 183 золотых десятки, на 25 000 процентных бумаг[26].

Лебідь-Юрчик — на текущие расходы.

Василиса оглянулся, как всегда делал, когда считал деньги, и стал слюнить крап. Лицо его стало боговдохновенным[27]. Потом он неожиданно побледнел.

— Фальшування, фальшування, — злобно заворчал он, качая головой, — вот горе-то. А?

Голубые глаза Василисы убойно опечалились. В третьем десятке — раз. В четвертом десятке — две, в шестом — две, в девятом — подряд три бумажки несомненно таких, за которые Лебідь-Юрчик угрожает тюрьмой. Всего 113 бумажек, и, извольте видеть, на восьми явные признаки фальшування. И селянин какой-то мрачный, а должен быть веселый, и нет у снопа таинственных, верных — перевернутой запятой и двух точек[28], и бумага лучше, чем лебідевская. Василиса глядел на свет, и Лебідь явно фальшиво просвечивал с обратной стороны.

— Извозчику завтра вечером одну, — разговаривал сам с собой Василиса, — всё равно ехать, и, конечно, на базар[29].

Он бережно отложил в сторону фальшивые, предназначенные извозчику и на базар, а пачку спрятал за звенящий замок. Вздрогнул. Над головой пробежали шаги по потолку, и мертвую тишину вскрыли смех и смутные голоса. Василиса сказал Александру II:

— Извольте видеть: никогда покою нет...

Вверху стихло. Василиса зевнул, погладил мочальные усы, снял с окон плед и простыню, зажег в гостиной, где тускло блестел граммофонный рупор, маленькую лампу. Через десять минут полная тьма была в квартире. Василиса спал рядом с женой в сырой спальне. Пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой. И вот, во сне, приехал Лебідь-Юрчик верхом на коне и какие-то Тушинские Воры[30] с отмычками вскрыли тайник. Червонный валет[31] влез на стул, плюнул Василисе в усы и выстрелил в упор. В холодном поту, с воплем вскочил Василиса и первое, что услыхал, — мышь с семейством, трудящуюся в столовой над кульком с сухарями, а затем уже необычайной нежности гитарный звон через потолок и ковры, смех...

За потолком пропел необыкновенной мощности и страсти голос, и гитара пошла маршем.

— Единственное средство — отказать от квартиры, — забарахтался в простынях Василиса, — это же немыслимо. Ни днем, ни ночью нет покоя.

Идут и поют
Юнкера гвардейской школы!

— Хотя, впрочем, на случай чего... Оно верно, время-то теперь ужасное. Кого еще пустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего — защита-то и есть... Брысь! — крикнул Василиса на яростную мышь.

Гитара... гитара... гитара...

* * *

Четыре огня в столовой люстре. Знамена синего дыма. Кремовые шторы наглухо закрыли застекленную веранду. Часов не слышно. На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские узкие бутылки белых вин[32]. Лафитные стаканы[33], яблоки в сверкающих изломах ваз, ломтики лимона, крошки, крошки, чай...

На кресле скомканный лист юмористической газеты «Чертова кукла»[34]. Качается туман в головах, то в сторону несет на золотой остров беспричинной радости, то бросает в мутный вал тревоги. Глядят в тумане развязные слова:

«Голым профилем на ежа не сядешь!»[35]

— Вот веселая сволочь... А пушки-то стихли. А-стра-умие, черт меня возьми!

Водка, водка и туман. Ар-ра-та-там! Гитара.

«Арбуз не стоит печь на мыле,
Американцы победили».

Мышлаевский где-то, за завесой дыма, рассмеялся. Он пьян.

«Игривы Брейтмана остроты,
И где же сенегальцев роты?»

— Где же? В самом деле? Где же? — добивался мутный Мышлаевский.

«Рожают овцы под брезентом,
Родзянко будет президентом»[36].

— Но талантливы, мерзавцы, ничего не поделаешь!

Елена, которой не дали опомниться после отъезда Тальберга... от белого вина не пропадает боль совсем, а только тупеет, Елена на председательском месте, на узком конце стола, в кресле. На противоположном — Мышлаевский, мохнат, бел, в халате, и лицо в пятнах от водки и бешеной усталости. Глаза его в красных кольцах — стужа, пережитый страх, водка, злоба. По длинным граням стола с одной стороны Алексей и Николка, а с другой — Леонид Юрьевич Шервинский, бывшего лейб-гвардии уланского полка поручик, а ныне адъютант в штабе князя Белорукова[37], и рядом с ним подпоручик Степанов, Федор Николаевич, артиллерист, он же по александровской гимназической кличке — Карась[38].

Маленький, укладистый и действительно чрезвычайно похожий на карася, Карась столкнулся с Шервинским у самого подъезда Турбиных, минут через двадцать после отъезда Тальберга. Оба оказались с бутылками. У Шервинского сверток — четыре бутылки белого вина, у Карася — две бутылки водки. Шервинский, кроме того, был нагружен громаднейшим букетом, наглухо запакованным в три слоя бумаги, — само собой понятно, розы Елене Васильевне. Карась тут же у подъезда сообщил новость: на погонах у него золотые пушки[39] — терпенья больше нет, всем нужно идти драться, потому что из занятий в университете всё равно ни пса не выходит, а если Петлюра приползет в город — тем более не выйдет. Всем нужно идти, а артиллеристам непременно в мортирный дивизион[40]. Командир — полковник Малышев, дивизион — замечательный, так и называется — студенческий[41]. Карась в отчаянии, что Мышлаевский ушел в эту дурацкую дружину. Глупо. Сгеройствовал, поспешил. И где он теперь, черт его знает. Может быть, даже и убили под городом...

Ан Мышлаевский оказался здесь, наверху! Золотая Елена[42] в полумраке спальни перед овальной рамой в серебряных листьях наскоро припудрила лицо и вышла принимать розы. Ур-ра! Все здесь. Карасевы золотые пушки на смятых погонах были форменным ничтожеством рядом с бледными кавалерийскими погонами[43] и синими вытюженными бриджами Шервинского. В наглых глазах маленького Шервинского мячиками запрыгала радость при известии об исчезновении Тальберга. Маленький улан сразу почувствовал, что он как никогда в голосе, и розоватая гостиная наполнилась действительно чудовищным ураганом звуков, пел Шервинский эпиталаму

богу Гименею[44], и как пел! Да, пожалуй, всё вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского[45]. Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда всё придет в норму, он бросает военную службу, несмотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи – о-го-го... и на сцену. Петь он будет в La Scala[46,*] и в Большом театре в Москве, когда большевиков повесят на фонарях на Театральной площади. В него влюбилась в Жмеринке[47] графиня Лендрикова[48], потому что когда он пел эпиталаму, то вместо fa[**] взял la[***] и держал его пять тактов[49]. Сказав – пять, Шервинский сам повесил немного голову и посмотрел кругом растерянно, как будто кто-то другой сообщил ему это, а не он сам.

– Тэк-с, пять. Ну ладно, идемте ужинать.

И вот знамена, дым...

– И где же сенегальцев роты? Отвечай, штабной, отвечай. Леночка, пей вино, золотая, пей. Всё будет благополучно. Он даже лучше сделал, что уехал. Проберется на Дон и приедет сюда с деникинской армией.

– Будут! – звякнул Шервинский. – Будут. Позвольте сообщить важную новость: сегодня я сам видел на Крещатике сербских квартирьеров[50], и послезавтра, самое позднее, через два дня, в Город придут два сербских полка.

– Слушай, это верно?

Шервинский стал бурым.

– Гм, даже странно. Раз я говорю, что сам видел, вопрос этот мне кажется неуместным.

– Два полка-а... чтó два полка...

– Хорошо-с, тогда не угодно ли выслушать. Сам князь[51] мне говорил сегодня, что в одесском порту уже разгружаются транспорты: пришли греки[52] и две дивизии сенегалов. Стоит нам продержаться неделю – и нам на немцев наплевать.

– Предатели!

– Ну, если это верно, вот Петлюру тогда поймать да повесить![53] Вот повесить!

– Своими руками застрелю.

– Еще по глоткý. Ваше здоровье, господа офицеры!

Раз – и окончательный туман! Туман, господа. Николка, выпивший три бокала, бегал к себе за платком и в передней (когда никто не видит, мож-

* Ла Скала (*ит.*).
** Фа (*ит.*).
*** Ля (*ит.*).

но быть самим собой) припал к вешалке. Кривая шашка[54] Шервинского со сверкающей золотом рукоятью[55]. Подарил персидский принц. Клинок дамасский[56]. И принц не дарил, и клинок не дамасский, но верно – красивая и дорогая. Мрачный маузер на ремнях в кобуре, Карасев Стейер[57] – вороненое[58] дуло. Николка припал к холодному дереву кобуры[59], трогал пальцами хищный маузеров нос и чуть не заплакал от волнения. Захотелось драться сейчас же, сию минуту, там за Постом, на снежных полях. Ведь стыдно! Неловко... Здесь водка и тепло, а там мрак, буран, вьюга, замерзают юнкера. Что же они думают там в штабах? Э, дружина еще не готова, студенты не обучены, а сингалезов всё нет и нет, вероятно, они, как сапоги, черные...[60] Но ведь они же здесь померзнут, к свиньям? Они ведь привыкли к жаркому климату?

– Я б вашего гетмана, – кричал старший Турбин, – за устройство этой миленькой Украины повесил бы первым! Хай живе вильна Украина вид Киева до Берлина![61,*] Полгода он издевался над русскими офицерами, издевался над всеми нами. Кто запретил формирование русской армии? Гетман. Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман. Кто развел всю эту мразь с хвостами на головах?[62] Гетман. А теперь, когда ухватило кота поперек живота[63], так начали формировать русскую армию?[64] В двух шагах враг, а они дружины, штабы? Смотрите, ой, смотрите!

– Панику сеешь, – сказал хладнокровно Карась.

Турбин обозлился.

– Я? Панику? Вы меня просто понять не хотите. Вовсе не панику, а я хочу вылить всё, что у меня накипело на душе. Панику? Не беспокойся. Завтра, я уже решил, я иду в этот самый дивизион, и, если ваш Малышев не возьмет меня врачом, я пойду простым рядовым[65]. Мне это осточертело! Не панику. – Кусок огурца застрял у него в горле, он бурно закашлялся и задохся, и Николка стал колотить его по спине.

– Правильно! – скрепил Карась, стукнув по столу. – К черту рядовым – устроим врачом.

– Завтра полезем все вместе, – бормотал пьяный Мышлаевский, – все вместе. Вся Александровская императорская гимназия[66]. Ура!

– Сволочь он, – с ненавистью продолжал Турбин, – ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке![67] А? Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицького[68], он, извольте ли видеть, разучился говорить

* Да здравствует свободная Украина от Киева до Берлина! (*укр.*, *искаж.*)

по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький...[69] Так вот, спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «кит». Спрашиваю: «А как “кит”?»[70] А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется.

Николка с треском захохотал и сказал:

— Слова «кит» у них не может быть, потому что на Украине не водятся киты, а в России всего много. В Белом море[71] киты есть...

— Мобилизация, — ядовито продолжал Турбин, — жалко, что вы не видели, что делалось вчера в участках. Все валютчики[72] знали о мобилизации за три дня до приказа. Здорово? И у каждого грыжа[73], у всех верхушка правого легкого[74], а у кого нет верхушки, просто пропал, словно сквозь землю провалился. Ну а это, братцы, признак грозный. Если уж в кофейнях шепчутся перед мобилизацией и ни один не идет — дело швах![75] О, каналья, каналья! Да ведь если бы с апреля месяца он, вместо того чтобы ломать эту гнусную комедию с украинизацией[76], начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву. Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию! Отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дорогою душой. Не только Петлюры бы духу не было в Малороссии[77], но мы бы Троцкого[78] прихлопнули бы в Москве, как муху. Самый момент; ведь там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын, Россию спас.

Турбин покрылся пятнами, и слова у него вылетали изо рта с тонкими брызгами слюны. Глаза горели.

— Ты... ты... тебе бы, знаешь, не врачом, а министром быть обороны, право, — заговорил Карась. Он иронически улыбался, но речь Турбина ему нравилась и зажигала его.

— Алексей на митинге незаменимый человек, оратор, — сказал Николка.

— Николка, я тебе два раза уже говорил, что ты никакой остряк, — ответил ему Турбин, — пей-ка лучше вино.

— Ты пойми, — заговорил Карась, — что немцы не позволили бы формировать армию, они боятся ее[79].

— Неправда! — тоненько выкликнул Турбин. — Нужно только иметь голову на плечах, и всегда можно было бы столковаться с германом. Нужно было бы немцам объяснить, что мы им не опасны. Кончено. Война нами проиграна. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем всё на свете. У нас — Троцкий. Вот что нужно было сказать немцам: вам нужен сахар, хлеб? — берите, лопайте, кормите солдат[80]. Подавитесь, но только помогите. Дайте формироваться, ведь это вам же лучше, мы вам

поможем удержать порядок на Украине, чтобы наши богоносцы не заболели московской болезнью[81]. И будь сейчас русская армия в Городе, мы бы железной стеной были отгорожены от Москвы. А Петлюру... к-х... — Турбин яростно закашлялся.

— Стой! — Шервинский встал. — Погоди. Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове[82] своей, — пусть!

— Пять процентов, а девяносто пять — русских!..[83]

— Верно. Но они сыграли бы роль, э... э... вечного бродила, как говорит князь. Вот и нужно было их утихомирить. Впоследствии же гетман сделал бы именно так, как ты говоришь: русская армия, и никаких гвоздей[84]. Не угодно ли? — Шервинский торжественно указал куда-то рукой. — На Владимирской улице[85] уже развеваются трехцветные флаги[86].

— Опоздали с флагами!

— Гм, да. Это верно. Несколько опоздали, но князь уверен, что ошибка поправима.

— Дай Бог, искренно желаю. — И Турбин перекрестился на икону Божией Матери в углу.

— План же был таков, — звучно и торжественно выговорил Шервинский, — когда война кончилась бы, немцы оправились бы и оказали бы помощь в борьбе с большевиками. Когда же Москва была бы занята, гетман торжественно положил бы Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича[87].

После этого сообщения в столовой наступило гробовое молчание. Николка горестно побелел.

— Император убит[88], — прошептал он.

— Какого Николая Александровича? — спросил ошеломленный Турбин, а Мышлаевский, качнувшись, искоса глянул в стакан к соседу. Ясно: крепился, крепился и вот напился, как зонтик.

Елена, положившая голову на ладони, в ужасе посмотрела на улана.

Но Шервинский не был особенно пьян, он поднял руку и сказал мощно:

— Не спешите, а слушайте. Н-но прошу господ офицеров (Николка покраснел и побледнел) молчать пока о том, что я сообщу. Ну-с, вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана?[89]

— Никакого понятия не имеем, — с интересом сообщил Карась.

— Ну-с, а мне известно.

— Тю! Ему всё известно, — удивился Мышлаевский. — Ты ж не езди...

— Господа! Дайте же ему сказать.

— После того, как император Вильгельм милостиво поговорил со свитой, он сказал: «Теперь я с вами прощаюсь, господа, а о дальнейшем с вами будет говорить...» Портьера раздвинулась, и в зал вошел наш государь. Он сказал: «Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте ваши части. Когда же настанет момент, я лично стану во главе армии и поведу ее в сердце России — в Москву», — и прослезился.

Шервинский светло обвел глазами всё общество, залпом глотнул стакан вина и зажмурился. Десять глаз уставились на него, и молчание царствовало до тех пор, пока он не сел и не закусил ветчиной.

— Слушай... это легенда, — болезненно сморщившись, сказал Турбин. — Я уже слышал эту историю[90].

— Убиты все, — сказал Мышлаевский, — и государь, и государыня, и наследник.

Шервинский покосился на печку, глубоко набрал воздуху и молвил:

— Напрасно вы не верите. Известие о смерти его императорского величества...

— Несколько преувеличено[91], — спьяна сострил Мышлаевский.

Елена возмущенно дрогнула и показалась из тумана.

— Витя, тебе стыдно. Ты офицер.

Мышлаевский нырнул в туман.

— ...вымышлено самими же большевиками. Государю удалось спастись при помощи его верного гувернера...[92] то есть, виноват, гувернера наследника, мосье Жильяра[93], и нескольких офицеров, которые вывезли его... э... в Азию. Оттуда они проехали в Сингапур[94] и морем в Европу. И вот государь ныне находится в гостях у императора Вильгельма.

— Да ведь Вильгельма же тоже выкинули?[95] — начал Карась.

— Они оба в гостях в Дании, с ними же и августейшая мать государя, Мария Федоровна[96]. Если ж вы мне не верите, то вот-с: сообщил мне это лично сам князь.

Николкина душа стонала, полная смятения. Ему хотелось верить.

— Если это так, — вдруг восторженно заговорил он и вскочил, вытирая пот со лба, — я предлагаю тост: здоровье его императорского величества! — Он блеснул стаканом, и золотые граненые стрелы пронзили германское белое вино. Шпоры загремели о стулья. Мышлаевский поднялся, качаясь и держась за стол. Елена встала. Золотой серп ее развился, и пряди обвисли на висках.

— Пусть! Пусть! Пусть даже убит, — надломленно и хрипло крикнула она. — Всё равно. Я пью. Я пью[97].

— Ему никогда, никогда не простится его отречение на станции Дно[98]. Никогда. Но всё равно, мы теперь научены горьким опытом и знаем, что спасти Россию может только монархия[99]. Поэтому, если император мертв, да здравствует император![100] — Турбин крикнул и поднял стакан.

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра-а!! — трижды в грохоте пронеслось по столовой.

Василиса вскочил внизу в холодном поту. Со сна он завопил истошным голосом и разбудил Ванду Михайловну.

— Боже мой... бо... бо... — бормотала Ванда, цепляясь за его сорочку.

— Что же это такое? Три часа ночи! — завопил, плача, Василиса, адресуясь к черному потолку. — Я жаловаться, наконец, буду!

Ванда захныкала. И вдруг оба окаменели. Сверху явственно, просачиваясь сквозь потолок, выплыла густая масляная волна и над ней главенствовал мощный, как колокол, звенящий баритон:[101]

...си-ильный, де-ржавный,
царрр-ствуй на славу...[102]

Сердце у Василисы остановилось и вспотели цыганским потом[103] даже ноги. Суконно шевеля языком, он забормотал:

— Нет... они, того, душевнобольные... Ведь они нас под такую беду могут подвести, что не расхлебаешь. Ведь гимн же запрещен! Боже ты мой, что же они делают? На улице-то, на улице слышно!!

Но Ванда уже свалилась, как камень, и опять заснула. Василиса же лег лишь тогда, когда последний аккорд расплылся наверху в смутном грохоте и вскрикиваньях.

— На Руси возможно только одно: вера православная, власть самодержавная! — покачиваясь, кричал Мышлаевский.

— Верно!

— Я... был на «Павле Первом»...[104] неделю тому назад... — заплетаясь, бормотал Мышлаевский, — и когда артист произнес эти слова, я не выдержал и крикнул: «Верр-но», — и что ж вы думаете, кругом зааплодировали. И только какая-то сволочь в ярусе[105] крикнула: «Идиот».

— Жи-ды, — мрачно крикнул опьяневший Карась.

Туман. Туман. Туман. Тонк-танк... тонк-танк... Уже водку пить немыслимо, уже вино пить немыслимо, идет в душу и обратно возвращается. В узком ущелье маленькой уборной, где лампа прыгала и плясала на потолке,

как заколдованная, всё мутилось и ходило ходуном. Бледного, замученного Мышлаевского тяжко рвало. Турбин, сам пьяный, страшный, с дергающейся щекой, со слипшимися на лбу волосами, поддерживал Мышлаевского.

— А-а...

Тот наконец со стоном откинулся от раковины, мучительно завел угасающие глаза и обвис на руках у Турбина, как вытряхнутый мешок.

— Ни-колка, — прозвучал в дыму и черных полосах чей-то голос, и только через несколько секунд Турбин понял, что этот голос его собственный. — Ни-кол-ка! — повторил он. Белая стенка уборной качнулась и превратилась в зеленую. «Боже-е, Боже-е, как тошно и противно. Не буду, клянусь, никогда мешать водку с вином». — Никол...

— А-а, — хрипел Мышлаевский, оседая к полу.

Черная щель расширилась, и в ней появилась Николкина голова и шеврон.

— Никол... помоги, бери его. Бери так, под руку.

— Ц... ц... ц... Эх, эх, — жалостливо качая головой, бормотал Николка и напрягался. Полумертвое тело моталось, ноги, шаркая, разъезжались в разные стороны, как на нитке, висела убитая голова. Тонк-танк. Часы ползли со стены и опять на нее садились. Букетами плясали цветики на чашках. Лицо Елены горело пятнами, и прядь волос танцевала над правой бровью.

— Так. Клади его.

— Хоть халат-то запахни ему. Ведь неудобно, я тут. Проклятые черти. Пить не умеете. Витька! Витька! Что с тобой? Вить...

— Брось. Не поможет, Николушка, слушай. В кабинете у меня... на полке склянка, написано Liquor ammonii[106,*], а угол оборван к чертям, видишь ли... нашатырным спиртом пахнет.

— Сейчас... сейчас... Эх, эх.

— И ты, доктор, хорош...

— Ну ладно, ладно.

— Что? Пульса нету?

— Нет, вздор, отойдет.

— Таз! Таз!

— Таз извольте.

— А-а-а...

— Эх, вы!

---

* Спиртовой раствор аммиака (*лат.*).

Резко бьет нашатырный отчаянный спирт. Карась и Елена раскрывали рот Мышлаевскому. Николка поддерживал его, и два раза Турбин лил ему в рот помутившуюся белую воду.

— А... хрр... у-ух... Тьф... фэ...

— Снегу, снегу...

— Господи, Боже мой. Ведь это нужно ж так...

Мокрая тряпка лежала на лбу, с нее стекали на простыни капли, под тряпкой виднелись закатившиеся под набрякшие веки воспаленные белки глаз, и синеватые тени лежали у обострившегося носа. С четверть часа, толкая друг друга локтями, суетясь, возились с побежденным офицером, пока он не открыл глаза и не прохрипел:

— Ах... пусти...

— Тэк-с, ну ладно, пусть здесь и спит.

Во всех комнатах загорелись огни, ходили, приготовляя постели.

— Леонид Юрьевич, вы тут ляжете, у Николки.

— Слушаюсь.

Шервинский, медно-красный, но бодрящийся, щелкнул шпорами и, поклонившись, показал пробор. Белые руки Елены замелькали над подушками на диване.

— Не затрудняйтесь... я сам.

— Отойдите вы. Чего подушку за ухо тянете? Ваша помощь не нужна.

— Позвольте ручку поцеловать...

— По какому поводу?

— В благодарность за хлопоты.

— Обойдется пока... Николка, ты у себя на кровати. Ну, как он?

— Ничего, отошел, проспится.

Белым застелили два ложа и в комнате, предшествующей Николкиной. За двумя тесно сдвинутыми шкапами, полными книг. Так и называлась комната в семье профессора — книжная[107].

***

И погасли огни[108], погасли в книжной, в Николкиной, в столовой. Сквозь узенькую щель между полотнищами портьеры в столовую вылезла темно-красная полоска из спальни Елены. Свет ее томил, поэтому на лампочку, стоящую на тумбе у кровати, надела она темно-красный театральный капор[109]. Когда-то в этом капоре Елена ездила в театр вечером, когда от рук и меха и губ пахло духами, а лицо было тонко и нежно напудрено и

из коробки капора глядела Елена, как Лиза глядит из «Пиковой дамы»[110]. Но капор обветшал, быстро и странно, в один последний год, и сборки ссеклись и потускнели, и потерлись ленты. Как Лиза «Пиковой дамы», рыжеватая Елена, свесив руки на колени, сидела на приготовленной кровати в капоте[111]. Ноги ее были босы, погружены в старенькую, вытертую медвежью шкуру. Недолговечный хмель ушел совсем, и вся черная, громадная печаль одевала Еленину голову, как капор. Из соседней комнаты, глухо, сквозь дверь, задвинутую шкапом, доносился тонкий свист Николки и жизненный, бодрый храп Шервинского. Из книжной молчание мертвенного Мышлаевского и Карася. Елена была одна и поэтому не сдерживала себя и беседовала то вполголоса, то молча, едва шевеля губами, с капором, налитым светом, и с черными двумя пятнами окон.

— Уехал...

Она пробормотала, сощурила сухие глаза и задумалась. Мысли ее были непонятны ей самой. Уехал, и в такую минуту. Но позвольте, он очень резонный человек и очень хорошо сделал, что уехал... Ведь это же к лучшему...

— Но в такую минуту... — бормотала Елена и глубоко вздохнула.

Что за такой человек? Как будто бы она его полюбила и даже привязалась к нему. И вот сейчас чрезвычайная тоска в одиночестве комнаты, у этих окон, которые сегодня кажутся гробовыми[112]. Но ни сейчас, ни всё время — полтора года, — что прожила с этим человеком[113], и не было в душе самого главного, без чего не может существовать ни в коем случае даже такой блестящий брак между красивой, рыжей, золотой Еленой и генерального штаба карьеристом, брак с капорами, с духами, со шпорами и облегченный, без детей[114]. Брак с генерально-штабным, осторожным прибалтийским человеком. И что это за человек? Чего же это такого нет главного, без чего пуста моя душа?

— Знаю я, знаю, — сама сказала себе Елена, — уважения нет. Знаешь, Сережа, нет у меня к тебе уважения, — она значительно сказала красному капору и подняла палец. И, сама ужаснувшись тому, что сказала, ужаснулась своему одиночеству и захотела, чтобы он тут был сию минуту. Без уважения, без этого главного, но чтобы был в эту трудную минуту здесь. Уехал. И братья поцеловались. Неужели же так нужно? Хотя позволь-ка, что ж я говорю? А что бы они сделали? Удерживать его? Да ни за что. Да пусть лучше в такую трудную минуту его и нет, и не надо, но только не удерживать. Да ни за что. Пусть едет. Поцеловаться-то они поцеловались, но ведь в глубине души они его ненавидят. Ей-богу. Так вот всё лжешь себе, лжешь, а как задумаешься, — всё ясно — ненавидят. Николка, тот еще добрее, а вот

старший... Хотя нет. Алеша тоже добрый, но как-то он больше ненавидит. Господи, что же это я думаю? Сережа, что это я о тебе думаю? А вдруг отрежут...[115] Он там останется, я здесь...

— Мой муж, — сказала она, вздохнувши, и начала расстегивать капотик. — Мой муж...

Капор с интересом слушал, и щеки его осветились жирным красным светом. Спрашивал:

— А что за человек твой муж?

***

— Мерзавец он. Больше ничего! — сам себе сказал Турбин, в одиночестве через комнату и переднюю от Елены. Мысли Елены передались ему и жгли его уже много минут. — Мерзавец, а я действительно тряпка. Если уж не выгнал его, то, по крайней мере, нужно было молча уйти. Поезжай к чертям. Не потому даже мерзавец, что бросил Елену в такую минуту, это, в конце концов, мелочь, вздор, а совсем по-другому. Но вот почему? А, черт, да понятен он мне совершенно. О, чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести! Всё, что ни говорит, говорит как бесструнная балалайка[116], и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно было быть в России...

Квартира молчала. Полоска, выпадавшая из спальни Елены, потухла. Она заснула, и мысли ее потухли, но Турбин еще долго мучился у себя в маленькой комнате, у маленького письменного стола. Водка и германское вино удружили ему плохо. Он сидел и воспаленными глазами глядел в страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же:

> «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя...»[117]

Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

— Голым профилем на ежа не сядешь!.. Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная[118], а русскому человеку честь — только лишнее бремя.

— Ах ты! — вскричал во сне Турбин. — Г-гадина, да я тебя... — Турбин во сне полез в ящик стола, доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал.

Часа два тек мутный, черный, без сновидений сон, а когда уже начало светать бледно и нежно за окнами комнаты, выходящей на застекленную веранду, Турбину стал сниться Город[119].

4

Как многоярусные соты, дымился и шумел и жил Город[1]. Прекрасный в морозе и тумане на горах[2], над Днепром. Целыми днями винтами шел из бесчисленных труб дым к небу. Улицы курились дымкой, и скрипел сбитый гигантский снег. И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома. Днем их окна были черны, а ночью горели рядами в темно-синей выси. Цепочками, сколько хватало глаз, как драгоценные камни, сияли электрические шары, высоко подвешенные на закорючках серых длинных столбов. Днем с приятным ровным гудением бегали трамваи с желтыми соломенными пухлыми сиденьями, по образцу заграничных[3]. Со ската на скат, покрикивая, ехали извозчики, и темные воротники — мех серебристый и черный — делали женские лица загадочными и красивыми.

Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира[4]. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами.

Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках царствовал вечный Царский сад[5]. Старые сгнившие черные балки парапета не преграждали пути прямо к обрывам на страшной высоте. Отвесные стены, заметенные вьюгою, падали на нижние далекие террасы, а те расходились всё дальше и шире, переходили в береговые рощи над шоссе, вьющимся по берегу великой реки[6], и темная, скованная лента уходила туда, в дымку, куда даже с городских высот не хватает человеческих глаз, где седые пороги, Запорожская Сечь[7], и Херсонес, и дальнее море[8].

Зимою, как ни в одном городе мира, упадал покой на улицах и переулках и верхнего Города, на горах, и Города нижнего, раскинувшегося в излучине

замерзшего Днепра, и весь машинный гул уходил внутрь каменных зданий, смягчался и ворчал довольно глухо. Вся энергия Города, накопленная за солнечное и грозовое лето, выливалась в свете. Свет с четырех часов дня начинал загораться в окнах домов, в круглых электрических шарах, в газовых фонарях, в фонарях домовых, с огненными номерами, и в стеклянных сплошных окнах электрических станций, наводящих на мысль о страшном и суетном электрическом будущем человечества, в их сплошных окнах, где были видны неустанно мотающие свои отчаянные колеса машины, до корня расшатывающие самое основание земли[9]. Играл светом и переливался, светился и танцевал и мерцал Город по ночам до самого утра, а утром угасал, одевался дымом и туманом.

Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира[10] на Владимирской горке[11], и был он виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводях и изгибах старика-реки[12], из ивняка лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням. Зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями московского берега[13], от которого были перекинуты два громадных моста. Один цепной, тяжкий, Николаевский[14], ведущий в слободку на том берегу[15], другой — высоченный, стреловидный[16], по которому прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув свою пеструю шапку[17], таинственная Москва.

* * *

И вот в зиму 1918 года Город жил странною, неестественной жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в XX столетии. За каменными стенами все квартиры были переполнены[18]. Свои давнишние исконные жители жались и продолжали сжиматься дальше, волею-неволею впуская новых пришельцев, устремлявшихся на Город. И те как раз и приезжали по этому стреловидному мосту оттуда, где загадочные сизые дымки[19].

Бежали седоватые банкиры со своими женами, бежали талантливые дельцы, оставившие доверенных помощников в Москве, которым было поручено не терять связи с тем новым миром, который нарождался в Московском царстве, домовладельцы, покинувшие дома верным тайным приказчикам, промышленники, купцы, адвокаты, общественные деятели. Бежали журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые. Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с накрашенными карминовыми

губами. Бежали секретари директоров департаментов, юные пассивные педерасты. Бежали князья и алтынники, поэты и ростовщики, жандармы и актрисы императорских театров. Вся эта масса, просачиваясь в щель, держала свой путь на Город[20].

Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами[21]. В квартирах спали на диванах и стульях. Обедали огромными обществами за столами в богатых квартирах. Открылись бесчисленные съестные лавки-паштетные, торговавшие до глубокой ночи, кафе[22], где подавали кофе и где можно было купить женщину, новые театры миниатюр[23], на подмостках которых кривлялись и смешили народ все наиболее известные актеры, слетевшиеся из двух столиц, открылся знаменитый театр «Лиловый негр»[24] и величественный, до белого утра гремящий тарелками, клуб «Прах» (поэты – режиссеры – артисты – художники)[25] на Николаевской улице[26]. Тотчас же вышли новые газеты, и лучшие перья в России начали писать в них фельетоны и в этих фельетонах поносить большевиков. Извозчики целыми днями таскали седоков из ресторана в ресторан, и по ночам в кабаре играла струнная музыка и в табачном дыму светились неземной красотой лица белых, истощенных, закокаиненных проституток.

Город разбухал, ширился, лез, как опара[27] из горшка. До самого рассвета шелестели игорные клубы и в них играли личности петербургские и личности городские, играли важные и гордые немецкие лейтенанты и майоры, которых русские боялись и уважали. Играли арапы[28] из клубов Москвы и украинско-русские, уже висящие на волоске помещики. В кафе «Максим»[29] соловьем свистал на скрипке обаятельный сдобный румын, и глаза у него были чудесные, печальные, томные, с синеватым белком, а волосы – бархатные. Лампы, увитые цыганскими шалями, бросали два света – вниз белый электрический, а вбок и вверх – оранжевый. Звездою голубого пыльного шелку разливался потолок, в голубых ложах сверкали крупные бриллианты и лоснились рыжеватые сибирские меха. И пахло жженым кофе, по́том, спиртом и французскими духами. Всё лето 18-го года по Николаевской шаркали дутые лихачи в наваченных кафтанах[30] и в ряд до света конусами горели машины. В окнах магазинов мохнатились цветочные леса, бревнами золотистого жиру висели балыки, орлами и печатями темно сверкали бутылки прекрасного шампанского вина «Абрау»[31].

И всё лето, и всё лето напирали и напирали новые. Появились хрящевато-белые с серенькой бритой щетинкой на лицах, с сияющими лаком штиблетами[32] и наглыми глазами тенора-солисты, члены Государственной думы[33] в пенсне, бляди со звонкими фамилиями, биллиардные игроки... во-

дили девок в магазины покупать краску для губ и дамские штаны из батиста с чудовищным разрезом. Покупали девкам лак.

Гнали письма в единственную отдушину, через смутную Польшу (ни один черт не знал, кстати говоря, что в ней творится и что это за такая новая страна – Польша[34]), в Германию, великую страну честных тевтонов[35], запрашивая визы, переводя деньги, чуя, что, может быть, придется ехать дальше и дальше, туда, куда ни в коем случае не достигнет страшный бой и грохот большевистских боевых полков. Мечтали о Франции, о Париже, тосковали при мысли, что попасть туда очень трудно, почти невозможно. Еще больше тосковали во время тех страшных и не совсем ясных мыслей, что вдруг приходили в бессонные ночи на чужих диванах.

– А вдруг? а вдруг? а вдруг? лопнет этот железный кордон...[36] И хлынут серые[37]. Ох, страшно...

Приходили такие мысли в тех случаях, когда далеко, далеко слышались мягкие удары пушек – под Городом стреляли почему-то всё лето[38], блистательное и жаркое, когда всюду и везде охраняли покой металлические немцы, а в самом Городе постоянно слышались глухонькие выстрелы на окраинах:

па-па-пах.

Кто в кого стрелял – никому не известно. Это по ночам. А днем успокаивались, видели, как временами по Крещатику, главной улице, или по Владимирской проходил полк германских гусар. Ах, и полк же был! Мохнатые шапки сидели над гордыми лицами, и чешуйчатые ремни сковывали каменные подбородки, рыжие усы торчали стрелами вверх. Лошади в эскадронах[39] шли одна к одной, рослые, рыжие четырехвершковые лошади[40], и серо-голубые френчи сидели на шестистах всадниках, как чугунные мундиры их грузных германских вождей на памятниках городка Берлина.

Увидав их, радовались и успокаивались и говорили далеким большевикам, злорадно скаля зубы из-за колючей пограничной проволоки:

– А ну, суньтесь!

Большевиков ненавидели. Но не ненавистью в упор, когда ненавидящий хочет идти драться и убивать, а ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты. Ненавидели по ночам, засыпая в смутной тревоге, днем в ресторанах, читая газеты, в которых описывалось, как большевики стреляют из маузеров в затылки офицерам и банкирам и как в Москве торгуют лавочники лошадиным мясом, зараженным сапом[41]. Ненавидели все – купцы, банкиры, промышленники, адвокаты, актеры, домовладельцы, кокотки, члены Государственного совета[42], инженеры, врачи и писатели...

* * *

Были офицеры. И они бежали и с севера, и с запада — бывшего фронта, и все направлялись в Город, их было очень много и становилось всё больше[43]. Рискуя жизнью, потому что им, большею частью безденежным и носившим на себе неизгладимую печать своей профессии, было труднее всего получить фальшивые документы и пробраться через границу. Они все-таки сумели пробраться и появиться в Городе с травлеными взорами, вшивые и небритые, беспогонные, и начинали в нем приспосабливаться, чтобы есть и жить. Были среди них исконные старые жители этого Города, вернувшиеся с войны в насиженные гнезда с той мыслью, как и Алексей Турбин, — отдыхать и отдыхать и устраивать заново не военную, а обыкновенную человеческую жизнь, и были сотни и сотни чужих, которым нельзя было уже оставаться ни в Петербурге, ни в Москве. Одни из них — кирасиры[44], кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной пене потревоженного Города. Гетманский конвой ходил в фантастических погонах[45], и за гетманскими столами усаживалось до двухсот масленых проборов[46] людей, сверкающих гнилыми желтыми зубами с золотыми пломбами. Кого не вместил конвой, вместили дорогие шубы с бобровыми воротниками и полутемные, резного дуба квартиры в лучшей части Города — Липках[47], рестораны и номера отелей...

Другие — армейские штабс-капитаны конченых и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков[48] и подпоручиков, бывших студентов, как Степанов-Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченые для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку.

Были юнкера. В Городе к началу революции оставалось четыре юнкерских училища — инженерное, артиллерийское и два пехотных[49]. Они кончились и развалились в грохоте солдатской стрельбы и выбросили на улицы искалеченных, только что кончивших гимназистов, только что начавших студентов, не детей и не взрослых, не военных и не штатских, а таких, как семнадцатилетний Николка Турбин...

— Всё это, конечно, очень мило, и над всем царствует гетман. Но, ей-богу, я до сих пор не знаю, да и знать не буду, по всей вероятности, до конца жизни, что собой представляет этот невиданный властитель с наименованием, свойственным более веку семнадцатому, нежели двадцатому[50].

— Да кто он такой, Алексей Васильевич?

— Кавалергард, генерал, сам крупный богатый помещик, и зовут его Павлом Петровичем...[51]

По какой-то странной насмешке судьбы и истории избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке. Будущим историкам это, вероятно, даст обильный материал для юмора. Гражданам же, в особенности уже оседлым в Городе и уже испытавшим первые взрывы междуусобной брани, было не только не до юмора, но и вообще не до каких-либо размышлений. Избрание состоялось с ошеломляющей быстротой — и слава Богу. Гетман воцарился — и прекрасно. Лишь бы только на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, и чтобы, ради самого Господа, не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил[52]. Ну что ж, всё это более или менее осуществилось при гетмане, пожалуй, даже в значительной степени. По крайней мере, прибегающие москвичи и петербуржцы и большинство горожан, хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они, подобно капитану Тальбергу, называли опереткой, невсамделишным царством, гетмана славословили искренно...[53] и... — «Дай Бог, чтобы это продолжалось вечно».

Но вот могло ли это продолжаться вечно, никто бы не мог сказать, и даже сам гетман. Да-с.

Дело в том, что Город — Городом, в нем и полиция — Варта[54], и министерство, и даже войско, и газеты различных наименований, а вот что делается кругом, в той настоящей Украине, которая по величине больше Франции, в которой десятки миллионов людей, — этого не знал никто. Не знали, ничего не знали не только о местах отдаленных, но даже — смешно сказать — о деревнях, расположенных в пятидесяти верстах от самого Города. Не знали, но ненавидели всею душой. И когда доходили смутные вести из таинственных областей, которые носят название — деревня, о том, что немцы грабят мужиков и безжалостно карают их[55], расстреливая из пулеметов, не только ни одного голоса возмущения не раздалось в защиту украинских мужиков, но не раз, под шелковыми абажурами в гостиных, скалились по-волчьи зубы и слышно было бормотание:

— Так им и надо! Так и надо; мало еще! Я бы их еще не так. Вот будут они помнить революцию. Выучат их немцы — своих не хотели, попробуют чужих!

– Ох, как неразумны ваши речи, ох, как неразумны.

– Да что вы, Алексей Васильевич!.. Ведь это такие мерзавцы. Это же совершенно дикие звери. Ладно. Немцы им покажут[56].

Немцы!!

Немцы!!

И повсюду:

Немцы!!!

Немцы!!

Ладно: тут немцы, а там, за далеким кордоном, где сизые леса, большевики. Только две силы.

5

Так вот-с, нежданно-негаданно появилась третья сила на громадной шахматной доске[1]. Так плохой и неумелый игрок, отгородившись пешечным строем от страшного партнера (к слову говоря, пешки очень похожи на немцев в тазах), группирует своих офицеров[2] около игрушечного короля. Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку, проходит в тыл и начинает бить по тылам пешки и коней и объявляет страшные шахи, а за ферзем приходит стремительный легкий слон — офицер, подлетают коварными зигзагами кони, и вот-с, погибает слабый и скверный игрок — получает его деревянный король мат.

Пришло всё это быстро, но не внезапно, и предшествовали тому, что пришло, некие знамения[3].

Однажды, в мае месяце, когда Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана[4], когда граждане уже двинулись, как муравьи[5], по своим делишкам и заспанные приказчики начали в магазинах открывать рокочущие шторы, прокатился по Городу страшный и зловещий звук. Он был неслыханного тембра — и не пушка и не гром, но настолько силен, что многие форточки открылись сами собой и все стекла дрогнули. Затем звук повторился, прошел вновь по всему верхнему Городу, скатился волнами в Город нижний — Подол, и через голубой-красивый Днепр ушел в московские дали. Горожане проснулись, и на улицах началось смятение. Разрослось оно мгновенно, ибо побежали с верхнего Города — Печерска[6] — растерзанные, окровавленные люди с воем и визгом. А звук прошел и в третий раз, и так, что начали с громом обваливаться в печерских домах стекла и почва шатнулась под ногами.

Многие видели тут женщин, бегущих в одних сорочках и кричащих страшными голосами. Вскоре узнали, откуда пришел звук. Он явился с Лы-

сой Горы за Городом, над самым Днепром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху. На Лысой Горе произошел взрыв.

Пять дней жил после того Город, в ужасе ожидая, что потекут с Лысой Горы ядовитые газы[7]. Но удары прекратились, газы не потекли, окровавленные исчезли, и Город приобрел мирный вид во всех своих частях, за исключением небольшого угла Печерска, где рухнуло несколько домов. Нечего и говорить, что германское командование нарядило строгое следствие, и нечего и говорить, что город ничего не узнал относительно причин взрыва. Говорили разное.

— Взрыв произвели французские шпионы.

— Нет, взрыв произвели большевистские шпионы[8].

Кончилось всё это тем, что о взрыве просто забыли.

Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью, гремел и грохотал и германские лейтенанты выпивали море содовой воды. Второе знамение было поистине чудовищно!

Среди бела дня, на Николаевской улице, как раз там, где стояли лихачи, убили не кого иного, как главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна[9], неприкосновенного и гордого генерала, страшного в своем могуществе, заместителя самого императора Вильгельма! Убил его, само собой разумеется, рабочий и, само собой разумеется, социалист[10]. Немцы повесили через двадцать четыре часа после смерти германца не только самого убийцу, но даже извозчика, который подвез его к месту происшествия[11]. Правда, это не воскресило нисколько знаменитого генерала, но зато породило у умных людей замечательные мысли по поводу происходящего.

Так, вечером, задыхаясь у открытого окна, расстегивая пуговицы чесучовой[12] рубашки, Василиса сидел за стаканом чая с лимоном и говорил Алексею Васильевичу Турбину таинственным шепотом:

— Сопоставляя все эти события, я не могу не прийти к заключению, что живем мы весьма непрочно. Мне кажется, что под немцами что-то такое (Василиса пошевелил короткими пальцами в воздухе) шатается. Подумайте сами... Эйхгорна... и где? А? (Василиса сделал испуганные глаза.)

Турбин выслушал мрачно, мрачно дернул щекой и ушел.

Еще предзнаменование явилось на следующее же утро и обрушилось непосредственно на того же Василису. Раненько, раненько, когда солнышко заслало веселый луч в мрачное подземелье, ведущее с дворика в квартиру Василисы, тот, выглянув, увидал в луче знамение[13]. Оно было бесподобно в сиянии своих тридцати лет, в блеске монист[14] на царствен-

ной екатерининской шее[15], в босых стройных ногах, в колышущейся упругой груди. Зубы видения сверкали, а от ресниц ложилась на щеки лиловая тень.

— Пятьдэсят сегодня, — сказало знамение голосом сирены[16], указывая на бидон с молоком.

— Что ты, Явдоха?[17] — воскликнул жалобно Василиса. — Побойся Бога. Позавчера сорок, вчера сорок пять, сегодня пятьдесят. Ведь этак невозможно.

— Що ж я зроблю? Усэ дорого*, — ответила сирена, — кажут на базаре, будэ и сто**.

Ее зубы вновь сверкнули. На мгновение Василиса забыл и про пятьдесят, и про сто, про всё забыл, и сладкий и дерзкий холод прошел у него в животе. Сладкий холод, который проходил каждый раз по животу Василисы, как только появлялось перед ним прекрасное видение в солнечном луче. (Василиса вставал раньше своей супруги.) Про всё забыл, почему-то представил себе поляну в лесу, хвойный дух. Эх, эх...

— Смотри, Явдоха, — сказал Василиса, облизывая губы и кося глазами (не вышла бы жена), — уж очень вы распустились с этой революцией. Смотри, выучат вас немцы. «Хлопнуть или не хлопнуть ее по плечу?» — подумал мучительно Василиса и не решился.

Широкая лента алебастрового молока упала и запенилась в кувшине.

— Чи воны нас выучуть, чи мы их разучимо***, — вдруг ответило знамение, сверкнуло, сверкнуло, прогремело бидоном, качнуло коромыслом и, как луч в луче, стало подниматься из подземелья в солнечный дворик. «Н-ноги-то — а-ах!!» — застонало в голове у Василисы.

В это мгновение донесся голос супруги, и, повернувшись, Василиса столкнулся с ней.

— С кем это ты? — быстро швырнув глазом вверх, спросила супруга.

— С Явдохой, — равнодушно ответил Василиса, — представь себе, молоко сегодня пятьдесят.

— К-как? — воскликнула Ванда Михайловна. — Это безобразие! Какая наглость! Мужики совершенно взбесились... Явдоха! Явдоха! — закричала она, высовываясь в окошко. — Явдоха!

Но видение исчезло и не возвращалось.

---

* Что ж я поделаю? Всё дорого (*укр.*, *искаж.*).

** Говорят на базаре, будет и сто (*укр.*, *искаж.*).

*** Не то они нас выучат, не то мы их отучим (*укр.*, *искаж.*).

Василиса всмотрелся в кривой стан жены, в желтые волосы, костлявые локти и сухие ноги, и ему до того вдруг сделалось тошно жить на свете, что он чуть-чуть не плюнул Ванде на подол. Удержавшись и вздохнув, он ушел в прохладную полутьму комнат, сам не понимая, что именно гнетет его. Не то Ванда — ему вдруг представилась она, и желтые ключицы вылезли вперед, как связанные оглобли, — не то какая-то неловкость в словах сладостного видения.

— Разучимо? А? Как вам это нравится? — сам себе бормотал Василиса. — Ох уж эти мне базары! Нет, что вы на это скажете? Уж если они немцев перестанут бояться... последнее дело. Разучимо. А? А зубы-то у нее — роскошь...

Явдоха вдруг во тьме почему-то представилась ему голой, как ведьма на горе[18].

— Какая дерзость... Разучимо? А грудь...

И это было так умопомрачительно, что Василисе сделалось нехорошо и он отправился умываться холодной водой.

Так-то вот, незаметно, как всегда, подкралась осень. За наливным золотистым августом пришел светлый и пыльный сентябрь, и в сентябре произошло уже не знамение, а само событие, и было оно на первый взгляд совершенно незначительно.

Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером[19] пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника[20]. Вот и всё.

— Вот и всё. И из-за этой бумажки — несомненно, из-за нее! — произошли такие беды и несчастья, такие походы, кровопролития, пожары и погромы, отчаяние и ужас... Ай, ай, ай!

Узник, выпущенный на волю, носил самое простое и незначительное наименование — Семен Васильевич Петлюра. Сам он себя, а также и городские газеты периода декабря 1918 — февраля 1919 годов называли на французский несколько манер — Симон[21]. Прошлое Симона было погружено в глубочайший мрак. Говорили, что он будто бы бухгалтер.

— Нет, счетовод.

— Нет, студент[22].

Был на углу Крещатика и Николаевской улицы большой и изящный магазин табачных изделий. На продолговатой вывеске был очень хорошо изображен кофейный турок в феске, курящий кальян. Ноги у турка были в мягких желтых туфлях с задранными носами.

Так вот, нашлись и такие, что клятвенно уверяли, будто видели совсем недавно, как Симон продавал в этом самом магазине, изящно стоя за прилавком, табачные изделия фабрики Соломона Когена[23]. Но тут же находились и такие, которые говорили:

— Ничего подобного. Он был уполномоченным Союза городов.

— Не Союза городов, а Земского союза, — отвечали третьи, — типичный земгусар[24].

Четвертые (приезжие), закрывая глаза, чтобы лучше припомнить, бормотали:

— Позвольте... позвольте-ка...

И рассказывали, что будто бы десять лет назад... виноват... одиннадцать, они видели, как вечером он шел по Малой Бронной улице в Москве[25], причем под мышкой у него была гитара, завернутая в черный коленкор[26]. И даже добавляли, что шел он на вечеринку к землякам, вот поэтому и гитара в коленкоре. Что будто бы шел он на хорошую интересную вечеринку с веселыми, румяными землячками-курсистками, со сливянкой[27], привезенной прямо с благодатной Украины, с песнями, с чудным Грицем...

...Ой, не хо-ди[28].

Потом начинали путаться в описаниях наружности, путать даты, указания места...

— Вы говорите, бритый?

— Нет, кажется... позвольте... с бородкой.

— Позвольте... разве он московский?

— Да нет, студентом... он был...

— Ничего подобного. Иван Иванович его знает. Он был в Тараще[29] народным учителем...

Фу ты, черт... А может, и не шел по Бронной. Москва город большой, на Бронной туманы, изморось, тени... Какая-то гитара... турок под солнцем... кальян... гитара — дзинь-трень... неясно, туманно... ах, как туманно и страшно кругом.

...Идут и пою-ют...

Идут, идут мимо окровавленные тени, бегут видения, растрепанные девичьи косы, тюрьма, стрельба и мороз и полночный крест Владимира.

Идут и поют
Юнкера гвардейской школы...
Трубы, литавры,
Тарелки гремят[30].

Гремят торбаны[31], свищет соловей стальным винтом[32], засекают шомполами[33] насмерть людей, едет, едет черношлычная[34] конница на горячих лошадях.

Вещий сон гремит, катится к постели Алексея Турбина[35]. Спит Турбин бледный, с намокшей в тепле прядью волос, и розовая лампа горит. Спит весь дом. Из книжной храп Карася, из Николкиной свист Шервинского... Муть... ночь... Валяется на полу у постели Алексея недочитанный Достоевский, и глумятся «Бесы»[36] отчаянными словами... Тихо спит Елена.

— Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни Земского союза... ни черта. Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года...

...И было другое — лютая ненависть. Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков[37] с сердцами, горящими неутоленной злобой[38]. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков[39] по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии:

«Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок».

Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город.

И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, — дрожь ненависти при слове «офицерня».

— Вот что было-с.

Да еще слухи о земельной реформе[40], которую намеревался произвести пан[41] гетман,

— увы, увы! Только в ноябре 18-го года, когда под Городом загудели пушки, догадались умные люди, а в том числе и Василиса, что ненавидели мужики этого самого

пана гетмана, как бешеную собаку, — и мужицкие мыслишки о том, что никакой этой панской сволочной реформы не нужно, а нужна та вечная, чаемая мужицкая реформа:

— Вся земля мужикам.

— Каждому по 100 десятин[42].

— Чтобы никаких помещиков и духу не было.

— И чтобы на каждые эти 100 десятин верная гербовая бумага с печатью — во владение вечное, наследственное, от деда к отцу, от отца к сыну, к внуку и так далее.

— Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий[43], никому его не дадим, что сами не съедим, закопаем в землю.

— Чтобы из Города привозили керосин.

— Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет.

Были тоскливые слухи, что справиться с гетманской и немецкой напастью могут только большевики, но у большевиков своя напасть:

— Жиды и комиссары.

— Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!!

Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять...

— А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!

Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях[44] и коморах[45] и не сданных, несмотря на скорые на руку военно-полевые немецкие суды, порки шомполами и стрельбу шрапнелями, миллионы патронов в той же земле и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхгаузы[46] с шинелями и папахами.

И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы[47], украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями... все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей, — и тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции[48].

Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го!

Вот это было. А узник... гитара...

Слухи грозные, ужасные...
Наступают на нас...

Дзинь... трень... эх, эх, Николка.

— Турок, земгусар, Симон. Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж. Просто слово[49], в котором слились и неутолимая ярость, и жажда мужицкой мести[50], и чаяния тех верных сынов своей подсолнечной, жаркой Украины... ненавидящих Москву, какая бы она ни была — большевистская ли, царская или еще какая.

И напрасно, напрасно мудрый Василиса, хватаясь за голову, восклицал в знаменитом ноябре: «Quos vult perdere, dementat!»* — и проклинал гетмана за то, что тот выпустил Петлюру из загаженной городской тюрьмы[51].

— Вздор-с всё это. Не он — другой. Не другой — третий.

***

Итак, кончились всякие знамения, и наступили события... Второе было не пустячное, как какой-то выпуск мифического человека из тюрьмы, — о нет! — оно было так величественно, что о нем человечество, наверное, будет говорить еще сто лет... Галльские петухи[52] в красных штанах, на далеком европейском Западе, заклевали толстых, кованых немцев до полусмерти. Это было ужасное зрелище: петухи во фригийских колпаках[53], с картавым клекотом, налетали на бронированных тевтонов и рвали из них клочья мяса вместе с броней. Немцы дрались отчаянно, вгоняли широкие штыки в оперенные груди, грызли зубами, но не выдержали — и немцы! немцы! попросили пощады[54].

Следующее событие было тесно связано с этим и вытекло из него как следствие из причины. Весь мир, ошеломленный и потрясенный, узнал, что тот человек, имя которого и штопорные усы, как шестидюймовые гвозди, были известны всему миру и который был-то уж наверняка сплошь металлический, без малейших признаков дерева, он был повержен. Повержен в прах — он перестал быть императором[55]. Затем темный ужас прошел ветром по всем головам в Городе: видели, сами видели, как линяли немецкие лейтенанты и как ворс их серо-небесных мундиров превращался в подозрительную вытертую рогожку. И это происходило тут же, на глазах, в течение часов, в течение немногих часов линяли глаза, и в лейтенантских моноклевых окнах потухал живой свет[56], и из широких стеклянных дисков начинала глядеть дырявая реденькая нищета.

Вот тогда ток пронизал мозги наиболее умных из тех, что с желтыми твердыми чемоданами и с сдобными женщинами проскочили через колю-

---

* Кого [Бог] хочет погубить, [того] лишает разума (*лат.*).

чий большевистский лагерь в Город. Они поняли, что судьба их связала с побежденными, и сердца их исполнились ужасом.

— Немцы побеждены, — сказали гады.

— Мы побеждены, — сказали умные гады.

То же самое поняли и горожане.

О, только тот, кто сам был побежден, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на вечер в доме, в котором испортилось электрическое освещение. Оно похоже на комнату, в которой по обоям ползет зеленая плесень, полная болезненной жизни. Оно похоже на рахитиков[57] — демонов ребят, на протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть.

Кончено. Немцы оставляют Украину. Значит, значит — одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?[58]

— Умигать — не в помигушки иг'ать[59], — вдруг, картавя, сказал неизвестно откуда появившийся перед спящим Алексеем Турбиным полковник Най-Турс.

Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком.

— Вы в раю, полковник? — спросил Турбин, чувствуя сладостный трепет, которого никогда не испытывал человек наяву.

— В гаю, — ответил Най-Турс голосом чистым и совершенно прозрачным, как ручей в городских лесах.

— Как странно, как странно, — заговорил Турбин, — я думал, что рай — это так... мечтание человеческое. И какая странная форма. Вы, позвольте узнать, полковник, остаетесь и в раю офицером?

— Они в бригаде крестоносцев[60] теперича, господин доктор, — ответил вахмистр[61] Жилин[62], заведомо срезанный пулеметным огнем вместе с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении[63].

Как огромный витязь, возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет. Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязав-

шему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы, а глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса — чисты, бездонны, освещены изнутри[64]. Больше всего на свете любил сумрачной душой Алексей Турбин женские глаза. Ах, слепил Господь Бог игрушку — женские глаза!.. Но куда ж им до глаз вахмистра.

— Как же вы? — спрашивал с любопытством и безотчетной радостью доктор Турбин. — Как же это так, в рай с сапогами, со шпорами? Ведь у вас лошади, в конце концов, обоз, пики?

— Верите слову, господин доктор, — загудел виолончельным басом Жилин-вахмистр, глядя прямо в глаза взором голубым, от которого теплело в сердце, — прямо-таки всем эскадроном, в конном строю и подошли. Гармоника опять же. Оно верно, неудобно... Там, сами изволите знать, чистота, полы церковные.

— Ну? — поражался Турбин.

— Тут, стало быть, апостол Петр[65]. Штатский старичок, а важный, обходительный. Я, конечно, докладаю: так и так, 2-й эскадрон белградских гусар в рай подошел благополучно[66], где прикажете стать? Докладывать-то докладываю, а сам, — вахмистр скромно кашлянул в кулак, — думаю, а ну, думаю, как скажут-то они, апостол Петр, а подите вы к чертовой матери... Потому, сами изволите знать, ведь это куда ж, с конями, и... (вахмистр смущенно почесал затылок) бабы, говоря по секрету, кой-какие пристали по дороге. Говорю это я апостолу, а сам мигаю взводу — мол, баб-то турните временно, а там видно будет. Пущай пока, до выяснения обстоятельства, за облаками посидят. А апостол Петр хоть человек вольный, но, знаете ли, положительный. Глазами — зырк, и вижу я, что баб-то он и увидал на повозках. Известно, платки на них ясные, за версту видно. Клюква[67], думаю. Полная засыпь всему эскадрону...

«Эге, — говорит, — вы что ж, с бабами?» — и головой покачал[68].

«Так точно, говорю, но, говорю, не извольте беспокоиться, мы их сейчас по шеям попросим, господин апостол».

«Ну нет, — говорит, — вы уж тут это ваше рукоприкладство оставьте!»
— А? Что прикажете делать? Добродушный старикан. Да ведь сами понимаете, господин доктор, эскадрону в походе без баб невозможно.
И вахмистр хитро подмигнул.
— Это верно, — вынужден был согласиться Алексей Васильевич, потупляя глаза. Чьи-то глаза черные, черные, и родинки на правой щеке, матовой[69], смутно сверкнули в сонной тьме. Он смущенно крякнул, а вахмистр продолжал:
— Нуте-с, сейчас это он и говорит — доложим. Отправился, вернулся и сообщает: ладно, устроим. И такая у нас радость сделалась, невозможно выразить. Только вышла тут маленькая заминочка. Обождать, говорит апостол Петр, потребуется. Однако ждали мы не более минуты. Гляжу, подъезжает, — вахмистр указал на молчащего и горделивого Най-Турса, уходящего бесследно из сна в неизвестную тьму, — господин эскадронный командир рысью на Тушинском Воре[70]. А за ним немного погодя неизвестный юнкерок в пешем строю[71], — тут вахмистр покосился на Турбина и потупился на мгновение, как будто хотел что-то скрыть от доктора, но не печальное, а, наоборот, радостный, славный секрет, потом оправился и продолжал: — Поглядел Петр на них из-под ручки и говорит: «Ну, теперича, грит, всё», — и сейчас дверь настежь, и пожалте, говорит, справа по три[72].

...Дунька, Дунька, Дунька я!
Дуня, ягода моя[73], —

зашумел вдруг, как во сне, хор железных голосов, и заиграла итальянская гармоника[74].
— Под ноги![75] — закричали на разные голоса взводные.

Й-эх, Дуня, Дуня, Дунь, Дуня!
Полюби, Дуня, меня, —

и замер хор вдали.

— С бабами? Так и вперлись? — ахнул Турбин.

Вахмистр рассмеялся возбужденно и радостно взмахнул руками.

— Господи, Боже мой, господин доктор. Ме́ста-то, ме́ста-то там, ведь видимо-невидимо[76]. Чистота... По первому обозрению говоря, пять корпусов[77] еще можно поставить и с запасными эскадронами, да что пять — десять! Рядом с нами хоромы, батюшки, потолков не видно! Я и говорю: а разрешите, говорю, спросить, это для кого же такое? Потому оригинально: звезды красные, облака красные в цвет наших чакчир[78] отливают... «А это, — говорит апостол Петр, — для большевиков, с Перекопу которые».

— Какого Перекопу? — тщетно напрягая свой бедный земной ум, спросил Турбин.

— А это, ваше высокоблагородие, у них-то ведь заранее всё известно. В 20-м году большевиков-то, когда брали Перекоп, видимо-невидимо положили[79]. Так, стало быть, помещение к приему им приготовили.

— Большевиков? — смутилась душа Турбина. — Путаете вы что-то, Жилин, не может этого быть. Не пустят их туда.

— Господин доктор, сам так думал. Сам. Смутился и спрашиваю Господа Бога...

— Бога? Ой, Жилин!

— Не сомневайтесь, господин доктор, верно говорю, врать мне нечего, сам разговаривал неоднократно.

— Какой же он такой?

Глаза Жилина испустили лучи, и гордо утончились черты лица.

— Убейте — объяснить не могу. Лик осиянный[80], а какой — не поймешь... Бывает, взглянешь — и похолодеешь. Чудится, что он на тебя самого похож[81]. Страх такой проймет, думаешь, что же это такое? А потом ничего, отойдешь. Разнообразное лицо. Ну, уж а как говорит, такая радость, такая радость... И сейчас пройдет, пройдет свет голубой... Гм... да нет, не голубой (вахмистр подумал), не могу знать. Верст на тысячу и скрозь тебя.

Ну вот-с, я и докладываю, как же так, говорю, Господи, попы-то твои говорят, что большевики в ад попадут? Ведь это, говорю, что ж такое? Они в тебя не верят, а ты им вишь какие казармы взбодрил.

«Ну, не верят?» — спрашивает.

«Истинный Бог», — говорю, а сам, знаете ли, боюсь, помилуйте, Богу этакие слова! Только гляжу, а он улыбается. Чего ж это я, думаю, дурак, ему докладываю, когда он лучше меня знает. Однако любопытно, что́ он такое скажет. А он и говорит:

«Ну не верят, — говорит, — что ж поделаешь. Пущай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, — говорит, — тоже. Да и им, — говорит, — то же самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные[82]. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет. Да ты, в общем, Жилин, — говорит, — этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй».

Кругло объяснил, господин доктор? а? «Попы-то», — я говорю... Тут он и рукой махнул: «Ты мне, говорит, Жилин, про попов лучше не напоминай. Ума не приложу, что мне с ними делать. То есть таких дураков, как ваши попы, нету других на свете. По секрету скажу тебе, Жилин, срам, а не попы».

«Да, — говорю, — уволь ты их, Господи, вчистую! Чем дармоедов-то тебе кормить?»

«Жалко, Жилин, вот в чем штука-то», — говорит.

Сияние вокруг Жилина стало голубым, и необъяснимая радость наполнила сердце спящего. Протягивая руки к сверкающему вахмистру, он застонал во сне:

— Жилин, Жилин, нельзя ль мне как-нибудь устроиться врачом у вас в бригаде вашей[83].

Жилин приветно махнул рукой и ласково и утвердительно закачал головой. Потом стал отодвигаться и покинул Алексея Васильевича. Тот проснулся, и перед

ним, вместо Жилина, был уже понемногу бледнеющий квадрат рассветного окна. Доктор отер рукой лицо[84] и почувствовал, что оно в слезах. Он долго вздыхал в утренних сумерках, но вскоре опять заснул, и сон потек теперь ровный, без сновидений...

Да-с, смерть не замедлила. Она пошла по осенним, а потом зимним украинским дорогам вместе с сухим веющим снегом. Стала постукивать в перелесках пулеметами. Самое ее не было видно, но явственно видный предшествовал ей некий корявый мужичонков гнев[85]. Он бежал по метели и холоду, в дырявых лаптишках, с сеном в непокрытой свалявшейся голове и выл. В руках он нес великую дубину[86], без которой не обходится никакое начинание на Руси. Запорхали легонькие красные петушки[87]. Затем показался в багровом заходящем солнце повешенный за половые органы шинкарь[88]-еврей. И в польской красивой столице Варшаве было видно видение: Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся[89]. Затем началась просто форменная чертовщина, вспучилась и запрыгала пузырями. Попы звонили в колокола под зелеными куполами потревоженных церквушек, а рядом, в помещении школ, с выбитыми ружейными пулями стеклами, пели революционные песни. По дорогам пошло привидение — некий старец Дегтяренко[90], полный душистым самогоном и словами страшными, каркающими, но складывающимися в его темных устах во что-то до чрезвычайности напоминающее Декларацию прав человека и гражданина[91]. Затем этот же Дегтяренко-пророк лежал и выл[92], и пороли его шомполами люди с красными бантами на груди. И самый хитрый мозг сошел бы с ума над этой закавыкой: ежели красные банты, то ни в коем случае недопустимы шомпола, а ежели шомпола — то невозможны красные банты...

— Нет, задохнешься в такой стране и в такое время. Ну ее к дьяволу! Миф. Миф Петлюра. Его не было вовсе[93]. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем Наполеоне[94], но гораздо менее красивый. Случилось другое. Нужно было вот этот самый мужицкий гнев подманить по одной какой-нибудь дороге, ибо так уж колдовски устроено на белом свете, что, сколько бы он ни бежал, он всегда фатально оказывается на одном и том же перекрестке.

Это очень просто. Была бы кутерьма, а люди найдутся. И вот появился откуда-то полковник Торопец[95]. Оказалось, что он ни более ни менее как из австрийской армии...

— Да что вы?

— Уверяю вас. Затем появился писатель Винниченко[96], прославивший себя двумя вещами — своими романами[97] и тем, что лишь только колдовская волна еще в начале восемнадцатого года выдернула его на поверхность отчаянного украинского моря, его в сатирических журналах города Санкт-Петербурга, не медля ни секунды, назвали изменником[98].

— И поделом...

— Ну, уж это я не знаю. А затем-с и этот самый таинственный узник из городской тюрьмы.

Еще в сентябре никто в Городе не представлял себе, что могут соорудить три человека, обладающие талантом появиться вовремя, даже и в таком ничтожном месте, как Белая Церковь[99]. В октябре об этом уже сильно догадывались, и начали уходить, освещенные сотнями огней, поезда с Города I-го, Пассажирского, в новый, пока еще широкий лаз через новоявленную Польшу и в Германию. Полетели телеграммы. Уехали бриллианты, бегающие глаза, проборы и деньги. Рвались и на юг, на юг, в приморский город Одессу. В ноябре месяце, увы! — все уже знали довольно определенно. Слово

— Петлюра!

— Петлюра!!

— Петлюра!

запрыгало со стен, с серых телеграфных сводок. Утром с газетных листков оно капало в кофе, и божественный тропический напиток немедленно превращался во рту в неприятнейшие помои. Оно загуляло по языкам и застучало в аппаратах Морзе[100] у телеграфистов под пальцами. В Городе начались чудеса в связи с этим же загадочным словом, которое немцы произносили по-своему:

— Пэтуррá.

Отдельные немецкие солдаты, приобревшие скверную привычку шататься по окраинам, начали по ночам исчезать. Ночью они исчезали, а днем выяснялось, что их убивали. Поэтому заходили по ночам немецкие патрули в цирюльных тазах[101]. Они ходили, и фонарики сияли — не безобразничать! Но никакие фонарики не могли рассеять той мутной каши, которая заварилась в головах.

Вильгельм. Вильгельм. Вчера убили трех немцев. Боже, немцы уходят, вы знаете?! Троцкого арестовали рабочие в Москве!!![102] Сукины сыны какие-то остановили поезд под Бородянкой и начисто его ограбили. Петлюра послал посольство в Париж. Опять Вильгельм. Черные сингалезы в

Одессе. Неизвестное таинственное имя – консул Энно[103]. Одесса. Одесса. Генерал Деникин. Опять Вильгельм. Немцы уйдут, французы придут.

– Большевики придут, батенька!

– Типун вам на язык, батюшка!

У немцев есть такой аппарат со стрелкой – поставят его на землю, и стрелка показывает, где оружие зарыто[104]. Это штука. Петлюра послал посольство к большевикам[105]. Это еще лучше штука. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Пэтурра.

* * *

Никто, ни один человек не знал, что, собственно, хочет устроить этот Пэтурра на Украине, но решительно все уже знали, что он, таинственный и безликий[106]

> (хотя, впрочем, газеты время от времени помещали на своих страницах первый попавшийся в редакции снимок католического прелата[107], каждый раз разного, с подписью – Симон Петлюра),

желает ее, Украину, завоевать, а для того, чтобы ее завоевать, он идет брать Город.

6

Магазин «Парижский Шик» мадам Анжу помещался в самом центре Города, на Театральной улице[1], проходящей позади оперного театра[2], в огромном многоэтажном доме, и именно в первом этаже. Три ступеньки вели с улицы через стеклянную дверь в магазин, а по бокам стеклянной двери были два окна, завешенные тюлевыми пыльными занавесками. Никому не известно, куда делась сама мадам Анжу и почему помещение ее магазина было использовано для целей вовсе не торговых. На левом окне была нарисована цветная дамская шляпа с золотыми словами «Шик паризьен», а за стеклом правого окна большущий плакат желтого картона с нарисованными двумя скрещенными севастопольскими пушками[3], как на погонах у артиллеристов, и надписью сверху:

ГЕРОЕМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ,
НО ДОБРОВОЛЬЦЕМ БЫТЬ ОБЯЗАН[4].

Под пушками слова:

ЗАПИСЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В МОРТИРНЫЙ
ДИВИЗИОН, ИМЕНИ КОМАНДУЮЩЕГО,
ПРИНИМАЕТСЯ.

У подъезда магазина стояла закопченная и развинченная[5] мотоциклетка с лодочкой[6], и дверь на пружине поминутно хлопала, и каждый раз, как она открывалась, над ней звенел великолепный звоночек — бррpынь-бррpынь, — напоминающий счастливые и недавние времена мадам Анжу.

***

Турбин, Мышлаевский и Карась встали почти одновременно после пьяной ночи[7] и, к своему удивлению, с совершенно ясными головами, но довольно поздно, около полудня. Выяснилось, что Николки и Шервинского уже нет. Николка спозаранку свернул какой-то таинственный красненький узелок, покряхтел – эх, эх... и отправился к себе в дружину, а Шервинский недавно уехал на службу в штаб командующего.

Мышлаевский, оголив себя до пояса в заветной комнате[8] Анюты за кухней, где за занавеской стояла колонка и ванна, выпустил себе на шею и спину и голову струю ледяной воды и с воплем ужаса и восторга, вскрикивая:

– Эх! Так его! Здорово! – залил всё кругом на два аршина. Затем растерся мохнатой простыней, оделся, голову смазал бриолином, причесался и сказал Турбину:

– Алеша, эгм... будь другом, дай свои шпоры надеть. Домой уж я не заеду, а не хочется являться без шпор.

– В кабинете возьми, в правом ящике стола.

Мышлаевский ушел в кабинетик, повозился там, позвякал и вышел. Черноглазая Анюта, утром вернувшаяся из отпуска от тетки, шаркала петушиной метелочкой по креслам. Мышлаевский откашлялся, искоса глянул на дверь, изменил прямой путь на извилистый, дал крюку и тихо сказал:

– Здравствуйте, Анюточка...

– Елене Васильевне скажу, – тотчас механически и без раздумья шепнула Анюта и закрыла глаза, как обреченный, над которым палач уже занес нож.

– Глупень...

Турбин неожиданно заглянул в дверь. Лицо его стало ядовитым.

– Метелочку, Витя, рассматриваешь? Так. Красивая. А ты бы лучше шел своей дорогой, а? А ты, Анюта, имей в виду, в случае ежели он будет говорить, что женится, так не верь, не женится.

– Ну что, ей-богу, поздороваться нельзя с человеком.

Мышлаевский побурел от незаслуженной обиды, выпятил грудь и зашлепал шпорами из гостиной. В столовой он подошел к важной рыжеватой Елене, и при этом глаза его беспокойно бегали.

– Здравствуй, Лена, ясная[9], с добрым утром тебя. Эгм... (Из горла Мышлаевского выходил вместо металлического тенора хриплый низкий баритон.) Лена, ясная, – воскликнул он прочувственно, – не сердись. Люблю тебя, и ты меня люби. А что я нахамил вчера, не обращай внимания. Лена, неужели ты думаешь, что я какой-нибудь негодяй?

С этими словами он заключил Елену в объятия и расцеловал ее в обе щеки. В гостиной с мягким стуком упала петушья корона. С Анютой всегда происходили странные вещи, лишь только поручик Мышлаевский появлялся в турбинской квартире. Хозяйственные предметы начинали сыпаться из рук Анюты: каскадом падали ножи, если это было в кухне, сыпались блюдца с буфетной стойки; Аннушка становилась рассеянной, бегала без нужды в переднюю и там возилась с калошами, вытирая их тряпкой до тех пор, пока не чвакали короткие, спущенные до каблуков шпоры и не появлялся скошенный подбородок, квадратные плечи и синие бриджи. Тогда Аннушка закрывала глаза и боком выбиралась из тесного, коварного ущелья. И сейчас в гостиной, уронив метелку, она стояла в задумчивости и смотрела куда-то вдаль, через узорные занавеси, в серое, облачное небо.

— Витька, Витька, — говорила Елена, качая головой, похожей на вычищенную театральную корону, — посмотреть на тебя, здоровый ты парень, с чего ж ты так ослабел вчера? Садись, пей чаек, может, тебе полегчает.

— А ты, Леночка, ей-богу, замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, — заискивающе говорил Мышлаевский, бросая легкие быстрые взоры в зеркальные недра буфета. — Карась, глянь, какой капот. Совершенно зеленый. Нет, до чего хороша.

— Очень красива Елена Васильевна, — серьезно и искренно ответил Карась.

— Это электри́к[10], — пояснила Елена, — да ты, Витенька, говори сразу — в чем дело?

— Видишь ли, Лена ясная, после вчерашней истории мигрень у меня может сделаться, а с мигренью воевать невозможно...

— Ладно, в буфете.

— Вот, вот... Одну рюмку... Лучше всяких пирамидонов[11].

Страдальчески сморщившись, Мышлаевский один за другим проглотил два стаканчика водки и закусил их обмякшим вчерашним огурцом. После этого он объявил, что будто бы только что родился, и изъявил желание пить чай с лимоном.

— Ты, Леночка, — хрипловато говорил Турбин, — не волнуйся и поджидай меня — я съезжу, запишусь и вернусь домой. Касательно военных действий не беспокойся, будем мы сидеть в городе и отражать этого миленького украинского президента[12] — сволочь такую.

— Не послали бы вас куда-нибудь?

Карась успокоительно махнул рукой.

— Не беспокойтесь, Елена Васильевна. Во-первых, должен вам сказать, что раньше двух недель дивизион ни в коем случае и готов не будет, лошадей еще нет и снарядов. А когда и будет готов, то, без всяких сомнений, останемся мы в Городе. Вся армия, которая сейчас формируется, несомненно, будет гарнизоном Города. Разве в дальнейшем, в случае похода на Москву...

— Ну, это когда еще там... Эгм.

— Это с Деникиным нужно будет соединиться раньше...

— Да вы напрасно, господа, меня утешаете, я ничего ровно не боюсь, напротив, одобряю.

Елена говорила действительно бодро, и в глазах ее уже была деловая будничная забота. «Довлеет дневи злоба его»[13].

— Анюта, — кричала она, — миленькая, там на веранде белье Виктора Викторовича. Возьми его, детка, щеткой хорошенько, а потом сейчас же стирай.

Успокоительнее всего на Елену действовал укладистый маленький голубоглазый Карась. Уверенный Карась в рыженьком френче был хладнокровен, курил и щурился.

В передней прощались.

— Ну, да хранит вас Господь, — сказала Елена строго и перекрестила Турбина. Так же перекрестила она и Карася и Мышлаевского. Мышлаевский обнял ее, а Карась, туго перепоясанный по широкой талии шинели, покраснев, нежно поцеловал ее обе руки.

***

— Господин полковник, — мягко щелкнув шпорами и приложив руку к козырьку, сказал Карась, — разрешите доложить?

Господин полковник сидел в низеньком зеленоватом будуарном креслице[14] на возвышении вроде эстрады в правой части магазина за маленьким письменным столиком. Груды голубоватых картонок с надписью «Мадам Анжу. Дамские шляпы» возвышались за его спиной, несколько темня свет из пыльного окна, завешенного узористым тюлем. Господин полковник держал в руке перо и был на самом деле не полковником, а подполковником в широких золотых погонах, с двумя просветами и тремя звездами[15] и со скрещенными золотыми пушечками. Господин полковник был немногим старше самого Турбина — было ему лет тридцать, самое большое тридцать два. Его лицо, выкормленное и гладко выбритое, украшалось черными, подстриженными по-американски усиками[16]. В высшей степени живые и смышленые глаза смотрели явно устало, но внимательно.

Вокруг полковника царил хаос мироздания. В двух шагах от него в маленькой черной печечке трещал огонь, с узловатых черных труб, тянущихся за перегородку и пропадавших там в глубине магазина, изредка капала черная жижа. Пол, как на эстраде, так и в остальной части магазина, переходивший в какие-то углубления, был усеян обрывками бумаги и красными и зелеными лоскутками материи. На высоте, над головой полковника, трещала, как беспокойная птица, пишущая машинка, и когда Турбин поднял голову, увидал, что пела она за перилами, висящими под самым потолком магазина. За этими перилами торчали чьи-то ноги и зад в синих рейтузах, а головы не было, потому что ее срезал потолок. Вторая машинка стрекотала в левой части магазина, в неизвестной яме, из которой виднелись яркие погоны вольноопределяющегося и белая голова, но не было ни рук, ни ног[17].

Много лиц мелькало вокруг полковника, мелькали золотые пушечные погоны, громоздился желтый ящик с телефонными трубками и проволоками, а рядом с картонками грудами лежали, похожие на банки с консервами, ручные бомбы с деревянными рукоятками и несколько кругов пулеметных лент. Ножная швейная машина стояла под левым локтем г-на полковника, а у правой ноги высовывал свое рыльце пулемет. В глубине и полутьме, за занавесом на блестящем пруте, чей-то голос надрывался, очевидно, в телефон: «Да... да... говорю. Говорю: да, да. Да, я говорю». Бррынь-ынь... — проделал звоночек... Пи-у, — спела мягкая птичка где-то в яме, и оттуда молодой басок забормотал:

— Дивизион... слушаю... да... да.

— Я слушаю вас, — сказал полковник Карасю.

— Разрешите представить вам, господин полковник, поручика Виктора Мышлаевского и доктора Турбина. Поручик Мышлаевский находится сейчас во второй пехотной дружине[18] в качестве рядового и желал бы перевестись во вверенный вам дивизион по специальности. Доктор Турбин просит о назначении его в качестве врача дивизиона.

Проговорив всё это, Карась отнял руку от козырька, а Мышлаевский козырнул. «Черт... надо будет форму скорее одеть», — досадливо подумал Турбин, чувствуя себя неприятно без шапки, в качестве какого-то оболтуса в черном пальто с барашковым воротником. Глаза полковника бегло скользнули по доктору и переехали на шинель и лицо Мышлаевского.

— Так, — сказал он, — это даже хорошо. Вы где, поручик, служили?

— В тяжелом N дивизионе[19], господин полковник, — ответил Мышлаевский, указывая таким образом свое положение во время германской войны.

— В тяжелом? Это совсем хорошо. Черт их знает: артиллерийских офицеров запихнули чего-то в пехоту. Путаница.

— Никак нет, господин полковник, — ответил Мышлаевский, прочищая легоньким кашлем непокорный голос, — это я сам добровольно попросился ввиду того, что спешно требовалось выступить под Пост-Волынский. Но теперь, когда дружина укомплектована в достаточной мере...

— В высшей степени одобряю... хорошо, — сказал полковник и действительно в высшей степени одобрительно посмотрел в глаза Мышлаевскому. — Рад познакомиться... Итак... ах, да, доктор? И вы желаете к нам? Гм...

Турбин молча склонил голову, чтобы не отвечать «так точно» в своем барашковом воротнике.

— Гм... — полковник глянул в окно, — знаете, это мысль, конечно, хорошая. Тем более, что на днях возможно... Тэк-с... — Он вдруг приостановился, чуть прищурил глазки и заговорил, понизив голос: — Только... как бы это выразиться... Тут, видите ли, доктор, один вопрос... Социальные теории и... гм... вы социалист? Не правда ли? Как все интеллигентные люди? — Глазки полковника скользнули в сторону, а вся его фигура, губы и сладкий голос выразили живейшее желание, чтобы доктор Турбин оказался именно социалистом, а не кем-нибудь иным. — Дивизион у нас так и называется — студенческий, — полковник задушевно улыбнулся, не показывая глаз. — Конечно, несколько сентиментально, но я сам, знаете ли, университетский.

Турбин крайне разочаровался и удивился. «Черт... Как же Карась говорил?..» Карася он почувствовал в этот момент где-то у правого своего плеча и не глядя понял, что тот напряженно желает что-то дать ему понять, но что именно — узнать нельзя.

— Я, — вдруг бухнул Турбин, дернув щекой, — к сожалению, не социалист, а... монархист. И даже, должен сказать, не могу выносить самого слова «социалист». А из всех социалистов больше всех ненавижу Александра Федоровича Керенского[20].

Какой-то звук вылетел изо рта у Карася сзади, за правым плечом Турбина. «Обидно расставаться с Карасем и Витей, — подумал Турбин, — но шут его возьми, этот социальный дивизион».

Глазки полковника мгновенно вынырнули на лице, и в них мелькнула какая-то искра и блеск. Рукой он взмахнул, как будто желая вежливенько закрыть рот Турбину, и заговорил:

— Это печально. Гм... очень печально... Завоевания революции и прочее... У меня приказ сверху: избегать укомплектования монархическими элементами, ввиду того, что население... необходима, видите ли, сдержанность. Кроме того, гетман, с которым мы в непосредственной и теснейшей связи, как вам известно... печально... печально...

Голос полковника при этом не только не выражал никакой печали, но, наоборот, звучал очень радостно, и глазки находились в совершеннейшем противоречии с тем, что он говорил.

«Ага-а? — многозначительно подумал Турбин. — Дурак я... а полковник этот не глуп. Вероятно, карьерист, судя по физиономии, но это ничего».

— Не знаю уж, как и быть... ведь в настоящий момент, — полковник жирно подчеркнул слово «настоящий», — так в настоящий момент, я говорю, непосредственной нашей задачей является защита Города и гетмана от банд Петлюры и, возможно, большевиков. А там, там видно будет... Позвольте узнать, где вы служили, доктор, до сего времени?

— В тысяча девятьсот пятнадцатом году, по окончании университета экстерном[21], в венерологической клинике, затем младшим врачом[22] в Белградском гусарском полку[23], а затем ординатором[24] тяжелого трехсводного госпиталя[25]. В настоящее время демобилизован и занимаюсь частной практикой.

— Юнкер! — воскликнул полковник. — Попросите ко мне старшего офицера.

Чья-то голова провалилась в яме, а затем перед полковником оказался молодой офицер, черный, живой и настойчивый. Он был в круглой барашковой шапке с малиновым верхом, перекрещенным галуном[26], в серой, длинной, à la* Мышлаевский, шинели, с туго перетянутым поясом, с револьвером[27]. Его помятые золотые погоны показывали, что он штабс-капитан[28].

— Капитан Студзинский[29], — обратился к нему полковник, — будьте добры отправить в штаб командующего отношение о срочном переводе ко мне поручика... э...

— Мышлаевский, — сказал, козырнув, Мышлаевский.

— ...Мышлаевского, по специальности, из второй дружины. И туда же отношение, что лекарь...[30] э?

— Турбин...

— Турбин мне крайне необходим в качестве врача дивизиона. Просим о срочном его назначении.

— Слушаю, господин полковник, — с неправильными ударениями ответил офицер и козырнул. «Поляк»[31], — подумал Турбин.

— Вы, поручик, можете не возвращаться в дружину (это Мышлаевскому). Поручик примет четвертый взвод (офицеру).

---

* А-ля (*фр.*).

— Слушаю, господин полковник.

— Слушаю, господин полковник.

— А вы, доктор, с этого момента на службе. Предлагаю вам явиться сегодня через час на плац Александровской гимназии.

— Слушаю, господин полковник.

— Доктору немедленно выдать обмундирование.

— Слушаю.

— Слушаю, слушаю! — кричал басок в яме.

— Слушаете? Нет. Говорю: нет... Нет, говорю, — кричало за перегородкой.

Брры-ынь... Пи... Пи-у, — пела птичка в яме.

— Слушаете?..

* * *

— «Свободные Вести»![32] «Свободные Вести»! Ежедневная новая газета «Свободные Вести»! — кричал газетчик-мальчишка, повязанный сверх шапки бабьим платком. — Разложение Петлюры. Прибытие черных войск[33] в Одессу. «Свободные Вести»!

Турбин успел за час побывать дома. Серебряные погоны[34] вышли из тьмы ящика в письменном столе, помещавшемся в маленьком кабинете Турбина, примыкавшем к гостиной. Там белые занавеси на окне застекленной двери, выходящей на балкон, письменный стол с книгами и чернильным прибором, полки с пузырьками лекарств и приборами, кушетка, застланная чистой простыней. Бедно и тесновато, но уютно.

— Леночка, если сегодня я почему-либо запоздаю и если кто-нибудь придет, скажи — приема нет. Постоянных больных нет... Поскорее, детка.

Елена торопливо, оттянув ворот гимнастерки[35], пришивала погоны. Вторую пару, защитных зеленых с черным просветом[36], она пришила на шинель.

Через несколько минут Турбин выбежал через парадный ход, глянул на белую дощечку:

Доктор А.В. ТУРБИН.

Венерические болезни
и сифилис[37].
606 — 914[38].
Прием с 4-х до 6-ти, —

приклеил поправку «с 5-ти до 7-ми» и побежал вверх, по Алексеевскому спуску.

— «Свободные Вести»!

Турбин задержался, купил у газетчика и на ходу развернул газету:

БЕСПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит ежедневно.

13 декабря 1918 года.

«Вопросы внешней торговли и, в частности, торговли с Германией заставляют нас...»

— Позвольте, а где же?.. Руки зябнут.

«По сообщению нашего корреспондента, в Одессе ведутся переговоры о высадке двух дивизий черных колониальных войск. Консул Энно не допускает мысли, чтобы Петлюра...»

— Ах, сукин сын мальчишка!

«Перебежчики, явившиеся вчера в штаб нашего командования на Посту-Волынском, сообщили о все растущем разложении в рядах банд Петлюры. Третьего дня конный полк в районе Коростеня[39] открыл огонь по пехотному полку сечевых стрельцов[40]. В бандах Петлюры наблюдается сильное тяготение к миру. Видимо, авантюра Петлюры идет к краху. По сообщению того же перебежчика, полковник Болботун[41], взбунтовавшийся против Петлюры, ушел в неизвестном направлении со своим полком и четырьмя орудиями. Болботун склоняется к гетманской ориентации.

Крестьяне ненавидят Петлюру за реквизиции. Мобилизация, объявленная им в деревнях, не имеет никакого успеха. Крестьяне массами уклоняются от нее, прячась в лесах».

— Предположим... ах, мороз проклятый... Извините.

— Батюшка, что ж вы людей давите? Газетки дома надо читать...

— Извините...

«Мы всегда утверждали, что авантюра Петлюры...»

— Вот мерзавец! Ах ты ж, мерзавцы.

«Кто честен и не волк,
Идет в добровольческий полк».

— Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе?

— Да жена напетлюрила. С самого утра сегодня болботунит[42].

Турбин даже в лице изменился от этой остроты, злобно скомкал газету и швырнул ее на тротуар. Прислушался.

— Бу-у, — пели пушки. — У-уух, — откуда-то из утробы земли звучало за городом.

— Что за черт?

Турбин круто повернулся, поднял газетный ком, расправил его и прочитал еще раз на первой странице внимательно:

«В районе Ирпеня[43] столкновения наших разведчиков с отдельными группами бандитов Петлюры.
На Серебрянском направлении спокойно.
В Красном Трактире без перемен.
В направлении Боярки[44] полк гетманских сердюков лихой атакой рассеял банду в полторы тысячи человек. В плен взято два человека.»

— Гу... гу... гу... Бу... бу... бу... — ворчала серенькая зимняя даль где-то на юго-западе. Турбин вдруг открыл рот и побледнел. Машинально запихнул газету в карман. От бульвара[45] по Владимирской улице чернела и ползла толпа. Прямо по мостовой шло много людей в черных пальто... Замелькали бабы на тротуарах. Конный, из Державной Варты, ехал, словно предводитель. Рослая лошадь прядала ушами, косилась, шла боком. Рожа у всадника была растерянная. Он изредка что-то выкрикивал, помахивая нагайкой для порядка, и выкриков его никто не слушал. В толпе, в передних рядах, мелькнули золотые ризы и бороды священников, колыхнулась хоругвь[46]. Мальчишки сбегались со всех сторон.

— «Вести»! — крикнул газетчик и устремился к толпе.

Поварята в белых колпаках с плоскими донышками выскочили из преисподней ресторана «Метрополь»[47]. Толпа расплывалась по снегу, как чернила по бумаге.

Желтые длинные ящики колыхались над толпой. Когда первый поравнялся с Турбиным, тот разглядел угольную корявую надпись на его боку:

ПРАПОРЩИК ЮЦЕВИЧ.

На следующем:

ПРАПОРЩИК ИВАНОВ.

На третьем:

ПРАПОРЩИК ОРЛОВ.

В толпе вдруг возник визг. Седая женщина, в сбившейся на затылок шляпе, спотыкаясь и роняя какие-то свертки на землю, врезалась с тротуара в толпу.

— Что это такое? Ваня?! — залился ее голос. Кто-то, бледнея, побежал в сторону. Взвыла одна баба, за нею другая.

— Господи Исусе Христе! — забормотали сзади Турбина. Кто-то давил его в спину и дышал в шею.

— Господи... последние времена. Что ж это, режут людей?.. Да что ж это...

— Лучше я уж не знаю что, чем такое видеть.

— Что? Что? Что? Что? Что такое случилось? Кого это хоронят?

— Ваня! — завывало в толпе.

— Офицеров, что порезали в Попелюхе, — торопливо, задыхаясь от желания первым рассказать, бубнил голос, — выступили в Попелюху, заночевали всем отрядом, а ночью их окружили мужики с петлюровцами и начисто всех порезали. Ну начисто... Глаза повыкалывали, на плечах погоны повырезали. Форменно изуродовали...[48]

— Вот оно что? Ах, ах, ах...

ПРАПОРЩИК КОРОВИН,
ПРАПОРЩИК ГЕРДТ, —

проплывали желтые гробы.

— До чего дожили... Подумайте.

— Междуусобные брани.

— Да как же?..

— Заснули, говорят...

— Так им и треба...* — вдруг свистнул в толпе за спиной Турбина черный голосок, и перед глазами у него позеленело. В мгновение мелькнули лица, шапки. Словно клещами, ухватил Турбин, просунув руку между двумя шеями, голос за рукав черного пальто. Тот обернулся и впал в состояние ужаса.

— Что вы сказали? — шипящим голосом спросил Турбин и сразу обмяк.

— Помилуйте, господин офицер, — трясясь в ужасе, ответил голос, — я

* Так им и надо (*укр., искаж.*).

ничего не говорю. Я молчу. Что вы-с, — голос прыгал. Утиный нос побледнел[49], и Турбин сразу понял, что он ошибся, схватил не того, кого нужно. Под утиным барашковым носом торчала исключительной благонамеренности физиономия. Ничего ровно она не могла говорить, и круглые глазки закатывались от страха.

Турбин выпустил рукав и в холодном бешенстве начал рыскать глазами по шапкам, затылкам и воротникам, кипевшим вокруг него. Левой рукой он готовился что-то ухватить, а правой придерживал в кармане ручку браунинга. Печальное пение священников проплывало мимо, и рядом, надрываясь, голосила баба в платке. Хватать было решительно некого, голос словно сквозь землю провалился. Проплыл последний гроб,

ПРАПОРЩИК МОРСКОЙ, —

пролетели какие-то сани.

— «Вести»! — вдруг под самым ухом Турбина резнул сиплый альт[50].

Турбин вытащил из кармана скомканный лист и, не помня себя, два раза ткнул им мальчишке в физиономию, приговаривая со скрипом зубовным:

— Вот тебе вести. Вот тебе. Вот тебе вести. Сволочь!

На этом припадок его бешенства и прошел. Мальчишка разронял газеты, поскользнулся и сел в сугроб. Лицо его мгновенно перекосилось фальшивым плачем, а глаза наполнились отнюдь не фальшивой, лютейшей ненавистью.

— Ште это... что вы... за что мине? — загнусил он, стараясь зареветь и шаря по снегу. Чье-то лицо в удивлении выпятилось на Турбина, но боялось что-нибудь сказать. Чувствуя стыд и нелепую чепуху, Турбин вобрал голову в плечи и, круто свернув, мимо газового фонаря, мимо белого бока круглого гигантского здания музея[51], мимо каких-то развороченных ям с занесенными пленкой снега кирпичами выбежал на знакомый громадный плац — сад Александровской гимназии.

— «Вести». Ежедневная демократическая газета! — донеслось с улицы.

* * *

Стовосьмидесятиоконным, четырехэтажным громадным покоем[52] окаймляла плац родная Турбину гимназия. Восемь лет провел Турбин в ней, в течение восьми лет в весенние перемены он бегал по этому плацу, а зимами, когда классы были полны душной пыли и лежал на плацу холодный

важный снег зимнего учебного года, видел плац из окна. Восемь лет растил и учил кирпичный покой Турбина и младших — Карася и Мышлаевского.

И ровно восемь же лет назад в последний раз видел Турбин сад гимназии[53]. Его сердце защемило почему-то от страха. Ему показалось вдруг, что черная туча заслонила небо, что налетел какой-то вихрь и смыл всю жизнь, как страшный вал смывает пристань. О, восемь лет учения! Сколько в них было нелепого и грустного и отчаянного для мальчишеской души, но сколько было радостного. Серый день, серый день, серый день, ут консекутивум[54], Кай Юлий Цезарь[55], кол по космографии[56] и вечная ненависть к астрономии со дня этого кола. Но зато и весна, весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май, и, главное, вечный маяк впереди — университет[57], значит, жизнь свободная, — понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава.

И вот он всё это прошел. Вечно загадочные глаза учителей, и страшные, до сих пор еще снящиеся бассейны, из которых вечно выливается и никак не может вылиться вода[58], и сложные рассуждения о том, чем Ленский отличался от Онегина[59], и как безобразен Сократ[60], и когда основан орден иезуитов[61], и высадился Помпей[62], и еще кто-то высадился, и высадился, и высаживался в течение двух тысяч лет...

Мало этого. За восемью годами гимназии, уже вне всяких бассейнов, трупы анатомического театра, белые палаты, стеклянное молчание операционных, а затем три года метания в седле, чужие раны, унижения и страдания — о, проклятый бассейн войны... И вот высадился всё там же, на этом самом плацу, в том же саду. И бежал по плацу достаточно больной и издерганный, сжимал браунинг в кармане, бежал черт знает куда и зачем. Вероятно, защищать ту самую жизнь — будущее, из-за которого мучился над бассейнами и теми проклятыми пешеходами, из которых один идет со станции «А», а другой навстречу ему со станции «Б»[63].

Черные окна являли полнейший и угрюмейший покой. С первого взгляда становилось понятно, что это покой мертвый. Странно, в центре города, среди развала, кипения и суеты, остался мертвый четырехъярусный корабль, некогда вынесший в открытое море десятки тысяч жизней. Похоже было, что никто уже его теперь не охранял, ни звука, ни движения не было в окнах и под стенами, крытыми желтой николаевской краской[64]. Снег девственным пластом лежал на крышах, шапкой сидел на кронах каштанов, снег устилал плац ровно, и только несколько разбегающихся дорожек следов показывали, что истоптали его только что.

И главное: не только никто не знал, но и никто не интересовался — куда же всё делось? Кто теперь учится в этом корабле? А если не учится, то почему? Где сторожа? Почему страшные, тупорылые мортиры торчат под шеренгою каштанов у решетки, отделяющей внутренний палисадник у внутреннего парадного входа? Почему в гимназии цейхгауз? Чей? Кто? Зачем?..

Никто этого не знал, как никто не знал, куда девалась мадам Анжу и почему бомбы в ее магазине легли рядом с пустыми картонками?..

***

— Накати-и![65] — прокричал голос. Мортиры шевелились и ползали. Человек двести людей шевелились, перебегали, приседали и вскакивали около громадных кованых колес. Смутно мелькали желтые полушубки, серые шинели и папахи, фуражки военные защитные и синие студенческие.

Когда Турбин пересек грандиозный плац, четыре мортиры стали в шеренгу, глядя на него пастью. Спешное учение возле мортир закончилось, и в две шеренги стал пестрый новобранный строй дивизиона.

— Господин кап-пи-тан, — пропел голос Мышлаевского, — взвод готов.

Студзинский появился перед шеренгами, попятился и крикнул:

— Левое плечо вперед, шагом марш!

Строй хрустнул, колыхнулся и, нестройно топча снег, поплыл.

Замелькали мимо Турбина многие знакомые и типичные студенческие лица. В голове третьего взвода мелькнул Карась. Не зная еще, куда и зачем, Турбин захрустел рядом со взводом...

Карась вывернулся из строя и, озабоченный, идя задом, начал считать:

— Левой. Левой. Ать. Ать.

В черную пасть подвального хода гимназии змеей втянулся строй, и пасть начала заглатывать ряд за рядом.

Внутри гимназии было еще мертвеннее и мрачнее, чем снаружи. Каменную тишину и зыбкий сумрак брошенного здания быстро разбудило эхо военного шага. Под сводами стали летать какие-то звуки, точно проснулись демоны. Шорох и писк слышался в тяжком шаге — это потревоженные крысы разбегались по темным закоулкам. Строй прошел по бесконечным и черным подвальным коридорам, вымощенным кирпичными плитами, и пришел в громадный зал, где в узкие прорези решетчатых окошек, сквозь мертвую паутину, скуповато притекал свет.

Адовый грохот молотков взломал молчание. Вскрывали деревянные окованные ящики с патронами, вынимали бесконечные ленты и похожие на торты круги[66] для льюисовских пулеметов[67]. Вылезли черные и серые,

похожие на злых комаров, пулеметы. Стучали гайки, рвали клещи, в углу со свистом что-то резала пила. Юнкера вынимали кипы слежавшихся холодных папах, шинели в железных складках, негнущиеся ремни, подсумки и фляги в сукне.

— Па-а-живей, — послышался голос Студзинского.

Человек шесть офицеров, в тусклых золотых погонах, завертелись, как плауны[68] на воде. Что-то выпевал выздоровевший тенор Мышлаевского.

— Господин доктор! — прокричал Студзинский из тьмы. — Будьте любезны принять команду фельдшеров и дать ей инструкции.

Перед Турбиным тотчас оказались двое студентов. Один из них, низенький и взволнованный, был с красным крестом на рукаве студенческой шинели. Другой — в сером, и папаха налезала ему на глаза, так что он всё время поправлял ее пальцами.

— Там ящики с медикаментами, — проговорил Турбин, — выньте из них сумки, которые через плечо, и мне докторскую с набором. Потрудитесь выдать каждому из артиллеристов по два индивидуальных пакета, бегло объяснив, как их вскрыть в случае надобности.

Голова Мышлаевского выросла над серым копошащимся вечем[69]. Он влез на ящик, взмахнул винтовкой, лязгнул затвором, с треском вложил обойму и затем, целясь в окно и лязгая, лязгая и целясь, забросал юнкеров выброшенными патронами. После этого как фабрика застучала в подвале. Перекатывая стук и лязг, юнкера зарядили винтовки.

— Кто не умеет, осто-рожнее, юнкера-а, — пел Мышлаевский, — объясните студентам.

Через головы полезли ремни с подсумками и фляги.

Произошло чудо. Разношерстные пестрые люди превращались в однородный, компактный слой, над которым колючей щеткой, нестройно взмахивая и шевелясь, поднялась щетина штыков.

— Господ офицеров попрошу ко мне, — где-то прозвучал Студзинский.

В темноте коридора, под малиновый тихонький звук шпор, Студзинский заговорил негромко:

— Впечатления?

Шпоры потоптались. Мышлаевский, небрежно и ловко ткнув концами пальцев в околыш[70], пододвинулся к штабс-капитану и сказал:

— У меня во взводе пятнадцать человек не имеют понятия о винтовке. Трудновато.

Студзинский, вдохновенно глядя куда-то вверх, где скромно и серенько сквозь стекло лился последний жиденький светик, молвил:

— Настроение?

Опять заговорил Мышлаевский:

— Кхм... кхм... Гробы напортили. Студентики смутились. На них дурно влияет. Через решетку видели.

Студзинский метнул на него черные упорные глаза:

— Потрудитесь поднять настроение.

И шпоры зазвякали, расходясь.

— Юнкер Павловский![71] — загремел в цейхгаузе Мышлаевский, как Радамес[72] в «Аиде».

— Павловского... го!.. го!.. го!!. — ответил цейхгауз каменным эхом и ревом юнкерских голосов.

— Й'я!

— Алексеевского училища?

— Точно так, господин поручик.

— А ну-ка, двиньте нам песню поэнергичнее. Так, чтобы Петлюра умер, мать его душу...

Один голос, высокий и чистый, завел под каменными сводами:

Артиллеристом я рожден...

Тенора откуда-то ответили в гуще штыков:

В семье бригадной я учился.

Вся студенческая гуща как-то дрогнула, быстро со слуха поймала мотив и вдруг, стихийным басовым хоралом, стреляя пушечным эхом, взорвала весь цейхгауз:

Ог-неем-ем картечи я крещен
И буйным бархатом об-ви-и-и-ился.
Огне-е-е-е-е-ем...

Зазвенело в ушах, в патронных ящиках, в мрачных стеклах, в головах, и какие-то забытые пыльные стаканы на покатых подоконниках тряслись и звякали...

И за канаты тормозные
Меня качали номера[73].

Студзинский, выхватив из толпы шинелей, штыков и пулеметов двух розовых прапорщиков, торопливым шепотом отдавал им приказание:

— Вестибюль... сорвать кисею...[74] поживее...

И прапорщики унеслись куда-то.

Идут и поют
Юнкера гвардейской школы!
Трубы, литавры,
Тарелки звенят!!.

Пустая каменная коробка гимназии теперь ревела и выла в страшном марше, и крысы сидели в глубоких норах, ошалев от ужаса.

— Ать... ать!.. — резал пронзительным голосом рев Карась[75].

— Веселей!.. — прочищенным голосом кричал Мышлаевский. — Алексеевцы, кого хороните?..

Не серая, разрозненная гусеница, а —

Модистки! кухарки! горничные! прачки!!
Вслед юнкерам уходящим глядят!!! —

одетая колючими штыками, валила по коридору шеренга[76], и пол прогибался и гнулся под хрустом ног. По бесконечному коридору и во второй этаж в упор на гигантский, залитый светом через стеклянный купол вестибюль шла гусеница, и передние ряды вдруг начали ошалевать[77].

На кровном аргамаке[78], крытом царским вальтрапом[79] с вензелями, поднимая аргамака на дыбы, сияя улыбкой, в треуголке, заломленной с поля, с белым султаном[80], лысеватый и сверкающий Александр вылетал перед артиллеристами. Посылая им улыбку за улыбкой, исполненные коварного шарма, Александр взмахивал палашом и острием его указывал юнкерам на Бородинские полки[81]. Клубочками ядер одевались Бородинские поля, и черной тучей штыков покрывалась даль на двусаженном полотне.

...ведь были ж...
схватки боевые?!.

— Да говорят... — звенел Павловский.

Да говорят, еще какие!! —

гремели басы.

Неда-а-а-ром помнит вся Россия
Про день Бородина!!.[82]

Ослепительный Александр несся на небо, и оборванная кисея, скрывавшая его целый год, лежала валом у копыт его коня.

— Императора Александра Благословенного[83] не видели, что ли? Ровней, ровней! Ать. Ать. Леу. Леу, — выл Мышлаевский, и гусеница поднималась, осаживая лестницу грузным шагом александровской пехоты. Мимо победителя Наполеона[84] левым плечом прошел дивизион в необъятный двухсветный актовый зал и, оборвав песню, стал густыми шеренгами, колыхнув штыками. Сумрачный белесый свет царил в зале, и мертвенными, бледными пятнами глядели в простенках громадные, наглухо завешенные портреты последних царей.

Студзинский попятился и глянул на браслет-часы. В это мгновение вбежал юнкер и что-то шепнул ему.

— Командир дивизиона, — расслышали ближайшие.

Студзинский махнул рукой офицерам. Те побежали между шеренгами и выровняли их. Студзинский вышел в коридор навстречу командиру.

Звеня шпорами, полковник Малышев по лестнице, оборачиваясь и косясь на Александра, поднимался ко входу в зал. Кривая кавказская шашка с вишневым темляком[85] болталась у него на левом бедре. Он был в фуражке черного буйного бархата и длинной шинели с огромным разрезом назади. Лицо его было озабоченно. Студзинский торопливо подошел к нему и остановился, откозыряв.

Малышев спросил его:

— Одеты?

— Так точно. Все приказания исполнены.

— Ну, как?

— Драться будут. Но полная неопытность. На сто двадцать юнкеров восемьдесят студентов, не умеющих держать в руках винтовку.

Тень легла на лицо Малышева. Он помолчал.

— Великое счастье, что хорошие офицеры попались, — продолжал Студзинский, — в особенности этот новый, Мышлаевский. Как-нибудь справимся.

— Так-с. Ну-с, вот что: потрудитесь после моего смотра дивизион, за исключением офицеров и караула в шестьдесят человек из лучших и опытнейших юнкеров, которых вы оставите у орудий, в цейхгаузе и на охране здания, распустить по домам, с тем чтобы завтра в семь часов утра весь дивизион был в сборе здесь.

Дикое изумление разбило Студзинского, глаза его неприличнейшим образом выкатились на господина полковника. Рот раскрылся.

— Господин полковник... — все ударения у Студзинского от волнения полезли на предпоследний слог[86], — разрешите доложить. Это невозможно. Единственный способ сохранить сколько-нибудь боеспособным дивизион — это задержать его на ночь здесь.

Господин полковник тут же и очень быстро обнаружил новое свойство — великолепнейшим образом сердиться. Шея его и щеки побурели и глаза загорелись.

— Капитан, — заговорил он неприятным голосом, — я вам в ведомости прикажу выписать жалованье не как старшему офицеру, а как лектору, читающему командирам дивизионов, и это мне будет неприятно, потому что я полагал, что в вашем лице я буду иметь именно опытного старшего офицера, а не штатского профессора. Ну-с, так вот: лекции мне не нужны. Па-прошу вас советов мне не давать! Слушать, запоминать. А запомнив — исполнять!

И тут оба выпятились друг на друга.

Самоварная краска полезла по шее и щекам Студзинского, и губы его дрогнули. Как-то скрипнув горлом, он произнес:

— Слушаю, господин полковник.

— Да-с, слушать. Распустить по домам. Приказать выспаться и распустить без оружия, а завтра чтобы явились в семь часов. Распустить, и мало того: мелкими партиями, а не взводными ящиками[87], и без погон, чтобы не привлекать внимания зевак своим великолепием.

Луч понимания мелькнул в глазах Студзинского, и обида в них погасла.

— Слушаю, господин полковник.

Господин полковник тут резко изменился.

— Александр Брониславович[88], я вас знаю не первый день как опытного и боевого офицера. Но ведь и вы меня знаете? Стало быть, обиды нет? Обиды в такой час неуместны. Я неприятно сказал — забудьте, ведь вы тоже...

Студзинский залился густейшей краской.

— Точно так, господин полковник, я виноват.

— Ну-с, и отлично. Не будем же терять времени, чтобы их не расхолаживать. Словом, всё на завтра. Завтра яснее будет видно. Во всяком случае, скажу заранее: на орудия — внимания ноль, имейте в виду — лошадей не будет и снарядов тоже. Стало быть, завтра с утра стрельба из винтовок, стрельба и стрельба. Сделайте мне так, чтобы дивизион завтра к полудню стрелял, как призовой полк[89]. И всем опытным юнкерам — гранаты. Понятно?

Мрачнейшие тени легли на Студзинского. Он напряженно слушал.

— Господин полковник, разрешите спросить?

— Знаю-с, что вы хотите спросить. Можете не спрашивать. Я сам вам отвечу — погано-с. Бывает хуже, но редко. Теперь понятно?

— Точно так!

— Ну так вот-с, — Малышев очень понизил голос, — понятно, что мне не хочется остаться в этом каменном мешке на подозрительную ночь и, чего доброго, угробить двести ребят, из которых сто двадцать даже не умеют стрелять![90]

Студзинский молчал.

— Ну так вот-с. А об остальном вечером. Всё успеем. Валите к дивизиону.

И они вошли в зал.

— Смир-р-р-р-но. Га-сааа офицеры!* — прокричал Студзинский.

— Здравствуйте, артиллеристы!

Студзинский из-за спины Малышева, как беспокойный режиссер, взмахнул рукой, и серая колючая стена рявкнула так, что дрогнули стекла.

— Здра...рра...жла...гсин... полковник...**

Малышев весело оглядел ряды, отнял руку от козырька и заговорил:

— Бесподобно... Артиллеристы! Слов тратить не буду, говорить не умею, потому что на митингах не выступал, и потому скажу коротко. Будем мы бить Петлюру, сукина сына, и, будьте покойны, побьем. Среди вас владимировцы, константиновцы, алексеевцы[91], орлы их ни разу еще не видали от них сраму. А многие из вас воспитанники этой знаменитой гимназии. Старые ее стены смотрят на вас[92]. И я надеюсь, что вы не заставите краснеть за вас. Артиллеристы мортирного дивизиона! Отстоим Город великий в часы осады бандитом. Если мы обкатим этого милого президента шестью дюймами[93], небо ему покажется не более, чем его собственные подштанники, мать его душу через семь гробов!!!

— Га... а-а... Га-а, — ответила колючая гуща, подавленная бойкостью выражений господина полковника.

— Постарайтесь, артиллеристы!

Студзинский опять, как режиссер из-за кулис, испуганно взмахнул рукой, и опять громада обрушила пласты пыли своим воплем, повторенным громовым эхом:

— Ррр... Ррррр... Стра... Ррррррр!!!***

---

* Господа офицеры (*искаж.*).

** Здравия желаем, господин полковник (*искаж.*).

*** Рады стараться, ваше высокоблагородие (*искаж.*).

***

Через десять минут в актовом зале, как на Бородинском поле[94], стали сотни ружей в козлах[95]. Двое часовых зачернели на концах поросшей штыками паркетной пыльной равнины. Где-то в отдалении внизу стучали и перекатывались шаги торопливо расходившихся, согласно приказу, новоявленных артиллеристов. В коридорах что-то ковано гремело и стучало, и слышались офицерские выкрики — Студзинский сам разводил караулы. Затем неожиданно в коридорах запела труба. В ее рваных, застоявшихся звуках, летящих по всей гимназии, грозность была надломлена, а слышна явственная тревога и фальшь. В коридоре над пролетом, окаймленным двумя рамками лестницы в вестибюль, стоял юнкер и раздувал щеки. Георгиевские потертые ленты свешивались с тусклой медной трубы. Мышлаевский, растопырив ноги циркулем, стоял перед трубачом и учил, и пробовал его.

— Не доно́сите... Теперь так, так. Раздуйте ее, раздуйте. Залежалась, матушка. А ну-ка, тревогу.

— Та-та-там-та-там, — пел трубач, наводя ужас и тоску на крыс.

Сумерки резко ползли в двусветный зал. Перед полем в козлах остались Малышев и Турбин. Малышев как-то хмуро глянул на врача, но сейчас же устроил на лице приветливую улыбку.

— Ну-с, доктор, у вас как? Санитарная часть в порядке?

— Точно так, господин полковник.

— Вы, доктор, можете отправляться домой. И фельдшеров отпустите. И таким образом: фельдшера пусть явятся завтра в семь часов утра, вместе с остальными... А вы (Малышев подумал, прищурился)... Вас попрошу прибыть сюда завтра в два часа дня. До тех пор вы свободны (Малышев опять подумал). И вот что-с: погоны можете пока не надевать (Малышев помялся). В наши планы не входит особенно привлекать к себе внимание. Одним словом, завтра прошу в два часа сюда.

— Слушаю-с, господин полковник.

Турбин потоптался на месте. Малышев вынул портсигар и предложил ему папиросу. Турбин в ответ зажег спичку. Загорелись две красные звездочки, и тут же сразу стало ясно, что значительно потемнело. Малышев беспокойно глянул вверх, где смутно белели дуговые шары[96], потом вышел в коридор.

— Поручик Мышлаевский. Пожалуйте сюда. Вот что-с: поручаю вам электрическое освещение здания полностью. Потрудитесь в кратчайший срок осветить. Будьте любезны овладеть им настолько, чтобы в любое

мгновение вы могли его всюду не только зажечь, но и потушить. И ответственность за освещение целиком ваша.

Мышлаевский козырнул, круто повернулся. Трубач пискнул и прекратил. Мышлаевский, бренча шпорами — топы-топы-топы, — покатился по парадной лестнице с такой быстротой, словно поехал на коньках. Через минуту откуда-то снизу раздались его громовые удары кулаками куда-то и командные вопли. И в ответ им, в парадном подъезде, куда вел широченный двускатный вестибюль[97], дав слабый отблеск на портрет Александра, вспыхнул свет. Малышев от удовольствия даже приоткрыл рот и обратился к Турбину:

— Нет, черт возьми... Это действительно офицер. Видали?

А снизу на лестнице показалась фигурка и медленно полезла по ступеням вверх. Когда она повернула на первой площадке, и Малышев и Турбин, свесившись с перил, разглядели ее. Фигурка шла на разъезжающихся больных ногах и трясла белой головой. На фигурке была широкая двубортная куртка с серебряными пуговицами и цветными зелеными петлицами. В прыгающих руках у фигурки торчал огромный ключ. Мышлаевский поднимался сзади и изредка покрикивал:

— Живее, живее, старикан! Что ползешь, как вошь по струне?

— Ваше... ваше... — шамкал и шаркал тихонько старик. Из мглы на площадке вынырнул Карась, за ним другой, высокий офицер, потом два юнкера и, наконец, вострорылый пулемет. Фигурка метнулась в ужасе, согнулась, согнулась и в пояс поклонилась пулемету.

— Ваше высокоблагородие, — бормотала она.

Наверху фигурка трясущимися руками, тычась в полутьме, открыла продолговатый ящик на стене, и белое пятно глянуло из него. Старик сунул руку куда-то, щелкнул, и мгновенно залило верхнюю площадь вестибюля, вход в актовый зал и коридор.

Тьма свернулась и убежала в его концы. Мышлаевский овладел ключом моментально и, просунув руку в ящик, начал играть, щелкая черными ручками. Свет, ослепительный до того, что даже отливал в розовое, то загорался, то исчезал. Вспыхнули шары в зале и погасли. Неожиданно загорелись два шара по концам коридора, и тьма, кувыркнувшись, улизнула совсем.

— Как? Эй! — кричал Мышлаевский.

— Погасло, — отвечали голоса снизу из провала вестибюля.

— Есть! Горит! — кричали снизу.

Вдоволь наигравшись, Мышлаевский окончательно зажег зал, коридор и рефлектор[98] над Александром, запер ящик на ключ и опустил его в карман.

— Катись, старикан, спать, — молвил он успокоительно. — Всё в полном порядке.

Старик виновато заморгал подслеповатыми глазами.

— А ключик-то? Ключик... ваше высокоблагородие... Как же? У вас, что ли, будет?

— Ключик у меня будет. Вот именно.

Старик потрясся еще немножко и медленно стал уходить.

— Юнкер!

Румяный толстый юнкер грохнул ложем[99] у ящика и стал неподвижно.

— К ящику пропускать беспрепятственно командира дивизиона, старшего офицера и меня. Но никого более. В случае надобности, по приказанию одного из трех, ящик взломаете, но осторожно, чтобы ни в коем случае не повредить щита.

— Слушаю, господин поручик.

Мышлаевский поравнялся с Турбиным и шепнул:

— Максим-то...[100] видал?

— Господи... видал, видал, — шепнул Турбин.

Командир дивизиона стал у входа в актовый зал, и тысяча огней играла на серебряной резьбе его шашки. Он поманил Мышлаевского и сказал:

— Ну, вот-с, поручик, я доволен, что вы попали к нам в дивизион. Молодцом.

— Рад стараться, господин полковник.

— Вы еще наладите нам отопление здесь в зале, чтобы отогревать смены юнкеров, а уж об остальном я позабочусь сам. Накормлю вас и водки достану, в количестве небольшом, но достаточном[101], чтобы согреться.

Мышлаевский приятнейшим образом улыбнулся господину полковнику и внушительно откашлялся:

— Эк... км...

Турбин более не слушал. Наклонившись над балюстрадой, он не отрывал глаз от белоголовой фигурки, пока она не исчезла внизу. Пустая тоска овладела Турбиным. Тут же, у холодной балюстрады, с исключительной ясностью перед ним прошло воспоминание.

...толпа гимназистов всех возрастов в полном восхищении валила по этому самому коридору. Коренастый Максим, старший педель[102], стремительно увлекал две черные фигурки, открывая чудное шествие.

— Пущай, пущай, пущай, пущай, — бормотал он, — пущай по случаю радостного приезда господина попечителя[103]

господин инспектор[104] полюбуются на господина Турбина с господином Мышлаевским. Это им будет удовольствие. Прямо-таки замечательное удовольствие!

Надо думать, что последние слова Максима заключали в себе злейшую иронию. Лишь человеку с извращенным вкусом созерцание господ Турбина и Мышлаевского могло доставить удовольствие, да еще в радостный час приезда попечителя.

У господина Мышлаевского, ущемленного в левой руке Максима, была наискось рассечена верхняя губа и левый рукав висел на нитке. На господине Турбине, увлекаемом правою, не было пояса и все пуговицы отлетели, и не только на блузе, но даже на разрезе брюк спереди, так что собственное тело и белье господина Турбина безобразнейшим образом было открыто для взоров.

— Пустите нас, миленький Максим, дорогой, — молили Турбин и Мышлаевский, обращая по очереди к Максиму угасающие взоры на окровавленных лицах.

— Ура! Волоки его, Макс Преподобный![105] — кричали сзади взволнованные гимназисты. — Нет такого закону[106], чтобы второклассников безнаказанно уродовать![107]

Ах, Боже мой, Боже мой. Тогда было солнце, шум и грохот. И Максим тогда был не такой, как теперь, — белый, скорбный и голодный. У Максима на голове была черная сапожная щетка, лишь кое-где тронутая нитями проседи, у Максима железные клещи вместо рук, и на шее медаль величиною с колесо на экипаже... Ах, колесо, колесо. Всё-то ты ехало из деревни «Б», делая «N» оборотов[108], и вот приехало в каменную пустоту. Боже, какой холод. Нужно защищать теперь... Но что? Пустоту? Гул шагов?.. Разве ты, ты, Александр, спасешь Бородинскими полками гибнущий дом? Оживи, сведи их с полотна! Они побили бы Петлюру.

Ноги Турбина понесли его вниз сами собой. «Максим!» — хотелось ему крикнуть, потом он стал останавливаться и совсем остановился. Представил себе Максима внизу, в подвальной квартирке, где жили сторожа. Наверное, трясется у печки, всё забыл и еще будет плакать. А тут и так тоски по самое горло. Плюнуть надо на всё это. Довольно сентиментальничать. Просентиментальничали свою жизнь. Довольно.

***

И все-таки когда Турбин отпустил фельдшеров, он оказался в пустом сумеречном классе. Угольными пятнами глядели со стен доски. И парты стояли рядами. Он не удержался, поднял крышку[109] и присел. Трудно, тяжело, неудобно. Как близка черная доска. Да, клянусь, клянусь, тот самый класс или соседний, потому что вон из окна тот самый вид на Город. Вон черная умершая громада университета. Стрела бульвара в белых огнях, коробки домов, провалы тьмы, стены, высь небес...

А в окнах настоящая опера «Ночь под Рождество», снег и огонечки, дрожат и мерцают... «Желал бы я знать, почему стреляют в Святошине?» И безобидно, и далеко, пушки как в вату – бу-у, бу-у...

– Довольно.

Турбин опустил крышку парты, вышел в коридор и мимо караулов ушел через вестибюль на улицу. В парадном подъезде стоял пулемет. Прохожих на улице было мало, и шел крупный снег.

***

Господин полковник провел хлопотливую ночь. Много рейсов совершил он между гимназией и находящейся в двух шагах от нее мадам Анжу. К полуночи машина хорошо работала и полным ходом. В гимназии, тихонько шипя, изливали розовый свет калильные фонари[110] в шарах. Зал значительно потеплел, потому что весь вечер и всю ночь бушевало пламя в старинных печах в библиотечных приделах[111] зала.

Юнкера, под командою Мышлаевского, «Отечественными записками»[112] и «Библиотекой для чтения»[113] за 1863 год разожгли белые печи и потом всю ночь непрерывно, гремя топорами, старыми партами топили их. Студзинский и Мышлаевский, приняв по два стакана спирта (господин полковник сдержал свое обещание и доставил его в количестве достаточном, чтобы согреться, именно – полведра), сменяясь, спали по два часа вповалку с юнкерами на шинелях у печек, и багровые огни и тени играли на их лицах. Потом вставали, всю ночь ходили от караула к караулу, проверяя посты. И Карась с юнкерами-пулеметчиками дежурил у выходов в сад. И в бараньих тулупах, сменяясь каждый час, стояли четверо юнкеров у толстомордых мортир.

У мадам Анжу печка раскалилась как черт, в трубах звенело и несло, один из юнкеров стоял на часах у двери, не спуская глаз с мотоциклетки

у подъезда, и пять юнкеров мертво спали в магазине, расстелив шинели. К часу ночи господин полковник окончательно обосновался у мадам Анжу, зевал, но еще не ложился, всё время беседуя с кем-то по телефону. А в два часа ночи, свистя, подъехала мотоциклетка, и из нее вылез военный человек в серой шинели.

— Пропустить. Это ко мне.

Человек доставил полковнику объемистый узел в простыне, перевязанный крест-накрест веревкою. Господин полковник собственноручно запрятал его в маленькую каморочку, находящуюся в приделе магазина, и запер ее на висячий замок. Серый человек покатил на мотоциклетке обратно, а господин полковник перешел на галерею и там, разложив шинель и положив под голову груду лоскутов, лег и, приказав дежурному юнкеру разбудить себя ровно в шесть с половиной, заснул.

7

Глубокою ночью угольная тьма залегла на террасах лучшего места в мире — Владимирской горки. Кирпичные дорожки и аллеи были скрыты под нескончаемым пухлым пластом нетронутого снега.

Ни одна душа в Городе, ни одна нога не беспокоила зимою многоэтажного массива. Кто пойдет на Горку ночью, да еще в такое время? Да страшно там просто! И храбрый человек не пойдет. Да и делать там нечего. Одно всего освещенное место: стоит на страшном тяжелом постаменте уже сто лет чугунный черный Владимир[1] и держит в руке, стоймя, трехсаженный крест. Каждый вечер, лишь окутают сумерки обвалы, скаты и террасы, зажигается крест и горит всю ночь. И далеко виден, верст за сорок виден в черных далях, ведущих к Москве. Но тут освещает немного, падает, задев зелено-черный бок постамента, бледный электрический свет, вырывает из тьмы балюстраду и кусок решетки, окаймляющей среднюю террасу. Больше ничего. А уж дальше, дальше!.. Полная тьма. Деревья во тьме, странные, как люстры в кисее, стоят в шапках снега, и сугробы кругом по самое горло. Жуть.

Ну, понятное дело, ни один человек и не потащится сюда. Даже самый отважный. Незачем, самое главное. Совсем другое дело в Городе. Ночь тревожная, важная, военная ночь. Фонари горят бусинами. Немцы спят, но вполглаза спят. В самом темном переулке вдруг рождается голубой конус.

— Halt!*

Хруст... Хруст... посредине улицы ползут пешки в тазах. Черные наушники... Хруст... Винтовочки не за плечами, а на руку. С немцами шутки шутить нельзя пока что...[2] Что бы там ни было, а немцы — штука серьезная. Похожи на навозных жуков.

---

* Стоять! (*нем.*)

— Докумиэнт!

— Halt!

Конус из фонарика. Эгей!..

И вот тяжелая черная лакированная машина, впереди четыре огня. Не простая машина, потому что вслед за зеркальной кареткой скачет облегченной рысью[3] конвой — восемь конных. Но немцам это всё равно. И машине кричат:

— Halt!

— Куда? Кто? Зачем?

— Командующий, генерал от кавалерии Белоруков.

Ну, это, конечно, другое дело. Это пожалуйста. В стеклах кареты, в глубине, бледное усатое лицо. Неясный блеск на плечах генеральской шинели. И тазы немецкие козырнули. Правда, в глубине души им всё равно, что командующий Белоруков, что Петлюра, что предводитель зулусов[4] в этой паршивой стране. Но тем не менее... У зулусов жить — по-зулусьи выть[5]. Козырнули тазы. Международная вежливость, как говорится.

* * *

Ночь важная военная. Из окон мадам Анжу падают лучи света. В лучах дамские шляпы, и корсеты, и панталоны, и севастопольские пушки. И ходит, ходит маятник-юнкер, зябнет, штыком чертит императорский вензель. И там, в Александровской гимназии, льют шары, как на балу. Мышлаевский, подкрепившись водкой в количестве достаточном, ходит, ходит, на Александра Благословенного поглядывает, на ящик с выключателями посматривает[6]. В гимназии довольно весело и важно. В караулах как-никак восемь пулеметов и юнкера — это вам не студенты!.. Они, знаете ли, драться будут. Глаза у Мышлаевского, как у кролика, — красные. Которая уж ночь, и сна мало, а водки много и тревоги порядочно. Ну, в Городе с тревогою пока что легко справиться. Ежели ты человек чистый, пожалуйста, гуляй. Правда, раз пять остановят. Но если документы налицо, иди себе, пожалуйста. Удивительно, что ночью шляешься, но иди...

А на Горку кто полезет? Абсолютная глупость. Да еще и ветер там на высотах... пройдет по сугробным аллеям, так тебе чертовы голоса померещатся. Если бы кто и полез на Горку, то уж разве какой-нибудь совсем отверженный человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае. Полный мизерабль, как у Гюго[7]. Такой, которому в Город и показываться не следует, а уж если и показываться, то на свой риск

и страх. Проскочишь между патрулями — твоя удача, не проскочишь — не прогневайся. Ежели бы такой человек на Горку и попал, пожалеть его искренно следовало бы по человечеству.

Ведь это и собаке не пожелаешь. Ветер-то ледяной. Пять минут на нем побудешь и домой запросишься, а...

— Як часов с пьять?* Эх... Эх... померзнем!..

Главное, ходу нет в верхний Город мимо Панорамы[8] и водонапорной башни[9], там, изволите ли видеть, в Михайловском переулке, в монастырском доме штаб князя Белорукова[10]. И поминутно — то машины с конвоем, то машины с пулеметами, то...

— Офицерня, ах твою душу, щоб вам повылазило!

Патрули, патрули, патрули.

А по террасам вниз в нижний Город — Подол — и думать нечего, потому что на Александровской улице[11], что вьется у подножья Горки, во-первых, фонари цепью, а во-вторых, немцы, хай им бис!** патруль за патрулем! Разве уж под утро? Да ведь замерзнем до утра. Ледяной ветер — гу-у... — пройдет по аллеям, и мерещится, что бормочут в сугробах у решетки человеческие голоса:

— Замерзнем, Кирпатый![12]

— Терпи, Немоляка[13], терпи. Походят патрули до утра, заснут. Проскочим на Взвоз, отогреемся у Сычихи.

Пошевелится тьма вдоль решетки, и кажется, что три чернейших тени жмутся к парапету, тянутся, глядят вниз, где как на ладони Александровская улица. Вот она молчит, вот пуста, но вдруг побегут два голубоватых конуса — пролетят немецкие машины или же покажутся черные лепешечки тазов и от них короткие острые тени... И как на ладони видно...

Отделяется одна тень на Горке, и сипит ее волчий острый голос:[14]

— Э... Немоляка... Рискуем! Ходим. Может, проскочим...

Нехорошо на Горке.

***

И во дворце[15], представьте себе, тоже нехорошо. Какая-то странная, неприличная ночью во дворце суета. Через зал, где стоят аляповатые золоченые стулья, по лоснящемуся паркету мышиной побежкой пробежал старый

---

* Небось часов пять? (*укр., искаж.*)

** Черт бы их побрал! (*укр., искаж.*)

лакей с бакенбардами. Где-то в отдалении прозвучал дробный электрический звоночек, прозвякали чьи-то шпоры. В спальне зеркала в тусклых рамах с коронами отразили странную, неестественную картину. Худой, седоватый, с подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек[16] в богатой черкеске[17] с серебряными газырями[18] заметался у зеркал. Возле него шевелились три немецких офицера и двое русских. Один в черкеске, как и сам центральный человек, другой во френче и рейтузах, обличавших их кавалергардское происхождение, но в клиновидных гетманских погонах. Они помогли лисьему человеку переодеться[19]. Была совлечена черкеска, широкие шаровары, лакированные сапоги. Человека облекли в форму германского майора, и он стал не хуже и не лучше сотен других майоров. Затем дверь отворилась, раздвинулись пыльные дворцовые портьеры и пропустили еще одного человека в форме военного врача германской армии. Он принес с собой целую груду пакетов, вскрыл их и наглухо умелыми руками забинтовал голову новорожденного германского майора так, что остался видным лишь правый лисий глаз да тонкий рот, чуть приоткрывавший золотые и платиновые коронки.

Неприличная ночная суета во дворце продолжалась еще некоторое время. Каким-то офицерам, слоняющимся в зале с аляповатыми стульями и в зале соседнем, вышедший германец рассказал по-немецки, что майор фон Шратт[20], разряжая револьвер, нечаянно ранил себя в шею и что его сейчас срочно нужно отправить в германский госпиталь. Где-то звенел телефон, еще где-то пела птичка — пиу! Засим к боковому подъезду дворца, пройдя через стрельчатые резные ворота, подошла германская бесшумная машина с красным крестом, и закутанного в марлю, наглухо запакованного в шинель таинственного майора фон Шратта вынесли на носилках и, откинув стенку специальной машины, заложили в нее[21]. Ушла машина, раз глухо рявкнув на повороте при выезде из ворот.

Во дворце же продолжалась до самого утра суетня и тревога, горели огни в залах портретных и в залах золоченых, часто звенел телефон, и лица у лакеев стали как будто наглыми, и в глазах заиграли веселые огни...

В маленькой узкой комнатке в первом этаже дворца у телефонного аппарата оказался человек в форме артиллерийского полковника[22]. Он осторожно прикрыл дверь в маленькую обеленную[23], совсем не похожую на дворцовую, аппаратную комнату и лишь тогда взялся за трубку. Он попросил бессонную барышню на станции дать ему номер 212. И, получив его, сказал «мерси», строго и тревожно сдвинул брови и спросил интимно и глуховато:

— Это штаб мортирного дивизиона?[24]

***

Увы, увы! Полковнику Малышеву не пришлось спать до половины седьмого, как он рассчитывал. В четыре часа ночи[25] птичка в магазине мадам Анжу запела чрезвычайно настойчиво, и дежурный юнкер вынужден был господина полковника разбудить. Господин полковник проснулся с замечательной быстротой и сразу и остро стал соображать, словно вовсе никогда и не спал[26]. И в претензии на юнкера за прерванный сон господин полковник не был. Мотоциклетка увлекла его в начале пятого утра куда-то, а когда к пяти полковник вернулся к мадам Анжу, он так же тревожно и строго в боевой нахмуренной думе сдвинул свои брови, как и тот полковник во дворце, который из аппаратной вызывал мортирный дивизион.

***

В семь часов на Бородинском поле, освещенном розоватыми шарами, стояла, пожимаясь от предрассветного холода, гудя и ворча говором, та же растянутая гусеница, что поднималась по лестнице к портрету Александра. Штабс-капитан Студзинский стоял поодаль ее в группе офицеров и молчал. Странное дело, в глазах его был тот же косоватый отблеск тревоги, как у полковника Малышева, начиная с четырех часов утра. Но всякий, кто увидел бы и полковника, и штабс-капитана в эту знаменитую ночь, мог бы сразу и уверенно сказать, в чем разница: у Студзинского в глазах – тревога предчувствия, а у Малышева в глазах тревога определенная, когда всё уже совершенно ясно, понятно и погано. У Студзинского из-за обшлага[27] его шинели торчал длинный список артиллеристов дивизиона. Студзинский только что произвел перекличку и убедился, что двадцати человек не хватает. Поэтому список носил на себе след резкого движения штабс-капитанских пальцев: он был скомкан.

В похолодевшем зале вились дымки – в офицерской группе курили.

Минута в минуту, в семь часов перед строем появился полковник Малышев, и, как предыдущим днем, его встретил приветственный грохот в зале. Господин полковник, как и в предыдущий день, был опоясан серебряной шашкой, но в силу каких-то причин тысяча огней уже не играла на серебряной резьбе. На правом бедре у полковника покоился револьвер в кобуре, и означенная кобура, вероятно, вследствие несвойственной полковнику Малышеву рассеянности, была расстегнута.

Полковник выступил перед дивизионом, левую руку в перчатке положил на эфес шашки, а правую без перчатки нежно наложил на кобуру и произнес следующие слова:

— Приказываю господам офицерам и артиллеристам мортирного дивизиона слушать внимательно то, что я им скажу! За ночь в нашем положении, в положении армии и, я бы сказал, в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения[28]. Поэтому я объявляю вам, что дивизион распущен! Предлагаю каждому из вас, сняв с себя всякие знаки отличия и захватив здесь в цейхгаузе всё, что каждый из вас пожелает и что он может унести на себе, разойтись по домам, скрыться в них, ничем себя не проявлять и ожидать нового вызова от меня!

Он помолчал и этим как будто бы еще больше подчеркнул ту абсолютно полную тишину, что была в зале. Даже фонари перестали шипеть. Все взоры артиллеристов и офицерской группы сосредоточились на одной точке в зале, именно на подстриженных усах господина полковника.

Он заговорил вновь:

— Этот вызов последует с моей стороны немедленно, лишь произойдет какое-либо изменение в положении. Но должен вам сказать, что надежд на него мало. Сейчас мне самому еще неизвестно, как сложится обстановка, но я думаю, что лучшее, на что может рассчитывать каждый... э... (полковник вдруг выкрикнул следующее слово) лучший! из вас — это быть отправленным на Дон[29]. Итак: приказываю всему дивизиону, за исключением господ офицеров и тех юнкеров, которые сегодня ночью несли караулы, немедленно разойтись по домам!

— А?! А?! Га, га, га! — прошелестело по всей громаде, и штыки в ней как-то осели. Замелькали растерянные лица, и как будто где-то в шеренгах мелькнуло несколько обрадованных глаз...

Из офицерской группы выделился штабс-капитан Студзинский, как-то иссиня-бледноватый, косящий глазами, сделал несколько шагов по направлению к полковнику Малышеву, затем оглянулся на офицеров. Мышлаевский смотрел не на него, а всё туда же, на усы полковника Малышева, причем вид у него был такой, словно он хочет по своему обыкновению выругаться скверными матерными словами. Карась нелепо подбоченился и заморгал глазами. А в отдельной группочке молодых прапорщиков вдруг прошелестело неуместное разрушительное слово: «Арест!..»

— Что такое? Как? — где-то баском послышалось в шеренге среди юнкеров.

— Арест!..

— Измена!!

Студзинский неожиданно и вдохновенно глянул на светящийся шар над головой, вдруг скосил глаза на ручку кобуры и крикнул:

— Эй, первый взвод!

Передняя шеренга с краю сломалась, серые фигуры выделились из нее, и произошла странная суета.

— Господин полковник! — совершенно сиплым голосом сказал Студзинский. — Вы арестованы.

— Арестовать его!! — вдруг истерически звонко выкрикнул один из прапорщиков и двинулся к полковнику.

— Постойте, господа! — крикнул медленно, но прочно соображающий Карась.

Мышлаевский проворно выскочил из группы, ухватил экспансивного прапорщика за рукав шинели и отдернул его назад.

— Пустите меня, господин поручик! — злобно дернув ртом, выкрикнул прапорщик.

— Тише! — прокричал чрезвычайно уверенный голос господина полковника. Правда, и ртом он дергал не хуже самого прапорщика, правда, и лицо его пошло красными пятнами, но в глазах у него было уверенности больше, чем у всей офицерской группы. И все остановились.

— Тише! — повторил полковник. — Приказываю вам стать на места и слушать!

Воцарилось молчание, и у Мышлаевского резко насторожился взор. Было похоже, что какая-то мысль уже проскочила в его голове и он ждал уже от господина полковника вещей важных и еще более интересных, чем те, которые тот уже сообщил.

— Да, да, — заговорил полковник, дергая щекой, — да, да... Хорош бы я был, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог. Очень был бы хорош! Но то, что простительно добровольцу-студенту, юноше-юнкеру, в крайнем случае прапорщику, ни в коем случае не простительно вам, господин штабс-капитан!

При этом полковник вонзил в Студзинского исключительной резкости взор. В глазах у господина полковника по адресу Студзинского прыгали искры настоящего раздражения. Опять стала тишина.

— Ну так вот-с, — продолжал полковник. — В жизнь свою не митинговал, а, видно, сейчас придется. Что ж, помитингуем! Ну так вот-с: правда, ваша попытка арестовать своего командира обличает в вас хороших патриотов, но она же показывает, что вы, э... офицеры, как бы выразиться? неопытные! Коротко: времени у меня нет, и уверяю вас, — зловеще и значительно подчеркнул полковник, — и у вас тоже. Вопрос: кого желаете защищать?

Молчание.

— Кого желаете защищать, я спрашиваю? — грозно повторил полковник.

Мышлаевский с искрами огромного и теплого интереса выдвинулся из группы, козырнул и молвил:

— Гетмана обязаны защищать, господин полковник.

Глаза его светло и смело глядели на полковника.

— Гетмана? — переспросил полковник. — Отлично-с. Дивизион, смирно! — вдруг рявкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. — Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал как последняя каналья и трус! Сегодня же, через час после гетмана, бежал туда же, куда и гетман, то есть в германский поезд, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков[30]. Не позже чем через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки. Слушайте: у Петлюры на подступах к городу свыше чем стотысячная армия[31], и завтрашний день... да что я говорю, не завтрашний, а сегодняшний, — полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом, — разрозненные, разбитые части несчастных офицеров и юнкеров, брошенные штабными мерзавцами и этими двумя прохвостами, которых следовало бы повесить, встретятся с прекрасно вооруженными и превышающими их в двадцать раз численностью войсками Петлюры... Слушайте, дети мои! — вдруг сорвавшимся голосом крикнул полковник Малышев, по возрасту годившийся никак не в отцы, а лишь в старшие братья всем стоящим под штыками. — Слушайте! Я, кадровый офицер, вынесший войну с германцами, чему свидетель штабс-капитан Студзинский, на свою совесть и ответственность беру всё! всё! Вас предупреждаю! Вас посылаю домой!! Понятно? — прокричал он.

— Да... а... га, — ответила масса, и штыки ее закачались. И затем громко и судорожно заплакал во второй шеренге какой-то юнкер.

Штабс-капитан Студзинский совершенно неожиданно для всего дивизиона, а вероятно, и для самого себя, странным не офицерским жестом ткнул руками в перчатках в глаза, причем дивизионный список упал на пол, и заплакал.

Тогда, заразившись от него, зарыдали еще многие юнкера, шеренги сразу развалились, и голос Радамеса — Мышлаевского, покрывая нестройный гвалт, рявкнул трубачу:

— Юнкер Павловский! Бейте отбой!!

* * *

— Господин полковник, разрешите поджечь здание гимназии? — светло глядя на полковника, сказал Мышлаевский.

— Не разрешаю, — вежливо и спокойно ответил ему Малышев.

— Господин полковник, — задушевно сказал Мышлаевский, — Петлюре достанется цейхгауз, орудия и главное... — Мышлаевский указал рукою в дверь, где в вестибюле над пролетом виднелась голова Александра[32].

— Достанется, — вежливо подтвердил полковник.

— Но как же, господин полковник?..

Малышев повернулся к Мышлаевскому, глядя на него внимательно, сказал следующее:

— Господин поручик, Петлюре через три часа достанутся сотни живых жизней, и единственно о чем я жалею, что я ценой своей жизни и даже вашей, еще более дорогой, конечно, их гибели приостановить не могу. О портретах, пушках и винтовках попрошу вас более со мною не говорить.

— Господин полковник, — сказал Студзинский, остановившись перед Малышевым, — от моего лица и от лица офицеров, которых я толкнул на безобразную выходку, прошу вас принять наши извинения.

— Принимаю, — вежливо ответил полковник.

* * *

Когда над Городом начал расходиться утренний туман, тупорылые мортиры стояли у Александровского плаца без замков[33], винтовки и пулеметы, развинченные и разломанные, были разбросаны в тайниках чердака. В снегу, в ямах и в тайниках подвалов были разбросаны груды патронов, и шары больше не источали света в зале и коридорах. Белый щит с выключателями разломали штыками юнкера под командой Мышлаевского.

* * *

В окнах было совершенно сине. И в синеве на площадке оставались двое, уходящие последними, — Мышлаевский и Карась.

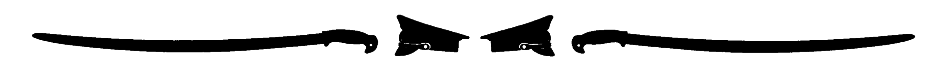
— Предупредил ли Алексея командир? — озабоченно спросил Мышлаевский Карася.

— Конечно, командир предупредил, ты ж видишь, что он не явился? — ответил Карась.

– К Турбиным не попадем сегодня днем?

– Нет уж, днем нельзя, придется закапывать...[34] то да се. Едем к себе на квартиру.

В окнах было сине, а на дворе уже беловато и вставал и расходился туман[35].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

8

Да, был виден туман. Игольчатый мороз, косматые лапы, безлунный темный, а потом предрассветный снег, за Городом в далях маковки синих, усеянных сусальными[1] звездами церквей и не потухающий до рассвета, приходящего с московского берега Днепра, в бездонной высоте над Городом Владимирский крест.

К утру он потух. И потухли огни над землей. Но день особенно не разгорался, обещал быть серым, с непроницаемой завесой не очень высоко над Украиной.

Полковник Козырь-Лешко[2] проснулся в пятнадцати верстах от Города именно на рассвете, когда кисленький парный[3] светик пролез в подслеповатое оконце хаты в деревне Попелюхе. Пробуждение Козыря совпало со словом:

– Диспозиция[4].

Первоначально ему показалось, что он увидел его в очень теплом сне и даже хотел отстранить рукой, как холодное слово. Но слово распухло, влезло в хату вместе с отвратительными красными прыщами на лице ординарца[5] и смятым конвертом. Из сумки со слюдой и сеткой[6] Козырь вытащил под оконцем карту, нашел на ней деревню Борхуны[7], за Борхунами нашел Белый Гай[8], проверил ногтем рогулю дорог, усеянную, словно мухами, точками кустарников по бокам, а затем и огромное черное пятно – Город. Воняло махоркой от владельца красных прыщей, полагавшего, что курить можно и при Козыре и от этого война ничуть не пострадает, и крепким второсортным табаком, который курил сам Козырь.

Козырю сию минуту предстояло воевать. Он отнесся к этому бодро, широко зевнул и забренчал сложной сбруей, перекидывая ремни через плечи. Спал он в шинели эту ночь, даже не снимая шпор. Баба завертелась

с кринкой молока. Никогда Козырь молока не пил и сейчас не стал. Откуда-то приползли ребята. И один из них, самый маленький, полз по лавке совершенно голым задом, подбираясь к Козыреву маузеру. И не добрался, потому что Козырь маузер пристроил на себя.

Всю свою жизнь до 1914 года Козырь был сельским учителем. В 14-м году попал на войну в драгунский полк и к 1917 году был произведен в офицеры. А рассвет 14 декабря 18-го года под оконцем застал Козыря полковником петлюровской армии, и никто в мире (и менее всего сам Козырь) не мог бы сказать, как это случилось. А произошло это потому, что война для него, Козыря, была призванием, а учительство лишь долгой и крупной ошибкой. Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам. Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни. Козырь попал к сорока пяти годам. А до тех пор был плохим учителем, жестоким и скучным.

— А нуте, скажить хлопцам, щоб выбирались с хат тай по коням*, — произнес Козырь и перетянул хрустнувший ремень на животе.

Курились белые хатки в деревне Попелюхе, и выезжал строй полковника Козыря сабелюк на четыреста. В рядах над строем курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой пятивершковый жеребец[9]. Скрипели дровни[10] обоза, на полверсты тянулись за полком. Полк качался в седлах, и тотчас же за Попелюхой развернулся в голове конной колонны двуцветный прапор[11] — плат[12] голубой, плат желтый, на древке.

Козырь чаю не терпел и всему на свете предпочитал утром глоток водки. Царскую водку любил. Не было ее четыре года[13], а при гетманщине появилась на всей Украине. Прошла водка из серой баклажки по жилам Козыря веселым пламенем. Прошла водка и по рядам из манерок[14], взятых еще со склада в Белой Церкви, и лишь прошла, ударила в голове колонны трехрядная итальянка, и запел фальцет:[15]

Гай за гаем, гаем,
Гаем зелененьким...

* А ну-ка, скажите ребятам, чтобы выбирались из хат, да по коням (*укр.*, *искаж.*).

А в пятом ряду рванули басы:

Орала дивчинынька
Воликом черненьким...
Орала... орала,
Не вмила гукаты,
Тай наняла козаченька
На скрипачке граты[16].

— Фью... ах! Ах, тах, тах!.. — засвистал и защелкал веселым соловьем всадник у прапора. Закачались пики, и тряслись черные шлыки гробового цвета с позументом[17] и гробовыми кистями. Хрустел снег под тысячью кованых копыт. Ударил радостный торбан.

— Так его! Не журись*, хлопцы, — одобрительно сказал Козырь. И завился винтом соловей по снежным украинским полям[18].

Прошли Белый Гай, раздернулась завеса тумана, и по всем дорогам зачернело, зашевелилось, захрустело. У Гая на скрещении дорог пропустили вперед себя тысячи с полторы людей в рядах пехоты. Были эти люди одеты в передних шеренгах в синие одинакие жупаны добротного германского сукна, были тоньше лицами, подвижнее, умело несли винтовки — галичане[19]. А в задних рядах шли одетые в длинные до пят больничные халаты[20], подпоясанные желтыми сыромятными ремнями. И на головах у всех колыхались германские разлапанные шлемы поверх папах. Кованые боты уминали снег.

От силы начали чернеть белые пути к Городу.

— Слава! — кричала проходящая пехота желто-блакитному** прапору.

— Слава! — гукал Гай перелесками.

Славе ответили пушки позади и на левой руке. Командир корпуса облоги***, полковник Торопец, еще в ночь послал две батареи к Городскому лесу[21]. Пушки стали полукругом в снежном море и с рассветом начали обстрел. Шестидюймовые волнами грохота разбудили снежные корабельные сосны. По громадному селению Пуще-Водице[22] два раза прошло по удару, от которых в четырех просеках в домах, сидящих в снегу, враз вылетели все стекла. Несколько сосен развернуло в щепы и дало многосаженные фонта-

* Не грусти (*укр., искаж.*).
** Голубому (*укр., искаж.*).
*** Осады (*укр., искаж.*).

ны снегу. Но затем в Пуще смолкли звуки. Лес стал как в полусне, и только потревоженные белки шлялись, шурша лапками, по столетним стволам. Две батареи после этого снялись из-под Пущи и пошли на правый фланг. Они пересекли необъятные пахотные земли, лесистое Урочище[23], повернули по узкой дороге, дошли до разветвления и там развернулись уже в виду Города. С раннего утра на Подгородней[24], на Савской[25], в предместье Города, Куреневке[26], стали рваться высокие шрапнели. В низком снежном небе било погремушками, словно кто-то играл. Там жители домишек уже с утра сидели в погребах, и в утренних сумерках было видно, как иззябшие цепи юнкеров переходили куда-то ближе к сердцевине Города. Впрочем, пушки вскоре стихли и сменились веселой тарахтящей стрельбой где-то на окраине, на севере. Затем и она утихла.

* * *

Поезд командира корпуса облоги Торопца стоял на разъезде верстах в пяти от занесенного снегом и оглушенного буханьем и перекатами мертвенного поселка Святошино, в громадных лесах. Всю ночь в шести вагонах не гасло электричество, всю ночь звенел телефон на разъезде и пищали полевые телефоны в измызганном салоне полковника Торопца. Когда же снежный день совсем осветил местность, пушки прогремели впереди по линии железной дороги, ведущей из Святошина на Пост-Волынский, и птички запели в желтых ящиках, и худой, нервный Торопец сказал своему адъютанту Худяковскому:

– Взялы Святошино. Запропонуйте, будьте ласковы, пан адъютант, нехай потяг передадут на Святошино*.

Поезд Торопца медленно пошел между стенами строевого зимнего леса и стал близ скрещенья железнодорожной линии с огромным шоссе, стрелой вонзающимся в Город[27]. И тут, в салоне, полковник Торопец стал выполнять свой план, разработанный им в две бессонных ночи в этом самом клоповом салоне № 4173.

Город вставал в тумане, обложенный со всех сторон. На севере от Городского леса и пахотных земель, на западе от взятого Святошина, на юго-западе от злосчастного Поста-Волынского, на юге за рощами, кладбищами, выгонами и стрельбищем, опоясанными железной дорогой, повсюду

* Предложите, пожалуйста, господин адъютант, чтобы поезд передали на Святошино (*укр., искаж.*).

по тропам и путям и безудержно просто по снежным равнинам чернела и ползла и позвякивала конница, скрипели тягостные пушки, и шла и увязала в снегу истомившаяся за месяц облоги пехота Петлюриной армии.

В вагоне-салоне с зашарканным суконным полом поминутно пели тихие нежные петушки, и телефонисты Франко и Гарась, не спавшие целую ночь, начинали дуреть.

— Ти-у... пи-у... слухаю! пи-у... ту-у...

План Торопца был хитер, хитер был чернобровый, бритый, нервный полковник Торопец. Недаром послал он две батареи под Городской лес, недаром грохотал в морозном воздухе и разбил трамвайную линию на лохматую Пуще-Водицу. Недаром надвинул потом пулеметы со сторон пахотных земель, приближая их к левому флангу. Хотел Торопец ввести в заблуждение защитников Города, что он, Торопец, будет брать Город с его, Торопца, левого фланга (с севера), с предместья Куреневки, с тем чтобы оттянуть туда городскую армию, а самому ударить в Город в лоб, прямо от Святошина по Брест-Литовскому шоссе[28], и, кроме того, с крайнего правого фланга, с юга, со стороны села Демиевки[29].

Вот в исполнение плана Торопца — двигались части Петлюрина войска по дорогам с левого фланга на правый, и шел под свист и гармонику со старшинами в голове славный черношлычный полк Козыря-Лешко.

— Слава! — перелесками гукал Гай. — Слава!

Подошли, оставили Гай в стороне и, уже пересекши железнодорожное полотно по бревенчатому мосту, увидали Город. Он был еще теплый со сна[30], и над ним курился не то туман, не то дым. Приподнявшись на стременах, смотрел в цейсовские стекла[31] Козырь туда, где громоздились кровли многоэтажных домов и купола собора старой Софии[32].

На правой руке у Козыря уже шел бой. Верстах в двух медно бухали пушки и стрекотали пулеметы. Там Петлюрина пехота цепочками перебегала к Посту-Волынскому, и цепочками же отваливала от Поста, в достаточной мере ошеломленная густым огнем, жиденькая и разношерстная белогвардейская пехота...

* * *

Город. Низкое густое небо. Угол. Домишки на окраине, редкие шинели.

— Сейчас передавали, что будто с Петлюрой заключено соглашение — выпустить все русские части с оружием на Дон к Деникину...

– Ну?

Пушки... Пушки... бух... бу-бу-бу...

А вот завыл пулемет.

Отчаяние и недоумение в юнкерском голосе:

– Но, позволь, ведь тогда же нужно прекратить сопротивление?..

Тоска в юнкерском голосе:

– А черт их знает!

* * *

Полковника Щеткина уже с утра не было в штабе, и не было по той простой причине, что штаба более не существовало. Еще в ночь под 14-е число штаб Щеткина отъехал назад, на вокзал Города-I, и эту ночь провел в гостинице «Роза Стамбула», у самого телеграфа[33]. Там ночью у Щеткина изредка пела телефонная птица, но к утру она затихла. А утром двое адъютантов полковника Щеткина бесследно исчезли. Через час после этого и сам Щеткин, порывшись зачем-то в ящиках с бумагами и что-то порвав в клочья, вышел из заплеванной «Розы», но уже не в серой шинели с погонами, а в штатском мохнатом пальто и в шляпе пирожком[34]. Откуда они взялись – никому не известно.

Взяв в квартале расстояния от «Розы» извозчика, статский[35] Щеткин уехал в Липки, прибыл в тесную, хорошо обставленную квартиру с мебелью[36], позвонил, поцеловался с полной золотистой блондинкой и ушел с нею в затаенную спальню. Прошептав прямо в округлившиеся от ужаса глаза блондинки слова:

– Всё кончено! О, как я измучен... – полковник Щеткин удалился в альков[37] и там уснул после чашки черного кофе, изготовленного руками золотистой блондинки.

* * *

Ничего этого не знали юнкера 1-й дружины. А жаль! Если бы знали, то, может быть, осенило бы их вдохновение и, вместо того чтобы вертеться под шрапнельным небом у Поста-Волынского, отправились бы они в уютную квартиру в Липках, извлекли бы оттуда сонного полковника Щеткина и, выведя, повесили бы его на фонаре, как раз напротив квартирки с золотистою особою.

* * *

Хорошо бы было это сделать, но они не сделали, потому что ничего не знали и не понимали.

Да и никто ничего не понимал в Городе, и в будущем, вероятно, не скоро поймут. В самом деле: в Городе железные, хотя, правда, уже немножко подточенные немцы, в Городе усостриженный тонкий Лиса Патрикеевна[38] гетман (о ранении в шею таинственного майора фон Шратта знали утром очень немногие), в Городе его сиятельство князь Белоруков, в Городе генерал Картузов, формирующий дружины для защиты матери[39], в Городе как-никак и звенят, и поют телефоны штабов (никто еще не знал, что они с утра уже начали разбегаться), в Городе густопогонно. В Городе ярость при слове «Петлюра», и еще в сегодняшнем же номере газеты «Вести» смеются над ним блудливые петербургские журналисты[40], в Городе ходят кадеты[41], а там, у Караваевских дач[42], уже свищет соловьем разноцветная шлычная конница и заходят с левого фланга на правый облегченною рысью лихие гайдамаки[43]. Если они свищут в пяти верстах, то, спрашивается, на что надеется гетман? Ведь по его душу свищут! Ох, свищут... Может быть, немцы за него заступятся? Но тогда почему же тумбы-немцы[44] равнодушно улыбаются в свои стриженые немцевы усы на станции Фастов[45], когда мимо них эшелон за эшелоном к Городу проходят Петлюрины части? Может быть, с Петлюрой соглашение, чтобы мирно впустить его в Город? Но тогда какого черта белые офицерские пушки стреляют в Петлюру?

Нет, никто не поймет, что происходило в Городе днем 14 декабря.

Звенели штабные телефоны, но, правда, всё реже, и реже, и реже...

Реже!

Реже!

Д-р-р-р-р!..

— Тиу...

— Что у вас делается?

— Тиу...

— Пошлите патроны полковнику...

— Степанову...

— Иванову.

— Антонову!

— Стратонову!..

— На Дон... На Дон бы, братцы... что-то ни черта у нас не выходит.

— Ти-у...

– А, к матери штабную сволочь!

– На Дон!..

Всё реже и реже, а к полудню уже совсем редко.

Кругом Города, то здесь , то там, закипит грохот, потом прервется... Но Город еще в полдень жил, несмотря на грохот, жизнью, похожей на обычную. Магазины были открыты и торговали. По тротуарам бегала масса прохожих, хлопали двери, и ходил, позвякивая, трамвай.

И вот в полдень с Печерска завел музыку веселый пулемет. Печерские холмы отразили дробный грохот, и он полетел в центр Города. Позвольте, это уже совсем близко!.. В чем дело? Прохожие останавливались и начали нюхать воздух. И кой-где на тротуарах сразу поредело.

Что? Кто?

– А-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-па-па-па-па-па! Па! Па! Па! р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р!!

– Кто?

– Як кто? Шо ж вы, добродию* не знаете? Це полковник Болботун.

* * *

Да-с, вот тебе и взбунтовался против Петлюры!

Полковник Болботун, наскучив исполнением трудной генерально-штабной думы полковника Торопца, решил несколько ускорить события. Померзли Болботуновы всадники за кладбищем на самом юге, где рукой уже было подать до мудрого снежного Днепра[46]. Померз и сам Болботун. И вот поднял Болботун вверх стек, и тронулся его конный полк справа по три, растянулся по дороге и подошел к полотну, тесно опоясывающему предместье Города. Никто тут полковника Болботуна не встречал. Взвыли шесть Болботуновых пулеметов так, что пошел раскат по всему урочищу Нижняя Теличка[47]. В один миг Болботун перерезал линию железной дороги и остановил пассажирский поезд, который только прошел стрелу железнодорожного моста и привез в Город свежую порцию москвичей и петербуржцев со сдобными бабами и лохматыми собачками. Поезд совершенно ошалел, но Болботуну некогда было возиться с собачками в этот момент. Тревожные составы товарных порожняков с Города-II, Товарного[48] пошли на Город-I, Пассажирский, засвистали маневровые паровозы[49], а Болботуновы пули устро-

---

* Милостивый государь (*укр.*, *искаж.*).

или неожиданный град на крышах домишек на Святотроицкой улице[50]. И вошел в Город и пошел, пошел по улице Болботун и шел беспрепятственно до самого военного училища, во все переулки высылая конные разведки. И напоролся Болботун именно только у Николаевского облупленного колонного училища[51]. Здесь Болботуна встретил пулемет и жидкий огонь пачками какой-то цепи. В головном взводе Болботуна в первой сотне убило козака* Буценко, пятерых ранило и двум лошадям перебило ноги. Болботун несколько задержался. Показалось ему почему-то, что невесть какие силы стоят против него. А на самом деле салютовали полковнику в синем шлыке тридцать человек юнкеров и четыре офицера с одним пулеметом.

Шеренги Болботуна по команде спешились, залегли, прикрылись и начали перестрелку с юнкерами[52]. Печерск наполнился грохотом, эхо заколотило по стенам, и в районе Миллионной улицы[53] закипело, как в чайнике.

И тотчас Болботуновы поступки получили отражение в Городе:

начали бухать железные шторы на Елисаветинской[54], Виноградной[55] и Левашовской улицах[56]. Веселые магазины ослепли. Сразу опустели тротуары и сделались неприютно-гулкими. Дворники проворно закрыли ворота.

И в центре Города получилось отражение:

стали потухать петухи в штабных телефонах.

Пищат с батареи в штаб дивизиона. Что за чертовщина, не отвечают! Пищат в уши из дружины в штаб командующего, чего-то добиваются. А голос в ответ бормочет какую-то чепуху:

— Ваши офицеры в погонах?

— А, что такое?

— Ти-у...

— Ти-у...

— Выслать немедленно отряд на Печерск!

— А, что такое?

— Ти-у...

По улицам поползло: Болботун, Болботун, Болботун, Болботун...

Откуда узнали, что это именно Болботун, а не кто-нибудь другой? Неизвестно, но узнали. Может быть, вот почему: с полудня среди пешеходов и зевак обычного городского типа появились уже какие-то в пальто, с барашковыми воротниками. Ходили, шныряли. Усы у них вниз, червячками, как на картинке Лебидя-Юрчика. Юнкеров, кадетов, золотопогонных офицеров провожали взглядами долгими и липкими. Шептали:

* Здесь и далее слово дается в украинской огласовке.

— Це Бовботун в мисце прийшов*.

И шептали это без всякой горечи. Напротив, в глазах их читалось явственное — «Слава!»

— Сла-ва-ва-вав-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва-ва... — холмы Печерска.

Поехала околесина на дрожках:

— Болботун — великий князь Михаил Александрович[57].

— Наоборот: Болботун — великий князь Николай Николаевич[58].

— Болботун — просто Болботун.

— Будет еврейский погром.

— Наоборот: они с красными бантами.

— Бегите-ка лучше домой.

— Болботун против Петлюры.

— Наоборот: он за большевиков.

— Совсем наоборот: он за царя, только без офицеров.

— Гетман бежал?

— Неужели? Неужели? Неужели? Неужели? Неужели? Неужели?

— Ти-у. Ти-у. Ти-у.

***

Разведка Болботуна с сотником Галаньбой во главе пошла по Миллионной улице, и не было ни одной души на Миллионной улице. И тут, представьте себе, открылся подъезд и выбежал навстречу пятерым конным хвостатым гайдамакам не кто иной, как знаменитый подрядчик[59] Яков Григорьевич Фельдман[60]. Сдурели вы, что ли, Яков Григорьевич, что вам понадобилось бегать, когда тут происходят такие дела? Да, вид у Якова Григорьевича был такой, как будто он сдурел. Котиковый пирожок сидел у него на самом затылке, и пальто нараспашку. И глаза блуждающие.

Было от чего сдуреть Якову Григорьевичу Фельдману. Как только заклокотало у военного училища[61], из светлой спаленки жены Якова Григорьевича раздался стон. Он повторился и замер.

— Ой, — ответил стону Яков Григорьевич, глянул в окно и убедился, что в окне очень нехорошо. Кругом грохот и пустота.

А стон разросся и как ножом резнул сердце Якова Григорьевича. Сутулая старушка, мамаша Якова Григорьевича, вынырнула из спальни и крикнула:

---

* Это Болботун в город пришел (*укр.*, *искаж.*).

— Яша! Ты знаешь? Уже!

И рвался мыслями Яков Григорьевич к одной цели: на самом углу Миллионной улицы у пустыря, где на угловом домике уютно висела ржавая с золотом вывеска:

Повивальная бабка
Е.Т. ШАДУРСКАЯ [62].

На Миллионной довольно-таки опасно, хоть она и поперечная, а бьют вдоль с Печерской площади к Киевскому спуску[63].

Лишь бы проскочить. Лишь бы... Пирожок на затылке, в глазах ужас, и лепится под стенками Яков Григорьевич Фельдман.

— Стый! Ты куды?

Галаньба перегнулся с седла. Фельдман стал темный лицом, глаза его запрыгали. В глазах запрыгали зеленые галунные хвосты гайдамаков.

— Я, панове, мирный житель. Жинка родит[64]. Мне до бабки треба*.

— До бабки? А чему ж це ты под стеной ховаешься?** а? ж-жидюга?..

— Я, панове...

Нагайка змеей прошла по котиковому воротнику и по шее. Адова боль. Взвизгнул Фельдман. Стал не темным, а белым, и померещилось между хвостами лицо жены.

— Посвидченя!***

Фельдман вытащил бумажник с документами, развернул, взял первый листик и вдруг затрясся, тут только вспомнил... ах, Боже мой, Боже мой! Что ж он наделал? Что вы, Яков Григорьевич, вытащили? Да разве вспомнишь такую мелочь, выбегая из дому, когда из спальни жены раздастся первый стон? О, горе Фельдману! Галаньба мгновенно овладел документом. Всего-то тоненький листик с печатью — а в этом листике Фельдмана смерть.

«Предъявителю сего господину Фельдману Якову Григорьевичу разрешается свободный выезд и въезд из Города по делам снабжения броневых частей гарнизона Города, а равно и хождение по Городу после 12 час. ночи[65].

Начснабжения генерал-майор *Илларионов.*
Адъютант — поручик *Лещинский*».

---

* Жена рожает. Мне к бабке нужно (*укр., искаж.*).

** А что ж ты под стеной прячешься? (*укр., искаж.*)

*** Удостоверение (*укр., искаж.*).

Поставлял Фельдман генералу Картузову сало и вазелин-полусмазку для орудий.

Боже, сотвори чудо!

— Пан сотник, це не тот документ!.. Позвольте...

— Нет, тот, — дьявольски усмехнувшись, молвил Галаньба, — не журись, сами грамотны, прочитаем.

Боже! Сотвори чудо. Одиннадцать тысяч карбованцев... Всё берите. Но только дайте жизнь! Дай! Шма-исроэль!![66]

Не дал.

Хорошо и то, что Фельдман умер легкой смертью. Некогда было сотнику Галаньбе. Поэтому он просто отмахнул шашкой Фельдману по голове.

9

Полковник Болботун, потеряв семерых козаков убитыми и девять ранеными и семерых лошадей, прошел полверсты от Печерской площади до Резниковской улицы[1] и там вновь остановился. Тут к отступающей юнкерской цепи подошло подкрепление. В нем был один броневик[2]. Серая неуклюжая черепаха с башнями приползла по Московской улице[3] и три раза прокатила по Печерску удар с хвостом кометы, напоминающим шум сухих листьев (три дюйма)[4]. Болботун мигом спешился, коноводы увели в переулок лошадей, полк Болботуна разлегся цепями, немножко осев назад к Печерской площади, и началась вялая дуэль. Черепаха запирала Московскую улицу и изредка грохотала. Звукам отвечала жидкая трескотня пачками из устья Суворовской улицы[5]. Там в снегу лежала цепь, отвалившаяся с Печерской под огнем Болботуна, и ее подкрепление, которое получилось таким образом:

— Др-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р...

— Первая дружина?

— Да, слушаю.

— Немедленно две офицерских роты дайте на Печерск.

— Слушаюсь. Дрpppp... Ти... Ти... ти... ти...

И пришло на Печерск: 14 офицеров, три юнкера, один студент, один кадет и один актер из театра миниатюр.

***

Увы. Одной жидкой цепи, конечно, недостаточно. Даже и при подкреплении одной черепахой. Черепах-то должно было подойти целых четыре. И уверенно можно сказать, что, подойди они, полковник Болботун вынужден был бы удалиться с Печерска. Но они не подошли.

Случилось это потому, что в броневой дивизион гетмана, состоящий из четырех превосходных машин, попал в качестве командира второй машины не кто иной, как знаменитый прапорщик, лично получивший в мае 1917 года из рук Александра Федоровича Керенского Георгиевский крест, Михаил Семенович Шполянский[6].

Михаил Семенович был черный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина[7]. Всему Городу Михаил Семенович стал известен немедленно по приезде своем из города Санкт-Петербурга[8]. Михаил Семенович прославился как превосходный чтец в клубе «Прах» своих собственных стихов «Капли Сатурна»[9] и как отличнейший организатор поэтов и председатель Городского поэтического ордена «Магнитный Триолет»[10]. Кроме того, Михаил Семеныч не имел себе равных как оратор, кроме того, управлял машинами, как военными, так и типа гражданского, кроме того, содержал балерину оперного театра Мусю Форд и еще одну даму, имени которой Михаил Семенович, как джентльмен, никому не открывал, имел очень много денег и щедро раздавал их взаймы членам «Магнитного Триолета»;

пил белое вино,
играл в железку[11],
купил картину «Купающаяся венецианка»,
ночью жил на Крещатике,
утром — в кафе «Бильбокэ»[12],
днем — в своем уютном номере лучшей гостиницы «Континенталь»[13],
вечером — в «Прахе»,
на рассвете писал научный труд «Интуитивное у Гоголя»[14].

Гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы[15], именно из-за того, что Михаил Семенович второго декабря 1918 года вечером в «Прахе» заявил Степанову[16], Шейеру[17], Слоных и Черемшину[18] (головка «Магнитного Триолета») следующее:

— Все мерзавцы. И гетман, и Петлюра[19]. Но Петлюра, кроме того, еще и погромщик. Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб[20].

По окончании в «Прахе» ужина, за который уплатил Михаил Семенович, его, Михаила Семеныча, одетого в дорогую шубу с бобровым воротником[21] и цилиндр, провожал весь «Магнитный Триолет» и пятый некий пьяненький в пальто с козьим мехом[22]. О нем Шполянскому было известно немного: во-первых, что он болен сифилисом, во-вторых, что он написал богоборческие стихи, которые Михаил Семенович, имеющий боль-

шие литературные связи, пристроил в один из московских сборников, и, в-третьих, что он — Русаков, сын библиотекаря[23].

Человек с сифилисом плакал на свой козий мех под электрическим фонарем Крещатика и, впиваясь в бобровые манжеты Шполянского, говорил:

— Шполянский, ты самый сильный из всех в этом городе, который гниет так же, как и я. Ты так хорош, что тебе можно простить даже твое жуткое сходство с Онегиным! Слушай, Шполянский... Это неприлично — походить на Онегина[24]. Ты как-то слишком здоров... В тебе нет благородной червоточины, которая могла бы сделать тебя действительно выдающимся человеком наших дней...[25] Вот я гнию и горжусь этим... Ты слишком здоров, но ты силен, как винт, поэтому винтись туда!.. Винтись ввысь!.. Вот так...

И сифилитик показал, как нужно это делать. Обхватив фонарь, он действительно винтился возле него, став каким-то образом длинным и тонким, как уж. Проходили проститутки мимо, в зеленых, красных, черных и белых шапочках, красивые, как куклы, и весело бормотали винту:

— Занюхался[26], т-твою мать?

Очень далеко стреляли пушки, и Михаил Семеныч действительно походил на Онегина под снегом, летящим в электрическом свете.

— Иди спать, — говорил он винту-сифилитику, немного отворачивая лицо, чтобы тот не кашлянул на него[27], — иди. — Он толкал концами пальцев козье пальто в грудь. Черные лайковые перчатки касались вытертого шевиота[28], и глаза у толкаемого были совершенно стеклянными. Разошлись. Михаил Семенович подозвал извозчика, крикнул ему «Мало-Провальная»[29] и уехал, а козий мех, пошатываясь, пешком отправился к себе на Подол.

* * *

В квартире библиотекаря на Подоле[30] ночью перед зеркалом, держа зажженную свечу в руке, стоял обнаженный до пояса владелец козьего меха. Страх скакал в глазах у него, как черт[31], руки дрожали, и сифилитик говорил, и губы у него прыгали, как у ребенка:

— Боже мой, Боже мой, Боже мой... Ужас, ужас, ужас...[32] Ах, этот вечер! Я несчастлив. Ведь был же со мной и Шейер, и вот он здоров, он не заразился, потому что он счастливый человек. Может быть, пойти и убить эту самую Лёльку?[33] Но какой смысл? Кто мне объяснит, какой смысл? О, Господи, Господи... Мне двадцать четвертый год, и я мог бы, мог бы... Пройдет пятнадцать лет, может быть, меньше, и вот разные зрачки[34], гнущиеся ноги, потом безумные идиотские речи[35], а потом — я гнилой, мокрый труп[36].

Обнаженное до пояса худое тело отражалось в пыльном трюмо, свеча нагорала в высоко поднятой руке, и на груди была видна нежная и тонкая звездная сыпь[37]. Слезы неудержимо текли по щекам больного, и тело его тряслось и колыхалось.

— Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, к чему тебе, мой Бог, я буду лгать?[38] К чему тебе я буду лгать, мое отражение?

Он вынул из ящика маленького дамского письменного стола тонкую книгу, отпечатанную на сквернейшей серой бумаге. На обложке ее было напечатано красными буквами:

ФАНТОМИСТЫ —
ФУТУРИСТЫ[39]

Стихи:
М. ШПОЛЯНСКОГО
Б. ФРИДМАНА
В. ШАРКЕВИЧА
И. РУСАКОВА

Москва 1918.

На странице 13-й раскрыл бедный больной книгу и увидал знакомые строки:

Ив. Русаков

БОГОВО ЛОГОВО

Раскинут в небе
Дымный лог.
Как зверь, сосущий лапу,
Великий сущий папа
Медведь мохнатый
Бог.
В берлоге
Логе
Бейте бога.
Звук алый
Боговой битвы
Встречаю матерной молитвой[40].

— Ах-а-ах, — стиснув зубы, болезненно застонал больной. — Ах, — повторил он в неизбывной муке.

Он с искаженным лицом вдруг плюнул на страницу со стихотворением и бросил книгу на пол, потом опустился на колени и, крестясь мелкими дрожащими крестами, кланяясь и касаясь холодным лбом пыльного паркета[41], стал молиться, возводя глаза к черному безотрадному окну:

— Господи, прости меня и помилуй за то, что я написал эти гнусные слова. Но зачем же ты так жесток? Зачем? Я знаю, что ты меня наказал. О, как страшно ты меня наказал! Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. Клянусь тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы, — я достаточно наказан. Я верю в тебя! Верю душой, телом, каждой нитью мозга. Верю и прибегаю только к тебе, потому что нигде на свете нет никого, кто бы мог мне помочь. У меня нет надежды ни на кого, кроме как на тебя. Прости меня и сделай так, чтобы лекарства мне помогли! Прости меня, что я решил, будто бы тебя нет: если бы тебя не было, я был бы сейчас жалкой паршивой собакой без надежды[42]. Но я человек и силен только потому, что ты существуешь и во всякую минуту я могу обратиться к тебе с мольбой о помощи. И я верю, что ты услышишь мои мольбы, простишь меня и вылечишь. Излечи меня, о Господи, забудь о той гнусности, которую я написал в припадке безумия, пьяный, под кокаином. Не дай мне сгнить, и я клянусь, что я вновь стану человеком. Укрепи мои силы, избавь меня от кокаина, избавь от слабости духа и избавь меня от Михаила Семеновича Шполянского!..[43]

Свеча наплывала, в комнате холодело, под утро кожа больного покрылась мелкими пупырышками, и на душе у больного значительно полегчало.

* * *

Михаил же Семенович Шполянский провел остаток ночи на Малой Провальной улице в большой комнате с низким потолком и старым портретом, на котором тускло глядели, тронутые временем, эполеты 40-х годов. Михаил Семенович без пиджака, в одной белой зефирной сорочке[44], поверх которой красовался черный с большим вырезом жилет, сидел на узенькой козетке[45] и говорил женщине с бледным и матовым лицом такие слова:

— Ну, Юлия[46], я окончательно решил и поступаю к этой сволочи — гетману в броневой дивизион.

После этого женщина, кутающаяся в серый пуховый платок, истерзанная полчаса тому назад и смятая поцелуями страстного Онегина, ответила так:

– Я очень жалею, что никогда я не понимала и не могу понимать твоих планов.

Михаил Семенович взял со столика перед козеткой стянутую в талии рюмочку душистого коньяку, хлебнул и молвил:

– И не нужно.

***

Через два дня после этого разговора Михаил Семеныч преобразился. Вместо цилиндра на нем оказалась фуражка блином, с офицерской кокардой, вместо штатского платья – короткий полушубок до колен и на нем смятые защитные погоны. Руки в перчатках с раструбами, как у Марселя в «Гугенотах»[47], ноги в гетрах. Весь Михаил Семенович с ног до головы был вымазан в машинном масле (даже лицо) и почему-то в саже. Один раз, и именно 9 декабря, две машины ходили в бой под Городом и, нужно сказать, успех имели чрезвычайный. Они проползли верст двадцать по шоссе, и после первых же их трехдюймовых ударов и пулеметного воя петлюровские цепи бежали от них. Прапорщик Страшкевич[48], румяный энтузиаст и командир четвертой машины, клялся Михаилу Семеновичу, что все четыре машины, ежели бы их выпустить разом, одни могли бы отстоять Город. Разговор этот происходил 9-го вечером, а 11-го в группе Щура[49], Копылова и других (наводчики, два шофера и механик) Шполянский, дежурный по дивизиону, говорил в сумерки так:

– Вы знаете, друзья, в сущности говоря, большой вопрос, правильно ли мы делаем, отстаивая этого гетмана. Мы представляем собой в его руках не что иное как дорогую и опасную игрушку, при помощи которой он насаждает самую черную реакцию. Кто знает, быть может, столкновение Петлюры с гетманом исторически показано, и из этого столкновения должна родиться третья историческая сила и, возможно, единственно правильная.

Слушатели обожали Михаила Семеныча за то же, за что его обожали в клубе «Прах», – за исключительное красноречие.

– Какая же это сила? – спросил Копылов, пыхтя козьей ножкой.

Умный коренастый блондин Щур хитро прищурился и подмигнул собеседникам куда-то на северо-восток[50]. Группа еще немножечко побеседовала и разошлась. 12 декабря вечером произошла в той же тесной компании вторая беседа с Михаилом Семеновичем за автомобильными сараями.

Предмет этой беседы остался неизвестным, но зато хорошо известно, что накануне 14 декабря, когда в сараях дивизиона дежурили Щур, Копылов и курносый Петрухин, Михаил Семенович явился в сараи, имея при себе большой пакет в оберточной бумаге. Часовой Щур пропустил его в сарай, где тускло и красно горела мерзкая лампочка, а Копылов довольно фамильярно подмигнул на мешок и спросил:

— Сахар?[51]

— Угу, — ответил Михаил Семенович.

В сарае заходил фонарь возле машин, мелькая, как глаз, и озабоченный Михаил Семенович возился вместе с механиком, приготовляя их к завтрашнему выступлению.

Причина: бумага у командира дивизиона капитана Плешко — «14 декабря в 8 часов утра выступить на Печерск с четырьмя машинами».

Совместные усилия Михаила Семеновича и механика к тому, чтобы приготовить машины к бою, дали какие-то странные результаты. Совершенно здоровые еще накануне три машины (четвертая была в бою под командой Страшкевича) в утро 14 декабря не могли двинуться с места, словно их разбил паралич. Что с ними случилось, никто понять не мог. Какая-то дрянь осела в жиклерах[52], и сколько их ни продували шинными насосами, ничего не помогло. Утром возле трех машин в мутном рассвете была горестная суета с фонарями. Капитан Плешко был бледен, оглядывался, как волк, и требовал механика. Тут-то и начались катастрофы. Механик исчез. Выяснилось, что адрес его в дивизионе, вопреки всем правилам, совершенно неизвестен. Прошел слух, что механик внезапно заболел сыпным тифом[53]. Это было в восемь часов, а в восемь с половиной капитана Плешко постиг второй удар. Прапорщик Шполянский, уехавший в четыре часа ночи[54] после возни с машинами на Печерск на мотоциклетке, управляемой Щуром, не вернулся. Возвратился один Щур и рассказал горестную историю. Мотоциклетка заехала в Верхнюю Теличку[55], и тщетно Щур отговаривал прапорщика Шполянского от безрассудных поступков. Означенный Шполянский, известный всему дивизиону своей исключительной храбростью, оставив Щура и взяв карабин и ручную гранату, отправился один во тьму на разведку к железнодорожному полотну. Щур слышал выстрелы. Щур совершенно уверен, что передовой разъезд противника, заскочивший в Теличку, встретил Шполянского и, конечно, убил его в неравном бою. Щур ждал прапорщика два часа, хотя тот приказал ждать его всего лишь один час, а после этого вернуться в дивизион, дабы не подвергать опасности себя и казенную мотоциклетку № 8175.

Капитан Плешко стал еще бледнее после рассказа Щура. Птички в телефоне из штаба гетмана и генерала Картузова вперебой пели и требовали выхода машин. В 9 часов вернулся на четвертой машине с позиций румяный энтузиаст Страшкевич, и часть его румянца передалась на щеки командиру дивизиона. Энтузиаст повел машину на Печерск, и она, как уже было сказано, заперла Суворовскую улицу.

В 10 часов утра бледность Плешко стала неизменной. Бесследно исчезли два наводчика, два шофера и один пулеметчик. Все попытки двинуть машины остались без результата. Не вернулся с позиции Щур, ушедший по приказанию капитана Плешко на мотоциклетке. Не вернулась, само собою понятно, и мотоциклетка, потому что не может же она сама вернуться! Птички в телефонах начали угрожать. Чем больше рассветал день, тем больше чудес происходило в дивизионе. Исчезли артиллеристы Дуван и Мальцев и еще парочка пулеметчиков. Машины приобрели какой-то загадочный и заброшенный вид, возле них валялись гайки, ключи и какие-то ведра.

А в полдень, в полдень исчез сам командир дивизиона капитан Плешко.

10

Странные перетасовки, переброски, то стихийно боевые, то связанные с приездом ординарцев и писком штабных ящиков, трое суток водили часть полковника Най-Турса по снежным сугробам и завалам под Городом, на протяжении от Красного Трактира до Серебрянки на юге и до Поста-Волынского на юго-западе[1]. Вечер же на 14 декабря привел эту часть обратно в Город, в переулок, в здание заброшенных, с наполовину выбитыми стеклами казарм[2].

Часть полковника Най-Турса была странная часть. И всех, кто видел ее, она поражала своими валенками. При начале последних трех суток в ней было около 150 юнкеров и три прапорщика[3].

К начальнику 1-й дружины генерал-майору Блохину[4] в первых числах декабря явился среднего роста черный, гладко выбритый, с траурными глазами кавалерист в полковничьих гусарских погонах и отрекомендовался полковником Най-Турсом, бывшим эскадронным командиром 2-го эскадрона бывшего Белградского гусарского полка. Траурные глаза Най-Турса были устроены таким образом, что каждый, кто ни встречался с прихрамывающим полковником с вытертой георгиевской ленточкой на плохой солдатской шинели, внимательнейшим образом выслушивал Най-Турса. Генерал-майор Блохин после недолгого разговора с Наем поручил ему формирование 2-го отдела дружины с таким расчетом, чтобы оно было закончено к 13 декабря. Формирование удивительным образом закончилось 10 декабря, и 10-го же полковник Най-Турс, необычайно скупой на слова вообще, коротко заявил генерал-майору Блохину, терзаемому со всех сторон штабными птичками, о том, что он, Най-Турс, может выступить уже со своими юнкерами, но при непременном условии, что ему дадут на весь отряд в 150 человек папахи и валенки, без чего он, Най-Турс, считает войну

совершенно невозможной. Генерал Блохин, выслушав картавого и лаконического полковника, охотно выписал ему бумагу в отдел снабжения, но предупредил полковника, что по этой бумаге он наверняка ничего не получит ранее, чем через неделю, потому что в этих отделах снабжения и в штабах невероятнейшая чепуха, кутерьма и безобразье. Картавый Най-Турс забрал бумагу, по своему обыкновению дернул левым подстриженным усом и, не поворачивая головы ни вправо, ни влево (он не мог ее поворачивать, потому что после ранения у него была сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом), отбыл из кабинета генерал-майора Блохина. В помещении дружины на Львовской улице[5] Най-Турс взял с собою 10 юнкеров (почему-то с винтовками) и две двуколки и направился с ними в отдел снабжения[6].

В отделе снабжения, помещавшемся в прекраснейшем особнячке на Бульварно-Кудрявской улице[7], в уютном кабинетике, где висела карта России и со времен Красного Креста[8] оставшийся портрет Александры Федоровны, полковника Най-Турса встретил маленький, румяный странненьким румянцем, одетый в серую тужурку, из-под ворота которой выглядывало чистенькое белье, делавшее его чрезвычайно похожим на министра Александра II, Милютина[9], генерал-лейтенант Макушин[10].

Оторвавшись от телефона, генерал детским голосом, похожим на голос глиняной свистульки, спросил у Ная:

— Что вам угодно, полковник?

— Выступаем сейчас, — лаконически ответил Най, — пгошу сгочно ваэнки и папахи на двести человек.

— Гм, — сказал генерал, пожевав губами и помяв в руках требование Ная, — видите ли, полковник, сегодня дать не можем. Сегодня составим расписание снабжения частей. Дня через три прошу прислать. И такого количества всё равно дать не могу.

Он положил бумагу Най-Турса на видное место под пресс в виде голой женщины[11].

— Валенки, — монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог.

— Как? — не понял генерал и удивленно уставился на полковника.

— Валенки сию минуту давайте.

— Что такое? Как? — Генерал выпучил глаза до предела.

Най повернулся к двери, приоткрыл ее и крикнул в теплый коридор особняка:

— Эй, взвод!

Генерал побледнел серенькой бледностью, переметнул взгляд с лица Ная на трубку телефона, оттуда на икону Божьей Матери в углу, а затем опять на лицо Ная.

В коридоре загремело, застучало, и красные околыши алексеевских юнкерских бескозырок и черные штыки замелькали в дверях. Генерал стал приподниматься с пухлого кресла.

— Я впервые слышу такую вещь... Это бунт...

— Пишите тгебование, ваше пгевосходительство, — сказал Най, — нам некогда, нам чегез час выходить. Непгиятель, говогят, под самым гогодом.

— Как?.. Что это?..

— Живей, — сказал Най каким-то похоронным голосом.

Генерал, вдавив голову в плечи, выпучив глаза, вытянул из-под женщины бумагу и прыгающей ручкой нацарапал в углу, брызнув чернилами: «Выдать».

Най взял бумагу, сунул ее за обшлаг рукава и сказал юнкерам, наследившим на ковре:

— Ггузите валенки. Живо.

Юнкера, стуча и гремя, стали выходить, а Най задержался. Генерал, багровея, сказал ему:

— Я сейчас звоню в штаб командующего и поднимаю дело о предании вас военному суду. Эт-то что-то.

— Попгобуйте, — ответил Най и проглотил слюну, — только попгобуйте. Ну, вот попгобуйте гади любопытства. — Он взялся за ручку, выглядывающую из расстегнутой кобуры.

Генерал пошел пятнами и онемел.

— Звякни, гвупый стагик, — вдруг задушевно сказал Най, — я тебе из кольта[12] звякну в голову, ты ноги пготянешь.

Генерал сел в кресло. Шея его полезла багровыми складками, а лицо осталось сереньким. Най повернулся и вышел.

Генерал несколько минут сидел в кожаном кресле, потом перекрестился на икону, взялся за трубку телефона, поднес ее к уху, услыхал глухое и интимное «станция»... неожиданно ощутил перед собой траурные глаза картавого гусара, положил трубку и выглянул в окно. Увидал, как на дворе суетились юнкера, вынося из черной двери сарая серые связки валенок. Солдатская рожа каптенармуса[13], совершенно ошеломленного, виднелась на черном фоне. В руках у него была бумага. Най стоял у двуколки, растопырив ноги, и смотрел на нее. Генерал слабой рукой взял со стола свежую газету, развернул ее и на первой странице прочитал:

«У реки Ирпеня столкновения с разъездами противника, пытавшимися проникнуть к Святошину...» —

бросил газету и сказал вслух:

— Будь проклят день и час, когда я ввязался в это...

Дверь открылась, и вошел похожий на бесхвостого хорька капитан — помощник начальника снабжения. Он выразительно посмотрел на багровые генеральские складки над воротничком и молвил:

— Разрешите доложить, господин генерал...

— Вот что, Владимир Федорович, — перебил генерал, задыхаясь и тоскливо блуждая глазами, — я почувствовал себя плохо... прилив...[14] хем... я сейчас поеду домой, а вы, будьте добры, без меня здесь распорядитесь.

— Слушаю, — любопытно глядя, ответил хорек, — как же прикажете быть? Запрашивают из четвертой дружины и из конно-горной[15] валенки. Вы изволили распорядиться двести пар?

— Да. Да! — пронзительно ответил генерал. — Да, я распорядился! Я! Сам! Изволил! У них исключение! Они сейчас выходят. Да. На позиции. Да!!

Любопытные огоньки заиграли в глазах хорька.

— Четыреста пар всего...

— Что ж я сделаю? Что? — сипло вскричал генерал. — Рожу я, что ли?! Рожу валенки? Рожу? Если будут запрашивать — дайте — дайте — дайте!!

Через пять минут на извозчике генерала Макушина отвезли домой.

***

В ночь с 13-го на 14-е мертвые казармы в Брест-Литовском переулке[16] ожили. В громадном заслякощенном зале загорелась электрическая лампа на стене между окнами (юнкера днем висели на фонарях и столбах, протягивая какие-то проволоки). Полтораста винтовок стояли в козлах, и на грязных нарах вповалку спали юнкера. Най-Турс сидел у деревянного колченогого стола, заваленного краюхами хлеба, котелками с остатками простывшей жижи, подсумками[17] и обоймами, разложив пестрый план Города. Маленькая кухонная лампочка отбрасывала пучок света на разрисованную бумагу, и Днепр был виден на ней разветвленным, сухим и синим деревом.

Около двух часов ночи сон стал морить Ная. Он шмыгал носом, клонился несколько раз к плану, как будто что-то хотел разглядеть в нем. Наконец негромко крикнул:

— Юнкег?!

— Я, господин полковник, — отозвалось у двери, и юнкер, шурша валенками, подошел к лампе.

— Я сейчас лягу, — сказал Най, — а вы меня газбудите чегез тги часа. Если будет телефоног'амма, газбудите пгапогщика Жагова, и в зависимости от ее содегжания он будет меня будить или нет.

Никакой телефонограммы не было...[18] Вообще в эту ночь штаб не беспокоил отряд Ная. Вышел отряд на рассвете с тремя пулеметами и тремя двуколками и растянулся по дороге. Окраинные домишки словно вымерли. Но когда отряд вышел на Политехническую широчайшую улицу[19], на ней застал движение. В раненьких сумерках мелькали, погромыхивая, фуры[20], брели серые отдельные папахи. Всё это направлялось назад в Город и часть Ная обходило с некоторой пугливостью. Медленно и верно рассветало, и над садами казенных дач, над утоптанным и выбитым шоссе вставал и расходился туман.

С этого рассвета до трех часов дня Най находился на Политехнической стреле[21], потому что днем все-таки приехал юнкер из его связи на четвертой двуколке и привез ему записку карандашом из штаба:

«Охранять Политехническое шоссе и в случае появления неприятеля принять бой».

Этого неприятеля Най-Турс увидал впервые в три часа дня, когда на левой руке вдали, на заснеженном плацу военного ведомства показались многочисленные всадники. Это и был полковник Козырь-Лешко, согласно диспозиции полковника Торопца пытающийся войти на стрелу и по ней проникнуть в сердце Города. Собственно говоря, Козырь-Лешко, не встретивший до самого подхода к Политехнической стреле никакого сопротивления, не нападал на Город, а вступал в него, вступал победно и широко, прекрасно зная, что следом за его полком идет еще курень конных гайдамаков полковника Сосненко, два полка Синей дивизии[22], полк сечевых стрельцов и шесть батарей. Когда на плацу показались конные точки, шрапнели стали рваться высоко, по-журавлиному, в густом, обещающем снег небе. Конные точки собрались в ленту и, захватив во всю ширину шоссе, стали пухнуть, чернеть, увеличиваться и покатились на Най-Турса. По цепям юнкеров прокатился грохот затворов, Най вынул свисток, пронзительно свистнул и закричал:

— Пгямо по кавагегии!.. залпами... о-гонь!

Искра прошла по серому строю цепей, и юнкера отправили Козырю первый залп. Три раза после этого рвало штуку полотна[23] от самого неба до стен Политехнического института[24], и три раза, отражаясь хлещущим

громом, стрелял Най-Турсов батальон. Конные черные ленты вдали сломались, рассыпались и исчезли с шоссе.

Вот в это-то время с Наем что-то произошло. Собственно говоря, ни один человек в отряде еще ни разу не видел Ная испуганным, а тут показалось юнкерам, будто Най увидал что-то опасное где-то в небе, не то услыхал вдали... одним словом, Най приказал отходить на Город. Один взвод остался и, перекатывая рокот, бил по стреле, прикрывая отходящие взводы. Затем перебежал и сам. Так две версты бежали, припадая и будя эхом великую дорогу, пока не оказались на скрещении стрелы с тем самым Брест-Литовским переулком[25], где провели прошлую ночь. Перекресток умер совершенно, и нигде не было ни одной души.

Здесь Най отделил трех юнкеров и приказал им:

— Бегом на Полевую[26] и на Богщаговскую[27], узнать, где наши части и что с ними. Если встгетите фугы, двуколки или какие-нибудь сгедства пегедвижения, отступающие неогганизованно, взять их. В случае сопготивления уг'ожать оружием, а затем его и пгименить...

Юнкера убежали назад и налево[28] и скрылись, а спереди вдруг откуда-то начали бить в отряд пули. Они застучали по крышам, стали чаще, и в цепи упал юнкер в снег и окрасил его кровью. За ним другой, охнув, отвалился от пулемета. Цепи Ная растянулись и стали гулко рокотать по стреле беглым непрерывным огнем, встречая колдовским образом вырастающие из земли[29] темненькие цепочки неприятеля. Раненых юнкеров подняли, размоталась белая марля. Скулы Ная пошли желваками. Он всё чаще и чаще поворачивал туловище, стараясь далеко заглянуть во фланги, и даже по его лицу было видно, что он нетерпеливо ждет посланных юнкеров. И они наконец прибежали, пыхтя, как загнанные гончие, со свистом и хрипом. Най насторожился и потемнел лицом. Первый юнкер добежал до Ная, стал перед ним и сказал, задыхаясь:

— Господин полковник, никаких наших частей нет не только в Шулявке[30], но и нигде нет, — он перевел дух. — У нас в тылу пулеметная стрельба, и неприятельская конница сейчас прошла вдали по Шулявке, как будто бы входя в Город...

Слова юнкера в ту же секунду покрыл оглушительный свист Ная.

Три двуколки с громом выскочили в Брест-Литовский переулок, простучали по нему, а оттуда по Фонарному и покатили по ухабам. В двуколках увезли двух раненых юнкеров, пятнадцать вооруженных и здоровых и все три пулемета. Больше двуколки взять не могли. А Най-Турс повернулся лицом к цепям и зычно и картаво отдал юнкерам никогда ими не слыханную, странную команду...

* * *

В облупленном и жарко натопленном помещении бывших казарм на Львовской улице[31] томился третий отдел 1-й пехотной дружины, в составе 28 человек юнкеров[32]. Самое интересное в этом томлении было то, что командиром этих томящихся оказался своей персоной Николка Турбин. Командир отдела штабс-капитан Безруков и двое его помощников – прапорщики, утром уехавши в штаб, не возвращались. Николка – ефрейтор[33], самый старший, шлялся по казарме, то и дело подходя к телефону и посматривая на него.

Так дело тянулось до трех часов дня. Лица у юнкеров в конце концов стали тоскливыми. Эх... эх...

В три часа запищал полевой телефон.

– Это третий отдел дружины?

– Да.

– Командира к телефону.

– Кто говорит?

– Из штаба...

– Командир не вернулся.

– Кто говорит?

– Унтер-офицер Турбин.

– Вы старший?

– Так точно.

– Немедленно выведите команду по маршруту.

И Николка вывел 28 человек и повел по улице.

* * *

До двух часов дня Алексей Васильевич спал мертвым сном. Проснулся он словно облитый водой, глянул на часики на стуле, увидел, что на них без десяти минут два, и заметался по комнате. Алексей Васильевич натянул валенки, насовал в карманы, торопясь и забывая то одно, то другое, спички, портсигар, платок, браунинг и две обоймы, затянул потуже шинель, потом припомнил что-то, но поколебался – это показалось ему позорным и трусливым, но все-таки сделал, – вынул из стола свой гражданский врачебный паспорт[34]. Он повертел его в руках, решил взять с собой, но Елена окликнула его в это время, и он забыл его на столе.

– Слушай, Елена, – говорил Турбин, затягивая пояс и нервничая; сердце его сжималось нехорошим предчувствием, и он страдал при мысли, что Елена останется одна с Анютою в пустой большой квартире, – ничего не поделаешь. Не идти нельзя. Ну, со мной, надо полагать, ничего не случится. Дивизион не уйдет дальше окраин Города, а я стану где-нибудь в безопасном месте. Авось Бог сохранит и Николку. Сегодня утром я слышал, что положение стало немножко посерьезнее[35], ну, авось отобьем Петлюру. Ну, прощай, прощай...

Елена одна ходила по опустевшей гостиной от пианино, где, по-прежнему не убранный, виднелся разноцветный Валентин, к двери в кабинет Алексея. Паркет поскрипывал у нее под ногами. Лицо у нее было несчастное.

***

На углу своей кривой улицы[36] и улицы Владимирской Турбин стал нанимать извозчика. Тот согласился везти, но, мрачно сопя, назвал чудовищную сумму, и видно было, что он не уступит. Скрипнув зубами, Турбин сел в сани и поехал по направлению к музею. Морозило.

На душе у Алексея Васильевича было очень тревожно. Он ехал и прислушивался к отдаленной пулеметной стрельбе, которая взрывами доносилась откуда-то со стороны Политехнического института и как будто бы по направлению к вокзалу. Турбин думал о том, что бы это означало (полуденный визит Болботуна Турбин проспал), и, вертя головой, всматривался в тротуары. На них было хоть и тревожное и сумбурное, но всё же большое движение.

– Стой... ст... – сказал пьяный голос.

– Что это значит? – сердито спросил Турбин.

Извозчик так натянул вожжи, что чуть не свалился Турбину на колени. Совершенно красное лицо качалось у оглобли, держась за вожжу и по ней пробираясь к сиденью. На дубленом полушубке поблескивали смятые прапорщичьи погоны. Турбина на расстоянии аршина обдал тяжелый запах перегоревшего спирта и луку. В руках прапорщика покачивалась винтовка.

– Пав... пав... паварачивай, – сказал красный пьяный, – выса... высаживай пассажира... – Слово «пассажир» вдруг показалось красному смешным, и он хихикнул.

– Что это значит? – сердито повторил Турбин. – Вы не видите, кто едет? Я на сборный пункт. Прошу оставить извозчика. Трогай!

— Нет, не трогай... — угрожающе сказал красный и только тут, поморгав глазами, заметил погоны Турбина. — А, доктор... ну, вместе... и я сяду....

— Нам не по дороге... Трогай!

— Па... а-звольте...

— Трогай!

Извозчик, втянув голову в плечи, хотел дернуть, но потом раздумал; обернувшись, он злобно и боязливо покосился на красного. Но тот вдруг отстал сам, потому что заметил пустого извозчика. Пустой хотел уехать, но не успел. Красный обеими руками поднял винтовку и погрозил ему. Извозчик застыл на месте, и красный, спотыкаясь и икая, поплелся к нему.

— Знал бы, за пятьсот не поехал, — злобно бурчал извозчик, нахлестывая круп клячи, — стрельнет в спину, что ж с него возьмешь?

Турбин мрачно молчал.

«Вот сволочь... такие вот позорят всё дело», — злобно думал он.

На перекрестке у оперного театра[37] кипела суета и движение. Прямо посредине на трамвайном пути стоял пулемет, охраняемый маленьким иззябшим кадетом в черной шинели и наушниках и юнкером в сером. Прохожие, как мухи, кучками лепились по тротуару, любопытно глядя на пулемет. У аптеки, на углу[38], Турбин уже в виду музея отпустил извозчика.

— Прибавить надо, ваше высокоблагородие, — злобно и настойчиво говорил извозчик, — знал бы, не поехал бы. Вишь, что делается!

— Будет.

— Детей зачем-то ввязали в это... — послышался женский голос.

Тут только Турбин увидал толпу вооруженных у музея. Она колыхалась и густела. Смутно мелькнули между полами шинелей пулеметы на тротуаре. И тут кипуче забарабанил пулемет на Печерске.

Вра... вра... вра... вра... вра... вра... вра...

«Чепуха какая-то уже, кажется, делается», — растерянно думал Турбин и, ускорив шаг, направился к музею, через перекресток.

«Неужели опоздал?.. Какой скандал... Могут подумать, что я сбежал...»

Прапорщики, юнкера, кадеты, очень редкие солдаты волновались, кипели и бегали у гигантского подъезда музея[39] и у боковых разломанных ворот, ведущих на плац Александровской гимназии. Громадные стекла двери дрожали поминутно, двери стонали, и в круглое белое здание музея, на фронтоне которого красовалась золотая надпись:

НА БЛАГОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА[40],

вбегали вооруженные, смятенные и встревоженные юнкера.

— Боже! — невольно вскрикнул Турбин. — Они уже ушли.

Мортиры безмолвно щурились на Турбина и, одинокие и брошенные, стояли там же, где вчера.

«Ничего не понимаю… что это значит?»

Сам не зная зачем, Турбин побежал по плацу к пушкам. Они вырастали по мере движения и грозно смотрели на Турбина. И вот крайняя. Турбин остановился и застыл: на ней не было замка. Быстрым бегом он перерезал плац обратно и выскочил вновь на улицу. Здесь еще больше кипела толпа, кричали многие голоса сразу и торчали и прыгали штыки.

— Картузова надо ждать! Вот что! — выкрикивал звонкий встревоженный голос. Какой-то прапорщик пересек Турбину путь, и тот увидел на спине у него желтое седло с болтающимися стременами.

— Польскому легиону отдать[41].

— А где он?

— А черт его знает!

— Все в музей! Все в музей!

— На Дон!

Прапорщик вдруг остановился, сбросил седло на тротуар.

— К чертовой матери! Пусть пропадет всё, — яростно завопил он, — ах, штабные!..

Он метнулся в сторону, грозя кому-то кулаками.

«Катастрофа… Теперь понимаю… Но вот в чем ужас — они, наверно, ушли в пешем строю… Да, да, да… Несомненно. Вероятно, Петлюра подошел неожиданно. Лошадей нет, и они ушли с винтовками, без пушек… Ах ты, Боже мой… К Анжу надо бежать… Может быть, там узнаю… Даже наверно, ведь кто-нибудь же да остался?»

Турбин выскочил из вертящейся суеты и, больше ни на что не обращая внимания, побежал назад к оперному театру. Сухой порыв ветра пролетел по асфальтовой дорожке, окаймляющей театр, и пошевелил край полуоборванной афиши на стене театра, у чернооконного бокового подъезда. Кармен[42]. Кармен.

И вот Анжу. В окнах нет пушек, в окнах нет золотых погон. В окнах дрожит и переливается огненный, зыбкий отсвет. Пожар? Дверь под руками Турбина звякнула, но не поддалась. Турбин постучал тревожно. Еще раз постучал. Серая фигура, мелькнув за стеклом двери, открыла ее, и Турбин попал в магазин. Турбин, оторопев, всмотрелся в неизвестную фигуру. На ней была студенческая черная шинель, а на голове штатская, молью траченная, шапка с ушами, притянутыми на темя. Лицо странно знакомое, но как буд-

то чем-то обезображенное и искаженное. Печь яростно гудела, пожирая какие-то листки бумаги. Бумагой был усеян весь пол. Фигура, впустив Турбина, ничего не объясняя, тотчас же метнулась от него к печке и села на корточки, причем багровые отблески заиграли на ее лице.

«Малышев? Да, полковник Малышев», — узнал Турбин.

Усов на полковнике не было. Гладкое синевыбритое место было вместо них.

Малышев, широко отмахнув руку, сгреб с полу листы бумаги и сунул их в печку.

«Ага... а».

— Что это? Кончено? — глухо спросил Турбин.

— Кончено, — лаконически ответил полковник, вскочил, рванулся к столу, внимательно обшарил его глазами, несколько раз хлопнул ящиками, выдвигая и задвигая их, быстро согнулся, подобрал последнюю пачку листков на полу и их засунул в печку. Лишь после этого он повернулся к Турбину и прибавил иронически спокойно: — Повоевали — и будет! — Он полез за пазуху, вытащил торопливо бумажник, проверил в нем документы, два каких-то листка надорвал крест-накрест и бросил в печь. Турбин в это время всматривался в него. Ни на какого полковника Малышев больше не походил. Перед Турбиным стоял довольно плотный студент, актер-любитель с припухшими малиновыми губами.

— Доктор? Что же вы? — Малышев беспокойно указал на плечи Турбина. — Снимите скорей. Что вы делаете? Откуда вы? Не знаете, что ли, ничего?

— Я опоздал, полковник, — начал Турбин.

Малышев весело улыбнулся. Потом вдруг улыбка слетела с лица, он виновато и тревожно качнул головой и молвил:

— Ах ты, Боже мой, ведь это я вас подвел! Назначил вам этот час... Вы, очевидно, днем не выходили из дому? Ну ладно. Об этом нечего сейчас говорить. Одним словом: снимайте скорее погоны и бегите, прячьтесь.

— В чем дело? В чем дело, скажите, ради Бога?..

— Дело? — иронически-весело переспросил Малышев. — Дело в том, что Петлюра в городе. На Печерске, если не на Крещатике уже. Город взят. — Малышев вдруг оскалил зубы, скосил глаза и заговорил опять неожиданно не как актер-любитель, а как прежний Малышев: — Штабы предали нас. Еще утром надо было разбегаться. Но я, по счастью, благодаря хорошим людям, узнал всё еще ночью и дивизион успел разогнать. Доктор, некогда думать, снимайте погоны!

— ...а там, в музее, в музее...

Малышев потемнел.

— Не касается, — злобно ответил он, — не касается! Теперь меня ничего больше не касается. Я только что был там, кричал, предупреждал, просил разбежаться. Больше сделать ничего не могу-с. Своих я всех спас. На убой не послал! На позор не послал! — Малышев вдруг начал выкрикивать истерически, очевидно, что-то нагорело в нем и лопнуло, и больше себя он сдерживать не мог. — Ну, генералы! — Он сжал кулаки и стал грозить кому-то. Лицо его побагровело.

В это время с улицы откуда-то в высоте взвыл пулемет, и показалось, что он трясет соседний дом.

Малышев встрепенулся, сразу стих.

— Ну-с, доктор, ходу! Прощайте. Бегите! Только не на улицу, а вот отсюда, через черный ход, а там дворами. Там еще открыто. Скорей.

Малышев пожал руку ошеломленному Турбину, круто повернулся и убежал в темное ущелье за перегородкой. И сразу стихло в магазине. А на улице стих пулемет.

Наступило одиночество. В печке горела бумага. Турбин, несмотря на окрики Малышева, как-то вяло и медленно подошел к двери. Нашарил крючок, спустил его в петлю и вернулся к печке. Несмотря на окрики, Турбин действовал не спеша, на каких-то вялых ногах, с вялыми, скомканными мыслями. Непрочный огонь пожирал бумагу, устье печки из веселого пламенного превратилось в тихое красноватое, и в магазине сразу потемнело. В сереньких тенях лепились полки по стенам. Турбин обвел их глазами и вяло же подумал, что у мадам Анжу еще до сих пор пахнет духами. Нежно и слабо, но пахнет.

Мысли в голове у Турбина сбились в бесформенную кучу, и некоторое время он совершенно бессмысленно смотрел туда, где исчез побритый полковник. Потом в тишине ком постепенно размотался. Вылез самый главный и яркий лоскут — Петлюра тут. «Пэтурра, Пэтурра», — слабенько повторил Турбин и усмехнулся, сам не зная чему. Он подошел к зеркалу в простенке, затянутому слоем пыли, как тафтой[43].

Бумага догорела, и последний красный язычок, подразнив немного, угас на полу. Стало сумеречно.

— Петлюра, это так дико... В сущности, совершенно пропащая страна, — пробормотал Турбин в сумерках магазина, но потом опомнился: — Что же я мечтаю? Ведь, чего доброго, сюда нагрянут?

Тут он заметался, как и Малышев перед уходом, и стал срывать погоны. Нитки затрещали, и в руках остались две серебряных потемневших поло-

ски с гимнастерки и еще две зеленых с шинели. Турбин поглядел на них, повертел в руках, хотел спрятать в карман на память, но подумал и сообразил, что это опасно, решил сжечь. В горючем материале недостатка не было, хоть Малышев и спалил все документы. Турбин нагреб с полу целый ворох шелковых лоскутов, всунул его в печь и поджег. Опять заходили уроды по стенам и по полу, и опять временно ожило помещение мадам Анжу. В пламени серебряные полоски покоробились, вздулись пузырями, стали смуглыми, потом скорчились...

Возник существенно важный вопрос в турбинской голове — как быть с дверью? Оставить на крючке или открыть? Вдруг кто-нибудь из добровольцев, вот так же, как Турбин, отставший, прибежит — ан укрыться-то и негде будет! Турбин открыл крючок. Потом его обожгла мысль: паспорт? Он ухватился за один карман, другой — нет. Так и есть! Забыл, ах, это уже скандал. Вдруг нарвешься на них? Шинель серая. Спросят — кто? Доктор... а вот докажи-ка! Ах, чертова рассеянность!

«Скорее», — шепнул голос внутри.

Турбин, больше не раздумывая, бросился вглубь магазина и по пути, по которому ушел Малышев, через маленькую дверь выбежал в темноватый коридор, а оттуда по черному ходу во двор.

11

Повинуясь телефонному голосу, унтер-офицер Турбин Николай вывел 28 человек юнкеров и через весь город провел их согласно маршруту[1]. Маршрут привел Турбина с юнкерами на перекресток, совершенно мертвенный. Никакой жизни на нем не было, но грохоту было много. Кругом — в небе, по крышам, по стенам — гремели пулеметы.

Неприятель, очевидно, должен был быть здесь, потому что это был последний, конечный пункт, указанный телефонным голосом. Но никакого неприятеля пока что не показывалось, и Николка немного запутался — что делать дальше? Юнкера его, немножко бледные, но всё же храбрые, как и их командир, разлеглись цепью на снежной улице, а пулеметчик Ивашин сел на корточки возле пулемета, у обочины тротуара. Юнкера настороженно глядели вдаль, подымая головы от земли, ждали: что, собственно, произойдет?

Предводитель же их был полон настолько важных и значительных мыслей, что даже осунулся и побледнел. Поражало предводителя, во-первых, отсутствие на перекрестке всего того, что было обещано голосом. Здесь, на перекрестке, Николка должен был застать отряд 3-й дружины и «подкрепить его». Никакого отряда не было. Даже и следов его не было.

Во-вторых, поражало Николку то обстоятельство, что боевой пулеметный дробот временами слышался не только впереди, но и слева, и даже, пожалуй, немножко сзади. В-третьих, он боялся испугаться[2] и всё время проверял себя: «Не страшно?» — «Нет, не страшно», — отвечал бодрый голос в голове, и Николка от гордости, что он, оказывается, храбрый, еще больше бледнел[3]. Гордость переходила в мысль о том, что если его, Николку, убьют, то хоронить будут с музыкой. Очень просто: плывет по улице белый глазетовый[4] гроб, и в гробу погибший в бою унтер-офицер Турбин с благородным восковым лицом, и жаль, что крестов теперь не дают[5], а то непременно с

крестом на груди и георгиевской лентой. Бабы стоят у ворот. «Кого хоронят, миленькие?» — «Унтер-офицера Турбина...» — «Ах, какой красавец...» И музыка. В бою, знаете ли, приятно помереть. Лишь бы только не мучиться. Размышления о музыке и лентах несколько скрасили неуверенное ожидание неприятеля, который, очевидно, не повинуясь телефонному голосу, и не думал показываться.

— Ждать будем здесь, — сказал Николка юнкерам, стараясь, чтобы голос его звучал поувереннее, но тот не очень уверенно звучал, потому что кругом все-таки было немножко не так, как бы следовало, чепуховато как-то. Где отряд? Где неприятель? Странно, что как будто бы в тылу стреляют?

***

И предводитель со своим воинством дождался. В поперечном переулке, ведущем с перекрестка на Брест-Литовскую стрелу, неожиданно загремели выстрелы, и посыпались по переулку серые фигуры в бешеном беге. Они неслись прямо на Николкиных юнкеров, и винтовки торчали у них в разные стороны.

«Обошли?» — грянуло в Николкиной голове, он метнулся, не зная, какую команду подать. Но через мгновение он разглядел золотые пятна у некоторых бегущих на плечах и понял, что это свои.

Тяжелые, рослые, запаренные в беге константиновские юнкера в папахах вдруг остановились, упали на одно колено и, бледно сверкнув, дали два залпа по переулку туда, откуда прибежали. Затем вскочили и, бросая винтовки, кинулись через перекресток, мимо Николкиного отряда. По дороге они рвали с себя погоны, подсумки и пояса, бросали их на разъезженный снег. Рослый, серый, грузный юнкер, равняясь с Николкой, поворачивая к Николкиному отряду голову, зычно, задыхаясь, кричал:

— Бегите, бегите с нами! Спасайся, кто может!

Николкины юнкера в цепи стали ошеломленно подниматься. Николка совершенно одурел, но в ту же секунду справился с собой и, молниеносно подумав: «Вот момент, когда можно быть героем», — закричал своим пронзительным голосом:

— Не сметь вставать! Слушать команду!!.[6]

«Что они делают?» — остервенело подумал Николка.

Константиновцы — их было человек двадцать, — выскочив с перекрестка без оружия, рассыпались в поперечном же Фонарном переулке, и часть из них бросилась в первые громадные ворота. Страшно загрохотали желез-

ные двери, и затопали сапоги в звонком пролете. Вторая кучка в следующие ворота. Остались только пятеро, и они, ускоряя бег, понеслись прямо по Фонарному и исчезли вдали.

Наконец на перекресток выскочил последний бежавший, в бледных золотистых погонах на плечах. Николка вмиг обострившимся взглядом узнал в нем командира второго отделения 1-й дружины полковника Най-Турса[7].

– Господин полковник! – смятенно и в то же время обрадованно закричал ему навстречу Николка. – Ваши юнкера бегут в панике.

И тут произошло чудовищное. Най-Турс вбежал на растоптанный перекресток в шинели, подвернутой с двух боков, как у французских пехотинцев[8]. Смятая фуражка сидела у него на самом затылке и держалась ремнем под подбородком. В правой руке у Най-Турса был кольт, и вскрытая кобура била и хлопала его по бедру. Давно не бритое, щетинистое лицо его было грозно, глаза скошены к носу, и теперь вблизи на плечах были явственно видны гусарские зигзаги[9]. Най-Турс подскочил к Николке вплотную, взмахнул левой свободной рукой и оборвал с Николки сначала левый, а затем правый погон. Вощеные лучшие нитки лопнули с треском, причем правый погон отлетел с шинельным мясом. Николку так мотнуло, что он тут же убедился, какие у Най-Турса замечательно крепкие руки. Николка с размаху сел на что-то нетвердое, и это нетвердое выскочило из-под него с воплем и оказалось пулеметчиком Ивашиным. Затем заплясали кругом перекошенные лица юнкеров, и всё полетело к чертовой матери. Не сошел Николка с ума в этот момент лишь потому, что у него на это не было времени, так стремительны были поступки полковника Най-Турса. Обернувшись к разбитому взводу лицом, он взвыл команду необычным, неслыханным картавым голосом. Николка суеверно подумал, что этакий голос слышен на десять верст и уж наверно по всему городу.

– Юнкегга! Слушай мою команду: сгывай погоны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газъезжую, на Подол! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячьтесь, гассыпьтесь, всех по догоге гоните с собо-о-ой!

Затем, взмахнув кольтом, Най-Турс провыл, как кавалерийская труба:

– По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш!

Несколько секунд взвод не мог прийти в себя. Потом юнкера совершенно побелели. Ивашин перед лицом Николки рвал погоны, подсумки полетели на снег, винтовка со стуком покатилась по ледяному горбу тротуара. Через полминуты на перекрестке валялись патронные сумки, пояса

и чья-то растрепанная фуражка. По Фонарному переулку, влетая во дворы, ведущие на Разъезжую улицу, убегали юнкера.

Най-Турс с размаху всадил кольт в кобуру, подскочил к пулемету у тротуара, скорчился, присел, повернул его носом туда, откуда прибежал, и левой рукой поправил ленту. Обернувшись к Николке с корточек, он бешено загремел:

— Оглох? Беги!

Странный пьяный экстаз поднялся у Николки откуда-то из живота, и во рту моментально пересохло.

— Не желаю, господин полковник, — ответил он суконным голосом, сел на корточки, обеими руками ухватился за ленту и пустил ее в пулемет.

Вдали, там, откуда прибежал остаток Най-Турсова отряда, внезапно выскочило несколько конных фигур. Видно было смутно, что лошади под ними танцуют, как будто играют, и что лезвия серых шашек у них в руках. Най-Турс сдвинул ручки, пулемет грохнул — ар-ра-паа, стал, снова грохнул и потом длинно загремел. Все крыши на домах сейчас же закипели и справа, и слева. К конным фигурам прибавилось еще несколько, но затем одну из них швырнуло куда-то в сторону, в окно дома, другая лошадь стала на дыбы, показавшись страшно длинной, чуть не до второго этажа, и несколько всадников вовсе исчезли. Затем мгновенно исчезли, как сквозь землю, все остальные всадники.

Най-Турс развел ручки, кулаком погрозил небу, причем глаза его налились светом, и прокричал:

— Ребят! Ребят!.. Штабные стегвы!..

Обернулся к Николке и выкрикнул голосом, который показался Николке звуком нежной кавалерийской трубы:

— Удигай, гвупый мавый! Говогю — удигай!

Он переметнул взгляд назад и убедился, что юнкера уже исчезли все, потом переметнул взгляд с перекрестка вдаль, на улицу, параллельную Брест-Литовской стреле, и выкрикнул с болью и злобой:

— А, чегт!

Николка повернулся за ним и увидал, что далеко, еще далеко на Кадетской улице[10], у чахлого, засыпанного снегом бульвара[11], появились темные шеренги и начали припадать к земле. Затем вывеска тут же над головами Най-Турса и Николки, на углу Фонарного переулка:

Зубной врач

Берта Яковлевна
ПРИНЦ-МЕТАЛЛ[12]

хлопнула, и где-то за воротами посыпались стекла. Николка увидал куски штукатурки на тротуаре. Они прыгнули и поскакали. Николка вопросительно вперил взор в полковника Най-Турса, желая узнать, как нужно понимать эти дальние шеренги и штукатурку. И полковник Най-Турс отнесся к ним странно. Он подпрыгнул на одной ноге, взмахнул другой, как будто в вальсе, и по-бальному оскалился неуместной улыбкой. Затем полковник Най-Турс оказался лежащим у ног Николки. Николкин мозг задернуло черным туманцем, он сел на корточки и неожиданно для себя, сухо, без слез всхлипнувши, стал тянуть полковника за плечи, пытаясь его поднять. Тут он увидел, что из полковника через левый рукав стала вытекать кровь, а глаза у него зашли к небу.

— Господин полковник, господин...

— Унтег-цег, — выговорил Най-Турс, причем кровь потекла у него изо рта на подбородок, а голос начал вытекать по капле, слабея на каждом слове, — бгосьте гегойствовать к чегтям, я умигаю... Мало-Пговальная...

Больше он ничего не пожелал объяснить. Нижняя его челюсть стала двигаться. Ровно три раза и судорожно, словно Най давился, потом перестала, и полковник стал тяжелый, как большой мешок с мукой.

«Так умирают? — подумал Николка. — Не может быть. Только что был живой. В бою не страшно, как видно. В меня же почему-то не попадают...»

Зуб...
...врач

затрепетал второй раз над головой, и еще где-то лопнули стекла. «Может быть, он просто в обмороке?» — в смятении вздорно подумал Николка и тянул полковника. Но поднять того не было никакой возможности. «Не страшно?» — подумал Николка и почувствовал, что ему безумно страшно. «Отчего? Отчего?» — думал Николка и сейчас же понял, что страшно от тоски и одиночества, что, если бы был сейчас на ногах полковник Най-Турс, никакого бы страха не было... Но полковник Най-Турс был совершенно недвижим, больше никаких команд не подавал, не обращал внимания ни на то, что возле его рукава расширялась красная большая лужа, ни на то, что штукатурка на выступах стен ломалась и крошилась как сумасшедшая. Николке же стало страшно оттого, что он совершенно один. Никакие конные не наскакивали больше сбоку, но, очевидно, все были против Николки, а он последний, он совершенно один... И одиночество погнало Николку с перекрестка. Он полз на животе, перебирая руками, причем правым локтем, по-

тому что в ладони он зажимал Най-Турсов кольт. Самый страх наступает уже в двух шагах от угла. Вот сейчас попадут в ногу, и тогда не уползешь, наедут петлюровцы и изрубят шашками. Ужасно, когда лежишь, а тебя рубят... Я буду стрелять, если в кольте есть патроны... И всего-то полтора шага... подтянуться, подтянуться... раз... и Николка за стеной в Фонарном переулке.

«Удивительно, страшно удивительно, что не попали. Прямо чудо. Это уж чудо Господа Бога, – думал Николка, поднимаясь, – вот так чудо. Теперь сам видал – чудо. "Собор Парижской Богоматери". Виктор Гюго. Что-то теперь с Еленой? А Алексей? Ясно – рвать погоны, значит, произошла катастрофа».

Николка вскочил весь до шеи вымазанный снегом, сунул кольт в карман шинели и полетел по переулку. Первые же ворота на правой руке зияли, Николка вбежал в гулкий пролет, выбежал на мрачный, скверный двор с сараями красного кирпича по правой и кладкой дров по левой, сообразил, что сквозной проход посредине, скользя, бросился туда и напоролся на человека в тулупе. Совершенно явственно. Рыжая борода и маленькие глазки, из которых сочится ненависть. Курносый, в бараньей шапке, Нерон[13]. Человек, как бы играя в веселую игру, обхватил Николку левой рукой, а правой уцепился за его левую руку и стал выкручивать ее за спину. Николка впал в ошеломление на несколько мгновений. «Боже. Он меня схватил, ненавидит!.. Петлюровец...»

– Ах ты, наволочь!* – сипло закричал рыжебородый и запыхтел: – Куды? Стой! – потом вдруг завопил: – Держи, держи! Юнкерей держи! Погон скинул, думаешь, сволота, не узнают? Держи!

Бешенство овладело всем Николкой, с головы до ног. Он резко сел вниз сразу, так что лопнул сзади хлястик на шинели, повернулся и с неестественной силой вылетел из рук рыжего. Секунду он его не видел, потому что оказался к нему спиной, но потом повернулся и опять увидал. У рыжебородого не было никакого оружия, он даже не был военным, он был дворник. Ярость пролетела мимо Николкиных глаз совершенно красным одеялом и сменилась чрезвычайной уверенностью. Ветер и мороз залетел Николке в жаркий рот, потому что он оскалился, как волчонок. Николка выбросил руку с кольтом из кармана, подумав: «Убью гадину, лишь бы были патроны». Голоса своего он не узнал, до того голос был чужд и страшен.

– Убью, гад! – Николка просипел, шаря пальцами в мудреном кольте, и мгновенно сообразил, что он забыл, как из него стрелять. Желто-рыжий

* Сволочь (*укр.*, *искаж.*).

дворник[14], увидавший, что Николка вооружен, в отчаянии и ужасе пал на колени и взвыл, чудесным образом превратившись из Нерона в змею:

— А! ваше благородие! Ваше...

Всё равно Николка непременно бы выстрелил, но кольт не пожелал выстрелить. «Разряжен. Эх, беда!» — вихрем подумал Николка. Дворник, рукой закрываясь и пятясь, с колен садился на корточки, отваливаясь назад, и выл истошно, губя Николку. Не зная, что сделать, чтобы закрыть эту громкую пасть в медной бороде, Николка в отчаянии от нестреляющего револьвера, как боевой петух, наскочил на дворника и тяжело ударил его, рискуя застрелить самого себя, ручкой в зубы[15]. Николкина злоба вылетела мгновенно. Дворник же вскочил на ноги и побежал от Николки в тот пролет, откуда Николка появился. Сходя с ума от страху, дворник уже не выл, бежал, скользя по льду и спотыкаясь, раз обернулся, и Николка увидал, что половина его бороды стала красной[16]. Затем он исчез. Николка же бросился вниз, мимо сарая, к воротам на Разъезжую и возле них впал в отчаяние. «Конечно. Опоздал. Попался. Боже, и не стреляет». Тщетно он тряс огромный болт[17] и замок. Ничего сделать было нельзя. Рыжий дворник, лишь только проскочили Най-Турсовы юнкера, запер ворота на Разъезжую, и перед Николкой была совершенно неодолимая преграда — гладкая доверху, глухая железная стена[18]. Николка обернулся, глянул на небо, чрезвычайно низкое и густое, увидал на брандмауэре[19] легкую черную лестницу, уходившую на самую крышу четырехэтажного дома. «Полезть разве?» — подумал он, и при этом ему дурацки вспомнилась пестрая картинка: Нат Пинкертон в желтом пиджаке и с красной маской на лице лезет по такой же самой лестнице[20]. «Э, Нат Пинкертон, Америка... а я вот влезу и потом что? Как идиот буду сидеть на крыше, а дворник сзовет в это время петлюровцев. Этот Нерон предаст... Зубы я ему расколотил... Не простит!»

И точно. Из-под ворот в Фонарный переулок Николка услыхал призывные отчаянные вопли дворника: «Сюды! Сюды!» — и копытный топот. Николка понял: вот что — конница Петлюры заскочила с фланга в Город. Сейчас она уже в Фонарном переулке. То-то Най-Турс и кричал... на Фонарный возвращаться нельзя.

Всё это он сообразил уже, неизвестно каким образом оказавшись на штабеле дров, рядом с сараем, под стеной соседнего двора. Обледеневшие поленья зашатались под ногами, Николка заковылял, упал, разорвал штанину, добрался до стены, глянул через нее и увидал точь-в-точь такой же двор. Настолько такой, что он ждал, что опять выскочит рыжий Нерон в полушубке. Но никто не выскочил. Страшно оборвалось в животе

и в пояснице, и Николка сел на землю, в ту же секунду его кольт прыгнул в руке и оглушительно выстрелил. Николка удивился, потом сообразил: «Предохранитель-то был заперт, а теперь я его сдвинул. Оказия».

Черт. И тут ворота на Разъезжую глухие. Заперты. Значит, опять к стене. Но, увы, дров уже нет. Николка запер предохранитель и сунул револьвер в карман[21]. Полез по куче битого кирпича, а затем, как муха, по отвесной стене, вставляя носки в такие норки, что в мирное время не поместилась бы и копейка. Оборвал ногти, окровенил пальцы и всцарапался на стену. Лежа на ней животом, услыхал, что сзади, в первом дворе, раздался оглушительный свист и Неронов голос, а в этом, третьем дворе, в черном окне из второго этажа на него глянуло искаженное ужасом женское лицо и тотчас исчезло. Падая со второй стены, угадал довольно удачно: попал в сугроб, но все-таки что-то свернулось в шее и лопнуло в черепе. Чувствуя гудение в голове и мелькание в глазах, Николка побежал к воротам.

О, ликование! И они заперты, но какой вздор! Сквозная узорная решетка. Николка, как пожарный, полез по ней, перелез, спустился и оказался на Разъезжей улице. Увидал, что она была совершенно пуста, ни души. «Четверть минутки подышу, не более, а то сердце лопнет», — думал Николка и глотал раскаленный воздух. «Да... документы...» Николка вытащил из кармана блузы пачку замасленных удостоверений и изорвал их. И они разлетелись, как снег. Услыхал, что сзади, со стороны того перекрестка, на котором он оставил Най-Турса, загремел пулемет и ему отозвались пулеметы и ружейные залпы впереди Николки, оттуда, из Города. Вот оно что. Город захватили. В Городе бой. Катастрофа. Николка, всё еще задыхаясь, обеими руками счищал снег. Кольт бросить? Най-Турсов кольт? Нет, ни за что. Авось удастся проскочить. Ведь не могут же они быть повсюду сразу?

Тяжко вздохнув, Николка, чувствуя, что ноги его значительно ослабели и развинтились, побежал по вымершей Разъезжей и благополучно добрался до перекрестка, откуда расходились две улицы: Лубочицкая[22] на Подол и Ловская[23], уклоняющаяся в центр Города. Тут увидал лужу крови у тумбы и навоз, две брошенных винтовки и синюю студенческую фуражку. Николка сбросил свою папаху и эту фуражку надел. Она оказалась ему мала и придала ему гадкий, залихватский и гражданский вид. Какой-то босяк, выгнанный из гимназии. Николка осторожно из-за угла заглянул в Ловскую и очень далеко на ней увидал танцующую конницу с синими пятнами на папахах. Там была какая-то возня и хлопушки выстрелов. Дернул по Лубочицкой. Тут впервые увидел живого человека. Бежала какая-то дама по противоположному тротуару, и шляпа с черным крылом сидела у нее на боку, а в руках мо-

талась серая кошелка, из нее выдирался отчаянный петух и кричал на всю улицу «пэтурра, пэтурра»[24]. Из кулька, в левой руке дамы, сквозь дыру сыпалась на тротуар морковь. Дама кричала и плакала, бросаясь в стену. Вихрем проскользнул какой-то мещанин, крестился на все стороны и кричал:

— Господисусе! Володька, Володька! Петлюра идет!

В конце Лубочицкой уже многие сновали, суетились и убегали в ворота. Какой-то человек в черном пальто ошалел от страха, рванулся в ворота, засадил в решетку свою палку и с треском ее сломал.

А время тем временем летело и летело, и, оказывается, налетали уже сумерки, и поэтому, когда Николка с Лубочицкой выскочил в Вольский спуск[25], на углу вспыхнул электрический фонарь и зашипел. В лавчонке бухнула штора и сразу скрыла пестрые коробки с надписью «мыльный порошок». Извозчик на санях вывернул их в сугроб совершенно, заворачивая за угол, и хлестал зверски клячу кнутом. Мимо Николки прыгнул назад четырехэтажный дом с тремя подъездами, и во всех трех лупили двери поминутно, и некий, в котиковом воротнике, проскочил мимо Николки и завыл в ворота:

— Петр! Петр! Ошалел, что ли? Закрывай! Закрывай ворота.

В подъезде грохнула дверь, и слышно было, как на темной лестнице гулкий женский голос прокричал:

— Петлюра идет. Петлюра!

Чем дальше убегал Николка на спасительный Подол, указанный Най-Турсом, тем больше народу летало, и суетилось, и моталось по улицам, но страху уже было меньше, и не все бежали в одном направлении с Николкой, а некоторые проносились навстречу.

У самого спуска на Подол из подъезда большого серокаменного дома вышел торжественно кадетишка в серой шинели с белыми погонами и золотой буквой «В» на них[26]. Нос у кадетика был пуговицей. Глаза его бойко шныряли по сторонам, и большая винтовка сидела у него за спиной на ремне. Прохожие сновали, с ужасом глядели на вооруженного кадета и разбегались. А кадет постоял на тротуаре, прислушался к стрельбе в верхнем Городе с видом значительным и разведочным, потянул носом и захотел куда-то двинуться. Николка резко оборвал маршрут, двинул поперек тротуара, напер на кадетика грудью и сказал шепотом:

— Бросайте винтовку и немедленно прячьтесь.

Кадетишка вздрогнул, испугался, отшатнулся, но потом угрожающе ухватился за винтовку. Николка же старым испытанным приемом, напирая и напирая, вдавил его в подъезд и там уже, между двумя дверями, внушил:

— Говорю вам, прячьтесь. Я — юнкер. Катастрофа. Петлюра Город взял.

— Как это так взял? — спросил кадет и открыл рот, причем оказалось, что у него нет одного зуба с левой стороны.

— А вот так, — ответил Николка и, махнув рукой по направлению верхнего Города, добавил: — Слышите? Там конница Петлюрина на улицах. Я еле спасся. Бегите домой, винтовку спрячьте и всех предупредите.

Кадет окоченел, и так окоченевшим его Николка и оставил в подъезде, потому что некогда с ним разговаривать, когда он такой непонятливый.

На Подоле не было такой сильной тревоги, но суета была, и довольно большая. Прохожие учащали шаги, часто задирали головы, прислушивались, очень часто выскакивали кухарки в подъезды и ворота, наскоро кутаясь в серые платки. Из верхнего Города непрерывно слышалось кипение пулеметов. Но в этот сумеречный час 14 декабря уже нигде ни вдали, ни вблизи не было слышно пушек.

Путь Николки был длинен. Пока он пересек Подол, сумерки совершенно закутали морозные улицы, и суету и тревогу смягчил крупный мягкий снег, полетевший в пятна света у фонарей. Сквозь его редкую сеть мелькали огни, в лавчонках и в магазинах весело светилось, но не во всех: некоторые уже ослепли. Всё больше начинало лепить сверху. Когда Николка пришел к началу своей улицы, крутого Алексеевского спуска, и стал подниматься по ней, он увидал у ворот дома № 7 картину: двое мальчуганов в сереньких вязаных курточках и шлемах только что скатились на салазках со спуска. Один из них, маленький и круглый, как шар, залепленный снегом, сидел и хохотал. Другой, постарше, тонкий и серьезный, распутывал узел[27] на веревке. У ворот стоял парень в тулупе и ковырял в носу. Стрельба стала слышнее. Она вспыхивала там, наверху, в самых разных местах.

— Васька, Васька, как я задницей об тумбу! — кричал маленький.

«Катаются мирно так», — удивленно подумал Николка и спросил у парня ласковым голосом:

— Скажите, пожалуйста, чего это стреляют там наверху?

Парень вынул палец из носа, подумал и сказал в нос:

— Офицерню бьют наши.

Николка исподлобья посмотрел на него и машинально пошевелил ручкой кольта в кармане. Старший мальчик отозвался сердито:

— С офицерами расправляются. Так им и надо. Их восемьсот человек на весь Город, а они дурака валяли. Пришел Петлюра, а у него миллион войска.

Он повернулся и потащил салазки.

***

Сразу распахнулась кремовая штора и с веранды в маленькую столовую. Часы... тонк-танк.

— Алексей вернулся? — спросил Николка у Елены.

— Нет, — ответила она и заплакала.

***

Темно. Темно во всей квартире. В кухне только лампа... сидит Анюта и плачет, положив локти на стол. Конечно, об Алексее Васильевиче... В спальне у Елены в печке пылают дрова. Сквозь заслонку выпрыгивают пятна и жарко пляшут на полу. Елена сидит, наплакавшись об Алексее, на табуреточке, подперев щеку кулаком, а Николка у ее ног на полу в красном огненном пятне, расставив ноги ножницами.

Болботун... полковник. У Щегловых сегодня днем говорили, что это не кто иной, как великий князь Михаил Александрович. В общем отчаяние здесь в полутьме и огненном блеске. Что ж плакать об Алексее? Плакать — это, конечно, не поможет. Убили его, несомненно. Всё ясно. В плен они не берут. Раз не пришел, значит, попался вместе с дивизионом, и его убили. Ужас в том, что у Петлюры, как говорят, восемьсот тысяч войска, отборного и лучшего. Нас обманули, послали на смерть...

Откуда же взялась эта страшная армия?.. Соткалась из морозного тумана в игольчатом синем и сумеречном...[28] Ах, страшная страна Украина! Туманно... туманно...

Елена встала и протянула руку.

— Будь прокляты немцы. Будь они прокляты. Но если только Бог не накажет их, значит, у него нет справедливости. Возможно ли, чтобы они за это не ответили? Они ответят. Будут они мучиться так же, как и мы, будут.

Она упрямо повторяла «будут», словно заклинала. На лице и на шее у нее играл багровый цвет, а пустые глаза были окрашены в черную ненависть. Николка, растопырив ноги, впал от таких выкриков в отчаяние и печаль.

— Может, он еще и жив? — робко спросил он. — Видишь ли, все-таки он врач... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен.

— Будут кошек есть, будут друг друга убивать, как и мы[29], — говорила Елена звонко и ненавистно грозила огню пальцами.

Эх, эх... Болботун не может быть великий князь. Восемьсот тысяч войска не может быть и миллиона тоже... Впрочем, туман. Вот оно, налетело страш-

ное времечко. И Тальберг-то, оказывается, умный, вовремя уехал. Огонь на полу танцует. Ведь вот же были мирные времена и прекрасные страны. Например, Париж и Людовик с образками на шляпе[30], и Клопен Трульефу[31] полз и грелся в таком же огне. И даже ему, нищему, было хорошо. Ну, нигде, никогда не было такого гнусного гада, как этот рыжий дворник Нерон. Все, конечно, нас ненавидят, но ведь он шакал форменный! Сзади за руку.

***

И вот тут за окнами забухали пушки. Николка вскочил и заметался.

— Ты слышишь? слышишь? слышишь? Может быть, это немцы? Может быть, союзники подошли на помощь? Кто? Ведь не могут же они стрелять по Городу, если они его уже взяли.

Елена сложила руки на груди и сказала:

— Никол, я тебя всё равно не пущу. Не пущу. Умоляю тебя никуда не выходить. Не сходи с ума.

— Я только пошел бы до площадки у Андреевской церкви и оттуда посмотрел бы и послушал. Ведь виден весь Подол[32].

— Хорошо, иди. Если ты можешь оставить меня одну в такую минуту — иди.

Николка смутился.

— Ну, тогда я выйду только во двор послушаю.

— И я с тобой.

— Леночка, а если Алексей вернется, ведь с парадного звонка не услышим?

— Да, не услышим. И это ты будешь виноват.

— Ну, тогда, Леночка, я даю тебе честное слово, что я дальше двора шагу не сделаю.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ты за калитку не выйдешь? На гору лезть не будешь? Постоишь во дворе?

— Честное слово.

— Иди.

***

Густейший снег шел 14 декабря 1918 года и застилал Город. И эти странные, неожиданные пушки стреляли в девять часов вечера. Стреляли они только четверть часа.

Снег таял у Николки за воротником, и он боролся с соблазном влезть на снежные высоты. Оттуда можно было бы увидеть не только Подол, но и часть верхнего Города, семинарию[33], сотни рядов огней в высоких домах, холмы и на них домишки, где лампадками мерцают окна. Но честного слова не должен нарушать ни один человек, потому что нельзя будет жить на свете. Так полагал Николка. При каждом грозном и отдаленном грохоте он молился таким образом: «Господи, дай...»

Но пушки смолкли.

«Это были наши пушки», — горестно думал Николка. Возвращаясь от калитки, он заглянул в окно к Щегловым. Во флигельке, в окошке, завернулась беленькая шторка, и видно было: Марья Петровна мыла Петьку. Петька голый сидел в корыте и беззвучно плакал, потому что мыло залезло ему в глаза. Марья Петровна выжимала на Петьку губку. На веревке висело белье, а над бельем ходила и кланялась большая тень Марьи Петровны. Николке показалось, что у Щегловых очень уютно и тепло, а ему в расстегнутой шинели холодно.

***

В глубоких снегах, верстах в восьми от предместья Города, на севере, в сторожке, брошенной сторожем и заваленной наглухо белым снегом, сидел штабс-капитан. На столике лежала краюха хлеба, стоял ящик полевого телефона и малюсенькая трехлинейная лампочка[34] с закопченным пузатым стеклом. В печке догорал огонек. Капитан был маленький[35], с длинным острым носом, в шинели с большим воротником. Левой рукой он щипал и ломал краюху, а правой жал кнопки телефона. Но телефон словно умер и ничего ему не отвечал.

Кругом капитана верст на пять не было ничего, кроме тьмы и в ней густой метели. Были сугробы снега.

Еще час прошел, и штабс-капитан оставил телефон в покое. Около девяти вечера он посопел носом и сказал почему-то вслух:

— С ума сойду. В сущности, следовало бы застрелиться.

И, словно в ответ ему, запел телефон.

— Это шестая батарея? — спросил далекий голос.

— Да, да, — с буйной радостью ответил капитан.

Встревоженный голос издалека казался очень радостным и глухим:

— Откройте немедленно огонь по урочищу... — далекий смутный собеседник квакал по нити, — ураганный... — Голос перерезало. — У меня такое впечатление... — И на этом голос опять перерезало.

— Да, слушаю, слушаю, — отчаянно скаля зубы, вскрикивал капитан в трубку. Прошла долгая пауза.

— Я не могу открыть огня, — сказал капитан в трубку, отлично чувствуя, что говорит он в полную пустоту, но не говорить не мог. — Вся моя прислуга и трое прапорщиков разбежались. На батарее я один[36]. Передайте это на Пост.

Еще час просидел штабс-капитан, потом вышел. Очень сильно мело. Четыре мрачных и страшных пушки уже заносило снегом, и на дулах и у замков начало наметать гребешки. Крутило и вертело, и капитан тыкался в холодном визге метели, как слепой. Так в слепоте он долго возился, пока не снял на ощупь в снежной тьме первый замок. Хотел бросить его в колодезь за сторожкой, но раздумал и вернулся в сторожку. Выходил еще три раза и все четыре замка с орудий снял и спрятал в люк под полом, где лежала картошка. Затем ушел в тьму, предварительно задув лампу. Часа два он шел, утопая в снегу, совершенно невидимый и темный, и дошел до шоссе, ведущего в Город. На шоссе тускло горели редкие фонари. Под первым из этих фонарей его убили конные с хвостами на головах шашками, сняли с него сапоги и часы.

Тот же голос возник в трубке телефона в шести верстах от сторожки на запад, в землянке.

— Откройте... огонь по урочищу немедленно. У меня такое впечатление, что неприятель прошел между вами и нами на Город.

— Слушаете? слушаете? — ответили ему из землянки. — Узнайте на Посту... — перерезало.

Голос, не слушая, заквакал в трубке в ответ:

— Беглым по урочищу... по коннице...

И совсем перерезало.

Из землянки с фонарями вылезли три офицера и три юнкера в тулупах. Четвертый офицер и двое юнкеров были возле орудий у фонаря, который метель старалась погасить. Через пять минут пушки стали прыгать и страшно бить в темноту. Мощным грохотом они наполнили всю местность верст на пятнадцать кругом, донесли до дома № 13 по Алексеевскому спуску... Господи, дай...

Конная сотня, вертясь в метели, выскочила из темноты сзади на фонари и перебила всех юнкеров, четырех офицеров. Командир, оставшийся в землянке у телефона, выстрелил себе в рот.

Последними словами командира были:

— Штабная сволочь. Отлично понимаю большевиков.

***

Ночью Николка зажег верхний фонарь в своей угловой комнате и вырезал у себя на двери большой крест и изломанную надпись под ним перочинным ножом:

н. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня[37].

«Най» откинул для конспирации на случай, если придут с обыском петлюровцы.

Хотел не спать, чтобы не пропустить звонка. Елене в стену постучал и сказал:

— Ты спи — я не буду спать.

И сейчас же после этого заснул как мертвый, одетым, на кровати. Елена же не спала до рассвета и всё слушала и слушала, не раздастся ли звонок. Но не было никакого звонка, и старший брат Алексей пропал.

***

Уставшему, разбитому человеку спать нужно, и уж одиннадцать часов, а все спится и спится... Оригинально спится, я вам доложу! Сапоги мешают, пояс впился под ребра, ворот душит, и кошмар уселся лапками на груди.

Николка завалился головой навзничь, лицо побагровело, из горла свист... Свист!.. Снег и паутина какая-то... Ну, кругом паутина, черт ее дери! Самое главное, пробраться сквозь эту паутину, а то она, проклятая, нарастает, нарастает и подбирается к самому лицу[38]. И, чего доброго, окутает так, что и не выберешься! Так и задохнешься. За сетью паутины чистейший снег, сколько угодно, целые равнины. Вот на этот снег нужно выбраться, и поскорее, потому что чей-то голос как будто где-то ахнул: «Никол!» И тут, вообразите, поймалась в эту паутину какая-то бойкая птица и застучала... Ти-ки-тики, тики, тики[39]. Фью. Фи-у! Тики! Тики! Фу ты, черт! Ее самое не видно, но свистит где-то близко, и еще кто-то плачется на свою судьбу, и опять голос: «Ник! Ник! Николка!!»

— Эх! — крякнул Николка, разодрал паутину и разом сел, всклокоченный, растерзанный, с бляхой на боку[40]. Светлые волосы стали дыбом, словно кто-то Николку долго трепал.

— Кто? Кто? Кто? — в ужасе спросил Николка, ничего не понимая.

— Кто. Кто, кто, кто, кто, кто, так! так!.. Фи-ти! Фи-у! Фьюх! — ответила паутина, и скорбный голос сказал, полный внутренних слез:

— Да, с любовником!

Николка в ужасе прижался к стене и уставился на видение. Видение было в коричневом френче, коричневых же штанах галифе и сапогах с желтыми жокейскими отворотами. Глаза мутные и скорбные глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной[41]. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая, и зубы глядели кривые и желтые. В руках у видения находилась большая клетка с накинутым на нее черным платком и распечатанное голубое письмо...

«Это я еще не проснулся»[42], — сообразил Николка и сделал движение рукой, стараясь разодрать видение, как паутину, и пребольно ткнулся пальцами в прутья. В черной клетке тотчас, как взбесилась, закричала птица и засвистала, и затарахтела.

— Николка! — где-то далеко-далеко прокричал Еленин голос в тревоге.

«Господи Иисусе, — подумал Николка, — нет, я проснулся, но сразу же сошел с ума, и знаю отчего — от военного переутомления. Боже мой! И вижу уже чепуху... а пальцы? Боже! Алексей не вернулся... ах, да... он не вернулся... убили... ой, ой, ой!»

— С любовником на том самом диване, — сказало видение трагическим голосом, — на котором я читал ей стихи.

Видение оборачивалось к двери, очевидно, к какому-то слушателю, но потом окончательно устремилось к Николке:

— Да-с, на этом самом диване... Они теперь сидят и целуются... после векселей на семьдесят пять тысяч, которые я подписал не задумываясь, как джентльмен. Ибо джентльменом был и им останусь всегда. Пусть целуются!

«О, ей, ей», — подумал Николка. Глаза его выкатились и спина похолодела.

— Впрочем, извиняюсь, — сказало видение, всё более и более выходя из зыбкого, сонного тумана и превращаясь в настоящее живое тело, — вам, вероятно, не совсем ясно? Так не угодно ли, вот письмо — оно вам всё объяснит. Я не скрываю своего позора ни от кого, как джентльмен[43].

И с этими словами неизвестный вручил Николке голубое письмо. Совершенно ошалев, Николка взял его и стал читать, шевеля губами, крупный, разгонистый и взволнованный почерк. Без всякой даты на нежном листке было написано:

> «Милая, милая Леночка! Я знаю ваше доброе сердце и направляю его прямо к вам, по-родственному. Телеграмму я, впрочем, послала, он всё вам сам расскажет, бедный мальчик. Лариосика постиг ужасный удар[44], и я долго боялась, что он не переживет его. Милочка Руб-

цова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась подколодной змеей! Приютите его, умоляю, и согрейте так, как вы умеете это делать. Я аккуратно буду переводить вам содержание[45]. Житомир[46] стал ему ненавистен, и я вполне это понимаю. Впрочем, не буду больше ничего писать, — я слишком взволнована, и сейчас идет санитарный поезд, он сам вам все расскажет. Целую вас крепко, крепко и Сережу!»

После этого стояла неразборчивая подпись.

— Я птицу захватил с собой, — сказал неизвестный, вздыхая, — птица — лучший друг человека. Многие, правда, считают ее лишней в доме, но я одно могу сказать — птица уж во всяком случае никому не делает зла[47].

Последняя фраза очень понравилась Николке. Не стараясь уже ничего понять, он застенчиво почесал непонятным письмом бровь и стал спускать ноги с кровати, думая: «Неприлично... спросить, как его фамилия?.. Удивительное происшествие...»

— Это канарейка? — спросил он.

— Но какая![48] — ответил неизвестный восторженно. — Собственно, это даже и не канарейка, а настоящий кенар. Самец. И таких у меня в Житомире пятнадцать штук. Я перевез их к маме, пусть она кормит их. Этот негодяй, наверное, посвертывал бы им шеи. Он ненавидит птиц. Разрешите поставить ее пока на ваш письменный стол!..

— Пожалуйста, — ответил Николка. — Вы из Житомира?

— Ну да, — ответил неизвестный, — и, представьте, совпадение: я прибыл одновременно с вашим братом.

— Каким братом?

— Как с каким? Ваш брат прибыл вместе со мной, — ответил удивленно неизвестный.

— Какой брат? — жалобно вскричал Николка. — Какой брат? Из Житомира?!

— Ваш старший брат...

Голос Елены явственно выкрикнул в гостиной: «Николка! Николка! Илларион Ларионыч![49] Да будите же его! Будите!»

— Трики, фит, фит, трики! — протяжно заорала птица.

Николка уронил голубое письмо и пулей полетел через книжную в столовую и в ней замер, растопырив руки.

Алексей Турбин в черном чужом пальто с рваной подкладкой, в черных чужих брюках, лежал неподвижно на диванчике под часами. Его лицо было бледно синеватой бледностью, а зубы стиснуты. Елена металась

возле него, халат ее распахнулся, и были видны черные чулки и кружево белья. Она хваталась то за пуговицы на груди Турбина, то за руки, крича: «Никол! Никол!»

Через три минуты Николка в сдвинутой на затылок студенческой фуражке, в серой шинели нараспашку бежал, тяжело пыхтя, вверх по Алексеевскому спуску и бормотал: «А если его нету? Вот, Боже мой, история с желтыми отворотами! Но Курицкого нельзя звать ни в коем случае, это совершенно ясно... Кит и Кот...» Птица оглушительно стучала у него в голове – кити, кот, кити, кот!

Через час в столовой стоял на полу таз, полный красной жидкой водой, валялись комки красной рваной марли и белые осколки посуды, которую обрушил с буфета неизвестный с желтыми отворотами, доставая стакан. По осколкам все бегали и ходили с хрустом взад и вперед. Турбин, бледный, но уже не синеватый, лежал по-прежнему навзничь на подушке. Он пришел в сознание и хотел что-то сказать, но остробородый, с засученными рукавами доктор в золотом пенсне[50], наклонившись к нему, сказал, вытирая марлей окровавленные руки:

– Помолчите, коллега...

Анюта, белая, меловая, с огромными глазами, и Елена, растрепанная, рыжая, подымали Турбина и снимали с него залитую кровью и водой рубаху с разрезанным рукавом.

– Вы разрежьте дальше, уж нечего жалеть, – сказал остробородый.

Рубаху на Турбине искромсали ножницами и сняли по кускам, обнажив худое желтоватое тело и левую руку, только что наглухо забинтованную до плеча. Концы дранок[51] торчали вверху повязки и внизу. Николка стоял на коленях, осторожно расстегивая пуговицы, и снимал с Турбина брюки.

– Совсем раздевайте и сейчас же в постель, – говорил клинобородый басом. Анюта из кувшина лила ему на руки, и мыло клочьями падало в таз. Неизвестный стоял в сторонке, не принимая участия в толкотне и суете, и горько смотрел то на разбитые тарелки, то, краснея, на растерзанную Елену – капот ее совсем разошелся. Глаза неизвестного были увлажнены слезами.

Несли Турбина из столовой в его комнату все, и тут неизвестный принял участие: он подсунул руки под коленки Турбину и нес его ноги.

В гостиной Елена протянула врачу деньги. Тот отстранил рукой...

– Что вы, ей-богу, – сказал он, – с врача? Тут поважней вопрос. В сущности, в госпиталь надо...

– Нельзя, – донесся слабый голос Турбина, – нельзя в госпит...

— Помолчите, коллега, — отозвался доктор, — мы и без вас управимся. Да, конечно, я сам понимаю... Черт знает что сейчас делается в городе... — Он кивнул на окно. — Гм... пожалуй, он прав: нельзя... Ну что ж, тогда дома... Сегодня вечером я приеду.

— Опасно это, доктор? — заметила Елена тревожно.

Доктор уставился в паркет, как будто в блестящей желтизне и был заключен диагноз, крякнул и, покрутив бородку, ответил:

— Кость цела... Гм... крупные сосуды не затронуты... нерв тоже... Но нагноение будет... В рану попали клочья шерсти от шинели... Температура... — Выдавив из себя эти малопонятные обрывки мыслей, доктор повысил голос и уверенно сказал: — Полный покой... Морфий, если будет мучиться, я сам впрысну вечером[52]. Есть — жидкое... ну, бульон дадите... Пусть не разговаривает много...

— Доктор, доктор, я очень вас прошу... он просил, пожалуйста, никому не говорить...

Доктор искоса закинул на Елену взгляд хмурый и глубокий и забурчал:

— Да, это я понимаю... Как это он подвернулся?..

Елена только сдержанно вздохнула и развела руками.

— Ладно, — буркнул доктор и боком, как медведь, полез в переднюю.

12

В маленькой спальне Турбина на двух окнах, выходящих на стеклянную веранду[1], упали темненькие шторы. Комнату наполнил сумрак, и Еленина голова засветилась в нем. В ответ ей светилось беловатое пятно на подушке — лицо и шея Турбина. Провод от штепселя змеей сполз к стулу, и розовенькая лампочка в колпачке загорелась и день превратила в ночь. Турбин сделал знак Елене прикрыть дверь.

— Анюту сейчас же предупредить, чтобы молчала...

— Знаю знаю... Ты не говори, Алеша, много.

— Сам знаю... Я тихонько... Ах, если рука пропадет!

— Ну что ты, Алеша... лежи, молчи... Пальто-то этой дамы у нас пока будет?

— Да, да. Чтобы Николка не вздумал тащить его. А то на улице... Слышишь? Вообще, ради Бога, не пускай его никуда[2].

— Дай Бог ей здоровья, — искренно и нежно сказала Елена[3], — вот, говорят, нет добрых людей на свете...

Слабенькая краска выступила на скулах раненого, и глаза уперлись в невысокий белый потолок, потом он перевел их на Елену и, поморщившись, спросил:

— Да, позвольте, а что это за головастик?

Елена наклонилась в розовый луч и вздернула плечами.

— Понимаешь, ну только что перед тобой, минутки две, не больше, явление: Сережин племянник из Житомира. Ты же слышал: Суржанский... Ларион... Ну, знаменитый Лариосик.

— Ну...

— Ну, приехал к нам с письмом. Какая-то драма у них. Только что начал рассказывать, как она тебя привезла.

— Птица какая-то, Бог его знает...

Елена со смехом и ужасом в глазах наклонилась к постели:

— Что птица! Он ведь жить у нас просится. Я уж не знаю, как и быть.

— Жи-ить?..

— Ну да... Только молчи и не шевелись, прошу тебя, Алеша... Мать умоляет, пишет, ведь этот самый Лариосик — кумир ее... Я такого балбеса, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала. У нас он начал с того, что всю посуду расхлопал. Синий сервиз. Только две тарелки осталось.

— Ну вот. Я уж не знаю, как быть...

В розовой тени долго слышался шепот. В отдалении звучали за дверями и портьерами глухо голоса Николки и неожиданного гостя. Елена простирала руки, умоляя Алексея говорить поменьше. Слышался в столовой хруст — взбудораженная Анюта выметала синий сервиз. Наконец было решено в шепоте. Ввиду того, что теперь в городе будет происходить черт знает что и очень возможно, что придут реквизировать комнаты[4], ввиду того, что денег нет, а за Лариосика будут платить, — пустить Лариосика. Но обязать его соблюдать правила турбинской жизни. Относительно птицы — испытать. Ежели птица несносна в доме, потребовать ее удаления, а хозяина ее оставить. По поводу сервиза, ввиду того, что у Елены, конечно, даже язык не повернется и вообще это хамство и мещанство, — сервиз предать забвению. Пустить Лариосика в книжную, поставить там кровать с пружинным матрацем и столик...

Елена вышла в столовую. Лариосик стоял в скорбной позе, повесив голову и глядя на то место, где некогда на буфете помещалось стопкой двенадцать тарелок[5]. Мутно-голубые глаза выражали полную скорбь. Николка стоял напротив Лариосика, открыв рот и слушая какие-то речи. Глаза у Николки были наполнены напряженнейшим любопытством.

— Нету кожи в Житомире, — растерянно говорил Лариосик, — понимаете, совершенно нету. Такой кожи, как я привык носить, нету. Я кликнул клич сапожникам, предлагая какие угодно деньги, но нету. И вот пришлось...

Увидя Елену, Лариосик побледнел, переступил на месте и, глядя почему-то вниз на изумрудные кисти капота, заговорил так:

— Елена Васильевна, сию минуту я еду в магазины, кликну клич, и у вас будет сегодня же сервиз. Я не знаю, что мне и говорить. Как перед вами извиниться? Меня безусловно следует убить за сервиз. Я ужасный неудачник, — отнесся он к Николке. — И сейчас же в магазины, — продолжал он Елене.

— Я вас очень прошу ни в какие магазины не ездить, тем более что все они, конечно, закрыты. Да позвольте, неужели вы не знаете, что у нас в Городе происходит?

— Как же не знать! — воскликнул Лариосик. — Я ведь с санитарным поездом, как вы знаете из телеграммы.

— Из какой телеграммы? — спросила Елена. — Мы никакой телеграммы не получили.

— Как? — Лариосик открыл широкий рот. — Не по-лу-чили? А-га. То-то я смотрю, — он повернулся к Николке, — что вы на меня с таким удивлением... Но позвольте... Мама дала вам телеграмму в шестьдесят три слова[6].

— Ц... ц... Шестьдесят три слова, — поразился Николка, — какая жалость. Ведь телеграммы теперь так плохо ходят. Совсем, вернее, не ходят.

— Как же теперь быть? — огорчился Лариосик. — Вы разрешите мне у вас?.. — Он беспомощно огляделся, и сразу по глазам его было видно, что у Турбиных ему очень нравится и никуда он уходить бы не хотел.

— Всё устроено, — ответила Елена и милостиво кивнула, — мы согласны. Оставайтесь и устраивайтесь. Видите, у нас какое несчастье...

Лариосик огорчился еще больше. Глаза его заволокло слезной дымкой.

— Елена Васильевна, — с чувством сказал он, — располагайте мной, как вам угодно. Я, знаете ли, могу не спать по три и четыре ночи подряд.

— Спасибо, большое спасибо.

— А теперь, — Лариосик обратился к Николке, — не могу ли я у вас попросить ножницы.

Николка, взъерошенный от удивления и интереса, слетал куда-то и вернулся с ножницами. Лариосик взялся за пуговицу френча, поморгал глазами и опять обратился к Николке:

— Впрочем, виноват, на минутку в вашу комнату...

В Николкиной комнате Лариосик снял френч, обнаружив необыкновенно грязную рубашку, вооружился ножницами, вспорол черную лоснящуюся подкладку френча и вытащил из-под нее толстый зелено-желтый сверток денег. Этот сверток он торжественно принес в столовую и выложил перед Еленой на стол, говоря:

— Вот, Елена Васильевна, разрешите вам сейчас же внести деньги за мое содержание.

— Почему же такая спешность, — краснея, спросила Елена, — это можно было бы и после...

Лариосик горячо запротестовал:

— Нет, нет, Елена Васильевна, вы уж, пожалуйста, примите сейчас. Помилуйте, в такой трудный момент деньги всегда остро нужны, я это прекрасно понимаю. — Он развернул пакет, причем изнутри выпала карточка

какой-то женщины. Лариосик проворно подобрал ее и со вздохом спрятал в карман. – Да оно и лучше у вас будет. Мне что нужно? Мне нужно будет папирос купить и канареечного семени для птицы...

Елена на минуту забыла рану Алексея, и приятный блеск показался у нее в глазах, настолько обстоятельны и уместны были действия Лариосика.

«Он, пожалуй, не такой балбес, как я первоначально подумала, – подумала она, – вежлив и добросовестен, только чудак какой-то. Сервиз безумно жаль».

«Вот тип», – думал Николка. Чудесное появление Лариосика вытеснило в нем его печальные мысли.

– Здесь восемь тысяч[7], – говорил Лариосик, двигая по столу пачку, похожую на яичницу с луком, – если мало, мы подсчитаем, и сейчас же я выпишу еще.

– Нет, нет, потом, отлично, – ответила Елена. – Вы вот что: я сейчас попрошу Анюту, чтобы она истопила вам ванну, и сейчас же купайтесь. Но скажите, как же вы приехали, как же вы пробрались, не понимаю? – Елена стала комкать деньги и прятать их в громадный карман капота[8].

Глаза Лариосика наполнились ужасом от воспоминания.

– Это кошмар! – воскликнул он, складывая руки, как католик на молитве[9]. – Я ведь девять дней... нет, виноват, десять... позвольте... воскресенье, ну да, понедельник... одиннадцать дней ехал от Житомира...

– Одиннадцать дней! – вскричал Николка. – Видишь, – почему-то укоризненно обратился он к Елене.

– Да-с, одиннадцать... Выехал я, поезд был гетманский, а по дороге превратился в петлюровский. И вот приезжаем мы на станцию, как ее, ну вот, ну, Господи, забыл... всё равно... и тут меня, вообразите, хотели расстрелять. Явились эти петлюровцы, с хвостами...

– Синие? – спросил Николка с любопытством.

– Красные...[10] да, с красными... и кричат: слазь! Мы тебя сейчас расстреляем! Они решили, что я офицер и спрятался в санитарном поезде. А у меня протекция просто была... у мамы к доктору Курицкому.

– Курицкому! – многозначительно воскликнул Николка. – Тэк-с, кот... и кит. Знаем.

– Кити, кот, кити, кот, – за дверями глухо отозвалась птичка.

– Да, к нему... он и привел поезд к нам в Житомир... Боже мой! Я тут начинаю Богу молиться. Думаю, всё пропало. И, знаете ли? Птица меня спасла. Я говорю, я не офицер. Я ученый птицевод, показываю птицу...

Тут, знаете, один ударил меня по затылку и говорит так нагло – иди себе, бисов* птицевод. Вот наглец! Я бы его убил, как джентльмен, но сами понимаете...

– Еле... – глухо послышалось из спальни Турбина. Елена быстро повернулась и, не дослушав, бросилась туда.

***

Пятнадцатого декабря солнце по календарю угасает в три с половиной часа дня. Сумерки поэтому побежали по квартире уже с трех часов. Но на лице Елены в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни – половину шестого. Обе стрелки прошли печальные складки у углов рта и стянулись вниз к подбородку. В глазах ее началась тоска и решимость бороться с бедой.

На лице у Николки показались колючие и нелепые без двадцати час оттого, что в Николкиной голове был хаос и путаница, вызванная важными загадочными словами «Мало-Провальная...» – словами, произнесенными умирающим на боевом перекрестке вчера, словами, которые было необходимо разъяснить не позже, чем в ближайшие дни. Хаос и трудности были вызваны и важным падением с неба в жизнь Турбиных загадочного и интересного Лариосика, и тем обстоятельством, что стряслось чудовищное и величественное событие: Петлюра взял Город. Тот самый Петлюра и, поймите, – тот самый Город. И что теперь будет происходить в нем, для ума человеческого, даже самого развитого, непонятно и непостижимо. Совершенно ясно, что вчера стряслась отвратительная катастрофа – всех наших перебили, захватили врасплох. Кровь их, несомненно, вопиет к небу[11] – это раз. Преступники-генералы и штабные мерзавцы заслуживают смерти – это два. Но кроме ужаса нарастает и жгучий интерес: что же, в самом деле, будет? Как будут жить семьсот тысяч людей здесь, в Городе[12], под властью загадочной личности, которая носит такое страшное и некрасивое имя – Петлюра?[13] Кто он такой? Почему... Ах, впрочем, всё это отходит пока на задний план по сравнению с самым главным, с кровавым... Эх... эх... ужаснейшая вещь, я вам доложу. Точно, правда, ничего не известно, но, вернее всего, и Мышлаевского, и Карася можно считать конченными.

Николка на скользком и сальном столе колол лед широким косарем[14]. Льдины или раскалывались с хрустом, или выскальзывали из-под косаря и

* Чертов (*укр.*, *искаж.*).

прыгали по всей кухне, пальцы у Николки занемели. Пузырь с серебристой крышечкой[15] лежал под рукой.

— Мало... Провальная... — шевелил Николка губами, и в мозгу его мелькали образы Най-Турса, рыжего Нерона и Мышлаевского. И как только последний образ, в разрезной шинели[16], пронизывал мысли Николки, лицо Анюты, хлопочущей в печальном сне и смятении у жаркой плиты, всё явственней показывало без двадцати пяти пять — час угнетения и печали[17]. Целы ли разноцветные глаза? Будет ли еще слышен развалистый шаг, прихлопывающий шпорным звоном — дрень... дрень...

— Неси лед, — сказала Елена, открывая дверь в кухню.

— Сейчас, сейчас, — торопливо отозвался Николка, завинтил крышку и побежал.

— Анюта, милая, — заговорила Елена, — смотри, никому ни слова не говори, что Алексея Васильевича ранили. Если узнают, храни Бог, что он против них воевал, будет беда.

— Я, Елена Васильевна, понимаю. Что вы! — Анюта тревожными, расширенными глазами поглядела на Елену. — Что в городе делается, Царица Небесная! Тут на Боричевом Току[18], иду я, лежат двое без сапог... Крови, крови... Стоит кругом народ, смотрит... Говорит какой-то, что двух офицеров убили... Так и лежат, головы без шапок... У меня и ноги подкосились, убежала, чуть корзину не бросила...

Анюта зябко передернула плечами, что-то вспомнила, и тотчас из рук ее косо поехали на пол сковородки...

— Тише, тише, ради Бога, — молвила Елена, простирая руки.

На сером лице Лариосика стрелки показывали в три часа дня высший подъем и силу — ровно двенадцать. Обе стрелки сошлись на полудне, слиплись и торчали вверх, как острие меча. Происходило это потому, что после катастрофы, потрясшей Лариосикову нежную душу в Житомире, после страшного одиннадцатидневного путешествия в санитарном поезде и сильных ощущений Лариосику чрезвычайно понравилось в жилище у Турбиных. Чем именно — Лариосик пока не мог бы этого объяснить, потому что и сам этого не уяснял точно.

Показалась необычайно заслуживающей почтения и внимания красавица Елена. И Николка очень понравился. Желая это подчеркнуть, Лариосик улучил момент, когда Николка перестал шнырять в комнату Алексея и обратно, и стал помогать ему устанавливать и раздвигать пружинную узкую кровать[19] в книжной комнате.

— У вас очень открытое лицо, располагающее к себе, — сказал вежливо Лариосик и до того засмотрелся на открытое лицо, что не заметил, как сложил сложную гремящую кровать и ущемил между двумя створками Николкину руку. Боль была так сильна, что Николка взвыл, правда, глухо, но настолько сильно, что прибежала, шурша, Елена. У Николки, напрягающего все силы, чтобы не завизжать, из глаз сами собой падали крупные слезы. Елена и Лариосик вцепились в сложенную автоматическую кровать и долго рвали ее в разные стороны, освобождая посиневшую кисть. Лариосик сам чуть не заплакал, когда она вылезла мятая и в красных полосах.

— Боже мой! — сказал он, искажая свое и без того печальное лицо. — Что же это со мной делается?! До чего мне не везет... Вам очень больно? Простите меня, ради Бога.

Николка молча кинулся в кухню, и там Анюта пустила ему на руку, по его распоряжению, струю холодной воды из крана.

После того как хитрая патентованная[20] кровать расщелкнулась и разложилась и стало ясно, что особенного повреждения Николкиной руки нет, Лариосиком вновь овладел приступ приятной и тихой радости по поводу книг. У него, кроме страсти и любви к птицам, была еще и страсть к книгам. Здесь же на открытых многополочных шкафах тесным строем стояли сокровища. Зелеными, красными, тисненными золотом, и желтыми обложками и черными папками со всех четырех стен на Лариосика глядели книги[21]. Уж давно разложилась и застелилась постель и возле нее стоял стул и на спинке его висело полотенце, а на сиденье среди всяких необходимых мужчине вещей — мыльницы, папирос, спичек, часов — утвердилась в наклонном положении таинственная женская карточка, а Лариосик всё еще находился в книжной, то путешествуя вокруг облепленных книгами стен, то присаживаясь на корточки у нижних рядов залежей, жадными глазами глядя на переплеты, не зная, за что скорее взяться — за «Посмертные записки Пиквикского клуба» или за «Русский Вестник» 1871 года[22]. Стрелки стояли на двенадцати.

Но в жилище вместе с сумерками надвигалась всё более и более печаль. Поэтому часы не били двенадцать раз, стояли молча стрелки и были похожи на сверкающий меч, обернутый в траурный флаг.

Виною траура, виною разнобоя на жизненных часах всех лиц, крепко привязанных к пыльному и старому турбинскому уюту, был тонкий ртутный столбик[23]. В три часа в спальне Турбина он показал 39,6. Елена, побледнев, хотела стряхнуть его, но Турбин повернул голову, повел глазами и слабо, но настойчиво произнес: «Покажи». Елена молча и неохотно подала ему термометр. Турбин глянул и тяжело и глубоко вздохнул.

В пять часов он лежал с холодным серым мешком на голове, и в мешке таял и плавился мелкий лед. Лицо его порозовело, а глаза стали блестящими и очень похорошели.

— Тридцать девять и шесть... здорово, — говорил он, изредка облизывая сухие, потрескавшиеся губы. — Та-ак... Всё может быть... Но, во всяком случае, практике конец... надолго. Лишь бы руку-то сохранить... а то что́ я без руки...

— Алеша, молчи, пожалуйста, — просила Елена, оправляя у него на плечах одеяло... Турбин умолкал, закрывая глаза. От раны вверху у самой левой подмышки тянулся и расползался по телу сухой, колючий жар. Порой он наполнял всю грудь и туманил голову, но ноги неприятно леденели. К вечеру, когда всюду зажглись лампы и давно в молчании и тревоге отошел обед трех — Елены, Николки и Лариосика, — ртутный столб, разбухая и рождаясь колдовским образом из густого серебряного шарика, выполз и дотянулся до деления 40,2. Тогда тревога и тоска в розовой спальне вдруг стали таять и расплываться. Тоска пришла, как серый ком, рассевшийся на одеяле, а теперь она превратилась в желтые струны, которые потянулись, как водоросли в воде. Забылась практика и страх, что будет, потому что всё заслонили эти водоросли. Рвущая боль вверху, в левой части груди отупела и стала малоподвижной. Жар сменялся холодом. Жгучая свечка в груди порою превращалась в ледяной ножичек, сверлящий где-то в легком. Турбин тогда качал головой и сбрасывал пузырь и сползал глубже под одеяло. Боль в ране выворачивалась из смягчающего чехла и начинала мучить так, что раненый невольно сухо и слабо произносил слова жалобы. Когда же ножичек исчезал и уступал опять свое место палящей свече, жар тогда наливал тело, простыни, всю тесную пещеру под одеялом, и раненый просил — «пить». То Николкино, то Еленино, то Лариосиково лица показывались в дымке, наклонялись и слушали. Глаза у всех стали страшно похожими, нахмуренными и сердитыми. Стрелки Николки сразу стянулись и стали, как у Елены, — ровно половина шестого. Николка поминутно выходил в столовую — свет почему-то горел в этот вечер тускло и тревожно — и смотрел на часы. Тонкрх... тонкрх... сердито и предостерегающе ходили часы с хрипотой, и стрелки их показывали то девять, то девять с четвертью, то девять с половиной...

— Эх, эх, — вздыхал Николка и брел, как сонная муха, из столовой через прихожую мимо спальни Турбина в гостиную, а оттуда в кабинет[24] и выглядывал, отвернув белые занавески, через балконную дверь на улицу... «Чего доброго, не струсил бы врач... не придет...» — думал он. Улица кривая и кру-

тая была пустыннее, чем все эти дни, но всё же уж не так ужасна. И шли изредка и скрипели понемногу извозчичьи сани. Но редко... Николка соображал, что придется, пожалуй, идти... И думал, как уломать Елену.

— Если до десяти с половиной он не придет, я пойду сама с Ларионом Ларионовичем, а ты останешься дежурить у Алеши... Молчи, пожалуйста... Пойми, у тебя юнкерская физиономия... А Лариосику дадим штатское Алешино... И его с дамой не тронут...

Лариосик суетился, изъявлял готовность пожертвовать собой и идти одному и пошел надевать штатское платье.

Нож совсем пропал, но жар пошел гуще — поддавал тиф на каменку[25], и в жару пришла уже раз не совсем ясная и совершенно посторонняя турбинской жизни фигура человека. Она была в сером[26].

— А ты знаешь, он, вероятно, кувыркнулся. Серый? — вдруг отчетливо и строго молвил Турбин и посмотрел на Елену внимательно. — Это неприятно... Вообще, в сущности, все птицы. В кладовую бы в теплую убрать да посадить, в тепле и опомнились бы.

— Что ты, Алеша? — испуганно спросила Елена, наклоняясь и чувствуя, как в лицо ей веет теплом от лица Турбина. — Птица? Какая птица?

Лариосик в черном штатском стал горбатым, широким, скрыл под брюками желтые отвороты. Он испугался, глаза его жалобно забегали. На цыпочках, балансируя, он выбежал из спаленки через прихожую в столовую, через книжную повернул в Николкину и там, строго взмахивая руками, кинулся к клетке на письменном столе и набросил на нее черный плат... Но это было лишнее — птица давно спала в углу, свернувшись в оперенный клубок, и молчала, не ведая никаких тревог. Лариосик плотно прикрыл дверь в книжную, а из книжной в столовую.

— Неприятно... ох, неприятно, — беспокойно говорил Турбин, глядя в угол, — напрасно я застрелил его... Ты слушай... — Он стал освобождать здоровую руку из-под одеяла. — Лучший способ пригласить и объяснить, чего, мол, мечешься, как дурак... Я, конечно, беру на себя вину... Всё пропало и глупо...

— Да, да, — тяжко молвил Николка, а Елена повесила голову.

Турбин встревожился, хотел подниматься, но острая боль навалилась, он застонал, потом злобно сказал:

— Уберите тогда...

— Может быть, вынести ее в кухню? Я, впрочем, закрыл ее, она молчит, — тревожно зашептал Елене Лариосик.

Елена махнула рукой: «Нет, нет, не то...» Николка решительными шагами вышел в столовую. Волосы его взъерошились, он глядел на циферблат: часы показывали около десяти. Встревоженная Анюта вышла из двери в столовую.

— Что, как Алексей Васильевич? — спросила она.

— Бредит, — с глубоким вздохом ответил Николка.

— Ах ты, Боже мой, — зашептала Анюта, — чего же это доктор не едет?

Николка глянул на нее и вернулся в спальню. Он прильнул к уху Елены и начал внушать ей:

— Воля твоя, а я отправлюсь за ним. Если нет его, надо звать другого. Десять часов. На улице совершенно спокойно.

— Подождем до половины одиннадцатого, — качая головой и кутая руки в платок, отвечала Елена шепотом, — другого звать неудобно. Я знаю, этот придет.

Тяжелая, нелепая и толстая мортира в начале одиннадцатого поместилась в узкую спаленку. Черт знает что. Совершенно немыслимо будет жить. Она заняла всё от стены до стены, так, что левое колесо прижалось к постели. Невозможно жить, нужно будет лазить между тяжелыми спицами, потом сгибаться в дугу и через второе, правое колесо протискиваться, да еще с вещами, а вещей навешано на левой руке бог знает сколько. Тянут руку к земле, бечевой режут подмышку. Мортиру убрать невозможно, вся квартира стала мортирной, согласно распоряжению, и бестолковый полковник Малышев и ставшая бестолковой Елена, глядящая из колес, ничего не могут предпринять, чтобы убрать пушку или, по крайней мере, самого-то больного человека перевести в другие, сносные условия существования, туда, где нет никаких мортир. Самая квартира стала, благодаря проклятой, тяжелой и холодной штуке, как постоялый двор. Колокольчик на двери звонит часто... бррынь... и стали являться с визитами. Мелькнул полковник Малышев, нелепый, как лопарь[27], в ушастой шапке и с золотыми погонами, и притащил с собой ворох бумаг. Турбин прикрикнул на него, и Малышев ушел в дуло пушки и сменился Николкой, суетливым, бестолковым и глупым в своем упрямстве. Николка давал пить, но не холодную витую струю из фонтана, а лил теплую противную воду, отдающую кастрюлей.

— Фу... гадость эту... перестань, — бормотал Турбин.

Николка и пугался, и брови поднимал, но был упрям и неумел. Елена не раз превращалась в черного и лишнего Лариосика, Сережина племянника, и, вновь возвращаясь в рыжую Елену, бегала пальцами где-то возле лба, и от

этого было очень мало облегченья. Еленины руки, обычно теплые и ловкие, теперь, как грабли, расхаживали длинно, дурацки и делали всё самое ненужное, беспокойное, что отравляет мирному человеку жизнь на цейхгаузном проклятом дворе. Вряд ли не Елена была и причиной палки, на которую насадили туловище простреленного Турбина. Да еще садилась... что с ней?.. на конец этой палки, и та под тяжестью начинала медленно до тошноты вращаться... А попробуйте жить, если круглая палка врезалась в тело! Нет, нет, нет, они несносны, и как можно громче, но вышло тихо, Турбин позвал:

– Юлия.

Юлия, однако, не вышла из старинной комнаты с золотыми эполетами на портрете сороковых годов, не вняла зову больного человека. И совсем бы бедного больного человека замучили серые фигуры, начавшие хождение по квартире и спальне наравне с самими Турбиными, если бы не приехал толстый, в золотых очках – настойчивый и очень умелый. В честь его появления в спаленке прибавился еще один свет – свет стеариновой трепетной свечи в старом тяжелом и черном шандале[28]. Свеча то мерцала на столе, то ходила вокруг Турбина, а над ней ходил по стене безобразный Лариосик, похожий на летучую мышь с обрезанными крыльями. Свеча наклонялась, оплывая белым стеарином. Маленькая спаленка пропахла тяжелым запахом йода, спирта и эфира[29]. На столе возник хаос блестящих коробочек с огнями в никелированных зеркальцах и горы театральной ваты – рождественского снега. Турбину толстый, золотой, с теплыми руками сделал чудодейственный укол в здоровую руку, и через несколько минут серые фигуры перестали безобразничать. Мортиру выдвинули на веранду, причем сквозь стекла, завешенные, ее черное дуло отнюдь не казалось страшным. Стало свободнее дышать, потому что уехало громадное колесо и не требовалось лазить между спицами. Свеча потухла, и со стены исчез угловатый черный, как уголь, Ларион, Лариосик Суржанский из Житомира, а лик Николки стал более осмысленным и не таким раздражающе упрямым, быть может, потому, что стрелка, благодаря надежде на искусство толстого золотого, разошлась и не столь непреклонно и отчаянно висела на остром подбородке. Назад от половины шестого к без двадцати пять пошло времечко, а часы в столовой, хоть и не соглашались с этим, хоть настойчиво и посылали стрелки всё вперед и вперед, но уже шли без старческой хрипоты и брюзжания, а по-прежнему – чистым, солидным баритоном били – тонк! И башенным боем, как в игрушечной крепости прекрасных галлов Людовика XIV били на башне – бом!.. Полночь... слушай... полночь... слушай... Били предостерегающе, и чьи-то алебарды[30] по-

звякивали серебристо и приятно. Часовые ходили и охраняли, ибо башни, тревоги и оружие человек воздвиг, сам того не зная, для одной лишь цели — охранять человеческий покой и очаг. Из-за него он воюет, и, в сущности говоря, ни из-за чего другого воевать ни в коем случае не следует.

Только в очаге покоя Юлия, эгоистка, порочная, но обольстительная женщина, согласна появиться. Она и появилась, ее нога в черном чулке, край черного отороченного мехом ботика мелькнул на легкой кирпичной лесенке, и торопливому стуку и шороху ответил плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера, опьяненный своей славой и присутствием обаятельных цветных женщин.

***

В полночь Николка предпринял важнейшую и, конечно, совершенно своевременную работу. Прежде всего он пришел с грязной влажной тряпкой из кухни, и с груди Саардамского Плотника исчезли слова:

Да здравствует Россия...
Да здравствует самодержавие.
Бей Петлюру.

Затем при горячем участии Лариосика были произведены и более важные работы. Из письменного стола Турбина ловко и бесшумно был вытащен Алешин браунинг, две обоймы и коробка патронов к нему. Николка проверил его и убедился, что из семи патронов старший шесть где-то расстрелял.

— Здорово... — прошептал Николка.

Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы Лариосик оказался предателем. Ни в коем случае не может быть на стороне Петлюры интеллигентный человек вообще, а джентльмен, подписавший векселей на семьдесят пять тысяч и посылающий телеграммы в 63 слова, в частности. Машинным маслом и керосином наилучшим образом были смазаны и Най-Турсов кольт, и Алешин браунинг. Лариосик, подобно Николке, засучил рукава и помогал смазывать и укладывать всё в длинную и высокую жестяную коробку из-под карамели. Работа была спешной, ибо каждому порядочному человеку, участвовавшему в революции, отлично известно, что обыски при всех властях происходят от 2 ч. 30 м. ночи до 6 ч. 15 м. утра зимой и от 12 часов ночи до четырех утра летом. Всё же работа задержалась, благодаря Лариосику, который, знакомясь с устройством десятизарядного пистолета систе-

мы «Кольт»[31], вложил в ручку обойму не тем концом, и, чтобы вытащить ее, понадобилось значительное усилие и порядочное количество масла. Кроме того, произошло второе и неожиданное препятствие: коробка со вложенными в нее револьверами[32], погонами Николки и Алексея, шевроном и карточкой наследника Алексея[33], коробка, выложенная внутри слоем парафиновой бумаги[34] и снаружи по всем швам облепленная липкими полосами электрической изоляции, не пролезала в форточку.

Дело было вот в чем: прятать так прятать... Не все же такие идиоты, как Василиса. Как спрятать, Николка сообразил еще днем. Стена дома № 13 подходила к стене соседнего 11-го номера почти вплотную – оставалось не более аршина расстояния. Из дома № 13 в этой стене было только три окна – одно из Николкиной угловой, два из соседней книжной, совершенно ненужные (всё равно темно) и внизу маленькое подслеповатое оконце, забранное решеткой, из кладовки Василисы, а стена соседнего № 11 совершенно глухая. Представьте себе великолепное ущелье в аршин, темное и невидное даже с улицы и недоступное со двора ни для кого, кроме разве случайных мальчишек. Вот как раз и будучи мальчишкой, Николка, играя в разбойников, лазил в него, спотыкаясь на грудах кирпичей, и отлично запомнил, что по стене 13-го номера тянется вверх до самой крыши ряд костылей[35]. Вероятно раньше, когда 11-го номера еще не существовало, на этих костылях держалась пожарная лестница, а потом ее убрали. Костыли же остались. Высунув сегодня вечером руку в форточку, Николка и двух секунд не шарил, а сразу нащупал костыль. Ясно и просто. Но вот коробка, обвязанная накрест тройным слоем прекрасного шпагата, так называемого сахарного, с приготовленной петлей, не лезла в форточку.

– Ясное дело, надо окно вскрывать, – сказал Николка, слезая с подоконника.

Лариосик отдал дань уму и находчивости Николки, после чего приступил к распечатыванию окна. Эта каторжная работа заняла не менее получаса, распухшие рамы не хотели открываться. Но в конце концов все-таки удалось открыть сперва первую, а потом и вторую, причем на Лариосиковой стороне лопнуло длинной извилистой трещиной стекло.

– Потушите свет, – скомандовал Николка.

Свет погас, и страшнейший мороз хлынул в комнату. Николка высунулся до половины в черное обледенелое пространство и зацепил верхнюю петлю за костыль. Коробка прекрасно повисла на двухаршинном шпагате. С улицы заметить никак нельзя, потому что брандмауэр 13-го номера подходит к улице косо, не под прямым углом, и потому, что высоко висит вы-

веска швейной мастерской[36]. Можно заметить только, если залезть в щель. Но никто не залезет ранее весны, потому что со двора намело гигантские сугробы, а с улицы прекраснейший забор, и, главное, идеально то, что можно контролировать, не открывая окна; просунул руку в форточку, и готово: можно потрогать шпагат, как струну. Отлично.

Вновь зажегся свет, и, размяв на подоконнике замазку, оставшуюся с осени у Анюты, Николка замазал окно наново. Даже если бы каким-нибудь чудом и нашли, то всегда готов ответ: «Позвольте. Это чья же коробка? Ах, револьверы... наследник... Ничего подобного. Знать не знаю и ведать не ведаю. Черт его знает, кто повесил. С крыши залезли и повесили. Мало ли кругом народу. Так-то-с. Мы люди мирные, никаких наследников...»

— Идеально сделано, клянусь Богом, — говорил Лариосик.

Как не идеально. Вещь под руками и в то же время вне квартиры.

***

Было три часа ночи. В эту ночь, по-видимому, никто не придет. Елена с тяжелыми истомленными веками вышла на цыпочках в столовую. Николка должен был ее сменить. Николка с трех до шести, а с шести до девяти Лариосик.

Говорили шепотом.

— Значит, так: тиф, — шептала Елена, — имейте в виду, что сегодня забегала уже Ванда, справлялась, что такое с Алексеем Васильевичем. Я сказала, может быть, тиф... Вероятно она не поверила, уж очень у нее глазки бегали... Всё расспрашивала — как у нас, да где были наши, да не ранили ли кого. Насчет раны ни звука.

— Ни, ни, ни, — Николка даже руками замахал, — Василиса такой трус, какого свет не видал. Ежели в случае чего, он так и ляпнет кому угодно, что Алексея ранили, лишь бы только себя выгородить.

— Подлец, — сказал Лариосик, — это подло.

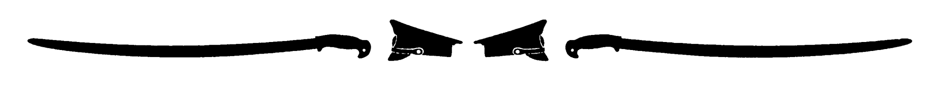
В полном тумане лежал Турбин. Лицо его после укола было совершенно спокойно, черты лица обострились и утончились. В крови ходил и сторожил успокоительный яд. Серые фигуры перестали распоряжаться, как у себя дома, разошлись по своим делишкам, окончательно убрали пушку. Если кто даже совершенно посторонний и появлялся, то все-таки вел себя прилично, стараясь связаться с людьми и вещами, коих законное место всегда в квартире Турбиных. Раз появился полковник Малышев, посидел в кресле, но улыбался таким образом, что всё, мол, хорошо и будет к лучше-

му, а не бубнил грозно и зловеще и не набивал комнату бумагой. Правда, он жег документы, но не посмел тронуть диплом Турбина и карточки матери, да и жег на приятном и совершенно синеньком огне от спирта, а это огонь успокоительный, потому что за ним обычно следует укол. Часто звонил звоночек к мадам Анжу.

— Брынь... — говорил Турбин, намереваясь передать звук звонка тому, кто сидел в кресле, а сидели по очереди то Николка, то неизвестный с глазами монгола (не смел буянить вследствие укола), то скорбный Максим, седой и дрожащий. — Брынь... — раненый говорил ласково и строил из гибких теней движущуюся картину, мучительную и трудную, но заканчивающуюся необычайным и радостным и больным концом.

Бежали часы, крутилась стрелка в столовой, и когда на белом циферблате короткая и широкая пошла к пяти, настала полудрема. Турбин изредка шевелился, открывал прищуренные глаза и неразборчиво бормотал:

— По лесенке, по лесенке, по лесенке не добегу, ослабею, упаду... А ноги ее быстрые... ботики... по снегу... След оставишь... волки... Бррынь... бррынь...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

13

«Брынь» в последний раз Турбин услыхал, убегая по черному ходу из магазина неизвестно где находящейся и сладострастно пахнущей духами мадам Анжу. Звонок. Кто-то только что явился в магазин. Быть может, такой же, как сам Турбин, заблудший, отставший, свой, а может быть, и чужие — преследователи. Во всяком случае, вернуться в магазин невозможно. Совершенно лишнее геройство.

Скользкие ступени вынесли Турбина во двор. Тут он совершенно явственно услыхал, что стрельба тарахтела совсем недалеко, где-то на улице, ведущей широким скатом вниз к Крещатику[1], да вряд ли и не у музея[2]. Тут же стало ясно, что слишком много времени он потерял в сумеречном магазине на печальные размышления и что Малышев был совершенно прав, советуя ему поторопиться. Сердце забилось тревожно.

Осмотревшись, Турбин убедился, что длинный и бесконечно высокий желтый ящик дома, приютившего мадам Анжу, выпирал на громадный двор и тянулся этот двор вплоть до низкой стенки, отделявшей соседнее владение управления железных дорог[3]. Турбин, прищурившись, огляделся и пошел, пересекая пустыню, прямо на эту стенку. В ней оказалась калитка, к великому удивлению Турбина, незапертая. Через нее он попал в противный двор управления. Глупые дырки управления неприятно глядели, и ясно чувствовалось, что всё управление вымерло. Под гулким сводом, пронизывающим дом, по асфальтовой дороге доктор вышел на улицу. Было ровно четыре часа дня на старинных часах на башне дома напротив[4]. Начало чуть-чуть темнеть. Улица совершенно пуста. Мрачно оглянулся Турбин, гонимый предчувствием, и двинулся не вверх, а вниз, туда, где громоздились, присыпанные снегом в жидком сквере, Золотые ворота[5]. Один лишь пешеход в черном пальто пробежал навстречу Турбину с испуганным видом и скрылся.

Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие. Злобно морщась, чтобы преодолеть нерешительность — ведь всё равно идти нужно, по воздуху домой не перелетишь, — Турбин приподнял воротник шинели и двинулся.

Тут он понял, что́ отчасти томило — внезапное молчание пушек. Две последних недели непрерывно они гудели вокруг, а теперь в небе наступила тишина. Но зато в городе, и именно там, внизу, на Крещатике, ясно пересыпалась пачками стрельба. Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку[6], а там, прижимаясь за Софийским собором, тихонечко и выбрался бы к себе, переулками, на Алексеевский спуск. Если бы так сделал Турбин, жизнь его пошла бы по-иному совсем, но вот Турбин так не сделал. Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах... Тянет к холодку... к обрыву[7]. И так потянуло к музею. Непременно понадобилось увидеть, хоть издали, что там возле него творится. И вместо того чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри и очень отчетливо малышевский голос шепнул: «Беги». Турбин повернул голову вправо и глянул вдаль, к музею. Успел увидать кусок белого бока, небесное стекло купола, какие-то мелькавшие вдали черные фигурочки... больше всё равно ничего не успел увидеть.

В упор на него, по Прорезной[8] покатой улице, с Крещатика, затянутого далекой морозной дымкой, поднимались, рассыпавшись во всю ширину улицы, серенькие люди в солдатских шинелях. Они были недалеко — шагах в тридцати. Мгновенно стало понятно, что они бегут уже давно и бег их утомил. Вовсе не глазами, а каким-то безотчетным движением сердца Турбин сообразил, что это петлюровцы.

«По-пал», — отчетливо сказал под ложечкой голос Малышева.

Затем несколько секунд вывалились из жизни Турбина, и, что́ во время их происходило, он не знал. Ощутил он себя лишь за углом, на Владимирской улице, с головой, втянутой в плечи, на ногах, которые его несли быстро от рокового угла Прорезной, где конфетница «Маркиза».

«Ну-ка, ну-ка, ну-ка, еще... еще...» — застучала в висках кровь.

Еще немножечко молчания сзади. Превратиться бы в лезвие ножа или влипнуть в стену. Ну-ка... Но молчание прекратилось — его нарушило совершенно неизбежное:

— Стый! — прокричал сиплый голос в холодную спину Турбину.

«Так», — оборвалось под ложечкой.

— Стый! — серьезно повторил голос.

Турбин оглянулся и даже мгновенно остановился, потому что явилась короткая шальная мысль изобразить мирного гражданина. Иду, мол, по своим делам... Оставьте меня в покое... Преследователь был шагах в пятнадцати и торопливо взбрасывал винтовку. Лишь только доктор повернулся, изумление выросло в глазах преследователя, и доктору показалось, что это монгольские раскосые глаза[9]. Второй вырвался из-за угла и дергал затвор. На лице первого ошеломление сменилось непонятной, зловещей радостью.

— Тю! — крикнул он. — Бачь*, Петро: офицер. — Вид у него при этом был такой, словно внезапно он, охотник, при самой дороге увидел зайца.

«Что так-кое? Откуда известно?» — грянуло в турбинской голове, как молотком.

Винтовка второго превратилась вся в маленькую черную дырку, не более гривенника[10]. Затем Турбин почувствовал, что сам он обернулся в стрелу на Владимирской улице и что губят его валенки. Сверху и сзади, шипя, ударило в воздухе — ч-чах...

— Стый! Ст... Тримай!** — Хлопнуло. — Тримай офицера!! — загремела и заулюлюкала вся Владимирская. Еще два раза весело трахнуло, разорвав воздух.

Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. По-волчьи обернувшись на угонке[11] на углу Мало-Провальной улицы, Турбин увидал, как черная дырка сзади оделась совершенно круглым и бледным огнем, и, наддав ходу, он свернул в Мало-Провальную, второй раз за эти пять минут резко повернув свою жизнь.

Инстинкт: гонятся настойчиво и упорно, не отстанут, настигнут и, настигнув, совершенно неизбежно — убьют. Убьют, потому что бежал, в кармане ни одного документа и револьвер, серая шинель; убьют, потому что в бегу раз свезет, два свезет, а в третий раз — попадут. Именно в третий. Это с древности известный раз[12]. Значит, кончено; еще полминуты, и валенки погубят. Всё непреложно, а раз так — страх прямо через всё тело и через ноги выскочил в землю[13]. Но через ноги ледяной водой вернулась ярость и кипятком вышла изо рта на бегу. Уже совершенно по-волчьи косил на бегу Турбин глазами. Два серых, за ними третий, выскочили из-за угла Владимирской и все трое впере-

* Гляди (*укр., искаж.*).

** Держи (*укр., искаж.*).

бой сверкнули. Турбин, замедлив бег, скаля зубы, три раза выстрелил в них, не целясь. Опять наддал ходу, смутно впереди себя увидел мелькнувшую под самыми стенами у водосточной трубы хрупкую черную тень, почувствовал, что деревянными клещами кто-то рванул его за левую подмышку, отчего тело его стало бежать странно, косо, боком, неровно. Еще раз обернувшись, он не спеша выпустил три пули и строго остановил себя на шестом выстреле:

«Седьмая – себе. Еленка рыжая и Николка. Кончено. Будут мучить. Погоны вырежут. Седьмая себе».

Боком стремясь, чувствовал странное: револьвер тянул правую руку, но как будто тяжелела левая[14]. Вообще уже нужно останавливаться. Всё равно нет воздуху, больше ничего не выйдет. До излома самой фантастической улицы в мире[15] Турбин всё же дорвался, исчез за поворотом и ненадолго получил облегчение. Дальше безнадежно: глуха запертая решетка, вон ворота громады заперты, вон заперто... Он вспомнил веселую дурацкую пословицу: «Не теряйте, куме, силы, опускайтеся на дно»[16].

И тут увидал ее в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду[17]. Она наполовину провалилась в эту стену и, как в мелодраме, простирая руки, сияя огромнейшими от ужаса глазами, прокричала:

– Офицер! Сюда! Сюда...

Турбин, на немного скользящих валенках, дыша разодранным и полным жаркого воздуха ртом, подбежал медленно к спасительным рукам и вслед за ними провалился в узкую щель калитки в деревянной черной стене. И всё изменилось сразу. Калитка под руками женщины в черном влипла в стену, и щеколда захлопнулась. Глаза женщины очутились у самых глаз Турбина. В них он смутно прочитал решительность, действие и черноту.

– Бегите сюда. За мной бегите, – шепнула женщина, повернулась и побежала по узкой кирпичной дорожке. Турбин очень медленно побежал за ней. На левой руке мелькнули стены сараев, и женщина свернула. На правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад. Низкий заборчик перед самым носом, женщина проникла во вторую калиточку, Турбин, задыхаясь, за ней. Она захлопнула калитку, перед глазами мелькнула нога, очень стройная, в черном чулке, подол взмахнул, и ноги женщины легко понесли ее вверх по кирпичной лесенке. Обострившимся слухом Турбин услыхал, что там где-то, сзади за их бегом, осталась улица и преследователи. Вот... вот, только что они проскочили за поворот и ищут его. «Спасла бы... спасла бы... – подумал Турбин, – но, кажется, не добегу... сердце мое». Он вдруг упал на левое колено и левую руку при самом конце лесенки. Кру-

гом всё чуть-чуть закружилось. Женщина наклонилась и подхватила Турбина под правую руку...

— Еще... еще немного! — вскрикнула она; левой трясущейся рукой открыла третью низенькую калиточку, протянула за руку спотыкающегося Турбина и бросилась по аллейке. «Ишь, лабиринт... словно нарочно», — очень мутно подумал Турбин и оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной[18]. Он чувствовал, что женщина его тянет, что его левый бок и рука очень теплые, а всё тело холодное и ледяное сердце еле шевелится. «Спасла бы, но тут вот и конец — кончик... ноги слабеют...» Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенный снегом. Услышан был еще звон ключа. Женщина всё время была тут, возле правого бока, и уже из последних сил, в нитку втянулся за ней Турбин в фонарь[19]. Потом через второй звон ключа во мрак, в котором обдало жилым, старым запахом. Во мраке над головой очень тускло загорелся огонек, пол поехал под ногами влево... Неожиданные ядовито-зеленые с огненным ободком клочья пролетели вправо перед глазами, и сердцу в полном мраке полегчало сразу...

* * *

В тусклом и тревожном свете ряд вытертых золотых шляпочек. Живой холод течет за пазуху, благодаря этому больше воздуху, а в левом рукаве губительное влажное и неживое тепло. «Вот в этом-то вся суть. Я ранен». Турбин понял, что он лежит на полу, больно упираясь головой во что-то твердое и неудобное. Золотые шляпки перед глазами означают сундук. Холод такой, что духу не переведешь, — это она льет и брызжет водой.

— Ради Бога, — сказал над головой грудной слабый голос, — глотните, глотните. Вы дышите? Что же теперь делать?

Стакан стукнул о зубы, и с клокотом Турбин глотнул очень холодную воду. Теперь он увидал светлые завитки волос и очень черные глаза близко[20]. Сидящая на корточках женщина поставила стакан на пол и, мягко обхватив затылок, стала поднимать Турбина.

«Сердце-то есть? — подумал он. — Кажется, оживаю... может, и не так много крови... надо бороться». Сердце било, но трепетное, частое, узлами вязалось в бесконечную нить, и Турбин сказал слабо:

— Нет. Сдирайте всё и чем хотите, но сию минуту затяните жгутом...

Она, стараясь понять, расширила глаза, поняла, вскочила и кинулась к шкафу, оттуда выбросила массу материи.

Турбин, закусив губу, подумал: «Ох, нет пятна на полу, мало, к счастью, кажется, крови», — извиваясь, при ее помощи, вылез из шинели, сел, стараясь не обращать внимания на головокружение. Она стала снимать френч.

— Ножницы, — сказал Турбин.

Говорить было трудно, воздуху не хватало. Та исчезла, взметнув шелковым черным подолом, и в дверях сорвала с себя шапку и шубку. Вернувшись, она села на корточки и ножницами, тупо и мучительно въедаясь в рукав, уже обмякший и жирный от крови, распорола его и высвободила Турбина. С рубашкой справилась быстро. Весь левый рукав был густо пропитан, густо красен и бок. Тут закапало на пол.

— Рвите смелей...

Рубаха слезла клоками, и Турбин, белый лицом, голый и желтый до пояса, вымазанный кровью, желая жить, не дав себе второй раз упасть, стиснув зубы, правой рукой потряс левое плечо, сквозь зубы сказал:

— Слава Бо... цела кость... Рвите полосу или бинт.

— Есть бинт, — радостно и слабо крикнула она. Исчезла, вернулась, разрывая пакет со словами: — И никого, никого... Я одна...

Она опять присела. Турбин увидал рану. Это была маленькая дырка в верхней части руки, ближе к внутренней поверхности, там, где рука прилегает к телу. Из нее сочилась узенькой струйкой кровь.

— Сзади есть? — очень отрывисто, лаконически, инстинктивно сберегая дух жизни, спросил.

— Есть, — она ответила с испугом.

— Затянете выше... тут... спасете.

Возникла никогда еще не испытанная боль, кольца зелени, вкладываясь одно в другое или переплетаясь, затанцевали в передней. Турбин укусил нижнюю губу. Она затянула, он помогал зубами и правой рукой, и жгучим узлом, таким образом, выше раны обвили руку. И тотчас перестала течь кровь...

***

Женщина перевела его так: он стал на колени и правую руку закинул ей на плечо, тогда она помогла ему стать на слабые, дрожащие ноги и повела, поддерживая его всем телом. Он видел кругом темные тени полных сумерек в какой-то очень низкой старинной комнате. Когда же она посадила его на что-то мягкое и пыльное, под ее рукой сбоку вспыхнула лампа под вишневым платком. Он разглядел узоры бархата, край двубортного сюртука на стене в раме и желто-золотой эполет. Простирая к Турбину руки и тяжело дыша от волнения и усилий, она сказала:

— Коньяк есть у меня... Может быть, нужно?.. Коньяк.

Он ответил:

— Немедленно...

И повалился на правый локоть.

Коньяк как будто помог, по крайней мере Турбину показалось, что он не умрет, а боль, что грызет и режет плечо, перетерпит. Женщина, стоя на коленях, бинтом завязала раненую руку, сползла ниже к его ногам и стащила с него валенки. Потом принесла подушку и длинный, пахнущий сладким давним запахом, японский с диковинными букетами халат.

— Ложитесь, — сказала она.

Лег покорно, она набросила на него халат, сверху одеяло и стала у узкой оттоманки[21], всматриваясь ему в лицо.

Он сказал:

— Вы... вы замечательная женщина. — После молчания: — Я полежу немного, пока вернутся силы, поднимусь и пойду домой... Потерпите еще немного беспокойство.

В сердце его заполз страх и отчаяние: «Что с Еленой? Боже, Боже... Николка. За что Николка погиб? Наверно, погиб...»

Она молча указала на низенькое оконце, завешенное шторой с помпонами. Тогда он ясно услышал далеко и ясно хлопушки выстрелов.

— Вас сейчас же убьют, будьте уверены, — сказала она.

— Тогда... я вас боюсь... подвести... Вдруг придут... револьвер... кровь... там, в шинели, — он облизал сухие губы. Голова его тонко кружилась от потери крови и от коньяку. Лицо женщины стало испуганным. Она призадумалась.

— Нет, — решительно сказала она, — нет, если бы нашли, то уже были бы здесь. Тут такой лабиринт, что никто не отыщет следов. Мы пробежали три сада[22]. Но вот убрать нужно сейчас же...

Он слышал плеск воды, шуршанье материи, стук в шкафах...

Она вернулась, держа в руках за ручку двумя пальцами браунинг[23] так, словно он был горячий, и спросила:

— Он заряжен?

Выпростав здоровую руку из-под одеяла, Турбин ощупал предохранитель и ответил:

— Несите смело, только за ручку.

Она еще раз вернулась и смущенно сказала:

— На случай, если все-таки появятся... Вам нужно рейтузы снять... Вы будете лежать, я скажу, что вы мой муж больной...

Он, морщась и кривя лицо, стал расстегивать пуговицы. Она решительно подошла, стала на колени и из-под одеяла за штрипки вытащила рейтузы и унесла. Ее не было долго. В это время он видел арку. В сущности говоря, это были две комнаты. Потолки такие низкие, что, если бы рослый человек стал на цыпочки, он достал бы до них рукой. Там, за аркой, в глубине было темно, но бок старого пианино блестел лаком, еще что-то поблескивало, и, кажется, цветы фикуса. А здесь опять этот край эполета в раме.

Боже, какая старина... Эполеты его приковали. Был мирный свет сальной свечки в шандале. Был мир, и вот мир убит. Не возвратятся годы. Еще сзади окна низкие, маленькие, и сбоку окно. Что за странный домик. Она одна. Кто такая? Спасла... Мира нет... Стреляют там...

* * *

Она вошла, нагруженная охапкой дров, и с громом выронила их в углу у печки.

— Что вы делаете? Зачем? — спросил он в сердцах.

— Всё равно мне нужно было топить, — ответила она, и чуть мелькнула у нее в глазах улыбка, — я сама топлю...

— Подойдите сюда, — тихо попросил ее Турбин. — Вот что... я и не поблагодарил вас за всё, что вы... сделали... Да и чем... — Он протянул руку, взял ее пальцы, она покорно придвинулась, тогда он поцеловал ее худую кисть два раза. Лицо ее смягчилось, как будто тень тревоги сбежала с него, и глаза ее показались в этот момент необычайной красоты.

— Если бы не вы, — продолжал Турбин, — меня бы, наверное, убили.

— Конечно, — ответила она, — конечно... А так вы убили одного...

Турбин приподнял голову.

— Я убил?[24] — спросил он, чувствуя вновь слабость и головокружение.

— Угу. — Она благосклонно кивнула головой и поглядела на Турбина со страхом и любопытством. — Ух, как это страшно... они самое меня чуть не застрелили. — Она вздрогнула.

— Как убил?

— Ну да... Они выскочили, а вы стали стрелять, и первый грохнулся... Ну, может быть, ранили... Ну, вы храбрый... Я думала, что я в обморок упаду... Вы отбежите, стрельнете в них... и опять бежите... Вы, наверное, капитан?

— Почему вы решили, что я офицер? Почему кричали мне — «офицер»?

Она блеснула глазами.

— Я думаю, решишь, если у вас кокарда на папахе. Зачем так бравировать?

— Кокарда. Ах, Боже... это я... я... — Ему вспомнился звоночек... зеркало в пыли... — Всё снял... а кокарду-то забыл... Я не офицер, — сказал он, — я военный врач. Меня зовут Алексей Васильевич Турбин... Позвольте мне узнать, кто вы такая?

— Я — Юлия Александровна Рейсс[25].

— Почему вы одна?

Она ответила как-то напряженно и отводя глаза в сторону:

— Моего мужа сейчас нет. Он уехал. И матери его тоже. Я одна... — Помолчав, она добавила: — Здесь холодно... Брр... Я сейчас затоплю.

***

Дрова разгорались в печке, и одновременно с ними разгоралась жестокая головная боль. Рана молчала, всё сосредоточилось в голове. Началось с левого виска, потом разлилось по темени и затылку. Какая-то жилка сжалась над левой бровью и посылала во все стороны кольца тугой отчаянной боли. Рейсс стояла на коленях у печки и кочергой шевелила в огне. Мучаясь, то закрывая, то открывая глаза, Турбин видел откинутую назад голову, заслоненную от жара белой кистью, и совершенно неопределенные волосы, не то пепельные, пронизанные огнем, не то золотистые, а брови угольные и черные глаза. Не понять — красив ли этот неправильный профиль и нос с горбинкой. Не разберешь, что в глазах. Кажется, испуг, тревога, а может быть, и порок... Да, порок.

Когда она так сидит и волна жара ходит по ней, она представляется чудесной, привлекательной. Спасительница.

***

Многие часы ночи, когда давно кончился жар в печке и начался жар в руке и голове, кто-то ввинчивал в темя нагретый жаркий гвоздь и разрушал мозг. «У меня жар, — сухо и беззвучно повторял Турбин и внушал себе: — Надо утром встать и перебраться домой...» Гвоздь разрушал мозг и в конце концов разрушил мысль и о Елене, и о Николке, о доме и Петлюре. Все стало — всё равно. Пэтурра... Пэтурра... Осталось одно — чтобы прекратилась боль.

Глубокой же ночью Рейсс в мягких, отороченных мехом туфлях пришла сюда и сидела возле него, и опять, обвив рукой ее шею и слабея, он шел через маленькие комнаты. Перед этим она собралась с силами и сказала ему:

— Вы встаньте, если только можете. Не обращайте на меня никакого внимания. Я вам помогу. Потом ляжете совсем... Ну, если не можете...

Он ответил:

— Нет, я пойду... только вы мне помогите...

Она привела его к маленькой двери этого таинственного домика и так же привела обратно. Ложась, лязгая зубами в ознобе и чувствуя, что сжалилась и утихает голова, он сказал:

— Клянусь, я вам этого не забуду... Идите спать...

— Молчите, я буду вам гладить голову, — ответила она.

Потом вся тупая и злая боль вытекла из головы, стекла с висков в ее мягкие руки, а по ним и по ее телу — в пол, крытый пыльным пухлым ковром, и там погибла. Вместо боли по всему телу разливался ровный, приторный жар. Рука онемела и стала тяжелой, как чугунная, поэтому он и не шевелил ею, а лишь закрыл глаза и отдался на волю жара. Сколько времени он так пролежал, сказать бы он не сумел: может быть, пять минут, а может быть, и много часов. Но, во всяком случае, ему казалось, что так лежать можно было бы всю вечность, в огне. Когда он открыл глаза, тихонько, чтобы не вспугнуть сидящую возле него, он увидел прежнюю картину: ровно, слабо горела лампочка под красным абажуром, разливая мирный свет, и профиль женщины был бессонный близ него. По-детски печально оттопырив губы, она смотрела в окно. Плывя в жару, Турбин шевельнулся, потянулся к ней...

— Наклонитесь ко мне, — сказал он. Голос его стал сух, слаб, высок. Она повернулась к нему, глаза ее испуганно насторожились и углубились в тенях. Турбин закинул правую руку за шею, притянул ее к себе и поцеловал в губы. Ему показалось, что он прикоснулся к чему-то сладкому и холодному. Женщина не удивилась поступку Турбина. Она только пытливее вглядывалась в лицо. Потом заговорила:

— Ох, какой жар у вас. Что же мы будем делать? Доктора нужно позвать, но как же это сделать?

— Не надо, — тихо ответил Турбин, — доктор не нужен. Завтра я поднимусь и пойду домой.

— Я так боюсь, — шептала она, — что вам сделается плохо. Чем тогда я помогу. Не течет больше? — Она неслышно коснулась забинтованной руки.

— Нет, вы не бойтесь, ничего со мной не сделается. Идите спать.

— Не пойду, — ответила она и погладила его по руке. — Жар, — повторила она.

Он не выдержал и опять обнял ее и притянул к себе. Она не сопротивлялась. Он притягивал ее до тех пор, пока она совсем не склонилась и не прилегла к нему. Тут он ощутил сквозь свой больной жар живую и ясную теплоту ее тела.

— Лежите и не шевелитесь, — прошептала она, — а я буду вам гладить голову.

Она протянулась с ним рядом, и он почувствовал прикосновение ее коленей. Рукой она стала водить от виска к волосам. Ему стало так хорошо, что он думал только об одном, как бы не заснуть.

И вот он заснул. Спал долго, ровно и сладко. Когда проснулся, узнал, что плывет в лодке по жаркой реке, что боли все исчезли, а за окошком ночь медленно бледнеет да бледнеет. Не только в домике, но во всём мире и Городе была полная тишина. Стеклянно жиденько-синий свет разливался в щелях штор. Женщина, согревшаяся и печальная, спала рядом с Турбиным. И он заснул.

***

Утром, около девяти часов, случайный извозчик у вымершей Мало-Провальной принял двух седоков — мужчину в черном штатском, очень бледного, и женщину. Женщина, бережно поддерживая мужчину, цеплявшегося за ее рукав, привезла его на Алексеевский спуск. Движения на Спуске не было. Только у подъезда № 13 стоял извозчик, только что высадивший странного гостя с чемоданом, узлом и клеткой.

14

Они нашлись. Никто не вышел в расход[1], и нашлись в следующий же вечер.

«Он», — отозвалось в груди Анюты, и сердце ее прыгнуло, как Лариосикова птица. В занесенное снегом оконце турбинской кухни осторожно постучали со двора. Анюта прильнула к окну и разглядела лицо. Он, но без усов... Он...[2] Анюта обеими руками пригладила черные волосы, открыла дверь в сени, а из сеней в снежный двор, и Мышлаевский оказался необыкновенно близко от нее. Студенческое пальто с барашковым воротником и фуражка... исчезли усы...[3] Но глаза даже в полутьме сеней можно отлично узнать. Правый в зеленых искорках, как уральский самоцвет[4], а левый темный... И меньше ростом стал...

Анюта дрожащею рукой закинула крючок, причем исчез двор, а полосы из кухни исчезли оттого, что пальто Мышлаевского обвило Анюту и очень знакомый голос шепнул:

— Здравствуйте, Анюточка... Вы простудитесь... А в кухне никого нет, Анюта?

— Никого нет, — не помня, что говорит, и тоже почему-то шепотом ответила Анюта. — «Целует, губы гладкие стали», — в сладостнейшей тоске подумала она и зашептала:

— Виктор Викторович... пустите... Елене...

— При чем тут Елена... — укоризненно шепнул голос, пахнущий одеколоном и табаком, — что вы, Анюточка...

— Виктор Викторович, пустите, закричу, как Бог свят, — страстно сказала Анюта и обняла за шею Мышлаевского, — у нас несчастье — Алексея Васильевича ранили...[5]

Удав мгновенно выпустил.

— Как ранили? А Никол?!

— Никол жив-здоров, а Алексей Васильевича ранили.

Полоска света из кухни, двери.

В столовой Елена, увидев Мышлаевского, заплакала и сказала:

— Витька, ты жив... Слава Богу... А вот у нас... — она всхлипнула и указала на дверь к Турбину. — Сорок у него... скверная рана...

— Мать честная, — ответил Мышлаевский, сдвинув фуражку на самый затылок, — как же это он подвернулся?

Он повернулся к фигуре, склонившейся у стола над бутылью и какими-то блестящими коробками[6].

— Вы доктор, позвольте узнать?

— Нет, к сожалению, — ответил печальный и тусклый голос, — не доктор. Разрешите представиться: Ларион Суржанский.

* * *

Гостиная. Дверь в переднюю заперта и задернута портьера, чтобы шум и голоса не достигали к Турбину. Из спальни его вышли и только что уехали остробородый в золотом пенсне, другой бритый — молодой и, наконец, седой и старый и умный в тяжелой шубе, в боярской шапке[7], профессор, самого же Турбина учитель[8]. Елена провожала их, и лицо ее стало каменным. Говорили — тиф, тиф... и накликали.

— Кроме раны — сыпной тиф...[9]

И ртутный столб на 40 и... «Юлия»... В спаленке красноватый жар. Тишина, а в тишине бормотанье про лесенку и звонок «бр-рынь»...

* * *

— Здоровеньки булы, пане добродзию*, — сказал Мышлаевский ядовитым шепотом и расставил ноги. Шервинский, густо-красный, косил глазом. Черный костюм сидел на нем безукоризненно, глядело чудное белье и галстух бабочкой, на ногах лакированные ботинки. «Артист оперной студии Крамского[10]». Удостоверение в кармане. — Чому ж це** вы без погон?.. — продолжал Мышлаевский. — «На Владимирской развеваются русские флаги... Две дивизии сенегалов в одесском порту и сербские квартирьеры... Поезжайте, господа офицеры, на Украину и формируйте части»... за ноги вашу мамашу!..

* Мое почтение, милостивый государь (*укр.*, *искаж.*).

** Что это (*укр.*, *искаж.*).

— Чего ты пристал?.. — ответил Шервинский. — Я, что ль, виноват?.. При чем здесь я?.. Меня самого чуть не убили. Я вышел из штаба последним ровно в полдень, когда с Печерска показались неприятельские цепи.

— Ты — герой, — ответил Мышлаевский, — но надеюсь, что его сиятельство[11], главнокомандующий, успел уйти раньше... Равно как и его светлость[12], пан гетман... его мать... Льщу себя надеждой, что они в безопасном месте. Родине нужны их жизни. Кстати, не можешь ли ты мне указать, где именно они находятся?

— Зачем тебе?

— Вот зачем. — Мышлаевский сложил правую руку в кулак и постучал ею по ладони левой. — Ежели бы мне попалось это самое сиятельство и светлость, я бы одного взял за левую ногу, а другого за правую, перевернул бы и тюкал бы головой о мостовую до тех пор, пока мне это не надоело бы. А вашу штабную ораву в сортире нужно утопить...

Шервинский побагровел.

— Ну, все-таки ты поосторожней, пожалуйста, — начал он, — полегче... Имей в виду, что князь и штабных бросил. Два его адъютанта с ним уехали, а остальные на произвол судьбы.

— Ты знаешь, что сейчас в Музее[13] сидит тысяча человек наших, голодные, с пулеметами... Ведь их петлюровцы, как клопов, передушат... Ты знаешь, как убили полковника Ная?.. Единственный был...

— Отстань от меня, пожалуйста!.. — не на шутку сердясь, крикнул Шервинский. — Что это за тон?.. Я такой же офицер, как и ты!

— Ну, господа, бросьте, — Карась вклинился между Мышлаевским и Шервинским, — совершенно нелепый разговор. Что ты, в самом деле, лезешь к нему... Бросим это, ни к чему не ведет...

— Тише, тише, — горестно зашептал Николка, — к нему слышно...

Мышлаевский сконфузился, помялся.

— Ну, не волнуйся, баритон. Это я так... Ведь сам понимаешь...

— Довольно странно...

— Позвольте, господа, потише... — Николка насторожился и потыкал ногой в пол. Все прислушались. Снизу из квартиры Василисы донеслись голоса. Глуховато расслышали, что Василиса весело рассмеялся и немножко истерически как будто. Как будто в ответ, что-то радостно и звонко прокричала Ванда. Потом поутихло. Еще немного и глухо побубнили голоса.

— Ну, вещь поразительная, — глубокомысленно сказал Николка, — у Василисы гости... Гости. Да еще в такое время. Настоящее светопреставление.

— Да, тип ваш Василиса, — скрепил Мышлаевский.

* * *

Это было около полуночи, когда Турбин после впрыскивания[14] морфия уснул, а Елена расположилась в кресле у его постели. В гостиной составился военный совет.

Решено было всем оставаться ночевать. Во-первых, ночью, даже с хорошими документами, ходить нé к чему. Во-вторых, тут и Елене лучше — то да се... помочь. А самое главное, что дома в такое времечко именно лучше не сидеть, а находиться в гостях. А еще, самое главное, и делать нечего. А вот винт[15] составить можно.

— Вы играете? — спросил Мышлаевский у Лариосика.

Лариосик покраснел, смутился и сразу всё выговорил: и что в винт он играет, но очень, очень плохо... Лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора...[16] Что он потерпел драму, но здесь, у Елены Васильевны, оживает душой, потому что это совершенно исключительный человек, Елена Васильевна, и в квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира... А он, этот внешний мир... согласитесь сами, грязен, кровав и бессмысленен.

— Вы, позвольте узнать, стихи сочиняете? — спросил Мышлаевский, внимательно всматриваясь в Лариосика.

— Пишу, — скромно, краснея, произнес Лариосик.

— Так... Извините, что я вас перебил... Так бессмысленен, вы говорите... Продолжайте, пожалуйста...

— Да, бессмысленен, а наши израненные души ищут покоя вот именно за такими кремовыми шторами...

— Ну, знаете, что касается покоя, не знаю, как у вас в Житомире, а здесь, в Городе, пожалуй, вы его не найдете... Ты щетку смочи водой, а то пылишь здорово. Свечи есть? Бесподобно. Мы вас выходящим в таком случае запишем... Впятером именно покойная игра...

— И Николка как покойник играет, — вставил Карась.

— Ну что ты, Федя. Кто в прошлый раз под печкой проиграл? Ты сам и пошел в ренонс[17]. Зачем клевещешь?

— Блакитный петлюровский крап...

— Именно за кремовыми шторами и жить. Все смеются почему-то над поэтами...

— Да храни Бог... Зачем же вы в дурную сторону мой вопрос приняли. Я против поэтов ничего не имею. Не читаю я, правда, стихов...

— И других никаких книг, за исключением артиллерийского устава и первых пятнадцати страниц римского права...[18] На шестнадцатой странице война началась, он и бросил...

— Врет, не слушайте... Ваше имя и отчество Ларион Иванович?

Лариосик объяснил, что он Ларион Ларионович, но что ему так симпатично всё общество, которое даже не общество, а дружная семья, что он очень желал бы, чтобы его называли по имени «Ларион» без отчества... Если, конечно, никто ничего не имеет против.

— Как будто симпатичный парень... — шепнул сдержанный Карась Шервинскому.

— Ну что ж... сойдемся поближе... Отчего ж... Врет: если угодно знать, «Войну и мир» читал... Вот, действительно, книга. До самого конца прочитал, и с удовольствием. А почему? Потому что писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский офицер[19]. У вас десятка? Вы со мной... Карась с Шервинским... Николка, выходи.

— Только вы меня, ради Бога, не ругайте, — как-то нервически попросил Лариосик.

— Ну что вы, в самом деле. Что мы, папуасы[20] какие-нибудь? Это у вас, видно, в Житомире такие податные инспектора отчаянные, они вас и напугали... У нас принят тон строгий.

— Помилуйте, можете быть спокойны, — отозвался Шервинский, усаживаясь.

— Две пики... Да-с... вот-с писатель был граф Лев Николаевич Толстой, артиллерии поручик... Жалко, что бросил служить... пас... до генерала бы дослужился... Впрочем, что ж, у него имение было... Можно от скуки и роман написать... зимой делать нé черта... В имении это просто. Без козыря...

— Три бубны, — робко сказал Лариосик.

— Пас, — отозвался Карась.

— Что же вы? Вы прекрасно играете. Вас не ругать, а хвалить нужно. Ну, если три бубны, то мы скажем — четыре пики. Я сам бы в имение теперь с удовольствием поехал...

— Четыре бубны, — подсказал Лариосику Николка, заглядывая в карты.

— Четыре? Пас.

— Пас.

При трепетном стеариновом свете свечей в дыму папирос волнующийся Лариосик купил[21]. Мышлаевский, словно гильзы из винтовки, разбросал партнерам по карте[22].

— М-малый в пиках[23], — скомандовал он и поощрил Лариосика, — молодец!

Карты из рук Мышлаевского летели беззвучно, как кленовые листья. Шервинский швырял аккуратно, Карась — не везет, — хлестко. Лариосик, вздыхая, тихонько выкладывал, словно удостоверения личности.

— «Папа-мама»[24], видали мы это, — сказал Карась.

Мышлаевский вдруг побагровел, швырнул карты на стол и, зверски выкатив глаза на Лариосика, рявкнул:

— Какого же ты лешего мою даму долбанул? Ларион?!

— Здорово. Га-га-га, — хищно обрадовался Карась, — без одной![25]

Страшный гвалт поднялся за зеленым столом, и языки на свечах закачались. Николка, шипя и взмахивая руками, бросился прикрывать дверь и задергивать портьеру.

— Я думал, что у Федора Николаевича король, — мертвея, вымолвил Лариосик.

— Как это можно думать... — Мышлаевский старался не кричать, поэтому из горла у него вылетало сипение, которое делало его еще более страшным, — если ты его своими руками купил и мне прислал? А? Ведь это черт знает, — Мышлаевский ко всем поворачивался, — ведь это... Он покоя ищет. А? А без одной сидеть — это покой? Считанная же игра! Надо все-таки вертеть головой, это же не стихи![26]

— Постой. Может быть, Карась...

— Что может быть? Ничего не может быть, кроме ерунды. Вы извините, но, батюшка, может, в Житомире так и играют, но это черт знает что такое! Вы не сердитесь... но Пушкин или Ломоносов[27] хоть стихи и писали, а такую штуку никогда бы не устроили... или Надсон[28], например.

— Тише ты. Ну что налетел? Со всяким бывает.

— Я так и знал, — забормотал Лариосик, — мне не везет...

— Стой. Ст...

И разом наступила полная тишина. В отдалении за многими дверями в кухне затрепетал звоночек. Помолчали. Послышался стук каблуков, раскрылись двери, появилась Анюта. Голова Елены мелькнула в передней. Мышлаевский побарабанил по сукну и сказал:

— Рановато как будто? А?[29]

— Да, рано, — отозвался Николка, считающийся самым сведущим специалистом по вопросу обысков.

— Открывать идти? — беспокойно спросила Анюта.

— Нет, Анна Тимофеевна, — ответил Мышлаевский, — повремените, — он, кряхтя, поднялся с кресла, — вообще теперь я буду открывать, а вы не затрудняйтесь...

— Вместе пойдем, — сказал Карась[30].

— Ну, — заговорил Мышлаевский и сразу поглядел так, словно стоял перед взводом, — так-с. Там, стало быть, в порядке... У доктора — сыпной тиф и прочее. Ты, Лена, — сестра... Карась, ты за медика сойдешь — студента... Ушейся[31] в спальню... Шприц там какой-нибудь возьми... Много нас. Ну, ничего...

Звонок повторился нетерпеливо, Анюта дернулась, и все стали еще серьезнее.

— Успеется, — сказал Мышлаевский и вынул из заднего кармана брюк маленький черный револьвер, похожий на игрушечный.

— Вот это напрасно, — сказал, темнея, Шервинский, — это я тебе удивляюсь. Ты-то мог бы быть поосторожнее. Как же ты по улице шел?

— Не беспокойся, — серьезно и вежливо ответил Мышлаевский, — устроим. Держи, Николка, и играй[32] к черному ходу или к форточке. Если петлюровские архангелы[33], закашляюсь я, сплавь[34], только чтоб потом найти. Вещь дорогая, под Варшаву со мной ездила...[35] У тебя всё в порядке?

— Будь покоен, — строго и гордо ответил специалист Николка, овладевая револьвером.

— Итак, — Мышлаевский ткнул пальцем в грудь Шервинского и сказал: — певец, в гости пришел, — в Карася, — медик, — в Николку, — брат, — Лариосику, — жилец-студент. Удостоверение есть?

— У меня паспорт царский, — бледнея, сказал Лариосик, — и студенческий харьковский[36].

— Царский под ноготь, а студенческий показать.

Лариосик зацепился за портьеру, а потом убежал.

— Прочие — чепуха: женщины, — продолжал Мышлаевский, — нуте-с, удостоверения у всех есть? В карманах ничего лишнего? Эй, Ларион! Спроси там у него, оружия нет ли?

— Эй, Ларион! — окликнул в столовой Николка. — Оружие?

— Нету, нету, Боже сохрани, — откликнулся откуда-то Лариосик.

Звонок повторился отчаянный, долгий, нетерпеливый.

— Ну, Господи благослови, — сказал Мышлаевский и двинулся. Карась исчез в спальне Турбина.

— Пасьянс раскладывали, — сказал Шервинский и задул свечи.

Три двери вели в квартиру Турбиных. Первая из передней на лестницу, вторая стеклянная, замыкавшая собственно владение Турбиных. Внизу за стеклянной дверью темный холодный парадный ход, в который выходила сбоку дверь Лисовичей; а коридор замыкала уже последняя дверь на улицу.

Двери прогремели, и Мышлаевский внизу крикнул:

— Кто там?

Вверху за своей спиной на лестнице почувствовал какие-то силуэты. Приглушенный голос за дверью взмолился:

— Звонишь, звонишь... Тальберг-Турбина тут?.. Телеграмма ей... Откройте...

«Тэк-с», — мелькнуло в голове у Мышлаевского, и он закашлялся болезненным кашлем. Один силуэт сзади на лестнице исчез. Мышлаевский осторожно открыл болт, повернул ключ и открыл дверь, оставив ее на цепочке.

— Давайте телеграмму, — сказал он, становясь боком к двери так, что она прикрывала его. Рука в сером просунулась и подала ему маленький конвертик. Пораженный Мышлаевский увидал, что это действительно телеграмма.

— Распишитесь, — злобно сказал голос за дверью.

Мышлаевский метнул взгляд и увидал, что на улице только один.

— Анюта, Анюта! — бодро, выздоровев от бронхита, вскричал Мышлаевский. — Давай карандаш.

Вместо Анюты к нему сбежал Карась, подал. На клочке, выдернутом из квадратика, Мышлаевский нацарапал: «Тур», — шепнул Карасю:

— Дай двадцать пять...

Дверь загремела... Заперлась...

Ошеломленный Мышлаевский с Карасем поднялись вверх. Сошлись решительно все. Елена развернула квадратик и машинально вслух прочла слова:

«Страшное несчастье постигло Лариосика точка Актер оперетки Липский...[37]»

— Боже мой, — вскричал багровый Лариосик, — это она!

— Шестьдесят три слова, — восхищенно ахнул Николка, — смотри, кругом исписано.

— Господи! — воскликнула Елена. — Что же это такое? Ах, извините, Ларион... Что начала читать. Я совсем про нее забыла...

— Что это такое? — спросил Мышлаевский.

— Жена его бросила, — шепнул на ухо Николка, — такой скандал...

Страшный грохот в стеклянную дверь, как обвал с горы, влетел в квартиру. Анюта взвизгнула. Елена побледнела и начала клониться к стене. Грохот был так чудовищен, страшен, нелеп, что даже Мышлаевский переменился в лице, Шервинский подхватил Елену, сам бледный... Из спальни Турбина послышался стон.

— Двери... — крикнула Елена.

По лестнице вниз, спутав стратегический план, побежали Мышлаевский, за ним Карась, Шервинский и насмерть испуганный Лариосик.

— Это уже хуже, — бормотал Мышлаевский.

За стеклянной дверью взметнулся черный одинокий силуэт, оборвался грохот.

— Кто там? — загремел Мышлаевский, как в цейхгаузе.

— Ради Бога... Ради Бога... Откройте, Лисович я... Лисович!! — вскричал силуэт. — Лисович я... Лисович...[38]

Василиса был ужасен...[39] Волосы с просвечивающей розоватой лысинкой торчали вбок. Галстух висел на боку, и полы пиджака мотались, как дверцы взломанного шкафа. Глаза Василисы были безумны и мутны, как у отравленного. Он показался на последней ступеньке, вдруг качнулся и рухнул на руки Мышлаевскому. Мышлаевский принял его и еле удержал, сам присел к лестнице и сипло, растерянно крикнул:

— Карась! Воды...

15

Был вечер. Время подходило к 11 часам. По случаю событий значительно раньше, чем обычно, опустела и без того не очень людная улица.

Шел жидкий снежок, пушинки его мерно летали за окном, а ветви акации у тротуара, летом темнившие окна Турбиных, всё более обвисали в своих снежных гребешках.

Началось с обеда, и пошел нехороший тусклый вечер с неприятностями, с сосущим сердцем. Электричество зажглось почему-то в полсвета, а Ванда накормила за обедом мозгами. Вообще говоря, мозги пища ужасная, а в Вандином приготовлении — невыносимая. Был перед мозгами еще суп, в который Ванда налила постного масла, и хмурый Василиса встал из-за стола с мучительной мыслью, что будто он и не обедал вовсе. Вечером же была масса хлопот, и всё хлопот неприятных, тяжелых. В столовой стоял столовый стол кверху ножками и пачка Лебидь-Юрчиков лежала на полу[1].

— Ты дура, — сказал Василиса жене.

Ванда изменилась в лице и ответила:

— Я знала, что ты хам, уже давно. Твое поведение в последнее время достигло геркулесовых столбов[2].

Василисе мучительно захотелось ударить ее со всего размаху косо по лицу так, чтоб она отлетела и стукнулась об угол буфета. А потом еще раз, еще и бить ее до тех пор, пока это проклятое, костлявое существо не умолкнет, не признает себя побежденным[3]. Он, Василиса, измучен ведь, он, в конце концов, работает как вол и он требует, требует, чтобы его слушались дома. Василиса скрипнул зубами и сдержался, нападение на Ванду было вовсе не так безопасно, как это можно было предположить.

— Делай так, как я говорю, — сквозь зубы сказал Василиса, — пойми, что буфет могут отодвинуть, и что тогда? А это никому не придет в голову. Все в городе так делают.

Ванда повиновалась ему, и они вдвоем взялись за работу – к столу с внутренней стороны кнопками пришпиливали денежные бумажки[4].

Скоро вся внутренняя поверхность стола расцветилась и стала похожа на замысловатый шелковый ковер.

Василиса, кряхтя, с налитым кровью лицом, поднялся и окинул взором денежное поле.

– Неудобно, – сказала Ванда, – понадобится бумажка, нужно стол переворачивать.

– И перевернешь, руки не отвалятся, – сипло ответил Василиса, – лучше стол перевернуть, чем лишиться всего. Слышала, что в городе делается? Хуже, чем большевики. Говорят, что повальные обыски идут, всё офицеров ищут.

В 11 часов вечера Ванда принесла из кухни самовар и всюду в квартире потушила свет. Из буфета достала кулек с черствым хлебом и головку зеленого сыра[5]. Лампочка, висящая над столом в одном из гнезд трехгнездной люстры, источала с неполно накаленных нитей тусклый красноватый свет.

Василиса жевал ломтик французской булки, и зеленый сыр раздражал его до слез, как сверлящая зубная боль. Тошный порошок при каждом укусе сыпался вместо рта на пиджак и за галстух. Не понимая, что мучает его, Василиса исподлобья смотрел на жующую Ванду[6].

– Я удивляюсь, как легко им всё сходит с рук, – говорила Ванда, обращая взор к потолку, – я была уверена, что убьют кого-нибудь из них. Нет, все вернулись, и сейчас опять квартира полна офицерами...

В другое время слова Ванды не произвели бы на Василису никакого впечатления, но сейчас, когда вся его душа горела в тоске, они показались ему невыносимо подлыми.

– Удивляюсь тебе, – ответил он, отводя взор в сторону, чтобы не расстраиваться, – ты прекрасно знаешь, что, в сущности, они поступили правильно. Нужно же кому-нибудь было защищать город от этих (Василиса понизил голос) мерзавцев... И притом напрасно ты думаешь, что так легко сошло с рук... Я думаю, что он...

Ванда впилась глазами и закивала головой.

– Я сама, сама сразу это сообразила... Конечно, его ранили...

– Ну вот, значит, нечего и радоваться: «сошло, сошло»...

Ванда лизнула губы.

– Я не радуюсь, я только говорю «сошло», а вот мне интересно знать, если, не дай Бог, к нам явятся и спросят тебя как председателя домового комитета: а кто у вас наверху? Были они у гетмана? Что ты будешь говорить?

Василиса нахмурился и покосился:

– Можно будет сказать, что он доктор... Наконец, откуда я знаю. Откуда?

– Вот то-то, откуда...

На этом слове в передней прозвенел звонок[7]. Василиса побледнел, а Ванда повернула жилистую шею.

Василиса, шмыгнув носом, поднялся со стула и сказал:

– Знаешь что. Может быть, сейчас сбегать к Турбиным, вызвать их?

Ванда не успела ответить, потому что звонок в ту же минуту повторился.

– Ах, Боже мой, – тревожно молвил Василиса, – нет, нужно идти.

Ванда глянула в испуге и двинулась за ним. Открыли дверь из квартиры в общий коридор. Василиса вышел в коридор, пахнуло холодком, острое лицо Ванды с тревожными, расширенными глазами выглянуло. Над ее головой в третий раз назойливо затрещало электричество в блестящей чашке.

На мгновенье у Василисы пробежала мысль постучать в стеклянные двери Турбиных – кто-нибудь сейчас же вышел, и не было бы так страшно. И он побоялся это сделать. А вдруг: «Ты чего стучал? А? Боишься чего-то?» – и, кроме того, мелькнула, правда, слабая, надежда, что, может быть, это не они, а так что-нибудь...

– Кто... там? – слабо спросил Василиса у двери.

Тотчас же замочная скважина отозвалась в живот Василисы сиповатым голосом, а над Вандой еще и еще затрещал звонок.

– Видчиняй*, – хрипнула скважина, – из штабу. Та не отходи, а то стрельнем через дверь...

– Ах, Бож... – выдохнула Ванда.

Василиса мертвыми руками сбросил болт и тяжелый крючок, не помнил и сам, как снял цепочку.

– Скорийш...** – грубо сказала скважина.

Темнота с улицы глянула на Василису куском серого неба, краем акации, пушинками. Вошло всего трое, но Василисе показалось, что их гораздо больше.

– Позвольте узнать... по какому поводу?

– С обыском, – ответил первый вошедший волчьим голосом и как-то сразу надвинулся на Василису. Коридор повернулся, и лицо Ванды в освещенной двери показалось резко напудренным.

---

* Открывай (*укр.*, *искаж.*)

** Скорее (*укр.*, *искаж.*)

— Тогда, извините, пожалуйста, — голос Василисы звучал бледно, бескрасочно, — может быть, мандат[8] есть? Я, собственно, мирный житель... не знаю, почему же ко мне? У меня — ничего, — Василиса мучительно хотел сказать по-украински и сказал: — нема.

— Ну, мы побачимо*, — ответил первый.

Как во сне двигаясь под напором хрустящих в двери[9], как во сне их видел Василиса. В первом человеке всё было волчье[10], так почему-то показалось Василисе. Лицо его узкое, глаза маленькие, глубоко сидящие, кожа серенькая, усы торчали клочьями, и небритые щеки запали сухими бороздами, он как-то странно косил, смотрел иноходью[11] и тут, даже в узком пространстве, успел показать, что идет нечеловеческой, ныряющей походкой привычного к снегу и траве существа. Он говорил на страшном и неправильном языке — смеси русских и украинских слов[12] — языке, знакомом жителям Города, бывающим на Подоле, на берегу Днепра, где летом пристань свистит и вертит лебедками, где летом оборванные люди выгружают с барж арбузы... На голове у волка была папаха, и синий лоскут, обшитый сусальным позументом, свисал набок.

Второй — гигант — занял почти до потолка переднюю Василисы. Он был румян бабьим полным и радостным румянцем, молод, и ничего у него не росло на щеках. На голове у него был шлык[13] с объеденными молью ушами, серая шинель и на неестественно маленьких ногах ужасные скверные опорки[14].

Третий был с провалившимся носом, изъеденным сбоку гноеточащей коростой, и сшитой и изуродованной шрамом губой. На голове у него старая офицерская фуражка с красным околышем и следом от кокарды, на теле двубортный солдатский старинный мундир с медными позеленевшими пуговицами, на ногах черные штаны, на ступнях лапти, поверх пухлых серых казенных чулок. Его лицо в свете лампы отливало в два цвета — восково-желтый и фиолетовый, глаза смотрели страдальчески-злобно.

— Побачимо, побачимо, — повторил волк, — и мандат есть.

С этими словами он полез в карман штанов, вытащил смятую бумагу и ткнул ее Василисе. Один глаз его поразил сердце Василисы, а второй, левый, косой, проткнул бегло сундуки в передней.

На скомканном листке-четвертушке со штампом:

* Ну, мы посмотрим (*укр.*, *искаж.*).

Штаб 1-го сичевого куреня, —

было написано химическим карандашом косо крупными каракулями:

«Предписуется зробить обыск* у жителя Василия Лисовича, по Алексеевскому спуску, дом № 13. За сопротивление карается росстрилом.

Начальник штабу *Проценко.*
Адъютант *Миклун*».

В левом нижнем углу стояла неразборчивая синяя печать.

Цветы букетами зелени на обоях попрыгали немного в глазах Василисы, и он сказал, пока волк вновь овладевал бумажкой:

— Прохаю**, пожалуйста, но у меня ничего...

Волк вынул из кармана черный, смазанный машинным маслом браунинг и направил его на Василису. Ванда тихонько вскрикнула: «Ай». Лоснящийся от машинного масла кольт, длинный и стремительный, оказался в руке изуродованного. Василиса согнул колени и немного присел, став меньше ростом. Электричество почему-то вспыхнуло ярко-бело и радостно.

— Хто в квартире? — сипловато спросил волк.

— Никого нету, — ответил Василиса белыми губами, — я та жинка***.

— Нуте, хлопцы, — смотрите, та швидче4*, — хрипнул волк, оборачиваясь к своим спутникам, — нема часу5*.

Гигант тотчас тряхнул сундук, как коробку, а изуродованный шмыгнул к печке. Револьверы спрятались. Изуродованный кулаками постучал по стене, со стуком открыл заслонку, из черной дверцы ударило скуповатым теплом.

— Оружие е? — спросил волк.

— Честное слово... помилуйте, какое оружие...

— Нет у нас, — одним дыханием подтвердила тень Ванды.

— Лучше скажи, а то бачил6* — росстрил? — внушительно сказал волк...

— Ей-богу... откуда же.

В кабинете загорелась зеленая лампа, и Александр II, возмущенный до глубины чугунной души, глянул на трех. В зелени кабинета Василиса в

---

* Предписывается сделать обыск (*укр.*, *искаж.*).

** Прошу (*укр.*, *искаж.*).

*** Я и жена (*укр.*, *искаж.*).

4* Быстрее (*укр.*, *искаж.*).

5* Времени нет (*укр.*, *искаж.*).

6* Видел (*укр.*, *искаж.*).

первый раз в жизни узнал, как ходит, грозно вертя голову, предчувствие обморока. Все трое принялись первым долгом за обои. Гигант пачками, легко, игрушечно, сбросил с полки ряд за рядом книги, и шестеро рук заходили по стенам, выстукивая их... Туп... туп... глухо постукивала стена. Тук, — отозвалась внезапно пластинка в тайнике. Радость сверкнула в волчьих глазах.

— Що я казав?* — шепнул он беззвучно. Гигант продрал кожу кресла тяжелыми ногами, возвысился почти до потолка, что-то крякнуло, лопнуло под пальцами гиганта, и он выдрал из стены пластинку. Бумажный перекрещенный пакет оказался в руках волка. Василиса пошатнулся и прислонился к стене. Волк начал качать головой и долго качал, глядя на полумертвого Василису.

— Что же ты, зараза, — заговорил он горько, — що ж ты? Нема, нема, ах ты, сучий хвост. Казал нема, а сам гроши в стенку запечатав. Тебя же убить треба![15,**]

— Что вы! — вскрикнула Ванда.

С Василисой что-то странное сделалось, вследствие чего он вдруг рассмеялся судорожным смехом, и смех этот был ужасен, потому что в голубых глазах Василисы прыгал ужас, а смеялись только губы, нос и щеки.

— Декрета, панове, помилуйте, никакого же не было. Тут кой-какие бумаги из банка и вещицы... Денег-то мало... Заработанные... Ведь теперь же всё равно царские деньги аннулированы...

Василиса говорил и смотрел на волка так, словно тот доставлял ему жуткое восхищение.

— Тебя заарестовать бы требовалось, — назидательно сказал волк, тряхнул пакетом и запихнул его в бездонный карман рваной шинели. — Нуте, хлопцы, беритесь за ящики.

Из ящиков, открытых самим Василисой, выскакивали груды бумаг, печати, печатки, карточки, ручки, портсигары. Листы усеяли зеленый ковер и красное сукно стола, листы, шурша, падали на пол. Урод перевернул корзину. В гостиной стучали по стенам поверхностно, как бы нехотя. Гигант сдернул ковер и потопал ногами в пол, отчего на паркете остались замысловатые, словно выжженные следы. Электричество, разгораясь к ночи, разбрызгивало веселый свет, и блистал цветок граммофона[16]. Василиса шел за тремя, волоча и шаркая ногами. Тупое спокойствие овладело Васи-

* Что я говорил? (*укр., искаж.*)

** Сказал нет, а сам деньги в стенку запечатал. Тебя же убить надо! (*укр., искаж.*)

лисой, и мысли его текли как будто складнее. В спальне мгновенно — хаос: полезли из зеркального шкафа, горбом, одеяла, простыни, кверху ногами встал матрас. Гигант вдруг остановился, просиял застенчивой улыбкой и заглянул вниз. Из-под взбудораженной кровати глянули Василисины шевровые[17] новые ботинки с лакированными носами. Гигант усмехнулся, оглянулся застенчиво на Василису.

— Яки гарны ботинки, — сказал он тонким голосом, — а что они, часом, на мене не придутся?*

Василиса не придумал еще, что ему ответить, как гигант наклонился и нежно взялся за ботинки. Василиса дрогнул.

— Они шевровые, панове, — сказал он, сам не понимая, что говорит.

Волк обернулся к нему, в косых глазах мелькнул горький гнев.

— Молчи, гнида, — сказал он мрачно. — Молчать! — повторил он, внезапно раздражаясь. — Ты спасибо скажи нам, що мы тебе не расстреляли як вора и бандита за утайку сокровищ. Ты молчи, — продолжал он, наступая на совершенно бледного Василису и грозно сверкая глазами. — Накопил вещей, нажрал морду, розовый, як свинья, а ты бачишь, в чем добрые люди ходют? Бачишь? У него ноги мороженые, рваные, он в окопах за тебя гнил, а ты в квартире сидел, на граммофонах играл. У-у, матери твоей, — в глазах его мелькнуло желание ударить Василису по уху, он дернул рукой. Ванда вскрикнула: «Что вы...» Волк не посмел ударить представительного Василису и только ткнул его кулаком в грудь. Бледный Василиса пошатнулся, чувствуя острую боль и тоску в груди от удара острого кулака. «Вот так революция, — подумал он в своей розовой и аккуратной голове, — хорошенькая революция. Вешать их надо было всех, а теперь поздно...»

— Василько, обувайсь, — ласково обратился волк к гиганту. Тот сел на пружинный матрас и сбросил опорки. Ботинки не налезали на серые, толстые чулки. — Выдай козаку носки, — строго обратился волк к Ванде. Та мгновенно присела к нижнему ящику желтого шкафа и вынула носки. Гигант сбросил серые чулки, показав ступни с красноватыми пальцами и черными изъединами, и натянул носки. С трудом налезли ботинки, шнурок на левом с треском лопнул. Восхищенно, по-детски улыбаясь, гигант затянул обрывки и встал. И тотчас как будто что лопнуло в натянутых отношениях этих странных пятерых человек, шаг за шагом шедших по квартире. Появилась простота. Изуродованный, глянув на ботинки на гиганте, вдруг

---

* Какие красивые ботинки... а они случайно мне не подойдут? (*укр.*, *искаж.*)

проворно снял Василисины брюки, висящие на гвоздике, рядом с умывальником. Волк только еще раз подозрительно оглянулся на Василису — не скажет ли чего, — но Василиса и Ванда ничего не говорили, и лица их были совершенно одинаково белые с громадными глазами. Спальня стала похожа на уголок магазина готового платья. Изуродованный стоял в одних полосатых, в клочья изодранных подштанниках и рассматривал на свет брюки.

— Дорогая вещь, шевиот... — гнусаво сказал он, присел в синее кресло и стал натягивать. Волк сменил грязную гимнастерку на серый пиджак Василисы, причем вернул Василисе какие-то бумажки со словами: «Якись бумажки*, берите, пане, може, нужные». Со стола взял стеклянные часы в виде глобуса, в котором жирно и черно красовались римские цифры.

Волк натянул шинель, и под шинелью было слышно, как ходили и тикали часы.

— Часы нужная вещь. Без часов — як без рук, — говорил изуродованному волк, всё более смягчаясь по отношению к Василисе, — ночью глянуть, сколько времени, — незаменимая вещь.

Затем все тронулись и пошли обратно через гостиную в кабинет. Василиса и Ванда рядом молча шли позади. В кабинете волк, кося глазами, о чем-то задумался, потом сказал Василисе:

— Вы, пане, дайте нам росписку... (Какая-то дума беспокоила его, он хмурил лоб гармоникой.)

— Как? — шепнул Василиса.

— Росписку, що вы нам вещи выдалы, — пояснил волк, глядя в землю.

Василиса изменился в лице, его щеки порозовели.

— Но как же... Я же... (Он хотел крикнуть: «Как, я же еще и расписку?!.» — но у него не вышли эти слова, а вышли другие.) Вы... вам надлежит расписаться, так сказать...

— Ой, убить тебе надо, — злобно, задумчиво ответил волк, — вбыть тебе треба**, як собаку. У-у, кровопийца... Знаю я, что ты думаешь. Знаю. Ты, як бы твоя власть была, изничтожил бы нас, як насекомых. У-у, вижу я, добром с тобой не сговоришь. Хлопцы, ставь его к стенке. У, як вдарю...

Он рассердился и нервно притиснул Василису к стене, ухватив его рукой за горло, отчего Василиса мгновенно стал красным.

— Ай! — в ужасе вскрикнула Ванда и ухватила за руку волка. — Что вы! Помилуйте... Вася, напиши, напиши...

---

* Какие-то бумажки (*укр.*, *искаж.*).

** Убить тебя надо (*укр.*, *искаж.*).

Волк выпустил инженерово горло, и с хрустом в сторону отскочил, как на пружине, воротничок[18]. Василиса и сам не заметил, как оказался сидящим в кресле. Руки его тряслись. Он оторвал от блокнота листок, макнул перо. Настала тишина, и в тишине было слышно, как в кармане волка стучал стеклянный глобус.

– Как же писать? – спросил Василиса слабым, хрипловатым голосом.

Волк задумался, поморгал глазами.

– Пышить... по предписанию штаба сичевого куреня... вещи... вещи... в размере... у целости сдал...

– В разм... – как-то скрипнул Василиса и сейчас же умолк.

– ...Сдал при обыске. И претензий нияких не маю*. И подпишить...

Тут Василиса собрал остатки последнего духа и спросил, отведя глаза:

– А кому?

Волк подозрительно посмотрел на Василису, но сдержал негодование и только вздохнул.

– Пишить: получив... получили у целости Немоляка...[19] (он задумался, посмотрел на урода)... Кирпатый[20] и отаман Ураган[21].

Василиса, мутно глядя в бумагу, писал под его диктовку. Написав требуемое, вместо подписи поставил дрожащую «Василис», протянул бумагу волку. Тот взял листок и стал в него вглядываться.

В это время далеко на лестнице вверху загремели стеклянные двери, послышались шаги и грянул голос Мышлаевского.

Лицо волка резко изменилось, потемнело. Зашевелились его спутники. Волк стал бурым[22] и тихонько крикнул: «Ша»[23]. Он вытащил из кармана браунинг и направил его на Василису, и тот страдальчески улыбнулся. За дверями в коридоре слышались шаги, перекликанья. Потом слышно было, как прогремел болт, крюк, цепь – запирали дверь. Еще пробежали шаги, донесся смех мужчины. После этого стукнула стеклянная дверь, ушли ввысь замирающие шаги, и всё стихло. Урод вышел в переднюю, наклонился к двери и прислушался. Когда он вернулся, многозначительно переглянулся с волком, и все, теснясь, стали выходить в переднюю. Там, в передней, гигант пошевелил пальцами в тесноватых ботинках и сказал:

– Холодно буде.

Он надел Василисины галоши.

Волк повернулся к Василисе и заговорил мягким голосом, бегая глазами:

– Вы вот що, пане... Вы молчите, що мы были у вас. Бо як вы накапаете[24]

---

* И претензий никаких не имею (*укр.*, *искаж.*).

на нас, то вас наши хлопцы вбьють*. С квартиры до утра не выходить, за це строго взыскуеться...

— Прощении просим, — сказал провалившийся нос гнилым голосом.

Румяный гигант ничего не сказал, только застенчиво посмотрел на Василису и искоса, радостно — на сияющие галоши. Шли они из двери Василисы по коридору к уличной двери, почему-то приподымаясь на цыпочки, быстро, толкаясь. Прогремели запоры, глянуло темное небо, и Василиса холодными руками запер болты, голова его кружилась, и мгновенно ему показалось, что он видит сон. Тотчас сердце его упало, потом заколотилось часто, часто. В передней рыдала Ванда. Она упала на сундук, стукнулась головой об стену, крупные слезы залили ее лицо.

— Боже! Что же это такое... Боже. Боже. Вася... Среди бела дня. Что же это делается...

Василиса трясся перед ней, как лист, лицо его было искажено.

— Вася! — вскричала Ванда. — Ты знаешь... Это никакой не штаб, не полк. Вася! Это были бандиты![25]

— Я сам, сам понял, — бормотал Василиса, в отчаянии разводя руками.

— Господи! — вскрикивала Ванда. — Нужно бежать скорей, сию минуту, сию минуту заявить, ловить их. Ловить. Царица небесная. Все вещи. Все! Все! И хоть бы кто-нибудь, кто-нибудь... А?.. — Она затряслась, скатилась с сундука на пол, закрыла лицо руками. Волосы ее разметались, кофточка расстегнулась на спине.

— Куда ж, куда?.. — спрашивал Василиса.

— Боже мой, в штаб, в варту! Заявление подать. Скорей. Что ж это такое?!

Василиса топтался на месте, вдруг кинулся бежать в дверь. Он налетел на стеклянную преграду и поднял грохот.

***

Все, кроме Шервинского и Елены, толпились в квартире Василисы. Лариосик бледный стоял в дверях. Мышлаевский, раздвинув ноги, поглядел на опорки и лохмотья, брошенные неизвестными посетителями, повернулся к Василисе.

— Пиши пропало. Это бандиты. Благодарите Бога, что живы остались. Я, сказать по правде, удивлен, что вы так дешево отделались.

---

* Потому что если вы на нас накапаете, то вас наши ребята убьют (*укр.*, *искаж.*).

— Боже... что они с нами сделали! — сказала Ванда.

— Они угрожали мне смертью.

— Спасибо, что угрозу не привели в исполнение. Первый раз такую штуку вижу.

— Чисто сделано, — тихонько подтвердил Карась.

— Что же теперь делать?.. — замирая, спросил Василиса. — Бежать жаловаться... Куда?.. Ради Бога, Виктор Викторович, посоветуйте.

Мышлаевский крякнул, подумал.

— Никуда я вам жаловаться не советую, — молвил он, — во-первых, их не поймают — раз. — Он загнул длинный палец. — Во-вторых...

— Вася, ты помнишь, они сказали, что убьют, если ты заявишь?

— Ну, это вздор, — Мышлаевский нахмурился, — никто не убьет, но, говорю, не поймают их, да и ловить никто не станет, а второе, — он загнул второй палец, — ведь вам придется заявить, что у вас взяли, вы говорите, царские деньги... Нуте-с, вы заявите там в штаб этот ихний или куда там, а они вам, чего доброго, второй обыск устроят.

— Может быть, очень может быть, — подтвердил высокий специалист Николка.

Василиса, растерзанный, облитый водой после обморока, поник головой, Ванда тихо заплакала, прислонившись к притолоке, всем стало их жаль. Лариосик тяжело вздохнул у дверей и выкатил мутные глаза.

— Вот оно, у каждого свое горе, — прошептал он.

— Чем же они были вооружены? — спросил Николка.

— Боже мой. У обоих револьверы, а третий... Вася, у третьего ничего не было?

— У двух револьверы, — слабо подтвердил Василиса.

— Какие, не заметили? — деловито добивался Николка.

— Ведь я ж не знаю, — вздохнув, ответил Василиса, — не знаю я систем. Один большой черный, другой маленький черный с цепочкой.

— Цепочка, — вздохнула Ванда.

Николка нахмурился и искоса, как птица, посмотрел на Василису. Он потоптался на месте, потом беспокойно двинулся и проворно отправился к двери. Лариосик поплелся за ним. Лариосик не достиг еще столовой, когда из Николкиной комнаты долетел звон стекла и Николкин вопль. Лариосик устремился туда. В Николкиной комнате ярко горел свет, в открытую форточку несло холодом, и зияла огромная дыра, которую Николка устроил коленями, сорвавшись в отчаянии с подоконника. Николкины глаза блуждали.

— Неужели? — вскричал Лариосик, вздымая руки. — Это настоящее колдовство!

Николка бросился вон из комнаты, проскочил сквозь книжную, через кухню, мимо ошеломленной Анюты, кричащей: «Никол, Никол, куда ж ты без шапки? Господи, аль еще что случилось?..» И выскочил через сени во двор. Анюта, крестясь, закинула в сенях крючок, убежала в кухню и припала к окну, но Николка моментально пропал из глаз.

Он круто свернул влево, сбежал вниз и остановился перед сугробом, запиравшим вход в ущелье между стенами. Сугроб был совершенно нетронут. «Ничего не понимаю», — в отчаянии бормотал Николка и храбро кинулся в сугроб. Ему показалось, что он задохнется. Он долго месил снег, плевался и фыркал, прорвал наконец снеговую преграду и весь белый пролез в дикое ущелье, глянул вверх и увидал: вверху, там, где из рокового окна его комнаты выпадал свет, черными головками виднелись костыли и их остренькие густые тени, но коробки не было.

С последней надеждой, что, может быть, петля оборвалась, Николка, поминутно падая на колени, шарил по битым кирпичам. Коробки не было.

Тут яркий свет осветил вдруг Николкину голову: «А-а», — закричал он и полез дальше к забору, закрывающему ущелье с улицы. Он дополз и ткнул руками, доски отошли, глянула широкая дыра на черную улицу. Всё понятно... Они отшили доски, ведущие в ущелье, были здесь и даже, по-о-нимаю, хотели залезть к Василисе через кладовку, но там решетка на окне.

Николка, весь белый, вошел в кухню молча.

— Господи, дай хоть почищу... — вскричала Анюта.

— Уйди ты от меня, ради Бога, — ответил Николка и прошел в комнаты, обтирая закоченевшие руки об штаны.

— Ларион, дай мне по морде, — обратился он к Лариосику.

Тот заморгал глазами, потом выкатил их и сказал:

— Что ты, Николаша? Зачем же так впадать в отчаяние? — Он робко стал шаркать руками по спине Николки и рукавом сбивать снег.

— Не говоря о том, что Алеша оторвет мне голову, если, даст Бог, поправится, — продолжал Николка, — но самое главное... Най-Турсов кольт... Лучше б меня убили самого, ей-богу... Это Бог наказал меня за то, что я над Василисой издевался. И жаль Василису, но, ты понимаешь, они с этим самым револьвером его и отделали. Хотя, впрочем, его можно и без всяких револьверов обобрать как липочку... Такой уже человек. Эх... Вот какая история. Бери бумагу, Ларион, будем окно заклеивать.

* * *

Ночью из ущелья вылезли с гвоздями, топором и молотком Николка, Мышлаевский и Лариосик. Ущелье было короткими досками забито наглухо. Сам Николка с остервенением вгонял длинные, толстые гвозди с таким расчетом, чтобы они остриями вылезли наружу. Еще позже на веранде со свечами ходили, а затем через холодную кладовую на чердак лезли Николка, Мышлаевский и Лариосик. На чердаке, над квартирой, со зловещим топотом они лазили всюду, сгибаясь между теплыми трубами, между бельем[26], и забили слуховое окно.

Василиса, узнав об экспедиции на чердак, обнаружил живейший интерес и тоже присоединился и лазил между балками, одобряя все действия Мышлаевского.

– Какая жалость, что вы не дали нам как-нибудь знать. Нужно было бы Ванду Михайловну послать к нам через черный ход, – говорил Николка, капая со свечи стеарином.

– Ну, брат, не очень-то, – отозвался Мышлаевский, – когда уже они были в квартире, это, друг, дело довольно дохлое. Ты думаешь, они не стали бы защищаться? Еще как. Ты, прежде чем в квартиру бы влез, получил бы пулю в живот. Вот и покойничек. Так-то-с. А вот не пускать, это дело другого рода.

– Угрожали выстрелить через дверь, Виктор Викторович, – задушевно сказал Василиса.

– Никогда бы не выстрелили, – отозвался Мышлаевский, гремя молотком, – ни в коем случае. Всю бы улицу на себя навлекли.

Позже, ночью, Карась нежился в квартире Лисовичей, как Людовик XIV. Этому предшествовал такой разговор.

– Не придут же сегодня, что вы! – говорил Мышлаевский.

– Нет, нет, нет, – вперебой отвечали Ванда и Василиса на лестнице, – мы умоляем, просим вас или Федора Николаевича, просим... Что вам стоит. Ванда Михайловна чайком вас напоит. Удобно уложим. Очень просим и завтра тоже. Помилуйте, без мужчины в квартире![27]

– Я ни за что не засну, -- подтвердила Ванда, кутаясь в пуховый платок.

– Коньячок есть у меня – согреемся, – неожиданно залихватски как-то сказал Василиса.

– Иди, Карась, – сказал Мышлаевский[28].

Вследствие этого Карась и нежился. Мозги и суп с постным маслом, как и следовало ожидать, были лишь симптомами той омерзительной болез-

ни скупости, которой Василиса заразил свою жену. На самом деле в недрах квартиры скрывались сокровища, и они были известны только одной Ванде. На столе в столовой появилась банка с маринованными грибами, телятина, вишневое варенье и настоящий славный коньяк Шустова с колоколом[29]. Карась потребовал рюмку для Ванды Михайловны и ей налил.

— Не полную, не полную, — кричала Ванда.

Василиса отчаянно махнул рукой, подчиняясь Карасю, выпил одну рюмку.

— Ты не забывай, Вася, что тебе вредно, — нежно сказала Ванда.

После авторитетного разъяснения Карася, что никому абсолютно не может быть вреден коньяк и что его дают даже малокровным с молоком, Василиса выпил вторую рюмку, и щеки его порозовели и на лбу выступил пот. Карась выпил пять рюмок и пришел в очень хорошее расположение духа. «Если б ее откормить, она вовсе не так уж дурна», — думал он, глядя на Ванду.

Затем Карась похвалил расположение квартиры Лисовичей и обсудил план сигнализации в квартиру Турбиных: один звонок из кухни, другой из передней. Чуть что — наверх звонок. И, пожалуйста, выйдет открывать Мышлаевский, это будет совсем другое дело.

Карась очень хвалил квартиру: и уютно, и хорошо меблирована, и один недостаток — холодно.

Ночью сам Василиса притащил дров и собственноручно затопил печку в гостиной. Карась, раздевшись, лежал на тахте между двумя великолепнейшими простынями и чувствовал себя очень уютно и хорошо. Василиса в рубашке, в подтяжках пришел к нему и присел на кресло со словами:

— Не спится, знаете ли, вы разрешите с вами немного побеседовать.

Печка догорела, Василиса, круглый, успокоившийся, сидел в креслах, вздыхал и говорил:

— Вот-с как, Федор Николаевич. Всё, что нажито упорным трудом, в один вечер перешло в карманы каких-то негодяев... путем насилия... Вы не думайте, что я отрицал революцию, о нет, я прекрасно понимаю исторические причины, вызвавшие всё это.

Багровый отблеск играл на лице Василисы и застежках его подтяжек. Карась в чудесном коньячном расслаблении начинал дремать, стараясь сохранить на лице вежливое внимание...

— Но согласитесь сами. У нас в России, в стране, несомненно, наиболее отсталой, революция уже выродилась в пугачевщину... Ведь что ж такое делается... Мы лишились в течение каких-либо двух лет всякой опоры в законе, минимальной защиты наших прав человека и гражданина[30]. Англичане говорят...

— М-ме, англичане... они, конечно, — пробормотал Карась, чувствуя, что мягкая стена начинает отделять его от Василисы.

— ...А тут какой же «твой дом — твоя крепость»[31], когда вы не гарантированы в собственной вашей квартире за семью замками от того, что шайка вроде той, что была у меня сегодня, не лишит вас не только имущества, но, чего доброго, и жизни?!

— На сигнализацию и на ставни наляжем, — не очень удачно, сонным голосом ответил Карась.

— Да ведь, Федор Николаевич! Да ведь дело, голубчик, не в одной сигнализации. Никакой сигнализацией вы не остановите того развала и разложения, которые свили теперь гнездо в душах человеческих. Помилуйте, сигнализация — частный случай, а предположим, она испортится?

— Починим, — ответил счастливый Карась.

— Да ведь нельзя же всю жизнь строить на сигнализации и каких-либо там револьверах. Не в этом дело. Я говорю вообще, обобщая, так сказать, случай. Дело в том, что исчезло самое главное — уважение к собственности. А раз так, дело кончено. Если так, мы погибли. Я убежденный демократ по натуре и сам из народа. Мой отец был простым десятником на железной дороге[32]. Всё, что вы видите здесь, и всё, что сегодня у меня отняли эти мошенники, всё это нажито и сделано исключительно моими руками. И, поверьте, я никогда не стоял на страже старого режима, напротив, признаюсь вам по секрету, я кадет[33], но теперь, когда я своими глазами увидел, во что всё это выливается, клянусь вам, у меня является зловещая уверенность, что спасти нас может только одно... — откуда-то из мягкой пелены, окутывающей Карася, донесся шепот: — Самодержавие. Да-с... Злейшая диктатура, какую можно только себе представить... Самодержавие...

«Эк разнесло его», — думал блаженный Карась.

— М-да, самодержавие — штука хитрая. Эхе-мм... — проговорил он сквозь вату.

— Ах, ду-ду-ду-ду — хабеас корпус[34], ах, ду-ду-ду-ду... Ай, ду-ду... — бубнил голос через вату, — ай, ду-ду-ду, напрасно они думают, что такое положение вещей может существовать долго, ай, ду-ду-ду, и восклицают «многие лета». Нет-с! Многие лета это не продолжится, да и смешно было бы думать, что...

— Крепость Ивангород, — неожиданно перебил Василису покойный комендант в папахе,

— многая лета!

— И Ардаган и Карс[35], — подтвердил Карась в тумане,
— многая лета!
Реденький почтительный смех Василисы донесся издали.
— Многая лета!!
радостно спели голоса в Карасевой голове.

16

Многая ле-ета. Многая лета,
Много-о-о-о-га-ая ле-е-е-т-а... —

вознесли девять басов знаменитого хора Толмашевского[1].

Мн-о-о-о-о-о-о-о-о-гая л-е-е-е-е-е-та... —

разнесли хрустальные дисканты[2].

Многая... Многая... Многая... —

рассыпаясь в сопрано[3], ввинтил в самый купол хор.

— Бачь! Бачь!* Сам Петлюра...

— Бачь, Иван...

— У, дурень... Петлюра уже на площади...

Сотни голов на хорах[4] громоздились одна на другую, давя друг друга, свешивались с балюстрады между древними колоннами, расписанными черными фресками. Крутясь, волнуясь, напирая, давя друг друга, лезли к балюстраде, стараясь глянуть в бездну собора, но сотни голов, как желтые яблоки, висели тесным, тройным слоем. В бездне качалась душная тысячеголовая волна, и над ней плыл, раскаляясь, пот и пар, ладанный дым, нагар сотен свечей, копоть тяжелых лампад на цепях. Тяжкая завеса серо-голубая, скрипя, ползла по кольцам и закрывала резные, витые, векового металла, темного и

---

* Смотри! Смотри! (*укр.*, *искаж.*)

мрачного, как весь мрачный собор Софии, царские врата[5]. Огненные хвосты свечей в паникадилах[6] потрескивали, колыхались, тянулись дымной ниткой вверх. Им не хватало воздуха. В приделе алтаря была невероятная кутерьма. Из боковых алтарских дверей по гранитным истертым плитам сыпались золотые ризы[7], взмахивали орари[8]. Лезли из круглых картонок фиолетовые камилавки[9], со стен, качаясь, снимались хоругви. Страшный бас протодиакона[10] Серебрякова рычал где-то в гуще. Риза безголовая, безрукая горбом витала над толпой, затем утонула в толпе, потом вынесло вверх один рукав ватной рясы, другой. Взмахивали клетчатые платки, свивались в жгуты.

— Отец Аркадий, щеки покрепче подвяжите, мороз лютый, позвольте, я вам помогу.

Хоругви кланялись в дверях, как побежденные знамена, плыли коричневые лики и таинственные золотые слова[11], хвосты мело по полу.

— Посторонитесь...

— Батюшки, куда ж?

— Манька! Задавят...

— О ком же? (бас, шепот). Украинской Народной Республике?

— А черт ее знает... (шепот).

— Кто ни поп, тот батька...

— Осторожно...

Многая лета!!! —

зазвенел, разнесся по всему собору хор... Толстый, багровый Толмашевский угасил восковую, жидкую свечу и камертон[12] засунул в карман. Хор в коричневых до пят костюмах, с золотыми позументами, колыша белобрысыми, словно лысыми, головенками дискантов, качаясь кадыками, лошадиными головами басов, потек с темных, мрачных хор. Лавинами из всех пролетов, густея, давя друг друга, закипел в водоворотах, зашумел народ.

Из придела выплывали стихари[13], обвязанные, словно от зубной боли, головы с растерянными глазами, фиолетовые, игрушечные, картонные шапки. Отец Аркадий, настоятель кафедрального собора, маленький щуплый человек, водрузивший сверх серого клетчатого платка самоцветами искрящуюся митру[14], плыл, семеня ногами в потоке. Глаза у отца были отчаянные, тряслась бороденка.

— Крестный ход будет. Вали, Митька.

— Тише вы! Куда лезете? Попов подавите...

— Туда им и дорога.

— Православные!! Ребенка задавили...

— Ничего не понимаю...

— Як вы не понимаете, то вы б ишлы до дому, бо тут вам робыть нема чого...*

— Кошелек вырезали!!!

— Позвольте, они же социалисты[15]. Так ли я говорю? При чем же здесь попы?

— Выбачайте**.

— Попам дай синенькую[16], так они дьяволу обедню отслужат.

— Тут бы сейчас на базар, да по жидовским лавкам ударить. Самый раз...

— Я на вашей мови не размовляю***.

— Душат женщину, женщину душат...

— Га-а-а-а... Га-а-а-а...

Из боковых заколонных пространств, с хор, со ступени на ступень, плечо к плечу, не повернуться, не шелохнуться, тащило к дверям, вертело. Коричневые с толстыми икрами скоморохи неизвестного века неслись, приплясывая и наигрывая на дудках, на старых фресках на стенах[17]. Через все проходы в шорохе, гуле несло полузадушенную, опьяненную углекислотой, дымом и ладаном толпу. То и дело в гуще вспыхивали короткие болезненные крики женщин. Карманные воры с черными кашне[18] работали сосредоточенно, тяжело, продвигая в слипшихся комках человеческого давленого мяса ученые виртуозные руки. Хрустели тысячи ног, шептала, шуршала толпа.

— Господи, Боже мой...

— Иисусе Христе... Царица небесная, матушка...

— И не рад, что пошел. Что же это делается?

— Чтоб тебя, сволочь, раздавило...

— Часы, голубчики, серебряные часы, братцы родные. Вчера купил...

— Отлитургисали[19], можно сказать...

— На каком же языке служили, отцы родные, не пойму я?[20]

— На божественном, тетка.

— От строго заборонють, щоб не було бильш московской мови4*.

---

* Если вы не понимаете, то шли бы домой, потому что тут вам делать нечего... (*укр.*, *искаж.*)

** Извините (*укр.*, *искаж.*).

*** Я на вашем языке не говорю (*укр.*, *искаж.*).

4* Вот строго запретят, чтобы больше не было московского языка (*укр.*, *искаж.*).

— Что ж это, позвольте, как же? Уж и на православном родном языке говорить не разрешается?

— С корнями серьги вывернули. Пол-уха оборвали...

— Большевика держите, козаки! Шпиен! Большевицкий шпиен!

— Це вам не Россия, добродию*.

— Ох, Боже мой, с хвостами... Глянь, в галунах, Маруся.

— Дур... но мне...

— Дурно женщине.

— Всем, матушка, дурно. Всему народу чрезвычайно плохо. Глаз, глаз выдушите[21], не напирайте. Что вы взбесились, анафемы?![22]

— Геть!** В Россию! Геть с Украины!

— Иван Иванович, тут бы полиции сейчас наряды, помните, бывало, в двунадесятые праздники...[23] Эх, хо, хо.

— Николая вам Кровавого[24] давай? Мы знаем, мы всё знаем, какие мысли у вас в голове находятся.

— Отстаньте от меня, ради Христа. Я вас не трогаю.

— Господи, хоть бы выход скорей... Воздуху живого глотнуть.

— Не дойду. Помру.

Через главный выход напором перло и выпихивало толпу, вертело, бросало, роняли шапки, гудели, крестились. Через второй, боковой, где мгновенно выдавили два стекла, вылетел, серебряный с золотом, крестный, задавленный и ошалевший, ход с хором. Золотые пятна плыли в черном месиве, торчали камилавки и митры, хоругви наклонно вылезали из стекол, выпрямлялись и плыли торчком.

Был сильный мороз. Город курился дымом. Соборный двор, топтанный тысячами ног, звонко, непрерывно хрустел. Морозная дымка веяла в остывшем воздухе, поднималась к колокольне. Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту страшную, вопящую кутерьму. Маленькие колокола тявкали, заливаясь, без ладу и складу, вперебой, точно сатана влез на колокольню, сам дьявол в рясе и, забавляясь, поднимал гвалт. В черные прорези многоэтажной колокольни, встречавшей некогда тревожным звоном косых татар[25], видно было, как метались и кричали маленькие колокола, словно яростные собаки на цепи. Мороз хрустел, курился. Расплавляло, отпускало душу на покаяние, и черным-черно разливался по соборному двору народушко.

---

* Это вам не Россия, милостивый государь (*укр.*, *искаж.*).

** Долой! (*укр.*)

Старцы Божии, несмотря на лютый мороз, с обнаженными головами, то лысыми, как спелые тыквы, то крытыми дремучим оранжевым волосом, уже сели рядом по-турецки вдоль каменной дорожки, ведущей в великий пролет[26] старософийской колокольни, и пели гнусавыми голосами.

Слепцы-лирники[27] тянули за душу отчаянную песню о Страшном суде, и лежали донышком книзу рваные картузы, и падали, как листья, засаленные карбованцы, и глядели из картузов[28] трепаные гривны[29].

Ой, когда конец века искончается,
А тогда Страшный суд приближается...[30]

Страшные, щиплющие сердце звуки плыли с хрустящей земли, гнусаво, пискливо вырываясь из желтозубых бандур[31] с кривыми ручками.

— Братики, сестрички, обратите внимание на убожество мое. Подайте, Христа ради, что милость ваша будет.

— Бегите на площадь, Федосей Петрович, а то опоздаем.

— Молебен будет.

— Крестный ход.

— Молебствие о даровании победы и одоления революционному оружию народной украинской армии.

— Помилуйте, какие же победы и одоление? Победили уже.

— Еще побеждать будут!

— Поход буде.

— Куды поход?

— На Москву.

— На какую Москву?

— На самую обыкновенную.

— Руки коротки.

— Як вы казалы? Повторить, як вы казалы? Хлопцы, слухайте, що вин казав!*

— Ничего я не говорил!

— Держи, держи его, вора, держи!!

— Беги, Маруся, через те ворота, здесь не пройдем. Петлюра, говорят, на площади. Петлюру смотреть.

— Дура, Петлюра в соборе.

* Как вы сказали? Повторите, как вы сказали? Ребята, слушайте, что он сказал! (*укр., искаж.*)

— Сама ты дура. Он на белом коне, говорят, едет.

— Слава Петлюри! Украинской Народной Республики слава!!!

— Дон... дон... дон... Дон-дон-дон... Тирли-бом-бом. Дон-бом-бом, — бесились колокола.

— Воззрите на сироток, православные граждане, добрые люди... Слепому... Убогому...

Черный, с обшитым кожей задом, как ломаный жук, цепляясь рукавицами за затоптанный снег, полез безногий между ног. Калеки, убогие выставляли язвы на посиневших голенях, трясли головами, якобы в тике и параличе, закатывали белесые глаза, притворяясь слепыми[32]. Изводя душу, убивая сердце, напоминая про нищету, обман, безнадежность, безысходную дичь степей[33], скрипели, как колеса, стонали, выли в гуще проклятые лиры.

Вернися, сиротко, далекий свит зайдешь...[34]

Косматые, трясущиеся старухи с клюками совали вперед иссохшие пергаментные руки, выли:

— Красавец писаный! Дай тебе Бог здоровечка.

— Барыня, пожалей старуху, сироту несчастную.

— Голубчики, милые, Господь Бог не оставит вас...

Салопницы[35] на плоских ступнях[36], чуйки[37] в чепцах с ушами, мужики в бараньих шапках, румяные девушки, отставные чиновники с пыльными следами кокард, пожилые женщины с выпяченным мысом животом, юркие ребята, козаки в шинелях, в шапках с хвостами цветного верха синего, красного, зеленого, малинового с галуном, золотыми и серебряными, с кистями золотыми с углов гроба[38], черным морем разливались по соборному двору, а двери собора всё источали и источали новые волны[39]. На воздухе воспрянул духом, глотнул силы крестный ход, перестроился, подтянулся, и поплыли в стройном чине и порядке обнаженные головы в клетчатых платках, митры и камилавки, буйные гривы дьяконов, скуфьи[40] монахов, острые кресты на золоченых древках, хоругви Христа Спасителя и Божьей Матери с младенцем, и поплыли разрезные, кованые, золотые, малиновые, писаные славянской вязью хвостатые полотнища.

То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу[41], то не бурые, мутные реки текут по старым улицам — то сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад[42].

Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами Синяя дивизия.

В синих жупанах, в смушковых[43], лихо заломленных шапках с синими верхами шли галичане. Два двуцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое, сукно. За первым батальоном валили черные[44] в длинных халатах, опоясанных ремнями, и в тазах на головах, и коричневая заросль штыков колючей тучей лезла на парад.

Несчитанной силой шли серые обшарпанные полки сечевых стрельцов. Шли курени гайдамаков, пеших, курень за куренем, и, высоко танцуя в просветах батальонов, ехали в седлах бравые полковые, куренные и ротные командиры. Удалые марши, победные, ревущие, выли золотом в цветной реке.

За пешим строем облегченной рысью, мелко прыгая в седлах, покатили конные полки. Ослепительно резнули глаза восхищенного народа мятые заломленные папахи с синими, зелеными и красными шлыками с золотыми кисточками.

Пики прыгали, как иглы, надетые петлями на правые руки. Весело гремящие бунчуки[45] метались среди конного строя, и рвались вперед от трубного воя кони командиров и трубачей. Толстый, веселый, как шар, Болботун[46] катил впереди куреня, подставив морозу блестящий в сале низкий лоб и пухлые радостные щеки. Рыжая кобыла, кося кровавым глазом, жуя мундштук, роняя пену, поднималась на дыбы, то и дело встряхивая шестипудового Болботуна[47], и гремела, хлопая ножнами, кривая сабля, и колол легонько шпорами полковник крутые нервные бока.

Бо старшины з нами,
З нами, як з братами[48], —

разливаясь, на рыси пели и прыгали лихие гайдамаки, и трепались цветные оселедцы[49].

Трепля простреленным желто-блакитным знаменем, гремя гармоникой, прокатил полк черного остроусого, на громадной лошади, полковника Козыря-Лешко. Был полковник мрачен и косил глазом и хлестал по крупу жеребца плетью. Было от чего сердиться полковнику — побили Най-Турсовы залпы в туманное утро на Брест-Литовской стреле лучшие Козырины взводы, и шел полк рысью и выкатывал на площадь сжавшийся, поредевший строй.

За Козырем пришел лихой, никем не битый черноморский конный курень имени гетмана Мазепы[50]. Имя славного гетмана, едва не погубившего императора Петра под Полтавой[51], золотистыми буквами сверкало на голубом шелке[52].

Народ тучей обмывал серые и желтые стены домов, народ выпирал и лез на тумбы, мальчишки карабкались на фонари и сидели на перекладинах, торчали на крышах, свистали, кричали: ура... ура...

— Слава! Слава! — кричали с тротуаров[53].

Лепешки лиц громоздились в балконных и оконных стеклах.

Извозчики, балансируя, лезли на козлы саней, взмахивая кнутами.

— Ото казалы*, банды...[54] Вот тебе и банды. Ура!

— Слава! Слава Петлюри! Слава нашему батько!

— Ур-ра...

— Маня, глянь, глянь... Сам Петлюра, глянь, на серой. Какой красавец...

— Що вы, мадам, це полковник.

— Ах, неужели? А где же Петлюра?[55]

— Петлюра во дворце принимает французских послов с Одессы.

— Що вы, добродию, сдурели? Яких послов?

— Петлюра, Петр Васильевич, говорят (шепотом), в Париже, а, видали?

— Вот вам и банды... Меллиен войску.

— Где же Петлюра? Голубчики, где Петлюра? Дайте хоть одним глазком взглянуть.

— Петлюра, сударыня, сейчас на площади принимает парад.

— Ничего подобного. Петлюра в Берлине президенту представляется по случаю заключения союза.

— Якому президенту?! Чего вы, добродию, распространяете провокацию.

— Берлинскому президенту... По случаю республики...[56]

— Видали? Видали? Який важный... Вин по Рыльскому[57] переулку проехал у кареты**. Шесть лошадей...

— Це архиерей[58] проехал.

— Виноват, разве они в архиереев верят?

— Я не кажу, верят — не верят... Кажу — проехал, и больше ничего. Самы истолкуйте факт...

— Факт тот, что попы служат сейчас...

---

* А говорили (*укр.*, *искаж.*).

** Он по Рыльскому переулку проехал в карете (*укр.*, *искаж.*).

— С попами крепче...

— Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра...

Гремели страшные тяжкие колеса, тарахтели ящики, за десятью конными куренями шла лентами бесконечная артиллерия. Везли тупые, толстые мортиры, катились тонкие гаубицы;[59] сидела прислуга на ящиках, веселая, кормленая, победная, чинно и мирно ехали ездовые. Шли, напрягаясь, вытягиваясь, шестидюймовые, сытые кони[60], крепкие, крутокрупые, и крестьянские, привычные к работе, похожие на беременных блох, коняки. Легко громыхала конно-горная легкая, и пушечки подпрыгивали, окруженные бравыми всадниками.

«Эх... эх... вот тебе и пятнадцать тысяч... Что же это наврали нам. Пятнадцать... бандит... разложение... Господи, не сочтешь. Еще батарея... еще, еще...»

Толпа мяла и мяла Николку, и он, сунув птичий нос в воротник студенческой шинели, влез наконец в нишу в стене и там утвердился. Какая-то веселая бабенка в валенках уже находилась в нише и сказала Николке радостно:

— Держитесь за меня, панычу[61], а я за кирпич, а то звалимся.

— Спасибо, — уныло просопел Николка в заиндевевшем воротнике, — я вот за крюк буду.

— Де ж сам Петлюра? — болтала словоохотливая бабенка. — Ой, хочу побачить Петлюру. Кажуть, вин красавец неописуемый*[62].

— Да, — промычал Николка неопределенно в барашковом мехе, — неописуемый[63]. «Еще батарея... Вот черт... Ну, ну, теперь я понимаю...»

— Вин на автомобиле, кажуть, проехав — тут... Вы не бачили?**

— Он в Виннице[64], — гробовым и сухим голосом ответил Николка, шевеля замерзшими в сапогах пальцами. «Какого черта я валенки не надел. Вот мороз».

— Бачь, бачь, Петлюра.

— Та який Петлюра, це начальник варты***.

— Петлюра мае резиденцию в Билой Церкви. Теперь Била Церковь буде столицей4*.

---

* Ой, хочу увидеть Петлюру. Говорят, он красавец неописуемый (*укр.*, *искаж.*).

** Он на автомобиле, говорят, проехал — тут. Вы не видели? (*укр.*, *искаж.*)

*** Да какой Петлюра, это начальник полиции (*укр.*, *искаж.*).

4* У Петлюры резиденция в Белой Церкви. Теперь Белая Церковь будет столицей (*укр.*, *искаж.*).

— А в город они разве не придут, позвольте вас спросить?

— Придут своевременно.

— Так, так, так...

Лязг, лязг, лязг. Глухие раскаты турецких барабанов[65] неслись с площади Софии, а по улице уже ползли, грозя пулеметами из амбразур, колыша тяжелыми башнями, четыре страшных броневика. Но румяного энтузиаста Страшкевича уже не было внутри. Лежал еще до сих пор не убранный и совсем уже не румяный, а грязно-восковой, неподвижный Страшкевич на Печерске, в Мариинском парке[66], тотчас за воротами. Во лбу у Страшкевича была дырочка, другая, запекшаяся, за ухом. Босые ноги энтузиаста торчали из-под снега, и глядел остеклевшими глазами энтузиаст прямо в небо сквозь кленовые голые ветви. Кругом было очень тихо, в парке ни живой души, да и на улице редко кто показывался, музыка сюда не достигала от старой Софии, поэтому лицо энтузиаста было совершенно спокойно.

Броневики, гудя, разламывая толпу, уплыли в поток туда, где сидел Богдан Хмельницкий[67] с булавой, чернея на небе, указывал на северо-восток[68]. Колокол еще плыл густейшей масляной волной по снежным холмам и кровлям города, и бухал, бухал барабан в гуще, и лезли остервеневшие от радостного возбуждения мальчишки к копытам черного Богдана. А по улицам уже гремели грузовики, скрипя цепями, и ехали на площадках в украинских кожухах[69], из-под которых торчали разноцветные плахты[70], ехали с соломенными венками на головах девушки и хлопцы в синих шароварах под кожухами, пели стройно и слабо...

А в Рыльском переулке в то время грохнул залп. Перед залпом закружились метелицей бабьи визги в толпе. Кто-то побежал с воплем:

— Ой, лышечко![*]

Кричал чей-то голос, срывающийся, торопливый, сиповатый:

— Я знаю. Тримай их! Офицеры. Офицеры. Офицеры... Я их бачив в погонах!

Во взводе десятого куреня имени Рады, ожидавшего выхода на площадь, торопливо спешились хлопцы, врезались в толпу, хватая кого-то. Кричали женщины. Слабо, надрывно вскрикивал схваченный за руки капитан Плешко:

— Я не офицер. Ничего подобного. Ничего подобного. Что вы? Я служащий в банке.

Хватили с ним рядом кого-то, тот, белый, молчал и извивался в руках...

---

[*] Горюшко (*укр.*, *искаж.*)

Потом хлынуло по переулку, словно из прорванного мешка. Давя друг друга, бежал ошалевший от ужаса народ. Очистилось место совершенно белое с одним только пятном — брошенной чьей-то шапкой. В переулке сверкнуло и трахнуло, и капитан Плешко, трижды отрекшийся[71], заплатил за свое любопытство к парадам. Он лег у палисадника церковного софийского дома навзничь, раскинув руки, а другой, молчаливый, упал ему на ноги и откинулся лицом в тротуар. И тотчас лязгнули тарелки с угла площади, опять попер народ, зашумел, забухал оркестр. Резнул победный голос: «Кроком рушь!»* И ряд за рядом, блестя хвостатыми галунами, тронулся конный курень Рады[72].

***

Совершенно внезапно лопнул в прорезе между куполами серый фон и показалось в мутной мгле внезапное солнце. Было оно так велико, как никогда еще никто на Украине не видал, и совершенно красно, как чистая кровь[73]. От шара, с трудом сияющего сквозь завесу облаков, мерно и далеко протянулись полосы запекшейся крови и сукровицы. Солнце окрасило в кровь главный купол Софии, а на площадь от него легла странная тень, так что стал в этой тени Богдан фиолетовым, а толпа мятущегося народа еще чернее, еще гуще, еще смятеннее. И было видно, как по скале поднимались на лестницу серые, опоясанные лихими ремнями, и штыками пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита[74]. Но бесполезно скользили и срывались с гранита штыки. Скачущий же Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его, обращенное прямо в красный шар, было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали.

И в это время над гудящей, растекающейся толпой напротив Богдана на замерзшую, скользкую чашу фонтана подняли руки человека. Он был в темном пальто с меховым воротником, а шапку, несмотря на мороз, снял и держал в руках. Площадь по-прежнему гудела и кишела, как муравейник, но колокольня на Софии уже смолкла, и музыка уходила в разные стороны по морозным улицам. У подножия фонтана сбилась огромная толпа.

— Петька, Петька. Кого это подняли?..

— Кажись, Петлюра.

---

* «Шагом марш!» (*укр.*, *искаж.*)

— Петлюра речь говорит...

— Що вы брешете... Це простый оратор...*

— Маруся, оратор. Гляди... Гляди...

— Декларацию объявляют...

— Ни, це Универсал[75] будут читать.

— Хай живе вильна Украина!**

Поднятый человек глянул вдохновенно поверх тысячной гущи голов куда-то, где, всё явственнее вылезая, солнечный диск золотил густым, красным золотом кресты, взмахнул рукой и слабо выкрикнул:

— Народу слава!

— Петлюра... Петлюра.

— Да який Петлюра. Що вы, сказились***.

— Чего на фонтан Петлюра полезет?

— Петлюра в Харькове.

— Петлюра только что проследовал во дворец на банкет...

— Не брешить, нияких банкетов не буде4*.

— Слава народу! — повторял человек, и тотчас прядь светлых волос прыгнула, соскочила ему на лоб.

— Тише!

Голос светлого человека окреп и был слышен ясно сквозь рокот и хруст ног, сквозь гуденье и прибой, сквозь отдаленные барабаны.

— Видели Петлюру?

— Как же, Господи, только что.

— Ах, счастливица. Какой он? Какой?

— Усы черные кверху, как у Вильгельма, и в шлеме. Да вот он, вон он, смотрите, смотрите, Марья Федоровна, глядите, глядите — едет...

— Що вы провокацию робите5*. Це начальник городской пожарной команды.

— Сударыня, Петлюра в Бельгии.

— Зачем же в Бельгию он поехал?

— Улаживать союз с союзниками...

---

* Что вы врете... Это простой оратор... (*укр.*, *искаж.*)

** Да здравствует свободная Украина! (*укр.*, *искаж.*)

*** Да какой Петлюра. Вы что, рехнулись (*укр.*, *искаж.*).

4* Не врите, никаких банкетов не будет (*укр.*, *искаж.*).

5* Что вы провокацию устраиваете (*укр.*, *искаж.*).

— Та ни*. Вин** сейчас с эскортом поехал в Думу.
— Чого?***
— Присяга...
— Он будет присягать?
— Зачем он? Ему будут присягать.
— Ну, я скорей умру (шепот), а не присягну...
— Та вам и не надо... Женщин не тронут.
— Жидов тронут, это верно...
— И офицеров. Всем им кишки повыпустят.
— И помещиков. Долой!!
— Тише!

Светлый человек с какой-то страшной тоской и в то же время решимостью в глазах указал на солнце.

— Вы чулы, громадяне, браты и товарищи[4*], — заговорил он, — як козаки пели: «Бо старшины з нами, з нами як з братами». З нами. З нами воны![5*]— Человек ударил себя шапкой в грудь, на которой алел громадной волной бант. — З нами. Бо тии старшины з народу[6*], з ним родились, з ним и умрут. З нами воны мерзли в снегу при облоге Города и вот доблестно узяли его, и прапор червонный уже висит над теми громадами...

— Ура!
— Який червонный? Що вин каже? Жовто-блакитный[7*].
— У большаков тэ ж червонный[8*].
— Тише! Слава!
— А вин погано размовляе на украинской мови...[9*]
— Товарищи! Перед вами теперь новая задача — поднять и укрепить новую незалежну[10*] Республику, для счастия усих трудящих элементов — ра-

---

* Да нет (*укр., искаж.*).
** Он (*укр., искаж.*).
*** Зачем? (*укр.*)
4* Вы слышали, граждане, братья и товарищи (*укр., искаж.*).
5* Как казаки пели: «Ибо старшины с нами, с нами, как с братьями». С нами. С нами они! (*укр., искаж.*)
6* Потому что старшины те из народа (*укр., искаж.*).
7* Какой красный? Что он говорит? Желто-голубой (*укр., искаж.*).
8* Это у большевиков красный (*укр., искаж.*).
9* А он плохо говорит по-украински (*укр., искаж.*).
10* Независимую (*укр., искаж.*).

бочих и хлеборобов, бо тильки воны*, полившие своею свежею кровью и потом нашу ридну** землю, мають*** право владеть ею!

— Верно! Слава!

— Ты слышишь, «товарищами» называет? Чудеса-а...

— Ти-ше.

— Поэтому, дорогие граждане, присягнем тут в радостный час народной победы, — глаза оратора начали светиться, он всё возбужденнее простирал руки к густому небу, и всё меньше в его речи становилось украинских слов, — и дадим клятву, що мы не зложим4* оружие, доки червонный прапор5* — символ свободы — не буде развеваться над всем миром трудящихся!

— Ура! Ура! Ура!.. Интер...

— Васька, заткнись. Что ты, сдурел?

— Щур, что вы, тише!

— Ей-богу, Михаил Семенович, не могу выдержать — вставай... прокл...[76]

Черные онегинские баки скрылись в густом бобровом воротнике, и только видно было, как тревожно сверкнули в сторону восторженного самокатчика[77], сдавленного в толпе, глаза, до странности похожие на глаза покойного прапорщика Шполянского, погибшего в ночь на 14 декабря. Рука в желтой перчатке протянулась и сдавила руку Щура...

— Ладно. Ладно, не буду, — бормотал Щур, въедаясь глазами в светлого человека.

А тот, уже овладев собой и массой в ближайших рядах, вскрикивал:

— Хай живут Советы рабочих, селянских и казачьих депутатов! Да здравствует...

Солнце вдруг угасло, и на Софии и куполах легла тень; лицо Богдана вырезалось четко, лицо человека тоже. Видно было, как прыгал светлый кок[78] над его лбом...

— Га-а. Га-а-а, — зашумела толпа...

— ...Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..[79]

— Как. Как. Что... Слава...

---

* Ибо только они (*укр., искаж.*).

** Родную (*укр., искаж.*).

*** Имеют (*укр., искаж.*).

4* Сложим (*укр., искаж.*).

5* Пока красное знамя (*укр., искаж.*).

В задних рядах несколько мужских и один голос тонкий и звонкий запели «Як умру, то...»[80].

— Ур-ра! — победно закричали в другом месте. Вдруг вспыхнул водоворот в третьем.

— Тримай його! Тримай! — закричал мужской надтреснутый и злобный и плаксивый голос. — Тримай. Це провокация. Большевик. Москаль. Тримай! Вы слухали, що вин казав...

Всплеснули чьи-то руки в воздухе. Оратор кинулся набок, затем исчезли его ноги, живот, потом исчезла и голова, покрываясь шапкой.

— Тримай! — кричал в ответ первому второй тонкий тенор. — Це фальшивый оратор. Бери его, хлопцы, берить, громадяне!

— Га, га, га. Стой! Кто? Кого поймали? Кого? Та никого!!!

Обладатель тонкого голоса рванулся вперед к фонтану, делая такие движения руками, как будто ловил скользкую большую рыбу. Но бестолковый Щур в дубленом полушубке и треухе завертелся перед ним с воплем «Тримай!» и вдруг гаркнул:

— Стой, братцы, часы срезали!

Какой-то женщине отдавили ногу, и она взвыла страшным голосом.

— Кого часы? Где? Врешь — не уйдешь!

Кто-то сзади обладателя тонкого голоса ухватил за пояс и придержал, в ту же минуту большая холодная ладонь разом и его нос, и губы залепила тяжелой оплеухой фунта в полтора весом.

— Уп! — крикнул тонкий голос и стал бледный как смерть и почувствовал, что голова его голая, что на ней нет шапки. В ту же секунду его адски резнула вторая оплеуха, и кто-то взвыл в небесах:

— Вот он, ворюга, марвихер[81], сукин сын. Бей его!!

— Що вы?! — взвыл тонкий голос. — Що вы мене бьете?! Це не я! Не я! Це большевика держать треба! О-о! — завопил он...

— Ой, Боже мой, Боже мой, Маруся, бежим скорей, что же это делается.

В толпе близ самого фонтана завертелся и взбесился винт, и кого-то били, и кто-то выл, и народ раскидывало, и, главное, оратор пропал. Так пропал чудесно, колдовски, что словно сквозь землю провалился. Кого-то вынесло из винта, а впрочем, ничего подобного, оратор фальшивый был в черной шапке, а этот выскочил в папахе. И через три минуты винт улегся сам собой, как будто его и не было, потому что нового оратора уже поднимали на край фонтана и со всех сторон слушать его лезла, наслаиваясь на центральное ядро, толпа мало-мало не в две тысячи человек.

***

В белом переулке у палисадника, откуда любопытный народ уже схлынул вслед за расходящимся войском, смешливый Щур не вытерпел и с размаху сел прямо на тротуар.

— Ой, не могу, — загремел он, хватаясь за живот. Смех полетел из него каскадами, причем рот сверкал белыми зубами, — сдохну со смеху, как собака. Как же они его били, Господи Иисусе!

— Не очень-то рассаживайтесь, Щур, — сказал спутник его, неизвестный в бобровом воротнике, как две капли воды похожий на знаменитого покойного прапорщика и председателя «Магнитного Триолета» Шполянского.

— Сейчас, сейчас, — затормошился Щур, приподнимаясь.

— Дайте, Михаил Семенович, папироску, — сказал второй спутник Щура, высокий человек в черном пальто. Он заломил папаху на затылок, и прядь волос светлая налезла ему на брови. Он тяжело дышал и отдувался, словно ему было жарко на морозе.

— Что? Натерпелись? — ласково спросил неизвестный, отогнул полу пальто и, вытащив маленький золотой портсигар, предложил светлому безмундштучную немецкую папироску;[82] тот закурил, поставив щитком руки, от огонька на спичке и, только выдохнув дым, молвил:

— Ух. Ух.

Затем все трое быстро двинулись, свернули за угол и исчезли.

В переулочек с площади быстро вышли две студенческие фигуры. Один маленький, укладистый, аккуратный, в блестящих резиновых галошах. Другой высокий, широкоплечий, ноги длинные циркулем и шаги чуть не в сажень.

У обоих воротники надвинуты до краев фуражек, а у высокого даже и бритый рот прикрыт кашне; немудрено — мороз. Обе фигуры словно по команде повернули головы, глянули на труп капитана Плешко и другой, лежащий ничком, уткнувши в стороны разметанные колени, и, ни звука не издав, прошли мимо.

Потом, когда из Рыльского студенты повернули к Житомирской улице[83], высокий повернулся к низкому и молвил хрипловатым тенором:

— Видал-миндал? Видал, я тебя спрашиваю?

Маленький ничего не ответил, но дернулся так и так промычал, точно у него внезапно заболел зуб.

— Сколько жив буду, не забуду, — продолжал высокий, идя размашистым шагом, — буду помнить.

Маленький молча шел за ним.

— Спасибо, выучили. Ну, если когда-нибудь встретится мне эта самая каналья... гетман... — из-под кашне послышалось сипение, — я его, — высокий выпустил страшное трехэтажное ругательство и не кончил. Вышли на Большую Житомирскую улицу, и двум преградила путь процессия, направляющаяся к Старо-Городскому участку с каланчой[84]. Путь ей с площади был, в сущности говоря, прям и прост, но Владимирскую еще запирала не успевшая уйти с парада кавалерия, и процессия дала крюк, как и все.

Открывалась она стаей мальчишек. Они бежали и прыгали задом и свистали пронзительно. Затем шел по истоптанной мостовой человек с блуждающими в ужасе и тоске глазами в расстегнутой и порванной бекеше и без шапки. Лицо у него было окровавлено, а из глаз текли слезы. Расстегнутый открывал широкий рот и кричал тонким, но совершенно осипшим голосом, мешая русские и украинские слова:

— Вы не маете права! Я известный украинский поэт. Моя фамилия Горболаз. Я написал антологию украинской поэзии[85]. Я жаловаться буду председателю Рады[86] и министру. Це неописуемо!

— Бей его, стерву, карманщика, — кричали с тротуаров.

— Я, — отчаянно надрываясь и поворачиваясь во все стороны, кричал окровавленный, — зробив* попытку задержать большевика-провокатора!

— Что, что, что, — гремело на тротуарах.

— Кого это?!

— Покушение на Петлюру.

— Ну?!

— Стрелял, сукин сын, в нашего батько.

— Так вин же украинец.

— Сволочь он, не украинец, — бубнил чей-то бас, — кошельки срезал.

— Ф-юх, — презрительно свистали мальчишки.

— Что такое? По какому праву?

— Большевика-провокатора поймали. Убить его, падаль, на месте.

Сзади окровавленного ползла взволнованная толпа, мелькал на папахе золотогалунный хвост и концы двух винтовок. Некто, туго перепоясанный цветным поясом, шел рядом с окровавленным развалистой походкой и изредка, когда тот особенно громко кричал, механически ударял его кулаком по шее; тогда злополучный арестованный, хотевший схватить неуловимое, умолкал и начинал бурно, но беззвучно рыдать.

---

* Сделал (*укр.*, *искаж.*).

Двое студентов пропустили процессию. Когда она отошла, высокий подхватил под руку низенького и зашептал злорадным голосом:

— Так его, так его. От сердца отлегло. Ну, одно тебе скажу, Карась, молодцы большевики. Клянусь честью — молодцы. Вот работа так работа! Видал, как ловко оратея сплавили? И смелы. За что люблю — за смелость, мать их за ногу[87].

Маленький сказал тихо:

— Если теперь не выпить, повеситься можно.

— Это мысль. Мысль, — оживленно подтвердил высокий. — У тебя сколько?

— Двести.

— У меня полтораста. Зайдем к Тамарке, возьмем полторы...

— Заперто.

— Откроет.

Двое повернули на Владимирскую, дошли до двухэтажного домика с вывеской: «Бакалейная торговля», а рядом «Погреб — замок Тамары»[88]. Нырнув по ступеням вниз, двое стали осторожно постукивать в стеклянную двойную дверь.

17

Заветной цели, о которой Николка думал все эти три дня, когда события падали в семью, как камни, цели, связанной с загадочными последними словами распростертого на снегу, цели этой Николка достиг. Но для этого ему пришлось весь день перед парадом бегать по городу и посетить не менее девяти адресов. И много раз в этой беготне Николка терял присутствие духа, и падал, и опять поднимался, и все-таки добился.

На самой окраине, в Литовской улице, в маленьком домишке он разыскал одного из второго отделения дружины и от него узнал адрес, имя и отчество Ная.

Николка боролся часа два с бурными народными волнами, пытаясь пересечь Софийскую площадь. Но площадь нельзя было пересечь, ну просто немыслимо![1] Тогда около получаса потерял иззябший Николка, чтобы выбраться из тесных клещей и вернуться к исходной точке — к Михайловскому монастырю[2]. От него по Костёльной[3] пытался Николка, дав большого крюку, пробраться на Крещатик вниз, а оттуда окольными, нижними путями на Мало-Провальную. И это оказалось невозможным. По Костёльной вверх густейшей змеей шло, так же как и всюду, войско на парад. Тогда еще больший и выпуклый крюк дал Николка и в полном одиночестве оказался на Владимирской горке. По террасам и аллеям бежал Николка среди стен белого снега, пробираясь вперед. Попадал и на площадки, где снегу было уже не так много. С террас был виден в море снега залегший напротив на горах Царский сад, а далее, влево, бесконечные черниговские пространства в полном зимнем покое за рекой Днепром[4] — белым и важным в зимних берегах.

Был мир и полный покой, но Николке было не до покоя. Борясь со снегом, он одолевал и одолевал террасы одну за другой и только изредка удив-

лялся тому, что снег кое-где уже топтан, есть следы, значит, кто-то бродит по Горке и зимой.

По аллее спустился наконец Николка, облегченно вздохнул, увидел, что войска на Крещатике нет, и устремился к заветному, искомому месту. «Мало-Провальная, 21». Таков был Николкой добытый адрес, и этот незаписанный адрес крепко врезан в Николкином мозгу.

***

Николка волновался и робел... «Кого же и как спросить получше? Ничего не известно...» Позвонил у двери флигеля, приютившегося в первом ярусе сада[5]. Долго не откликались, но наконец зашлепали шаги и дверь приоткрылась немного под цепочкой. Выглянуло женское лицо в пенсне и сурово спросило из тьмы передней:

— Вам что надо?

— Позвольте узнать... Здесь живут Най-Турс?

Женское лицо стало совсем неприветливым и хмурым, стекла блеснули.

— Никаких Турс тут нету, — сказала женщина низким голосом.

Николка покраснел, смутился и опечалился.

— Это квартира пять?..

— Ну да, — неохотно и подозрительно ответила женщина, — да вы скажите, вам что.

— Мне сообщили, что Турс здесь живут...

Лицо выглянуло больше и пытливо шмыгнуло по садику глазом, стараясь узнать, есть ли еще кто-нибудь за Николкой... Николка разглядел тут полный, двойной подбородок дамы.

— Да вам что?.. Вы скажите мне.

Николка вздохнул и, оглянувшись, сказал:

— Я насчет Феликс Феликсовича... у меня сведения.

Лицо резко изменилось. Женщина моргнула и спросила:

— Вы кто?

— Студент.

— Подождите здесь, — захлопнулась дверь, и шаги стихли.

Через полминуты за дверью застучали каблуки, дверь открылась совсем и впустила Николку. Свет проникал в переднюю из гостиной, и Николка разглядел край пушистого мягкого кресла, а потом даму в пенсне. Николка снял фуражку, и тотчас перед ним очутилась сухенькая другая невысокая дама, со следами увядшей красоты на лице. По каким-то незначительным

и неопределенным чертам, не то на висках, не то по цвету волос, Николка сообразил, что это мать Ная, и ужаснулся – как же он сообщит... Дама на него устремила упрямый блестящий взор, и Николка пуще потерялся. Сбоку еще очутился кто-то, кажется, молодая и тоже очень похожая.

– Ну, говорите же, ну... – упрямо сказала мать...

Николка смял фуражку, взвел на даму глазами и вымолвил:

– Я... я...

Сухенькая дама – мать – метнула в Николку взор черный и, как показалось ему, ненавистный и вдруг крикнула звонко, так, что отозвалось сзади Николки в стекле двери:

– Феликс убит!

Она сжала кулаки, взмахнула ими перед лицом Николки и закричала:

– Убили!.. Ирина[6], слышишь? Феликса убили!

У Николки в глазах помутилось от страха, и он отчаянно подумал: «Я ж ничего не сказал... Боже мой!» Толстая в пенсне мгновенно захлопнула за Николкой дверь. Потом быстро, быстро подбежала к сухенькой даме, охватила ее плечи и торопливо зашептала:

– Ну, Марья Францевна, ну, голубчик, успокойтесь... – Нагнулась к Николке, спросила: – Да, может быть, это не так?.. Господи... Вы же скажите... Неужели?..

Николка ничего на это не мог сказать... Он только отчаянно глянул вперед и опять увидал край кресла.

– Тише, Марья Францевна, тише, голубчик... Ради Бога... Услышат... Воля Божья... – лепетала толстая.

Мать Най-Турса валилась навзничь и кричала:

– Четыре года! Четыре года! Я жду, всё жду... Жду.

Тут молодая из-за плеча Николки бросилась к матери и подхватила ее. Николке нужно было бы помочь, но он неожиданно бурно и неудержимо зарыдал и не мог остановиться.

***

Окна завешены шторами, в гостиной полумрак и полное молчание, в котором отвратительно пахнет лекарством...

Молчание нарушила наконец молодая – эта самая сестра. Она повернулась от окна и подошла к Николке. Николка поднялся с кресла, всё еще держа в руках фуражку, с которой не мог разделаться в этих ужасных обстоятельствах. Сестра поправила машинально завиток черных волос, дернула ртом и спросила:

— Как же он умер?

— Он умер, — ответил Николка самым своим лучшим голосом, — он умер, знаете ли, как герой... Настоящий герой... Всех юнкеров вовремя прогнал, в самый последний момент, а сам, — Николка, рассказывая, плакал, — а сам их прикрыл огнем. И меня чуть-чуть не убили вместе с ним. Мы попали под пулеметный огонь, — Николка и плакал и рассказывал в одно время, — мы... только двое остались, и он меня гнал и ругал и стрелял из пулемета... Со всех сторон наехала конница, потому что нас посадили в западню. Положительно со всех сторон.

— А вдруг его только ранили?

— Нет, — твердо ответил Николка и грязным платком стал вытирать глаза и нос и рот, — нет, его убили. Я сам его ощупывал. В голову попала пуля и в грудь.

* * *

Еще больше потемнело, из соседней комнаты не доносилось ни звука, потому что Мария Францевна умолкла, а в гостиной, тесно сойдясь, шептались трое — сестра Ная Ирина, та толстая в пенсне — хозяйка квартиры Лидия Павловна, как узнал Николка. И сам Николка.

— У меня с собой денег нет, — шептал Николка, — если нужно, я сейчас сбегаю за деньгами, и тогда поедем.

— Я денег дам сейчас, — гудела Лидия Павловна, — деньги-то это пустяки, только вы, ради Бога, добейтесь там. Ирина, ей ни слова не говори, где и что... Я прямо не знаю, что и делать...

— Я с ним поеду, — шептала Ирина, — и мы добьемся. Вы скажете, что он лежит в казармах и что нужно разрешение, чтобы его видеть.

— Ну, ну... Это хорошо... хорошо...

Толстая тотчас засеменила в соседнюю комнату, и оттуда послышался ее голос, шепчущий, убеждающий:

— Мария Францевна, ну лежите, ради Христа... Они сейчас поедут и всё узнают. Это юнкер сообщил, что он в казармах лежит.

— На нарах? — спросил звонкий и, как показалось опять Николке, ненавистный голос.

— Что вы, Марья Францевна, в часовне он, в часовне...

— Может, лежит на перекрестке, собаки его грызут.

— Ах, Марья Францевна, ну что вы говорите... Лежите спокойно, умоляю вас...

— Мама стала совсем ненормальной за эти три дня... — зашептала сестра Ная и опять отбросила непокорную прядь волос и посмотрела далеко куда-то за Николку, — а впрочем, теперь всё вздор[7].

— Я поеду с ними, — раздалось из соседней комнаты...

Сестра моментально встрепенулась и побежала.

— Мама, мама, ты не поедешь. Ты не поедешь. Юнкер отказывается хлопотать, если ты поедешь. Его могут арестовать. Лежи, лежи, я тебя прошу...

— Ну, Ирина, Ирина, Ирина, Ирина, — раздалось из соседней комнаты, — убили, убили его, а ты что ж? Что же?.. Ты, Ирина... Что я буду делать теперь, когда Феликса убили. Убили... И лежит на снегу... Думаешь ли ты... — опять началось рыдание, и заскрипела кровать, и послышался голос хозяйки:

— Ну, Марья Францевна, ну, бедная, ну терпите, терпите...

— Ах, Господи, Господи, — сказала молодая и быстро пробежала через гостиную. Николка, чувствуя ужас и отчаяние, подумал в смятении: «А как не найдем, что тогда?»

* * *

У самых ужасных дверей, где, несмотря на мороз, чувствовался уже страшный тяжелый запах[8], Николка остановился и сказал:

— Вы, может быть, посидите здесь... А... А то там такой запах, что, может быть, вам плохо будет.

Ирина посмотрела на зеленую дверь, потом на Николку и ответила:

— Нет, я с вами пойду.

Николка потянул за ручку тяжелую дверь, и они вошли. Вначале было темно. Потом замелькали бесконечные ряды вешалок пустых. Вверху висела тусклая лампа.

Николка тревожно обернулся на свою спутницу, но та — ничего — шла рядом с ним, и только лицо ее было бледно, а брови она нахмурила. Так нахмурила, что напомнила Николке Най-Турса, впрочем, сходство мимолетное — у Ная было железное лицо[9], простое и мужественное, а эта — красавица, и не такая, как русская, а, пожалуй, иностранка. Изумительная, замечательная девушка.

Этот запах, которого так боялся Николка, был всюду. Пахли полы, пахли стены, деревянные вешалки. Ужасен этот запах был до того, что его можно было даже видеть. Казалось, что стены жирные и липкие, а вешалки лоснящиеся, что полы жирные, а воздух густой и сытный, падалью пах-

нет. К самому запаху, впрочем, привыкнешь очень быстро, но уже лучше не присматриваться и не думать. Самое главное не думать, а то сейчас узнаешь, что значит тошнота. Мелькнул студент в пальто и исчез. За вешалками слева открылась со скрипом дверь, и оттуда вышел человек в сапогах. Николка посмотрел на него и быстро отвел глаза, чтобы не видеть его пиджака. Пиджак лоснился, как вешалка, и руки человека лоснились.

— Вам что? — спросил человек строго.

— Мы пришли, — заговорил Николка, — по делу, нам бы заведующего... Нам нужно найти убитого. Здесь он, вероятно?

— Какого убитого? — спросил человек и поглядел исподлобья.

— Тут вот на улице, три дня, как его убили...

— Ага, стало быть, юнкер или офицер... И гайдамаки попадали. Он — кто?

Николка побоялся сказать, что Най-Турс именно офицер, и сказал так:

— Ну да, и его тоже убили...

— Он офицер, мобилизованный гетманом, — сказала Ирина, — Най-Турс, — и пододвинулась к человеку.

Тому было, по-видимому, всё равно, кто такой Най-Турс, он боком глянул на Ирину и ответил, кашляя и плюя на пол:

— Я не знаю, як тут быть. Занятия уже кончены, и никого в залах нема. Другие сторожа ушли. Трудно искать. Очень трудно. Бо трупы перенесли в нижние кладовки. Трудно, дуже* трудно...

Ирина Най расстегнула сумочку, вынула денежную бумажку и протянула сторожу. Николка отвернулся, боясь, что честный человек сторож будет протестовать против этого. Но сторож не протестовал...

— Спасибо, барышня, — сказал он и оживился, — найти можно. Только разрешение нужно. Если профессор дозволит, можно забрать труп.

— А где же профессор? — спросил Николка.

— Они здесь, только они заняты. Я не знаю... доложить?..

— Пожалуйста, пожалуйста, доложите ему сейчас же, — попросил Николка, — я его сейчас же узнаю, убитого...

— Доложить можно, — сказал сторож и повел их. Они поднялись по ступенькам в коридор, где запах стал еще страшнее. Потом по коридору, потом влево, и запах ослабел и посветлело, потому что коридор был под стеклянной крышей. Здесь и справа и слева двери были белы. У одной из

* Очень (*укр.*).

них сторож остановился, постучал, потом снял шапку и вошел. В коридоре было тихо и через крышу сеялся свет. В углу вдали начинало смеркаться. Сторож вышел и сказал:

— Зайдите сюда.

Николка вошел туда, за ним Ирина Най... Николка снял фуражку и разглядел первым долгом черные пятна лоснящихся штор в огромной комнате и пучок страшного острого света, падавшего на стол, а в пучке черную бороду и изможденное лицо в морщинах и горбатый нос[10]. Потом, подавленный, оглянулся по стенам. В полутьме поблескивали бесконечные шкафы, и в них мерещились какие-то уроды, темные и желтые, как страшные китайские фигуры. Еще вдали увидал высокого человека в жреческом кожаном фартуке и черных перчатках. Тот склонился над длинным столом, на котором стояли, как пушки, светлея зеркалами и золотом в свете спущенной лампочки, под зеленым тюльпаном, микроскопы.

— Что вам? — спросил профессор.

Николка по изможденному лицу и этой бороде узнал, что он именно профессор, а тот жрец меньше — какой-то помощник.

Николка кашлянул, всё глядя на острый пучок, который выходил из лампы, странно изогнутой — блестящей, и на другие вещи — на желтые пальцы от табаку, на ужасный отвратительный предмет, лежащий перед профессором, — человеческую шею и подбородок, состоящие из жил и ниток, утыканных, увешанных десятками блестящих крючков и ножниц...

— Вы родственники? — спросил профессор. У него был глухой голос, соответствующий изможденному лицу и этой бороде. Он поднял голову и прищурился на Ирину Най, на ее меховую шубку и ботики.

— Я его сестра, — сказала Най, стараясь не смотреть на то, что лежало перед профессором.

— Вот видите, Сергей Николаевич[11], как с этим трудно. Уж не первый случай... Да, может, он еще и не у нас. В чернорабочую ведь возили трупы?

— Возможно, — отозвался тот высокий и бросил какой-то инструмент в сторону.

— Федор! — крикнул профессор...

***

— Нет, вы туда... Туда вам нельзя... Я сам... — робко молвил Николка...

— Сомлеете, барышня, — подтвердил сторож, — здесь, — добавил он, — можно подождать.

Николка отвел его в сторону, дал ему еще две бумажки и попросил его посадить барышню на чистый табурет. Сторож, пыхтя горящей махоркой, вынес табурет откуда-то, где стояли зеленая лампа и скелеты.

— Вы не медик, панычу? Медики, те привыкают сразу, — и, открыв большую дверь, щелкнул выключателем. Шар загорелся вверху под стеклянным потолком. Из комнаты шел тяжкий запах. Цинковые столы белели рядами. Они были пусты, и где-то со стуком падала вода в раковину. Под ногами гулко звенел каменный пол. Николка, страдая от запаха, оставшегося здесь, должно быть, навеки, шел, стараясь не думать. Они со сторожем вышли через противоположные двери в совсем темный коридор, где сторож зажег маленькую лампу, затем прошли немного дальше. Сторож отодвинул тяжелый засов, открыл чугунную дверь и опять щелкнул. Холодом обдало Николку. Громадные цилиндры стояли в углах черного помещения и доверху, так, что выпирало из них, были полны кусками и обрезками человеческого мяса, лоскутами кожи, пальцами, кусками раздробленных костей. Николка отвернулся, глотая слюну, а сторож сказал ему:

— Понюхайте, панычу.

Николка закрыл глаза, жадно втянул в нос нестерпимую резь — запах нашатырю из склянки.

Как в полусне, Николка, сощурив глаз, видел вспыхнувший огонек в трубке Федора и слышал сладостный дух горящей махорки. Федор возился долго с замком у сетки лифта, открыл его, и они с Николкой стали на платформу. Федор дернул ручку, и платформа пошла вниз, скрипя. Снизу тянуло ледяным холодом. Платформа стала. Вошли в огромную кладовую. Николка мутно видел то, чего он никогда не видел. Как дрова в штабелях, одни на других, лежали голые, источающие несносный, душащий человека, несмотря на нашатырь, смрад, человеческие тела[12]. Ноги, закоченевшие или расслабленные, торчали ступнями. Женские головы лежали со взбившимися и разметанными волосами, а груди их были мятыми, жеваными, в синяках[13].

— Ну, теперь будем ворочать их, а вы глядите[14], — сказал сторож, наклоняясь. Он ухватил за ногу труп женщины, и она, скользкая, со стуком сползла, как по маслу, на пол[15]. Николке она показалась страшно красивой, как ведьма, и липкой. Глаза ее были раскрыты и глядели прямо на Федора. Николка с трудом отвел глаза от шрама, опоясывающего ее, как красной лентой[16], и глядел в стороны. Его мутило, и голова кружилась при мысли, что нужно будет разворачивать всю эту многослитную груду слипшихся тел.

— Не надо. Стойте, — слабо сказал он Федору и сунул склянку в карман, — вон он. Нашел. Он сверху. Вон, вон.

Федор тотчас двинулся, балансируя, чтобы не поскользнуться на полу, ухватил Най-Турса за голову и сильно дернул. На животе у Ная ничком лежала плоская, широкобедрая женщина, и в волосах у нее тускло, как обломок стекла, светился в затылке дешевенький забытый гребень. Федор ловко, попутно выдернул его, бросил в карман фартука и перехватил Ная под мышки. Голова того, вылезая со штабеля, размоталась, свисла, и острый, небритый подбородок задрался кверху, одна рука соскользнула.

Федор не швырнул Ная, как швырнул женщину, а бережно, под мышки, сгибая уже расслабленное тело, повернул его, так что ноги Ная загребли по полу, к Николке лицом, и сказал:

– Вы смотрите – он? Чтобы не было ошибки...

Николка глянул Наю прямо в глаза, открытые, стеклянные глаза Ная отозвались бессмысленно. Левая щека у него была тронута чуть заметной зеленью, а по груди, животу расплылись и застыли темные широкие пятна, вероятно, крови[17].

– Он, – сказал Николка.

Федор так же под мышки втащил Ная на платформу лифта и опустил его к ногам Николки. Мертвый раскинул руки и опять задрал подбородок. Федор взошел сам, тронул ручку, и платформа ушла вверх.

***

В ту же ночь в часовне всё было сделано так, как Николка хотел, и совесть его была совершенно спокойна, но печальна и строга. При анатомическом театре в часовне, голой и мрачной, посветлело. Гроб какого-то неизвестного в углу закрыли крышкой, и тяжелый, неприятный и страшный чужой покойник сосед не смущал покоя Ная. Сам Най значительно стал радостнее и повеселел в гробу[18].

Най – обмытый сторожами, довольными и словоохотливыми, Най чистый во френче без погон, Най с венцом на лбу[19] под тремя огнями[20], и, главное, Най с аршином пестрой георгиевской ленты, собственноручно Николкой уложенной под рубаху на холодную его вязкую грудь. Старуха мать от трех огней повернула к Николке трясущуюся голову и сказала ему:

– Сын мой. Ну, спасибо тебе.

И от этого Николка опять заплакал и ушел из часовни на снег. Кругом над двором анатомического театра была ночь, снег, и звезды крестами, и белый Млечный Путь[21].

18

Турбин стал умирать днем 22 декабря[1]. День этот был мутноват, бел и насквозь пронизан отблеском грядущего через два дня Рождества. В особенности этот отблеск чувствовался в блеске паркетного пола в гостиной, натертого совместными усилиями Анюты, Николки и Лариосика, бесшумно шаркавших накануне. Так же веяло Рождеством от переплетиков[2] лампадок, начищенных Анютиными руками. И, наконец, пахло хвоей, и зелень осветила[3] угол у разноцветного Валентина, как бы навеки забытого над открытыми клавишами...

Я за сестру...

Елена вышла около полудня из двери турбинской комнаты не совсем твердыми шагами и молча прошла через столовую, где в совершенном молчании сидели Карась, Мышлаевский и Лариосик. Ни один из них не шевельнулся при ее проходе, боясь ее лица. Елена закрыла дверь к себе в комнату, а тяжелая портьера тотчас улеглась неподвижно.

Мышлаевский шевельнулся.

— Вот, — сиплым шепотом промолвил он, — всё хорошо сделал командир, а Алешку-то неудачно пристроил...

Карась и Лариосик ничего к этому не добавили. Лариосик заморгал глазами, и лиловатые тени разлеглись у него на щеках.

— Э... черт, — добавил еще Мышлаевский, встал и, покачиваясь, подобрался к двери, потом остановился в нерешительности, повернулся, подмигнул на дверь Елены. — Слушайте, ребята, вы посматривайте... А то...

Он потоптался и вышел в книжную, там его шаги замерли. Через некоторое время донесся его голос и еще какие-то странные ноющие звуки из Николкиной комнаты.

— Плачет Никол, — отчаянным голосом прошептал Лариосик, вздохнул, на цыпочках подошел к Елениной двери, наклонился к замочной скважине, но ничего не разглядел. Он беспомощно оглянулся на Карася, стал делать ему знаки, беззвучно спрашивать. Карась подошел к двери, помялся, но потом стукнул все-таки тихонько несколько раз ногтем в дверь и негромко сказал:

— Елена Васильевна, а Елена Васильевна...

— Ах, не бойтесь вы, — донесся глуховато Еленин голос из-за двери, — не входите.

Карась отпрянул, и Лариосик тоже. Они оба вернулись на свои места — на стулья под печкой Саардама — и затихли.

Делать Турбиным и тем, кто с Турбиными был тесно и кровно связан, в комнате Алексея было нечего. Там и так стало тесно от трех мужчин. Это были тот золотоглазый медведь, другой — молодой, бритый и стройный, больше похожий на гвардейца, чем на врача, и, наконец, третий, седой профессор[4]. Его искусство открыло ему и турбинской семье нерадостные вести сразу, как только он появился 16 декабря. Он всё понял и тогда же сказал, что у Турбина тиф. И сразу как-то сквозная рана у подмышки левой руки отошла на второй план. Он же, час всего назад, вышел с Еленой в гостиную и там, на ее упорный вопрос, вопрос не только с языка, но и из сухих глаз и потрескавшихся губ и развитых прядей, сказал, что надежды мало, и добавил, глядя в Еленины глаза глазами очень, очень опытного и всех поэтому жалеющего человека, — «очень мало». Всем хорошо известно и Елене тоже, что это означает, что надежды вовсе никакой нет и, значит, Турбин умирает. После этого Елена прошла в спальню к брату и долго стояла, глядя ему в лицо, и тут отлично и сама поняла, что значит нет надежды. Не обладая искусством седого и доброго старика, можно было знать, что умирает доктор Алексей Турбин.

Он лежал, источая еще жар, но жар уже зыбкий и непрочный, который вот-вот упадет. И лицо его уже начало пропускать какие-то странные восковые оттенки, и нос его изменился, утончился, и какая-то черта безнадежности вырисовывалась именно у горбинки носа, особенно ясно проступившей. Еленины ноги похолодели, и стало ей туманно-тоскливо в гнойном камфорном[5], сытном воздухе спальни. Но это быстро прошло.

Что-то в груди у Турбина заложило, как камнем, и дышал он с присвистом, через оскаленные зубы притягивая липкую, не влезающую в грудь струю воздуха. Давно уже не было у него сознания и он не видел и не понимал того, что происходило вокруг него. Елена постояла, посмотрела. Профессор тронул ее за руку и шепнул:

— Вы идите, Елена Васильевна, мы сами всё будем делать.

Елена повиновалась и сейчас же вышла. Но профессор ничего не стал больше делать.

Он снял халат, вытер влажными ватными шарами руки и еще раз посмотрел в лицо Турбину[6]. Синеватая тень сгущалась у складок губ и носа.

— Безнадежен, — очень тихо сказал на ухо бритому профессор, — вы, доктор Бродович[7], оставайтесь возле него.

— Камфору? — спросил Бродович шепотом.

— Да, да, да.

— По шприцу?

— Нет, — глянул в окно, подумал, — сразу по три грамма. И чаще. — Он подумал, добавил: — Вы мне протелефонируйте в случае несчастного исхода, — такие слова профессор шептал очень осторожно, чтобы Турбин даже сквозь завесу бреда и тумана не воспринял их, — в клинику. Если же этого не будет, я приеду сейчас же после лекции.

* * *

Из года в год, сколько помнили себя Турбины, лампадки зажигались у них 24 декабря[8] в сумерки, а вечером дробящимися, теплыми огнями зажигались в гостиной зеленые еловые ветви. Но теперь коварная огнестрельная рана, хрипящий тиф всё сбили и спутали, ускорили жизнь и появление света лампадки. Елена, прикрыв дверь в столовую, подошла к тумбочке у кровати, взяла с нее спички, влезла на стул и зажгла огонек в тяжелой цепной лампаде, висящей перед старой иконой в тяжелом окладе. Когда огонек созрел, затеплился, венчик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза ее стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену. В двух квадратах окон стоял белый декабрьский беззвучный день, а в углу зыбкий язычок огня устроил предпраздничный вечер. Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевитого паркета и молча положила первый земной поклон.

В столовой прошел Мышлаевский, за ним Николка с поблекшими веками. Они побывали в комнате Турбина. Николка, вернувшись в столовую, сказал собеседникам:

— Помирает... — набрал воздуху.

— Вот что, — заговорил Мышлаевский, — не позвать ли священника? А, Никол?.. Что ж ему так-то, без покаяния...

– Лене нужно сказать, – испуганно ответил Николка, – как же без нее? И еще с ней что-нибудь сделается...

– А что доктор говорит? – спросил Карась.

– Да что тут говорить. Говорить более нечего, – просипел Мышлаевский.

Они долго тревожно шептались, и слышно было, как вздыхал бледный отуманенный Лариосик. Еще раз ходили к доктору Бродовичу. Тот выглянул в переднюю, закурил папиросу и прошептал, что это агония, что, конечно, священника можно позвать, что ему это безразлично, потому что больной всё равно без сознания и ничему это не повредит.

– Глухую исповедь...[9]

Шептались, шептались, но не решились пока звать, а к Елене стучали, она через дверь глухо ответила: «Уйдите пока... я выйду...»

И они ушли.

Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шепотом:

– Слишком много горя сразу посылаешь, Мать-заступница[10]. Так в один год и кончаешь семью. За что... Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что?.. Как мы будем вдвоем с Николом?.. Посмотри, что делается кругом, ты посмотри... Мать-заступница, неужто ж не сжалишься... Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то.

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

– На тебя одна надежда, Пречистая Дева. На тебя. Умоли сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...[11]

Шепот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь ее была непрерывна, шла потоком. Она всё чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребенки прядь. День исчез в квадратах окон, исчез и белый сокол, неслышным прошел плещущий гавот в три часа дня, и совершенно неслышным пришел тот, к кому через заступничество смуглой Девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший и благостный и босой[12]. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслезным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жесткого пола под коленями. Огонек разбух, темное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены

всё новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение — стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масличные деревья[13], черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор.

— Мать-заступница, — бормотала в огне Елена, — упроси Его. Вон Он. Что же тебе сто́ит. Пожалей нас. Пожалей. Идут твои дни, твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает Он, да и тебя умоляю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь — отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай. Вон Он, вон Он...

Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены[14]. Тут безумные ее глаза разглядели, что губы на лике, окаймленном золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась.

***

По всей квартире сухим ветром пронеслась тревога, на цыпочках через столовую пробежал кто-то. Еще кто-то поцарапался в дверь, возник шепот: «Елена... Елена... Елена...» Елена, вытирая тылом ладони холодный скользкий лоб, отбрасывая прядь, поднялась, глядя перед собой слепо, как дикарка, не глядя больше в сияющий угол, с совершенно стальным сердцем прошла к двери. Та, не дождавшись разрешения, распахнулась сама собой, и Никол предстал в обрамлении портьеры. Николкины глаза выпятились на Елену в ужасе, ему не хватало воздуху.

— Ты знаешь, Елена... ты не бойся... не бойся... иди туда... кажется...

***

Доктор Алексей Турбин, восковой, как ломаная, мятая в потных руках свеча, выбросив из-под одеяла костистые руки с нестрижеными ногтями, лежал, задрав кверху острый подбородок. Тело его оплывало липким потом, а высохшая скользкая грудь вздымалась в прорезах рубахи. Он свел голову книзу, уперся подбородком в грудину, расцепил пожелтевшие зубы, приоткрыл глаза. В них еще колыхалась рваная завесь тумана и бреда, но уже в клочьях черного глянул свет. Очень слабым голосом, сиплым и тонким, он сказал:

– Кризис[15], Бродович. Что... выживу?.. А-га.

Карась в трясущихся руках держал лампу, и она освещала вдавленную постель и комья простынь с серыми тенями в складках.

Бритый врач не совсем верной рукой сдавил в щипок остатки мяса, вкалывая в руку Турбину иглу маленького шприца. Мелкие капельки выступили у врача на лбу. Он был взволнован и потрясен.

19

Пэтурра. Было его жития в Городе 47 дней[1]. Пролетел над Турбиными закованный в лед и снегом запорошенный январь 1919 года, подлетел февраль и завертелся в метели.

Второго февраля[2] по турбинской квартире прошла черная фигура с обритой головой, прикрытой черной шелковой шапочкой[3]. Это был сам воскресший Турбин. Он резко изменился. На лице, у углов рта, по-видимому, навсегда присохли две складки, цвет кожи восковой, глаза запали в тенях и навсегда стали неулыбчивыми и мрачными[4].

В гостиной Турбин, как 47 дней тому назад, прижался к стеклу[5] и слушал, и как тогда, когда в окнах виднелись теплые огонечки, снег, опера, мягко слышны были дальние пушечные удары. Сурово сморщившись, Турбин всею тяжестью тела налег на палку и глядел на улицу. Он видел, что дни колдовски удлинились, свету было больше, несмотря на то, что за стеклом и валилась, рассыпаясь миллионами хлопьев, вьюга.

Мысли текли под шелковой шапочкой суровые, ясные, безрадостные. Голова казалась легкой, опустевшей, как бы чужой на плечах коробкой, и мысли эти приходили как будто извне и в том порядке, как им самим было желательно. Турбин рад был одиночеству у окна и глядел...

«Пэтурра... Сегодня ночью, не позже, свершится, не будет больше Пэтурры... А был ли он?.. Или это мне всё снилось? Неизвестно, проверить нельзя. Лариосик очень симпатичный. Он не мешает в семье, нет, скорее нужен. Надо его поблагодарить за уход... А Шервинский? А, черт его знает... Вот наказанье с бабами. Обязательно Елена с ним свяжется, всенепременно... А что хорошего? Разве что голос? Голос превосходный, но ведь голос, в конце концов, можно и так слушать, не вступая в брак, не правда ли... Впрочем, не важно. А что важно? Да, тот же Шервинский говорил, что они с красными звездами на папахах...[6] Вероятно, жуть будет в Городе? О да...

Итак, сегодня ночью... Пожалуй, сейчас обозы уже идут по улицам... Тем не менее я пойду, пойду днем... И отнесу... Брынь. Тримай. Я убийца. Нет, я застрелил в бою. Или подстрелил... С кем она живет? Где ее муж? Брынь. Малышев. Где он теперь? Провалился сквозь землю. А Максим... Александр I?»

Текли мысли, но их прервал звоночек[7]. В квартире никого не было, кроме Анюты, все ушли в город, торопясь кончить всякие дела засветло.

— Если это пациент, прими, Анюта[8].

— Хорошо, Алексей Васильевич.

Кто-то поднялся вслед за Анютой по лестнице, в передней снял пальто с козьим мехом и прошел в гостиную.

— Пожалуйте, — сказал Турбин.

С кресла поднялся худенький и желтоватый молодой человек в сереньком френче. Глаза его были мутны и сосредоточенны. Турбин в белом халате посторонился и пропустил его в кабинет.

— Садитесь, пожалуйста. Чем могу служить?

— У меня сифилис, — хрипловатым голосом сказал посетитель[9] и посмотрел на Турбина и прямо, и мрачно.

— Лечились уже?

— Лечился, но плохо и неаккуратно. Лечение мало помогало.

— Кто направил вас ко мне?

— Настоятель церкви Николая Доброго, отец Александр.

— Как?

— Отец Александр.

— Вы что же, знакомы с ним?

— Я у него исповедался, и беседа святого старика принесла мне душевное облегчение, — объяснил посетитель, глядя в небо. — Мне не следовало лечиться... Я так полагал. Нужно было бы терпеливо снести испытание, ниспосланное мне Богом за мой страшный грех, но настоятель внушил мне, что я рассуждаю неправильно. И я подчинился ему.

Турбин внимательнейшим образом вгляделся в зрачки пациенту и первым долгом стал исследовать рефлексы. Но зрачки у владельца козьего меха оказались обыкновенные, только полные одной печальной чернотой.

— Вот что, — сказал Турбин, отбрасывая молоток, — вы человек, по-видимому, религиозный.

— Да, я день и ночь думаю о Боге и молюсь ему. Единственному прибежищу и утешителю.

— Это, конечно, очень хорошо, — отозвался Турбин, не спуская глаз с его глаз, — и я отношусь к этому с уважением, но вот что я вам посоветую:

на время лечения вы уж откажитесь от вашей упорной мысли о Боге. Дело в том, что она у вас начинает смахивать на идею-фикс. А в вашем состоянии это вредно. Вам нужны воздух, движение и сон.

— По ночам я молюсь.

— Нет, это придется изменить. Часы молитвы придется сократить. Они вас будут утомлять, а вам необходим покой.

Больной покорно опустил глаза.

Он стоял перед Турбиным обнаженным и подчинялся осмотру.

— Кокаин нюхали?

— В числе мерзостей и пороков, которым я предавался, был и этот. Теперь нет.

«Черт его знает... а вдруг жулик... притворяется; надо будет посмотреть, чтобы в передней шубы не пропали».

Турбин нарисовал ручкой молотка на груди у больного знак вопроса. Белый знак превратился в красный[10].

— Вы перестаньте увлекаться религиозными вопросами. Вообще поменьше предавайтесь всяким тягостным размышлениям. Одевайтесь. С завтрашнего дня начну вам впрыскивать ртуть, а через неделю первое вливание[11].

— Хорошо, доктор.

— Кокаин нельзя. Пить нельзя. Женщин тоже...

— Я удалился от женщин и ядов. Удалился и от злых людей, — говорил больной, застегивая рубашку, — злой гений моей жизни, предтеча антихриста, уехал в город дьявола.

— Батюшка, нельзя так, — застонал Турбин, — ведь вы в психиатрическую лечебницу попадете. Про какого антихриста вы говорите?

— Я говорю про его предтечу Михаила Семеновича Шполянского, человека с глазами змеи и с черными баками. Он уехал в царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов[12] вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра...[13]

— Это вы большевиков аггелами? Согласен. Но все-таки так нельзя... Вы бром будете пить[14]. По столовой ложке три раза в день...

— Он молод. Но мерзости в нем, как в тысячелетнем дьяволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок, и трубят уже, трубят боевые трубы грешных полчищ, и виден над полями лик сатаны, идущего за ним[15].

— Троцкого?

— Да, это имя его, которое он принял. А настоящее его имя по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель[16].

— Серьезно вам говорю, если вы не прекратите это, вы смотрите... у вас мания развивается...

— Нет, доктор, я нормален. Сколько, доктор, вы берете за ваш святой труд?

— Помилуйте, что́ у вас на каждом шагу слово «святой». Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. Беру я за курс, как все. Если будете лечиться у меня, оставьте задаток.

— Очень хорошо.

Френч расстегнулся.

— У вас, может быть, денег мало, — пробурчал Турбин, глядя на потертые колени. «Нет, он не жулик... нет... но свихнется».

— Нет, доктор, найдутся. Вы облегчаете по-своему человечество.

— И иногда очень удачно. Пожалуйста, бром принимайте аккуратно.

— Полное облегчение, уважаемый доктор, мы получим только там, — больной вдохновенно указал в беленький потолок. — А сейчас ждут нас всех испытания, коих мы еще не видали... И наступят они очень скоро.

— Ну, покорнейше благодарю. Я уже испытал достаточно.

— Нельзя зарекаться, доктор, ох, нельзя, — бормотал больной, напяливая козий мех в передней, — ибо сказано: третий ангел вылил чашу в источники вод, и сделалась кровь.

«Где-то я уже слыхал это... Ах, ну конечно, со священником всласть натолковался. Вот подошли друг к другу — прелесть».

— Убедительно советую, поменьше читайте Апокалипсис... Повторяю, вам вредно. Честь имею кланяться. Завтра в шесть часов, пожалуйста. Анюта, выпусти, пожалуйста...

* * *

— Вы не откажитесь принять это... Мне хочется, чтобы спасшая мне жизнь хоть что-нибудь на память обо мне... это браслет моей покойной матери...

— Не надо... Зачем это... Я не хочу, — ответила Рейсс и рукой защищалась от Турбина, но он настоял и застегнул на бледной кисти тяжкий, кованый и темный браслет. От этого рука еще больше похорошела и вся Рейсс показалась еще красивее... Даже в сумерках было видно, как розовеет ее лицо.

Турбин не выдержал, правой рукой обнял Рейсс за шею, притянул ее к себе и несколько раз поцеловал ее в щеку... При этом выронил из ослабевших рук палку, и она со стуком упала у ножки стола.

— Уходите... — шепнула Рейсс, — пора... Пора. Обозы идут на улице. Смотрите, чтоб вас не тронули.

— Вы мне милы, — прошептал Турбин. — Позвольте мне прийти к вам еще.

— Придите...

— Скажите мне, почему вы одни и чья это карточка на столе? Черный, с баками.

— Это мой двоюродный брат... — ответила Рейсс и потупила свои глаза.

— Как его фамилия?

— А зачем вам?

— Вы меня спасли... Я хочу знать.

— Спасла, и вы имеете право знать? Его зовут Шполянский.

— Он здесь?

— Нет, он уехал... В Москву. Какой вы любопытный.

Что-то дрогнуло в Турбине, и он долго смотрел на черные баки и черные глаза... Неприятная, сосущая мысль задержалась дольше других, пока он изучал лоб и губы председателя «Магнитного Триолета». Но она была неясна... Предтеча. Этот несчастный в козьем меху... Что беспокоит? Что сосет? Какое мне дело. Аггелы...[17] Ах, всё равно... Но лишь бы прийти еще сюда, в странный и тихий домик, где портрет в золотых эполетах.

— Идите. Пора.

***

— Никол? Ты?

Братья столкнулись нос к носу в нижнем ярусе таинственного сада у другого домика[18]. Николка почему-то смутился, как будто его поймали с поличным.

— А я, Алеша, к Най-Турсам ходил, — пояснил он и вид имел такой, как будто его поймали на заборе во время кражи яблок.

— Что ж, дело доброе. У него мать осталась?

— И еще сестра, видишь ли, Алеша... Вообще.

Турбин покосился на Николку и более расспросам его не подвергал.

Полпути братья сделали молча. Потом Турбин прервал молчание.

— Видно, брат, швырнул нас Пэтурра с тобой на Мало-Провальную улицу. А? Ну что ж, будем ходить. А что из этого выйдет — неизвестно. А?

Николка с величайшим интересом прислушался к этой загадочной фразе и спросил в свою очередь:

— А ты тоже кого-нибудь навещал, Алеша? В Мало-Провальной.

— Угу, — ответил Турбин, поднял воротник пальто, скрылся в нем и до самого дома не произнес более ни одного звука.

* * *

Обедали в этот важный и исторический день у Турбиных все — и Мышлаевский с Карасем, и Шервинский. Это была первая общая трапеза с тех пор, как лег раненый Турбин. И всё было по-прежнему, кроме одного — не стояли на столе мрачные, знойные розы, ибо давно уже не существовало разгромленной конфетницы «Маркизы»[19], ушедшей в неизвестную даль, очевидно, туда, где покоится и мадам Анжу. Не было и погон ни на одном из сидевших за столом, и погоны уплыли куда-то и растворились в метели за окнами.

Открыв рты, Шервинского слушали все, даже Анюта пришла из кухни и прислонилась к дверям.

— Какие такие звезды? — мрачно расспрашивал Мышлаевский.

— Маленькие, как кокарды, пятиконечные[20], — рассказывал Шервинский, — на папахах. Тучей, говорят, идут... Словом, в полночь будут здесь...

— Почему такая точность: в полночь...[21]

Но Шервинскому не удалось ответить — почему, так как после звонка в квартире появился Василиса.

Василиса, кланяясь направо и налево и приветливо пожимая руки, в особенности Карасю, проследовал, скрипя рантом, прямо к пианино. Елена, солнечно улыбаясь, протянула ему руку, и Василиса, как-то подпрыгнув, приложился к ней. «Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал, после того как у него деньги поперли, — подумал Николка и мысленно пофилософствовал: — Может быть, деньги мешают быть симпатичным. Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные».

Василиса чаю не хочет. Нет, покорнейше благодарит. Очень, очень хорошо. Хе, хе. Как это у вас уютно всё так, несмотря на такое ужасное время. Э... хе... Нет, покорнейше благодарит. К Ванде Михайловне приехала сестра из деревни, и он должен сейчас же вернуться домой. Он пришел затем, чтобы передать Елене Васильевне письмо. Сейчас открывал ящик у двери, и вот оно. Счел своим долгом. Честь имеет кланяться. Василиса, подпрыгивая, попрощался.

Елена ушла с письмом в спальню...

«Письмо из-за границы? Да неужели? Вот бывают же такие письма. Только возьмешь в руки конверт, а уже знаешь, что там такое. И как оно пришло. Никакие письма не ходят. Даже из Житомира в Город приходится посылать почему-то с оказией. И как всё у нас глупо, дико в этой стране. Ведь оказия-то эта самая тоже в поезде едет. Почему же, спрашивается, письма не могут ездить, пропадают? А вот это дошло. Не беспокойтесь, такое письмо дойдет, найдет адресата. Вар... Варшава. Варшава. Но почерк не Тальберга. Как неприятно сердце бьется».

Хоть на лампе и был абажур, в спальне Елены стало так нехорошо, словно кто-то сдернул цветистый шелк и резкий свет ударил в глаза и создал хаос укладки. Лицо Елены изменилось, стало похоже на старинное лицо матери, смотревшей из резной рамы. Губы дрогнули, но сложились презрительные складки. Дернула ртом. Вышедший из рваного конверта листок рубчатой, серенькой бумаги лежал в пучке света.

> «...Тут только узнала, что ты развелась с мужем. Остроумовы видели Сергея Ивановича в посольстве — он уезжает в Париж, вместе с семьей Герц; говорят, что он женится на Лидочке Герц; как странно всё делается в этой кутерьме. Я жалею, что ты не уехала. Жаль всех вас, оставшихся в лапах у мужиков. Здесь в газетах, что будто бы Петлюра наступает на Город. Мы надеемся, что немцы его не пустят...»

В голове у Елены механически прыгал и стучал Николкин марш сквозь стены и дверь, наглухо завешенную Людовиком XIV. Людовик смеялся, откинув руку с тростью, увитой лентами. В дверь стукнула рукоять палки, и Турбин вошел, постукивая. Он покосился на лицо сестры, дернул ртом так же, как и она, и спросил:

— От Тальберга?

Елена помолчала, ей было стыдно и тяжело. Но потом сейчас же овладела собой и подтолкнула листок Турбину: «От Оли... из Варшавы...» Турбин внимательно вцепился глазами в строчки и забегал, пока не прочитал до конца, потом еще раз обращение прочитал:

«Дорогая Леночка, не знаю, дойдет ли...»

У него на лице заиграли различные краски. Так — общий тон шафранный[22], у скул розовато, а глаза из голубых превратились в черные.

— С каким бы удовольствием... — процедил он сквозь зубы, — я б ему по морде съездил...

— Кому? — спросила Елена и шмыгнула носом, в котором скоплялись слезы.

– Самому себе, – ответил, изнывая от стыда, доктор Турбин, – за то, что поцеловался тогда с ним.

Елена моментально заплакала.

– Сделай ты мне такое одолжение, – продолжал Турбин, – убери ты к чертовой матери вот эту штуку, – он рукоятью ткнул в портрет на столе. Елена подала, всхлипывая, портрет Турбину. Турбин выдрал мгновенно из рамы карточку Сергея Ивановича и разодрал ее в клочья. Елена по-бабьи заревела, тряся плечами, и уткнулась Турбину в крахмальную грудь. Она косо, суеверно, с ужасом поглядывала на коричневую икону, перед которой всё еще горела лампадочка в золотой решетке.

«Вот помолилась... условие поставила... ну что ж... не сердись... не сердись, Матерь Божия», – подумала суеверная Елена.

Турбин испугался:

– Тише, ну, тише... услышат они, что хорошего.

Но в гостиной не слыхали. Пианино под пальцами Николки изрыгало отчаянный марш «Двуглавый орел»[23], и слышался смех.

20

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, но 1919-й был его страшней[1].

В ночь со второго на третье февраля[2] у входа на Цепной мост через Днепр человека в разорванном и черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови волокли по снегу два хлопца, а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове[3]. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только ухал. Тяжко и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сипло:

– Ух... а.

– А, жидовская морда! – исступленно кричал пан куренной. – К штабелям его, на расстрел. Я тебе покажу, як по темным углам ховаться. Я т-тебе покажу. Что ты робив* за штабелем? Шпион!..

Но окровавленный не отвечал яростному пану куренному. Тогда пан куренной забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтобы самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренной не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то в ней крякнуло, черный не ответил уже «ух»... Повернув руку и мотнув головой, с колен рухнул набок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной и унавоженной земли. Пальцы крючковато согнулись и загребли грязный снег. Потом в темной луже несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих[4].

Над поверженным шипел электрический фонарь у входа на мост, вокруг поверженного метались встревоженные тени гайдамаков с хвостами на головах, а выше было черное небо с играющими звездами.

---

* Делал (*укр., искаж.*).

И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила[5].

Вслед звезде черная даль за Днепром, даль, ведущая к Москве, ударила громом тяжко и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над самыми крышами, погребенными под снегом.

И тотчас Синяя гайдамацкая дивизия тронулась с моста и побежала в Город, через Город и навеки вон.

Следом за Синей дивизией волчьей побежкой прошел на померзших лошадях курень Козыря-Лешко, проплясала какая-то кухня... потом исчезло всё, как будто никогда и не было. Остался только стынущий труп еврея в черном у входа на мост[6], да топтаные хлопья сена, да конский навоз.

И только труп и свидетельствовал, что Пэтурра не миф, что он действительно был... Дзынь... Трень... гитара, турок... кованый на Бронной фонарь... девичьи косы, метущие снег, огнестрельные раны, звериный вой в ночи, мороз... Значит, было.

Он, Гриць, до работы.....
В Гриця порваны чоботы.....

А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь?

Нет. Никто.

Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет[7].

Никто.

***

С вечера жарко натопили Саардамские изразцы, и до сих пор, до глубокой ночи печи всё еще держали тепло. Надписи были смыты с Саардамского Плотника, и осталась только одна:

...Лен... я взял билет на Аид...

Дом на Алексеевском спуске, дом, накрытый шапкой белого генерала, спал давно и спал тепло. Сонная дрема ходила за шторами, колыхалась в тенях.

За окнами расцветала всё победоноснее студеная ночь и беззвучно плыла над землей. Играли звезды, сжимаясь и расширяясь, и особенно высоко в небе была звезда красная и пятиконечная — Марс.

В теплых комнатах поселились сны.

Турбин спал в своей спаленке, и сон висел над ним, как размытая картина. Плыл, качаясь, вестибюль, и император Александр I жег в печурке списки дивизиона... Юлия прошла и поманила и засмеялась, проскакали тени, кричали: «Тримай! Тримай!»

Беззвучно стреляли, и пытался бежать от них Турбин, но ноги прилипали к тротуару на Мало-Провальной, и погибал во сне Турбин. Проснулся со стоном, услышал храп Мышлаевского из гостиной, тихий свист Карася и Лариосика из книжной. Вытер пот со лба, опомнился, слабо улыбнулся, потянулся к часам.

Было на часиках три.

— Наверно, ушли... Пэтурра... Больше не будет никогда.

И вновь уснул.

***

Ночь расцветала. Тянуло уже к утру, и погребенный под мохнатым снегом спал дом. Истерзанный Василиса почивал в холодных простынях, согревая их своим похудевшим телом. Видел Василиса сон нелепый и круглый. Будто бы никакой революции не было, всё была чепуха и вздор. Во сне. Сомнительное, зыбкое счастье наплывало на Василису. Будто бы лето и вот Василиса купил огород. Моментально выросли на нем овощи. Грядки покрылись веселыми завитками, и зелеными шишами в них выглядывали огурцы. Василиса в парусиновых брюках стоял и глядел на милое заходящее солнышко, почесывая живот[8], и бормотал:

— Так-то оно лучше... А то революция. Нет, знаете ли, с такими свиньями никаких революций производить нельзя...

Тут Василисе приснились взятые круглые, глобусом, часы. Василисе хотелось, чтобы ему стало жалко часов, но солнышко так приятно сияло, что жалости не получалось.

И вот в этот хороший миг какие-то розовые, круглые поросята влетели в огород и тотчас пятачковыми своими мордами взрыли грядки[9]. Фонтанами полетела земля. Василиса подхватил с земли палку и собирался гнать поросят, но тут же выяснилось, что поросята страшные — у них острые клыки[10]. Они стали наскакивать на Василису, причем подпрыгивали на аршин от земли, потому что внутри у них были пружины[11]. Василиса взвыл во сне.

Черным боковым косяком накрыло поросят, они провалились в землю, и перед Василисой всплыла черная, сыроватая его спальня...

***

Ночь расцветала. Сонная дрема прошла над городом, мутной белой птицей пронеслась, минуя сторонкой крест Владимира, упала за Днепром в самую гущу ночи и поплыла вдоль железной дуги. Доплыла до станции Дарницы[12] и задержалась над ней. На третьем пути стоял бронепоезд. Наглухо, до колес, были зажаты площадки в серую броню. Паровоз чернел многогранной глыбой, из брюха его вываливался огненный плат, разлегая на рельсах, и со стороны казалось, что утроба паровоза набита раскаленными углями. Он сипел тихонько и злобно, сочилось что-то в боковых стенках, тупое рыло его молчало и щурилось в приднепровские леса. С последней площадки в высь черную и синюю целилось широченное дуло в глухом наморднике верст на двенадцать и прямо в полночный крест.

Станция в ужасе замерла. На лоб надвинула тьму и светилась в ней осовевшими от вечернего грохота глазками желтых огней. Суета на ее платформах была непрерывная, несмотря на предутренний час. В низком желтом бараке телеграфа три окна горели ярко, и слышался сквозь стекла непрекращающийся стук трех аппаратов. По платформе бегали взад и вперед, несмотря на жгучий мороз, фигуры людей в полушубках по колено, в шинелях и черных бушлатах[13]. В стороне от бронепоезда и сзади, растянувшись, не спал, перекликался и гремел дверями теплушек эшелон[14].

А у бронепоезда, рядом с паровозом и первым железным корпусом вагона, ходил, как маятник, человек в длинной шинели, в рваных валенках и остроконечном куколе-башлыке[15]. Винтовку он нежно лелеял на руке, как уставшая мать ребенка, и рядом с ним ходила меж рельсами под скупым фонарем по снегу острая щепка черной тени и теневой беззвучный штык. Человек очень сильно устал и зверски, не по-человечески озяб. Руки его, синие и холодные, тщетно рылись деревянными пальцами в рвани рукавов, ища убежища. Из окаймленной белой накипью и бахромой неровной пасти башлыка, открывавшей мохнатый, обмороженный рот, глядели глаза в снежных космах ресниц. Глаза эти были голубые, страдальческие, сонные, томные.

Человек ходил методически, свесив штык, и думал только об одном, когда же истечет наконец морозный час пытки и он уйдет с озверевшей

земли вовнутрь, где божественным жаром пышут трубы, греющие эшелоны, где в тесной конуре он сможет свалиться на узкую койку, прильнуть к ней и на ней распластаться[16]. Человек и тень ходили от огненного всплеска броневого брюха к темной стене первого боевого ящика до того места, где чернела надпись:

Бронепоезд «Пролетарий»[17].

Тень, то вырастая, то уродливо горбатясь, но неизменно остроголовая, рыла снег своим черным штыком. Голубоватые лучи фонаря висели в тылу человека. Две голубоватые луны, не грея и дразня, горели на платформе[18]. Человек искал хоть какого-нибудь огня и нигде не находил его; стиснув зубы, потеряв надежду согреть пальцы ног, шевеля ими, неуклонно рвался взором к звездам. Удобнее всего ему было смотреть на звезду Марс, сияющую в небе впереди над Слободкой. И он смотрел на нее. От его глаз шел на миллионы верст взгляд и не упускал ни на минуту красноватой живой звезды. Она сжималась и расширялась, явно жила и была пятиконечная[19]. Изредка, истомившись, человек опускал винтовку прикладом в снег, остановившись, мгновенно и прозрачно засыпал, и черная стена бронепоезда не уходила из этого сна, не уходили и некоторые звуки со станции. Но к ним присоединялись новые. Вырастал во сне небосвод невиданный. Весь красный, сверкающий и весь одетый Марсами в их живом сверкании[20]. Душа человека мгновенно наполнялась счастьем. Выходил неизвестный, непонятный всадник в кольчуге[21] и братски наплывал на человека[22]. Кажется, совсем собирался провалиться во сне черный бронепоезд, и вместо него вырастала в снегах зарытая деревня Малые Чугры. Он, человек, у околицы Чугров, а навстречу ему идет сосед и земляк.

— Жилин?[23] — говорил беззвучно, без губ мозг человека, и тотчас грозный сторожевой голос в груди выстукивал три слова:

— Пост... часовой... замерзнешь...

Человек уже совершенно нечеловеческим усилием отрывал винтовку, вскидывая на руку, шатнувшись, отдирал ноги и шел опять.

Вперед — назад. Вперед — назад. Исчезал сонный небосвод, опять одевало весь морозный мир синим шелком неба, продырявленного черным и губительным хоботом орудия. Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблескивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пятиконечная.

* * *

Металась и металась потревоженная дрема. Лётом вдоль Днепра. Пролетела мертвые пристани и упала над Подолом. На нем очень давно погасли огни. Все спали. Только на углу Волынской[24] в трехэтажном каменном здании, в квартире библиотекаря в узенькой, как дешевый номер дешевенькой гостиницы, комнате сидел голубоглазый Русаков у лампы под стеклянным горбом колпака. Перед Русаковым лежала тяжелая книга в желтом кожаном переплете. Глаза шли по строкам медленно и торжественно.

> «И увидал я мертвых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими.
> Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них, и судим был каждый по делам своим.
>
> ....
>
> и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.
>
> ....
>
> и увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет»[25].

По мере того как он читал потрясающую книгу, ум его становился как сверкающий меч[26], углубляющийся в тьму.

Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал, как короста с забытой в лесу отсохшей ветви. Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий[27]. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов:

> «...слезу с очей их и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло»[28].

* * *

Смутная мгла расступилась и пропустила к Елене поручика Шервинского. Выпуклые глаза его развязно улыбались.

— Я — демон[29], — сказал он, щелкнув каблуками, — а он не вернется, Тальберг, — и я пою вам...

Он вынул из кармана огромную сусальную звезду и нацепил ее на грудь с левой стороны. Туманы сна ползли вокруг него, его лицо из клубов выходило ярко-кукольным[30]. Он пел пронзительно, не так, как наяву:

– Жить, будем жить!![31]

– А смерть придет, помирать будем[32], – пропел Николка и вышел.

В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи:

– Николка! О, Николка?

И долго, всхлипывая, слушала бормотание ночи.

И ночь всё плыла.

***

И, наконец, Петька Щеглов во флигеле видел сон.

Петька был маленький[33], поэтому он не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой, ни Демоном. И сон привиделся ему простой и радостный, как солнечный шар.

Будто бы шел Петька по зеленому большому лугу[34], а на этом лугу лежал сверкающий алмазный шар, больше Петьки. Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаясь оторвать ноги от трясины. Детские же ноги резвы и свободны. Петька добежал до алмазного шара и, задохнувшись от радостного смеха, схватил его руками. Шар обдал Петьку сверкающими брызгами[35]. Вот весь сон Петьки. От удовольствия расхохотался в ночи. И ему весело стрекотал сверчок за печкой. Петька стал видеть иные легкие и радостные сны, а сверчок всё пел и пел свою песню[36], где-то в щели, в белом углу за ведром, оживляя сонную, бормочущую ночь в семье.

***

Последняя ночь расцвела. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавес Бога, облекающего мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную[37]. В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами[38]. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч[39].

Но он не страшен. Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор[40]. Меч исчезнет, а вот звезды останутся[41], когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?

Конец

1923–1924 гг.
г. Москва

ДОПОЛНЕНИЯ

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ РЕДАКЦИЙ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

ГЛАВА 19

Журнальная редакция

— Шаркни ножкой, скажи дяде: здравствуй, дядя, — научила Елена, наклоняясь.

— Драсту, дядя, — недоверчиво и вздохнув сказал Петька Щеглов Мышлаевскому.

— Здравствуй, — мрачно ответил ему Мышлаевский, потом покосился вниз и добавил: — Судя по твоей физиономии, ты большой шалун.

Петька Щеглов тотчас же взялся за юбку Елены, засопел, губы выпятил кувшинчиком, нахмурился.

— Ну балбес, ну балбес длинный, чего ребенка дразнишь?

— Чиво дразнишь, — выговорил и Петька неприязненно.

Шервинский, Карась, сама Елена захохотали, а Петька спрятался за юбку, так что выглядывала левая его нога в тупоносом ботинке и праздничной лиловой штанине.

— Не слушай их, не слушай, маленький, они нехорошие, — говорила Елена, извлекая Петьку из складок, — гляди на елку, смотри, какие огоньки.

Петька вылез из юбки, глаза его устремились по направлению маленьких огней. От них вся гостиная сверкала, переливалась, источала запах леса, сверкал дед[1].

— Дать ему апельсин, — растрогался Мышлаевский, — дать.

— Потом апельсин, — распорядилась Елена, — а теперь танцевать давайте. Все. Танцевать хочешь? Ну, ладно.

Колыхнулась портьера, и в гостиную вышел Турбин. Он был в смокинге, открывавшем широкую белую грудь, с черными запонками. Голова его, наголо остриженная во время тифа, чуть-чуть начала обрастать, гладко выбри-

тое лицо было лимонного оттенка, он опирался на палку. Блестящие глаза его еще больше заблестели от елочных огней. Следом за Турбиным явился Лариосик, и тоже в смокинге. И главное, добытом неизвестно где: всем отлично было известно, что в багаже Лариосика этого одеяния не было. Как большой хомут на Лариосиковой шее сидел отложной крахмальный воротник с лентой черной бабочкой, и из рукавов вылезали твердые манжеты с запонками в виде лошадиной морды с хлыстом. Лариосик целых два дня летал где-то по городу и достал все-таки смокинг, узнав, что это дело принципиальное. Петлюра – каналья. Пусть хоть десять Петлюр в городе, а здесь, в стенах Анны Владимировны, он не властен. Пусть стены еще пахнут формалином[2], пусть из-за этого чертова формалина провалилась первая елка в сочельник, не провалится вторая, и последняя, сегодня – в крещенский сочельник. Она будет, она есть, и вот он, Турбин, встал вчера, желтый. И рана его заживает чудесно. Сверхъестественно. Это даже Янчевский[3] сказал, а он, всё видевший на своем веку, знает, что сверхъестественного не бывает в жизни. Ибо всё в ней сверхъестественно.

На Мышлаевском смокинг сидит, как не на каждом сядет. И не поймешь, в чем дело. И не нов, и пластрон[4] не первоклассный, а между тем всё как-то к месту. Вероятно, штаны первоклассные. Вот, например, Лариосику трудно как-то в смокинге, выражение лица трудно как-то подобрать к смокингу, и всё время кажется, что подтяжки выскочат в прорез жилета, а Мышлаевский ворочается свободно, размашисто, никаких выражений лица не устраивает, а между тем его хоть в кинематографе снимай. И портит его только одно. Несвойственная Мышлаевскому дума, довольно тревожная. Она улеглась в трех складках на патрицианском[5] лбу и в беспокойных глазах. И так: то оживится Мышлаевский, то вдруг нахмурится и задумается. В чем дело – неизвестно. Во всяком случае, когда Николка на печке в столовой изобразил свежую своевременную надпись китайской тушью:[6]

Пор. Мышлаевский сделал попытку воспитать
ребенка в крещенский сочельник 1919 года.
Он хороший семьянин, –

Мышлаевскому эта надпись не понравилась. Он нахмурился, как облако, пожевал губами.

– Ты что-то много последнее время острить стал.

Николка густо раскраснелся.

– Если, Витенька, тебе не нравится, я сотру. Ты обиделся?

— Нет, не обиделся, а просто интересуюсь, чего это ты распрыгался так. Что-то больно весел. Манжетки выставил... на жениха похож.

Николка расцвел малиновым огнем, и глаза его утонули в озере смущения.

— На Мало-Провальную слишком часто ходишь, — продолжал Мышлаевский добивать противника шестидюймовыми снарядами, — это, впрочем, хорошо. Рыцарем нужно быть, поддерживай турбинские традиции.

— Не понимаю, Витенька, про что ты говоришь, — забормотал Николка, — на какую такую Провальную?..

— Вот такую самую... Иди встречай.

Звонок протрещал в передней высоко и в сердце Николки. В гостиной оборвалась на клавишах фриска из 2-й рапсодии[7] под пальцами Елены.

— Очень рада. Очень. Позвольте же вас познакомить. Все белогвардейцы.

— У вас так нагадно, я не знала. Пгамо смутишься...

— Что вы. Не обращайте внимания. Только свои. Смокинги — это они принципиально. По поводу Петлюры.

— Социальной революции, — вставил Мышлаевский.

Ирина Най, вся в черном и траурном, худая, блекла рядом с пышной Еленой, отливающей золотом, и в елочных огнях казалась креповой свечой[8]. Николка без толку мыкался где-то сзади представляющихся. Ему казалось, что руки и ноги у него привинчены неудобно и неудачно и некуда их пристроить. Воротничок резал шею. Он был в студенческом, еще на Карасе не было смокинга, а визитка[9] и полосатые брюки, благодаря которым плотный Карась был похож на удачливого молодого подрядчика. И Шервинский был не в смокинге. Но зато Шервинский один мог затмить всех в смокингах. Шервинский во фраке. Но зато уже фрак. Будьте благонадежны. Во-первых, правая сторона пластрона у него гофрирована[10], с вашего разрешения, как бумажная оборка на окороке, в полулунии жилета вставлено что-то сверкающее шелковыми красками, похожее на звездный флаг величественных Соединенных Штатов[11]. Запонки бриллиантовые, каждая — карат[12]. Значит, ½ карата. Брюки заутюжены и вздернуты, так что видны ажурные чулки. И, наконец, туфли открытые с черными бантами. Будьте покойны. Через месяц будет дебютировать в Оперном, невзирая на этого мужлана с его оравой. Демона будет петь. Re... la... fa... re!* Экм... Чем он хорош...[13] Че-е-е-ем.

* Ре... ля... фа... ре! (*ит.*)

— Голос действительно поразительный.

— Как же, я слышала. Мне говогили пго вас. Это вы пели на гетманском вечеге в Купеческом?[14]

— Он самый.

— Пожалуйста, спойте. Очень пгошу. Демона.

— Де-мо-на. (Изображение галерки Николкой. Весьма сходно.)

— Говогят, что у вас гоос, как у Баттистини[15].

— И даже немного хуже.

— Не плачь, дитя...[16] (с галерки).

— Он не гордый. Споет.

— Ирина Феликсовна, близко не садитесь. Абсолютно невозможно слушать.

— Его лучше слушать из другой комнаты.

— А еще лучше с другой улицы.

Черными нотными значками, густыми, встал Демон над стогубой клавиатурой и вытеснил Валентина в сторону под розовый абажур. Всё равно Валентина скоро убьют[17] и даже уже убили. Будет царить коварный Демон. Но Демон не воцарился, и перешиб его Василиса. На Василисе, конечно, никаких смокингов. И даже ботинки не праздничные, а деловые обыкновенные. Праздничные ушли на ногах Немоляки в неизвестную тьму.

Василиса, кланяясь направо и налево и приветливо пожимая руки, в особенности Карасю, проследовал, скрипя рантом, прямо к пианино. Елена, солнечно улыбаясь, протянула ему руку, и Василиса, как-то подпрыгнув, приложился к ней. «Черт его знает, Василиса какой-то симпатичный стал после того, как у него деньги поперли, — подумал Николка и мысленно пофилософствовал: — Может быть, деньги мешают быть симпатичным. Вот здесь, например, ни у кого нет денег, и все симпатичные. И я, в сущности, симпатичен. Но горе в том, что я некрасив. Эх... эх...»

Василиса чаю не хочет. Нет, покорнейше благодарит. Очень, очень хорошо. И елочка... Хе, хе. Как это вы умеете всё это так, несмотря на такое ужасное время. Э... хе... Нет, покорнейше благодарит. К Ванде Михайловне приехала сестра из деревни, и он должен сейчас же вернуться домой. Он пришел затем, чтобы передать Елене Васильевне письмо. Сейчас открывал ящик в двери, и вот оно. Счел своим долгом. Честь имеет кланяться. Василиса, подпрыгивая, попрощался, на Ирину Най покосился внимательнейшим образом. «Ишь тоже смотрит, — сурово подумал Николка, — в сущности, и ловелас этот Василиса. Жалко, Ванды нет, небось не посмотрел бы».

Елена просит извинения.

— Пожа-пожа-пожалуйста, — пели разные голоса.

— Никол, играй марш пока.

— Одну секунду.

«Письмо из-за границы. Да неужели? Вот бывают же такие письма. Только возьмешь в руки конверт, а уже знаешь, что там такое. И как оно пришло? Никакие письма не ходят. Даже из Житомира в Город приходится посылать почему-то с оказией. И как всё у нас глупо, дико в этой стране. Ведь оказия-то эта самая тоже в поезде едет. Почему же, спрашивается, письма не могут ездить, пропадают? А вот это дошло. Не беспокойтесь, такое письмо дойдет, найдет адресата. Var...* Варшава. Варшава. Но почерк не Тальберга. Как неприятно сердце бьется».

Хоть на лампе и был абажур, в спальне Елены стало так нехорошо, словно кто-то сдернул цветистый шелк и резкий свет ударил в глаза и создал хаос укладки. Лицо Елены изменилось, стало похоже на старинное лицо матери, смотревшей из резной рамы. Губы дрогнули, но сложились презрительные складки. Дернула ртом. Вышедший из рваного конверта листок рубчатой серенькой бумаги лежал в пучке света.

> «...Тут только узнала, что ты развелась с мужем. Остроумовы видели Сергея Ивановича в посольстве — он уезжает в Париж, вместе с семьей Герц; говорят, что он женится на Лидочке Герц; как странно всё делается в этой кутерьме. Я жалею, что ты не уехала. Жаль всех вас, оставшихся в лапах у мужиков. Здесь в газетах, что будто бы Петлюра наступает на Город. Мы надеемся, что немцы его не пустят...»

В голове у Елены механически прыгал и стучал Николкин марш сквозь стены и дверь, наглухо завешенную Людовиком XIV. Людовик смеялся, откинув руку с тростью, увитой лентами. В дверь стукнула рукоять палки, и Турбин вошел, постукивая. Он покосился на лицо сестры, дернул ртом так же, как и она, и спросил:

— От Тальберга?

Елена помолчала, ей было стыдно и тяжело. Но потом сейчас же овладела собой и подтолкнула листок Турбину: «От Оли... из Варшавы...» Турбин внимательно вцепился глазами в строчки и забегал, пока не прочитал все до конца, потом еще раз обращение прочитал:

> «Дорогая Леночка, не знаю, дойдет ли...»

---

* Вар... (*фр.*).

У него на лице заиграли различные краски. Так — общий тон шафранный, у скул розовато, а глаза из голубых превратились в черные. В общем это бывало с доктором Турбиным редко, в общем он был человек мягкий, совершенно излишне мягкий.

— С каким бы удовольствием... — процедил он сквозь зубы, — я б по морде съездил...

— Кому? — спросила Елена и шмыгнула носом, в котором скоплялись слезы.

— Самому себе, — ответил, изнывая от стыда, доктор Турбин, — за то, что поцеловался тогда с ним.

Елена моментально заплакала.

— Сделай ты мне такое одолжение, — продолжал Турбин, — убери ты к чертовой матери вот эту штуку. — Он рукоятью ткнул в портрет на столе. Елена подала, всхлипывая, портрет Турбину. Турбин выдрал мгновенно из рамы карточку Сергея Ивановича и разодрал ее в клочья. Елена по-бабьи заревела, тряся плечами, и уткнулась Турбину в крахмальную грудь. Она косо, суеверно, с ужасом поглядывала на коричневую икону, перед которой всё еще горела лампадочка в золотой решетке.

«Вот помолилась... условие поставила... ну что ж... не сердись... не сердись, Матерь Божия», — подумала суеверная Елена.

Турбин испугался:

— Тише, ну тише... услышат они, что хорошего?

Но в гостиной не слыхали. Пианино под пальцами Николки изрыгало отчаянный марш «Двуглавый орел», и слышался топот ног. Потом долетел взрыв смеха.

— Я на службу поступлю, — растерянно бормотала Елена, давясь слезами.

— А ну тебя со службой, — сипло шептал Турбин.

***

Елена, напудренная, с подмазанными поблекшими глазами вышла в гостиную. Все двинулись к ней. Шервинский выпихнул на середину Петьку Щеглова. Тот, ошеломленный огнями, пляской и неизвестными веселыми людьми, готовый на всё, выступил и выложил Елене с таким видом, как будто ему всё равно:

— Папа мажет...

— Йодом... (*Шепот суфлера.*)

— Йодом бок[18], мама пляшет кек-вок[19].

— Господа!!

***

Ходить можно только до 12 часов ночи. Почему — неизвестно. Но до двенадцати. Поэтому ровно в четверть двенадцатого поднялась Ирина Най и стала прощаться. Огни на елке догорели, разогретая хвоя источала лесной дух, на полу блестело в двух местах олово конфет[20], пахло апельсинными корками.

— Приходите, приходите к нам еще, — говорила Елена, — мы все так рады были познакомиться с вами.

— Сейчас мы вас проводим, будьте спокойны, — говорил Мышлаевский, улыбаясь Ирине и косясь на Николку, — кто-нибудь проводит. Я или Федор Николаевич...

Николка побледнел и засопел. «Какая свинья... — подумал он слезливо, — чего он на меня взъелся и портит мне жизнь».

— Или, может быть, Никол Васильевич? — сжалился Мышлаевский. — Никол, ты можешь?.. Или ты будешь хозяйничать?

— Нет, я могу, конечно. Я... — не своим голосом ответил Николка и тотчас же надел фуражку.

— Да, я могу... сию минуту... — встрял Лариосик, хотя его никто и не просил, и тотчас начал щурить глаза, разыскивая свою шапку.

«Вот несчастье, господи... вот несчастье», — подумал Николка и торопливо, оборвав вешалку на шинели, полез в рукава.

— Нет, Ларион, уж Никол проводит, он оделся, — оторвался с колен Мышлаевский — он застегивал пуговицы на серых ботах Ирины Най, — ты, пожалуйста, останься. Ты специалист по разведению спирта. Я спирту принес.

— Я?.. Ага?.. Да... — в высшей степени изумленно отозвался Лариосик, ни разу в жизни не разводивший спирта.

— Господа, напгасно вы беспокоитесь, я сама дойду. Я нисколько не боюсь.

— Нет уж, это нельзя, — скрепил Мышлаевский, — та́к мы вас отпустить не можем. А с Николом вы будете как за каменной стеной.

Был ясный, сильный мороз, пустынная улица. Как только они вышли и дверь прогремела сложными запорами под руками Лариосика, глаза Ирины Най провалились в черных кольцах, а лицо побелело; потом брызнул из-за угла свет высокого фонаря, и они миновали дощатый забор, ограждавший двор № 13, и стали подниматься вверх по спуску. Ирина зябко передернула плечами и уткнула подбородок в мех. Николка шагал рядом, мучаясь страшным и непреодолимым: как предложить ей руку. И никак не мог. На язык

как будто повесили гирю фунта в два. «Идти так нельзя. Невозможно. А как сказать?.. Позвольте вам... Нет, она, может быть, что-нибудь подумает. И, может быть, ей неприятно идти со мной под руку?.. Эх!..»

— Какой мороз, — сказал Николка.

Ирина глянула вверх, где в небе многие звезды и в стороне на скате купола луна над потухшей семинарией на далеких горах, ответила:

— Очень. Я боюсь, что вы замегзнете.

«На́ тебе. На, — подумал тяжко Николка, — не только не может быть и речи о том, чтобы взять ее под руку, но ей даже неприятно, что я с ней пошел. Иначе никак нельзя истолковать такой намек...»

Ирина тут же поскользнулась, крикнула «ай» и ухватилась за рукав шинели. Николка захлебнулся. Но такой случай все-таки не пропустил. Ведь уж дураком нужно быть. Он сказал:

— Позвольте вас под руку...

— А где ваши пегчатки?.. Вы замегзнете... Не хочу.

Николка побледнел и твердо поклялся звезде Венере: «Приду и тотчас же застрелюсь. Кончено. Позор».

— Я забыл перчатки под зеркалом...

Тут ее глаза оказались поближе возле него, и он убедился, что в этих глазах не только чернота звездной ночи и уже тающий траур по картавому полковнику, но лукавство и смех. Она сама взяла правой рукой его правую руку, продернула ее через свою левую, кисть его всунула в свою муфту, уложила рядом со своей и добавила загадочные слова, над которыми Николка продумал целых 12 минут до самой Мало-Провальной:

— Нужно быть половчей...

«Царевна... На что я надеюсь? Будущее мое темно и безнадежно. Я неловок. И университета еще даже не начинал... Красавица...» — думал Никол. И никакой красавицей Ирина Най вовсе не была. Обыкновенная миловидная девушка с черными глазами. Правда, стройная, да еще рот недурен, правилен, волосы блестящие, черные.

У флигеля в первом ярусе таинственного сада, у темной двери остановились. Луна где-то вырезывалась за переплетом деревьев, и снег был пятнами, то черный, то фиолетовый, то белый. Во флигеле все окошки были черны, кроме одного, светящегося уютным огнем. Ирина прислонилась к черной двери, откинула голову и смотрела на Николку, как будто чего-то ждала. Николка в отчаянии, что он, «о, глупый», за 20 минут ничего ровно не сумел ей сказать, в отчаянии, что сейчас она уйдет от него в дверь, в этот момент, как раз когда какие-то важные слова складываются у него в никуда

не годной голове, осмелел до отчаяния, сам залез рукой в муфту и искал там руку, в великом изумлении убедившись, что эта рука, которая всю дорогу была в перчатке, теперь, оказывается, без перчатки. Кругом была совершенная тишина. Город спал.

— Идите, — сказала Ирина Най очень негромко, — идите, а то вас петлюровцы агестуют.

— Ну и пусть, — искренне ответил Николка, — пусть.

— Нет, не пусть. Не пусть. — Она помолчала. — Мне будет жалко...

— Жал-ко?.. А?.. — И он сжал руку в муфте сильней.

Тогда Ирина высвободила руку вместе с муфтой, так с муфтой и положила ему на плечо. Глаза ее сделались чрезвычайно большими, как черные цветы, как показалось Николке, качнула Николку так, что он прикоснулся пуговицами с орлами к бархату шубки, вздохнула и поцеловала его в самые губы.

— Может быть, вы хгабгый, но такой неповоготливый...

Тут Николка, чувствуя, что он стал безумно храбрым, отчаянным и очень поворотливым, охватил Най и поцеловал в губы. Ирина Най коварно закинула правую руку назад и, не открывая глаз, ухитрилась позвонить. И тотчас шаги и кашель матери послышались во флигеле, и дрогнула дверь... Николкины руки разжались.

— Завтга пгиходите, — зашептала Най, — вечегом. А сейчас уходите, уходите...

По совершенно пустым улицам, хрустя, вернулся Николка, и почему-то не по тротуару, а по мостовой посредине, близ рельсов трамвая. Он шел, как пьяный, расстегнув шинель, заломив фуражку, чувствуя, что мороз так и щиплет уши. В голове и на языке гудела веселая фриска из рапсодии, а ноги шли сами. Город был бел, ослеплен луной, и тьма-тьмущая звезд красовалась над головой. Ни один черт их не подсчитает. Да и надобности нет считать их, знать по именам. Кажется, сидела среди них одна пастушеская вечерняя Венера, да еще мерцал безумно далекий, зловещий и красный Марс.

***

Рана Турбина заживала сверхъестественно. Круглые дырки перестали источать гной. Затем они стали зарастать. Турбин перестал носить разрезанные рубахи, уменьшилась повязка, а 24 января Николка спустился по лестнице, все двери прошел и снял заклейку с таблицы[21]. Таблица выглянула на свет Божий. Ясным ровным молочным январским днем в кабинете Турбина

горел синим лохматым пламенем примус; Турбин возился в белом кабинетике, звеня инструментами, пересматривая и перекладывая какие-то склянки. Вечер 24 января прошел мирно и тихо, и никто не появился из пациентов. Турбин походил по гостиной, очень часто поглядывая на карманные часы, в 8 часов вечера оделся и ушел из квартиры, неопределенно сказав:

— Вернусь в половине десятого или в одиннадцать.

И вечер пошел своим порядком. Понятное дело, появился и Шервинский, и Мышлаевский. Карась бывал редко. Карась решил плюнуть на все и, запасшись студенческим документом, а офицерские запрятав куда-то, так что сам черт бы их не нашел, ухитрился поступить в петлюровскую продовольственную управу. Изредка Карась появлялся в турбинском убежище и рассказывал, какой нехороший украинский язык.

— Какой он украинский?.. — сипел Мышлаевский. — Никогда на таком языке никакой дьявол не говорил. Это его твой этот, как его, Винниченко выдумал...

— Почему он мой?.. — протестовал [Карась]. — Я ничего общего с ним не желаю иметь.

— И не имей, — говорил Мышлаевский, выставляя ноги на средину комнаты, — подозрительная личность этот Винниченко, а ты джентльмен.

— Выбачайте*, панове, — говорил по-украински Николка и делал при этом маленькие глаза.

Если при этом присутствовал Турбин, он говорил:

— Я тебя покорнейше прошу не говорить на этом языке.

— Выбачаюсь, — отвечал Николка.

Потом с Николкой происходила резкая перемена. Он переставал шутить, становился серьезным и выбирался к себе в комнату; там дольше, чем обыкновенно, делал туалет, там же надевал пальто и уходил, стараясь сделать это незаметно. Но, несмотря на всё это, все прекрасно знали, куда направляется Николка. Да и знать это было нетрудно. Николка приобрел страсть к крахмальным воротникам. Щеткой чистил локти, которые у него вечно были в мелу, и один раз неожиданно побрился, взяв для этой цели бритву у Лариосика. Вежливый и отзывчивый Лариосик охотно снабдил Николку всеми принадлежностями, необходимыми для бритья, но не удержался, чтобы не сказать, щурясь и моргая:

— Ты, Николка, светлый, тебе, в сущности, можно и не бриться. Ничего не заметно. А щеку ты подпирай языком...

---

* Извините (*укр.*, *искаж.*).

Николка, косясь в зеркало, подпер густо намыленную щеку языком, и тотчас по щеке, смешиваясь с белым мылом, потекла вишневая кровь.

Итак, братья Турбины большею частью отсутствовали по вечерам. Мышлаевский же и Шервинский прочно обосновались в убежище и ночевали почти каждую ночь. Благодаря присутствию Мышлаевского, все трапезы, как дневные, так и вечерние, превратились в закусывания, при которых горячие блюда были второстепенными добавлениями. В фокусе стали селедки под острым соусом, огурцы и лук, и в столовой в конце концов утвердился прочный запах небольшого и уютного ресторана.

— Ты, Виктор, такую массу водки пьешь, что у тебя склероз сделается[22], — говорила золотая Елена, плавая в струях синего табачного дыма.

— Шампанского для нас еще Петлюра не припас, — хрипел Мышлаевский, исчезая в облаках ядовитого дыма, — вся надежда на большевиков: теперь, может, они напоят.

* * *

Глубокими вечерами или ночью, когда уже все сходились и Турбин, таинственно погруженный в свои склянки и бумаги, сидел, окрашенный зеленым светом, у себя в спальне, из комнаты Николки доносились гитарные звоны-переливы, и часто, сидя по-турецки на кровати, слушал Николка, как Лариосик декламирует ему свои стихи.

И падает время,
И падает время... —

глухим голосом читал Лариосик, выкатывая глаза, —

Как капли в пещере...[23]

— Очень хорошо, Ларион, очень, — одобрял Николка.

Да, время падало совершенно незаметно, как капли в пещере. Пролетали белые дни, то с вертящимися метелями, то закованные в белый мороз, медленно протекали жаркие вечера. Из гостиной часто слышалось медовое пение Демона:

К тебе я стану прилетать...[24]

Демон каждый вечер в бобровой шапке и шубе приезжал в трамвае из далекого Дикого переулка[25]. И пел. Голос его становился всё лучше и лучше, как будто бы даже с каждым днем.

«В сущности, дрянь малый, беспринципный, — думала Елена в тихой печали, глядя в окно на оперные огни, — но голос изумительный, бог его знает, приспособленный. Нет, этот не пропадет, будьте покойны».

Огни подмигивали ложно, как будто стараясь уверить, что всё хорошо и спокойно в Городе, что Петлюра — это так, вздор — Пэттура, а соль вся здесь, в теплых стенах, в полутемной гостиной. И чувствовалось, что это ложно, увы, нет там, в небесах, покоя, где горит дрожащий Марс. Нужно ловить каждую эту минутку, что падает, как капля, в жарком доме, скатываясь с часов; а то кто поручится, что не разломятся небеса змеевидной шрапнельной ракетой, не заворчит опять даль.

— Оставьте руку, Шервинский, — вяло говорила Елена полушепотом, — оставьте.

Но Шервинский не отставал, пальцы его играли на кисти, потом пробирались к локтю, к плечу. Изредка он наклонялся к плечу, норовил гладкими бритыми губами поцеловать в плечо.

— Ах, наглец, наглец, — шепотом говорила Елена. Гитара... трень... трень... Неопределенно... глухо... потому что, видите ли, ничего еще не известно...

«Не было печали, — думал под зеленым абажуром Турбин, — от одной дряни избавились, и обязательно будет другая. Вот чертовы бабы... Никогда их к хорошему человеку не потянет. Он, правда, особенного ничего плохого не сделал, но ведь какой же он, к черту, муж? Врун, каких свет не производил, идейки никакой в голове. Только что голос. Но ведь голос можно и так слушать, не выходя замуж. Да... А, черт...»

Турбин вставал, ходил, курил, дергая ртом, и все прогулки по комнате неизменно заканчивались одним и тем же: Турбин доставал из ящика письменного стола кабинетный портрет[26], откидывал папиросную бумагу и вглядывался в лицо женщины с черными бровями и светлыми волосами. Вздыхал, рот кривил. Говорил — «не пойду...» Стискивал зубы и немедленно уезжал.

Глубокими вечерами сидел в пыльной низкой со старинным запахом комнате и бормотал, глядя то на эполеты 40-х годов, то в глаза Юлии Марковны:[27]

— Скажи мне, кого ты любишь?

— Никого, — отвечала Юлия Марковна и глядела так, что сам черт не разобрал бы, правда ли это или нет.

— Выходи за меня... выходи, — говорил Турбин, стискивая руку.

Юлия Марковна отрицательно качала головой и улыбалась.

Турбин хватал ее за горло, душил, шипел:

— Скажи, чья это карточка стояла на столе, когда я раненый был у тебя?.. Черные баки...

Лицо Юлии Марковны наливалось кровью, она начинала хрипеть. Жалко — пальцы разжимаются...

— Это мой двою... троюродный брат.

— Где он?

— Уехал в Москву.

— Большевик?

— Нет, он инженер.

— Зачем в Москву поехал?..

— Дело у него.

Кровь отливала, и глаза Юлии Марковны становились хрустальными. Интересно, что можно прочитать в хрустале? Ничего нельзя.

— Почему тебя муж оставил?

— Я его оставила.

— Почему?

— Он — дрянь.

— Ты дрянь и лгунья. Я тебя люблю, гадину.

Юлия Марковна улыбалась.

Так вечера и так ночи. Турбин уходил около полуночи через многоярусный сад, с искусанными губами. Смотрел на дырявый закостеневший переплет деревьев, что-то шептал.

— Деньги нужны...

И однажды напоролся на Николку. Николка, блестя воротничком и пуговицами шинели, шел, заломив голову и изучая звезды. Так и столкнулись нос к носу в нижнем ярусе сада у начала кирпичной дорожки, ведущей к мшистой калитке. Произошла пауза.

— Ты, Никол? Ты где был? Гм...

— Я к Най-Турсам ходил, — сообщил Николка, убирая глаза куда-то в сторону, — расписание поездов носил.

— Разве они уезжают?

— Нет, они нет, — ответил неожиданно навравший про расписание Николка и сам же испугался. Как это так — уезжают? Кто уезжает? Даже жутко. — Нет, это, видишь ли, Алеша, старушка-хозяйка.

— Ну ладно. Не важно... Так они тут во флигеле?

— Ей-богу, — сказал Николка.

— Ну, идем вместе.

Братья заскрипели по снегу. Захлопнули калитку.

— А ты, Алеша, здесь тоже был?

— М-да, — послышалось в воротнике.

— По делам или к больному?

— К... угу, — ответил воротник.

— Оригинальный сад, — начал занимать Николка брата разговором, — всё ярусы, ярусы, флигеля...

— Угу.

* * *

Турбин дал себе слово не читать газет, тем более украинских. Сидел дома, смутно слышал о том, что говорится в Городе; за вечерним чаем, лишь только начинался разговор о Петлюре, начинал речь о том, что это, конечно, миф и что продолжаться это долго не может.

— А что же будет? — спросила Елена.

— А будут, кажется, большевики, — ответил Турбин.

— Господи Боже мой, — сказала Елена.

— Пожалуй, лучше будет, — неожиданно вставил Мышлаевский, — по крайней мере, сразу поотвинчивают нам всем головы, и станет чисто и спокойно. Зато на русском языке. Заберут в эту, как их, че-ку[28], по матери обложат и выведут в расход.

— Что ты гадости какие-то говоришь?

— Извини, Леночка, но, кажется, что-то здорово с Москвы ветром потянуло.

— Да, будьте любезны, — присоединился к разговору и Демон-Шервинский и выложил на стол газету — «Вести».

— Вот сволочь, — ответил Турбин, — как же она уцелела?

Действительно, эта бессмертная газета была единственной уцелевшей на русском языке. Полмесяца жила газета тем, что поносила покойного гетмана и говорила о том, что Петлюра имеет здоровые корни и что мобилизация идет у нас блестяще. Вторые полмесяца она печатала приказы таинственного Петлюры на двух языках — ломаном украинском и параллельном ломаном русском, а третьи — передовые о том, что большевики негодяи и покушаются на здоровую украинскую государственность, и еще какие-то таинственные и мутные сводки, из которых можно было при внимательном чтении узнать,

что какая-то чепуха вновь закипает на Украине[29] и где-то, оказывается, идет драка с поляками[30], где-то идет драка с большевиками, причем...

— Позвольте... позвольте...

Р-раз... и нарушил Турбин свое честное слово. Впился в газету...

«...врачам и фельдшерам явиться на регистрацию... под угрозой тягчайшей ответственности...»[31]

— Начальник санитарного управления у этого босяка Петлюры доктор Курицкий...

— Ты смотри, Алексей, лучше зарегистрируйся, — насторожился Мышлаевский, — а то влипнешь, как пить дать. Ты на комиссию подай[32].

— Покорнейше благодарю, — Турбин указал на плечо, — а они меня разденут и спросят: кто вам это украшение посадил? Дырки-то свежие. И влипнешь еще хуже. Вот что придется сделать. Ты, Никол, снеси за меня эту идиотскую анкету, сообщишь, что я немного нездоров. А там видно будет.

— А они тебя катанут в полк, — сказал Мышлаевский, — раз ты здоровым себя покажешь.

Турбин сложил кукиш и показал его туда, где можно было предполагать мифического и безликого Петлюру.

— В ту же минуту на нелегальное положение и буду сидеть, пока этого проходимца не вышибут из Города.

— Уберут, — сказал уверенно Карась.

— Кто?

— Об этом товарищ Троцкий позаботится, можешь быть уверен, — пояснил мрачный Мышлаевский.

* * *

Деньги. Черт возьми, практика лопнула. Позвольте. Звонок. Ну-ка, Никол. Открывай.

Первый пациент появился 30 января вечером, часов около шести, Вежливо приподняв шапку Николке, он поднялся с ним вместе по лестнице, в передней снял пальто с козьим мехом и попал в гостиную. Обитатели квартиры сошлись в столовой и повели тихую беседу, как всегда бывало, когда Алексей начинал принимать.

— Пожалуйте, — сказал Турбин.

С кресла поднялся худенький и желтоватый молодой человек в сереньком френче. Глаза его были мутны и сосредоточенны. Турбин в белом халате посторонился и пропустил его в кабинет.

— Садитесь, пожалуйста. Чем могу служить?

— У меня сифилис, — хрипловатым голосом сказал посетитель и посмотрел на Турбина прямо и мрачно.

— Лечились уже?

— Лечился, но плохо и неаккуратно. Лечение мало помогало.

— Кто направил вас ко мне?

— Настоятель церкви Николая Доброго отец Александр.

— Как?

— Отец Александр.

— Вы что же, знакомы с ним?

— Я у него исповедался, и беседа святого старика принесла мне душевное облегчение, — объяснил посетитель, глядя в небо. — Мне не следовало лечиться... Я так полагал. Нужно было бы терпеливо снести испытание, ниспосланное мне Богом за мой страшный грех, но настоятель внушил мне, что это я рассуждаю неправильно. И я подчинился ему.

Турбин внимательнейшим образом впился в зрачки пациенту и первым долгом стал исследовать рефлексы. Но зрачки у владельца козьего меха оказались обыкновенные, только полные одной печальной чернотой.

— Вот что, — сказал Турбин, отбрасывая молоток, — вы человек, по-видимому, религиозный?

— Да, я день и ночь думаю о Боге и молюсь ему. Единственному прибежищу и утешителю.

— Это, конечно, очень хорошо, — осторожно перебил Турбин, не спуская глаз с его глаз, — и я отношусь к этому с уважением, но вот что я вам посоветую: на время лечения вы уж откажитесь от вашей упорной мысли о Боге. Дело в том, что он у вас начинает смахивать на идею-фикс. А в вашем состоянии это будет безусловно вредно. Вам нужен воздух, движение и сон.

— По ночам я молюсь.

— Нет, это придется изменить. Часы молитвы придется сократить. Они вас будут утомлять, а вам необходим покой.

Больной покорно опустил глаза.

Он стоял перед Турбиным обнаженным и подчинялся осмотру.

— Кокаин вы не нюхали?

— В числе мерзостей и пороков, которым я предавался, был и этот. Теперь нет.

«Черт его знает... а вдруг жулик... притворяется; надо будет посмотреть, чтобы в передней шубы не пропали».

Турбин нарисовал ручкой молотка на груди у больного большой знак вопроса. Белый знак превратился в красный.

— Вот видите, дермографизм у вас есть. Вы перестаньте увлекаться религиозными вопросами. Вообще поменьше предавайтесь всяким тягостным размышлениям. Одевайтесь. С завтрашнего дня начну вам впрыскивать ртуть, а через неделю первое вливание.

— Хорошо, доктор.

— Кокаин нельзя. Пить нельзя. Женщины тоже...

— Я удалился от женщин и ядов. Удалился и от злых людей, — говорил больной, застегивая рубашку, — злой гений моей жизни, предтеча антихриста, уехал в город дьявола.

— Батюшка, нельзя так, — застонал Турбин, — ведь вы же в психиатрическую лечебницу попадете. Про какого антихриста вы говорите?

— Я говорю про его предтечу Михаила Семеновича Шполянского, человека с глазами змеи и с черными баками.

— Как вы говорите? С черными баками? А скажите, пожалуйста, где он живет?

— Он уехал в царство антихриста, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра...

— Это вы большевиков аггелами? Согласен. Но все-таки так нельзя... «Баки...» Вот что...

Ammon. bromat.
Kal. bromat.
*Natr. bromat**[33].

Вы бром будете пить. По столовой ложке три раза в день... Какой он из себя... этот ваш предтеча?

— Он черный...

— Молодой?

— Да, он молодой. Но мерзости в нем, как в тысячелетнем диаволе. Жен он склоняет на разврат, юношей на порок, и трубят уже, трубят боевые трубы грешных полчищ, и виден над полями лик сатаны.

— Троцкого?

* Бромид аммония. Бромид калия. Бромид натрия (*лат.*, *сокращ.*).

— Да, это имя его, которое он принял. А настоящее его имя по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель.

— Ну, батюшка, серьезно вам говорю: если вы не прекратите это, вы, смотрите... у вас мания развивается... «Баки...»

— Нет, доктор, я нормален. Вы не думайте. Сколько, доктор, вы берете за ваш святой труд?

— Помилуйте, что́ у вас на каждом шагу слово «святой»? Ничего особенно святого я в своем труде не вижу. Беру я четыреста за первый курс, который продолжается около полутора месяцев. Если будете лечиться у меня, оставьте часть в задаток.

— Очень хорошо.

Френч расстегнулся.

— У вас, может быть, денег мало, — пробурчал Турбин, глядя на потертые колени, — «нет, он не жулик... нет... но свихнется», — тогда можете меньше оставить.

— Нет, доктор, зачем же. Вы облегчаете по-своему человечество.

— И иногда очень удачно. Пожалуйста, бром принимайте аккуратно.

— Полное облегчение, уважаемый доктор, мы получим только там. — Больной вдохновенно указал в беленький потолок. — А сейчас ждут нас всех испытания, коих мы еще не видали... И наступят они очень скоро.

— Ну, покорнейше благодарю. Я уже испытал достаточно.

— Нельзя зарекаться, доктор, ох, нельзя, — бормотал больной, напяливая козий мех в передней, — ибо сказано: третий ангел вылил чашу в источник вод, и сделалась кровь.

«Где-то я уже слыхал это?.. Ах, ну конечно, с попом всласть натолковался. Вот подошли друг к другу — прелесть».

— Убедительно советую, поменьше читайте Апокалипсис... Повторяю, вам вредно... Честь имею кланяться. Завтра в шесть часов, пожалуйста. Никол, будь добр, выпусти.

* * *

Однажды вечером Шервинский вдохновенно поднял руку и молвил:

— Ну-с? Здорово? И когда стали их поднимать, оказалось, что на папахах у них красные звезды...

Открыв рты, Шервинского слушали все, даже Анюта прислонилась к дверям.

— Какие такие звезды? — мрачнейшим образом расспрашивал Мышлаевский.

— Маленькие, как кокарды, пятиконечные. На всех папахах. А в середине серп и молоточек[34]. Прут, как саранча[35], так и лезут. Первую дивизию Петлюрину побили к чертям.

— Да откуда это известно? — подозрительно спросил Мышлаевский.

— Очень хорошо известно, если они уже есть раненые в госпиталях в Городе.

— Алеша, — вскричал Николка, — ты знаешь, красные идут! Сейчас, говорят, бой идет под Бобровицами[36].

Турбин первоначально перекосил злобно лицо и сказал с шипением:

— Так и надо. Так ему, сукину сыну, мрази, и надо, — потом остановился и тоже рот открыл, — позвольте... это еще, может быть, так, утки...[37] небольшая банда...

— Утки? — радостно спросил Шервинский. Он развернул «Весть» и маникюренным ногтем отметил:

> «На Бобровицком направлении наши части доблестным ударом отбросили красных».

— Ну, тогда действительно гроб... Раз такое сообщение, значит, красные Бобровицы взяли.

— Определенно, — подтвердил Мышлаевский.

***

Эполеты на черном полотне. Старая кушетка.

— Ну-с, Юленька, — молвил Турбин и вынул из заднего кармана револьвер Мышлаевского, взятый напрокат на один вечер, — скажи, будь добра, в каких ты отношениях с Михаил Семеновичем Шполянским?

Юлия попятилась, наткнулась на стол; абажур звякнул... дзинь... В первый раз лицо Юлии стало неподдельно бледным.

— Алексей... Алексей... что ты делаешь?

— Скажи, Юлия, в каких ты отношениях с Михаил Семеновичем,— повторил Турбин твердо, как человек, решившийся наконец вырвать измучивший его гнилой зуб.

— Что ты хочешь знать? — спросила Юлия, глаза ее шевелились, она руками закрылась от дула.

— Только одно: он твой любовник или нет?

Лицо Юлии Марковны ожило немного. Немного крови вернулось к голове. Глаза ее блеснули странно, как будто вопрос Турбина показался ей легким, совсем не трудным вопросом, как будто она ждала худшего[38]. Голос ее ожил.

— Ты не имеешь права мучить меня... ты, — заговорила она, — ну хорошо... в последний раз говорю тебе: он моим любовником не был. Не был. Не был.

— Поклянись.

— Клянусь.

Глаза у Юлии Марковны были насквозь светлы, как хрусталь.

Поздно ночью доктор Турбин стоял перед Юлией Марковной на коленях, уткнувшись головой в колени, и бормотал:

— Ты замучила меня. Замучила меня, и этот месяц, что я узнал тебя, я не живу. Я тебя люблю, люблю... — страстно, облизывая губы, он бормотал...

Юлия Марковна наклонялась к нему и гладила его волосы.

— Скажи мне, зачем ты мне отдалась? Ты меня любишь? Любишь? Или же нет?

— Люблю, — ответила Юлия Марковна и посмотрела на задний карман стоящего на коленях.

***

Когда в полночь Турбин возвращался домой, был хрустальный мороз. Небо висело твердое, громадное, и звезды на нем были на<т>исканы красные, пятиконечные. Громаднее всех и всех живее — Марс. Но доктор не смотрел на звезды.

Шел и бормотал:

— Не хочу испытаний. Довольно. Только эта комната. Эполеты. Шандал.

В три дня всё повернулось наново, и испытание — последнее перед началом новой, неслыханной и невиданной жизни — упало сразу на всех. И вестником его был Лариосик. Это произошло ровно в 4 часа дня, когда в столовой собрались все к обеду. Был даже Карась. Лариосик появился в столовой в виде несколько более парадном, чем обычно (твердые манжеты торчали), и вежливо и глухо попросил:

— Не можете ли вы, Елена Васильевна, уделить мне две минуты времени?

— По секрету? — спросила удивленная Елена, шурша поднялась и ушла в спальню. Лариосик приплелся за ней.

— Придумал Ларион что-то интересненькое, — задумчиво сказал Николка.

Мышлаевский, с каждым днем мрачневший, мрачно оглянулся почему-то (он разбавлял на буфете спирт).

— Что такое? — спросила Елена.

Лариосик потянул носом воздух, прищурился на окно, поморгал и произнес такую речь:

— Я прошу у вас, Елена Васильевна, руки Анюты. Я люблю эту девушку. А так как она одинока, а вы ей вместо матери, я, как джентльмен, решил довести об этом до вашего сведения и просить вас ходатайствовать за меня.

Рыжая Елена, подняв брови до предела, села в кресло. Произошла большая пауза.

— Ларион, — наконец заговорила Елена, — решительно не знаю, что вам на это и сказать. Во-первых, простите, ведь так недавно еще пережили вашу драму... Вы сами говорили, что это неизгладимо...

Лариосик побагровел.

— Елена Васильевна, я вычеркнул ту дурную женщину из своего [сердца]. И даже карточку ее разорвал. Кончено. — Лариосик ладонью горизонтально отрезал кусок воздуху.

— Потом... Да вы серьезно говорите?

Лариосик обиделся.

— Елена Васильевна... Я...

— Ну, простите, простите... Ну, если серьезно, то вот что. Все-таки, Ларион Ларионыч, вы не забывайте, что вы по происхождению вовсе не пара Анюте...

— Елена Васильевна, от вас, с вашим сердцем, я никак не ожидал такого возражения.

Елена покраснела, запуталась.

— Я говорю это только вот к чему — возможен ли счастливый брак при таких условиях? Да и притом, может быть, она вас не любит?

— Это другое дело, — твердо вымолвил Лариосик, — тогда, конечно... Тогда... Во всяком случае, я вас прошу передать ей мое предложение...

— Почему вы ей сами не хотите сказать?

Лариосик потупился.

— Я смущаюсь... я застенчив...

— Хорошо, — сказала Елена, вставая, — но только хочу вас предупредить... мне кажется, что она любит кого-то другого...

Лариосик изменился в лице и затопал вслед за Еленой в столовую. На столе уже дымился суп.

— Начинайте без меня, господа, — сказала Елена, — я сейчас...

В комнате за кухней Анюта, сильно изменившаяся за последнее время, похудевшая и похорошевшая какою-то наивной зрелой красотой, попятилась от Елены, взмахнула руками и сказала:

— Да что вы, Елена Васильевна. Да не хочу я его.

— Ну что же... — ответила Елена с облегченным сердцем, — ты не волнуйся, откажи, и больше ничего. И живи спокойно. Успеешь еще.

В ответ на это Анюта взмахнула руками и, прислонившись к косяку, вдруг зарыдала.

— Что с тобой? — беспокойно спросила Елена. — Анюточка, что ты? Что ты? Из-за таких пустяков?

— Нет, — ответила, всхлипывая, Анюта, — нет, не пустяки... Я, Елена Васильевна, — она фартуком размазала по лицу слезы и в фартук сказала, — беременна.

— Что-о? Как? — спросила ошалевшая Елена таким тоном, словно Анюта сообщила ей совершенно невероятную вещь. — Как же это? Анюта?

* * *

В спальне под соколом поручик Мышлаевский впервые в жизни нарушил правило, преподанное некогда знаменитым командиром тяжелого мортирного дивизиона, — артиллерийский офицер никогда не должен теряться. Если он теряется, он не годится в артиллерию.

Поручик Мышлаевский растерялся.

— Знаешь, Виктор, ты все-таки свинья, — сказала Елена, качая головой.

— Ну уж и свинья?.. — робко и тускло молвил Мышлаевский и поник головой.

* * *

В сумерки знаменитого этого дня 2 февраля 1919 года, когда обед, скомканный к черту, отошел в полном беспорядке, а Мышлаевский увез Анюту с таинственной запиской Турбина в лечебницу (записка была добыта после страшной ругани с Турбиным в белом кабинетике Еленой), а Николка, сообразивший, в чем дело, утешал убитого Лариосика, в спальне у себя Елена в сумерках у притолоки сказала Шервинскому, который играл свою обычную гамму на кистях ее рук:

— Какие вы все прохвосты...

– Ничего подобного, – ответил шепотом Демон, нимало не смущаясь, и, притянув Елену, предварительно воровски оглянувшись, поцеловал ее в губы (в первый раз в жизни, надо сказать правду).

– Больше не появляйтесь в доме, – неубедительно шепнула Елена.

– Я не могу без вас жить, – зашептал Демон, и неизвестно, что бы он еще нашептал, если бы не брызнул в передней звонок.

В ночь на 3-е число

Из романа «Алый мах»

Пан куренный в ослепительном свете фонаря блеснул инеем, как елочный дед, и завопил на диковинном языке, состоящем из смеси русских, украинских и слов, сочиненных им самим — паном куренным.

— В бога и в мать!! Скидай сапоги, кажу тебе! Скидай, сволочь! И если ты не поморозив, так я тебе росстриляю, бога, душу, твою мать!!

Пан куренный взмахнул маузером, навел его на звезду Венеру, повисшую над Слободкой, и давнул гашетку[1]. Косая молния резнула пять раз, пять раз оглушительно весело ударил грохот из руки пана куренного, и пять же раз, кувыркнувшись весело — трах-тах-ах-тах-дах, — взмыло в обледеневших пролетах игривое эхо.

Затем будущего приват-доцента[2] и квалифицированного специалиста доктора Бакалейникова[3] сбросили с моста. Сечевики шарахнулись, как обезумевшее стадо, больничные халаты насели на них черной стеной, гнилой парапет крякнул, лопнул, и доктор Бакалейников, вскрикнув жалобно, упал, как куль с овсом.

Так — снег холодный. Но если с высоты трех саженей с моста в бездонный сугроб — он горячий, как кипяток.

Доктор Бакалейников вонзился, как перочинный ножик, пробил тонкий наст и, подняв на сажень обжигающую белую тучу, по горло исчез. Задохнувшись, рухнул на бок, еще глубже, нечеловеческим усилием взметнул вторую тучу, ощутил кипяток на щеках и за воротником и каким-то чудом вылез. Сначала по грудь, потом по колена, по щиколотки (кипяток в кальсонах) и наконец — твердая обледеневшая покатость.

На ней доктор сделал, против всякого своего желания, гигантский пируэт, ободрал об колючую проволоку левую руку в кровь и сел прямо на лед.

С моста два раза стукнул маузер, забушевал гул и топот. А выше этажом — бархатная божественная ночь в алмазных брызгах.

К дрожащим звездам доктор обратил свое лицо с белоснежными мохнатыми ресницами и звездам же начал свою речь, выплевывая снег изо рта:

— Я — дурак. Я — жалкая сволочь.

Слезы выступили на глазах у доктора, и он продолжал звездам и желтым мигающим огням Слободки:

— Дураков надо учить. Так мне и надо.

Он стал закоченевшей рукой тащить носовой платок из кармана брюк. Вытащил и обмотал кисть. На платке сейчас же выступила черная полоса. Доктор продолжал, уставившись в волшебное небо:

— Господи. Если Ты существуешь, сделай так, чтобы большевики сию минуту появились в Слободке. Сию минуту.

Впиваясь в желтые приветливые огоньки в приплюснутых домишках, доктор сделал глубочайший вздох…

— Я — монархист по своим убеждениям. Но в данный момент тут требуются большевики. Черт! Течет… здорово ободрал. Ах, мерзавцы. Ну и мерзавцы! Господи… Дай так, чтобы большевики сейчас же вон оттуда, из черной тьмы за Слободкой, обрушились на мост.

Доктор сладострастно зашипел, представив себе матросов в черных бушлатах. Они влетают как ураган, и больничные халаты бегут врассыпную. Остается пан куренный и эта гнусная обезьяна в алой шапке — полковник Мащенко[4]. Оба они падают на колени.

— Змилуйтесь, добродию! — вопят они.

Но доктор Бакалейников выступает вперед и говорит:

— Нет, товарищи! Нет. Я — монар… Нет, это лишнее… А так: я против смертной казни. Да. Против. Карла Маркса я, признаться, не читал и даже не совсем понимаю, при чем он здесь, в этой кутерьме, но этих двух нужно убить как бешеных собак. Это негодяи. Гнусные погромщики и грабители.

— А-а… так… — зловеще отвечают матросы.

А доктор Бакалейников продолжает:

— Да, т-товарищи. Я сам застрелю их!

В руках у доктора матросский револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому.

Тут снег за шиворотом растаял, озноб прошел по спине, и доктор Бакалейников опомнился. Весь в снеговой пудре, искрясь и сверкая, полез он по откосу обратно на мост. Руку нестерпимо дергало, и в голове звонили колокола.

Черные халаты стали полукругом. Серые толпы бежали перед ними и сгинули в загадочной Слободке. В двух шагах от пулемета на истоптанном снегу сидел сечевик без шапки и, тупо глядя в землю, разувался. Пан куренный, левой рукой упершись в бок, правой помахивал в такт своим словам маузером.

— Скидай, скидай, зануда, — говорил он.

На его круглом прыщеватом лице была холодная решимость. Хлопцы в тазах на головах, раскрыв рты, смотрели на сечевика. Жгучее любопытство светилось в щелочках глаз.

Сечевик возился долго. Сапог с дырой наконец слез. Под сапогом была сизо-черная, заскорузлая портянка. Свинцовых года полтора пронеслось над доктором, пока сечевик размотал мерзлую тряпку.

«Убьет... убьет... — гудело в голове, — ведь целы ноги у этого дурака. Господи, чего ж он молчит?»

Не то вздох, не то гул вырвался у хлопцев.

Сечевик сбросил наконец омерзительную тряпку, медленно обеими руками поднял ногу к самому носу куренного. Торчала совершенно замороженная белая корявая ступня.

Мутное облако растерянности смыло с круглого лица пана куренного решимость. И моргнули белые ресницы.

— До лазарету. Пропустить його!

Расступились больничные халаты, и сечевик пошел на мост, ковыляя. Доктор Бакалейников глядел, как человек с босой ногой нес в руках сапог и ворох тряпья, и жгучая зависть терзала его сердце. Вот бы за ним! Тут. Вот он — город — тут! Горит на горах за рекой владимирский крест, и в небе лежит фосфорический бледный отсвет фонарей. Дома. Дома. Боже мой! О мир! О благостный покой!

Звериный визг вырвался внезапно из белого здания. Визг, потом уханье. Визг.

— Жида порют, — негромко и сочно звякнул голос[5].

Бакалейников застыл в морозной пудре, и колыхались перед глазами то белая стена и черные глазницы с выбитыми стеклами, то широкоскулое нечто, смутно напоминающее человеческое лицо, прикрытое серым германским тазом.

Словно ковер выколачивали в здании. И визг ширился, рос до того, что казалось, будто вся Слободка полна воем тысячи человек.

— Что ж это такое?! — чей-то голос выкрикнул звонко и резко. Только когда широкоскулое подобие оказалось возле самых глаз Бакалейникова, он

понял, что голос был его собственный, а также ясно понял, что еще секунда человеческого воя — и он с легким и радостным сердцем впустит ногти в рот широкого нечто и раздерет его в кровь. Нечто же, расширив глаза до предела, пятилось в тумане.

— За что вы его бьете?!

Не произошло непоправимой беды для будущего приват-доцента только потому, что грохот с моста утопил в себе и визг, и удары, а водоворот закрутил и рожу в шлеме, и самого Бакалейникова.

Новая толпа дезертиров — сечевиков и гайдамаков — посыпалась из пасти Слободки к мосту. Пан куренный, пятясь, поверх голов послал в черное устье четыре пули.

— Сыняя дывызья! Покажи себе! — как колотушка, стукнул голос полковника Мащенки. Шапка с алым верхом взметнулась, жеребец, сдавленный черными халатами, храпя от налезавшей щетины штыков, встал на дыбы.

— Кро-ком рушь!

Черный батальон Синей дивизии грянул хрустом сотен ног и, вынося в клещах конных старшин, выдавив последние остатки временного деревянного парапета, ввалился в черное устье и погнал перед собой обезумевших сечевиков. В грохоте смутно послышался голос:

— Хай живе батько Петлюра!!

***

О звездные родные украинские ночи. О мир и благостный покой!

....

***

В девять, когда черный строй смел перед собой и уважаемого доктора, и всё вообще к черту, в городе за рекой, в собственной квартире доктора Бакалейникова, был обычный мир в вещах и смятение в душах. Варвара Афанасьевна — жена доктора[6] — металась от одного черного окна к другому и всё всматривалась в них, как будто хотела разглядеть в черной гуще с редкими огнями мужа и Слободку.

Колька[7] Бакалейников и Юрий Леонидович[8] ходили за нею по пятам.

— Да брось, Варя! Ну чего ты беспокоишься? Ничего с ним не случилось. Правда, он дурак, что пошел, но, я думаю, догадается же он удрать!

— Ей-богу, ничего не случится, — утверждал Юрий Леонидович, и намасленные перья стояли у него на голове дыбом.

— Ах, вы только утешаете!.. Они его в Галицию увезут.

— Ну что ты, ей-богу. Придет он...

— Варвара Афанасьевна!!

— Хорошо, я проаккомпанирую... Боже мой! Что это за гадость? Что за перья?! Да вы с ума сошли! Где пробор?

— Хи-хи. Это он сделал прическу а-ля большевик.

— Ничего подобного, — залившись густой краской, солгал Юрий Леонидович.

Это, однако, была сущая правда. Под вечер, выходя от парикмахера Жана[9], который два месяца при Петлюре работал под загадочной вывеской «Голярня»*, Юрий Леонидович зазевался, глядя, как петлюровские штабные с красными хвостами драли в автомобилях на вокзал, и вплотную столкнулся с каким-то черным блузником[10]. Юрий Леонидович — вправо, и тот вправо, влево и влево... наконец разминулись.

— Подумаешь, украинский барин! Полтротуара занимает. Палки-то с золотыми шарами[11] отберут в общую кассу.

Вдумчивый и внимательный Юрий Леонидович обернулся, смерил черную замасленную спину, улыбнулся так, словно прочел на ней какие-то письм<ен>а, и пробормотал:

— Не стоит связываться. Поздравляю. Большевики ночью будут в городе.

Поэтому, приехав домой, он решил изменить облик и изменил его на удивление. Вместо вполне приличного пиджака оказался свэтр** с дырой на животе; палка с золотым набалдашником была сдана на хранение матери. Ушастая дрянь заменила бобровую шапку. А под дрянью на голове было черт знает что. Юрий Леонидович размочил сооружение Жана из «Голярни» и волосы зачесал назад. Получилось будто бы ничего, но когда они высохли и приподнялись... Боже!

— Уберите это! Я не буду аккомпанировать. Черт знает... Папуас!

— Команч, Вождь — Соколиный Глаз[12].

Юрий Леонидович покорно опустил голову.

— Ну, хорошо, я перечешусь.

— Я думаю — перечешетесь! Колька, отведи его в свою комнату.

Когда вернулись, Юрий Леонидович был по-прежнему не команч, а гладко причесанный бывший гвардейский офицер, а ныне ученик оперной студии Макрушина, обладатель феноменального баритона.

---

* «Парикмахерская» (*укр.*).

** Свитер (*укр.*, *искаж.*).

Город прекрасный... Го-о-род счастливый!
Моря царица, Веденец славный!..
Ти-и-хо порхает...

Бархатная лава затопила гостиную и смягчила сердца, полные тревоги.

О, го-о-о-о-род ди-и-вный!!

Звенящая лава залила до краев комнату, загремела бесчисленными отражениями от стен и дрогнувших стекол. И только когда приглаженный команч, приглушив звук, царствуя над покоренными аккордами, вывел изумительным меццо-воче:

Месяц сия-а-а-е-т с неба ночного!..[13] –

и Колька, и Варвара Афанасьевна расслышали дьявольски-грозный звон тазов.

Аккорд оборвался, но под педалью еще пело «до»[14], оборвался и голос, и Колька вскочил как ужаленный.

– Голову даю наотрез, что это Василиса! Он, он, проклятый!

– Боже мой...

– Ах, успокойтесь...

– Голову даю! И как такого труса земля терпит?

За окном плыл, глухо раскатываясь, шабаш. Колька заметался, втискивая в карман револьвер.

– Коля, брось браунинг! Коля, прошу тебя...

– Да не бойся ты, господи!

Стукнула дверь в столовой, затем на веранде, выходящей во двор. Шабаш ворвался на минуту в комнату. Во дворе, рядом во дворе и дальше по всей улице звонили тазы для варенья. Разлился, потрясая морозный воздух, гулкий, качающийся, тревожный грохот.

– Коля, не ходи со двора. Юрий Леонидович, не пускайте его!

Но дверь захлопнулась, оба исчезли, и глухо поплыло за стеной: дон... дон... дон...

Колька угадал. Василиса – домовладелец и буржуй, инженер и трус – был причиной тревоги. Не только в эту грозную, смутную ночь, когда ждали советскую власть на смену Петлюре, но и в течение всего года, что город принимал и отправлял куда-то вдаль самые различные власти, жил бедный Василиса в состоянии непрерывного хронического кошмара. В нем сменя-

лись и прыгали то грозные лица матросов с золотыми буквами на георгиевских лентах, то белые бумажки с синими печатями, то лихие гайдамацкие хвосты, то рожи германских лейтенантов с моноклями. В ушах стреляли винтовки ночью и днем, звонили тазы, из домовладельца Василиса превратился в председателя домкома и каждое утро, вставая, ждал бедняга какого-то еще нового чрезвычайного, всем сюрпризам сюрприза. И прежде всего дождался того, что природное свое имя, отчество и фамилию — Василий Иванович Лисович — утратил и стал Василисой.

На бесчисленных бумажках и анкетах, которых всякая власть требовала целые груды, преддомком начал писать: Вас. Лис. и длинную дрожащую закорючку. Всё это в предвидении какой-то страшной, необычайной ответственности перед грядущей, еще неизвестной, но, по мнению преддомкома, карающей властью.

Нечего и говорить, что лишь только Колька Бакалейников получил первую сахарную карточку с Вас. и Лис., весь двор начал называть домовладельца Василисой, а затем и все знакомые в городе. Так что имя Василий Иванович осталось в обращении лишь на крайний случай, при разговоре с Василисой в упор.

Колька, ведавший в качестве секретаря домкома списками домовой охраны, не мог отказать себе в удовольствии в великую ночь на третье число поставить на дежурство именно Василису в паре с самой рыхлой и сдобной женщиной во дворе Авдотьей Семеновной — женой сапожника. Поэтому в графе «2-е число, от 8 до 10» — Авдотья и Василиса.

Вообще удовольствия было много. Целый вечер Колька учил Василису обращению с австрийским карабином[15]. Василиса сидел на скамейке под стеной, обмякший и с помутневшими глазами, а Колька с сухим стуком выбрасывал экстрактором[16] патроны, стараясь попадать ими в Василису.

Наконец, насладившись вдоволь, собственноручно прикрепил к ветке акации медный таз для варенья (бить тревогу)[17] и ушел, оставив на скамейке совершенно неподвижного Василису рядом с хмурой Авдотьей.

— Вы посматривайте, Васил...ис... Иванович, — уныло-озабоченно бросил Колька на прощание, — в случае чего... того... на мушку. — И он зловеще подмигнул на карабин.

Авдотья плюнула.

— Чтоб он издох, этот Петлюра, сколько беспокойства людям...

Василиса пошевелился единственный раз после ухода Кольки. Он осторожно приподнял карабин руками за дуло и за ложе, положил его под скамейку дулом в сторону и замер.

Отчаяние овладело Василисой в десять, когда в городе начали замирать звуки жизни, а Авдотья заявила категорически, что ей нужно отлучиться на пять минут. Песнь Веденецкого гостя, глухо разлившаяся за кремовыми шторами, немного облегчила сердце несчастного Василисы. Но только на минуту. Как раз в это время на пригорке за забором, над крышей сарая, к которому уступами сбегал запушенный снегом сад, совершенно явственно мелькнула тень и с шелестом обвалился пласт снега. Василиса закрыл глаза и в течение мгновения увидел целый ряд картин: вот ворвались бандиты, вот перерезали Василисе горло, и вот он – Василиса – лежит в гробу мертвый. И Василиса, слабо охнув, два раза ударил палкой в таз. Тотчас же грохнули в соседнем дворе, затем через двор, а через минуту вся Андреевская улица[18] завывала медными угрожающими голосами, а в номере 17-м немедленно начали стрелять. Василиса, растопырив ноги, закоченел с палкой в руках.

Месяц сия…

Загремела дверь, и выскочил, натаскивая пальто в рукава, Колька, за ним Юрий Леонидович.

– Что случилось?

Василиса вместо ответа ткнул пальцем, указывая за сарай. Колька с Юрием Леонидовичем осторожно заглянули в калитку сада. Пусто и молчаливо было в нем, и Авдотьин кот давно уже удрал, ошалевший от дьявольского грохота.

– Вы первый ударили?

Василиса судорожно вздохнул, лизнул губы и ответил:

– Нет, кажется, не я…

Колька, отвернувшись, возвел глаза к небу и прошептал:

– О, что это за человек!

Затем он выбежал в калитку и пропадал с четверть часа. Сперва перестали греметь рядом, затем в номере 17-м, потом в номере 19-м, и только долго, долго кто-то еще стрелял в конце улицы, но перестал в конце концов и он. И опять наступило тревожное безмолвие.

Колька, вернувшись, прекратил пытку Василисы, властной рукой секретаря домкома вызвал Драбинского[19] с женой (10–12 час.) и юркнул обратно в дом. Вбежав на цыпочках в зал, Колька перевел дух и крикнул суфлерским шепотом:

– Ура! Радуйся, Варвара… Ура! Гонят Петлюру! Красные идут.

– Да что ты?

— Слушайте... Я сейчас выбежал на улицу, видел обоз. Уходят хвосты, говорю вам, уходят.

— Ты не врешь?

— Чудачка! Какая ж мне корысть?

Варвара Афанасьевна вскочила с кресла и заговорила торопливо:

— Неужели Михаил[20] вернется?

— Да, конечно. Я уверен, что их выдавили уже из Слободки. Ты слушай: как только их погонят, куда они пойдут? На город, ясно, через мост. Через город когда будут проходить, тут Михаил и уйдет!

— А если они не пустят?

— Ну-у... не пустят. Дураком не надо быть. Пусть сам бежит.

— Ясно, — подтвердил Юрий Леонидович и подбежал к пианино. Уселся, ткнул пальцем в клавиши и начал тихонько:

Соль... до!..[21]
Проклятьем заклеймен... —

а Колька, зажав руками рот, изобразил, как солдаты кричат «ура»:

— У-а-а-а!..

— Вы с ума сошли оба! Петлюровцы на улице!..

— У-а-а-а!.. Долой Петлю... ап!..

Варвара Афанасьевна бросилась к Кольке и зажала ему рот рукой.

* * *

Первое убийство в своей жизни доктор Бакалейников увидал секунда в секунду на переломе ночи со 2-го на 3-е число. В полночь у входа на проклятый мост. Человека в разорванном черном пальто, с лицом синим и черным в потеках крови, волокли по снегу два хлопца, а пан куренный бежал рядом и бил его шомполом по спине. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только странно ухал. Тяжело и хлестко впивался шомпол в разодранное в клочья пальто, и каждому удару отвечало сиплое:

— Ух... а.

Ноги Бакалейникова стали ватными, подогнулись, и качнулась заснеженная Слободка.

— А-а, жидовская морда! — исступленно кричал пан куренный. — К штабелю его на расстрел! Я тебе покажу, як по темным углам ховаться! Я т-тебе покажу! Що ты робив за штабелем? Що?!

Но окровавленный не отвечал. Тогда пан куренный забежал спереди, и хлопцы отскочили, чтоб самим увернуться от взлетевшей блестящей трости. Пан куренный не рассчитал удара и молниеносно опустил шомпол на голову. Что-то кракнуло, черный окровавленный не ответил уже: «ух»... Как-то странно подвернув руку и мотнув головой, с колен рухнул на бок и, широко отмахнув другой рукой, откинул ее, словно хотел побольше захватить для себя истоптанной, унавоженной белой земли.

Еще отчетливо Бакалейников видел, как крючковато согнулись пальцы и загребли снег. Потом в темной луже несколько раз дернул нижней челюстью лежащий, как будто давился, и разом стих.

Странно, словно каркнув, Бакалейников всхлипнул, пошел, пьяно шатаясь, вперед и в сторону от моста к белому зданию. Подняв голову к небу, увидел шипящий белый фонарь, а выше опять светило черное небо, опоясанное бледной перевязью Млечного Пути, и играющие звезды. И в ту же минуту, когда черный лежащий испустил дух, увидел доктор в небе чудо. Звезда Венера над Слободкой вдруг разорвалась в застывшей выси огненной змеей, брызнула огнем и оглушительно ударила. Черная даль, долго терпевшая злодейство, пришла наконец на помощь обессилевшему и жалкому в бессилье человеку. Вслед за звездой даль подала страшный звук, ударила громом тяжко и длинно. И тотчас хлопнула вторая звезда, но ниже, над самыми крышами, погребенными под снегом.

***

...Бежали серым стадом сечевики. И некому их было удержать. Бежала и Синяя дивизия нестройными толпами, и хвост<ат>ые шапки гайдамаков плясали над черной лентой. Исчез пан куренный, исчез полковник Мащенко. Остались позади навеки Слободка с желтыми огнями и ослепительной цепью белых огней освещенный мост. И город прекрасный, город счастливый выплывал навстречу на горах.

***

У белой церкви с колоннами доктор Бакалейников вдруг отделился от черной ленты[22] и, не чувствуя сердца, на странных негнущихся ногах пошел в сторону прямо на церковь. Ближе колонны. Еще ближе. Спину начали жечь как будто тысячи взглядов. Боже, всё заколочено! Нет ни души. Куда бежать? Куда? И вот оно сзади наконец страшное:

— Стый!

Ближе колонна. Сердца нет.

— Стый! Сты-ый!

Тут доктор Бакалейников — солидный человек — сорвался и кинулся бежать так, что засвистело в лицо.

— Тримай! Тримай його!!.

Раз. Грохнуло. Раз. Грохнуло. Удар. Удар. Удар. Третья колонна. Миг. Четвертая колонна. Пятая. Тут доктор случайно выиграл жизнь, кинулся в переулок. Иначе бы в момент догнали конные гайдамаки на освещенной, прямой, заколоченной Александровской улице. Но дальше — сеть переулков кривых и черных. Прощайте!

***

В пролом стены вдавился доктор Бакалейников. С минуту ждал смерти от разрыва сердца и глотал раскаленный воздух. Развеял по ветру удостоверение, что он мобилизован в качестве врача «першого* полку Сыней дывызии». На случай, если в пустом городе встретится красный первый патруль.

***

Около трех ночи в квартире доктора Бакалейникова залился оглушительный звонок.

— Ну, я ж говорил! — заорал Колька. — Перестань реветь! Перестань...

— Варвара Афанасьевна! Это он. Полноте.

Колька сорвался и полетел открывать.

— Боже ты мой!

Варвара Афанасьевна кинулась к Бакалейникову и отшатнулась.

— Да ты... да ты седой...[23]

Бакалейников тупо посмотрел в зеркало и улыбнулся криво, дернув щекой. Затем, поморщившись, с помощью Кольки стащил пальто и, ни слова не говоря, прошел в столовую, опустился на стул и весь обвис, как мешок. Варвара Афанасьевна глянула на него, и слезы опять закапали у нее из глаз. Юрий Леонидович и Колька, открыв рты, глядели в затылок Бакалейникову на белый вихор, и папиросы у обоих потухли.

---

* Первого (*укр.*, *искаж.*).

Бакалейников обвел глазами тихую столовую, остановил мутный взгляд на самоваре, несколько секунд вглядывался в свое искаженное изображение в блестящей грани.

— Да, — наконец выдавил он из себя бессмысленно.

Колька, услыхав это первое слово, решился спросить:

— Слушай, ты... Бежал, конечно? Да ты скажи, что ты у них делал.

— Вы знаете, — медленно ответил Бакалейников, — они, представьте... в больничных халатах, эти самые синие-то петлюровцы. В черных...

Еще что-то хотел сказать Бакалейников, но вместо речи получилось неожиданное. Он всхлипнул звонко, всхлипнул еще раз и разрыдался, как женщина, уткнув голову с седым вихром в руки. Варвара Афанасьевна, не зная еще, в чем дело, заплакала в ту же секунду. Юрий Леонидович и Колька растерялись до того, что даже побледнели. Колька опомнился первый и полетел в кабинет за валерианкой, а Юрий Леонидович сказал, прочистив горло, неизвестно к чему:

— Да, каналья этот Петлюра.

Бакалейников же поднял искаженное плачем лицо и, всхлипывая, выкрикнул:

— Бандиты... Но я... я... интеллигентская мразь! — и тоже неизвестно к чему...

И распространился запах эфира. Колька дрожащими руками начал отсчитывать капли в рюмку.

***

Через час город спал. Спал доктор Бакалейников. Молчали улицы, заколоченные подъезды, закрытые ворота. И не было ни одного человека на улицах. И даль молчала. Из-за реки, от Слободки с желтыми потревоженными огнями, от моста с бледной цепью фонарей не долетало ни звука. И сгинула черная лента, пересекшая город, в мраке на другой стороне. Небо висело — бархатный полог с алмазными брызгами, чудом склеившаяся Венера над Слободкой опять играла чуть красноватая, и лежала белая перевязь — путь серебряный, млечный.

МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Ю.Л. Слёзкин

СТОЛОВАЯ ГОРА[1]

Фрагменты

Глава третья

1

Алексей Васильевич[2] стоит перед столиком на сцене. Он произносит речь в защиту Пушкина[3].

Сцена еще не закончена постройкой, под ногами валяются стружки, доски, холст для декораций. Пахнет смолой, столярным клеем. Над лектором висит электрическая лампочка, освещающая его белокурые редкие волосы, но оставляя в тени лицо. Вытянутая тень ползет по колосникам[4]. У тени большой нос, длинные руки, дергающиеся то вверх, то в стороны.

Поодаль от Алексея Васильевича на скамье рядом сидят мастера цеха пролетарских поэтов[5], среди них Милочка[6]. Товарищ Авалов наклоняется к ней и, улыбаясь, что-то шепчет.

Он непременно будет возражать оппоненту, оставить без возражений его гладкую речь нельзя. Пушкин — революционер духа! Пожалуй, этому поверят олухи, собравшиеся сюда. Публика сегодня самая буржуазная.

Милочка волнуется. Щеки ее горят. Она чувствует себя хмельной. Товарищ Авалов — непререкаемый авторитет в их цехе. Он старый революционер[7], несмотря на свою молодость и студенческую фуражку, к тому же он футурист, поклонник Маяковского[8]. У него несомненные заслуги перед революцией, к тому же он «спец»[9] по литературе.

И он доказал как дважды два четыре, что Пушкин отъявленный контрреволюционер. Достаточно того, что он был камер-юнкером![10] Все его произведения проникнуты затхлым духом крепостничества. Он типичный представитель своей среды. И потому, что он талант, ему удалось наиболее полно и ярко запечатлеть черты своего класса в своих произведениях. Пролетариат должен помнить, что его поэзия — вне Пушкина и его присных, что Пушкин весь в прошлом, одна из страниц этого прошлого, вырванных навсегда из жизни пролетарской революцией.

Пушкина нужно сдать в архив, «скинуть с парохода современности» — очень просто, — положить его на самую верхнюю полку архива, так, чтобы никому не приходило в голову доставать его оттуда[11]. Точка.

2

Милочка аплодировала товарищу Авалову. Она не могла не аплодировать, если хотела «осознать себя частицей мирового пролетариата», если хотела строить будущее. И она аплодировала. Нужно бросать свои любимые игрушки, прятать их в сундук, когда становишься взрослой.

Как она могла отказаться от будущего? Ведь она так хотела жить, так воодушевляла ее борьба — эти алые знамена, кидающие свой вызов небу; бодрый стук машин, напрягшиеся мускулы, многоголосый гимн труду, победа жизни над косностью, над прахом. Ей казалось, что в лицо ей веет могучий ветер, что грудь ее ширится, что она видит миры, вовлеченные в вихрь революций... Да, это была ошеломляющая картина! Есть от чего опьянеть и отказаться даже от Пушкина...

Ее глаза не переставали блестеть: положительно ни на что не хватало времени. Подумайте только, — нужно прислуживать в кафе, прочесть Фромантена[12], проштудировать Мутера[13], изучить перспективу[14], бегать в студию Лито[15] и Изо[16], урвать час на этюды, секретарствовать в цехе поэтов и не пропустить ни одного собрания. Как мал человеческий день и как огромен, как неумолимо прекрасен мир!

Вот почему Милочка аплодировала товарищу Авалову, ну а потом, когда заговорил Алексей Васильевич... Нельзя отрицать, что он тоже говорил прекрасно, у него больше эрудиции, он опытный лектор, известный писатель...[17] Но какой же Пушкин революционер?! Напрасно Алексей Васильевич думает, что это говорит в ней стадность, дух дисциплины. Ничего подобного!

– Но вы же готовы были аплодировать и мне, – возражает Алексей Васильевич, улыбаясь.

Милочка молчит. Выражение лица ее несколько растерянно, но глаза всё еще блестят.

– Я видел, как вы подняли руки, чтобы аплодировать мне, но, оглянувшись на товарища Авалова, снова опустили их на колени. Я наблюдал за вами.

Они стоят оба у выхода из летнего театра. Диспут окончен. Мимо них идет густая толпа слушателей. В темноте то там, то здесь светят, чертят черную гущу светляки – огоньки папирос. Все говорят о диспуте. Все восхищены Алексеем Васильевичем – эти буржуазные барышни, учителя, члены Рабиса...[18]

– Нет, вы только подумайте, как он великолепно кончил, – раздается в темноте четкий актерский голос. – Он ударил в самую точку, крыть после этого было нечем. Он сказал: «В моей памяти запечатлелся навеки замечательный миг. Один из первых дней революции. Тысячные толпы двигались по улицам Москвы, и над ними реяли красные знамена. И вот два людских потока столкнулись – один льющийся по Тверской, другой по Страстному бульвару. Они замедлили свой ход и остановились. Кто-то вскочил на подножье Пушкинского памятника и взмахнул алым полотнищем. Толпа замерла – над ней стоял, склонив обнаженную голову, лучезарный поэт – Пушкин, и мне послышались его чеканные, полные революционного подъема слова:

Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»[19]

Черт возьми! Разве можно лучше закончить свою речь! В самую точку, в самую точку!

– А главное, не придерешься, – ехидно добавляет кто-то. И разговаривающие проходят дальше.

Алексей Васильевич передергивает острыми широкими плечами и сутулится.

– Разве это неправда? – спрашивает Алексей Васильевич, когда голоса замолкают. – Разве зрение изменило мне?

Милочка решительно вскидывает голову. Она не умеет лгать. Ну что же из этого? Пусть так!

— Да, я готова была аплодировать вам.

— Кто же прав в таком случае? — посмеиваясь, поддразнивает Алексей Васильевич.

Милочка открывает рот, мгновение шевелит губами, точно задохнувшись, но тотчас же кидает звонко и коротко:

— Оба!..

3

Алексей Васильевич идет медленно. Он опирается на палку — неуверенно, не сгибая, передвигает ноги. Он еще не оправился вполне после сыпного тифа, продержавшего его в кровати полтора месяца[20]. За это время многое переменилось. Он слег в кровать сотрудником большой газеты[21], своего рода «Русского Слова»[22] всего Северного Кавказа, охраняемого генералом Эрдели[23]. Его пригласили редактировать литературный и театральный отдел — вместе с другим очень популярным журналистом, предпринявшим турне по провинции.

Алексей Васильевич не мог не согласиться. Он устал, хотел отдохнуть, собраться с мыслями после долгих скитаний, после боевой обстановки, после походных лазаретов, сыпных бараков, бессонных ночей, проведенных среди искалеченных, изуродованных, отравленных людей. Он хотел, наконец, сесть за письменный стол, перелистать свои записные книжки, собрать свою душу, оставленную по кусочкам то там, то здесь — в холоде, голоде, нестерпимой боли никому не нужных страданий. Он слишком много видел, чтобы чему-нибудь верить. Нет, он не обольщал себя мыслью, что всё идет хорошо. Он не мог петь хвалебных гимнов Добрармии[24] или, стоя на подмостках, как его популярный коллега, громить большевиков. Он слишком много видел... Нет, он просто хотел сесть и написать что-нибудь для себя, давая в газету отчеты о премьерах, или легкий фельетон — какую-нибудь сценку из жизни, пустячок, забавную встречу или случай, что-нибудь вроде того, что произошло в Галиции при отступлении[25].

Это рассмешило его, позабавило ненадолго, навело на кое-какие соображения... Это был еще один камешек, брошенный на его чашку весов, подтверждающий его мысль, его убеждение, неотделимое от всего его существа.

Санитарная повозка была стиснута бегущими, отступающими войсками. Лошади перестали везти ее, потому что ее несли на своих плечах люди, обезумевшие от страха солдаты. И вот он видит, что впереди него в бричке[26] едет их полковой поп — настоящий Бог Саваоф[27] с большой седой бородой и могучей грудью. Он едет стоя, в величественной позе, держась одной рукой за возницу. И Алексей Васильевич всё внимание свое сосредоточивает на нем. Он следит за этой внушительной фигурой и вспоминает его проповеди, настоящие громы небесные, филиппики[28] Иоанна Златоуста[29], боевые призывы к победе над врагом и супостатом. Надежная опора христолюбивого воинства, правая рука полкового начальства — вот кто был этот служитель церкви! Толпа подхватила его и понесла со всеми — что можно поделать! Но всё же он возвышается над бегущими как щит, как прибежище.

Впереди появляются всадники-офицеры. Они машут обнаженными шашками и что-то кричат. Они бьют бегущих и пытаются остановить их. Но это не удается им. Лошади под ними взвиваются, становятся на дыбы, поворачивают по течению. Тогда офицеры напрягают легкие и кричат священнику, чтобы тот помог им: «Остановите этих мерзавцев!»[30] Алексей Васильевич весь напрягается, весь обращается в слух и зрение. Он хочет знать, чем это кончится. Подействуют ли в такую минуту на обезумевшую толпу небесные громы. И вот и видит, что поп поворачивает к бегущим свое лицо, величественное лицо Иеговы[31], и подымает длань — простирает ее перед собою. Лицо его бледно, но вдохновенно.

— Православные, — грохочет он, и жилы напрягаются у него на лбу, — православные, спасайся кто может!

Хе-хе! Вот это была речь! Речь, произнесенная от чистого сердца, вылившаяся из глубины груди, крик души, можно сказать.

И если бы вы видели, как подействовала она на слушателей! В каждом из тысяч бегущих нашла она отклик.

Хе-хе... ничего не поделаешь... нет человека, который хотя бы раз в жизни не захотел высказать накипевшее, показать себя в настоящем виде. Да, этот случай навел на кое-какие размышления... так, кое-что осветил... явился лишним штришком к общей картине... Но вы не подумайте... Нет, нет... конечно. Война — это...

Алексей Васильевич сутулится еще больше — он кажется совершенно плоским, вырезанным из картона, мыслится в одной плоскости, и движения его тоже все в одной плоскости — справа налево, слева направо и никогда — вперед.

— Вы посмотрите, — говорит ему редактор газеты, своего рода «Русского Слова», — мы должны пробуждать мужество, в тяжелую минуту говорить о доблести, о напряжении сил... вы положительно — юморист.

— О, конечно, — с готовностью подхватывает Алексей Васильевич, и только в углах губ его змеится улыбочка, — я, собственно, в этом смысле... как отрицательный пример... война — это...

Потом он слег и пролежал полтора месяца[32]. В бреду ему казалось, что его ловят, ведут в бой, режут на куски, отправляют в лазарет, сшивают и снова ведут в бой... Жена несменяемо дежурила над ним. Он ничего не рассказал ей о своем бреде, когда очнулся. Только молча пожал ей руку: по ее истощенному лицу догадался о том, как много она вынесла за время его болезни. Они давно привыкли понимать без слов друг друга...

4

Он улыбался, когда вышел впервые на улицу. В ушах шумело, как в раковине, ноги подвертывались, но он улыбался.

В редакции на месте редактора сидел юноша с бородой, в бурке[33], с револьвером — член ревкома[34].

— До прихода законной власти газета поступила в распоряжение временного революционного комитета, — говорит он, сверля глазами Алексея Васильевича. — Старые сотрудники могут оставаться на своих местах, если...

Юноша смотрит на свой револьвер. Алексей Васильевич тоже смотрит на него.

— Да, конечно, если...

— Объявлены вне закона только те, кто эвакуировался с Добрармией. Остальные будут амнистированы.

Алексей Васильевич в окно видит Столовую гору, за Столовой горой — Казбек[35]. Улыбочка всё еще не оставляет углы его губ. Любезная, смущенная, лукавая улыбка.

«Мы должны пробуждать мужество в тяжелую минуту, говорить о доблести, о напряжении сил», — вспоминает он слова другого редактора — в английском френче, — сказанные ровно полтора месяца тому назад.

Должно быть, редактор теперь за этой снежной преградой, за перевалом.

— Я вас знаю, — снова мрачно начинает юноша, — вы писатель...

Алексей Васильевич съеживается. В улыбке его сейчас только любезность. Но внезапно лицо юноши расплывается. Всё его черное, бородатое лицо сияет, глаза из-под сросшихся бровей смотрят смущенно, по-детски. Он заканчивает:

— Я тоже поэт... Осетинский поэт... Авалов...[36]

Улыбка явственней играет на губах Алексея Васильевича. Они протягивают друг другу руки. На столе между ними всё еще лежит револьвер.

5

— Как вы думаете, они не очень обиделись? — спрашивает Алексей Васильевич у Милочки. Ему несколько не по себе от воспоминаний, внезапно овладевших им.

— Пожалуй, надо было быть несколько осторожнее... эти восточные люди, эти пролетарские поэты...

Алексей Васильевич невольно оглядывается. Но вокруг темно. Гул голосов значительно опередил их. Слышен только придушенный клекот Терека[37], душно, пахнет магнолиями. Кавказская ночь — бархатный полог с расшитыми золотыми звездами. Нечто вроде катафалка по первому разряду.

Алексей Васильевич снова поводит широкими, плоскими своими плечами, палочка стучит по асфальту — неприятно и сухо. Вообще в такую ночь можно ждать чего угодно.

Милочка залетела вперед. Она никак не может соразмерить своего шага с шагом Алексея Васильевича. Она то побежит, то остановится, как собачонка, которую хозяин взял с собой погулять. Ее уносят вперед ее мысли. Потом она останавливается в недоумении — столько неразрешимых вопросов на каждом шагу.

Ночью все дороги темны — везде тайна. Самое небо кажется близким и вместе недостижимым, прекрасным.

— Вы спрашивали меня о чем-то?

Она вытягивает шею, пытаясь в темноте — в жаркой черноте — разглядеть лицо своего спутника.

— Да, спрашивал, — раздраженно отвечает Алексей Васильевич, — и вообще у вас странная манера прогуливаться.

— Вы сердитесь?

Милочка искренно огорчена. Она вовсе не хотела обидеть. Этот диспут возбудил в ней столько противоречивых мыслей. Пушкин — гений, в этом

она никогда не сомневалась, но чтобы один человек мог одновременно быть и революционером и контрреволюционером — этого она себе представить не могла. Но это еще не всё. На каждом шагу, на каждом шагу встречаются противоречия — нет сил их разрешить. Ведь вот то, что происходит теперь. Ведь это огромно, величественно, незабываемо — она это чувствует всем существом, несмотря на личные невзгоды... Несмотря на то, что их грабили и ингуши, и осетины[38], и буденновцы, и бедной мамочке нужно с утра до вечера не отходить от плиты, превратиться в кухарку[39], прачку... Все-таки она может отрешиться от личного, у нее на это хватает сознательности... Но вот Алексей Васильевич... Она уважает его, преклоняется перед его знаниями... Но он совсем, совсем чужой ей, даже чуть жалок... Он везде, во всём видит только одни курьезы, ералаш, уродство... А Халил...[40] Нет, Халил совсем другой... Совсем другой, но бедный... Ночь, ночь, боже, какая ночь![41]

— Алексей Васильевич, вы слышите, как кричат цикады, как поет Терек, как шелестят листья?.. Вы хотели бы когда-нибудь подняться в горы, Алексей Васильевич, туда, где снег? Если вдохнуть воздух полной грудью, то и сейчас можно ощутить свежее, чистое веяние снега...

6

Алексей Васильевич останавливается, достает папиросу, закуривает, подносит зажженную спичку к Милочкиному лицу.

— Да, вы не девушка, а динамит![42] — говорит он с обычной своей усмешкой. — Настоящий динамит!.. Малейшая искра может воспламенить вас, объять пламенем...

Он приглядывается, сощурившись, к девушке. В мгновенном желтом свете спички видит ее глаза — восторженные, жадные глаза, лапчатые брови, нос с широкими ноздрями. Вместе с любопытством в Алексее Васильевиче шевелится легкая досада, похожая на зависть.

— Вы молоды — вот в чем дело. Вы хотите в один день прожить целую жизнь.

— А разве в эти годы мы не пережили столько, сколько раньше хватило бы на многие жизни?

— С избытком, — улыбаясь, вторит Алексей Васильевич, — с избытком и даже через край... Пожалуй, можно было бы чуть меньше... Но я не спорю — нет, нет... Напротив. Мы пережили много — золотые ваши слова. Да, да...

Вот почему я вас спрашиваю: не очень ли они обиделись?.. Вы понимаете вопрос — во мне говорит опыт... Некоторая доля осторожности...

— Я все-таки не понимаю...

— Ну, конечно... Я готов пояснить. Вы знаете, почему я выступил на диспуте. Я получил повестку, в некотором роде приглашение от вашего цеха. Своеобразный вызов, я хочу сказать... Кажется, там была и ваша подпись, как секретаря...

— Была, — с решимостью подтверждает Милочка. Она не имеет привычки скрывать и прятаться.

— Вот именно. Черным по белому там было сказано: «Цех пролетарских поэтов приглашает вас записаться оппонентом на прения о творчестве Пушкина... Несогласие ваше цехом поэтов будет сочтено за отсутствие гражданского мужества, о чем будет объявлено на вечере»...[43] Если не ошибаюсь, именно так это и было написано?

— Слово в слово, Алексей Васильевич. Я сознаю теперь, что это глупо.

Желтая искорка папиросы описывает круг, палочка постукивает по асфальту отрывисто, сухо. Ставит точки.

— Золотые ваши слова, Милочка, золотые ваши слова, именно — глупо. Но в том-то и дело, что по нынешним временам приходится считаться с глупостью, глупость приобрела все права гражданства и не всегда возможно ею пренебрегать. Вот почему я выступил на диспуте.

— И произнесли великолепную речь...

— Своего рода великолепную глупость, хотите вы сказать? Не спорю. Одна глупость влечет за собой другую. Но я боюсь, что моя глупость может быть чревата последствиями.

Милочка внезапно останавливается. Ей неудержимо хочется смеяться. Она закрывает рот рукой, смеясь беззвучно, заражаясь всё больше своим смехом, едва держась на ногах от усилий заглушить его.

— Что с вами, Милочка?

Смех колет грудь, спирает дыхание, прорывается сквозь пальцы, скачет в тишине и густом мраке бульвара резвым фоксом[44].

— Алексей Васильевич!.. Алексей Васильевич?.. Неужели... вы... серьезно?.. Нет!.. Нет!.. Ох!.. Вы шутите, наверно?

У нее не хватает слов, она машет руками, смех мешает ей говорить.

— Ну может ли взрослый человек быть таким трусом?

Тогда Алексей Васильевич останавливается, в свой черед, и тоже начинает смеяться. За Милочкиным ошалевшим фоксом выпускает субтильного пинчера[45].

— Серьезно? — переспрашивает он. — Вы говорите серьезно? Как это вам пришло в голову? Ха-ха. Вот тебе раз. Можно ли говорить серьезно о таких пустяках? Вот это называется рассмешить. Ха-ха! Честное слово — это забавно!

Он берет Милочку под руку, прижимает ее локоть к груди, выпрямляется, ноги легче скрипят по гравию бульвара. Можно даже бросить палочку — она совсем не нужна сейчас. Ему всего только тридцать два года[46]. Тридцать два — не больше. Нет, нет, положительно не знаешь, когда шутит, когда говорит серьезно этот человек.

— Милочка, вы забавное существо. Милочка, вы были когда-нибудь влюблены? Да? Тем лучше. Значит, вас нечему учить. А теперь идем в цирк, спать мы успеем завтра. <...>

Глава шестая

5

<...> В ящике-уборной — клубы табачного дыма, в которых маячат актеры. На рваной, грязной, безногой кушетке лежит Ланская[47]. Глаза ее с расширенными зрачками[48] испуганно и дико вращаются. Она водит руками по груди, по коленям, вниз, вверх, точно силится снять с себя паутину. Дыхание у нее прерывисто и громко, как у запаленной лошади.

Боже, как это страшно! Вы не знаете! Как это страшно. Ей казалось, что она сходит с ума, что земля уплывает у нее из-под ног, а каменная глыба неуклонно идет на нее, заполняет всю комнату, поглощает ее.

— Я не могу больше видеть горы, Боже мой, я не могу их видеть!

Ее держали за руки. Она отбивалась, как пойманный вепрь, скаля зубы, впиваясь ими в тех, кто пытался успокоить ее, кричала сдавленным, задыхающимся, рысьим криком, полным смертного ужаса.

Потом обессилела, сдалась, покорилась, забилась в угол, поводя очумелыми глазами. Долгое время лежала без сознания, одеревенев, глухая к окружающему, без мысли, в тупом бесчувствии.

Алексей Васильевич берет ее руку и слушает пульс. Халил-Бек стоит у ее ног — прямой, терпеливый, верный. Милочка боязливо выглядывает из-за его плеча. Актеры, актрисы толпятся у двери, курят и шепчутся.

— Прежде всего ее нужно отвести домой, — говорит Алексей Васильевич, — уложить в постель и дать полный покой. Играть она, конечно, ни сегодня, ни завтра не может. А там — послать за доктором. Но это не так важно. Всё пройдет само собой.

— Но что с ней?

Любопытные лица вытягиваются.

— Пустяки — нервное потрясение, переутомление... Типичная неврастения. На мой взгляд. Я кое-что в этом смыслю. Так, малую толику, но я ведь не врач[49].

Алексей Васильевич подымает плечи, разводит руками и идет к двери.

На сцене его останавливает Томский[50].

— Мне-то вы можете сказать, что с ней. Отравление? Да? Если бы вы знали, как меня взволновала эта истерика... Я никогда не видал такого ужаса. К тому же сегодня «заказной спектакль»[51].

Алексей Васильевич берет Томского за руку и, оглянувшись, говорит пониженным голосом:

— Извольте, Игнатий Антонович! Ланская — кокаинистка[52], но, должно быть, неопытная — не втянулась. Предельная норма кокаина, какую может свежий человек вводить в свой организм, не более 0,03...[53] У запойных кокаинисток вырабатывается противоядие — тогда они гарантированы от случайностей. Ланская переборщила. У нее были неприятности, кое-какие свои дела, по всей вероятности — она хотела забыться. Кокаин в медицине называют «коварным ядом», отравление им вызывает галлюцинации, панический страх[54], всё то, чему вы сейчас были свидетелем... Но этот урок ей вряд ли пойдет на пользу... Вряд ли... Во всяком случае, Игнатий Антонович, помните, что я вам ничего не сказал... Я частный человек, журналист, кой-что маракующий в медицине, — и только. Я не врач, прошу вас, ради давней дружбы, — помните это... Да, да — человек без определенной профессии. Член Рабиса, завлито областного подотдела искусств[55]. <...>

Глава восьмая

1

Алексей Васильевич зашел только на минутку. Он хотел узнать, как чувствует себя больная, что сказал доктор. А потом он побежит домой, наденет на голо-

ву старый женин чулок и засядет за работу, постарается кое-что восстановить в памяти, кое-что записать для будущего, если только придет такое время, когда можно будет писать и печататься... Ах, вы не звали доктора? Напрасно, всегда следует быть осторожным. Хотя позвольте, дайте руку. Так, так... Ну, что же, пока всё благополучно... До первого волнения, да...

И Алексей Васильевич смотрит на Ланскую с улыбкой — любезной, многозначительной, лукавой улыбкой.

— Пожалуй, я немножко устал, — говорит он, — и не откажусь от чая. Мы работали, мы строили новый мир. Я вертелся весь день как белка в колесе, не примите это за иронию. Утром я заведовал Лито: написал доклад о сети литературных студий и воззвание к ингушам и осетинам о сохранении памятников старины.

Во всяком случае, армянский поэт — наш завподискусств[56] — остался доволен. Потом состоялось заседание большой коллегии подотдела. Обсуждался вопрос о взаимоотношении уездных подотделов искусств и областного, нашего. Решили, что первые должны быть в строгом подчинении у второго — нашего. И тут же была оглашена телеграмма из Пятигорска[57] — командированный нами туда завподотделом сообщает, что ему прежний зав не желает сдавать дела, попросту посылает его к черту. Картина. Далее мы переходим к регистрации роялей. Это наше больное место. Завмузо[58] возмущен. Воинские части получают по ордерам инструменты, расколачивают их, а детям — ученикам Народной консерватории[59] — не на чем играть. Вообще он большой контрреволюционер, этот завмузо. Бог с ним. Мы докладываем, обсуждаем, голосуем, постановляем. Так проходит три часа. Наконец завподотделом вспоминает, что ему нужно на другое заседание, и отпускает нас. Областное искусство вздыхает свободно. Завкиноком[60] рассказывает очередной анекдот Бим-Бома[61] — политический. Смеются все, за исключением меня, вы понимаете сами. Глупый анекдот, бессмысленный анекдот, подрывающий основы. Потом тайная контрреволюция расползается по домам. Я захожу к Халилу, с ним вместе — в театр, подымаю с одра болящую, на скорую руку обедаю у Дарьи Ивановны[62] в счет будущих благ — благодетельная Дарья Ивановна — и становлюсь по очереди историком литературы, историком театра, «спецом» по музееведению и археологии, дошлым[63] парнем по части революционных плакатов — мы готовимся к неделе красноармейца[64] — и ходоком по араке[65]. Ваш товарищ по оружию, Зинаида Петровна, актер Винтер разнюхал изумительный подвальчик в кавказском духе, где черный, как бес, персюк[66] подает в самом заднем чулане горячую араку и шашлык.

Алексей Васильевич отпивает глоток холодного чая, кивает головою — у него привычка дергать головой, когда он говорит[67], и смотрит на Милочку.

— А вы еще говорите, что я индифферентен и не захвачен волной событий? Напротив — захвачен, можно даже сказать — захлебнулся ими.

2

Милочка сбросила чувяки[68], забралась с ногами на кровать и, сцепив руками колени, смотрит из своего угла, наблюдает за всеми. Она сейчас тихая, тихая. Ей хочется сжаться в комочек, чтобы ее никто не видел, никто не обращал внимания, предоставил бы ее самой себе. Может быть, сегодня ночью она придет домой и будет писать стихи. Очень может быть. Сегодня у нее такое настроение. Заберется вот так же, как сейчас, с ногами на диван, возьмет тетрадку и будет писать — может быть, напишет что-нибудь о цирке...

— Скажите, Алексей Васильевич, были вы когда-нибудь искренним? — спрашивает Ланская. — Я смотрю на вас, и мне всегда кажется, что вы в маске. Вы точно всё время чего-то боитесь, от чего-то прячетесь, что-то хотите скрыть, затушевать. Вы говорите и оглядываетесь. Я тоже боялась, но я всё думала, как бы укусить, и это все видели. И вы мягкий, странный вы, Алексей Васильевич!

На минуту лицо его делается настороженным, собранным, он точно весь сжимается и глядит на актрису прищуренными, пытливыми глазами. Но тотчас же улыбка расплывается по его лицу — открытая, совершенно простецкая улыбка славного, деревенского парня. Ну как можно ему не верить?

— А вы умная женщина, — говорит он, точно вот только сейчас убедился в этом и от души обрадовался, — право, умная, проницательная женщина. Так вот взяли и разгадали меня. Вынули мою душу и поднесли мне ее на ладошке. Я потрясен, мне даже неловко. Право. Я когда-нибудь поговорю с вами об этом. Наедине. Раз уже так, то мне перед вами нечего скрываться. Мы поговорим, и вы поймете....

Да, да...

3

Да, да.... в конце концов, чего ему бояться? Он еще, слава богу, жив, питается, работает, рядом с ним живут так же, как и он, другие милые, культурные,

гуманные люди... Кстати, он хотел как-то рассказать об одном гуманном человеке... Не правда ли? Хотя, может бытъ, это и некстати. Однако раз он теперь вспомнил, то почему же не рассказать?

Собственно, это не он слыхал, а ему передали как некий психологический анекдот. Один из серии анекдотов о человеческой душе. А вы еще, кажется, заметили, что люди просты. Нет, это не совсем так, а впрочем...

Дело в том, что его приятель-врач, собственно, даже не приятель, а так, знакомый, случайно разговорился в дороге с одним молодым человеком, особистом[69]. Как врачу ему интересно было знать, как ведут себя те, которых должны расстрелять, и что чувствуют те, кому приходится расстреливать. Конечно, доктор подошел к этому вопросу осторожно. Ему кое-что было не совсем ясно. Но особист отвечал с полной готовностью и искренностью. Лично ему пришлось расстрелять всего лишь пять человек. Заведомых бандитов и мерзавцев. Жалости он не чувствовал, но всё же было неприятно. Стреляя, он жмурил глаза и потом всю ночь не мог заснуть, не привык еще.

Но однажды ему пришлось иметь дело с интеллигентным человеком. Это бывший кадет, деникинец; застрял в городе, когда пришли красные, и, скрываясь, записался в комячейку[70]. Конечно, его разоблачили и приговорили к расстрелу. Это был заведомый, убежденный, активный контрреволюционер, ни о какой снисходительности не могло быть и речи. Но вот подите же. Особист даже сконфузился, когда говорил об этом: у него не хватило духу объявить приговор подсудимому. Он не был настолько жесток: интеллигентный юноша – не простой бандит с канатными нервами. Особист пригласил к себе приговоренного и объявил ему, что приговор вынесен условный, что ему нужно только подписать его и через день он будет освобожден. Потом вывел его на лестницу и, идя сзади него, выстрелил ему в затылок. «Я нарочно выбрал лучший кольт и целил прямо в затылок, чтобы убить наповал, – сказал он врачу. – Что поделаешь, как ни сурова наша служба, всё же я гуманный человек».

Алексей Васильевич на мгновение замолкает, из-под бровей наблюдая своих слушателей. Предательская улыбка бродит по его губам.

– Вот, собственно, всё, что я хотел сказать, – добавляет он. – Я продаю за то, за что купил, не посетуйте, если это окажется вздором.

Все сидят неподвижно, все подавлены, точно в комнате стало темнее. Но внезапно Милочка вскакивает из своего угла, становится на пол босыми ногами и кричит со слезами в голосе, блестящими агатовыми глазами глядя на Алексея Васильевича.

— Это гадко, гадко! Подло! Слышите — подло! — кричит она. — Об этом не говорят с улыбкой. Нельзя улыбаться! Слышите, нельзя! Это ужас, это тяжелый крест, но это не всё! Нет, не всё! И если ваш особист не гуманный, а больной, несчастный человек, то вы сухой, слепой, скверный и тоже совсем не гуманный. Вы не понимаете, вы не видите — и вы должны молчать, а не смеяться! Слышите — молчать!

4

Милочкина выходка крайне расстроила Алексея Васильевича. Правда, после того ее успокоили, а Халил рассказал одну из своих аварских легенд, но всё же у всех остался неприятный осадок. Алексей Васильевич меньше всего любил оставлять по себе у кого бы то ни было неприязненные или хотя бы неловкие чувства. Боже сохрани, это отнюдь не входило в его расчеты.

Напротив, он старался избегать всего, что могло бы вызвать споры, трения, объяснения, что называется, лицом к лицу. Прежде всего, никогда не знаешь наверное, что можно ожидать от твоего собеседника, какие чувства или больные привязанности скрываются в его душе, чем вызовешь внезапное раздражение, которое, в свою очередь, породит еще более внезапное действие. Каждый человек — это целый мир, скрывающий в себе, как елочная хлопушка, совершенно неожиданные сюрпризы. А в настоящее время лучше быть подальше от всяких сюрпризов.

Правда, Милочка только лишь взбалмошная, бестолковая, шалая девчонка, и вряд ли от нее можно ждать чего-нибудь дурного. Но она, как все сангвиники[71], при всей своей доброжелательности чрезмерно откровенна и искренна, а следовательно, болтлива.

Нет, Алексей Васильевич больше всего не терпел болтливости. Говорить можно помногу — он сам был не прочь поговорить и порассказать кое о чем, но болтать... выкладывать себя целиком, бегать нагишом при всех... это и бесстыдно, и глупо.

Как много дураков на свете!.. Нет, вы подумайте только, как много глупых людей, готовых вам рассказать о себе всё, изложить вам всю свою глупую биографию и все свои идиотские убеждения — это, по-моему, так, а это — вот как, — и потом еще обижаются, когда вы, в свой черед, не разденетесь перед ними или скажете им тоже вполне чистосердечно, что они дураки.

Нет, все-таки и приличнее, и безопаснее ходить одетым.

Мы, слава богу, живем не в раю, а в культурной, передовой, социалистической стране, где костюм играет далеко не последнюю роль... О, далеко не последнюю.

Алексею Васильевичу довелось однажды... собственно даже не ему, а одному его знакомому, видеть такого обнаженного человека: он нисколько не стеснялся своей наготы. Он даже — наивный человек — гордился ею. Просто пришел и заявил — я такой и такой, и иным не желаю быть, и костюма не надену... Да, просто так и сказал, с полной искренностью, от чистого сердца. И представьте себе — ему поверили. Его приняли за того, кем он был на самом деле, потому что он и не собирался казаться кем-нибудь иным... Вот и всё. Вы не верите, чтобы на этом кончилась его история? Но представьте — это так. С тех пор его уже никто не видел. Аминь.

В конце концов, у каждого из граждан РСФСР весьма пестрая биография. И одной пестрой биографией больше, одной меньше... В конечном счете для историка наших дней это не имеет никакого значения.

5

Нет, положительно, Алексей Васильевич не стал бы писать своей автобиографии. Он скромен, он не любит шума вокруг своего имени, он делает свое маленькое дело, не ища славы. Бог с ней — с этой славой. Единственно, что он хотел бы написать, так это роман. И он его напишет — будьте покойны. Роман от него не уйдет. Он будет-таки написан. Во что бы то ни стало.

Все эти заметки, фельетоны, рецензии — всё это кусок хлеба, не более. Даже столь плодотворное дело, как заведование Лито и преподавание в студиях... Дело первейшей важности, он не спорит, но всё же роман будет написан.

Всегда можно урвать минутку, надеть женин старый чулок на голову, снять американские ботинки, подложить на венский стул[72] диванную подушку и сесть за стол. Чернила и бумагу нетрудно позаимствовать в подотделе искусств — не всегда, но можно.

Роман будет называться... Впрочем, дело, конечно, не в названии. Его он назвал бы «Дезертир»[73], если бы только не эта глупая читательская манера всегда видеть в герое романа автора. Издать роман он хотел бы за границей... Пожалуйста не улыбайтесь... Пожалуйста, без задних мыслей. За

границей издают лучше, опрятней, чем в России, и, кроме того, там есть бумага… Только и всего.

Алексей Васильевич ходит по своей комнате туда и обратно; он думает, кое-что припоминает, собирает свои мысли, изредка бормочет сам с собой. Задает вопросы и отвечает на них. Шагов не слышно, потому что он в носках. На голове черный фильдекосовый[74] чулок, обрезанный и завязанный на конце узлом.

На столе — книги, папки, рукописи, электрическая лампа завешена наволочкой, стакан холодного жидкого чая, тарелка с вареной картошкой, оставленная женой на ужин.

Два часа ночи. В открытом окне — черное звездное небо. Табачный дым не рассеивается, не уплывает в сад. Жена спит без одеяла — ей жарко. Алексей Васильевич видит ее худое, усталое тело, плохо стиранную, заплатанную рубашку и отворачивается, водит глазами по стенам, где висят афиши, портрет Маркса, женины платья. Опять опускает глаза на картонку, желтую, дорожную, с оборванными ремнями картонку, где лежит его сын[75], и поспешно идет к столу, садится, думает и пишет.

Так проходит час. Черный узел чулка равномерно покачивается, скверное перо скрипит по скверной бумаге, но внезапно Алексей Васильевич подымает голову и слушает. Раз, два, три, четыре. Это там, за садами у Столовой горы[76].

Он морщится, точно от физической боли. Голова его уходит совсем в четырехугольные, плоские плечи. Перед глазами плывут красные круги. Он чувствует безмерную усталость и тошноту.

Поспешно встает, захлопывает окно и торопливо начинает раздеваться. Потом вспоминает о рукописи, оставленной на столе, берет ее, снова прислушивается и прячет за портрет Карла Маркса.

Тишина.

Алексей Васильевич снимает рубашку и по привычке осматривает ее. Он делает это каждый вечер — из страха, животного страха перед вшами, которые мучили его не один месяц. В эти минуты он чувствует к себе омерзение и жалость, в полной мере ощущает свое бессилие.

Потом тушит свет и ощупью пробирается к жене на узкую кровать.

Тишина.

Слава богу, сегодня они, кажется, уже не придут[77]. <…>

Глава десятая

1

На улице серебряный туман. Полнолуние. Кажется, самый этот свет пахнет акацией. Все деревья в медовом густом цвету. Цветы стекают с ветвей тяжелыми белыми каплями.

И безлюдье. Одинокие человеческие шаги отдаются гулко то вверху, то внизу улицы, потом стук в подъезд или в ворота, рассыпающийся барабанной дробью и всегда вызывающий волнение.

В такую ночь хорошо побродить до зари — все-таки можно дышать и не видишь неприятных, опротивевших лиц.

Но уже проверещали первые свистки[78] — каждый спешит домой. Открывается дверь и захлопывается снова. Человек у себя в клетке. Покойной ночи, если у вас спокойная совесть! До утра!

Кое-где сквозь ставни пробивается желтый луч света. Кто-то копошится, кто-то ходит по комнате, курит, кашляет, ест свой скудный ужин. Думает, предоставленный самому себе.

А ведь по солнцу еще только десять часов. В мирное время весь город был на ногах, на треке[79] играла музыка, в клубе стучали тарелки, на берегу Терека целовались влюбленные пары. Какие это были глупые, беззаботные, счастливые люди. Им некогда было задуматься, уйти в себя, внимательно проверить прожитые дни. Они жили как птицы небесные, которые не сеют и не жнут...[80] Да, это были совсем несмышленые дети.

А теперь город предоставлен луне, ночи и самому себе.

Только Терек никак не может успокоиться, ничто не научит его быть менее болтливым. И потому Алексей Васильевич не любит его. Он раздражает, как надоедливый, непрошеный собеседник. У него нет тайн, он весь нараспашку. Положительно, в стране, где течет такая река, народ не может быть умен. Хе-хе, пожалуй, эта мысль не лишена остроты. Об этом не мешает подумать в свое время.

2

Алексей Васильевич идет не спеша. Он даже иногда помахивает своей палочкой по воздуху, описывает ею круг перед собой, потом ставит точки. Дикси. Я сказал![81]

Он не спешит, потому что в заднем кармане его брюк, среди десятка всевозможных удостоверений и мандатов, лежит пропуск. На лиловой бумажке — «разрешается хождение до двух часов ночи». Да. Будьте покойны — разрешается. С этим ничего не поделаешь. Пожалуйста, можете свистеть сколько вам угодно. Это к нему не относится. Ни в какой мере. Он «спец», идущий с академического экстренного заседания обллиткультколлегии[82], а может быть, только направляющийся туда. Но это не важно. Совершенно всё равно. Я вам не обязан давать отчета. Разрешается — вот и всё. Дикси. Я сказал!

Алексей Васильевич идет, помахивает палочкой, смеется. В лунном свете лицо его ясно видно каждой своей морщинкой. Смех его беззвучен, но красноречив. Он без шляпы, ворот парусиновой блузы расстегнут, обнажены худая шея, кадык и ключицы. Светлые волосы не совсем в порядке — должно быть, растрепаны нервной рукой во время горячих дебатов. Обллиткультколлегия...

Грудь выгнута вперед, навстречу ночи и луне, ноги ступают твердо, достаточно твердо для того, чтобы не сойти с тротуара.

Но всё же лучше не встречаться. Ночью так много пустых улиц, право, всегда можно свободно разойтись, не причиняя друг другу беспокойства. Нет никакой надобности останавливаться и вступать в ненужные разговоры. Достаточно того, что каждый знает свое дело. И Алексей Васильевич вытягивает шею, прислушивается, в какую сторону направляются шаги, и идет дальше. Не обязан же он искать встреч, это вовсе не входит в его планы.

Гораздо приятнее идти одному по безлюдному городу, закинув голову, смотреть в небо. Все знают прекрасно, что арака отнюдь не пахнет так же нежно, как акация. Запах ее никому не может доставить особого удовольствия. И он дает всем полную возможность наслаждаться акацией. Он вовсе не эгоист.

Сделайте одолжение, будьте любезны — я охотно уступаю вам дорогу. Да, да, с величайшей готовностью.

По правде говоря, всё имеет свою закономерность. Одно вытекает из другого, и если есть люди, которым приятно гулять ночью по улицам, то должны быть и такие, которые лишают их этого удовольствия. Дело всё в том, чтобы и те, и другие, по возможности, не встречались друг с другом,

Он видел одного солдата. Это было после жестокого боя, длившегося более суток, огненного ада, палившего всё и вся. Солдат сидел у тлеющего костра и пек картошку. Около него лежало несколько консервных банок, он сидел, согнувшись, как мужик, уставший после трудового дня. Фуражки на

нем не было — вся голова его была в спутанных пыльных волосах. Он жадно ел и тотчас же прикрыл свою пищу полой шинели, когда к нему подошли. Но солдат не был ранен и не отстал от своей части как слабосильный. Даже ружье свое он кинул далеко отсюда. Просто ему захотелось побыть наедине с самим собою. «Вы бы только посмотрели, что там делалось, — сказал он, не переставая жевать, — разве же можно оставаться там? Никто не может. Все убегли. Буде. И я пошел». — «Куда же ты идешь?» — «Да куда же — домой!»

Вот человек, не лишенный здравого смысла. Он увидел, что делать ему нечего, бросил ружье и пошел домой. Просто, скромно и умно уступил дорогу. Сделайте одолжение, будьте любезны... Но, пожалуй, он был слишком уверен в своей правоте. Больше, чем требовала осторожность. Да, да — чуть больше, и его вернули обратно. Вот в этом-то и штука. <...>

6

Они шествуют вдвоем — Алексей Васильевич и человек в бешмете[83], с башлыком на голове. За ними влекутся их тени. По сторонам разбитые еще в первый приход красных дома. Они кажутся выстроенными в ряд скелетами. Это — самая неприятная Алексею Васильевичу часть города. Но зато — тишина. Никого. Ночь, улица, развал — и за спиною Столовая гора.

Скорее бы только домой!

— Я хотел бы побеседовать с вами, — говорит человек в бешмете с прохладцей, точно он прогуливается по треку. — Мы всегда смотрели на вещи разными глазами, но всё же я с удовольствием слушал вас и кое-что даже принимал к сведению.

— Увы, я не замечал этого, — отвечает Алексей Васильевич, мерно шагая своей дорогой. Палочка его стучит по тротуару сухо и враждебно.

— Вы надолго в наши края, Петр Ильич?[84]

— А вас это очень беспокоит?

Редактор откидывает концы башлыка, обнажая свой твердый, тяжелый подбородок, и смеется от всей души.

— Сознайтесь, что мое присутствие несколько смущает вас?

— Скорее, оно не совсем мне понятно, — возражает Алексей Васильевич. — Я полагал, что вы давно уже в Тифлисе[85]. Тут, кажется, вас приняли не совсем любезно, и возвращаться... Но, собственно говоря, я очень далек от...

— Я облегчу вашу задачу, закончив то, что вы так деликатно начали. Меня искали и хотели арестовать, не правда ли? Но, как видите, я на свободе...

«Прекрасно, — думает Алексей Васильевич, — прекрасно. Но зачем ему нужно рассказывать об этом? В конечном итоге не всё ли мне равно? Я предпочел бы идти один. Да, да, совершенно один, как шел раньше. У каждого из нас своя дорога».

Он сбоку смотрит на Петра Ильича, не умеряя шага, но тот идет совершенно спокойно, как идут люди, всюду чувствующие себя дома.

— Вы, кажется, собирались за границу, — говорит Алексей Васильевич, теряя надежду избавиться от своего спутника. — Если не ошибаюсь, у вас даже был заграничный паспорт и документ от итальянского консульства? Что-то в этом роде.

— Совершенно верно, дорогой мой, — невозмутимо отвечает Петр Ильич, закуривая новую папиросу, — я сам писал этот документ на редакционной машинке, и серебряная лира[86] служила мне вместо печати. Но обо всём этом удобнее было бы говорить сидя. Вы не находите? Нет? Вы торопитесь домой? Ну что же, мы можем продолжать нашу беседу на ходу. Не хотите ли папиросу? Хорошую старорежимную папиросу?

Он вынимает серебряный портсигар, протягивает его Алексею Васильевичу, продолжая начатый разговор.

Ему хочется говорить. Он рад встретить человека, который если и не одобряет, то понимает его. Два месяца он жил в горах у кунака[87]-ингуша, умеющего только пить араку, ездить верхом и грабить проезжающих. Его кормили на убой, но всё же это не жизнь. Алексей Васильевич спрашивает, почему он не уехал в Тифлис, а оттуда за границу? Почему? Грешным делом, он так и думал поступить. Сидя за своим редакторским столом и строча передовую о том, что редакция, как капитан судна, уйдет последняя, если только возможно нечто подобное, а это невозможно, будьте покойны, — он твердо решил оснастить автомобиль и по морозцу... И когда пришел час — он сел и поехал. Сел и поехал.

— Вы не видали, как отступали наши доблестные войска? О, вы много потеряли. Это была картина, доложу я вам. Когда тысячи людей в арбах[88], верхом, пехтурою[89] бежали по снегу в горы за месяц до того, как пришли советские войска. И в Ларсе[90] их разоружили кинтошки[91] — раньше чем пустить в обетованную землю[92]. Многие возвращались назад, многие стрелялись или стреляли в других.

Но всё это вздор. В конце концов, ему не привыкать стать, черт с ними! Но всё же он застопорил на Казбеке свой автомобиль, посмотрел на замок

Тамары[93] и предоставил другим продолжать путешествие. Баста! Хорошенького понемногу! Он достаточно уделил им времени. Авантюра становилась неинтересной!

– Я вспомнил о своем кунаке-ингуше из аула Мухтали. «Буду жрать и осмотрюсь, – так решил я, – а там будет виднее». Надел бурку, папаху, сел на лошадь и отдался в расположение Аллаха.

Алексей Васильевич замедляет шаги, он непритворно заинтересован.

Что врет ему этот человек и врет ли?

– Так, так, – говорит он, – прекрасно. Но почему же вы отказались от поездки за границу? Я полагаю, что это ни к чему вас не обязывало? Добровольцы[94] сами по себе, а вы сам по себе.

Петр Ильич останавливается, хватает Алексея Васильевича за руку, смеясь своим детским, широким смехом:

– Вы юморист, дорогой мой! Положительно юморист! Я всегда говорил вам это. Но позвольте узнать, что бы я стал делать за границей? Что бы я стал там делать? Ответьте мне. Гранить[95] мостовую Парижа, Лондона или Берлина, курить сигары, витийствовать в кафе, разносить бабьи сплетни или писать пифийские статьи[96] в русских газетах? Но ведь это не по мне. Я сдох бы от скуки через месяц, зарезал бы свою любовницу, ограбил бы банкирскую контору и глупо закончил бы свои дни в тюрьме, как мелкий жулик. Составлять новую армию для похода на Россию? Занятно. Но дело в том, что я хорошо знаю, чем может кончиться такая история. Скучнейшей чепухой, родной мой! Не скрою от вас, потому что вы сами это знаете, я авантюрист и не люблю играть впустую. В конечном счете, громкими словами меня не прошибешь, дудки. Я слишком хорошо знаю цену всем этим идеям, общественным мнениям, благородным порывам. Война учит, уверяю вас. В ней я нашел свою стихию. Мне претит спокойная жизнь, как может только претить законная жена. Политика меня нисколько не интересует, как идейная борьба: это юбка, которую надевают для того, чтобы каждый любовник думал, что он ее первый снимает. Я журналист, но в боевой обстановке. Добровольцы, сознаюсь вам, всегда были противны мне своей наглостью и своей глупостью, но я работал с ними, редактировал их газету, объединяя каких-то горцев, пока это было интересно. Красные мне не очень приятны, но за ними я чувствую силу умелых игроков, и с ними любопытно сесть за один стол – сразиться. И я еду назад. Я иду ва-банк. Уверяю вас, только в России сейчас можно жить. Только в Эрэсэфэсэр. Здесь один день не похож на другой, сегодня не знаешь, что будет завтра, и если тебя не расстреляют, то у тебя все шансы расстреливать самому. Не так ли?

7

Все-таки Алексею Васильевичу удалось избавиться от непрошеного собеседника, не доходя до дома, и к калитке он подошел один. Улица была пустынна, только-только начинался рассвет.

Алексей Васильевич у себя в комнате. Под наволочкой горит лампа, на столе лежит рукопись — конспект лекции о русском театре допетровского периода.

В коробке спит сын, на кровати — жена. Ничто не изменилось. Всё — как было день, два, месяц назад.

— Да когда же это кончится! Боже мой, когда?

Он начинает ходить по комнате и мотать головой из стороны в сторону. Так ходят в клетке голодные белые медведи. Он наедине с самим собой, его никто не видит. Он может снять маску, рвать на голове волосы, биться головою об стену. Но разве это поможет? Голод, холод, грязь — к этому он привык. Но каждую секунду, каждую секунду чувствовать себя затравленным зверем, дрожать за свою шкуру. Нет, он больше не может. Не может. Бояться за свой докторский диплом, точно это позорное пятно, дойти до такой степени падения. Только бы не кровь, не бойня. Подумать только — три года, три года сплошной чехарды. Мобилизуют одни, мобилизуют другие[97], калечат друг друга и заставляют штопать.

Что за люди! Что за люди!

Алексей Васильевич скрипит зубами, останавливается у стола и тупо смотрит перед собою. В голове его пусто, от араки остались только запах и изжога. Ничто не дает забвения. Ничто. «Вы должны пробуждать мужество...» Кто это говорил?

— Я ничего не должен — слышите ли вы? — Ничего!

Он стучит кулаком по столу, глаза его всё так же открыты и слепы.

Ни одно движение, ни один поступок не принадлежит вам. Самую мысль взяли на подозрение. Заглядывают в вашу тарелку, в ваше белье, чтобы регламентировать ваши отношения с женой, определить меру ваших чувств.

— Дайте же мне жить. Слышите? Я имею право жить. Я. Не только один Петр Ильич.

Они приезжают и уезжают. Все дороги для них открыты, они всюду как у себя дома. Война, видите ли, их стихия. Им скучно в Париже, они предпочитают быть расстрелянными или расстреливать других. Хорошо. Очень хорошо. Но я этого не хочу и не могу. Кто дает им право врываться в вашу душу? И требовать от нас то или другое. Кто им дал право? <...>

Он идет к портрету Карла Маркса, достает из-за него рукопись романа, кладет ее на стол и разглаживает пальцами помятые листки. При двойном свете электричества и зари лицо его кажется старше своих лет, морщины бороздят лоб и щеки, опухшие веки слезятся. Кривая усмешка всё еще бродит в углу тонких губ. Она точно заблудилась на этом измученном лице.

Несколько раз Алексей Васильевич перевертывает страницы справа налево, слева направо. Потом берет их все, сжимает цепкими, похолодевшими пальцами — на мгновение сердце падает куда-то вниз, в прорву. Еще одно усилие...

Чепуха, боже, какая чепуха!

Пальцы разжимаются.

Он снова разглаживает рукопись — край ее надорван, — ничего. И осторожно прячет за портрет. Чепуха. Всё чепуха. Чеховская реникса[98]. Запаситесь терпением — продолжение следует... <...>

Глава четырнадцатая

3

Общие собрания Рабиса обыкновенно назначаются по понедельникам — в свободный день[99]. Начало ровно в одиннадцать, но собираются к часу.

У входа в цирк сидит делопроизводитель правления и записывает явившихся членов.

Под солнцем арена цирка необычно весела и просторна, кругом уходящие вверх скамьи колеблются под бегущими тенями. Воробьи чувствуют себя здесь полными хозяевами. Они жирны, горласты и бесцеремонны. Их общие собрания крайне оживленны и всегда собирают кворум. Этим не могут похвастать члены Рабиса.

Первыми приходят члены комячейки — их пять человек — и удаляются в одну из уборных на фракционное заседание. Там обсуждается вся повестка дня, выносятся решения и составляются кандидатские списки: общему собранию остается только голосовать.

Актеры стоят на тротуаре, щелкают семечки и возмущаются даром потраченным временем.

— Какого черта эта кукольная комедия, — говорят они. — Единственно свободный день — и тот...

Актрисы приходят с корзинками прямо с базара. Они расписываются и торопятся уйти.

— Обойдется и без нас.

Все недовольны завподотделом искусств. Подотдел не работает в контакте с союзом. Это недопустимо. «Нам нужно защищать профессиональные интересы, — говорят члены правления, — с нами не считаются».

— Подотдел не высказывает достаточной пролетарской твердости — таково непоколебимое мнение комячейки. — Нужно убрать буржуазный элемент и ввести железную дисциплину.

Завподотделом конфиденциально беседует с т.[100] Аваловым. Он ищет поддержки у печати. Чтобы спасти положение, необходимо переменить кабинет. Смена министерства неизбежна. Двумя, тремя завсекциями придется пожертвовать. Лито, музо, кино, изо, тео...[101] — кого из них? У зава новый проект реорганизации подотдела. Прежняя схема никуда не годится. Абсолютно никуда. Прежде всего необходимо отказаться от коллегиальности. Это только тормозит работу, вносит сумбур. В каждой секции должно быть не более трех человек — завсекцией, помощник его по областной работе, помощник по городской. Они исполняют определенные задания — и ничего больше. Завсекциями в свою очередь исполняют директивы завподотделом. Кроме того, необходимо выделить в особую секцию РКТ — Рабоче-крестьянский театр. Эта секция должна руководиться партийным и работать в тесном контакте с комсомолом.

И зав развертывает лист ватманской бумаги. На нем круги, кружочки, квадратики, точно плоды, висящие на ветках. Схема областного подотдела искусств. Кандидаты. Зав склоняется к т. Авалову. Т. Авалов поглаживает бороду: восточные глаза его лукавы и непроницаемы. Зав — армянин, поэт, приехавший из Тифлиса, друг завобнаробразом;[102] т. Авалов — осетинский поэт, местный житель. Почему тот, а не другой завподотделом искусств? Посмотрим.

— В конце концов, я буду только рад, если меня освободят от моих обязанностей. Еще лучше, если бы меня совсем отпустили.

Томский ходит об руку с Алексеем Васильевичем по цирковому кругу. Он устало качает своей благородной серебряной головой. Алексей Васильевич болезненно морщится.

— За два месяца наш подотдел три раза менял помещение, два раза реорганизовывался и сменил двух завов, — говорит Игнатий Антонович. —

Каждый раз мне приходилось писать новые проекты по театральному делу. В конечном итоге у нас всего-навсего один театр, и тот никуда не годный. Я устал. Все мои мысли в Ростове – у жены. Чего от меня хотят? Я был когда-то недурным актером – вот и всё. Я совершенно лоялен и прошу только, чтобы меня оставили в покое. Мне пятьдесят два года. Поймите.

Алексей Васильевич кивает головой. Он кивает головой и улыбается, точно ему приятно слышать, что говорит Игнатий Антонович.

– Вы помните пьесу Сухово-Кобылина[103] «Смерть Тарелкина»?[104] – спрашивает он.

Ну как не помнить эту пьесу! Игнатий Антонович играл в ней генерала Варравина[105]. Но при чем же здесь эта пьеса?

– Так, почему-то вспомнилось. Я люблю ее. Жуткая вещь, надо сознаться. Там есть одно место. Кажется, в последнем акте. Вызывают в участок свидетельницей Людмилу Брандахлыстову[106], прачку, и спрашивают, что она знает о Тарелкине. «Не оборачивался ли он?» – «Как же, батюшка, оборачивался». – «Во что же он оборачивался?» – «Да в стенку, батюшка, в стенку»[107]. Изумительное место. И как всё, что у нас взять из гущи русского быта, – жутко, с чертовщиной. Нет, нет, да и выглянут этакие рожки. Черт его знает почему. «Вот видите, оборачивался, – говорит Чибисову Расплюев. – Ясное дело – оборотень Тарелкин»[108]. И сейчас же мечтает: «Только позволили бы мне. Да я бы. Эге! Весь Петербург, да что Петербург – вся Россия у меня под ногтем была бы... Любого спросил бы: оборачивался, нет? А чем был в такой-то день, а что делал тогда-то? Не выкрутился бы – шалун! Вся Россия – оборотень, все оборачивались, никому не верю. Сам черт нас не разберет – умер ты или жив. Кажется вот: жив – а умер; умер – а жив»[109]. Что, если бы, Игнатий Антонович, действительно так, по-расплюевски... Неприятно, доложу я вам.

Томский останавливается и с беспокойством смотрит на Алексея Васильевича.

– Опять анкета какая-нибудь? Вы что-нибудь знаете? В связи с предстоящим собранием? Да? Не томите, Алексей Васильевич!

– Да что вы, Игнатий Антонович. Ничего подобного. Я совершенно безотносительно. Просто взглянул на наше уважаемое собрание, и вспомнилась пьеса. Давыдов[110] там неподражаемым был.

И опять улыбается углами губ.

– Нельзя ли теперь поставить? С просветительной целью.

Председатель собрания напирает грудью на стол и потрясает колокольчиком.

— Внимание, товарищи, — кричит он. — Прошу с мест не говорить. Я ставлю на голосование предложение т. Авалова. Кто за предложение...

Его прерывают, ему не дают окончить. Слыхали ли вы что-нибудь подобное? Голосуют предложение т. Авалова, не дав высказаться желающим, не исчерпав до конца такой важный вопрос. Вы эти штучки бросьте. Нас на этом не проведешь. Переходить к очередным делам!

Им легко переходить, а попробуйте петь, когда вы пятый день без хлеба, когда вы продали последнюю пару брюк.

Нет, — позвольте! Мы тоже — рабочие. Мы — пролетариат. Мы всю жизнь...

Что? Вам это не нравится? Но зачем тогда союз? Зачем союз, я вас спрашиваю!

Где охрана труда?

Я прошу слова!

Тиш-ше!

Не перебивайте!

Так дело вести нельзя.

Вы не понимаете?

— Тише!

— Прошу огласить мою резолюцию!

— Голосуется предложение т. Авалова. Кто за предложение...

Ланская с верхней скамьи наклоняется к сидящему ниже Алексею Васильевичу, касается рукой его плеча.

— Голубчик, бога ради, идемте отсюда. Умоляю вас. У меня голова болит от всего этого. Я не могу больше.

Алексей Васильевич кивает и беспокойно оглядывается по сторонам.

— Но ведь здесь решается судьба подотдела.

— Она давно решена, уверяю вас. И к тому же доклад о деятельности прочитан — вы дали свои объяснения. Чего вам еще? Идемте.

Они пробираются к выходу, в то время как председатель вновь оглашает резолюцию, предложенную т. Аваловым. К ней присоединилась комячейка. Большинство обеспечено.

— По правде говоря, эта борьба менее интересна той, какая бывает здесь вечером[111], — говорит Алексей Васильевич. — Хотя они очень сходны.

— Чем?

— Тем, что результат их предрешен заранее.

— Итак, кто за резолюцию, предложенную т. Аваловым, прошу поднять руку.

За порогом цирка полудневное затишье. Ни малейшего дуновения не проносится в расплавленном воздухе. В конце бульвара пыльное облако недвижимо повисло между деревьями.

Ланская и Алексей Васильевич спускаются на трек. Идут между штамповых роз[112] к беседке над прудом.

Пруд весь затянут ряской, точно смазан светло-зеленой масляной краской. Два лебедя брезгливо расчищают путь. За ними черные арабские письмена на зеленом поле[113].

— Сядем, — говорит Ланская, устало садясь на скамью под беседкой, увитой глициниями. — Вы знаете, зачем я позвала вас с собою? <...>

— Мне кажется, что знаю.

Она резко поворачивается, смотрит на него в упор, спрашивает почти со злобой:

— Так говорите — зачем?

Нет, это слишком серьезно — Алексей Васильевич отвечает с улыбкой:

— Вы хотели доставить мне удовольствие поухаживать за вами.

Что, что он такое говорит?

Лицо его непроницаемо — как понять этого человека?

— Вы всё шутите, — возражает она уже спокойнее, и морщинка разглаживается у нее на лбу. — А почему бы и не так?

— Вот видите, значит, я не лишен догадливости. Но, увы, я забыл давно, как это делается. Право, это почти для меня недоступно. Мне стыдно сознаться вам, но я начинаю бояться женщин. Они приводят меня в трепет. Таким я кажусь себе жалким!

В его голосе искреннее смущение. Можно подумать, что он придает своим словам серьезное значение, верит им, хочет, чтобы им верили другие.

— Да, да, я впал в полное ничтожество. Я не представляю себе, как люди влюбляются, настаивают, побеждают. Скажите, разве это еще существует? Разве есть теперь такие люди? Мне кажется, что все стали похожи на меня. Нет, конечно, всё это невозможно, ушло, умерло...

— Вы так думаете?

— Я уверен в этом.

— Ну а если это не так?

Опять в лице ее напряжение и боль.

Алексей Васильевич отвечает со спокойной уверенностью:

— Этого не может быть. Нет. Это только кажется. Мы — голодные звери, ничего больше... Голодные звери не любят. <...>

4

<...> Вы говорите о любви, милостивая государыня?..

У одного доброго малого, распоровшего живот молодой девушке, спросили на суде, чем вызван такой зверский поступок, и он, не смутившись, ответил: «Любовью». Конечно, всё можно объяснить любовью. Пожалуй, если бы у этой девушки можно было бы спросить, что она думает о поступке малого, то и она бы ответила: «Это любовь». Ну а тот, кто сумел вернуть ее к жизни, кто зашил, заштопал ей живот?..

Алексей Васильевич бросает окурок в реку.

— О нем она и не думает...

Он снова идет вперед, глядя себе под ноги. По правде говоря, эта история его мало занимает. Пусть поступают и называют свои поступки как хотят. У него несколько иное понятие о любви — он никому ее не навязывает. Он скромен и стар. Ведь могло же случиться так, что к нему пришла женщина и сказала, что хочет поцеловать его, а он даже не смел подойти к ней. Всё это пустяки, вздор, не стоящий внимания.

Голодные звери не любят...

Разве он лгал, когда говорил, что ему стыдно за самого себя? Что он не смеет подойти к женщине... Нет, это не была ложь. Он действительно перестал быть мужчиной. Но себя нельзя ставить в пример. И он не собирается этого делать. Просто умывает руки, кладет крест — большой крест на себя и свою жизнь. Собственно говоря, что он такое?.. Неудачливый журналист, мечтающий написать роман. Доктор, сам старающийся забыть об этом. Человек, не лишенный некоторой наблюдательности, кое-что умеющий видеть.

Но с того часа, как его выгнали из его собственной квартиры, дали в руки какой-то номерок и приказали явиться на место назначения[114], а потом перекидывали с одного фронта на другой, причем всех, кто его реквизировал, он должен был называть «своими», — с того часа он перестал существовать, он умер.

И говорить о любви — это по меньшей мере легкомысленно. Нет, лучше подумаем, как жить дальше. Пожалуй, дня через два-три кончится и это житие. Начнут искоренять буржуазный элемент из подотдела[115], и тогда...

Что же — голодать немного больше, немного меньше — это лишь дело привычки. Но сын... Но сын — имеющий жительство в дорожной коробке... Этот почтенный, потомственный путешественник. Где остановится его ковчег?..

Вот вам ответ на вопрос о любви!

Может быть, случайный ответ, потому что при осмотрительности... В такое время... Когда нужны не цветы, а дреколья...[116] Разве вы видите лето? Разве вы имеете право давать жизнь другим? Нечто вроде — «разрешается хождение». На это не все имеют право. Далеко не все...

5

А вчера у Милочки, к которой он забрел случайно... Случайно ли? И ее голос звонкий, как натянутая струна:

— Вы хотите смутить меня? Вы хотите сказать, что страна, где невинные люди месяцами сидят по тюрьмам, не может быть свободной?.. Я до сих пор помню ваш рассказ о гуманном человеке. Вы нанизываете один случай за другим, собираете их в своей памяти и ничего уж не можете видеть, кроме этого. Вы приходите в ужас от созданной вами картины и заставляете бояться других. Только грязь, разорения, убийства видите вы в революции, как на войне вы видели только искалеченные тела, разорванные члены и кровь. А зачем была кровь, во имя чего люди шли и умирали, вы не хотите видеть, потому что это, по-вашему, глупо. Откуда разорение, грязь, предательство — этого вы знать не хотите. Как этому помочь, как это изжить — вы тоже не думаете. Голод, вши, убийства — говорите вы, пряча голову, как страус. Значит, я должна ненавидеть Россию и революцию и отвернуться от того, что мне кажется необычайным? Но вам это не удастся. Слышите — не удастся! Я сама слишком замучилась, слишком передумала, чтобы иметь свое мнение. И если кто-нибудь виноват в том, что происходит тяжелого и дурного, так это вы — вы все, стонущие, ноющие, злобствующие, критикующие и ничего не делающие для того, чтобы скорее изжить трудные дни. Одни взяли на себя всю тяжесть труда, а вы смотрите и вместо того, чтобы помочь, говорите: они не выдержат, они упадут, труд их бессмыслен. У вас остались только слова. Вы ни холодные, ни горячие, вы — ничто[117]. И еще смеете осуждать...

Она задыхается. Слова вылетают у нее одно за другим без связи, но все они насыщены. За ними, как вода под почвой, бегут своим чередом новые слова, которых она не умеет высказать.

— И я всё могу стерпеть, — кричит она, сжимая в руках свою подушку, — всё... Даже если произойдет самое ужасное, самое непоправимое.

Она вытягивается. Каждый мускул напряжен в ней.

А он широкими глазами, сдерживая дыхание, смотрит на нее, внезапно резким движением склоняется к ней, берет за руки, до боли сжимает их, говоря придушенным шепотом:

— Я люблю вас, Милочка! Слышите, я люблю вас. Сам не знаю, за что. Если хотите — можете мне не верить. Мне всё равно. Да, да — совершенно безразлично. Просто я захотел сказать вам это в первый и последний раз. В первый и последний...

Потом встает, поворачивает спину, не прощаясь, уходит.

Разве этого не было? Разве он не произнес эти слова?

6

<...> Он торопится, начинает отсчитывать шаги, чтобы не думать. Идет всё дальше к окраине города, за Терек, через мост, путаными переулками. Еще ни разу он не бывал здесь днем. Пусть. Всё равно. Так или иначе, нужно тянуть лямку.

Он подходит к калитке, стучит. Дом слепо смотрит на улицу закрытыми ставнями. Кругом безлюдье. Он стучит второй раз.

— Кто такой?

— Да я же, я. Отвори!

Шлепают босые пятки по песку, скрипит засов.

Перед ним — урод, широкоплечий человек на вершковых ногах. Лицо его изъедено оспой, рыжая борода торчит клочьями, глаза запрятаны под вспухшими веками.

— Есть? — коротко спрашивает Алексей Васильевич, глядя поверх урода.

Тот кивает головой — толстые губы ползут к ушам, глаза тонут в беззвучно трясущемся студне.

Калитка захлопывается за Алексеем Васильевичем.

«Через нечистоты идет правоверный в рай Магомета»[118], — так говорит поэт.

«Спать, мечтать, забыться — ни о чем не думать...»[119]

Глава пятнадцатая

11

Тов. Авалов сидит за письменным столом. Перед ним ворох бумаг — ассигновки[120] и корректура. Над ним — Ленин и Троцкий. У окна машинистка. На полу окурки и плакаты агитки Кавросты[121].

— Садитесь, — говорит тов. Авалов и чиркает гранки стенной газеты[122]. Алексей Васильевич приподымает плечи и садится.

Пауза. В окне видна Столовая гора и верхушки деревьев бульвара.

Стучит машинка.

— Я вас слушаю, — наконец произносит тов. Авалов и подымает черную свою бороду от гранок. Глаза из-под сросшихся бровей смотрят лукаво и выжидающе.

— Дело в том, — начинает Алексей Васильевич и в свой черед смотрит на зава, — что в настоящую минуту, как вам известно, я в положении крепостного, получившего вольную без надела и гражданских прав. Не сказал бы, чтобы это было забавно. Я просил дать мне разрешение на выезд, но мне его не дали. Дают только командировочным. Тогда я вспомнил о вас.

— Наш маленький диспут о Пушкине? — спрашивает тов.[123] Авалов, и борода его ползет в стороны от улыбки.

— Какой там Пушкин, — отвечает Алексей Васильевич, — бог с ним, с Пушкиным. Он сам по себе, а мы сами по себе. Я вспомнил другое. Если не изменяет мне память — в первую нашу встречу...

— В редакции «Известий Ревкома»[124].

— Вот-вот, совершенно верно, в редакции «Известий» вы предложили мне...

Товарищ Авалов приподымается в кресле. Улыбка еще шире сияет на его лице, белые крупные зубы оскалены.

— Предложил вам работу в газете.

— Вот именно. Но тогда я едва оправился от болезни и потом... новые перспективы.

— А теперь вы ничего не имели бы против...

— Да, да, что-нибудь вроде хроникера, если это возможно. Что-нибудь менее ответственное...

— Прекрасно, — кричит Авалов, — превосходно. Они дураки, они ничего не понимают. Этот армянский поэт и его публика. Очень рад, очень рад.

Он смеется теперь полным ртом. Его откровенность не знает предела. Надо же было так ловко провести завподотделом искусств. И вообще, зачем существует такой подотдел, когда есть РОСТА?

Алексей Васильевич встает в свою очередь. Признаться, он не ожидал такого неожиданно удачного конца их беседы. И ему неловко, где-то в глубине души терпкая обида. Он — только руки, которые можно купить. В конце концов, это так: все там будем. Но все-таки какова политика у восточных мальчишек. И Алексей Васильевич улыбается в свою очередь — понимающе и многозначительно.

Тов. Авалов выходит из-за стола. Лицо его становится серьезным. Он берет под руку Алексея Васильевича и отводит его в дальний угол комнаты, подальше от машинистки.

— Вот что, товарищ, — говорит он, — я, конечно, не откажусь от вашей помощи и настою на том, чтобы вас приняли как высококвалифицированного и полезного работника, но имейте в виду, говорю вам по секрету, будьте осторожны. Вы понимаете сами. Все знают, в какой газете вы сотрудничали, у вас есть враги, кое-где вы на замечании, и малейшая оплошность с вашей стороны может повести к неприятным последствиям. Конечно, пока вы у меня, вас не тронут, так как я пользуюсь влиянием и донос, откуда бы ни шел, сумею обезвредить, взяв на свою ответственность. Но все-таки... остерегайтесь знакомств — они у вас имеются. Вы меня понимаете. Не буду называть имен, но нам всё известно. Ваш зав испугался — отсюда ваше увольнение. Он дурак. Я поступаю иначе. Все-таки мы с вами коллеги.

Он опять скалит белые свои зубы и трясет руку Алексея Васильевича.

— Подавайте заявление, заполняйте анкету и начинайте действовать.

Алексею Васильевичу кажется, что этот человек загнал его в коробку, захлопнул крышку и сидит на ней.

Он съеживается, чувствует, что бледнеет, и пытается улыбнуться. Улыбка выходит длинной и омерзительно жалкой.

Он стоит за дверью, на площадке лестницы и почему-то застегивает ворот блузы.

— Вот это называется взять на крюк, — говорит он, — связать по рукам и ногам, заткнуть кляп в глотку и уверять, что ты новорожденный. Астрономию люблю ввиду глубины и премудрости мироздания.

И внезапно им овладевает бессильная ярость, бешенство затравленного, безвольного человека, вспышка благородного негодования. Чувство собственного достоинства кричит в нем. Красные пятна выступают на скулах, ноги его напрягаются и дрожат, кулаки сжимаются, плечи развертываются.

Он поворачивается к двери, где пришпилено «без доклада не входить», и кидает свистящим шепотом:

– Прохвосты.

И тотчас же стремительно кидается вниз по лестнице на бульвар, на припек.

Там он останавливается, солнце приводит его в чувство. Он снова расстегивает ворот рубахи, поправляет прическу и вынимает из бокового кармана папиросу.

Руки его всё еще дрожат, когда он закуривает, но внутри всё на своем месте. Он пускает струю дыма и глубоко затягивается, глядя, прищурившись, перед собой.

Там, где смыкаются два ряда старых акаций, торчит Столовая гора. Пусть торчит.

– А ну-ка, зарубежные милостивые государи, будьте любезны. Честь и место. Вас приглашает хроникер стенной газеты, ваш бывший коллега. Сделайте одолжение. Попробуйте. Это вам не эмиграция. Ах, вы просите к себе? Нет – мне что-то не хочется. Мы видали, как это делается. Я лучше тут. Привет общим знакомым.

И на губах обычная скрытная, насмешливая, невинная улыбка.

В. Б. Шкловский

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Фрагмент

Как-то раз, зайдя на вокзал, я решил ехать в Киев на несколько дней[1]. Уехал с вокзала, не предупредив никого.

Киев был полон людей. Буржуазия и интеллигенция России зимовала в нем.

Нигде я не видел такого количества офицеров, как в нем.

На Крещатике всё время мелькали «Владимиры»[2] и «Георгии»[3].

Город шумел, было много ресторанов.

Я увидел, как нищий, вынув из сумы кусок хлеба, предложил его извозчичьей лошади.

Лошадь отвернулась.

Это было время, когда на Украине собралась вся русская буржуазия, когда Украина была занята немцами, но немцы не смогли ее высосать начисто.

На улицах развевались трехцветные флаги. Это были штабы добровольческих отрядов Кирпичёва и графа Келлера и еще, кажется, под названием «Наша родина»[4].

А на одной улице висел никогда прежде не виданный флаг. Кажется, желтый с черным[5], а в окне портреты Николая и Александры Феодоровны; то было посольство Астраханского войска[6].

Гетманских войск почти не было видно, хотя раз в день проходили отряды русских офицеров, сменявшихся с караула на гетманском дворце. У них была своя форма с маленькой кокардой и узкими погонами.

На постах стояли немцы в громадных сапогах на толстой деревянной подошве, сделанных специально для караулов.

Пока я метался — наступила зима.

Город был русский, украинцев не видно было совсем.

Выходили русские газеты; из них помню «Киевскую мысль», что-то вроде «Дня»[7], и «Чертову перечницу».

«Киевская мысль», конечно, выходила и раньше, но время было не ее, а «Чертовой перечницы», Петра Пильского и Ильи Василевского (Не-Буква).

Я думаю, что они еще издают и сейчас где-нибудь «Чертову перечницу» («Кузькина мать»[8] она же).

Был кабачок — «Кривой Джимми»[9], кажется, а в нем — Агнивцев[10] и Лев Никулин, потом ставший заведующим политической частью Балтфлота, а сейчас член афганской миссии[11].

Здесь я встретился с несколькими членами партии с.р.[12], которые в это время были связаны с Союзом возрождения России, главой которого был Станкевич[13].

Немцы кончались. Они были разбиты союзниками, это чувствовалось.

Значит, накануне смерти была и власть Скоропадского, и даже с этой точки зрения нужно было что-то предпринимать.

Из Украины двигались петлюровцы.

Но Союз возрождения, да и вообще весь русский Киев, кроме большевиков, конечно, был связан волей союзников.

Воля союзников олицетворялась в Киеве именем консула, сидящего, кажется, в Одессе, фамилия его была Энно.

Энно не хотел, чтобы в политическом положении Украины происходили перемены.

В Германии уже была революция, немцы образовывали Советы[14], правда — правые, и готовились уезжать.

Уже шли поезда с салом и сахаром из Украины для Германии. Увозили автомобили русской армии, прекрасные «паккарды»[15].

Отступление немцев не имело характера бегства.

На Украине были следующие силы: в Киеве Скоропадский, поддерживаемый офицерскими отрядами, офицеры сами не знали, для чего они его поддерживали, но так велел Энно.

Кругом Киева Петлюра с целой армией.

В Киеве немцы, которым было приказано французами поддерживать Скоропадского.

Так, по крайней мере, выглядело со стороны.

И в Киеве же городская Дума и вокруг нее группа русских социалистов, связанных с местными рабочими.

Они хотели произвести демократический переворот, но Энно не позволял.

А в отдалении — «вас всех давишь»[16] — голодные большевики.

Меня попросили поступить в броневой дивизион на случай[17]. Я сперва пошел в крепость[18], в отряд Скоропадского.

Меня спрашивали там, как прибывшего из России, будут ли большевики сопротивляться, а один подпрапорщик всё интересовался вопросом, кованы ли у большевиков лошади.

Я вышел из крепости по мосту и не помню, почему смеялся.

Прохожий хохол остановился, поглядел на меня и с искренним восхищением сказал: «Вот хитрый жид, надул кого-то и смеется». В голосе его только восхищение, без всякого антисемитизма.

Но я не поступил непосредственно к Скоропадскому, а выбрал 4-й автопанцирный[19] дивизион.

Команда была русская. Всё те же шоферы, но более большевистски настроенные. Заграничный воздух укрепляет большевизм.

Кругом была слышна только русская речь.

Меня приняли хорошо и поставили на ремонт машин.

Одновременно со мной в дивизион поступило несколько офицеров с той же целью, как и моя.

Петлюровцы уже окружили город. Слышна была канонада, и ночью видны огни выстрелов.

Стояла зима, дети катались со всех спусков на салазках.

Я встретил в Киеве знакомых. Одни нервничали, другие уже ко всему привыкли. Рассказывали про террор при предыдущих переворотах.

Хуже всех были украинцы: они расстреливали вообще большевиков как русских и русских как большевиков.

Одна знакомая художница (Давидова)[20] говорила мне, что у ее подруги, которая жила вместе с ней, расстреляли в саду (украинцы расстреливали в саду) мужа и двух братьев.

Та пошла, разыскала трупы своих, но хоронить было нельзя.

Она принесла на себе трупы в квартиру Давидовой, положила на диван и так провела с ними три дня.

Петлюровцы шли. Офицеры дрались с ними неизвестно за что, немцам было приказано мешать драке.

А Киев стоял с выбитыми окнами. В окнах чаще можно было встретить фанеру, чем стекла.

После этого Киев брали еще раз 10[21] всякие люди.

Пока же работали кафе, а в одном театре выступал Арманд Дюкло[22], предсказатель и ясновидящий.

Я был на представлении.

Он угадывал фамилии, записанные на бумажке и переданные его помощнику. Но больше интересовались всё предсказаниями. Помню вопросы. Они были очень однотипны.

«Цела ли моя обстановка в Петербурге?» – спрашивали многие.

«Я вижу, да, я вижу ее, вашу обстановку, – говорил Дюкло раздельно, идя, пошатываясь, с завязанными глазами по сцене, – она цела».

Спросили один раз: «Придут ли большевики в Киев?»

Дюкло обещал, что нет.

Я его встретил потом в Петербурге, – и это было очень весело! – он служил при культпросвете одной красноармейской части в ясновидящих и получал красноармейский паек.

Я не был теперь на его представлениях и не знаю, о чем его спрашивали. Но знаю, что «дует ветер с востока, и дует ветер с запада, и замыкает ветер круг свой»[23].

И в странном быту, крепком, как пластинчатая цепь Галля[24], долгом, как очередь, самое странное, что интерес к булке равен интересу к жизни, что всё, что осталось в душе, кажется равным, всё было равным.

Как вода, в которой есть льдинка, не может быть теплее 0°, так солдаты броневого дивизиона, по существу, были большевиками, а себя презирали за службу гетману.

А объяснить им, что такое Учредительное собрание[25], я не умел.

У меня был товарищ, не скрою, что он был – еврей. По образованию он художник – без образования.

Он жил в Гельсингфорсе[26] с матросами, а в царской службе был дезертир, а мне очень жалко, что я в июне наступал за Ллойд Джорджа[27].

Так вот, этот художник в Пермской губернии стал большевиком и собирал налоги.

И говорит: «Если рассказать, что мы делали, так было хуже инквизиции», – а когда крестьяне поймали одного его помощника, то покрыли досками и катали по доскам железную бочку с керосином, пока тот не умер.

Мне скажут, что это сюда не относится. А мне какое дело. Я-то должен носить это всё в душе?

Но я вам дам и то, что относится.

Уже при последнем издыхании власти пана Скоропадского, когда он сам убежал в Берлин, его пустой дворец еще охранялся.

Кстати, о Скоропадском.

Был Скоропадский избран в гетманы.

Жил он тогда в Киеве, на обыкновенной лестнице, в обыкновенной квартире.

Шел по лестнице какой-то человек, кого-то искал и позвонил в квартиру Скоропадского по ошибке. Открыла горничная.

Человек спрашивает:

«Здесь живет такой-то?»

Горничная спокойно отвечает:

«Нет, здесь живет царь».

И закрывает дверь.

И это ничего не значит.

Так вот, в последние дни Скоропадского (его уже не было, он убежал в Берлин, а его защищали) поймали белые — кажется, кирпичёвская контрразведка — одного украинца по фамилии Иванов (студента), а сами-то кирпичёвцы-офицеры были из студентов.

Поймали, допрашивали и долго пороли шомполами, пока тот не умер.

Мы не решались на переворот, боясь розни русских с русскими. С.р. в Киеве было довольно много, но партия была в обмороке и сильно недовольна своей связью с Союзом возрождения.

Эта связь доживала свои последние дни.

А меня в 4-м автопанцирном солдаты считали большевиком, хотя я прямо и точно говорил, кто я.

От нас брали броневики и посылали на фронт, сперва далеко, в Коростень, а потом прямо под город и даже в город, на Подол.

Я засахаривал гетмановские машины[28].

Делается это так: сахар-песок или кусками бросается в бензиновый бак, где, растворяясь, попадает вместе с бензином в жиклер (тоненькое калиброванное отверстие, через которое горючее вещество идет в смесительную камеру).

Сахар, вследствие холода при испарении, застывает и закупоривает отверстие.

Можно продуть жиклер шинным насосом. Но его опять забьет.

Но машины всё же выходили, и скоро их поставили вне нашего круга работы в Лукьяновские казармы[29].

Людей кормили очень хорошо и поили водкой.

А вокруг города ночью блистали блески выстрелов.

У Союза возрождения была своя часть на Крещатике, но ее он не комплектовал и вообще вел себя более чем неуверенно.

Офицерство и студенчество было мобилизовано.

У университета стреляли и убили за что-то студентов.

Гетманцы узнали об измене Григорьева[30], но всё же верили во что-то, главным образом в десант французов.

Опять сроки. Наконец решение, что городская Дума соберется и мы ее поддержим.

Ночью я собрал команду, но, несмотря на блески орудий кругом города, за мной пошло человек пятнадцать. Остальные сказали, что они дневальные.

Броневиков не было, они стояли в штабе на Лукьяновке.

Взял грузовик, поставил на них пулеметы. Бунчужный (фельдфебель[31]) хотел предупредить штаб, я порвал провод.

Выехал на Крещатик, где должна быть военная часть Союза возрождения. Никого. Но узнал, что сюда уже приезжали добровольцы, хотели арестовывать.

Поехал в казармы, где были наши части: сидит там товарищ латыш. Люди у него готовы, но он не знает, что делать. В это же время наши же заняли Лукьяновские казармы и арестовали штаб.

Но мы об этом не знали.

Дело в том, что Дума не собралась, не решилась. А наш штаб разошелся, не предупредив нас. Я искал его по всем квартирам. Нигде нет никого. Распустил людей и поехал на Борщаговку к заводу Гретера[32]. Там сидят рабочие, хотят идти в город, но спорят о лозунгах. Так и не пошли, хотя уже приготовили оркестр.

Днем в город вошел Петлюра.

Работой организации руководили в Киеве: сильно правый человек диктаторского вида в ботфортах, очень старый человек и украинец, который потом стал большевиком.

Петлюровцы входили в город строем.

У них была артиллерия. Между собой солдаты говорили по-русски. Народ встречал их толпами и говорил между собой громко, во всеуслышание: «Вот гетманцы рассказывали — банды идут, какие банды — войска настоящие». Это говорилось по-русски и для лояльности.

Бедные, им так хотелось восхищаться.

Когда я переходил через лед из России в Финляндию, то встретил в рыбачьей будке на льду одну даму; дальше пошли вместе; когда мы с ней попали

на берег и нас арестовали финны, то она всё время хвалила Финляндию, от которой видала саженей десять.

Но бывает и худшее горе. Оно бывает тогда, когда человека мучают долго, так что он уже «изумлен», то есть уже «ушел из ума», — так об изумлении говорили при пытке дыбой, — и вот мучается человек, и кругом холодное и жесткое дерево, а руки палача или его помощника хотя и жесткие, но теплые и человеческие.

И щекой ласкается человек к теплым рукам, которые его держат, чтобы мучить.

Это — мой кошмар.

Петлюровцы вошли в город. В городе оказалось много украинцев; я уже встречал их среди полковых писарей и раньше.

Я не смеюсь над украинцами, хотя мы, люди русской культуры, в глубине души враждебны всякой «мове». Сколько смеялись мы над украинским языком. Я сто раз слыхал: «Самопер попер на мордописню»[33], что равно: «Автомобиль поехал в фотографию». Не любим мы не нашего. И тургеневское «грае, грае, воропае»[34] не от любви придумано.

Но Петлюра как национальный герой — герой писарской, и наша канцелярия его одобряла. Вошли украинцы, заняли город, кажется, не грабили, стали украшать город, повесили французские и английские гербы и сильно ждали союзных послов. А солдаты разоружили добровольцев и надели на себя их французские броневые каски.

Самих же добровольцев посадили в Педагогический музей; потом кто-то бросил бомбу, а там оказался динамит, был страшный взрыв, много людей убило, и стекла домов повылетели кругом.

Несколько дней провел в части.

У нас были новые офицеры, в их числе Бунчужный, он оказался украинцем.

Говорили они мне, что очень боятся большевиков. И на самом деле их войска были большевистские.

Войска текли, как вода, выбирая себе политическое ложе, и скат был к Москве. Пока же шла украинизация.

В эти дни в Киеве погибли все твердые знаки[35].

Приказали менять вывески на украинские.

Язык знали не все, и у нас в частях, и украинцы, присланные со стороны, говорили о технических вещах по-русски, прибавляя изредка «добре»* и иное что украинское.

---

* Хорошо (*укр.*).

Опять получилось «грае, грае, воропае».

Вот подлая закваска!

Приказали в день переделать все вывески на украинские.

Это делается просто. Нужно было твердый знак переделать на мягкий, а «и» просто на «і».

Работали не покладая рук, везде стояли лестницы.

Переменили. При добровольцах ставили твердый знак на место.

Да, забыл написать, как мы жили. Я жил в ванной комнате одного присяжного поверенного, а когда уже нельзя было жить, поселился на квартире, которая прежде была явочной, а теперь туда приходили с явкой, но за ночлег брали рублей пять. Но спать можно было. Денег не было почти ни у кого, я же получал жалованье из части. Почти ни у кого не было второй рубашки.

И все удивлялись: откуда заводятся вши, сразу такие большие?

Компания была очень хорошая: помню одного рыжебородого, бывшего министра Белоруссии, не знаю, как его фамилия, его у нас звали Белорусовым. Он был очень хороший человек.

Союз возрождения надоел всем ужасно. Партия сильно косилась на свою военную организацию, а военная организация на партию.

Через какие-то связи много народу поступило в «варту» — полицию, дело было боевое, так как громилы ходили отрядами с пулеметами и давали бой.

Пробовал работать в одной газете, но первую же мою статью-рецензию взялся исправить Петр Пильский, я обиделся и не позволил печатать.

В редакции узнал я об аресте Колчаком Уфимского совещания[36].

Сообщила мне об этом одна полная женщина, жена издателя, добавив: «Да, да, разогнали, так и нужно, молодцы большевики».

Я упал на пол в обмороке. Как срезанный. Это первый и единственный мой обморок в жизни. Я не знал, что судьба Учредительного собрания меня так волновала.

К этому времени партия сильно левела. Идешь по Крещатику, встречаешь товарища: «Что нового?» Отвечает: «Да вот, признаю Советскую власть!» И радостно так.

Не раз и не два можно было остановить гражданскую войну в России. Конечно, это можно поставить в вину большевикам. Но они не изобретены, а открыты.

У нас на собрании правая часть говорила: «Перейдем на культурную работу», — а перейти на культурную работу на партийном жаргоне значит то же, что в войсках «становись, закуривай».

«Каюк», «тупик» — ну, значит, нужно что-нибудь делать, вот и делаешь дело без причинной связи, а если взять в нашей филологической терминологии: другого семантического ряда.

И я произнес речь. Мое дело темное, я человек непонятливый, я тоже другого семантического ряда, я как самовар, которым забивают гвозди.

Я рассказал: «Признаем эту трижды проклятую Советскую власть!

Как на суде Соломона, не будем требовать половинки ребенка, отдадим ребенка чужим, пусть живет!»[37]

Мне закричали: «Он умрет, они его убьют!»

Но что мне делать? Я вижу игру только на один ход вперед[38].

Партия отказалась от своей военной организации. Герман предложил ей (организации) переименоваться в Союз защиты Учредительного собрания, собрал кое-кого и поехал в Одессу.

Другие собирались на Дон воевать с Красновым[39].

А я собрался в Россию, в милый, грозный свой Петербург.

А публика изнывала.

Дарданеллы[40] были открыты, ждали французов, верили в союзников.

И уже не верили — но нужно же верить во что-нибудь человеку, у которого есть имущество.

Рассказывали, что французы уже высадились в Одессе и отгородили часть города стульями, и между этими стульями, ограничившими территорию новой французской колонии, не смеют пробегать даже кошки.

Рассказали, что у французов есть фиолетовый луч, которым они могут ослепить всех большевиков, и Борис Мирский написал об этом луче фельетон[41] «Больная красавица». Красавица — старый мир, который нужно лечить фиолетовым лучом.

И никогда раньше так не боялись большевиков, как в то время. Из пустой и черной России дул черный сквозняк.

Рассказывали, что англичане — рассказывали это люди не больные, — что англичане уже высадили в Баку стада обезьян, обученных всем правилам военного строя. Рассказывали, что этих обезьян нельзя распропагандировать, что идут они в атаки без страха, что они победят большевиков.

Показывали рукой на аршин от пола рост этих обезьян. Говорили, что когда при взятии Баку одна такая обезьяна была убита, то ее хоронили с оркестром шотландской военной музыки и шотландцы плакали.

Потому что инструкторами обезьяньих легионов были шотландцы.

Из России дул черный ветер, черное пятно России росло, «больная красавица» бредила.

Люди собирались в Константинополь.

Если не здесь, то где же я расскажу один факт?

По приезде из России зашел я к одному фабриканту, он был табачник, или это называется заводчик.

У этого человека в Петербурге была мебель, и меня просили передать ему, что его мебель пропала.

Я зашел к этому человеку. У него на столе стоял мармелад, и печенье, и торт, и булки, конфеты, и шоколад, и дети за столом, и чистое белье, и жена, и никто не был застрелен.

И сидел один знаменитый русский юмористический писатель.

Писатель говорил: «В России до тех пор не будет порядка, пока в каждом доме, на каждом дворе и в квартире не будет лежать по зарезанному большевику».

Табачный фабрикант был спокоен. Его деньги были в валюте. Он сказал: «А знаете вы, сколько получала работница в Вильне[42] на моей фабрике?» Писатель не знал. Фабрикант сказал: «От пяти копеек в день, и, знаете ли, я не удивляюсь, что они взбунтовались» (или, может быть, он сказал: «Я не удивляюсь, что они недовольны», — не помню дословно).

Этот человек не был болен.

Итак, немцы продавали на улицах мелкие вещицы, но увозили из Украины сало, и хлеб, и наши автомобили, которые я знал в лицо: «паккарды» и «локомобили»[43].

Поезда немцев охранялись караульными в длинных шубах с бараньими воротниками.

Мне вспомнилось, что, когда немцы отступали «в ту войну», они не забывали при отходе подмести пол канцелярии.

Меня пригласили к одной даме, она узнала, что я уезжаю. Дама жила в комнате с коврами и со старинной мебелью красного дерева: мне она и мебель показались красивыми. Она собиралась ехать в Константинополь, муж ее жил в Петербурге.

Она меня попросила отвезти деньги в Россию, кажется, тысяч семь — это были тогда деньги.

Трудно быть ненарядным.

«В ту войну» я был молодой и любил автомобили, но, когда идешь по Невскому, и весна, и женщины уже по-весеннему легко и красиво разодеты, когда весна и женщины, женщины, трудно идти по улице грязным.

Трудно было и в Киеве идти с автомобильными цепями на плечах среди нарядных; я люблю шелковые чулки. А в Петербурге, в милом и грозном,

было не трудно, там, когда несешь большой черный мешок, хоть с дровами, то только гордишься тем, что сильный. Но и в Петербурге теперь есть шелковые чулки.

Эта женщина меня смущала. Я взял у нее деньги, высверлил толстую ложку и черенок ножа и положил в них тысячерублевки.

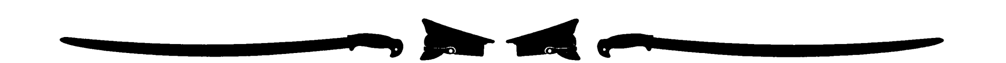
Теперь весь вопрос был в том, как поехать. Я пробыл в Киеве еще несколько дней, встретил Новый год в пустом и черном здании городской Думы, ел колбасу, но водки не пил.

На улице встретил пленного, ехавшего из Германии, выменял у него костюм и документы (они состояли из одного листка), отдал свой костюм и решил, что так можно ехать.

Пошел прощаться к одной художнице, она сказала мне, осмотрев:

«Так хорошо, но не смотрите никому в глаза, по глазам узнают».

И вот я влился в голодное и грязное войско военнопленных[44].

Р.Б. Гуль

КИЕВСКАЯ ЭПОПЕЯ

(ноябрь – декабрь 1918 г.)

В дороге

Был октябрь 1918 года... Наш поезд переехал границу Всевеликого Войска Донского[1] и тихо потащился полями Украины. Мелькают в окнах вагона белые хаты с облетевшими садами, убранные поля с торчащим рыжим жнивьем, над которым носятся стаи птиц... Едем медленно, останавливаясь подолгу на станциях и полустанках. На каждом вокзале – немецкий караул. Словно замерли на часах подтянутые, чистенькие немцы. А невдалеке от них можно увидеть кучки серых, рваных людей, злобно смотрящих на незваных иноземцев...

На каком-то разъезде поезд стоит целый час – у следующей станции произошло крушение...

«Пассажирский разбился... рельсы разобрали...» – рассказывает железнодорожник. «Да кто же это?» – волнуется дама из второго класса. «Кто? – Разве мало здесь... – тянет железнодорожник, – целые отряды теперь ходят, с оружием... Хлеб убрали и пошли...» – «Так их половить всех!» – горячится дама. «Немцев послали туда... Да разве всех переловишь», – флегматично отвечает железнодорожник.

Поезд рванулся, запищали вагоны. Тихо тронулись... Через несколько верст замедляем ход и еле-еле продвигаемся. Рядом с линией лежит, как мертвый титан, – разбитый пассажирский поезд, кругом расставлены пулеметы, ходят немецкие солдаты...

«Что, никого не поймали?» – спрашивает будочника пассажир из окна.

«Никого... Была перестрелка... Никого...» – отвечает равнодушно будочник.

Поезд ускоряет, пошел полным ходом.

Люди в вагонах мало разговаривают. Как будто все чем-то недовольны, чего-то ждут... Держу в руках газету — читаю о восстании крестьян и войне их с немцами.

Уже полдень. Мы подъезжаем к Киеву... Зашумел поезд по железнодорожному мосту, и перед нами, за синим, серебрящимся Днепром, на покатых горах, с золотыми куполами, красными горящими на закат крестами, — столица Украины.

Киев

Я несколько дней живу в Киеве. Хожу по улицам — наблюдаю жизнь. И тяжело и неприятно становится от этих наблюдений... Киев — переполнен. Особенно много беженцев из Совдепии. Шумящие улицы пестрят шикарными туалетами дам... Элегантные мужчины, военные мундиры... Битком набитые кафе... переполненные театры, музыка, гул, шум... проститутки, спекулянты... Но в этом чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствие неминуемого конца. Как будто веселящиеся люди чувствуют за собой погоню и спешат провести «хоть час»... На фоне кутящей, пьющей, одуряющейся толпы мелькают серые мундиры чопорных немецких офицеров и каменных солдат — это те, кому обязана толпа своим весельем.

Уверенность в близкой опасности разделяется всеми... Ее реально видят, понимают и сегодняшние правители Украины, но у них нет «своей» силы, на которую можно было бы опереться. А чужая — немецкая — после революции с каждым днем становится ненадежнее.

И вот в поисках «силы» гетман издал приказ о мобилизации офицеров.

Я иду к воинскому начальнику... Двор и улицы около здания запружены бывшими офицерами. В военных шинелях, без погон, без кокард. Усталые лица. Большинство молчат. Только некоторые что-то горячо рассказывают. Их обступили кучками... «Да вы бы расспросили хорошенько», — возражает кто-то рассказчику... — «Расспросили — он не желает по-русски говорить... расспросите его...» — «Господа, а не читали в сегодняшней газете: можно в русские дружины поступать, по охране города», — говорит кто-то из кучи, показывая газету...

Верно: дружина генерала Кирпичёва — по охране города... Совсем хорошо. Избавляешься от службы в войсках гетмана, и охрана города действительно имеет смысл и необходима.

Иду на Прорезную улицу – в штаб дружины...[2] Небольшие комнаты полны пришедшими офицерами. Здесь волнение, шум... Все хотят узнать об условиях службы, освобождает ли она от украинских войск и т. п. Красивый, худой брюнет – полковник Рот[3] – предупредительно-вежливо отвечает на расспросы... «Господа, служба только по охране города... жалованье пятьсот карбованцев в месяц... будет общежитие... довольствие... суточные... поступление в дружину освобождает от общей мобилизации... Но при поступлении вы должны представить рекомендации двух лиц – общественных деятелей или военных...» Офицеры довольны. Ведь все из них уже поголодали, узнали безработицу. А тут хорошие условия и «охрана города» – необходимая при всяком правительстве...

Наутро, достав солидные рекомендации, я записываюсь в дружину у звенящего шпорами, картавящего гвардейца-адъютанта. И, по своему району, получаю назначение во 2-й отдел дружины, на Бульварно-Кудрявскую улицу – дом Вагнера[4].

Через день являюсь на место службы. Начальник отдела, гвардии полковник Крейтон[5], разбивает собравшихся человек 60 офицеров на четыре подотдела. Я попадаю во 2-й, начальником которого – гвардии полковник Сперанский[6].

Но пока что весь отдел, вместе, несет службу в доме Вагнера... Дом-особняк реквизирован для военных целей. Раньше здесь помещалось какое-то ученое общество, но теперь ему отвели одну маленькую комнату, а в остальных расположилась «охрана города». Настелили соломы, принесли винтовки, патроны, пулеметы, защелкали затворами, затопали сапогами... Напрасно член ученого общества, глубоко штатский человек с длинными волосами, просит «хоть еще одну комнату», «нам это совершенно необходимо», уверяет он полковника. «В Совдепии вы бы так не разговаривали», – зарычал полковник, и глубоко штатский человек скрылся за скрипнувшей дверью...

Собравшимся офицерам дел нет. Помощник начальника отдела полковник Кондра читает лекции, как офицеры должны вести себя, как серьезен момент и что очень скоро придут союзники. А с их приходом положение окончательно укрепится. Нам же надо пока что поддержать порядок «до их прихода»...

В городе так же кутит, пьянствует веселящаяся толпа. Так же мелькают немецкие мундиры. Но с каждым днем тревога среди обывателей увеличивается. В рабочих кварталах всё чаще собираются на улицах темные кучки,

толпясь, наклоняясь близко лицами, о чем-то говорят и, завидя взвод офицеров, расходятся, оглядываясь злобными, двусмысленными улыбками...

Нам приказано каждую ночь быть в отделе, в полной боевой готовности. Всю ночь мы несем службу. По улицам ходят дозоры. В саду, за особняком и у ворот стоят часовые.

Стоя на часах, прислушиваешься, как то там, то сям в городе трещат выстрелы.

Людей в отделе мало — человек 60, и, несмотря на приказы о дальнейшей мобилизации, число не увеличивается. Бессонная служба — почти без смены — утомительна. Весь день сидят, дремлют офицеры — на соломе в особняке. В один из таких дней приехал генерал Кирпичёв с каким-то штатским господином. Всех подняли, выстроили, и генерал обратился с речью:

«Господа, теперь мы вошли в состав армии генерала Деникина. Нам предстоит важная задача: поддержать порядок до прихода союзников, которые уже близко... За нашего вождя, генерала Деникина, ура!.. Организатору и инициатору офицерских дружин, Игорю Александровичу Кистяковскому[7], ура!..» Кричат «ура», и штатский господин приветливо снимает шляпу. Это министр Кистяковский.

«Вхождение» в состав армии генерала Деникина многих удивило, но никто не мог подумать, что генерал Кирпичёв и Кистяковский заведомо лгали[8].

Дни идут в бессменном несении караулов. Настроение становится нервнее, тревожнее. В одну из ночей дозоры принесли сорванное с дома воззвание Винниченки и Петлюры с призывом к восстанию. А на следующий день стало известно, что дружина Святополка-Мирского куда-то выступила[9].

Наш 2-й подотдел перевели на Львовскую улицу в приют[10] «Ясли». Здесь такой же беспорядок и сумятица. Опять приказано быть всё время в здании и в полной готовности. Но это уже становится трудным, так как штабы дружин, отделов, подотделов — переполнены, а строевых офицеров — горсть. Ежедневно приходят сведения о готовящемся восстании в городе. Нас рассылают по улицам. Тревога заметно усиливается...

На позиции

Поздним вечером 19 ноября в приют «Ясли» приехал начальник 2-го отдела полковник Крейтон. «Господа, вы должны выступить на вокзал... Там положение ненадежное. Надо разоружить какую-то дружину...» Полковник

Крейтон что-то путает, но сознание дисциплины не позволяет сомневаться. Надо выступать. Собираемся. Подотдел должен был бы идти вместе с своим начальником, но полковника Сперанского — нет. Его не было ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. Его мы почти не видим. Выступаем без него. За старшего — капитан... Темная ночь. Колонной по отделениям, четко отбивая шаг, — идем городом... Пришли на вокзал. Здесь еще какие-то части... Волнение, сумятица... Больше всех бегает, кричит — полный генерал...[11] Это — Канцырев[12].

Но вместо разоружения «какой-то дружины» генерал объявляет нам приказ: мы должны ехать на Пост-Волынский и поступить там в распоряжение начальника участка. Мы удивлены. Нам объясняют задачу: с Белой Церкви наступают банды Петлюры; дружина Святополка-Мирского уже имела с ними бой, но неудачный; мы должны идти ей на помощь.

Среди офицеров волнение, недовольство... Стало быть, полковник Крейтон лгал о разоружении «какой-то дружины»! Вместо «разоружения» нас, городскую охрану, вывозят за город!.. Но рассуждать поздно. Уже поданы вагоны. Кто-то подходит, рассказывает, что дружину Святополка-Мирского разбили вдребезги, раненых не успели подобрать, петлюровцы идут «тучами». Рассказ еще больше понижает настроение. Все чувствуют обман, но та же самая «дисциплинированность» заставляет молчать... Садимся в темные вагоны, звенят штыки сцепившихся винтовок... Поезд едет к Посту-Волынскому. Остановились... Кто-то пошел на станцию доложить о прибытии. В вагонах меж офицерами снова поднимается волнение... «Зачем?! Куда нас вывезли! С нами нет ни одного начальника, все остались в Киеве!..» В полутемных вагонах шум, крепкая ругань... Но достаточно одного сдержанного замечания: «Что вы, господа, солдаты, что ли, митинговать вздумали», — и крики затихают.

Уже ползет в окна серый рассвет. В нетопленых вагонах холодно. Большинство задремало, склонясь на винтовки... Рассвело. Вышли на пути. Узнали, что мы стоим в резерве и командует нами генерал Канцырев.

День проходит в разговорах. Большинство офицеров примирилось с положением и успокоилось. Но некоторые бесследно скрылись.

Пришел поезд с офицерами дружины Святополка-Мирского. Они только что из боя под Мотовиловкой[13]. Возмущенно рассказывают: «Пошли мы без разведки, нам говорили, что петлюровцев тут очень немного, банды какие-то... а мы налетели на их главные силы, на сечевиков... почти в кольцо попали... потери понесли страшные, раненых побросали... сердюки с нами были — разбежались...»

Бой под Мотовиловкой обсуждается и комментируется под крепкую ругань начальства. Снова подымается возмущение, но та же дисциплинированность заставляет замолкать.

Вечер. Темно. Мы получили приказ выступать. Из темных вагонов выпрыгивают люди. Выстроились. Пошли по талому снегу, путаясь в рядах.

«Куда мы идем?» — спрашивают по рядам. «Черт их знает — говорят, на окраину Жулян[14], что ли...»

Вошли в село. В маленьких оконцах кое-где мелькают желтые огоньки. Белые хатки уснули под соломенными, снежными крышами... Хлюпает под ногами дорога, звякают штыки... Отряд растянулся по темной улице... Село кончилось. Остановились.

«Ну, куда же?» — спрашивают по рядам. Впереди полковник. Его окружили. «Господин полковник, куда же мы идем? где у нас противник?» — недовольно спрашивают. «А черт его знает, я сам не знаю — не то там, не то там, — раздраженно отвечает полковник, показывая в противоположные стороны. — Вот что, господа, часть в 10 человек пойдет с пулеметчиками в Красный Трактир, — вы поведете, полковник Крамарев, — а вы расположитесь здесь; наутро увидим, в чем дело», — приказывает полковник.

Красный Трактир

Я иду, в числе десяти человек, в Красный Трактир. Старшим у нас — молодой, энергичный полковник с Георгиевским крестом — Крамарев. Он идет и без умолку разговаривает, критикуя штабы. «Черт знает — у нас везде так. В штабах сидят олимпийцы[15] какие-то. Тыкнут пальцем — вот участок, вот направление, найдете то-то и то-то. А тут ни частей наших нет, ни связи никакой! Черт знает!..»

«А что мы будем, господин полковник, в этом Красном Трактире делать?» — «Там наш полк стоит конный — Лубенский[16]. Он охраняется разъездами на восемь верст вперед. А мы в селе с пулеметами станем».

Впереди неуверенно вздрогнул огонек. Это Красный Трактир. Дошли. Идем улицей. От большой хаты отделилась фигура часового: «Кто идет?» — «Свои». Пропуска часовой не спрашивает. «Здесь штаб Лубенского полка?» — «Здесь». Вошли в комнату. Тяжелый воздух. Пол устлан людьми. «Где командир полка?» — спрашивает Крамарев, расталкивая уснувшего телефониста. «Там, напротив, в хате», — бормочет спросонья, не вставая, телефонист. «Ничего тут не добьешься! Все спят!» — волнуется Крамарев. Вышли

на улицу». Вот что, господа, — занимайте халупы и располагайтесь. Утро вечера мудренее». «Господин полковник, не выставить ли на всякий случай пост!» — замечает кто-то. «Э, пустяки. От кавалеристов же разъезды на восемь верст ходят. Ложитесь, господа...»

С трудом достучались в дверь хаты. Насмерть перепуганная старуха не пускает, боится. Наконец под причитания и оханья хозяйки легли на узких скамейках, заснули мертвым сном. И только ранним утром вскочили от испуганного крика вбежавшего офицера: «Господа! Мы пропали! Деревня занята петлюровцами! Всех наших схватили!»

Вскочили! Схватили винтовки! Но что делать? Надо полковнику сказать. Побежали в соседнюю хату. Полковник ничего не знает, не верит. С ним вшестером вышли из хаты на улицу... Где-то недалеко — выстрелы... По улице, вдали, ходят вооруженные фигуры, видны верховые... Кто это? Наши? Нет? Не понять. Но только что мы отделились от хат, как нас окликнул вооруженный человек. Он стоял шагах в шестидесяти. «Идите сюда! Сдавайте оружие! Всё равно — все здесь!» — кричал он по-украински. Крамарев взволновался. «Господа, это наш! Надо пойти к нему. Это ошибка». — «Да не ходите, господин полковник, — это петлюровец». — «Нет, не может быть. Это недоразумение, господа. Идемте вперед, сейчас всё выясним», — волнуется Крамарев... С винтовками наперевес мы идем по селу к копошащимся черным фигуркам. В голове одна мысль: наши? или нет? Если нет, сколько их? Отобьемся ли?

Вот мы уже дошли до штаба Лубенского полка. Около хаты толпятся молодые краснорожие сердюки и лубенцы. С равнодушными лицами, как будто ничего не случилось, они выносят из хаты оружие. «Зачем, куда вы оружие несете?» — спрашиваю я здорового, румяного сердюка. «Та я не знаю — приказали сносить вон туда», — равнодушно отвечает он. «Кто приказал?» — «Та я не знаю...» Стало быть, они сдались? Ничего не понимаю. «Господа, стойте здесь, не двигайтесь с места. Я один пойду и всё узнаю», — говорит Крамарев. «Не ходите, господин полковник, — один». — «Оставайтесь здесь», — приказывает он и пошел к стоявшей вдали кучке... Мы встали около хаты с винтовками наготове. Глаза впились в удаляющуюся фигуру полковника в зеленой бекеше[17] и в высокой шапке. Вот он подошел. Разговаривает с высоким человеком в поддевке. Ничего. Но вот Крамарев отпрыгнул от него, побежал. А высокий в поддевке приложился из винтовки. Крамарев бежит. Тот целится... Выстрел. Промах. Бежит. Выстрел... Крамарев вскрикнул, упал, протянув по снегу руки, и не подымается.

«Убил!» — закричал кто-то.

Сердюки, лубенцы бросились к винтовкам. Мы отскочили за хату. По нам затрещали выстрелы, засвистали пули. Мы бросились в улицу. За нами метнулись какие-то фигуры. Свистят пули... Мы отстреливаемся и отступаем в поле. Глубокий снег — трудно идти. Рассыпались цепью... Но куда же отступать? На душе тяжелым камнем лежит только что виденная смерть Крамарева. Красный Трактир занят петлюровцами.

Наш ли Пост-Волынский? Неизвестно... Лезем по снегу — наугад к Посту. Где-то недалеко бьет артиллерия. Вдали показалась какая-то цепь. Ничего не понять... Где наши? Где противник? Куда отступать?..

«Господа! Да куда же мы идем! Вправо деревня какая-то! Надо обойти ее!» Начинаются споры о дороге. «Я поведу». — «Да вы не знаете дороги! Куда вы ведете!» — «Господа, как же мы бросили полковника! Мы не должны были этого делать», — говорит один. «Ну, об этом — поздно», — отвечает другой...

Лезем оврагом по глубокому снегу. Вылезли на равнину. «Смотрите! Конный! К нам едет!» — Кто это? Наш? Их? — «Господа, кто-нибудь один, навстречу идите».

Офицер идет навстречу приближающемуся конному. Другие остановились, затаив дыхание... «Наш! Наш!» — кричит он. Все побежали.

Подъехавший офицер-артиллерист взволнованно расспрашивает: «Кто вы такие? Стало быть, Красный Трактир занят?.. Господа, ради бога, идемте к нам на батарею. Связь порвана. Никаких частей кругом нет. Наши сердюки ненадежны. Ради бога, господа. Не знаем, что делать. Прикрытия нет. Только при сердюках не говорите о Красном Трактире. Черт их знает — ненадежные. Разбегутся». — «А по чем вы стреляете так часто?» — спрашивает один из нас. «Да ни по чем. Так, для ободрения», — отвечает офицер.

Пришли на батарею. Около орудий сидят здоровые, красные парни — сердюки. Меж ними похаживает закутанный башлыком офицер. Наш провожатый доложил закутанному башлыком капитану — командиру батареи. Он ведет нас в халупу.

«В чем же дело, господа?» Мы рассказали. «А ваше положение каково, господин капитан?» — «Наше такое же, как ваше. Не могу ни с кем связи наладить. Где петлюровцы? Где наши? — не понимаю. Пожалуйста, господа, оставайтесь при батарее... Вы, наверно, голодные. Я сейчас прикажу дать консервов, водки...»

Мы закусываем. Окна дребезжат от выстрелов. Батарея стреляет «для ободрения».

Через несколько часов в хату вошел капитан и рассказал, что связь с Постом-Волынским налажена, на Красный Трактир пошли наши части, а вправо от батареи уже есть наша цепь. Но не успел он докончить своих слов, как в хату вбежал вестовой и быстро, испуганно доложил, что на батарею наступает какая-то цепь и уже совсем близко... Все выскочили из хаты. Шагах в двухстах, путаясь, мешаясь, на батарею двигалась цепь. Люди в ней что-то кричали, махали руками... Если это противник? Странно... Они никогда бы не шли так шумно... Наши? Зачем же они цепью идут на батарею... На всякий случай все защелкали затворами...

К цепи подскакали какие-то верховые. Цепь сгрудилась в кучу. Слышны крики, шум... Одиночный выстрел. Как будто кто-то упал. Цепи расходятся и двинулись в обратную сторону.

Посланный узнать солдат доложил: сердюцкие цепи поднялись с позиций, «не хотели воевать», но офицер застрелил главного агитатора — унтер-офицера — и повернул цепь обратно...

На фронте под Киевом

Простояв день в прикрытии батареи, мы присоединились к своему отряду, который занял окраину Жулян. Расположились по хатам. Офицеры, второй раз занимавшие Красный Трактир, рассказывают, как они захватили петлюровский обоз. Крестьяне везли петлюровцам яйца, сало, хлеб, мясо, масло, водку... «Вот смотрите, — комментирует рассказчик, — всё сами везут, а тут ни до чего не докупиться: нема да нема».

С вечера уходим в дозоры. Моя очередь в полночь. Я и штабс-капитан Гарц должны обойти линию фронта от Жулян до Красного Трактира, побывать в нем и вернуться назад... Ночь темная — ни зги. Всё черно — еле сереет снег. Идем по окраине села. Здесь — фронт на расстоянии 1½—2 верст — стоят часовые. Переходим от поста к посту, опрашиваем — всё спокойно.

Пошли к Красному Трактиру. На белом снегу виднеются очертания хаты. Тихо подошли. Никто не окликнул. Идем узкой улицей. Впереди шаги. Какая-то часть... Наши? Или нет? Может быть, опять петлюровцы? Прижались к воротам. Идут, разговаривают. Наши. Вышли. Это школа старшин[18]. Поговорили с начальником: всё спокойно, только жалуется на отношение жителей.

Наутро наш отряд уходит в резерв на Пост-Волынский. Заняли пустые вагоны III и IV классов. Расположились отдыхать... Здесь, на Посту-Волын-

ском, штаб командующего участком, командующий отрядом, штабы полков, дружин, отделов, подотделов. На путях стоят вагон-салоны с кухнями и поварами, вагоны I, II и III классов. Около них толпятся, суетятся штабные хорошо одетые офицеры... Изредка долетают и рвутся у путей тяжелые снаряды противника.

В вагонах строевых[19] — полное отдохновенье. Выдана четвертями водка, больше бутылки на человека, продукты, деньги. Усталые офицеры только что прочли приказ командующего войсками генерала Келлера: «Если не можешь пить рюмки — не пей; если можешь ведро — дуй ведро», — и, конечно, «дуют ведро», закусывают и неистово ругают матерными словами переполненные штабы и своих начальников. Пьяны почти все. Повалились. Заснули. Ночь. Тревога! Крики. Пожар! Всех вызывают. Загорелись аэропланные гаражи. Но из 27 человек нашего подотдела только шесть в состоянии выйти. Остальные пьяны. Из вагонов выбегают люди. Всё небо охвачено громадным заревом. Огненные клубы дыма подымаются тучами. С аэропланных гаражей огонь перекинулся на бараки и вагоны. Со всех сторон к пожару бегут красные фигуры людей. Шум. Крики. Нельзя понять, что надо делать...

«Стой! Стой!» — кричит нам какой-то полковник. Мы остановились. Полковник — пьян, качается... «Становись! Я беру инициативу в свои руки!» — бормочет он. Не обращаем внимания на полковника, бежим дальше, начали ломать соседние здания, лезут на крыши. Шум, треск ударов, крики. Ломают — что надо и что не надо... Наконец кругом горящих ангаров всё сломано, и пожар потухает... Люди разошлись.

Пробыв день на отдыхе, мы снова отправляемся на фронт в Жуляны...

Сегодня с нашей стороны предполагается наступление. Вышли перед рассветом. Мороз крепкий. Темное небо синеет, розовеет с краю. Под ногами хрустят замерзшие лужи. Дошли до окраины Жулян. Здесь нам — 10-ти человекам — дан участок версты в три, на котором приказано держаться «во что бы то ни стало».

Десять человек рассыпались в цепь. Под утро мороз крепчает. На снегу холодно. Руки замерзли — не действуют, а со стороны противника, из лесу, слышится какой-то гул, как будто происходит наступление.

Настроение напряженное. Но уже светло: сейчас должны идти в наступление сердюки. С краю пурпурового неба выкатилось красное солнце. Справа долетели шумы, говор людей. Это сердюки. Вот закричали: «Слава». Запели украинскую песню. И от хат отделились фигуры людей. Цепи наступают с песнями.

Уже прошли далеко вперед по полю. Сзади них вылетела, карьером понеслась батарея. Стала под бугром, отъехали передки[20]. И в утренней, бодрой тишине — громыхнули первые орудия.

Впереди затрещали винтовки. Сошлись.

Гремит артиллерия с нашей стороны. Долетают, со звоном рвутся на мерзлой земле их снаряды. Трещат винтовки. Бой в разгаре. Уже несут раненых. Они рассказывают, что столкнулись с сечевиками и те не отступают, «здорово дерутся».

Бой кончается к вечеру — безрезультатно. Потери, понесенные сердюками, напрасны. Кроме потерь — половина сердюков куда-то разбежалась.

Опять отходим на Пост-Волынский. Здесь тот же беспорядок, путаница. Рядовых офицеров помещают в нетопленые бараки. Все же составы заняты не особенно трезвыми штабами.

Наутро всех облетела весть: из Софиевской Борщаговки[21] привезли вагон с 33 трупами офицеров[22]. На путях собралась толпа, обступили открытый вагон: в нем навалены друг на друга голые, полураздетые трупы с отрубленными руками, ногами, без головы, с распоротыми животами, выколотыми глазами... некоторые же просто превращены в бесформенную массу мяса.

Это жертвы крестьян Софиевской Борщаговки. Получив сведения из штаба, что деревня свободна, и приказ занять ее, отряд офицеров вошел в Софиевскую Борщаговку. На расспросы крестьяне отвечали, что никого нет. На самом же деле деревня была занята петлюровцами. Отряд разместился по хатам. Их захватили. И расстреляли. А крестьяне вылили свою ненависть к «гетманцам» в зверском изуродовании тел...

Окружавшие вагон офицеры возбуждены, негодуют. Слышны крики: «Сжечь деревню к черту!», «Перестрелять десятого!» И, кроме этого, сыплется ругань по адресу штабов, посылающих людей наобум.

Уже больше двух недель, как мы выехали из Киева. Нас бросают с участка на участок. Каждая ночь проходит в дозорах, караулах. Из 25 человек выехавших осталось 10.

Мы просим отпуска или смены, но ни того, ни другого не дают. Ответ один: нет людей.

И, переночевав на Посту-Волынском, мы отправляемся на новый фронт — в Михайловскую Борщаговку. Здесь мы должны сменить сердюцкий «полк». В «полку» этом 80 сердюков, и те с каждым днем разбегаются.

Совместно с другим отрядом сменили и заняли участок версты в четыре. Далеко друг от друга стали караулы с пулеметом — и это «фронт». Таким фронтом опоясан весь Киев.

Опять караулы, дозоры — каждую ночь. Служба становится невыносимой. Каждый понимает, что противостоять малейшему наступлению мы не в состоянии, а тут, кроме ненужной и непосильной службы, надо еще зорко следить за недовольными, неприязненно настроенными крестьянами. Тридцать три трупа у всех живы в памяти.

Простояв несколько дней и бессонных ночей в Михайловской Борщаговке[23], мы получили приказ перейти на окраину Софиевской и Петропавловской Борщаговок[24]. Перешли, сменили прежнюю часть в 20 офицеров. Фронт этого участка — верст пять-шесть. На нем встали три караула с пулеметами. Смененные офицеры рассказывают, что прошлую ночь петлюровцы пробовали наступать. Подъехали на телегах. Но караулы отбили пулеметами. И тут же прибавляют, чтобы мы зорко смотрели, так как в лесу какие-то кавалеристы зарубили двух офицеров-дозорных.

Между Софиевской и Петропавловской Борщаговками лежит глубокий, широкий, извивающийся овраг. Он идет со стороны противника и заходит нам в тыл. При желании этим оврагом можно провести дивизию и сразу покончить со всем «фронтом». Мы великолепно понимаем это, понимает это начальник участка и, чтоб парализовать такую возможность, каждую ночь в овраг выставляется пост в два (!) человека.

Ночи идут в тревожной, бессонной службе. Усталость дошла до предела. Люди засыпают на ходу. Больше нет сил. И мы уже не просим, а требуем отдыха. Начальник участка полковник Зметнов[25] согласен с нами, в свою очередь требует для нас отдыха. И наконец нам на смену приходит такая же горсть офицеров.

Но офицеры не одни. С ними едут на массивных откормленных конях великолепные немецкие гвардейцы-кавалеристы.

Немцы решили открыто выступить — поддержать фронт, объясняют нам пришедшие.

Верится с трудом, но всё равно — лишь бы сменили. Идем на Пост-Волынский и с первым паровозом едем в Киев.

Отпуск в Киеве

Теперь в Киеве еще яснее чувствуется тревога, близость катастрофы. По всем улицам расклеены воззвания: «Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан», — пестрят приказы о мобилизации с угрозой расстре-

лом. Но так же по Крещатику бегут, спешат, едут, хохочут шикарные дамы с спекулянтами и офицерами в блестящих формах.

И кажется нелепым и смешным! Мы, 10 человек, на протяжении пяти верст, под вечной опасностью, покрытые вшами и грязью, охраняем этих «пользующихся жизнью» и веселящихся. Да стоит ли?! Киевские газеты успокаивают горожан известиями о близости союзников. Союзники близко! Союзники в Жмеринке! В Бирзуле![26] На Черном море показались вымпелы!.. Немцы готовы поддержать гетмана и добровольцев! Последнее радио Энно! Заявление Мулена![27]

Но среднего обывателя – не успокоишь. У него своя мерка – дороговизна жизни. Эта мерка показывает катастрофу, и тревога его увеличивается с каждым днем.

Пришли в подотдел на Львовскую. Там под страхом расстрела скопилось довольно много офицеров, юнкеров. Все днем лежат на соломе, а ночью с винтовками ходят в дозоры и патрули по городу. Из интендантских складов привозят обмундирование, белье, валенки, полушубки – всё это бесконтрольно растаскивается дружинниками. Привозят новое – опять растаскивается. Суточные увеличились до 40 карбованцев в день.

И чем сильней отовсюду просачивается тревога – тем хаотичней, безалаберней идет работа в военных штабах. Всё равно конец!

Генерала Келлера[28] сменил князь Долгоруков[29]. В газетах его грозные приказы; в минуту опасности он клянется умереть «среди вверенных мне войск».

Через 4 дня отдыха – весь подотдел высылается на позицию. Теперь нами командует 70-летний генерал Харченко[30]. Ночью погрузились и на рассвете мы на Посту-Волынском.

Опять на фронте

Здесь та же картина. Вернувшиеся с позиций офицеры сидят в полутемных вагонах, курят – стоит синий дым, пьют водку, выдаваемую для поддержания духа, и нехотя ждут какого-нибудь конца...

На путях перекатываются бесчисленные штабные вагоны, с «охранами», «особыми отрядами», сестрами, около станции наскоро сбит дощатый питательный пункт. В маленькой комнате мечутся сестры – кормят набившихся офицеров и солдат.

Но вот новость! Из Житомира прибыло подкрепление: отряд губернского старосты Андро[31]. Они прорвались сквозь петлюровские цепи и под охраной бронепоезда добрались до Киева. Все обступили вновь прибывших, таких же грязных, усталых людей, напоминающих не войска, а разбойную банду.

«Сколько вас?» — раздаются вопросы. «Всего человек триста — в строю человек восемьдесят», — отвечают прибывшие. Ответ покрывается хохотом и матерной бранью. «Как у нас, стало быть! То же!»

Но нам недолго приходится пробыть на Посту-Волынском. Мы — 20 человек — под командой 70-летнего генерала Харченко (он в штатском платье) выступили в село Жуляны. Генерал Харченко в роли ротного командира доставляет ряд веселых минут. Подошли к селу, где должны расположиться. Харченко впереди всех — переходит от хаты к хате, стучит в окно и спрашивает дребезжащим старческим голосом: «Тетенька, не пустите ли нас?..» — «Что вы, ваше превосходительство, — хохочут офицеры, — да разве на войне спрашивают разрешения в хату войти!» Но генерал передумал и не хочет здесь останавливаться. «Нет, нет, господа, я передумал, здесь нам неудобно, пойдемте». — «Да почему же, ваше превосходительство?» — «Нет, нет... видите — артиллерия близко, сохрани Боже — шальной снаряд... Надо быть всегда осторожным... Вы молодежь, молодежь...»

Офицеры смеются, и командир роты генерал Харченко ведет нас дальше, в менее опасную хату. Но, смеясь, все чувствуют, что это оперетка с трагическим концом.

Заняли халупы. Впереди в окопах стоит только что прибывший Житомирский отряд. Караул от караула — версты на две. Это — фронт. Мы же несем охрану деревни и являемся резервом.

В хате генерала Харченко беспрестанно трещит телефон: разговоры ведутся с штабом Ольвиопольского гусарского полка[32] (в этом полку 20 пеших человек), с штабом Кинбурнского драгунского полка[33] (в 15 человек), с штабом отряда Андро — в 80 человек и с бесконечными штабами отделов, подотделов, дружин — где в каждой «отдельной части» два, три десятка человек. Через два дня из штаба командующего участком сообщили: наш фронт решили поддержать немцы. И действительно, в этот же день мы увидели немецких гвардейцев-кавалеристов, едущих по селу, где они и расположились. Но скоро стало известно, что в другом селе большой немецкий отряд разоружен петлюровцами.

И через несколько дней вошедший в хату офицер доложил генералу, что немцы уходят с позиций. Мы вышли на улицу. С громом, шумом, криками скакали немецкие пулеметчики и кавалеристы...

— Wohin?* Wohin? — кричат им вышедшие офицеры.

— Nach Hause!** Nach Hause! — смеются, машут руками немцы.

Хоть веры в помощь немцев никогда и не было, однако уход их произвел большое впечатление. Фронт оголился. Пути к Киеву совершенно открылись. Наш фронт: на одну версту — один человек. Малейшему давлению мы не в силах оказать сопротивление — и исход авантюры стал ясным.

А противник с каждым днем заметно шевелился, с утра до позднего вечера по всему фронту гремела его артиллерия. Облетел слух о не сегодня-завтра готовящемся наступлении.

Наш маленький отряд взволновался, «замитинговал» и настоял перед генералом Харченко, чтобы один из нас поехал в штаб командующего участком — выяснить положение и вызвать на позиции начальника 2-го подотдела полковника Сперанского, ни разу еще здесь не бывшего.

Я поехал от офицеров. На Посту-Волынском нашел вагон I класса — штаб участка. Вошел. На ступеньках прекрасно одетый штабной офицер грубо осведомился, кто я такой и что мне нужно. «Мне нужно лично видеть командующего участком полковника Крейтона». Вхожу в вагон. На темно-красных бархатных диванах сидят полковники Крейтон, Сперанский, Боровский и др. Возле них батарея пустых разнообразных бутылок. Они о чем-то мирно беседуют. Полковник Крейтон увидел меня и вывел в соседнее купе. «В чем дело?» — спрашивает он, обдавая винным букетом. Рассказываю, что мы понимаем безнадежность фронта, что офицеры на позициях волнуются и просят выяснить им действительное общее положение. «Что же тут выяснять, господа. Положение трудное, но не безнадежное, — отвечает полковник Крейтон, — я солдат, не политик и могу вам сказать только одно: мы должны ждать приказаний нашего главнокомандующего князя Долгорукова и держаться во что бы то ни стало». «Да, но, господин полковник...» — «Больше ничего не могу сказать», — перебивает Крейтон. «Разрешите узнать, господин полковник, ведет ли переговоры о перемирии французский консул Мулен?» Крейтон махнул рукой. «Да, он выехал вести какие-то переговоры, но этот Мулен хорошо только может двойку поставить***, а его переговоры — ерунда».

То, на что у офицеров была хоть маленькая надежда, оказывалось «ерундой».

При веселом, пьяном штабе и усталой на позициях горсти офицеров — конец рисовался непривлекательным.

---

* Куда? (*нем.*)

** Домой! (*нем.*)

*** Мулен по профессии — учитель (*Примеч. Р.Б. Гуля*).

После разговора с Крейтоном я вызвал полковника Сперанского и передал желание подчиненных поговорить с ним. «Передайте, что я как-нибудь приеду». — «У меня здесь лошадь, господин полковник». Сперанский замялся. «Ну хорошо, я сейчас». И через полчаса дровни подвезли нас к позиционной хате. «Здравствуйте, господа, в чем дело?» — говорит, входя, Сперанский и принимает неприступно-боевой вид. Один из офицеров рассказывает ему, как рисуется нам положение, и спрашивает: «Что же делать, господин полковник?» — «Ждать приказаний главнокомандующего князя Долгорукова, — грубо отвечает Сперанский, — вас, кажется, кормят, платят вам 40 рублей суточных — так вы и ведите себя как за 40 рублей... В случае наступления — мы отойдем на наши резервы...» — «Куда же это? В Киев, господин полковник?» — «Куда? Не знаю. Это будет в приказе», — отвечает, вставая, Сперанский.

Дальнейшие разговоры излишни. Что-либо выяснить — невозможно. Некоторые, более решительные, офицеры самовольно уходят в Киев. Другие — менее решительные, с остатком сознания «дисциплины» и с чувством товарищества — остаются ждать конца.

В этот день — 13 декабря 1918 года — вечером мы получили приказ выступить на железнодорожную будку и вместе с другими частями сменить на передовой линии Житомирский отряд.

Мы выступили. Бившая весь день артиллерия противника с темнотой смолкла. Вечер поздний, холодный. Крепкий мороз. Злой ветер протяжно воет на штыках. Метет поземка. Человек двадцать — по узкой дороге — мы движемся в темном поле. Блеснул огонек. Дошли. Будка.

В сырой, нетопленой комнате, освещенной огарком свечи, заваленной камнями и какими-то столярными принадлежностями, лежат в обнятку с винтовками люди в серых шинелях. Кто-то пробует тут же согреть чай, раздувая на камнях огонь...

Мы сменили Житомирский отряд. Нами командует полковник Сперанский. Его штаб — в противоположной будочке сторожа. Наши люди разошлись по караулам. Мне с четырьмя офицерами приказано обойти дозором линию фронта, проверить часовых. Вышли. Сильный ветер разогнал сгрудившиеся, тяжелые тучи. Остались легкие, серые. Они несутся в лунном свете, то скрывая, то обнажая желтый диск. Ночь — красивая. Пять фигур, сразу ставшие в поле маленькими и беспомощными, с раздуваемыми ветром шинелями, — идут узкой тропой к первому караулу. Прошли с версту от будки. Из чернеющей на снегу дыры вылезла темная фигура с винтовкой на изготовку. «Кто идет?!» — глухо, взволнованно долетает крик.

«Свои». – «Пропуск!» – «Мушка»[34]. Иду к начальнику караула. Позади сереющей линии окопов в маленьком блиндажике[35] сидят, плотно прижавшись друг к другу, шесть человек. Сидят молча. «Ну как, ничего не замечали, господин капитан?» – спрашиваю я начальника караула. «Ничего, как будто, – нехотя отвечает капитан, – да в такую пургу и не заметишь ни черта». Поговорили. Вылез. Иду дальше. Опять охватил злой ветер, засыпает снегом. Идем версты полторы до второго караула. От второго – к третьему – четвертому. Всё спокойно. В караулах сидят по шесть-семь человек. Это и есть «фронт».

Вернулись на будку. Доложили, что всё спокойно. Повалились на каменный пол, плотно прижимаясь друг к другу от холода. Но не спится. Даже не дремлется. По телу бежит мелкая, нервная дрожь – не то от стужи, не то от неприятного предчувствия.

До вечера артиллерия противника гудела без перерыва, как будто начиналась подготовка. Теперь тихо – ни выстрела. Но к утру все ждут наступления. Было около трех часов ночи – когда где-то далеко влево неприятно громыхнуло первое орудие. В будке все вздрогнули, насторожились. «Началось», – сказал кто-то. За первым снарядом как будто сорвалась стая – грянули залпы, один за другим. По всему фронту от Красного Трактира до нашей будки засвистали, лопаясь, шрапнели, заревели гранаты...

Последний день

По всему фронту гремит, гудит артиллерия. Влево, в Красном Трактире, и вправо, у Святосилка, трещат винтовки и пулеметы. Ясно: с рассветом начнется общее наступление на Киев.

В будке все встали, взяли винтовки. Внутри – в груди что-то неприятно сосет и тянет. Конец авантюры. Каков-то он будет?..

Бороздя черное небо, свистят снаряды и звонко лопаются на мерзлом снегу. «Господин полковник, надо на батарею передать, чтоб стрельбу открыли», – говорит кто-то Сперанскому. «Да – но телефон не действует», – отвечает Сперанский. В углу комнаты, низко нагнувшись над трубкой, кричит телефонист... но безответно. Провода порваны... «Разрешите, я сбегаю на батарею, господин полковник», – говорю я. «Бегите, скажите, чтоб из всех орудий огонь открыли», – отвечает Сперанский.

Бегу белесо-темным полем. По всему фронту ревет артиллерия, гула отдельных выстрелов не слышно. Общий рев – словно кипит адский котел.

Добегаю до Жулян. Уже сереет рассвет. Видны наши орудия. Восемь пушек с приподнятыми кверху дулами молчат. Около них несколько темных фигур.

Добежал до хаты командира батареи. Вхожу. В хате за столом, в шинели, в фуражке сидит капитан. Перед ним — телефон. Он пытается с кем-то связаться. «Что вам?» — спрашивает капитан, оторвавшись от трубки. — Докладываю. — «Передайте полковнику Сперанскому, что я могу стрелять только из одного орудия. У меня нет прислуги». Я делаю изумленное лицо. «Разбежались», — раздраженно поясняет капитан. И снова кричит в телефон: «Вторая! Вторая!»

Теперь я уже не бегу. Торопиться некуда. Тихо прохожу около молчащих орудий. Одно изредка вздрагивает — стреляет. Почти рассвело. Со стороны противника еще сильнее ревет артиллерия. Влево и вправо трещат винтовки и пулеметы.

Дошел, доложил Сперанскому. Все уже вышли из будки, толпятся, жмутся к стене от рвущихся снарядов. «Занять позиции», — приказывает Сперанский. Офицеры тонкой цепочкой идут на позиции. И располагаются вместе с ночными караулами в их окопах. Окопы занесены снегом. Мы первые лезем в них, утаптываем. Отсюда видна почти вся линия нашего фронта — белая, снежная полоса окопов, кое-где стоящие пять-шесть офицеров с пулеметом.

Зорко смотрим в белую даль противника, ища его цепи. Но даль спокойна.

Влево на полотне показались два человека. Что такое? У одного в руках какой-то большой разноцветный флаг. Идут, близятся. Крайний к будке офицер побежал доложить полковнику Сперанскому. Фигуры стали ясны. Вдруг в нескольких шагах от них с страшным взрывом взлетел кверху фонтан земли, снега и скрыл фигуры. Взорвали путь. Уцелели ли они?.. Фонтан взорванной земли тает. И опять движутся вперед два человека. Вот они уже у будки. Наш караул не выдержал, все побежали. Может быть, это парламентеры? Может быть, это исход?

Полковник Сперанский уже разговаривает с штатским господином, в меховом пальто, с пенсне на носу. Это французский консул Мулен. Он взволнован — его чуть не взорвали, — требует паровоз, чтобы ехать в Киев. Напрасно офицеры пытаются расспросить Мулена и сопровождающего его железнодорожника. Они молчат. Но видно по ним, что ничего радостного нет. Паровоз подан. Мулен с железнодорожником уехали. А мы опять пошли зачем-то стоять в окопах... Опять зорко вглядываемся вдаль. Вправо и влево — на оконечностях фронта — гремит артиллерия, трещит стрельба.

В центре же против нас пока тихо. Но вот вдали, между нами и Михайловской Борщаговкой, появилась редкая цепь. Наступает, движется. В соседнем карауле затрещал пулемет. Вдали показались еще и еще цепи, наступающие на Софиевскую и Михайловскую Борщаговки. Цепи быстро перебегают. Из деревни раздались редкие, неуверенные выстрелы. Петлюровцы близятся к деревне, уже скрываются с поля — входят в нее.

И влево и вправо треск стрельбы гулко уносится назад. Значит — наши отступают.

Я побежал в землянку, к телефону — доложить полковнику Сперанскому. Но все мои попытки напрасны. В трубке кричат двадцать голосов, ругаясь, перебивая друг друга. Все добиваются соединения, и все хотят сказать одно и то же: держаться нельзя, нас обходят, отступаем.

Офицер нашего караула побежал доложить Сперанскому. Но не успел он вернуться с приказанием, как дальние караулы, видя, что их обошли, снялись и начали отступать. За ними снялись все.

Все отходят к будке. Заметив отступление, сильней загудела артиллерия, засыпая наш участок снарядами. Подходим к будке. На линии железной дороги стоит Сперанский. Он нетрезв, из кармана полушубка торчит бутылка водки. «Куда вы отступаете! Стойте!» — кричит он диким голосом. Ближайшие офицеры объяснили ему, что весь фронт вправо от нас ушел, что петлюровцы уже заняли Михайловскую Борщаговку и если мы не уйдем сейчас же, то будет поздно. Сперанский пробует звонить в штаб — на Пост-Волынский, но ответа нет. Пришедшие оттуда говорят, что штаб уже бежал. Под взрывы артиллерии начали медленной цепью отходить. У Поста-Волынского увидели со всех сторон отступающие кучки. «Где штаб?» — спрашивают все. Никто не знает. «Куда идти?» — Тоже не знают. Все толпятся, движутся, ругаются, кричат. Но ревущая сзади артиллерия и всё ближе, ближе приближающаяся стрельба заставляет куда-нибудь уходить. Прошли Пост-Волынский, идем по шоссе среди столпившихся людей, лошадей, орудий, автомобилей. Откуда-то появился начальник участка полковник Крейтон, полковник Стессель[36] (оба не особенно трезвы) и с ними полковник Боровский (уже во всём штатском).

«Куда же мы пойдем?!» — кричат полковнику Крейтону с разных сторон. «Пойдем на Киев — пока ничего не известно. Вероятно, будем пробиваться на Дон». Но теперь эти «пробивания» встречаются нескрываемой грубой иронией. С полупьяным штабом, разбегающимся раньше строевых, без обозов, — горсть в несколько сот человек будет пробиваться на Дон через всю Украину!..

Офицеры, живущие на ближайших окраинах, бросают винтовки, потихоньку расходятся. А все, во главе с полковниками Крейтоном, Стесселем и др., идут по шоссе на Киев. Полковник Крейтон пробует ободрять: «Немцы постановили в Совете солдатских депутатов выступить на защиту города и нас. Союзники уже совсем близко». Но теперь, когда ближе всего петлюровцы, никто не верит ободрениям.

По шоссе трудно двигаться от столпившихся людей, артиллерии, повозок. Остановились около казарм. Из них высыпали немцы, окружили, смотрят, смеются, машут руками, что-то кричат. Один ловкий молодой немчик устанавливает фотографический аппарат. Но на него закричали десятки голосов, покрывая самыми нелестными ругательствами, и он убрал расставленную треногу.

Мы уже вошли на Демиевку. Слышна стрельба по всему городу. На тротуары высыпали горожане, в большинстве рабочие. Смеются, отпускают шутки. «Эх, сколько пленных-то! Только что-то без конвою», — говорит один. «Единая, неделимая», — кричит другой. Никто им не отвечает, отвертываются, стараются не замечать злых шуток.

«Куда же мы идем?» — спрашивают полковника Крейтона. «На вокзал, господа, — там генерал Кирпичёв, там всё выяснится». Дошли до железнодорожных путей. Идем мимо вагонов, все торопятся. По городу трещит стрельба. Остановились у вокзала. Одни разбегаются, бросая винтовки, другие взволнованно переговариваются, совещаются. Из вагона вышел генерал Кирпичёв с штабом гвардейцев. Все столпились вокруг него... «Господа, у нас есть два выхода: или пробиваться на Дон, или распыляться отсюда же. Выбирайте». Пауза. «Ваше превосходительство, — отвечает какой-то офицер, — о пробивании не может быть речи, распыляться же отсюда нельзя потому, что город уже занят петлюровцами. Единственный исход — это всем идти к городской Думе, я не киевлянин, я не знаю куда — одним словом, в центр города, и там вступить в переговоры через представителей Думы». Все согласно зашумели, кроме гвардейского штаба (им, оказывается, хочется в штабе пробиваться на Дон). «В Педагогический музей надо идти!» — кричит кто-то. Кирпичёв согласен. В Педагогический музей... Строятся, торопятся, бросают вещи, мешки, патроны, стаскивают с ног валенки — переодевая сапоги. Колонной по отделениям идем в городе. По тротуарам идут дозорные. Я — в правом дозоре. «Если что-нибудь заметите — доложите. Мы сейчас же примем боевой порядок», — говорит Кирпичёв. Идем по улицам. Из домов выбегают, толпятся люди, с любопытством смотря на нас. «Кто это? Петлюровцы?» — «Нет. Гетманцы». — «А куди ж они идут?»

Выходим на Владимирскую. Уже недалеко музей. Тротуары запружены людьми, здесь в большинстве интеллигенция. «Скажите, ради бога, куда вы идете?» — спрашивает, хватая за руку, пожилая женщина в трауре, с заплаканными глазами. Отвечать не приказано. Отряд, дробно отбивая шаг, под тысячами глаз торопится к музею. Около здания толпятся другие части и толпа любопытных. «Левое плечо вперед! Марш!» — и мы входим в широкие двери вестибюля, пробираясь сквозь встречную толпу офицеров, солдат, сердюков. Это было 14 декабря 1918 года.

В Педагогическом музее

В Педагогическом музее скопилось более 2000 человек[37]. Но в комнатах лежат только наиболее усталые. Большинство наполнило большой вестибюль, толпятся у входа, стоят кругом здания — ждут «конца». Конец авантюры почти пришел. По городу со всех сторон близится, трещит стрельба. Слышны неясные крики толпы. Мы столпились у здания — ждем последнего акта. Вдруг за углом, совсем близко, толпа закричала громкое «Слава! Слава!» и затрещали выстрелы. Все около музея вздрогнули, метнулись, большинство кинулось в здание, толкая друг друга. В кучке оставшихся на улице закричали: «В цепь! В цепь!» Захлопали затворами. Но к оставшимся бросились из толпы: «Господа! Что вы! Бросьте, всё равно ведь всё кончено! Вы всех погубите!» И через мгновение около музея не было никого, а в вестибюле стоял взволнованный генерал Канцырев, собираясь вступить в переговоры...

В музее заняты комнаты, проходы, лестницы. Гул тысяч голосов внезапно обрывается жуткой тишиной. Все прислушиваются к уличному шуму. И опять гудят — обсуждают положение — ждут переговоров.

Через полчаса стало известно: впредь до выяснения участи вход занят украинским и немецким караулом. И украинские власти приказали всем, как пленным, снять погоны, кокарды.

В комнатах, проходах, в уборной, на лестнице — офицеры, генералы срывают с себя погоны, кокарды. Офицеры генерального штаба рвут аксельбанты[38]. И этот пустяк — сорванные погоны — сразу дают почувствовать «плен».

Я попал в комнату № 8. Громадный зал — сплошь устлан лежащими людьми, тут же — винтовки, патроны. Негде упасть яблоку. Проходить приходится, шагая через тела. В растворенное окно долетают глухие раскаты криков и выстрелы.

Уже поздний вечер. Все лежат и после бессонного стояния на фронте — с удовольствием, усталые, засыпают мертвым сном.

Утро. Я очнулся. Не могу сообразить: где я? что такое? Ах, да... музей, арест. По громадной комнате несется, перекатывается гул разговора. С кухни достали ведра с кипятком — пьют чай; появились сестры милосердия. Разговоры об одном и том же: что будет? Со всех сторон слышна беспощадная брань по адресу командного состава. Очень немногие офицеры бесконечных штабов попали в музей. В большинстве — штабы скрылись. Раньше всех, бросив фронт на произвол судьбы, бежал главнокомандующий князь Долгоруков, клявшийся в приказах «в минуту опасности умереть с вверенными ему войсками». Скрылся представитель Добровольческой армии генерал Ламновский[39], в то время как мелкие чины его штаба попали в музей. Полковник Сперанский бежал из музея ночью, подкупив караул.

Узнали, что мы — киевские дружинники — никогда в Добровольческой армии генерала Деникина не состояли. И официальное заявление об этом генерала Кирпичёва было ложью.

И если на позициях чувство «дисциплины» сдерживало многих, то теперь чувство близкой опасности и сознания глупейшей, пьяной авантюры заставило большинство быть крайне резким.

Кое-как выбравшись из зала, я спустился по заваленной людьми несколькоэтажной лестнице в вестибюль. Хотелось получить какую-нибудь газету. А здесь, через часовых, доставали.

У входных дверей расхаживали громадные молчаливые немцы и стояли неуверенные, молодые петлюровцы. Кучка офицеров окружила караульного, дают ему деньги, просят купить газет. Но вдруг на улице у первых дверей в здание послышался шум, крики, сильней, сильней. И в настежь распахнутые двери, с красными бантами на папахах, на шинелях, крича, хлопая затворами, бросились вооруженные люди... «Стой! Стой! Занимай входы! вправо! влево!» — кричали они, щелкая затворами. Впереди — с громаднейшим маузером в руках, с выбившимися космами волос из-под папахи, весь в красных бантах — какой-то неистовый унтер-офицер. Кучка офицеров метнулась к лестнице. Немцы схватились за винтовки. Лейтенант с криками «Halt!»* бросился к ворвавшимся.

Казалось, сейчас раздадутся выстрелы, стоны и начнется общее избиение. Лежавшие на лестнице люди с шумом побежали в комнаты. В комнатах, ничего не поняв, все вскочили и как один защелкали затворами. Лица

---

* Стоять! (*нем.*).

стали бледны. Глаза уставились на двери, наступила жуткая, жуткая тишина. Наконец, минут через десять, вошел офицер: «Господа, не волнуйтесь, ради бога, всё улажено. Пришли петлюровцы с требованием немедленно разоружиться». Тишина сменилась шумом разговора. Оказывается, солдаты Черноморского коша[40], узнав, что «гетманцы» сидят в музее до сих пор с оружием, пришли его отобрать. С ними начал переговоры генерал Канцырев, пытаясь доказать озверелым ворвавшимся солдатам, что возможно еще наше освобождение и пропуск с оружием на Дон. Черноморцы и слушать не хотели, дав сроком выдачи оружия полчаса. В это время подоспели выбранные для переговоров комнатой № 8 полковник Ерощенко и поручик Строгонов. Они уверили солдат, что оружие будет выдано сейчас же. И через несколько минут с грохотом, шумом все складывали в углы своих комнат — винтовки, патроны, револьверы, а сами безоружные спускались в вестибюль. До сих пор с оружием в руках так не чувствовался плен. Теперь — ощутили свою полную беззащитность, полную подчиненность каждым ворвавшимся солдатам.

Оружие выдано. Петлюровцы снесли его на грузовики и увезли. Нас всех обыскали. Кто имел большие деньги — отобрали. Мы снова расселись по своим комнатам. Теперь начался уже настоящий плен. Дни потянулись томительно, длинно.

Но несмотря на «настоящий плен» — снятие погон, выдачу оружия, командный состав и в музее пытался сохранить вид «воинской части». Уже на второй день сиденья была объявлена запись желающих ехать на Кубань[41] и Дон. Целые дни в комнатах раздаются крики: «Желающие на Дон! Записываться здесь!» Люди стоят в очереди. Кто-то записывает. Для чего? Неизвестно. Говорят, пропустят.

Вместе с криками о записи начали вызывать на свиданье в вестибюль.

Около музея, на другой же день нашего ареста, стала несколькотысячная очередь родственников и близких. В большинстве женщины: матери, жены, сестры, невесты, любовницы. Для того чтобы попасть в музей, они стояли бессменно день, ночь и наконец попадали на 10 минут в вестибюль увидеть и поговорить с арестованным.

Внизу у дверей на лестнице человек 20 штатских людей ждут свиданья. По бокам — конвойные с винтовками, ручными гранатами. Женщины плачут. Все смотрят кверху по лестнице, ища «своего» арестованного. Гулко летит фамилия, с лестницы — по комнатам. Вызываемый с какой-то странной улыбкой сбегает вниз — к своим, обнимается, начинает говорить... Но строгий петлюровец уже берет его за руку, торопит уходить, толкает. Арестованный прощается. Его крестят, дают какой-то сверток, он уходит, скрываясь в общей толпе.

С раннего утра у дверей уборной стоит длинная, длинная вереница — в очереди. Каждому приходится стоять здесь больше часа. Но скоро уборная испорчена. И комендант здания приказал назначить арестованных на чистку. Петлюровцы ведут полковников, пожилых офицеров — убирать клозеты.

А желающих «оправиться» строят по 10-ти человек в вестибюле, командуют «кроком рушь» и ведут на двор. После душных, переполненных комнат свежий воздух кажется необыкновенно приятным, а узенький двор — вольным и просторным.

Около офицеров стоит конвойный. Если добродушный — острит, если нет — торопится и ругает. Помню, один, смотря на нас, сказал, качая головой: «Эх, офицеришки бедные — тоже, поди, дома жена, детишки...» Кто-то попробовал его разжалобить дальше, но он пасмурно ответил: «А зачем же против народу шли». Людей в музее с каждым днем прибавлялось. Всех арестованных и взятых в плен сводили сюда. Скопилось тысяч до четырех. Всё было переполнено. Больше появилось сестер. Они приносили еду, газеты, рассказывали новости.

Получили номер «Свободных мыслей» — первый по занятии Киева Петлюрой. В нем яркая статья Финка[42] «О сидоровой козе» — с призывом к русской вечно избиваемой интеллигенции «поднять выше голову» и бороться за себя, за свое существование. На другой день узнали, что газета закрыта, а Финк арестован. Немного посмеялись над «Прощанием с Киевом» Дона-Аминадо:

Не так уж тесен Божий мир,
А мне мила моя свобода.
Прощай Аскольд, прощай и Дир,
И хай живэ меж Вами згода[*,43].

Пугали нас украинские газеты: «Нова Рада»[**,44] и «Відродження»[***,45]. В обеих велась сильная кампания против «добровольцев» и приводились действительно веские аргументы. Так, по «Відродження», на собравшейся в Киеве спилке[46] появился крестьянин с вырезанным языком. Язык вырезан — карательным отрядом. Здесь же, в музее, сидело довольно много таких карателей, не стеснявшихся рассказывать о своих подвигах.

---

* И да здравствует согласие между вами (*укр.*, *искаж.*).

** «Новая Рада» (*укр.*).

*** «Возрождение» (*укр.*).

«Нова Рада» приводила факты грабежей добровольцев. И тут же, в музее, приходилось узнавать, что она не лгала.

Из газет узнали об убийстве генерала Келлера «при попытке бежать». И о том, как въехавшему на белом коне Петлюре подносили саблю убитого графа. И о том, как на банкете украинских самостийников[47] Винниченко поднял бокал «за единую неделимую Украину».

Приходили в музей «консулы»: белорусский, литовский, латышский, сибирский (!), представители Дона. Все они пытались освободить своих подданных, составляли бесчисленные списки, но из этого ничего не выходило.

С каждым днем сиденье в музее становилось тяжелей. Плохая пища, духота, отсутствие уборной, вши, и к этому полная неизвестность своей судьбы и приближение большевиков с севера. И в то время как рядовой офицер не мог подумать даже, когда он будет свободен, — сильные мира ежедневно освобождались. Одни за деньги (в большинстве казенные), другие — благодаря связям. В один из дней стало известно, что сам украинский комендант музея бежал с освобожденным генералом Волховским[48] и с 400 тысячами казенных денег. А рядовые офицеры всё сидели и сидели. Но и в такой обстановке находились неунывающие люди. Как сейчас вижу: штабс-капитан Лебедев сидит, прислонившись к стене, бренчит на гитаре и под общий смех приятным басом распевает куплеты на злобу дня...

Ходят пленные, как тени,
Ни отчизны, ни семьи.

И потом, сделав бравурный перебор:

Ах, вы сени, мои сени,
Сени новые мои[49].

Комендант наш удручает
Безнадежно, навсегда...
...Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда[50].

Черноморец, как хозяин,
Раскричится иногда...
...Что ты ночью бродишь, Каин,
Черт занес тебя сюда[51].

В другом углу лежит юнкер, задравши ноги, громко выкрикивает «Журавля» — описывающего киевскую авантюру.

Раньше всех несется в бой
Личный гетмана конвой.
Журавель мой, журавель, журавушка молодой[52].

А за ним всегда готова
И дружина Кирпичёва.
Журавель мой *и т. д.*

Рвется в бой, но всё без толку
И дружина Святополка[53].
Журавель мой *и т. д.*

С криком «слава» (не «ура»)
Прет на Киев Петлюра.
Журавель мой *и т. д.*

....

Тянутся дни... Как лег на свое место — так и лежишь. Не в состоянии даже никуда повернуться. Выкрикивают фамилии — на свидание. Кричат о записи на Дон. В углу играют в карты. Там поют. Там смеются с хорошенькой сестрой. И никто не знает: что с нами сделают, наконец? И когда будем мы свободны?

Наступление большевиков с севера многих волнует, так как настроение украинцев известно и следующий этап петлюризма совершенно ясен.

Один наивный офицер попробовал рассказать нашим караульным, что скоро нас выпустят и мы вместе с ними пойдем бить большевиков. Так они подняли такой гвалт, шум. И совершенно отвергли возможность союза с «буржуяками» против своих же братьев.

В уборной музея я нашел интересную украинскую прокламацию. Она призывала рабочих и крестьян к свержению власти Петлюры и установлению Советской Республики. Но не такой, как в Москве, где всю власть взяли прежние буржуи и интеллигенты. «У нас должно быть подлинно рабоче-крестьянское правительство, из нас, братья-рабочие и крестьяне». Всё говорило за крайнюю опасность нашего положения. Мы сидели, не видя конца, и некому, казалось, было за нас заступиться. Наконец мы прочли первое выступление в нашу пользу — с.-р. Зарубина[54] в городской Думе. Вслед за этим

к нам приехала думская комиссия, а через несколько дней — следователи, производить дознание о каждом. Мы заполняли какие-то опросные листы, ходили на допросы, но всё сидели и сидели.

В скучные дни кому-то пришла мысль устроить концерт. Составили программу. Достали разрешение у коменданта. И в круглую аудиторию музея уже валит публика. Заняли места. В первых рядах — наши генералы, без погон, с унылым видом, рядом с ними — сестры, немецкие солдаты и наши властители — сечевики, в французских шлемах, с винтовками в руках, увешанные гранатами.

Сзади — море арестованных. Выступает хор с солдатскими лубочными[55] песнями, потом — великолепная имитация балалаечного оркестра, потом — поют солисты; юмористы, рассказчики — уходят со сцены под дружный хохот арестованных, петлюровцев и немцев; вот солдат прокалывает себе длинной булавкой руки, тело и заявляет, что он мог бы затопить весь зал водой (загипнотизировать) — да комендант здания запрещает. И опять общий хохот. Вот куплетист Дарогоневский приплясывает под напевы:

> Эх, яблочко, куда ты катишься?
> В музей попадешь, не воротишься[56] *и т. д.*

Концерт всем чрезвычайно понравился, особенно петлюровцам. На другой день к устроителям пришел депутат от караула: «Нельзя ли еще раз устроить».

Но концерта больше не было.

...В том же зале служили всенощную... Зал переполнен. Священник хорошо, с чувством служит. Молятся арестованные. Тут же стоят, крестятся и сумрачно смотрят на нас — вооруженные сечевики...

Тянутся дни. Наступило 25 декабря — Рождество. Разговоры об освобождении усилились. Приходят родные — обнадеживают. Уже многих освободили.

Но в один из дней Рождества произошел эпизод, совершенно неожиданно решивший судьбу арестованных.

...Было часов 11 ночи. Большие комнаты застланы людьми. Все укладываются спать на свои шинели, многие заняты обычным делом: сидят полуголые, рассматривают рубахи, кальсоны — бьют вшей. Многие заснули.

Я, сжатый с обеих сторон другими, задремал. Но вдруг вскочил от невероятного треска, взрыва[57]. Показалось, что падают стены, рушится здание... Вылетели, дребезжа, окна. И тут же раздался дикий крик сотен голосов.

Люди вскочили с мест, бросились, побежали к дверям по лежащим. Страшный крик не прекращается. «Из пушек по нам стреляют!» — кричит кто-то. «Господа, спокойно! Это взрыв!» — доносятся голоса среди общего шума... Бежать, конечно, некуда. Но все ждут второго удара и метнулись сами не зная куда.

В отворенные двери нашей комнаты стали входить окровавленные раненые. Забегали сестры.

В соседнем круглом зале громадный купол из толстого стекла рухнул вниз — на лежащих. Стекла падали с такой силой, что пробивали насквозь стулья. Здесь — стоны, крики, паника отчаянная. Раненые с окровавленными лицами, руками, одеждой толпятся — выбегая из комнаты. Есть тяжелораненые.

Но не прошло десяти минут после взрыва, как к нам в комнату влетели, размахивая нагайками, вооруженные до зубов гайдамаки в опереточных костюмах. «Панове! Тихо! Не то по-гайдамацки будем ногаями бить!» — кричали они. И стало тихо. Только раненых носили, перевязывали да обсуждали вполголоса, что же это такое было? И опять укладывались спать на свои шинели...

Наутро увидели, что во всём здании все окна выбиты. Наш квартал опутан проволокой, оцеплен войсками. К нам никого не пускают. Стало еще тяжелей. Из газет узнали, что во взрыве, где пострадали 200 с лишним арестованных, украинцы обвиняют нас же. Будто бы мы сделали это с целью побега.

К нам стали хуже относиться. Чаще в холодных комнатах появляются вооруженные украинцы — что-то высматривают. Вот вошел солдат — мальчишка — весь в оружии, в красных и желто-голубых бантах. Идет по комнате, всматривается во всех и некоторых наиболее видных, пожилых или хорошо одетых манит пальцем и куда-то уводит. В комнате жуткая тишина. Куда выводят? — никто не знает. Но каждый, в кого тыкнет пальцем этот мальчишка, немедленно встает и ему подчиняется. Выведенные вернулись. Их водили на работу — чистить клозеты под присмотром конвоя.

Но вот опять пришел этот мальчишка и заявил громко: «Генералы та полковники — выход!»

Куда? Зачем? Но он предупреждает, что, кто не выйдет, тому плохо будет. Самому, и за него еще ответит комната.

Там и сям поднялись оставшиеся генералы, полковники — собирают свои пожитки, прощаются с знакомыми, — куда-то уходят под командой мальчишки.

Жутко становится, когда из комнаты уводят кого-нибудь неизвестно куда. Словно что-то тоскливо пустеет в тебе самом.

Узнали, что генералов и полковников отвезли в Лукьяновскую тюрьму[58].

В дни Рождества комнаты сильно поредели. Многих выпустили по ордеру. Многие освободились за деньги. Исчез из музея полковник Крейтон. Бежал во время взрыва, прикинувшись раненым, генерал Канцырев. Скрылся Кирпичёв. Осталось человек 600.

В выбитые взрывом окна врывается холодный ветер со снегом. В комнатах свободно, холодно.

Стало еще томительней, неприятней.

После взрыва – нет свиданий. Никого не пускают даже в улицу эту. Говорят, что около колючей проволоки, опутывающей наш квартал, стоят толпами родственники. Но как ни стараешься заглянуть в выбитые окна – не видно. Газет – нет. Сестер пускают лишь немногих. Долетел слух, что взбунтовался большевиствующий Черноморский кош. Отношение караула всё хуже и хуже. Двухнедельное сиденье дает себя знать.

Тридцатого декабря утром нам приказали разделиться на украинцев и неукраинцев. Неукраинцев оказалось человек сто двадцать. Украинцев – больше четырехсот. Пришел сам командир осадного корпуса полковник Коновалец[59]. Перекликал украинцев, вычеркивал неподходящие фамилии. Но вдруг среди дня опять всем приказали соединиться. Прошел нелепый слух: всех вывезут в Германию. Это показалось смешным, невероятным, и никто не поверил.

Вывозят в Германию

Но вот уже комендант объявил официально, что сегодня, 30 декабря, нас, вот таких, как мы есть – полуголых, вшивых, полуголодных, – вывозят под конвоем в Германию. Верить или не верить нельзя. Теперь – это факт. Захотелось дать знать близким – но нельзя. Мы оцеплены. Никого не пускают. В комнатах началось беспокойство. Все пишут записки родным, близким. Обступили нескольких сестер – умоляют переправить.

Вечер. Уезжающие в Германию собирают вещи: жестяной ведерный чайник, жестяные кружки, немного сахару и хлеба. Весь багаж. Собрались. Уже разбились на вагоны, по 35 человек, и сидят в ожидании.

Строиться! Встали «по вагонам». Пошли, зашумели сапогами по пустеющим залам. В вестибюле двери открыты настежь – врывается морозный

ветер. По бокам выстроились немецкие и украинские солдаты. Распоряжается всем бравый лейтенант.

Под конвоем, строем вышли на улицу. После 16 дней сиденья в душных комнатах морозный воздух необыкновенно приятен, а идти по улице — хоть и под конвоем — кажется блаженством.

В городе военное положение, и на улицах ни души, кроме вооруженных конных и пеших петлюровцев. Нас подвели к трамваям. В одну линию их стоит многое множество. В темноте лентой светятся огоньки. Кругом с саблями наголо гарцуют конные украинцы. В вагонах — пешие немцы и петлюровцы.

Очевидно, все сели. Какой-то сигнал, и процессия трамваев двинулась, охраняемая гарцующими кавалеристами. Светятся зеленые, красные, желтые огоньки, плывут в темноте ночи... Трамваи катятся быстрей и быстрей. Рядом рысью летят кавалеристы.

Какой-то офицер припал к окну, толкает другого: «Смотри, Коля, смотри, у нас в столовой огонь... видишь? видишь?» — он долго смотрит в окно с бегущими столбами, окнами и скачущим рядом кавалеристом.

Едем. На душе грустно... Кто-то под страхом расстрела мобилизовал. За это другой посадил под арест и взорвал. А теперь кто-то оторвал от дома, работы, от близких людей, запирает, как скотов, в вагоны и зачем-то отправляет в чужую страну. И на «этого» изнасиловавшего подымается в душе злоба...

Трамваи стали. Выходи! Вылезли. В темноте чернеют фигуры часовых. Повели строем на вокзал. Вот уходим на платформу. Шпалерами стоят каменные немцы, чередуясь с петлюровцами. Первые молчат — вторые сыпят замечания и ругательства. «А... вашу мать, добровольцы-гетьманцы!» — «Що це едына неделыма!» — «Та куда их везут там — перерубить их тут всех, сволочей...»

Подвели к темным вагонам. Открыли двери. Сажают в темноту по 35 человек и запирают на замок. В темноте разбирают места. Слышно, как водят других. Звякают замки... Легли с братом на нары. Одна мысль: о своих. Они ведь даже не знают, что нас вывезли куда-то. Да и доедем ли еще? Везде власть на местах, а караул наш: 10 немцев-добровольцев и офицер.

Поезд заскрипел, рванулся, тронулся.

Поехали в Германию...[60]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е.А. Яблоков

ПУТЬ ТУРБИНЫХ

Между драмой и прароманом

Вопрос о том, когда именно Булгаков приступил к работе над «Белой гвардией», не может быть решен однозначно – прежде всего из-за неясности точки отсчета и недостатка объективной информации. Трудно также определить, с каким литературным жанром изначально ассоциировался в сознании писателя «турбинский» сюжет. Во второй половине 1920-х годов Булгаков говорил своему другу и будущему биографу, литературоведу П.С. Попову (1892–1964), что ощущает в собственном творчестве неразрывную связь двух начал: «По вопросу о предпочтении повествовательной или драматической формы полагаю, что тут нет разницы в смысле выделения одного в противовес другому – обе формы связаны так же, как левая и правая рука пианиста» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1). История «турбинского» сюжета служит лучшей тому иллюстрацией: драма здесь тесно переплелась с эпосом, и в условиях нехватки достоверных данных весьма затруднительно установить, что́ было «первично», а что́ «вторично».

Роман «Белая гвардия» (1924) и одноименная пьеса (1925), позже превратившаяся в «Дни Турбиных» (1926), в определенной степени восходят к ранним сочинениям Булгакова периода его пребывания во Владикавказе (1920–1921 гг.). Речь идет прежде всего о четырехактной драме «Братья Турбины», поставленной во владикавказском Первом советском театре (премьера состоялась 21 октября 1920 г.). Текст драмы до нас не дошел, но сохранилась программа спектакля, содержащая список действующих лиц и исполнителей:

Анна Владимировна Турбина	— Казанская
Алексей Васильевич Турбин	— Поль[*]
Вася, студент	— Демюр
Леля, ученица консерватории	— Караманьян
Шура, горничная Турбина	— Покровская
Кэт Рында	— Ждановская[**]
Женя Рында, скульптор	— Богословская
Саша Бурчинский, скрипач	— Кольцов
Владимир Карлович Стронглер	— Данаров
Баранов, брат Шуры	— Тугаринов
Всеволод Аксай	— Минин
Шелухов	— Федоров
Александр Иосифович Риль	— Дивов
Третников, бывший студент	— Гюнтер
Сверчков	— Кир
Горничная Турбиной	— Лоос

Постановка Августова

См.: Земская 2004: 128–129; см. ил. 42.

Писатель Ю.Л. Слёзкин (1885–1947), приятель Булгакова, познакомившийся с ним в начале 1920 г. во Владикавказе, в дневниковой записи 21 февраля 1932 г. вспоминал тогдашние события:

> Белые ушли – организовался ревком, мне поручили заведование подотделом искусств[***], Булгакова я пригласил в качестве зав<едующего> литературной секцией. Там же во Владикавказе он поставил при моем содействии свои пьесы «Самооборона» – в 1 акте и «Братья Тур-

* Поль – псевдоним актера П.Н. Синицына (1887–1955; см.: Арго 1965: 167), с 1919 г. игравшего в Тбилисском драматическом театре, затем в Пятигорске, Владикавказе. В 1922 г. Поль служил в театре «Кривой Джимми» (см. с. 593 наст. изд.), в 1924 г. – в «3-м театре РСФСР. Комедия» (бывшем Театре Корша) в Москве, впоследствии в Театре сатиры.

** Возможно, А.И. Жданович (1899/1900–1978) – жена Ю.Л. Слёзкина, актриса.

*** Слёзкин находился в этой должности с 27 марта до конца мая 1920 г.; Булгаков, по-видимому, с начала апреля 1920 г. заведовал в подотделе искусств литературной секцией (Лито), а с конца мая стал заведующим театральной секцией (Тео), откуда был исключен, вероятно, после диспута о Пушкине – в начале июля того же года (см.: Этингоф 2013: 153, 169–170).

> бины» – бледный намек на теперешние «Дни Турбиных». Действие происходило в революционные дни 1905 г. в семье Турбиных – один из братьев был эфироманом*, другой революционером... Всё это звучало весьма слабо... Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово.
>
> НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 30

Сестра Булгакова Надежда Афанасьевна (в замуж. Земская; 1893–1971) тоже утверждала, что с романом «Белая гвардия» и драмой «Дни Турбиных» владикавказская пьеса «Братья Турбины» не имела ничего общего (см.: Земская 1976: 451). Первая жена писателя Татьяна Николаевна (в девич. – Лаппа, впоследствии – Кисельгоф; 1891/1892–1982) говорила, что персонажи пьесы «Братья Турбины» вовсе не напоминали ей семью Булгаковых (см.: Кисельгоф 1991: 85).

Тем не менее уже в этой пьесе в центре событий находилась семья Турбиных; как и в романе «Белая гвардия», в «Братьях Турбиных» присутствуют три представителя ее младшего поколения: два брата, Алексей и студент Васенька**, и сестра – студентка консерватории Лёля (в семье Булгаковых так называли младшую, четвертую дочь Елену Афанасьевну (в замуж. Светлаева; 1902–1954), в консерватории же училась третья по старшинству дочь – Варвара Афанасьевна (в замуж. Карум; 1895–1954), ставшая основным прототипом Елены Тальберг-Турбиной); у старшего из двух братьев и матери Турбиных имена такие же, как у соответствующих персонажей романа: Алексей Васильевич и Анна Владимировна.

Заглавие «Братья Турбины» отсылает к роману Ф.М. Достоевского (1821–1881) «Братья Карамазовы». В «Белой гвардии» внимание будет пере-

---

* Возможно, мотив обусловлен автобиографически и связан с первой женой писателя Т.Н. Кисельгоф, которая рассказывала, что испытывала идиосинкразию к кокаину, зато на нее хорошо действовал эфир (см.: Кисельгоф 1991: 21). В ее воспоминаниях передан разговор с дядей Булгакова со стороны матери, профессором-гинекологом Н.М. Покровским (1868–1941), к которому Татьяна в 1916 г. или 1917 г. ездила из села Никольского в Москву делать аборт: «“Ты что, морфинистка?” Я говорю: “Нет, дядя Коля, это я в детстве, когда мигрени, я себе эфиром помажу и засыпаю”. Он говорит: “Ты так можешь эфироманкой сделаться. Куда же смотрит Михаил?”» (Кисельгоф 1991: 49).

** Это имя возникнет в романе Булгакова «Записки покойника» (1936–1937), где Максудов, передавая отзывы о своем романе, прообразом которого послужила «Белая гвардия», приводит мнение одного из коллег-журналистов: «<...> характер Васеньки очерчен недостаточно выпукло» (Булгаков 2007–2011/5: 350).

несено на другой роман Ф.М. Достоевского — «Бесы». Характерно, однако, что цитируемая в «Белой гвардии» фраза «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя» принадлежит в «Бесах» почти однофамильцу Карамазовых — Кармазинову. Булгаков вложил ее в уста персонажа, перешедшего в «Белую гвардию» из романа «Братья Карамазовы»: кошмар Алексея Турбина — прямой литературный потомок чёрта Ивана Карамазова. Не исключено, что подобные реминисценции присутствовали уже в драме «Братья Турбины».

Работая над пьесой в 1920 г. Булгаков, возможно, осознал творческую задачу, которую спустя десятилетие сформулирует в письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г.:

> <...> упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира».
>
> Булгаков 2007–2011/8: 107–108

И на рубеже 1910-х — 1920-х годов, и позже подобная позиция почти неизбежно воспринималась как контрреволюционная. Некоторую информацию о пьесе «Братья Турбины» дает опубликованная 4 декабря 1920 г. во владикавказской газете «Коммунист» рецензия М. Вокса*. По ней невозможно восстановить фабулу, но очевидно наличие темы русского бунта — хотя и на материале Первой русской революции, а не событий 1917 г. (см.: Чеботарева 1974: 148). Причем в трактовке этой темы рецензент решительно расходится с драматургом:

> Мы не знаем, какие мотивы и что заставило поставить на сцене пьесу М. Булгакова.
>
> Но мы прекрасно знаем, что никакие оправдания, никакая талантливая защита, никакие звонкие фразы о «чистом» искусстве не смогли бы нам доказать ценности для пролетарского искусства, художественной значительности слабого драматургического произведения — «Братья Турбины».

* Вероятно, псевдоним: vox (*лат.*) — «голос».

Мимо такой поверхностной обрисовки бытовых эпизодов из революционной весны 1905 года, мимо такой шаблонной мишуры фраз и психологически пустых, словно манекены, действующих лиц, из среды мелкобуржуазной, мимо таких уродливых «революционеров» мы прошли бы молча. Слишком неинтересны эти слабые потуги «домашней» драматургии.

Нас остановило другое.

Автор, устами резонера, в первом акте, в сценах у Алексея Турбина, с усмешкой говорит о «черни», о «чумазых»*, о том, что искусство непонятно для толпы, о «разъяренных Митьках и Ваньках». Мы решительно и резко отмечаем, что таких фраз никогда ни за какими хитрыми масками не должно быть.

И мы заявляем больше, что если встретим такую подлую усмешку к «чумазым», к «черни» в самых гениальных страницах мирового творчества, мы их с яростью вырвем, искромсаем на клочья.

И потому, что эти «разъяренные Митьки и Ваньки» <со>вершают величайшее дело в истории человечества.

И потому, что к ним тянется с такой любовной надеждой всё трудовое, задавленное банкирами, человечество.

Как тянется к недавно посланной сторожевк<е> на Памир, на крышу мира из этих «разъяренных» русых, голубоглазых и ядреных Митек и Ванек** – вся тристамиллионная Индия. Тянется с воплями проклятия и гнева на «джентльмена в кепи» и с радостными

---

* Слово восходит к одному из очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) из цикла «Мелочи жизни» (1887): «Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе. Остались бы “чумазые” с их исконным стремлением расщипать общественный карман до последней нитки.

Идет чумазый, идет! Я не раз говорил это и теперь повторяю: идет, и даже уже пришел! Идет с фальшивою мерою, с фальшивым аршином и с неутолимою алчностью глотать, глотать, глотать...» (Салтыков-Щедрин 1965–1977/16–2: 12–13). Ср. также пародийную интерпретацию данного мотива в рассказе А.П. Чехова (1860–1904) «В усадьбе» (1894): «Не чумазый же, не кухаркин сын, дал нам литературу, науку, искусства, право, понятия о чести, долге <...> И если я чумазому или кухаркину сыну не подаю руки и не сажаю его с собой за стол, то этим самым я охраняю лучшее, что есть на земле, и исполняю одно из высших предначертаний матери-природы, ведущей нас к совершенству...» (Чехов 1974–1982/8: 335).

** В 1921 г. красноармейские сторожевые отряды заняли позиции на Памире.

> призывами, когда же эти северные «пришельцы» принесут вместе с песнями освобождения к ним в джунгли — кумачовые зори. И тогда.......*
>
> Вокс 1920

Сам автор «Братьев Турбиных» в письме к двоюродному брату К.П. Булгакову (1894–1985) от 1 февраля 1921 г. характеризовал свою пьесу как «<...> написанную наспех, черт знает как <...>» и именовал «рванью», с горькой иронией повествуя о ее сценической судьбе:

> «Турбины» четыре раза за месяц шли с треском успеха**. <...> Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать.
>
> В театре орали «Автора» и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «а ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».
>
> Судьба — насмешница.
>
> Булгаков 2007–2011/8: 13

Помимо «Братьев Турбиных», мотивы будущего романа могли присутствовать в одноактной юмореске Булгакова «Самооборона» (1920), которая шла в том же Первом советском театре (премьера состоялась 3 июня 1920 г.) и о которой также не известно ничего, кроме списка действующих лиц, времени и условного места действия — «<...> в наши дни в губернском городе».

---

* Именно так завершается текст.

** Мать писателя В.М. Булгакова-Воскресенская в письме к дочери Н.А. Земской от 30 декабря 1920 г. передает информацию от старшего сына: «<...> в ноябре получила письмо от сына Миши из Владикавказа. Он сделался там литератором; пишет в газетах; написал две пьесы для сцены, из которых одна *Братья Турбины* идет в театре и пользуется успехом» (цит. по: Земская 2004: 132; курсив автора).

Главный герой комедии «обыватель Иванов», возможно, был прообразом будущего Василисы в «Белой гвардии».

В конце 1920 г. или начале 1921 г. Булгаков отослал пьесы «Братья Турбины» и «Самооборона» в Москву, в Мастерскую коммунистической драматургии (Масткомдрам) при репертуарной секции Театрального отдела (Тео) Наркомпроса, видимо, надеясь, что произведения будут рекомендованы «центральным» театрам. Об этом он рассказывает в упомянутом письме от 1 февраля, причем называет своей поступок «крупной глупостью»:

> Как раз вчера получил о них известие. Конечно, «Турбиных» забракуют, а «Самооборону» даже кто-то признал совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей! <...> Проклятая «Самооборона» и «Турбины» лежат сейчас в том же Тео. О них я прямо и справляться боюсь. Кто-то там с маху нашел, что «Самообор<она>» «вредная»...* Отзыв этот, конечно, ерундовый, но неприятный, жаль, что я ее, «вредную» «Самооборону», туда послал.
>
> Если б ты о них навел справку и забрал бы и «Турбиных» и «Сам<оборону>», обязал бы меня очень. <...> Наведи справку и забери их.
>
> Булгаков 2007–2011/8: 13–14

В апреле 1921 г., предполагая возможность эмиграции, Булгаков письменно инструктирует Н.А. Земскую насчет оставшихся рукописей, в том числе владикавказских пьес: «<...> вместе с “Сам<ообороной>” и “Турб<иными>” в печку». Впрочем, тут же Булгаков говорит, что намерен использовать программу спектакля «Братья Турбины» для вступления в Союз писателей – хотя и сомневается: «С одной стороны, они шли с боем четыре раза, а с другой стороны – слабовато. Это не драма, а эпизод» (Булгаков 2007–2011/8: 17). Н.А. Земская в письме из Киева от 26 мая 1921 г. информирует Булгакова, что ее муж А.М. Земский (1892–1946), будучи в Москве, забрал из Масткомдрама рукописи пьес «Братья Турбины» и «Парижские коммунары»** (1920) (Земская 2004: 267).

---

* и что ее нужно снять с репертуара!.. (отзыв скверный, хотя исходит единолично от какой-то второстепенной величины). (*Примеч. М.А. Булгакова*).

** Несохранившаяся драма в трех актах, написанная Булгаковым в январе 1920 г. и посланная в Москву на конкурс пьес о Парижской коммуне (см.: Булгаков 2007–2011/8: 13–14).

Булгаков всё же не терял надежды улучшить пьесу. Он пишет 2 июня 1921 г. из Тифлиса в Киев К.П. Булгакову и Н.А. Земской (вероятно, имея в виду московский экземпляр): «“Турбиных” переделываю в большую драму. Поэтому их в печку» (Булгаков 2007–2011/8: 21). Но даже если такая переделка и велась, она, скорее всего, не была на тот момент доведена до конца; «большая драма» о Турбиных появится лишь через четыре года.

Во владикавказский период жизни Булгакова семейная тема на фоне картин Гражданской войны (1917–1923 гг.) получила воплощение также в эпической форме – уже тогда писатель работал над большим текстом, который по отношению к «Белой гвардии» следует квалифицировать как *прароман*. В письме К.П. Булгакову от 1 февраля 1921 г. М.А. Булгаков информирует: «Пишу роман, единственная за всё это время продуманная вещь» (Булгаков 2007–2011/8: 15); 16 февраля 1921 г. повторяет: «Сейчас я пишу большой роман по канве “Недуга”»* (Булгаков 2007–2011/8: 16); 17 ноября 1921 г., уже из Москвы, сообщает матери: «Обрабатываю “Недуг”» (Булгаков 2007–2011/8: 28).

Как рассказывала Н.Я. Мандельштам (1899–1980) в письме к вдове писателя Е.С. Булгаковой (1893–1970) от 3 июля 1962 г., Булгаков при встрече с О.Э. Мандельштамом (1891–1938) в Батуме летом 1921 г.** спрашивал совета «<...> стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс»*** (цит. по: Чудакова 1988: 147). Можно предположить, что вопрос был задан скорее

---

* Текст «Недуга» неизвестен. Поскольку заглавие актуализирует мотив болезни, некоторые исследователи предположили, что здесь получил отражение личный опыт автора, который в 1917–1918(?) гг. страдал морфинизмом. Н.А. Земская считала, что замысел (а возможно, отчасти и текст) «Недуга» претворился в рассказ «Морфий» (см.: Земская 2004: 275), но для проверки версии недостает фактов.

** Запись на эту тему есть в дневнике Е.С. Булгаковой 13 апреля 1935 г.: «Жена Мандельштама вспоминала, как видела М<ихаила> А<лександровича> в Батуме лет четырнадцать назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре» (Булгакова 1990: 93).

*** В письме приведено также суждение О.Э. Мандельштама о Булгакове: «О<сип> М<андельштам> говорил мне, что у этого незнакомого юноши (Булгаков и Мандельштам были ровесниками, в 1921 г. обоим исполнилось 30 лет. – *Е.Я.*), интересующегося конкурсом, вид, внушающий доверие (“В нем что-то есть – он наверное что-нибудь сделает”), и что у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не быть писателем». Между тем в 1921 г. Булгаков не должен был оказаться для Мандельштама полностью незнаком: в повести Булгакова «Записки на манжетах» (1922) говорится об их встрече во Владикавказе осенью 1920 г. (Булгаков 2007–2011/1: 423; см. также: Слезкин 1921: 14).

о конкурсе, нежели о романе, поскольку к созданию книги Булгаков тогда уже приступил. Косвенным свидетельством служит роман Ю.Л. Слёзкина «Столовая гора» (см. с. 296 наст. изд.), написанный в Москве в 1922 г., но опубликованный (с цензурными купюрами, под заглавием «Девушка с гор») лишь спустя три года (см.: Слезкин 1925). Действие романа разворачивается в 1920 г. во Владикавказе, а прототипом главного героя, носящего откровенно «турбинское» имя Алексей Васильевич (фамилия в тексте не упоминается), является Булгаков. Из конспирации Алексей Васильевич аттестует себя «<...> журналистом, кой-что маракующим в медицине». Некоторые детали указывают на то, что он привержен к наркотику – вероятно, курит опиум (ср. «эфиромана» Турбина из владикавказской пьесы Булгакова, а также возможный мотив наркомании в «Недуге»*).

Герой книги Слёзкина пишет роман «Дезертир», отражающий пережитое Алексеем Васильевичем в ходе Гражданской войны: «<...> выгнали из его собственной квартиры, дали в руки какой-то номерок и приказали явиться на место назначения, а потом перекидывали с одного фронта на другой, причем всех, кто его реквизировал, он должен был называть “своими”» (см. с. 324 наст. изд.). Это весьма похоже на судьбы автобиографических героев Булгакова – например, историю доктора N из опубликованного в начале 1922 г. рассказа «Необыкновенные приключения доктора», где в главке «Ночь со 2 на 3» говорится о бегстве героя от мобилизовавших его петлюровцев (см.: Булгаков 2007–2011/1: 353). Мотив насильственной мобилизации, судя по всему, присутствовал и в прароmане – эта тема становится главной в опубликованном в 1922 г. фрагменте «В ночь на 3-е число» (см. с. 284–295 наст. изд.), видимо, являвшемся частью того текста, к которому Булгаков приступил во Владикавказе.

Разумеется, к роману «Столовая гора» нельзя безоговорочно относиться как к мемуарному документу. Невозможно оценить, в какой мере «писательство» Алексея Васильевича здесь отражает действительные факты биографии Булгакова владикавказского периода. Не исключено, что Слёзкин перенес в обстановку 1920 г. некоторые реалии уже московской жизни 1922 г. Но нет оснований сомневаться в том, что еще до переезда в Москву в сентябре 1921 г. будущий автор «Белой гвардии» действительно работал над крупным эпическим произведением.

---

* В записи 21 февраля 1932 г. Ю.Л. Слёзкин вспоминает, что в 1922 или 1923 г. Булгаков в Москве читал «<...> свой роман о каком-то наркомане и повесть о докторе – что-то очень скучное и растянутое» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 30).

Булгаков в письме к сестре Вере Афанасьевне Булгаковой (в замуж. Давыдова; 1892–1973) от 26 апреля 1921 г. вместе с программой спектакля «Братья Турбины» присылает «три обрывочка из рассказа с подзаголовком “Дань восхищения”» (Булгаков 2007–2011/8: 20). Они представляют собой вырезки из текста, который в начале февраля 1920 г., еще при белых, был опубликован в северокавказской (скорее всего, владикавказской; источник не установлен) газете. Запечатленные в отрывках события (мать рассказывает старшему сыну о происшествии, соотносимом с реальным эпизодом октябрьских боев 1917 г. в Киеве*, и о младшем сыне по имени Коля, а этот последний поет юнкерскую песню «Съемки») явно предвосхищают «Белую гвардию»:

> ... — Наплевать, — заикаясь, говорит он, и глаза искрятся смехом.
> И вновь под сурдинку четкие аккорды гитары, и тихо поет хор:
> Здравствуйте, дачники, здравствуйте, дачницы,
> Съемки у нас уж давно начались...
> Гей, песнь моя-я-я!
>
> ....
>
> В тот же вечер мать рассказывает мне о том, что было без меня, рассказывает про сына:
>
> — Начались беспорядки... Коля ушел в училище три дня назад и нет ни слуху......................
>
> стене какой-то белой... вижу вдруг что-то застучало по стене в разных местах и полетела во все стороны штукатурка.
>
> — А Коля... Коленька...
>
> Тут голос матери становится вдруг нежным и теплым, потом дрожит, и она всхлипывает. Потом утирает глаза и продолжает:
>
> — А Коленька обнял меня, и я чувствую, что он... он закрывает меня... собой закрывает.
>
> Тут мать опять останавливается и опять вытирает глаза.
>
> — Да, закрывает, а сам всё бормочет:
>
> — Ах, мамочка, ах, мамочка!..
>
> Вижу я — выбежала к белой стене какая-то женщина с ребенком маленьким на руках, а за ней военный какой-то и еще какой-то человек.

* Изложен в письме В.М. Булгаковой-Воскресенской к Н.А. и А.М. Земским от 10 ноября 1917 г. (см.: Земская 2004: 125).

Военный вдруг с размаху кинулся на землю, а Коля мне кричит:
— Ложись! ложись! — и тянет меня к земле...

Бросились мы все на землю, только вижу, женщина замедлилась... как-то странно качнулась и вдруг ребенка уронила на землю и сама повалилась.

И как глянула я, что возле нее лужа крови, вдруг чувствую, что тошно, скверно......................

радость, что все мы снова вместе живы...

Хорошо дома! Тепло...

...Съемки примерные, съемки глазомерные...

....

Гей, песнь моя, любимая-я...

Звенит гитара.

Сначала он тихо поет один. Но так подмывающе весело звучит знакомая песня, что невольно присоединяешься к ней, подпеваешь...

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 1. Ед. хр. 1

Очередной этап работы над турбинской темой начался уже в Москве. Согласно сведениям П.С. Попова, Булгаков рассказывал: «Писал и задумал роман в эпоху наибольшей материальной нужды. В смысле материальных затруднений наиболее тяжелый год был 1922-й» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1об.). На становление замысла повлияло и то, что 1 февраля 1922 г. в Киеве скоропостижно скончалась от брюшного тифа мать писателя В.М. Булгакова-Воскресенская (1869—1922). П.С. Поповым зафиксированы следующие слова Булгакова: «<...> мать мне служила стимулом для создания романа “Белая гвардия”» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1об.); ср. также: «Мать умерла в 1921 (ошибка. — *Е.Я.*) г. Это был неизгладимый, громадный толчок. Задумал роман в 1922 г. Писал в 1923—24 г., прибл<изительно> год, в Москве, порывисто» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

Однако уже к 1922 г. роман был не просто задуман, но, по крайней мере частично или вчерне, написан, и образ матери в нем, судя по программе пьесы «Братья Турбины», присутствовал. С 1922 г. речь могла идти скорее о переосмыслении характеров, изменении мотивной структуры, логики событий, перекомпоновке фабульных линий.

Н.А. Земская вспоминала, что в феврале 1922 г. Булгаков прислал ей письмо, посвященное памяти В.М. Булгаковой-Воскресенской (документ не сохранился): «<...> это — вылитая в словах скорбь. Обращаясь к матери на

Ты (с большой буквы), он пишет ей о том, чем она была в жизни детей; пишет о необходимости сохранить дружбу всех детей во имя памяти матери» (цит. по: Дом Булгакова 2015: 87–88). В 1939 г. Булгаков говорил Н.А. Земской : «Я достаточно отдал долг уважения и любви к матери, ее памятник – строки в “Белой гвардии”» (Земская 2004: 185). Экспозиция известной нам редакции романа открывается смертью матери Турбиных*, и это событие перекликается с наступлением революционного катаклизма, обретающего вселенский, апокалиптический масштаб. Покинув детей, мать продолжает играть роль сакральной покровительницы дома (хотя, исходя из логики событий в «Белой гвардии», уклад жизни Турбиных не может остаться неизменным).

Еще одним фактором, повлиявшим на судьбу романа, была полученная Булгаковым в начале 1922 г. информация о его младших братьях, Николае Афанасьевиче (1898–1966) и Иване Афанасьевиче (1900–1968). В 1920 г. оба они эвакуировались с отступавшими белогвардейскими частями, и долгое время семья не имела сведений о братьях. Как вспоминала Н.А. Земская, в декабре 1921 г. в Киев «кружным путем, через шведский Красный Крест» пришло письмо от Н.А. Булгакова, оказавшегося в г. Загребе (тогда КСХС – Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев; ныне столица Хорватии). В.М. Булгакова-Воскресенская написала ответ. Получив его 15 января 1922 г., Н.А. Булгаков на следующий день написал матери, подробно рассказав о своей жизни; однако это письмо пришло в Киев, когда В.М. Булгаковой-Воскресенской уже не было в живых (см.: Земская 2004: 170, 200–203).

Скорее всего, через Н.А. Булгакова родственники узнали также о судьбе младшего из братьев Булгаковых, И.А. Булгакова, жившего в г. Варне (Болгария). В феврале или марте 1922 г. информация о нашедшихся братьях дошла до Михаила Булгакова: об этом он вскользь (вероятно, из соображений конспирации) упоминает в письме к сестре Вере от 24 марта 1922 г. (см.: Булгаков 2007–2011/8: 41). «Воскресение» братьев-белогвардейцев, совпавшее со смертью матери, не могло не напомнить о 1918–1919 годах, когда большая семья Булгаковых практически в полном составе в последний

* Поскольку начало событий в «Белой гвардии» датировано довольно точно (мать Турбиных умирает в мае 1918 г.), есть возможность соотнести фабулу романа с реальной историей семьи Булгаковых. Переселившись в мае 1918 г. с младшими детьми на дачу, В.М. Булгакова по окончании дачного сезона не вернулась в дом 13 по Андреевскому спуску, а перешла жить на квартиру гражданского мужа И.П. Воскресенского (1873–1966). Их официальный брак будет заключен в 1920 г.

раз собралась в Киеве. Н.А. Булгаков традиционно считается прототипом Николки Турбина (см.: Земская 2004: 209–212), хотя И.А. Булгаков, видимо, тоже внес лепту в образ романного персонажа.

К 1922 г. относится публикация рассказов Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (Рупор. 1922. № 2) и «Красная корона (Historia morbi)» (Накануне: Литературная неделя. 1922. 22 октября), которые объединены с романом «Белая гвардия» сходными персонажами и мотивами (см.: Чеботарева 1974: 149). Особенно важен в контексте замысла «Белой гвардии» текст «В ночь на 3-е число» (Накануне: Литературная неделя. 1922. 10 декабря), представленный как отрывок из романа «Алый мах»*: в нем изложен эпизод, который в журнальной редакции (ЖР) должен хронологически относиться к финалу (в книжной редакции отсутствует), — косвенное свидетельство того, что к 1922 г. прароман существовал как целостное произведение. «Перед нами, во всяком случае, не черновой, "сырой" материал к тому роману, который мы знаем, а ясные очертания романа во многом иного» (Чудакова 1976а: 49). Следы прароманa заметны и в опубликованном уже после выхода ЖР рассказа «Я убил» (Медицинский работник. 1926. № 44, 45), где присутствуют мотивы, объединяющие его с упомянутыми публикациями 1922 г. Особое место занимает рассказ «Налет (В волшебном фонаре)» (Гудок. 1923. 25 декабря), который не имеет прямых фабульных аналогий с «Белой гвардией», но близок к ней тематически и, возможно, был частью ранней редакции романа.

Судя по приведенному свидетельству самого Булгакова (см. с. 383 наст. изд.), обусловленному, скорее всего, нежеланием актуализировать домосковские эпизоды своей биографии, особенно «белогвардейский» период конца 1919 – начала 1920 г., основной корпус текста «Белой гвардии» сложился в 1923–1924 гг. В автобиографии, датированной октябрем 1924 г., Булгаков сообщает: «Год писал роман "Белая гвардия". Роман этот я люблю больше всех других моих вещей»** (Булгаков 2007–2011/1: 30). Первая жена писателя Т.Н. Кисельгоф вспоминала о том времени:

---

* Высказывалось предположение, что такое заглавие могло быть связано с замыслом коллективного романа 13-ти писателей (в число которых входил и Булгаков) о «борьбе советских войск с гайдамаками» – информация о нем публиковалась в начале 1923 г. (см.: Чудакова 1988: 248–249).

** Впрочем, количество «вещей» на тот момент было крайне невелико: «Белая гвардия» лишь готовилась к изданию в журнале «Россия», а из более-менее крупных произведений Булгакова вышли лишь повести «Записки на манжетах» (1-я и 2-я части – в разных изданиях) и «Дьяволиада» (1923).

> Писал ночами «Белую гвардию» и любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды»; я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой... <...> видимо, что-то нервное; он очень уставал...
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 284

Весной 1923 г. Булгаков в письме к Н.А. Земской сообщает: «Я к вам не показываюсь, потому что срочно дописываю 1-ую часть романа; называется она “Желтый прапор”» (Булгаков 2007—2011/8: 45). В марте 1923 г. в журнале «Россия» (№ 7. С. 31) опубликована информация: «Мих<аил> Булгаков заканчивает роман “Белая гвардия”, охватывающий эпоху борьбы с белыми на юге». Возможно, на тот момент в фабуле присутствовали южные мотивы; ср. рассказы «Необыкновенные приключения доктора» (см.: Булгаков 2007—2011/1: 355—364) и «Красная корона» (см.: Булгаков 2007—2011/1: 368—369).

В дневниковой записи от 24 мая 1923 г. Булгаков, говоря о своей поездке в Киев (уехал из Москвы 21 апреля, пробыл в Киеве до 10 мая), упоминает, что собирался также на Кавказ, но отправиться туда не удалось (см.: Булгаков 2007—201½: 409). Не исключено, что планы были мотивированы работой над романом — писатель намеревался посетить места, с которыми была связана его жизнь в 1919—1921 гг.

Ю.Л. Слёзкин в письме из Кролевца* от 27 августа 1923 г. интересуется: «Что твой роман? Я на него очень надеюсь» (цит. по: Чудакова 1988: 264), — и Булгаков 31 августа 1923 г. отвечает: «Роман я кончил, но он еще не переписан, лежит грудой, над которой я много думаю. Кое-что исправляю» (Булгаков 2007—2011/8: 47).

В отсутствие черновиков «Белой гвардии» и авторитетных свидетельств мы не в состоянии представить динамику авторского замысла. Однако, судя по всему, фабула произведения в ходе работы существенно менялась. Основания для таких предположений дают воспоминания И.С. Раабен (? — после 1970) — машинистки, которая в 1921—1924 гг. перепечатывала рукописи Булгакова. Спустя почти полвека она рассказывала:

> Этот роман я печатала не менее четырех раз — с начала до конца. Многие страницы помню перечеркнутые красным карандашом крест-накрест — при перепечатке из 20 оставалось иногда три-

* Город в Черниговской губернии, ныне относится к Сумской области Украины.

четыре. Работа была очень большая... В первой редакции Алексей погибал в гимназии. Погибал и Николка – не помню, в первой или во второй редакции. Алексей был военным, а не врачом, а потом это исчезло. Булгаков не был удовлетворен романом. Помимо сокращений, которые предлагал ему редактор, он сам хотел перерабатывать роман... Он ходил по комнате, иногда переставал диктовать, умолкал, обдумывал... Роман назывался «Белый крест»*, это я помню хорошо. Я помню, как ему предложили изменить заголовок, но названия «Белая гвардия» при мне не было, я впервые увидела его, когда роман уже был напечатан. Я уехала с этой квартиры** весной 1924 г. – в апреле или мае. У меня осталось впечатление, что мы не кончили романа – он кончил его позднее.

Воспоминания 1988: 130

По поводу трех известных из разных источников черновых заглавий – «Белый крест», «Желтый прапор» и «Алый мах» – высказывалось предположение, что они могли быть названиями частей задуманной писателем трилогии (см.: Чудакова 1987: 140); однако подтверждений этому нет.

Непростая работа над книгой, создававшейся в мало пригодных для творчества условиях, отразилась в фельетоне Булгакова «Самогонное озеро» (1923), герои которого мучаются в коммунальной квартире в окружении соседей-пьяниц:

В 8 час. вечера, когда грянул лихой матлот (матросский танец. – *Е.Я.*) и заплясала Аннушка, жена встала с дивана и сказала:

---

* Заглавие могло содержать аллюзию на благотворительное воинское общество «Белый крест» – оно было создано еще в конце XIX в., но в условиях Гражданской войны его название обрело новый, монархический смысл. По мнению Я.Ю. Тинченко, заглавие намекало на киевские реалии: в 1918 г. формировалась Северная армия генерала Ф.А. Келлера (один из прототипов булгаковского полковника Най-Турса – см. с. 532 наст. изд.) – по его приказу «<...> опознавательным знаком Северной армии стал белый крест, который изготавливался из материи и нашивался на левом рукаве гимнастерки» (Тинченко 1997: 4). Вместе с тем крест – евангельская метафора тяжелых испытаний, в данном случае уготованных «белым» персонажам; кроме обозначения политических позиций белый цвет традиционно служит символом чистоты и святости.

** И.С. Раабен жила по адресу: Тверская улица, дом 73, рядом с Триумфальной (ныне Маяковского) площадью; дом не сохранился.

— Больше я не могу. Сделай что хочешь, но мы должны уехать отсюда.

— Детка, — ответил я в отчаянии. — Что я могу сделать? Я не могу достать комнату. Она стоит 20 миллиардов, я получаю четыре. Пока я не допишу романа, мы не можем ни на что надеяться. Терпи.

— Я не о себе, — ответила жена. — Но ты никогда не допишешь романа. Никогда. Жизнь безнадежна. Я приму морфий.

При этих словах я почувствовал, что я стал железным.

Я ответил, и голос мой был полон металла:

— Морфию ты не примешь, потому что я тебе этого не позволю. А роман я допишу, и, смею уверить, это будет такой роман, что от него небу станет жарко.

Булгаков 2007–2011/3: 222

Последняя фраза (возможно, услышанная от самого Булгакова) спародирована в фельетоне В.П. Катаева (1897–1986) «Фантомы» (1924), где не без иронии изображен начинающий писатель:

> Нет сомнения, что уже сейчас среди нас живет некий застенчивый молодой человек, который старательно мотает на ус. Этот будущий русский Зола, конечно, не пропустит ничего. <…> Молодой человек, внимание!.. Пишите роман, чтоб небу стáло жарко. Это будет полезно и для прохладного среднерусского климата, и для вас, мой бедный, столь приближенный к небу в вашей холодной мансарде возле Триумфальных ворот*.

Катаев 1924

Впрочем, в данном случае подразумевается роман не о Гражданской войне, а «из московской жизни» — к нему Булгаков приступит еще примерно через пять лет (начало работы над «Мастером и Маргаритой» датируется 1928 г.) и будет писать его до конца своих дней (1940 г.).

В середине 1924 г. публикуется несколько небольших текстов, представленных уже как фрагменты романа «Белая гвардия»: «Петлюра идет на

* Местоположение указано довольно точно: от Триумфальной площади до дома 10 по Большой Садовой улице, где Булгаков жил в 1922–1924 гг., всего несколько минут ходьбы.

парад»[*], «Вечерок у Василисы»[**], «Конец Петлюры»[***]. Первые два практически тождественны ЖР (отрывки соответственно гл. 15 и 16), причем появились в печати более чем на год раньше того, как Булгаков читал корректуру финальных глав «Белой гвардии» (см. с. 398 наст. изд.), и за полгода до того, как роман начал выходить в журнале «Россия». Двойная публикация фрагмента «Конец Петлюры» (расхождения между «одесским» и «тифлисским» вариантами незначительны) в основном воспроизводит отрывок «В ночь на 3-е число». По сравнению с ним в тексте «Конец Петлюры» изменены имена и фамилии персонажей (в соответствии с ономастической системой романа «Белая гвардия»), а также добавлен эпизод с часовым возле бронепоезда. При этом ряд эпизодов отрывка «В ночь на 3-е число» в «Конце Петлюры» отсутствует (сцена бегства доктора от петлюровцев, эпизод ожидания доктора его домашними, описание изменившейся внешности Шервинского, эпизод дежурства Василисы и Авдотьи).

Для отдельной публикации готовилась и гл. 17: в журнальной корректуре заключительных глав (Кр5) ее номер зачеркнут (впоследствии восстановлен) и вписан карандашом заголовок «Най в анатомке[4*] (Ненапечатанный отрывок из романа “Белая гвардия”)», а в конце главы стоит подпись «М. Булгаков». Учитывая заглавие и специфическую тему, возможно, что данный отрывок предназначался для журнала «Медицинский работник», где в 1925–1927 гг. было помещено несколько текстов Булгакова: рассказы из цикла «Записки юного врача» (1925–1926), «Я убил» (1926) и «Морфий» (1927).

Зимой 1923/24 г. Булгаков выносит книгу на публику. Об этом говорится в позднейшей (от 21 февраля 1932 г.) дневниковой записи Ю.Л. Слёзкина: «Тогда у нас собирался литературный кружок “Зеленая лампа” – организова-

* Красный журнал для всех. 1924. № 6. Подзаголовок: «Из романа “Белая гвардия” Михаила Булгакова».

** Накануне. 1924. 31 мая, 3 июня. Подзаголовок: «Отрывок из романа “Белая гвардия”». Вначале дано примечание: «Печатается с разрешения издательства “Художественная печать”». Судя по всему, публикация осуществилась при посредстве Ю.Л. Слёзкина, состоявшего в переписке с Р.Б. Гулем (1896–1986), который с ноября 1923 г. редактировал Литературное приложение в газете «Накануне». В письме Слёзкину Гуль (видимо, отвечая на просьбу Булгакова о публикации) сообщал: «Если М. Булгаков хочет такой зверской рекламы еще его манускрипту, то это, конечно, можно, но надо прислать лучшую главу романа в “Лит<ературное> прил<ожение>”» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 11об.).

*** Шквал. Одесса, 1924. № 5 (с подзаголовком: «Из романа “Белая гвардия”»); Заря Востока. Тифлис, 1924. 2 ноября (с подзаголовком: «Финал романа “Белая гвардия”»).

4* Жаргонное название анатомического театра.

ли его я и Ауслендер*, вернувшийся из Сибири. Ввел туда я и Булгакова. <...> Вскоре он прочел нам первые главы своего романа “Белая гвардия”. Я его от души поздравил и поцеловал – меня увлекла эта вещь, и я радовался за ее автора»** (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 30об.–31). В памяти участников «Зеленой лампы» сохранилось еще одно заглавие романа Булгакова – филолог Б.В. Горнунг (1899–1976) рассказывал: «Слушателям известно было, во всяком случае, что “Полночный крест” – первая часть трилогии***, что действие второй части должно было происходить на Дону, а в третьей части Мышлаевский окажется в рядах Красной Армии...» (цит. по: Чудакова 1987: 140). В приложении «Литературная неделя» газеты «Накануне» за 30 марта 1924 г. тоже находим сообщение, что писатель «<...> закончил первую часть трилогии “Белая гвардия” – роман “Полночный крест”».

Художница Н.А. Ушакова (1899–1990) вспоминала:

---

* Ауслендер С.А. (1886–1937) – писатель и критик.

** Впрочем, как утверждала Т.Н. Кисельгоф, хотя после чтения в «Зеленой лампе» Слёзкин обнимал и целовал Булгакова, «<...> потом Михаил узнал, что за спиной он его ругал. Михаил сам мне об этом сказал» (цит. по: Чудакова 1988: 222). Неискренность Слёзкина явствует также из адресованного ему письма Д.М. Стонова (наст. фамилия Влодовский; 1893–1962) от 8 октября 1926 г., в котором Стонов приводит мнение Слёзкина (соглашаясь с ним) о романе «Белая гвардия»: «Бул<гаков> мещанин и по-мещански подошел к событиям» (цит. по: Белобровцева, Кульюс 2001: 24).

*** Одним из стимулов к возникновению замысла трилогии, «<...> своего рода творческим импульсом <...>» (Крюкова 1995: 147) мог явиться пример А.Н. Толстого, который, завершив роман «Хождение по мукам» (1921), решил продолжить работу над эпопеей – в авторском предисловии к отдельному изданию романа упоминается о будущей «второй части трилогии» (см.: Толстой 1922: 3). В мае 1923 г. Толстой совершил «пробную» поездку в СССР, а в августе того же года окончательно вернулся из эмиграции. Автор романа «Хождение по мукам» явно вызывал интерес у Булгакова, который 30 мая 1923 г. организовал в честь Толстого вечеринку (см.: Кисельгоф 1991: 100–101) и, как явствует из дневниковых записей, довольно активно общался с ним, по крайней мере, в первые месяцы после возвращения Толстого в СССР (см.: Булгаков 2007–201 ½: 410, 412–415), так что был в курсе его творческих планов. Судя по всему, не только Лев Николаевич, но и Алексей Николаевич Толстой подразумевается в очерке «Киев-город» (Накануне. 1923. 6 июля), где Булгаков полусерьезно намекает на собственный роман: «Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Наживутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917–1920 годам» (Булгаков 2007–2011/3: 200). Вероятно, Булгаков смотрел на свой роман в аспекте творческого соперничества и намеревался противопоставить эпопее А.Н. Толстого собственную трилогию.

...Как-то раз, в самом начале 1924 года, у нас в квартире раздался телефонный звонок: Сергей Сергеевич Заяицкий, писатель и друг моего мужа Николая Николаевича Лямина, пригласил нас к себе* на следующий день. Приехавший из Киева молодой писатель Михаил Булгаков будет читать отрывки из своего романа «Белая гвардия».

Народу было много. В основном – знакомые и друзья Сергея Сергеевича и Николая Николаевича со времен университетских лет, среди них – писатели, художники, искусствоведы, а позже прибавились и актеры из Вахтанговского театра и МХАТа.

Слушали затаив дыхание. Читал он изумительно. Как-то так получилось, что продолжалось чтение «Белой гвардии» уже у нас, в Савельевском переулке**. Почему решили читать у нас, не помню. Но, думаю, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что наша комната (в общей квартире) была достаточно большая, чтобы вместить более тридцати человек.

МБВС 2014/2: 5–6

Булгаков 25 февраля 1924 г. записывает в дневнике:

<...> читал куски из “Белой гвардии” у Веры Оскаровны З.***

По-видимому, и в этом кружке производило впечатление. В<ера> О<скаровна> просила продолжать у нее же.

Булгаков 2007–2011/2: 430

---

* С.С. Заяицкий (1893–1930) жил в доме 7 по Малому Знаменскому переулку.

** Н.А. Ушакова и Н.Н. Лямин (1892–1941?) жили по адресу: Савельевский (ныне Пожарский) переулок, дом 12, квартира 66.

*** Судя по всему, речь идет о поэтессе и переводчице В.О. Станевич (1890–1967), которая вместе с Булгаковым в конце 1923 – начале 1924 г. входила в организованный секретарем и заведующим редакцией издательства «Недра» П.Н. Зайцевым «кружок писателей-фантазеров» (см.: Зайцев 2008: 272). Буква «З.» в инициале фамилии может объясняться тем, что Булгаков по созвучию спутал ее с фамилией поэта-футуриста И.М. Зданевича (1894–1975), который в 1917–1920 гг. жил в своем родном Тифлисе, затем в Батуме, откуда в октябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь. Находясь на Кавказе, Булгаков мог знать о И.М. Зданевиче и даже быть с ним знаком. В том же выпуске «Литературного приложения» к газете «Накануне» (1922. 10 декабря), где опубликован отрывок «В ночь на 3-е число», помещена статья А.П. Вольского (наст. фамилия Гроним) «Заумное и неумное (По поводу выступления г<осподина> Зданевича в берлинском “Доме Искусств”)» (1922).

П.Н. Зайцев (1889–1970) вспоминал:

> Весной 1924 года М.А. Булгаков отдельные главы романа читал у меня*. Народу на чтении было довольно много: Андрей Белый с Кл<авдией> Ник<олаевной> (жена Белого. – *Е.Я.*), Л.М. Леонов и члены нашего поэтического кружка [«Узел»]. Роман в прочитанных кусках всем очень понравился, показался очень талантливым, слушался с напряженным вниманием.
>
> Зайцев 2008: 277

Сходные впечатления зафиксированы в воспоминаниях В.П. Катаева:

> Помню, как в один прекрасный день он сказал: «Знаете что, товарищи, я пишу роман и, если вы не возражаете, прочту несколько страничек». И он прочитал нам несколько отрывков очень хорошо написанного, живого, яркого произведения, которое потом постепенно превратилось в роман «Белая гвардия».
>
> Воспоминания 1988: 124

В приложении «Литературная неделя» к газете «Накануне» 9 марта 1924 г. вышла небольшая рецензия Ю.Л. Слёзкина – отклик на еще не опубликованную книгу:

> Роман «Белая гвардия» является первой частью трилогии и прочитан был автором в течение четырех вечеров в литературном кружке «Зеленая лампа». Вещь эта охватывает период 1918–19 гг., гетмановщину и петлюровщину до появления в Киеве Красной армии. На фоне этих событий рисуется жизнь одной интеллигентной семьи, все члены которой так или иначе вовлечены в общий водоворот.
>
> Вещь эта признана всеми слушателями исключительной по широте замысла, четкости, яркости выполнения, динамичности построения, уверенной лепке героев. Поражает своеобразная стройка языка, при кажущейся суховатой беглости, дающая полноту, насыщенность образом. Роман написан настолько *честно*, в смысле

* П.Н. Зайцев жил по адресу: Староконюшенный пер., дом 5, квартира 39 (позже – в квартире 45).

пренебрежения какими бы то ни было ухищрениями (которые у большинства современных писателей заменяют внутреннюю значимость), настолько читатель заражается автором, настолько выпукло встает перед слушателями творческая правда (писатель *имеет что* сказать, *знает*, о чем говорить, а потому и может говорить просто), — что в ту минуту, когда его слушаешь, не чувствуешь, *как* написана вещь. В этом ее жизненная сила.

Мелкие недочеты, отмеченные некоторыми, бледнеют перед несомненными достоинствами этого романа, являющегося первой попыткой создания великой эпопеи современности.

Слезкин 1924

История «Белой гвардии» в СССР

С весны 1924 г. началась история публикации романа «Белая гвардия». Булгаков 10 апреля 1924 г. заключил с редактором журнала «Россия» И.Г. Лежнёвым* (псевд. И. Альтшулера; 1891—1955) договор на печатание романа объемом 10—15 печатных листов (21 глава). Гонорар устанавливался в размере 80 рублей за авторский лист; после подписания договора Булгаков получал 150 рублей, остальные платежи должны были производиться в три

* Анализируя причины появления романа именно в журнале «Россия», М.О. Чудакова отмечает, что для Булгакова были «созвучны» многие тезисы, выдвигавшиеся И.Г. Лежнёвым в статьях 1923—1924 гг. о современной литературе (см.: Чудакова 1976а: 53—54). Предположительно, сыграло роль и то, что материал «Белой гвардии» ощущался редактором журнала «Россия» как личностно близкий, поскольку отразившиеся в романе события он видел собственными глазами — хотя и с противоположной стороны. В «Послужном списке» (1926), составленном Лежнёвым при его аресте 11 мая 1926 г., он повествовал о своей деятельности в 1918 г.: «С украинским паспортом в кармане, при Скоропадском, в Киеве, имея ряд предложений буржуазных газет, при общем саботаже, по своей инициативе пошел работать в Советскую Мирную делегацию (при т<оварищах> Раковском, Мануильском, Яковлеве, Гуревиче и друг<их>) в качестве завед<ующего> бюро печати. Дважды был арестован вартой (2-й раз в советском дипвагоне), сидел в Лукьяновской тюрьме, едва не был расстрелян»; «Летом (1919 г. — *Е.Я.*) поехал в командировку в Киев и основал там (лежа на кровати и серьезно больной) журнал “Красный офицер” (по штатам был проведен в юмористической должности инструктора верховой езды), много писал в журнале сам под разными псевдонимами» (Высылка 2005: 265—266).

срока: 15 мая, 1 июля и 15 августа 1924 г. Автор оставлял за собой право напечатать небольшие отрывки из романа в альманахе «Недра», а также в газетах «Накануне» (Берлин) и «<...> петроградской понедельничной “Последние новости”»*. После публикации в журнале «Россия» предусматривался выход «Белой гвардии» отдельной книгой в издательстве «Художественная печать» тиражом не свыше 5000 экземпляров. Журнал и издательство получали право эксплуатировать роман лишь до 4 октября 1925 г. (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 4).

Тем не менее, спустя три с половиной месяца, 25 июля 1924 г. Булгаков записывает в дневнике:

> <...> днем позвонил Лежнёву по телефону, узнал, что с Каганским (издатель журнала «Россия». — *Е.Я.*) пока можно и не вести переговоров относительно выпуска «Белой гвардии» отдельной книгой, т<ак> к<ак> у того денег пока нет. Это сюрприз. Вот тогда не взял 30 червонцев, теперь могу каяться. Уверен, что «Гвардия» останется у меня на руках.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 434

В мае 1924 г. к Булгакову обратился секретарь ленинградского «Красного журнала для всех» Н.П. Катков (копия письма сохранилась в архиве ФСБ; см.: Шенталинский 1997: 168) с предложением напечатать главы из романа. Отрывок был помещен в журнале в июне 1924 г. (см. с. 389 наст. изд.).

Той же весной П.Н. Зайцев, по его словам, решил «перенять роман у Лежнёва» и опубликовать в альманахе «Недра»:

> Поговорил об этом с Булгаковым, а он обещал, в свою очередь, поговорить с Лежнёвым, чтобы тот добровольно уступил роман, ибо условия договора на роман были кабальные <...> В наших «Недрах» Булгаков мог бы получить несравненно больше: мы могли бы сначала пропустить его в альманахе, а потом издать отдельной книгой.

---

* Впрочем, помимо фрагмента «Вечерок у Василисы» в «Накануне», два отрывка из романа в мае — ноябре 1924 г. вышли в других изданиях. Ср. также дневниковую запись Булгакова 16 августа 1924 г.: «Понес в “Современник” отрывок “Бел<ой> гвард<ии>”. Вероятно, не возьмут» (Булгаков 2007–2011/2: 437). «Современник» («журнал науки, политики, литературы, теории и истории печати») издавался с 1922 г. Московским институтом журналистики.

Зайцев 2008: 277

Получив в конце мая 1924 г. от автора рукопись «Белой гвардии»*, П.Н. Зайцев отправил ее члену редколлегии альманаха «Недра» писателю В.В. Вересаеву (наст. фамилия Смидович; 1867–1945), который в то время находился в Крыму. Несколькими месяцами раньше Вересаев высоко оценил повесть Булгакова «Дьяволиада»** (1923); однако на сей раз его отзыв оказался неблагоприятным. П.Н. Зайцев продолжает:

> Стали мы с Булгаковым ждать ответа. Булгаков имел вид умученного до последней степени человека.
>
> У него к этому времени, должно быть, скопилось всего: и развод с женой***, и отсутствие квартиры, и литературные терзания с Главлитом, и нужда в деньгах. Булгаков частенько забегал к нам в редакцию, узнать, нет ли ответа от Вересаева. Но ответа всё не было. Ведь редактор – не автор: ему спешить некуда и даже порой вредно спешить, как в случае с Булгаковым и его «*Белой* гвардией». Но каково ждать автору!.. Особенно когда он находится в трудных обстоятельствах, как в данном случае Булгаков. Наконец ответ был получен, и ответ совсем неутешительный. В.В. Вересаев писал о романе, что он совершенно неприемлем для «Недр» идеологически. Печатать его нельзя, во всяком случае «Недра» не могут его печатать. Письмо было довольно длинным, носило характер рецензии, и рецензии резко отрицательной. Вересаев не оспаривал талантливости автора и талантливости романа4*, но направленность романа не подходила для нас, для советского издательства.
>
> Зайцев 2008: 277–278

В августе 1924 г. П.Н. Зайцев отправился в гости к поэту М.А. Волошину

---

* Согласно свидетельству П.Н. Зайцева, принесенная Булгаковым в редакцию альманаха «Недра» рукопись имела объем «500 страниц “ремингтона” (40 печатных листов)» (цит. по: Чудакова 1976а: 50). Видимо, мемуарист неточен: 500 страниц стандартной машинописи – около 23 авторских листов; впрочем, этот объем всё равно почти вдвое больше того текста «Белой гвардии», который мы знаем сегодня.

** Опубликована в альманахе «Недра» (кн. 4) в феврале 1924 г.

*** Булгаков развелся с Т.Н. Кисельгоф в апреле 1924 г.

4* Этому свидетельству противоречит письмо В.В. Вересаева М.А. Волошину от 8 апреля 1925 г., где говорится: «“Белая гвардия”, по-моему, вещь довольно рядовая», – притом что юмористические вещи Булгакова Вересаев называет «<...> перлами, обещающими из него художника первого ранга» (цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 413).

(1877–1932) в Коктебель и по дороге встретился с ехавшим туда же редактором «Недр» Н.С. Ангарским (наст. фамилия – Клестов; 1873–1941), у которого в Коктебеле была дача:

> С Ангарским мы и в Феодосии, и дорогой на Коктебель на катере говорили о делах «Недр» и о романе Булгакова. Рукопись романа уже была у него, он читал ее. Он также склонялся к тому, что роман печатать нельзя <...> Вересаев быстрее, решительнее высказался за то, что роман в «Недрах» печатать нельзя, он идеологически неприемлем для «Недр». <...> Ангарский колебался дольше и в конце концов пришел к тому же решению, тоже признал, что роман печатать нельзя, он талантлив, но порочен идеологически. <...> Об отказе печатать роман Ангарский сказал мне по возвращении из Крыма в Москву; а я, в свою очередь, сообщил об этом Булгакову. Ему оставалось только горько вздохнуть в ответ на эту «приятную» для него новость.
>
> Зайцев 2008: 280–283

Видимо, в тот же период с романом познакомился и М.А. Волошин – скорее всего, он получил рукопись от П.Н. Зайцева либо Н.С. Ангарского (см.: Купченко, Давыдов 1988: 412).

Между тем, Булгаков заключил 5 ноября 1924 г. с издателем М.В. Сабашниковым (1871–1943) договор следующего содержания:

> 1) Булгаков предоставил Издательству право выпуска в свет в одном издании в количестве не свыше пяти тысяч экземпляров роман свой, носящий название «Белая гвардия», нигде до сего времени не опубликованный кроме журнала «Россия», в № 4 которого имеет быть появиться семь первых глав романа в количестве шести листов; и небольшого отрывка, помещенного в «Красном журнале для всех»; нигде больше роман этот полностью или частями до появления его в Издательстве Сабашниковых печататься не должен. Повторное издание может быть выпущено автором лишь после распродажи издания Сабашниковых.
>
> 2) Рукопись романа вместе с этим передается Издательству, которое сохраняет за собой право просить автора сократить объем романа до размера двенадцати печатных листов (соответствует объему известного нам текста «Белой гвардии». – *Е.Я.*).
>
> 3) Вознагражденье автора определяется в шестьдесят пять ру-

> блей за 40 000 букв текста, уплачиваемых: половина по получении разрешения Главлита или Гублита на печатание книги и вторая половина по выходе книги в свет.
>
> РО ИРЛИ. Ф. 369. № 532

Сабашников 19 ноября 1924 г. запиской просит Булгакова зайти в издательство, «чтобы договориться о сокращениях в тексте <...> романа» (РО ИРЛИ. Ф. 369. № 476).

Вскоре журнал «Россия» (1925. № 4) с начальными главами «Белой гвардии» (около 4,5 а. л. текста, то есть в меньшем объеме, чем указано в договоре с Сабашниковым) действительно вышел*. Булгаков записал в дневнике 28 декабря 1924 г.:

> У газетчика случайно на Кузнецком увидел 4-й номер «России». Там первая часть моей «Белой гвардии», т<о> е<сть> не первая часть, а первая треть. Не удержался и у второго газетчика, на углу Петровки и Кузнецкого, купил номер. Роман мне кажется то слабым, то очень сильным. Разобраться в своих ощущениях я уже больше не могу. Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение (Л.Е. Белозерской. – *Е.Я.*). Так свершилось. Вот моя жена.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 453

Запись от 29 декабря 1924 г.: «Лежнёв ведет переговоры с моей женой, чтобы роман "Белая гвардия" взять у Сабашникова и передать ему. Люба отказала <...> Не хочется мне связываться с Лежнёвым, да и с Сабашниковым расторгать договор неудобно и неприятно» (Булгаков 2007–2011/2: 455). Однако 31 декабря 1924 г. договор всё же был расторгнут – на машинописном экземпляре указано рукой Сабашникова (и за его подписью): «По желанию автора М.А. Булгакова договор сей расторгается без всяких взаимных друг к другу претензий, в чем и учинена настоящая запись. Рукопись автору возвращена» (РО ИРЛИ. Ф. 369. № 532).

Булгаков отмечает в дневнике 2 января 1925 г., что вместе с женой и

---

* Булгаков 4 января 1925 г. подарил номер журнала своему зятю А.М. Земскому (см.: Чудакова 1976а: 55). Сохранился также экземпляр журнала с инскриптом Булгакова для писательницы С.З. Федорченко (1888–1959): «С невероятнейшими приключениями и муками напечатана эта I-я часть. Милой Софье Захаровне с искренним удовольствием принес и подарил 8-го января 1925 года Михаил Булгаков. 19 8/I 25» (см.: Кончаковский 2011: 51).

Лежнёвым вырабатывал проект нового договора с журналом «Россия» (Булгаков 2007–2011/2: 455); через несколько дней, 6 января 1925 г., договор будет подписан Булгаковым и издателем журнала «Россия» З.Л. Каганским (1884 – после 1944).

По этому договору Булгаков обязался представить «свой роман “Белая гвардия” размером в 17–16 (вновь существенно больше известного нам текста. – *Е.Я.*) печатных листов (21 глава) для напечатания его в журнале “Россия” в нескольких книжках и последующего издания романа отдельной книгой*»; исключительное право на публикацию сохранялось у редакции и издательства «Россия» до 3 июля 1926 г., после чего автор освобождался от обязательств по отношению к журналу и издательству и получал «право продажи романа для второго издания». Гонорар определялся в размере 100 рублей за печатный лист, причем по заключении договора автору выплачивалось 660 рублей (включая полученные ранее авансом 360 руб.**), а дальнейшие платежи предполагались в три срока, 3 апреля, 3 июля и 3 октября 1925 г., равными долями – на эти суммы З.Л. Каганский должен был выдать автору векселя (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 5).

Менее чем через месяц после договора с «Россией», 2 февраля 1925 г. Булгаков заключил с жившим в Вене переводчиком Д.А. Уманским (1901–1977) соглашение, по которому последнему предоставлялось «исключительное право на перевод и издание на немецком языке <...> романа “Белая гвардия”». Вместе с тем Уманский получал право «поручить перевод названного романа другому переводчику» (см. фото в изд.: Мишуровская 2015: 53). Однако это начинание не увенчалось успехом: 10 ноября 1925 г., отвечая на «сердитые» письма Булгакова, Д.А. Уманский сообщил, что ему не удалось ни заняться переводом самому, ни найти кого-либо для выполнения этой работы (см.: Мишуровская 2015: 56).

И.Г. Лежнёв пишет Булгакову 8 февраля 1925 г.:

> Дорогой Михаил Афанасьевич!
>
> Посылаю Вам корректуру «Белой гвардии». Убедительная просьба срочно просмотреть и доставить в исправленном виде в понедель-

---

* Первый из составленных Булгаковым альбомов вырезок открывается «неудачными проектами» обложки романа «Белая гвардия» для издательства «Россия», сделанными неким «художником Ф.» (см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. № 75. Л. 1–1об.). См. ил. 46.

** Булгаков отмечает в дневнике 3 января 1925 г., что получил от журнала «Россия» 300 рублей в счет гонорара за «Белую гвардию» (см.: Булгаков 2007–2011/2: 456).

ник (9 февраля. — *Е.Я.*) — либо мне на дом[*], либо в издательство (Страстной б<ульвар>, 4); в издательстве буду, по обыкновению, с 5½ до 6½ веч<ера>. Еще просьба: не делать большой авторской корректуры.

Привет Любови Евгеньевне.
Жму руку.
Ваш *И. Лежнёв*
РО ИРЛИ. Ф. 369. № 426. Л. 3

Через некоторое время (в конце марта или начале апреля) И.Г. Лежнёв, направляя очередную корректуру, приглашает Булгакова принять участие в вечере, посвященном журналу «Россия»:[**]

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Посылаю Вам корректуру третьей части романа. Очень прошу выбрать небольшой, но яркий отрывок из написанного Вами когда-либо для прочтения на вечере, посвященном трехлетию журнала. Сегодня, в воскресенье[***], ровно в 7 час<ов> у нас на Полянке будет несколько авторов, которые прочтут намеченные для вечера отрывки. Просим очень Любовь Евгеньевну и Вас прийти вечером к нам на эту предварительную читку, захватив с собой и тот отрывок, какой Вы проектируете. Учтите, что тема вечера — Россия и «Россия». Хорошо бы, если б в прочитанном было хотя бы косвенное тематическое совпадение.

Если за сегодняшний день прочтете посылаемую корректуру, прихватите и ее.

Привет Л<юбови> Е<вгеньевне>.
Ждем Вас обоих.
Ваш *И. Лежнёв*
РО ИРЛИ. Ф. 369. № 426. Л. 4

Напрашивается предположение, что не позже начала апреля 1925 г. имевшийся у издательства текст «Белой гвардии» был набран полностью.

---

* И.Г. Лежнёв жил по адресу: улица Большая Полянка, дом 15, квартира 7.

** Вечер состоялся 6 апреля 1925 г. в Колонном зале Дома Союзов (см.: Лурье 1995б: 134). Однако неизвестно, участвовал ли в нем Булгаков: в газетных отчетах о вечере его имя не упомянуто (см.: Чудакова 1988: 321–322).

*** На воскресенье приходились, например, 29 марта и 5 апреля 1925 года.

Однако мы не знаем, каким был в то время состав романа и что́ И.Г. Лежнёв называл «третьей частью». Например, в Кр5 встречаются зачеркнутые промежуточные заголовки: перед гл. 14 – «Часть четвертая (окончание)» (смысл последнего слова неясен); перед гл. 18 – «Часть пятая». Вероятно, деление известного нам текста первоначально было более дробным и, несмотря на отправку «корректуры третьей части» автору, роман (в те времена речь шла о «первом томе») еще не был завершен. Лежнёв пишет Булгакову 24 апреля 1925 г.:

> Дорогой Михаил Афанасьевич!
>
> Засел я сейчас за большую работу, которая требует уединения и покоя. Поэтому переселился за город. Но нет добра без худа: сноситься с хорошими людьми приходится уже по почте. В изд<атель>стве бываю два раза в неделю: по средам и субботам 5–7 веч<ера>. Прошу Вас в ближайшую среду, 29 апреля, в указанные часы зайти в изд<атель>ство. Есть ряд срочных дел, а именно: 1) необходимо для подверстки сократить несколько строк; 2) у меня к этому моменту, надеюсь, будут первые экземпляры № 5; 3) мне нужен для дальнейшей работы конец романа; 4) надо поговорить об анкете, которую мы проводим среди писателей и будем печатать в № 6. Вы сами понимаете, что все эти дела требуют личного Вашего присутствия. Очень прошу не подвести меня и на сей раз быть аккуратнее*.
>
> Привет Любови Евгеньевне.
>
> Ваш *И. Лежнёв*
>
> РО ИРЛИ. Ф. 369. № 426. Л. 5

Необязательность Булгакова имела (хотя бы отчасти) «творческие» причины: в первые месяцы 1925 г. шла работа над повестью «Собачье сердце» (1925), тогда же писатель приступил к созданию пьесы «Белая гвардия» (1925).

Выход первых глав романа не остался незамеченным. Булгаков записывает 3 января 1925 г.: «<...> боюсь, как бы “Б<елая> г<вардия>” не потерпела фиаско. Уже сегодня вечером, на “Зел<еной> Лампе” Ауслендер сказал, что “в чтении”... и поморщился. А мне нравится, черт его знает, почему» (Булгаков 2007–2011/2: 457). Ср. запись от 5 января 1925 г.: «<...> у меня такое впечатление, что несколько лиц, читавших “Бел<ую> г<вардию>” в

* Возможно, намек на неучастие Булгакова в вечере 6 апреля.

“России”, разговаривают со мной иначе, как бы с некоторым боязливым, косоватым почтением» (Булгаков 2007–2011/2: 460). Специально отмечено мнение Д.М. Стонова: «М<ити>н отзыв об отрывке “Б<елой> г<вардии>” меня поразил, его можно назвать восторженным[*], но еще до его отзыва окрепло у меня что-то в душе. Это состояние уже дня три. Ужасно будет жаль, если я заблуждаюсь и “Б<елая> г<вардия>” не сильная вещь» (Булгаков 2007–2011/2: 460). С течением времени отношение автора к роману (возможно, из-за того что задуманная трилогия осталась ненаписанной) станет более прохладным – характерно высказывание Булгакова, зафиксированное П.С. Поповым: «Свой роман считаю неудавшимся, хотя выделяю из своих других вещей, т<ак> к<ак> к замыслу относился очень серьезно» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

Несмотря на известную долю отрицательных суждений, книга была высоко оценена людьми, чьим мнением Булгаков дорожил. Так, М.А. Волошин 25 марта 1925 г. писал Н.С. Ангарскому:

> <...> я очень пожалел, что Вы все-таки не решились напечатать «Белую гвардию», особенно после того, как прочел отрывок из нее в «России». В печати видишь вещи яснее, чем в рукописи...
>
> И во вторичном чтении эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающегося писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого. И по литературному значению удельный вес, разумеется, превосходит «Роковые яйца»[**].
>
> Очень досадно, что она не пойдет в «Недрах» целиком, тем более что Лежнёв ограничится, кажется, лишь фрагментом[***]. <...>
>
> Мне бы очень хотелось познакомиться лично с М. Булгаковым, так как Вы его наверно видаете, – то передайте ему мой глубокий

---

* В процитированном выше письме Д.М. Стонова к Ю.Л. Слёзкину выражено иное отношение к роману «Белая гвардия» и его автору (см. с. 401 наст. изд.).

** Повесть вышла в феврале 1925 г. в альманахе «Недра» (кн. 6). М.А. Волошин в письме благодарит Н.С. Ангарского за присылку альманаха.

*** Примечательно, что М.А. Волошин, до этого читавший рукопись «Белой гвардии» в полном виде, называет опубликованные в журнале «Россия» (1925. № 4) главы, которые мы сегодня знаем как первые, «отрывком» и «фрагментом». Возможно, это означает, что в известной Волошину редакции романа действие начиналось не с мая 1918 г., а с более ранних (либо каких-то иных) событий.

восторг перед его талантом и попросите его от моего имени приехать ко мне на лето в Коктебель.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 54

В ответ Н.С. Ангарский написал: «Булгаков к Вам с радостью приедет» (цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 413). В.В. Вересаев в письме к М.А. Волошину 8 апреля 1925 г. рассказал о «нетворческой» атмосфере, в которой вынужден существовать автор романа:

Очень мне приятно было прочесть Ваш отзыв о М. Булгакове, «Белая гвардия», по-моему, вещь довольно рядовая, но юмористич<еские> его вещи — перлы, обещающие из него художника первого ранга. Но цензура режет его беспощадно. Недавно зарезала чудесную вещь «Собачье сердце», и он совсем падает духом. Да и живет почти нищенски. Пишет грошовые фельетоны в какой-то «Гудок» (газета, где сотрудничал Булгаков. — *Е.Я.*) и, как выражается, обворовывает сам себя.

Цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 413

В конце апреля или начале мая 1925 г. вышел пятый номер «России», где увидели свет гл. 8—13 романа (объемом примерно 4 а. л.). Однако работа над финалом, по-видимому, не была завершена. И.Г. Лежнёв 7 июня отправил Булгакову записку:

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Вы «Россию» совсем забыли. Уже давно пора сдавать материалы по № 6 в набор, надо набирать окончание «Белой гвардии», а рукописи Вы всё не заносите. Убедительнейшая просьба не затягивать более этого дела. Я бываю в изд<атель>стве по-прежнему по средам и субботам 5—7 час<ов> веч<ера>. Можно доставить рукопись и на Полянку — когда угодно. Там всегда примут и аккуратнейше передадут мне.

Как чувствуете себя после операции?* Боюсь — придется последовать Вашему примеру. Привет Любови Евгеньевне.

Ваш *И. Лежнёв*

РО ИРЛИ. Ф. 369. № 426. Л. 6

* В конце мая 1925 г. Булгаков перенес операцию по поводу аппендицита.

В тот же день Булгаков передал в издательство текст последних глав — сохранилась расписка: «Окончание романа “Белая гвардия” от автора М.А. Булгакова для напечатания в очередной книжке журнала “Россия” получил 7/VI <19>25 г. И. Лежнёв» (РО ИРЛИ. Ф. 369. № 426. Л. 8); при этом сама расписка по непонятной причине датирована 17 августа 1925 г.

Выполнив обязательство перед журналом, Булгаков отправился в Коктебель: они с женой*, Л.Е. Белозерской, гостили там с 12 июня по 7 июля. На прощание М.А. Волошин подарил Булгакову сборник своих стихов «Иверни» (М., 1918) с инскриптом «Дорогой Михаил Афанасьевич, доведите до конца трилогию “Белой гвардии”» (цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 420), а на одной из подаренных акварелей написал: «Первому, кто запечатлел душу русской усобицы» (цит. по: Чудакова 1976а: 55; Белозерская 1989: 119). М.А. Волошину явно импонировало стремление Булгакова к идеологической непредвзятости; несколькими годами раньше в стихотворении «Гражданская война» (1919) поэт сходным образом обозначил собственную позицию:

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Волошин 2003–2010/1: 330

Уже прочитав «Белую гвардию», М.А. Волошин создал своего рода поэтическую декларацию — стихотворение «Доблесть поэта» (1925), в котором вновь подчеркнул, что место истинного художника — над схваткой:

В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем; не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актер и не зритель.
Ты соучастник судьбы, раскрывающей замысел драмы.

В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.

Волошин 2003–2010/2: 67

* Брак Булгакова и Л.Е. Белозерской был зарегистрирован 30 апреля 1925 г.

Сходным образом Булгаков в письме Правительству СССР от 28 марта 1930 г. заявит, что замысел «Белой гвардии» был обусловлен стремлением автора «<...> СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ» (Булгаков 2007–2011/8: 108).

Летом – осенью 1925 г. ситуация вокруг журнала «Россия» стала меняться; ввиду материальных проблем выход очередного (шестого) номера оказался под вопросом. Автор «Белой гвардии» не получил вовремя от издателя деньги по последнему из векселей (оплата предполагалась 3 октября). Булгаков написал об этом И.Г. Лежнёву – который, как видно из его ответа от 11 октября 1925 г., надеялся довести журнальную публикацию романа до конца:

Михаил Афанасьевич!

Ваше сугубо официальное письмо я получил. Оно, однако, несколько упреждает события. При уплате векселя имеется 3-х дневный льготный срок. Платеж при этой льготной отсрочке производится у нотариуса под страхом протеста. Если бы Каганский не оплатил векселя во вторник (6 октября. – *Е.Я.*) и из-за трехсот руб<лей> допустил себя до протеста, в чем я имею полное основание сомневаться, прошу сообщить мне об этом. Издавать роман отдельной книгой я не собираюсь во всяком случае. Авторскую корректуру пяти листов последней трети романа при сем прилагаю. Прошу вернуть ее в исправленном виде в среду (14 октября. – *Е.Я.*).

И. Лежнёв

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. К. 37. Л. 2

Деньги по этому векселю Булгаков получил 19 октября, о чем написал М.А. Волошину на бланке почтового перевода, возвращая долг, оставшийся после летнего пребывания в Коктебеле: «Меня совсем придавило мое издательство: лопнуло, и только сегодня я получил то, что мне должны» (цит. по: Лурье 1995б:134).

В итоге шестой номер журнала «Россия» так и не вышел, а издатель З.Л. Каганский покинул СССР*. Однако журнал Лежнёва еще не прекратил существование и под возобновленным названием «Новая Россия» продолжал издаваться в январе – мае 1926 г.: за это время вышло три номера, и

* О деятельности З.Л. Каганского за границей в 1920–1930-х годах см.: Равдин 2013: 202–203.

Булгаков значился в анонсе среди авторов. В журнале по-прежнему публиковались художественные произведения, причем в «Новой России» увидели свет некоторые из текстов, предназначавшихся для шестого номера «России»*. Таким образом, техническая возможность напечатать окончание «Белой гвардии», судя по всему, сохранялась – и если этого не произошло, дело объясняется не исчезновением журнала, а некими иными причинами. Известно, что осенью 1925 г. переговоры о публикации романа велись с издательствами «Круг» (письмо Булгакову от руководившего этим издательством А.Н. Тихонова (1880–1956) датировано 10 октября; см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. № 419) и «Земля и Фабрика» (письмо Булгакову с предложением встретиться 21 или 22 сентября для переговоров см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. № 394), однако не увенчались осязаемым результатом.

Обстоятельства недовершенной публикации романа, взаимоотношения его автора с редактором и издателем позже получат отражение в художественных произведениях Булгакова – недописанной повести «Тайному другу» (1929) и неоконченном «театральном» романе «Записки покойника». Впрочем, эти тексты не могут быть названы мемуарными в собственном смысле слова – гротеск и фантасмагория в них подавляют реальную «фактуру»**.

История не напечатанного в журнале «Россия» заключительного фрагмента «Белой гвардии» (особенно последней главы) стала одним из волнующих сюжетов в булгаковедении. Например, остается непонятным, возвратил ли Булгаков И.Г. Лежнёву присланную для правки корректуру и если да, то при каких обстоятельствах Кр5 (если это была она) вновь оказалась у Булгакова, осев в его архиве. Притом корректура, видимо, уцелела не полностью: объем Кр5 не пять, как указано в записке Лежнёва, а около четырех авторских листов.

В 1980-х годах текстологическая дискуссия приняла скандальный характер с криминальным оттенком: прозвучали заявления о якобы существовав-

---

* Например, рассказ Е.И. Замятина «О чуде, происшедшем в Пепельную среду» (Новая Россия. 1926. № 1) и проч.

** Повесть «Тайному другу» хронологически ближе к событиям и потому, может быть, несколько более достоверна: например, здесь герой-рассказчик замечает, что его роман напечатан лишь на две трети (см.: Булгаков 2007–2011/4: 551), а в романе «Записки покойника» создается впечатление, что роман Максудова был опубликован полностью в одной книжке журнала «Родина», после чего, в соответствии с общей «колдовской» атмосферой «Записок», журнал (вместе с редактором Рудольфи) исчез внезапно и бесследно (см.: Булгаков 2007–2011/5: 380–382).

ших, но таинственно исчезнувших источниках «Белой гвардии». Инициатива исходила от Л.М. Яновской, которая утверждала:

> Из писем Лежнёва можно узнать, что были две корректуры третьей части, что они посылались автору со значительным промежутком во времени. Гранки без окончания (Кр5. — *Е.Я.*), надо думать, первая корректура.
>
> В домашнем архиве Е.С. Булгаковой хранилась и вторая корректура 6-го номера «России». Здесь, в набранной уже полностью третьей части романа, шла чрезвычайно интересная, густейшая правка последних глав: обширные — крест-накрест, «конвертом», страницами и полустраницами — вычерки; небольшие связующие вставки; стрелки, перемещающие абзацы... И сохранившиеся более ранние гранки, и эта последняя корректура говорят о том, что правка шла главным образом за счет беспощадных сокращений. <...> Роман заканчивался известными читателям строками с упоминанием звезд и характерным для рукописей Булгакова словом «Конец».
>
> Архив Е.С. Булгаковой сохранился не полностью, и местонахождение этого творческого документа в настоящее время неизвестно.
>
> Яновская 1989: 747

В исчезновении материалов архива, в том числе «второй корректуры» заключительного фрагмента «Белой гвардии», впрямую обвинялись бывшие сотрудники Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (см.: Яновская 1987; Яновская 1997: 424–426, 436–441; Яновская 2001: 142). Присоединяясь к обвинениям, тогдашний заведующий сектором этого отдела В.И. Лосев объявил (не указав источник информации), что «<...> некоторые булгаковеды, работая с архивом писателя на дому у Е.С. Булгаковой, видели, изучали и конспектировали огромную по объему рукопись* “Белой гвардии”» (Лосев 1993: 18), которая затем пропала**.

* Впрочем, текстолог В.И. Лосев употреблял слова «корректура» и «рукопись» как синонимы — например, цитируя слова Л.М. Яновской о якобы имевшейся второй корректуре, он замечает: «Действительно, этой рукописи в фонде писателя нет, хотя в первичной описи архива она значится!» (Лосев 1993: 19).

** Впоследствии этот автор высказывался более осторожно, ограничиваясь намеками, например: «<...> в рукописном наследии Булгакова еще существует много тайн» (Лосев 2002: 637).

Недвусмысленный ответ на заявления о якобы существовавшей «второй корректуре третьей части романа» был дан в публикациях С.В. Житомирской (см.: Житомирская 1999; Житомирская 2003), заведовавшей Отделом рукописей ГБЛ в 1950–1970-х годах. Она сообщила, что «<...> такая корректура не значится <...> ни в одной из существующих описей архива, составлявшихся дома у Е.С. Булгаковой в 1956 и 1966 гг.» (Житомирская 2003: 254); иными словами, документ отсутствовал не только на момент поступления архива Булгакова в Отдел рукописей ГБЛ, но и когда архив находился у вдовы Булгакова:

> Очевидно: если даже предположить, что в реальной жизни журнал успел бы до своего закрытия предоставить писателю еще одну корректуру – сверку, то в архиве последнего она не сохранилась. Во всяком случае, ее не было там уже в 1956 г., и ее не могла видеть у Е.С. Булгаковой Яновская.
>
> Житомирская 2003: 254

Конечно, нельзя приниципиально отрицать вероятность того, что новые источники текста «Белой гвардии» однажды обнаружатся – подобная возможность не исключена для любого произведения мировой литературы. Однако роман был полностью издан во Франции уже более 85 лет назад, в 1929 г., и даже со времени его полной публикации в СССР прошло полвека – за столь долгий период гипотетические держатели рукописных или машинописных черновиков (если таковые существуют) не сочли нужным их обнародовать или хотя бы представить доказательства их наличия. Приходится с сожалением сделать вывод, что надежда невелика; остается уповать на счастливую случайность.

Корректура не напечатанных в 1920-х годах в СССР глав «Белой гвардии» (Кр5) была целиком опубликована в эпоху перестройки (1987–1990): в журнале «Новый мир» (1987. № 2) увидела свет гл. 19 текста, предназначавшегося для шестого номера журнала «Россия» (корректура сохранилась не в полном виде – одна или несколько заключительных страниц отсутствуют). А спустя несколько лет, накануне 100-летнего юбилея писателя, неожиданно отыскалась машинопись финальных фрагментов «Белой гвардии» (см.: Булгаков 1992: 63–70). Согласно пояснениям обнаружившего ее И.Ф. Владимирова, документ находился в архиве И.Г. Лежнёва:

> <...> в феврале 1991 года одна из машинописных копий с авторской правкой этой заключительной главы была приобретена нами в московском букинистическом магазине вместе с пачкой старых дореволюционных газет. <...> на оборотную чистую сторону листов рукописи (машинописи. — *Е.Я.*) были плотно наклеены вырезки со статьями самого Лежнёва.
>
> Владимиров 1998: 269

При этом публикатор «с полной уверенностью» утверждал, что машинописных копий заключительной главы «Белой гвардии» у И.Г. Лежнёва было несколько — не указав, однако, их местонахождение. В другой статье И.Ф. Владимирова речь идет о «двух машинописных редакциях окончания романа, одна из них с авторской правкой» (Владимиров 1992: 71). При подготовке отдельного издания (Булгаков 1998) источники, по словам публикатора, были сконтаминированы: «В основу положен текст машинописи с авторской правкой, лакуны которой восполнены соответствующими фрагментами редакционной перепечатки» (Владимиров 1998: 271).

По-видимому, основываясь на этой информации, М.О. Чудакова писала: «Финальная часть романа дошла до нас в двух машинописных текстах, причем второй (перепечатка с первого) — полный (в первой же машинописи, выправленной автором, опять отсутствует конец!), но зато невыправленный и потому дефектный, с неясными местами» (Чудакова 1992). В.И. Лосев говорил об «авторизованной машинописи окончания “Белой гвардии” с обширнейшей правкой Булгакова общим объемом около двух печатных листов» (Лосев 1993: 17; Лосев 2002: 636), но о «двух экземплярах» машинописи не упоминал.

Как бы то ни было, в настоящее время в архиве Булгакова в РГБ числится *одна* машинопись (М) финального фрагмента романа*, не содержащая *никакой правки* (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 6); объем этого текста — около 1,2 а. л. Примечательно, что в зафиксированном в М эпизоде «Белой гвардии» действие начинается как раз с того места, на котором обрывается текст Кр5 (хотя физически эти источники не являются частями единого целого): журнальная редакция гл. 19 завершается словами «брызнул в передней звонок» (см. с. 283 наст. изд.), а М открывается появлением петлюров-

---

* В присланном из НИОР РГБ 26 сентября 2014 г. ответе на наш запрос сообщается: «В настоящее время отсутствующих (из числа поступивших), закрытых, недоступных для исследователей рукописей М.А. Булгакова в НИО рукописей нет».

ского наряда, пришедшего, чтобы препроводить доктора в 1-й полк Синей дивизии, куда Алексей Турбин мобилизован в качестве врача. После этого идет текст, весьма близкий к фрагменту «В ночь на 3-е число». Далее – Турбин после бегства от петлюровцев и возвращения домой засыпает, а Елена, Николка, Шервинский и Лариосик садятся играть в винт, причем Шервинский одерживает победу благодаря оказавшейся у него комбинации из 11 карт червонной масти и одной бубновой. Во время игры слышны звуки артиллерийского салюта: красные входят в Город. Затем, как и в известном нам тексте «Белой гвардии», изображаются сны персонажей, но два из них отличны от романного варианта. В одном Алексей видит Юлию с любовником-«Онегиным», у которого нет лица; потом «Онегин» с чекистами преследует Турбина, и тот в ужасе просыпается. В другом сне Шервинский является Елене буквально раздвоенным: одна половина – в белогвардейской форме, другая – в красноармейской. Между этими снами, как и в романе, расположены аутентичные: сон Василисы, эпизоды с полусонным часовым у бронепоезда и Русаковым, в полузабытьи читающим Евангелие. Завершается текст сном Петьки Щеглова и пассажем о звездах.

Было высказано предположение, что М – недостающая часть финального фрагмента «Белой гвардии», переданного Булгаковым в редакцию журнала летом 1925 г. (Владимиров 1992: 70–71; Чудакова 1992). В.И. Лосев сообщил о проведенной им «экспертизе» машинописи (хотя непонятно, какой именно), уверенно заявив, «<...> что она как раз и является тем самым окончанием последней трети романа, которая готовилась Булгаковым для шестого номера журнала "Россия"»; посему было предложено считать данный текст финала каноническим (Лосев 1993: 17–18; Лосев 2002: 636–637).

Предпринятое И.Ф. Владимировым издание романа, в котором текст «Белой гвардии» составлен из ЖР, Кр5 и упомянутой, но не предъявленной «машинописи с авторской правкой», вышло с анонсом: «Подлинный авторский текст. Сенсационная находка заключительной главы». В сопроводительной статье утверждается, что в парижском издании (БГ-1929) финальных глав якобы имели место злонамеренные «<....> явные и грубые попытки исказить авторскую идею и разрушить внутреннюю художественную логику произведения <...> Можно предположить, что из текста, пересланного Булгаковым в Париж, было изъято изрядное количество страниц авторского текста (так в оригинале. – *Е.Я.*)» (Владимиров 1998: 271, 273). Автор статьи безапелляционно заявил, что «примерно пять страниц повествования в "парижской" версии» явно не принадлежат перу автора (Владимиров 1998: 271).

> Все эти пять страниц написаны и скомпонованы человеком, слабо владеющим русским литературным языком. <...> указывают на вмешательство в текст человека, впитавшего с детских лет разговорный жаргон, характерный для жителя юго-западной России.
>
> Владимиров 1998: 272

Однако если оставить в стороне пресловутую «машинопись с авторской правкой» и обратиться к наличному источнику М, то принять версию о его «авторитетности» затруднительно, поскольку он вызывает серьезные вопросы. Шрифт здесь фиолетового цвета — судя по всему, это экземпляр из-под копирки. Настораживает не слишком профессиональный вид машинописи — вряд ли так могла работать квалифицированная машинистка. Вместе с тем сомнительно, чтобы печатал сам Булгаков: человек, хорошо знавший текст, не сделал бы многочисленных ошибок, которые встречаются в М, — например, бросается в глаза вариативное либо неверное написание фамилий и прочих слов («Мышловского» наряду с «Мышлаевского», «Вусаков» вместо «Русаков», «бушметах» вместо «бушлатах») и т. п. Должно быть, печатавший копировал рукописный текст и делал это не слишком аккуратно. Вместе с тем автор, читая подобную машинопись, не мог бы игнорировать столь грубые ошибки как несущественные; если текст действительно предназначался для передачи в редакцию журнала «Россия» — непонятно, почему Булгаков эти ошибки не исправил. Не менее странно, что пагинация в М начинается с цифры «1» — соответственно, М не является частью более крупного текста; при этом первый фрагмент открывается тремя звездочками (литерами «х»), и нет никаких паратекстовых элементов (имени автора, заглавия, номера главы и т. п.), характеризующих данный источник в целом. С учетом изложенного вряд ли есть основания считать текст М не только «каноническим», но даже авторизованным.

От романа к пьесе и далее

Вследствие отъезда З.Л. Каганского за границу возникли неясности с договорными правами на роман «Белая гвардия». И.Г. Лежнёв, судя по всему, полагал, что они теперь перешли к нему. Но, обратившись по этому поводу в издательство «Россия», Булгаков 16 октября 1925 г. получил разъяснение:

> На Ваш запрос о переуступке З.Л. Каганским своего права на часть Вашего романа «Белая гвардия» гр<ажданину> Лежнёву сообщаю, что никому, в том числе и Лежнёву, З.Л. Каганский прав своих полностью или частью не переуступал. Если сведения эти Вами получены от гр<ажданина> Лежнёва, то я могу лишь заявить, что он заведомо для себя вводит Вас в заблуждение.
>
> (*Подпись*)
>
> По доверенности З.Л. Каганского[*]
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 8

И.Г. Лежнёв исходил из того, что договор по-прежнему действителен; Булгаков же считал, что договор утратил силу (главным фактором, видимо, была эмиграция Каганского; срок договора на тот момент не был исчерпан, а истекал лишь 3 июля 1926 г.). Булгаков 26 октября 1925 г. направил в конфликтную комиссию Всероссийского союза писателей (ВСП) следующее заявление:

> Редактор журнала «Россия» Исай Григорьевич Лежнёв после того, как издательство «Россия» закрылось, задержал у себя, не имея на то никаких прав, конец моего романа «Белая гвардия» и не возвращает мне его. Прошу дело о печатании «Бел<ой> гв<ардии>» у Лежнёва в конфликтной комиссии разобрать и защитить мои интересы.
>
> Цит. по: Чудакова 1987: 139

Можно предположить, что осенью 1925 г. И.Г. Лежнёв действительно сомневался в возможности продолжать издание журнала (например, ввиду отсутствия финансов), так что Булгаков счел себя свободным от договорных обязательств. Однако высказанный им в адрес И.Г. Лежнёва упрек звучит странно: трудно представить, что машинописный текст финала (последних глав?) романа имелся у автора в единственном экземпляре и его потеря была невосполнима. Если же в заявлении подразумевалось, что И.Г. Лежнёв продолжает настаивать на своем намерении и праве завершить публикацию «Белой гвардии», то непонятно, почему автора подобная перспектива не устраивала.

В переданной Булгакову записке секретаря правления ВСП А. Соболя (1888–1926) от 30 октября 1925 г. говорилось: «Конфликтная комиссия про-

* Судя по всему, самого З.Л. Каганского в середине октября 1925 г. в СССР уже не было.

сит Вас явиться в среду в 7 часов вечера (4 ноября), для дачи объяснений по делу, возбужденному Вами» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 3). Неизвестно, внесло ли заседание комиссии какую-то ясность;* но, вероятно, именно конфликт с И.Г. Лежнёвым помешал тому, чтобы последние главы романа Булгакова всё же увидели тогда свет в СССР.

Через некоторое время коллизия с авторскими правами на «Белую гвардию» перенеслась за границу, где еще больше запуталась. И.Г. Лежнёва арестовали** 11 мая 1926 г. по обвинению в создании «<...> антисоветской группировки в журнале “Новая Россия”», и издательская деятельность редактора прервалась. Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1926 г. И.Г. Лежнёв был приговорен к высылке из пределов СССР сроком на три года и 29 мая выслан в Эстонию*** (см.: Высылка 2005: 459). Таким образом, оба главных ответственных лица журнала «Россия» оказались вне досягаемости Булгакова, который в течение всей жизни был лишен возможности хотя бы ненадолго выехать из страны. И если И.Г. Лежнёв больше не заявлял права на «Белую гвардию», то З.Л. Каганский небезуспешно эксплуатировал не только роман, но и пьесы Булгакова.

В середине 1920-х годов «турбинская» тема вновь обрела драматургическое, а затем и сценическое воплощение. Во Владикавказе пьеса о Турбиных и роман о Гражданской войне писались параллельно — в Москве же публи-

---

* В повести «Тайному другу» герой-рассказчик, говоря о разборе запутанного дела по поводу прав собственности на его роман, резюмирует: «Кончилось тем, что я расхохотался и плюнул» (Булгаков 2007—2011/4: 524).

** За несколько дней до этого, 7 мая 1926 г., был произведен обыск на квартире Булгакова (см.: Белозерская 1989: 106—107).

*** И.Г. Лежнёв находился в Эстонии с мая по октябрь 1926 г. (см.: Белобровцева 2011: 79, 85), после чего переехал в Германию, где стал сотрудником советского постпредства. Спустя три года (по окончании срока высылки) И.Г. Лежнёв в 1930 г. возвратился в СССР, в 1933 г. был принят в партию по рекомендации И.В. Сталина, в 1934 г. выступил на Съезде писателей со сталинистских позиций, а в 1935—1939 гг. служил заведующим отделом литературы и искусства газеты «Правда». И.Г. Лежнёв выведен в повести Булгакова «Тайному другу» (под именем Рудольф) и романе «Записки покойника» (Рудольфи). Характерна также запись Е.С. Булгаковой от 2 августа 1935 г.: «Сегодня появился у нас Исай Лежнёв, тот самый, который печатал “Белую гвардию” в “России”. Он был за границей в изгнании, несколько лет назад прощен и вернулся на родину. Несколько лет не видел М<ихаила> А<фанасьевича>. Пришел уговаривать его ехать путешествовать по СССР. Нервен, возбужден, очень умен, странные вспухшие глаза. Начал разговор с того, что литературы у нас нет» (Булгакова 1990: 102).

кация «Белой гвардии», видимо, послужила для Булгакова стимулом к тому, чтобы вернуться к работе над «большой драмой».

В начале 1925 г. Булгаков (судя по всему, спонтанно) приступил к написанию пятиактной пьесы[*]. Видимо, не зная об этом, режиссер Московского художественного театра Б.И. Вершилов (наст. фамилия — Вейстерман; 1893—1957) 3 апреля того же года прислал Булгакову записку:

> Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич!
>
> Крайне хотел бы с Вами познакомиться и переговорить о ряде дел, интересующих меня и, может быть, могущих быть любопытными и Вам.
>
> Если Вы свободны, был бы рад встретиться с Вами завтра вечером (4. IV) в помещении Студии;[**] если заняты, не откажите позвонить по телефону в Студию (3-69-42) или в театр «Габима»[***] (2-41-35), там и буду вероятно завтра, в субботу, часа в 3—4.
>
> С приветом
>
> *Б.И. Вершилов*
>
> РО ИРЛИ. Ф. 369. № 75. Л. 1

Вклеивая эту записку в альбом, Булгаков сделал внизу страницы запись: «Режиссер МХАТ Б.И. Вершилов обратил внимание на роман».

Во время встречи режиссер предложил автору инсценировать «Белую гвардию» для МХАТа. Таким образом, у давнего замысла появился заказчик. Уже через полтора месяца, 26 мая 1925 г., Б.И. Вершилов начинает торопить Булгакова:

---

[*] В одном из альбомов, составленных Булгаковым, имеется запись: «Пьесу “Белая гвардия” начал набрасывать 19.I.1925 г. Роман “Белая гвардия” напечатан в журнале “Россия” (не полностью — 3-я часть света не увидела)» (цит. по: Грознова 1994: 8). Примечательно, что в пьесе «Белая гвардия» (а затем и в «Днях Турбиных»), работа над которой была начата в день «старого» Крещения, реализован мотив крещенского Сочельника, первоначально присутствовавший в журнальной редакции романа (см. с. 261 наст. изд.), но впоследствии исключенный автором. Булгаков пояснял П.С. Попову: «События последнего действия в пьесе отношу к празднику крещенья, т<о> е<сть> 19 января <19>19 года. Первое действие происходит 12 ноября; Шервинский пел 8 ноября. Раздвинул сроки. Важно было использовать елку в посл<еднем> действии» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

[**] Имеется в виду Малая сцена МХАТа на углу Камергерского переулка (тогдашний адрес: Тверская улица, дом 22; здание не сохранилось).

[***] Еврейский театр «Габима» находился по адресу: Армянский переулок, дом 2.

Многоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Как обстоят наши дела с пьесой, с «Белой гвардией». Я до сих пор нахожусь под обаянием Вашего романа. Жажду работать Ваши вещи. По моим расчетам первый акт «нашей» пьесы уже закончен.

Черкните, зайдите или звякните по тел<ефону> (2-41-35). В первых числах июня собираюсь уехать на отдых, хотелось бы с Вами до этого времени встретиться.

Жду. Ваш. *Б.И. Вершилов*

РО ИРЛИ. Ф. 369. № 75. Л. 1

Завлит МХАТа П.А. Марков (1897—1980) в письме тоже поинтересовался ходом работы; Булгаков ответил из Коктебеля открыткой: «Пьесу “Белая гвардия” пишу. Она будет готова к началу августа» (цит. по: Смелянский 1989: 62).

Сделанная к сентябрю 1925 г. пятиактная сценическая версия «Белой гвардии» (см.: Булгаков 1990: 35—109) не являлась в полном смысле слова инсценировкой — были специально дописаны сцены в петлюровском штабе, в кабинете гетмана и последнее, пятое, действие (см.: Лурье, Серман 1965: 198; Лурье 1990: 516.). Судя по всему, Булгаков в какой-то мере воспроизводил в драме мотивы ранних редакций романа, «возвращался к истокам темы» (Чудакова 1976а: 58).

Репертуарно-художественная коллегия МХАТа 14 октября 1925 г. приняла решение, что для постановки на Большой сцене пьеса «должна быть коренным образом переработана». Булгаков в письме от 15 октября 1925 г. согласился лишь «на некоторые исправления в процессе работы над пьесой совместно с режиссурой», заявив, что в противном случае готов отозвать «Белую гвардию» из театра (см.: Грознова 1994: 9—10); 16 октября 1925 г. МХАТ принял эти условия. Распределение ролей между актерами состоялось 21 октября 1925 г.; 31 октября 1925 г. Булгаков читал им драму (см.: Смелянский 1989: 68). В журнале «Новый зритель» (№ 46. С. 12—13) 17 ноября 1925 г. появилась информация о начале репетиций во МХАТе. Булгаков 24 ноября 1925 г. писал С.З. Федорченко: «Я погребен под пьесой со звучным названием*. От меня осталась одна тень, каковую можно будет показывать в виде бесплатного приложения к означенной пьесе» (цит. по: Чудакова 1988: 329).

* М.О. Чудакова предполагает, что имеется в виду «Белая гвардия», замечая, впрочем, что Булгаков в то время работал и над комедией «Зойкина квартира» (Чудакова 1988: 329).

После переработки возникла вторая редакция драмы, которая была прочитана Булгаковым в театре 29 января 1926 г. (см.: Чудакова 1976а: 58; Смелянский 1989: 83). В первоначальном варианте автор стремился сохранить образ врача Алексея Турбина – теперь же появился полковник Турбин[*]. Впрочем, этот персонаж не был новым: по приведенному свидетельству И.С. Рабен, он возникал на одном из этапов работы над романом. Продолжая вносить изменения в пьесу, Булгаков соединил романные образы Турбина и Малышева; еще раньше произошло объединение Малышева и Най-Турса[**].

М.А. Волошин открыткой от 4 апреля 1926 г. вновь пригласил Булгакова в гости:

> Дорогой Михаил Афанасьевич, не забудьте, что Коктебель и волошинский дом существуют и Вас ждут летом. Впрочем, Вы этого не забыли, т<ак> к<ак> участвовали в Коктебельском вечере[***], за что шлем Вам глубокую благодарность. О литер<атурной> жизни Москвы до нас доходят вести отдаленные, но они так и не соблазнили меня на посещение севера. Заранее прошу: привезите с собою конец «Белой гвард<ии>», которой знаю только 1 и 2 части[4*], и продолжение «Роковых яиц».
>
> Цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 422–423

---

* Л.Е. Белозерская вспоминала, что идея «синтеза» была высказана режиссером К.С. Станиславским (наст. фамилия Алексеев; 1863–1938) и писатель, после некоторых колебаний, согласился (см.: Белозерская 1989: 119).

** Выступая 7 февраля 1927 г. на диспуте в Театре им. Мейерхольда, Булгаков подчеркнул, что образ полковника Турбина в пьесе «Дни Турбиных» восходит не к «однофамильцу» врачу, а к другому романному герою – полковнику Най-Турсу (Булгаков 2007–2011/4: 557). Согласно записи П.С. Попова, Булгаков пояснял: «Слил в пьесе фигуру Най-Турса и Алексея для большей отчетливости» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

*** Благотворительный литературно-музыкальный вечер в пользу Дома М. Волошина состоялся 1 марта 1926 г. в помещении ГАХН на улице Пречистенка, дом 32; Булгаков читал свой фельетон «Похождения Чичикова» (1922). В вечере участвовали П.Г. Антокольский (1896–1978), В.В. Вересаев, Б.Л. Пастернак (1890–1960), Ю.Л. Слёзкин, С.В. Шервинский (1892–1991) и, возможно, также А. Белый (наст. имя Б.Н. Бугаев; 1880–1934) и Л.М. Леонов (1899–1994).

4* Это противоречит вышеприведенному письму М.А. Волошина, из которого явствует, что он знаком с рукописью «Белой гвардии» и чтение романа в журнале «Россия» для него – «вторичное». Возможно, различия между журнальной публикацией и тем текстом, который Волошин знал раньше, были столь существенны, что ЖР воспринималась им, по сути, как новое произведение.

Но на сей раз поездка в Коктебель не удалась из-за занятости Булгакова*. Спектакли по его пьесам готовились к выходу в двух московских театрах: помимо репетиционного процесса во МХАТе шла работа над комедией «Зойкина квартира» в Театре им. Евгения Вахтангова.

Пьеса «Белая гвардия» в новой редакции репетировалась с февраля 1926 г. до конца сезона 1925/26 г. Генеральная репетиция состоялась 24 июня 1926 г. (см.: Смелянский 1989: 94), а 25 июня 1926 г. на совещании с представителями МХАТа члены Главреперткома потребовали серьезных переделок спектакля (выписка из протокола заседания – см.: Грознова 1994: 17–18). Из тактических соображений МХАТ согласился с претензиями, пообещав, что «пьеса будет показана осенью в переработанном виде». Булгаков реагировал на эти события крайне нервно, но в июле – августе вновь стал переделывать текст, создавая третью редакцию пьесы, которая была в основном завершена к концу лета и 24 августа 1926 г. получила название «Дни Турбиных»; тогда же были приняты новый план пьесы, вставки и переделки (см.: Смелянский 1989: 99; см. также: Лурье 1990: 523). При этом Булгаков записал в альбоме:

> Итак, к началу сезона пьеса имела три заглавия:
> 1. Белая гвардия.
> 2. Семья Турбиных.
> 3. Дни Турбиных.
>
> Цит. по: Грознова 1994: 19

Генеральная репетиция с публикой прошла 23 сентября 1926 г. (накануне Булгаков был вызван в ОГПУ и подвергнут допросу на предмет выяснения политических взглядов; см. протокол в изд.: Булгаков 2007–2011/2: 463). Коллегия Наркомпроса и Главрепертком 24 сентября 1926 г. постановили разрешить постановку «Дней Турбиных» на один год и исключительно во МХАТе, без права передачи пьесы в другие театры СССР (см.: Власть и интеллигенция 1999: 68).

Однако в тот же день в коллегию Наркомпроса поступило секретное отношение из ОГПУ с решительным возражением против спектакля – по идеологическим мотивам (см.: Файман 1991: 83). Нарком просвещения

* Он ответил Волошину 3 мая 1926 г.: «Мечтаем о юге, но удастся ли этим летом побывать – не знаю. Ищем две комнаты, вероятно, всё лето придется просидеть в Москве» (цит. по: Купченко, Давыдов 1988: 423).

А.В. Луначарский (1875–1933) 27 сентября 1926 г. сообщил председателю Совнаркома А.И. Рыкову (1881–1938), что представители ОГПУ тоже участвовали в заседании коллегии Наркомпроса, на котором «Дни Турбиных» были разрешены; а поскольку информация о разрешении уже распространилась, следует внести ясность – «<...> рассмотреть этот вопрос в высшей инстанции <...>» и либо запретить пьесу на более высоком уровне, либо подтвердить выданное Наркомпросом разрешение на ее постановку. Конфликтная ситуация обсуждалась 30 сентября 1926 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б); в итоге было решено всё же поддержать Наркомпрос (см.: Власть и интеллигенция 1999: 68). Во МХАТе 2 октября 1926 г. прошла еще одна генеральная репетиция, а 5 октября 1926 г. наконец состоялась премьера.

По словам П.А. Маркова, «“Дни Турбиных” стали своего рода новой “Чайкой” Художественного театра» (Воспоминания 1988: 239). В сезон 1926/27 г. пьеса Булгакова была сыграна 108 раз – эти спектакли, согласно статистике Театральной секции ГАХН, посетили 113 409 зрителей (см.: Шапошникова 1993: 122). При этом на пьесу обрушился шквал яростных нападок, и фамилия Булгакова в СССР обрела негативный ореол. После долгих перипетий спектакль «Дни Турбиных» (как и постановки других пьес Булгакова) в марте 1929 г. был запрещен (в последний раз сыгран 16 июня 1929 г.). Впрочем, через два с половиной года, фактически по распоряжению Сталина, «Дни Турбиных» во МХАТе оказались возобновлены (новая премьера – 18 февраля 1932 г.) и шли до самой смерти Булгакова; в целом с 1926 по 1941 г. состоялось 987 спектаклей.

В этих условиях история с авторскими правами на произведения Булгакова получила новый импульс. З.Л. Каганский за границей присвоил право единолично распоряжаться не только романом, но и пьесой.

В конце осени 1927 г. Булгаков получил из Ленинграда датированное 26 ноября письмо от М.С. Марадудиной* (1888–1960), которая, как явствует из текста, предварительно говорила с Булгаковым по телефону;** в цитатах из письма сохранены авторские орфография и пунктуация:

---

* Первая в России женщина-конферансье, в 1910-х годах работавшая в театре-кабаре «Летучая мышь».

** Видимо, после этого разговора Булгаков отправил Марадудиной телеграмму, копия которой сохранилась в архиве писателя: «Сообщите подробно предложение относительно сценария Турбиных Верно ли что кто-то якобы моей доверенности распоряжается пьесой и получает за меня деньги Риге телеграфируйте фамилию» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 14). Письмо Марадудиной, насколько можно судить, стало ответом на телеграмму.

> <...> 2 недели назад я приехала из Риги и мне дали поручение снестись с Вами относительно сценария Турбиных. По законам за границей нет никаких охран авторских прав русских авторов. Там идут Ваши пьесы и пьесы других авторов <...> и авторских они не получают. Тоже сделала немецкая фильма (киностудия. — *Е.Я.*) и со сценарием, т<о> е<сть> взяла Вашу пьесу Турбины и разрабатывает его уже для съемки. Но по кинематографическим традициям все-таки право на съемку сценария остается за той фильмой, которая имеет разрешение автора. И вот Американская фильма желая поставить тоже сценарий по Турбиным обратилась в Ригу к артисту Александру Моисеевичу Ардову* как русскому актеру и советскому подданному с запросом нельзя ли получить Ваше разрешение на сценарий за вознаграждение по условию с Вами. И режиссером для постановки этой фильмы пригласила известного кино актера Осипа Рунича**. Вот Ардов и Рунич обратились ко мне, как к своему другу, с просьбой по приезде переговорить об этом с Вами <...>
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 10–11

Вместе с тем Марадудина сообщала, что согласно информации от А.М. Ардова:

> <...> там (в Риге. — *Е.Я.*) появился какой то человек, как говорит быв<ший> редактор «Новой Москвы»*** кажется фамилия Каганский, который заявил что у него есть доверенность от Вас но не показал ее. Это еще больше убедило Ардова, что надо твердо иметь Вашу доверенность, чтобы хотя что нибудь для Вас получить за эксплотацию Ваших пьес. <...> Если Вы не давали доверенности упомянутому мною лицу и никому другому то это тоже сообщите Ардову.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 11об., 13

З.Л. Каганский действовал активно: в 1927 г. в Берлине вышел немецкий перевод пьесы «Белая гвардия» во второй редакции (см.: Bulgakov 1927; см. фото титульного листа в изд.: Мишуровская 2015: 81), напечатанный без

---

* Ардов А.М. (1897–1939).

** Рунич О.И. (1889–1947).

*** Ошибка, вероятно, по ассоциации с издававшимся И.Г. Лежнёвым журналом «Новая Россия».

разрешения автора; гонорар же, по словам Каганского, присвоил некий «посредник»*.

Булгаков не имел возможности защищать свои интересы на расстоянии. Начиная с 1926 г. он получал из-за границы официальные предложения о посреднических услугах (например, письмо представителя берлинского издательства «Петрополис» от 1 сентября 1926 г.; см.: Мишуровская 2015: 72, 74–75), но «по неясным причинам не принял мер по охране своих авторских прав» (Богословская 1994: 340) – возможно, полагая, что сумеет действовать самостоятельно. Так, 28 ноября 1927 г. Булгаков обратился во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) с просьбой разослать в редакции европейских газет прилагавшееся письмо, где говорилось:

> Мною получены срочные сведения, что за границей появился гр<ажданин> Каганский и другие лица, фамилии коих мне еще неизвестны, которые, ссылаясь на якобы имеющуюся у них мою доверенность, приступили к эксплуатации моего романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных».
>
> Настоящим извещаю, что никакой от меня доверенности у гр<ажданина> Каганского и у других лиц, оперирующих сомнительными устными ссылками, нет и быть не может.
>
> Сообщаю, что ни Каганскому, ни другим лицам, утверждающим это устно, я экземпляров моих пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» не передавал. Если у них такие экземпляры имеются, то

---

* В ответ на запрос, адресованный выпустившему пьесу берлинскому издательству С. Фишер (S. Fischer Verlag), Булгаков получил оттуда письмо от 28 марта 1928 г. (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 44–45об.), перевод части которого сохранился в архиве писателя: «<...> относительно Вашего письма г. Каганский высказался следующим образом: Он никогда не имел намерений нарушить интересы автора и продавать произведение, не уплачивая гонорара. Ваше произведение он получил от одного господина, который выдавал себя за Вашего уполномоченного, и, как видно из письма-векселя между Каганским и этим господином, он произвел платеж в двести долларов, которые, очевидно, этот господин Вам не прислал. Равным образом, он обязался выпустить это произведение за границей и Вам, как автору, уплачивать часть поступающих денег. К сожалению, кажется, судя по Вашему письму, этот уполномоченный не присылал Вам ни платежей, ни сообщения о своем соглашении с г<осподином> Каганским. Господин Каганский действовал в уверенности, что он, на основании этой уплаты и этого соглашения, распоряжается правами перевода и может поэтому перевести это произведение на свой счет, дать его печатать и передать нам права для сцены» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 52).

это — списанные или приобретенные без ведома автора и без ведома же автора отправленные за границу экземпляры. Возможна наличность черновиков или гранок не законченного в СССР печатанием романа «Белая гвардия», присвоенного незаконным путем.

Настоящим прошу с Каганским или другими лицами, действующими при помощи сомнительных заявлений, ни в какие сделки по поводу постановок «Дней Турбиных» или инсценировок моего романа для кино или драмтеатра, или переводов на иностранные языки, или печатания на русском языке не вступать.

Всех, кому известно местопребывание Каганского или вышеописанных лиц, прошу мне об этом местопребывании сообщить. <...>

Прошу тех, кто может это сделать в Берлине, написать мне фамилию лиц или название издательства, выпустившего в свет перевод «Дней Турбиных» без моего разрешения.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 15–16

Из ВОКСа 6 марта 1928 г. Булгакову сообщили, что его обращение опубликовано в Латвии в четырех газетах: еврейской «Фриморгн» («Frimorgn») 26 января 1928 г., немецкой «Ригаше Рундшау» («Rigasche Rundschau») 30 января 1928 г., латышских «Яунакас-Зинас» («Jaunākās Ziņas») 28 января 1928 г. и «Социал-Демократс» («Socialdemokrats») 2 февраля 1928 г. (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 49).

Еще одно письмо Булгакова сходного содержания, написанное 9 января 1928 г. (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 67–67об.), было напечатано 12 января 1928 г. в парижской газете «Комедия» («Comœdia»), о чем писателя информировал 17 января его постоянный поверенный в Париже В.Л. Бинншток (1868–1933; см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 23). Об этом письме 13 января 1928 г. упомянула парижская газета «Дни»: «Булгаков, автор “Дней Турбиных”, предостерегает в “Комедии” (через посредство г<осподина> Биншток) от некоего Каганского, выдающего себя за уполномоченное им лицо по охране его интересов за границей».

Спустя неделю, 20 января 1928 г., в «Днях» появилось присланное З.Л. Каганским «Письмо в редакцию», в котором говорилось:

Настоящим заявляю, что я никогда себя за уполномоченное лицо Булгакова не выдавал. Я в свое время приобрел в Москве от М. Булгакова права на его «Белую Гвардию» — «Дни Турбиных», заключив с ним соответствующий договор.

Права для заграницы на «Белую Гвардию» — «Дни Турбиных» я закрепил за собой, на что у меня имеются соответствующие документы.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 18

Та же газета 24 февраля 1928 г. опубликовала письмо Булгакова от 30 января:*

Широко оповещаю всех, что З.Л. Каганский никаких прав ни на «Белую гвардию», ни на «Дни Турбиных» не имеет ни в СССР, ни за границей и оперирует ссылками на просроченный и аннулированный договор с ныне закрытым издательством «Россия» по поводу печатания романа «Белая гвардия» в этом издательстве.

Оповещаю всех, что срок этому договору истек 6 июля 1926 г. И что договор этот не имел и не имеет никакого отношения к «Дням Турбиных».

Очередной ответ Каганского был напечатан в «Днях» 27 февраля 1928 г.:

1) Я, как владелец издательства «Россия», приобрел от г<осподина> М. Булгакова не только право на напечатание «Белой гвардии» в журнале «Россия», но право издания и отдельной книгой. Договор не просрочен и не аннулирован, деньги г<осподин> М. Булгаков получил от меня полностью. То, что журнал «Россия» был закрыт в 1926 году, не является основанием для нарушения договора г<осподином> Булгаковым.

2) Пьесу «Дни Турбиных» я получил от г<осподина> М. Булгакова через его уполномоченного, которому выдал определенный аванс за пьесу, взяв на себя обязательство платить г<осподину> М. Булгакову через его уполномоченного. <...>

Я не отказываюсь от суда коронного или третейского, куда доставлю все документы по этому делу.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 34

---

* Письмо было переслано в редакцию «Дней» и в немецкие газеты австрийским переводчиком Арнольдом Вассербауэром (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 29), который по просьбе писателя представлял его интересы, а также переводил пьесы Булгакова для постановки в европейских театрах.

Спустя две недели, 16 марта 1928 г., Булгаков направил в газеты еще одно послание (опубликовано в «Днях» 25 марта), где по пунктам опровергал заявление Каганского, обвиняя того во лжи и махинациях:

> Г<осподин> З. Каганский ухитрился без моего ведома достать в России один из первых вариантов пьесы «Дни Турбиных» и выпустить его в переводе на немецкий язык, в Берлине, снабдив издание ложной пометкой «Авторизованный перевод». Затем г<осподин> З. Каганский, не имея на то никаких прав, приступил к закреплению за собой «Дней Турбиных» не только в Европе, но и в Америке и к извлечению прибылей из героев пьесы М. Булгакова.
>
> Когда я, М. Булгаков, которому г<осподин> З. Каганский своими действиями причинил ущерб и крупные неприятности, приступил к извлечению из рук г<осподина> З. Каганского моей собственной пьесы, г<осподин> З. Каганский, в расчете на то, что Булгакову трудно будет дотянуться до Каганского из Москвы, напечатал ложное сообщение о том, что он якобы приобрел «Дни Турбиных» вместе с романом «Белая гвардия» у М. Булгакова <...>
>
> После опровержения М. Булгакова <...> г<осподин> З. Каганский в газете «Дни» напечатал уже иное ложное сообщение, именно, что он якобы получил «Дни Турбиных» через уполномоченного М. Булгакова.
>
> Мне неизвестно, что напечатает г<осподин> З. Каганский в третий раз, но мне хорошо известно и об этом я считаю долгом предупредить всех, что прежде чем читать (или печатать) письма г<осподина> З. Каганского, к ним следует отнестись с сугубой осторожностью.
>
> Итак, вторично сообщаю, что ни на роман «Белую гвардию», ни на пьесу «Дни Турбиных» З.Л. Каганский прав не имеет.
>
> Г<осподина> З. Каганского я привлекаю к ответственности.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 17

Стремясь более эффективно повлиять на ситуацию, Булгаков 21 февраля 1928 г. подал в Административный отдел Моссовета заявление с просьбой разрешить ему выезд за границу на срок до двух месяцев; одной из главных целей поездки Булгаков назвал защиту авторских прав:

> Еду, чтобы привлечь к ответственности Захара Леонтьевича Каганского, объявившего за границей, что он якобы приобрел у меня пра-

> ва на «Дни Турбиных», и на этом основании выпустившего пьесу на немецком яыке, закрепившего за собой «права» на Америку и т. д.
>
> Каганский (и другие лица) полным темпом приступили к спекуляции моим литературным именем и поставили меня в тягостнейшее положение. В этом смысле мне необходимо быть в Берлине.
>
> Булгаков 2007–2011/8: 72

Но выехать из СССР Булгакову не позволили (о чем 8 марта 1928 г. выдана соответствующая справка). Видимо, это заставило его всё же прибегнуть к услугам посредников: 13 апреля 1928 г. был заключен договор с издательством С. Фишер, которое ранее способствовало Каганскому в издании пьесы «Белая гвардия» на немецком, а теперь стало защищать права автора. В октябре 1928 г. писатель заключил также договор с издательством И.П. Ладыжникова (Берлин) об охране прав на комедию «Зойкина квартира» (см.: Богословская 1994: 340, 358).

Сохранились письма ленинградского адвоката, юрисконсульта ВСП И.Я. Рабиновича (1890–1970), разъяснявшего правовые аспекты сложившейся ситуации. Рабинович (находившийся в то время в Берлине) сообщал 9 февраля 1928 г. писателю Б.И. Бентовину (1863–1929):[*]

> Получил В<аше> письмо с просьбой Булгакова и уже выяснил все обстоятельства дела. Передайте *немедленно* Булгакову, что я считаю, что абсолютно не в его интересах сейчас создавать конфликт с Каганским, так как – *независимо от истории вопроса* – сейчас положение таково, что благодаря тому, что Каганский пьесу *издал* на немецком языке (я издание видел), Булгаков обеспечил себе авторский гонорар за границей (Каганский закрепил права на пьесу и в Америке, что сейчас очень нелегко: объясню по приезде). В случае конфликта Б<улгаков> может лишиться этих преимуществ. Помоему, надо немедленно войти в контакт с Каганским, выговорить надлежащие условия и обеспечить себя гарантией солидной фирмы.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 40

* В сопроводительном письме Б.И. Бентовин информирует, что перед этим переслал И.Я. Рабиновичу «два документа», которые пришли от Булгакова (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 39).

И.Я. Рабинович писал 3 марта 1928 г. уже непосредственно Булгакову:

> <...> с Каганским дело обстоит так. То, что он до сих пор сделал, — самовольно, и его ссылки на старый договор я считаю лишенными всякого правового основания. Но дело не в этом, а в том, что этот энергичный и чрезвычайно ловкий человек сумел перевести пьесу на немецкий язык, издать ее (чем закреплено авторское право в Европе) и зарегистрировать пьесу в Америке, что, опять-таки, создает для нее правовую охрану. Думаю, что и в смысле постановок Каганский, с которым я, как постоянный юрисконсульт Толстого, Щеголева, Замятина, Федина и Лавренева, заключил ряд договоров, многого добьется и лучше кого бы то ни было устроит пьесу в Европе и Америке. Всякий конфликт лишь разрушит всё сделанное и, не принеся никому пользы, аннулирует всё достигнутое. Поэтому мой совет сводится к тому, чтобы, не порывая с Каганским, предоставить ему возможность работать и вместе с тем поставить его под серьезный и основательный контроль.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 48–48об.

И.Я. Рабинович предлагал заключить с З.Л. Каганским соглашение, по которому тот нес бы все расходы по изданию пьес Булгакова, их постановке и т. п., получая за это 50% авторского гонорара (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 48об.).

С самим З.Л. Каганским, несмотря на конфликтные отношения, Булгаков тоже имел деловые контакты. Например, 18 октября 1928 г. Каганский по поручению издательства С. Фишер обратился к Булгакову с письмом, сообщая о предстоявшем 27 октября в Берлине (без разрешения правообладателей) спектакле «Дни Турбиных»*. Стремясь воспрепятствовать постановке, Каганский просил срочно прислать справку из Главлита, что ни пьеса, ни роман (оба этих текста названы в письме «Дни Турбиных») не были напечатаны в СССР (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 61–62).

* Название сопровождалось на афише подзаголовком «Семь картин по роману М. Булгакова», а в качестве автора «переделки» была указана В.О. Шмидт – видимо, для того чтобы отвести от поставившей спектакль В.О. Тубенталь (1878–1941), которая в афише названа «устроительницей спектакля» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 354), обвинения в нарушении авторского права.

Булгаков откликнулся на просьбу, отправив требуемый документ; впрочем, спектакль всё же состоялся (Богословская 1994: 363–365). Кроме того, З.Л. Каганский и директор издательства С. Фишер Конрад Марил специально ездили из Берлина в г. Бреслау (ныне Вроцлав, Польша) на премьеру спектакля «Дни семьи Турбиных» в Объединенном театре 20 октября 1928 г. и на следующий день даже прислали Булгакову поздравительную телеграмму, на которую он ответил телеграммой благодарственной (см.: Богословская 1994: 360–361).

Отношение писателя к З.Л. Каганскому в принципе оставалось неизменным. В письме к брату Н.А. Булгакову от 30 августа 1933 г. Булгаков пояснял: «<...> Захар Леонтьевич Каганский – тот самый, который проделал ряд махинаций с романом "Белая гвардия" и пьесой "Дни Турбиных" за границей <...> квалифицированный мошенник» (Булгаков 2007–2011/8: 205); 1 августа 1934 г. писал ему же: «Каганский – наглый и опасный мошенник» (Булгаков 2007–2011/8: 262). В повести «Тайному другу» и романе «Записки покойника» Каганский выведен в образе персонажа по фамилии Рвацкий (см.: Булгаков 2007–2011/4: 520; /5: 364).

Тем не менее Булгакову приходилось принимать участие в решении некоторых вопросов, возникавших по инициативе З.Л. Каганского; посредническую роль в 1930-х годах играл живший в Париже брат писателя Н.А. Булгаков. В частности, сохранилось адресованное Н.А. Булгакову письмо З.Л. Каганского от 7 августа 1938 г. на бланке «Continental press Agency (Agence littéraire et cinématographique)*» с просьбой позвонить: «Я хочу с Вами поговорить по очень интересному делу, которое очень срочно» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 33. Л. 1). На обороте листа – записи рукой Н.А. Булгакова: судя по всему, конспект состоявшегося телефонного разговора с З.Л. Каганским. Речь шла о проекте перевода (для постановки) пьес «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» на английский язык неким «англичанином, известным драматургом» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 33. Л. 1об.). Продолжением этих контактов стало письмо Н.А. Булгакова З.Л. Каганскому от 30 октября 1938 г. по поводу присланного проекта договора (текст которого в архиве отсутствует):

---

* Континентальное агентство печати (Литературное и кинематографическое агентство) (*англ.* и *фр.*).

Monsieur,

J'ai bien reçu le contrat concernant la présentation en Angleterre de la pièce de mon frère MICHEL et dont les conditions nous convient.

Me souvenant des démarches que vous aviez faites dans le but de defendre les intérêts de mon frère au sujets des ses droits d'auteurs, je vous serai très obligé de bien vouloir tenter une démarche auprès de Mr. Jean FAYARD, éditeur à Paris. En effet cette maison a pris en charge la traduction et edition française du livre de mon frère Michel intitulé «Les jours des Tourbins» («Famille des Tourbins»). Or depuis de 5 ans cette production n'a pas paru. Je considère donc que les intèrêts de mon frère ainsi que ceux de Mr. J. Fayard ne sont pas sauvegardés.

Je vous prie donc d'envisager avec Mr. Fayard la possibilité de reprendre la liberté de traiter avec un autre éditeur et élaborer avec lui un arrangement acceptable pour les deux parties*.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 18. Л. 1

Из письма неясно, какой текст подразумевает Н.А. Булгаков, говоря о «книге» (а не о пьесе) с названием «Дни Турбиных» («Семья Турбиных»). Но, учитывая, что в БГ-1927 и БГ-1929 роман «Белая гвардия» вышел именно под заголовком «Дни Турбиных» (а основное заглавие давалось как дублирующее), можно предположить, что и в настоящем письме имеется в виду именно он. Таким образом, в начале 1930-х годов шла речь о французском переводе и издании «Белой гвардии» — добиться этого пытался В.Л. Бинашток (см. с. 457 наст. изд.), смерть которого в 1933 г. помешала довести дело до конца.

---

* Сударь, я получил договор, касающийся представления в Англии пьесы (судя по дальнейшему тексту, имеются в виду «Дни Турбиных». — *Е.Я.*) моего брата Михаила, его условия нас устраивают.

Помня ваши усилия по защите авторских прав моего брата, буду вам очень обязан, если вы попытаетесь связаться с г-ном Жаном Файяром, издателем из Парижа. Их фирма взяла на себя перевод и французское издание книги моего брата Михаила «Дни Турбиных» («Семья Турбиных»). Однако в течение 5 лет эта книга не появилась. Поэтому я считаю договор с Ж. Файяром утратившим силу.

Прошу вас договориться с г-ном Файяром о том, чтобы мы могли обратиться к другому издателю, и выработать условия, приемлемые для обеих сторон (*фр.*).

Мнения по обе стороны советской границы

В сравнении с шумихой вокруг пьесы «Дни Турбиных» недопечатанный роман вызвал в СССР не слишком много откликов. Правда, один из авторитетных литературных критиков, теоретик искусства А.К. Воронский (1884–1937), назвал «Белую гвардию» «в ряду художественных произведений выдающегося литературного качества» (Воронский 1925: 254) – однако далеко не всеми роман Булгакова был оценен как серьезное художественное достижение. Так, Н. Осинский (псевд. В.В. Оболенского; 1887–1938) отнес «Белую гвардию» к категории «вагонной» (для чтения в дороге, чтобы скоротать время) литературы, хотя и «высшего качества»:

> Рассказано всё очень живо, выпукло, «объективно». Претензии автору за то, что он белых юнкеров показал не злодеями, а обыкновенными юнцами из определенной классовой среды, терпящими крушение со своими дворянско-офицерскими «идеалами», предъявлять не приходится. Но чего-то, изюминки какой-то не хватает. А не хватает автору, печатающемуся в «России», – писательского *миросозерцания*, тесно связанного с ясной *общественной позицией*, без которой, увы, художественное творчество оказывается кастрированным.
>
> Осинский 1925

Впрочем, рецензент журнала «Новый зритель» (1926. № 42) М.Б. Загорский (1885–1951), сравнивая «Белую гвардию» с «Днями Турбиных», говорил о художественных преимуществах романа перед пьесой:

> Как бы ни относиться к «Белой гвардии» М. Булгакова, печатающейся в журнале «Россия», всё же надо признать, что перед нами были интересно сработанные страницы романа, широко охватывающего эпизоды гражданской войны на Украине периода гетманщины и петлюровщины, причем главная ценность этой своеобразной историко-художественной эпопеи заключалась не в «героях» и не в отдельных персонажах романа, а в бытовой и психологической насыщенности той весьма напряженной социально-политической атмосферы так, как понимал ее автор.

> В этом воздухе эпохи пропадали или делались не особенно заметными некоторые затаенные тенденции автора и почти пропадали поступки и разговорчики маленькой группы глупых людей, отдававших свою жизнь за победу «белой идеи».
>
> Таков был роман. И вот совершается первый художественный грех: вопреки мнению Достоевского о гибельности и фальшивости всякой переделки для сцены резко очерченных в своей основе и художественной структуре форм романа и повести, — М. Булгаков сам перекраивает для театра «Белую гвардию». <...> М. Булгаков, естественно, выбросил из романа весь этот не улавливаемый театром воздух эпохи, всю эту непередаваемую на сцене повествовательную ткань эпизодических фигур, встреч, разговоров, отступлений, превратив историческую эпопею в узенькую и маленькую семейную картинку.
>
> Загорский 1926: 6

Довольно обстоятельный, с обширными цитатами, разбор романа предпринял критик и литературовед И.М. Нусинов (1889–1950) в докладе «Творчество Михаила Булгакова как путь к его драме “Дни Турбиных”», прочитанном 25 октября 1926 г. в секции «Литература и искусство» при Комакадемии (машинописная копия содержится в одном из альбомов вырезок, составленном писателем). По утверждению Нусинова, Булгаков эволюционировал в «неблагоприятном» направлении — об этом якобы свидетельствует пьеса «Дни Турбиных», на фоне которой роман «Белая гвардия» выглядел значительно более «правильным»:

> <...> Булгаков в романе старался показать, как заслуженна была гибель его класса. <...> Булгаков тогда замечал живые силы украинского движения, живые силы народа. Он ясно видел, что с одной стороны немцы и их трусливые белогвардейские лакеи, а с другой стороны народ, героический, сопротивляющийся, мученически погибающий в этой борьбе. Он видел неминуемую гибель немцев, неминуемую гибель гетмана, неминуемую гибель белогвардейцев.
>
> Нам сейчас становится понятным эпиграф автора «По делам». В этом эпиграфе сказалось отношение автора к тому, что случилось. <...> Всё то, что случилось, справедливо. Булгаков сознает, что гибель его класса была не только неизбежной, он сознает, что она справедлива, что она к лучшему. <...> Булгаков и все те, кто вместе с ним

переменил вехи, вся та масса его класса, которая служит Советской власти, не рабы и трусы, они, умудренные опытом истории, служат своему народу.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 118, 120–121

Но в художественном отношении критик оценивал роман не слишком высоко:

<...> «Белая гвардия» представляет собой среднюю книгу.

У нас за последние годы чрезвычайно легко создавались литературные репутации, и что особенно поразительно – литературные репутации правых писателей, и такой фальшивой репутацией является прославление Булгакова. По существу его роман написан по трафарету. Книга «Белая гвардия» состоит из двух частей: первая часть – это, без сомнения, воспоминания талантливого журналиста, который создает общую картину того, что представлял собой Киев в 1918 году. Это, по существу, наиболее интересная часть книги, но здесь больше беллетристической публицистики, чем подлинного художественного произведения. То, что в этой книге характеристики составлены из штампованных рассказов старых дворянских романов, пересказов, которые выдают эпигонство Булгакова, – это несомненно.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 122

Что касается драмы «Дни Турбиных», она вызывает у И.М. Нусинова однозначно негативное отношение – прежде всего по идеологическим причинам:

<...> Булгаков выпустил из текста романа всё то, что делало гибель Турбиных не только неизбежной, но и исторически оправданной, всё то, что раньше заставило его признать, что они были «судимы сообразно с делами своими». Он умолчал о всём том страшном и позорном, что они творили после того, как они были выкинуты народом из своего уютного киевского угла. Он показал их прекрасными героическими жертвами.

Булгаков решил, что нет сейчас больше нужды оправдывать свое приспособление к большевикам. Он еще раз переоценил недавнее прошлое и перешел в идеологическое наступление.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 133

На основе доклада И.М. Нусиновым будут написаны статья «Путь М. Булгакова» (Нусинов 1929б), а также статья о писателе в «Литературной энциклопедии» (1929), где о «Белой гвардии» говорится:

> Роман рисует жизнь белогвардейцев — семьи Турбиных, в Киеве за период лето 1918 — зима 1919 (немецкая оккупация, гетманщина, петлюровская директория) до занятия Киева Красной армией в начале 1919. Опыт этого года убедил автора в том, что гибель его класса неизбежна и вполне заслуженна. Булгаков эту свою идейную установку дает в эпиграфе к роману: «и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими». Погибающие классы ненавидят свой восставший народ, трусливо прячутся за спину немецкого империалистического насильника и злорадствуют при виде жестокой расправы немецких юнкеров над украинской деревней. Героически, с великой жертвенностью борются против своих и чужеземных насильников лишь украинский крестьянин, русский рабочий — народ, к<ото>рый «белые» ненавидят и презирают. <...> Б<улгаков> вошел в литературу с сознанием гибели своего класса и необходимости приспособления к новой жизни. Б<улгаков> приходит к выводу: «Всё, что ни происходит, происходит всегда так, как нужно и только к лучшему». Этот фатализм — оправдание для тех, кто сменил вехи. Их отказ от прошлого не трусость и предательство. Он диктуется неумолимыми уроками истории. Примирение с революцией было предательством по отношению к прошлому гибнущего класса. Примирение с большевизмом интеллигенции, к<ото>рая в прошлом была не только происхождением, но и идейно связана с побежденными классами, заявления этой интеллигенции не только об ее лояльности, но и об ее готовности строить вместе с большевиками — могло быть истолковано как подхалимство. Романом «Белая гвардия» Б<улгаков> отверг это обвинение белоэмигрантов и заявил: смена вех не капитуляция перед физическим победителем, а признание моральной справедливости победителей. Роман «Белая гвардия» для Б<улгакова> не только примирение с действительностью, но и самооправдание. Примирение вынужденное. Б<улгаков> пришел к нему через жестокое поражение своего класса.
>
> Нусинов 1929а: 609–610

В отличие от И.М. Нусинова, критик Г.Е. Горбачев (1897–1937) рассматривал роман и пьесу в совокупности, подчеркивая скорее их сходство, нежели различия:

> В «Белой гвардии» <…> Булгаков тенденциозен. Изображая целую группу офицеров-монархистов в Киеве в 1918 году, в эпоху гетмана Скоропадского и наступления на Киев петлюровцев и большевиков, Булгаков умалчивает о зверствах, грабежах, одичании и моральном распаде белого офицерства <…> Если Булгаков выбрал героями исключительно честных, наименее деклассированных белых офицеров, то во имя художественной правды он должен был показать их резкое отличие от окружающей среды и неизбежность того падения в бездну подлостей и зверств по отношению к своему народу, которое логически вытекало из их монархизма и понятий об офицерской чести и благе родины.
>
> Этого Булгаков не сделал. Получилась апологетика памяти монархического офицерства.
>
> Изображать же трусость и неумелость высшего командования белых отрядов, жадность обывательских толп тыловых буржуа, дворян и интеллигентов, а всех юнкеров, младший и частично средний офицерский состав изображать рыцарями без страха и упрека — это значит возвыситься в критике белого движения <…> лишь до фронды недовольного начальством врангелевского капитана.
>
> Булгаков рассуждает в «Белой гвардии» о неизбежности крестьянского бунта на Украине, сметающего *и белых, и большевиков*, но нигде не показал он нам исторической «вины» перед народными массами своих «милых» интеллигентов, офицеров-монархистов <…>
>
> Булгаков предусмотрительно не сталкивает «Турбиных» (т<о> е<сть> всех офицеров-героев «Белой гвардии») с большевиками, противопоставляя белым враждебные к большевизму сепаратистские, буржуазно-кулацкие силы или иностранных агентов: петлюровцев и гетмановцев. Те и другие представлены в таком подлом, зверском, омерзительном виде, что на их фоне единственные честные и храбрые люди, офицеры-монархисты, кажутся героями, концентрируют на себе <…> симпатии читателя и зрителя, примиряют его с собой. <…> Пафос «Белой гвардии» — в попытке примирить

> читателя с монархическим, черносотенным офицерством. <...> Но всё же было бы неверным утверждать, что «Белая гвардия» и «Дни Турбиных» — тенденциозно-монархические и активно-белогвардейские произведения. <...> У Булгакова <...> есть <...> настроение какого-то всепрощения, признания конечной моральной правоты, жертвенности, героизма, права на славу и покой за обеими героически боровшимися в гражданской войне сторонами — большевиками и белыми (сон Алексея Турбина), и право цветения за «новой жизнью» на советской земле (конец пьесы).
>
> Горбачев 1927б

При этом в другой статье Г.Е. Горбачев аттестовал «Белую гвардию» как «великодержавно-шовинистическую» (Горбачев 1927а).

Критик В. Зархин агрессивно характеризовал Булгакова как «растревоженного революцией буржуазного интеллигентика», заявив, что роман есть «попытка переоценки гражданской войны и реабилитации белогвардейщины»:

> Казалось бы, что если автор наделяет свое произведение громким и обязывающим названием «Белая гвардия», то этим самым он ставит себя в необходимость дать серьезнейшие образы быта, общественной и социальной деятельности этой «гвардии». Но ведь возьми Булгаков «Белую гвардию» в таком разрезе, ему никогда бы не удалось реабилитировать белую офицерщину, которая для нас была и будет злейшим врагом. И вот Булгаков делает маневр: он «отвлекается» от социальной сущности белогвардейщины и подменяет персонажи «Белой гвардии» «просто людьми», имеющими, конечно, некоторые недостатки, но в общем умными, милыми, добрыми и симпатичными борцами «за идеалы». Механизм этого превращения удивительно прост и состоит в том, что Булгаков проникается «*объективизмом*». Ему, мол, «безразлично», что белые — это белые, а важно лишь то, что белые — это-де «люди». Причем люди эти интеллигентны, культурны и приятны во всех отношениях, а посему Булгаков считает себя обязанным рисовать их в нежно-розовых сочувственных красках.
>
> Зархин 1927

В сходном духе высказывался критик М.Г. Майзель (1899—1937):

Ил. 1. Михаил Булгаков — выпускник медицинского факультета Киевского университета. 1916 г.

Ил. 2. Михаил Булгаков — гимназист. 1908 г.

Ил. 3. Михаил Булгаков. 1914 г.

ДИПЛОМЪ.

Медицинская испытательная комиссія при ИМПЕРАТОРСКОМЪ университетѣ Св. Владиміра симъ свидѣтельствуетъ, что Булгаковъ Михаилъ Афанасьевичъ, сынъ чиновника, вѣроисповѣданія православнаго, родившійся 3 мая 1891 года, прослушалъ полный курсъ медицинскаго факультета и, весьма удовлетворительно выдержавъ установленныя испытанія 6 апрѣля 1916 года, на основаніи ст. 481 Уст. Учеб. Зав., т. XI, ч. I, Св. Зак., изд. 1893 года, и ст. 395 Уст. Врачебн., т. XIII, изд. 1905 года, утвержденъ въ степени лѣкаря съ отличіемъ со всѣми правами и преимуществами, законами Россійской Имперіи сей степени присвоенными.

Въ удостовѣреніе сего выданъ лѣкарю Булгакову Михаилу настоящій дипломъ съ приложеніемъ печати. Г. Кіевъ, октября 31 дня 1916 года.

№ 39665
5540

Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа,
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Предсѣдатель медицинской испытательной комиссіи

Правитель канцеляріи

Ил. 4. Врачебный диплом Михаила Булгакова. 1916 г.

Ил. 5. Варвара А. Карум, Вера А. Булгакова (сестры писателя), Т.Н. Булгакова (жена писателя). 1918 г.

Ил. 6. Е.А. Земская (племянница писателя) на фоне дома 13 по Андреевскому спуску.

Ил. 7. Дом 13 по Андреевскому спуску. Вид со двора. 1980-е годы.

Ил. 8. План квартиры Булгаковых на втором этаже дома 13 по Андреевскому спуску (с реконструкцией квартиры Турбиных).

1. Лестничная клетка
2. Прихожая-передняя
3. Комната Ирины Лукиничны и Лели; в 1918–1919 годах – кабинет врача М.А. Булгакова («кабинет доктора Алексея Турбина»)
4. Гостинная
5. Комната девочек («половина Тальбергов», «комната Елены»)
6. Комната Михаила и Константина (угловая «Николкина»)
7. Комната младших мальчиков («книжная»)
8. Столовая
9. Комната Варвары Михайловны; в 1918–1919 годах здесь жили Михаил и Татьяна («комната Алексея Турбина»)
10. Туалет
11. Кухня
12. Комната кухарки («комната Анюты»)
13. Ванная
14. Сени
15. Веранда
16. Ход на чердак («холодная кладовая»)
17. Внутренний дворик («мрачное подземелье»)
18. Промежуток между торцами домов («щель», «мрачное ущелье»)
19. Флигель («квартира Щегловых»)
20. Дом №11 по Андреевскому спуску

Ил. 9. Храм Николая Доброго в Киеве. Начало 1930-х годов.

Ил. 10. Могила А.И. Булгакова и В.М. Воскресенской-Булгаковой на Байковом кладбище в Киеве.

Ил. 11. Вид на Андреевский спуск
и Андреевскую церковь.

Ил. 12. А.И. Булгаков.
1906 (?) г.

Ил. 13. Семья Булгаковых после смерти отца (*стоят*: Михаил, Вера; *сидят*: Варвара, В.М. Булгакова, Николай, Надежда; *внизу*: Елена, Иван). 1907 г.

Ил. 14. И. А. Булгаков.
1912 г.

Ил. 15. Е.А. Булгакова.
1919 г.

Ил. 16. В.М. Булгакова и И.П. Воскресенский.
1910-е годы.

Ил. 17. Н. А. Булгакова –
выпускница гимназии.
1912 г.

Ил. 18. Вера А. Булгакова.
1909 г.

Ил. 19. Л.С. и В.А. Карумы.
1917 г.

Ил. 20. Т.Н. Булгакова.
1914 г.

Ил. 21. Н.А. Булгаков — выпускник Александровской гимназии. Май 1917 г.

Ил. 22. Н.А. Булгаков. Ноябрь 1922 г.

Булгаковъ Николай Афанасьевичъ

ЗАПИСЬ

на лекціи и практическія занятія. Осеннее полугодіе 1918 года

Семестръ	Наименованіе предметовъ.	Наименованіе профессора.	Число часовъ лекцій	Число часовъ практ. занятій	Отмѣтка канцеляріи факультета	Отмѣтка казначея.
3-ій	Анатомія	Старковъ	4			
	Практ. занят. по анатоміи	Старковъ		3		
	Эмбріологія	Ломинскій	2			
	Практ. зан. по гистологіи	Ломинскій		4		
	Физіологія	Чаговецъ	6			
	Физіол. химія	Садовень	3			
	Практ. зан. по физіол. химіи	Садовень		2		
	Фармація съ фармакогн.	Лонгачевскій-Петрунька	2			
	Практ. зан. по анал. химіи	Барзиловскій		4		
	Итого		30			

Записался

Деканъ

ЗАЧЕТЫ:

Отмѣтки по испытанію.	Отмѣтки по практическимъ занятіямъ.	Подпись профессора и дата.
	Ангіологія зач.	Стор[illegible]
III-е	Зачтено	[illegible]
	Зачтено	[illegible]
	Зачтено	[illegible]

Ил. 23. Зачетная книжка студента медицинского факультета Киевского университета Н.А. Булгакова. Осенний семестр 1918 г.

Ил. 24. Педагогический музей в Киеве.
1910-е годы.

Ил. 25. Киевская первая (впоследствии
Александровская) гимназия.
1900-е годы.

Ил. 26. Гимназисты во дворе Киевской первой гимназии. 1900-е годы.

Ил. 27. Гимназисты Киевской первой гимназии во время государственного экзамена. 1900-е годы.

Ил. 28. Киевская первая гимназия. Актовый зал.
1900-е годы.

Ил. 29. Киевская первая гимназия. Главная лестница.
1900-е годы.

Ил. 30. Н.В. Судзиловский. 1915 г.

Ил. 31. Ю.Л. Гладыревский. 1938 г.

Докторъ
М. А. Булгаковъ

19 5/I 19

Rp Infus. Adonis
vernalis
4,0 : 180,0
Natr. bromat. 8,0
Codein. pur. 0,15
MDS По столовой
ложке 3–4 в день
Г-ну Судзиловскому
Др Булгаков

Ил. 32. Рецепт, выписанный Н.В. Судзиловскому Михаилом Булгаковым. 5 января 1919 г.

Ил. 33. Я.В. Листовничая.
1900-е годы.

Ил. 34. И.В. и В.П. Листовничие.
1910-е годы.

Ил. 35. Взрыв артиллерийских складов на Зверинце.
6 июня 1918 г.

Ил. 36. Е.М. Коновалец.
1918 г.

Ил. 37. П.Ф. Болбочан.
1913 г.

Ил. 38. С.В. Петлюра.
1917 г.

Ил. 39. П.П. Скоропадский (*на переднем плане*) с офицерами. 1918 г.

Ил. 40. Немецкие войска в Киеве. 1918 г.

Ил. 41. Михаил Булгаков (сидит во втором ряду третий слева)
и Татьяна Булгакова (стоит в последнем ряду третья слева)
среди актеров Первого советского театра во Владикавказе.
1920 (?) г.

ПОД'ОТДЕЛ ИСКУСТВ
1-Я Советский Театр

СЕГОДНЯ

ПРОГРАММА

„Братья Турбины“

Драма в 4. д. М. Булгакова

Действующия лица:

Анна Владимировна Турбина	т. Казанская
Алексей Васильевич Турбин	т. Поль
Вася студент	т. Девир
Леля, ученица консерватории	т. Караманьян
Шура, горничная Турбина	т. Покровская
Кэт Рында	т. Ждановская
Женя Рында, скульптор	т. Богословская
Саша Бурчинский, скрипач	т. Кольцов
Владимир Карлович Стронгаер	т. Дамарёв
Баранов, брат Шуры	т. Тугаренов
Всеволод Аксай	т. Минин
Шелухов	т. Федоров
Александр Иосифович Рипь.	т. Диева
Третников, бывший студент	т. Гюнтер
Сверчков	т. Кар
Горничная Турбиной	т. Лоос

Постановка Августова.

Три миниатюры. В революционные дни

I

ПЛАМЯ

Драма в 1 д. соч. Ю. [illegible]

Действующия лица

Герцог правитель страны	т. Августов
Паули министр финансов	т. Дамарёв
Лапито Витоли адъютант Герцога	т. Кольцов
Сапирнитта любовница Паули	Бешина
Джульэта—артистка	т. [illegible]
Долли артистка оперетты	т. [illegible]
Роджио антрепренер	т. Дизов
Горожанка	т. [illegible]
Танцовщица в маске Джусто-Гомбе революционер	т. [illegible]
Бассо стар. слуга Герцога	т. Чужбинский
Гвидо-Паж	т. [illegible]

Постановка [illegible]

II.

Самооборона

Юмореск в 1 д. соч. М. Булгакова.

Действующия лица:

Иванов—обыватель	т. Сагайдачный
Петька его сын гимназ. 3-го клас.	т. Ларина
Студент квартирант Иванова	т. Августов
Барышня	т. Корсак
Командоров председ. домов. ком-та	т. Волгарь
Пьяный	т. Чужбинский
Господин	т. Кольцов

Действие происход. в наши дни в губер. городе.
постановка Августова.

III

Красноармейцы

Инсценировка стихов Демьяна Бедного. Лубок Юр. Слезкина

Действующия лица

Поп Ипат	т. Дамаров
Кулак Пров	т. Сагайдачный
Кулак	т. Волгарь
Парни	т. Дымов и т. Кольцов
Девки	
Жена Прова	т. Ржевская
Поповна	
3 мальчика	т. Ларина, [illegible], Никольская
Красноармеец	т. Волгарь

Постановка Ю. Слезкина.
Пом. реж. Л. Сазонов.

Ил. 42. Программа спектакля
«Братья Турбины».
1920 г.

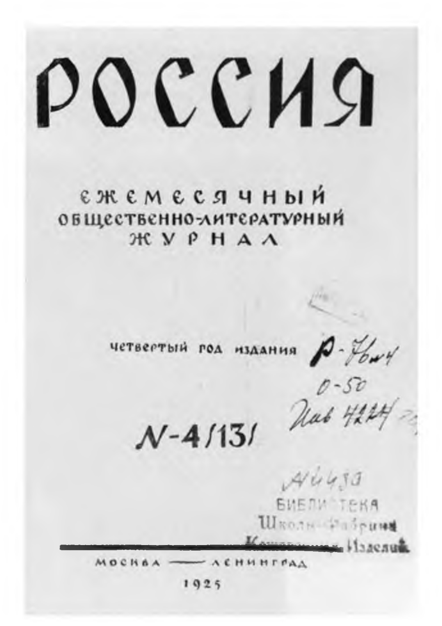
Ил. 43. Афиша спектакля
«Самооборона».
1920 г.

Ил. 44. Ю.Л. Слёзкин.
1918 г.

Ил. 45. Л.Е. Белозерская. Начало 1920-х годов.

РОССИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4 (13)

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1925

Ил. 47. Титульный лист журнала «Россия» (1925. № 4).

Ил. 46. Эскиз обложки несостоявшегося отдельного издания романа «Белая гвардия». 1925 г.

~~Белая гвардия.~~

11.

Она не ошиблась. Никто не вышел в расход и нашлись в [illegible] следующий же вечер.

«Он!» — отозвалось в груди Анюты и сердце ее прыгнуло как Ларионова птица. В занесенное снегом оконце Турбинской кухни осторожно постучали со двора. Анюта прильнула к окну и разглядела лицо. Он, но без усов... Он!.. [illegible] Анюта обеими руками пригладила черные волосы, открыла дверь в сени, а из сеней в снежный двор и Мышлаевский оказался необыкновенно близко от нее. Студенческое пальто с барашковым воротником и фуражка... исчезли усы... [illegible] Но глаза даже в полутьме сеней можно отлично узнать. Правый в зеленых искорках, как уральский самоцвет, а левый темный... И меньше ростом стал...

Анюта дрожащей рукой закинула крючек, при чем исчез двор, а полосы из кухни исчезли оттого, что пальто Мышлаевского обвило Анюту и очень знакомый голос шепнул:

— Здравствуйте, Анюточка... Вы простудитесь... ~~Разве можно...~~ А в кухне никого нет, Анюта?

— Никого нет, — не помня, что говорит, и тоже почему-то шепотом — ответила Анюта. — «Целует, губы гладкие стали», в сладостнейшей тоске подумала она и зашептала:

— Виктор Викторович... пустите... ~~пустите~~... Елена?

— При чем тут Елена?.. — укоризненно шепнул голос, пахнущий о-де-колоном и табаком, — что вы, Анюточка?..

~~*) См. журн. „Россия" №№ 4 и 5.~~

Ил. 48. Страница журнальной корректуры романа «Белая гвардия». 1925 г.

Ил. 49. Дом 10 по Большой Садовой улице в Москве, в котором Булгаков жил в 1922–1924 гг.

Ил. 50. Михаил Булгаков (сидит в центре) среди участников спектакля «Дни Турбиных». 1926 г. Фото с дарственной надписью Булгакова для Е.С. Шиловской (впоследствии Булгаковой) от 20 октября 1930 г., в честь ее 37-летия.

Ил. 51. Р.Б. Гуль — студент. 1915 г.

Ил. 53. Е.С. Шиловская. 1928 г.

Ил. 52. В.Б. Шкловский. 1920-е годы.

МИХ. БУЛГАКОВ

ДНИ ТУРБИНЫХ

(БЕЛАЯ ГВАРДИЯ)

Роман

Том второй

ПАРИЖ

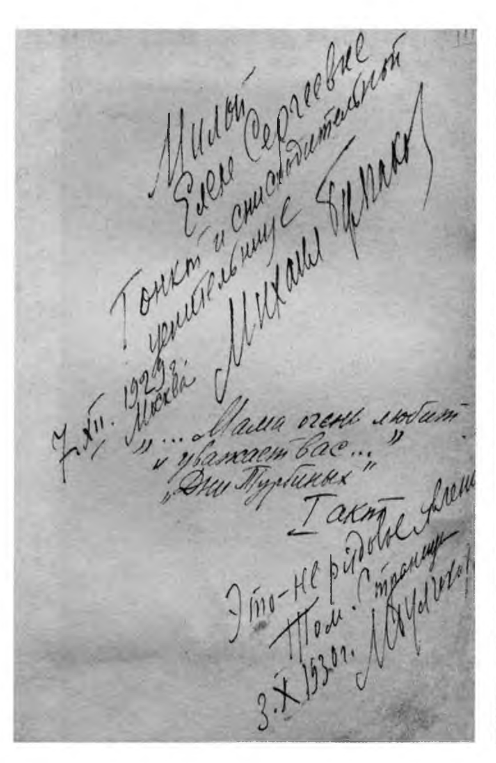
1929

Москва 1930 год 27-го сентября

Муза, муза моя, о лукавая Талия!

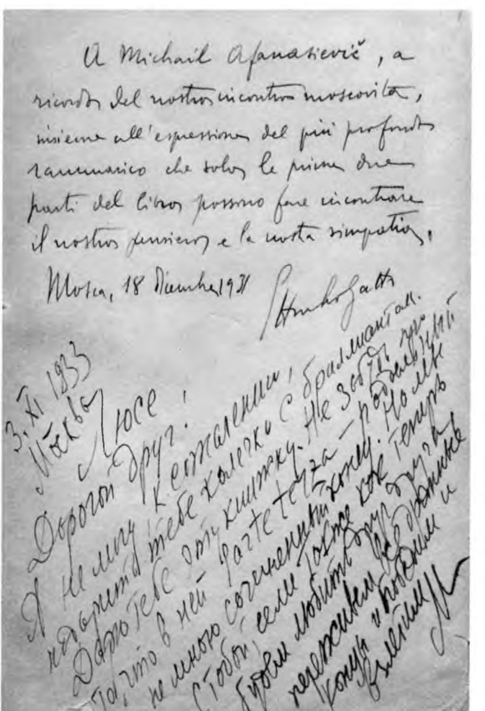
МБ

Ил. 54. Титульный лист второго тома (1929) парижского издания романа «Белая гвардия» с дарственными надписями автора для Е.С. Шиловской.

Милой Елене Сергеевне
тонкой и снисходительной
ценительнице
Михаил Булгаков
7.XII.1929 г. Москва

«...Мама очень любит
и уважает вас...»
«Дни Турбиных»
I акт

3.X.1933 г.

A Michail Afanasievič, a ricordo del nostro incontro moscovita, insieme all'espressione del più profondo rammarico che solo le prime due parti del libro possono fare incontrare il nostro pensiero e la nostra simpatia.

Mosca, 18 Dicembre 1931

E. Lo Gatto

3.XI.1933
Москва

Люсе

Дорогой друг!

Ил. 55. Дарственные надписи Михаила Булгакова для Е.С. Шиловской на первом томе (1927) парижского издания романа «Белая гвардия».

Ил. 56. Дарственные надписи переводчика Э. Ло Гатто автору (1931) и Михаила Булгакова для Е.С. Булгаковой (1933) на итальянском издании романа «Белая гвардия» (1930).

Ил. 57. Михаил Булгаков.
1928 г.
Фото М.С. Наппельбаума.

> Это была удивительная попытка оправдать белое движение путем введения в роман субъективно честных белогвардейцев <...> Из «Белой гвардии» можно сделать тот единственный вывод, что монархическое движение было обречено на гибель благодаря измене вождей. Самая же белая идея рисуется Булгаковым как идея высокого пафоса.
>
> Апология чистой белогвардейщины — таков внутренний смысл романа Булгакова.
>
> Майзель 1929: 45–46

Та же мысль доминировала в посвященной Булгакову статье «Большой советской энциклопедии» (1929):

> В «Белой гвардии» и «Днях Турбиных», изображая белогвардейщину на Украине, лично пережитую автором, он пытается свалить «вину белогвардейства» на генералитет и др<угих> руководителей движения, изображая рядовых белогвардейцев доблестными и политически честными.
>
> БСЭ 1927: 26

Писатель всё же пытался добиться выхода романа отдельной книгой. Издательство «Круг» 25 марта 1926 г. объявило, что готовит «Белую гвардию» к печати; вместе с тем в июне 1926 г. Булгаков вел переговоры с директором издательства «Земля и фабрика» В.И. Нарбутом (1888–1938; см.: Чудакова 1988: 337). Судя по всему, автор не намеревался повторять журнальный текст; переработка же требовала времени. Возглавлявший издательство «Круг» А.Н. Тихонов в письме от 25 февраля 1927 г. спрашивал:

> Дорогой Михаил Афанасьевич.
>
> Ну как же поживает «Белая гвардия»? Намерены Вы ее у нас печатать или нет? Нам это необходимо знать, пора бы Вам раскачаться. Или Вы остаетесь верны себе до конца в своих отношениях с «Кругом»?* Надеюсь, что всё же нам удастся с Вами до чего-нибудь договориться.
>
> Цит. по: Чудакова 1987: 140

* Подразумеваются безрезультатные переговоры осени 1925 г. и весны 1926 г.

М. Горький (псевд. А.М. Пешкова; 1868–1936) 10 марта 1927 г. в письме к А.Н. Тихонову интересуется Булгаковым; 25 марта Тихонов в ответ сообщает: «Работает над романом "Белая гвардия" – переделывает почти заново» (Булгаков 1990: 569). Однако если это свидетельство верно и роман действительно подвергался существенной переработке, то не вполне понятно, во что она вылилась. Текст в БГ-1927 отличается от ЖР лишь незначительно; правку, сделанную в Кр5 и реализованную в БГ-1929, мы имеем возможность оценить воочию: различия есть, но их нельзя назвать кардинальными.

Усечение прежнего замысла могло стимулировать работу Булгакова над другими произведениями. Например, в 1927 г. им был опубликован рассказ «Морфий», ядро замысла которого содержалось во владикавказском прароmане – не исключено, что как раз для дальнейших частей «Белой гвардии» предназначался сюжетообразующий в «Морфии» образ врача-наркомана. Вместе с тем намечавшееся Булгаковым продолжение романа, где речь должна была идти о последующих событиях Гражданской войны, частично реализовалось в пьесе «Бег» (1928), работа над которой шла в 1926–1928 гг. (см.: Чудакова 1987: 140).

Вполне закономерно, что наиболее серьезной переработке подверглась заключительная глава «Белой гвардии». По мнению М.О. Чудаковой, здесь оказала «обратное» влияние пьеса «Дни Турбиных», в которой образ Турбина стал иным, «ассимилировав» романных Малышева и Най-Турса. В «Белой гвардии» Булгаков «<...> убирал личное, биографическое, слишком конкретное, оставляя лишь контур этой важной для романа фигуры, делая ее более *полой* – для заполнения постепенно складывавшимся у читателя романа представлением о высокой, значительной личности самого его автора»; соответственно, Турбин последней редакции – уже не прежний нерешительный и рефлектирующий доктор: «На Турбина из романа лег трагический отсвет гибели Турбина в пьесе» (Чудакова 1987: 142).

Превращая роман «с продолжением» в завершенный текст и «закругляя» повествование, писатель удалил ряд перспективных фабульных мотивов: намечающийся роман Николки с Ириной Най, явную двусмысленность позиции Юлии, приспособленчество Шервинского, близкие отношения Анюты с Мышлаевским и проч. Однако в отсутствие достоверной информации приходится лишь строить предположения о том, когда именно это могло произойти.

Опубликовать роман в СССР в полном виде так и не удалось — вероятно, не в последнюю очередь из-за того, что имя автора «Дней Турбиных» к 1927 г. успело стать одиозным*. Во второй половине 1920-х годов издательская история «Белой гвардии» перенеслась за рубеж.

В европейских странах журнальная публикация романа не осталась незамеченной. Так, рижская газета «Сегодня» 1 августа 1925 г. сообщила: «М. Булгаков, автор напечатанной в нашей газете повести “Роковые яйца”**, печатает теперь в журнале “Россия” новый роман “Белая гвардия”». Парижская газета «Возрождение» 9 ноября 1925 г. информировала:

> Вышел номер 5-й журнала «Россия», редактируемого Лежнёвым. В журнале напечатано продолжение повести Мих<аила> Булгакова «Белая гвардия», описывающей борьбу за Киев в конце 1918 года и занятие Киева Петлюрой. Повесть Булгакова, художественно значительная, будто бы лишена всякой советской тенденции.

С середины 1927 г. фрагменты «Белой гвардии» стали публиковаться в разных странах. Отрывки были помещены в берлинской газете «Руль» (5, 8–9 июня; 20, 22 ноября), в софийской газете «Русь» (9–12, 15, 17 июня; 19–20 октября). Рижская газета «Слово» (1927. 29–30 октября, 1–30 ноября, 1–17 декабря) перепечатала первые 13 глав «Белой гвардии» из журнала «Россия». В том же году фрагменты романа были опубликованы в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» (№ 46. С. 7–8, 10–12), в парижской газете «Дни» (10–11 октября), в нью-йоркской газете «Новое русское слово» (4, 14–15, 22–23 декабря).

---

* Еще до начала публикации «Белой гвардии» писатель попал под наблюдение секретных служб. Характерно, например, суждение агента ОГПУ, сообщавшего об авторском чтении «Собачьего сердца» на заседании «Никитинских субботников» 7 марта 1925 г.: «Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения» (цит. по: Шенталинский 1997: 170). В другом доносе изложено выступление Булгакова на диспуте «Литературная Россия» в Колонном зале Дома Союзов 12 февраля 1926 г.: «Он говорит, что “надоело писать о героях в кожаных куртках, о пулеметах и о каком-нибудь герое коммунисте. Ужасно надоело”. “Нужно писать о человеке”, — закончил свое выступление Булгаков» (цит. по: Шенталинский 1997: 173).

** Повесть «Роковые яйца» печаталась в газете «Сегодня» 31 мая, 4–7, 9–14, 16–20 июня 1925 г.

Газета «Руль» сообщала 14 октября 1927 г.:

> На этой неделе в Париже на русском языке выходит роман «Дни Турбиных», в непродолжительном времени он появится и в Германии на немецком языке[*].
>
> Одновременно с этим парижское издательство, которому принадлежат все права, поручило Б.С. Неволину[**] написать фильмовый манускрипт (конспект сценария. – *Е.Я.*) на тему «Турбиных»[***]. Предполагается не выпускать фильма раньше выхода романа на немецком языке и постановки пьесы в одном из больших берлинских театров.

При этом в рижском «Слове» от 29 октября 1927 г. даны прямо противоположные сведения – информируя о выходе «Белой гвардии» в парижском издательстве «Concorde»[4*] и уже готовых переводах романа и пьесы на немецкий язык, газета сообщала: «<...> выпуск романа и постановка драмы на немецких сценах отложены до момента изготовления фильма того же названия на одной из крупнейших германских кинофабрик» (цит. по: Равдин 2013: 199). Данных о судьбе кинопроекта нет, однако сохранилось письмо Б.С. Неволина от 9 января 1930 г. о неудачной попытке снять фильм в Австрии (см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. № 21).

В конце октября 1927 г. издательство «Concorde» выпустило первую половину романа Булгакова под заглавием «Дни Турбиных (Белая гвар-

---

[*] Возможно, допущена ошибка и подразумевался перевод не романа «Белая гвардия», а одноименной пьесы (см. с. 373 наст. изд.).

[**] Неволин Б.С. – драматург и театральный критик.

[***] Неволин 18 июня 1928 г. направил Булгакову письмо, в котором сообщил, что З.Л. Каганский более года назад предлагал ему переделать роман «Белая гвардия» и пьесу «Дни Турбиных» в фильм, причем в связи с отсутствием заключительных глав романа посоветовал Неволину самому «досочинить» окончание. Неволин интересовался у Булгакова, имеет ли Каганский права на то, чтобы вести переговоры от имени автора; кроме того, просил выслать окончание романа или просмотреть уже сделанное сценаристом exposè (набросок, проспект сценария) – как писал Неволин: «<...> отчасти по роману, отчасти по пьесе, отчасти придуманное мною. Если Вы будете против сделанного мною exposè или вообще против того, чтобы по этому роману делался фильм, то я сочту своим долгом этому подчиниться. Хотя это не гарантирует Вас от того, что другой сделает» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 63).

[4*] «Согласие» (*фр.*).

дия)»[*] (БГ-1927): книга включала гл. 1–11 и часть гл. 12-й ЖР[**]. Следов существенной переделки текста в БГ-1927 нет, расхождения с журнальной публикацией незначительны. На книге указаны адреса издательства (11, rue de la Convention[***], а также типографии Л. Березняка (12, rue Lagrange[4*]).

Обстоятельства появления этого издания неизвестны. Некоторые сведения содержатся в письме В.Л. Бинштока Булгакову от 17 марта 1928 г.:

> В жизни бывают иногда курьезы удивительные. Так как я остался еще на два дня в Париже, то я вчера поехал 11 Rue de la Convention, в эту самую «Конкордию» (Concorde), которая издала 1-й т<ом> Ваших «Дней Турбиных». И там я узнал, что «Concorde» – это фирма немецкая, и владельцем ее является... наш знаменитый... Каганский[5*]. Я говорил с его представителем, неким Альперовичем[6*]. И я узнал от него (а также еще от *двух* русских *серьезных* издателей, с которыми я вчера же говорил), что Вам будет очень трудно издать Ваш *полный* роман за границей, и вот почему: 1) Первая часть разошлась; но довольно медленно; только осенью, кажется, приступят к печатанию второй части. 2) И это самое главное: Ваш роман издан в Риге каким-то жуликом, который *сам сочинил* окончание (см. с. 740 наст. изд. – *Е.Я.*); и продает его как *полный* Ваш роман; и продает его за *10 франков.* С такой ценой ни один

---

[*] Непосредственно перед ее выходом отрывок из романа под заглавием «Взятие Киева Петлюрой» был помещен в берлинской газете «Дни» (1927. 10, 12 октября); публикации предпослано пояснение: «С любезного разрешения издательства “Ко<нкор>д” (Париж) мы печатаем главу из выходящего на днях нашумевшего романа Мих<аила> Булгакова “Дни Турбиных”. Роман этот, как известно, переделан автором в пьесу, которая с исключительным успехом шла в Художественном театре в Москве и недавно была запрещена к постановке» (впрочем, как раз в то время спектакль был вновь разрешен).

[**] Текст БГ-1927 оканчивается визитом доктора к раненому Турбину; последние слова здесь: «– Ладно, – буркнул доктор и боком, как медведь, полез в переднюю».

[***] Улица Конвента, дом 11 (*фр.*).

[4*] Улица Лагранж, дом 12 (*фр.*).

[5*] Информация соответствует действительности: издательская фирма «Concorde» была зарегистрирована 22 августа 1927 г. на имя гражданина Литвы Зуселя (Захария) Каганского, выпустила всего одну книгу – БГ-1927 – и в январе 1928 г. прекратила существование (см.: Мишуровская 2015: 80–81).

[6*] Александр Альперович (1878–?) являлся также одним из совладельцев издательской фирмы Pascal, где печаталась БГ-1929 (см.: Мишуровская 2015: 76, 80–81).

заграничный русский издатель конкурировать не может. Русские книги продаются теперь по 40–50 francs*. Вот причины, по которым, как мне сказали сведущие лица, Вам будет трудно издать Ваш роман теперь за границей. Я этот ответ, конечно, не считаю еще окончательным; и по возвращении займусь Вашим романом. Во всяком случае, я постараюсь его напечатать в одном очень крупном журнале («La Revue des Vivants»**), который нам за него заплатит 12–15 000 фр<анков>. А затем постараюсь его издать отдельной книгой по-французски***. Я беру его с собою в деревню; и по прочтении напишу Вам. Во всяком случае, пока буду Вас просить: *не торопиться* с печатанием его в России.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 56–57

В сохранившемся в архиве писателя экземпляре БГ-1927 (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 1) на контртитул наклеена самим Булгаковым его фотография, сделанная в 1926 г. Р.Л. Карменом. Кроме того, книга имеет ряд авторских надписей, адресованных Е.С. Шиловской (впоследствии Булгаковой, третьей жене писателя; 1893–1970). На переднем форзаце:

Милой Елене Сергеевне
Тонкой и снисходительной
ценительнице
7.XII.1929 г. Москва
Михаил Булгаков

«...Мама очень любит и уважает вас...»
«Дни Турбиных»
I акт

* Франков (*фр.*).

** «Журнал живых» (*фр.*).

*** В письме Булгакову от 17 августа 1929 г. В.Л. Бинshток сообщал, что намерен перевести роман на французский язык для издательства «Fayard» (см.: Мишуровская 2015: 92). В письме брату Н.А. Булгакову от 10 августа 1929 г. М.А. Булгаков поясняет: «Бинshток мой доверенный по печатанию “Белой гвардии” в Париже» (Булгаков 2007–2011/8: 89). Однако перевод так и не был издан (ср. письмо Н.А. Булгакова к З.Л. Каганскому – см. с. 426 наст. изд.).

Это – не рядовое явлении<е>

Том. Страница.
3.X.1930 г.
М. Булгаков

На с. 66 сделано примечание к фразе «За наливным золотистым августом пришел светлый и пыльный сентябрь, и в сентябре произошло уже не знамение, а само событие, и было оно на первый взгляд совершенно незначительно» – при слове «событие» поставлена звездочка, и наискось через всю страницу вписано:

С каковым сентябрьским событием, дорогая Люся, тебя и поздравляю!

В но<ч>ь на 7-е сентября
Москва. 1933 год

На с. 148, в конце гл. 9 на свободном месте имеется запись:

Я Вас!
5.II.31 г. *МБ.*

На заднем форзаце:

Справка<:>

Крепостное право было уничтожено в   году
Москва 5.II.31 г.

Несчастие случилось 25.II.1931 года.

А решили пожениться в начале сентября 1932 года.
6.IX.1932 г.

Эти фразы отражают события зимы 1931 г. – осени 1932 г. Муж Елены Сергеевны генерал Е.А. Шиловский (1889–1952), узнав о ее романе с Булгаковым, 25 февраля 1931 г. потребовал от жены разорвать отношения с писателем. Однако после почти полуторагодовой разлуки новая встреча всё же состоялась – следствием стали развод Е.С. Шиловской с мужем и брак с Булгаковым (записью 7 сентября 1933 г. отмечена годовщина этого события).

Спустя несколько недель после выхода БГ-1927, в ноябре 1927 г. рижское издательство «Литература»[*] без ведома автора выпустило его роман в «полной» версии:[**] в книге воспроизводился (с сокращениями) текст журнальной публикации, а вместо не вышедших в журнале «России» глав заключительные эпизоды были досочинены по тексту пьесы «Белая гвардия»[***]. Судя по сохранившейся расписке (см.: Равдин 2013: 198; Мишуровская 2015: 93), З.Л. Каганский 28 декабря 1927 г. приобрел у «Литературы» 400 экземпляров этой книги по одному латвийскому лату за штуку, после чего пустил их в продажу по демпинговой цене (ср. письмо В.Л. Бинштока – см. с. 437–438 наст. изд.); резонно предположить, что и «финал» был изготовлен если не лично Каганским, то по его заказу (ср. письмо Б.С. Неволина – см. с. 336 наст. изд.).

Книгу открывало предисловие прозаика и журналиста П.М. Пильского[4*] (1876–1941), весьма высоко оценившего талант писателя:

> Литературное счастье сразу осыпало Булгакова своими щедротами. Его имя прогремело. Роман «Белая гвардия» («Дни Турбиных») привлек и захватил общее внимание. Потом советская цензура, нападки большевиков на его пьесу, запреты, купюры, борьба, широчайший успех еще выше подняли интерес к молодому автору.
>
> Литературный бог благословил Булгакова счастливой темой. И роман, и пьеса развертывают одну из самых жутких и трагических картин российской революции. Оба заглавия уместны. Своим двойным наименованием произведение Булгакова вскрывает его авторские цели: на этих страницах встает не только борьба, не толь-

---

* Находилось по адресу: Церковная улица, дом 4а. Владельцем издательства был Карл Расиньш (1886–1974), редактором русского отдела – В.В. Гадалин (наст. фамилия – Васильев; 1892–1959). «Издательство держалось на пиратских перепечатках советских писателей и переводчиков» (Абызов 2006: 152).

** В газете «Сегодня» 21 ноября 1927 г. было заявлено: «Роман появляется впервые в законч<енном> виде» (цит. по: Равдин 2013: 199).

*** Использовался машинописный экземпляр второй редакции пьесы «Белая гвардия», находившийся в рижском Театре русской драмы (см.: Мишуровская 2015: 91), где 5 октября 1927 г. был поставлен спектакль «Семья Турбиных». Одна из картин пьесы – «Бегство гетмана Скоропадского» – опубликована 28 августа 1927 г. в газете «Сегодня».

4* Напечатано также в «Нашей газете» (Рига) 20 ноября 1927 г. Двумя с половиной месяцами раньше, 4 сентября, в газете «Сегодня» была опубликована рецензия П.М. Пильского о пьесе «Дни Турбиных» – «“Белая гвардия” Булгакова и гнев большевиков» (см.: Кульюс 2008: 238–241).

ко история, но и частная, личная жизнь Турбиных, революция проходит в своих отражениях на простой человеческой психике.

И в книге, и на сцене живут люди, потрясенные грозным шквалом, революционной бурей, вихрями российского бунта. Турбины — обыкновенная, средняя интеллигентская семья. В обрисовке этих лиц Булгаков нигде не грешит ни лишним идеализированием, ни односторонностью. Его отношение к своим героям сдержанно и объективно. <...>

В сущности, что рассказывает Булгаков? Он набрасывает картину страданий и мук русского человека, его жертвенность и гибель, трагедию скромного семейства, развал быта под ударами революционных громов. Своих скромных героев он не хочет освещать непременно розовым светом, не скрывает их недостатков, не заставляет нас сочувствовать офицеру Тальбергу, не украшает дела и личную жизнь Мышлаевского, не дарит ни одной лишней красивой черты ни Алексею, ни Николаю Турбиным, ничем не выделяет и не расцвечивает образа Елены. Ее женственность не подчеркнута, ее душа ни на минуту не окрылена одушевлением борьбы и протеста, а все действия, поступки, решения офицеров Турбиных предстают только выполнением долга и спокойного, постороннего зрителя не поражают ни исключительностью, ни картинностью, ни пламенным героизмом, ни безумием отваги. Рисунок Булгакова целомудрен. Его нигде не покидает чувство меры. Он ни в кого не влюблен, ни одно из действующих лиц не вызывает его преклонения и безотчетных хвал.

Вот почему так характерны борьба и гнев большевиков. Их гонения воздвигаются не только против явно враждебных книг, они преследуют не искажение действительности — им нужна льстивая покорность, лобзающая ложь, подкрашенная и разукрашенная тенденциозность, наигранный восторг. С правдой они воюют. Быть честным там — значит быть гонимым. <...>

Решительно: большевикам нечего было страшиться. Они устранены и со сцены, и со страниц книги. И все-таки Булгаков напугал. Чем? Только правдой. Даже скромное, даже осторожное проявление обычных чисто человеческих черт у «белогвардейцев» возмущает советскую власть, возбуждает ее неистовое, бешеное негодование. Большевики не могут допустить даже простой человечности у своего «классового» врага. А Турбины — трогательны.

> Их судьба, их приговоренность, их душевные терзания должны вызывать глубокое волнение не только у тех, кто был свидетелем и участником тех дней, но и у всякого способного сочувствовать чужому страданию, чужой непоправимой беде и чужому великому горю.
>
> Пильский 1927: 7–9

На с. 194 сохраненного писателем экземпляра пиратского рижского издания имеется карандашная надпись рукой Булгакова: «Отсюда начиная – бред, написанный неизвестно кем» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 70. Ед. хр. 5). Об этой книге Булгаков упомянет в письме (июль 1929 г.), адресованном И.В. Сталину, М.И. Калинину, А.И. Свидерскому и М. Горькому: «В г. Риге одно из издательств дописало мой роман “Белая гвардия”, выпустив в свет под моей фамилией книгу с безграмотным концом. Гонорар мой за границей стали расхищать» (Булгаков 2007–2011/8: 86). Однако это письмо (равно как и последующие обращения к правительству) не повлияло на положение писателя, до конца жизни оставшегося «невыездным».

Летом 1928 г. Булгаков вел переговоры с переводчиком из Чехословакии Богумилом Му́жиком (1881–1931) о публикации «Белой гвардии» на чешском языке. В письме от 11 июня 1928 г. Б. Мужик сообщил, что выступает от имени издательства «Мелантрих» («Melantrich») и что роман Булгакова должен выйти в серии «Новая русская библиотека». Б. Мужик писал: «Издание парижское (Concorde) куплю здесь, в Праге, прошу прислать мне только конец, т<о> е<сть> третью часть, то есть всё то, чего нет в парижском издании, так как хотим иметь действительно оригинал» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 19. Ед. хр. 37. Л. 54об., 55об.). Однако появившаяся в 1929 г. в журнале «Воля России» (№ 7. С. 126) информация о выходе «Белой гвардии» в Праге (см.: Bulgakov 1928) содержала примечание: «<...> перевод сделан, к сожалению, по халтурному рижскому изданию этого романа».

На основе того же текста был выполнен польский перевод (см.: Bułgakow 1928) – варшавская газета «За Свободу!» 28 марта 1928 г. сообщила о выходе романа в серии «Польская дешевая библиотека». Эту серию выпускало издательство «Ignis» (*лат.* «Огонь»), но о его контактах с Булгаковым ничего не известно.

Рижское издание легло также в основу перевода «Белой гвардии» на итальянский язык (см.: Bulgakov 1930). Сохраненный Булгаковым экземпляр этой книги (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 3) имеет на форзаце дарственную надпись, сделанную 18 декабря 1931 г. итальянским переводчиком и историком литературы Этторе Ло Гатто (1890–1983): «A Michail

Afanasievič, a ricordo del nostro incontro moscovita, insieme all'espressione del più profondo rammarico che solo le prime due parti del libro possono fare incontrare il nostro pensiero e la nostra simpatia»* (см. ил. 56). О знакомстве с писателем Этторе Ло Гатто рассказывает в воспоминаниях:

> Роман Булгакова «Белая гвардия» попал мне в руки в рижском издании и заинтересовал меня еще и потому, что из эмигрантских газет и журналов мне было известно, что Булгаков считается в основном писателем юмористическим, а это не вязалось с автором истории Турбиных. <...> Я не знал, что третья часть романа, известная мне по рижскому изданию, не публиковалась в России <...> Я узнал об этом лишь когда привез в Москву экземпляр своего перевода романа, чтобы преподнести его Булгакову, а в ответ услышал от него, не помню, с шутливой или иронической улыбкой, что третья часть якобы написана вовсе не им, а выдумана тем, кого касались первые две части, после чего Булгаков пофантазировал немного о приключениях главных героев, закончив их еще более неблагоприятным исходом, чем тот, о котором я узнал позже, когда получил подлинную третью часть.
>
> Ло Гатто 1992: 71

Спустя примерно два года сам автор романа сделал на титульном листе этого итальянского перевода инскрипт для Е.С. Булгаковой:

> 3.XI 1933
> Москва
> Люсе
>
> Дорогой друг!
>
> Я не могу, к сожалению, подарить тебе колечко с бриллиантом. Дарю тебе эту книжку. Не забудь про то, что в ней parte terza** — поддельный, не мною сочиненный конец. Но мы с тобой, если так же, как теперь, будем любить друг друга, переживем все дрянные концы и победим и взлетим.
>
> *М.*

---

* Михаилу Афанасьевичу, на память о нашей московской встрече, с выражением глубочайшего сожаления, что лишь первые две части книги могут вызывать у нас сходные мнения и симпатии (*ит.*).

** Часть третья (*ит.*).

Несмотря на недостатки рижского издания 1927 г., оно было встречено критиками с энтузиазмом и вызвало позитивные отклики:

> Булгаков оказался художником; как художник, очень искренним; как очень искренний, необыкновенно убедительным. Художник всегда опасен этим. Я не знаю, коммунист Булгаков или не коммунист, сочувствующий или не сочувствующий; думаю, что прежде всего он писатель, талантливый писатель и русский писатель. <...> Вглядитесь в семью Турбиных, только пристально, вы не уловите, конечно, очень выпуклых, ярких черт сходства, но какое-то далекое родство с семьей толстовских Ростовых вы уловите, может быть, далекое, смутное, но всё же вы уловите его, хотя бы в Алексее (Николай Ростов), а еще больше в Николке, этом выросшем, перенесенном в другую обстановку и в другие дни, прелестном и милом, юношески восторженном, самоотверженном Пете Ростове. Даже в немце Тальберге есть черточки толстовского Берга.
>
> Асс 1927

Или:

> С этим романом мы, русские эмигранты, должны ознакомиться, не только как с произведением талантливым, оставляющим громадное впечатление в душе читателя, но как с произведением, в котором *подсоветский* писатель бесстрашно подошел к такой «щекотливой», с советской точки зрения, теме и написал о ней без всякой предвзятости. Булгаков *первый* из подсоветских писателей не постеснялся изобразить «белых» людьми, а не каким-то «зверьем», как это принято делать в сов<етской> России, повинуясь повелениям временных «победителей».
>
> Пусть даже автор дает не совсем приятную характеристику «беглецам из Петербурга», которые тысячами, десятками тысяч стекались в Киев в 1918 г. Они автору чужды за их праздную и развратную жизнь. Автору непонятна их ненависть к большевикам, «трусливая, шипящая ненависть из-за угла, из темноты». Но на этом фоне неприязни к «петербуржцам» еще ярче выделяется непредвзятость автора по отношению к истинно белым, к студентам, младшим офицерам, подросткам и юношам из интеллигентных семей, к их геройской, прямой, открытой ненависти.

Булгаков отдает честь этим благородным прапорщикам, поручикам, капитанам, этим бывшим студентам <...>

Хороший, храбрый офицер Студзинский говорит одному из своих друзей-офицеров после того, как белые были разбиты: «Ты упомянул слово “отечество”. *Какое же отечество, когда Троцкий идет? Россия кончена!*»

Теперь мы твердо знаем, что Студзинский ошибся. Троцкий пришел и ушел. «Кончился» Троцкий, но не Россия. За Троцким кончатся и другие.

Белый Крест, символ Воскресения, вновь засверкает в «руках громаднейшего Владимира на Владимирской Горке», и сгинет пятиконечная звезда, символ угнетения и скорби русского народа.

Федоров 1927

Это очень беспристрастно и спокойно, художественно верно написанная хроника Киева в то переходное время, когда дни гетманского режима были уже сочтены, немцы стали разлагаться, а Петлюра и разная окружающая его и его создавшая масса авантюристов уже сменяла на новую анархию время некоторого порядка, созданного в городах немецкой оккупацией.

Самое интересное в книге Булгакова — описание того духа святого самоотвержения, которым была проникнута молодежь, офицерская и юнкерская, в эти дни. <...>

Роман Булгакова пробуждает в душе чувство горечи, смешанной с нравственным удовлетворением и радостью, что мы — русские.

Погодин 1928

В СССР заграничные издания «Белой гвардии» не рецензировались — внимание критиков по-прежнему было сосредоточено на пьесе «Дни Турбиных». Зато за рубежом роман Булгакова как в рижском (пусть искаженном), так и в парижском (пока еще «половинном») вариантах пользовался явным успехом. Например, в варшавской газете «За Свободу!» 29 октября 1927 г. сообщается, что роман «Дни Турбиных (Белая гвардия)» поступил на книжный склад, — а спустя два месяца, 30 декабря 1927 г., говорится: «Роман М. Булгакова полностью распродан». Нью-йоркская газета «Новое русское слово» 1 января 1928 г. призывает: «Требуйте сенсационный роман Михаила Булгакова “Белая гвардия” (“Дни Турбиных”)», — но уже 24 января 1928 г. констатирует:

> Роман М. Булгакова «Дни Турбиных» («Белая гвардия») весь распродан. Дополнительный транспорт должен получиться на днях, и так как книга будет высылаться только по твердому заказу и по очереди поступления таковых, рекомендуем всем желающим получить роман *немедленно* прислать стоимость его – $1,50.

Большинство рецензентов высоко оценили художественные достоинства книги. Отвечая в октябре 1927 г. на вопрос анкеты, проводившейся парижской газетой «Дни» (той самой, которая в 1928 г. будет публиковать письма Булгакова и Каганского), писатель М.А. Осоргин (наст. фамилия – Ильин; 1878–1942), поэты Н.А. Оцуп (1894–1958), В.Ф. Ходасевич (1886–1939), М.О. Цетлин (Амари; 1882–1945) и др. отметили автора «Белой гвардии» как одного из наиболее талантливых писателей Советской России (см.: Янгиров 1999: 52; см. также: Архангельский 1928: 158).

Многих удивляло нетипичное для подцензурного автора отношение к белогвардейцам, которые выведены не в плакатно-карикатурном виде, а нормальными людьми. Так, в рецензии, помещенной в газете «Дни» и подписанной инициалом «А.» (автором, предположительно, был Г.В. Адамович (1892–1973)), говорилось:

> Эта книга, написанная молодым, весьма одаренным беллетристом, не без основания вызвала сенсацию в русском литературном мире. Правда, для сенсации были причины и не связанные непосредственно с выдающимися художественными достоинствами романа. Писатели, которым выпало на долю работать под советским гнетом, не приучили нас к независимости, проявленной автором «Дней Турбиных». Достаточно сказать, что в этом романе многие офицеры Добровольческой армии изображены не злодеями и разбойниками, а вполне порядочными людьми, а некоторые даже героями. Большевики не появляются в романе вовсе. Впрочем, том, выпущенный только что издательством «Конкорд», заключает в себе лишь две первые части романа – действие их заканчивается взятием Киева войсками Петлюры. Что будет дальше – мы пока не знаем.
>
> А. 1927

Упомянув о пьесе «Дни Турбиных» (точнее, сцене бегства гетмана, незадолго перед тем опубликованной в газете «Сегодня»), критик отметил, что «она производит не слишком благоприятное впечатление», а ее тон слегка

напоминает «изобличения “царизма” в последних “исторических” пьесах Ал. Н. Толстого». Элементы подражания А.Н. Толстому (1883–1945) – «<...> притом далеко не лучшим страницам этого столь же талантливого, сколь и неразборчивого и неровного художника <...>» – по мнению автора рецензии, есть и в романе Булгакова:

> Так, 4-я глава 1-й части романа г<осподина> Булгакова даже стилистически очень напоминает начало “Хождения по мукам”. Встречаются в “Днях Турбиных” и проблески грубоватого юмора, часто идущие совершенно вразрез с содержанием (сцена убийства подрядчика Фельдмана). Утомительно-безвкусно беспрестанное повторение совершенно ненужного восклицания «Эх-эх!»
>
> А. 1927

Однако общая оценка остается весьма высокой:

> <...> на недостатках прекрасного романа не приходится останавливаться долго. Он чрезвычайно интересен, свидетельствует о подлинном таланте, а местами достигает большой художественной высоты. Русская литература, по-видимому, может много ждать от Мих<аила> Булгакова.
>
> А. 1927

В рецензии, появившейся несколькими неделями позже, Г.В. Адамович акцентировал связь романа Булгакова с традицией «другого» Толстого:

> В «Днях Турбиных» есть широкий и свободный размах, уверенность настоящего дарования, что оно с чем угодно справится, и та расточительность, на которую только большое дарование способно.
>
> О Булгакове говорили – да и сам он о себе это писал, – что его учителем является Гоголь. Если это и верно, то лишь отчасти. В «Днях Турбиных» ощутительнее гоголевского влияния – толстовское. <...> Только Толстой умел изобразить человека вполне реально – не общий тип, а одно из всюду встречающихся существ – и, изображая, подорвать его множеством мелких, еле заметных черт, из которых каждая неумолимо подчеркивает его слабость. У Булгакова приблизительно такое же отношение к героям. <...>
>
> Никакого искажения, ни малейшего привкуса фальши в его очерках и обрисовках нет, – как это ни удивительно для «советс-

кого» писателя! Его люди – настоящие люди. Иногда он даже изображает с явным и, опять скажу, слегка толстовским сочувствием их простой, порывистый героизм: полковник Малышев, Николка, напоминающие некоторые образы «Войны и мира». Но с высот, откуда ему открывается вся «панорама» человеческой жизни, он смотрит на нас с суховатой и довольно грустной усмешкой. Несомненно, эти высоты настолько значительны, что на них сливаются для глаза красное и белое, – во всяком случае, эти различия теряют свое значение. <…>

Всё, что описывало или изображало борьбу красных с белыми, было до самой крайней крайности лживо, глупо и плоско. Булгаков первый понял, или точнее – вспомнил, что человек есть всегда главная тема и предмет литературы, и с этим сознанием он коснулся революции, в которой до сих пор полагалось видеть только «массы». Испытание революции человеком дало печальные результаты: революция потеряла привлекательность, человек предстал измученным и ослабевшим. С жадностью настоящего художника Булгаков обратил всё свое внимание в сторону побежденных: в несчастиях и поражениях человек душевно богаче и сложнее, щедрее, интереснее для наблюдателя, чем в торжестве и успехах. Мне кажется, «Дни Турбиных» имеют ценность не только художественную, – но и как свидетельство о времени. Это роман не исторический, – но он с историей связан и комментирует он ее умно, зорко и с той «горечью», которая лежит в основе всех несуесловных рассуждений, наблюдений и писаний о жизни.

Адамович 1927: 309–310

Фельетонист и беллетрист А.А. Яблоновский (наст. фамилия – Снадзский; 1870–1934), сам находившийся в Киеве в 1918 г., воспринял созданные в «Белой гвардии» картины глубоко личностно:

Булгаков – человек талантливый; но *подсоветский*, и живет в рабстве. А потому о нем никак нельзя сказать с полной точностью, по чистой совести он это пишет или по цензурным соображениям <…>

Кто бежал от большевиков?

– Сволочь бежала…

Но в какой мере г<осподин> Булгаков прав, и можно ли на всех русских беглецов приклеить этот общий ярлык? Сволочь? Я думаю, что ответом на этот вопрос может служить наличный состав русской

эмиграции, которая вся бежала через Киев <...> Бежали от большевиков и замечательные русские артисты, и прославленные на весь мир композиторы, и лучшие художники, и знаменитые писатели, и выдающиеся профессора, и талантливые инженеры, и блестящие хирурги, и врачи с именами, и генералы, вписавшие свои имена в историю.

Но эту элиту русскую г<осподин> Булгаков не заметил.

Ни Прокофьева, ни Стравинского, ни Кусевицкого, ни Бунина, ни Шмелёва, ни Билибина, ни Добужинского, ни Шаляпина, ни Мозжухина — ничего этого г<осподин> Булгаков не поймал в поле своего зрения, а сказал кратко:

Сволочь бежала: кокотки, подозрительные банкиры, бледные развратницы и продажные журналисты.

Кстати, журналисты стоят того, чтобы о них поговорить с г<осподином> Булгаковым отдельно. <...> Булгаков описывает нас, петербургских и московских журналистов, совершенно запросто и без всякой церемонии.

— Продажные, алчные, трусливые... <...> Как это ни странно, но этим именем г<осподин> Булгаков называет как раз тех журналистов, которые не хотели продаться большевикам и ушли от них куда глаза глядят.

Неужели же вы, мой бедный подсоветский «гражданин», полагаете, что если бы мы захотели продаваться, то не нашли бы среди большевиков покупателей?

Я хорошо знаю мир русских журналистов, но я не видел случая, чтобы продажная душа была куплена большевиками. <...>

«Лучшие перья в России, — говорит Булгаков, — начали <...> поносить большевиков».

Да, это совершенно верно. Начали и продолжают. И в этом смысл и оправдание, и хвала русской журналистике в эмиграции.

Мы — пожизненные враги советчины, и мы не замолчим, пока не умрем. <...> Но при этих условиях еще менее вразумителен покажется другой эпитет г<осподина> Булгакова в применении к русским журналистам: алчные.

Вот уж этого я никак не сказал бы. Где же тут «алчность», если люди ушли от советчины с беженскими котомками за плечами? У многих даже белья не было, потому что по дороге из Москвы в Киев большевики грабили пассажирские поезда и всех проезжающих грабили?

Не назвал бы я наших журналистов и «трусами», как это делает г<осподин> Булгаков.

Во-первых, многие уходили из дорогого отечества под пулями. По неделям жили (с маленькими детьми и женами) в днестровских плавнях, прятались в болотах, укрывались в лесах и под страхом ежеминутного расстрела уползали на животе из «самой свободной страны в мире». <...> Не было мочи оставаться в этом окаянном царстве насилия, гнета, растленного хамства и удушающего рабства.

Куда мы ехали? Куда глаза глядят. <...> Что ожидало нас впереди? Мрак неизвестности. Может быть, пуля.

Может быть, тиф. И наверное — нищета. Но нам казалось, что подметать улицы в Париже, что таскать чужие чемоданы на вокзалах и даже чистить чужие нужники — это великое, это неслыханное счастье в сравнении с «социалистическим строительством» на нашей родине. <...> Нет, это не трусы бросаются с высоты в темное, злое и холодное море с единственной целью — уйти из неволи и сбросить ошейник раба.

Нет, не трусы, г<осподин> Булгаков.

Но не подумайте, однако, что я слишком близко к сердцу принял ваше мимолетное замечание о «продажных, лживых и трусливых» журналистах — но мне очень понравилась ваша книга, которая имеет большой успех в эмиграции, и оттого мне искренно захотелось вынуть кухаркин волос, упавший в тарелку вашего прекрасного, почти белогвардейского супа.

Яблоновский 1927

В целом положительно отозвался о «Белой гвардии» М.А. Осоргин:

В появившемся в Париже издании роман Булгакова не окончен. Что он представляет собою в целом — говорить пока трудно; о том же, *как* он написан, можно судить уже и по напечатанным двум частям.

Фон романа — гражданская война, ее киевский этап (Скоропадский — Петлюра). Скорее всего, это даже не фон, а главное содержание; семья Турбиных, молодых и искренних активных участников белого движения, участвует в романе как бы лишь для оживления его, для того, чтобы не сделать его историческим, не превратить в беллетристическую запись изумительных и тяжких дней Киева накануне взятия его войсками Петлюры. Эпоха гражданской войны

в обработке, пытающейся быть художественной, уже заполнила шкапы современной российской литературы; но художественности всегда мешало отсутствие перспективной дали, невозможность для писателя быть объективным в оценке событий эпохи и в обрисовке характеров ее деятелей. И прежде всего мешала, разумеется, цензура, сквозь сито которой свободно процеживался благородный коммунист, но не мог протискаться его честный противник. Плохо было и то, что за темы эти охотно брались, главным образом, перья беллетристов-агитаторов, коммунистически настроенных, литературно — дешевые, идейно — ничтожные, неспособные к художественному беспристрастию. Еще хуже было, когда по их стопам шли писатели, пытавшиеся приобрести себе паспорт благонадежности печатным отказом от собственного вчерашнего «белогвардейства» и расквитаться с «заблуждениями прошлого» путем цинической над ним издевки; таково, например, «Хождение по мукам» Алексея Толстого, худшее из произведений этого морально нестойкого таланта.

М. Булгакова ни в чем подобном упрекнуть нельзя. Он — по мере сил и таланта — старается быть объективным. Его герои — не трафаретные марионетки в предписанных костюмах, а живые люди. Он усложняет свою задачу тем, что всё действие романа переносит в стан «белых», стараясь именно здесь разобраться и отделить овец от козлищ, искренних и героев — от шкурников и предателей идеи белого движения. Он рисует картину страшного разложения в этом стане, корыстного и трусливого обмана, жертвой которого явились сотни и тысячи юнкеров, офицеров, студентов, честных и пылких юношей, по-своему любивших родину и беззаветно отдававших ей жизнь. Живописуя трагическую обреченность самого движения, он не пытается лишить его чести и не поет дифирамбов победителям, которых даже не выводит в своем романе (по крайней мере, в первых двух его частях). В условиях российских такую простую и естественную писательскую честность приходится отметить как некоторый подвиг — или же, с еще большим удовлетворением, признать, что российская цензура, не перестав быть партийной и охранной, умеет иногда не быть чрезмерно глупой. Впрочем, запрещение пьесы «Дни Турбиных», из романа переделанной, на сцене Моск<овского> Худож<ественного> театра, вызванное ее чрезмерным успехом у публики, свидетельствует о некоторой преждевременности подобных надежд.

Роман читается с большим интересом — но не потому, что автор старается оживить его, со стороны формы, ремизовскими приемами письма и алексее-толстовскими жанровыми выпадами; первое ему слабо удается (надо быть Ремизовым — мало быть подражателем), второе лишь портит общее впечатление. В основном повествовании автор сильнее, чем в отступлениях. Талант его вне сомнения, и в вычурах письма нет надобности (во всех этих «да-с», «так вот-с»). При наличии таланта можно бы и отбросить пережитки пильняковской вульгарщины и расхлябанности стиля; не украшает слога и словарь ругательный. Впрочем, справедливость требует оговорить, что всеми этими чужими «художественными» завоеваниями М. Булгаков пользуется с достаточной умеренностью: лишь дань эпохе своеобразной «свободы печати». Отметить эти недостатки романа хочется потому, что в целом он — крупное явление в литературе последних лет. Издание его нельзя не приветствовать.

Осоргин 1927

Эстетические аспекты затронуты и в рецензии М.О. Цетлина (1882–1945):

Роман «Дни Турбиных» (по крайней мере, в первой своей части, вышедшей за границей) посвящен борьбе добровольцев с петлюровцами за Киев, еще находившийся под властью гетмана. Автор взял два эпиграфа к своему произведению. Один, из «Капитанской дочки» <...> Этот эпиграф очень подходит и к общему состоянию России в то время, и особенно к этим страшным дням киевской зимы 1918 года. Словно реальный холод с замерзающими борцами и символическая метель революции сливаются в одно. Другой эпиграф: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно делам своим...» (так в тексте. — *Е.Я.*), — не лишен, пожалуй, некоторой моральной гордыни. Автор сознает, что пишет не безответственную повестушку, не «беллетристику», не то, что англичане называют fiction. Книга его — художественный документ, свидетельство и суд.

Надо признать, что право на этот гордый эпиграф автор имеет: свидетельство его нелицеприятно, и суд праведен. И если вспомнить, что роман написан в Советской России, еще задыхающейся от ненависти к «белогвардейцам», — то художественное нелицеприятие представляется почти что моральным подвигом. Турбины и

другие «белогвардейцы» не сусальные герои, но и не изверги рода человеческого, а обыкновенные хорошие русские люди, ставшие в эти трудные дни героями. Может быть, автору облегчило его подвиг, подвиг объективности, то, что в Киеве Турбины (если взять это имя как собирательное) боролись не с большевиками, а с столь же ненавистными большевикам, как и сами «белогвардейцы», петлюровцами. Может быть, этим последним обстоятельством и объясняется столь необычный либерализм советской цензуры, пропустившей этот роман. Нам думается, что автором руководила отнюдь не нравственная или политическая, а только художественная совесть. Он правдиво описал то, что видел, пережил, потому что художник, оставаясь художником, не может лгать. Только две-три фальшивые ноты удалось нам уловить в романе. Тема его – даром растраченный героизм молодежи, предаваемой дурными вождями. Нераспорядительность и трусость представителей командования и буржуазии кое-где художественно показаны. Но не надо было автору, уклоняясь от роли художника, прямо «от себя» называть их гадами или выражать сожаление, что они не повешены. Нехудожественным показался нам и пророческий сон доктора Турбина, эти разговоры с Богом о попах, эти большевики в раю, убранном в красное. Такой сон мог видеть солдат, с которым во сне разговаривает Турбин, но не сам Турбин.

Правдиво увидеть и передать то значительное, чем полна эта книга, было задачей нелегкой, требовавшей большого напряжения творческой энергии автора. Порой кажется, что для того чтобы не растрачивать ее, не отвлекать от главной задачи, автор не искал оригинальной формы, а умело приспособил для своей цели разнообразные, взятые у других, приемы. Форма его немного «компилятивна», он пользуется приемами не только крупных писателей, Белого или Ремизова, но и более слабых, вроде Пильняка или Артема Веселого. Острые углы и резкая безвкусица этих приемов как бы слегка отполированы, немного обесцвечены у Булгакова и благодаря этому более приемлемы. Он как бы популяризует Белого или Ремизова и смягчает выверты Пильняка. Как почти у всех, кто писал в России о революции, мы видим у Булгакова шпигующие рассказ обрывки слов, разговоров, песенок. И у него повествование разорвано, как бы прослоено вводными эпизодами, быстрыми мазками, лапидарными общими характеристиками, звукоподражаниями, от-

> рывками из газет, словом, всем тем, что стало расхожей монетой у авторов революционного времени, что идет от Белого и переполняет книги Пильняка, Эренбурга, Артема Веселого и стольких других. Но, очевидно, эти приемы подходят к теме революции: словно революционный хаос писатели хотят выразить хаосом типографским. Надо признать, что приемы эти применяются Булгаковым со вкусом и чувством меры.
>
> Цетлин 1927: 528–530

О бесспорных художественных достоинствах «Белой гвардии» говорил критик Ю.И. Айхенвальд (1872–1928):

> Это – произведение ярко талантливое, оставляющее после себя глубокий след впечатления. Роман сделан очень искусно; легка его постройка, и как прихотливо ни разбросаны его части, прерываясь одна другой, все-таки они собираются сами собою в одно внутреннее целое, и зигзаги писательского каприза не раздражают читателя, а удовлетворяют. Отдельные образы и отдельные сцены необычайно сильны. Фоном для них является Киев в 1918 году – зимний Киев; и город этот оказывается у Мих<аила> Булгакова не только фоном: он живет и самостоятельной жизнью, как особое существо, так что недаром и величают его – слово Город пишут с большой буквы. В сознании, в представлении большинства Киев рисуется летним, зеленым, южным; оттого зимняя оболочка, в которую он одет у автора, и частое, почти как у Блока, упоминание о снеге вызывает в нас сначала какое-то сопротивление, какое-то ощущение, что не к лицу матери городов русских эта необычная белая одежда. Но ничего не поделаешь: именно зимою устроила история то, что описывают «Дни Турбиных», и уклониться от этого было нельзя, тем более что весь роман соткан одновременно как из нитей вымысла, так и из кровавых нитей реальности. Придуманные, только внешне придуманные, психологически живые фигуры связаны в своих судьбах с такими подлинниками, как гетман Скоропадский, Петлюра, полковник Болботун. И вообще, главное действующее лицо «Дней» – это история, русская история, недавняя, еще не остывшая, такая, к которой больно притрагиваться. Болью, телесной и душевной, так же насыщены страницы Булгакова, как и та действительность, которой они посвящены. С 1914 года миром, который и без того давно облюбован страданием,

овладело человеческое страдание исключительное. Оно составило жизненный нерв истории и в эту историю, то есть в неслыханные несчастья, вовлекло огромное количество людей — и детей в том числе. «Детей зачем-то ввязали в это... — послышался женский голос»: так сказано в «Белой Гвардии» по поводу нашей междоусобицы, и этот неизвестно чей женский голос мог бы представлять собою голос совести всего человечества. В страшно горячую, в самую опасную минуту, когда Петлюра уже взял Город и сопротивляться больше нельзя было, и бежал Скоропадский, и немцы не заступились, торжественно вышел из одного дома кадетик, у которого нос был пуговицей и у которого с левой стороны недоставало одного зуба, и большая винтовка сидела у него за спиной на ремне. Этот маленький был один из защитников Великой России. Что лично с ним стало, не досказывает Мих<аил> Булгаков; но гибель его ровесников и тех, кто несколько постарше, видна отчетливо. В этой гибельной междоусобице — на чьей стороне изобразитель «Белой Гвардии», белогвардейской семьи Турбиных? Художника об этом спрашивать не совсем законно, потому что он должен бы быть над обеими сторонами, на высоте объективности. Неделикатно спрашивать об этом именно Мих<аила>Булгакова, напечатавшего свою книгу в России, в стране — не правда ли? — не совсем свободной. Но и без вопросов ясно, к чести автора, что на своих белых героев он, подданный красной власти, сумел посмотреть открытыми и непредвзятыми глазами, сумел увидеть в них просто людей и осветить их не от себя, а из их собственной глубины, имманентно, отнесся к ним по законам их собственного внутреннего мира. Если он их и не принял, то во всяком случае он их понял. Этому соответствует и та характеристика, которую наш романист дает Киеву, когда зимою 1918 года его наполнили толпы беженцев с севера, от ужасов большевизма. Темные краски уделены этим беглецам, среди которых были, между прочим, и «журналисты московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые». Но «бежали и честные дамы из аристократических фамилий». Праздную и развратную жизнь вели эти люди, и большевиков ненавидели они «ненавистью трусливой, шипящей, из-за угла, из темноты». Но зато «ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку» ненавидели большевиков армейские офицеры, и вот им всю честь и внимание справедливо воздает Мих<аил> Булгаков. От прикосновений его пера оживают перед нами образы

этих прапорщиков и подпоручиков, бывших студентов, «сбитых с винтов жизни войной и революцией... в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах» — сами тени, живые осколки разбитой армии, разбитой России. Судьбу некоторых из этих офицеров прослеживает автор. Он делает это в каком-то особом тоне, будто бы слегка развязном, лирико-ироническом, но звучащем все-таки нотою душевного надрыва. Первая же страница романа овеяна элегическим настроением — печалью об умершей «маме»: «мама, мама (так в тексте. — *Е.Я.*), светлая королева, где же ты?» И тихой грустью дышит изображение разоренного человеческого гнезда, биография семьи, в которой молодежи «перебило жизнь на самом рассвете». «Давно уже начало мести с севера, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже», и обыкновенная, не военная, а человеческая жизнь с книгами, с Наташей Ростовой и Капитанской дочкой, с голландским изразцом жаркой печки, с абажуром и стенными часами, с тонкими духами от женских рук — эта уютная жизнь, о которой мечталось на полях мировой войны, не только не начинается, а, наоборот, кругом становится всё страшнее и страшнее. «На севере воет и воет вьюга... восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит всё грозней и щетинистей». Недаром священник, раскрыв заветную книгу, при последнем свете, упадавшем из окна, прочитал таинственное страшное слово: «третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь». Эпопею крови рассказывает Мих<аил> Булгаков. Содержание этой эпопеи таково, что к нему нравственно трудно подходить с эстетическим мерилом, и лишь содрогание можно, кажется, испытывать перед повестью о кровавом человеческом вареве, которое себе на потеху состряпал дьявол. И все-таки невольно подмечаешь у автора большие художественные достоинства, чувство меры, внешнюю и внутреннюю живописность, искусство тонкого портретиста, ряд примечательных тонкостей вообще. Как хорош, например, сон, который видится одному из Турбиных, — разговор вахмистра Жилина с апостолом Петром и Богом! Сдержанной страстностью отличается изложение Мих<аила> Булгакова, богато оно психологизмом и драматизмом. И, бесспорно, не только обыкновенный читатель, но и историк обратится к этой книге, когда ему надо будет восстановлять эпоху 1918 года на

> Украине – гетманщину и ее падение, всевозможные трагические эпизоды, связанные с тогдашними событиями, благородство и героизм иных, низость многих, а главное, главное – эту бесконечную, щедрую гибель молодых и старых, мужских и женских жизней. И еще, сквозь галерею весьма разнообразных и весьма выразительных лиц, написанных даровитой кистью Булгакова, мы, как я уже упоминал, подходим и к лицу Города, к удивительной картине Киева. С увлечением изображены его красоты <...> Но особое впечатление производит сверкающий электрический белый крест «в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке». <...> В той жути, которой проникнута книга Мих<аила> Булгакова, вообще за фактами показывающая мистику, особенное значение приобретает белый сияющий крест Владимира. Вероятно, теперь свет креста потушили и ночью Владимир больше не сияет. Темнее стало на Руси. Не только история, но и художество говорит об этом. Среди других произведений также и «Дни Турбиных» свидетельствуют о том, какие уроны и ущербы, какую страшную убыль нанесла революция не только людям, но и городам России, самому пейзажу ее и природе. Большевизм ударил Россию по лицу. По лицу земли русской разостлалась обида, и клюет русскую землю Птица-Обида.
>
> Айхенвальд 1927

Издание БГ-1927, судя по всему, не оформлялось юридически; однако для выпуска финальных глав, не опубликованных в СССР, требовались добрая воля и сотрудничество автора романа. 4 октября 1928 г. В.Л. Биншток сообщал Булгакову: «Здешнее (парижское. – *Е.Я.*) издательство "Москва" (во главе стоит некий Бреннер[*]) предложило мне издать окончание "Дней Турбиных" на следующих условиях: 1. Издателем являетесь Вы сами. 2. Они принимают на себя все типографские расходы <...>» (цит. по: Мишуровская 2015: 82). Договор Булгакова с Е.А. Бреннером о публикации «Белой гвардии» в Париже был заключен 6 марта 1929 г. (см.: Лурье 1991: 185). Вскоре там вышла вторая книга романа (БГ-1929) с девятью (12–20) заключительными главами. Она включает текст (с изменениями) гл. 12–13 ЖР (за

---

* Б р е н н е р Е.А. (1895–1954). Издательство «Москва» находилось в Париже по адресу: 9, rue Dupuytren (ул. Дюпюитрена, д. 9) и в 1929 г. пользовалось услугами типографии Pascal – одним из ее владельцев был Л. Березняк (см.: Мишуровская 2015: 76, 82), в чьей типографии ранее печаталась БГ-1927.

исключением небольшого начального фрагмента гл. 12, опубликованного в БГ-1927 в составе гл. 11) и не опубликованные в журнале «Россия», но сохранившиеся в Кр5 главы 14—18. Содержавшаяся в Кр5 гл. 19 объемом около 1 а. л. (см. с. 261 наст. изд.) заменена в БГ-1929 двумя гл. 19—20 (в целом около 0,7 а. л.).

Книга вышла «анонимно» — она не несет никакой информации об издателе, но при этом открывается предисловием «От издательства»:

> Выпуская в свет второй, и последний, том знаменитого романа Мих<аила> Булгакова «Дни Турбиных», мы считаем необходимым сказать несколько слов по поводу халтурного издания этого же романа, вышедшего в 1927 году в Риге.
>
> Рижское изд<ательст>во «Литература», выпустившее роман Булгакова без всякого, конечно, разрешения автора, имело только часть романа, отпечатанную в России. Изд<ательств>во не остановилось перед таким «незначительным препятствием», как отсутствие полного текста и конца романа, и поручило какому-то последователю «Графа Амори»[*], а может быть, и ему самому, *исправить первый том и закончить роман...*
>
> «Граф» добросовестно исполнил поручение; роман Булгакова был выпущен в трех частях, причем первый том был чрезвычайно безграмотно искажен и сокращен, а третья часть романа — последние 38 страниц книги — ничего общего с текстом Булгакова не имеет и целиком выдумана халтурщиком...
>
> Таким образом, только теперь, в нашем издании, читатель может ознакомиться с подлинным текстом этого яркого произведения русской литературы последнего десятилетия, принадлежащим перу одного из самых крупных и талантливых современных русских писателей.
>
> Первый том романа с подлинным текстом выпущен в Париже в 1927 году издательством «Конкорд».

Булгаков 1929: 3—4

---

* Граф Амори — псевдоним И.П. Рапгофа (1860—1918), выпускавшего «продолжения» модных книг: «Побежденные. (Окончание романа “Ключи счастья” А. Вербицкой)» (1912), «Финал. Роман из современной жизни. (Окончание произведения “Яма” А. Куприна)» (1913), «Возвращение Санина» (1914) и др.

На титульном листе сохраненного Булгаковым, а затем его вдовой Е.С. Булгаковой экземпляра БГ-1929 (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 2) сделаны надписи рукою автора:

Пишить, пане*.
Милая, милая Лена
Сергеевна!
Ваш *М. Булгаков*
Москва
1930 год
27-го сентября

Муза, муза моя, о лукавая Талия!**
5.II.31 г.
МБ

На с. 73, на верхнем поле:

5.XI.1934 г. *Мое самое большое желание*
выучиться по-английски; тогда
я говорил бы тебе:***

В БГ-1929 имеется помета: «by the author»4*. Но даже если не придавать ей юридического значения, представляется несомненным, что данное издание «Белой гвардии» было де-факто принято Булгаковым. Если о рижском издании 1927 г. писатель высказывался однозначно негативно и не признал его, то парижское издание 1927—1929 гг. подобной реакции не вызвало (по крайней мере, она ни в какой форме не зафиксирована). Булгаков преподнес оба тома будущей жене, вклеив в первую книгу свой фотопортрет, и, согласно устному свидетельству Е.С. Булгаковой, сказал ей о парижском издании: «Если придется когда-нибудь издавать “Белую гвардию” — вот по этому тексту» (цит. по: Чудакова 1976а: 55). Показательно также, что после выхода БГ-1927 и БГ-1929 Булгаков не сделал в тексте никаких исправлений и не пытался в какой-либо форме зафиксировать иную редакцию, например,

* Измененная реплика 1-го бандита (в сцене ограбления Василисы) из пьесы «Белая гвардия» (см.: Булгаков 1990: 97).

** Автоцитата из пьесы «Кабала святош» (см.: Булгаков 2007—2011/5: 9).

*** На этом надпись обрывается.

4* Авторизовано (*англ.*).

финальной главы – по всей видимости, альтернативы для него не было. Между тем к некоторым произведениям писатель возвращался, перерабатывая их: так, в середине 1930-х годов были созданы новые редакции пьес «Зойкина квартира» (1935) и «Бег» (1937). В отношении же своего первого романа Булгаков подобных действий не предпринял; это доказывает, что книжная редакция его устраивала.

В 1929 г. второй том романа под заглавием «Конец Белой гвардии (Дни Турбиных)» вышел также в Риге в издательстве «Книга для всех»: после издания 1927 г. публикация «правильного» окончания имела значение как акт восстановления авторской воли.

Через несколько месяцев после появления БГ-1929 в Париж на постоянное жительство переехал младший брат автора «Белой гвардии», бывший белогвардеец и один из прототипов романного Николки – Н.А. Булгаков, ставший для писателя посредником в делах, в том числе денежных. На рубеже 1920-х – 1930-х годов финансовый вопрос был для Михаила Булгакова критически важен. В письме от 10 августа 1929 г. он просит брата зайти к В.Л. Бинштоку, чтобы забрать причитающиеся в счет гонорара за роман 1100 франков (см.: Булгаков 2007–2011/8: 89); 24 августа 1929 г. инструктирует Н.А. Булгакова, чтобы тот пока хранил деньги у себя (см.: Булгаков 2007–2011/8: 90). 28 декабря 1929 г. Михаил Булгаков настоятельно просит «срочно (если возможно, по телеграфу)» перевести ему полученный от В.Л. Бинштока гонорар (см.: Булгаков 2007–2011/8: 95–96). 16 января 1930 г. писатель вновь обращается к брату, сообщая, что «терпит бедствие»:

> Если есть какая-нибудь возможность прислать мой гонорар (банк? чек? я не знаю как), прошу прислать: *у меня нет ни одной копейки.* Я надеюсь, конечно, что присылка будет официальной, чтобы не вызвать каких-нибудь неприятностей для нас.
>
> Прошу: побывать у Владимира Львовича Биншток<а> (Boulevard Raspail*, 236) и осведомиться – поступает ли гонорар для меня за «Дни Турбиных» (роман)**.
>
> Если гонорар поступил (а он должен быть), получи его у Бинштока *ты.*

* Бульвар Распай (*фр.*).

** Да: если бы Биншток предложил мне послать гонорар таким образом, как он хотел однажды – т<о> е<сть> чтобы я после беготни здесь получил у кого-то вместо причитающихся мне 1000 франков – 80 целковых по его записке, – то скажи, что от этого я категорически отказываюсь. (*Примеч. М.А. Булгакова*).

И уж, пожалуйста, *подумай о том, как помочь мне.* <...>

Прошу: взять у Бинштока и выслать мне прямо в мой адрес два экземпляра окончания моего романа[*]. *Срочно*!

Булгаков 2007–2011/8: 96–97

Михаил Булгаков снова пишет брату 4 февраля 1930 г.:

Мне совершенно необходимы:

1) Еще два экземпляра II-й части романа «Дни Турбиных».

2) 2 экз<емпляра> I-й <части>, выпущенной раньше.

3) 1–2 экз<емпляра> рижского издания[**] (адрес этого издательства![***]).

Если мои деньги у тебя еще на руках, возьми из них, сколько нужно, на покупку книг и переписку со мной. <...> Не сердись за беспокойство. Положение мое трудно и страшно.

Булгаков 2007–2011/8: 98

Н.А. Булгаков частями посылает в Москву гонорар – получение денег подтверждено 19 февраля 1930 г. (см.: Булгаков 2007–2011/8: 99). В письме от 21 февраля Михаил Булгаков вновь говорит о пересылке денег, но вместе с тем просит часть их при необходимости передать младшему из братьев Булгаковых, И.А. Булгакову – «если Ваня бедствует» (Булгаков 2007–2011/8: 101). В письме к Н.А. Булгакову от 7 августа 1930 г. речь, наряду с деньгами, снова заходит о книгах: автор романа просит дополнительно прислать экземпляры парижского издания и экземпляр рижского издания (см.: Булгаков 2007–2011/8: 119).

Откликов на БГ-1929 в СССР фактически не было: «Белая гвардия» вышла в Париже в тот период, когда публикация произведений за границей стала считаться поступком, предосудительным для советского писателя. Но всё же автора романа не включили в одну группу с Е.И. Замятиным (1884–1937) и Б.А. Пильняком (наст. фамилия – Вогау; 1894–1938), злобная кам-

* Писатель 6 февраля сообщил, что «два экземпляра 2-й части "Дней Турбиных"» им получены (см.: Булгаков 2007–2011/8: 99).

** Имеется в виду издание 1929 г.

*** Издательство находилось в Риге по адресу: ул. Бривибас (Свободы), дом 7. Его владельцем или основателем был М.С. Львович, однако в регистрационных документах указывается и другое лицо – некто Лифшиц (см.: Абызов 2006: 182).

пания против которых развернулась в прессе как раз в 1929 г.* Может быть, дело объяснялось тем, что Булгаков уже три года подвергался систематической травле; именно в 1929 г. она пришла к логическому завершению — все пьесы Булгакова были запрещены.

На БГ-1929 отреагировали лишь зарубежные издания. Отношение эмигрантской критики к роману продолжало оставаться позитивным. Так, в газете «Сегодня» появилась новая рецензия П.М. Пильского, который отметил, в частности, значение онирических мотивов в «Белой гвардии»:

> Кроме двух своих названий, эта книга имеет право еще и на третье, более удачное, более проникновенное. Ее имя: «*Сны*». Эти сны снятся всем. <...> Но этого мало. Снами окутан, овеян, отуманен весь роман. <...> Основное настроение этой книги — грусть примирения, вздох о суетности всего проходящего и всего преходящего. Заглавие — «Дни Турбиных». Но дней почти нет. Почти весь роман протекает в ночные часы.

Критик обратил внимание и на технические аспекты:

> Роман не портят маленькие изъяны, а они есть. Прекрасное стремление говорить образами иногда делает их непрекрасными. Неудачно «замочная скважина отозвалась в животе Василисы сиповатым голосом». Неудачно введена вместо кондитерской — «конфетница». Неудачно «погоны уплыли куда-то и растворились в мятели». Неудачно и неправильно выражение: «разлегая на рельсах» и т. д. и т. д.
>
> Но роман — хорош. Это — настоящая литературная вещь, написанная талантливым человеком, и странно было читать в одной из рецензий фразы в защиту Булгакова от подозрений в контрреволюционности. Это адвокатское выступление никому не нужно. Оно не нужно прежде всего самому роману, хотя бы потому, что его надо рассматривать только как художественное произведение, полное правды и символов, а революционен он или контрреволюционен — это тревога для большевиков и политиков — не для критика. Эта

---

* Впрочем, в положившей начало этой кампании статье Б.М. Волина (псевд. И.Е. Фрадкина; 1886—1957) «Недопустимые явления» (см.: Волин 1929) Булгаков упомянут в числе тех, чьи «каверзные и сомнительные» произведения появляются в зарубежных изданиях. Вырезка с данной статьей сохранена в одном из альбомов, составленных Булгаковым (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 594).

защита не нужна и читателю, потому что и ему нужна литература, а не программа и не партия. Эта защита бесцельна, если б даже ею желали оборонить Булгакова от подозрений советской власти.

Предисловие издательства назвало роман Булгакова «знаменитым». Это, конечно, слишком. Ничто не убавится ни у романа, ни у автора от правды, а правда и беспристрастность должны признать «Дни Турбиных» ценной, литературной и поэтической вещью, хорошим беллетристическим произведением, достойным внимания и хвалы.

Пильский 1929

В рецензии «Клочки по ветру» (Сегодня. 1928. 20 января) П.М. Пильский констатирует несомненный успех книги у читателей:

Судьба — шальная женщина. И литературные уделы имеют свои таинственные предначертания. Никто так капризно не гримасничает, как слава. Булгаков!.. Думал ли он когда-нибудь, что ее крылья так любезно зашумят над его головой? Решительно: ни у кого больше нет такой ласковой известности, как у автора «Белой гвардии», потащившей в гору и его «Роковые яйца», и «Дьяволиаду», и целые книги мелких рассказов. <...> Давно о Булгакове разгоряченно спорят театральные рецензии, пишут литературные критики, препирается публика. Нет журнала, нет газеты, обошедших молчанием «Белую гвардию». <...> В чем секрет? Я думаю — в искренности.

Цит. по: Янгиров 1999: 58

В рецензии «“Белая гвардия” Булгакова и гнев большевиков» (Сегодня. 1928. 4 ноября) П.М. Пильский сочувственно говорит о судьбе писателя:

Ежедневно проходить сквозь страшилищ — воистину подвиг... нужно иметь большое терпение, чтоб ежедневно выслушивать эту отъявленную ругань и тоже ежедневно созерцать занесенную над своей головой грязную, но угрожающую длань. <...> Булгаков проходит героический, но страдальческий путь. Что бы ни говорить, как бы ни презирать этих проходимцев — нервы остаются нервами и человек — человеком. Презрение не всегда лечебное средство. Не только удары, но и щипки, но и уколы оставляют свой след. И для Булгакова <...> «Белая гвардия» прочертила стезю мученичества. <...> А с другой стороны: разве это не радость, не истинное счастье сознавать,

что враг разгневан до последней степени, но и бессилен до жалости, разъярен, но и безграмотен, лют, но не когтит. Это большое счастье, это — настоящее удовлетворение.

Цит. по: Янгиров 1999: 58

Несочетаемость таланта автора «Белой гвардии» и той социальной атмосферы, в которой он вынужден жить и творить, подчеркнута в рецензии писателя и журналиста Е.В. Рышкова (1890–1945):

Если есть среди советских писателей большой талант, которого советская тирания губит и, без сомнения, в конце концов погубит, — то это — Михаил Булгаков.

Булгаков органически не может вывернуть шиворот-навыворот по «марксистскому» образцу свою талантливую и чуткую душу.

Угрозами, доносами и ненавистью встретила советская наемная критика первую часть «Белой гвардии», романа, под которым, за малыми купюрами — подписался бы любой белогвардейский писатель. Красная власть потребовала от Булгакова «отдать дань». Бог знает где и как потребовала — быть может, в подвалах Чека. Он дал советскому театру какую-то бездушную, сырую агитмелодраму, а весь пафос своей души отдал второй части «Дней Турбиных». С душевным волнением берет читатель в руки эту книгу — дальнейшая судьба героев (с которыми он свыкся и так полюбил в первой части) всего этого милого, глубоко несчастного «турбинского окружения» — не может не волновать и не захватывать. Как и в первой части, весь роман написан удивительно ровно, с мягким жизненным юмором в самых трагических местах. Ряд отдельных сцен и картин достигают высокого художественного уровня.

II-я часть «Дней Турбиных» запрещен<а> в СССР. Тем больший интерес и значение она имеет для нас.

Рышков 1929: 26–27

Вновь обратился к «Белой гвардии» М.А. Осоргин. Изложив историю с пиратским рижским изданием, он писал далее:

Уже самый факт появления подделки свидетельствует о том, какой интерес пробудил роман в среде зарубежных писателей. Только сейчас появился подлинный текст второго тома романа в издании, разрешенном автором. В России второй том до сих пор не вышел.

Такая любопытная судьба может дать повод заподозрить роман в контрреволюционности, навлекшей на него цензурное запрещение.

Но никакой контрреволюционности в романе Булгакова, конечно, нет. Основной грех романа, очевидно, в том, что он совершенно лишен всякой тенденциозности, что он по-настоящему художественен. Его сюжет — бытовые картины гражданской войны, ее киевский период, эпоха Скоропадского и Петлюры. На ту же тему написаны томы мемуаров, сотни фотографических набросков и неведомое число беллетристических агиток. Булгаков настолько не хотел быть фотографом, что даже не называет Киев по имени, везде оставляя слово Город. Нет в романе и ни одной исторической даты. И, что всего дороже, отрицательные и положительные черты героев романа не зависят от политической их веры. Большинство действующих лиц — участники белого движения; среди них есть благороднейшие души и есть разительные мерзавцы. Прекрасным и честным пером художника-психолога нарисованы фигуры братьев Турбиных и нескольких офицеров: в Николае Турбине, юнкере, много от Пети Ростова, — красивый и кристально чистый образ юноши-патриота. Полковник Най-Турс, оставшийся один у пулемета, чтобы дать возможность уйти юнкерам и студентам сборного отряда, и спасший им жизнь ценой своей жизни, — изумительный образ героя без сусальной лепки. Но всё это — дань художника высокому человеческому духу, а не политической идее.

Отличным художником выказал себя Булгаков и в массовых сценах. Трагический сумбур и бестолковщина киевских дней потребовали особого стиля и путаных красок: немного вспоминается Ремизов, несомненный учитель Булгакова, но не Ремизов перенасыщенный и непонятный читателю, а Ремизов, усвоенный и примененный толковым учеником. Кое-что можно поставить и в упрек автору (напр<имер>, излишек крепких слов, слишком фотографирующих офицерский жаргон, без художественной потребы). Иные сцены, быть может, слишком затянуты. Но эти недостатки искупаются художественной четкостью картин и пренебрежением к тому, как все эти сцены и характеры будут приняты и оценены блюстителями литературно-политической благонадежности. Булгаков предельно правдив, хотя никто не докажет его равнодушия. Идея романа лежит вне партий и программ, в плоскости человеческой правды и совести. Для наших дней это удивительно.

> Было бы очень обидно, если бы к роману Булгакова отнеслись как к «запрещенной в России» книге и в этом увидали его главный интерес. Во-первых, это было бы неверно фактически, так как вторая часть романа ничем не «контрреволюционнее» первой. Во-вторых, именно то и интересно, что Булгакову удалось доказать силу настоящей художественной правдивости: его роман, хотя бы только первый том, и переделанная из романа пьеса всё же терпятся в стране социального литературного заказа и обязательной марксистской тенденциозности; об него обломились копья официальной критики. Автора старались выставить идеологом белого движения; но роман его каждой строчкой доказал, что автор лишь идеолог человеческой чести: стрелы критики ударились в художественную броню, и ложь не пристала.
>
> Роман, конечно, останется в литературе. Вероятно, он займет в ней скромное место — искусной и правдивой хроники. Сейчас, в момент исключительный и в условиях необычных, он кажется выше подлинного своего значения и представляется почти подвигом художника.
>
> Осоргин 1929а

В появившейся вскоре рецензии М.А. Осоргина на третий том книги Этторе Ло Гатто «История русской литературы» («Storia della letteratura russa». Roma, 1929. Vol. 3) высказан упрек за невнимание к творчеству автора «Белой гвардии»: «Есть несколько несомненных пропусков, из которых всего обиднее пропуск имени одного из заметнейших и лучших новых писателей России — Булгакова» (Осоргин 1929б). Возможно, именно под воздействием этого отзыва Этторе Ло Гатто взялся переводить роман на итальянский язык, написав также десятистраничную вступительную статью (книга, как уже говорилось, вышла в 1930 г.).

В рецензии филолога М.Л. Гофмана (1887—1959) подчеркнута эмоциональная напряженность произведения:

> Второй том «Дней Турбиных» изображает кратковременную, но беспокойно-насыщенную, напряженную, тяжелую эпоху петлюровщины — «Пэтурры», эпоху, когда была дешева кровь на червонных полях, когда дикая и жестокая неразбериха царствовала в растревоженной стране, когда пассажиров второго класса высаживали из вагонов и тут же на месте расстреливали только за то, что они ехали во втором классе.

Стихия петлюровской эпохи с погромами, с ее самочинными воровскими обысками, с ее «триманіями» (погонями, арестами; от *укр.* «тримати» – держать. – *Е.Я.*), жестокой ловлей офицеров – составляет тот фон, на котором протекают страшные дни Турбиных; и нужно признать, что автору удались не только отдельные сцены, отдельные эпизоды петлюровщины (ярка картина обыска, петлюровского парада, ловли «шпиона» и проч.), но удалась прежде всего самая стихия жизни и ее тревожный пульс. И всё же роман верно назван «Дни Турбиных»: отдельные люди, отдельная семья, семья Турбиных приковывает к себе внимание читателя, и в описании «Дней Турбиных» более всего сказывается талант Мих<аила> Булгакова. Нельзя без трепетного волнения читать, как волком бежал раненый Турбин и как его спасла Рейсс. Драматизм «Дней Турбиных» около умирающего Алексея Турбина нарастает с первых страниц второго тома – с бреда Алексея <...> В постоянном нарастании тревоги, в большем и большем напряжении та сила художника, которою он держит читателя. Эта напряженность и тревога (и в семье Турбиных, и вне ее – в петлюровском Киеве) доходят до высшей степени при описании умирания Турбина <...> Елена молится (молитва ее, несомненно, самое сильное место в романе) – и по молитве ее совершается чудо – кризис, из которого вышел живым Турбин. Разрешился и кризис романа, закончились и те 47 дней жития «Пэтурры» в Киеве, которые болел Турбин. Последние 20 страниц романа написаны хорошо, но они уже не волнуют так, не приковывают – «Пэтурра» и «Дни Турбиных» кончились, и последние страницы производят впечатление только приставки-концовки.

Гофман 1929

Заключительная фраза дает основание предполагать, что критик был в курсе изменений, которые претерпел замысел «Белой гвардии» и вследствие которых продолжение романа было обрублено.

Журналист и общественный деятель В.М. Левитский (1886–1946), кратко изложив историю публикации романа, писал: «Во втором томе особенно удались Булгакову сцены торжественного чтения первого украинского универсала на площади Софийского собора», – имея в виду эпизод петлюровского парада. Критик акцентировал антибольшевистский, по его мнению, финал «Белой гвардии»: «Из содержания заключительной главы романа становится понятным, почему советская цензура прервала печатание про-

изведения Булгакова: “Велик был год и страшен по Рождестве Христовом 1918-й, — пишет автор, — но 1919-й был его страшнее...”» Процитировав финальный фрагмент и дойдя до последнего слова — «Почему?» — В.М. Левитский подводит итог: «Этим неуместным в советских условиях вопросом и заканчиваются “Дни Турбиных” Булгакова» (Левитский 1929).

На финальные фрагменты обратил внимание также анонимный рецензент пражской газеты «Неделя»:

> Как и в первом томе, здесь «белые» изображены прежде всего как люди, и люди неплохие; есть лучше, есть хуже...
>
> Как и в первом томе, тут тоже льется кровь, кровь белых и красных, кровь человеческая...
>
> «А зачем это было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто.
>
> Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями и крови не останется и следов. Дешева кровь на червоных полях и никто выкупать ее не будет. Никто».
>
> Так заканчивает свой роман М. Булгаков, первый из советских писателей, осмелившийся подойти к «белым» как к людям и вызвавший тем всем известную бурю.
>
> -овъ 1929

Сходную мысль высказал в «Очерках по истории русской культуры» историк и политический деятель П.Н. Милюков (1859—1943), сопоставляя «Белую гвардию» и роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1921):

> <...> написанный с той же точки зрения и с однородным содержанием, роман Мих<аила> Булгакова, тоже побывавшего в эмиграции*, переделанный в пьесу «Дни Турбиных», имел очень большой успех у публики, тогда еще состоявшей в значительной части из членов среды, описанной в романе. Сенсация была вызвана тем, что в объективное изложение Булгаков всё же внес ноту теплого сочувствия жертвам переворота.
>
> Милюков 1931: 426

* Неверная информация о пребывании Булгакова за границей содержалась в статье о нем, помещенной в Большой советской энциклопедии.

Значим также отклик В.Ф. Ходасевича — стимулом стал спектакль Пражской группы МХТ «Белая гвардия», поэтому суждения критика относятся не столько к роману, сколько к пьесе:

> В ней нет не только ни малейшего сочувствия белому делу <...> но нет и сочувствия людям, посвятившим себя этому делу или с ним связанным. Теза Булгакова в конечном счете совпадает с большевицкою <...> об идеологии белой гвардии у булгаковских белогвардейцев нет речи потому, что самой этой идеологии не существует. Белая гвардия гибнет не оттого, что она состоит из дурных людей с дурными целями, но оттого, что никакой настоящей цели и никакого смысла для существования у нее нет. Такова центральная, руководящая мысль Булгакова.
>
> Ходасевич 1931

Последним, по-видимому, обращением к роману в эмигрантской критике 1930-х годов стала статья-некролог П.М. Пильского (см.: Пильский 1940) — год смерти Булгакова совпал с 15-й годовщиной выхода «Белой гвардии» в журнале «Россия».

На родине писателя при его жизни книга так и не была издана полностью. Роман «Белая гвардия» оказался впервые напечатан в СССР лишь через четверть века после смерти автора (см.: Булгаков 1966). В основу публикации была положена парижская редакция, но для исправления содержащихся в ней ошибок потребовалось также обращение к журнальному тексту.

В 1989 г. вышли два обновленных издания «Белой гвардии», одно из которых было подготовлено Л.М. Яновской (см.: Булгаков 1989), другое — М.О. Чудаковой (см.: Булгаков 1989—1990/1); текст романа в них уточнен и за основу по-прежнему взята книжная редакция. Напротив, составитель «сенсационного» издания (см.: Булгаков 1998), как уже говорилось, исходил из принципиального неприятия якобы сфальсифицированного текста БГ-1929, настаивая на приоритетном значении ЖР, дополненной некими машинописными фрагментами. Однако по изложенным выше причинам подобную позицию трудно признать обоснованной.

ПРИМЕЧАНИЯ

История «турбинского цикла» Михаила Булгакова была довольно подробно изучена еще в 1960—1980-х годах (см.: Лурье, Серман 1965; Петрова 1969; Чеботарева 1974; Чудакова 1973; Чудакова 1976а; Чудакова 1987; Чудакова 1988; Яновская 1983; Яновская 1989; Лурье 1989; Лурье 1990; Лурье 1995а; Смелянский 1989). В конце 1980-х — середине 1990-х годов появились дополнительные материалы (см.: Файман 1987; Файман 1991; Грознова 1994; Тинченко 1997; Янгиров 1999), позволившие уточнить ход работы писателя над романом «Белая гвардия», а также одноименной пьесой, позже превратившейся в «Дни Турбиных».

Впрочем, во многих случаях объективные препятствия не могут быть преодолены усилиями исследователей. Архив Булгакова 1920-х годов сохранился очень плохо. Роман «Белая гвардия» в то время был напечатан в СССР не полностью; в истории его публикации немало белых пятен; обстоятельства выхода в 1927—1929 гг. во Франции отдельного издания «Белой гвардии» во многом неизвестны. Рукописи и иные черновики (если не считать таковыми авторские правки в журнальных корректурах) отсутствуют, существенные моменты истории романа не документированы, и о многих событиях приходится судить лишь по косвенным свидетельствам, с большей или меньшей степенью достоверности.

В сущности, все крупные произведения Булгакова так или иначе порождают текстологические затруднения. «Театральный» роман «Записки покойника» (1936—1937) не дописан; от романа «Мастер и Маргарита» (1928—1940) осталось множество черновиков, но по вопросу о том, какой вид

должен иметь окончательный текст, существуют разногласия. Даже относительно благополучный в текстологическом отношении роман о Мольере (1933) традиционно издается не под авторским заглавием: привычное название «Жизнь господина де Мольера» дано вдовой писателя Е.С. Булгаковой (1893–1970) при первой публикации в 1962 г., в то время как прижизненная машинопись озаглавлена «Мольер» (см.: Ерыкалова 1993: 152).

Набор источников текста «Белой гвардии» с точки зрения академической текстологии весьма легковесен: это книжная и незавершенная журнальная публикации, журнальные корректуры с рукописными правками, содержавшиеся в домашнем архиве писателя, а ныне хранящиеся в РГБ.

На сегодня мы располагаем следующими источниками:

1. Книжная редакция – два тома с надписями автора и немногочисленными исправлениями рукой Е.С. Булгаковой:

Булгаков Мих. Дни Турбиных (Белая гвардия). Paris: Concorde, 1927. [Т. 1.] НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 1. (БГ-1927.)

Булгаков Мих. Дни Турбиных (Белая гвардия). Роман. Том второй. Париж, 1929. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 2. (БГ-1929.)

2. «Журнальная» редакция: гл. 1–7 – Россия. 1925. № 4. С. 3–99; гл. 8–13 – Россия. № 5. С. 3–82. (ЖР.)

3. Корректура (гранки) гл. 1–7 ЖР (последняя страница отсутствует); на первом листе – корректорский штамп с датой «29/IX [1924]». Имеется авторская правка чернилами (реализована в ЖР). НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 5. (Кр1.)

4. Корректура гл. 1–13 ЖР (вместо первых страниц – четыре страницы позднейшей машинописи). На титульном листе корректуры гл. 8–13 (Россия. № 5) – корректорский штамп с датой: «23/III [1925]». В тексте корректуры гл. 1–7 (Россия. № 4) – незначительная авторская правка; кроме того, есть подчеркивания синим и красным карандашом и пометы на полях. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 6. (Кр2.)

5. Корректура гл. 1–13 ЖР (вместо первых страниц – четыре страницы позднейшей машинописи). Имеются незначительная авторская правка лиловыми чернилами и пометы красным карандашом. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 7. (Кр3.)

6. Корректура гл. 8–13 ЖР; на первой странице рукой Булгакова надпись: «Корректурный экземпляр». Имеется выборочная (примерно на двадцати страницах) авторская правка черными чернилами. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 8. (Кр4.)

7. Корректура* гл. 14—19 «Белой гвардии» из невышедшего номера журнала «Россия» — 80 страниц набора с правкой черными чернилами и карандашом. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 9. (Кр5.)

8. Машинопись — 21 страница текста без заглавия и признаков авторизации: финальный фрагмент заключительной главы «Белой гвардии», представляющий собой продолжение текста Кр5. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 6. (М.) В 2009 г. документ реставрирован; до реставрации на оборотных сторонах машинописных листов были наклеены газетные вырезки (всего 30 штук) со статьями (1913—1915 гг.) редактора журнала «Россия» И.Г. Лежнёва.

В основу настоящего издания, в соответствии с традицией, положена книжная редакция «Белой гвардии» — единственная полная прижизненная и признанная самим автором публикация романа. Однако еще при подготовке изданий «Белой гвардии» в 1960-х — 1980-х годах был поставлен вопрос о том, что текст БГ-1927 и БГ-1929 не может воспроизводиться стереотипно, поскольку содержит ряд ошибок и неточностей. Для их корректировки изначально использовались тексты ЖР и Кр5; такой же способ применен при подготовке настоящего издания.

Прежде всего, приведены к современным нормам орфография и пунктуация. Исправлены архаичные грамматические формы (далее — примеры из БГ-1927): «с капитаном Сергеем Ивановичем Тальберг» (с. 5); «гувернера наследника, мосье Жильяр» (с. 46); «Ноги ея» (с. 50); «каменным эхо», «пушечным эхо» (с. 100) и т. п.

Книжная редакция содержит ряд ошибок и опечаток, многие из которых очевидны при сопоставлении с ЖР и Кр5. Напр., «вишневые деревья» (с. 6) вместо «вишенные»; «с вихрем» (с. 6) вместо «с вихром»; «в Попелихе» (с. 22) вместо «в Попелюхе»; «со слепу» и «со-слепу» (с. 22) вместо «сослепу»; «партитуру Фауста» (с. 30) вместо «партитуру “Фауста”»; «неугодно ли?» (с. 44) вместо «не угодно ли»; «был на Павле Первом» (с. 47) вместо «на “Павле Первом”»; «в капоре» (с. 50) вместо «в капоте»; «с добрым утром тебе» (с. 83) вместо «тебя»; «как Радамес в Аиде» (с. 100) вместо «в “Аиде”»; «поднимая аргамак на дыбы» (с. 101) вместо «аргамака»; «двухсветный ак-

* На экземпляре стоит штамп типографии товарищества «Кустаресоюз», г. Боровичи (тогда уездный центр Новгородской губернии, ныне районный центр Новгородской области).

товый зал» (с. 102) вместо «двусветный»; «парты стояли рядом» (с. 110) вместо «рядами»; «ваша попытка арестовать своего командира отличает в вас хороших патриотов» (с. 121) вместо «обличает»; в тексте украинской песни — «На в мила гукаты» (с. 127) вместо «Не вмила»; «начали разбираться» (с. 132) вместо «разбегаться»; «маневренные паровозы» (с. 134) вместо «маневровые»; «как у Марселя в Гугенотах» (с. 145) вместо «в "Гугенотах"»; «откуда находились две улицы» (с. 175) вместо «расходились» и др.

В БГ-1927 и БГ-1929 есть недостающие слова, напр. «для защиты матери» (с. 132) вместо «матери городов русских». При этом не все вставки на месте пропусков, сделанные в изданиях романа 1960-х — 1980-х годов, представляются обоснованными; один из таких примеров — фраза «Соткалась из морозного тумана в игольчатом синем и сумеречном» (с. 178), в конце которой традиционно добавлялось слово «воздухе» (подобные случаи отмечаются в примечаниях).

В ряде фраз, по вине автора и/или издателей БГ-1927 и БГ-1929, перепутан порядок слов: «Знаешь, Сережа, нет у меня к тебе уважения, — она значительно сказала красному капору и подняла палец» (с. 51) — вместо «значительно сказала она»; «Город разбухал, лез, ширился, как опара из горшка» (с. 56) — вместо «ширился, лез, как опара».

На с. 159 одна и та же строка набрана дважды, а часть другой пропущена, вследствие чего фраза лишена смысла:

> Пустой хотел уехать, но не успел. Красный обеими руками поднял винтовку и извозчик, нахлестывая круп клячи, — стрельнет в спи тыкаясь и икая, поплелся к нему.
>
> — Знал бы, за пятьсот не поехал, — злобно бурчал извозчик, нахлестывая круп клячи, — стрельнет в спину, что ж с него возьмешь?

Вариант, восстановленный по ЖР:

> Пустой хотел уехать, но не успел. Красный обеими руками поднял винтовку и погрозил ему. Извозчик застыл на месте, и красный, спотыкаясь и икая, поплелся к нему.
>
> — Знал бы, за пятьсот не поехал, — злобно бурчал извозчик, нахлестывая круп клячи, — стрельнет в спину, что ж с него возьмешь?

Имеются и иные недочеты, возникшие при верстке, — напр., неправильное расположение строк в стихотворном тексте:

Идут и поют юнкера
Гвардейской школы! (с. 37) –

вместо:

Идут и поют
юнкера Гвардейской школы!

Здесь перечислены далеко не все крупные и мелкие дефекты (которых немало и в БГ-1929*). Они исправлены в основном путем сопоставления с ЖР и Кр5. Поскольку роман уже являлся предметом текстологического анализа, учтены решения, реализованные М.О. Чудаковой и Л.М. Яновской при подготовке публикаций «Белой гвардии» в 1980-х годах (см.: Булгаков 1989–1990/1; Булгаков 1989).

В ЖР, Кр5 и рукописных правках в других корректурах имеется ряд небольших фрагментов, отсутствующих в БГ-1927 и БГ-1929; наиболее значительные из них (по объему) отмечены в примечаниях. Что касается мелких корректурных правок, они, судя по всему, были сделаны еще до появления книжной редакции; расхождения между ними и текстом БГ-1927 и БГ-1929, скорее всего, свидетельствуют о том, что правки признаны недействительными.

Не все слова и обороты в тексте романа унифицированы, поскольку в ряде случаев вопрос о выборе варианта не может быть решен однозначно.

Булгаков не вполне последовательно употребляет прописную и строчную буквы в обозначающем основное место действия слове «Город /

* Напр., перепутанные строки:
«Лариосик тяжело вздохнул у дверей и выкатил мутные глаза.
– Чем же они были вооружены? – спросил он.
– Вот оно, у каждого свое горе, – прошептал
Вася, у третьего ничего не было?
– Боже мой. У обоих револьверы, а третий...
Николка» (БГ-1929: 79).
Недочет исправлен в первом полном издании романа в СССР:
«Лариосик тяжело вздохнул у дверей и выкатил мутные глаза.
– Вот оно, у каждого свое горе, – прошептал он.
– Чем же они были вооружены? – спросил Николка.
– Боже мой. У обоих револьверы, а третий... Вася, у третьего ничего не было?» (Булгаков 1966: 299).

город», которое выступает то как топоним, то как имя нарицательное. Изменения вносились лишь в бесспорных случаях — напр., в словосочетании «вернулся на Украину в город» (с. 5–6) перед нами явно имя собственное, поэтому строчная буква заменена на прописную. Сходный пример непоследовательного написания — употребление в речи повествователя форм «Михаил Семенович» и «Михаил Семеныч» (с. 140–145); они оставлены без изменений.

Для обозначения внутренней речи персонажей, в отличие от устной речи, Булгаков, как правило, использует кавычки. Однако есть и отступления: так, во фразе «— Что они делают? — остервенело подумал Николка» (с. 167) внутренняя речь оформлена как прямая. Внесены изменения в соответствии с общей тенденцией.

Украинские слова и выражения, которые используют герои «Белой гвардии», Булгаков воспроизводит зачастую в искаженном виде. Эти слова и выражения оставлены без изменений, дан примерный перевод на русский язык.

Имеется ряд проблем, касающихся формальной композиции романа. Так, в БГ-1927 последняя глава обозначена как 11-я, при этом в БГ-1929 перед первой главой по ошибке стоит номер 10 — притом что следующая имеет номер 13. Сквозная нумерация была восстановлена уже при первой полной публикации романа в СССР (см.: Булгаков 1966).

В БГ-1927 (как и в ЖР) после заглавия и посвящения следует надпись «1-я часть романа», а затем идут эпиграфы (как будто они относятся только к первой части, а не к роману в целом). Такое расположение сохранялось и в большинстве публикаций 1960-х –1980-х годов (см.: Булгаков 1966; Булгаков 1973; Булгаков 1989–1990/1), лишь в издании Булгаков 1989 эпиграфы помещены на законное место — после посвящения, перед началом первой части.

Особый вопрос связан с разделением текста романа на части. Граница между первой и второй частями в ЖР и БГ-1927 одинакова: заголовок «Часть II» находится перед гл. 8. При этом обозначение «Часть III» в БГ-1927 или БГ-1929 вообще отсутствует*. В ЖР оно имеется, однако стоит

---

* В заключение текста БГ-1927 написано «Конец второй части», однако перед началом текста в БГ-1929 нет обозначения «Часть третья». При этом в БГ-1929 присутствует помета «Том второй» (такая же — на титульном листе), хотя в БГ-1927 не было надписи «Том первый». Вероятно, под томом в БГ-1929 подразумевался сугубо физический признак — номер книги, не имеющий прямого отношения к авторской композиции произведения.

в тексте гл. 11, между фрагментами, из которых предыдущий завершается фразой «Но не было никакого звонка, и старший брат Алексей пропал <…>», а следующий начинается словами «Уставшему, разбитому человеку спать нужно <…>»; таким образом, граница частей II и III разрезает гл. 11, которая в БГ-1927 заканчивается фразой: «— Ладно, — буркнул доктор и боком, как медведь, полез в переднюю». Кроме того, в неопубликованном фрагменте журнальной редакции (Кр5) перед главой 14 значится «Часть четвертая (окончание)», а перед гл. 18 стоит зачеркнутое «Часть пятая» — судя по всему, первоначальное деление было более дробным. Закрепившаяся же традиционно трехчастная композиция «Белой гвардии», вероятно, объясняется тем, что для издания в журнале «Россия» текст романа оказался разделен именно на три фрагмента.

При подготовке текста романа к публикации в Булгаков 1966 было принято решение переместить обозначение «Часть III» так, чтобы оно оказалось на границе гл. 11 и 12; это положение сохранялось и в последующих изданиях. Однако подобное решение представляется скорее паллиативным.

Как известно, для Булгакова характерен прием «подхвата»: в ряде случаев последнее слово предыдущего фрагмента (главы, части) становится первым словом или темой первой фразы фрагмента следующего (см.: Лесскис 1999: 95*). Этот прием реализован и в «Белой гвардии» — именно таким способом разделены (и вместе с тем «объединены») части I и II: гл. 7 завершается словами «<…> вставал и расходился туман <…>», а гл. 8 открывается подтверждающей фразой «Да, был виден туман». Подобное явление наблюдается также на границе гл. 12 и 13: последние слова гл. 12 — реплика бредящего Турбина «Бррынь... бррынь...», а глава 13 начинается фразой: «“Брынь” в последний раз Турбин услыхал <…>» — следует возвращение в прошлое, повествование приобретает ретроспективный характер. Еще один случай — граница гл. 15 и 16, где «подхват» обозначает перенос в будущее: слова Василисы «многие лета» переходят в пение церковного хора «Многая лета».

При этом следует иметь в виду, что в романах Булгакова глава под номером 13 играет особую роль. В романе «Мастер и Маргарита» она названа «Явление героя»: перед читателем впервые возникают «заглавные» персонажи — пришедший к Ивану Бездомному Мастер рассказывает о себе, истории романа о Понтии Пилате, знакомстве с Маргаритой и дальнейших событи-

* В данной работе приведены соответствующие примеры из романов «Записки покойника» и «Мастер и Маргарита».

ях, приведших героя в клинику Стравинского (см.: Булгаков 2007–2011/7: 167–181). В романе «Записки покойника» название гл. 13 – «Я познаю истину»: Бомбардов открывает Максудову парадоксальную логику театрального бытия, поясняя, в частности, что враждебное отношение деятелей Независимого театра к пьесе Максудова и ее автору объясняется тем, что пьеса им «<...> понравилась чрезвычайно <...> до того, что вызвала даже панику» (Булгаков 2007–2011/5: 486); вместе с тем Максудов осознаёт и провозглашает свою мессианскую роль (причем фиксируется ее гибельность для героя): «<...> я новый! Я неизбежный, я пришел!» (Булгаков 2007–2011/5: 492). Сходным образом в «Белой гвардии» фабула гл. 13 воплощает кульминацию судьбы Алексея Турбина, который находится на грани гибели, но чудесным образом спасен – из-за вмешательства Юлии совершается его второе рождение, но при этом намечается роковое сближение с демоническим Шполянским.

С учетом сказанного, граница второй и третьей частей романа в настоящем издании, по сравнению со сложившейся традицией, «спущена» на одну главу: обозначение «Часть третья» помещено между гл. 12 и 13*.

Автор «Белой гвардии» следует сформировавшейся в литературе 1910-х годов и сохранявшей влияние в первой половине 1920-х годов традиции экспрессивного оформления эпического текста. Подобно А. Белому (романы «Петербург», «Котик Летаев», «Крещеный китаец») и Б.А. Пильняку (роман «Голый год») Булгаков активно использовал визуально-графические приемы – пробелы, отступы, композиционные средства набора. В изданиях романа 1960-х – 1980-х годов эти приемы отражены не целиком; в настоящем издании они воспроизводятся в полном объеме (при этом различные гарнитуры шрифтов введены здесь как элемент оформления, в прижизненных изданиях их не было).

В Дополнениях опубликованы фрагмент ранней редакции романа и финальная глава журнальной редакции, отличающиеся от основного текста «Белой гвардии» и расширяющие представление о творческой истории произведения.

---

* Есть аргумент и в пользу того, чтобы перенести эту границу еще ниже – между гл. 13 и 14. События переломного в истории Города дня 14 декабря 1918 г. начинаются в открывающей часть вторую гл. 8 – а завершаются именно в ретроспективной гл. 13 (хотя формально Юлия привезла Турбина на Алексеевский спуск уже утром 15 декабря); соответственно, гл. 14 открывает новый период в жизни всех основных героев – характерна первая фраза «Они нашлись», показывающая, что единство семьи Турбиных и ее друзей хотя бы формально восстановлено.

Кроме того, в Дополнения включены отрывки из нескольких художественных и мемуарных произведений начала 1920-х годов — эти тексты помогают более наглядно представить ход работы Булгакова над романом.

В Примечаниях отражены встречающиеся в «Белой гвардии» и других публикуемых в настоящем издании текстах исторические, биографические и иные реалии, а также понятия и слова (термины, иноязычные лексемы, диалектизмы, жаргонизмы, устаревшие слова и выражения), которые могут быть неизвестны читателю. К тому же отмечаются наиболее значимые расхождения между основным текстом и другими источниками «Белой гвардии» (прежде всего Кр5).

Комментируя роман, необходимо было учитывать различные аспекты поэтики этого произведения — в частности, сложное взаимодействие автобиографического и интертекстуального (мифологического, литературного и т. п.) слоев. Будучи свидетелем и в определенной степени участником событий, легших в основу сюжета «Белой гвардии», Булгаков мог с большой точностью, в реальных деталях (разумеется, в той мере, в какой позволила бы советская цензура) воспроизвести событийную фактуру 1918 г. Отчасти это сделано писателем; однако главная задача была иной — «Белая гвардия» не исторический роман, в нем важна не столько уникальность конкретного момента бытия, сколько идея циклической повторяемости катастрофических сценариев в мировом процессе. Пафос мира-театра пронизывает художественную реальность, придавая даже драматичным событиям карнавальный, травестийный колорит. Художественный мир романа многослоен: сквозь реальную историю начала XX в. просвечивают мотивы наполеоновской эпохи (Великая французская революция (1789—1799), Отечественная война (1812) и др.) и античной мифологии (топика Троянской войны); в образе Города — Киева — различимы черты не только Древнего Рима и Иерусалима, но также и Москвы (которую добровольцы Дивизиона намерены защитить от «Наполеона»-Петлюры); в образах персонажей наряду с чертами реальных прототипов присутствуют аллюзии на мифологических и литературных персонажей и т. д.

Автор «Белой гвардии», в духе Л.Н. Толстого (1828—1910), приспосабливает исторические события к своей концепции, стремясь акцентировать универсальные нравственно-философские коллизии — прежде всего проблему чести. Этим отчасти мотивирован первый эпиграф «Белой гвардии» из романа А.С Пушкина (1799—1837) «Капитанская дочка» (1833), предваренного эпиграфом «Береги честь смолоду». Показательно также, что мучительный для Алексея Турбина антилозунг из романа Ф.М. Достоевского

(1821–1881) «Бесы» (1871–1872) «Русскому человеку честь – одно только лишнее бремя» воплощен в образе глумящегося ночного кошмара – чуждого убеждениям Турбина, но вместе с тем обнажающего его подсознание.

Волею судеб герои романа оказываются в числе немногих, кого совесть заставляет взять на себя ответственность за судьбу Города. В условиях, когда вчерашние «патриоты» исчезают, главнейшим оказывается вопрос: «Кто же будет умирать?» Подобно роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» (1863–1869; опубл. 1865–1869), в романе «Белая гвардия» на это готовы люди обыкновенные, довольно беспечные и вполне грешные – однако не лишенные совести.

Булгаков показывает, что инстинкт самосохранения присущ всем, но понимается по-разному: одни стремятся в первую очередь сохранить нажитое добро, другие – жизнь, третьи – честь. Поступки, продиктованные честью, не подлежат оценке с точки зрения их эффективности: в подобных случаях важен не результат, а намерение, внутренняя интенция. В условиях исторической «оперетки» герои Булгакова оказываются в «патовой» ситуации, когда никакой поступок не может считаться этически безупречным. Любые проявления героизма бессмысленны с прагматической точки зрения и выглядят донкихотством; поэтому эпизоды, связанные с защитой Города, окрашены трагической иронией. Однако автор романа отнюдь не стремится убедить читателя в том, что перед лицом тотальной катастрофы какие-либо личные усилия бесполезны и самое правильное – позаботиться о собственном спасении. Подлинные герои «Белой гвардии» – это Турбины и им подобные, а не Тальберг и прочие, покидающие Город; симпатии автора не на стороне бегущих, а на стороне остающихся.

Проблемы, мотивы и типажи, воплощенные в первом романе Булгакова*, получили развитие в дальнейшем его творчестве. Поэтому в примечаниях отражен ряд параллелей между «Белой гвардией» и другими произведениями писателя, создававшимися как синхронно с этим романом, так и в последующие периоды жизни. Особый аспект – сходство романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Работа Булгакова над ними охватила, по существу, всю его литературную деятельность: «Белая гвардия», с учетом истории владикавказского «прароман» и парижского издания, знаменует условную первую половину творческой биографии Булгакова, «Мастер и Маргарита» – вторую. Переделка финала журнальной редакции для БГ-1929,

---

* Проблематика «Белой гвардии», система персонажей, историко-культурный и литературный контекст этого произведения охарактеризованы в: Яблоков 1997; Яблоков 2001.

видимо, шла в ситуации начавшейся работы над «романом о дьяволе» или, по крайней мере, в период, когда данный замысел у Булгакова уже возник.

Указанные особенности творческой истории и поэтики романа «Белая гвардия» обусловили тематическую разнонаправленность примечаний.

Михаил Булгаков
Белая гвардия

[1] *Белая гвардия.* – Заглавие возникло, предположительно, в 1923 г. (о предыдущих вариантах см. с. 387–390 наст. изд.). В тексте романа слово «белогвардейский» употреблено лишь однажды, в гл. 8 (см. с. 110 наст. изд.).

Название «белая гвардия» было взято студенческими боевыми дружинами, которые 27 октября (9 ноября) 1917 г. в Москве выступили вместе с юнкерскими и кадетскими отрядами на защиту власти Временного правительства. Бытовало название и на Украине – см. телеграмму М.А. Муравьева (1880–1918), командира группы войск Красной гвардии, пришедшей в январе 1918 г. на помощь участникам организованного большевиками в Киеве восстания против Украинской народной республики (УНР): «Идет уличный бой, защищаются главным образом офицеры, юнкера, белая и черносотенная гвардия» (цит по: Пученков 2013: 14). Осенью 1918 г. в Киеве русским добровольческим дружинам, выступавшим под трехцветным флагом, было разрешено носить русскую форму и кокарды, как у деникинцев, поэтому дружинников называли белогвардейцами (см.: Пученков 2013: 167–168).

Цветовые обозначения вооруженных отрядов разных политических лагерей (красная гвардия, черная сотня) появились в России еще в 1905 г. В годы Гражданской войны (1917–1923) белый цвет воспринимался прежде всего как цвет монархии. Эта традиция восходит к французской истории: белая лилия – символ династии Бурбонов, правившей во Франции в 1589–1792, 1814–1815, 1815–1848 гг. Вместе с тем одно из традиционных именований российского монарха – «белый царь», от Ивана IV Грозного, которого называли так восточные народы (см.: Брокгауз, Ефрон 1890–1907/5: 249).

Политические коннотации эпитета «белый» сочетаются с сакральными: белый – цвет чистоты, святости. Кроме того, действие романа происходит зимой, в «снежном прекрасном Городе» (см. с. 17 наст. изд.). При таком понимании все обитатели Киева суть «белая гвардия», и словосочетание несет двойственную оценку.

[2] *Посвящается Любови Евгеньевне Белозерской.* — Имеется в виду Любовь Евгеньевна Белозерская (1895–1987), вторая жена (пожен. в 1925 г., разв. в 1932 г.) Булгакова. Первая жена писателя (венч. в 1913 г., разв. в 1924 г.) Татьяна Николаевна (в девич. — Лаппа, впоследствии — Кисельгоф; 1891/1892–1982) спустя много лет вспоминала о жизни после развода:

> Булгаков присылал мне деньги или сам приносил. Он довольно часто заходил. Однажды принес «Белую гвардию», когда напечатали. И вдруг я вижу — там посвящение Белозерской. Так я ему бросила эту книгу обратно. Столько ночей я с ним сидела, кормила, ухаживала... он сестрам говорил, что мне посвятит... Он же когда писал, то даже знаком с ней не был...

Кисельгоф 1991: 111;
см. также: Лаппа 2006: 297; Чудакова 1988: 322–323

Между тем сам Булгаков, излагая впечатление от увиденного им номера журнала «Россия» с первыми главами «Белой гвардии», в дневниковой записи под 28 декабря 1924 г. отметил: «Больше всего почему-то привлекло мое внимание посвящение. Так свершилось. Вот моя жена» (Булгаков 2007–2011/2: 453). В один из составленных писателем альбомов с вырезками и другими документами по истории постановки пьесы «Дни Турбиных» (1926) вклеена первая страница журнальной публикации романа, где в посвящении «Любови Евгеньевне Белозерской» фамилия рукой автора исправлена на «Булгаковой» (РО ИРЛИ. Ф. 369. № 75. Л. 1). Посвящение сохранено в парижском издании первой части романа; оно не было вычеркнуто и когда Булгаков подарил книгу своей третьей жене (пожен. в 1932 г.) Елене Сергеевне (в девич. — Нюренберг; 1893–1970).

Однако спустя около 15 лет после смерти писателя, 5 марта 1956 г., его сестра Надежда Афанасьевна Земская (1893–1971) прислала Е.С. Булгаковой письмо, в котором предлагала снять посвящение:

> Я знаю, что были случаи, когда посвящения у него выпрашивали, что он был против посвящений и в последнее время собственноручно снимал все посвящения со своих произведений. Поэтому я думаю, что не надо оставлять посвящений ни на одном из его произведений.
>
> Особо следует сказать о посвящении на печатных экземплярах романа «Белая гвардия». Там стоит «Любови Евгеньевне Белозерской». Когда я впервые прочитала это посвящение, оно было для

меня совершенно неожиданным и даже больше того — вызвало тяжелое чувство недоумения и обиды. Михаил Афанасьевич писал «Белую гвардию» *до* своего знакомства с Любовью Евгеньевной. Я сама видела в 1924 г. рукопись «Белой гвардии», на которой стояло «*Посвящается Татьяне Николаевне Булгаковой*», т<о> е<сть> первой жене брата Миши. И это было справедливо: она пережила с Мишей все трудные годы его скитаний, после окончания университета, в 1916—17 году, и в годы гражданской войны, она была с ним в годы начала его литературной деятельности. Об этом есть свидетельства и в его письмах, и в рассказах начала 20-х гг. Роман «Белая гвардия» создавался при ней.

Поэтому снятие ее имени и посвящение романа «Белая гвардия» Любови Евгеньевне было для нас, сестер Михаила Афанасьевича, и неожиданным, и неоправданным.

Это мое мнение разделяет и сестра Булгакова Вера (в замуж. Давыдова; старшая из сестер; 1892—1973. — *Е.Я.*), которая тоже видела рукопись романа «Белая гвардия» с посвящением Татьяне Николаевне Булгаковой.

Я прошу тебя не оставлять никаких посвящений ни на одном произведении Михаила Афанасьевича, в том числе снять посвящение и с «Белой гвардии».

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 35. Ед. хр. 4. Л. 1—2об.

Позже в адресованной Е.С. Булгаковой недатированной записке Н.А. Земская повторяет:

Я говорила с Верой о посвящении на «Белой гвардии». Без моего напоминания (я нарочно не подсказывала) она сказала, что видела рукопись с посвящением Тасе (Татьяне Николаевне. — *Е.Я.*) и что она была удивлена, когда увидела печатный экземпляр «Белой гвардии». Она считает, что Тася была несправедливо обижена.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 35. Ед. хр. 4. Л. 3—3об.

Однако Е.С. Булгакова не стала ничего менять.

В 1918—1919 гг. Л.Е. Белозерская, как и Булгаков, находилась в Киеве (но тогда они не были знакомы). В начале 1980-х годов она вспоминала, что обстановка Киева 1918—1919 гг. воспроизведена в «Белой гвардии» в существенно смягченном виде: «Там ведь было что-то ужасное! Тогда я ничего не боялась — а *теперь* я вспоминаю то, что видела, — мне даже иногда это снится — вспоминаю, и меня *охватывает страх*!» (цит. по: Чудакова 1988: 97).

[3] *Пошел мелкий снег ~ «Капитанская дочка».* — Неточная цитата из гл. 2 романа А.С. Пушкина (1799—1837) «Капитанская дочка» (1833) (ср.: Пушкин 1994—1996/8—1: 287). Пушкинская тема сохраняла важность для Булгакова на всём протяжении его творчества, от повести «Записки на манжетах» (1922) до пьесы «Александр Пушкин» (1935) и романа «Мастер и Маргарита» (1928—1940). Эпиграф подчеркивает тематическое сходство двух романов, в основе которых — ситуация «русского бунта», образ вышедшего из берегов «моря житейского».

[4] *И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...* — Откр. 20: 12. В отличие от первого эпиграфа указание на источник отсутствует. Показателен эпизод неоконченной повести Булгакова «Тайному другу» (1929), где редактор Рудольф намеревается представить написанный героем-рассказчиком роман в цензуру; ср.: «<...> вынув красный шестигранный карандаш, вычеркнул из эпиграфа “Из Апокалипсиса”» (Булгаков 2007—2011/4: 547); эпиграф, однако, дан по-церковнославянски. Сходная сцена (имя редактора здесь — Илья Иванович Рудольфи) присутствует в романе «Записки покойника» (см.: Булгаков 2007—2011/5: 360). Прототипом Рудольфа / Рудольфи является редактор журнала «Россия» И.Г. Лежнёв (1891—1955) — возможно, подпись под эпиграфом действительно была удалена им из осторожности, во избежание цензурных претензий.

Фрагмент той же цитаты из Откровения Иоанна Богослова также на церковнославянском — «Коемуждо по делом его» (Пс. 61: 13) — является заглавием заключительной части романа Вс. В. Крестовского (1840—1895) «Петербургские трущобы» (1866) (см.: Крестовский 1899—1900/2: 568). Роман Крестовского послужил источником ряда реминисценций в «Белой гвардии».

Наличие эпиграфов из произведения А.С. Пушкина и Нового Завета уподобляет «Белую гвардию» роману Ф.М. Достоевского (1821—1881) «Бесы» (1817—1872): тот имеет два эпиграфа из сходных источников — одноименного стихотворения Пушкина и Евангелия от Луки (см.: Достоевский 1972—1990/10: 5).

Часть первая

1

[1] *Велик был год и страшен год ~ в небе стояли две звезды...* — Показательна рецензия С. Оленева на сборник стихов В.Я. Брюсова (1873—1924) «Миг» (Берлин; Пг., 1922); ср.:

> И было в лето от Р. Х. тысяча девятьсот двадцать второе, а от начала Коммуны пятое, и увидела свет книга по названию *Миг*... И было в ней, в книге *Миг*, страниц числом восемьдесят; а стихов — по названиям их — числом тридцать; а имен богов и богинь, египетских, греческих, римских, христианских — Изида, Киприда, Афродита, Христос, Саваоф и проч<ие> — всего числом с десяток; и царей и цариц — Клеопатры, Соломона, царицы Савской и прочих — числом не менее; и мужей и жен прославленных из всех народов и веков — множество; и столько же было наименований рек, стран, городов, гор, царств и государств.
>
> Оленев 1922: 136

То, что этот текст был известен Булгакову, подтверждается фрагментом ч. 1 повести «Записки на манжетах» (1922): «И было в лето от Р. Х. 1920-е из Тифлиса явление. Молодой человек <...> приехал и отрекомендовался: дебошир в поэзии. Привез маленькую книжечку, похожую на прейскурант вин. В книжечке его стихи» (Булгаков 2007–2011/1: 420).

Зачин «Белой гвардии» перекликается также с романом польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916) «Огнем и мечом» («Ogniem i mieczem»; 1883–1884; см.: Лакшин 1989: 23). Роман Сенкевича повествует об антипольском восстании украинских казаков (1648–1654) под предводительством Богдана Хмельницкого (1595–1657): «Год 1647 был год особенный, ибо многоразличные знамения в небесах и на земле грозили неведомыми напастями и небывалыми событиями. <...> Летом случилось великое затмение солнца, а вскоре и комета запылала в небесах» (Сенкевич 1982: 7).

2 *...звезда пастушеская — вечерняя Венера...* — Планета Венера первой из видимых глазу звезд появляется после заката, вследствие чего и называется «звездой пастухов»: в это время скот загоняют в стойло или выводят на ночное пастбище. В римской мифологии Венера — богиня садов, ее имя употреблялось как синоним плодов. Вместе с тем позднее она была отождествлена с Афродитой, греческой богиней красоты и любви, а также стала покровительницей римлян (см.: МНМ 1991–1992/1: 230–231). Функции богини плодородия позволяют осмыслить Венеру как крестьянскую покровительницу. Такая трактовка соотносится с политической ситуацией в романе: Городу противостоит прежде всего украинское селянство.

3 *...красный, дрожащий Марс.* — В аспекте античных аллюзий просматривается аналогия со стихотворением Ф.И. Тютчева (1803–1873) «Цицерон» (начало 1830-х годов), где закат «кровавой звезды» Рима, под которой

подразумевается Марс, символизирует крах цивилизации (см.: Тютчев 2002: 122; см. также: Лакшин 1966: 15). В трагедии А.К. Толстого (1817–1875) «Смерть Иоанна Грозного» (1866) «кровавая хвостатая звезда» (комета) воспринимается как апокалиптический знак; ср.: «Великий гнев Господь являет ею! | То огненный подъят над нами меч» (Толстой 1969: 81).

Парность двух планет в романе заставляет вспомнить, что Марс, божество войны, традиционно мыслился как супруг Венеры – божества любви (см.: МНМ 1991–1992/2: 120); данный мотив нашел отражение в ряде литературных и живописных сюжетов.

С учетом «астрономической» символики романа подчеркнем, что в Солнечной системе орбита Земли расположена именно между орбитами Венеры и Марса и эти планеты обычно можно наблюдать на ночном небе невооруженным глазом.

[4] *Турбины* – родовая фамилия автора романа: девичья фамилия бабушки Булгакова по материнской линии Анфисы Ивановны (в замуж. Покровской; 1835?–1910). В контексте романа реальная фамилия может интерпретироваться как «говорящая». Поклонница Булгакова библиотекарь Политехнического института в Москве С.С. Кононович, приславшая ему в 1929–1932 гг. несколько писем, в одном из них рассказывала: «Когда я еще ничего не знала о Вас, я впервые увидела на Художественном театре аншлаг “Дни Турбиных”, и сразу подумалось: “Какое хорошее название для пьесы, если она из нашей эпохи – turbare – смущать, возмущать (всплыла гимназическая латынь)”» (Переписка 1995: 234). Фамилия романных персонажей восходит к существительному turbo, turbinis (*лат.*) – «вихрь, ураган, буря» – и в этом смысле близка к собственной фамилии Булгакова (см: Milne 1990: 93), этимологически связанной со значением «беспокойный, приносящий хлопоты»: «Булга – склока, тревога, суета, беспокойство. Булгатить, булгачить – тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить» (Даль 1903–1909/1: 343).

[5] *...белый, мохнатый декабрь.* – Большинство событий романа имеет довольно точные (хотя не всегда соответствующие исторической реальности) датировки; подробнее об этом см. примеч. 1 к гл. 2.

[6] *...елочный дед...* – Имеется в виду Дед Мороз. В рождественской традиции конца XIX в. персонаж, приносящий детям елку и подарки, выступал под различными именами: рождественский дед, святочный старик (дед), елочный дед и др. (см.: Душечкина 2014: 299); распространение имени Дед Мороз в качестве канонического произошло в начале XX в.

[7] *Мама, светлая королева, где же ты?* – Автобиографическая аллюзия: мать Булгакова скончалась 1 февраля 1922 г., что, по воспоминаниям современников писателя и его собственному признанию, послужило толчком к написанию романа (см. с. 383 наст. изд.). Примечательно, что в романе «Мастер и Маргарита» именование «светлая королева» употребляется по отношению к главной героине (см.: Булгаков 2007–2001/7: 298).

Тема смерти матери играет важную роль в одном из значимых для замысла «Белой гвардии» произведений – романе Ю.Л. Слёзкина (1885–1947) «Ольга Орг» (1914), где «полуреальное» физическое существование матери оказывает влияние на характер главной героини. В частности, имеется развернутое в отдельный эпизод детское воспоминание Ольги о кризисе болезни, некогда перенесенном матерью: хотя та выжила, дочь словно не верит в ее «воскресение»; героине кажется, что физически живая (болеющая в течение долгих лет) мать постоянно пребывает на грани жизни и смерти. В ходе развития действия мать действительно умирает (см.: Слёзкин 1922: 74–75, 94). В период, когда создавался основной текст «Белой гвардии» (1920–1924), Булгаков и Слёзкин поддерживали приятельские отношения (см. с. 518 наст. изд.).

[8] *Дочь Елена.* – Главная героиня романа носит имя младшей (четвертой) из сестер писателя – Елены Афанасьевны Булгаковой (в замуж. Светлаевой; 1902–1954); однако основным прототипом явилась третья по старшинству сестра, Варвара Афанасьевна Булгакова (в замуж. Карум; 1895–1954). Ее дочь Ирина Леонидовна Карум (в замуж. Михайловская; 1921–2003) вспоминала рассказы матери:

> Ее первым учебным заведением была Киевская немецкая гимназия (три старшие сестры Булгаковы учились в женской гимназии при Киевской евангелически-лютеранской церкви Св. Екатерины (см.: Дом Булгакова 2015: 20. – *Е.Я.*), где от гимназисток требовались исключительно примерное поведение и «строгая внешность». Мама не вписывалась в эти требования. У нее были очень красивые пышные и вьющиеся волосы золотистого цвета, которые, как считали классные дамы, не соответствовали требованиям и канонам гимназии и отвлекали гимназисток во время уроков. Поэтому маму на уроках сажали на последнюю парту, а иногда даже пытались размочить ее волосы водой, чтобы они не вызывали недовольство посещавших иногда класс инспекторов гимназии.
>
> Карум 2004: 248

Варвара Булгакова совмещала три последних класса в гимназии с занятиями в музыкальном училище, а в 1913 г. стала студенткой Киевской консерватории по классу рояля (см.: Дом Булгакова 2015: 99). Однако не окончила учебу, поскольку 20 июля (2 августа) 1917 г. уехала в Петроград, куда был переведен ее муж Леонид Сергеевич Карум (1888–1968), которому было предписано завершить учебу в Александровской военно-юридической академии, прерванную из-за начала Первой мировой войны (1914–1918; см.: Карум 2004: 248). Третья сестра Булгакова Н.А. Земская в письме к другу семьи историку М.Н. Тихомирову (1893–1965) от 18 мая 1954 г. упоминала о Варваре: «<...> была самая энергичная из нас, веселая, хохотунья, музыкантша, любительница танцев и талантливый преподаватель при этом» (цит. по: Шмидт 1995: 51; см. также: Кисельгоф 1991: 59; Карум 2004: 248; Мягков 2003: 168).

В отличие от героини романа «Белая гвардия» Елены Турбиной, Варвара Карум зарабатывала самостоятельно. Ее муж вспоминал ситуацию осени 1918 г.:

> Денег нам на прожитье стало не хватать. Всё подорожало. Надо было Вареньке поступать на службу. Тут пригодился Млодзяновский (квартирант Булгаковых. – *Е.Я.*). Он устроил Вареньку в продовольственную Управу. Собственно, это была не продовольственная Управа, а Киевский городской продовольственный комитет, помещавшийся в здании Городской Думы.
>
> 18 октября 1918 г. она была принята конторщицей в Отдел распределения.
>
> Благодаря своему характеру и очарованию она сумела упрочить свое положение и прослужила в Продовольственном комитете около года.
>
> МБКЭ 2011: 236; Карум 2004: 249

[9] *Сергей Иванович Тальберг.* – Прототипом романного Тальберга явился Леонид Сергеевич Карум – зять Булгакова, муж его сестры Варвары. Карумы поженились в Киеве 30 апреля 1917 г. (см.: МБКЭ 2011: 223). Летом 1917 г. уехали в Петроград, затем переселились в Москву; 1 июня 1918 г. возвратились из Москвы в Киев (см.: МБКЭ 2011: 229–230), в дом 13 на Андреевском спуске, куда несколько раньше (1 марта) вернулись и Булгаков с женой Татьяной. Приезд В.А. и Л.С. Карумов был вынужденным – об этом В.А. Карум писала Н.А. Земской в мае 1918 г.: «Получили русский и герман-

ский пропуск и завтра едем в Киев. <...> В Москве больше быть нельзя — будет голод» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 20. Л. 5).

В воспоминаниях Л.С. Карума есть сведения о возникшей, по-видимому, в 1918 г. его интимной связи со старшей сестрой жены Верой Булгаковой (см.: Кораблев 1996—1997/2: 18) — это могло быть одной из причин негативного отношения к нему со стороны членов семьи Булгаковых. Т.Н. Кисельгоф вспоминала о Каруме:

> Он вообще неприятный был. Его все недолюбливали. <...> Вообще он нехорошо поступил. Он ведь был у белых. И в Феодосии был у белых. Потом пришли красные, он стал у красных. Преподавал где-то... военную тактику, что ли. Ну, красные всё равно узнали. Тогда он смылся и приехал в Москву к Наде (Земской. — *Е.Я.*). Тут его и арестовали, и Надиного мужа вместе с ним, хотя он партиец был и белых и не нюхал. Но Варя его любила. Она потом Михаилу такое ужасное письмо прислала: «Какое право ты имел так отзываться о моем муже... Ты вперед на себя посмотри... Ты мне не брат после этого...»
>
> Кисельгоф 1991: 60

Показательны также воспоминания Л.Е. Белозерской, второй жены Булгакова:

> Посетила нас <...> сестра М<ихаила> А<фанасьевича> Варвара, изображенная им в романе «Белая гвардия» (Елена), а оттуда перекочевавшая в пьесу «Дни Турбиных». Это была миловидная женщина с тяжелой нижней челюстью. Держалась она как разгневанная принцесса: она обиделась за своего мужа, обрисованного в отрицательном виде в романе под фамилией Тальберг. Не сказав со мной и двух слов, она уехала. М<ихаил> А<фанасьевич> был смущен...
>
> Белозерская 1989: 119

И.Л. Карум поясняла отношение своего отца к Булгакову:

> У него не укладывалось в голове, что работали сестры Михаила Афанасьевича, его жена, а он жил на их счет, ведя фривольный образ жизни! Конечно, в тот период (1918 г. — *Е.Я.*) отношения между папой и Михаилом Афанасьевичем были натянутыми. Но мой отец

ценил талант шурина. <...> Он очень жалел тетю Тасю (жену Булгакова. — *Е.Я.*), к которой М<ихаил> А<фанасьевич> относился высокомерно, с постоянной иронией и как к обслуживающему персоналу...

Цит. по: Чудакова 1988: 76; см. также: МБКЭ 2011: 240

В воспоминаниях «Моя жизнь: Рассказ без вранья» (1965) Л.С. Карум говорит о впечатлении, которое произвел на него роман «Белая гвардия»:

Я знал, что Михаил меня не любит, но не знал действительных размеров этой нелюбви, переросшей в подлость. Наконец я прочел этот злосчастный номер журнала и пришел от него в ужас. Там среди других был описан человек, по наружности и по некоторым фактам похожий на меня, так что не только родные, но и знакомые узнали в нем меня, но морально этот человек стоял очень низко. Он (Тальберг) при наступлении петлюровцев на Киев бежит в Берлин, бросает семью, армию, в которой служит, поступает как какой-то мерзавец. <...> Героиней романа сделана Варенька. Других сестер нет вовсе. Матери тоже нет. Затем описаны в романе все его собутыльники. <...> Собутыльники были описаны довольно точно, но только с благородной стороны, из-за чего впоследствии было у Булгакова много хлопот.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 5–6

Л.С. Карум полагал, что его собственные неприятности при советской власти (неоднократные аресты, тюремное заключение) тоже начались после публикации романа «Белая гвардия» (1925) и постановки «Дней Турбиных» (1926):

Я был очень взволнован, потому что знакомые, узнавая в романе и пьесе булгаковскую семью, должны были узнать или подозревать, что Тальберг — это я. Эта выходка Булгакова имела и эмпирический — практический смысл. Он усиливал насчет меня убеждение, что я гетманский офицер, и у местного, киевского ОГПУ. Ведь «белые» офицеры не могли служить в «красной» армии. Конечно, писатель свободен в своем произведении, и Булгаков мог сказать, что он не имел в виду меня: вольно ж мне себя узнавать, но ведь есть и «карикатуры», где сходство нельзя не видеть. Я написал взволнованное письмо в Москву Наде, где называл Михаила «негодяем» и «подлецом», и просил передать письмо Михаилу.

Как-то я пожаловался на такой поступок Михаила Косте (К.П. Булгаков, двоюродный брат писателя. — *Е.Я.*).

— Ответь ему тем же, — ответил Костя.

— Глупо, — ответил я.

А в общем я жалею, что не написал небольшой рассказик в чеховском стиле, где рассказал бы и о женитьбе из-за денег, и о выборе профессии венерического врача, и о морфинизме и пьянстве в Киеве, и о недостаточной чистоплотности в денежном отношении. <...>

Я видел его после 1924 года один раз. Когда я, потеряв в Киеве и военную и гражданскую службу, приехал в Москву и остановился, как всегда, у Нади, я, поднимаясь по лестнице к Наде, видел его оттуда спускающимся. Мы сделали вид, что не узнали друг друга.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 8–10

Фамилия Тальберг была хорошо знакома киевлянам, причем в период, когда происходят события романа, вызывала малоприятные ассоциации. Ее носил известный в Киеве юрист и историк Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967), который при гетмане П.П. Скоропадском (1873–1945) занимал пост вице-директора Державной варты (департамента полиции) и имел одинаково плохие отношения с петлюровцами и большевиками. Н.Д. Тальберг, как и его начальник, директор варты П.А. Аккерман (ок. 1875 – ок. 1945), обвинялся в коррупции и организации заказных убийств; 9 ноября 1918 г. обоим пришлось подать в отставку. Накануне вступления в город армии Украинской народной республики Н.Д. Тальбергу удалось бежать (см.: Тинченко 1997: 83–84). В эмиграции он стал членом Высшего монархического совета (организация, имевшая цель реставрировать монархию в России), а со второй половины 1920-х годов занялся литературной деятельностью, был автором ряда трудов по истории Православной Церкви: «Церковный раскол» (1927), «Святая Русь» (1929) и др.

Отец Н.Д. Тальберга, правовед Дмитрий Германович Тальберг (1853–1891), с 1887 г. служил профессором в Киевском университете; его брат, журналист Николай Германович (1844–1910), регулярно печатался в газете «Киевлянин», где с 1889 по 1910 г. опубликовал более 860 статей, главным образом по вопросам права.

Критика 1920-х годов отмечала сходство образов Тальберга и Берга — персонажа романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»: при похожих немецких фамилиях оба психологически чужеродны семьям (соответственно Турбиных и Ростовых), с которыми породнились (см.: Асс 1927). Реминис-

ценции из романа-эпопеи Толстого в «Белой гвардии» многочисленны. По воспоминаниям писателя Э.Л. Миндлина (1900–1981), Булгаков относился к Толстому почти с сакральным почтением (см.: Воспоминания 1988: 155–156).

[10] *...старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину...* – В образе Алексея Турбина отражены черты самого автора романа. Согласно записи, сделанной литературоведом П.С. Поповым (1892–1964) во второй половине 1920-х годов, Булгаков вспоминал: «Жил в Киеве безвыездно с февраля м<есяца> 1918 по август 1919 года» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1). Однако автобиографическое начало в «Белой гвардии» не следует абсолютизировать: Булгаков пишет не семейную хронику и в ряде случаев изменяет реальное положение вещей. Так, детей в семье Булгаковых было не трое, как младших Турбиных в «Белой гвардии», а семеро – три брата и четыре сестры (Михаил являлся старшим). В годы Первой мировой войны автор романа не участвовал ни в каких «походах» – лишь около трех месяцев в 1916 г. был врачом в прифронтовом госпитале. Затем с сентября 1916 г. по сентябрь 1917 г. Булгаков служил врачом в селе Никольском Смоленской губернии, а с сентября 1917 г. по февраль 1918 г. – в больнице города Вязьмы, откуда 1 марта 1918 г. приехал в Киев, причем не один: к этому времени Булгаков (в отличие от главного героя «Белой гвардии») был уже около пяти лет женат. Кроме того, как явствует из воспоминаний Т.Н. Кисельгоф и Л.С. Карума, в 1917–1918 гг., в том числе по приезде в Киев Булгаков страдал морфинизмом (см.: Кисельгоф 1991: 52, 57; МБКЭ 2011: 240) – в «Белой гвардии» соответствующего мотива нет. Таким образом, несмотря на автобиографичность романа и наличие у ряда его персонажей более или менее достоверных прототипов, фактология изображенных характеров и событий во многих случаях является лишь художественной иллюзией.

Характерно, что в одной из редакций романа Алексей Турбин был не врачом, а военным; в «Белой гвардии» герой поступает врачом в артиллерийский дивизион, а в пьесе «Дни Турбиных» вновь превратится в полковника-артиллериста. В составленном Булгаковым альбоме вырезок, посвященном истории постановки «Дней Турбиных», после поздравительной телеграммы (1933) актеру МХТАа Е.В. Калужскому, игравшему роль Студзинского, вклеен документ со следующим рукописным текстом:

> Киев. 1918 г. 25 декабря. Командир Дивизиона полковник А. Турбин.
> *PS.* Приказ № 1175. Исполнить немедленно.

> Ответственность возлагаю на старшего офицера Дивизиона штабс-капитана А.Б. г<осподина> Студзинского.
>
> Полковник *А. Турбин.*
>
> РО ИРЛИ. Ф. 369. Оп. 77. Л. 27

Неизвестно, подлинный это документ или выполненная ради шутки подделка, однако он намекает на реального человека, с которым у романного персонажа имеются общие черты. Полковник-артиллерист Алексей Петрович Турбин в 1918 г. был помощником начальника Главного артиллерийского управления в армии гетмана Скоропадского (см.: Монкевич 1995: 74). В годы Гражданской войны служил в Белой армии, получил звание генерал-майора; в 1920 г. вместе с войсками генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля (1878–1928) покинул Севастополь, в эмиграции жил в Югославии (см.: Волков 2012/2: 520). Можно предположить, что черты этого полковника-артиллериста по имени Алексей Турбин также отразились в образе главного героя «Белой гвардии».

Писатель В.П. Некрасов (1911–1987), опубликовавший в 1967 г. в журнале «Новый мир» (№ 8) очерк «Дом Турбиных», в котором дом 13 по Андреевскому спуску в Киеве был «открыт» как прообраз дома в романе «Белая гвардия», в более позднем эссе «Городские прогулки» (1970) приводит письмо одной из читательниц:

> Моя мать в 1918 году жила в Киеве <...> и была близко знакома с артиллерийским офицером (в чине полковника) Алексеем Петровичем Турбиным.
>
> Еще в 1933 году, посмотрев пьесу Булгакова, она считала, что Алексей Турбин очень похож на того человека, которого она знала, и хотела узнать у Булгакова, действительно ли Булгаков «списал» его с живого человека. <...> Последний раз моя мать видела его в Севастополе перед бегством белой армии за границу.
>
> Некрасов 1988: 19

[11] *...в Город...* – Имеется в виду Киев, который был родным городом Булгакова. Замена реального топонима на «Город» и тот факт, что Киев в IX–XIII вв. являлся столицей крупного древнерусского государства, позволяет провести аналогию с Римом периода упадка. Одним из именований античного Рима было Urbs (*лат.*) – «город». Ср. также формулу «Urbi et orbi» (*лат.*) – «Граду и миру», – которой начинались важные послания в

Древнем Риме, а в настоящее время открываются папские благословения. Как и Рим, Город в романе противопоставлен остальному миру — «<...> невидимым и бескрайним пространствам, из которых стекается сила Петлюры» (Чудакова 1976а: 129). В этом аспекте «<...> петлюровщина — не что иное, как бунт давно покоренного варварского племени, нашествие варваров на Рим, война мировой деревни против мирового Города» (Каганская 1991: 95).

Символический, обобщенный образ Города в «Белой гвардии» ассоциируется с заглавием сборника повестей Н.В. Гоголя (1809–1852) «Миргород» (1835) — «город-мир» — и метафорически обозначает не только Рим, но и Иерусалим; ср. традиционную этимологизацию топонима Иерусалим: «мир-город» (см.: Вайскопф 1993: 215). «Всё, что несет на себе черты оперетки — жанра имперского и сомнительного, — относится к Киеву-Риму. Всё, отмеченное Апокалипсисом, жанром, несомненно, эсхатологическим, принадлежит Киеву-Иерусалиму» (Петровский 2001: 272–273).

[12] *Алексеевский спуск.* — Имеется в виду Андреевский спуск в Киеве, название которому дано по имени храма в честь Андрея Первозванного — «<...> первого из двенадцати апостолов Христовых» (ППБЭС 1992: 163–164), который, по преданию, проповедовал христианство русским язычникам и поставил крест на Киевских горах (ПВЛ 1950: 12). Вымышленное название спуска напоминает о другом христианском святом — Алексии человеке Божием — и вместе с тем отсылает к имени Алексея Турбина, обозначая «вектор», по которому движется судьба героя.

В доме 13 по Андреевскому спуску семья Булгаковых жила с конца лета или начала сентября 1909 г. по декабрь 1919 г. Квартира была выбрана, когда глава семьи Афанасий Иванович Булгаков (1859–1907; подробнее о нем см. примеч. 33 к гл. 1) был уже тяжело болен (впоследствии прожил меньше года); его вдова, мать писателя Варвара Михайловна Булгакова (1869–1922), рассказывала, что их предостерегали от переезда в дом с несчастливым номером (см.: Дом Булгакова 2015: 13, 80).

[13] *Подол* — исторический район в Киеве у подножия холмов на берегу Днепра.

[14] *Церковь Николая Доброго.* — Имеется в виду храм Николая Доброго, располагавшийся вблизи Андреевского спуска (современный адрес — Покровская улица, дом 6), построенный в 1907 г. по проекту архитектора А.И. Меленского. В 1935 г. храм был разрушен, уцелела лишь колокольня; в 1992 г. в ней был сооружен алтарь, колокольня освящена как храм Св. Николая (относится к приходу Украинской греко-католической церкви).

[15] *...на Взвозе.* — Взвоз — дорога в гору от реки; здесь: Андреевский спуск, в романе названный Алексеевским (см. примеч. 12 к гл. 1). Взвозом могла также называться пересекающая Андреевский спуск улица Боричев Ток — ср. в «Повести временных лет»: «Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ» (ПВЛ 1950: 12–13).

[16] *Когда отпевали мать, был май...* — Смерть матери Турбиных совпадает с уходом матери Булгакова Варвары Михайловны из семейной квартиры на Андреевском спуске (дом 13, квартира 2): В.М. Булгакова с младшей дочерью Еленой перешла на квартиру своего фактического второго мужа (венч. в 1920 г.) Ивана Павловича Воскресенского (1873–1966), находившуюся неподалеку (Андреевский спуск, дом 38, квартира 1). До этого в доме 13, помимо вернувшихся в Киев 1 марта 1918 г. Булгакова с женой, вместе с матерью В.М. Булгаковой жили сестры писателя Вера и Елена, братья Николай (1898–1966) и Иван (1900–1968), а также их двоюродный брат со стороны отца Константин Петрович Булгаков (1894–1985); 1 июня 1918 г. приехали сестра Варвара с мужем (см.: МБКЭ 2011: 230).

Некоторое представление о том, как жила семья Булгаковых в мае 1918 г., дает письмо Веры Булгаковой к Варваре Карум из Киева в Москву от 1 мая 1918 г. Поздравляя сестру с первой годовщиной свадьбы, Вера сообщает, что вскоре откроется дачный сезон, но в Бучу (поселок под Киевом, где у Булгаковых была дача, которая в декабре 1918 г. оказалась случайно или намеренно сожжена петлюровцами; см.: МБКЭ 2011: 237) поедут лишь мать, Елена и, может быть, Николай и Иван: «Миша, Тася, Костя и я остаемся в городе» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 20. Л. 1–2об.). Кроме того, имеется приписка для дяди со стороны матери Николая Михайловича Покровского (1868–1941): «Сейчас у нас в доме царит утомление до последней степени. Мы 2 месяца без прислуги. Готовим по очереди, по дежурствам. Мама дошла до последней степени утомления физического и нервного. Финансовый вопрос совсем заел» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 62. Ед. хр. 20. Л. 1–2об.). Т.Н. Кисельгоф вспоминала весну 1918 г. так: «Горничной в доме уже не было. Обед готовили сами — по очереди. После обеда — груда тарелок» (Воспоминания 1988: 115). Вместе с тем мать писателя, рассказывая дочери Надежде в письме от 16 марта 1919 г. обстоятельства своего переселения к Воскресенскому, упоминает про кухарку Груню:

> <...> квартира так уплотнилась, что пришлось подумать уже о разделении. Летом вопрос разрешился просто: я с младшими детьми уеха-

ла на дачу, а старшие остались в моей квартире в Киеве, т<ак> к<ак> они все имели службу. Там составилась К° на паях из Миши с Тасей, Леонида (Варя жила со мной на даче), Веры и Кости. Миша открыл у себя прием: ему нужен стал кабинет, приемная и спальня, понемногу практика наладилась; Леониду с Варей комната, Вере комната и Косте комната. Когда кончился дачный сезон, никому не удалось ничего отыскать в смысле помещения. А мне было жаль нарушать их наладившуюся жизнь, и я уступила им свою квартиру со всей обстановкой и Груней. Сама хотела было остаться на даче с младшими, но сообщение с Киевом постепенно нарушалось, и на дачах было не совсем спокойно. Иван Павлович с Мишей категорически восстали против моего житья на даче, и я убедилась, что детям трудно ежедневно ездить в Киев... я приняла предложение Ивана Павловича переселиться с младшими детьми к нему... теперь мы живем на две квартиры, имея постоянные сношения друг с другом.

Дом Булгакова 2015: 113–114

И.П. Воскресенский в качестве врача бывал в доме Булгаковых во время болезни А.И. Булгакова, затем стал семейным врачом, к услугам которого Булгаковы обращались постоянно (см.: Дом Булгакова 2015: 162). В 1910-х годах Воскресенский служил врачом Александровского детского приюта (см.: Весь Киев 1915: 567).

По воспоминаниям Т.Н. Кисельгоф, Булгаков изначально был против отношений матери с будущим отчимом, начавшихся, по-видимому, еще до того, как Михаил поступил в университет. По словам дочери домохозяина И.В. Кончаковской (1902–1985; подробнее о ней см. примеч. 7 к гл. 2), В.М. Булгакова долго не оформляла брак с И.П. Воскресенским, не желая потерять пенсию, которая была назначена ей после смерти А.И. Булгакова (см.: МБВС 2014/1: 228). Венчание В.М. Булгаковой и И.П. Воскресенского состоялось 5 июля 1920 г.; через несколько дней брак был зарегистрирован и в отделе ЗАГС (см.: Дом Булгакова 2015: 162–163).

Т.Н. Кисельгоф утверждала, что Булгаков не изменил позицию и тогда, когда В.М. Булгакова и И.П. Воскресенский поженились: «Я знаю, что он очень переживал» (Кисельгоф 1991: 26, 58). Между тем последнее письмо Булгакова к матери от 17 ноября 1921 г. завершается словами: «Ивана Павловича целую крепко» (Булгаков 2007–2011/8: 30). В письме к сестре Вере от 23 января 1923 г., написанном примерно через год после смерти матери, Булгаков проявляет теплую заботу об отчиме:

> Я думаю, что ты и Лёля (сестра Елена. — *Е.Я.*) вместе и дружно могли бы наладить жизнь в том угле, где мама налаживала ее. Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что лучше было бы и Ивану Павловичу, возле которого остался бы кто-нибудь из семьи, тесно с ним связанной и многим ему обязанной. <...> С большой печалью я думаю о смерти матери и о том, что, значит, в Киеве возле Ивана Павловича никого нет.
>
> Булгаков 2007–2011/8: 44

Образ мая как кризисного времени, подобно образу бурана, сопряжен с литературными реминисценциями: в «Белой гвардии» прослеживается влияние популярного в 1920-х годах романа Б.А. Пильняка «Голый год» (1920), где, в частности, говорится, что революция «пришла белыми метелями и майскими грозами» (Пильняк 2003–2004/1: 64).

[17] *Отец Александр.* — Прототипом персонажа явился отец-настоятель храма Николая Доброго Александр Александрович Глаголев (1872–1937), богослов, профессор Киевской духовной академии (см.: Весь Киев 1915: 448); член Киевского временного комитета по делам печати, рассматривавший еврейские сочинения (см.: Весь Киев 1915: 314, 327); друг семьи Булгаковых. Согласно записям П.С. Попова, Булгаков говорил, что в образе священника «взяты черты Глаголева» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2об.). На похоронах отца писателя 16 марта 1907 г. Глаголев произносил речь (см.: Глаголев 2004: 110); впоследствии, в 1922 г., отпевал мать писателя В.М. Булгакову-Воскресенскую. Глаголев 26 апреля (9 мая) 1913 г. венчал Михаила Булгакова и Татьяну Лаппа (см.: Кисельгоф 1991: 36); в 1917 г. венчал Надежду Булгакову и Андрея Земского. По воспоминаниям Л.С. Карума, это был «<...> очень порядочный, честный человек. <...> Глаголев был весь погружен в свою науку, в Библию. Кроме нее, ничего для него не существовало. Он был бессребреник. Если бы некоторые богомольные женщины не заботились о нем, он умер бы с голоду» (цит. по: Кораблев 1996–1997/1: 58–59). Однако преувеличивать влияние Глаголева на Булгакова, по-видимому, не стоит. Т.Н. Кисельгоф утверждала: «<...> Михаил к Глаголеву не ходил, и он к нам не ходил. Михаил ни разу не вспоминал о нем. Он верил, но не был религиозным. Вот Варвара Михайловна была очень религиозной и с Глаголевым поддерживала дружеские отношения» (Кисельгоф 1991: 65). Впрочем, имеются и иные ее свидетельства. Так, напр., она сообщала: «Михаил уважал отца Александра и часто обращался к нему за советом» (Кисельгоф 1995: 281). Ср. также: «Часто заходил он (Глаголев. — *Е.Я.*) и к Варваре

Михайловне, а когда в доме был Михаил, они уединялись и тихо и мирно беседовали <...> Михаил и сам забегал на Покровскую улицу, где жил со своей семьей отец Александр» (Лаппа 2006: 302).

[18] *Рант* — расположенная по краю обуви кайма, к которой пришита подошва.

[19] *Анюта.* — Прототип персонажа неизвестен. При этом имя Анна принадлежит к числу наиболее распространенных женских имен в произведениях Булгакова (см.: Яблоков 2001: 305–307); его носит и покойная мать Турбиных.

[20] *Николка.* — В образе персонажа отразились черты одного из младших братьев писателя — Николая Афанасьевича Булгакова. В 1917 г., окончив Александровскую гимназию с золотой медалью, Николай Булгаков поступил в Константиновское инженерное училище, но вскоре стал студентом медицинского факультета Киевского университета (см.: Дом Булгакова 2015: 106–107). Затем был призван в армию и поступил в Алексеевское инженерное военное училище. В 1918 г. вернулся к учебе в университете (сохранилась зачетная книжка; см. ил. 23). В письме к Е.С. Булгаковой от 18 ноября 1961 г. Н.А. Булгаков рассказывает, что в начале врачебной практики М.А. Булгакова «<...> был у него помощником на приемах больных, в качестве студента-медика и ассистента» (НИОР РГБ. Ф. 563. К. 33. Ед. хр. 43. Л. 22).

Осенью 1918 г. Н.А. Булгаков вступил в одну из формировавшихся дружин — предположительно, генерал-майора Л.Н. Кирпичёва (1876–1928); после взятия Киева петлюровцами в числе других пленных некоторое время содержался в Педагогическом музее, где 27 декабря во время взрыва был ранен в голову — о ранении сообщалось 29 декабря 1918 г. в газете «Вечерний голос» (см.: Тинченко 1997: 250).

В сентябре 1919 г. Н.А. Булгакова призвали в Добровольческую армию (оперативно-стратегическое объединение антибольшевистских вооруженных сил на юге России во время Гражданской войны) и направили в одесское Сергиевское артиллерийское училище, которое он и окончил. В октябре 1920 г. училище эвакуировалось в г. Константинополь (совр. Стамбул). Родные около двух лет не знали ничего о судьбе Н.А. Булгакова и, возможно, считали его погибшим. После эвакуации он оказался в г. Загребе (ныне — столица Хорватии). В конце 1921 г. письмо от Н.А. Булгакова дошло до Киева; вскоре о том, что брат нашелся, узнал и Михаил Булгаков (см.: Булгаков 2007–2011/8: 41). В 1927 г. Н.А. Булгаков окончил медицинский факультет Загребского университета, стал бактериологом; в 1929 г. переехал в Париж и жил во Франции до конца своих дней.

Возможно, прототипом послужил и другой младший брат писателя, Иван Афанасьевич – его возраст совпадает с возрастом героя романа. Получив в 1918 г. свидетельство об окончании Александровской гимназии (а также серебряную медаль), И.А. Булгаков подал документы на юридический факультет Киевского униварситета, однако занятия там фактически не проводились (см.: Дом Булгакова 2015: 107). В декабре 1918 г. И.А. Булгаков вместе с Л.С. Карумом выехал из Киева в Одессу, в начале 1919 г. вернулся в Киев, а осенью того же года был мобилизован в белогвардейскую Добровольческую армию. Отправившись в 1920 г. в эмиграцию из Крыма, И.А. Булгаков жил в Болгарии, в г. Варне, где стал организатором русского оркестра народных инструментов (см.: Дом Булгакова 2015: 114, 153); кроме того, в 1922–1933 гг. играл в футбол за спортивный клуб «Владислав» (Варна), который в 1925 и 1926 гг. был чемпионом страны (фото команды-победительницы с участием И.А. Булгакова см. по адресу: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/SC_Vladislav_Varna). Позже И.А. Булгаков переехал во Францию, в Париж, где служил таксистом, впоследствии работал в оркестре русского ресторана.

Параллели между Николкой Турбиным и Петей Ростовым, персонажем романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», отмечены в критике 1920-х годов (см.: Лежнев 1925: 269).

[21] *...с вихром, нависшим на правую бровь...* – Портретные черты в сочетании с полным именем младшего Турбина – Николай Васильевич – вызывают ассоциации с Н.В. Гоголем (ср., напр., портреты работы Ф.А. Моллера, рисунок Э.А. Дмитриева-Мамонова «Гоголь, читающий “Мертвые души”» и др.).

[22] *Святитель Никола.* – Имеется в виду Св. Николай – покровитель всех плавающих и путешествующих, сирых и убогих. В русской культурной традиции приобрел ореол «национального» святого, «русского бога» (см.: Успенский 1982: 119–122).

[23] *...возносился печальный и загадочный старик Бог...* – Ассоциация с Вознесением Господним – восшествием Иисуса Христа во плоти на небо. Однако в данном случае вознесение парадоксально связано не с Богом Сыном, а с Богом Отцом.

[24] *...всё что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.* – Фраза отсылает к известной поговорке «Что ни делается, всё к лучшему» (Даль 1984: 37). Возможен также намек на историю женитьбы Булгакова и Т.Н. Лаппа. Мать писателя была против этого брака (см.: Земская 2004: 97–99), но 30 марта 1913 г. писала дочери Надежде, что А.А. Глаголев (см. примеч. 17 к гл. 1) посоветовал не препятствовать сыну:

> <...> он сказал, что лучше, конечно, повенчать их, что «Бог устроит всё к лучшему». <...> Если бы я могла надеяться на хороший результат их брака; а то я, к сожалению, никаких данных с обеих сторон не вижу, и это меня приводит в ужас. Александр Александрович (Глаголев. — *Е.Я.*) искренно сочувствовал мне <...> Потом Миша был у него; он, конечно, старался обратить Мишино внимание на всю серьезность этого шага (а Мише его слова как с гуся вода!) <...>
>
> Воспоминания 1988: 76; Земская 2004: 97–98

Ср. также афоризм из повести французского писателя Вольтера (1694–1778) «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou l'Optimisme»; 1759) — «Всё к лучшему в лучшем из возможных миров» (Вольтер 1989: 298). В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» губернатор Лембке гадает по неназванной книге и ему выпадает фраза: «"Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles". Voltaire, "Candide" ["Всё к лучшему в лучшем из возможных миров". Вольтер, "Кандид"]» (Достоевский 1972–1990/10: 340–341).

25 *...на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец.* — Автобиографическая аллюзия. Отец писателя Афанасий Иванович Булгаков похоронен на Байковом кладбище в Киеве (там же впоследствии похоронена В.М. Булгакова-Воскресенская). Именины А.И. Булгакова отмечались 23 апреля (6 мая), в день памяти Св. мученика Афанасия-Волхва (совпадающий с праздником Св. Георгия Победоносца) — примерно в этот период начинается действие «Белой гвардии». На могиле А.И. Булгакова действительно стоит черный мраморный крест (см. ил. 10).

26 *Эх... эх...* — Междометие употребляется в романе (в речи Николки, повествователя и др.) многократно. Возможно, реминисценция из поэмы А.А. Блока (1880–1921) «Двенадцать» (1918); ср.: «Эх, эх, без креста!»; «Эх, эх, попляши!»; «Эх, эх, поблуди!»; «Эх, эх, освежи»; «Эх, эх, согреши!»; «Эх, эх! | Позабавиться не грех» (Блок 1999: 11–13, 16; см. также: Скобелев 1994: 43). Возможна также отсылка к эпизоду из романа Ф.М. Достоевского «Бесы», где Федька Каторжный подбирает денежные бумажки, разбрасываемые Ставрогиным; ср.: «<...> Федька ловил и прикрикивал: "Эх, эх!" <...> Бродяга остался искать, ерзая на коленках в грязи, разлетевшиеся по ветру и потонувшие в лужах кредитки, и целый час еще можно было слышать в темноте его отрывистые вскрикивания: "Эх, эх!"» (Достоевский 1972–1990/10: 221).

27 *...в доме № 13 по Алексеевскому спуску...* — В квартире на втором этаже дома 13 по Андреевскому спуску (построен в 1889 г. архитектором И.И. Гордениным

для жены купца второй гильдии В.А. Литошенко) семья Булгаковых жила с конца лета или начала сентября 1909 г. по декабрь 1919 г. (см. примеч. 16 к гл. 1). В настоящее время — Дом-музей М.А. Булгакова.

[28] *«Саардамский Плотник».* — Имеется в виду повесть писателя и журналиста П.Р. Фурмана (1816—1856) «Саардамский Плотник» (1849), рассказывающая о юности императора Петра I (1672—1725; правление: 1682—1721 гг.) и его пребывании в г. Саардаме (Голландия).

[29] *...часы играли гавот...* — Эта деталь интерьера, вероятно, отсутствовала в доме Булгаковых. Т.Н. Кисельгоф в воспоминаниях 1981 г. замечала: «Таких часов я не помню. В столовой висели настенные часы где-то, но они никакого гавота не пели» (Кисельгоф 1991: 58). Гавот — французский народный танец. Возможно, прообразом явились игравшие вальс часы, принадлежавшие знакомому Булгакова по Владикавказу адвокату Б.Р. Бёме (?—1930-е; см. с. 759 наст. изд.); ныне находятся в экспозиции киевского Дома-музея М.А. Булгакова (см.: Дом Булгакова 2015: 193).

[30] *...всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях.* — Имеются в виду свечки, традиционно прикреплявшиеся к веткам рождественской ели. Подобная деталь существенна в романе Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг»: «До сих пор у Орг сохранился обычай каждый сочельник зажигать елку» (Слёзкин 1922: 30).

[31] *В ответ бронзовым с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем.* — Сходно описание дома Ордыниных в романе Б.А. Пильняка «Голый год»; ср.: «Часы у зеркала — бронзовые пастух и пастушка (еще уцелевшие) — здесь в зале бьют половину тонким стеклянным звоном, как романтический осьмнадцатый век, им отвечает кукушка из спальной матери, Арины Давыдовны <...>» (Пильняк 2003—2004/1: 57).

[32] *...когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава.* — Имеются в виду 1880-е годы, когда в моде были рукава-буф.

[33] *...умер отец-профессор...* — Прототип отца Турбиных А.И. Булгаков с 1902 г. занимал должность экстраординарного (сверхштатного) профессора Киевской духовной академии; 11 декабря 1906 г. получил степень доктора богословия и в феврале 1907 г., за месяц до смерти, был утвержден в должности ординарного (штатного) профессора. Читал в КДА курс западных протестантских вероисповеданий (узкой его специальностью было англиканство); среди работ А.И. Булгакова — «Очерки истории методизма» (1886—1887), «Безбрачие духовенства» (1891), «Стремления англикан к восстановлению древне-вселенской церковности в Англии в последние шесть-

десят лет» (1894), «Современное франкмасонство: Опыт характеристики» (1903), «Церковь и ее отношение к прогрессу» (1903), «О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения Православной Церкви» (1906).

[34] *...мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками...* — По словам Т.Н. Кисельгоф, жилище Булгаковых имело не столь респектабельный облик: «<...> в квартире не такая мебель была, как он описывает. Правда, бархат был, но такой... потертый. Не было этого, чтобы вазы, цветы, мол, стояли. Скромная мебель была» (Кисельгоф 1991: 59). Таковы же впечатления Л.С. Карума: «Квартира в доме на Андреевском спуске № 13 была велика, но обставлена бедно. Обстановка была очень скромной. Мебель в гостиной стояла в чехлах: показать обивку было просто неудобно» (Дом Булгакова 2015: 22).

[35] *...ковры, пестрые и малиновые...* — По утверждению Т.Н. Кисельгоф, деталь не соответствует реальному интерьеру квартиры Булгаковых: «Это Булгаков от Саратова взял. Мой отец очень ковры любил и все деньги на них тратил. Вся квартира в коврах была. Михаилу это очень нравилось. А в Киеве... может, и были какие-то у кровати такие... но я их не помню» (Кисельгоф 1991: 58–59).

[36] *...с соколом на руке Алексея Михайловича...* — Царь Алексей Михайлович Романов (1629–1676; правление: 1645–1676 гг.) страстно любил соколиную охоту, написал о ней книгу «Урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» (1668). Ряд картин с подобными сюжетами воспроизведен в изд.: Кутепов 1898.

[37] *Людовик XIV* де Бурбон (1638–1715) – король Франции с 1643 г.

[38] *...шкапы с книгами...* — Т.Н. Кисельгоф подчеркивала несходство с квартирой Булгаковых: «Книг я там никаких не видела. По-моему, там книг и не было» (Кисельгоф 1991: 59). Однако по воспоминаниям Н.А. Земской, в проходной комнате, где жили Н.А. и И.А. Булгаковы, «<...> стояли два огромнейших шкафа (один был с книгами)» (Дом Булгакова 2015: 112); именно эта комната в романе «Белая гвардия» названа «книжной» (см. ил. 8).

[39] *Наташа Ростова* — персонаж романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир».

[40] *«Капитанская дочка»* — роман А.С. Пушкина, оттуда же взят второй эпиграф к роману «Белая гвардия» (см. примеч. 3 к эпиграфам к роману).

[41] *Дружно... живите.* — Сходный оборот присутствует в письме Булгакова к сестре Вере от 23 января 1923 г.; ср.: «Моя большая просьба к тебе: живите дружно в память мамы» (Булгаков 2007–2011/8: 44).

[42] *Алексею Васильевичу Турбину... — 28 лет. Елене — 24. Мужу ее... Тальбергу, — 31, а Николке — 17 с половиной.* — Это примерно соответствует реальным возрастам обитателей квартиры Булгаковых в 1918 г.: М.А. Булгакову было 27 лет, В.А. Карум — 23, ее мужу, Л.С. Каруму, — 30, И.А. Булгакову — 18.

[43] *Давно уже начало мести с севера...* — Возможная реминисценция из одного из наиболее известных произведений конца 1910-х годов, поэмы А.А. Блока (1880—1921) «Двенадцать» (1918), где русская революция осмыслена через образ метели; ср.:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всём Божьем свете!

Блок 1999: 7

Сходный мотив — в стихотворении М.А. Волошина (1877—1932) «Северовосток» (1920), где демоническая вьюга символизирует исторический хаос; ср.:

Расплясались, разгуделись бесы
По России вдоль и поперек,
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Волошин 2003—2010/1: 335

[44] *...и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже.* — В романе получил отражение период политических катаклизмов в истории Киева; показателен фрагмент очерка Булгакова «Киев-город» (1923); ср.:

> Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Наживутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917—1920 годам.
>
> Пока что можно сказать одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчита-

ли их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил.

Булгаков 2007–2011/3: 200

Стремясь обосновать и уточнить утверждение Булгакова, его сестра Н.А. Земская составила список под названием «Хронология смены власти в Киеве в период 1917–1920 гг. Материалы для комментария к семейной переписке и к роману “Белая гвардия”» (орфография автора):

1) март 1917 г. – Образован Совет рабочих депутатов с преобладанием меньшевиков, эсеров и бундовцев.

2) сентябрь 1917 г. Руководящая роль в Совете рабочих депутатов перешла к большевикам. Октябрь 1917 г. 28/X взят Арсенал, оружие переходит в руки рабочих. 29–30 октября осада юнкерских училищ («Они развалились в грохоте солдатской стрельбы»... «Белая гвардия», гл. 4).

3) ноябрь 11–13 – 17 года. Войска Временного правительства были разгромлены.

4) ноябрь 29 – 17 года. Власть захватила Центральная Украинская Рада.

5) Январь – 28 – 1918 года. Рабочие подняли восстание, продолжавшееся шесть дней и жестоко подавленное войсками Центр<альной> Украин<ской> Рады.

6) февраль – 8 – 1918 г. В Киев вошли советские войска, и была установлена Советская власть. Рада бежала в Житомир.

7) февраль 12 – 18 г. Правительство Советской Украины переехало из Харькова в Киев. Рада обратилась за помощью к оккупационным войскам.

8) Март 1 – 18 г. Киев был захвачен германскими оккупационными войсками, восстановившими власть Центр<альной> Украин<ской> Рады.

9) апрель 29 – 18 г. Немецкие оккупанты поставили у власти своего ставленника – гетмана Павло Скоропадского. Выборы гетмана происходили в здании Киевского цирка (комедийность этой ситуации подчеркивает Мих<аил> Булгаков. – «Белая гвардия», гл. 2-я и 4-я).

10) декабрь 1918 г. Под напором красных частей немцы очищают Украину. На Киев наступают петлюровские войска. Гетман бежит

из Киева в ночь с 13-го на 14-ое декабря. В Киев входят петлюровцы. Власть захватила т<ак> н<азываемая> Директория (Петлюра — ставленник украинских буржуазных националистов при поддержке Антанты). На Украине — волна еврейских погромов.

11) февраль 6 — 1919 г. Войска Директории были выбиты из Киева частями Красной Армии. Украин<скими> красными частями командует Ник<олай> Щорс.

12) С 6-го февраля по 31-ое августа 1919 года в Киеве Советская власть.

13) 31.VIII — 19 г. В Киев врываются деникинцы (части ген<ерала> Бредова). Белые занимают Киев по 16 декабря 1919 г.

14) 16.XII — 1919 по 6 мая 1920 г. в Киеве Советская власть.

15) май 6 — 1920 г. Киев занят поляками (белополяками).

16) июнь 11 — 1920 г. Белополяки выбиты из Киева войсками Буденного, Ворошилова и др. С этого времени в Киеве прочно установилась Советская власть.

Цит. по: Булгаков 1989–1990/2: 721–722

[45] *... после первого удара, потрясшего горы над Днепром.* — Имеются в виду бои за Киев в январе 1918 г.: большевистское восстание против Центральной Рады было поддержано российскими красногвардейскими частями, которые после интенсивного артиллерийского обстрела города заняли его 26 января (8 февраля) 1918 г.

[46] *...начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах...* — Фраза парадоксальна: среди подобных книг были упомянуты «Капитанская дочка» и «Война и мир» (см. с. 10 наст изд.), но изображенные в них события нельзя назвать идиллическими.

[47] *...придя к отцу Александру...* — А.А. Глаголев (см. примеч. 17 к гл. 1) жил по адресу: Покровская улица, дом 6 (см.: Весь Киев 1915: 138).

[48] *Большой грех — уныние...* — В христианской традиции уныние — один из восьми смертных грехов (к числу которых относятся также чревоугодие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, тщеславие, гордыня).

[49] *...по специальности, конечно, больше всё богословские...* — Вопреки своим словам священник цитирует не богословское сочинение, а одну из известнейших канонических книг христианства — Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис).

[50] «*Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь*». — Откр. 16: 4. Апокалипсис в «Белой гвардии» является основным метасюже-

том (см.: Гаспаров 1994: 102); дальнейшие события служат иллюстрацией (в том числе травестийной) Откровения Иоанна Богослова.

Возможна перекличка со статьей философа и богослова (по некоторым версиям, дальнего родственника автора «Белой гвардии») С.Н. Булгакова (1871–1944) «На пиру богов: Pro et contra» (1918), вошедшей в сборник «Из глубины» (1918); в августе 1918 г. С.Н. Булгаков находился в Киеве, и статья «На пиру богов» первоначально была опубликована там отдельным изданием. Она представляет собой коллективный диалог, в котором участвуют шестеро: Общественный деятель, Известный писатель, Боевой генерал, Светский богослов, Дипломат и Беженец (см.: Из глубины 1990: 90). В их беседе современные события интерпретируются в мистическом духе; так, Беженец говорит: «“Некто в сером”, кто похитрее Вильгельма (германского императора. – *Е.Я.*), теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать» (Из глубины 1990: 109–110). Однако Генерал (его оппонент) саркастически отвечает:

> Если вы про Соловьевского антихриста опять вспомнили, то боюсь, что нечего ему делать у нас, антихристу-то приличному, не с кем дела иметь, до того испохабилась Россия. Впрочем, в некоторых церковных кругах, в монастырях иных, поговаривают о приближении антихристова царства, книжки об этом почитывают, пророчества разные передаются. <...> Во всяком случае, и с антихристом ведь воевать можно, вот только армию нужно для этого особую...
>
> Из глубины 1990: 110

В данном контексте «особая» – сакральная, «белая».

2

[1] *Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине.* – Начало действия (вечер 12 декабря) приурочено к кануну дня Св. Андрея Первозванного – святого, особо почитаемого в Киеве.

Фабула романа длится более полутора месяцев (52 дня). В гл. 1 (экспозиция) и 4–5 (лирическое отступление о Городе и сон Алексея Турбина) события имеют ретроспективный или вневременной характер. Благодаря авторским упоминаниям, для происходящего в остальных главах романа довольно точно определены не только дата, но и время.

Глава 2: «сумерки» (см. с. 13 наст. изд.), т. е. между 17 и 18 часами 12 декабря 1918 г. – около 1 часа 30 мин. пополуночи (см. с. 30 наст. изд.) 13 декабря 1918 г.

Глава 3: «В этот ночной час» (см. с. 31 наст. изд.), т. е. между 1 и 2 часами пополуночи 13 декабря 1918 г. – «уже начало светать» (см. с. 46 наст. изд), т. е. между 7 и 8 часами утра 13 декабря 1918 г.

Глава 6: «около полудня» (см. с. 71 наст. изд.) 13 декабря 1918 г. – 2 часа пополуночи (см. с. 92 наст. изд.) 14 декабря 1918 г.

Глава 7: между 4 и 5 часами утра (см. с. 98 наст. изд.) 14 декабря 1918 г. – «В окнах было <...> сине» (см. с 104 наст. изд.), т. е. около 8 часов утра 14 декабря 1918 г.

Глава 8: «на рассвете» (см. с. 106 наст. изд.), т. е. между 7 и 8 часами утра 14 декабря 1918 г. – «в полдень» (см. с. 113 наст. изд.) 14 декабря 1918 г.

Глава 9: ретроспективное отступление о Шполянском со 2 декабря (см. с. 119 наст. изд.) 1918 г. – 12 часов дня (см. с. 125 наст. изд.) 14 декабря 1918 г.

Глава 10: ретроспективное отступление о Най-Турсе с начала декабря (см. с. 126 наст. изд.) 1918 г. – «два часа дня» (см. с 132 наст. изд.) 14 декабря 1918 г. и позже (Алексей Турбин уходит из магазина мадам Анжу в 16 часов).

Глава 11: «через весь город провел их согласно маршруту» (см. с. 139 наст. изд.), т. е. около полудня; затем между 15 и 16 часами 14 декабря 1918 г. – «уж одиннадцать часов <...> Через час в столовой» (см. с. 153–156 наст. изд.), т. е. между 12 и 13 часами 15 декабря 1918 г.

Глава 12: около 13 часов 15 декабря 1918 г. – 3 часа ночи (см. с. 171 наст. изд.) 16 декабря 1918 г.

Глава 13: ретроспекция: «ровно четыре часа дня» (см. с 174 наст. изд.) 14 декабря 1918 г. – около 9 часов (см. с. 183 наст. изд.) 15 декабря 1918 г.

Глава 14: «в следующий же вечер» (см. с. 184 наст. изд.) 16 декабря 1918 г. – «около полуночи» (см. с. 187 наст. изд.) 16/17 декабря 1918 г.

Глава 15: «11 часов вечера» (см. с. 193 наст. изд.) 16 декабря 1918 г. – «ночью» (см. с. 205 наст. изд.) 17 декабря 1918 г.

Глава 16: утро – день 17 декабря 1918 г.

Глава 17: день 17 декабря – ночь 17/18 декабря 1918 г.

Глава 18: около 12 часов дня (см. с. 237 наст. изд.) 22 декабря 1918 г. – «три часа дня» (см. с. 239 наст. изд.) и позже 22 декабря 1918 г.

Глава 19: около 16 часов 2 февраля 1919 г. – вечер 2 февраля 1919 г.

Глава 20: ночь со 2 на 3 февраля 1919 г.

[2] *Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах.* — Даты в романе указаны в основном по новому стилю. Здесь близость Рождества отмечена в начале второй декады декабря, так что подразумевается именно новый стиль. Однако имеются отступления: напр., Октябрьский переворот датирован по старому стилю (см. примеч. 29 к гл. 2). Характерно, что дневниковые записи Булгакова 1923–1924 гг. в ряде случаев имеют двойную датировку — по новому и по старому стилю (см.: Булгаков 2007—2011/2: 409—430).

[3] *...на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом.* — См. ил. 7, 8.

[4] *...под крутейшей горой...* — Имеется в виду гора Уздыхальница (Воздыхальница) — холм, возле которого проходит улица Андреевский спуск.

[5] *Сахарная голова* — традиционный способ расфасовки сахара, слиток конической формы весом от фунта (около 410 г) до пуда (около 16,4 кг).

[6] *Дом накрыло шапкой белого генерала...* — Писатель К.Г. Паустовский (1892—1968), учившийся с Булгаковым в Первой (Александровской) гимназии в Киеве (Паустовский учился там в 1904—1912, Булгаков в 1901—1909 гг.) и продолживший знакомство с 1924 г. в Москве, вспоминал: «Как-то <...> тихим и снежным днем ко мне в Пушкино приехал Булгаков. Он писал в то время роман “Белая гвардия”, и ему для одной из глав этого романа нужно было обязательно посмотреть “снежные шапки” — те маленькие сугробы снега, что за долгую зиму накапливаются на крышах, заборах и толстых ветках деревьев» (Воспоминания 1988: 103—104).

Словосочетание «белый генерал» в контексте зимы отсылает также к мифологеме «генерала Мороза» — повелителя русской зимы, спасшей Россию от Наполеона I (1769—1821; правление: 1799—1814, 1815 гг.). Образ восходит к выпущенному 1 декабря 1812 г. в Лондоне сатирическому листку-карикатуре под названием «General Frost shaving little Boney» («Генерал Мороз, бреющий маленького Бони» (*англ.*); Бони — уничижительное прозвище Бонапарта в Великобритании; см.: Словарь крылатых слов 2005: 173).

Сходный образ спасителя — «морозного бога на машине» (Булгаков 2007—2011/2: 143) — возникает в повести Булгакова «Роковые яйца» (1924).

[7] *...в нижнем этаже - несимпатичный, Василий Иванович Лисович...* — Прототипом персонажа послужил владелец дома, в верхнем этаже которого была квартира Булгаковых. В 1909 г. дом 13 по Андреевскому спуску приобрел инженер и гражданский архитектор Василий Павлович Листовничий (1876—1919). С 1910 г. он занимал должность архитектора канцелярии попечителя Киевского учебного округа (см.: Весь Киев 1915: 434), преподавал

строительное искусство и геодезию в Киевском художественном училище (см.: Весь Киев 1915: 483), был старшим преподавателем и заместителем инспектора школы десятников по дорожному и строительному делу (см.: Весь Киев 1915: 527). В годы Первой мировой войны Листовничий служил в Инженерном управлении Киевского военного округа. В 1917–1918 гг. был главным архитектором Киевского учебного округа, директором Киевских средних технически-строительных курсов и др. В 1919 г., при красных, Листовничий занимал пост заведующего строительно-ремонтной секцией хозяйственного комитета при губисполкоме, одновременно являясь служащим губернского отдела народного образования (см.: Дом Булгакова 2015: 67–68).

Дочь В.П. Листовничего Инна (Нина) Васильевна Кончаковская категорично утверждала: «<...> мой отец <...> совершенно не походил на того человека, которого изобразил Булгаков на страницах своего романа» (МБВС 2014/1: 219). Сестра писателя Н.А. Земская в письме к И.В. Кончаковской от 25 ноября 1986 г. (когда той уже не было в живых) также настаивала:

> «Василиса» — не Твой отец, а литературный образ, *обобщенный тип* <...> Это — не твой папа — я утверждаю это. «Василиса» — трус, буржуй и приспособленец, да еще и скупец. Что общего в этом образе с твоим отцом? В годы гражданской войны таких обывателей в нашей действительности было очень много. И тощая Ванда, жена Василисы, уж конечно, не Ядвига Викторовна <...> В Мишиных произведениях есть прообразы-прототипы, и много. В «Белой гвардии» их особенно много, это одно из первых ранних больших произведений написано о родном городе и гражданской войне в Киеве. Досужие читатели — особенно обыватели эти прообразы очень ищут и ко мне часто обращаются с неделикатными вопросами: «А кто это?» Я не считаю нужным отвечать на такие вопросы...
>
> Дом Булгакова 2015: 70

Вместе с тем Т.Н. Кисельгоф рассказывала о семье домовладельца: «Они Булгакова терпеть не могли и даже побаивались. Говорили про него: “Неудавшийся доктор”. Всё время жаловались: “Нет покоя от вас...”» (Кисельгоф 1991: 63). Кисельгоф вспоминала:

> Иногда у Михаила возникали конфликты с хозяином дома, Василием Павловичем Листовничим, чаще всего из-за наших пациентов,

которых он не хотел видеть в своем доме. Наверное, он в первую очередь переживал за свою единственную дочь, Инну. Кроме того, в нашем доме по нечетным субботам устраивались молодежные вечеринки, которые заканчивались далеко за полночь.

Кисельгоф 1995: 288

По известным в передаче писателя В.П. Некрасова воспоминаниям И.В. Кончаковской, две семьи «<...> жили как Монтекки и Капулетти» (цит. по: Некрасов 2004: 104). Одной из причин была врачебная практика Булгакова в 1918 г.:

Больных принимал, люэтиков (сифилитиков. — *Е.Я.*) своих. <...> Так вот, у него всегда там почему-то краны были открыты. И всё переливалось через край. И протекало. И всё на наши головы... <...> Тогда мой отец <...> подымается наверх и говорит: «Миша, надо все-таки как-то следить за кранами, у нас внизу совсем потоп...» А Миша ответил ему так грубо, так грубо...

Цит. по: Некрасов 2004: 104

Кончаковская рассказывала также о размолвке Булгакова с Листовничим из-за комнаты Михаила, имевшей отдельный вход с улицы. Листовничий просил на некоторое время передать комнату ему, чтобы поселить туда больную мать: «Варвара Михайловна дала согласие, а Мишка наговорил дерзостей» (цит. по: Чудакова 1988: 45). Между тем, в нижней квартире жили четверо, включая горничную, а наверху — не менее одиннадцати человек, так что потеря даже одной комнаты была бы весьма чувствительна (см.: Чудакова 1988: 45).

Примечательно, что в списке жителей Киева по адресу Андреевский спуск, дом 13 указана некая Листовничая Мария Павловна (см.: Весь Киев 1915: 358), преподавательница рукоделия в частной женской гимназии М.И. Левандовской (см.: Весь Киев 1915: 477—478). Судя по отчеству и фамилии, речь может идти о сестре В.П. Листовничего; однако в воспоминаниях современников она не фигурирует.

В ночь с 6 на 7 июня 1919 г. Листовничий по неясной причине был арестован Киевской губернской ЧК и 16 августа отправлен в лагерь. Заключенных посадили на пароход и отправили на север по р. Припяти (приток Днепра). По дороге Листовничий пытался бежать, однако был убит либо утонул (см.: Дом Булгакова 2005: 68).

Фамилия Лисович словообразовательно и семантически сходна с фамилией персонажа романа Б.А. Пильняка «Голый год» Волковича (см.: Пильняк 2003–2004/1: 42) – обе намекают на родственную связь носителей с соответствующими животными. Фамилии восходят также к Собакевичу из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

[8] *...в верхнем – сильно и весело загорелись турбинские окна.* – Известно дошедшее в записи П.С. Попова пояснение Булгакова: «Жил на Андреевском спуске в Киеве. Дом двухэтажный. Жили во 2 этаже, как описано в романе. Внизу жили лица, аналогичные Василисе романа. Дом стоял на косогоре, как описано в романе» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2).

В художественной системе «Белой гвардии» реальная деталь получает дополнительный смысл: «<...> двухэтажность романного Дома Булгаков последовательно осмысляет и изображает как два этажа *вертепа* – украинского кукольного театра, народного мистериально-сатирического действа» (Петровский 2001: 141). Существенно, что в верхнем этаже традиционного вертепа разыгрываются сакральные, «небесные» сцены, в нижнем – бытовые, «земные». Под Рождество 1918 г. в Киеве режиссером Л. Курбасом (1887–1937) был поставлен спектакль «Рождественский вертеп», где актеры копировали пластику кукол (см.: Петровский 2001: 143). Элементы поэтики народного театра (вертеп, балаган) актуальны в романе «Белая гвардия», где «апокалиптический мотив всё время пересекается с опереточным» (Петровский 2001: 175); возможно, это обусловлено влиянием поэмы А.А, Блока «Двенадцать» (см.: Гаспаров 1994: 4–27; см. также: Каганская 1991: 97).

[9] *Сапожник* – здесь, возможно: неумелый, неискусный человек (см.: Ушаков 2001: 143). Сходное выражение – в фельетоне Булгакова «Багровый остров» (1924); ср.: «Известный сапожник-артиллерист Гаттерас дал на прощание куда-то криво и косо» (Булгаков 2007–2011/3: 339).

[10] *Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки...* – По воспоминаниям И.В. Кончаковской, в семье Булгаковых дети действительно любили писать на печках (см.: Дом Булгакова 2015: 25); «<...> Варя <...> когда подымался слишком уж невообразимый шум, влезала на стул и писала на печке: “Тихо!”» (цит. по: Некрасов 2004: 103).

Коллаж надписей и изображений отсылает к рассказу А.П. Чехова (1860–1904) «Жалобная книга» (1884); ср.:

Раскрывайте книгу и читайте:
«Милостивый государь! Проба пера!?»

Под этим нарисована рожица с длинным носом и рожками.

Под рожицей написано:

«Ты картина, я портрет, ты скотина, а я нет. Я — морда твоя».

«Подъезжая к сией станцыи и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин».

«Кто писал не знаю, а я дурак читаю».

«Оставил память начальник стола претензий Коловроев».

Чехов 1974–1982/2: 358

[11] *Если тебе скажут, что союзники спешат к нам на выручку, — не верь.* — Перефразированная сентенция Козьмы Пруткова из цикла «Мысли и афоризмы» (1860): «Если на клетке слона прочтешь надпись "буйвол", — не верь глазам своим» (Козьма Прутков 1965: 132). Козьма Прутков — коллективный псевдоним поэтов А.К. Толстого (1817–1875), Александра М. Жемчужникова (1826–1896), В.М. Жемчужникова (1830–1884) и Алексея М. Жемчужникова (1821–1908).

[12] *Союзники — сволочи.* — После капитуляции Австро-Венгрии и Германии (3 и 11 ноября 1918 г.) страны Антанты (объединенного блока Великобритании, Франции и др.), стремившиеся не допустить установления советской власти на Украине, на совещании в г. Яссы (Румыния) 16–23 ноября 1918 г. приняли решение о занятии украинской территории, которую оставляли австро-венгерские и германские войска. После этого началась высадка десантов в черноморских портах; однако оккупационный корпус (в который входили английские, французские, греческие, румынские, сербские и польские части) сумел взять под контроль лишь Крым, Одессу и район вокруг нее.

[13] «*Он сочувствует большевикам*». — Шутливое замечание по поводу предыдущей записи — «упрек» ее автору в недоверии к союзникам, которое расценивается как деморализующий фактор.

[14] *Момус* — бог злословия в греческой мифологии.

[15] *Улан* — служащий в легковооруженной кавалерии.

[16] *Леонид Юрьевич* — имя и отчество персонажа «Белой гвардии» Леонида Юрьевича Шервинского, одним из прототипов которого явился родственник Л.С. Карума Юрий Леонидович Гладыревский (1898–1968; подробнее о нем см. примеч. 20 к гл. 2).

[17] «*Бей Петлюру!*» — Симон Васильевич Петлюра (1879–1926) после Февральской революции 1917 г. занимал должность председателя Украинского комитета Западного фронта, от которого был делегирован на 1-й Всеукраинский военный съезд (май 1917 г.); затем стал генеральным секретарем по

военным делам (военным министром) Центральной Рады и главнокомандующим войсками УНР. Решением Генерального секретариата (правительства) и Центральной Рады 18 декабря 1917 г. был отправлен в отставку за превышение полномочий (см.: Савченко 2006: 24–25). В январе – феврале 1918 г. командовал Гайдамацким кошем Слободской Украины (добровольческая часть в составе вооруженных сил УНР, состоявшая в основном из офицеров и юнкеров военных училищ российской армии – сторонников независимости Украины), который вел бои с наступавшими частями Красной гвардии.

При гетмане Скоропадском Петлюра находился в оппозиции; в июле 1918 г. был арестован и около трех с половиной месяцев провел в тюрьме. С ноября 1918 г. стал одним из членов Директории УНР – органа, созданного Украинским национальным союзом по образцу Исполнительной директории Великой французской революции (1795–1799) для руководства восстанием против режима Скоропадского; кроме Петлюры в состав Директории входили В.К. Винниченко (1880–1951), занимавший должность председателя, Ф.П. Швец (1882–1940), А.М. Андриевский (1878–1955) и А.Г. Макаренко (1886–1963). В г. Белая Церковь (примерно в 75 км к юго-западу от Киева) 14 ноября 1918 г. Петлюра подписал воззвание о начале восстания против власти гетмана и был провозглашен главнокомандующим. Таким образом, деятельность Директории ассоциировалась прежде всего с личными инициативами Петлюры. В течение всей Гражданской войны большевистские пропагандисты и командиры именовали войска УНР «петлюровцами» – это слово употреблялось с предельно негативными коннотациями.

Войска Петлюры заняли Киев 14 декабря 1918 г.; в начале февраля 1919 г. они оставили город, но еще дважды (в августе 1919 г. и мае 1920 г.) туда возвращались. В феврале 1919 г. Петлюра стал председателем Директории. Осенью 1920 г. эмигрировал в Польшу; поскольку СССР потребовал выдачи Петлюры, тот уехал из Польши в Венгрию, затем в Австрию и Швейцарию; с октября 1924 г. жил во Франции. Петлюра был застрелен еврейским поэтом Самуилом Исааковичем Шварцбардом (1886–1938) 25 мая 1926 г. в центре Парижа в знак возмездия за еврейские погромы, учиненные петлюровцами на Украине.

[18] *Мышлаевский.* – Согласно записи П.С. Попова, Булгаков пояснял: «Мышлаевский – выдумка, хотя в основе лежит фигура одного офицера» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1). Возможно, подразумевается нередко бывавший в доме приятель Булгаковых штабс-капитан Петр Александрович Бржезицкий (ок. 1893–?). В годы Первой мировой войны Бржезицкий

зицкий находился на фронте, а летом 1918 г. оказался в Киеве; служил в автомобильном гараже Красного Креста, позже попал в добровольческую дружину, где состоял также писатель и литературный критик Роман Борисович Гуль (1896–1986), чьи мемуары могли послужить одним из источников замысла «Белой гвардии» (см. с. 341–370 наст. изд.); добровольческие дружины, как офицерские, так и смешанные, создавались в Киеве с 1918 г. для поддержания порядка и сдерживания большевиков. Бржезицкий был на упомянутых в «Белой гвардии» позициях у деревень Красный Трактир и Жуляны (см. с. 20 наст. изд.), откуда самовольно вернулся в город. Через некоторое время отправился с эшелоном в Германию (см.: Тинченко 1997: 112–115).

В 1926 или 1927 г. Булгаков получил письмо, подписанное «Виктор Викторович Мышлаевский». Автор письма, бывший офицер, усматривая сходство между собой и романным персонажем, намекал на былое знакомство с Булгаковым в Киеве в 1918 г. и повествовал о своей дальнейшей жизни – службе у красных и проч. (см.: Чудакова 1988: 354–355).

Родственники Булгакова считали прототипом Мышлаевского друга семьи Булгаковых Николая Николаевича Сынгаевского (1890-е – 1968). Т.Н. Кисельгоф утверждала:

> <...> Мышлаевский – это Коля Сынгаевский. У них большая семья была. Варвара Михайловна дружила раньше с матерью Сынгаевского. Они жили на Мало-Подвальной улице. Маленький домик у них был, в саду. <...> Он был очень красивый. Очень. Высокий, худой, и вот, знаете, голова у него была небольшая такая, маловата для его фигуры. Всё мечтал о балете, хотел в балетную школу поступить. Перед приходом петлюровцев он пошел в юнкеры.
>
> Кисельгоф 1991: 61–62; см. также: Чудакова 1988: 74

Семьи Сынгаевских и Булгаковых были похожи: Любовь Николаевна Сынгаевская, как и В.М. Булгакова, рано овдовела, и у нее было тоже семеро детей: Анастасия, Галина, Клавдия, Юлия, Валентина, Николай и Виктор (см.: Дом Булгакова 2105: 167).

Л.С. Карум также писал в мемуарах, что под именем Мышлаевского выведен Н.Н. Сынгаевский:

> <...> это был студент, призванный в армию, красивый и стройный, но более ничем не отличавшийся. Обыкновенный собутыльник. В Киеве он на военной службе не был, затем познакомился с балериной

> Нежинской (имеется в виду Бронислава Фоминична Нижинская (1891–1972), сестра знаменитого танцора Вацлава Нижинского (1889–1950). – *Е.Я.*) <...> и при перемене, одной из перемен власти в Киеве, уехал на ее счет в Париж, где удачно выступал в качестве ее партнера в танцах и мужа, хотя был на 20 лет моложе ее.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 6

Однако Нижинская родилась в 1891 г., а Сынгаевский был по возрасту близок к Булгакову, так что разница не могла оказаться столь значительной. Нижинская в 1916–1921 гг. периодически жила в Киеве, где, в частности, преподавала в Центральной балетной студии, а в начале 1919 г. открыла собственную студию «Школа движения» – видимо, на этой почве и произошло ее знакомство с Сынгаевским. В эмиграции он стал не только мужем, но и агентом Нижинской (см.: Нижинская, Роулинсон 1999: 64).

Фамилия персонажа отсылает, по-видимому, к известному военному деятелю и историку, уроженцу Киевской губернии генералу Александру Захаровичу Мышлаевскому (1856–1920), который в 1908–1909 гг. служил начальником Главного штаба, а в 1914–1915 гг. командовал русскими войсками на Кавказе, однако действовал неудачно и был отправлен в отставку (см.: Залесский 2003: 430–431). А.З. Мышлаевский являлся организатором Русского военно-исторического общества (1907) и одним из инициаторов создания музея Отечественной войны, который предполагалось развернуть в Москве вокруг кафедрального соборного храма Христа Спасителя. Этот проект в начале 1910-х годов широко обсуждался, но не был реализован.

[19] *Карась*. – Прототипом персонажа, вероятно, явился приятель Н.Н. Сынгаевского (см. примеч. 18 к гл. 2) по прозвищу Карась (настоящее имя неизвестно). Т.Н. Кисельгоф вспоминала о нем: «Тоже приходил к Булгаковым. Они все друзьями детства были. <...> Невысокого такого роста, толстенький, лицо круглое. Симпатичный был» (Кисельгоф 1991: 38, 61). По другой версии прототипом является Петр Иванович Богданов. Его старшим братом был одноклассник (см.: Дерид 2001: 135) и друг Булгакова Борис Иванович Богданов (нач. 1890-х – 1915), который покончил с собой в присутствии Булгакова (см.: Земская 2004: 101; Кисельгоф 1991: 38; см. также: Дом Булгакова 2015: 177). В годы Первой мировой войны П.И. Богданов окончил гимназию и поступил в Киевский университет; в 1917 г. прошел ускоренный курс киевского Николаевского артиллерийского училища; в 1918 г. вернулся к учебе в университете (см.: Тинченко 1997: 126–127). Подробнее см. примеч. 38 к гл. 3.

Прозвище Карась носит также один из главных персонажей книги Н.Г. Помяловского (1835–1863) «Очерки бурсы» (1862–1863).

[20] *Шервинский.* – Согласно записи П.С. Попова, Булгаков пояснял: «Шервинский имеет опред<еленный> прототип; он менее проступает в пьесе ("Дни Турбиных". – *Е.Я.*)» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1). Попов записал также высказывание Булгакова по поводу именований персонажей «Белой гвардии»: «Фамилии вымышленные, но в основе лежат фамилии прототипов. Так, например, фамилия Шервинский кончалась тоже на -ский. Если не ошибаюсь – Сынгаевский» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1; в последней фразе, видимо, ошибка мемуариста: см. примеч. 18 к гл. 2).

Прототипом Шервинского считается Юрий Леонидович Гладыревский – брат Николая Леонидовича Гладыревского (1896–1973). Н.Л. Гладыревский был другом Булгакова, помогал ему в 1918–1919 гг. в Киеве вести врачебный прием (см.: Земская 2004: 123). Братья Гладыревские доводились Л.С. Каруму двоюродными племянниками (их мать – двоюродная сестра Карума).

Т.Н. Кисельгоф вспоминала о Ю.Л. Гладыревском: «Невысокий такой, весельчак, всё время брехал чего-то, анекдоты рассказывал. Но баритона никакого у него не было» (Кисельгоф 1991: 60). Однако, по словам Н.Л. Гладыревского, его брат обладал приятным голосом: «Пел "Эпиталаму", ухаживал за Варей. <...> Был он в это время бывшим офицером; они пропадали где-то вместе с Михаилом, у них были какие-то общие дела, думаю, что дамские...» (цит. по: Чудакова 1988: 73).

Л.С. Карум в мемуарах 1960-х годов замечает:

> <...> описан был Юрий Гладыревский, мой двоюродный племянник, офицер военного времени лейб-гвардии Стрелкового полка (под фамилией Шервинский). Он во время гетмана служил в городской милиции, в романе же он выведен в качестве адъютанта гетмана. Это был малоинтеллигентный юноша 19 лет, умевший только пить и подпевать Михаилу Булгакову. И голос у него был небольшой, ни для какой сцены не пригодный. Он уехал с родителями во время гражданской войны в Болгарию, и более сведений о нем я не имею.
>
> НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 7

Однако есть иная информация: будучи подпоручиком лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка, Ю.Л. Гладыревский участвовал в Первой мировой войне, имел боевые награды. В 1918 г. служил офицером штаба главнокоман-

дующего князя А.Н. Долгорукова (1872–1948), а после прихода красных в феврале 1919 г. остался в Киеве, работая на белогвардейскую разведку (см.: Тинченко 1997: 104). В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма вместе с армией П.Н. Врангеля; впоследствии жил во Франции (см.: Мягков 2003: 270).

Фамилия персонажа отсылает к московскому знакомому Булгакова, поэту и переводчику Сергею Васильевичу Шервинскому (1892–1991), отец которого, Василий Дмитриевич Шервинский (1850–1941), был известным врачом-терапевтом и основателем отечественной эндокринологии. С.В. Шервинский просил Булгакова изменить фамилию романного персонажа, однако автор «Белой гвардии» отказался это сделать (см.: Чудакова 1988: 316).

Возможна также реминисценция из романа Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг» (см.: Арьев 1988: 439), где соблазнителя и любовника главной героини зовут Владеком Ширвинским (см.: Слёзкин 1922). Судя по всему, сам автор «Ольги Орг» послужил отчасти прототипом персонажа «Белой гвардии», тем более что имя Слёзкина – Юрий Львович – сходно с именем романного Шервинского – Леонид Юрьевич. Отношения между писателями – существенный аспект не только истории «Белой гвардии», но и творческой биографии Булгакова в целом. Его знакомство со Слёзкиным произошло в 1920 г. при драматичных обстоятельствах. В начале апреля, после того как Владикавказ был взят Красной армией, обоих писателей арестовали и им грозил расстрел. Благодаря вмешательству красного комиссара Бориса Евгеньевича Этингофа (1887–1958), который с апреля по август 1920 г. возглавлял Терский областной отдел народного образования (наробраз), Слёзкин и Булгаков избежали расправы и были приняты на службу в подотдел искусств Терского наробраза (см.: Этингоф 2013: 148, 168).

Знакомство было возобновлено в Москве, куда Булгаков переехал в сентябре 1921 г., а Слёзкин – в марте 1922 г. В собрании коллекционера и библиофила Э.Ф. Ципельзона (ныне оно находится в Государственном литературном музее) содержится берлинское издание (1922) романа Слёзкина «Ветер». Дарственная надпись на нем рукой Слёзкина, сделанная 19 мая 1922 г., гласит: «Дорогому Михаилу Булгакову в память наших скитаний, “деяний” и томлений духа – верно, ушедших навсегда, и в залог всё же принадлежащего нам будущего с любовью дарю этот объемистый труд, увидевший свет далеко от своего мастера. Юрий Слёзкин» (Дар бесценный 2010: 10). В той же коллекции имеется пристяжная манжета с карандашной надписью Булгакова, адресованной, предположительно, Слёзкину: «1922 г. 19 сентября. Я писал на манжете (несколько слов стерто. – *Е.Я.*) единственному че-

ловеку, который нашел слова, чтобы поддержать пламень у меня. Я этого не забуду. М. Булгаков» (Дар бесценный 2010: 9).

Творчеству Слёзкина посвящена единственная известная литературно-критическая статья Булгакова «Юрий Слёзкин (Силуэт)» (см.: Булгаков 1922). Начав с похвал автору «Ольги Орг» и признания его заслуг, Булгаков затем фактически дезавуирует Слёзкина как писателя, сравнивая его с персонажем романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Кармазиновым. Мироощущение Слёзкина характеризуется как «широкий гусарско-дворянский je m'en fich'изм» (от *фр.* «je m'en fiche» – «мне наплевать»; в романе «Бесы» это выражение использует Степан Верховенский; см.: Достоевский 1972–1990/10: 73) и «психология европеизированного русского барчука» (Булгаков 2007–2011/3: 132, 135). Текст опубликован в октябре 1922 г., но датирован маем 1922 г., и трудно определить, чтó возникло раньше – образ Слёзкина в статье Булгакова или образ Алексея Васильевича, под именем которого в романе Слёзкина «Столовая гора» выведен сам Булгаков (см. с. 381 наст. изд.). Персонаж Слёзкина Булгакову не понравился, и это могло послужить причиной обиды (подробнее об этом см. с. 755 наст. изд.).

Впрочем, «<...> отношения писателей из-за этой статьи не пострадали, Слёзкин за рядом апологетических характеристик, скорее всего, просмотрел важные для Булгакова выводы о смысле и сути литературного мастерства» (Белобровцева, Кульюс 2001: 21). В августе 1923 г. в письме к Булгакову Слёзкин сообщал, что, читая в украинских городах лекции о современной литературе, назвал Булгакова и В.П. Катаева (1897–1986) в числе наиболее талантливых молодых писателей, работающих в газете «Накануне» (см.: Белобровцева, Кульюс 2001: 21). Сохранился автограф Булгакова: «Юре Слёзкину в память лета 1920 г. С любовью Михаил Булгаков. 19 30/V 23» (Булгаков, Булгакова 2001: 25). Спустя год на титульном листе повести «Дьяволиада» (1922) Булгаков написал: «Милому Юре Слёзкину в память наших скитаний, страданий у подножия Столовой Горы. У подножия ставился первый акт Дьяволиады; дай нам Бог дожить до акта V-го – веселого с развязкой свадебной. М. Булгаков. Москва. 19 15/III 24» (Булгаков, Булгакова 2001: 37). В тот же период Слёзкин опубликовал положительный отзыв о романе «Белая гвардия» (см. с. 392 наст. изд.).

Со второй половины 1920-х годов отношения между писателями приобрели формальный характер. В дневниковой записи от 21 февраля 1932 г. Слёзкин намекает на политический конформизм Булгакова: «По приезде в Москву мы опять встретились с Булгаковым как старые приятели, хотя последнее время во Владикавказе между нами пробежала черная кошка (Бул-

гаков переметнулся на сторону сильнейшую)» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 30). Между тем сам Слёзкин неуклонно двигался по пути превращения в ортодоксального советского писателя – напр., в 1934 г. направил на XVII съезд ВКП(б) «рапорт» о своем творчестве; в 1935 и 1937 гг. обращался к И.В. Сталину (1878–1953) с благодарственными письмами и просил его о встрече, чтобы «схватить и закрепить» образ вождя (см.: НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 145(вл.); Ед. хр. 5. Л. 10об.–11; Ед. хр. 6. Л. 34об.–35). При этом позицию, занятую Булгаковым после «Белой гвардии», Слёзкин оценивал как саморекламу, «игру в оппозицию», утверждая, что тот «<...> искал популярности в интеллигентских, цекубуских (имеется в виду аббревиатура Центральной комиссии по улучшению быта ученых. — *Е.Я.*) кругах» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 41). Признавая «неоспоримый талант» Булгакова, Слёзкин квалифицировал его поведение как «несколько наигранное фрондерство и позу ущемленного в своих воззрениях человека» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 31), именуя автора «Дней Турбиных» «безыдейным, узким знаменем» старой интеллигенции (см.: НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 31). В дневниковой записи от 5 марта 1932 г., сокрушаясь о «великой силе мелкобуржуазной анархии» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 39об.), Слёзкин рассуждал:

> Не ждет ли нас царство его величества Мещанина великого?
>
> Недаром трубадуром и провозвестником этого царства и популярнейшим, любимейшим писателем – надо честно признаться – признан у нас – неофициальной общественностью – Мих<аил> Булгаков. Самый смелый мещанин Союза.
>
> НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 40

В записи от 27 марта 1937 г. Слёзкин оценивал творческий путь Булгакова и вовсе снисходительно, говоря о нем как о человеке конченом:

> <...> Булгаков уже не работает во МХАТе. Ему там нечего делать. С коллективом он не сжился, хотя все к нему хорошо относились. Он написал повесть о молодом авторе, принесшем пьесу во МХАТ. Очень зла и остроумна, но как обычно у него – неизвестно во имя чего это написано. Зубоскальство – и только. Грустная у него писательская судьба. Очень талантлив, но мелок – отсюда все качества. Теперь он работает в Большом театре штатным либреттистом.
>
> НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 5. Л. 69

Информация передана с чужих слов, и автор дневника, вероятнее всего, не читал упоминаемую «повесть» Булгакова — «театральный» роман «Записки покойника»: прототипом его персонажа, литератора Ликоспастова, считается именно Слёзкин (см.: Арьев 1988: 427—428). Впрочем, контакты между писателями продолжались до самой смерти Булгакова.

[21] *Кому — на, а кому — не.* — Каламбурное переосмысление слова «коммуна», популярное в годы Гражданской войны. Сходное выражение присутствует в повести М.М. Пришвина (1873—1954) «Мирская чаша» (1922); ср.:

> <...> коммуна есть просто: кому-нá.
> — Кому на, а кому бя.
>
> Пришвин 1982: 549

Показателен также эпизод книги поэтессы И.В. Одоевцевой (псевд. И. Г. Гейнике; 1895—1990) «На берегах Невы» (1967); ср.: «Маяковский кричал с эстрады: "Коммуна! Кому — на! Кому — нет! Кому зубы прикладом выставила, кому — как мне, — вставила зубы". И улыбался новой великолепной вставной челюстью» (Одоевцева 2006: 262—263).

[22] «*Аида*» («Aida») — опера (1870) итальянского композитора Джузеппе Верди (1813—1901); либретто А. Гисланцони по сценарию О.Ф. Мариетта. Неоднократно ставилась в Киевском оперном театре (в частности, постановки были осуществлены в 1912 и 1919 гг.). В начале 1920-х годов «Аида» шла в Большом театре в Москве.

[23] *1918 года, мая 12 дня я влюбился.* — Надпись датируется временем незадолго до или вскоре после похорон матери Турбиных.

[24] *Браунинг* — система автоматических пистолетов, названная по фамилии работавшего в Бельгии американского конструктора и промышленника Джозефа Мозеса Браунинга (1855—1926).

[25] *Июнь. Баркарола.* — Возможная перекличка с эпизодом студенческого новогоднего костюмированного бала в романе Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг»; ср.: «Пьеро, весь белый и грустный, играл баркаролу Чайковского "Июнь"» (Слезкин 1922: 62). Пьеса «Баркарола (Июнь)» входит в цикл композитора П.И. Чайковского (1840—1893) «Времена года» (1876).

[26] *Недаром помнит вся Россия | Про день Бородина.* — *Лермонтов М.Ю.* Бородино // Лермонтов 1936—1937/2: 10. Надпись на печи сделана, вероятно, в связи с годовщиной Бородинской битвы 26 августа (7 сентября).

[27] *Я таки приказываю ~ портной Абрам Пружинер.* — Сходная реплика присутствует в рассказе А.П. Чехова «Жалобная книга»; ср.: «Прошу в жалобной

книге не писать посторонних вещей» (Чехов 1974—1982/2: 359). Еврейское имя и общий стиль подписи мотивированы реальными обстоятельствами: во время восстания в Киеве в январе 1918 г. штабом красногвардейцев на Подоле руководили портные М. Кугель и некто Цимберг (см.: Тинченко 1997: 12).

[28] *1918 года, 30-го января.* — После взятия Киева Красной гвардией в город 30 января (12 февраля) 1918 г. въехало правительство Советской Украины (см.: Лурье, Рогинский 1989: 576).

[29] *...постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года...* — В Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. произошел большевистский переворот. В Киеве после нескольких дней боев власть 31 октября (13 ноября) 1917 г. перешла к возникшей еще весной Центральной Раде, которая не признала большевистское правительство РСФСР и 7 (20) ноября 1917 г. провозгласила Украинскую Народную Республику в составе России, а 9 (22) января 1918 г. объявила о выходе из РСФСР. Рада стремилась к созданию федеративного Украинского государства из девяти южных губерний бывшей Российской империи.

[30] *Френч* — военный китель с застежкой на пуговицы, с мягким отложным или стоячим воротником и большими накладными карманами на груди и полах.

[31] *...в синих рейтузах...* — Рейтузы были элементом формы кавалеристов — Турбин позже скажет, что во время Первой мировой войны служил в гусарском полку (см. с. 76 наст. изд.).

[32] *Николкина подруга, гитара...* — Младшие братья писателя с детства играли на струнных инструментах (И.А. Булгаков впоследствии стал профессиональным музыкантом; см. примеч. 20 к гл. 1). В период, когда начинается действие «Белой гвардии», 30 мая 1918 г., группа старшеклассников и выпускников Александровской гимназии (в том числе Н.А. и И.А. Булгаковы) обратилась к педагогическому совету с просьбой организовать гимназический оркестр. На прошении стоит резолюция «Дозволено» — таким образом, оркестр, видимо, был создан (см.: Дом Булгакова 2015: 107).

[33] *Унтер-офицер* — нижний чин (должность и звание) в дореволюционной армии (примерно соответствует современному сержанту).

[34] *...погоны с белыми нашивками....* — Унтер-офицеры носили погоны с поперечными нашивками (в армии — белого цвета, в гвардии — оранжево-желтыми).

[35] *Шеврон* — нашивка угольной формы на различных частях военного обмундирования; у добровольцев шевроны имели цвета бело-сине-красного государственного флага России.

[36] *Дружина первая, пехотная, третий ее отдел.* — С октября 1918 г. в Киеве начали создаваться добровольные дружины (частью офицерские, частью смешанного типа, преимущественно из учащейся молодежи) под командованием генерала Л.Н. Кирпичёва, полковников И.Г. Рубанова (1877—1931), Л.С. Святополка-Мирского (?—1940-е?) и др. Военнослужащие этих частей носили форму русской армии. Отделы и подотделы имелись в дружине Кирпичёва (см.: Тинченко 1997: 73).

В мае 1919 г П.П. Скоропадский пояснял:

> <...> мы хотели, чтобы все наши центры были застрахованы от всяких случайностей, и для этого формировали в больших городах офицерские дружины, особенно в Киеве, где начальником дружины был генерал Кирпичёв. Условием вступления в эти отряды была аполитичность. Единственным назначением этих отрядов было поддержание порядка и борьба со всякой формой воинствующего большевизма. Кроме того, так как в формируемых корпусах украинской армии были одни лишь кадровые офицеры — новобранцы должны были прибыть лишь в ноябре, — на совещании с корпусными командирами я приказал немедленно сформировать в каждом из 48 полков по одной сильной офицерской роте, хорошо снабженной пулеметами, главное назначение которых было поддержать порядок в провинции. Офицерам, не сочувствующим Украине, разрешалось вступать в особый корпус, чины которого сохранили русскую форму с погонами. Так же было и в городских дружинах. Остальные офицеры могли вступать в украинские корпуса. Следовательно, казалось, никакого насилия над убеждениями не было; цель же для всех общая: поддержание порядка.
>
> Скоропадский 1994: 97

[37] *...кремовые шторы задернуты.* — Наличие таких штор в киевской квартире Булгаковых Т.Н. Кисельгоф отрицала: «Были просто занавески» (Кисельгоф 1991: 59).

[38] *Съемки* — топографические занятия в летних лагерях, описанные, напр., в романе А.И. Куприна (1870—1938) «Юнкера» (1932), где одна из глав носит название «Топография»; ср.:

> Последние лагерные работы идут к концу. Младший курс еще занят глазомерными съемками. Труд не тяжелый: приблизительный,

свободный и даже веселый. Это совсем не то, что топографические точные съемки с кипрегелем-дальномером, над которыми каждый день корпят и потеют юнкера старшего курса, готовые на днях чудесным образом превратиться в настоящих взаправдашних господ офицеров.

Куприн 1957–1958/6: 347

[39] *Сапоги фасонные, | Бескозырки тонные, | То юнкера-инженеры идут!.. Здравствуйте дачники, | Здравствуйте, дачницы...* — Переделанная на инженерный лад песня Николаевского кавалерийского училища «Бутылочка»:

Едут, поют юнкера гвардейской школы;
Трубы, литавры на солнце блестят.

Припев:

Гей, песнь моя, любимая,
буль-буль-буль бутылочка казенного вина
(буль-буль-буль баклажечка походная моя). <...>

Справа повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней.

Припев.

Съемки примерные, съемки глазомерные,
Вы научили нас водочку пить.
(Вы научили нас женщин любить.)

Припев.

Справа и слева идут институточки (гимназисточки),
Как же нам, братцы, равненье держать?

Припев.

Здравствуйте, барышни, здравствуйте, милые,
Съемки у нас, юнкеров, начались!

Припев.

Наш эскадронный скомандовал: Смирно!
Руку (ручку) свою приложил к козырьку.

Припев.

Тронулся, двинулся, заколыхался
Алою лентой наш эскадрон.

Припев.

Цит. по: Тинченко 1997: 67

Юнкер — военнослужащий, проходящий курс наук в военно-учебном заведении (военном, юнкерском училище, школе) Российской империи.

[40] *Училище.* — Имеется в виду Алексеевское инженерное военное училище в Киеве, учрежденное в марте 1915 г.; все выпуски училища были ускоренными восьмимесячными (см.: Воробьева 2002: 48), притом что обычный срок обучения составлял два года. Юнкером Алексеевского училища в 1917 г. был брат автора «Белой гвардии» Н.А. Булгаков. Здание в стиле неоампир построено в 1916 г. (ныне — военный лицей им. И. Богуна, бульвар Леси Украинки, дом 25).

[41] *Александровские колонны.* — Имеются в виду колонны в стиле александровской эпохи, ампирные. Словосочетание «Александровская колонна» (Александрийский столп) отсылает также к памятнику на Дворцовой площади в Петербурге (1834, архитектор Огюст Монферран), воздвигнутому по указу императора Николая I (1796—1855; правление: 1825—1855 гг.) в память о победе Александра I (1777—1825; правление 1801—1825 гг.) над Наполеоном I в Отечественной войне 1812 г.

[42] *Ползут юнкера на животиках ~ Испугался генерал Богородицкий и сдался...* — Начальником Алексеевского училища в 1917 г. был генерал Е.Ф. Эльснер (1867—1930; см.: Тинченко 1997: 68; Волков 2003: 649); вскоре после того как в начале ноября 1917 г. защитники училища сдались, оно было расформировано.

Младший брат писателя Н.А. Булгаков вместе с другими юнкерами защищавший власть Временного правительства в октябрьских боях 1917 г., находился в здании училища. В ночь с 29 на 30 октября (11/12 ноября), провожая мать В.М. Булгакову, пришедшую его навестить, он чуть не по-

гиб вместе с нею, попав под обстрел, — об этом В.М. Булгакова рассказала в письме дочери, Н.А. Земской, 10 (23) ноября 1917 г. Случай получил отражение в рассказе Булгакова «Дань восхищения» (1920; подробнее об этом см. с. 382–383 наст. изд.). В итоге В.М. Булгакова благополучно добралась до дома. О сыне она пишет:

> <...> бедный Николайчик, не спавший уже две ночи, вынес еще два ужасных дня и ночи. <...> Теперь всё кончено... У нас торжественно вчера объявлена Украинская Республика, был большой парад. О юнкерах вопрос еще не решен. Их распустили на месяц. Инженерное училище пострадало меньше других: четверо ранено, один сошел с ума. Они разделились на две партии — одна пошла в отпуск, другая добровольно осталась в Училище нести дежурства и караулы. Коля просоединился к последним, хотя я предпочитала бы, чтобы он отдохнул дома от всех потрясений. Но он так поглощен своими училищными делами, эти события еще больше захватили его, у него развилось чувство долга.
>
> Цит. по: Земская 2004: 126

43 *...над червонными украинскими полями.* — Эпитет представляет собой русское написание прилагательного «червоний» (*укр.*) — «красный» и вместе с тем «золотой» (ср. «червонное золото»).

44 *Все трое прислушались и убедились — пушки.* — Имеется в виду артиллерийский обстрел Киева украинскими частями, который начался еще 21 ноября 1918 г. — «<...> события борьбы между П.П. Скоропадским и Директорией развивались целый месяц» (Тинченко 1997: 5).

45 «*Ночь под Рождество*». — Имеется в виду опера «Ночь перед Рождеством» (1895) композитора Н.А. Римского-Корсакова (1844–1908) по мотивам одноименной повести (1832; опубл. 1832) Н.В. Гоголя, которая входит в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», основанный на украинском фольклоре.

46 *Святошино* — историческая местность, дачный поселок на западной окраине Киева (ныне — Святошинский район Киева).

47 *Верста* — старая мера длины, около 1 км.

48 «*Маркиза*». — Кондитерская с похожим названием — «Маркиз» — находилась по адресу: Владимирская улица, дом 39 (см.: Весь Киев 1915: 853).

49 «*Ниццкая флора*». — Магазин «Флора», который, как гласила реклама, «ежедневно получает свежие цветы из Ниццы» (Весь Киев 1915: 972), находился по адресу: Николаевская улица, дом 3.

[50] *...в сухарнице пила-фраже...* – Т.Н. Кисельгоф вспоминала, что во время их с Булгаковым свадьбы на сухарнице из фраже (посеребренного мельхиора) молодоженам был преподнесен один из свадебных подарков. Эту сухарницу она хранила до самой смерти – ныне предмет находится в экспозиции Дома-музея М.А. Булгакова в Киеве (см.: Дом Булгакова 2015: 133). Пила – здесь: мелкозубчатый нож. Магазин фирмы «Иосиф Фраже» находился в Киеве по адресу: улица Крещатик, дом 33 (см.: Весь Киев 1915).

[51] *Гарусный* – сделанный из гаруса, шерстяной пряжи для вышивания и вязания либо грубой хлопчатобумажной ткани с набивным рисунком.

[52] *Застрял где-то Тальберг со своим денежным гетманским поездом...* – Согласно запискам Л.С. Карума, послужившего прототипом Тальберга, в 1918 г. он служил в департаменте самоуправления (см.: МБКЭ 2011: 231), затем в законодательном управлении канцелярии военного министра: «Нашей обязанностью была проверка законодательных актов и придача этим законодательным актам юридических форм» (МБКЭ 2011: 234). В ноябре–декабре 1918 г. состоял в Георгиевской офицерской дружине (см.: МБКЭ 2011: 235; см. также: Волков 2012/1: 535). Карум вспоминал:

> Жили мы, члены дружины, дома и являлись в дружину, как на службу. Служить в ней мне пришлось всего два раза. Один раз я был назначен в ночной патруль на Подоле. <...> Другой случай был такой: Онацкий нам, своей дружине, где было офицеров человек двадцать, сказал, что на следующий день мы поедем в Лубны (город в Полтавской губернии, ныне области Украины, примерно в 200 км к юго-востоку от Киева. – *Е.Я.*). Почему? Он не знает.
>
> Ладно. Часов в 7 утра мы собрались у себя на сборном пункте, в Бессарабских казармах, получили винтовки с патронами, санитарные бинты и поехали на грузовике в банк. Там взяли двух чиновников и мешок с деньгами. Поехали на вокзал. На вокзале нам дали отдельный вагон, куда мы все с мешком вошли и заперлись.
>
> Вскоре нас прицепили к поезду, поезд отправился в Лубны.
>
> Мы все лежали на скамейках, а двое дежурили у дверей. Отъехали станции две. Возле Барышева вдруг сигнал. Дежурный кричит: «Встаньте по местам!» Каждый из нас уже знал, у какого окна ему становиться. Смотрим в окно. На поле гарцуют какие-то казаки, спешат к поезду, велят нам остановиться. Поезд стал. Конные подъезжают. Мы с радостью видим: это гетманские сердюки. Дальняя разведка. Не пропускают петлюровские поезда.

> Слава Богу! Отлегло от сердца. Онацкий вышел из вагона, дружески поговорил с сердюками, и поезд отправился дальше. На следующее утро приехали в Лубны. <...> Сдав благополучно деньги, мы сели на обратный поезд и поздно вечером были уже дома.
>
> Варенька очень беспокоилась обо мне.
>
> А бои шли вокруг Киева. Это мы чудом проскочили.
>
> МБКЭ 2011: 235–236

В другом фрагменте записок Карум комментировал эпизод романа так: «Он (Булгаков. — *Е.Я.*) описывает случай моей командировки в Лубны во время власти гетмана при петлюровском восстании» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 6).

53 «*Господин из Сан-Франциско*» — рассказ (1915) И.А. Бунина (1870–1953).

54 «...*мрак, океан, вьюгу*». — Цитата (заключительные слова) из рассказа И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (см.: Бунин 1988/2: 536). По воспоминаниям писателя В.П. Катаева, финал этого произведения Булгаков знал наизусть:

> Вообще-то я был бунинец. И для меня, помню, было удивительным, как вдруг Булгаков прочел наизусть конец «Господина из Сан-Франциско». Блок, Бунин — они, по моим представлениям, для него не должны были существовать! Его литературные вкусы должны были кончаться где-то раньше...
>
> Воспоминания 1988: 494

Возможна также реминисценция из романа французского писателя Виктора Гюго (1802–1885) «Отверженные» («Les Misérables»; 1862) который упоминается в «Белой гвардии» (см. с. 97 наст. изд.; см. также: Рогозовская 2008). В «Отверженных» образ упавшего с корабля пловца в океане — метафора человека, отвергнутого жестоким обществом; в этом смысле роман Гюго своеобразно дополняет рассказ Бунина:

> Вокруг него мрак, мгла, одиночество, бушующая безучастная буря, бесконечный плеск грозных волн. Вокруг ужас и утомление. Под ним гибель. Нет нигде спасительной точки. <...> Несчастный сдается. Усталый решается умереть, он перестает бороться, отдается на волю стихий и навеки погружается в мрачную бездну.
>
> Гюго 2001–2003/3: 108

[55] *...из-под Бородянки вернули два немецких полка.* — Бородянка — поселок примерно в 50 км к северо-западу от Киева. С началом революции в Германии в ноябре 1918 г. германское командование было вынуждено отводить войска с Восточного фронта. В немецких частях стали возникать Советы солдатских депутатов, усилились левые настроения. В ноябре 1918 г. немцы помогли гетману отбросить войска Петлюры от Киева, однако 28 ноября 1918 г. представители германского командования и немецкого Совета солдатских депутатов подписали с представителями Директории соглашение об условиях перемирия (см.: Тинченко 1997: 224). Новое соглашение с Петлюрой было подписано 12 декабря 1918 г.: германская армия обещала сохранять нейтралитет, а петлюровцы — содействовать ее эвакуации (см.: Федюшин 2007: 284–285).

[56] *Красный бант.* — Имеется в виду революционный, антимонархический символ, который носили на груди в знак нежелания продолжать войну.

[57] *Апсольман* — здесь: абсолютно, безусловно (от *фр.* «absolument»).

[58] *...в защитных погонах с тремя поручичьими звездами химическим карандашом.* — Воинское звание поручика в дореволюционной армии соответствует современному старшему лейтенанту; на погоне поручика — три звездочки, расположенные треугольником. Однако на погонах Мышлаевского, имеющих защитный (хаки) цвет, звездочки не металлические, как положено по форме, а обозначены кустарным способом — нарисованы чернильным карандашом.

[59] *Башлык* — суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх головного убора; имеет длинные концы для обматывания вокруг шеи. В начале XX в. был элементом военной формы.

[60] *Красота в разных по цвету, смелых глазах...* — Т.Н. Кисельгоф вспоминала о Н.Н. Сынгаевском (см. примеч. 18 к гл. 2): «<...> он был очень красивый. Глаза, правда, не разного цвета, но глаза прекрасные» (Кисельгоф 1991: 62). Деталь будет повторена в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» при описании Воланда: «Правый глаз черный, левый — почему-то зеленый» (Булгаков 2007–2011/7: 11).

[61] *...маленький и неправильный женский подбородок.* — Деталь, по-видимому, соответствует внешности Н.Н. Сынгаевского.Т.Н. Кисельгоф подтверждала: «<....> подбородок действительно такой, женский был...» (Кисельгоф 1991: 62).

[62] *Маузер* — самозарядный пистолет, разработанный в германской компании «Маузер». Назван по фамилии конструктора, владевшего компанией, Петера-Пауля фон Маузера (1838–1914).

[63] *Красный Трактир* — деревня примерно в пяти километрах от Киева (в настоящее время территория Национального комплекса «Экспоцентр Украины» в черте города). Сведения о событиях под Красным Трактиром Булгаков мог получить от П.А. Бржезицкого (см.: Тинченко 1997: 114–116). Вместе с тем название «Красный Трактир» носит одна из глав воспоминаний Р.Б. Гуля «Киевская эпопея» (1921; см. с. 346–349 наст. изд.); совпадение ряда мотивов и деталей позволяет предположить, что Булгаков был знаком с данным текстом; кроме того, писатель поддерживал с Гулем прямые и опосредованные эпистолярные отношения. В начале 1920-х годов Гуль, работавший в берлинской редакции газеты «Накануне», переписывался с Ю.Л. Слёзкиным, периодически упоминая о Булгакове. Так, 12 августа 1924 г. Гуль сообщал, что вскоре в Берлине начнет выходить газета «Литература и политика», и спрашивал у Слёзкина, кого из писателей можно поставить в список ее сотрудников: «Вас, Ауслендера, Буданцева, Большакова, Булгакова, Катаева, Стонова?» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 2–2об.) В недатированном письме (1924?) к Слёзкину Гуль упоминает, что вел переговоры об издании романа Слёзкина «Столовая гора» в Берлине, но из-за экономического кризиса перспективы неясны; затем Гуль пишет: «Спрашивал о Булгакове — в том же положении. Кстати — если вы видитесь с Булгаковым и если у него есть что-нибудь выпущенное — попросите прислать, очень люблю его перо» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 6–6а).

В другом письме, от 1 марта 1924 г., Гуль рассказывает, что взялся готовить литературный отдел для Энциклопедического словаря под редакцией В.В. Водовозова издательства З.И. Гржебина, и просит Слёзкина присылать сведения о современных авторах. Кроме того, Гуль через посредство Слёзкина обращается с просьбой к Булгакову:

> Я помню, Мих<аил> Булгаков составлял что-то — «биографии», кажется, писателей — не прислал ли бы он мне — если бы у него есть (остался) материал. Я бы — *уверяю* — возвратил всё ему с большой благодарностью. Дело-то в конце концов — общее, интересное и всем нужное.
>
> РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 7об.

Булгаков в 1922 г. действительно намеревался составить «Полный биографический словарь современных русских писателей» — текст соответствующего объявления был опубликован в нескольких отечественных и зарубежных изданиях (см.: Булгаков 2007–2011/3: 682). В связи с этим объ-

явлением Булгаковым заинтересовалось ГПУ – в частности, письмо Гуля Слёзкину по поводу словаря было перехвачено, и его копия сохранилась в архиве ФСБ (см.: Шенталинский 1997: 167–168).

Гуль поддерживал контакты и с самим Булгаковым. В недатированном письме (1925?) Слёзкину он говорит: «Очень вас прошу <...> если видите Булгакова, спросите, получил ли он мое письмо, я ему отправил его (заказным воздухом (авиапочтой. – *Е.Я.*)) 27 августа. И жду его ответа. Письмо послано на Всерос<сийский> Союз Писателей» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 4. Ед. хр. 7. Л. 13). Информируя об открытии крупного издательства «Таурус» (1925), которое собирается выпускать переводы «русской новейшей художественной прозы», Гуль просил Слёзкина присылать произведения для публикации; видимо, такое же предложение содержалось в упомянутом письме Булгакову.

[64] *Кишат.* – Речь идет о вшах, которые, будучи переносчиками сыпного тифа, представляют грозную опасность (сам Булгаков переболел сыпным тифом в начале 1920 г.; от заболевания той же группы, хотя и не переносимого вшами, – брюшного тифа – скоропостижно скончалась в 1922 г. мать писателя).

[65] *Батист* – тонкое, полупрозрачное льняное или шелковое полотно.

[66] *Денатурат* – технический спирт, в который добавлены специальные вещества, исключающие его потребление в пищевых целях.

[67] *Полковник Щеткин.* – Имеется в виду полковник Л.И. Сперанский (1876–?); начальник второго подотдела второго отдела дружины генерала Л.Н. Кирпичёва), о котором упоминает Р.Б. Гуль (см. с. 355 наст. изд.).

[68] *Гетман всея Украины.* – Гетманом Украины в апреле – декабре 1918 г. был П.П. Скоропадский; при взятии Киева петлюровцами 14 декабря эмигрировал в Германию. Подробнее см. примеч. 50 к гл. 4. В записи П.С. Попова дошло высказывание Булгакова: «Скоропадского видел однажды. На создание образа в пьесе ("Днях Турбиных". – *Е.Я.*) это не отразилось» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

[69] *Кавалергард* – служащий в Кавалергардском полку, элитной воинской части, созданной в 1724 г. как почетная императорская охрана. В 1881–1917 гг. шефом полка являлась императрица Мария Федоровна (1847–1928), жена императора Александра III (1845–1894). П.П. Скоропадский служил в Кавалергардском Ее Величества полку с 1893 г., после окончания Пажеского корпуса (придворного военно-учебного заведения); в 1896–1904 гг. был полковым адъютантом.

[70] *Во дворце.* — Имеется в виду Мариинский дворец (ныне церемониальная резиденция президента Украины) на Александровской улице (ныне улица Михаила Грушевского). Резиденция самого гетмана находилась в бывшем доме генерал-губернатора (ныне не существует) на Институтской улице (см.: Скоропадский 1994: 73–74).

[71] *А нас погнали, в чем были.* — Спустя несколько дней после падения Киева в декабре 1918 г. генерал В.Н. Кисляков (1875–1919) писал генералу А.С. Лукомскому (1868–1939) по поводу создания добровольческих дружин:

> <...> [идея] сразу оказалась в руках людей по меньшей мере сомнительных. Организационная часть дела была поставлена совершенно неудовлетворительно — киевская база оказалась никем не подготовленной, в результате чего все формирования получили кустарный характер. Людей призывали, но они сутками голодали, шли на позицию одетыми налегке, средства техники отсутствовали, санитарная часть была ниже критики.
>
> Цит. по: Пученков 2013: 169

В «Записке о киевских событиях» (1919) юриста А.А. Котлецова разобраны обстоятельства взятия города петлюровцами:

> Причины поражения крылись в самих осажденных войсках. <...> В одних штабах было занято 3500–4000 человек, что не помогало, а мешало:
>
> 1) жалование вовремя не уплачивалось, содержание не доставлялось;
>
> 2) на позицию люди отправлялись без валенок, сапог, теплой одежды;
>
> 3) снабжение сидящих в окопах было организовано беспорядочно;
>
> 4) между отдельными отрядами, а их было без конца, не было налажено связи;
>
> 5) была слаба боевая разведка;
>
> 6) в некоторых местах фронт был чересчур слаб. Например, у важной позиции Пост-Волынский отряд в 60 человек занимал по фронту верст 6. Это давало возможность петлюровцам просачиваться в город и обратно для связи с киевскими революционерами;

7) не было не только позиционных планов, но даже кроков (примерный план местности, сделанный посредством глазомерной съемки. — *Е.Я.*). Во многих штабах не было даже плана самого Киева;

8) в высших военных кругах не только не было единства, но армия развращалась известиями о ссорах и раздорах в генералитете. Понятно, что доверие к высшему начальству — командному составу было далеко не велико;

9) осажденные ограничивались большей частью пассивным сопротивлением, и не было сделано даже попытки создать кулак для прорыва неприятельского фронта и потом нападения в тыл кавалерией, а ее было около 2000 ч<еловек>. Пассивное же сопротивление всегда ведет к поражению.

Цит. по: Пученков 2013: 169–170

[72] *Сажень* — старая мера длины, около 2,1 м.

[73] *Мороз.* — Температура воздуха в Киеве 14 декабря 1918 г. колебалась между −9,5 и −11,9 градуса (см.: Паршин 1991: 69). В этой главе «Белой гвардии» действие происходит двумя днями раньше.

[74] *Гроб* — здесь: импровизированный окоп, укрытие.

[75] *Привел их полковник Най-Турс.* — Показательно пояснение Булгакова (в записи П.С. Попова); ср.: «Най-Турс — образ отдаленный, отвлеченный. Идеал русского офицерства. Каким бы должен быть в моем предст<авлении> рус<ский> оф<ицер>» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

Одним из прототипов Най-Турса считается известный деятель обороны Киева от войск Украинской Народной Республики генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер (1857–1918). Осенью 1918 г. ему было предложено возглавить формировавшуюся под Псковом Северную армию (белое движение), которая в соответствии с разработанным в Добровольческой армии планом должна была нанести удар по Петрограду, спровоцировав столкновение с красными. При этом в условиях усиления антигетманского движения П.П. Скоропадский, учитывая популярность Келлера, предложил тому возглавить все вооруженные силы, действовавшие на территории Украины. Назначение Келлера главнокомандующим состоялось 18 ноября 1918 г. Однако эту должность генерал занимал менее десяти дней: он открыто высказывался за восстановление империи, фактически не признавая Украину отдельным государством, и 26 ноября 1918 г. был смещен за нелояльность.

Несмотря на близившуюся сдачу Киева, Келлер отказался покинуть город. При вступлении петлюровцев 14 декабря примерно в 16 часов не-

большой отряд Келлера столкнулся на Крещатике с частями Днепровской дивизии. Один из участников событий вспоминал:

> Мы вышли на Крещатик, это главная улица Киева, впереди шел граф Келлер, за ним конвой: мы и другие офицеры, группа войсковая, — и пошли по Крещатику, впереди единственная была подвода, ломовая телега, которая везла казенные деньги и что-то еще, в основном все шли пешком, вооруженные кто винтовкой, кто карабином, кто чем; вышли мы на этот широкий Крещатик и двинулись по нему в сторону юга, не прошли и ста шагов приблизительно, как вдруг перед нами стена петлюровцев, сплошная от дома до дома, всё занято, их было очень много… Пешие… на нас двигаются… Мы остановились как вкопанные, и тогда Келлер говорит, я помню эту фразу: «Заворачивай оглобли». Мы завернули оглобли и пошли обратно, и тут Келлер нам сказал: «Господа, должен вам сказать, что дело наше проиграно, расходитесь по домам, кто куда может». Мы остановились на небольшой площади, окруженные, улицы там проходили наверху над нами… И лестница была в стене вделана… И нас поливают из пулеметов и из ружей сверху, а мы на этой площади как в такой котловине оказались… Келлер говорит: «Надо штурмовать эту лестницу каменную, чтобы выбить тех, кто нас там обстреливает». Мы бросились на лестницу, как ни странно, впереди были: один кадет, мальчишка лет семнадцати, и я, мы вдвоем по этой лестнице пустились, а там сверху нас поливали, при виде этого за нами другие пошли, а увидев, что добровольцы поднимаются по лестнице, наверху сиганули, значит, мы поднялись, и тут был последний момент прощания с Келлером, его надо было спрятать. Было решено спрятать его в каком-то монастыре, и нас осталось при нем только пять человек конвойцев, остальные все рассиропились… и вот мы его, значит, проводили до этого монастыря тут же в городе… проводили до дверей, значит, он вошел, попрощался с нами и говорит: «Теперь тоже разбредайтесь, как можете».
>
> Киселевский 2003: 148–149

Келлер скрывался в Михайловском монастыре, где и был арестован петлюровцами. При переводе из одной тюрьмы в другую 21 декабря 1918 г. он и два адъютанта были убиты на Софийской площади у подножия памятника Богдану Хмельницкому (см.: Тинченко 1997: 142–157; см. также: Пученков 2013: 172–182).

Между персонажем романа и предполагаемым прототипом имеются, однако, существенные различия: Най-Турс не генерал, а полковник, он значительно моложе 60-летнего Келлера и т. п.

Фамилия Най-Турса, возможно, подсказана литературным контекстом и отсылает к книге известного филолога, теоретика формализма В.Б. Шкловского (1893–1984) «Ход коня» (1923). Ее метафорическое название отражает «зигзаги» биографии и политических пристрастий самого автора, который в «Первом предисловии» (озаглавленном так же, как и вся книга) пишет:

> <...> конь не свободен, – он ходит вбок потому, что прямая дорога ему запрещена.
>
> <...> не думайте, что ход коня – ход труса.
>
> Я не трус.
>
> Наша изломанная дорога – дорога смелых, но что нам делать, когда у нас по два глаза и видим мы больше честных пешек и по должности одноверных королей.
>
> Шкловский 1990: 74–75

В самом начале предисловия, после фразы «Конь ходит боком, вот так» (Шкловский 1990: 74), изображена шахматная доска, где зигзагообразным пунктиром показано несколько последовательных ходов этой шахматной фигуры. Диаграмма отсылает к известной шахматной задаче о коне, который должен обойти все клетки доски так, чтобы на каждой побывать только один раз. Задача называется «Knight's tour» (*англ.*) – «ход конем» (в заглавии книги Шкловского реализован иной вариант перевода); английское словосочетание, фонетически смешанное с самохарактеристикой Шкловского «не трус», по-видимому, образовало фамилию Най-Турс. Кроме того, английское именование шахматной фигуры «knight» (*англ.*) – «рыцарь-всадник» – вполне соответствует образу полковника «Белградского гусарского полка» и рыцаря белой идеи.

Книга «Ход коня» вскоре после выхода была подвергнута острой критике в статье Л.Д. Троцкого (1879–1940) (см. примеч. 78 к гл. 3) «Формальная школа поэзии и марксизм» (Правда. 1923. 26 июля), вошедшей затем в его книгу «Литература и революция» (1923) (см.: Троцкий 1991: 138–145).

В начале XX в. в Киеве существовал также реальный человек с фамилией, напоминавшей фамилию Най-Турс. Гусарский полковник Николай Николаевич Най-Пум (ок. 1884–1947) был по национальности сиамцем (основное население Таиланда) и в 1898 г. приехал в Россию вместе с сиамским принцем Пуванатом Чакрабоном (1883–1920). Оба учились в Пажеском кор-

пусе, по окончании которого в 1902 г. были произведены в корнеты гусарского Его Величества полка. В 1906 г. Чакрабон, учившийся в Петербурге в Николаевской академии Генерального штаба, женился на Е.И. Десницкой (1886–1960), которая провела детство и юность в Киеве, и вместе с женой уехал на родину, в Таиланд. Най-Пум, напротив, остался в России и принял православие (см.: Скворцов 1986: 29–30). Этот сюжет описан в повести К.Г. Паустовского «Далекие годы» (1946) – автор рассказывает о знакомстве с Десницкой (она названа Весницкой) и кратко, причем не вполне точно, повествует о ее жизни (см.: Паустовский 1958: 65–67).

[76] *...он не белградский гусар?* – Полка под названием «Белградский» не существовало. В состав Киевского военного округа до революции 1917 г. входил 12-й Белгородский уланский полк; в армии Украинской Державы (национальное украинское государство в период гетманата) в составе 4-й Харьковской конной дивизии был 15-й Белгородский конный полк, которым в июле–сентябре 1918 г. командовал полковник Г.М. Лермонтов (1877–1949; см.: Монкевич 1995: 92).

Белгород имел особое значение в истории семьи Булгаковых: в этом городе, относившемся в конце XIX в. к Курской губернии, до 1901 г. жила семья Петра Ивановича Булгакова (1862–1931) – родного дяди писателя со стороны отца. Сыновья П.И. Булгакова Константин и Николай (1898–1983; родился именно в Белгороде) в 1910-х годах (Константин – с августа 1910 г., Николай – с 1913 г.) жили в семье Булгаковых в Киеве и носили прозвище «Японцы». П.И. Булгаков в 1901 г. уехал с семьей из Белгорода сначала во Владивосток (служил там преподавателем Восточного института), а оттуда в Японию, где с 1906 г. стал священником русской миссии в Токио (см.: Яблоков, Дооге 2011).

Название полка по созвучию отсылает к Белогорской крепости, где происходит действие романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Ср. также в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»: Николай Ростов воюет в Павлоградском гусарском полку (см.: Толстой 1928–1958/9: 155).

[77] *Серебрянка* – вероятно, вымышленный топоним. В романе этот населенный пункт расположен неподалеку от деревни Красный Трактир (см. примеч. 63 к гл. 2).

[78] *Пост-Волынский* – поселение вокруг железнодорожной станции Киев-Волынский в юго-западной части города (сейчас местность вблизи аэропорта Жуляны).

[79] *Шрапнель* – артиллерийский снаряд для поражения живой силы противника, действующий по принципу разрывной гранаты и начиненный

шарообразными пулями. В изданных в Житомире во время Первой мировой войны «Записках по артиллерии» Н.С. Абамеликова и Б.Д. Приходкина (см. примеч. 73 к гл. 6) указано: «Шрапнель, снаряженная пулями и порохом, состоит из стального тонкостенного стакана, который возле дна разделяется перегородкой на два отделения: нижнее — для разрывного заряда (дымный порох) и верхнее — для пуль» (Абамеликов, Приходкин 1916: 15).

[80] *Расточились* — здесь: рассеялись. Ср.: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его» (Пс. 67: 2).

[81] *...мужички-богоносцы достоевские!..* — В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» словосочетание «народ-богоносец» звучит из уст Шатова, бывшего атеиста и социалиста, превратившегося в религиозного почвенника. В одном из эпизодов Шатов напоминает Ставрогину мысль, которую тот некогда высказал сам: «<...> знаете ли вы, кто теперь на всей земле единственный народ-“богоносец”, грядущий обновить и спасти мир именем нового бога, и кому единому даны ключи жизни и нового слова...» (Достоевский 1972–1990/10: 196). Ставрогин давно забыл о своих словах и относится к ним иронически, но для Шатова они стали символом веры.

Реминисценции из романа «Бесы» в «Белой гвардии» сходны с таковыми в статье С.Н. Булгакова «На пиру богов» (см. примеч. 50 к гл. 1), где, в частности, обсуждается вопрос о роли, которую в российской общественной мысли и истории сыграла художественная литература. Генерал, один из участников спора, говорит по поводу Л.Н. Толстого: «Если был в России роковой для нее человек, который огромное свое дарование посвятил делу разрушения России, так этот старый нигилист, духовный предтеча большевиков теперешних» (Из глубины 1990: 111). Дипломат, напротив, защищает Толстого:

> <...> народушке и он поклонялся, — он был все-таки барин, — но мессианизмов для него не сочинял. А вот Достоевский — тот был, действительно, роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продираться через туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил. А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха.
>
> Из глубины 1990: 112

В том же сборнике показательна статья философа и религиозного мыслителя С.Л. Франка «De profundis» (*лат.*) — «Из глубины»; ср.:

> Как и почему случилось, что народ (понимая народ не в классовом, а в национальном смысле), прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства?
>
> Из глубины 1990: 266

Ср. фрагмент статьи С.Н. Булгакова «На пиру богов»: «Недавно еще мечтательно поклонялись народу-богоносцу, освободителю. А когда народ перестал бояться барина, да тряхнул вовсю, вспомнил свои пугачевские были, — ведь память народная не так коротка, как барская, — тут и началось разочарование» (Из глубины 1990: 111).

Ироническое отношение самого автора «Белой гвардии» к сакрализованному образу народа зафиксировано в воспоминаниях журналиста И.С. Овчинникова (1880—1967), в начале 1920-х годов работавшего с Булгаковым в редакции газеты «Гудок»:

> Деревня еще бурлила. Крестьяне то подожгут помещичью усадьбу, то учинят расправу над самим помещиком.
>
> Булгаков шутит:
>
> — Ликуйте и радуйтесь! Это же ваш народ-богоносец! Это же ваши Платоны Каратаевы!
>
> Воспоминания 1988: 141

[82] *Попелюха* — вымышленный топоним. Мышлаевский упоминает, что это деревня под Красным Трактиром, однако в гл. 8 говорится, что Попелюха находится в 15 верстах от Города (см. с. 107 наст. изд), — это не соответствует расположению деревни Красный Трактир (см. примеч. 63 к гл. 2).

Возможно, в качестве топонима использовано название одного из фольклорных персонажей. Ср., напр., во фрагменте романа А.А. Вербицкой (1861—1928) «Ключи счастья» (1908—1913):

> Попелюха — это исчадие болот. По обычаю малороссов (украинцев. — *Е.Я.*), весь пепел из печей бросают в болото. И по ночам из этого пепла рождается серая жуткая нечисть. И горе тому, кто ее увидит! Это саламандра древних... В нее верят крестьяне. Многие видели ее не раз перед несчастьем: пожаром, болезнью, смертью.
>
> Вербицкая 1910: 33

[83] *Подпоручик* — офицерский чин в дореволюционной армии (соответствует современному лейтенанту).

[84] *За манишку* — иносказательная замена оборота «за грудки». Манишка — нагрудник, обычно из белой ткани, пришиваемый или пристегиваемый к мужской сорочке.

[85] *...святой землепашец, сеятель и хранитель...* — Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова (1821—1878) «Размышления у парадного подъезда» (1858); ср.:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?

Некрасов 1981—2000/2: 49

[86] *Ваше высокоблагородие* — титулование штаб-офицеров, от капитана до полковника, согласно Табели о рангах.

[87] *Розвальни* — крестьянские низкие и широкие сани с расходящимися врозь от передка боками.

[88] *Перевязочная летучка* — санитарная повозка.

[89] *Теплушка* — товарный вагон, переоборудованый для перевозки людей и животных.

[90] *В штаб генерала Картузова.* — Скорее всего, имеется в виду генерал Л.Н. Кирпичёв, который с 24 ноября 1918 г. был командиром Киевской добровольческой дружины и Сводного корпуса в гетманской армии (см.: Волков 2012/1: 551).

[91] «*Замок Тамары*» — название грузинского винного погребка в Киеве по адресу: Владимирская улица, дом 43. Т.Н. Кисельгоф указывала иную реалию: «Это во Владикавказе был такой. Водка там была жуткая!» (Кисельгоф 1991: 72). Кроме того, в начале 1920-х годов в Москве по адресу улица Рождественка, дом 14 находился ресторан или погребок «Замок Тамары» (официально подобные заведения именовались столовыми); упоминается в фельетоне Булгакова «Самогонное озеро» (1923). Тамара (1166—1209/1213) — царица Грузии; персонаж одноименной баллады (1841) М.Ю. Лермонтова; такое же имя носит героиня его поэмы «Демон» (1839).

[92] *...клиновидные, гетманского военного министерства погоны...* — Рассказывая о службе в канцелярии военного министра, Л.С. Карум пишет:

> Погоны были немецкого образца, суживающиеся кверху, во всём же остальном погоны были схожие с русскими, образца царской армии.
>
> Канцелярия носила красную окантовку <...>
>
> МБКЭ 2011: 234

[93] *...образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно.* — Возможная реминисценция из романа французского писателя Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» («Notre-Dame de Paris»; 1831); ср.: «Однажды утром, проснувшись, она (Эсмеральда. — *Е.Я.*) увидела на своем окне две вазы с цветами. Одна была хрустальная — красивая и блестящая, но надтреснутая: вода вытекла из нее, и цветы завяли» (Гюго 2001–2003/4: 399). По воспоминаниям Н.А. Земской, Булгаков впервые прочитал роман «Собор Парижской Богоматери» в возрасте восьми-девяти лет (Земская 2004: 78).

[94] *...главная причина этому в двухслойных глазах капитана генерального штаба Тальберга, Сергея Ивановича...* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «Глаза Бориса, спокойно и твердо глядевшие на Ростова, были как будто застланы чем-то, какая-то заслонка — синие очки общежития были надеты на них» (Толстой 1928–1958/10: 141).

[95] *Оба значка — академии и университета...* — Прототип Тальберга Л.С. Карум в 1908 г. окончил Киевское военное училище, в декабре 1917 г. — Александровскую военно-юридическую академию в Петрограде, в апреле 1918 г. сдал экстерном выпускные экзамены на юридическом факультете Московского университета (см.: Волков 2012/1: 535; Тинченко 1997: 88–89; МБКЭ 2011: 229).

[96] *Сердюки* — сердюцкая дивизия, гетманская гвардия (численностью около 5 тысяч человек), сформированная в июле 1918 г. в основном из добровольцев-крестьян 18–25 лет. К.Г. Паустовский писал:

> Это была мутная хулиганствующая вольница, но и она в глубине души знала настоящую цену своему гетману. Сердюки, проходя (во время парада. — *Е.Я.*) мимо гетмана, пели:
>
> Милый наш, милый наш,
Гетман наш босяцкий,
Гетман наш босяцкий —
Павло Скоропадский!

> Скоропадский натянуто улыбался, отдавая честь, и делал вид, что не слышит этого разухабистого пения. А немецкие генералы ухмылялись.
>
> МБВС 2014/1: 92

[97] *...красного дерева бронзовые пастушки...* — Вероятная реминисценция из романа Б.А. Пильняка «Голый год» (см. примеч. 31 к гл. 1).

[98] *Матросская крышка* — полосатая крышка, расцветкой напоминающая матросскую тельняшку.

[99] *Побежка* — индивидуальный стиль бега, «походка» лошади (см.: Даль 1903–1909/3: 353).

[100] *Тальберг же бежал.* — Прототип Тальберга Л.С. Карум в декабре 1918 г. выехал в Одессу (вместе с младшим братом Булгакова Иваном), оставив жену в Киеве (см. примеч. 9, 20 к гл. 1; см. также примеч. 126 к гл. 2). Сходный эпизод есть в биографии самого Булгакова: отправив летом 1921 г. жену Татьяну из г. Батума (Грузия, совр. Батуми) в Москву через Одессу и Киев, писатель намеревался уплыть за границу. Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «<...> он говорит: "Нечего тут сидеть, поезжай в Москву". Поделили мы последние деньги, и он посадил меня на пароход в Одессу. Я была уверена, что он уедет, и думала, что это мы уже навсегда прощаемся» (Кисельгоф 1991: 91). Н.А. Земская писала мужу Андрею Михайловичу Земскому (1892–1946) из Киева 24 августа 1921 г.:

> <...> приехала из Батума Тася (Мишина жена), едет в Москву. Положение ее скверное: Миша снялся с места и помчался в пространство неизвестно куда, сам хорошенько не представляя, что будет дальше. Пока он сидит в Батуме, а ее послал в Киев и Москву на разведки — за вещами и для пробы почвы, можно ли там жить.
>
> Земская 2004: 267

[101] *Город-I, Пассажирский.* — Имеется в виду главная железнодорожная станция Киева «Киев-Пассажирский».

[102] *...уже стоит поезд...* — Киевская газета «Утро» 14 декабря 1918 г сообщала:

> В связи с создавшимся в Киеве и вокруг него положением прекратилась эвакуация германских войск. Последний эшелон отбыл из Киева 7 декабря поездом № 13. <...> В поезде кроме воинских чинов

> находился представитель бывшего германского императора, состоявший при пане гетмане, граф Альвенслебен, германо-украинской мирной делегации Линдеман и видные представители германского командования.
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 128

Кроме того, в газете «Последние новости» от 13 декабря 1918 г. сказано, что между германским командованием и Директорией достигнуто соглашение о пропуске поезда особого назначения из Киева в Швейцарию (см.: Чудакова 1988: 94).

[103] *Генерал фон Буссов.* — С 30 июля по 14 декабря 1918 г. главнокомандующим германскими войсками на Украине (группа армий «Киев») был генерал-полковник Гюнтер фон Кирхбах (1850—1925). В романе использована фамилия немца-авантюриста Конрада Буссова (1552—1617), который в период Смутного времени (1601—1612) находился в Москве и других российских городах, о чем рассказал в записках (см.: Буссов 1998).

[104] *Гетманское министерство — это глупая и пошлая оперетка...* — Отсылка к одному из общих мест публицистики, представлявшей политическую ситуацию революционного времени в комично театрализованном виде. Так, образ исторической «оперетки» применительно к России конца 1917 г. неоднократно встречается в памфлетах журнала «Новый Сатирикон», многие из сотрудников которого в 1918 г. оказались в Киеве (подробнее об этом см. примеч. 34 к гл. 3). Напр., вскоре после Октябрьского переворота журналист Б.С. Мирский (наст. фамилия — Миркин-Гецевич; 1892—1955) писал: «Бедный красный колпак! Ведь это корона, это венец, это тиара; а Троцкий взял и натянул корону на свою лысую голову, как опереточный Менелай» (Мирский 1917: 5). Метафора была характерна и для киевской публицистики. Так, в разделе «Хроника» газеты «Чертова перечница» сообщается: «Н.Н. Евреинов закончил монографию “Державный театр для себя”» (1918. № 2), — пародируется название книги Евреинова «Театр для себя» (1915—1916). Газета «Киевская мысль» 15 декабря 1918 г., на следующий день после захвата города петлюровцами и бегства Скоропадского, констатировала: «Гетманство началось на Украине как оперетка немецко-венского изделия. Кончалась она как тяжелая драма» (цит. по: Петровский 2001: 138). Писатель И.Ф. Наживин (1874—1940) характеризовал ситуацию на Украине 1918 г. как «<...> историческую оперетку, которую силились поставить <...> профессор Грушевский, писатель Винниченко и австрийские агенты» (Наживин 1921: 155).

П.П. Скоропадский считал подобное несерьезное отношение образованных кругов к украинскому национальному самосознанию и украинской государственности причиной исторической катастрофы. Весной 1919 г. Скоропадский писал:

> Великороссы говорят: «Никакой Украины не будет», — а я говорю: «Что бы то ни было, Украина в той или иной форме будет. Не заставишь реку идти вспять, так же и с народом, его не заставишь отказаться от его идеалов. Теперь мы живем во времена, когда одними штыками ничего не сделаешь». Великороссы никак этого понять не хотели и говорили — «всё это оперетка» — и довели до Директории с шовинистическим украинством со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным насаждением украинского языка и вдобавок ко всему этому — с крайними социальными лозунгами.
>
> Скоропадский 1994: 13

[105] *...у Петлюры есть здоровые корни.* — Понятие «корни», как и понятие «почва», употребляемое в общественно-историческом и историко-культурном смысле, в российской традиции восходит к полемике славянофилов и западников. Показательно суждение писателя К.С. Аксакова (1817–1860) в статье «Три критические статьи г-на Имрек» (1847); ср.:

> <...> апатиею и эгоизмом казнятся люди русские за презрение к народной жизни, за оторванность от русской земли, за аристократическую гордость просвещения, за исключительность присвоенного права называть себя настоящим и отодвигать в прошедшее всю остальную Русь. Спесивое невежество противополагают они всей древней, всей остальной, и прежней и нынешней, Руси, — гордость учеников, ставящих себя в свою очередь в учители. Мы похожи на растения, обнажившие от почвы свои корни; мы сохнем и вянем. Но нас спасает глубокая сущность русского народа, и тот виноват сам, кто не обратится к ней.
>
> Аксаков К., Аксаков И. 1981: 194

Позже философ В.С. Соловьев (1853–1900), критикуя ограниченность почвенников и абсолютизацию идеи «почвы», писал в работе «Национальный вопрос в России» (статья «О народности и народных делах России», 1884):

> Сравнивают народ с растением, говорят о крепости корней, о глубине почвы. Забывают, что и растение, для того чтобы приносить цветы и плоды, должно не только держаться корнями в почве, но и *подниматься над* почвой, должно быть открыто для внешних чужих влияний, для росы и дождя, для свободного ветра и солнечных лучей. <...> с христианской точки зрения мы можем ценить народность не саму по себе, а только в связи с вселенской христианской идеей, — мы должны видеть в народе богоносную силу, необходимую для пришествия Царства Божия и для совершения воли Божией на земле.
>
> Соловьев 1912: 27

[106] *В марте 1917 года Тальберг был первый... кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве.* — Аллюзия на эпизод свадьбы В.А. Булгаковой и Л.С. Карума. Сам Карум рассказывает в записках: «Я надел парадную форму со всеми своими 6 орденами и 2 медалями, а на левую руку надел перевязь с надписью "Член Исполкома". Это последнее обстоятельство вызвало целую бурю у знакомых» (см. МБКЭ 2011: 223). Надпись на повязке объясняется тем, что с марта по июль 1917 г. Карум был товарищем (заместителем) председателя Исполнительного комитета общественных организаций — до выборов в Городскую думу этот комитет являлся основной властью в Киеве (см.: МБКЭ 2011: 211).

[107] *...при известиях из Петербурга...* — В «Белой гвардии» не употребляется название Петроград, хотя переименование состоялось еще в начале Первой мировой войны, в 1914 г. Показательна запись в дневнике Булгакова от 18 октября 1923 г.; ср.: «Сегодня Константин (К.П. Булгаков. — *Е.Я.*) приехал из Петербурга» (Булгаков 2007–2011/2: 420).

[108] *Тальберг как член революционного военного комитета...* — Прототип Тальберга Л.С. Карум в 1917 г. был избран в члены Исполнительного комитета Совета военных депутатов (см.: Вдовина 1995: 155–156). Кроме того, в качестве делегата от Киевского гарнизона Карум участвовал во Всероссийском совещании Советов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором 31 марта (13 апреля) 1917 г. произнес речь (см.: Тинченко 1997: 87).

[109] *Генерал Петров.* — Имеется в виду генерал-адъютант Николай Иудович Иванов (1851–1919), назначенный 27 февраля (12 марта) 1917 г. командующим Петроградским военным округом и посланный императором Николаем II (1867–1918; правление: 1894–1917 гг.) с Георгиевским батальоном, чтобы подавить восстание в Петрограде (однако 1 (14) марта приказ был

отозван). После отречения императора Иванов, снятый с должности командующего, прибыл 10 (23) марта в Киев, где был помещен под домашний арест. А.Ф. Керенский (1881–1970), тогда министр юстиции Временного правительства, 14 (27) марта 1917 г. приказал доставить Иванова в Петроград; для этого был командирован Карум, о чем последний рассказывает в воспоминаниях (см.: Вдовина 1995: 157–158).

110 *...люди, не имеющие сапог ~ украинский город, а вовсе не русский...* — В ноябре 1917 г. высшим органом исполнительной власти на Украине был провозглашен Генеральный секретариат Центральной Рады. Находившиеся за пределами страны украинизированные воинские части получили приказ передислоцироваться на территорию Украины.

111 *Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве.* — Киев был взят 26 января (8 февраля) 1918 г. Красной гвардией, которая пришла на помощь восстанию против Центральной Рады, поднятому Киевским комитетом РСДРП(б). Командующий большевистскими войсками М.А. Муравьев в донесении, отправленном в Москву, докладывал:

> Мы идем огнем и мечом устанавливать советскую власть. Я занял город, бил по дворцам и церквям... бил, никому не давая пощады! 28 января Дума (Киева) просила перемирия. В ответ я приказал душить их газами. Сотни генералов, а может, и тысячи, были безжалостно убиты... Так мы мстили. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг — быть беспощадными!
>
> Цит. по: Савченко 2000: 54

В ходе развернутого красными террора только за первую неделю было уничтожено от двух до трех тысяч киевлян. Вместе с тем началось повальное дезертирство из армии Муравьева; вскоре она оказалась непригодна к дальнейшим военным действиям и была расформирована (см.: Савченко 2000: 54–55).

112 *Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы...* — В январе 1918 г. делегация УНР наряду с делегацией РСФСР вступила в Бресте в переговоры с Германией и Австро-Венгрией; представители Центральной Рады заняли особую позицию, настаивая на суверенных правах Украины. Хотя к тому времени Рада фактически не обладала властью, представители Германии и Австрии 27 января (9 февраля) подписали с Радой договор о мире, после чего украинская делегация 18 февраля обратилась к этим госу-

дарствам с просьбой оказать военную помощь против большевиков. В тот же день началось германско-австрийское наступление по всему фронту (общей численностью до 450 тысяч человек). Киев был занят украинской армией 1 марта 1918 г., 2 марта в город вступили немцы (см.: Михутина 2007: 173–251; Пученков 2013: 21–22). Германия и Австрия заключили 28 марта соглашение о разделе зон оккупации на Украине. Всего на Украину было направлено 21 пехотная и 2 кавалерийские германские дивизии, а также 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии австрийцев (см.: Зайцов 2006: 95).

[113] *...на головах у них были рыжие металлические тазы...* — Имеются в виду стальные шлемы (см. ил. 40). В действительности германские каски меньше походили на тазы, чем, напр., американские — более плоские.

[114] *...гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что при взгляде на них Тальберг сразу понял, где корни.* — Показательны мемуары полковника (в гетманских вооруженных силах был в звании генерал-хорунжего, что соответствует современному генерал-майору) Б.С. Стеллецкого (1872–1939); ср.:

> Вид прибывших немецких солдат производил отличное впечатление; сытые, отлично обмундированные, хорошо снаряженные, они производили впечатление совершенно свежих частей, и никто не мог бы подумать, что это только что снятые с французского фронта части, пробывшие там несколько тяжелых месяцев.
>
> Стеллецкий 2013: 249

Сходны воспоминания корреспондента газеты «Киевская мысль» С. Сумского (псевд. С.Г. Каплуна; 1883/1891–1940); ср.:

> Часа в четыре дня показались в отдалении немецкие каски. Рота за ротой грузно, солидно, по-немецки, вступали в город немецкие части, подчищенные, вымытые, уверенные, и спокойно направлялись к выбранным квартирьерами казармам. У нас, в России, всегда удивлялись Европе, потому что она потребляет огромное количество мыла. И тот факт, что немцы, заняв киевский вокзал, в течение десяти часов мылись и чистились, прежде чем вступить в город, произвел огромное впечатление. Спокойствие всегда авторитетно. И когда показались первые немецкие роты, маленькие лошадки с пулеметами поверх седел, а под каждым пулеметом тщательно положенный коврик, многие подумали:
>
> — Ну, эти — настоящие.
>
> Сумский 1930: 106

[115] *...люди в шароварах притащились обратно, вслед за немцами.* — Воспроизведена историческая ситуация 1918 г. В условиях немецкой оккупации 7 марта была восстановлена власть Центральной Рады. Но поскольку ее политика не могла обеспечить достижения экономических целей, которые преследовали немцы (их прежде всего интересовала украинская сельскохозяйственная продукция), Рада была фактически разогнана и республиканский строй на Украине ликвидирован — его заменил институт гетманства.

[116] *...шаровары при немцах были очень тихие, никого убивать не смели...* — Показательны воспоминания этнографа и антрополога Н.М. Могилянского (1871—1933), который в мае — сентябре 1918 г. был заместителем государственного секретаря Украинской Державы (подробнее о ней см. примеч. 119 к гл. 2); ср.:

> С появлением немцев, как по мановению волшебного жезла, без всяких угроз или угрожающих объявлений, исчезли всякие грабежи и насилия. <...> Украинцы-патриоты позволили себе роскошь некоторых диких эксцессов, причем, сколько мне было известно, пострадал один студент-еврей, убитый на Подоле неизвестно за что и при совершенно неясных обстоятельствах. Во всяком случае, не было тех ужасных картин убийств и казней, какими отличался период большевистского владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкам горки свежие человеческие мозги, свежие лужи крови у стен Михайловского монастыря и на спуске между монастырем и водопроводной башней, по дорожкам, покрывающим горку сквера.
>
> Могилянский 1923: 83

Сходны воспоминания С. Сумского; ср.:

> Немцы устраивались, а гайдамаки захватили Михайловский монастырь, где кутили, веселились, судили и казнили. Впервые показался предвестник того страшного истребления еврейского народа, которое потом в течение двух лет сопутствовало всякому украинскому движению и мятежу.
>
> Гайдамаки хватали на улицах евреев, уводили их с собой в Михайловский монастырь и там убивали. Газеты пестрели траурны-

ми объявлениями, кончавшимися стереотипной фразой: «зверски убит в Михайловском монастыре». В центре города производилась расправа, и жители боялись близко подходить к монастырю. Напротив, в Софийском соборе, служились торжественные молебны об освобождении Киева, а в ворота монастыря таскали за бороды кричавших в смертельном страхе евреев. В течение первой недели насчитывалось несколько десятков убитых. Эта деятельность сброда украинских янычар, нисколько не страшных для большевиков, но очень страшных для населения, особенно для еврейского, становилась неприятной и всячески мешающей восстановлению порядка. Немцы это почувствовали и решительно положили этому конец. Они немедленно разоружили разгулявшихся янычар, часть отправили на фронт, а нескольких человек, как говорят, даже расстреляли.

Сумский 1930: 107–108

117 ...*«Игнатий Перпилло – “Украинская грамматика”».* – Имеется в виду учебник Петра и Пилипа Терпило «Українська граматика. Підручник для середніх і вищепочаткових шкіл» (*укр.*) – «Украинская грамматика. Учебник для средних и вышеначальных школ». Примечательно также объявление, помещенное 26 января 1919 г. в газете «Нова Рада»; ср.: «Цими днями виходит з друку (*укр.* На днях выходит из печати) “Українська граматика” (Синтаксис) П. і П. Терпило» (цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 138).

118 *В апреле 18-го, на Пасхе...* – В 1918 г. Пасха была 22 апреля (5 мая).

119 ...*в цирке весело гудели ~ «гетьмана всея Украины».* – Избрание гетмана состоялось 29 апреля 1918 г. на съезде хлеборобов, проходившем в цирке Крутикова на Николаевской улице (ныне на месте цирка находится кинотеатр «Украина»). При этом украинское национальное государство получило новое официальное название Українська Держава (*укр.*) – Украинская Держава.

Барон Р.Ю. Будберг (1863–1930), занимавший при гетмане должность управляющего Державным земельным банком, характеризовал избрание Скоропадского так: «<...> вся эта история произвела впечатление какой-то оперетки (см. также примеч. 100 к гл. 2), но всем нам было ясно, что сделано это было не хлеборобами и не украинцами, а что всё это было инсценировано: рука немцев была слишком видна» (Будберг 2013: 264). Приход немецкого ставленника многими воспринимался как национальное унижение. Напр., известный адвокат и общественный деятель О.О. Грузенберг

(1866–1940) писал: «<...> ряженный в гетмана свитский генерал Скоропадский, удовольствовавшийся ролью чистильщика сапог у немецкого командования, свел свое служение к обер-интендантству по отобранию для немцев у крестьянства последней горсти зерна» (Грузенберг 1994: 226). Обер-интендант — старший интендант (должностное лицо, ведающее провиантским, вещевым и денежным довольствием войск).

[120] *...в странной гетманской форме...* — Л.С. Карум, вспоминая о службе в канцелярии военного министра, пояснял: «Я как капитан оказался “сотником”, такое звание получили все капитаны и штабс-капитаны. Надо было надеть украинскую военную форму. Это было очень легко, нужно было только переменить погоны» (МБКЭ 2011: 234).

[121] *...на припухших прибалтийских устах.* — Л.С. Карум был родом из прибалтийских немцев.

[122] *...тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет. Он не угадал.* — Возможная отсылка к повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834) или одноименной опере композитора П.И. Чайковского (либретто М.И. Чайковского; 1890); ср. в повести: «— Вы можете, — продолжал Германн, — составить счастие моей жизни, и оно ничего не будет вам стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...» (Пушкин 1994—1996/8–1: 241). Как и Германн, Тальберг хотел бы «играть» наверняка, не рискуя. В гл. 3 его жена Елена сравнивается с Лизой (см. примеч. 110 к гл. 3) из той же оперы Чайковского (в повести Пушкина героиню зовут Лизавета Ивановна).

[123] *Салон-вагон* — вагон, в одной части которого расположены купе, в другой — общее помещение.

[124] *...бритый человек...* — Имеется в виду С.В. Петлюра, который не носил бороды и усов. См. ил. 36.

[125] «*Вести*». — Имеется в виду вымышленная Булгаковым газета «Свободные вести» (подробнее см. примеч. 32 к гл. 6).

[126] *Я думаю, что мне беспрепятственно удастся пробраться через Румынию в Крым и на Дон.* — После того как Киев заняли петлюровцы, прототипа Тальберга, Л.С. Карума, уволили со службы (см.: МБКЭ 2011: 240). В конце ноября 1918 г. он принял решение отправиться на Дон, но не через Германию или Румынию, а через Одессу. По просьбе тещи, В.М. Булгаковой, Карум взял с собой И.А. Булгакова (мать беспокоилась, что младшего сына могут мобилизовать петлюровцы). Уехав из Киева 20 декабря, Карум и И.А. Булгаков 24 декабря прибыли в Одессу, откуда морем отправились в Новороссийск. В 1919 г. Карум служил в Астраханской армии (был членом военно-полевого суда), затем преподавал законоведение в Киевском

Константиновском военном училище, переместившемся в г. Екатеринодар (ныне – Краснодар), а в 1919 г. вместе с училищем эвакуировался в г. Феодосию (Крым). Карум вернулся в Киев 7 сентября, а 12 сентября вновь уехал, забрав с собой жену; вместе с ними уехал (в Ростов, затем на Северный Кавказ) М.А. Булгаков, мобилизованный в Добровольческую армию.

С весны 1920 г. Карум был связан с представителями крымской оппозиции и подполья; после ухода белых из Крыма остался в Феодосии, преподавал на военных курсах. В октябре 1921 г. вместе с женой и дочерью Ириной (род. 10 апреля 1921 г.) возвратился в Киев. К тому времени бывшая квартира Булгаковых в доме 13 по Андреевскому спуску была передана вместе с мебелью другим жильцам, так что семейство Карумов жило у И.П. Воскресенского и В.М. Булгаковой-Воскресенской (Андреевский спуск, дом 38). Карум служил в Киевской объединенной командной школе им. С.С. Каменева, Киевском институте народного хозяйства (КИНХ). В 1929 г. Каруму было присвоено звание профессора. В том же году он был арестован, провел под следствием более двух месяцев, но затем освобожден. В 1930 г. семья переехала в Москву, где Карум с октября 1930 г. по январь 1931 г. преподавал военные дисциплины и топографию в нескольких вузах. В январе 1931 г. Карума вновь арестовали по делу «Весна» (волна репрессий против бывших белых офицеров, служивших в Красной армии); в 1931 г. Карум был осужден на пять лет лагерей; в 1934 г. освобожден; в том же году семья воссоединилась в Новосибирске (см.: МБКЭ 2011: 211–213; см. также: Вдовина 1995: 159–162; Материалы к биографии 1995: 276; Тинченко 1997: 89–94; Карум 2004: 249–250; Волков 2012/1: 535).

[127] *...Деникин был начальником моей дивизии.* – Л.С. Карум в 1908–1916 гг. служил в г. Житомире (совр. Украина) в 19-м Костромском пехотном полку 5-й пехотной дивизии – к ней принадлежал также 17-й Архангелогородский пехотный полк, командиром которого в 1910–1914 гг. являлся генерал А.И. Деникин (1872–1947), в годы Гражданской войны один из главных деятелей Белого движения, его руководитель на юге России; с апреля 1918 г. Деникин стал командовать Добровольческой армией. Отношение Деникина к гетману П.П. Скоропадскому было враждебным, поскольку Украина находилась под протекторатом Германии, с которой Добровольческая армия де-юре была в состоянии войны. Политику гетмана Деникин считал антирусской и игнорировал его попытки наладить контакты с командованием Добровольческой армии, притом что Скоропадский относился к ней вполне благожелательно, хотя с Деникиным соглашался далеко не во всем (см.: Пученков 2013: 79–81).

[128] *...партитуру «Фауста» ~ Ты охрани ее.* — «Фауст» («Faust»; либретто Ж. Барбье и М. Карре; 1859) — опера французского композитора Шарля Франсуа Гуно (1818—1893) на сюжет первой части одноименной трагедии («Faust: der Tragödie erster Teil»; 1808) немецкого писателя Иоганна Вольфганга фон Гёте (1749—1832). Цитируется начало каватины (небольшой арии) Валентина (см.: Faust 1889: 52—53).

Говоря о романтическом периоде отношений с Булгаковым, Т.Н. Кисельгоф вспоминала их совместное времяпровождение в Киеве в 1912 г.: «“Фауста” слушали, наверное, раз десять...» (Воспоминания 1988: 111). Она же утверждала: «<...> “Фауст” — самая любимая опера Михаила, он мог слушать ее без конца и в любом исполнении» (Кисельгоф 1995: 287). Н.А. Земская отмечала, что в гимназические и студенческие годы Булгаков слушал оперу «Фауст» 41 раз: «Он приносил билетики и накалывал, а потом сестра Вера, она любила дотошность, сосчитала» (Воспоминания 1988: 53; Земская 2004: 82). По воспоминаниям Кисельгоф и Земской, из «Фауста» Булгаков «<...> чаще всего пел “На земле весь род людской” и арию Валентина — “Я за сестру тебя молю...”» (Воспоминания 1988: 111; Земская 2004: 86). В 1916—1920 гг. опера «Фауст» несколько сезонов шла в Киевском оперном театре. В 1924 г. состоялась новая постановка «Фауста» в Большом театре в Москве.

См. начало каватины:

Бог всесильный, Бог любви!
Ты услышь мою мольбу,
я за сестру тебя молю,
сжалься, сжалься ты над ней,
ты охрани ее от зла, от искушения
и в царство ты свое введи, введи святым путем,
и в царство ты свое введи ее святым путем.

Faust 1889: 52—53

В период работы над «Белой гвардией» оперный Валентин ассоциировался для Булгакова с писателем Валентином Катаевым, который в 1922—1923 гг. был влюблен в младшую сестру Булгакова Елену. Катаев просил ее руки, но Булгаков выступил против этого брака. Позднее в мемуарной книге «Алмазный мой венец» (1977) Катаев вывел Булгакова в образе синеглазого:

> Его любимой оперой был «Фауст». Он даже слегка наигрывал в обращении с нами оперного Мефистофеля; иногда грустно напевал: «Я за сестру тебя молю», что я относил на свой счет <...> у меня навсегда сохранился четкий и точный портрет девушки с гладкими пуговичками на манжетах шелковой блузки <...> мы слушали «Гугенотов» в оперном театре Зимина, и я чувствовал прикосновение к рукаву ее белой шелковой блузки, до озноба холодной снаружи и по-девичьи горячей внутри, и я не мог себе представить, что скоро она должна уехать в Киев, где, как она уже мне призналась, у нее есть жених, которого она до приезда в Москву любила, а теперь разлюбила и на всю жизнь любит только меня.
>
> Катаев 1983–1986/7: 75, 77–78

«Гугеноты» («Les Huguenots»;1835) – опера немецкого и французского композитора Джакомо Мейербера (1791–1864) по мотивам повести французского писателя Проспера Мериме (1803–1870) «Хроника царствования Карла IX» («Chronique du règne de Charles IX»;1829); об этой постановке (1922) Оперного театра С.И. Зимина идет речь в очерке Булгакова «Столица в блокноте» (1922–1923; соответствующая глава «Человек во фраке» напечатана в газете «Накануне» 9 февраля 1923 г.). Катаев в марте 1923 г. опубликовал в журнале «Россия» стихотворение «Опера» (с подзаголовком «Баллада»), в котором отразился тот же театральный эпизод (Катаев 1923а: 6; см. также: Катаев 1983–1986/7: 78).

Т.Н. Кисельгоф вспоминала:

> <...> Лёля (Елена Булгакова. – *Е.Я.*) приехала в Москву к Наде. <...> Был у нее роман с Катаевым. <...> Стала часто приходить к нам, и Катаев тут же. Хотел жениться, но Булгаков воспротивился, пошел к Наде, она на Лёльку нажала, и она перестала ходить к нам. И Михаил с Катаевым из-за этого так поссорились, что разговаривать перестали. Особенно после того, как Катаев фельетон про Булгакова написал <...> что он считает, что для женитьбы у человека должно быть столько-то пар кальсон, столько-то червонцев, столько-то еще чего-то, что Булгаков того не любит, этого не любит, советскую власть не любит... ядовитый такой фельетон.
>
> Кисельгоф 1991: 33–34

Действительно, Катаев тогда же описал эту историю в рассказе «Зимой» (первоначальное заглавие – «Печатный лист о себе»;1923), выведя Булгакова в образе мещанина-прагматика Ивана Ивановича, обожающего доллары и золотые десятки. Ср.:

> – Иван Иванович. Я люблю вашу сестру.
>
> Он подымает кверху ножницы, которыми вырезывает из газеты одобрительную о себе рецензию.
>
> – Вы, конечно, шутите?
>
> – Нет, я не шучу. Я ее люблю.
>
> – Увольте меня, пожалуйста, от подобных разговоров. Я не люблю глупых шуток.
>
> – Я люблю вашу сестру. Я не могу без нее жить.
>
> Он, с некоторым любопытством:
>
> – Нет, вы это серьезно?
>
> – Серьезно.
>
> – Да вы что, с ума сошли, что ли?
>
> – Да, сошел. Я люблю. Вашу сестру. Я на ней женюсь.
>
> Электрический разряд. Грохот и смятение. Вырезка и ножницы падают на стол. Самовар начинает тонко петь. Синие глаза круглеют до отказа. Жестом благородного отца он хватается за голову и начинает бегать по комнате, садясь на встречные стулья.
>
> – Что? Что-о? Что-о-о? Жениться? Вы? На моей сестре? Да вы что, в уме! Тася, дай ему воды. Дайте-ка я попробую ваш пульс, голубчик, вам, вероятно, нездоровится!
>
> Он немного успокаивается.
>
> – Нет, это даже смешно. До того глупо, что смешно.
>
> – А почему бы и нет?
>
> – Почему? Да вы что – ребенок! Нет, вы это нарочно?
>
> – Серьезно.
>
> – Ах, серьезно! Так я вам скажу тоже серьезно. Вы это бросьте. Бросьте и бросьте. Ах, я, дурак. Как я допустил. Как я мог это допустить? Вот, не угодно ли...
>
> И он начинает опять бегать по комнате, садясь на все стулья. Он не может себе простить этого рокового знакомства. Зачем он позвал меня к себе в гости в сочельник. Ну да. Он один во всём и виноват. Вот здесь, в этом углу, стояла елочка, вот тут – на диване – сидела она, сестра, приехавшая на праздники, в первый раз, в Москву.

> Вот там стоял я и читал стихи. Затем опера. Гугеноты и скверный состав. Но кто ж мог предвидеть несчастье. Боже, боже. Вся вина в многочисленных глазах благородного семейства падает исключительно на него. <...> Что скажут родственники? Она, и вдруг выходит замуж за поэта. За бедняка, за бродягу, за... за..! Он не находит слов. Это нечто чудовищное. Нет, нет! Этого не может быть! Этого не будет. Бросьте, бросьте и бросьте.
>
> Катаев 1923б; см. также: Катаев 1983–1986/1: 254

Впрочем, эти обстоятельства не повлияли на приятельские отношения двух писателей. Согласно воспоминаниям Л.С. Карума, в апреле 1923 г. (буквально через несколько дней после выхода рассказа) Булгаков приехал в Киев вместе с Катаевым. Карум пишет: «У меня с Михаилом были довольно натянутые отношения, и я не удивился, что он остановился не у нас, а в гостинице. Он объяснил, что не хочет бросать Катаева» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 3). Двумя годами позже, 2 мая 1925 г., Катаев подарит Булгакову свой сборник «Бездельник Эдуард» (1925), куда вошел и упомянутый рассказ, с надписью: «Дорогому Михаилу Афанасьевичу Булгакову с неизменной дружбой плодовитый Валюн» (цит. по: Чудакова 1988: 323).

[129] *...каватины про Бога всесильного.* – См. либретто оперы «Фауст» (примеч. 128 к гл. 2).

[130] *...опять зазвучат клавиши ~ совершенно бессмертен.* – Возможная перекличка с рассказом А.Н. Толстого (1883–1945) «Милосердия!» (1918; см.: Толстая 2002: 52):

> Прогремят события, прошумят темные ветры истории, умрут и снова народятся царства, а на озаренных рампою подмостках всё так же будут похаживать итальяночки с длинными ресницами и итальянцы с наклеенными бородами, затягивая, заманивая из жизни грубой и тяжкой в свою призрачную, легкую жизнь.
>
> Толстой 1982: 68

[131] *...старший потому, что был человек-тряпка.* – Реминисценция из драмы Л.Н. Толстого «Живой труп» (1900); ср.: «Как же любить такого человека – тряпку, на которого ни в чем нельзя положиться?» (Толстой 1928–1958/34: 15). Показательны самохарактеристики Булгакова первой половины 1920-х годов, в которых он аттестует себя как человека слабого, склонного к компромиссам. Так, в дневниковой записи от 26 октября 1923 г.,

размышляя о вере в Бога, он говорит: «Может быть, сильным и смелым он и не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. <...> Я, к сожалению, не герой» (Булгаков 2007–20011/2; 425, 427). Та же мысль с полуиронической интонацией повторена в очерке «Сорок сороков» (1923): «Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный – рожденный ползать <...>» (Булгаков 2007–20011/3: 158).

[132] *Поддувало* – отверстие ниже топки, служащее для улучшения тяги.

[133] *Пульман* – большой пассажирский спальный вагон, названный по имени американского фабриканта и изобретателя Джорджа Мортимера Пулльмана (1831–1897).

[134] «*Ю.-З. ж.д.*» – Юго-Западная железная дорога.

3

[1] *...супруги инженера, Ванды Михайловны.* – Жену В.П. Листовничего звали Ядвигой Викторовной (в девич. – Крынская; по первому мужу – Рутковская; 1863–1936); жена Василисы также носит польское имя. В романе Василиса и Ванда примерно одного возраста, однако между супругами Листовничими была 13-летняя разница: В.П. Листовничий женился в 1903 г., когда ему было 27, а Я.В. Листовничей – 40 лет; ее первый муж, К.А. Рутковский, владел аптекой на углу Владимирской и Большой Житомирской улиц (см.: Дом Булгакова 2015: 63). В романе семейная пара Лисовичей бездетна; между тем у Я.В. Листовничей было двое детей (Виктор и Генриетта) от первого брака (см: МБВС 2014/1: 232), а с В.П. Листовничим имелась общая дочь Инна (Нина), которой в 1918 г. было 16 лет. При этом Я.В. Листовничая «<...> не поощряла приятельских контактов дочери с детьми Булгаковых, в том числе с Лёлей, сверстницей маленькой Инны. Она не считала Булгаковых людьми своего круга, видимо, из-за разницы в финансовом положении» (Дом Булгакова 2015: 171). Возможна также отсылка к имени и отчеству матери писателя Варвары Михайловны (разница в возрасте между ней и Я.В. Листовничей составляла всего шесть лет).

[2] *...во тьме спаленки прохладной и сырой квартиры.* – Жилище Лисовичей, куда со двора ведет «мрачное подземелье» (см. с. 55 наст. изд.), ассоциируется с подвалом, подполом: Василиса и Ванда как хтонические существа обитают в нижнем мире. Вместе с тем лисьи коннотации их фамилии актуализируют образ норы. В аспекте сходства двухэтажного дома с вертепом (см. примеч. 8 к гл. 2) важно, что одно из значений слова «вертеп» – пещера (Даль 1903–1909/1: 446).

[3] *...вместо определенного «В. Лисович»... начал... писать «Вас. Лис.».* — Ср. обратный случай в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», где Собакевич вписывает в реестр крестьян женщину под «мужским» именем «Елизаветъ Воробей» (Гоголь 1937—1952/6: 137). Образ Николки Турбина, который первым назвал Лисовича Василисой, частично восходит к Гоголю (см. примеч. 20 к гл. 1).

[4] *Карточка* — здесь: талон на право приобретения определенного количества конкретного товара.

[5] *...18-го января 18-го года... получил... удар камнем в спину на Крещатике... Снаряд лопнул как раз над сахарной очередью...* — В Киеве 15 (28) января 1918 г. началось организованное большевиками восстание против Центральной Рады. Для борьбы с восставшими 18 (31) января к городу подошли воинские части под командованием С.В. Петлюры, на следующий день они вошли в Киев, но вскоре были вытеснены красными войсками. Командовавший красногвардейцами М.А. Муравьев дал приказ беспрерывно обстреливать город из всех имевшихся орудий — было выпущено 15 тысяч снарядов (см.: Савченко 2000: 52).

Крещатик — главная улица Киева.

[6] *Домовый комитет*, домком — общественное добровольное объединение граждан по месту жительства; домкомы возникли после отмены частной собственности на недвижимость. В романе председатель домкома — бывший домовладелец.

[7] *Английская булавка* — булавка в виде иглы, соединенной со стержнем с замочком-крышкой на конце.

[8] *Клейстер* — клей (чаще всего обойный), приготовленный из крахмала или муки.

[9] *...полбукетика к полбукетику...* — Имеются в виду обои с цветочным рисунком или орнаментом.

[10] *...волчья оборванная серая ~ провалилась волчьей походкой в переулках...* — Время года, когда происходит действие романа, в традиционной культуре считается началом «волчьего сезона» (см.: Афанасьев 1994/1: 745). Юрьев день 9 декабря (26 ноября) — день святого Георгия Победоносца, вождя и владыки волков, волчьего пастыря (см.: Афанасьев 1994/1: 709—710; МНМ 1991—1992/1: 274; СД 1995—2012/1: 497). Покровителем волков считается и святой Николай, праздник которого — Никола зимний — отмечается 19 (6) декабря. В мифологических представлениях «волк связан с пересечением границы и различными пограничными, переломными моментами или периодами: к смене старого года новым, к переходному зимнему или весеннему периоду, к промежуточным календарным датам относится время разгула волков и оберегов от них» (Гура 1997: 158—159).

Переносное значение слова «волк» — изгой, преступник. Показателен фрагмент романа Вс. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (см. примеч. 4 к эпиграфам к роману); речь идет о ситуации, когда человек, совершивший преступление небольшой тяжести, отпускается из тюрьмы на поруки; ср.:

> <...> ему выдается временное свидетельство, которое на специальном argot (*фр.* — арго, язык замкнутой социальной группы. — *Е.Я.*) наших мошенников называется *волчьим видом.* Наименование весьма меткое, весьма характерное. — *Волчий!* — Да, действительно это волчий вид, и человек, его имеющий, по всей справедливости уподобляется волку. Его опасаются, его подозревают, ему нет места ни в одной честной артели, ему нет работы ни у одного нанимателя, ни у одного хозяина, потому что он — человек неизвестный; — Бог его знает, какой такой он человек, временный билет служит ему крайне сомнительной рекомендацией. И вот каждый начинает подозрительно озираться на него, как на хищного волка, и как хищного же волка его гонят от стада, где нет ему места. А желудок меж тем предъявляет свои законные требования — и вследствие такого обстоятельства человек от голоду еще того пуще уподобляется волку. Ну, волк так волк! что ж ему остается?
>
> Крестовский 1899–1900/2: 415

[11] *...Тарас Бульба. Усы вниз, пушистые...* — Тарас Бульба — герой одноименной повести (1835) Н.В. Гоголя. Усы Бульбы в ней не описываются, о них лишь упоминается. Возможно, в «Белой гвардии» деталь отсылает к кинематографическому образу героя (фильм «Тарас Бульба» режиссера А.О. Дранкова был снят в 1909 г.) либо к картине И.Е. Репина (1844–1930) «Запорожцы» (1880–1891), один из центральных персонажей которой — хохочущий пожилой казак с длинными седыми усами.

[12] *...какая, к черту, Василиса! — это мужчина.* — Травестия образа из трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» (входит в цикл «Маленькие трагедии»; 1830): Барон так же, как и Василиса, прячет «сокровища» (см. с. 199 наст. изд.) в «подземелье» (см. примеч. 2 к гл. 3) глубокой ночью (см.: Пушкин 1994–1996/7: 110–112). Цитаты и реминисценции из трагедии «Скупой рыцарь» играют важную роль в гл. 15 («Сон Никанора Ивановича») романа «Мастер и Маргарита» (см.: Булгаков 2007–2011/7: 193–207).

[13] *Зеленый игральный крап.* — Имеется в виду мелкий сетчатый узор на банкноте. Обычно словом «крап» называют оборотную сторону (рубашку) игральной карты.

[14] *Карбованец* — денежная единица УНР и Украинской Державы в 1918–1920 гг. Банкноты достоинством 5, 10, 25, 50 карбованцев (художник А.А. Красовский) были выпущены Центральной Радой 30 марта 1918 г. (см.: Кончаковский, Малаков 1993: 293).

[15] *Кредитный билет* — денежный знак, используемый как замена слитков и монет из драгоценных металлов.

[16] *Лебедь-Юрчик* Х.М. (1877–1945) — директор государственной казны в период Украинской Державы. Был одним из организаторов денежного обращения, финансового и бюджетного дела в УНР и Украинской Державе.

[17] *Конно-медный Александр II...* — Статуэтка, вероятно, воспроизводит памятник Царю-Освободителю (скульптор А. Дзокки; 1907) в г. Софии (столица Болгарии). Александр II (1818–1881) — российский император с 1855 г.

[18] *Станислав.* — Имеется в виду орден Святого Станислава (трех степеней) — младший по старшинству в иерархии государственных наград Российской империи. Служил главным образом для отличия чиновников и являлся наиболее распространенным орденом в России.

[19] *Гончаров* И.А. (1812–1891) — русский писатель.

[20] *...золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон.* — Имеется в виду Энциклопедический словарь в 86-ти томах, выпущенный в 1890–1907 гг. в Петербурге акционерным обществом «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». Кожаные корешки томов имели черный (либо коричневый) цвет с золотыми надписями и орнаментами. Ассоциация книжных томов с парадным строем Конного лейб-гвардии полка (один из привилегированных полков в Российской империи) обусловлена сочетанием черных и золотистых элементов военной формы (кирасы, эполеты, головные уборы и проч.) и лошадей темной масти.

До наших дней сохранилось 12 томов из комплекта Словаря Брокгауза–Ефрона, принадлежавшего В.П. Листовничему (см.: Кончаковский 2011: 103).

[21] *Пятипроцентный... 15 «катеринок», 9 «петров», 10 «николаев I-х»...* — Имеются в виду облигации 5%-ного государственного займа (1906) а также 100-рублевые (1910), 500-рублевые (1912) и 50-рублевые (1899) банкноты с изображениями соответственно императрицы Екатерины II (урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская; 1729–1796; правление: 1762–1796 гг.), императоров Петра I, Николая I.

[22] *Анна.* — Имеется в виду орден Святой Анны (четырех степеней), которым награждались государственные чиновники и военные. В иерархии наград Российской империи орден Святой Анны был ступенью выше ордена Святого Станислава и являлся одним из самых распространенных. В.П. Листовничий был кавалером обоих этих орденов: 1 января 1914 г. он был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, а 28 декабря 1915 г. — орденом Св. Анны 3-й степени (см.: Дом Булгакова 2015: 67).

[23] *Эйнемовское печенье.* — Имеется в виду печенье московской фирмы «Ф. Эйнем» (с 1922 г. фабрика «Красный Октябрь»).

[24] *Аршин* — старая мера длины, около 71 см.

[25] *Две четверти* — две четверти аршина, около 35 см.

[26] *Процентные бумаги.* — См. примеч. 21 к гл. 3.

[27] *Боговдохновенный* — исполненный Святого Духа (иначе — богодухновенный); обычно так называются книги Священного Писания.

[28] *...перевернутой запятой и двух точек...* — Имеются в виду элементы оформления, отсутствие которых свидетельствовало о поддельности банкноты.

[29] *...на базар.* — Крупнейшими базарами в Киеве на момент событий романа были Бессарабский, Владимиро-Лыбедьский, Житный и Галицкий.

[30] *Тушинский Вор* — самозванец Лжедмитрий II (?—1610), чье войско в 1608—1609 гг. стояло в Тушине под Москвой.

[31] *Червонный валет* — здесь: преступник, мошенник, плут. В 1860-х годах в России получил известность роман «Клуб червонных валетов» («Le club des valets de cœur»; 1858) из серии романов-фельетонов «Похождения Рокамболя, или Драмы Парижа» («Les exploits de Rocambole ou les drames de Paris»; 1857—1870) французского писателя П.А. Понсона дю Террайля (1828—1871). Роман повествует о шайке шантажистов и мошенников, спекулирующих на чужих любовных тайнах: червонная масть символизирует сердечные секреты. В Москве в 1877 г. состоялся судебный процесс по делу большой группы аферистов, именовавших себя «Клубом червонных валетов».

[32] *...германские узкие бутылки белых вин.* — Рейнская бутылка характерной формы (высокая и узкая, с пологими плечами) появилась в Германии с 1820-х — 1830-х годов. Рейнские вина традиционно импортировались в Россию. Историческая ситуация на Украине на момент событий романа характеризуется тем, что Германия как гарант стабильности оказалась в кризисном положении; поэтому образ германского вина обретает символическое значение.

[33] *Лафитный стакан* — стакан для вина объемом до 150 мл.

34 «*Чертова кукла*». — Имеется в виду сатирическая газета «Чертова перечница», которую журналист И.М. Василевский (1882–1938), носивший псевдоним «Не-Буква» (в конце 1910-х — начале 1920-х годов его женой была Л.Е. Белозерская, впоследствии вышедшая замуж за Булгакова), стал издавать в Петрограде в 1918 г., после закрытия журнала «Новый Сатирикон» (выходил с 1913 по 1918 г.); позже в том же году редакция переехала в Киев, и газета издавалась там. В ней публиковались писатели и фельетонисты А.Т. Аверченко (1881–1925), А.С. Бухов (1889–1937), Е. Венский (псевд. Е.О. Пяткина, 1885–1943), А.С. Грин (1880–1932), Дон-Аминадо (псевд. А.П. Шполянского; 1888–1957), А.И. Куприн (1870–1938), Лоло (псевд. Л.Г. Мунштейна; 1867–1947), Л.В. Никулин (1891–1967), П.М. Пильский (1879–1941), В.А. Регинин (1883–1952) и др.

Название «Чертова кукла» принадлежит не Булгакову. В газете «Киевское эхо» 15 января 1919 г. было помещено письмо от редакции «Чертовой перечницы» по поводу поддельных изданий; ср.:

> Воспользовавшись временным, происходящим по независимым от редакции обстоятельствам перерывом в выходе «Чертовой перечницы», целый ряд скрывших свои имена гешефтмахеров (Geschäftmacher (*нем.*) — ловкий делец, мошенник. — *Е.Я.*) выпускает свои подражания. Тут и «Чертова мельница», и «Чертова кукла», «Черт полосатый», и еще, и еще. Все эти подражания и подделки стараются по возможности ближе воспроизвести внешность «Чертовой перечницы» и тем ввести в заблуждение читателя.
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 136

О том же газета «Киевское эхо» писала 20 января 1919 г.: «<...> одно время в Киеве была мода на еженедельники. Теперь началась эпидемия театральных и юмористических газет. С легкой руки “Чертовой перечницы” — появились “Чертова мельница”, “Черт полосатый”, “Чертова кукла” и др<угая> макулатура, ничего не стоящая» (цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 137).

В воспоминаниях Дона-Аминадо о жизни в Киеве 1918 г. по поводу газеты говорится:

> <...> наибольшим успехом <...> пользуется еженедельный листок Василевского (Не-Буквы) «Чертова перечница».
>
> Листок официально — юмористический, неофициально — центр коллективного помешательства.

Всё неожиданно, хлестко, нахально и бесцеремонно.

Имен нет, одни псевдонимы, и то выдуманные в один миг, тут же на месте.

В заголовке сказано:

«Чертова перечница, орган старых шестидесятников, с номерами для приезжающих».

Шельмуют всех и каждого, начиная с Вудро Вильсона (президент США. — *Е.Я.*) и кончая полковником Скоропадским.

Игорь Кистяковский, московская знаменитость (известный юрист. — *Е.Я.*), а теперь гетманский министр внутренних дел, еженедельно вызывает Василевского для объяснений и внушений.

Василевский нисколько не смущается и говорит:

— Вы, Игорь Александрович, дошли до министерства, мы до «Чертовой перечницы». Разница только в том, что у нас успех, а у вас никакого...

Дон-Аминадо 1991: 219–220

[35] «*Голым профилем на ежа не сядешь!*» — Неточно процитирован лозунг-эпиграф в № 6 газеты «Чертова перечница» (см. примеч. 34 к гл. 3) от 29 ноября 1918 г.; ср.: «На ежа — голым профилем не сядешь!» (см.: Рогозовская 2001: 197).

[36] «*Арбуз не стоит печь на мыле, | Американцы победили*»... «*Игривы Брейтмана остроты, | И где же сенегальцев роты?*»... «*Рожают овцы под брезентом. | Родзянко будет президентом*». — Цитаты (с неточностью) из стихотворения «Азбука “Чертовой перечницы” для эпилептиков и самоубийц»; авторы «Азбуки...» — А.И. Дейч (1893–1972) и М.Е. Кольцов (наст. фамилия Фридлянд; 1898–1940/1942). Стихотворение было помещено в № 6 юмористической газеты «Чертова перечница» (см. примеч. 34, 35 к гл. 3) от 29 ноября 1918 г. (см.: Петровский 2001: 227–229).

Американцы победили. — США вступили в Первую мировую войну в апреле 1917 г.; летом — осенью 1918 г. американские войска на Западном фронте предприняли наступление, во многом ускорившее победу Антанты, объединенного блока Великобритании, Франции и др.

Брейтман Г.Н. (1873–1949) — литератор, издатель киевской газеты «Последние новости» (выходила с 1906 по 1919 г.).

И где же сенегальцев роты? — В составе французского оккупационного корпуса, направленного в Россию (первый эшелон французских войск вы-

садился в Одессе 4 декабря 1918 г.), находились колониальные части, состоявшие в том числе из жителей Сенегала (государство в Западной Африке).

Родзянко М.В. (1859–1924) — государственный деятель, лидер праволиберальной политической партии «Союз 17 октября» («октябристы»), существовавшей в России с 1905 по 1917 г.; в 1911–1917 гг. Родзянко был председателем III (1907 г.) и IV (1912 г.) Государственной думы.

См. полный текст «Азбуки...»:

А
Арбуз не надо печь на мыле.
Американцы победили.

Б
Белуджистан — страна на юге.
Бутенко лопнет от натуги.

В
Воловья кожа для подметок.
Вильгельм решил проведать теток.

Г
Горчицу есть не надо с сыром.
Горелов буйно вышел с «Миром».

Д
Давид играл на лире звучно.
Демченко в Яссах? Ах, как скучно!

Е
Едва ль удобно птице в клетке.
Евгений Венский спит на ветке.

Ж
Жестокая страна Тибет.
Женат ли Троцкий или нет?

З
За рупь продать нетрудно пушку.
Зозуля — автор иль кукушка?

И
Игривы Брейтмана остроты.
И где же сенегальцев роты?

К
Кому бы закатить в мордасы?
Керенский тоже едет в Яссы.

Л
Лафит излюблен и эсером.
Легко ль Дьякову быть лорд-мэром?

М
Москвич вздохнул, на Кремль глядя.
Мазепа был веселый дядя.

Н
Нет шерсти на спине улитки.
Никита Балиев в убытке.

О
Оазис манит и калифа.
Оцу́п рожден для «Суизифа».

П
Паучий хвост весьма уто́нчен.
Петлюровский сеанс окончен.

Р
Рожают овцы под брезентом.
Родзянко будет президентом?

С
Свиньям ли лазить на Монбланы?
Стремятся к славе Болбочаны.

Т
Табак негоден для котлет.
Тактичен Милюков иль нет?

У
Уместны ль блохи на соломе?
Ульянов — шишка в Совнаркоме.

Ф
Фенацетин курсисткам нужен.
Французы едут к нам на ужин.

Х
Хамить в гостиной некрасиво.
Не Троцкий в бой идет спесиво.

Ц
Цыплят по осени считают.
Царей в совдеп не избирают.

Ч
Червяк ползет на прах Аскольда.
Чевой-то я люблю Гарольда.

Ш
Шикарны дамы на Ривьере.
Штаны висят на Зейлигере.

Э
Эрот без бабы часто чахнет.
Эх-ма! Как густо Троцким пахнет.

Ю
Юрта́ располагает к неге.
Юренева жеманна в «Снеге».

Я
Я — заключает весь алфа́вит.
Якутка «Перечницу» славит.

Цит. по: Рогозовская 2001: 199–200

Белуджистан — историческая область в Азии, территории современных Пакистана и Ирана.

Бутенко Б.А. (?–1926) — министр путей сообщения в гетманском правительстве.

Вильгельм II (1859–1941) — германский кайзер в 1888–1918 гг.; после поражения Германии (1918 г.) в Первой мировой войне находился в Нидерландах.

Горелов (наст. фамилия – Гаккебуш, 1872–1929) М.М. – журналист, редактор издававшейся в ноябре–декабре 1918 г. газеты «Мир» (вышло 10 номеров).

Давид – неоднократно упоминаемый в Ветхом Завете второй царь Израиля, известный как музыкант и певец. «Давид играл на лире звучно» – цитата из скабрезной «Гусарской азбуки», по образцу которой написана «Азбука “Чертовой перечницы”».

Яссы – временная столица Румынии (1916–1918 гг.); по инициативе французского консула Э. Энно 17–23 ноября 1918 г. в Яссах состоялась встреча представителей крупнейших политических организаций России; это была попытка создать прообраз национального правительства, с которым могли бы иметь дело страны Антанты.

Демченко В.Я. (1875–1933) – предприниматель, депутат IV Государственной думы от Киева; в 1918 г. сотрудничал с администрацией гетмана П.П. Скоропадского; участвовал в ясском совещании в составе русской делегации (с совещательным голосом).

Венский Е. – псевдоним поэта-сатириконца Е.О. Пяткина, одного из авторов «Чертовой перечницы»; в 1920 г. вместе с Булгаковым и Ю.Л. Слёзкиным Венский печатался во владикавказской газете «Кавказ» (1920); в начале 1920-х годов в Москве сотрудничал в юмористических журналах «Бегемот», «Смехач», «Крокодил», «Красный ворон» и др., а также в газете «Гудок», где служил Булгаков (см.: Чудакова 1988: 658).

Тибет – в 1913–1951 гг. де-факто независимое государство Центральной Азии, расположенное на Тибетском нагорье.

Троцкий Л.Д. (наст. фам. – Бронштейн; 1879–1940) – народный комиссар по военным делам и по морским делам, председатель Революционного военного совета РСФСР с 1918 г.

Зозуля Е.Д. (1891–1941) – журналист и писатель, в начале 1920-х годов редактор журнала «Огонек» (при советской власти стал выходить с 1923 г.); фамилия происходит от слова «зозуля» (*укр.*) – «кукушка».

Керенский А.Ф. (1881–1970) – министр-председатель (8 (21) июля – 25 октября (7 ноября) 1917 г.) Временного правительства России, существовавшего между Февральской (1905) и Октябрьской (1917) революциями; в ясском совещании Керенский не участвовал.

Эсеры – партия социалистов-революционеров (создана на базе ранее существовавших народнических организаций), одна из ведущих политических партий в России (1902–1923).

Дьяков И.Н. (1865–1934) – городской голова Киева (1906–1916).

Лорд-мэр — глава администрации лондонского района Сити; главой всего Лондона является мэр. В данном случае имеется в виду глава города.

Мазепа И.С. (1639–1709) — гетман Украины в 1687–1708 гг.

Балиев Н.Ф. (псевд. Баляна Мкртича Асвадуровича, 1876–1936) — актер и режиссер, с 1908 г. директор и художественный руководитель театра-кабаре «Летучая мышь» (Москва, 1908–1918, затем театр функционировал за границей).

Калиф — название самого высокого титула у мусульман: правитель, наместник. Иначе — халиф.

Оцуп А.А. (1882–1948) — инженер и литератор (псевд. — Сергей Горный), председатель Союза украинских заводчиков и фабрикантов (Суозиф; 1918).

Болбочан П.Ф. (1883–1919) — командир Запорожской дивизии в гетманской армии. Подробнее о нем см. примеч. 41 к гл. 6.

Милюков П.Н. (1859–1943) — политический деятель и историк, лидер леволиберальной Конституционно-демократической партии («кадеты», Партия Народной Свободы), которая существовала в России, а позже в эмиграции; летом 1918 г. Милюков был в Киеве.

Ульянов — настоящая фамилия В.И. Ленина (1870–1924), председателя Совета Народных Комиссаров (Совнаркома), правительства РСФСР (затем СССР) в 1917–1924 гг.

Фенацетин — болеутоляющее и жаропонижающее средство.

«Не» — В соответствии с логикой азбуки слово обозначает букву «х» и должно читаться как ее церковнославянское название — «хѣръ». Возможно, намек на немецкое слово «Herr» — господин.

Совдеп — Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Советы — выборные представительные органы публичной власти в Российской империи (1905–1907), Российской республике, РСФСР и СССР (1917–1993).

Аскольд — легендарный киевский князь (?–882), по преданию, вместе с соправителем Диром убитый князем Олегом и похороненный на правом берегу Днепра (см.: ПВЛ 1950: 20). Урочище в Киеве, имеющее название «Аскольдова могила», ныне является частью прибрежного парка.

Гарольд — псевдоним фельетониста И.М. Левинского (1976–1955), сотрудничавшего в газете «Киевская мысль».

Ривьера — здесь: французско-итальянское побережье Лигурийского моря (Лазурный берег и проч.).

Зейлигер Ф.Н. — издатель киевской газеты «Наш путь».

Эрот, Эрос — древнегреческое божество любви (см.: МНМ 1991–1992/2: 668).

Юрта – каркасное жилище с войлочным покрытием у тюркских и монгольских кочевников.

Юренева В.Л. (1876–1962) – известная в начале XX в. драматическая актриса; в 1918–1919 гг., находясь в Киеве, вышла замуж за одного из авторов «Азбуки “Чертовой перечницы”» юного М.Е. Кольцова (разница в возрасте составляла 22 года); в 1920 г. они переехали в Москву, где в 1922 г. расстались.

«Снег» («Śnieg») – пьеса (1903) польского писателя и драматурга С.Ф. Пшибышевского (1868–1927); В.Л. Юренева играла в ней главную героиню Бронку. Через много лет другой автор «Азбуки», А.И. Дейч, вспоминал, что в этой роли Юренева создала «обаятельный образ маленькой женщины, тихой, кроткой и трепетной, как первый снег, ушедшей в свое счастье» (Дейч 1966: 44).

Якутка – представительница коренного населения Якутии.

«Азбука “Чертовой перечницы”» отчасти варьирует опубликованную в 1908 г. в журнале «Сатирикон» (№№ 5–6) анонимную «Азбуку для детей и для литераторов»; ср.:

Войска идут на бой спесиво.
«Весы» совсем не то, что «Нива».
<...>
Давид играл на лире звучно,
Дружить в сатире очень скучно.

Гудим Бодай-Корова. Азбука для детей и для литераторов // Сатирикон. 1908. № 5. С. 11

Однако сходство объясняется прежде всего тем, что оба текста восходят к единому образцу – фольклорным нецензурным «Азбукам» («Гусарской», «Гимназической» и проч.); во всех случаях основной стилевой прием – «дерзкий алогизм стыка между первой и второй строкой каждого двустишия» (Петровский 2001: 226).

[37] *Князь Белоруков.* – Прототипом персонажа явился генерал-лейтенант А.Н. Долгоруков (1872–1948), личный друг гетмана П.П. Скоропадского, в конце ноября 1918 г. назначенный главнокомандующим вооруженными силами на Украине; в декабре 1918 г. Долгоруков эмигрировал в Германию.

[38] *...подпоручик Степанов, Федор Николаевич, артиллерист... по... кличке Карась.* – В имени и военных атрибутах персонажа, по-видимому, шутливо кон-

таминированы Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой: имя — от первого, отчество — от второго, звание — от первого (Ф.М. Достоевский вышел в отставку инженер-подпоручиком; см: Достоевский 1972–1990/30–2: 25), воинская специальность — от второго (позже Мышлаевский скажет о Л.Н. Толстом как об «артиллерии поручике»: см. с. 188 наст. изд.).

В ростовской газете «Заря России» 14 сентября 1919 г. был опубликован фельетон «Приключения добровольца: Необыкновенное путешествие по Совдепии», подписанный «Федор Карась», причем подпись в шутливой форме удостоверена: «С подлинным верно. А. Ренников» (псевдоним писателя А.М. Селитренникова (1882–1957), который был главным редактором газеты). Булгаков мог воспользоваться именем вымышленного автора этого фельетона (см.: Бурмистров 1999: 178).

[39] *...на погонах у него золотые пушки...* — Скрещенные пушки — эмблема артиллерии.

[40] *Мортирный дивизион.* — В «Записках по артиллерии» Н.С. Абамеликова и Б.Д. Приходкина указана одна из разновидностей артиллерии — гаубичная «<...> именуемая пока по-старинному мортирной <...>» (Абамеликов, Приходкин 1916: 4); она используется для навесной стрельбы:

> Траектория крутая, для чего необходимо орудие короткое <...> заряд малый, а снаряд тяжелый.
>
> Такое орудие называется *мортирой.*
>
> Абамеликов, Приходкин 1916: 6–7

При этом отмечается, что «<...> мортира исключена из полевой артиллерии и взамен ее введена гаубица» (Абамеликов, Приходкин 1916: 7). В составе армии, оборонявшей Киев от войск Петлюры, мортирного дивизиона не было (см: Тинченко 1997: 30). Возможно, реминисценция из цикла Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы» (1855), прежде всего рассказа «Севастополь в августе 1855 года» (1855), где в нескольких эпизодах действие происходит на мо́ртирной батарее (см.: Толстой 1928–1958/4: 105–111, 115–116).

[41] *Командир — полковник Малышев, дивизион — замечательный, так и называется студенческий.* — В декабре 1918 г. в Киеве формировалась дружина бойскаутов из гимназистов и кадетов (по образцу аналогичных организаций в Великобритании). Инициатива принадлежала врачу-венерологу Е.Ф. Гарнич-Гарницкому (1862–1936), ранее создавшему в городе бойскаутскую организацию, костяк которой составляли учащиеся Александровской гимна-

зии. В соответствующем приказе Главного учебного управления военного министерства от 7 декабря 1918 г. говорилось:

> По распоряжению Главнокомандующего в г. Киеве должна быть сформирована дружина бойскаутов из учеников 7 и 8 классов средних учебных заведений, не младше 16 лет, чтобы дать законный выход патриотическим чувствам молодежи, которая, несмотря на запрет, всё же вступает в армию. Назначение дружины — охрана и тыловые работы в г. Киеве, что даст возможность боевой элемент выслать на позицию. Ученики младше 17 лет могут вступить в дружину только с разрешения родителей, а 17-ти и больше лет — без разрешения.
>
> Цит. по: Тинченко 1997: 40

Заявления о приеме в дружину принимались в Педагогическом музее на Владимирской улице, дом 57 (подробнее см. примеч. 51 к гл. 6). Одним из руководителей дружины был 32-летний подполковник А.Ф. Малышев, в годы Первой мировой войны служивший военным летчиком. Булгаков, будучи мобилизован как врач около 10 декабря 1918 г., мог попасть в дружину бойскаутов по распределению (см.: Тинченко 1997: 36—40). Газета «Последние новости» 11 декабря 1918 г. сообщала: «Врачи, призванные по мобилизации, будут назначаемы кроме своей специальности и на места фельдшеров и даже санитаров» (цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 127). Показательна дневниковая запись врача А.И. Ермоленко (1891—1958), служившего в госпитале на Печерске, от 12 декабря 1918 г.; ср.:

> 11-го числа ходил я призываться. С 9-го началась мобилизация родившихся с 1889—1998. Врачей призвали на общих основаниях, т<о> е<сть> под винтовку. Меня включили в какую-то «охранную дружину» и, как старше 27-летнего возраста, отпустили пока домой с тем, что, в случае надобности, призовут для охраны самого города.
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 92

[42] *Золотая Елена...* — Эпитет обусловлен тем, что героиня романа устойчиво ассоциируется с мотивом света. Комичное противостояние возвышенной и бытовой точек зрения отражено в диалоге Лариосика и Николки в пьесе «Белая гвардия» (1925):

Л а р и о с и к. Ты знаешь, какой человек Елена Васильевна? Она... она золотая.
Н и к о л к а. Рыжая она, рыжая, Ларион.
Л а р и о с и к. Я не про волосы говорю, а про внутренние ее качества! А если хочешь, то и волосы золотые. Да!
Н и к о л к а. Рыжая, Ларончик, ты не сердись. От этого в нее все и влюбляются. Нравится каждому — рыжая. Прямо несчастье. Кто ни придет, потом начинает букеты таскать. Так что у нас, как веники, всё время букеты стояли по всей квартире. А Тальберг злился.
Л а р и о с и к. На свету волосы отливают в цвет ржи. Ты видел рожь на полях, Никол, в час заката, когда лучи косые и ветер чуть шевелит колосья? Видел? Вот такой на ней нимб!
Н и к о л к а. Пропал человек!

Булгаков 1990: 102

Ситуация общей влюбленности в сакрализованную героиню, возможно, содержит скрытую литературную реминисценцию. В августе 1923 г. из Германии в СССР вернулся А.Н. Толстой (1883–1945), работавший тогда над пьесой «Бунт машин» (1923) по мотивам драмы чешского писателя Карела Чапека (1890–1938) «RUR» (1920). Именно Толстой мог обратить внимание Булгакова на творчество Чапека (см.: Никольский 2009: 80–83). В 1924 г. переводы пьесы Чапека на русский язык были изданы в СССР (Чапек 1924а) и Чехословакии (Чапек 1924б). Как и в драме Чапека, в романе Булгакова героиня по имени Елена связана с архетипом Елены Прекрасной — воплощением абсолютной красоты, исконного и вечного женского начала (см.: Малевич 1989: 128). Героиня пьесы «RUR» Елена Глори предстает эпицентром мужского внимания:

Д о м и н. Мне хотелось бы спросить, мисс Глори, не желаете ли вы взять меня?
Е л е н а. Как взять?
Д о м и н. В мужья. <...> Если вы меня не берете, то должны взять одного из пяти других.
Е л е н а. Да боже упаси. Почему я должна его взять?
Д о м и н. Потому что они один за другим будут вам предлагать руку.

Е л е н а. Как они дерзнут?
Д о м и н. Я очень жалею, мисс Глори, но они, кажется, влюбились в вас.

Чапек 1924а: 38

Мотив всеобщей влюбленности в героиню присутствует и в романе «Белая гвардия», однако более активно проявлен в одноименной пьесе, которая послужила основой для создания «Дней Турбиных». Вульгарно интерпретируя спектакль МХАТа, А.В. Луначарский (1875–1933) писал, что в нем явственна «атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (Луначарский 1926; см. также: Луначарский 1964: 328).

[43] *...бледными кавалерийскими погонами...* — Каждый кавалерийский полк имел погоны своего цвета; напр., в 12-м Белгородском уланском полку (см. примеч. 76 к гл. 2) они были желтыми.

[44] *...пел... эпиталаму богу Гименею...* — Имеется в виду эпиталама Виндекса из оперы композитора А.Г. Рубинштейна (1829–1994) «Нерон» («Néron»; либретто Ж. Барбье; 1877; см.: Néron 1884: 57–59). Эпиталама — свадебная песня. Гименей — в греческой мифологии божество брака (МНМ 1991–1992/1: 304).

По воспоминаниям Н.А. Земской, Булгаков нередко пел эпиталаму Виндекса (см.: Земская 2004: 86). Журналист И.С. Овчинников передает рассказ Булгакова о потрясшем его и повлиявшем на певческую карьеру исполнении эпиталамы:

> Дело было в Киеве, в бытность мою студентом-медиком тамошнего университета. Вообразив, что у меня голос, я решил поставить его по всем правилам вокального искусства. Сказано — сделано. Записался приходящим в консерваторию, толкаюсь по профессорам, извожу домашних бесконечными вокализами. Ну, а по вечерам собираемся в одной очень культурной семье — музицируем. Вокалисты, виолончелисты, скрипачи. Сама мамаша пианистка, дочь арфистка... Вот тут-то и подсекла меня эта самая проклятая встреча, о которой я хочу рассказать... М-да... Так вот, приходит как-то на наше вечернее бдение мой преподаватель по вокалу, а с ним мальчик... Лет ему даже не двадцать, а, вероятно, девятнадцать. Мальчик как мальчик. Росту моего, среднего. Только грудная коробка — моих две. Не преувеличиваю. Профессор сел за рояль. Сейчас, говорит, вы услышите «Эпиталаму» — только, пожалуйста, не судите строго. Искусства, говорит, у нас пока еще мало, но материал есть — это вы сейчас почувствуете сами».

Сделал профессор на рояле вступительное трень-брень и кивает через левое ухо мальчику — мол, давай. Ну, тот и дал! С первой же ноты он шарахнул такое форте, что все мы разинули рты, как звонари у Ивана Великого. Знаете, звонари и пушкари разевают рты, чтобы не полопались барабанные перепонки. Вот так мы и стоим с открытыми ртами, смотрим друг на друга. А подвески на люстре даже не звенят, а вроде даже подвывают как-то. Что дальше пел мальчик, как пел, ей-богу, не помню. Отошел я к сторонке и тихонько самому себе говорю: «Вот что, дорогой друг Михаил Афанасьевич! Материал пусть поет, а у нас с тобой материала профессор не нашел — давай-ка замолчим...» Ну и замолчал! Крышка! Так с тех пор и не пою... То есть как вам сказать: и пою, и не пою. Знаете, как говорят итальянцы: человек, который поет на лестнице, певцом не будет. Так вот я пою теперь только на лестнице.

Воспоминания 1988: 136, 138

[45] *Да, пожалуй, всё вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского.* — Реминисценция из эпизода романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», где проигравшийся Николай Ростов, вернувшись домой, слышит пение Наташи; ср.: «Эх, жизнь наша дурацкая! — думал Николай. — Всё это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь — всё это вздор... а вот оно — настоящее...» (Толстой 1928–1958/10: 60).

[46] *La Scala* — оперный театр в Милане.

[47] *Жмеринка* — город в Винницкой губернии (ныне — Винницкая область) примерно в 230 км к юго-западу от Киева.

[48] *Графиня Лендрикова.* — Вымышленная фамилия отсылает к графине А.В. Гендриковой (1888–1918), личной фрейлине императрицы Александры Федоровны (урожд. Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, 1872–1918); в августе 1917 г. графиня добровольно сопровождала царскую семью в ссылку в Тобольск; позже Гендрикова находилась в заключении в Перми и 3 сентября 1918 г. была убита (см.: Вильтон 1923: 99–100).

[49] *...вместо fa взял la и держал его пять тактов...* — Нота «ля» на два тона выше, чем «фа». Такт — единица музыкального метра, протяженность такта во времени зависит от размера и темпа музыкального произведения.

[50] *Сербские квартирьеры.* — Квартирьер — военнослужащий, заранее подыскивающий помещения для прибывающей войсковой части. Сербия воевала на стороне Антанты. Газета «Голос Киева» 10 декабря 1918 г. опуб-

ликовала заметку «Сербы в Киеве»: «Подтверждается проскользнувшее сообщение о прибытии в Киев сербских квартирьеров офицеров и солдат. Они заняли помещение на Крещатике в доме № 25 и вывесили свой национальный флаг. <...> Выяснилось, что сербские войска прибудут в Киев через неделю» (цит. по: Тинченко 1997: 238).

[51] *Князь.* — Имеется в виду Белоруков (см. примеч. 37 к гл. 3).

[52] *...пришли греки...* — Среди подразделений стран Антанты, которые в начале декабря 1918 г. высаживались в Одессе, были и греческие.

[53] *...вот Петлюру тогда поймать да повесить!* — Вероятная реминисценция из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Ср. в сцене «Корчма на литовской границе»:

Первый пристав. <...> того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. <...>
Григорий. (*читает*). <...>
Пристав. «И царь повелел изловить его...»
И повесить.
Григорий. Тут не сказано *повесить.*
Пристав. Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Пушкин 1994—1996/7: 33, 35

[54] *Шашка* — холодное оружие с длинным изогнутым клинком.

[55] *...со сверкающей золотом рукоятью.* — На вооружении в уланских полках стояла офицерская драгунская шашка образца 1881/1909 г., у которой элементы рукояти (головка, гарда) изготовлены из латуни и, соответственно, имеют золотистый цвет. Однако оружие Шервинского, судя по всему, отличается от общепринятого.

[56] *Подарил персидский принц. Клинок дамасский.* — Имеется в виду дамасская сталь — особый вид стали с узорной поверхностью. До XVIII в. дамасские клинки ввозились в Россию преимущественно из Персии (ныне — Исламская Республика Иран).

[57] *Стейер* — марка австрийского пистолета (иначе — Штайр).

[58] *Вороненое* — черное или темно-серое. Воронение — специальная обработка стали, в результате которой на поверхности металла образуется слой окислившегося железа различных цветов.

[59] *...дереву кобуры...* — Кобура маузера была деревянной; использовалась также в качестве приклада.

[60] *...а сингалезов всё нет и нет, вероятно, они, как сапоги, черные...* — Николка путает сенегальцев (жителей Сенегала, чернокожих африканцев) и населяющих о. Цейлон сингалезов (сингалов), не принадлежащих к черной расе.

[61] *Хай живе вильна Украина вид Киева до Берлина!* — Пародийная вариация гимна Украины (в 1917–1920 гг. не был официально утвержден), в основе которого стихотворение этнографа и фольклориста П.П. Чубинского (1839–1884) «Ще не вмерла України, ні слава, ні воля...» (1862; впервые опубл.: Мета. Львів, 1863. № 4. С. 271–272).

Подобный стишок, по воспоминаниям академика Г.Е. Рейна (1854–1942), действительно ходил по Киеву в 1918 г. (Рейн [б. г.]: 282). Существовала также популярная частушка:

От Киева до Берлина
Щэ нэ вмэрла Украина,
Гайдамакы щэ нэ здалысь.
Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!

Цит. по: Савченко 2004: 184

[62] *...с хвостами на головах?* — Возможно, имеется в виду оселедец — длинный чуб на выбритой голове.

[63] *...ухватило кота поперек живота...* — Ср.: «Схватило поперек живота — (*иноск.*) о досаде, беде, не по нраву (пришлось). — Взяло кота поперек живота» (Михельсон 1912: 857).

[64] *...так начали формировать русскую армию?* — Лишившись поддержки немцев, П.П. Скоропадский был вынужден отказаться от доктрины независимости Украины и выступить сторонником воссоединения с белогвардейской Россией.

[65] *Завтра, я уже решил, я иду в этот самый дивизион, и, если ваш Малышев не возьмет меня врачом, я пойду простым рядовым.* — Согласно записям П.С. Попова, Булгаков говорил о себе: «14 декабря (1918 г. — *Е.Я.*) был на улицах Киева. Пережил близкое тому, что имеется в романе» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2).

По воспоминаниям Т.Н. Кисельгоф, Булгаков и его друзья решили принять участие в защите Киева от петлюровцев, однако к тому моменту Киев был уже фактически взят, так что Булгаков вскоре вернулся домой:

> Пришел Сынгаевский и другие Мишины товарищи и вот разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что нем-

цы должны помочь... а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать, кажется. А утром Михаил поехал. Там медпункт был. <...> И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что всё кончено и что будут петлюровцы.

Кисельгоф 1991: 69

Кисельгоф уточняла: «<...> сказал, что всё было не готово и всё кончено — петлюровцы уже вошли в город. Генералы и немцы — они должны были отбить петлюровцев. А они всё побросали и ушли» (Воспоминания 1988: 118).

[66] *Вся Александровская императорская гимназия.* — Первая Киевская гимназия, которую окончил Булгаков, с 1911 г. в честь 100-летия со дня ее основания стала называться Императорской Александровской. Ныне здание бывшей гимназии — гуманитарный корпус Киевского университета им. Тараса Шевченко (бульвар Тараса Шевченко, дом 14).

[67] *...ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!* — Историк Н.П. Полетика (1896—1988), учившийся в 1905—1914 гг. в Александровской гимназии (с 1905 по 1909 г. — одновременно с Булгаковым), а затем в Киевском университете (с 1914 по 1919 г.), вспоминал:

<...> «пан гетман», как утверждали злые языки в Киеве, ни слова не понимает по-украински. Конечно, речи его переводились на украинский язык, но когда ему приходилось читать их «по бумажке», «щирых украинцев» так коробило его «украинское» произношение, что они тряслись от негодования, как трясется черт перед крестом. «Як нагаем бье» («точно нагайкой бьет»), — негодуя говорил известный украинский поэт Мыкола Вороний, который перевел в 1919 г. «Интернационал» на украинский язык.

Полетика 1982: 133—134

Украинским языком владели также не все министры гетманского правительства — прения шли на русском языке, на нем зачастую велся и журнал заседаний правительства, однако для соблюдения формальности сверху писалось слово «переклад» (*укр.*) — «перевод» (см.: Пученков 2013: 82).

[68] *Доктор Курицький.* — Считается, что прототипом Курицкого явился Дмитрий Антонович Одрина (1892—1919), сокурсник Булгакова по университету. Одрина был личным другом Петлюры и одним из организаторов

антигетманского восстания. С 4 декабря 1918 г. служил начальником санитарной управы войск Директории (см.: Тинченко 1997: 159–163; см. также: Тинченко 2007: 306).

[69] *Был Курицкий, а стал Курицький...* — Показателен напечатанный 22 декабря 1918 г. в газете «Наш путь» фельетон за подписью «Евлампий Кондаков». Герой фельетона эстонец Поль Киссель с приходом Петлюры стал зваться «Павло Кисель», провозгласив себя украинцем; ср.:

> Я так и обмер:
>
> Мать Пресвятая Богородица! Да давно ли ты, черт этакий, был славянофилом, потом немцем, — а теперь уж вон и украинец... <...>
>
> И теперь я сижу и жду остальных моих друзей.
>
> Ломакин станет «Ломако», «Грибоедом» — бывший Грибоедов, и «Копейкой» назовется знаменитый и отважный капитан Копейкин.
>
> Начались, значит, и мои веселые «Вечера на хуторе близ Диканьки»
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 132–133

[70] *...спрашиваю, как по-украински «кот»? Он отвечает «кит». Спрашиваю: «А как "кит"?»* — Слово «кот» по-украински пишется через букву «і»; слово «кит» — так же, как по-русски, но читается «кыт».

[71] *Белое море* — море Северного Ледовитого океана, находится на севере европейской части России.

[72] *Валютчики* — спекулянты, занимающиеся перепродажей иностранной валюты.

[73] *Грыжа* — выпячивание органа или его части под кожу или в межмышечное пространство.

[74] *Верхушка правого легкого* — типичное место для первичного очага туберкулеза.

[75] *Если уж в кофейнях шепчутся перед мобилизацией и ни один не идет — дело швах!* — Генеральный секретариат Украинской Державы 19 сентября 1918 г. постановил приступить к формированию украинской национальной гвардии. Вскоре был объявлен набор и в Русский корпус; однако энтузиазма среди офицерства это не вызвало.

Приказ киевского столичного атамана, отданный 2 декабря 1918 г., гласил:

> Имея в виду, что громадное количество лиц, обязанных согласно приказам Главнокомандующего за № 2, 23, 37 явиться немедленно

> в ряды формируемых войск, уклоняются от такой явки, поручаю начальникам районных и начальнику Главного розыскного отдела с 3 сего декабря приступить к самой тщательной проверке домов, гостиниц, меблированных комнат, кофеен, ресторанов, паштетных и т<ому> п<одобных> мест, где забывшие свой долг перед родиной лица могут скрываться. Их арестовывать и с протоколами отправлять в ближайший военно-полевой суд.
>
> Киевская мысль. 1918. 4 декабря; цит. по: Тинченко 1997: 228

Ср. также в пьесе «Дни Турбиных»: Алексей презрительно именует трусливых обывателей, индифферентно относящихся к судьбам родины, «кафейной армией» (см.: Булгаков 2007–2011/4: 31). Образ восходит к фельетону Булгакова «В кафе» (1920):

> Оказывается, этот цветущий, румяный человек болен... Отчаянно, непоправимо, неизлечимо, вдребезги болен! У него порок сердца, грыжа и самая ужасная неврастения. Только чуду можно приписать то обстоятельство, что он сидит в кофейной, поглощая пирожные, а не лежит на кладбище, в свою очередь поглощаемый червями.
>
> Булгаков: 2007–2011/1: 526

[76] *...комедию с украинизацией...* – Имеется в виду политика гетмана Скоропадского в отношении украинского национального возрождения (см. примеч. 103 к гл. 2).

[77] *Малороссия* – возникшее в XIV в. историческое название ряда регионов на территории современной Украины. В Энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона указано:

> Под именем Малороссии разумеются обыкновенно нынешняя Черниговская и Полтавская губернии, но в историческом смысле понятие Малороссии гораздо шире; она обнимала собою, сверх того, теперешний Юго-Западный край (то есть губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую), заходя порой и в теперешнюю Галицию, Бессарабию, Херсонщину. Рекой Днепром Малороссия делилась на правобережную и левобережную.
>
> Брокгауз, Ефрон 1890–1907/28: 490

[78] *Троцкий* Л.Д. – первый народный комиссар иностранных дел РСФСР в 1917–1918 гг. В этом качестве он участвовал во втором этапе мирных переговоров в Брест-Литовске (27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) – 28 января (10 февраля) 1918 г.) о выходе РСФСР из Первой мировой войны. В годы Гражданской войны занимал должность народного комиссара по военно-морским делам, был председателем Революционного военного совета Республики. В период, когда Булгаков находился в Киеве, Троцкий 20 мая 1919 г. выступал там же на рабочем митинге (см.: Троцкий 1926: 174–179). В «Белой гвардии» Троцкий олицетворяет большевистскую власть.

Однако в период, когда создавалась известная нам редакция романа, началось оттеснение Троцкого с руководящих постов. Как показывают дневниковые записи Булгакова, он пристально следил за борьбой партийных группировок. Писатель 20/21 декабря 1924 г. отмечает в дневнике, что самое важное событие последнего времени – «раскол в партии, вызванный книгой Троцкого "Уроки Октября", дружное нападение на него всех главарей партии» (Булгаков 2007–2011/2: 441). «Уроки Октября» – статья Троцкого, вышедшая осенью 1924 г. в качестве предисловия к третьему тому его Собрания сочинений. И.В. Сталин произнес 19 ноября 1924 г. речь на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, фактически противопоставив троцкизм ленинизму. Речь была опубликова 26 ноября 1924 г. в газете «Правда». Там же 20 декабря 1924 г. была опубликована статья Сталина «Октябрь и теория перманентной революции тов. Троцкого», где, по существу, декларировалась смена стратегии партии – переход от концепции «мировой революции» к строительству социализма в «отдельно взятой стране».

[79] *...немцы не позволили бы формировать армию, они боятся ее.* – П.П. Скоропадский получил от кайзера Вильгельма разрешение на призыв новобранцев лишь в сентябре 1918 г. Численность вооруженных сил Украинской Державы должна была составить 240 тыс. человек, однако сформировать части в полном составе гетман не успел (см.: Федюшин 2007: 270; Пученков 2013: 74). Германское командование дало также согласие на создание русского Особого корпуса, но предполагало удалить его из Киева и использовать в борьбе с советскими войсками на границе с РСФСР (см.: Лурье, Рогинский 1989: 583).

[80] *Вот что нужно было сказать немцам: вам нужен сахар, хлеб? – берите, лопайте, кормите солдат.* – За время оккупации (март – ноябрь 1918 г.) из Украины в Германию и Австрию было отправлено, по разным оценкам, от одного до полутора миллионов тонн продовольствия (см.: Федюшин 2007: 216–217). Киевский юрист А.А. Гольденвейзер (1890–1979) писал:

> Это был момент наибольшего экономического истощения Германии, и немцы ждали от нас питательной манны. Поэтому они, в нарушение всех традиций, фигурировали у нас не как импортеры, а исключительно как экспортеры. Притом предметом вывоза в Германию служило не только продовольствие и сырье; даже такие предметы, как электрическая арматура и лампочки, скупались немцами в киевских розничных магазинах и вывозились в Германию. Снабжали немцы нас книгами (в том числе русскими, в издании Ладыжникова) и отчасти химическими продуктами, в частности аптекарскими товарами. Но главная роль их в хозяйственной жизни была, как сказано, роль покупателей. Покупатели же они были крупные и щедрые, платили аккуратно в германских марках. Поэтому торгово-промышленный мир охотно с ними работал.
>
> Гольденвейзер 1922: 226

Характер взаимоотношений Украины и Германии тех лет отразили бытовавшие в Киеве 1918 г. частушки и песенки, напр.:

Спи, младенец украинский,
Баюшки-баю,
Охраняет страж берлинский
Колыбель твою.
Под его надзор недремный
Взято всё кругом,
Спи, младенец подъяремный,
Спи спокойным сном.
Он прогнал от колыбели
Всех большевиков,
И уже в твоей постели
Не прольется кровь.
Не услышишь ты средь ночи
Орудийный гром,
Спи, как встарь, смеживши очи,
Истомленный сном.
А придет пора — проснешься,
Хлеба не проси,
И к Берлину повернешься,
Палец пососи.

Будет время, сам узнаешь,
Чем добыт покой,
И в смущенье покачаешь
Слабой головой.
«Был когда-то хлебец», — скажешь...
Да ушел в Берлин.
И голодный спать ты ляжешь,
Украинский сын.

Цит. по: Пученков 2013: 90

Стихотворение представляет собой пародийную вариацию «Казачьей колыбельной песни» (1838) М.Ю. Лермонтова.

[81] *Московская болезнь.* — Имеется в виду революция. В устах врача-венеролога Турбина выражение «московская болезнь» обретает дополнительное значение: сходным словосочетанием — «французская болезнь» — именовался сифилис (см.: Брокгауз, Ефрон 1890–1907/30: 113). Русская революция мыслится как эпидемия, обусловленная французским влиянием — Великая французская революция (1789–1799), Парижская коммуна (1871), — и «московская болезнь» (обострение политического радикализма) предстает модификацией болезни «французской».

[82] *Мова* — здесь: украинский язык.

[83] *Пять процентов, а девяносто пять — русских!..* — Согласно официальным данным, на 16 сентября 1917 г. национальный состав населения в Киеве был следующий: русских — 231 403 (50,26 %), украинцев — 56 225 (12,21%), малороссов — 20 567 (4,47%), евреев — 87 246 (18,95%), поляков — 42 821 (9,3%) (см.: СБК 1918: 6–7). Данные по результатам переписи населения в Киеве 16 марта 1919 г.: русских — 232 148 (42,64%), украинцев — 128 664 (23,63%), малороссов — 8259 (1,5%), евреев — 114 524 (21%), поляков — 36 828 (6,76%) (см.: Перепись 1920: табл. 3).

[84] *Впоследствии же гетман сделал бы именно так, как ты говоришь: русская армия, и никаких гвоздей.* — В первый период гетманства П.П. Скоропадский проводил политику украинизации армии, формирования частей по национально-территориальному признаку (впрочем, организацией украинских военных частей еще в 1917 г. начал заниматься С.В. Петлюра, будучи военным министром Центральной рады). В ноябре 1918 г., с началом революции в Германии Скоропадский попытался найти поддержку у сил русской ориентации. В подписанной 14 ноября 1918 г. грамоте гетман заявлял, что Украине «<...> первой надлежит выступить в деле создания всероссийской

федерации, конечной целью которой явится восстановление Великой России» (цит. по: Пученков 2013: 171). Это, в свою очередь, оттолкнуло от Скоропадского сторонников независимой Украины. Воззвание Украинского национального союза от 15 ноября 1918 г. объявило о создании Директории и низложении гетмана.

[85] *Владимирская улица* — одна из главных улиц Киева, начинающаяся от Андреевского спуска. На ней и вблизи нее происходит ряд ключевых событий «Белой гвардии».

[86] *Трехцветные флаги.* — Имеется в виду бело-сине-красный флаг Российской империи — символ единой, неделимой России. Во время Гражданской войны использовался Белым движением.

[87] *Когда же Москва была бы занята, гетман торжественно положил бы Украину к стопам его императорского величества государя императора Николая Александровича.* — Подобные высказывания П.П. Скоропадского зафиксированы рядом мемуаристов. И.Ф. Наживин в 1921 г. вспоминал:

> <...> на ушко передавали в Киеве слушок о приеме гетманом одной влиятельной русской депутации — будто бы от Союза земельных собственников, — которая ребром поставила ему вопрос о его «сепаратизме»:
>
> — Да, господа, я, конечно, стою за самостийную Украину, — будто бы отвечал им гетман. — Но эту самостийную Украину, когда придет время, я положу к ногам Его Императорского величества.
>
> Наживин 1921: 156

Генерал-лейтенант М.А. Свечин (1876—1969) приводит разговор со Скоропадским на эту тему в первый период гетманства (май 1918 г.):

> <...> я задал ему вопрос: как, полагает он, сложатся отношения его Украины с Россией.
>
> Он не сразу ответил, лишь пройдя с десяток шагов, сказал:
>
> — Трудно мне в нескольких словах ответить о своем личном мнении. Во всяком случае — я не «расчленитель». Не скрою от тебя, что в нашем правительстве идет не высказываемая громко борьба, но все делают вид, что Украйна, волей судьбы, стала отдельным государственным образованием — «Украинская Держава», но это одна видимость. Большинство членов правительства — в сердцах смотрят, что мы переживаем временную эпоху,

> что Украйна на каких-то условиях вольется в Россию, но сейчас кривят душой, делая вид сторонников самостийной политики в угоду меньшинства членов правительства, действительно искренних сторонников Украйны как отдельного государства. При таком положении я стараюсь найти средний выход для примирения, но, понятно, теперь, да еще при немцах, это нелегко. Само время укажет выход.
>
> Свечин 1964: 164–165

Генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг (1870–1946) цитирует слова Скоропадского на встрече с находившимися в Киеве офицерами:

> Как вы, так и я, — русские офицеры бывшей императорской армии и, конечно, понимаете, что никаких помыслов об отделении Украины от России у меня нет, — но в данное время, когда нет в России настоящей национальной власти и Россия управляется шайкой авантюристов, по указке III Интернационала, то, конечно, приходится создавать временную самостоятельную Украину, дабы хотя часть России спасти от того разрушения, которое происходит на территории всей остальной России; верьте мне, что я это говорю вам совершенно искренне и откровенно, и поймите меня, что ввиду создавшейся политической обстановки я не могу сказать громко и открыто всего того, что сказал вам.
>
> Цит. по: Пученков 2013: 55

Позже бывший гетман настаивал, что придерживался стратегической идеи украинской государственной самостоятельности и сосуществования с Россией на федеративных началах. В письме к Н.М. Могилянскому от 17 октября 1919 г. Скоропадский рассуждал:

> Меня все непременно выставляют каким-то ярым германофилом. Я такой же германофил, как и франкофил, я просто русофил, желающий восстановления России. Вся разница между моими противниками и мною состоит в том, что они несравненно более, чем я, «филы» Entente (соглашения. — *Е.Я.*) с Германией, а затем, что я совершенно не верю в возможность восстановления России прежней, а считаю, что она должна быть по национальностям автономна, т<ак> к<ак>

> снова создавать эту Россию, единство которой опиралось бы только на штыки и жандармерию, немыслимо и нежелательно. <...> Но, будучи русским, я и украинец, конечно, не петлюровской «марки», и утверждаю, что никогда великорусскому правительству не удастся справиться с украинским движением.
>
> Могилянский, Скоропадский 1993: 257

[88] *Император убит...* — Бывший российский император (в 1894–1917 гг.) Николай Александрович Романов (Николай II) вместе с шестью членами семьи и четырьмя членами свиты был расстрелян большевиками в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

[89] *Ну-с, вам известно, что произошло во дворце императора Вильгельма, когда ему представлялась свита гетмана?* — Скоропадский прибыл в Берлин (столица Германии), где на тот момент находился император Вильгельм II, 4 сентября 1918 г. и пробыл там около двух недель (см.: Федюшин 2007: 192).

[90] *Слушай... это легенда... Я уже слышал эту историю.* — Слухи о том, что бывший император жив, распространялись по различным каналам. Напр., летом 1918 г. в Киев, затем в Берлин прибыл немецкий офицер Вахтер, который, несмотря на дошедшие известия о гибели Романовых, утверждал, что они были спасены (см.: Вильтон 1923: 107).

[91] *Известие о смерти его императорского величества...* || *— Несколько преувеличено...* — Варьируется афоризм из фрагмента «Автобиографии» («Mark Twain's Autobiography», опубл. 1924) американского писателя и журналиста Марка Твена (псевд. Сэмюэла Ленгхорна Клеменса; 1835–1910) за 1906 г.:

> Девять лет тому назад <...> американские газеты получили сообщение, что я умираю. <...> Умирал не я. Умирал другой Клеменс, наш родственник, но он тоже не умер, а каким-то мошенническим образом вывернулся. Узнаю представителя нашей семьи!
>
> Лондонские корреспонденты американских газет стали стекаться ко мне <...> Один из них, тихий, мрачноватый ирландец, пересилив досаду и даже с подобием улыбки сказал мне, что «Ивнинг сан», его газета в Нью-Йорке, дала ему знать, что имеет сообщение о смерти Твена. Что отвечать?
>
> Я сказал:
>
> — Отвечайте, что сообщение о моей смерти преувеличено.
>
> Марк Твен 1961: 242

[92] *Государю удалось спастись при помощи его верного гувернера...* — Камердинер бывшего императора Т.И. Чемодуров (1849–1919), добровольно последовавший за семьей Романовых в ссылку и вместе с ней находившийся в Ипатьевском (по фамилии изгнанного большевиками владельца) доме, в конце мая 1918 г. попал в госпиталь и потому избежал гибели (см.: Вильтон 1923: 100).

[93] *Жильяр* Пьер (1879–1962) — гувернер цесаревича Алексея (1904–1918). Возможно, Булгаков был знаком с записками Жильяра «Император Николай II и его семья» (1921). Жильяр подробно рассказывает о последних днях семьи Романовых и, кроме того, излагает материалы следствия по делу о ее убийстве. Книга Жильяра завершается пассажем, который перекликается с размышлениями повествователя в финале «Белой гвардии» (см. с. 256–257 наст. изд.):

> <...> невозможно, чтобы те, о которых я говорил, напрасно претерпели свое мученичество. Я не знаю ни того, когда это будет, ни как это произойдет; но настанет, без сомнения, день, когда озверение потонет в им самим вызванном потоке крови и человечество извлечет из воспоминания о их страданиях непобедимую силу для нравственного исправления.
>
> Какое бы возмущение ни оставалось в душах и как бы ни было справедливо отмщение, было бы оскорблением их памяти желать искупления кровью.
>
> Жильяр 1921: 284

[94] *Сингапур* — город-государство в Юго-Восточной Азии, на южной оконечности Малаккского полуострова. В начале XX в. был колонией Великобритании.

[95] *...Вильгельма же тоже выкинули?* — Император Вильгельм II, кайзер Германии и король Пруссии, отрекся от обоих престолов 9 ноября 1918 г.

[96] *...с ними же и августейшая мать государя, Мария Федоровна.* — В то время, когда происходит действие романа, мать Николая II, вдова императора Александра III Мария Федоровна, находилась в Крыму. В апреле 1919 г. на борту линкора «Мальборо» она отправилась в Великобританию, затем жила в Дании, где и скончалась. В 2006 г. останки перезахоронены в Санкт-Петербурге.

[97] *Пусть! Пусть! Пусть даже убит... Всё равно. Я пью. Я пью.* — Возможная реминисценция из трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы» (входит в цикл «Маленькие трагедии»; 1830); ср.:

Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

Пушкин 1994—1996/7: 175

[98] *...отречение на станции Дно.* — Манифест об отречении Николая II от престола был подписан 2 (15) марта 1917 г. на станции Дно под Псковом.

[99] *...спасти Россию может только монархия.* — Слова отражают настроения самого Булгакова в годы Гражданской войны; Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «<...> по убеждениям он был монархист» (Кисельгоф 1991: 63). Однако в 1920-х годах отношение Булгакова к монархии стало иным, в частности, под влиянием борьбы родственников Николая II за «наследство». Характерна дневниковая запись 15 апреля 1924 г.: «<...> будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало» (Булгаков 2007—2011/2: 431). Спустя полгода, 31 августа 1924 г., двоюродный брат Николая II, К.В. Романов (1876—1938), будучи в эмиграции, провозгласил себя императором всероссийским Кириллом I.

[100] *...если император мертв, да здравствует император!* — Переиначена традиционная французская формула начала нового царствования; ср.: «Король умер — да здравствует король!» Показателен также лозунг, провозглашавшийся осенью 1918 г. газетой «Голос Киева»; ср.: «Император Николай II умер. Да здравствует его законный Наследник» (цит. по: Ефимовский 1994: 68).

[101] *Баритон* — мужской певческий голос, средний по высоте между басом и тенором.

[102] *...си-ильный, де-ержавный | царрр-ствуй на славу...* — Слова государственного гимна Российской империи в 1833—1917 гг. «Боже, Царя храни...» (музыка А.Ф. Львова, стихи В.А. Жуковского).

По воспоминаниям И.В. Кончаковской, эпизод с пением гимна имел реальную основу:

> Как-то у Булгаковых наверху были гости; сидим, вдруг слышим — поют: «Боже, царя храни...». А ведь царский гимн был запрещен! Папа поднялся к ним и сказал: «Миша, ты уже взрослый, но зачем же ребят под стенку ставить?» И тут вылез Николка: «Мы все тут взрослые, все сами за себя отвечаем!» А вообще-то Николай у них был самый тактичный...

Цит. по: Чудакова 1988: 98

[103] *Цыганский пот* — озноб, дрожь от холода (см.: ФСРЯ 1968: 347).

[104] *...вера православная, власть самодержавная!.. Я... былъ на «Павле Первом»...* — В сезон 1918/19 г. драма Д.С. Мережковского (1865—1941) «Павел I» (1907) шла в Киеве в театре «Соловцов». Провозглашаемый Мышлаевским лозунг в оригинале звучит в следующем контексте:

Татаринов. Европа вскоре погрузится в варварство...
Талызин. Одна Россия, как некий колосс неколебимый, стоит, и основание оного колосса — вера православная, власть самодержавная.

Мережковский 1914: 98

Историческая ситуация, отразившаяся в «Белой гвардии», противоположна той, что изображена у Мережковского, и цитата звучит злой пародией. Характерно что в фельетоне Булгакова «Грядущие перспективы» (1919) Европа охарактеризована как «выздоравливающая» после мировой войны, Россия же представлена «на самом дне ямы позора и бедствия» (Булгаков 2007—2011/1: 520—521).

[105] *Ярус* — балкон в зрительном зале, расположенный вдоль стен.

[106] *Liquor ammonii* — раствор аммиака, нашатырный спирт. Его раствор (5—10 капель на полстакана воды) при отравлении алкоголем используется для промывания желудка: прием внутрь способствует возникновению рвотного рефлекса.

[107] *За двумя тесно сдвинутыми шкапами, полными книг... называлась комната... — книжная.* — По воспоминаниям Н.А. Земской, в проходной комнате, где жили Н.А. и И.А. Булгаковы, «<...> стояли два огромнейших шкафа (один был с книгами)» (Дом Булгакова 2015: 112; см. также ил. 8).

[108] *И погасли огни...* — Застолье у Турбиных завершилось не ранее 3 часов ночи: об этом говорит Василиса (см. с. 12 наст. изд.); через некоторое время после этого Мышлаевскому стало плохо, и его приводили в чувство; затем готовились ко сну — следовательно, прошло около часа. Следующие параллельные сцены «разговора» Елены с капором и явления «кошмара» Алексею Турбину (см. с. 44—46 наст. изд.), таким образом, происходят около 4 часов утра. Привязка многих ключевых событий к периоду между 4 и 5, а также между 16 и 17 часами — важная особенность хронологии в «Белой гвардии».

[109] *Капор* — женский головной убор для убранных назад волос; соединяет черты чепца с широкими жесткими полями и шляпы с высокой тульей.

[110] *...из коробки капора глядела Елена, как Лиза глядит из «Пиковой дамы».* — «Пиковая дама» — опера композитора П.И. Чайковского по одноименной повести А.С. Пушкина (см. примеч. 122 к гл. 2). Капоры впервые стали модными в эпоху Пушкина, в 1810–1840-х годах.

[111] *Капот* — женская домашняя одежда, широкий халат.

[112] *Гробовые* — здесь: мрачные.

[113] *...полтора года... прожила с этим человеком...* — Примерно столько длился к декабрю 1918 г. брак В.А. и Л.С. Карумов.

[114] *...брак... облегченный, без детей.* — В период работы Булгакова над «Белой гвардией» у В.А. и Л.С. Карумов уже была дочь. Между тем брак самого Булгакова оставался бездетным. Его первая жена Т.Н. Кисельгоф говорила, что не хотела и даже боялась иметь детей: «Потому что жизнь такая. Ну что б я стала делать, если б у меня ребенок был? А потом, он же (Булгаков. — *Е.Я.*) был больной, морфинист. Что за ребенок был бы?» (Кисельгоф 1991: 49). Т.Н. Кисельгоф несколько раз делала аборт; в первый раз — накануне свадьбы (см.: Кисельгоф 1991: 36, 49; см. также: Кончаковский 2011: 72): «Если б Михаил хотел детей — конечно, я бы родила! Но он не запрещал — но и не хотел, это было ясно как божий день... Потом он еще боялся, что ребенок будет больной...» (цит. по: Чудакова 1988: 62).

Мотив бездетности важен в пьесе К. Чапека «RUR» (см. примеч. 42 к гл. 3) — бесплодие Елены обретает символический смысл и интерпретируется как наказание за человекобожеские претензии людей (см.: Чапек 1924а: 52–53, 57–58).

[115] *А вдруг отрежут...* — В условиях Гражданской войны угроза прекращения железнодорожного сообщения с Украиной была вполне реальна.

[116] *Бесструнная балалайка* — болтун, пустой человек (см.: Михельсон 1912: 31).

[117] *«Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя...»* — Цитата из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести. <...> Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым “правом на бесчестье” его скорей всего увлечь можно» (Достоевский 1972–1990/10: 288).

[118] *...маленького роста кошмар ~ нищая... и опасная...* — Внешность персонажа восходит к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880): являющийся к Ивану Карамазову черт одет в клетчатые панталоны (Достоевский 1972–1990/15: 70). При этом «кошмар» цитирует эпизод романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (см.: Достоевский 1972–1990/10: 287).

[119] *...Турбину стал сниться Город.* — Сны в «Белой гвардии» многочисленны и составляют сложную систему. В записи П.С. Попова дошло пояснение Булгакова: «Сны играют для меня исключительную роль. Теперь снятся только печальные сны. В романе сны построены искусственно. Прямых реальных черт они не отображают» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1об.).

4

[1] *Как многоярусные соты, дымился и шумел и жил Город.* — Возможная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.:

> Москва <...> была пуста, как пуст бывает домирающий обезматочевший улей.
>
> В обезматочевшем улье уже нет жизни, но на поверхностный взгляд он кажется таким же живым, как и другие.
>
> Толстой 1928–1958/11: 329;
> см. также: Бобров 2001: 35–36

[2] *...на горах...* — Киев расположен на высоком правом берегу Днепра.

[3] *...трамваи с желтыми соломенными пухлыми сиденьями, по образцу заграничных.* — Имеются в виду трамвайные вагоны американской компании «Пульман» (Pullman Palace Car Company), которые с 1902 г. поступали в Киев с нюрнбергского завода (Германия) — к 1915 г. в городе их было 76. «Размещение сидений — поперечное для удобства пассажиров, причем все сиденья были мягкие — пружинные, покрытые особой японской плетенкой» (Киевский трамвай 1933: 63).

[4] *...было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира.* — В 1918 г. в Киеве насчитывалось около двадцати общественных садов и парков.

[5] *Царский сад* — парк в Киеве на днепровских холмах. Сейчас носит название «Городской сад».

[6] *...над шоссе, вьющимся по берегу великой реки...* — Имеется в виду Набережное шоссе вдоль Днепра в Киеве (ныне — Печерский район).

[7] *Запорожская Сечь* — исторический центр казачества в XVI–XVIII вв. в низовьях Днепра южнее днепровских порогов.

[8] *...и Херсонес, и дальнее море.* — Имеется в виду г. Херсон, расположенный на юге современной Украины, на берегу Днепра при его впадении в Днепровский лиман Черного моря. Херсонес Таврический — название гре-

ческого полиса, руины которого находятся на Гераклейском полуострове (сейчас – территория Севастополя), на юго-западном побережье полуострова Крым.

[9] *Свет с четырех часов ~ расшатывающие самое основание земли.* – Возможная реминисценция из романа английского писателя и публициста Герберта Уэллса (1866–1946) «Освобожденный мир» («The World Set Free»; 1913), где речь идет о технократической цивилизации будущего, пришедшей к атомной войне; ср.:

> Наряду с колоссальным развитием производства шло гигантское уничтожение былых ценностей. Пылающие огнями фабрики, которые работали день и ночь, сверкающие новые автомобили, которые бесшумно мчались по дорогам, стаи стрекоз, которые парили и реяли в воздухе, – всё это было лишь мерцанием ламп и огней, загорающихся, когда мир погружается в сумрак и ночь. За этим слепящим сиянием зрела гибель, социальная катастрофа.
>
> Уэллс 1964/4: 324

Булгаков упоминает этот роман в создававшемся одновременно с известной редакцией «Белой гвардии» очерке «Киев-город» (1923).

[10] *Громаднейший Владимир.* – Имеется в виду памятник Владимиру I Святославичу (960–1015), киевскому князю (скульпторы В.И. Демут-Малиновский и П.К. Клодт, архитектор К.А. Тон; открыт в 1853 г.). В период правления Владимира I в 988 г. произошло крещение Руси. Высота памятника в Киеве – около 20 м (скульптура – 4,5 м; постамент – 16 м).

В контексте современных Булгакову политических реалий образ Владимира получает дополнительное значение. Показательно стихотворение В.В. Маяковского (1893–1930) «Киев» (1924), где развита тема «двух Владимиров» (см.: Турбин 1994: 438) – современная история сравнивается с эпохой крещения Руси, а Ленин, соответственно, с древнерусским князем; ср.:

> Не святой уже –
> другой,
> земной Владимир
> крестит нас
> железом и огнем декретов.
>
> Маяковский 1955–1961/6: 11

[11] *Владимирская горка* — парк в Киеве на верхней и средней террасах Михайловской горы.

[12] *...в путаных заводях и изгибах старика-реки...* — Ср. названия заливов Днепра на Трухановом острове, расположенном напротив Киева: Старик (ныне именуется Матвеевским) и Старуха (ныне превращен в пролив).

[13] *...московского берега...* — Словосочетание создает впечатление, что Москва находится на противоположном берегу Днепра или, по крайней мере, недалеко от него (расстояние от Киева до Москвы по железной дороге — около 900 км).

[14] *Николаевский цепной мост* — мост, построенный через Днепр в 1853 г. по проекту британского инженера-железнодорожника Чарлза Бейкера Виньоля (1793–1875). Ныне не существует (в 1920 г. частично взорван отступавшими польскими войсками; в 1925 г. восстановлен; в 1941 г. разрушен отступавшей Красной армией); рядом с местом, где он находился, построен Метромост.

[15] *...слободку на том берегу...* — Имеется в виду Предмостная слободка, ныне — Гидропарк.

[16] *...другой — высоченный, стреловидный...* — Имеется в виду Дарницкий железнодорожный мост (инженер — А.Е. Струве). Построен в 1870 г; в 1920 г. взорван отступавшими польскими войсками, в том же году восстановлен; в 1941 г. взорван Красной армией; при немецкой оккупации восстановлен; в 1943 г. окончательно разрушен при отступлении немецкой армии.

[17] *...раскинув свою пеструю шапку...* — Аллюзия на шапку Мономаха, главную регалию русских великих князей и царей и символ самодержавия.

[18] *За каменными стенами все квартиры были переполнены.* — В записках П.П. Скоропадский свидетельствует:

> За мое правление положение с квартирами значительно осложнилось из-за увеличения правительственного аппарата, служащим которого необходимо было жить в городе; из-за приезда всевозможных немцев и из-за притока беженцев из Совдепии: квартирный вопрос принял дикие формы. Спекуляция квартирами и злоупотребление служебным положением перешли всякие границы. После всестороннего обсуждения был проведен целый ряд законов для урегулирования этого вопроса, но злоупотребления продолжались и вносили много недовольства в среду мирных обывателей.
>
> Скоропадский 1995: 99

По официальным данным, в 1918 г. в Киеве насчитывалось 155 гостиниц и меблированных комнат (см.: СБК 1920: 30). Однако когда 22 мая 1918 г. в Киеве начались переговоры между Украинской Державой и РСФСР, российскую дипломатическую миссию, в которую входили Х.Г. Раковский (наст. фамилия – Станчев; 1873–1941), заместитель народного комиссара по продовольствию Д.З. Мануильский (1883–1959) и член Бюро ЦК РСДРП(б), член Реввоенсовета Республики И.В. Сталин, пришлось разместить в номере на пятом этаже гостиницы «Марсель» (Бибиковский (ныне Тараса Шевченко) бульвар, дом 3). По словам тогдашнего украинского министра иностранных дел Д.И. Дорошенко (1882–1951), это был второ- или даже третьеразрядный отель, но попытки найти для делегации более презентабельную гостиницу не увенчались успехом ввиду перенаселенности Киева; первую ночь российские делегаты провели на вокзале (см.: Пученков 2013: 59).

[19] *И те как раз и приезжали по этому стреловидному мосту оттуда, где загадочные сизые дымки.* – При содействии немцев работали украинские генеральные консульства в Москве и Петрограде. Для отъезда гражданина РСФСР на Украину требовались свидетельство о его украинском происхождении и заявление о желании перейти в подданство Украинской Державы. Только в сентябре–октябре 1918 г. ежедневно подавалось от 38-ми до 173-х таких заявлений (см.: Пученков 2013: 56). Писатель К.Г. Паустовский вспоминал:

> Чтобы получить из Комиссариата внутренних дел разрешение на выезд из Советской России, нужно было потратить не меньше месяца. <...> Оказалось, что для выезда на Украину нужно еще разрешение украинского консула.
>
> Я пошел в консульство. Оно помещалось во дворе большого дома на Тверской улице. <...> Выяснилось, что даже подойти к дверям консульства невозможно. Сотни людей сидели и лежали прямо на пыльной земле, дожидаясь очереди.
>
> Паустовский 1958: 654

В итоге Паустовский отправился в Киев нелегально, и ему удалось без особых трудностей пересечь границу. Подобный способ решения проблемы с выездом был весьма распространен:

> Поскольку очередь к консулу была едва ли преодолима, то действовала сложная система рекомендаций, подкупов и разных служебных

удостоверений ответственных работников различных советских ведомств; за сходную плату в украинском консульстве выдавалось свидетельство о принадлежности к украинскому гражданству.

Пученков 2013: 58

И.Ф. Наживин так описывал процедуру выдачи разрешений на выезд:

Несмотря на все самые высокие протекции <...> нам понадобилось три недели, чтобы собрать в кучу все нужные документы. В конце концов на руках у меня оказалось: один заграничный паспорт, виза украинского консула, охранная грамота и 28 пропусков, причем в числе них было четыре пропуска на имя Веры Ивановны Наживиной, которая, как оказалось, имела право: 1 — ехать в Киев, 2 — получить билет II или III класса до Киева, 3 — выехать обратно из Киева в Москву и 4 — получить билет II или III класса по своему выбору из Киева в Москву. Надо заметить, что Вере Ивановне Наживиной, имевшей такие широкие права в Советской Республике, было в это время уже целых четыре года <...> Буквально всю жизнь загромоздили бессмысленной печатной бумагой за номером. О такой канцелярщине не грезил самый заядлый бюрократ старого времени!..

Наживин 1921: 146

[20] *Бежали седоватые банкиры ~ свой путь на Город.* — Реминисценция из опубликованного в 1919 г. в № 1 киевского журнала «Зори» «Рассказа об Аке и человечестве»; ср.:

Бежали по улице толпы. Бежали краснощекие молодые мужчины с беспредельным ужасом на лицах. Скромные служащие контор и учреждений. Женихи в чистых манжетах. Хоровые певцы из любительских союзов. Франты. Рассказчики анекдотов. Биллиардисты. Вечерние посетители кинематографов. Карьеристы, пакостники, жулики с белыми лбами и курчавыми волосами. Потные добрякиразвратники. Лихие пьяницы. Весельчаки, хулиганы, красавицы, мечтатели, любовницы, велосипедисты. Широкоплечие спорщики от нечего делать, говоруны, обманщики, длинноволосые лицемеры, грустящие ничтожества с черными печальными глазами, за печалью которых лежала прикрытая молодостью холодная пустота.

> Молодые скряги с полными улыбающимися губами, беспричинные авантюристы, пенкосниматели, скандалисты; добрые неудачники, умные злодеи.
>
> Бежали толстые женщины, много едящие, ленивые. Худые злюки, требовательные и надоедливые. Скучающие самки, жены дураков и умниц, сплетницы, изменницы, завистливые и жадные, сейчас одинаково обезображенные страхом. Гордые дуры, добрые ничтожества, от скуки красящие волосы, равнодушные развратницы, одинокие, беспомощные, наглые, просящие, умоляющие, потерявшие от ужаса всё прикрывающее изящество форм.
>
> Бежали корявые старики, толстяки, низкорослые, высокие, красивые и уродливые.
>
> Управляющие домами, ломбардные оценщики, железоторговцы, плотники, мастера, тюремщики, бакалейщики, любезные содержатели публичных домов, седовласые осанистые лакеи, почтенные отцы семейств, округляющиеся от обманов и подлости, маститые шулера и тучные мерзавцы.
>
> Зозуля 1922: 16–17;
> см. также: Петровский 2001: 212

В середине 1922 г. в Москве вышел первый номер альманаха «Рупор», в котором «Рассказ об Аке и человечестве» соседствовал с произведениями Булгакова: рассказом «Необыкновенные приключения доктора» (1922) и фельетоном «Спиритический сеанс» (1922). Авторская инсценировка «Рассказа...» – «трагедия-сатира» Зозули «Хлам» – в 1923 г. была напечатана в альманахе «Возрождение» (см.: Зозуля 1923), где опубликована также часть 1 повести Булгакова «Записки на манжетах» (1922). Литератор Д.М. Стонов (1893–1962) в письме к Ю.Л. Слёзкину от 7 февраля 1926 г. объединяет стили Зозули и Булгакова: «Зозуле-булгаковское <...> легко может засосать, и тогда – конец» (цит. по: Арьев 1988: 441).

Московское царство – одно из названий Российского государства в XVI–XVII вв.; в данном случае обозначает территорию бывшей Российской империи, находившуюся в 1918 г. под контролем большевистского правительства. Карминовый – оттенок красно-пурпурного цвета по названию соответствующего красителя, использующегося в основном для окраски тканей, а не в косметике. Алтынник – мелочный, скупой человек, старающийся из всего извлечь выгоду (см.: Михельсон 1912: 12).

[21] *Всю весну, начиная с избрания гетмана, он наполнялся и наполнялся пришельцами.* — Сходно описание Киева 1918 г. в воспоминаниях эстрадного певца, композитора и поэта А.Н. Вертинского (1889–1957); ср.:

> Он до отказа был забит всякого рода публикой. Спекулянты, беженцы, дельцы и предприниматели всякого рода, аристократия, вывезшая с собой всё, что можно было провезти, офицерство, опять нацепившее погоны, студенты и гимназисты, синежупанники гетманских полков, с кривыми саблями на боку, отрастившие себе висячие усы и «оселедцы», немцы в приподнятых спереди и сзади фуражках, с моноклями в левом глазу, дамы сомнительной репутации, актеры, бывшие шансонетки, жены, потерявшие мужей, — всё это заполняло улицы, театры, магазины.
>
> Вертинский 1990: 110

Сатирический образ киевских «беженцев» встречается также в книге писателя и публициста А. Ветлугина (псевд. В.И. Рындзюна; 1897–1953) «Герои и воображаемые портреты» (1922):

> В тихом провинциальном Киеве собрались обе столицы. «Уехали с Брянского вокзала, вернемся на Курский», — утешали себя банкиры, писатели, генералы, артисты, купцы. Стоит ли затевать дела, становиться твердой ногой, плакать о проигранных деньгах и бриллиантах, когда к Рождеству обратно? <...> «Нужно продержаться три месяца!» — и вот держались: открыли клуб домовладельцев, клуб вільного казачества, клуб помощи жертвам большевизма, жокей-клуб и тысячу одно кафе, напоминавшее о Москве, о знакомых именах и вкусах.
>
> Ленин складывает чемоданы, Троцкий переводит деньги за границу, всё идет великолепно, из Кистяковского получится отличный Столыпин, самое важное — найти комнату в этом городе, увеличившем свое население за один месяц в три раза, приучить дурацких провинциальных портных к настоящей кройке — и солнце еще засветит!
>
> Если бы нашелся в гетманском Киеве человек, который после горы сдобных булок, пряников, колотого сахара осмелился бы думать иначе, его бы просто-напросто перестали пускать в клубы.
>
> Ветлугин 1922: 59–61

[22] *Открылись бесчисленные съестные лавки-паштетные... кафе...* — Согласно официальным данным, в 1918 г. в Киеве насчитывалось 636 «<...> ресторанов, столовых, паштетных, чайных и кофейных» (СБК 1920: 29).

[23] *Театр миниатюр* — театр малых форм (монолог, куплет, скетч) гротескового и пародийного содержания.

[24] «*Лиловый негр*». — Подразумевается театр миниатюр «Кривой Джимми», возникший из созданного в 1917 г. в Петрограде кабаре «Би-ба-бо»:

> Группа петербургских актеров-малоформистов от голода, холода и разрухи сбежала на Украину — отдохнуть и подкормиться, да так там и осталась, там и под белыми застряла и вернулась в Москву уже в нэповское время. В составе этого театра были Курихин, Хенкин, Лагутин, Вольский, Мюссар, Антимонов, Ермолов <...> Душой театра, его лицом, его вдохновителем был поэт Николай Агнивцев.
>
> Арго 1965: 18

Киевская газета «Последние новости» 24 декабря 1918 г. информировала: «Открытие “Подвала Кривого Джимми” на Фундуклеевской, 17, кафе “Франсуа”» (цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 133).

Словосочетание «лиловый негр» заимствовано из одноименного романса (1916) А.Н. Вертинского.

[25] *Клуб «Прах» (поэты — режиссеры — артисты — художники)* — пародийная аллюзия на название реального клуба; показательны воспоминания И.Г. Эренбурга (1891—1967); ср.:

> <...> помещался он на Николаевской и назывался весьма неблагозвучно «Клак» («Киевский литературно-артистический клуб»). В месяцы Советской власти его переименовали в «Хлам» — не из презрения к искусству, а потому, что все и всё переименовывали; «Хлам» означал: «Художники, литераторы, актеры, музыканты». Я туда частенько приходил. После очередного переворота некоторые завсегдатаи исчезали: уходили с армией или, как говорил философический швейцар, их «хватали за шиворот». Оставшиеся пели или слушали пение, читали стихи, ели биточки.
>
> Эренбург 1962—1967/8: 289

Сам Эренбург выступал в Киевском литературно-артистическом клубе 19 ноября 1918 г. с лекцией «О современной поэзии» (см.: Чудакова 1988: 78).

Одновременно с «Белой гвардией» Булгакова образ клуба «Хлам» был создан Эренбургом в романе «Рвач» (1924), где отец главного героя служит официантом в баре гостиницы «Континенталь»: «<...> бар, подчиняясь веянию времени, словно переменил паспорт. Он стал именоваться “Хламом”» (Эренбург 1962–1967/2: 54). Гостиница и ресторан «Континенталь» описываются как особый мир — эпицентр интересов тех, кто приехал в Киев из РСФСР:

> Киев являлся тогда своеобразным климатическим курортом, переживавшим разгар сезона. Привлекая особо благоприятной атмосферой северных изгнанников, он не спешил их сдавать своим наследникам, то есть Одессе или Ростову. Подобно всякому курорту, он изобиловал эфемерными магазинами, начинавшими прямо с распродаж, в частности комиссионными, где продавались соболя и подержанные шприцы, шашлычными, открываемыми налегке, в кредит, чуть ли не без фунта баранины, театрами-миниатюр, театрами-гиньоль, клубами-лото, кабаре-артистик, с интимнейшим окружением художественного мира, игрой в баккара, в шмэн-де-фер, танцклассами по-американски, банями с номерами, ресторанами с кабинетами, — словом, всеми аттракционами, предназначенными для людей, отлученных от налаженных занятий и перегруженных досугами.
>
> Гости съехались, облепленные попутчиками в виде журналистов, сорокалетних девочек с кудряшками, румынских гитаристов, безангажементных инженю, поэтов, героически не пожелавших променять пастушек на коровниц, лекторов о любви со световыми проекциями. Все они быстро обжились, и не прошло месяца, как патриархальные туземцы были приобщены к столичной цивилизации. Они могли теперь читать десять газет, есть бефстроганов под сафические строфы и спать с омоложенными ветераншами московского «Омона».
>
> Вся эта живописная свита и заполняла «кружок» на Николаевской, оставляя Михаилу грязные калоши и пронося во внутренние залы, вместе с хорошим аппетитом, с построчным или поночным гонораром, подлинное вдохновение, выражавшееся как в неожиданности скандалов, так и в сольных выступлениях: в ариях, в поэмах, в эстрадных анекдотах. Михаил мог воочию убедиться в экстерриториальности искусства. Трудно было определить, где обитает этот шумливый народец, в гетманском Киеве, в революционной России,

> в захудалой африканской колонии или же непосредственно в кандидовском, безо всяких кавычек, Эльдорадо, — до того мало занимали его грандиозные события. Эту экстерриториальность признавали все режимы, предшествующие и последующие, так что дом на Николаевской, в котором квартировали различные цеховые организации, напоминал консульство иностранной державы. Там выдавались справки, удостоверения, мандаты, освобождающие поэта пастушек или пышнозадую инженю абсолютно от всего — от воинской и трудовой повинностей, от реквизиций и мобилизаций, от уплотнения и даже от гражданской совести.
>
> Эренбург 1962–1967/2: 55–56

Сходны воспоминания поэта Ю.К. Терапиано (1892–1980); ср.:

> После падения гетмана и Петлюры, в начале 1919 г., в Киев вошли большевики. Кому-то из бывших деятелей Киевского Литературно-Артистического Общества пришла в голову мысль устроить в зале бывшей гостиницы «Континенталь» эстраду со столиками, для выступлений, — «Хлам»: художники, литераторы, артисты и музыканты. В это время в Киев съехалось много поэтов и писателей из Петербурга и Москвы, в надежде подкормиться в продовольственно более благополучном Киеве. Помещение «Хлама», днем — пустое, стало своего рода штаб-квартирой киевских литераторов.
>
> Терапиано 1953: 13

Аббревиатура «Хлам» присутствует также в романе Ю.Л. Слёзкина «Столовая гора» (1922), где говорится о представителях творческой интеллигенции, не сумевших уйти с белыми и вынужденных влачить нищенское и небезопасное существование в красном Владикавказе: «“Хлам” — называют они себя — художники, литераторы, артисты, музыканты, — коротко и ясно — хлам!» (Слёзкин 2013: 355).

[26] *Николаевская улица* — улица в Печерском районе Киева, пролегающая от улицы Крещатик до бывшей Николаевской площади (ныне — площадь Ивана Франко). Ныне — улица Архитектора Городецкого.

[27] *Опара* — здесь: забродившее тесто с дрожжами или закваской.

[28] *Арап* — здесь: мошенник, шулер.

[29] *Кафе «Максим»*. — Возможная аллюзия на известный ресторан «Maxim's» (*фр.*) — «Максим» — в Париже.

[30] *...дутые лихачи в наваченных кафтанах...* — Лихач — «легковой извозчик со щегольскою закладкою» (Даль 1903—1909/2: 664). Слово «дутый», помимо ватного кафтана, может указывать на надувные шины экипажа.

[31] *Вино «Абрау»* — отечественное шампанское вино «Абрау-Дюрсо», которое с 1898 г. производилось на заводе в одноименном имении под Новороссийском.

[32] *Штиблеты* — мужские ботинки на шнурках или пуговицах.

[33] *Государственная дума* — здесь: нижняя палата российского парламента до 1917 г. IV Государственная дума работала в 1912—1917 гг. Затем, 27 февраля 1917 г., был образован Временный комитет Государственной думы, сформировавший Временное правительство.

[34] *...что это за такая новая страна — Польша...* — Польша стала независимым государством 11 ноября 1918 г.

[35] *Тевтоны* — древнегерманское племя; слово употреблялось также для названия германцев в целом.

[36] *Железный кордон.* — Имеется в виду защита от Советской России, обеспеченная поддержой германских и австрийских войск.

[37] *Серые* — здесь: красногвардейцы (по цвету солдатских шинелей).

[38] *...под Городом стреляли почему-то всё лето...* — О боях под Киевом см. примеч. 39 к гл. 2.

[39] *Эскадрон* — подразделение в кавалерии (120—150 всадников).

[40] *Четырехвершковая лошадь.* — Рост лошади в холке указывался сверх двух аршин (142 см). Вершок — около 4,4 см.

[41] *Сап* — инфекционное заболевание лошадей.

[42] *Государственный совет* — верхняя палата парламента в Российской империи с 1906 по 1917 г.

[43] *Были офицеры. И они ~ и становилось всё больше.* — По оценке П.П. Скоропадского, осенью 1918 г. в Киеве находилось около 15 тысяч офицеров, и, как писал бывший гетман, он «<...> был вполне спокоен <...>», полагая, что «<...> справится со всякими враждебными силами <...>» даже в случае ухода немцев (см.: Скоропадский 1995: 98). На всей территории Украины число русских офицеров, согласно официальному австрийскому источнику, составляло до 50 тысяч человек (см.: Федюшин 2007: 278). С севера — из Советской России.

[44] *Кирасиры* — тяжелая кавалерия.

[45] *Гетманский конвой ходил в фантастических погонах...* — Имеется в виду личная охрана гетмана (две сотни). Характерно впечатление врача и общественного деятеля Ю.И. Лодыженского (1888—1977):

<...> обстановка <...> была похожа на опереточную. Сам он (гетман. — *Е.Я.*) ходил в черной черкеске, но его адъютанты и стража в какой-то фантастической форме и выражались они на такой «мове», что было ясно, что познания их в «украинском языке» мало отличались от моих.

Цит. по: Пученков 2013: 85

Такую же картину рисует Р.Ю. Будберг:

С самого рождения гетманщины вся эта авантюра производила на меня впечатление оперетки, но если бы раньше у меня было иное впечатление, то достаточно было раз побывать на приеме, чтобы уже не осталось никакого сомнения в опереточности всего, что происходило в это время. В этот день было заседание Совета министров, и потому во дворце собралось всё правительство. После целого ряда контрольных проверок конвоем наших злополучных пропусков мы наконец вступили во дворец; в вестибюле и на лестнице стояли ражие гайдуки, по-видимому, из бывших околоточных столичной полиции, одетые в театральные национальные костюмы, на площадке перед парадным залом собрался генералитет; тут были и Начальник Сердючной Дивизии, и Бунчужный генерал, и Начальник Пограничной Стражи — всё это в каких-то особенных, совершенно фантастических костюмах, тут же находились и лица в морской форме, но с аксельбантами и какими-то особыми отличиями — это был и<сполняющий> д<олжность> морского министра и еще кто-то, именуемый флотоводцем, — интересно было бы знать, где же тот украинский флот, который эти господа должны были водить.

Будберг 2013: 272

[46] *...до двухсот масленых проборов...* — Имеется в виду мужская прическа (волосы, падающие в разные направления вдоль линии). Для закрепления пробора и придания волосам блеска использовались специальные средства, напр. бриолин (брильянтин).

[47] *Липки* — историческая местность в Печерском районе Киева. В Липках традиционно селились аристократы, буржуа и высокопоставленные чиновники.

[48] *Прапорщик* — здесь: младший из старших офицерских чинов в Русской императорской армии и некоторых армиях белого движения.

[49] *...четыре юнкерских училища — инженерное, артиллерийское и два пехотных.* — Имеются в виду Алексеевское инженерное училище, Николаевское артиллерийское училище, 1-е Киевское Константиновское училище, 2-е Киевское Николаевское училище. После Октябрьского переворота 1917 г. были расформированы.

[50] *...невиданный властитель с наименованием, свойственным более веку семнадцатому, нежели двадцатому.* — Имеется в виду наименование «гетман» — традиционный титул представителей украинского казачества в XVII–XVIII вв.

[51] *Кавалергард, генерал, сам крупный богатый помещик, и зовут его Павлом Петровичем...* — Павел Петрович Скоропадский, помещик, генерал-лейтенант, командир армейского корпуса, происходил из старинного шляхетского рода. Его предок Иван Ильич Скоропадский (1646–1722) был гетманом Запорожского войска и в Полтавской битве (1709 г.) во время Северной войны (1700–1721 гг.) командовал казацкими отрядами на стороне Петра I. По некоторым данным, в начале XX в. Скоропадские располагали третьим по величине состоянием в Российской империи (см.: Стеллецкий 2013: 253).

В российском общественном сознании фигура П.П. Скоропадского имеет негативно-комичную окраску (в немалой степени именно под влиянием образа, созданного в «Белой гвардии» и особенно в «Днях Турбиных»). Однако современные историки говорят о ложности стереотипа:

> До начала 1918 г. российское общество знало совсем другого Скоропадского. Для одних это был воспитанник привилегированного Пажеского корпуса, блестящий кавалергард, флигель-адъютант царя и командир Конногвардейского полка, наконец — свитский генерал, брат фрейлины императрицы Е.П. Скоропадской и муж другой ее фрейлины — А.П. Дурново. Он был своим в интернациональном высшем петербургском свете <...> Другим он был хорошо известен как участник Русско-японской и Первой мировой войн, боевой командир бригады, дивизии и корпуса, который с августа 1914 г. практически не покидал окопов, герой сражения при Краупишкене, получивший за него самый почетный офицерский орден — Георгиевский крест. <...> Таким образом, российский генерал до 1917 г. и украинский гетман года 1918 и последующих лет разительно отличались друг от друга.
>
> Папакин 2002: 70–72

Генерал М.А. Свечин (1876–1969), рассказывая о встрече со Скоропадским в Киеве в мае 1918 г., передает горестно-негодующий монолог гетмана:

> Сюда в Киев стеклись и стекаются немало убегающих от большевиков русских людей, никого мы не преследуем и даем приют. Среди прибывших немало знакомых и друзей. Многие, осуждая меня, просто не приходят ко мне, но многие приходят и как будто понимают мое положение, другие — чтобы получить помощь или выхлопотать себе тепленькое местечко, третьи — наружно льстиво, а в душе у них сидит мысль: как ты, русский генерал, обласканный Государем, коему присягал, а теперь, для удовлетворения своего тщеславия — идешь на расчленение России! Разве не верно говорю? Да ты, вероятно, это и слышал. Но хотелось спросить моих хулителей: а что же случилось, не по моей вине, в создавшейся трагедии для России, что ухудшило ее положение от моего согласия принять по избранию гетманскую булаву? Некоторые, не стесняясь, пишут: «продался немцам»! Приняв гетманство, дал многим укрыться, отдал распоряжение не чинить препятствий переходящим к нам, а сделали бы это петлюровцы? Думаю, что нет. Хулители приехали — едят, пьют, спекулируют, устраивают свои дела, под охраной того же немецкого сапога, за который мечут на меня громы и молнии... А своим пребыванием здесь не продались ли тоже немцам? Я не согласен с руководством Добровольческой армии, в тяжелое время для России, когда все мы должны объединиться, они заняли отрицательную позицию не только против немцев, что еще можно понять, хотя противодействовать не можем, но и против меня. Но я уважаю их за жертвенность, которая горит у них в борьбе за Россию. Они ведут тяжелую борьбу, как совесть им велит, но почему же здешние хулители, обливая меня грязью, предпочитают оставаться тут, а не едут на борьбу туда?
>
> Свечин 1964: 165

Сам бывший гетман через несколько месяцев после того, как покинул Киев, писал:

> Многие товарищи по войне, знакомые, друзья, не находящиеся всё время при мне, не понимали, каким образом Скоропадский, всё время бывший на войне, никогда не занимавшийся политикой, а украинской подавно, не имевший никаких связей с немцами, вдруг оказался гетманом всея Украины, поддержанный немцами.
>
> Каким образом всё это произошло? Конечно, как это всегда бывает, начались всякие нелестные для меня предположения. Изменил

России, продался немцам, преследует личные выгоды и т. п. Я считаю ниже своего достоинства опровергать истерические выкрики всей этой мелкой публики. Скажу лишь одно, что я сам не понимаю, как всё это произошло. Меня, если можно так выразиться, выдвинули обстоятельства. Не я вел определенную политику для достижения всего этого, меня события заставили принять то или другое решение, которое приближало меня к гетманской власти. <...>

Если мои заметки попадут в руки великороссов и щирых украинцев, я не оберусь всевозможных обвинений. Одни будут говорить: «Изменник русскому делу, а еще русский генерал и т. д.», другие будут упрекать меня в «зраде українству» («измене украинству» (*укр.*). — *Е.Я.*). Мне это безразлично. Россия может возродиться только на федеративных началах, а Украина может существовать только будучи равноправным членом федеративного государства. У русских кругов до сих пор живо сознание, что с Украиной — это только оперетка, что теперь ей можно дать хоть и самостийность, а потом всё это пойдет насмарку. Это колоссальная ошибка русских кругов, унаследованная от старой политики.

Скоропадский 1995: 19, 106

[52] *Избрание состоялось с ошеломляющей ~ простой народ не грабил.* — Об индифферентности и пассивности населения Киева саркастически писал в апреле 1918 г. член-корреспондент Российской академии наук, профессор Новороссийского университета (Одесса) историк И.А. Линниченко (1857—1926); ср.:

А тем временем в другом месте — другой акт оперетки. В другое собрание входит некто в сером френче и провозглашает себя гетманом. Рада с головою без головы, гетман без войск, диктатор без власти. Волнуемся, да и только. Идут процессии с красными знаменами — смотрим. Немецкие каски — смотрим. Большевики — на власть. Молчим. Муравьев — и главковерх, и диктатор. Молчим. В Украине — молчим. Скоропадский объявляет себя гетманом — читаем и молчим.

Цит по: Пученков 2013: 47—48

[53] *...прибегающие москвичи и петербуржцы ~ гетмана славословили искренно...* — Сам Скоропадский считал, что оказывавшаяся ему общественная поддержка была весьма слабой:

Редко какому-нибудь правительству приходилось работать при такой постоянной злой критике, каковая почему-то особенно развилась в Киеве. Главными критиками были приезжие. Вот характерный пример. Приезжает измученный человек из коммунистического рая на Украину. О том, чтобы его выпустили на Украину, велась предварительно обширная переписка с датскими или немецкими посланниками в Петрограде или Москве. Я посылал его прошение в министерство иностранных дел для немедленного ходатайствования о пропуске. Первые дни по приезде человек молчит, спит, пьет и ест — это первая стадия. Вторая — хвалит, находит, что Украина прелесть: и язык такой благозвучный, и климат хороший, и Киев красивый, и правительство хорошее — всё разумно — одним словом, рай! За это время он успевает кое-кого повидать из ранее приехавших и вот недели через две входит в третью фазу. Он всё еще весел и любезен, находит, что всё хорошо, но вот он ездил на извозчиках, и они показались уж очень плохими, и мостовые местами неважные. Почему это держат таких градоначальников?

— Да позвольте, — говорю я ему, — вы вспомните, что в Совдепии было, мы ведь всего месяца два как работаем, разве можно теперь думать об извозчиках и мостовых? Благодарите Бога, что вы живы.

— Так-то оно так, но всё же... — уходит, и на довольно долгий срок.

Я уже понимал, что для него наступила четвертая фаза. Обыкновенно он уже не приходит на дом. Его можно встретить или на улице, или же где-нибудь в театре. Он прекрасно одет, сыт, румян и чрезвычайно важен.

— Знаете вы, что я вам скажу: ваша Украина вздор, не имеет никаких данных для существования. Несомненно, что всё это будет уничтожено. Нужно творить единую и нераздельную Россию, да и украинцев никаких нет, это всё выдумка немцев. Потом, знаете ли, ну почему это в правительстве держат таких людей?.. — и пошла критика, и критика без конца.

Скоропадский 1995: 58

54 *Варта* — служба правопорядка Украинской Державы; державна варта (*укр.*) — «государственная стража».

55 *...немцы грабят мужиков и безжалостно карают их...* — Враждебное отношение украинских крестьян к германским оккупантам привело к нарастанию партизанского движения — так, в августе 1918 г. число вооруженных

повстанцев достигало 80 тысяч. Гетманская власть с согласия немцев и австрийцев и при их поддержке организовывала карательные отряды, официально именовавшиеся добровольными (см.: Пученков 2013: 70–71).

[56] *Так им и надо! ~ Немцы им покажут.* — По-видимому, диалог старшего Турбина и Василисы, хотя говорящие прямо не названы. Ср. реплику Василисы — «Выучат их немцы — своих не хотели, попробуют чужих!» — с тезисом из статьи философа С.Н. Булгакова «На пиру богов» (1918): «Не захотели царского самодержавия, несите теперь иго интернационального». С.Н. Булгаков подчеркивает парадоксальное «германофильство» вчерашних патриотов: «<…> от русской опасности приходится искать спасения у врага» (Из глубины 1990: 105, 117). Статья могла быть известна Булгакову во время его пребывания в Киеве в 1918–1919 гг. и повлиять на формирование замысла «Белой гвардии» (см. примеч. 40 к гл. 1).

Реплика Алексея Турбина показывает, что герой осознает и осуждает нарушение прав украинского крестьянства со стороны как местного населения, так и оккупантов, — в этом Турбин близок повествователю «Белой гвардии». Между тем уже в 1920-х годах, особенно после появления спектакля «Дни Турбиных» (1926) на сцене МХАТа, стало распространяться мнение об «украинофобии» Булгакова. Так, 12 февраля 1929 г. группа украинских литераторов (И.Ю. Кулик (1897–1937), И.К. Микитенко (1897–1937), О. Десняк (псевд. А.И. Руденко; 1909–1942), О. Вишня (псевд. П.М. Губенко; 1889–1956) и др.) на встрече с И.В. Сталиным решительно выступила против «Дней Турбиных», обвиняя автора пьесы не только в контрреволюционности, но и в шовинизме по отношению к украинскому народу. Отвечая им, Сталин на словах пытался обосновать нецелесообразность «лобового» запрещения пьесы (см.: Власть и интеллигенция 1999: 102–107). Тем не менее вскоре «Дни Турбиных», как и другие постановки произведений Булгакова — спектакли «Зойкина квартира» (1926) в Театре им. Евг. Вахтангова и «Багровый остров» (1928) в Камерном театре, — оказались запрещены (впрочем, в 1932 г. спектакль «Дни Турбиных» был возобновлен).

5

[1] *...появилась третья сила на громадной шахматной доске.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «Шахматы поставлены, игра начнется завтра» (Толстой 1928–1958/11: 223).

[2] *Офицер* — здесь: шахматная фигура «слон».

[3] *...предшествовали тому, что пришло, некие знамения.* — В Первой киевской гимназии, где учился Булгаков, древние языки преподавал П.Н. Бодянский (1857—1922), впоследствии ставший директором, автор имевшейся у Булгакова книги по древнеримской истории (см.: Кончаковский 1997: 48). У Бодянского сходным образом описано римское общество в эпоху гражданских войн (133—33 гг. до н. э.; наиболее известная из них — противостояние между Юлием Цезарем и Помпеем Великим в 49—45 гг. до н. э.). Ср.:

> И без того суеверный римлянин теперь делается еще суевернее; и без того легковерный, он становится еще более легковерным. Везде ему видятся и слышатся грозные голоса высших сил.<...> Каждый год, иногда даже по несколько раз в году, приходят вести о том, что в том или другом месте Римского государства замечены были различные чудесные знамения <...> Настроение было тревожное, и являлись чудеса, и от этих чудес еще более усиливалось пугливое настроение общества.
>
> Бодянский 1882: 44—47

[4] *...солнце выкатилось освещать царство гетмана...* — Архаизация, ср. именование РСФСР «Московским царством» (см. с. 48 наст. изд.).

[5] *...граждане уже двинулись, как муравьи...* — Метафора человечества-муравейника распространена в культуре рубежа веков, в том числе в научной (Форель 1923) и научно-популярной литературе (Лункевич 1904). Возможны также реминисценции из повестей Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), «Записки из подполья» (1864) и романа «Преступление и наказание» (1866; Достоевский 1972—1990/5: 69, 81, 118; /6: 253) и рассказа английского писателя Герберта Уэллса «Царство муравьев» («The Empire of the Ants»; 1905; см.: Уэллс 1964/6).

[6] *Печерск* — один из центральных районов Киева.

[7] *Многие видели тут женщин ~ с Лысой Горы ядовитые газы.* — Имеется в виду взрыв артиллерийских складов на Зверинце (историческая местность в Печерском районе), произошедший 6 июня 1918 г. в 10 часов 10 минут (см. ил. 35), Затем взрывы продолжались около полутора часов. Германские воинские части, оцепившие опасную территорию, вели работу по предупреждению распространения катастрофы, стремясь изолировать большие запасы пироксилина, хранившиеся на горе под названием Лысая.

Газета «Голос Киева» писала 7 июня:

> Относительно причины взрыва сообщали, что утром над городом летел таинственный аэроплан, который в определенный момент сбросил бомбу. Но вот кем-то пущен в толпе новый слух, что на город выпущено большое количество удушливых газов. Население города, немного пришедшее в себя от первого испуга, снова оказалось охваченным паникой. Нашлись даже такие, которые оказались «отравленными» удушливыми газами. Вскоре, однако, разъяснилось, что это не «отравление», а просто мнительность.
>
> Цит. по: Ковалинский 2013а

Тем не менее от взрывов и огня погибло около двухсот человек, ранено и контужено около двух тысяч. Два городских предместья — Зверинец и Теличка — были фактически уничтожены (см.: Ковалинский 2013б).

Лысая гора — историческая местность в Киеве, традиционно считавшаяся местом ведьмовских шабашей. Показательна повесть писателя и журналиста О.М. Сомова (1793–1833) «Киевские ведьмы» (1831), главный герой которой Федор Блискавка отправляется вслед за женой-ведьмой на шабаш на Лысую гору (см.: Киевские ведьмы 1997: 210–211).

[8] *Взрыв произвели французские шпионы. — Нет, взрыв произвели большевистские шпионы.* — С того момента как немцы пришли в Киев, склады на Зверинце охранялись германскими караулами. По официальной версии, причиной взрыва стал пожар на одном из складов, произошедший по неосторожности технического персонала (см.: Ковалинский 2013а).

[9] *Среди бела дня, на Николаевской улице... убили... главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна...* — Покушение на Германа фон Эйхгорна (1848–1918) произошло 30 июля 1918 г. около 14 часов на углу Екатерининской улицы (ныне улица Липская) и Липского переулка. Семидесятилетний фельдмаршал скончался вечером того же дня.

[10] *Убил его... рабочий и... социалист.* — Фельдмаршал Герман фон Эйхгорн был убит бомбой, которую бросил член партии левых эсеров Б.М. Донской (1894–1918). Донской происходил из крестьян Рязанской губернии и в 1915–1917 гг. служил матросом в Кронштадте под Петроградом. До этого, 6 июля 1918 г., левые эсеры убили в Москве германского посла Вильгельма фон Мирбаха (1871–1918). Боевая группа эсеров в Киеве планировала 1 августа во время панихиды по Эйхгорну и его адъютанту, также погибшему при теракте, и отправки тел в Германию совершить покушение на гетмана П.П. Скоропадского, однако акция не удалась (см.: Каховская 1989: 93–96).

По стечению обстоятельств в числе первых на месте теракта оказался Скоропадский. Он вспоминал:

> 30 июля нового стиля, окончив завтрак, мы с генералом Раухом хотели пройтись по саду, примыкающему к моему дому. Не сделав и нескольких шагов, мы услышали сильный взрыв невдалеке от дома. По звуку я понял, что взрыв произошел от сильной ручной гранаты. Были посланы ординарцы, вернувшиеся с сообщением, что вблизи нашего дома брошена бомба в фельдмаршала Эйхгорна, возвращавшегося к себе после завтрака, и что он теперь лежит на мостовой, видимо, тяжело раненный. Я и мой адъютант побежали туда. Там мы застали действительно тяжелую картину: фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом с ним на других носилках лежал его адъютант Дресслер с оторванными ногами, и не было сомнения, что он умирал. Я подошел к фельдмаршалу, он узнал меня. Я пожал ему руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика. Он был умный, дальновидный и сердечный человек. <...> Я чувствовал, что его уход может лишь осложнить и без того тяжелое положение на Украине.
>
> Скоропадский 1995: 74–75

[11] *Немцы повесили через двадцать четыре часа после смерти германца не только самого убийцу, но даже извозчика, который подвез его к месту происшествия.* — Б.М. Донской был казнен публично на Лукьяновской площади 10 августа 1918 г. в 17 часов. Извозчик Ефрем Бычок, отрицавший свою причастность к теракту, повесился в камере, но левые эсеры утверждали, что его тайно убили немецкие и гетманские тюремщики.

[12] *Чесучовый* — сшитый из чесучи, плотной шелковой ткани полотняного переплетения.

[13] *...увидал в луче знамение.* — Травестируется распространенный мотив религиозной литературы — явление сакрального существа-вестника. Героиня имеет подчеркнуто приземленный облик, однако сообщает действительно важную информацию.

[14] *Монисто* — ожерелье из монет, бусин или недрагоценных камней.

[15] *...царственной екатерининской шее...* — Аллюзия на парадные портреты императрицы Екатерины II работы художников Д.Г. Левицкого, Ф.С. Рокотова и др.

[16] *Сирены* — в древнегреческой мифологии полуптицы-полуженщины с чарующим голосом, которые своими песнями усыпляют мореплавателей и пожирают их (см.: МНМ 1991–1992/2: 438).

[17] *Явдоха* — украинский вариант имени Евдокия. Ευδοκία (*греч.*) — «благоволение». Отношения героини с Василисой позволяют трактовать выбор

имени с подобным значением как элемент пародии. Возможно, имя обусловлено влиянием Гоголя: Явдохой зовут ключницу в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835; входит в цикл «Миргород»), Пульхерия Ивановна наказывает ей, чтобы после смерти хозяйки Явдоха заботилась об Афанасии Ивановиче (см.: Гоголь 1937–1952/2: 31).

[18] *...голой, как ведьма на горе.* – Отсылка к традиционным представлениям о ведьмовских шабашах на Лысой горе (см. примеч. 7 к гл. 5), куда ведьмы являются голыми. Впоследствии этот мотив будет реализован в романе «Мастер и Маргарита» (см.: Булгаков 2007–2011/7: 294–301).

[19] *...светлым сентябрьским вечером...* – На самом деле С.В. Петлюра, арестованный 27 июля 1918 г., был освобожден из тюрьмы 11 ноября того же года.

[20] *...выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника.* – Петлюра иронически соотносится со зверем Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова), антихристом, нумерологический символ которого в Библии – 666 (см.: Откр. 13: 18). Тем самым Петлюра пародийно отождествляется с Наполеоном, образ которого в русской литературе и публицистике с начала XIX в. содержал инфернальные коннотации. Показательно свидетельство писателя и публициста Ф.Н. Глинки (1786–1880) в статье «Мои воспоминания о незабвенном Н<иколае> Мих<айловиче> Карамзине» (1866); ср.: «Перед войною 1807 года при вызове народного ополчения (милиции) издан был краткий манифест, из которого явно выглядывал "Наполеон-антихрист". Народ так и понял и принял его за *сына погибели*» (Глинка 1990: 448). Возможна также реминисценция из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»; ср.: «Многие из чиновников и благородного дворянства <...> видели в каждой букве, из которых было составлено слово Наполеон, какое-то особенное значение; многие открыли даже в нем апокалипсические цифры» (Гоголь 1937–1952/6: 206–207). Ср. также эпизод в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», персонаж которого Пьер Безухов по аналогии с «суммой имени» Наполеона комбинирует написание своего имени и титула так, чтобы подогнать под число 666 собственную «сумму» и тем самым получить подтверждение предопределенности своего намерения убить Наполеона (см.: Толстой 1928–1958/11: 78–79). Возможна реминисценция из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) «История одного города» (1869–1870) – дьявольскими происками объясняется деятельность очередного градоначальника; ср.: «Явился проповедник, который перелагал фамилию "Бородавкин" на цифры и доказывал, что ежели выпустить букву *р*, то выйдет 666, то есть князь тьмы» (Салтыков-Щедрин 1965–1977/8: 340).

[21] *...на французский несколько манер — Симон.* — События на Украине ассоциативно отождествляются с эпохой Великой французской революции: французское имя Петлюры — Симон и название правительства — Директория «<...> дают возможность Булгакову превратить украинского атамана в якобинское чудовище по имени Симон Пэтурра» (Каганская 1991: 99). Французская Директория — правительство Французской республики с 26 октября 1795 г. до 9 ноября 1799 г. (последняя стадия Великой французской революции).

[22] *...он будто бы бухгалтер. ~ Нет, студент.* — С.В. Петлюра с 1895 г. учился в Полтавской духовной семинарии, откуда в 1901 г. был исключен за участие в тайном украинском националистическом обществе и Революционной украинской партии (РУП). С 1902 г. Петлюра некоторое время жил на Кубани, затем в Киеве и во Львове, где учился в университете. Печатался в украиноязычном журнале «Литературно-научный вестник» (выходил с перерывами в 1898—1932 гг.), а также в львовских, киевских и петербургских газетах; выступал как публицист, литературный и театральный критик. В 1908 г. Петлюра уехал из Киева в Петербург, где работал младшим бухгалтером частного транспортного товарищества, затем бухгалтером чайной фирмы «Караван». С 1911 г. в Москве служил бухгалтером в страховом обществе «Россия». С 1912 по 1917 г. вместе с А.Ф. Саликовским (1866—1925) издавал русскоязычный журнал «Украинская жизнь» (см.: Савченко 2004: 15—47; Попович 2008: 6—7). Столь мирный образ плохо соответствовал военным должностям Петлюры в независимой Украине. Характерна заметка за подписью «Вилли» (под этим псевдонимом писал В.Е. Турок (?—1918), журналист и сатирик) под заглавием «Бухгалтер Петлюра» в киевской газете «Мир» от 5 декабря 1918 г.:

> Атаман Петлюра...
>
> Это звучало бы злейшей иронией, которую я никак не позволил бы себе по отношению к милому и приветливому члену нашего московского литературно-музыкального кружка «Кобзарь».
>
> Мы пели в «Кобзаре» украинские песни, плясали украинского «гопака» и с негодованием отвергали подозрения в «сепаратизме» и «мазепинстве» <...> Громче всех и энергичнее всех протестовал Симон Васильевич Петлюра.
>
> Он был красноречив и подчас ярок, этот скромный бухгалтер какой-то транспортной фирмы, фигурировавший у нас в качестве украинского журналиста.
>
> «Украинская жизнь» назывался тот небольшой ежемесячный журнал, который в свободное от гроссбухов время редактировал

С.В. Петлюра. Журнал издавался на русском языке, и самые пламенные статьи в нем <...> принадлежали этому скромному и аккуратному молодому человеку, который сразу же располагал к себе своим открытым лицом, ясными глазами и учтивыми манерами.

Это было всего два-три года назад. Но, несомненно, грозный нынешний атаман сам не подозревал в себе тогда наличия столь крупных запасов воинской доблести. Иначе трудно было бы объяснить, почему в дни всеобщего патриотического подъема он не ощутил в себе никакого героизма, а, наоборот, довольно ловко и аккуратно устроился в Земском союзе... <...>

— Черкес оружием обвешан... — приветствовали мы нашего Симона Васильевича, сменившего свой чистенький серенький костюм на воинственный френч земгусара и привесившего сбоку всё причитавшееся ему вооружение, чуть ли не вплоть до маленького пулемета.

Симон Васильевич не без застенчивости улыбался и своим погонам, и френчу, и сапогам, и шпорам.

Я боюсь, что эти шпоры погубили нашего милого московского бухгалтера.

Цит. по: Рогозовская 2001: 201–202

23 *...изящный магазин табачных изделий. ~ изделия фабрики Соломона Когена.* — Имеется в виду магазин табачных изделий Соломона Ароновича Когена (1830–1900), киевского табачного фабриканта. Помимо его собственной фабрики, существовала фабрика братьев М.А. и С.А.Когенов; им принадлежало также несколько магазинов, в частности на Крещатике — в доме 19 (скорее всего, именно он находился на пересечении с Николаевской ул.), а также в домах 25, 29, 36, 38 (см.: Весь Киев 1915: 954).

24 *...был уполномоченным Союза городов... типичный земгусар.* — Созданные в 1914 г. Всероссийский союз городов и Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам занимались медицинским обеспечением, оказывали помощь в снабжении армии. Фронтовые офицеры иронически называли сотрудников этих организаций земгусарами. В 1916 — начале 1917 г. Петлюра был заместителем уполномоченного Земского союза на Западном фронте (такое название носило оперативно-стратегическое объединение войск Российской империи в Первой мировой войне). При Скоропадском Петлюра был председателем Киевского губернского земства, затем возглавлял Всеукраинский земский союз.

[25] *...по Малой Бронной улице в Москве...* — Неподалеку от этой улицы находится дом 10 по Большой Садовой улице, где Булгаков жил в период создания романа «Белая гвардия». Именно на Малой Бронной начинается действие романа «Мастер и Маргарита» (см.: Булгаков 2007–2011/7: 8).

[26] *Коленкор* — гладкокрашеное хлопчатобумажное полотно; использовалось для изготовления книжных переплетов, прокладок для одежды и т. п.

[27] *Сливянка* — сливовая наливка.

[28] *...с чудным Грицем... || ...Ой, не хо-ди.* — Украинская народная песня «Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци...» (Песни 1903: 5).

[29] *Тараща* — уездный город на юге Киевской губернии. Возможно, упоминание этого топонима не случайно. В июне 1918 г. началось крупнейшее Звенигородско-Таращанское крестьянское восстание против германской интервенции; численность восставших достигала 25-ти тысяч человек.

[30] *...Идут и пою-ют ~ Тарелки гремят.* — См. примеч. 39 к гл. 2.

[31] *Торбан* — басовая лютня, щипковый музыкальный инструмент, родственный украинскому народному инструменту бандуре.

[32] *...свищет соловей стальным винтом...* — Войско Петлюры соотносится с былинным Соловьем-разбойником, поражающим своих жертв страшным свистом. Сходен в романе «Мастер и Маргарита» страшный свист Коровьева; ср.: «<...> завился, как винт, и затем, внезапно раскрутившись, свистнул» (Булгаков 2007–2011/7: 459). Возможна также реминисценция из стихотворения Н.Н. Асеева (1889–1963) «О нем», входящего в сборник «Стальной соловей» (М., 1922); Н.Н. Асеев вместе с Булгаковым в начале 1920-х годов посещал собрания организованного Ю.Л. Слёзкиным и С.А. Ауслендером кружка «Зеленая лампа».

[33] *Шомпол* — металлический стержень, которым смазывают и чистят ствол огнестрельного оружия.

[34] *Черношлычная* — в папахах с черным шлыком. Шлык — свисающий набок конусообразный суконный верх папахи.

[35] *Вещий сон гремит, катится к постели Алексея Турбина.* — Вероятная реминисценция из памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (ок. 1185 г.). Ср.: «А Святъславъ мутенъ сонъ виде в Киеве на горахъ <...> Что ми шумить, что ми звенить — далече рано пред зорями?» (Слово 1987: 38, 35; см. также: Лакшин 1966: 17).

[36] *«Бесы»* — роман Ф.М. Достоевского, послуживший источником ряда реминисценций в «Белой гвардии» (см. примеч. 4 к эпиграфам к роману; см. также примеч. 24 к гл. 1, примеч. 81 к гл. 2, примеч. 117 к гл. 3).

[37] *...четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков...* — Художественное преувеличение: на самом деле не только крестьянское, но и всё население Украины в начале XX в. не достигало подобной численности и не достигает сегодня. Возможно, фраза построена по аналогии с фразеологизмом «сорок сороков» в значении «неисчислимое множество»; употреблялся также как одно из традиционных названий Москвы — ср. заглавие очерка Булгакова о Москве «Сорок сороков» (1923).

[38] *...с сердцами, горящими неутоленной злобой.* — В ходе локальных крестьянских восстаний на Украине в 1918 г. было убито 22 тысячи германских и австрийских солдат и офицеров и более 30 тысяч гетманских вартовых (сотрудников органов правопорядка). В повстанческих отрядах в мае — сентябре числилось свыше 100 тысяч человек, а всего против австро-германского террора выступили около двух миллионов крестьян (см.: Савченко 2006: 127).

[39] *Стек* — тонкая короткая тросточка, атрибут офицерской формы.

[40] *...слухи о земельной реформе...* — Правительство гетмана Скоропадского планировало курс на формирование широкого класса средних землевладельцев, однако этому противоречило сохранение латифундий (крупных землевладений), на котором настаивали немцы, стремившиеся к получению максимального количества сельскохозяйственной продукции.

[41] *Пан* — одно из традиционных обращений к мужчине на территории Украины и Польши.

[42] *Десятина* — около 1,1 га.

[43] *Чтобы никакая шпана из Города не приезжала требовать хлеб. Хлеб мужицкий...* — П.П. Скоропадский позднее утверждал:

> Одной из основных ошибок немцев было их самое настоятельное и категоричное требование введения у нас хлебной монополии для выполнения договора о вывозе 60 миллионов пудов хлеба. <...> Немецкая хлебная политика, так же как и торговая, даже с их точки зрения, была неудачна, но упрямство, проявляемое в деле хлебной монополии, окончательно подорвало их престиж в глазах многих. Я на них за эту монополию был страшно зол, так как враги нашего режима ловко использовали ее против нас.
>
> Ничто так не раздражало селянство, как запрет свободной продажи хлеба. <...> За отмену монополии с ослаблением немецкого влияния ухватились, но было уже поздно: восстание уже началось <...>
>
> Скоропадский 1995: 89

[44] *Клуня* — помещение для молотьбы и складывания снопов.

[45] *Комора* — кладовая, чулан.

[46] *Цейхгауз* — военный склад оружия и амуниции.

[47] *Однодворцы* — низший разряд служилых людей, мелкопоместное дворянство.

[48] *Галиция* — историческая область в Восточной Европе, примерно соответствующая современным Ивано-Франковской, Львовской и западной части Тернопольской областей Украины, а также части Восточной Польши.

[49] *Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж. Просто слово...* — В заостренном виде декларируется концепция роли личности в истории, реализованная в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»:

> Вслед за Толстым Булгаков понял, что перипетии войны не определяются личными свойствами тех государственных и военных деятелей, которые в них участвовали, — деятели эти воспринимались им теперь, употребляя выражение Толстого, лишь как «ярлыки» происходивших событий.
>
> Лурье 1989: 564

[50] *...и неутолимая ярость, и жажда мужицкой мести...* — Мотив народного бунта имеет важное значение в творчестве Булгакова периода «Белой гвардии». Показателен отрывок из его очерка «Муза мести» (1921), написанного к 100-летнему юбилею Н.А. Некрасова; ср.:

> <...> в течение многих десятков лет в урочное время звенел золотой брегет, призывая от одного наслаждения к другому.
>
> И так тянулось до наших дней.
>
> Но однажды он прозвенел негаданно тревожным погребальным звоном и подал сигнал к началу невиданного балета.
>
> От зрелища его поднялись фуражки с красными околышами на дыбом вставших волосах. И многие, очень многие лишились навеки околыша, а подчас и вместе с головой. Ибо страшен был хлынувший поток гнева рати-орды крестьянской.
>
> Булгаков 2007–2011/3: 25–26

[51] *...восклицал в знаменитом ноябре ~ из загаженной городской тюрьмы.* — В отличие от первого упоминания (см. примеч. 18 к гл. 5), месяц, когда

Петлюра вышел из тюрьмы, назван верно. «Quos vult perdere, dementat!» (*лат.*) — цитата из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» (см.: Толстой 1928–1958/11: 11), сокращенный афоризм «quos deus (Jupiter) perdere vult, dementat prius» (*лат.*) — «кого бог (Юпитер) хочет погубить, того он прежде всего лишает разума», встречающийся у античных писателей; см., напр., книги «Сентенции» («Publii Syri muni sententiae») древнеримского поэта Публилия Сира (I в. до н. э.), и «Письма с Понта» («Ex Ponto»; I в. н. э.) Овидия (см.: СЛКС 1988: 672).

[52] *Галльские петухи...* — Петух считается символом Франции. Римляне именовали территорию современной Франции Галлией: слово «gallus» (*лат.*) «галл» — по-латыни омонимично слову «петух».

[53] *Фригийский колпак* — головной убор со свисающим вперед верхом, сшитый из мягкой ткани красного цвета, символ Великой французской революции.

[54] *...и немцы! немцы! попросили пощады.* — Рейхсканцлер Германии в 1918 г. принц Максимилиан Баденский (1867–1929) 3 октября 1918 г. через германскую миссию в Швейцарии направил президенту США Вудро Вильсону (1856–1924; занимал пост президента в 1913–1921 гг.) ноту, в которой говорилось:

> Германское правительство просит президента Соединенных Штатов Америки взять в свои руки установление мира, известить об этой просьбе все воюющие государства и пригласить их послать уполномоченных в целях начала переговоров. <...> Чтобы избежать дальнейшего кровопролития, германское правительство просит о немедленном заключении всеобщего перемирия на суше, на воде и в воздухе.
>
> Ключников, Сабанин 1926: 178

Перемирие между Германией и Антантой (в которую до весны 1918 г. входила и Россия) было подписано 11 ноября 1918 г. Ранее, в октябре 1918 г., произошел распад Австро-Венгерской империи, вследствие чего оккупировавшие Украину австрийские войска покинули ее.

[55] *...человек, имя которого ~ перестал быть императором.* — Имеется в виду император Германии и король Пруссии Вильгельм II (о его отречении см. примеч. 95 к гл. 3). Шесть дюймов — около 15 см.

[56] *...линяли немецкие лейтенанты ~ потухал живой свет...* — Гетман П.П. Скоропадский весной 1919 г. вспоминал:

<...> мы дожили до начала ноября, когда у немцев уже появились ясные признаки некоторого разложения в армии. Пока это еще было только заметно по отдельным мелким фактам. Помню, что как-то в это время приехал принц Леопольд Баварский, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий всеми войсками Восточного фронта. Он побывал у меня, а на следующий день сделал смотр немецким войскам, находящимся в Киеве. Будучи у себя дома, я услыхал военную музыку и увидел через окно несколько проходящих немецких гусарских эскадронов. Я видел эти части весной и тогда тоже наблюдал за ними из окна. Теперь они уже проходили без того внутреннего порядка, сразу бросающегося в глаза всякому профессионалу в военном деле. Лошади были плохо вычищены, и приемка всей амуниции, и людской, и конской, была уже далеко не той. <...> Наконец, наступило 9 ноября, день, который я всегда считал последним днем моего Гетманства.

Скоропадский 1994: 101

Рогожка — грубая хозяйственная ткань, используемая для изготовления мешков, половиков и т. п. Иначе — рогожа.

57 *Рахитик* — ребенок, страдающий рахитом (заболевание, характеризующееся нарушением образования костей и недостаточностью их минерализации).

58 *Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?* — Свидетель киевских событий журналист В.М. Левитский (1886—1946) вспоминал:

Как всегда у нас, вся тяжесть борьбы легла на плечи небольшой группы самых честных. Из города с 650—700-тысячным тогда населением только 2000—2500 человек вышло в поле на его защиту. Остальные выжидали событий. У Петлюры сил не было. Горсточка раздетых молодых офицеров держалась целый месяц. Фронт был в 10—5 верстах. Днем и ночью гремели пушки, а Киев веселился. Улицы были полны прекрасно одетой толпой. Театры были набиты. О фронте почти никто не думал, кружась в каком-то бешеном море спекуляций и детского легкомыслия.

Цит. по: Пученков 2013: 245—246

59 *— Умигать — не в помигушки иг'ать...* — Возможная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»: картавость Най-Турса отсылает к персонажу романа-эпопеи Денисову, который так же, как и Най-Турс, был гусаром (см.: Milne 1990: 92).

[60] *...на голове светозарный шлем ~ Они в бригаде крестоносцев...* — Вариация образа архангела Михаила — победителя сатаны: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона <...> И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною» (Откр. 12: 7–9). На иконах Михаила часто изображают с мечом в руке.

[61] *Вахмистр* — унтер-офицерское звание в кавалерии.

[62] *Жилин.* — Фамилия отсылает к герою рассказа Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» (1872; Толстой 1928–1958/21: 304). Такую же фамилию носит герой рассказа А.П. Чехова «Отец семейства» (1885; см.: Чехов 1974–1982/4: 112).

[63] *...срезанный пулеметным огнем вместе с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении.* — Имеется в виду, вероятно, Барановичская операция, предпринятая российскими войсками в ходе Первой мировой войны, в июле 1916 г. Согласно плану генерального наступления главный удар силами Западного фронта сначала предполагалось нанести из района Молодечно на г. Вильну (ныне Вильнюс, столица Литвы); впоследствии план изменился и удар был нанесен в районе г. Барановичи (совр. Белоруссия). Наступление окончилось неудачей: германско-австрийский фронт не был прорван, а потери наступавших (около 80 тысяч человек) оказались вшестеро больше, чем у противника.

При этом на Юго-Западном фронте с 22 мая (4 июня) 1916 г. шло успешное широкомасштабное наступление российской армии — так называемый Брусиловский прорыв. В мае – августе 1916 г. в г. Каменце-Подольском (совр. Украина), где размещался штаб генерала А.А. Брусилова (1853–1926), а затем в г. Черновицы (ныне Черновцы, совр. Украина) Булгаков служил врачом тылового госпиталя (см.: Кисельгоф 1991: 42–43).

[64] *...глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса — чисты, бездонны, освещены изнутри.* — Возможная реминисценция из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) и одноименной оперы (либретто П.А. Висковатова; 1871) композитора А.Г. Рубинштейна (1829–1894): «<...> Небесный свет теперь ласкает | Бесплотный взор его очей; | Он слышит райские напевы...» (Лермонтов 1936–1937/3: 464).

[65] *Апостол Петр* — один из учеников Христа; в традиционных представлениях считается хранителем ключей от ворот рая.

[66] *...2-й эскадрон белградских гусар в рай подошел благополучно...* — Вероятная реминисценция из стихотворной повести Д. Бедного (псевд. Е.А. Придворова; 1883–1945) «Как 14-я дивизия в рай шла» (опубл. 1923):

Генерал – не помню фамилии, хоть помню физию,
Повел в наступление четырнадцатую дивизию,
Да назад не вернулся уж боле:
Нарвавшись на минное поле,
Вся дивизия, с пушками, с запряжками,
Взорвалась, полетев вверх тормашками.
Остался бы в живых хоть один калека!
Погибли все до последнего человека!
И, как воины, верно царю послужившие,
Живот свой на поле брани положившие,
Согласно с церковными канонами,
Двинулись в рай походными колоннами!

Бедный 1923: 14; см. также: Кузякина 1988: 399–402

67 *Клюква* – здесь: конец, неудача, фиаско.

68 *«Эге, – говорит, – вы что ж, с бабами?» – и головой покачал.* – Показателен рассказ И.Э. Бабеля (1894–1940) «Продолжение истории одной лошади», первоначально опубликованный под заглавием «Тимошенко и Мельников» (Красная новь. 1924. № 3); ср.: «<...> увидимся, прямо сказать, в царствии небесном, но, как по слухам, у старика на небесах не царствие, а бордель по всей форме, а трипперов и на земле хватает, то, может, и не увидимся» (Бабель 1992: 104). Известна характеристика стиля Бабеля в рецензии В.Б. Шкловского (1924); ср.: «<...> одним голосом говорит и о звездах и о триппере» (Шкловский 1990: 367). Эта характеристика до некоторой степени применима и к «Белой гвардии», где мотив звезд сочетает романтически-возвышенную и натуралистически-сниженную семантику.

69 *Чьи-то глаза черные, черные, и родинки на правой щеке, матовой...* – Герою во сне предсказана встреча с Юлией – сходны затем детали ее портрета: «женщина с бледным и матовым лицом», «очень черные глаза» (см. с. 177 наст. изд.).

70 *Гляжу, подъезжает ~ рысью на Тушинском Воре.* – Хотя Най-Турс погибает не в кавалерийском строю, но как гусар после смерти воссоединяется с бывшими однополчанами и прибывает в рай вместе с конем. В традиционных представлениях конь связан с загробным миром, выступает в функции психопомпа, проводника душ (см.: СД 1995–2012/2: 590).

71 *...неизвестный юнкерок в пешем строю...* – Предсказана смерть Николки Турбина. В художественном времени романа Най-Турс погибнет раньше, однако на небесах Николка следует за полковником, как оруженосец за рыцарем.

[72] *...справа по три.* — Команда для построения в походную колонну.

[73] *...Дунька, Дунька, Дунька я! | Дуня, ягода моя...* — Солдатская песня «Дуня». Ее текст по самодельному песеннику 1910-х годов:

Вышла Дуня за ворота
А за нею солдат рота

Припев:

Ой ой Дуня я
Дуня ягода моя

Распустила Дуня ленту
А за Дуней все студенты

Припев.

Распустила Дуня косу
А за нею все матросы

Припев.

На лужок всех позвала
И плясать красиво стала

Припев.

Вдоволь Дуня наигралась
И с солдатами осталась
Ночку коротат[ь]
Сколь им весело

Три деревни, два села
Восем[ь] девок, один я,
Куда девки, туда я,
Девки в лес по малину,
Я залез на Катерину.

Солдатский песенник 1995: 484—485

[74] *Итальянская гармоника* — тип гармони, у которой высота звука меняется в зависимости от направления движения мехов; справа расположены 12—15 кнопок, слева — 3. Народное название — тальянка. Название «Итальянская гармоника» носит одна из главок рассказа Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (1922; см.: Булгаков 2007—2011/1: 354).

[75] *Под ноги*! — Кавалерийская команда, предупреждающая о препятствии.

[76] *Ме́ста-то, ме́ста-то там, ведь видимо-невидимо.* — Возможно, евангельская реминисценция; ср.: «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 14: 2).

[77] *Корпус* — воинское формирование (промежуточное звено между дивизией и армией); состоит из соединений (дивизия, бригада), частей и подразделений различных родов войск.

[78] *Чакчиры* — рейтузы, элемент гусарской формы.

[79] *...большевиков, с Перекопу которые ~ видимо-невидимо положили.* — Красная армия 8—10 октября 1920 г. взяла штурмом укрепления белых на Перекопском валу, который отделяет полуостров Крым от материка, и начался последний этап Гражданской войны — захват Крыма. Жилин говорит об этом Турбину как о прошлом, хотя в реальности до взятия Перекопа еще почти два года.

[80] *Осиянный* — освещенный, озаренный.

[81] *Чудится, что он на тебя самого похож.* — Реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; ср.:

> — Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.
>
> — В таком случае, равно как и Бога.
>
> Достоевский 1972—1990/14: 217

[82] *...в поле брани убиенные.* — Вариация формулы, употребляемой в поминальной молитве (ср.: «воин, на поле брани убиенный»).

[83] *...нельзя ль мне как-нибудь устроиться врачом у вас в бригаде вашей.* — Ряд эпизодов «Белой гвардии», и этот в частности, соотносится со «Сном Сципиона» — наиболее известным фрагментом труда (кн. VI) древнеримского политика, философа и оратора Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.) «О государстве». Римский военачальник Сципион Эмилиан во сне беседует со своим дедом Сципионом Африканским — тот говорит о долге римского солдата и посмертном воздаянии за доблесть. На вопрос, живы ли на небе все умершие, Сципион Эмилиан получает утвердительный ответ: «Живы

те, которые освободились от телесных оков, как из темницы; а то, что вы называете жизнью, есть смерть» (Цицерон 1917. Гл. III; Цицерон 1966: 83). Тогда герой спрашивает у Сципиона Африканского, не лучше ли поскорее добровольно переселиться на небо:

> — Нет, — ответил он, — если тот Бог, храм которого есть всё, что ты видишь, не освободит тебя от твоих телесных оков, тебе не может открыться вход сюда. Ведь люди рождены для того, чтобы охранять находящийся, как ты видишь, в середине этого храма жар, который называется землей: им дана душа из тех предвечных огней, которые вы называете светилами и звездами. <...> Поэтому и тебе, Публий, и всем благочестивым людям надо удерживать душу под стражей тела; и нельзя без приказания того, кто дал вам ее, переселиться из человеческой жизни, чтобы не показалось, что вы пренебрегли своим долгом, предназначенным вам Богом.
>
> Цицерон 1917: гл. III; Цицерон 1966: 83; см. также: Milne 1990: 85–86

[84] *Потом стал отодвигаться ~ Доктор отер рукой лицо....* — Сон Турбина подобен фольклорным рассказам об обмираниях — посещениях потустороннего мира в состоянии глубокого сна, эквивалентного смерти: «Главным содержанием рассказа оказываются картины загробного пространства» (СД 1995–2012/3: 463).

[85] *Да-с, смерть не замедлила ~ некий корявый мужичонков гнев.* — Сходен образ революции в романе Б.А. Пильняка «Голый год»; ср.: «<...> по шляху пошел Бунт. <...> И в города народный проселочный Бунт принес — смерть» (Пильняк 2003–2004/1: 122). Сходен также образ в романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1921); ср.: «<...> осень, по бурным полям, без дороги, скачут на телегах мужики, хлещут лошадей, впереди — очертания города, огромной тучей над ним висит дым пожарища, и ветер, мотая бурьяном, несет навстречу гул набата. — Бунт» (Толстой 1922а: 277).

[86] *В руках он нес великую дубину...* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «дубина народной войны» (Толстой 1928–1958/12: 120).

[87] *Красные петушки* — здесь: пожары.

[88] *Шинкарь* — содержатель шинка (кабака, корчмы).

[89] *...Генрик Сенкевич стал в облаке и ядовито ухмыльнулся.* — Реминисценция из романа польского писателя Генрика Сенкевича «Огнем и мечом»; ср.:

«Над Варшавой являлись во облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось поститься и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор поразит страну и погибнет род человеческий» (Сенкевич 1982: 7). Булгаков либо намекает на известный антисемитизм Сенкевича, либо варьирует его роман «Камо грядеши» («Quo vadis» (*лат.*) – «Куда идешь»; 1896): «<...> сравнивает изощренные муки, которым подвергали язычники христиан в романе Сенкевича, с еще более изощренными муками, изобретенными христианами друг для друга и для иноверцев» (Петровский 2001: 241).

[90] *Старец Дегтяренко.* – Возможно, имеется в виду украинский коммунист П.М. Дегтяренко (1885–1937), который с конца 1918 г. был председателем киевского Совета рабочих депутатов. Как явствует из его воспоминаний, Совет пытался договориться с гетманскими и добровольческими отрядами о совместном отражении наступления петлюровцев на Киев, однако переговоры не имели успеха (Дегтяренко 1977: 148). При этом партийный деятель иронически отождествлен со старцем (в православной традиции духовный наставник – инок или старый монах).

[91] *Декларация прав человека и гражданина* – документ, принятый во время Великой французской революции, в 1789 г.

[92] *Затем этот же Дегтяренко-пророк лежал и выл...* – Возможная реминисценция из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»; ср.:

> <...> пророк пришел неизвестно откуда, в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром. Пророк за предсказание попал, как следует, в острог, но тем не менее дело свое сделал и смутил совершенно купцов.
>
> Гоголь 1937–1952/6: 206

[93] *Миф. Миф Петлюра. Его не было вовсе.* – Вопрос о критериях верификации исторической личности, о соотношении реальной биографии и мифологизированного образа, впервые затронутый в «Белой гвардии», пройдет через всё творчество Булгакова. Напр., в драме «Александр Пушкин» (1935) главный герой в течение действия не появляется на сцене, однако его незримым присутствием пронизана вся художественная реальность. Роман «Мастер и Маргарита» начинается с дискуссии об историчности Иисуса, по поводу которого Берлиоз утверждает, «что все рассказы о нем <...> самый

обыкновенный миф» (Булгаков 2007–2011/7: 10), а Воланд заявляет, «что Иисус существовал» (Булгаков 2007–2011/7: 21); при этом Иешуа в романе Мастера радикально отличается от евангельского прообраза.

[94] *...миф о никогда не существовавшем Наполеоне...* – Имеется в виду памфлет французского ученого и писателя Жан-Батиста Переса (1752–1840) «Почему Наполеона никогда не существовало» («Comme quoi Napoléon n'a jamais existé»; 1827). Эпатажный тезис о фиктивности французского императора-полководца – реакция на зарождение мифологической школы в исследованиях Евангелия, основатель которой французский академик Шарль Александр Дюпюи (1751–1823) в книге «Происхождение всех культов» («Origine de tous les cultes, ou Religion universelle»; 1794) утверждал, что Иисус как личность не существовал – подобно древнегреческому богу света Аполлону, это персонификация солярного мифа, двенадцать апостолов символизируют двенадцать знаков Зодиака и т. д. Перес иронически применил теорию Дюпюи к биографии Наполеона, заявив, будто реального императора не было, а его жизнеописание – лишь вариация мифа о солнечном боге Аполлоне. Автор памфлета заключает, что все, кто поверил в существование Наполеона, впали в заблуждение, приняв мифологию XIX в. за реальную историю (см.: Перес 1912: 5–15).

[95] *Торопец* – в реальности не фамилия, а топоним. Торопец – уездный центр в Псковской губернии (ныне принадлежит к Тверской области).

Прототипом персонажа явился Евгений Михайлович Коновалец (1891–1938), бывший хорунжий австро-венгерской армии. С 21 ноября 1918 г. Коновалец был командиром Осадного корпуса войск Директории, состоявшего из военнопленных-галичан; этот корпус представлял собой наиболее дисциплинированное регулярное соединение УНР. В 1920-х годах Коновалец возглавил антипольское подполье в Галиции, в 1929 г. стал руководителем Организации украинских националистов (ОУН). Убит агентами НКВД в 1938 г.

[96] *Винниченко* Владимир Кириллович (1880–1951) – украинский литератор и политический деятель, социал-демократ. В 1917 г. Винниченко был одним из организаторов Центральной Рады; в 1917 – начале 1918 г. занимал должность председателя Генерального секретариата УНР. При гетмане Винниченко перешел в оппозицию; с августа 1918 г. стал председателем Украинского национального союза. В ноябре 1918 г. – феврале 1919 г. был главой Директории. После изгнания Директории из Киева Винниченко отправился за границу, порвав с политикой УНР; 14 сентября 1919 г. создал в Вене Заграничную группу Украинской компартии. В 1920 г. некоторое время был

заместителем председателя Совета народных комиссаров и наркомом иностранных дел Украины. В сентябре 1920 г. эмигрировал, жил в США.

[97] *...своими романами...* — Имеются в виду романы В.К. Винниченко 1910-х годов: «Честность с собой» (1911), «На весах жизни» (1912), «Божки» (1913–1914), «Хочу!» (1916), «Записки курносого Мефистофеля» (1917).

[98] *...еще в начале восемнадцатого года... в... журналах... назвали изменником.* — На самом деле Винниченко уже в 1917 г. являлся одной из заметных фигур в политической жизни Украины: в июне — июле 1917 г. он был председателем Генерального секретариата (правительства) УНР. Соответственно, Винниченко (как все сторонники украинской государственности) оказался объектом насмешек тех, кто после Февральской революции выступал за сохранение России в «имперских» границах. Показательна реплика (без подписи) «Тонкая ирония» в рубрике «Волчьи ягоды» журнала «Новый Сатирикон» (1917. № 31. С. 6); ср.:

> Председатель украинского совета министров В.К. Винниченко написал новую пьесу под названием «Зачумленные».
>
> То-то вот и оно.

[99] *Белая Церковь* — город в 80 км к югу от Киева.

[100] *Аппарат Морзе* — телеграф.

[101] *...немецкие патрули в цирюльных тазах.* — Пародийная реминисценция из романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса (1547–1616) «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha»; 1615), где главный герой носит на голове таз для бритья, считая его волшебным шлемом Мамбрина (см.: Сервантес 1951: 184–186).

[102] *Троцкого арестовали рабочие в Москве!!!* — В киевской газете «Срочные известия» 11 июля 1918 г. помещен «сенсационный» анонс: «Убийство Троцкого» (см.: Кончаковский, Малаков 1993: 204).

[103] *Неизвестное таинственное имя — консул Энно.* — По настоянию французского консула в Одессе и Киеве Эмиля Энно, имевшего полномочия от стран Антанты, немцы оттягивали заключение соглашения с Петлюрой. Союзники в то время находились в состоянии перемирия с Германией и готовились заменить немцев на Украине, чтобы затем решить вопрос о ее самоопределении. В конце ноября — начале декабря 1918 г. Энно обращался к украинскому правительству с телеграммами, обещая, что страны Антанты ни в коем случае не допустят вступления войск Петлюры в Киев. В последние дни гетманской власти Энно практически ежедневно информировал о

том, что союзнические войска скоро будут в Киеве (см.: Деникин 1925: 194, 199). При этом сам Энно в Киеве так и не появился.

П.П. Скоропадский считал, что главной причиной поражения Энно явился грубый политический просчет стран Антанты. Весной 1919 г. Скоропадский писал:

> Исполни они мое желание, т<о> е<сть> пришли они своего представителя в Киев, лишь бы видели, что меня фактически поддерживает Entente (Антанта (*фр.*). – *Е.Я.*), этого не произошло бы, и, я думаю, задача восстановления порядка не только в Украйне, но и в бывшей России тем самым была бы значительно облегчена.<...>
>
> <...> до сих пор не могу понять, почему Антанта и особенно французы, которые более всех были заинтересованы в поддержании порядка на Украине – а этот порядок мог быть поддержан лишь Гетманством – не прислали ко мне немедленно своего представителя. Мне было совершенно не важно, признали ли меня союзники официально или нет; мне было важно, чтобы в Киеве было определенное лицо, представляющее Антанту, с которым я мог бы лично говорить. Здесь, по-моему, очень повлияла дезинформация, данная союзникам русскими кругами, которым Антанта верила, но которые фактически ничего не понимали.
>
> Скоропадский 1995: 11, 100

[104] *...аппарат со стрелкой – поставят его на землю, и стрелка показывает, где оружие зарыто.* – Имеется в виду металлодетектор. Этот прибор, применявшийся в основном для поиска полезных ископаемых, был изобретен еще в XIX в.

[105] *Петлюра послал посольство к большевикам.* – Антигетманские деятели (в первую очередь В.К. Винниченко) вели переговоры с находившейся в Киеве летом 1918 г. советской миссией, которую возглавляли Д.З. Мануильский и Х.Г. Раковский (см. примеч. 18 к гл. 4).

[106] *...таинственный и безликий...* – В.К. Винниченко отмечал опасную харизматичность С.В. Петлюры:

> <...> всё выступление, всё движение с самого начала было поставлено под марку одного лица, окрашено персональным характером. Повстанцы, стекавшиеся в революционные центры, стали называться «петлюровцами». «Петлюра идет на гетмана», «Петлюра призывает

> против немцев». Часто среди крестьянства, до того не слыхавшего имени Петлюры, раздавались такие речи: «Ага, теперь Петлюра идет на гетмана. Она ему покажет! Слава богу, больше не будет этой Украины». Словом, этим сразу было внесено в движение как раз всё то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, неясность целей, беспрограммность, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения.
>
> Винниченко 1930: 278

[107] *Прелат* — именование высших духовных лиц в Католической и Англиканской Церквах.

6

[1] *Магазин «Парижский Шик» мадам Анжу... на Театральной улице.* — Магазин дамских шляп «Парижский Шик» находился в Киеве в доме 14 по Большой Васильковской улице (см.: Весь Киев 1915: 979). В доме 10 по Театральной улице (ныне улица Лысенко) указана мастерская дамского платья, принадлежавшая Н. Савельеву (см.: Весь Киев 1915: 915). Вместе с тем есть сведения, что по этому адресу располагался модный салон мадам Ольги (Петровский 2001: 139). Возможно также, что образ магазина мадам Анжу — аллюзия на мастерскую дамского платья m-me Мери в доме 19 по Мало-Подвальной улице (см.: Весь Киев 1915: 915), неподалеку от того места, где в «Белой гвардии» живут Юлия Рейс (подробнее о ней см. примеч. 25 к гл. 13), а также мать и сестра Най-Турса (подробнее см. примеч. 56 к гл. 17). В более раннем справочнике по адресу Мало-Подвальная улица, дом 3, указана мастерская Королёвой Марии Васильевны — «M-me Marie» (см.: Весь Киев 1899: 497).

То, что название данного заведения было известно Булгакову, косвенно подтверждается эпизодом его повести «Записки на манжетах»: новорожденный ребенок Юрия Слёзкина лежит в коробке с надписью «M-me Marie. Modes et robes» (*фр.*) — «Мадам Мари. Шляпы и платья» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 421).

Анжу — историческая провинция во Франции. Фамилия хозяйки магазина может означать реминисценцию из оперетты французского композитора Шарля Лекока (1832–1918) «Дочь мадам Анго» («La fille de Madame Angot»; 1872; см.: Петровский 2001: 139–140), где пародийно изображается

эпоха Наполеона III (1808–1873; правление: 1852–1870 гг.), третьего императора Франции. С 1920 г. оперетта «Дочь мадам Анго» шла на сцене Музыкальной студии МХАТа.

[2] *Оперный театр.* — Киевский оперный театр на Большой Владимирской улице построен в 1901 г. (архитектор В. Шретер); ныне — Национальная опера Украины.

[3] *...с... севастопольскими пушками...* — Имеются в виду пушки времен обороны Севастополя (1854–1855 гг.), Крымской войны (1853–1856 гг.).

[4] «*Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан*». — Переиначены строки стихотворения Н.А. Некрасова (1821–1877) «Поэт и гражданин» (1855); ср.: «Поэтом можешь ты не быть, | Но гражданином быть обязан» (Некрасов 1981–2000/2: 10). Участники событий в Киеве 1918 г. (Р.Б. Гуль, полковник В.С. Хитрово (1891–1968) и др.) отмечают, что такие плакаты действительно присутствовали на улицах. Как сообщала газета «Наш путь» от 5 декабря 1918 г., накануне, 4 декабря, в Киеве проводился День добровольца: «<...> по городу с утра были расклеены большие плакаты с призывом записываться в добровольческие дружины генерала Кирпичёва. Группы учащихся средних учебных заведений раздавали в огромном количестве листки "К сынам России", "К женщинам" и пр.» (цит. по: Тинченко 1997: 229–230).

[5] *Развинченная* — здесь: расшатанная, расхлябанная.

[6] *Лодочка* — здесь: мотоциклетная коляска.

[7] *...после пьяной ночи...* — Вероятная отсылка к названию главы «Пьяная ночь» в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877; см.: Некрасов 1981–2000/5: 37).

[8] *Заветная комната* — здесь: тайная комната.

[9] *...Лена, ясная...* — См. примеч. 42 к гл. 3.

[10] *Электри́к* — голубой или синий цвет с сероватым отливом.

[11] *Пирамидон* — обезболивающее и жаропонижающее средство. Ныне изъято из обращения.

[12] *...будем мы сидеть в городе и отражать этого миленького украинского президента...* — Сходные рассуждения приводятся в воспоминаниях Р.Б. Гуля (см с. 359 наст. изд.).

[13] «*Довлеет дневи злоба его*». — Нагорная проповедь (Мф. 6: 34).

[14] *Будуарное креслице* — мягкое кресло без подлокотников. Показательны записи в дневнике Булгакова. Ср. запись от 27 октября 1923 г.: «Сейчас смотрел у Семы гарнитур мебели, будуарный, за очень низкую плату — 6 червонцев. Решили с Тасей купить». Ср. также запись от 29 октября 1923 г.: «Новая мебель со вчерашнего дня у меня в кабинете» (Булгаков 2007–2011/2: 428).

Об этом Булгаков в конце октября 1923 г. сообщает сестре, Н.А. Земской: «<...> я купил гарнитур мебели шелковый, вполне приличный. Она уже стоит у меня в комнате» (Булгаков 2007–2011/8: 48). Про покупку будуарной мебели упоминает и Т.Н. Кисельгоф (см.: Кисельгоф 1991: 95–96). В записи от 21 февраля 1932 г. Ю.Л. Слёзкин трактовал этот эпизод как один из признаков зарождавшейся популярности и усиливавшегося, по мнению Слёзкина, омещанивания Булгакова: «<...> купил будуарную мебель <...> Об этом он рассказывал всем не без гордости» (НИОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Е. х. 2. Л. 30об.).

[15] *...был на самом деле не полковником, а подполковником в широких золотых погонах, с двумя просветами и тремя звездами...* – Несмотря на это замечание и погоны подполковника, все персонажи, а также повествователь «Белой гвардии» без объяснения причин именуют Малышева полковником. Просвет – прямая полоска вдоль погона, обозначающая род войск; два просвета имели погоны штаб-офицеров (подполковник, полковник).

[16] *...подстриженными по-американски усиками.* – Небольшими и короткими.

[17] *За этими перилами торчали ~ но не было ни рук, ни ног.* – Возможно, пародийная реминисценция из стихотворения В.В. Маяковского «Прозаседавшиеся» (1922): «<...> сидят людей половины» (Маяковский 1955–1961/4: 8). Вольноопределяющийся – лицо, имеющее право в силу образовательного ценза добровольно служить рядовым на льготных условиях.

[18] *...во второй пехотной дружине...* – См. примеч. 36 к гл. 2.

[19] *В тяжелом N дивизионе...* – В тяжелом артиллерийском дивизионе в Царском Селе служил в 1917 г. зять Булгакова (муж его сестры Надежды) А.М. Земский, направленный туда после окончания Киевского артиллерийского училища в том же году.

[20] *Александр Федорович Керенский* – российский политический деятель, в 1917 г. министр, затем министр-председатель Временного правительства. В марте 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров).

[21] *В тысяча девятьсот пятнадцатом году, по окончании университета экстерном...* – Сам Булгаков окончил Киевский университет в 1916 г. из-за того, что в 1912 г. остался на второй год на втором курсе ввиду «болезненного состояния» (см.: Материалы к биографии 1995: 243); подлинной причиной был роман с Т.Н. Лаппа (см.: Кисельгоф 1991: 25).

[22] *...младшим врачом...* – Согласно сохранившемуся удостоверению, сам Булгаков на основании приказа по 9-й армии от 11 февраля 1916 г. числился «младшим врачом 60 передового отряда Красного Креста» (Дом Булгакова 2015: 124) и в этом качестве работал в госпиталях, еще не получив врачебного диплома.

[23] *...в Белградском гусарском полку...* – Турбин оказывается однополчанином «белградского гусара» Най-Турса. Поскольку по крайней мере одним из прототипов последнего явился Ф.А. Келлер (см. примеч. 75 к гл. 2), связь мотивирована биографически: Булгаков осенью 1919 г. служил на Кавказе врачом в 5-м Александрийском гусарском полку, которым ранее командовал Келлер.

[24] *Ординатор* – врач, проходящий специализацию на базе клиники или отделения больницы, госпиталя.

[25] *...тяжелого трехсводного госпиталя.* – Имеется в виду военный госпиталь на Печерске: «Характерная черта архитектуры этого обширного медицинского комплекса – вместительный трехсводный центральный блок в виде огромной буквы "П"» (Виленский 1991: 51). Во время Первой мировой войны в здании был развернут госпиталь Красного Креста – не исключено, что Булгаков работал там в 1915 г. По другой версии, он служил в госпитале, располагавшемся в корпусе студенческих клиник за зданием университета (см.: Дом Булгакова 2015: 123).

[26] *Галун* – золотая, серебряная или мишурная тесьма, золототканая лента.

[27] *Револьвер* – огнестрельное оружие ближнего боя, оснащенное вращающимся барабаном с патронами.

[28] *Штабс-капитан* – офицерское звание в дореволюционной армии между поручиком и капитаном.

[29] *Капитан Студзинский.* – Подробнее о нем см. примеч. 88 к гл. 6.

[30] *Лекарь* – здесь: первое врачебное звание в дореволюционной России. Давая по окончании университета в 1916 г. клятву Гиппократа, Булгаков подписал соответствующий документ – «Факультетское обещание» – следующим образом: «Лекарь Михаил Афанасьевич Булгаков» (см.: Материалы к биографии 1995: 264). В университетском дипломе указано, что Булгаков «утвержден в степени лекаря с отличием» (Материалы к биографии 1995: 269; см. ил. 4).

[31] *«Поляк».* – В польском языке словесное ударение падает на предпоследний слог. Таким образом, фраза Студзинского звучит следующим образом: «Слуша́ю, госпо́дин полковник».

[32] *«Свободные вести».* – Измененное название газеты «Свободные мысли», издававшейся И.М. Василевским (Не-Буквой; см. примеч. 34 к гл. 3). Газета в 1907–1911 гг. выходила в Петербурге, в 1918 г. – в Киеве, в 1919 г. – в Одессе, в 1921 г. – в Париже.

[33] *Черные войска.* – Имеются в виду сенегальцы. Подробнее см. примеч. 34 к гл. 3.

[34] *Серебряные погоны...* — Погоны военных врачей были у́же, чем офицерские. Поскольку Турбин воевал в гусарском полку (см. с. 76 наст. изд.), на его погонах зигзагообразный серебряный галун.

[35] *Гимнастерка* — часть военной формы, удлиненная рубашка, которую носили с ремнем.

[36] *...зеленых с черным просветом...* — Погоны с одним просветом были у офицеров от прапорщика в пехоте (корнета в кавалерии) до капитана в пехоте (ротмистра в кавалерии). Докторские галунные погоны в начале XX в. имели черный просвет, с 1908 г. был введен синий просвет, затем темно-синий.

[37] *Венерические болезни и сифилис.* — Плеоназм: сифилис также относится к венерическим болезням (см., напр.: Брокгауз, Ефрон 1890—1907/5а: 909).

Автобиографическая аллюзия; Булгаков в 1918 г. занимался частной венерологической практикой в Киеве. Т.Н. Кисельгоф рассказывала:

> Так как средств у нас не было никаких, пришлось продать подаренное нам моими родителями столовое серебро, а на вырученные деньги купить инструментарий для врачебного кабинета. Михаил хорошо оборудовал его в доме № 13 по Андреевскому спуску в угловой комнате с балконом. В застекленном белом шкафу сверкали никелированные медицинские инструменты и виднелись разные баночки и пузырьки со всевозможными лекарственными препаратами. На двери была табличка, по которой можно было узнать, что здесь принимает доктор М.А. Булгаков. Больных приходило много, и почти вся клиентура — военные.
>
> Кисельгоф 1995: 287—288

Как вспоминал Л.С. Карум: «Практика врачебная у Булгакова наладилась хорошо. На передней двери на улицу он соорудил таблицу со своей фамилией, написанную им самим масляными красками, с часами своего приема» (Материалы к биографии 1995: 275).

[38] *606 — 914.* — Цифры на вывеске Турбина обозначают новейшее в то время средство для лечения сифилиса: сальварсан 606 и сальварсан 914.

> Сальварсан <...> мышьячный препарат <...> для внутривенного введения (с побочным токсичным действием).
>
> Введение сальварсана было очень опасным для пациентов: сильное болевое ощущение могло кончиться летальным исходом.

Не каждый сифилидолог соглашался применять это радикальное средство.

Ноженко, Аронов, Вдовина 1995: 296

Т.Н. Кисельгоф рассказывала: «<…> помогала ему на приемах. Держала руку больного, когда Михаил впрыскивал ему сальварсан» (Кисельгоф 1995: 288; см. также: Чудакова 1988: 72).

[39] *Коростень* — село в Волынской губернии (ныне город в Житомирской области Украины) примерно в 150 км к северо-западу от Киева.

[40] *Сечевые стрельцы* — названные в подражание Запорожской Сечи части, сформированные в Галиции правительством Австро-Венгрии из военнопленных русской армии — украинцев по национальности. Так же именовалась на Украине воинская часть (около 1200 человек), набранная в сентябре 1918 г. в основном из украинцев-галичан, сражавшихся ранее в австро-венгерской армии и попавших в русский плен. Полк сечевиков под командованием бывшего хорунжего австро-венгерской армии Е.М. Коновальца (см. примеч. 95 к гл. 5) 14 ноября 1918 г. первым поддержал восстание против гетмана.

[41] *Полковник Болботун.* — Прототипом персонажа явился полковник Петр Федорович Болбочан, командовавший в гетманской армии Запорожской дивизией. В ночь с 15 на 16 ноября 1918 г. поднял в Харькове восстание против Скоропадского. 17 ноября того же года Болбочан был назначен главнокомандующим Левобережным фронтом войск Директории; в ночь с 21 на 22 января 1919 г. был арестован и отстранен от командования; в июне 1919 г. попытался возглавить Запорожскую группу армии Украинской Народной Республики, но 9 июня был арестован и на следующий день, 10 июня, приговорен военным судом к расстрелу. Расстрелян 28 июня 1919 г. (см.: Тинченко 2007: 53).

По воспоминаниям Л.С. Карума, фамилия полковника в варианте «Балбачан» послужила темой одной из шарад, придуманной Булгаковым в 1918 г.: «Первый слог был "бал". Танцевали. Второй слог "ба". Михаил прочел кусочек из комедии Грибоедова "Горе от ума", где был стих: "Ба, знакомые всё лица". Наконец, третий слог "чан". Михаил притащил из кухни чан и стал делать вид, что в нем что-то варит» (Материалы к биографии 1995: 275; см. также: МБКЭ 2011: 239; МБВС 2014/1: 257).

Фамилия персонажа образована от «болботать» (*диал.*) — бормотать (Даль 1903–1909/1: 268).

[42] *С самого утра сегодня болботунит.* — Каламбурное обыгрывание фамилий восходит к опубликованному осенью 1917 г. в № 44 журнала «Сатири-

кон» фельетону «В толпе» (подпись – «Ферм. Харибдов»), состоящему из нескольких «зарисовок», в частности:

> *Словообразование*
>
> Нянька хмуро ворчит на мальчишку:
>
> – Только и следи... Натроцкаешь где не надо, а тут ходи за тобой да подбончивай...
>
> *Из будущих сказок*
>
> <...> встал этакий шпец на дыбенки, расправил крыленки да как заколонтает...
>
> Сатирикон. 1917. № 4. С. 2

Спустя год И.М. Василевский (Не-Буква; см. примеч. 34 к гл. 3), перефразируя последнюю шутку, писал в фельетоне, напечатанном 14 декабря 1918 г. в киевской газете «Мир»:

> Кабинетная Мазепа. В конце концов, это даже утомительно. Сходство нынешнего Киева с прошлогодним Петроградом доходит до курьезов. <...> В наши дни, когда гг. Швец и Винниченко в мирной Виннице создали резиденцию своей Директории, – так и просится на язык грустная параллель:
>
> – Распетлюрится этакий швец на обе винниченки да как забалбачанит!
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 130

43 *Ирпень* – поселок на одноименной реке в 25 км к северо-западу от Киева.

44 *Боярка* – железнодорожная станция примерно в 20 км к юго-западу от Киева.

45 *Бульвар.* – Имеется в виду Бибиковский бульвар (ныне бульвар Тараса Шевченко).

46 *Хоругвь* – религиозное знамя с образом Иисуса Христа, Богородицы или святых.

47 «*Метрополь*» – ресторан, находившийся на углу Фундуклеевской (ныне улица Богдана Хмельницкого) и Владимирской улиц.

48 *Желтые длинные ящики ~ погоны повырезали. Форменно изуродовали...* – Описано реальное событие. Газета «Киевская мысль» сообщала 27 ноября 1918 г.:

> Киевская добровольческая дружина с глубокой скорбью извещает о смерти доблестных своих сотрудников, погибших в бою с неприятелем. Полковников: Сухонина, Галятовского; подполковника Урбана; штабс-капитана Петриченко; поручиков: Дорохова, Константинова, Волицкого; ротмистра Свенткевича; прапорщиков: Винтер<а>, Журавского, братьев Езерских, Павлушенко, Мазур<а>, Торчевского, Нагорного; казака 1-го Сердюцкого полка Глушка; юнкера Якубенка и 16-ти других, которые с обезображением их трупов неприятелем опознать не удалось. Вынос тел со станции Киев-Товарный 27 сего месяца в 8 ч<асов> утра. Заупокойная литургия и отпевание в 10 ч<асов> утра во Владимирском соборе, погребение на Лукьяновском кладбище.
>
> Цит по: Тинченко 1997: 223

Медсестра М.А. Нестерович-Берг (1879 – после 1931) вспоминала:

> Киев поразили как громом плакаты с фотографиями 33 зверски замученных офицеров. Невероятно были истерзаны эти офицеры. Я видела целые партии расстрелянных большевиками, сложенных, как дрова, в погребах одной из больших больниц Москвы, но это были всё – только расстрелянные люди. Здесь же я увидела другое. Кошмар этих киевских трупов нельзя описать. Видно было, что, раньше чем убить, их страшно, жестоко, долго мучили. Выколотые глаза; отрезанные уши и носы; вырезанные языки, приколотые к груди вместо Георгиевских крестов; разрезанные животы, кишки, повешенные на шею; положенные в желудки еловые сучья. Кто только был тогда в Киеве, тот помнит эти похороны жертв петлюровской армии. Поистине – черная страница малорусской истории, зверского украинского шовинизма! Все поняли, что в смысле бесчеловечности нет разницы между большевиками и наступающими на Киев петлюровскими бандами. Началась паника и бегство из Киева. Создалось впечатление, что тех, кого не дорезали большевики, докончат «украинцы».
>
> Нестерович-Берг 2001: 160–161

[49] *Утиный нос побледнел...* – Имеется в виду обладатель головного убора с козырьком соответствующей формы.

[50] *Альт* – низкий голос у мальчиков и женщин.

[51] *...круглого гигантского здания музея...* — Имеется в виду Педагогический музей на Владимирской улице, дом 57 (сооружен по проекту архитектора П.Ф. Алешина). Музей был открыт в 1911 г. для сбора и экспонирования материалов по истории образования и пропаганды передового педагогического опыта. В 1917 — начале 1918 г. в здании музея размещалась Центральная Рада, с 1921 г. в нем находился Пролетарский музей, в 1924—1937 гг. — Музей Революции.

[52] *...громаднымъ покоемъ...* — Здание Александровской гимназии имеет форму буквы «П», старое название которой — «покой».

[53] *И ровно восемь же лет назад в последний раз видел Турбин сад гимназии.* — По-видимому, герой окончил гимназию в 1910 г. Сам же Булгаков, согласно записям П.С. Попова, вспоминал: «В здании гимн<азии> в <19>18 г. бывал неоднократно» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2).

[54] *Ут консекутивум* — в латинском языке конструкция с придаточным следствия, присоединяемым союзом ut (*лат.*) — «что, так что». От *лат.* ut consecutivum.

[55] *Кай Юлий Цезарь* — Имеется в виду Гай (Кай) Юлий Цезарь (102/100 г. до н. э. — 44 г. до н. э.), римский диктатор и полководец, начавший свою деятельность как сторонник демократической группировки, но впоследствии боровшийся за единовластие. Разгромив консула Гнея Помпея (106 г. до н. э. — 48 г. до н. э.), в 49—45 гг. до н. э., встал во главе государства.

[56] *...кол по космографии...* — Космография — астрономия. Автор романа, как и его герой, не слишком успевал по этому предмету. В ведомости гимназиста VIII класса Михаила Булгакова за 1908/09 учебный год выставлена по космографии оценка «3» (см.: Дерид 2001: 142).

[57] *...вечный маяк впереди — университет...* — Показательны записанные П.С. Поповым воспоминания Булгакова; ср.: «От гимназии остались очень богатые впечатления. От университета гораздо более скудные» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2). При этом гимназист Булгаков не был старательным учеником: в его аттестате всего две пятерки — по географии и по Закону Божьему (см.: Дом Булгакова 2015: 93).

[58] *...бассейны, из которых вечно выливается и никак не может вылиться вода...* — Имеется в виду традиционный тип задач о бассейне с двумя трубами, через одну из которых вода вливается, через другую — выливается; в зависимости от условия требуется определить, за какой срок бассейн наполнится либо опустеет.

[59] *...чем Ленский отличается от Онегина.* — Имеются в виду персонажи романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823—1831; опубл. 1825—1837).

[60] *Сократ* — древнегреческий философ (ок. 469—399 гг. до н. э.).

[61] *Орден иезуитов* — католический монашеский орден, основанный в 1534 г. испанским теологом Игнатием де Лойолой (1491—1556).

[62] *Помпей.* — Имеется в виду Гней Помпей, римский полководец и политический деятель. С 66 г. до н.э. командовал армией в войне против понтийского царя Митридата VI (134 г. до н. э. — 63 г. до н. э.), в которой римляне одержали победу. В конце 62 г. до н. э. высадился со своими легионами в Италии. В 60 г. до н. э. вступил в соглашение с полководцем Марком Лицинием Крассом (115/114 г. до н. э. — 53 до н. э.) и будущим диктатором Цезарем, создав вместе с ними так называемый Первый триумвират. После распада Первого триумвирата начал против своего тестя Цезаря войну, в которой потерпел поражение.

[63] *...пешеходами, из которых один идет со станции «А», а другой навстречу ему со станции «Б».* — Имеется в виду задача о пешеходах, движущихся с разной скоростью: в зависимости от условий задачи требуется определить точку их встречи либо скорость каждого.

[64] *Желтая николаевская краска.* — Имеется в виду цвет зданий, распространенный в период царствования (1825—1855 гг.) императора Николая I.

[65] *Накати-и!* — команда, по которой артиллеристы возвращают на прежнее место орудие, откатившееся вследствие выстрела.

[66] *Круги* — здесь: дисковые магазины с патронами для пулемета.

[67] *Льюисовский пулемет* — ручной пулемет, названный по имени американского конструктора Исаака Ньютона Льюиса (1858—1931). Ручной пулемет Льюиса создан в 1913 г.

[68] *Плаун* — водяное плавучее растение, разновидность мха.

[69] *Вече* — народное собрание в древней и средневековой Руси; здесь: множество людей, толпа.

[70] *Околыш* — обод фуражки, облегающий голову.

[71] *Юнкер Павловский!* — Возможно, использована фамилия профессора Александра Дмитриевича Павловского (1857—1944), который в студенческие годы (с 1909 по 1916 г.) Булгакова был заведующим кафедрой хирургии Киевского университета, затем начальником «трехсводного» госпиталя Красного Креста (см.: Виленский 1991: 36, 52).

[72] *Радамес* — персонаж (теноровая партия) оперы итальянского композитора Джузеппе Верди «Аида», египетский военачальник, влюбленный в рабыню Аиду.

[73] *Артиллеристом я рожден | В семье бригадной я учился... | Ог-неем-ем картечи я крещен | И буйным бархатом об-ви-и-и-ился. | Огне-е-е-е-е-ем... И за канаты тормоз-*

ные | Меня качали номера. – Неточные цитаты из стихотворения Б.Д. Приходкина (1877–1950) «Объяснение в любви артиллериста» (1897); ср. первые строфы:

Артиллеристом я рожден,
В семье бригадной я родился,
Огнем картечным был крещен
И черным бархатом повился.

Водой с баклаги окропили,
Обвили шнуром вытяжным,
Снарядной мазью умастили
И полусалом нефтяным.

От легкой пушки в дни былые
Корзинка люлькой мне была,
И за канаты отвозные
Ее качали номера.

Приходкин 1907: 1

Хорал – хоровое церковное песнопение; здесь слово употреблено в ироническом смысле. Буйный – здесь: пышный, богатый. Номер – здесь: боец орудийного расчета.

[74] *Кисея* – легкое прозрачное хлопчатобумажное полотно.

[75] *...резал пронзительным голосом рев Карась.* – Возможно, реминисценция из книги Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» (см. примеч. 19 к гл. 2):

Несмотря на то, что Карась доказывал учителю свою бездарность изгнанием его из певческого хора, он ничего слушать не хотел.

Вошел учитель обихода в класс и вместе с учениками пропел звучным голосом «Царю небесный», после чего прямо обратился к Карасю:

– Пропой на седьмой глас...

Уши режет Карась.

Учитель говорит Лапше:

– Покажи ему.

Лапша заливается...

– Повтори, – говорят Карасю.

Уши режет Карась...

Помяловский 1951: 444

[76] *...валила по коридору шеренга...* — Слово употреблено по ошибке: имеется в виду колонна.

[77] *...на... вестибюль шла гусеница, и передние ряды вдруг начали ошалевать.* — Речь идет об удивлении при виде портрета императора Александра I. Однако в реальности этот портрет в киевской Александровской (названной в честь императора) гимназии не располагался отдельно на площадке лестницы, а находился в актовом зале вместе с портретами других монархов (см.: Яновская 1989: 13) — речь идет о копии портрета Александра I работы английского художника Джорджа Доу (1781–1829), в 1819–1829 гг. работавшего в Санкт-Петербурге (см. ил. 28; см. также вклейку в изд.: Летопись 1912)

[78] *Кровный аргамак* — породистая лошадь восточной породы.

[79] *Вальтрап* — суконное, ковровое покрывало поверх седла.

[80] *Султан* — украшение на головном уборе: вертикальный перьевой или волосяной пучок.

[81] *...лысеватый и сверкающий Александр ~ указывал юнкерам на Бородинские полки.* — Описание в «Белой гвардии» напоминает хранящийся в Эрмитаже портрет Александра I работы художника Л. Поля по оригиналу О.А. Кипренского (1782–1836; см.: Шаргородский 2012: 361) — здесь император, сидя на коне, действительно указывает на Бородинское поле, хотя не палашом, а пальцем. Изображение условное: реальный Александр I не принимал участия в сражении. Бородинское поле — историческое поле близ деревни Бородино (сейчас — Можайский район Московской области), на котором 26 августа (7 сентября) 1812 г. произошло сражение между русской и французской армиями. Палаш — рубяще-колющее оружие с прямым и длинным клинком.

[82] *...ведь были ж... | схватки боевые?! Да говорят, еще какие!! Неда-а-а-а-ром помнит вся Россия | Про день Бородина!!* — *М.Ю. Лермонтов.* «Бородино» (1837) // Лермонтов 1936–1937/2: 10. В романе исполняется на мотив строевой песни.

[83] *Благословенный.* — В 1814 г., после победы над Наполеоном, Сенат преподнес Александру I титул «Благословенный, великодушный держав восстановитель».

[84] *...победитель Наполеона...* — Имеется в виду Александр I как верховный главнокомандующий в Отечественной войне 1812 г.

[85] *Темляк* — кисть на рукояти холодного оружия.

[86] *...все ударения у Студзинского от волнения полезли на предпоследний слог...* — См. примеч. 31 к гл. 6.

[87] *Ящик* — здесь: воинская колонна, парадный расчет.

[88] *Александр Брониславович...* — Однофамилец и тезка персонажа по отчеству Иван Брониславович Студзинский (по-видимому, врач) в 1910-х го-

дах служил секретарем киевского Общества скорой медицинской помощи (см.: Весь Киев 1915: 607); однако сведений об этом человеке нет. Возможно также, имя и отчество персонажа указывают на одного из преподавателей Александровской гимназии: Александр Брониславович Селиханович (1880–1968) с 1906 г. был там учителем русской словесности и философской пропедевтики. Ему посвящен фрагмент воспоминаний К.Г. Паустовского, высоко оценивавшего педагогические способности Селихановича (см.: Паустовский 1958: 246–248). Однако, согласно записи П.С. Попова, Булгаков высказывался о гимназических уроках словесности противоположным образом: «Сочинения в гимназии писал хорошо, но с общечеловеческой точки зрения – это было дурное писание, фальшивое – на казенные темы. Учитель словесности был человек ничтожный» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2). А.Б. Селиханович преподавал также во Фребелевском педагогическом женском институте (см.: Весь Киев 1915: 515), готовившем педагогов для детских садов и учительниц для домашнего воспитания дошкольников, – в нем училась старшая из сестер Булгаковых Вера (см.: Дом Булгакова 2015: 93–94). Институт был открыт при Киевском Фребелевском обществе, где работала В.М. Булгакова (см.: Кисельгоф 1991: 23).

[89] *Призовой полк* – полк, награжденный за победу в соревнованиях по стрельбе, проводившихся между воинскими частями.

[90] *...из которых сто двадцать даже не умеют стрелять*! – Видимо, ошибка автора: ранее Студзинский говорил: «На сто двадцать юнкеров восемьдесят студентов, не умеющих держать в руках винтовку».

[91] *Владимировцы, константиновцы, алексеевцы* – воспитанники, соответственно, Киевского кадетского Святого Владимира корпуса, 1-го Киевского Константиновского пехотного училища, Алексеевского инженерного училища.

[92] *Старые ее стены смотрят на вас.* – Вероятная реминисценция из юбилейной кантаты Императорской Александровской гимназии (музыка М.М. Ипполитова-Иванова), исполненной на торжествах по случаю столетия гимназии при посещении ее императором Николаем II 4 (17) сентября 1911 г.; ср.:

К тебе, родимый храм науки,
Твои сыны прийти спешат,
И громко радостные звуки
Под сводом старых стен звучат.

Летопись 1912

Автор стихов кантаты А.М. Ястребов окончил обучение в Александровской гимназии в 1910 г., то есть учился на один класс младше Булгакова.

[93] *...обкатим...шестью дюймами...* — Имеется в виду калибр артиллерийского орудия. Шесть дюймов — около 152 мм.

[94] *...как на Бородинском поле...* — Пародийная аллюзия на Отчественную войну 1812 г.: город, защищаемый от Петлюры — «Наполеона», ассоциируется с Москвой — хотя в политическом и государственном отношении явно противопоставлен ей.

[95] *Кóзлы* — здесь: несколько винтовок, составленных по несколько штук крест-накрест прикладами вниз, штыками вверх.

[96] *Дуговой шар* — дуговая лампа, в которой используется излучение электрического разряда между угольными электродами.

[97] *Двускатный вестибюль* — вестибюль с двумя лестницами по бокам. См. ил. 29.

[98] *Рефлектор* — светильник с отражателем для направленного освещения.

[99] *Ложе* — здесь: приклад огнестрельного оружия.

[100] *Максим.* — Прототипом персонажа явился педель (надзиратель, следивший за поведением учащихся в гимназии) Максим. В связи со сценой в гимназии К.Г. Паустовский вспоминал «сторожа Максим Холодная вода — честного и прилипчивого старика» (Паустовский 1958: 198). Но в других воспоминаниях Паустовского возникает иной образ:

> Старый гимназический сторож <...> известный в Киеве сторож Максим по прозвищу «Холодная вода».
>
> Происхождение этого прозвища характерно для гимназического быта того времени. Гимназистам было запрещено кататься на лодках по Днепру. Выслеживал нас на реке сторож Максим. Он был в то время еще крепок, хитер и изобретателен. Он подкупал табаком и другими нехитрыми благами сторожей на лодочных пристанях и считался их общим «кумом». Но гимназисты были хитрее и изобретательнее Максима и попадались редко. Несколько раз Максима предупреждали, чтобы он бросил слежку. Но Максим не унимался. Тогда старшеклассники поймали его однажды на глухом берегу и окунули в форменном сюртуке с бронзовыми медалями в холодную воду. Дело было весной. Днепр был в разливе. Максим бросил слежку, но прозвище «Холодная вода» осталось за ним на всю жизнь.
>
> Воспоминания 1988: 94

Эта история изложена также в воспоминаниях Е.Б. Букреева (1890–1985), другого соученика Булгакова по Первой киевской гимназии (см.: Чудакова 1988: 20).

Сохранился записанный Е.С. Булгаковой в 1968 г. со слов вдовы Н.А. Булгакова, К.А. Булгаковой, рассказ «<...> о том, как педель Максим спас Николку»:

> Когда украинцы пришли, они потребовали, чтобы все офицеры и юнкера собрались в Педагогическом музее Первой гимназии (музей, где собирались экспонаты работ гимназистов). Все собрались. Двери заперли. Коля сказал: «Господа, нужно бежать, это ловушка». Никто не решался.
>
> Коля поднялся на второй этаж (помещение этого музея он знал как свои пять пальцев) и через какое-то окно выбросился во двор — во дворе был снег, и он упал в снег. Это был двор их гимназии, и Коля пробрался в гимназию, где ему встретился Максим (педель). Нужно было сменить юнкерскую одежду. Максим забрал его вещи, дал ему надеть свой костюм. И Коля другим ходом выбрался — в штатском — из гимназии и пошел домой.
>
> Другие были расстреляны.
>
> Булгакова 1990: 316

Р.Б. Гуль, тоже находившийся в Педагогическом музее, свидетельствует, что судьба оставшихся оказалась не столь трагичной, как это описывает К.А. Булгакова (см. с. 361–369 наст. изд.); однако убийства офицеров в Киеве (на улицах, в госпиталях и т. п.) носили массовый характер.

В контексте романа реальное имя персонажа («maximus» (*лат.*) — «величайший») обретает остро-иронический смысл.

[101] *...в количестве небольшом, но достаточном...* — Перифраз фармацевтической формулы «quantum satis» (*лат.*) — «сколько нужно, достаточное количество». Ее употребление в алкогольном контексте встречается, напр., в рассказе А.П. Чехова «Аптекарша» (1886):

> — Жаль, что в аптеках не продают спиритуозов! Впрочем... вы ведь должны продавать вино как лекарство. Есть у вас vinum gallicum rubrum [красное французское вино]?
>
> — Есть.

— Ну вот! Подавайте нам его! Черт его подери, тащите его сюда!
— Сколько вам?
— Quantum satis!..

Чехов 1974–1982/5: 195

[102] *Педель.* — См. примеч. 100 к гл. 6.

[103] *Попечитель* — здесь: старший местный начальник учебных заведений, состоявших в ведении Министерства просвещения.

[104] *Инспектор* — заместитель директора гимназии по учебной и воспитательной части.

[105] *...Макс Преподобный!* — Возможно, пародийная аллюзия на преподобного Максима Исповедника (580–662), христианского монаха, богослова и философа. Преподобные — в православии: лик святых, угодивших Богу монашеским подвигом.

[106] *Нет такого закону...* — Такой же оборот встречаем в фельетоне Булгакова «Ре-Ка-Ка» (1924): «Нет такого закона, чтобы тужурки рвать» (Булгаков 2007–2011/3: 405). Тождественна реплика в романе А.Н. Толстого «Аэлита» (1923); ср.: «<...> нет такого закону, чтобы страдать безвинно до скончания века <...>» (Толстой 1958: 655).

[107] *...второклассников безнаказанно уродовать!* — Показательны воспоминания Е.Б. Букреева; ср.:

> *Кишата* — так называли гимназистов младших классов. Мы однажды избили двух восьмиклассников-братьев. Нас было человек восемьдесят... Всё равно, когда один из братьев двинул как следует, — мы с него так и посыпались. На драку эту нас Михаил подбил. <...> Булгаков был непременный участник драк.

Цит. по: Чудакова 1988: 21

Однако в этой сцене «Белой гвардии» «расстановка сил» противоположная: старшие Турбин и Мышлаевский, судя по всему, затеяли драку с младшеклассниками.

[108] *...колесо... ехало из деревни «Б», делая «N» оборотов...* — Имеется в виду задача, в зависимости от условия которой требуется определить диаметр колеса, скорость движения и т. п.

[109] *...поднял крышку...* — Парты в виде стола с откидывающейся на петлях крышкой, объединенного со скамьей, производились в Российской империи, а затем в СССР до 1950-х годов.

[110] *Калильный фонарь* — осветительный прибор, в котором источником света служит сетка особого химического состава, нагреваемая горелкой. Это противоречит имеющемуся выше упоминанию о дуговых фонарях (см. примеч. 96 к гл. 6).

[111] *Придел* — выделенная либо пристроенная часть храма. В «Белой гвардии» это слово используется применительно к любому зданию.

[112] «*Отечественные записки*» — литературный журнал, выходивший в Петербурге с перерывами в 1818–1884 гг.

[113] «*Библиотека для чтения*» — журнал универсального содержания, выходивший в Петербурге в 1834–1865 гг.

7

[1] *...стоит на страшном тяжелом постаменте уже сто лет чугунный черный Владимир...* — В действительности памятник Владимиру Великому был открыт в 1853 г., за 65 лет до описываемых событий.

[2] *Хруст... Хруст... посредине улицы ~ шутить нельзя пока что...* — Показательна дневниковая запись полковника Д.И. Звегинцова (1880–1967) от 29 августа 1918 г.; ср.:

> Город переполнен. Жизнь кипит, но кипит под немецкой охраной солидных часовых в их неуклюжих шлемах, при которых лишь для видимости стоят украинские конвойные. Эта часть украинской оперетки — гетман, его конвой, правительство и министерства — всё это играет в «больших» под благосклонным взором няньки — Германии, которая немедленно младенца сократит, лишь только он проявит излишнюю самостоятельность. Город или верхняя его часть — Липки — вся охвачена проволочными загородками, это после убийства Эйхгорна. Без пропуска никуда нельзя пройти, причем пропуска есть трех категорий: для германской территории не годится украинский — гетманский дворцового коменданта, но не наоборот. И русские свиньи прекрасно слушаются немецких солдат, исполняющих обязанности шуцманов... (полицейских. — *Е.Я.*)
>
> Цит. по: Пученков 2013: 89–90

В романе имеется в виду патруль, обеспечивающий выполнение комендантского часа (запрет находиться на улицах в определенное время суток (как правило, ночью) без соответствующего разрешения).

[3] *Облегченная рысь* — способ верховой езды, когда всадник в такт движению лошади ритмично привстает и опускается на стременах, облегчая толчки и уменьшая тряску.

[4] *Зулусы* — южноафриканская народность. Иначе — зулу.

[5] *У зулусов жить — по-зулусьи выть.* — Вариация пословицы «С волками жить — по-волчьи выть».

[6] *...ходит, ходит, на Александра Благословенного поглядывает, на ящик с выключателями посматривает.* — Стилизация под фольклорный текст; ср., напр., в песне «Сеяли девушки ярый хмель...»:

Тёща по горенке похаживает,
Косо на зятюшку поглядывает,
Потихонечку зятюшку побранивает.

Песни 1929: 339

[7] *...мизерабль, как у Гюго.* — Имеется в виду название романа французского писателя Виктора Гюго «Отверженные» («Les misèrables»).

[8] *Панорама.* — Имеется в виду панорама австрийских художников Иосифа Кригера (1848—1914) и Карла Губерта Фроша (1846—1931) на евангельский сюжет «Голгофа», экспонировавшаяся с 1902 г. в специальном павильоне на Владимирской горке в Киеве (см.: Кончаковский, Малаков 1993: 73).

[9] *Водонапорная башня.* — Система водоснабжения в Киеве включала три водонапорные башни — одна из них находилась на Владимирской горке и была разрушена во время Великой Отечественной войны (1941—1945).

[10] *...в Михайловском переулке, в монастырском доме штаб князя Белорукова.* — Возможно, имеется в виду Михайловская улица, вблизи которой находится Михайловский Златоверхий монастырь. Штаб главнокомандующего вооруженными силами А.Н. Долгорукова размещался по адресу: Банковая улица, дом 11 (см.: Тинченко 1997: 201), то есть довольно далеко от монастыря.

[11] *Александровская улица.* — См. примеч. 70 к гл. 2.

[12] *Кирпатый* — курносый (см.: Даль 1903—1909/2: 273). Прозвище мотивировано внешним видом персонажа (провалившийся нос; см. с. 196 наст. изд.). Курносая — также распространенный эвфемизм смерти.

[13] *Немоляка* — наименование члена одной из хлыстовских сект. С точки зрения ее приверженцев, Христос и антихрист — духовная и телесная стороны личности, которые сосуществуют, пока сатана не будет покорён. «Христос означает Дух и Слово, живущие в человеке. Сатана — его плоть, пока она не покорена Христом» (Эткинд 1998: 463). См. также примеч. 19 к гл. 15.

[14] *...волчий острый голос.* — См. примеч. 10 к гл. 3.

[15] *И во дворце...* — См. примеч. 70 к гл. 2.

[16] *Худой, седоватый, с подстриженными усиками на лисьем бритом пергаментном лице человек...* — Имеется в виду гетман Скоропадский. См. ил. 39.

[17] *Черкеска* — русское название особого кафтана (распашного, однобортного, без ворота); распространенная мужская одежда у многих народов Кавказа.

[18] *Газыри* — ряд цилиндрических пенальчиков для пороха, помещенных в специальные нагрудные кармашки черкески. В XX в. использовались как украшения.

[19] *Они помогли лисьему человеку переодеться.* — Бегство гетмана под видом раненого германского майора подтверждается рядом источников (см.: Лурье 1990: 526). При этом сам П.П. Скоропадский утверждал, что еще днем 14 декабря 1918 г. находился в Киеве (см.: Тинченко 1997: 43). Перед бегством он подписал «Отречение»:

> Я, гетман всея Украины, в течение 7,5 месяцев все силы свои клал на то, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Бог не дал мне силы справиться с этой задачей. Ныне, ввиду создавшихся условий, руководствуясь исключительно благом Украины, я от власти отказываюсь.
>
> Киевская мысль. 1918. 15 декабря

[20] *Фон Шратт.* — Ср. der Schratt (*нем.*) — «леший, гном».

[21] *...закутанного в марлю... майора фон Шратта вынесли на носилках и, откинув стенку... машины, заложили в нее.* — В воспоминаниях Н.М. Могилянский свидетельствует: «Отрекшийся от власти гетман П.П. Скоропадский, брошенный всеми, увезен был в Берлин под видом раненого немецкого офицера, благодаря заботам о нем одного германского врача» (Могилянский 1923: 104).

Сходный мотив присутствует в романе А.С. Грина (1880—1932) «Блистающий мир» (1923; ср.: «<...> четыре санитара вынесли на носилках неподвижное тело, окутанное холстом. Лицо также оставалось закрытым. <...> больного уложили в карету <...>» (Грин 1991—1997/4: 100).

[22] *...человек в форме артиллерийского полковника.* — Возможно, в образе этого эпизодического персонажа, сыгравшего спасительную роль в судьбе дивизиона, выведен реальный полковник А.П. Турбин (см. примеч. 10 к гл. 1).

[23] *Обеленная* — побеленная, с простыми стенами.

[24] *Это штаб мортирного дивизиона?* — В Кр3 после этих слов внизу на полях вписано продолжение разговора:

> Трубка ответила шепеляво...
> — Попросить командира, — сухо приказал трубке полковник. — Разбудить...
> Трубка помолчала, и во время паузы полковник каким<-то> больным взглядом косился в черное окно, в котором ма —

далее поле сбоку и внизу обрезано, часть текста утрачена. Сверху на полях вписано: «Полковник Малышев! Здравствуй. Слушай, Павел, внимательно...»

[25] *В четыре часа ночи...* — Важнейшая для судьбы дивизиона, Города и всей Украины информация была получена в маркированное Булгаковым время — 4 часа утра (см. примеч. 1 к гл. 2), вскоре после исчезновения гетмана.

[26] *Господин полковник проснулся с замечательной быстротой и сразу и остро стал соображать, словно вовсе никогда и не спал.* — В Кр3 после этой фразы вписано на полях: «Господин полковник овладел трубкой телефона и выслушал всё, что она ему сообщила. Что она ему сообщила, юнкера не узнали, но видели, что лицо у господина полковника стало таким, точно он восстал из гроба». Далее поле снизу обрезано, часть текста утрачена. Помимо этого, вписано: «Мотоциклетка увлекла полковника в начале пятого утра куда-то, а когда к пяти он вернулся к мадам Анжу, ничего на малышевском лице прочитать было нельзя».

[27] *Обшлаг* — отворот на рукаве мужской одежды.

[28] *...в государственном положении на Украине произошли резкие и внезапные изменения.* — Имеется в виду бегство гетмана Скоропадского. Подробнее см. примеч. 19 к гл. 7.

[29] *...быть отправленным на Дон.* — При гетмане в Киеве открыто действовало бюро записи в Добровольческую армию, которое возглавляли сначала генерал А.М. Драгомиров (1868–1955), затем генерал П.Н. Ломновский (1871–1956; см.: Пученков 2013: 78).

[30] *...через час после гетмана бежал... генерал от кавалерии Белоруков.* — Указание на время, когда Белоруков бежал (5 часов утра), свидетельствует о том, что в эпизоде в гл. 7, где немецкий патруль останавливает машину Белорукова (см. с. 97 наст. изд.), командующий как раз направляется на вокзал: за этим наблюдают с Владимирской горки бандиты, один из которых фиксирует время — около 5 часов утра (см. с. 98 наст. изд.).

Реальный А.Н. Долгоруков покинул Киев еще до вступления петлюровцев — это вызвало удивление у многих знавших его. Так, вдовствующая императрица Мария Федоровна 22 марта 1919 г. записала в дневнике:

> <...> Долгоруков, по-видимому, совсем потерял голову и внезапно ушел со своего поста, оставив на произвол судьбы всех офицеров, которых, разумеется, тут же арестовали и бросили в тюрьму. Совершенно непонятно, что с ним произошло, ведь это очень храбрый и энергичный человек.
>
> Мария Федоровна 2005: 313

[31] *...у Петлюры на подступах к городу свыше чем стотысячная армия...* — По современным оценкам, осадный корпус насчитывал около 30 тысяч штыков и сабель при 48 пушках и 170 пулеметах, в то время как у защитников Киева было не более трех тысяч штыков и сабель при 43 пушках и 103 пулеметах (см.: Савченко 2006: 142–143).

[32] *Петлюре достанется... главное, — Мышлаевский указал рукою в дверь, где... виднелась голова Александра.* — Имеется в виду портрет императора Александра I. К портрету царя, в честь которого названа гимназия, где учился Мышлаевский, он относится как к священной реликвии.

[33] *...тупорылые мортиры стояли у Александровского плаца без замков...* — Имеется в виду специальный механизм, запирающий канал ствола для производства выстрела. Отсутствие замка лишает противника возможности использовать брошенное орудие.

[34] *...придется закапывать...* — Имеется в виду сокрытие оружия и прочих атрибутов, свидетельствующих об участии в борьбе против петлюровцев.

[35] *...вставал и расходился туман.* — Фрагмент соотносится с заметкой в вечернем выпуске киевской газеты «Последние новости» от 19 ноября 1918 г.:

> Снова туман, тяжелый осенний туман навис над нами и давит своей тяжестью. Откуда он пришел, какими ветрами занесло его к нам, говорить не будем, ибо никому это в точности не известно. Но туман есть, и жить в нем мы должны.
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 86

В драме Д.С. Мережковского «Павел I», которая упоминается в «Белой гвардии» (см. примеч. 104 к гл. 3), туман (в том числе от сырости в недавно построенном дворце) служит метафорой иллюзорности петербургского бытия:

Елизавета. <...> люди — как привидения...
Голицын. И на дворе туман — зги не видать. <...>
Головкин. А туман-то, туман, господа, посмотрите. Что это будет?
Голицын. Того гляди, подымемся вместе с туманом и разлетимся...
Елизавета. Привидения! Привидения!

Мережковский 1914: 34, 49–50

Мотив восходит к роману Ф.М. Достоевского «Подросток» (1875); ср.:

> Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» Одним словом, не могу выразить моих впечатлений, потому что всё это фантазия, наконец, поэзия, а стало быть, вздор; тем не менее мне часто задавался и задается один уж совершенно бессмысленный вопрос: «Вот они все кидаются и мечутся, а почем знать, может быть, всё это чей-нибудь сон, и ни одного-то человека здесь нет настоящего, истинного, ни одного поступка действительного? Кто-нибудь вдруг проснется, кому это всё грезится, — и всё вдруг исчезнет».

Достоевский 1972–1990/13: 113

Часть вторая

8

[1] *Сусальные* — позолоченные или посеребренные фольгой.

[2] *Полковник Козырь-Лешко.* — Прототипом персонажа явился атаман Алексей Козырь-Зирка — в 1918 г. командир 1-го конно-партизанского полка сечевых стрельцов (см.: Тинченко 1997: 192–194). Заменив вторую часть фамилии, Булгаков, возможно, стремился намекнуть на писателя Николая

Николаевича Ляшко (1884—1953) — о нем упоминается в дневниковой записи Булгакова от 26/27 декабря 1924 г.: «Ляшко, пролетарский писатель, чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт) <...> От хамов нет спасения» (Булгаков 2007—2011/2: 451).

[3] *Парный* — здесь: туманный.

[4] *Пробуждение Козыря совпало со словом: || — Диспозиция.* — Возможная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср. эпизод, где генерал Вейротер читает диспозицию, а Кутузов в это время засыпает (см.: Толстой 1928—1958/9: 319—322).

[5] *Ординарец* — боец, назначенный к командиру для выполнения его поручений, передачи приказаний.

[6] *Из сумки со слюдой и сеткой...* — Имеется в виду офицерский планшет.

[7] *Борхуны* — по-видимому, вымышленный топоним.

[8] *Белый Гай* — возможная аллюзия на название села Белогородка примерно в 25 км к западу от Киева.

[9] *Пятивершковый жеребец* — конь, имеющий в холке около 164 см. См. примеч. 40 к гл. 4.

[10] *Дровни* — сани без кузова.

[11] *Прапор* — здесь: знамя.

[12] *Плат* — здесь: поле, полоса знамени.

[13] *Царскую водку любил. Не было ее четыре года...* — Имеется в виду водка, официально выпускавшаяся при царе, в довоенное время (в годы Первой мировой и Гражданской войн действовал сухой закон).

[14] *Манерка* — походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой.

[15] *Фальцет* — верхний регистр мужского певческого голоса, когда он по высоте походит на женский.

[16] *Гай, за заем, гаем ~ На скрипачке граты.* — Украинская народная песня:

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким,
Там орала дивчынонька
Волыком чорненьким,

Орала, орала,
Не вмила гукаты,
Та наняла козаченька
У скрыпочку граты...

Песни 1903: 9

Не вмила гукати (*укр.*, *искаж.*) — не умела кричать (звать, погонять вола).

Граты (*укр.*, *искаж.*) — играть.

[17] *Позумент* — галун (см. примеч. 26 к гл. 6).

[18] *...завился винтом соловей по снежным украинским полям...* — См. примеч. 32 к гл. 5.

[19] *Были эти люди одеты... в синие одинакие жупаны... — галичане.* — Имеется в виду 1-я Украинская дивизия, в состав которой, однако, галичане (жители Галиции) не входили (см.: Тинченко 1997: 54). Жупан — суконный полукафтан. 1-ю и 2-ю Украинские дивизии, созданные немецким командованием из пленных украинцев, неофициально называли Синежупанными полками из-за синей казацкой одежды, изготовленной в Германии: синие жупаны, шаровары, кушаки, смушковые (из шкуры новорожденного ягненка) шапки с синими шлыками (у полковников и атаманов — с красными). При этом униформы хватило не на всех бойцов (см.: Тинченко 2009: 213).

[20] *...одетые в длинные до пят больничные халаты...* — Бойцы 2-го куреня (батальона) Синежупанного полка действительно носили темно-синие суконные больничные халаты, имитировавшие жупаны (см: Тинченко 1997: 54).

[21] *Городской лес.* — Имеется в виду Пуща-Водицкий лес (ныне парк).

[22] *Пуща-Водица* — историческая местность на северо-западе Киева, ныне часть Оболонского района.

[23] *Урочище* — часть местности, отличная от остальных ее участков: напр., лесной массив среди поля и т. п. Здесь имеется в виду урочище Западынцы — песчаные горы, образующие котловину («западину»); ныне территория Подольского района.

[24] *Подгородняя* — измененное название Вышгородской улицы в Киеве.

[25] *Савской.* — Имеется в виду Совский переулок на Приорке (историческая местность в Оболонском районе Киева); ныне не существует. В романе «Белая гвардия» топоним образован, возможно, по ассоциации с царицей Савской (X в. до н. э.), правительницей аравийского царства Шеба (Сава); ее визит к царю Соломону описан в Библии (3 Цар. 10: 1–13).

[26] *Куренёвка* — историческая местность в Киеве; ныне часть территории Подольского, Оболонского и Шевченковского районов.

[27] *...скрещенья железнодорожной линии с огромным шоссе, стрелой вонзающимся в Город.* — Имеется в виду Брест-Литовское шоссе вблизи железнодорожной станции Святошино.

[28] *Брест-Литовское шоссе.* — См. примеч. 27 к гл. 8.

[29] *Деми́евка* — историческая местность на территории Голосеевского района Киева.

[30] *Он был еще теплый со сна...* — Возможная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «<...> Наполеон с Поклонной горы видел трепетание жизни в городе и чувствовал как бы дыхание этого большого и красивого тела» (Толстой 1928–1958/11: 326).

[31] *Цейсовские стекла.* — Имеется в виду бинокль немецкой фирмы «Карл Цейс».

[32] *Собор старой Софии* — Софийский собор, храм XI в. на Софиевской площади в Киеве (см. ил. на вкладке).

[33] *...в гостинице «Роза Стамбула», у самого телеграфа.* — Имеется в виду гостиница «Рим» на Владимирской улице, дом 25 (см.: Весь Киев 1915: 829). Киевская центральная телеграфная контора располагалась в доме 23 по той же улице (см.: Весь Киев 1915: 358).

[34] *Шляпа пирожком* — шляпа с неширокими полями и продолговатой впадиной сверху.

[35] *Статский* — в штатском.

[36] *...хорошо обставленную квартиру с мебелью...* — Плеоназм. Вероятно, какое-либо слово пропущено или употреблено по ошибке.

[37] *Альков* — ниша, углубление в стене для кровати.

[38] *Лиса Патрикеевна* — один из главных персонажей русских народных сказок, символ хитрости: это качество Булгаков акцентирует и в гетмане.

[39] *...для защиты матери...* — Усечение оборота «мать городов русских». Сходный прием — в повести Булгакова «Роковые яйца», в эпизоде ухода красноармейцев на битву с «драконами»; ср.:

> — Выручайте, братцы, — завывали с тротуаров, — бейте гадов... Спасайте Москву!
>
> — Мать... мать... мать... — перекатывалось по рядам.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 138–139

Ср. при этом в очерке Булгакова «Сорок сороков» (1923): «<...> что бы вы ни говорили, Москва — мать <...>» (Булгаков 2007–2011/3: 158).

[40] *...смеются над ним блудливые петербургские журналисты...* — Ср. свидетельство Р.Б. Гуля:

> Получили номер «Свободных мыслей» — первый по занятии Киева Петлюрой. В нем яркая статья Финка «О Сидоровой козе» с призывом к русской, вечно избиваемой интеллигенции «поднять выше голову» и бороться за себя, за свое существование. На другой день узнали, что газета закрыта, а Финк арестован.
>
> См. с. 364 наст. изд.

[41] *Кадеты* — здесь: воспитанники кадетского корпуса, военного учебного заведения.

[42] *Караваевские дачи.* — Имеются в виду Караваевы дачи — историческая местность в Киеве и современное название станции Юго-Западной железной дороги.

[43] *Гайдамак* — легковооруженный воин. В XVIII в. гайдамаками называли участников антипольского восстания в Правобережной Украине.

[44] *Тумбы-немцы.* — Имеются в виду часовые, одетые в тулупы.

[45] *Фастов* — город примерно в 65 км юго-западнее Киева.

[46] *...за кладбищем на самом юге, где рукой уже было подать до... Днепра.* — Имеется в виду Зверинецкое кладбище (ныне — между Наводницким оврагом и бульваром Дружбы народов); расстояние от него до Днепра — около километра.

[47] *Нижняя Теличка* — историческая местность близ Днепра (территория современного Голосеевского района).

[48] *Город-II, Товарный.* — Имеется в виду Киев-Товарный, грузовая станция Юго-Западной железной дороги.

[49] *Маневровый паровоз* — паровоз, который осуществляет передвижение вагонов по станционным путям, формирование поездов и т. п.

[50] *Святотроицкая улица* — современная Бастионная улица.

[51] *...у Николаевского облупленного колонного училища.* — Имеется в виду Первое Киевское Константиновское училище, располагавшееся по адресу: Московская улица, дом 37 (см.: Весь Киев 1915: 511). Второе Киевское Николаевское училище находилось на Никольской улице (ныне — улица Ивана Мазепы). Эпитет «колонное» подразумевает особенность архитектуры. Подробнее см. примеч. 91 к гл. 2.

[52] *Здесь Болботуна встретил пулемет – начали перестрелку с юнкерами.* — Описано реальное событие. Киевская газета «Утро» 15 декабря 1918 г. сообщала:

> Первые отряды войск Директории вошли в город со стороны Святошинского шоссе. Впереди на автомобиле, разукрашенном национальными флагами, ехало 3 человека. К ним навстречу выехал автомобиль с белым флагом от городской Думы. Войска Директории шли, выстроившись по 8 в ряд. <...> Вдруг со стороны Думской пл<ощади> послышался пулеметный огонь. В ответ последовали выстрелы со стороны проходивших войск. Стрельба продолжалась минут 10.

Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 128

Огонь пачками — стрельба залпами с короткими интервалами.

[53] *Миллионная улица* — современная улица Панаса Мирного.

[54] *Елисаветинская* — современная улица Филиппа Орлика.

[55] *Виноградная* — современная улица Академика Богомольца.

[56] *Левашовская улица* — современная Шелковичная улица.

[57] *Великий князь Михаил Александрович* — младший брат императора Николая II Михаил Александрович Романов (1878–1918), отрекшийся в 1917 г. от престола вслед за Николаем.

[58] *Великий князь Николай Николаевич* — внук Николая I, двоюродный дядя Николая II Николай Николаевич Романов (1856–1929). После гибели бывшего императора Николай Николаевич («Николай III») был одним из главных претендентов на престол.

[59] *Подрядчик* — здесь: лицо, осуществляющее военные поставки по договору.

[60] *Яков Григорьевич Фельдман.* — Имя и фамилия персонажа напоминают о популярном в начале XX в. композиторе и куплетисте Якове Лазаревиче Фельдмане (1884–1950), авторе многих романсов, в том числе «Ямщик, не гони лошадей!» (слова Н.А. фон Риттера; 1914). Вместе с тем прототипом персонажа мог послужить житель Киева О.М. Фельдман. Сообщение о его гибели в день взятия города петлюровцами было помещено в киевской газете «Последние новости» 18 декабря 1918 г. (см.: Лурье, Рогинский 1989: 588).

[61] *...у военного училища...* — Имеется в виду Константиновское училище (см. примеч. 50 к гл. 8).

[62] *Повивальная бабка Е.Т. Шадурская.* — Фамилия, вероятно, позаимствована из ромaна Вс. В. Крестовского «Петербургские трущобы». Среди его персонажей — княгиня Шадурская и ее повивальная бабка (см.: Бобров 2001: 36). Вместе с тем Шадурская — девичья фамилия актрисы В.Л. Юреневой (см. примеч. 36 к гл. 3).

[63] *Киевский спуск* — измененное название улицы Кловский спуск.

[64] *Жинка родит.* — Возможная реминисценция из романа французского писателя Виктора Гюго «Отверженные», где беспризорник Гаврош издевательски отвечает сержанту: «Ваше превосходительство, я еду за доктором для моей супруги: она собирается производить на свет такого же молодца, как вы...» (Гюго 2001–2003/4: 648–649; см. также: Рогозовская 2008: 219).

[65] *Предъявителю сего господину Фельдману ~ после 12 час. ночи.* — Удостоверение, позволяющее передвигаться по городу во время комендантского часа (см. примеч. 2 к гл. 7).

[66] *Шма-исроэль!!* — первые слова ежедневной иудейской молитвы (ср.: Втор. 6: 4); от *ивр.* «שמע ישראל» — слушай, Израиль.

9

[1] *Резниковская улица* — измененное название Резницкой улицы в Киеве.

[2] *В нем был один броневик...* — В столкновении 14 декабря между петлюровцами и защитниками Киева бронемашина поддерживала противоположную сторону. Газета «Мир» 15 декабря 1918 г. информировала:

> Вчера ночью группа просочившихся в Киев сечевиков ворвалась в помещение гетманского броневого отряда на Печерске, обезоружила солдат и захватила два броневых автомобиля. Один из автомобилей удалось задержать, второй же занял Лавру и принял боевое положение. Под защитой броневика повстанцы постепенно стали распространяться по Печерску.
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 127

[3] *Московская улица* — улица в Печерском районе Киева.

[4] ...(*три дюйма*). — Имеется в виду калибр пушки: около 76 мм. Судя по этой детали, речь идет о тяжелом пушечно-пулеметном бронеавтомобиле «Гарфорд-Путилов», выпускавшемся на Путиловском заводе в Петрограде на основе грузовика американской фирмы «Garford Motor Truck Co.». Основное вооружение броневика составляла 76-миллиметровая противоштурмовая пушка образца 1910 г.

[5] *Суворовская улица.* — Имеется в виду улица Суворова, примыкающая к Московской улице.

[6] *...в броневой дивизион гетмана ~ Михаил Семенович Шполянский.* — Прототипом этого персонажа «Белой гвардии» явился В.Б. Шкловский. В автобиографии «О семье, городе, о себе и о друзьях» (1971) Шкловский, рассказывая о своей жизни в 1918 г., сообщает: «В Киеве поступил шофером в броневой дивизион гетмана Скоропадского. Там я засахарил его машины. <...> Об этом написал Булгаков, одним из дальних персонажей романа которого я оказался» (СПА 1972: 692).

Осенью 1918 г. по заданию партии эсеров Шкловский находился в Киеве и вел подрывную работу в гетманских войсках (подробнее см. с. 334 наст. изд.). В книге «Сентиментальное путешествие» (1923) Шкловский рассказывает историю получения им летом 1917 г. Георгиевского креста (военная награда для нижних чинов за боевые заслуги и за храбрость; не то же самое, что орден Святого Георгия — высшая военная награда Российской империи), подчеркивая, что Георгиевский крест привез на фронт гене-

рал Л.Г. Корнилов (1870–1918) (см.: Шкловский 2002: 71); о Керенском же Шкловский отзывается иронически (см.: Шкловский 2002: 85).

Пародийный образ Шполянского вызвал реакцию со стороны прототипа. Примерно через год после того, как увидели свет главы «Белой гвардии», в которых фигурирует Шполянский, 30 мая 1926 г. в «Нашей газете» появилась рецензия Шкловского «Закрытие сезона» с пренебрежительным отзывом о Булгакове:

> Я не хочу доказывать, что Михаил Булгаков плагиатор. Нет, он — способный малый, похищающий «Пищу богов» («The Food of the Goods and How It Came to Earth», роман (1904) английского писателя и публициста Герберта Уэллса. — *Е.Я.*) для малых дел.
>
> Успех Михаила Булгакова — успех вовремя приведенной цитаты
>
> Шкловский 1990: 301

Позже в предисловии к книге «Гамбургский счет» (1928) Шкловский сравнит Булгакова с коверным клоуном на состязании борцов-тяжеловесов (см.: Шкловский 1990: 331). Л.Е. Белозерская вспоминала, что эта острота больно задела Булгакова:

> Я никогда не забуду, как дрогнуло и побледнело лицо М<ихаила> А<фанасьевича>. Выпад Шкловского тем более непонятен, что за несколько дней перед этим он обратился к Булгакову за врачебной консультацией.
>
> Белозерская 1989: 119

В 1967 г. Шкловский в письме к Е.С. Булгаковой (по-видимому, путая ее с Л.Е. Белозерской) фактически извинился за свои слова 40-летней давности:

> Я узнал случайно, что Вас когда-то огорчило (<в> 1924 году) мое выражение «Булгаков у ковра».
>
> Дело давнее — книга называлась «Гамбургский счет». Написал я эти слова не подумав. Выражение это никогда не перепечатывалось. Появилось оно так: всё начало книги — метафора цирка.
>
> Хлебников — чемпион, но перед этим говорилось о французской борьбе. У ковра человек, который ведет действие. У меня есть оправдание. Правда, он клоун — но и Чаплин клоун, и герои огромной книги, в которой есть и Христос, и Иуда, и Пилат, целая группа героев и дьяволы, и цирковая труппа.

Булгаков Михаил — великий писатель, и я это знаю. Справедливость приносит венки всегда с запозданием. Я читаю Булгакова с болью и радостью.

Никогда не бывает поругано вдохновение. <...> Я рад тому, что камень, отвергнутый строителями, стал замком свода и несет груз времени.

Слава Булгакова выше наших старых неловких слов.

Я его очень любил издали.

НИОР РГБ. Ф. 562. К. 38. Ед. хр. 42. Л. 1–1об.

Фамилия персонажа, возможно, заимствована у поэта-сатирика и журналиста Аминодава Пейсаховича Шполянского, писавшего под псевдонимом Дон-Аминадо. В мемуарах «Поезд на третьем пути» (1954) Дон-Аминадо вспоминал Киев 1918 г.:

Со времен половцев и печенегов не запомнит древний город такого набега, нашествия, многолюдства.

На улицах толпы народу. В кофейнях, на террасах не протолпиться.

Изголодавшиеся москвичи и отощавшие петербуржцы набросились на белый хлеб и пожирают его стоя и сидя.

Все друг с другом раскланиваются и, попивая кофеек, рассказывают, как они вырвались, как бежали и что у них отняли и забрали.

Настроение идиотски-праздничное.

На клумбах в Купеческом саду расцветают августовские розы.

Золотая, южная осень ласкает, нежит, зачаровывает.

На площади перед городской Думой — медь, трубы, литавры, — немецкий духовой оркестр играет военные марши и элегии Мендельсона.

Катит по Крещатику черный лакированный экипаж, запряженный парой белых коней, окруженный кольцом скороспелых гайдуков и отрядом сорокалетнего ландштурма.

В экипаже ясновельможный пан гетман в полковничьем мундире, в белой бараньей шапке с переливающимся на солнце эгретом.

Постановка во вкусе берлинской оперы. Акт первый.

Второго не будет.

В подвале «Метрополя» «Подвал Кривого Джимми», кабаре Агнивцева с осколками «Кривого зеркала».

> В городском театре тот же Балиев, и вся «Летучая Мышь» в полном сборе.
>
> Газет тьма-тьмущая.
>
> Дон-Аминадо 1991: 218–219

После захвата Киева петлюровцами реальный А.П. Шполянский покинул город, а затем и Россию. По случайному совпадению в январе 1920 г. Шполянский отправился из Одессы в эмиграцию на одном пароходе с Л.Е. Белозерской, будущей второй женой Булгакова. Она вспоминала: «Небольшой, упитанный, средних лет человек, с округлыми движениями и миловидным лицом, напоминающим мордочку фокстерьера <...> вел себя так, будто валюта у него водилась в изобилии и превратности судьбы его не касались и не страшили» (Белозерская 1989: 5). Со своей стороны, А.П. Шполянский описывал это путешествие так:

> Суетился, как всегда, один Василевский <...> Положение было действительно сложное, ибо вез он с собой двух жен, одну бывшую, с которой только что развелся, и другую, настоящую, на которой только что женился (имеется в виду Л.Е. Белозерская. – *Е.Я.*).
>
> Вышел он, однако, из этой путаницы блестяще: одну устроил на корме, другую на носу.
>
> Дон-Аминадо 1991: 229

Помимо этого, в справочнике «Весь Киев» по адресу Кузнечная улица, дом 3 указан присяжный поверенный Гер<асим> Мош<евич> Шполянский (см.: Весь Киев 1915: 726). Гласный (депутат) Киевской городской думы Г.М. Шполянский (1889 – после 1945) до сентября 1918 г. был в ней председателем фракции от партии российских социалистов-революционеров (см.: Киевская дума 1918: 23; см. также: Шполянский 1917) – не исключено, что В.Б. Шкловский, находившийся в Киеве по заданию эсеровской партии, имел с ним контакты. Г.М. Шполянский в числе нескольких других гласных городской Думы был арестован 29 августа 1918 г. (причиной явилась, по-видимому, политическая деятельность), но вскоре все были освобождены по распоряжению министра внутренних дел (см.: Аресты гласных 1918: 42). Кроме того, адвокат, член областного комитета ПСР Г.М. Шполянский указан в составе кандидатов от Киевской губернии на выборах в Учредительное собрание (см.: ПСР 2000: 250).

[7] *Михаил Семенович был черный и бритый, с бархатными баками, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина.* – Писатель В.А. Каверин (1902–1989)

вспоминал: «Шполянский – Шкловский. В наружности кое-что замаскировано. Однако “онегинские баки” не придуманы: по словам Шкловского, в 1918 году он носил баки» (Каверин 1997: 32). В романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» о бакенбардах Онегина не говорится – деталь отсылает скорее к портрету самого Пушкина; она обыгрывается в повести Булгакова «Записки на манжетах» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 425–426), так что Шполянский больше походит на сценического персонажа оперы (1878) П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Травестийный демонизм героя Пушкина сочетается в образе Шполянского с чертами Мефистофеля (персонаж трагедии немецкого поэта Иоганна Вольфганга фон Гёте «Фауст»), одного из воплощений сатаны (см.: Каганская 1991: 97). В творчестве Булгакова Шполянский, таким образом, предшествует потустороннему персонажу романа «Мастер и Маргарита», где Воланд – тоже «оперный» персонаж, не случайно с ним связаны намеки на оперные партии, исполнявшиеся Ф.И. Шаляпиным (см.: Гаспаров 1994: 64), в том числе на одну из известнейших – партию Мефистофеля.

[8] *Всему Городу Михаил Семенович стал известен немедленно по приезде своем из города Санкт-Петербурга.* – Свод противоречивых сведений о Шполянском (подробнее см. примеч. 10–14 к гл. 9) – реминисценция из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Шполянский соотносится с персонажем поэмы Чичиковым; ср.:

> <...> настоящий Чичиков <...> именно нечто непонятное, как бы сплетенное из различных фантастических предположений, сплетен, слухов, легенд. <...> повествователь говорит не об отсутствии некоторого факта, но тщательно и детально описывает это отсутствие как нечто положительно явленное и присутствующее <...> На пустом месте <...> может появиться и херсонский помещик, и фальшивомонетчик, и даже Наполеон. Чичиков, каким мы его знаем по фабуле поэмы, – только одна из его видимостей.
>
> Федоров 1984: 92–93

Такое же имя и отчество – Михаил Семенович – носит персонаж той же поэмы Н.В. Гоголя Собакевич (см.: Гоголь 1937–1952/6: 95).

[9] *...превосходный чтец в клубе «Прах» своих собственных стихов «Капли Сатурна»...* – Название стихов вводит тему «сатурналий» (в Древнем Риме – праздник в честь Сатурна, отмечавшийся 17 декабря), что придает Шполянскому черты пародийного искусителя, который явился в мир накануне

конца света и связан с карнавальным развратом, оргиастическими ритуалами, символизирующими аморфное состояние бытия, хаос «пересотворения» мира: во время Сатурналий «<...> воцарялось безудержное веселье карнавального типа <...> эти праздники рассматривались как воспоминание о веке изобилия, всеобщей свободы и равенства» (МНМ 1991–1992/2: 417).

Образ «демонического» персонажа, выступающего перед завсегдатаями «Праха», получит развитие в романе «Мастер и Маргарита», где на балу у Воланда гости представляют собой «настоящий прах» (см.: Петровский 2001: 90).

[10] *Поэтический орден «Магнитный Триолет».* — Возможная аллюзия на современную Булгакову реалию. В начале 1920-х годов в Москве существовало поэтическое объединение «Орден триолета», которое на вечере современной поэзии в Политехническом музее 8 декабря 1922 г. представлял поэт И.С. Рукавишников (1877–1930; в 1917 г. вышла книга его стихов «Триолеты любви и вечности», в 1922 г. — «Триолеты: вторая книга»). Триолет — стихотворная форма: восьмистишие с двумя рифмами, в котором дословно совпадают стихи 1, 4, 7 и 2, 8.

Название «Магнитный Триолет» указывает на знакомство Булгакова со статьей В.Б. Шкловского «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (1917; см.: Левченко 2001: 190–191). В статье, в частности, говорилось:

> Триолет представляет, по <моему> мнению, явление весьма близкое к тавтологическому параллелизму. В нем так же, как и в рондо, прием уже канонизирован, т<о> е<сть> положен в основу создания «плетенки» и распространен на всё произведение. Эффект триолета отчасти заключается в том, что одна и та же строка попадает в различные контексты, что и дает нужное дифференциальное впечатление.
>
> Шкловский 1983: 38–39

Вместе с тем слово «триолет» ассоциируется с Эльзой Триоле (Triolet; урожд. Элла Юрьевна Каган; 1896–1970; см.: Лесскис 1999: 103), французской писательницей, родной сестрой Л.Ю. Брик (1891–1978), возлюбленной Маяковского. Влюбленный в Триоле, В.Б. Шкловский посвятил ей книгу «ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923).

[11] *Железка* — название карточной игры (калька с «chemin de fer» (*фр.*) — «железная дорога, железка»).

[12] *Кафе «Бильбокэ»*. — Бильбоке — игра: прикрепленный бечевкой к палочке шарик подбрасывается и ловится на острие палочки или в чашечку; в XIX в. игра была широко распространена в Европе.

[13] *«Континенталь»* — гостиница, находившаяся в доме 5 по Николаевской улице; там же располагалось кафе «Хлам» (см. примеч. 17 к гл. 4).

[14] *...научный труд «Интуитивное у Гоголя»*. — Пародируется деталь биографии В.Б. Шкловского. Рисуя в книге «Сентиментальное путешествие» обстановку в Петрограде весной — летом 1918 г., Шкловский рассказывал, что его собственная жизнь там состояла из двух частей — службы в бронедивизионе и занятий филологией:

> <...> Пришли ко мне и сказали: «Мы готовимся сделать восстание, у нас есть силы, сделайте нам броневой дивизион». <...> Я подал Луначарскому (наркому просвещения. — *Е.Я.*) отставку <...> и начал формировать броневой дивизион. <...> К большевикам ушло довольно много народу. <...> А я сидел на Черной речке и писал работу на тему «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля».
>
> Шкловский 2002: 144, 152–153

В вышедшем в Киеве весной 1919 г. сборнике «Гермес» помещена статья Шкловского «Из филологических очевидностей современной науки о стихе» (1918), под которой стоит дата «Киев, 1918, XII»: «<...> это довершит представление о Шкловском как прототипе Шполянского, о человеке, который командовал броневыми машинами и писал филологическую статью в тот самый месяц, когда Булгаков с братьями и друзьями ходил защищать город» (Чудакова 1988: 342).

Заглавие «Интуитивное у Гоголя», возможно, пародирует и другие литературоведческие работы — напр., статью литературоведа (как и Шкловский — одного из представителей «формальной школы») Б.М. Эйхенбаума (1886–1959) «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918), книгу психоаналитика и литературоведа И.Д. Ермакова (1875–1942) «Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя» (1923) или исследование А.Л. Слонимского (1871–1964) «Техника комического у Гоголя» (1923).

[15] *Гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы...* — Шполянский, при всем его «демонизме», не играет определяющей роли в судьбе Города, а лишь незначительно ускоряет события. Сходная логика — в романе «Мастер и Маргарита», где во время бала Воланд сообщает барону Майгелю, что его немедленное убийство избавит барона от ожидания близкой и неминуемой смерти (см.: Булгаков 2007–2011/7: 334).

[16] *Шейер* — возможная аллюзия на Бориса Сергеевича Штейгера (1892–1937), который в 1918 г. жил в Киеве в отеле «Континенталь» (Николаевская улица, дом 5), где в романе «Белая гвардия» обитает Шполянский и где находился клуб «Хлам» (в романе — «Прах»; см.: Паршин 1991: 124). Отец Б.С. Штейгера, барон С.Э. фон Штейгер (1868–1937), был помещиком Киевской губернии, членом IV Государственной думы от Киевской губернии; в 1920 г. эмигрировал. Младший (сводный) брат Б.С. Штейгера Анатолий Штейгер (1907–1944) — один из известных поэтов русского зарубежья. О знакомстве Булгакова с Б.С. Штейгером в 1918 г. ничего не известно. Однако Б.С. Штейгер неоднократно упоминается в дневнике Е.С. Булгаковой 1935–1936 гг. (см.: Булгакова 1990: 97, 107, 111; см. также: Чудакова 1988: 565): в то время Б.С. Штейгер был уполномоченным коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним сношениям и «опекал» иностранцев, поставляя информацию о них в НКВД (см.: Паршин1991: 127). В романе «Мастер и Маргарита» Штейгер послужил одним из прототипов барона Майгеля — «наушника и шпиона» (Булгаков 2007–2011/7: 334), которого Азазелло убивает во время бала (см.: Паршин 1991: 117–118). Штейгер 16 декабря 1937 г. вместе с А.С. Енукидзе и еще несколькими обвиняемыми был приговорен к расстрелу за измену Родине и шпионаж (см.: Паршин 1991: 122).

[17] *Степанов.* — Такую же фамилию носит один из приятелей Турбиных — Карась (см. с. 36 наст. изд.), однако в данном случае имеется в виду явно не он.

[18] *Слоньх и Черемшин.* — Контаминация фамилий литературоведа (впоследствии писателя) Александра Леонидовича Слонимского и художника-графика Михаила Михаиловича Черемных (1890–1962), который был создателем «Окон РОСТА» (см.: Лесскис 1999: 104).

[19] *Все мерзавцы. И гетман, и Петлюра.* — Показательно описание посетителей кафе «Хлам» в воспоминаниях И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1960–1967); ср.: «Метеором промелькнул В.Б. Шкловский <...> лукаво улыбался и ласково ругал решительно всех» (Эренбург 1962–1967/8: 294).

[20] *...я давно не бросал бомб.* — В книге «Сентиментальное путешествие» присутствует рассказ В.Б. Шкловского о том, как в 1920 г. он, будучи на службе в Красной армии, формировал в г. Херсоне подрывной отряд; ср.: «<...> открыли мы робинзонское подрывное хозяйство. | Учили бросать бомбы. <...> Взрыв — это хорошо. <...> Жена моя спрашивала каждый день: | "Ты не взорвешься?"» (Шкловский 2002: 208, 211). В результате Шкловский по собственной неосторожности был тяжело ранен (см.: Шкловский 2002: 214–215). В письме к М. Горькому (псевд. А.М. Пешкова; 1968–1936) от 16 июля

1920 г. Шкловский сообщал: «Вчера в моих руках разорвалась ручная граната. У меня перебиты пальцы на правой ноге и 25—30 ран на теле (неглубоких)» (Шкловский 1993: 28).

[21] *...одетого в дорогую шубу с бобровым воротником...* — Реминисценция из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»; ср.: «Морозной пылью серебрится | Его бобровый воротник» (Пушкин 1994—1996/6: 11).

Возможно, что в образе Шполянского отразились также черты известного в Киеве в начале XX в. оперного артиста Оскара Исаевича Камионского (1869—1917); ср.: «Он великолепен! На нем (зимой) полураспахнутая меховая шуба, на голове с лихими кудрями — соболья боярская шапка. <...> Он пришел на Крещатик “не людей посмотреть, а себя показать”. <...> Оскар Камионский часто выступает в роли Евгения Онегина» (Полуянская 1995: 242).

[22] *...некий пьяненький в пальто с козьим мехом.* — Пародийно жертвенная роль, которую суждено сыграть персонажу, облаченному в козью шкуру (см. с. 122 наст. изд.), отсылает к образу ритуального древнееврейского «козла отпущения», которого приносили в жертву демону Азазелю в день искупления (МНМ 1991—1992/1: 50).

[23] *Русаков, сын библиотекаря.* — Фамилия персонажа вымышлена.

[24] *...твое жуткое сходство с Онегиным!.. Это неприлично — походить на Онегина.* — Портретное сходство с Онегиным весьма незначительно: «<...> кроме “дорогой шубы с бобровым воротником” других общих материальных деталей у этих героев нет» (Лесскис 1999: 102).

[25] *В тебе нет благородной червоточины, которая могла бы сделать тебя действительно выдающимся человеком наших дней...* — В образе Русакова пародируются идеи декадентства, которые были широко распространены на рубеже XIX—XX вв. Показателен фрагмент книги, написанной в соавторстве поэтом и философом Вяч. И. Ивановым (1866—1949) и литературоведом и философом М.О. Гершензоном (1869—1925) «Переписка из двух углов» (1921); ср.:

> Что такое «décadence» («декаданс, упадок» (*фр.*) — *Е.Я.*)? Чувство тончайшей органической связи с монументальным преданием былой высокой культуры вместе с тягостно-горделивым сознанием, что мы последние в ее ряду. Другими словами, омертвелая память, утратившая свою инициативность, не приобщающая нас более к инициациям (посвящениям) отцов и не дающая импульсов существенной инициативы, знание о том, что умолкли пророчествования, как и озаглавил декадент Плутарх одно из своих сочинений («О изнеможе-

нии оракулов»). Всё дело нашего общего бедного друга Льва Шестова — писание одного длинного и сложного трактата на ту же тему. <...> Поверить ему — значит допустить червоточину в собственном духе.

Иванов, Гершензон 1921: 29–30

[26] *Занюхался* — злоупотребил кокаином.

[27] *...чтобы тот не кашлянул на него...* — Сходен эпизод в рассказе Булгакова «Звездная сыпь» (1926), где автобиографический герой-врач принимает пациента, больного сифилисом; ср.:

> На сифилис этот я натолкнулся случайно. Этот человек приехал ко мне и жаловался на то, что ему заложило глотку. Совершенно безотчетно и не думая о сифилисе, я велел ему раздеться, и вот тогда увидел эту звездную сыпь.
>
> Я сопоставил хрипоту, зловещую красноту в глотке, странные, белые пятна в ней, мраморную грудь и догадался. Прежде всего я малодушно вытер руки сулемовым шариком, причем беспокойная мысль — «Кажется, он кашлянул мне на руки», — отравила мне минуту. Затем беспомощно и брезгливо повертел в руках стеклянный шпатель, при помощи которого исследовал горло моего пациента. Куда бы его деть?

Булгаков 2007–2011/2: 333

[28] *Шевиот* — мягкая, плотная, слегка ворсистая ткань из шерстяной или смешанной пряжи.

[29] *Мало-Провальная* — измененное название Малоподвальной улицы.

[30] *В квартире библиотекаря на Подоле...* — Автобиографическая аллюзия. Деталь мотивирована тем, что Петр Степанович Гдешинский, отец братьев Платона и Александра Гдешинских, с которыми был дружен Булгаков, служил помощником библиотекаря Духовной академии: «Михаил часто ходил туда в библиотеку духовной семинарии, на Подол, и подружился» (Кисельгоф 1991: 65). Жили Гдешинские тоже на Подоле — А.П. Гдешинский в письме от 9 декабря 1939 г. в ответ на вопрос Булгакова напомнил, что семья Гдешинских жила «<...> в доме на углу Ильинской и Волошской улиц, № 5/8, кв. № 6, третий этаж направо» (Булгаков, Гдешинский 1991: 252); здесь же Гдешинский нарисовал план квартиры. Судя по этому письму, Булгаков просил Гдешинского также напомнить кое-какие детали относительно интерьера и состава библиотеки Духовной академии (см.: Булгаков, Гдешинский 1991: 254).

Братья Платон и Александр были младшими в семье (всего братьев было пятеро), учились в духовной семинарии, однако в четвертом классе покинули ее. Согласно воспоминаниям одной из мемуаристок:

> Саша говорил, что по светской дороге они пошли под влиянием Миши — оказали свое действие вечера в «открытом доме» Булгаковых, с музыкой. Он их ввел, так сказать, в светскую жизнь — заставил полюбить всё это. И, по-моему, уговаривал их уйти из семинарии — хотя это было трудно, везде в других заведениях уже надо было платить за обучение.
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 38

Александр Гдешинский был скрипачом, и, судя по всему, именно он послужил протитипом персонажа написанной Булгаковым в 1920 г. во Владикавказе пьесы «Братья Турбины», который в афише назван так: «Саша Бурчинский, скрипач» (см. ил. 42).

[31] *Страх скакал в глазах у него, как черт...* — Русаков считает свою болезнь следствием общения со Шполянским, разносчиком «московских болезней» — не только большевизма, но и «фантомизма-футуризма» (подробнее см. примеч. 39 к гл. 9). Вместе с тем телесная болезнь Русакова тоже имеет «литературное» происхождение:

> <...> можно смело предположить, что сифилисом киевский футурист заразился не от Лёльки (ср. с реальным именем возлюбленной и музы Маяковского), а от своего великого московского собрата по литературному направлению: в поэзии раннего Маяковского весь мир заражен сифилисом, от которого, по его заверениям, вселенную могла излечить только Революция.
>
> Кацис 1996: 171

Ср., напр., в стихотворении В.В. Маяковского «А все-таки» (1914): «Улица провалилась, как нос сифилитика. <...> Все эти, провалившиеся носами, знают: | я — ваш поэт» (Маяковский 1955–1961/1: 62).

[32] *Ужас, ужас, ужас...* — Возможная реминисценция из трагедии английского поэта и драматурга Уильяма Шекспира (1564–1616) «Макбет» («Macbeth»; 1606); ср.: : «О ужас! Ужас! Ужас! Ни язык | Не вымолвит, ни сердце не постигнет!» (Шексир 2001: 48; пер. С.М. Соловьева). Ср. также речевой оборот в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», где «просто приятная дама», рисуя в псевдоромантическом стиле появление Чичикова у Коробочки, кон-

статирует: «<...> оррёр, оррёр, оррёр!» (Гоголь 1937–1952/6: 183; «horreur» (*фр.*) — «ужас»).

[33] *Может быть, пойти и убить эту самую Лёльку?* — Семейное имя Е.А. Булгаковой (младшая сестра М.А. Булгакова, которую близкие звали Лёлькой), в отличие от полного (см. примеч. 8 к гл. 1), отдано персонажу отнюдь не светлому. В журнальной редакции «Белой гвардии» имя «Лёля» употребляется и по отношению к Елене Тальберг-Турбиной, но в книжной редакции оно оставлено только губительнице Русакова.

[34] *...разные зрачки...* — Имеется в виду анизокория (неравенство диаметров зрачков) — один из симптомов поздней стадии сифилиса.

[35] *...гнущиеся ноги, потом безумные идиотские речи...* — Сифилис в третичной (последней) стадии поражает центральную нервную систему.

[36] *...а потом — я гнилой, мокрый труп.* — Возможная перекличка с романом Б.А. Пильняка «Голый год»; ср.:

> Вот скоро у меня выпадут зубы и сгниют челюсти, провалится нос. Через год — меня, красавца-князя, удачника-Бориса, — не будет... <...> У меня, Глеб, сифилис, ты знаешь... <...>
>
> Борис медленно уходит от Глеба. Глеб много меньше Бориса. Он, маленький, стоит в тени. Борис твердо выходит от Глеба, покойно и высоко подняв голову. Но в коридоре никнет его голова, дрябнет походка. Бессильно волочатся большие его ноги.
>
> В своей комнате Борис останавливается у печки, прислоняется плечом к холодным ее изразцам, машинально, по привычке, оставшейся еще от зимы, рукою шарит по изразцам и прижимается — грудью, животом, коленами — к мертвому печному холоду.
>
> Пильняк 2003–2004/1: 64

[37] *...на груди была видна нежная и тонкая звездная сыпь.* — Имеется в виду симптом вторичного сифилиса — характерная сыпь, именуемая также «ожерельем Венеры». Ср. заглавие рассказа Булгакова — «Звездная сыпь».

[38] *Мне нужно застрелиться. Но у меня на это нет сил, к чему тебе, мой Бог, я буду лгать?* — Возможная реминисценция из романа Б.А. Пильняка «Голый год», персонаж которого Борис Ордынин кончает жизнь самоубийством (см.: Пильняк 2003–2004/1: 83). Более ранним источником, вероятно обусловившим этот мотив в романе Пильняка, являются «Братья Карамазовы», где черт рассказывает Ивану историю о застрелившемся сифилитике (см.: Достоевский 1972–1990/15: 81).

Тема развита также в романе С.С. Юшкевича (1868–1927) «Леон Дрей» (1911; в 1915 г. экранизирован), герой которого, циничный покоритель женщин, сопоставим со Шполянским (который, по мнению Русакова, навлек на него болезнь). Накануне женитьбы на богатой невесте Дрей обнаруживает, что болен сифилисом; ср.:

> — Нос упадет, — пронеслось у него, и он с ужасом схватился за нос, на месте ли он? И снова длинная, отравленная игла мучительно вонзилась в его сердце. — Пуля в лоб! — Сейчас! — мысленно кричал он через минуту. — Прямо в лоб! — нет, не в лоб, а в висок или, еще лучше, в рот! <...> «Вот положение! — мрачно размышлял он. — Никогда еще не был в такой переделке. И это накануне женитьбы! Ужас, ужас!» <...> — Помолюсь Богу, — подумал он. — Не знаю никакой молитвы... Помолюсь как сумею. Разве Богу книжные молитвы нужны, лишь бы из сердца шло! «Господи, помоги мне... — начал он молиться. — Помоги Леону. Прости мне! Возьми под свое покровительство. Слушай, Израиль!»
>
> Юшкевич 1915: 267–268, 274–275

[39] *ФАНТОМИСТЫ — ФУТУРИСТЫ.* — Историко-литературная аллюзия. Два слова в заглавии сборника обозначают, возможно, не конкретное поэтическое направление, а соединение двух названий. Слово «фантомисты» (от *фр.* «fantôme» — «призрак, мираж») по внутренней форме сходно с именованием группы поэтов-имажинистов (от *фр.* «image» — «образ»). Программный документ имажинизма — имажинистскую декларацию — в начале 1918 г. подписали поэты А.Б. Мариенгоф (1897–1962), В.Г. Шершеневич (1893–1942), С.А. Есенин (1895–1925), Р. Ивнев (псевд. М.А. Ковалева; 1891–1981), художники Б.Р. Эрдман (1899–1960), Г.Б. Якулов (1884–1928). Свое объединение имажинисты называли орденом; ср. «орден», возглавляемый Шполянским в «Белой гвардии».

Вместе с тем в стихах Русакова присутствует пародия на революционно-футуристическое творчество В.В. Маяковского, в частности лирическую поэму «Облако в штанах» (1915; см.: Каганская 1991: 98) и поэму «Про это» (см.: Шаргородский 1998: 260); показательна угроза лирического героя поэмы «Облако в штанах» в адрес Бога; ср.: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскро́ю | отсюда до Аляски!» (Маяковский 1955–1961/1: 196). В поэме «Про это» (1923) реализован мотив превращения героя-рассказчика в медведя, что соотносится с образом «бога-медведя» в тексте Русакова. Кроме того, об-

разцом для стихов Русакова мог послужить изданный в 1918 г. в Петрограде сборник «Ржаное слово: Революционная хрестоматия футуристов»: «<...> здесь и Маяковский, и типичная для футуристов “русаковская” тема штурма, завоевания небес (“Осада неба” Н. Асеева и пр.)» (Шаргородский 1998: 261).

Лексически слово «фантомисты» несет в себе также образ пустоты, который ассоциируется с поэтической группой ничевоков, куда входили Рюрик Рок (псевд. Р.Ю. Геринга; 1890–?), К. Эрберг (псевд. К.А. Сюннерберга; 1871–1942), С. Мар (псевд. С.Г. Чалхушьяна; 1900–1965), С.В. Садиков (?–1922) и проч. В «Манифесте ничевоков», опубликованном в сборнике «Вам» (М., 1920), члены группы обращались к Шершеневичу, Мариенгофу и Есенину с предложением присоединиться к манифесту (см.: ЛЖ 2005/1: 613–614). Через три недели после приезда Булгакова в Москву в Политехническом музее состоялся 17 октября 1921 г. поэтический вечер под председательством В.Я. Брюсова (1873–1924). На вечере выступали представители различных направлений, в том числе ничевоки. К 1923 г. деятельность группы иссякла.

40 *Стихи: || М. Шполянского. || Б. Фридмана. || В. Шаркевича ~ Встречаю матерной молитвой.* – Пародия на имажинистский сборник «Явь» (1919); «Коллективным» прототипом Ивана Русакова оказываются, таким образом, поэты есенинского круга Иван Иванович Старцев (1896–1867) и Иван Приблудный (псевд. Я.П. Овчаренко; 1905–1937), а также сам С.А. Есенин (см.: Чудакова 1988: 272). Стиль стихотворения Русакова отсылает к агрессивному богоборчеству в текстах Есенина первых послереволюционных лет, в частности, в поэме «Инония» (1918); ср.:

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров,
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Есенин 1995–2000/2: 62;
см. также: Шаргородский 1998: 262, 264

Стихи Русакова могут также указывать на А.Б. Мариенгофа, чье стихотворение «Кровью плюем зазорно...» (1918) в сборнике «Явь» стоит вторым; ср.:

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном черным:
— Массовый террор.
Метлами ветру будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груде
Наша красная месть.
По тысяче голов сразу
С плахи к пречистой тайне.
Боженька, сам Ты за пазухой
Выносил Каина.
Сам попригрел периной
Мужицкий топор, —
Молимся Тебе матерщиной
За рабьих годов позор.

Мариенгоф 1919: 5

Объектами пародии в романе Булгакова могли стать и другие тексты Мариенгофа; ср., напр.:

Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Что же, что же, прощай нам грешным,
Спасай, как на Голгофе разбойника, —
Кровь Твою, кровь бешено
Выплескиваем, как воду из рукомойника.

Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! —
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..»
Зато теперь: на распеленутой земле нашей
Только Я — человек горд.

Мариенгоф 1919: 21

Рецензенты, писавшие об имажинистах, резко осуждали Мариенгофа за аморализм и кощунство. Одна из рецензий журналиста А. Евгеньева (псевд.

А.Е. Кауфмана;1855–1921) вышла вскоре после того, как Булгаков переехал в Москву и начал приобщаться к литературной жизни:

> Мариенгоф зовет то к анархии, то к революции, то к социализму. <...> Для Мариенгофа революция — мясорубка <...> Что это — каннибальство или психоз? По-видимому, последний <...> Душевнобольные чаще всего страдают маниею величия. Поэт-имажинист не свободен от этой мании:
>
> Магдалина, слыхала — четвертым
> Анатолию (Мариенгофу)
> Предложили воссесть одесную,
> А он, влюбленный здесь на земле в Магдалину:
> «Не желаю» гордо.
>
> Сквернословия, кощунства в стихах Мариенгофа — хоть отбавляй. Судите сами:
>
> Молимся тебе матерщиной
> За рабьих годов позор.
>
> Или:
>
> Рыданье гирей пудовело в горле,
> Когда молилась месть кровавой матерщиной.
>
> Бесцеремонен Мариенгоф с Саваофом и с Христом <...> И еще дальше, еще хуже. А вот для «лирика» Шершеневича «Мариенгоф — романтик с нежной душой». <...> Какой Мариенгоф романтик — мы видели. Конечно, после того, как итальянский футурист Маринетти провозгласил: «обратим комнату любви в отхожее место», — Мариенгоф немножко романтик.
>
> Евгеньев 1921а: 6–7

В следующей части рецензии Евгеньев продолжает:

> Идеолог имажинизма Мариенгоф говорит, что цель и назначение поэта — вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения и — прибавим мы — чувство гадливости и омерзения. Разумеется, речь идет о поэтах-имажинистах, развратничающих своими перьями, выражаясь их терминологией. И они блестяще достигают вожделен-

ной цели, заставляя брезгливого читателя отшвыривать в мусорную корзину иные их произведения.

Евгеньев 1921б: 7

Рецензент отмечает также влияние «мариенгофщины» на С.А. Есенина и А.Б. Кусикова, выражая уверенность, что оно окажется недолговечным (см.: Евгеньев 1921б: 7).

Фамилии «фантомистов» в «Белой гвардии» соотносятся с именами реальных имажинистов. Б. Фридман – это, вероятно, художник Борис Робертович Эрдман (старший брат драматурга Н.Р. Эрдмана (1900–1970), автор ряда обложек и иллюстраций к имажинистским сборникам); В. Шаркевич – это Вадим Габриэлевич Шершеневич (см.: Шаргородский 1998: 262, 264). Внешнее описание сборника «фантомистов» отсылает к вышедшему в конце 1920 г. сборнику «Имажинисты» (М., 1921), в котором принимали участие Есенин, Ивнев и Мариенгоф, а также изданному в 1924 г. сборнику «Имажинисты 1925», на обложке которого значатся четыре имени: Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Матвей Ройзман, Вадим Шершеневич.

Аллюзии на имажинистов в «Белой гвардии» могут быть обусловлены автобиографически: дом 10 по Большой Садовой улице в Москве, где жил Булгаков в начале 1920-х годов (см. ил. 49), был одним из мест, популярных среди имажинистов. Квартира 29 принадлежала художнику Г.Б. Якулову (1884–1928) – у него часто собирались поэты и художники. В квартире 20 жила мать Шершеневича, оперная артистка Е.Л. Львова (наст. фамилия – Мандельштам, 1869–1919), у нее дома был склад имажинистской литературы.

Возможным прототипом Русакова мог также явиться поэт Александр Иванович Тиняков (1886–1934), писавший под псевдонимом Одинокий, автор многих кощунственных стихотворений, одно из которых, «Долой Христа!» (1921), было опубликовано в 1922 г. в сборнике «Окно» в Петрограде (см.: Шаргородский 2000: 225–226).

В русской литературе Иван Русаков генетически связан с Иваном Шатовым из романа Ф.М. Достоевского «Бесы». При одинаковых именах у них явно говорящие фамилии. Обозначенная фамилией «русскость» персонажа «Белой гвардии» соотносится с почвенничеством героя Достоевского. Нетвердость в убеждениях и готовность поддаваться чужой воле, обозначенная фамилией Шатов, характерна и для Ивана Русакова, который вначале находится под воздействием «беса» Шполянского, затем подпадает под влияние священника отца Александра. Один из главных героев романа «Бесы» Степан Трофимович Верховенский объясняет страстную увлеченность

Шатова религиозным почвенничеством внутренними, интимными причинами: «<...> я давно уже приписываю этот перелом в его организме — иначе назвать не хочу — какому-нибудь сильному семейному потрясению и именно неудачной его женитьбе» (Достоевский 1972–1990/10: 76). Перелом в мироощущении Русакова также обусловлен состоянием организма, болезнью. Наконец, Иваны Достоевского и Булгакова выполняют сходные функции в системах персонажей: и тот, и другой — жертвы. Шатов убит компанией «бесов» — пятеркой Верховенского, а Русаков, как он сам полагает, погублен инфернальным влиянием Шполянского.

[41] *...касаясь холодным лбом пыльного паркета...* — Имеется в виду молитвенный земный поклон.

[42] *Прости меня, что я ~ паршивой собакой без надежды.* — Возможная реминисценция из поэмы А.А. Блока «Двенадцать», в финале которой персонажи-красноармейцы показаны буквально между голодным псом и Христом:

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес.
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Блок 1999: 20

Вместе с тем возможны аллюзии на В.В. Маяковского, который в художественных и публицистических произведениях неоднократно соотносил себя с собакой (см: Жолковский 1994: 360), в частности в поэме «Про это»; ср.:

Я люблю зверье.
Увидишь собачонку —
тут у булочной одна —
сплошная плешь, —
из себя
и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая,
ешь!

Маяковский 1955–1961/4: 183

Любовь Маяковского к животным была общеизвестна. Л.Ю. Брик в воспоминаниях говорит о его внешнем сходстве с сеттером, которого они с Маяковским нашли щенком и вырастили: «Мы стали звать Владимира Владимировича Щеном» (Брик 1993: 110). Собачья тема широко представлена в письмах поэта в виде постоянных подписей «Счен», «Щен», «Щенок», часто сопровождаемых изображением щенка; иногда сам рисунок играет роль подписи (см.: Брик 1993: 121–127; см. также: Маяковский, Брик 1991).

Уподобление Русакова собаке может отсылать также к творчеству Есенина (см.: Шаргородский 2000: 219); напр., сходный образ присутствует в стихотворении Есенина «Слушай, поганое сердце, | Сердце собачье мое...» (1916; Есенин 1995–2000/4: 137) — парафразом этих строк могло быть заглавие повести Булгакова «Собачье сердце» (1925; опубл. 1968). Кроме того, «<...> “богоборческие” упражнения Мариенгофа <...> в сочетании с собачьими мотивами являются вариацией краткой формулировки Есенина в “Пантократоре”: “Не молиться тебе, а лаяться | Научил ты меня, Господь”» (Шаргородский 2000: 219). Показательна и самохарактеристика лирического героя поэмы Есенина «Кобыльи корабли» (1919): «Сестры-суки и братья-кобели, | Я, как вы, у людей в загоне» (Есенин 1995–2000/2: 79).

43 *...избавъ меня от Михаила Семеновича Шполянского!..* — Сюжетная коллизия — поэт по имени Иван пишет богоборческие стихи под воздействием таинственного и (как полагает сам поэт) инфернального пришельца — предвосхищает эпизод романа Булгакова «Мастер и Маргарита», где поэт Иван Бездомный (ровесник Ивана Русакова: обоим персонажам по 23 года) совершает богоборческий акт под влиянием своего наставника Берлиоза, утверждающего, что «Иисуса <...> как личности вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф» (Булгаков 2007–2011/7: 10).

У Берлиоза и Шполянского одинаковое имя Михаил (которое при этом тождественно имени самого Булгакова). Оба персонажа руководят «творческими объединениями»: «городским поэтическим орденом “Магнитный Триолет”» (см. с. 119 наст. изд.) и «одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой Массолит» (Булгаков 2007–2011/7: 7).

44 *Зефирная сорочка* — сорочка из тонкой, легкой ткани (по ассоциации с поэтизмом «зефир» — легкий теплый ветер; в древнегреческой мифологии Зефир — юный бог западного ветра).

45 *Козетка* — двухместный диванчик.

[46] *Юлия.* – Имена Михаила Семеновича Шполянского и Юлии, возможно, составлены из имен двух украинских футуристов. Это Михаил Васильевич Семенко (1892–1937), лидер поэтов-авангардистов, теоретик футуризма, автор стихотворного цикла «Селянские сатурналии» («Селянскі сатурналіі»; 1918), а также Юлиан Шпол (псевд. М. Е. Ялового; 1895–1937), поэт и прозаик (см.: Український футуризм 1996: 16, 78; см. также: Сулима 1995: 149). Показательны воспоминания И.Г. Эренбурга о посетителях клуба «Хлам» (см. примеч. 25 к гл. 4); ср.: «Среди украинских поэтов самым шумным был футурист Семенко; он был невысокого роста, но голос у него был сильный, он отвергал все авторитеты и уважал только Маяковского» (Эренбург 1962–1967/8: 295).

В имени Юлия может содержаться также намек на книгу прототипа Шполянского, В.Б. Шкловского, «ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» (см. примеч. 10 к гл. 9), в названии которой обыграно заглавие романа французского писателя Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» («Julie ou la Nouvelle Héloïse»; 1760). Кроме того, Юлией звали одну из сестер Николая Сынгаевского (см. примеч. 18 к гл. 2), чья семья жила на Малоподвальной улице, превращенной в «Белой гварии» в Мало-Провальную.

[47] *...у Марселя в «Гугенотах»...* – Марсель – персонаж оперы итальянского композитора Джакомо Мейербера «Гугеноты», слуга знатного юноши Рауля де Нанжи. О роли оперы в истории создания «Белой гвардии» см. примеч. 128 к гл. 2.

[48] *Прапорщик Страшкевич.* – Возможно, использована фамилия реального человека: в Александровской гимназии служил учитель математики Михаил Александрович Страшкевич (см.: Весь Киев 1915: 456), числившийся также лаборантом при кабинете физической географии Киевского университета (см.: Весь Киев 1915: 439).

[49] *Щур* – фамилия, одно из диалектных значений которой – «лукавый, хитрый человек» (Даль 1903–1909/4: 1514). Вместе с тем в славянской мифологии «щур» – название хтонических существ: земноводных, пресмыкающихся, мышей, крыс и т. п. (см.: СД 1995–2010/1: 491); щур (*укр.*), szczur (*пол.*) – крыса.

[50] *...должна родиться третья историческая ~ куда-то на северо-восток.* – Имеются в виду Советская Россия и большевики.

[51] *Сахар?* – Эпизод восходит к книге В.Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие» (см. также примеч. 6 к гл. 9). Однако при обороне Киева от петлюровцев подобной диверсии не было и эпизод с засахариванием броневиков является выдумкой (см.: Тинченко 1997: 5). Говоря о Шклов-

ском как прототипе «скучающего» персонажа «Белой гвардии» и его деятельности в Киеве в декабре 1918 г., В.А. Каверин писал: «<...> зачем Виктор вывел из строя гетманский броневой дивизион? Нынешним летом (1975) я попытался добиться от него ответа – и потерпел неудачу. Неизвестно зачем! Вероятно, Булгаков прав <...>» (Каверин 1997: 32).

[52] *Жиклёр* – деталь с калиброванным отверстием для регулирования расхода топлива.

[53] *Сыпной тиф* – инфекционное заболевание (его симптомы: специфическая сыпь, лихорадка, поражения нервной и сердечно-сосудистой систем), передающееся от больного человека к здоровому через вшей.

[54] *...уехавший в четыре часа ночи...* – Исчезновение Шполянского совпадает по времени с рядом ключевых событий в романе (см. примеч. 1 к гл. 2).

[55] *Верхняя Теличка* – историческая местность в Киеве (Печерский район).

10

[1] *Странные перетасовки, переброски ~ до Поста-Волынского на юго-западе.* – Отряд Най-Турса был полностью готов к выступлению 10 декабря (см. с. 126 наст. изд.), однако прибыл в Красный Трактир лишь 12 декабря «в два часа дня» (см. с. 22 наст. изд.).

[2] *...в переулок, в здание заброшенных... казарм.* – Возможно, имеются в виду артиллерийские казармы (построены в 1910 г., сохранились до сегодняшнего дня) на улице Лагерной (ныне улица Маршала Рыбалко) неподалеку от ее пересечения с Брест-Литовским переулком (который ныне проходит от проспекта Победы до Шулявской улицы).

[3] *...в ней было около 150 юнкеров и три прапорщика.* – Численность не соответствует предшествующему тексту романа. Ранее Мышлаевский рассказывал, что в отряде Ная «человек двести юнкеров» (см с. 22 наст. изд.). К тому же сам Най-Турс в отделе снабжения просит валенки и папахи «на двести человек» (см с.127 наст. изд.).

[4] *К начальнику 1-й дружины генерал-майору Блохину...* – Подразумевается Киевская добровольческая дружина под командованием полковника Л.Н. Кирпичёва. В Киеве имелась также 1-я офицерская дружина (см.: Тинченко 1997: 202, 206).

[5] *В помещении дружины на Львовской улице...* – Львовская улица (ныне улица Артёма; Шевченковский район Киева) проходила между Львовской площадью и Лукьяновской площадью. В доме 95 по Львовской улице распо-

лагался один из вербовочных пунктов Киевской добровольческой дружины (см.: Тинченко: 203).

[6] *...Най-Турс взял с собою 10 юнкеров (почему-то с винтовками) и две двуколки и направился с ними в отдел снабжения.* — Подобная история произошла с прототипом Най-Турса графом Ф.А. Келлером в бытность главнокомандующим: узнав, что отправившаяся на позиции дружина Л.С. Святополка-Мирского сильно страдает от мороза, поскольку не имеет зимнего обмундирования, Келлер устроил скандал в интендантском управлении, угрожая пистолетом (см.: Тинченко 1997: 152). Двуколка — двухколесная конная повозка.

[7] *Бульварно-Кудрявская улица* — ныне улица Воровского. Находится неподалеку от Львовской улицы (см. примеч. 5 к гл. 10) — обе они отходят от Львовской площади. В доме 25 по Бульварно-Кудрявской улице располагался 2-й отдел (рота) Киевской добровольческой дружины (см.: Тинченко 1997: 203).

[8] *...со времен Красного Креста...* — Существовавшее с 1867 г. «Общество попечения о раненых и больных воинах» было в 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК). В начале 1918 г. в РСФСР оно было упразднено, а в августе 1918 г. воссоздано в реорганизованном виде. В 1923 г. образован Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (Советский Красный Крест).

[9] *Милютин* Д.А. (1816—1912) — военный министр России в 1861—1881 гг.

[10] *Генерал Макушин.* — Возможно, автобиографическая аллюзия: фамилия дана по ассоциации с одним из соседей семейства Булгаковых в Киеве. В доме 15 по Андреевскому спуску указан Иван Семенович Макушенко (см.: Весь Киев 1915: 378), преподаватель Киевского 1-го коммерческого училища ведомства Министерства торговли и промышленности (см.: Весь Киев 1915: 462), преподаватель живописи в Киевском художественном училище (см.: Весь Киев 1915: 482) и рисунка на Политехнических курсах Общества распространения технического образования (см.: Весь Киев 1915: 523).

Фамилия отсылает также к генералу Маку — персонажу романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Мак командовал австрийскими войсками, которые были разбиты Наполеоном (см.: Толстой 1928—1958/9: 152—153).

[11] *Пресс в виде голой женщины* — здесь: пресс-папье распространенного в начале XX в. оформления.

[12] *Кольт* — десятизарядный (см. с. 169 наст. изд.) пистолет, названный по фамилии американского изобретателя Самюэля Кольта (1814—1862); вероятно, имеется в виду модель Colt .22 Woodsman (*англ.*) — «Кольт 22 Вудсман», — выпущенная в 1915 г.

[13] *Каптенармус* — военнослужащий, отвечающий за учет и хранение оружия и имущества в подразделении.

[14] *Прилив* — приступообразное ощущение жара в теле, особенно в области головы и шеи, симптом некоторых заболеваний (гипертиреоза, гипертонической болезни и др.).

[15] *...из четвертой дружины и из конно-горной...* — Возможно, имеются в виду 4-й отдел Киевской добровольческой дружины и горная батарея 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона (см.: Тинченко 1997: 203–204). Конно-горная артиллерия предназначалась для занятия господствующих высот: «Вся материальная часть (орудия и зарядные ящики) может разбираться по частям и вьючиться на особые седла и в таком виде пробираться по таким тропинкам, по которым сможет пройти только горный конь» (Абамеликов, Приходкин 1916: 4).

[16] *Брест-Литовский переулок.* — Подробнее о перемещениях героев см. примеч. 24 к гл. 10.

[17] *Подсумок* — небольшая сумка для патронов в обоймах, носимая на поясном ремне.

[18] *Около двух часов ночи ~ Никакой телефонограммы не было...* — Най-Турс приказывает разбудить себя около 5 часов утра, а в экстренном случае — раньше (см. примеч. 1 к гл. 2), словно заранее рассчитывая получить ту же информацию, которая в 4 часа утра поступает в дивизион Малышева (см. примеч. 25 к гл. 7). Ее отсутствие в конечном счете послужит причиной гибели Най-Турса.

[19] *Политехническая широчайшая улица.* — Имеется в виду Брест-Литовское шоссе (ныне проспект Победы), на котором находился и находится Киевский Политехнический институт (ныне Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»). В 1917 г. его окончил двоюродный брат автора «Белой гвардии» К.П. Булгаков (см. примеч. 75 к гл. 2).

[20] *Фура* — здесь: большая длинная телега.

[21] *Стрела* — здесь: длинная, прямая улица, шоссе.

[22] *Синяя дивизия.* — См. примеч. 19 к гл. 8.

[23] *Штука полотна* — кусок ткани.

[24] *...до стен Политехнического института...* — Деталь указывает на то, что отряд Най-Турса располагается на Брест-Литовском шоссе примерно в том месте, где от шоссе отходят Брест-Литовский переулок к северу и Полевая улица к югу (современный Соломенский район Киева).

[25] *...две версты бежали, припадая и будя эхом великую дорогу, пока не оказа-*

лись на скрещении стрелы с тем самым Брест-Литовским переулком... — Через две версты от Политехнического института на Брест-Литовском шоссе отряд Най-Турса должен был оказаться в районе Галицкой площади (ныне площадь Победы); однако в новой точке вновь упомянуто пересечение с Брест-Литовским переулком — таким образом, движение оказывается фикцией. Здесь и далее в гл. 10 топография носит ирреальный характер; соотнести упоминаемые топонимы с подлинным киевским пространством не представляется возможным — можно лишь указать, что события гл. 11, связанные с Най-Турсом и Николкой, происходят на участке севернее Брест-Литовского шоссе, неподалеку от его пересечения с Кадетским шоссе (ныне улица Вячеслава Черновола).

[26] *Полевая* — улица в современном Соломенском районе Киева южнее Брест-Литовского шоссе.

[27] *Борщаговская* — улица в современном Соломенском районе Киева, первоначально отходившая от Брест-Литовского шоссе напротив Керосинной улицы.

[28] *Юнкера убежали назад и налево...* — Отряд Най-Турса развернут фронтом примерно на запад, а Полевая и Борщаговская улицы находятся южнее Брест-Литовского шоссе; поэтому юнкера, выполняя приказ, должны были бы двигаться направо от шоссе — то есть в противоположном направлении по сравнению с указанным в романе.

[29] *...колдовским образом вырастающие из земли...* — Античная реминисценция; ср. миф о Кадме, который, убив дракона, засеял поле его зубами, из которых выросли вооруженные воины (см.: МНМ 1991–1992/1: 607).

[30] *Шулявка* — историческая местность в Киеве, ныне территория Шевченковского и Соломенского районов.

[31] *...бывших казарм на Львовской улице...* — Ранее на Львовской улице помещался отряд Най-Турса (см. примеч. 5 к гл. 10).

[32] *...28 человек юнкеров.* — Численность примерно соответствует современному взводу.

[33] *Ефрейтор* — младшее воинское звание, следующее после рядового. Было упразднено Советской властью в 1918 г., восстановлено в 1940 г.

[34] *...вынул... гражданский врачебный паспорт.* — Герой предполагает, что документ может обезопасить его в случае встречи с петлюровцами.

[35] *Сегодня утром я слышал, что положение стало немножко посерьезнее...* — В тексте романа неточность: ранее говорилось, что «<...> до двух часов дня Алексей Васильевич спал мертвым сном» (см. с. 132 наст. изд.), поэтому ничего не мог слышать о положении в городе (см.: Лесскис 1999: 107).

[36] *На углу своей кривой улицы...* — Имеется в виду Алексеевский (реальный Андреевский) спуск.

[37] *На перекрестке у оперного театра...* — Имеется в виду перекресток Владимирской и Фундуклеевской (ныне Богдана Хмельницкого) улиц.

[38] *У аптеки, на углу...* — По-видимому, имеется в виду аптека, находившаяся в доме 55 по Владимирской улице (см.: Весь Киев 1915: 799).

[39] *Прапорщики, юнкера, кадеты, очень редкие солдаты волновались, кипели и бегали у гигантского подъезда музея...* — По воспоминаниям Р.Б. Гуля, в Педагогическом музее 14 декабря около 16 часов состоялась капитуляция защитников Киева (см. с. 361 наст. изд.). В числе попавших в плен и помещенных в музей военнослужащих оказался младший брат автора «Белой гвардии» Н.А. Булгаков.

[40] «*На благое просвещение русского народа*». — Надпись находилась на фронтоне Педагогического музея.

[41] *Польскому легиону отдать.* — В 1917—1918 гг. на Украине формировались 2-й и 3-й польские добровольческие корпуса; в условиях германско-австрийской оккупации они к июню 1918 г. прекратили существование. Весной — летом 1918 г. на Кубани была образована бригада польских стрелков, активно участвовавшая в борьбе с большевиками. В декабре 1918 г. она переместилась в Одессу.

[42] «*Кармен*» («Carmen») — опера (1875) французского композитора Жоржа Бизе (1837—1975) по одноименной новелле (1845) французского писателя Проспера Мериме. В 1915 г. «Кармен» была поставлена в Киевском оперном театре; в начале 1920-х годов шла в Большом театре в Москве. В 1924 г. по мотивам этой оперы режиссер и театральный деятель В.И. Немирович-Данченко (1858—1943) поставил в Музыкальной студии МХАТа спектакль «Карменсита и солдат» (см.: Штейнпресс 1983: 126—127).

[43] *Тафта* — тонкая, но плотная глянцевая ткань из туго скрученных нитей.

11

[1] *...через весь город провел их согласно маршруту.* — Замечание противоречит реальной киевской топографии: Львовская улица (см. примеч. 5 к гл. 10) расположена примерно в том же районе, где юнкера Най-Турса и он сам (см. примеч. 25 к гл. 10) натолкнутся на занявший оборону отряд Николки; соответственно, расстояние, которое преодолевает этот отряд от казарм до предписанной позиции, — не более двух-трех километров (15—20 минут быстрым шагом).

[2] *...он боялся испугаться...* — Возможная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; сходны ощущения князя Андрея Болконского на батарее Тушина во время Шенграбенского сражения; ср.: «<...> одна мысль о том, что он боится, снова подняла его. “Я не могу бояться”, — подумал он <...>» (Толстой 1928–1958/9: 236).

[3] *...«Не страшно?» — «Нет, не страшно», — отвечал бодрый голос в голове, и Николка от гордости, что он, оказывается, храбрый, еще больше побледнел.* — Возможная реминисценция из рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в мае 1855 года» (1855); ср.:

> «Так вот я и на Малаховом кургане, который я воображал совершенно напрасно таким страшным! И я могу идти, не кланяясь ядрам, и трушу даже гораздо меньше других! Так я не трус?» — подумал он с наслаждением и даже некоторым восторгом самодовольства.
>
> Толстой 1928–1958/4: 104; см. также: Лесскис 1999: 108

[4] *Глазетовый* — обтянутый глазетом (парчой с золотыми или серебряными узорами).

[5] *...крестов теперь не дают...* — Имеется в виду Георгиевский крест (см. примеч. 6 к гл. 9), которым перестали награждать с 1917 г.

[6] *...справился с собой ~ Не сметь вставать! Слушать команду!!.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.:

> <...> князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.
>
> — Ребята, вперед! — крикнул он детски-пронзительно.
>
> «Вот оно!» — думал князь Андрей, схватив древко знамени <...>
>
> Толстой 1928–1958/9: 343

[7] *...командира второго отделения 1-й дружины, полковника Най-Турса.* — Командиром 2-го отдела дружины Л.Н. Кирпичёва был полковник С.Н. Крейтон (1876–1927) (см.: Тинченко 1997: 203).

[8] *...как у французских пехотинцев.* — По французской традиции (не только в XIX, но и в XX вв.), полы шинелей могли для удобства ходьбы подворачиваться и крепиться на пуговицах. Показательно упоминание в рассказе Л.Н. Толстого «Севастополь в мае» (1855); ср.: «В глазах его мелькали солдаты — и он бессознательно считал их: “Один, два, три солдата, а вот в подвернутой шинели офицер” <...>» (Толстой 1928–1958/4: 49).

[9] *...гусарские зигзаги.* — См. примеч. 34 к гл. 6.

[10] *Кадетская улица.* — Имеется в виду участок Кадетского шоссе севернее Брест-Литовского шоссе (см. примеч. 25 к гл. 10).

[11] *...у чахлого, засыпанного снегом бульвара...* — Вероятно, имеется в виду Бибиковский бульвар.

[12] *...Зубной врач || Берта Яковлевна || Принц-Металл...* — Возможная аллюзия на реального человека: в адресном указателе жителей Киева значится Берта Яковлевна Прицкер по адресу: Михайловская улица (или переулок), дом 15 (см.: Весь Киев 1915: 494), и указан зубной врач Прицкер (без инициалов) по адресу: Большая Васильковская улица, дом 34 (см.: Весь Киев 1915: 710).

Фамилия, по-видимому, заимствована из очерка И.А. Ильфа (1897—1937) «Принцметалл» (1924), где главный герой, бывший одессит, а ныне москвич Принцметалл заявляет: «Калош я не ношу! Дешевое удовольствие! Калоши носит в Москве только один человек — Михаил Булгаков» (Ильф, Петров 1961: 103). Маленькая газетная вырезка с этой фразой вклеена в один из альбомов, составленных Булгаковым (см.: НИОР РГБ. Ф. 562. К. 27. Ед. хр. 2. Л. 28). Принцметалл, томпак — золотистого цвета сплав меди с цинком.

[13] *Рыжая борода... Нерон.* — Имеется в виду римский император Тиберий Клавдий Нерон (37—68), чья борода действительно была ярко-рыжей. Огненные ассоциации, которые вызывает внешность дворника, намекают на один из известнейших эпизодов правления Нерона. В 64 г. в Риме случился страшный пожар, в организации которого обвиняли императора (якобы он велел поджечь город, чтобы на его месте построить новый и назвать его своим именем). Стремясь отвести от себя обвинения, Нерон объявил виновниками пожара христиан и подверг их репрессиям.

Возможно, у Николки возникает также ассоциация со сценическим образом заглавного персонажа оперы «Нерон» (см. примеч. 4 к гл. 3).

[14] *Желто-рыжий дворник...* — Имеются в виду цвета тулупа и волос.

[15] *...тяжело ударил его, рискуя застрелить самого себя, ручкой в зубы.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Николка уподоблен своему литературному предшественнику юнкеру Николаю Ростову, персонажу романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», который «<...> в бою пугается и, забыв, что из пистолета можно стрелять, кидает его, как камень, во французских солдат, спасается бегством»; сходным образом младший Турбин, «<...> обороняясь от поднимающего шум дворника <...> хватается за ствол и бьет дворника рукояткой по зубам» (Скобелев 1994: 42; см. также: Толстой 1928—1958/9: 231).

16 *...половина его бороды стала красной.* — Пародийная отсылка к легенде, связанной с происхождением рода императора Нерона:

> Уже на заре Римской республики, в начале пятого века до Р. Х., родословное дерево Домициев разделилось на две ветви, самостоятельных одна от другой, — на Домициев Аэнобарбов, т<о> е<сть> Меднобородых, и Домициев Кальвинов, т<о> е<сть> Лысых. В корне первой ветви, от которой по прямой, ни разу не прерванной линии произошел император Нерон, стоит Люций Домиций, легендарный боговидец, возвестивший о победе диктатора Авла Постумия над латинами при Регильском озере (258 г. Рима, 496 до Р. Х.). Кастор и Поллукс, божественные близнецы Диоскуры, открыли Домицию это благое событие, нетерпеливо ожидаемое всем Римом, в сверхъестественном видении. Когда он им не поверил, то они, в знамение и в наказание, возложили длани на лицо Домиция, и, ранее черная, борода его покраснела, как огонь, и стала отливать медью. Отсюда и прозвище Аэнобарба, меднобородого. <...> Чудо превращения брюнета Домиция в рыжего Аэнобарба — одно из самых громких в ряду религиозных преданий Рима.
>
> Амфитеатров 1912: 36–37

Эпизод бегства от петлюровцев, во время которого герой, преодолев забор, подвергается нападению «рыже-красного» существа, присутствует в рассказе Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (1922):

> И я кинулся бежать. <...> И через забор. Вслед: трах! трах! И вот откуда-то злобный, взъерошенный белый пес ко мне. Ухватился за шинель, рвет вдребезги. Я свесился с забора. Одной рукой держусь, в другой банка с йодом (200 gr.). Великолепный германский йод. Размышлять некогда. Сзади топот. Погубит меня пес. Размахнулся и ударил его банкой по голове. Пес моментально окрасился в рыжий цвет, взвыл и исчез.
>
> Булгаков 2007–2011/1: 352

17 *Болт* — здесь: металлический штырь задвижки на воротах.

18 *...гладкая доверху, глухая железная стена.* — Имеются в виду ворота.

19 *Брандмауэр* — огнестойкая стена, разделяющая смежные здания для предупреждения распространения пожара.

[20] *Нат Пинкертон в желтом пиджаке и с красной маской на лице лезет по такой же самой лестнице.* — Имеется в виду герой популярной в начале XX в. анонимной книжной серии «Нат Пинкертон – ловкий сыщик» (1907–1909). Образ в памяти Николки напоминает обложки выпусков № 8 («Пираты Гудзоновой реки»; 1907) и № 92 («Нед Карзон Бульдог»; 1909) (см.: Шаргородский 2012: 354–356).

[21] *...сунул револьвер в карман.* — Кольт Най-Турса (см. примеч. 12 к гл. 10) не револьвер, у которого патроны заряжаются во вращающийся барабан, а автоматический пистолет, у которого обойма с патронами находится в рукояти.

[22] *Лубочицкая* — измененное название Глубочицкой улицы, пролегавшей от Тюремной улицы до Кожемякской (Кожемяцкой) улицы; ныне Шевченковский район Киева.

[23] *Ловская* — измененное название Львовской улицы (см. примеч. 5 к гл. 10); Глубочицкая улица примыкает к ней с северо-востока (см. карту на вкладыше к наст. изд.).

[24] *...в руках моталась серая кошелка, из нее выдирался отчаянный петух и кричал на всю улицу «пэтурра, пэтурра».* — Образ говорящего петуха можно трактовать как очередное знамение (см. примеч. 3 к гл. 5), предвещающее катастрофу Города. В Риме придавалось большое значение курам и вообще птицам – с их помощью авгуры (жрецы-гадатели) разными способами предсказывали будущее (см.: Афанасьев 1994/1: 524).

[25] *Вольский спуск.* — Подразумевается улица Илларионовский спуск либо Вознесенский спуск (одна является продолжением другой); ныне – улица Смирнова-Ласточкина в Шевченковском районе Киева (см. план на вкладыше к наст. изд.). Определить дальнейший маршрут движения персонажа на Подол, а оттуда на Андреевский спуск не представляется возможным: «На плане Киева тех лет Николкин маршрут <...> не выстраивается» (Петровский 2001: 257).

[26] *...с белыми погонами и золотой буквой «В» на них.* — Воспитанники Владимирского Киевского кадетского корпуса носили белые погоны с желтым трафаретом «В.К.».

[27] *...маленький и круглый, как шар, залепленный снегом...* — Ср. сон Петьки Щеглова об алмазном шаре, напоминающем водяной (см. с. 256 наст. изд.), в финале «Белой гвардии».

[28] *...в игольчатом синем и сумеречном...* — В современных изданиях романа добавлено слово «воздухе», однако правомерность вставки неочевидна.

[29] *— Будут кошек есть, будут друг друга убивать, как и мы...* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср. слова Кутузова:

«И французы тоже будут! <...> будут у меня лошадиное мясо есть!» (Толстой 1928–1958/11: 173–174).

В историческом контексте первой половины 1920-х годов фраза Елены звучит как аллюзия на политическую и экономическую ситуацию в Германии, о которой неоднократно заходит речь в дневниковых записях Булгакова осени 1923 г. – напр., от 18 сентября: «Компартия из кожи вон лезет, чтобы поднять в Германии революцию и вызвать кашу. <...> в Берлине уже нечего жрать, в различных городах происходят столкновения» (Булгаков 2007–2011/2: 416); от 30 сентября: «<...> может быть, действительно мир раскалывается на две части – коммунизм и фашизм» (Булгаков 2007–2011/2: 418) и др.

[30] *...Париж и Людовик с образками на шляпе...* – Реминисценция из романа британского писателя Вальтера Скотта (1771–1832) «Квентин Дорвард» («Quentin Durward»; 1823), действие которого происходит в XV в. во Франции; король Людовик XI (1423–1483; правление: 1461–1483 гг.) носит «шляпу, усаженную кругом простыми оловянными образками многих святых» (Скотт 1964: 124), и в полевых условиях молится на нее как на иконостас (см.: Скотт 1964: 150).

[31] *Клопен Труйльфу* – персонаж романа французского писателя Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», предводитель нищих и воров.

[32] *...у Андреевской церкви... виден весь Подол.* – Имеется в виду барочный храм (архитектор Б.Ф. Растрелли; 1754 г.) в честь апостола Андрея Первозванного; от храма вниз, на Подол, идет Андреевский спуск.

[33] *Семинария.* – Имеется в виду Киевская духовная семинария. Находилась по адресу: Вознесенский спуск (см. примеч. 25 к гл. 11), дом 22 (см.: Весь Киев 1915: 502).

[34] *...малюсенькая трехлинейная лампочка...* – Три линии (ширина фитиля) – 7,62 мм (1 линия – 0,1 дюйма).

[35] *Капитан был маленький...* – Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; варьируется образ «забытой батареи Тушина» (Толстой 1928–1958/9: 226) внешность «маленького капитана» также напоминает капитана Тушина; ср.: «Маленький человек, с слабыми неловкими движениями <...> из-под маленькой ручки смотрел на французов. <...> покрикивал своим слабым, тоненьким, нерешительным голоском» (Толстой 1928–1958/9: 234).

[36] *Я не могу открыть огня... ~ На батарее я один.* – Сходный эпизод присутствует в воспоминаниях Р.Б. Гуля (см. с. 358 наст. изд.).

[37] *...п. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня.* — Автобиографическая аллюзия. В дневнике самого Булгакова имеется запись от 23/24 декабря 1924 г. о гибели в 1919 г. некоего полковника (имя не названо):

> Чтобы не забыть и чтобы потомство не забыло, записываю, когда и как он умер. Он умер в ноябре 19-го года во время похода за Шали-Аул и последнюю фразу сказал мне так:
>
> — Напрасно вы утешаете меня, я не мальчик.
>
> Меня уже контузили через полчаса после него.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 446

[38] *Ну, кругом паутина... она... подбирается к самому лицу.* — Возможная перекличка с романом Е.И. Замятина (1884–1937) «Мы»; ср. сон главного героя: «<...> я весь — как в паутине, и паутина на глазах, нет сил встать...» (Замятин 1990: 67).

[39] *...какая-то бойкая птица... застучала... Ти-ки-тики, тики, тики.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «<...> князь Андрей услыхал (не зная, в бреду или в действительности он слышит это), услыхал какой-то тихий шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: “И пити-пити-пити” и потом “и ти-ти” и опять “и пити-пити-пити” и опять “и ти-ти”» (Толстой 1928–1958/11: 386).

[40] *...с бляхой на боку.* — Имеется в виду пряжка поясного ремня.

[41] *...невероятно огромной головы, коротко остриженной.* — Портрет персонажа, возможно, отсылает к Константину Петровичу Булгакову, который приходился автору «Белой гвардии» двоюродным братом. В 1910-х годах К.П. Булгаков жил в семье Булгаковых в доме 13 по Андреевскому спуску (см. примеч. 76 к гл. 2). В письме младшей из сестер Булгакова Елены другой сестре, Надежде, от 15 августа 1917 г. упомянута внешность К.П. Булгакова: «У Константина (мама так говорит), по-видимому, водянка, голова круглая, пухнет и блестит, фуражка уже еле держится на макушке» (цит. по: Земская 2004: 146).

[42] *«Это я еще не проснулся»...* — Реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1865–1866; опубл. 1866); ср.:

> Он тяжело перевел дыхание, — но странно, сон как будто всё еще продолжался: дверь его была отворена настежь, и на пороге стоял совсем незнакомый ему человек и пристально его разглядывал.

> Раскольников не успел еще совсем раскрыть глаза и мигом закрыл их опять. Он лежал навзничь и не шевельнулся. «Сон это продолжается или нет», — думал он <...> «Неужели это продолжение сна?» — подумалось еще раз Раскольникову.
>
> Достоевский 1972–1990/6: 213–214

Даже после длинного разговора Раскольников не уверен, что перед ним был не призрак, и признаётся своему другу Разумихину: «<...> мне подумалось... мне всё кажется... что это может быть и фантазия» (Достоевский 1972–1990/6: 225).

[43] *С любовником, на... диване ~ ни от кого, как джентльмен.* — Возможно, пародийная реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср. эпизод, когда Пьер Безухов, сидя на диване, выслушивает вызывающий монолог Элен Безуховой о ее любовнике Долохове и согласии расстаться с мужем, если тот даст ей «состояние» (см.: Толстой 1928–1958/10: 31–32). Вексель — письменное долговое обязательство.

[44] *Лариосика постиг ужасный удар...* — Основным прототипом персонажа считается Николай Николаевич Судзиловский (1896–1920), родственник Л.С. Карума и братьев Н.Л. и Ю.Л. Гладыревских (см. примеч. 20 к гл. 2). Отцом Судзиловского был капитан Владимир Алексеевич Капацын; однако мать — Александра Семеновна Капацына — рано умерла, и мальчика с согласия отца усыновили родственники покойной — Николай Михайлович и Варвара Федоровна Судзиловские (последняя доводилась теткой Каруму). При этом были изменены не только фамилия, но и отчество: Николаевич вместо Владимирович (см.: Ковалинский 1999). В 1913 г. Н.Н. Судзиловский окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Киевского университета, в 1914 г. перешел на юридический факультет. В 1915 г. поступил в Константиновское военное училище (где с 1916 г. стал преподавать Карум). В январе 1918 г. подпоручик артиллерии Судзиловский был послан на освидетельствование в житомирский госпиталь и по состоянию здоровья отправлен в отставку. В июне 1918 г. подал прошение о восстановлении на втором курсе юридического факультета Киевского университета. Прошение было удовлетворено, и Судзиловский приехал из Житомира в Киев, к родственникам.

Л.С. Карум замечал по поводу этого персонажа «Белой гвардии»: «<...> описан Коля Судзиловский <...> бывший в то время киевским студентом, немного наивный, немного заносчивый и глуповатый юноша <...> 22 лет. Он

выведен под именем Лариосика» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 28. Л. 7). Карум также вспоминал:

> ...В октябре (1918 г. — *Е.Я.*) появился у нас Коля Судзиловский. Он решил продолжать обучение в университете, но был уже не на медицинском, а на юридическом факультете. Дядя Коля (Н.М. Судзиловский, приемный отец Н.Н. Судзиловского. — *Е.Я.*) просил Вареньку и меня позаботиться о нем. Мы, обсудив эту проблему с нашими студентами, Костей, Колей и Ваней, предложили ему жить у нас в одной комнате со студентами. Но это был очень шумливый и восторженный человек. Поэтому Коля и Ваня переехали скоро к матери на Андреевский спуск, № 38. А у нас в квартире остались невозмутимый Костя и Коля Судзиловский.
>
> МБКЭ 2011: 235

Т.Н. Кисельгоф говорила, что Судзиловский не вызывал у нее особых симпатий: «Неприятный тип. Странноватый какой-то, даже что-то ненормальное в нем было. Неуклюжий. Что-то у него падало, что-то билось. Так, мямля какая-то» (Кисельгоф 1991: 61). Однако Кисельгоф высказывалась и мягче: «<...> такой потешный! У него из рук всё падало, говорил невпопад. <...> Лариосик на него похож» (Воспоминания 1988: 116).

Согласно записи П.С. Попова, Булгаков пояснял: «В Лариосике слились образы 3 лиц. Элемент “чеховщины” находился в одном из прототипов» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1).

В 1920 г. Н.Н. Судзиловский в форме артиллерийского подпоручика появился в Феодосии у находившихся там В.А. и Л.С. Карумов. Вскоре Суздиловский там же заболел сыпным тифом и умер в госпитале (см.: МБКЭ 2011: 212).

[45] *Я аккуратно буду переводить вам содержание.* — Аллюзия на ситуацию в доме Булгаковых: у матери писателя, помимо семерых собственных детей, жили на воспитании племянники — «японские» двоюродные братья Константин и Николай (см. примеч. 76 к гл. 2). Т.Н. Кисельгоф рассказывала: «Петр Иванович (П.И. Булгаков, отец Константина и Николая. — *Е.Я.*) хотел, чтобы они учились в России. Он прислал их Варваре Михайловне и посылал деньги» (Кисельгоф 1991: 30). В 1910 г. за содержание старшего сына Кости родители присылали 35 руб. в месяц, а в 1917 г. за двух мальчиков — 200 руб. (см.: Дом Булгакова 2015: 83; см. также: Яблоков, Дооге 2011: 241). Кроме того, в 1910-х годах в семье Булгаковых жила двоюродная сестра со стороны отца будущего писателя Илария Михайловна Булгакова (1891—

1982), учившаяся в Киеве на женских курсах (см.: Земская 2004: 80, 88). Ее родители жили в г. Холме Люблинской губернии (ныне — г. Хелм в Польше); после учебы в Киеве Илария вернулась к родителям (см.: Щавинская 2013: 551–562).

46 *Житомир* — город примерно в 130 км к западу от Киева, административный центр Волынской губернии (ныне центр Житомирской области на Украине).

47 *...птица уж, во всяком случае, никому не делает зла.* — Реминисценция из повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» (1835; входит в цикл «Миргород»); ср.: «<...> кошка тихое творение, она никому не сделает зла» (Гоголь 1937–1952/2: 28).

48 *— Это канарейка? ~ Но какая!* — Полемический выпад в адрес В.В. Маяковского, в стихотворении которого «О дряни» (1921) канарейка объявлена символом мещанства и угрозой будущему: «Скорее | головы канарейкам сверните — | чтоб коммунизм | канарейками не был побит!» (Маяковский 1955–1961/2: 75). Полемика в этом контексте распространена не только на стихи Маяковского: «Три жупела времени — приметы пошлого быта: гитара, абажур и клетка с канарейкой, как некая квинтэссенция “мещанства”, возвращены Булгаковым в ряд законных и даже поэтических предметов» (Лакшин 1994: 258).

Возможно, птичьи мотивы в «Белой гвардии» обусловлены влиянием рассказа В.П. Катаева «Бездельник Эдуард» (1920), опубликованного в одноименном сборнике. Катаев 2 мая 1925 г. подарил Булгакову этот сборник с дарственной надписью (см. примеч. 128 к гл. 2). Герой рассказа Эдуард Точкин, непрактичный мечтатель и лентяй, решает зарабатывать воспитанием певчих птиц и начинает их приобретать, для чего продает домашнее имущество:

> В комнате появилась отличная клетка с птицей. Что это была за птица, определить было невозможно. Вид у нее был чрезвычайно затасканный и пощипанный. Кроме того, у нее был наполовину выдран хвост. Ни слуха, ни голоса у этой мрачной птицы не было. Звук, который она производила, царапая клювом по решетке, был отвратителен. Но Эдуард ею восхищался. Он утверждал, что это какая-то очень редкая разновидность дрозда. Он наливал противной птице воду, подсыпал конопляного семени, подмигивал ей, свистал, просовывал за решетку палец и любовно постукивал по свирепому грязному клюву.

— Подождите, она скоро запоет. Я буду не я, если она не запоет. Уж я-то отлично разбираюсь в птицах.

— Эдинька, — говорила Лида смущенно, — может, было бы лучше купить канарейку? Она бы у нас пела.

Эдуард немедленно впадал в ярость. Он брызгал слюной и шипел:

— Уй, Лида! Не раздражай меня. Ты ничего не понимаешь в птицах. Что может быть гнуснее канарейки? Канарейка — самая мещанская птица. Уж я-то знаю, что говорю. А это очень редкий экземпляр дрозда.

Катаев 1925: 23–24; см. также: Катаев 1983–1986/1: 170–171

[49] *Илларион Ларионыч!* — Имя Илларион восходит к слову ἱλαρός (*греч.*) — «веселый»; удвоение имени в отчестве подчеркивает шутовские коннотации в образе Лариосика. Вместе с тем не исключено, что имя «заимствовано» у Иларии Булгаковой (см. примеч. 45 к гл. 11).

Использование «удвоенных», зачастую экзотических имен характерно для стиля Булгакова. В «Белой гвардии» присутствуют также имена Виктор Викторович (Мышлаевский) и Феликс Феликсович (Най-Турс); в повести «Дьяволиада» (1923) и пьесе «Бег» (1928) имеются персонажи по имени Артур Артурович; в повести «Собачье сердце» (1925) — Филипп Филиппович и Полиграф Полиграфович; в «Записках юного врача» (1925–1927) — Леопольд Леопольдович; в романе «Записки покойника» — Филипп Филиппович, Альберт Альбертович и Арнольд Арнольдович; в романе «Мастер и Маргарита» — Арчибальд Арчибальдович; в наброске последней пьесы (см.: Булгакова 1990: 315) — Ричард Ричардович.

[50] *...остробородый, с засученными рукавами доктор в золотом пенсне...* — Вероятным прототипом врача мог явиться отчим Булгакова, И.П. Воскресенский (Аронов 1995: 144–145).

[51] *Дранки* — здесь: марля с неровными краями.

[52] *Морфий, если будет мучиться, я сам впрысну вечером.* — Морфин (морфий), несмотря на опасность привыкания, широко использовался как обезболивающее средство.

12

[1] *...на двух окнах, выходящих на стеклянную веранду...* — Отражена реальная планировка дома 13 по Алексеевскому спуску; см. ил. 8.

[2] *Провод от штепселя змеей ~ не пускай его никуда.* — В ЖР диалог Алексея и Елены имеет иной вид:

> Провод от штепселя змеей сполз к стулу, и розовенькая лампочка в колпачке загорелась, мгновенно день превратив в вечер. Николкина голова заглянула в дверь, исчезла и опять заглянула. Турбин сделал знак Елене прикрыть дверь.
>
> — Анюту сейчас же предупреди, чтобы молчала... — сказал Турбин тихонько. Елена закивала короной.
>
> — Знаю, знаю... Ты не говори, Алеша, много...
>
> — Да, знаю я сам... Я тихонько... Вот, — он тяжело вздохнул, — сюрприз. Всё теперь к чертовой матери. Всё. Спасибо. Практика к свиньям. И так было туго, а теперь совсем лопнет. Ты же на табличку... по случаю болезни... Ах, ты, господи боже мой, а ну, как рука совсем пропадет? — Видно было, что в глазах у него тоска и страх.
>
> — Ну что ты, Алеша... ты лежи, молчи... Пальто-то как же, у нас будет пока?
>
> — Всё пусть будет... Чтобы Николка не вздумал тащить... А то на улице... слышишь? — настойчиво шептал Турбин... — Вообще, ради бога, не пускай его никуда.

Турбин опасается осложнений, из-за которых ему может грозить ампутация раненой руки.

[3] *...искренно и нежно сказала Елена...* — Возможная реминисценция из стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил...» (1829; опубл. 1830); ср.: «Я вас любил так искренно, так нежно» (Пушкин 1994–1996/3–1: 188).

[4] *...придут реквизировать комнаты...* — В условиях дефицита жилой площади «уплотнение» (напр., для размещения военнослужащих) было вполне реальной перспективой, и присутствие лишнего жильца могло отчасти обезопасить от этого.

[5] *Лариосик стоял в скорбной позе, повесив голову и глядя на то место, где некогда на буфете помещалось стопкой двенадцать тарелок.* — Схожесть Лариосика с незадачливым персонажем комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903) Епиходовым по прозвищу «Тридцать три несчастья» (см. примеч. 44 к гл. 11) отмечали рецензенты первой постановки (1926) пьесы «Дни Турбиных». Развивая ассоциацию, А.В. Луначарский отождествлял с Лариосиком самого Булгакова: «Он сам является политическим “недотепой”, по примеру своих героев, отсюда и эти серые остроты, и эти заезженные положения, и эти

сотни тысяч раз использованные типы Илларионушки — 22 несчастья <...>» (Луначарский 1926; см. также: Луначарский 1964: 331).

[6] *...телеграмму в шестьдесят три слова.* — Учитывая традиционный лаконизм телеграфного стиля, такой размер текста телеграммы кажется невероятным (не говоря уже об огромной стоимости ее отправки).

[7] *...восемь тысяч.* — По-видимому, речь идет о карбованцах (см. примеч. 14 к гл. 3).

[8] *— Нет, нет, потом, отлично – в громадный карман капота.* — В ЖР эпизод расширен:

> — Нет, нет, потом, отлично, — ответила Елена. — Вы вот что: я сейчас попрошу Анюту, чтобы она истопила вам ванну, и сейчас же купайтесь. Я боюсь, что...
>
> Взгляд ее был так выразителен, что чуткий и нервный Лариосик невольно почесал грудь близ подмышки и застенчиво улыбнулся.
>
> — Извиняюсь, Елена... — начал он.
>
> Николка мгновенно заразился, отстегнул ворот, скосил глаза и взглянул.
>
> — Ух, ух, ух! — воскликнул он и пальцами вытащил что-то маленькое и незаметное.
>
> — Николка! — возмущенно, негромко воскликнула Елена, — ты хоть бы не показывал. Тоже, пожалуйста, мыться. Вот черт, еще не хватало, чтобы ты тиф схватил. Проклятые казармы!
>
> — Ничего, ничего, ничего, — успокаивал Николка, — она веселая. Мне говорили, что если больная, так она худая и печальная, как скелет. — В руках у него что-то хрустнуло.
>
> — Николка! Ну, что это? — Она обратилась к Лариосику и горестно закивала головой: — Вот что у нас делается. Вот беда стряслась.
>
> — Да, да, ужасное несчастье. Как же это случилось? Вот ужас-то. А я-то ничего не подозреваю. Вижу, входит Алексей Васильевич, я, конечно, представляюсь, а он бледный, молчит. Я смутился, думаю, что он недоволен моим появлением, — говорил Лариосик, и его глаза выражали искреннее участие и наливались слезами.
>
> — Как же вы приехали, как же вы пробрались, не понимаю? — Елена стала комкать деньги и прятать их в громадный карман капота.

[9] *...как католик на молитве.* — Во время католической молитвы руки сложены ладонями друг к другу на уровне груди, пальцы направлены вверх.

[10] *Явились эти петлюровцы ~ — Красные...* — Красные шлыки в армии Директории носил входивший в состав 1-й Днепровской дивизии 1-й курень червоных казаков (см.: Тинченко 1997: 45).

[11] *Кровь... вопиет к небу...* — Библейская реминисценция; ср.: «<...> голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли <...>» (Быт. 4: 10).

[12] *Как будут жить семьсот тысяч людей здесь, в Городе...* — Согласно официальным данным, на 16 сентября 1917 г. население Киева составляло 467 703 человека (см.: СБК 1918: 6). По результатам переписи населения 16 марта 1919 г. в Киеве числилось 544 369 человек (см.: Перепись 1920: табл. 1). Возможно, в романе подразумеваются также многочисленные беженцы из большевистской России.

[13] *...страшное и некрасивое имя — Петлюра?* — Писатель и публицист И.Ф. Наживин отмечал: «<...> как раньше острили, что Скоропадский потому и Скоропадский, что скоро он падет, так теперь обыватель, которому вся эта кровавая канитель определенно надоела, по секрету объясняет, что Петлюра потому и Петлюра, что не миновать ему петли» (Наживин 1921: 174—175).

[14] *Косарь* — большой тяжелый нож с толстым и широким лезвием.

[15] *Пузырь с серебристой крышечкой.* — Имеется в виду непромокаемый мешок для льда, использовавшийся, чтобы облегчить жар.

[16] *Разрезная шинель* — шинель с разрезом внизу сзади.

[17] *...час угнетения и печали.* — В ЖР фраза продолжена:

> <...> час, когда циркуль стрелок сходится явно, но до неизбежного еще далеко. Далеко до половины шестого, когда человек понял, что страшное уже случилось и требуется бороться с ним и переживать его. Дело в том, что Анюта еще сама не знала, случилось ли это неизбежное или нет.

[18] *Боричев Ток* — улица в Подольском районе Киева, пересекающая Андреевский спуск. См. также примеч. 15 к гл. 1.

[19] *...раздвигать... кровать...* — Имеется в виду кровать-раскладушка, устройство которой отличалось от современных моделей.

[20] *Патентованная* — не просто «защищенная патентом», но также имеющая оригинальную, усложненную конструкцию.

[21] *...со всех четырех стен на Лариосика глядели книги.* — В ЖР далее следует фраза: «Здесь были заключенные в темную зелень давние старые книги Писемского, толстый и уютный Гончаров, монументальный Лев Толстой, десятками желтых обложек стояли французские беллетристы, мелькнул замечательный Пиквик...»

[22] *...за «Посмертные записки Пиквикского клуба» или за «Русский Вестник» 1871 года.* — В ЖР вместо этого: «...за Мопассана ли или за толстую историю искусств Гнедича?» «Посмертные записки Пиквикского клуба» («The Postumorus Papers of the Pickwick Club»; 1837) — роман английского писателя Чарльза Диккенса (1812–1870). По воспоминаниям Л.С. Карума, эту книгу Булгаков считал «непревзойденным произведением» (см.: Материалы к биографии 1995: 274). Сестра Булгакова Н.А. Земская в письме к К.Г. Паустовскому от 28 января 1962 г. вспоминала, что любимым западным писателем для Булгакова был Диккенс (Земская 2004: 85). «Русский вестник» (1856–1906 гг.) — один из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов второй половины XIX в. В нем публиковались многие известные произведения русской литературы — в частности, в «Русском вестнике», причем именно в 1871 г., стал печататься роман Ф.М. Достоевского «Бесы».

[23] *...тонкий ртутный столбик.* — Имеется в виду ртутный градусник.

[24] *...из столовой через прихожую мимо спальни Турбина в гостиную, а оттуда в кабинет...* — Перемещения Николки соответствуют планировке квартиры Булгаковых (см. ил. 8).

[25] *Каменка* — раскаленные камни в бане, обдаваемые водой для образования пара.

[26] *...фигура человека... в сером.* — Имеется в виду цвет солдатской шинели.

[27] *Лопарь* — представитель северного народа лопарей (саами), живущего в Норвегии, Швеции, Финляндии, России. При этом слово «лопарь» имело и другое значение: басурман, нехристь, еретик (Даль 1903–1909/2: 688).

[28] *Шандал* — тяжелый подсвечник.

[29] *Эфир* — лекарственное средство, использующееся для местной и общей анестезии.

[30] *Алебарда* — холодное оружие: комбинация копья и боевого топора на длинном древке.

[31] *...десятизарядного пистолета системы Кольт...* — См. примеч. 12 к гл. 10.

[32] *...коробка с вложенными в нее револьверами...* — Не только персонажи, но и повествователь «Белой гвардии» употребляет слова «револьвер» и «пистолет» как синонимы.

[33] *...погонами Николки ~ карточкой наследника Алексея...* — Имеется в виду А.Н. Романов, сын бывшего императора Николая II; убит вместе с другими членами царской семьи. В 1906 г. наследник-цесаревич стал шефом киевского Второго инженерного военного училища, названного впоследствии Алексеевским (вероятно, по этой причине фотография лежит вместе с по-

гонами). «Погоны у юнкеров Алексеевского училища были алые без выпушки с желтым и накладным серебряным вензелем в виде буквы "А" у роты Его Высочества» (Воробьева 2002: 48). По-видимому, имеет место неточность относительно погон Алексея Турбина: позже сказано, что накануне он сжег погоны в магазине мадам Анжу (см. с. 143–144 наст. изд.).

[34] *Парафиновая бумага* – разновидность оберточной бумаги, защищающая предмет от влаги.

[35] *Костыль* – здесь: толстый граненый гвоздь.

[36] *...вывеска швейной мастерской.* – В 1910-х годах на Андреевском спуске было около десятка швейных заведений: в справочнике «Весь Киев на 1915 год» указаны мастерские дамского платья (см.: Весь Киев 1915: 912–916) в домах 2 (хозяйка – А. Першиц), 3 (Шинкарева), 4 (Л.И. Головинская), 15 (О.И. Беспалова), 18 (m-me Глебова) и мастерские мужского платья (см.: Весь Киев 1915: 919–923) в домах 2 (три мастерские; хозяева – И.П. Василенко, С.И. Литовой, Б.М. Любич), 5 (Соколов) 7 (М. Аврин), 32 (Г. Кутик).

Часть третья

13

[1] *...на улице, ведущей... скатом вниз к Крещатику...* – Имеется в виду бывшая Фундуклеевская улица в Киеве (ныне – улица Богдана Хмельницкого). На ее пересечении с Владимирской улицей стоят оперный театр (см. примеч. 2 к гл. 6) и Педагогический музей (см. примеч. 51 к гл. 6).

[2] *Музей.* – Имеется в виду Педагогический музей (см. примеч. 51 к гл. 6).

[3] *...соседнее владение управления железных дорог.* – Имеется в виду здание управления Юго-Западных железных дорог, находившееся по адресу: Театральная улица, дом 8 (см.: Весь Киев 1915: 401).

[4] *Было ровно четыре часа дня на старинных часах на башне дома напротив.* – Показательна запись Николки о том, что Най-Турс погиб в 4 часа дня (см. примеч. 37 к гл. 11). Таким образом, бегство братьев Турбиных, когда им обоим чудом удается спастись от смерти, в романном времени «синхронизировано» – эти события происходят одновременно, около 16 часов (см. примеч. 1 к гл. 2).

[5] *Золотые ворота* — остатки оборонительного сооружения XI в. в Киеве на современной Владимирской улице. Крепостная башня в настоящее время реконструирована.

[6] *...влево по переулку...* — Имеется в виду Золотоворотская улица между Большой Подвальной (ныне — Ярославов Вал) и Рейтарской улицами.

[7] *Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах... Тянет к холодку... к обрыву.* — Возможная реминисценция из маленькой трагедии А.С. Пушкина «Пир во время чумы» (1830; опубл. 1832): ср. образ «упоения <...> бездны мрачной на краю» (Пушкин 1994—1996/7: 180). Сходна также метафора падения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; ср.: «Испытывал ты, видал ты во сне, как в яму с горы падают? Ну, так я теперь не во сне лечу. И не боюсь, и ты не бойся. То есть боюсь, но мне сладко. То есть не сладко, а восторг... Ну да черт, всё равно, что бы ни было» (Достоевский 1972—1990/14: 97). Сходный лейтмотив присутствует в рассказе Б.А. Пильняка «Смертельное манит» (1918), вошедшем в его одноименный сборник (М., 1922); ср.: «<...> смертельное манит, манит полая вода к себе, манит земля к себе с высоты, с церковной колокольни, манит под поезд и с поезда» (Пильняк 2003—2004/1: 323). Показательно также упоминание в рассказе А.С. Грина «Крысолов» (опубл. 1924; журнал «Россия». № 3; в следующем номере начал печататься роман «Белая гвардия»); ср.: «Эти впечатления сеяли особый головной зуд, притягивая к мыслям о катастрофе теми же магнитами сердца, какие толкают смотреть в пропасть» (Грин 1991—1997/3: 330).

[8] *Прорезная* — улица, примыкающая к Владимирской напротив бывшей Большой Подвальной. Происхождение названия связано с тем, что Прорезная улица в первой половине XIX в. была проложена через один из старокиевских валов — часть военных укреплений, восходящих к временам Ярослава Мудрого.

[9] *...монгольские раскосые глаза.* — Возможная реминисценция из известнейшего произведения послереволюционного периода на тему восточной сущности России — стихотворения А.А. Блока «Скифы» (1919); ср.: «Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, — | С раскосыми и жадными очами!» (Блок 1999: 77). Эпиграфом к «Скифам» служит цитата из стихотворения философа В.С. Соловьева «Панмонголизм» (1894). Тема поглощения (как физического, так и психологического) Европы Азией реализована также в работе Соловьева «Три разговора» (1899), где говорится об угрозе «панмонголизма», обсуждается перспектива «<...> азиатского нашествия на Европу <...>, <...> грядущей монгольской грозы» (Соловьев 1914: 89—90).

Среди произведений начала XX в., в которых данная идея получила отклик, — роман А. Белого (псевд. Б.Н. Бугаева; 1880–1934) «Петербург» (1913), где, однако, Восток и Запад не составляют простую оппозицию, а находятся в сложном взаимодействии. Показателен также фрагмент статьи поэта и философа Вяч. И. Иванова «Вдохновение ужаса (о романе Андрея Белого “Петербург”)» (1916); ср.:

> Воображение поэта преследует «желтая опасность». Что же такое за опасность, глашатаем которой был у нас Вл. Соловьев? Только ли «панмонголизм» Вл. Соловьева? Андрей Белый принимает все пророчествования о «панмонголизме», но прибавляет к нему новые и особенные черты.
>
> Панмонголизм грядущий вырастает из старинных корней: в нем возрождается колдовской Туран незапамятного прошлого. Он живет, прежде всего, в нашей крови и ее разлагает. В то же время, это — яд, обращающийся в жилах европейской культуры: живет он и в веществе нашего мозга. Так заражена им не Россия только, но и Западная Европа.
>
> Иванов 1987: 626–627

Возможна также историческая аллюзия; ср. монголо-татарское иго (1230-е — 1480), одной из жертв которого стало Киевское княжество. Петлюровец, таким образом, — представитель «степи», движущейся на Русь. Здесь же прослеживается античная аллюзия: петлюровец — один из варваров, захвативших Рим (подробнее о соотнесении Киева с античным Римом в романе см. примеч. 11 к гл. 1).

Алексей Турбин, по-видимому, тоже ассоциировался с «восточным» началом. В сделанных П.С. Поповым со слов Булгакова записях имеется не вполне ясная заметка о происхождении рода писателя по материнской линии:

> Орда
> Турбин.
>
> НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1

Булгаков также сознавал и акцентировал восточное происхождение отцовской фамилии (см. примеч. 4 к гл. 1) — так, автобиографический ге-

рой романа Булгакова «Записки покойника» носит фамилию тюркского происхождения Максудов (см.: Чудакова 1988: 27). Среди произведений Булгакова начала 1920-х годов татарская тема актуальна в рассказе «Ханский огонь» (1924), главный герой которого – князь Тугай-Бег, чей род восходит к «повелителю Малой Орды» (Булгаков 2007–2011/1:469). При этом псевдонимом «К. Тугай» (вероятная расшифровка – «князь Тугай») Булгаков подписал отрывок «Фурибунда» (фрагмент будущего романа «Мастер и Маргарита»), переданный 8 мая 1929 г. в альманах «Недра» (см.: Чудакова 1988: 405).

10 *Гривенник* – десятикопеечная монета.

11 *Угонка* – «настиженье зверя собаками и поворот его в сторону» (Даль 1903–1909/4: 943). Метафора человека-волка у Булгакова двойственна: с одной стороны, с волками сравниваются персонажи, явно не близкие автору, – таков, напр., бандит, следящий через окно за Василисой (см. примеч. 10 к гл. 3); с другой – волчьи черты придаются автобиографическому герою. Неоднозначность образа волка сохраняется на протяжении всего творчества Булгакова (см.: Яблоков 2001: 341–364).

12 *...третий. Это с древности известный раз.* – В традиционной культуре число «три» имеет сакральное значение.

13 *...страх прямо через всё тело и через ноги выскочил в землю.* – Реализация фразеологизма «душа в пятках», обозначающего сильный испуг.

14 *...но как будто тяжелела левая.* – Возможная перекличка с рассказом А.Н. Толстого «Четыре картины волшебного фонаря» (1921); ср.:

> Неслышно, за шумом выстрелов, к воротам подошли красные. Справа, на тротуаре, вдруг появился человек с широким, вздернутым носом, в косматой папахе, с круглыми, из-под бараньего меха, голубыми глазами. «Вот они!» – крикнул он дурным голосом и кинулся назад, к своим. <...>
>
> Никитин показал глазами на калитку; его солдаты, без шума, зашли за ворота, во дворик. Пятясь, вошел за ними Никитин, задвинул за собой засов. «Срывай погоны, уходи», – сказал он. Солдаты побросали ружья и картузы, подсаживая один другого, полезли через забор, и трое тяжело спрыгнули во двор, на ту сторону. «Стой, стой», – сейчас же там раздались надрывающие душу голоса.
>
> Толстой 1922б: 4

Герой пытается залезть на сарай, но мешает раненая рука. Из-за забора появляются два красноармейца, одного из которых герой убивает.

> С забора открыли стрельбу.
>
> Под прикрытием будки Никитин пополз к бревенчатому сараю и только теперь заметил, что сарай не подходил вплоть к кирпичной стене соседнего дома — между ними была щель. Он заполз в нее, обдираясь спиной и грудью, стал протискиваться, оторвал гнилые доски, которыми в дальнем конце была забита щель, и вышел в пустой переулок. Сознание его снова было ясным, движения уверенными и ловкими. Он швырнул в кучу грязного снега револьвер, отстегнул погоны, спрятал их на грудь, под гимнастерку, и спокойным шагом, держась середины улицы, пошел к центру города.
>
> Толстой 1922б: 4

Затем герой видит входящих в город красных и чернобородого человека на лошади:

> На сером его полушубке, на сердце, краснела, будто морская, налитая кровью, пятирогая звезда.
>
> Никитин, с трудом отведя глаза, усмехнулся. «Нет, этого пулей не возьмешь, крестом его надо» <...>
>
> В ту же ночь он бежал из города, на двадцатой версте перешел через фронт к белым и свалился в тифозной горячке.
>
> Толстой 1922б: 4, 6; см. также: Толстая 2006: 469

Вариацией названия «Четыре картины волшебного фонаря» стал подзаголовок рассказа Булгакова «Налет»: «В волшебном фонаре» (1923; см.: Булгаков 2007–2011/1: 386).

[15] *Самая фантастическая улица в мире.* — Имеется в виду Мало-Провальная улица (в реальности — Малоподвальная улица в Киеве).

[16] *«Не теряйте, куме, силы, опускайтеся на дно».* — Вариант украинской поговорки «Не трать, куме, сили, — пускайсь на дно!» (*укр.*) — «Не трать, кум, силы — иди ко дну». В начале XX в. поговорка стала особенно популярна благодаря стихотворению украинского поэта, прозаика и публициста И.Я. Франко (1856–1916) «Современная поговорка» («Сучасна приказка»; 1902), в котором служит рефреном; ср.:

Оригинал	Ви чули ту пригоду? В часі розливу рік Попав у бистру воду Нещасний чоловік. В глибокім вирі б'ється І тоне вже туй-туй, До кума, що на мості, Кричить: «Рятуй! Рятуй!» А кум, що на поруччя Поважно лікті спер, Глядить критично: «Втоне Чи вирне ще тепер?» Вкінці махнув рукою І мовив лиш одно: «Не тратьте, куме, сили, Спускайтеся на дно»
	Франко 1976: 138–139
Подстрочный перевод	Слыхали такой случай? Во время разлива рек упал в быструю воду один бедолага. Бьется в глубоком водовороте, уже почти тонет и кричит куму на мосту: «Спаси, спаси!» А кум, на перила важно опершись, смотрит и гадает: «Утонет или еще вынырнет?» Наконец махнул рукой и сказал: «Не тратьте силы, кум, — идите ко дну».
	Пер. наш

17 *...в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду.* — Турбин оказывается вне зоны видимости петлюровцев, повернув за угол: реальная Малоподвальная улица в направлении от Владимирской

изгибается влево. Таким образом, калитка в стене, возле которой стоит Юлия, находится на левой (по ходу движения Турбина) стороне улицы, а фантастический сад, где скрыто ее жилище, помещен в неправильном прямоугольнике между Малоподвальной улицей, Михайловским и Крещатикским переулками.

[18] *...в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной.* — На реальной Малоподвальной улице в Киеве не могли бы расположиться большие сады, подобные тем, что изображены Булгаковым:

> Никакая логика не может допустить, чтобы спасенный оказался «*высоко и далеко* от роковой Провальной», так как чуть выше проходит большая и широкая Владимирская улица <...> Здесь происходит <...> чудо спасения, густо обставленное инфернальными знаками *провала* в какие-то неведомые, не вписывающиеся в киевскую топографию пространства.
>
> Петровский 2001: 255–256

Движение Алексея Турбина «вверх» по саду, образ которого традиционно воплощает сакральную, райскую символику (см.: МНМ 1991–1992/2: 363–364), соотносится с вознесением, контрастируя с названием улицы — «Провальная». Характерно, что основной топоним, связанный с главным героем — Алексеевский спуск (см. примеч. 12 к гл. 1), — намекает на движение «вниз».

[19] *...в нитку втянулся за ней Турбин в фонарь.* — Обыгрывается многозначность слова «фонарь»: 1) проекционный аппарат «волшебный фонарь» (см. примеч. 14 к гл. 13), в «туманной картине» которого оказываются Турбин и таинственная незнакомка; 2) эркер, остекленный выступ в стене здания. Ср. также фразеологизм «вытянуться в нитку» в значении «исхудать» (см.: Михельсон 1912: 995).

[20] *...светлые завитки волос и очень черные глаза близко.* — Реминисценция из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»; ср.: «...Порой белянки черноокой | Младой и свежий поцелуй...» (Пушкин 1994–1996/6: 89). См. также гл. 9, где о Юлии говорилось, что она истерзана и смята поцелуями страстного Онегина (см. с. 123 наст. изд.).

[21] *Оттоманка* — мягкий диван с валиками по бокам и подушками вместо спинки.

[22] *Мы пробежали три сада.* — Фольклорный мотив; ср. эпизод в сказке «Торбочка-самобранка», где солдат вслед за принцессой пробегает Медный, затем Серебряный, затем Золотой сады (см.: Садовников 1884: 54).

Принцип троичности реализован также в эпизоде спасения младшего Турбина: Николка, убегая от петлюровцев, преодолевает три двора, причем в третьем видит в окне «искаженное ужасом женское лицо» (см. с. 146 наст. изд.) — однако никакой помощи не получает, в то время как в жизни старшего Турбина незнакомая женщина играет благотворную роль.

[23] *Вдруг придут... револьвер... ~ двумя пальцами браунинг...* — Браунинг не револьвер, а пистолет (см. примеч. 24 к гл. 2). То, что Булгаков осознавал разницу, подтверждается диалогом в рассказе «Морфий»:

> — Револьвер? — дернув щекой, спросил хирург.
> — Браунинг, — пролепетала Марья Власьевна.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 375

[24] *— Я убил?* — Ср. заглавие рассказа Булгакова «Я убил» (1926), основная сюжетная коллизия которого — убийство врачом пациента, жестокого петлюровского полковника (см.: Булгаков 2007–2011/1: 407).

[25] *Юлия Александровна Рейсс.* — См. примеч. 46 к гл. 9. Прототипом героини, возможно, явилась Валентина Николаевна Сынгаевская (1891–1985), сестра Н.Н. Сынгаевского (см. примеч. 18 к гл. 2). Семья Сынгаевских жила в доме 13 на Малоподвальной улице, недалеко от того места, где Булгаков поселил семью Най-Турса (Мало-Провальная улица, дом 21; см. также примеч. 5 к гл. 17). Т.Н. Кисельгоф вспоминала о В.Н. Сынгаевской: «Очень такая... своеобразная девица... крикливо одевалась. Не знаю, то ли замужем она была, то ли нет» (Кисельгоф 1991: 61). В семье Сынгаевских было пять дочерей — Валентина являлась младшей, при этом четвертую по старшинству дочь звали Юлией.

Прототипом могла также выступить Наталья Владимировна Рейс — дочь полковника Генерального штаба В.В. Рейса, умершего в 1903 г. (см.: Тинченко 1997: 171–172). В воспоминаниях генерала А.С. Лукомского (1868–1939) говорится, что полковник Рейс был старшим адъютантом управления военных сообщений Киевского военного округа; мемуарист характеризует Рейса как человека очень талантливого, но приверженного алкоголю, что и послужило причиной ранней смерти (см.: Лукомский 2001: 97, 99). Вместе с матерью и младшей сестрой Ириной Наталья Рейс жила по адресу: Малоподвальная улица, дом 14, квартира 1 (рядом с Сынгаевскими, у которых Булгаков нередко бывал). В 1910–1911 гг. в квартире на Малоподвальной остались только Наталья с мужем, а после развода она стала жить там одна (см.: Тинченко 1997: 172).

14

[1] *Не вышел в расход.* — Не был убит.

[2] *Он, но без усов... Он...* — В Кр5 далее вычеркнуто: «Она метнулась, но не к двери, а почему-то сперва к маленькому зеркалу, висевшему в простенке. Зеркало показало страшное уродство. Заплывший правый глаз, а левый раздвоенный, толстые щеки, каких никогда не было у Анюты».

[3] *Студенческое пальто с барашковым воротником и фуражка... исчезли усы...* — В Кр5 далее идет вычеркнутая фраза: «О, как это дурно!»

[4] *Уральский самоцвет.* — Самоцветы — драгоценные, полудрагоценные и поделочные ка́мни, как правило, прозрачные или полупрозрачные. Одно из крупнейших в мире месторождений ценных минералов находится на Среднем Урале.

[5] *При чем тут Елена ~ Алексея Васильевича ранили...* — В Кр5 диалог имеет следующий вид:

> — При чем тут Елена... — укоризненно шепнул голос, пахнущий одеколоном и табаком, — что вы, Анюточка...
>
> Жарко, тепло в недрах пальто, и студенческие пуговицы на тужурке впиваются в грудь.
>
> — Пустите... закричу... вот закричу, — шепотом и хрипло бормотала Анюта.
>
> — Зачем же кричать на морозе? Что ты, Анюта, — спросил голос, и длинные пальцы ловко подменили пуговицы. Голос прервался судорожным вздохом.
>
> — Анюта, ты красавица... ей-богу... форменная, — шептал хрипловатый тенор, — ты больше на принцессу, в сущности, похожа, чем на Анюту. — В полутьме голос прервался, разные глаза потемнели, голос сбивался на какую-то чепуху...
>
> Принцесса?.. А?.. Такие слова... В голове от таких слов всё поехало как на салазках под гору... Дух перехватило, но будь что будет...
>
> — Вот в кухню... кто зайдет... Елена Васильевна... вот и будет, — шептала Анюта, закрыв глаза и чувствуя, что холодные пальцы кидают в озноб, бродя уже по голому телу.
>
> — Зачем в кухню заходить?.. В кухню незачем... На тебе любой с удовольствием женится, если хочешь знать...
>
> — Виктор Викторович, пустите, закричу, как бог свят, — страстно сказала Анюта и обняла за шею Мышлаевского, — у нас несчастье — Алексей Васильевича ранили...

[6] *Блестящие коробки.* — Имеются в виду стерилизаторы для кипячения и хранения шприцев и игл.

[7] *Боярская шапка.* — Вероятно, имеется в виду не фасон (бояре носили высокие шапки цилиндрической формы, расширяющиеся кверху), а материал (мех) и общее «богатое» впечатление.

[8] *...профессор, самого же Турбина учитель.* — В Кр5 профессор носит фамилию Янчевский. Она указывает на терапевта Феофила Гавриловича Яновского (1860–1928), профессора кафедры врачебной диагностики на медицинском факультете Киевского университета (см.: Аронов: 1999: 145; Ноженко 2001: 151). Прототипом мог также явиться Николай Маркиянович Волкович (1858–1928), заведовавший в том же университете кафедрой хирургии (см.: Виленский 1991: 38).

[9] *Сыпной тиф.* — Автобиографическая аллюзия: самому Булгакову сыпной тиф в начале 1920 г. помешал эвакуироваться с белыми из Владикавказа и покинуть Россию. За время его болезни произошла смена власти. Т.Н. Кисельгоф вспоминала:

> <...> я выхожу <...> город меня поразил: пусто, никого. По улицам солома летает, обрывки какие-то, тряпки валяются, доски от ящиков... Как будто большой пустой дом, который бросили. Белые смылись тихо, никому ничего не сказали. <...> И две недели никого не было. Такая была анархия! <...> И вот Михаил лежал. Один раз у него закатились глаза, я думала — умер. Но потом прошел кризис, и он медленно-медленно стал выздоравливать. Это когда уже красные стали.
>
> Кисельгоф 1991: 78–79; см. также: Кисельгоф 1995: 288–289

Автор «Белой гвардии» не объясняет причину, по которой Турбин заразился тифом; единственная фабульная возможность — появление Мышлаевского, в одежде которого, по словам того же Алексея, «кишат» вши (см. с. 20 наст. изд.). В таком случае болезнь развивается весьма быстро: заражение произошло вечером 12 декабря, диагноз поставлен 16-го, а кризис совершится 22-го.

[10] *Оперная студия Крамского.* — Возможная аллюзия на Малый театр антрепренера А.М. Крамского (?–1910?), созданный им в 1906 г. в Киеве и в 1910 г. преобразованный в театр миниатюр «Сатирикон» (который, однако, просуществовал недолго).

[11] *Его сиятельство* — графский и княжеский титул. Имеется в виду князь Белоруков (в реальности — А.Н. Долгоруков; см. примеч. 37 к гл. 3).

[12] *Его светлость.* — С 1918 г. гетман П.П. Скоропадский носил официальный титул «Его Светлость Ясновельможный Пан Гетман Всея Украины».

[13] *Музей.* — Имеется в виду Педагогический музей (см. примеч. 51 к гл. 6).

[14] *Впрыскивание* — здесь: укол.

[15] *Винт* — карточная игра, комбинация виста и преферанса. Винт был любимой карточной игрой в семье Булгаковых. Илария Булгакова (см. примеч. 45 к гл. 11) 11 ноября 1914 г. писала Надежде Булгаковой о Михаиле и Татьяне: «Они живут настоящим семейным домом. Устраивают субботы; винтят» (Земская 2004: 100); с начала 1914 до конца весны 1916 г. Т.Н. и М.А. Булгаковы снимали комнату у И.П. Воскресенского, в доме 38 по Андреевскому спуску (см.: Дом Булгакова 2015: 35). Друг детства и юности Булгакова А.П. Гдешинский (см. примеч. 30 к гл. 9) 1 октября 1914 г. писал Н.А. Булгаковой (Земской): «Играем иногда в винт у молодых Булгаковых (Михаила и Татьяны. — *Е.Я.*) купно с Борисом Богдановым» (Дом Булгакова 2015: 27; о Богданове подробнее см. примеч. 19 к гл. 2). Показательно шуточное домашнее стихотворение, сочиненное Булгаковым в 1915 г.:

Помоляся Богу,
Улеглася мать.
Дети понемногу
Сели в винт играть.

Земская 2004: 90

Сохранилась фотография 1915 г., на которой он с женой Татьяной и сестрой Надеждой запечатлен за игрой в винт (см. фотоальбом в изд.: Земская 2004: 192–193).

П.Н. Зайцев (секретарь издательства «Недра») в мемуарах рассказывает, как в середине 1920-х годов его учили играть в винт Булгаков и Л.Е. Белозерская:

> Я сказал, что никогда в эту игру не играл. Мы вспомнили рассказ Чехова «Винт».
>
> — В чем она заключается? — спросил я. — И чем отличается от преферанса и стуколки?
>
> Игры в вист я также не знал.
>
> И Булгаков и его жена стали мне объяснять.
>
> — Да не хотите ли поучиться? — прервал свои пояснения Булгаков. — Давайте сыграем партийку-другую.

> Я согласился. Сели. Часа два или три я обучался у них этой новой игре. <...> Они приглашали меня заходить и при случае еще поучиться занимательной «чеховской» игре. Но как-то не нашлось у меня времени специально на винт.
>
> Зайцев 2008: 287–288

[16] *Податной инспектор* — служащий налогового ведомства. В период жизни в г. Екатеринославе (современный Днепропетровск) такую должность занимал тесть Булгакова Николай Николаевич Лаппа (1868–1918), который очень любил играть в винт (см.: Кисельгоф 1991: 15).

[17] *Ренонс* — отсутствие карт какой-либо масти у игрока.

[18] *...первых пятнадцати страниц римского права...* — Деталь указывает на то, что Мышлаевский начинал учиться на юридическом факультете. Там же учился (по крайней мере некоторое время) Н.Н. Сынгаевский (см. примеч. 18 к гл. 2); показательно замечание в письме сестре Булгакова Надежде от другой сестры, Веры, от 20 апреля (3 мая) 1913 г.; ср.: «Коля Сынгаевский <...> усиленно готовится к экзаменам и собирается на юридический факультет» (цит. по: Земская 2004: 218).

Римское право — правовая система в Древнем Риме и Византийской империи (VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.), положенная в основу романо-германской правовой семьи, которая объединяет правовые системы стран континентальной Европы, в том числе России.

[19] *Потому что писал не обормот какой-нибудь, а артиллерийский офицер.* — В Кр5 после этой фразы идет вычеркнутый текст:

> Вот приехал этот, как его? Винниченко. Может он что-нибудь написать? Нет, я вас спрашиваю, может человек с фамилией «Винниченко» что-нибудь такое написать?
>
> – Я не читал его, – робко сказал Лариосик.
>
> – Смело можете и не читать. Ручаюсь вам, что чепуха!

Л.Н. Толстой во время Крымской войны в звании поручика артиллерии участвовал в обороне Севастополя (ноябрь 1854 г. – август 1855 г.).

[20] *Папуасы* — здесь: дикари.

[21] *Купил* — здесь: взял прикуп (карты в добавление к сданным).

[22] *Мышлаевский, словно гильзы из винтовки, разбросал партнерам по карте.* — В Кр5 далее вычеркнуто: «<...> играя веером в длинных белых пальцах... Пальцы изумительной красоты».

[23] *М-малый в пиках...* — Имеется в виду малый шлем, положение в карточной игре, когда противнику дается только одна взятка.

[24] *«Папа-мама»*. — Имеется в виду марьяж — положение в карточной игре, когда король и дама одинаковой масти одновременно находятся на столе или в руке у игрока.

[25] *...без одной!* — Имеется в виду недобор одной из объявленного числа взяток.

[26] *Я думал, что у Федора ~ это же не стихи!* — Реминисценция из рассказа А.П. Чехова «Винт» (1884); ср.:

> — Я, ваше-ство, пошел с титулярного, потому что думал, что у них действительный.
>
> — Ах, голубчик, да ведь так нельзя думать! Это не игра! Так играют одни только сапожники. Ты рассуждай!..
>
> Чехов 1974–1982/3: 72

[27] *Ломоносов* М.В. (1711–1765) — русский ученый и поэт.

[28] *Надсон* С.Я. (1862–1887) — популярный на рубеже XIX–XX вв. русский поэт. В 1910-х годах были несколько раз изданы дневники Надсона, где присутствует (хотя и не занимает важного места) тема карточной игры.

[29] *В отдалении за многими дверями ~ Рановато как будто? А?* — Имеется в виду обыск, которого ожидают персонажи. В Кр5 фрагмент имеет иной вид (отличающийся текст вычеркнут):

> В отдалении за многими дверями в кухне затрепетал звоночек. Раньше одновременно с ним трепетал и в передней, но сегодня, поднявшись на стол и табурет, Николка выключил его, чтобы не беспокоить раненого. Помолчали. Послышался стук каблуков, раскрылись двери, появилась Анюта. Она была в лакированных туфлях, и волосы у висков у нее подвиты. Глаза ее блестели, а лицо похорошело. Голова Елены мелькнула в передней. Мышлаевский побарабанил по сукну и сказал:
>
> — Рановато как будто? А?

[30] *— Вместе пойдем, — сказал Карась.* — В Кр5 далее вычеркнуто: «Лица стали серьезными. Шервинский крякнул неуверенно».

[31] *Ушейся* — здесь: зайди.

[32] *Играй* — здесь: отправляйся.

[33] *Архангел* — здесь: жандарм, полицейский, соглядатай.

[34] *Сплавь* — здесь: избавься, выбрось.

[35] *...под Варшаву со мной ездила...* — Вероятно, имеется в виду участие в Первой мировой войне, а именно в Варшавско-Ивангородском сражении осенью 1914 г. либо в боях под Варшавой летом 1915 г., после которых русская армия оставила территорию Польши.

[36] *Студенческий харьковский.* — Имеется в виду студенческий билет. В начале XX в. в Харькове было несколько высших учебных заведений: Императорский университет, Технологический институт, Ветеринарный институт.

[37] *Актер оперетки Липский...* — Видимо, аллюзия на работавший в Киеве в 1915–1916 гг. театр оперетты, открытый антрепренером М.П. Ливским (наст. фамилия — Ливенсон; 1873–1951). Вместе с тем фамилия персонажа пародийно ассоциируется с районом Липки в Киеве (см. примеч. 47 к гл. 4) или с Липским (Виноградным) переулком, расположенным между Левашевской и Екатерининской улицами.

[38] *Лисович я... Лисович...* — В Кр5 далее следует вычеркнутое: «И, повторяя, Василиса бессмысленно глядя в ошалевшего Мышлаевского. — Ах, боже мой! Алексей Васильевич лежит? Ну, всё равно — вы!» (грамматически фраза неверна).

[39] *Василиса был ужасен...* — Возможно, пародийная реминисценция из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833); ср.: с описанием Петра I во время Полтавской битвы: «Лик его ужасен» (Пушкин 1994–1996/5: 56). Показательна также ремарка при первом появлении Обольянинова в комедии Булгакова «Зойкина квартира» (1926); ср.: «<...> стремительно входит, вид его ужасен» (Булгаков 2007–2011/4: 106).

15

[1] *...пачка Лебидь-Юрчиков лежала на полу.* — В Кр5 далее вычеркнуто: «<...> а рядом с ней пачка сегодня только привезенных Василисой со службы из "Управления Нижне-Днепровскими шоссейными путями" зелено-желтых бумажек».

[2] *...достигло геркулесовых столбов.* — Дошло до предела, крайней степени. Геркулесовы столпы, или Столпы Геракла, — античное название предгорий на африканском и европейском берегах Гибралтарского пролива: Геракл обнаружил Геркулесовы столбы по пути к великану Гериону или, по другой версии, сам соорудил их (см.: СА 1994: 131).

[3] *Василисе мучительно захотелось ~ не признает себя побежденным.* — Комичные садистские размышления персонажа и агрессивное соперничество супругов отсылают к роману австрийского писателя Леопольда фон Захер-Мазоха (1836–1895) «Венера в мехах» («Venus im Pelz»; 1874), главная тема которого — сладострастное унижение мужчины перед женщиной. Примечательно, что жену Василисы зовут так же, как героиню романа Мазоха, — Вандой, однако отношения между ними, по сравнению с романом Мазоха, представлены в «перевернутом» виде: Василиса мечтает избить и унизить Ванду.

[4] *...пришпиливали денежные бумажки.* — В Кр5 фрагмент имеет следующий вид:

> <...> пришпиливали пятисоткарбованцевые бумажки.
> Лебиди-Юрчики не поместились.

[5] *Зеленый сыр* — особый сорт твердого сыра, имеющий зеленый цвет. Обычно его едят с макаронными изделиями, бутербродами и т. п.

[6] *Не понимая, что мучает его, Василиса исподлобья смотрел на жующую Ванду.* — В Кр5 фраза продолжена вычеркнутым внутренним «монологом»:

> <...> и представлял ее мертвой. Умирают же люди. О, зачем, зачем он тогда женился? Зачем? Одиннадцать лет он тянет лямку, как бессрочный каторжник. Нет. Она не попадет под трамвай, тиф ее не схватит, нет. Она будет жива, это несомненно, и мучениям впереди нет никакого срока. Зачем, какой дьявол толкал его на безумный поступок? Почему понадобилось каторжной цепью связать себя с этим желтым лицом, газетными папильотками и тонкими бледными губами? Боже, Боже! Да, всё теперь, будь он один, холост, свободен, какая бы у него была чудесная, сказочная воистину жизнь. Сейчас бы вечером он был один. Явдоха бы пришла... Всегда можно было бы устроить так, чтобы она пришла. А теперь... Василиса представлял себе труп Ванды, убитой и разрезанной на четыре куска. Его можно было бы запаковать в корзину и отправить в Брест-Литовск. Брр. Страшно... Найдут, поймают...

[7] *...в передней прозвенел звонок.* — По воспоминаниям Т.Н. Кисельгоф, в дом 13 по Андреевскому спуску однажды действительно пришли петлюровцы:

> Обуты в дамские боты, а на ботах шпоры.... И все надушены «Кер де Жаннетт» («Cœur de Jannette» (*фр.*) — «сердце Жаннетты», — одно из названий растения дицентра великолепная, или сердцецвет великолепный. — *Е.Я.*) — духами модными. «У вас никто не скрывается?» Кого-то они искали. Смотрят — никого нет. Как раз Михаил собирался уйти, он в пальто был. Они полезли под стол, под кровать, посмотрели туда-сюда, потом говорят: «Идем отсюда, тут беднота, ковров даже нет. Тут еще квартира есть — может, там лучше!» И пошли вниз — к архитектору этому, у которого снимали квартиру. <...> Вот там они разошлись! Мы потом это узнали. Они кричали очень — уже потом — просили, чтоб мы пришли.
>
> Воспоминания 1988: 116

[8] *Мандат* — здесь: ордер, разрешение, удостоверение.

[9] *Как во сне двигаясь под напором хрустящих в двери...* — Слово «хрустящих» считается ошибочным и в большинстве изданий (Булгаков 1966; Булгаков 1973; Булгаков 1989—1990/1) исправлено на «входящих», однако замену нельзя считать вполне правомерной.

[10] *...как во сне их видел Василиса. В первом человеке всё было волчье...* — Реминисценция из романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» — показателен эпизод с первым появлением Пугачева; ср.: «Должно быть, или волк, или человек» (Пушкин 1994—1996/8-1: 288).

Мотив сна в этом эпизоде может быть скрытой отсылкой к идеям австрийского психиатра и основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда (1856—1939). Психоанализом интересовался близкий друг и первый биограф Булгакова П.С. Попов — так, в 1924 г. Попов прочел в Государственной академии художественных наук опубликованный позднее доклад на тему «Я и Оно в творчестве Достоевского» (см.: Попов 1928).

Первое упоминание о бандите-«волке» возникает в сцене, когда тот через окно наблюдает за Василисой, устраивающим в стене тайник (см. примеч. 10 к гл. 3). Описание волка может быть вариацией на тему сна пациента Фрейда С.К. Панкеева (1886—1979), который считал себя самым знаменитым случаем Фрейда (Человек-волк 1996: 258—259) и в историю психоанализа вошел под прозвищем «человек-волк». Работа Фрейда «Из истории одного детского невроза» (1915), где дается подробный анализ случая Панкеева, в 1920-х годах была переведена на русский язык. Булгаков мог почерпнуть некоторые детали для образа человека-волка в «Белой гвардии» из изложения детского сна Панкеева:

> Мне снилось, что сейчас ночь и я лежу в своей постели. (<...> Я помню, что видел этот сон зимой и была ночь.) Неожиданно окно открылось само по себе и я испугался, потому что увидел, что несколько белых волков сидят на большом ореховом дереве прямо перед окном. Их было шесть или семь. Волки были почти белые и больше были похожи на лисиц или овчарок, потому что у них были большие хвосты, как у лисиц, а уши они навострили, как у собак, когда они к чему-то прислушиваются. В ужасе, что волки могут меня съесть, я закричал и проснулся.
>
> Фрейд 1925: 121

Шесть элементов сна совпадают с эпизодом в романе Булгакова: зима, ночь, окно, дерево, волк, лиса (фамилия Лисович). Существенно и то обстоятельство, что пациент Фрейда видел сон перед Рождеством в ожидании Сочельника: день Рождества был днем рождения Панкеева (Фрейд 1925: 185, 202). Невроз, по поводу которого Панкеев обращался к Фрейду, обострился на почве венерического заболевания, что соотносится с врачебной специальностью Алексея Турбина.

Метафора волка как асоциального существа, уголовника (волк — один из синонимов слова «вор») реализована в повести Булгакова «Собачье сердце» в образе преступника-рецидивиста Клима Чугункина, «гены» которого доминируют в Шарикове, подавляя мирное собачье начало, воплощенное в Шарике (см.: Яблоков 2001: 341–349). В одном из эпизодов повести два приведенных Шариковым собутыльника похищают в квартире Преображенского вещи и деньги (см.: Булгаков 2007–2011/2: 239).

[11] *...смотрел иноходью...* — Иноходь — «конская побежка, в которой лошадь заносит обе ноги одного бока вместе, тогда как в рыси ноги движутся по две разом, крест-накрест» (Даль 1903–1909/2: 106). Трудно определить, имеет ли место незамеченная ошибка или слово является авторской метафорой. В первом полном издании романа в СССР слово «иноходью» заменено на «исподлобья» (см.: Булгаков 1966: 292), этот вариант воспроизведен и в последующих изданиях (Булгаков 1973: 208; Булгаков 1989: 223; Булгаков 1989–1990/1: 368).

[12] *Он говорил на страшном и неправильном языке — смеси русских и украинских слов...* — Имеется в виду языковое образование, называемое суржиком. Возможно, в прижизненных изданиях романа допущена опечатка и вместо «страшном» должно читаться «странном» (см.: Яновская 1989: 750); сходная сцена присутствует в рассказе Булгакова «В ночь на 3-е число»; ср.: «<...>

завопил на диковинном языке, состоящем из смеси русских, украинских и слов, сочиненных им самим» (см. стр. 297 наст. изд.).

[13] *Шлык* — здесь: шапка (см.: Даль 1903–1909/4: 1453).

[14] *Опорки* — старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами.

[15] *Предписуется зробить обыск ~ Тебя же убить треба!* — Эпизод с поиском замурованного клада получил трагикомичное продолжение в реальности, когда сам прототип Василисы уже ушел из жизни. По воспоминаниям Т.Н. Кисельгоф, Листовничие «<...> ругали [Булгакова] на чем свет стоит и проклинали <...> он там про клад написал, так они всю стену разломали» (Кисельгоф 1991: 63). Дочь В.П. Листовничего И.В. Кончаковская рассказывала, что роман навлек на семью неприятности со стороны властей:

> <...> когда в конце двадцатых или в начале тридцатых годов изымали золото, один из соседей — вот там, через улицу жил, — вспомнил, что в каком-то романе Миша писал о некоем домовладельце, у которого что-то там где-то хранилось, так вот, если оно действительно есть... Но его не было. Не было уже ничего... И всё же как-то нехорошо получилось. Зачем так уж прямо?
>
> Некрасов 2004: 104

[16] *Цветок граммофона.* — Имеется в виду металлическая граммофонная труба, напоминающая формой цветки некоторых растений (вьюнка и др.).

[17] *Шевровые* — сшитые из шевро, кожи, которую выделывают из козьих шкур.

[18] *...отскочил, как на пружине, воротничок.* — Крахмальные воротнички пристегивались к мужской сорочке специальными пуговками-запонками.

[19] *Немоляка.* — См. примеч. 13 к гл. 7. Судя по «намекающему» прозвищу и явной женственности юного бандита, можно видеть в нем травестийное воплощение сектантской Богородицы. В представлении хлыстовской секты немоляк, «Богородица — сам человек (любого пола), потому что он рожает в себе Христа» (Эткинд 1998: 463).

Показателен также фрагмент повести Н.С. Лескова «Печерские антики» (1882); ср.: «<...> “немоляк”, то есть такой сектант, который ни в домашней, ни за общественной молитвой о царе не молился» (Лесков 1958: 166; см. также: Рогозовская 2001: 178).

[20] *Кирпатый.* — См. примеч. 12 к гл. 7.

[21] *Ураган.* — Сочетание прозвища и «волчьей» внешности персонажа отсылает не только к роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка», где

«волк» Пугачев (см. примеч. 10 к гл. 15) предстает повелителем бурана, но и к фундаментальному исследованию собирателя фольклора А.Н. Афанасьева (1826–1871) «Поэтические воззрения славян на природу» (1865). В главе этого труда «Собака, волк и свинья» говорится, что в традиционных представлениях волк выступает демоном бури, олицетворением вихря и мрака (см.: Афанасьев 1994/1: 735–738). Соответственно, прозвище Ураган перекликается также с фамилией главных героев романа (см. примеч. 4 к гл. 1).

22 *Волк стал бурым...* — Возможная реминисценция из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820); ср.: «В темнице там царевна тужит, | А бурый волк ей верно служит...» (Пушкин 1994–1996/4: 5)

23 «*Ша!*» — «Молчать!» (*жарг.*)

24 *Накапаете* — здесь: нажалуетесь, донесете (*жарг.*).

25 *Это были бандиты!* — Юрист А.А. Гольденвейзер писал о периоде господства петлюровцев:

> Время Директории вообще было для города Киева эпохой хулиганства «par excellence» («отъявленного» (*фр.*) — *Е.Я.*). Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики. Импровизированная армия, которая совершила восстание, была, разумеется, полна всяческих авантюристов; поэтому налетчики иногда носили форму казаков или старшин. Действовали они обычными приемами: выследив жертву, являлись в квартиру, начинали какой-нибудь разговор, а улучив удобную минуту, приставляли к виску револьвер и предъявляли свои требования. Уходя, для острастки оставляли в квартире, у выходных дверей, пару ручных гранат — которые затем часто оказывались незаряженными.
>
> Гольденвейзер 1922: 234

26 *...между бельем...* — Имеется в виду белье, развешанное после стирки на чердаке для просушки.

27 *Помилуйте, без мужчины в квартире!* — Фраза комично подчеркивает «женственность» Василисы.

28 *Коньячок есть у меня ~ — Иди, Карась, — сказал Мышлаевский.* — В Кр5 фрагмент выглядит так:

— Коньячок есть у меня — согреемся! — неожиданно залихватски как-то сказал Василиса.

Мышлаевский повернул голову, но удержался, видно было, что какой-то другой план сидит у него в голове.

— Иди, Карась, — сказал он.

[29] *...славный коньяк Шустова с колоколом.* — Имеется в виду коньяк фирмы «Товарищество Н.Л. Шустова с сыновьям», эмблемой которой был золотой колокол; фирма стала известна с 1880-х годов благодаря выпускавшимся водкам, настойкам и наливкам; коньяк в ассортименте появился с 1899 г.

[30] *...прав человека и гражданина* — Намек на одноименную Декларацию (см. примеч. 91 к гл. 5).

[31] *Англичане говорят... «твой дом — твоя крепость»...* — Вариация афоризма, принадлежащего английскому юристу XVII в. Эдуарду Коку (1552–1634): «Мой дом — моя крепость» (*англ.* «My house is my castle»).

[32] *Мой отец был простым десятником на железной дороге.* — Десятник — старший над группой рабочих (преимущественно на строительстве), бригадир. В.П. Листовничий служил в школе десятников по дорожному и строительному делу. Среди написанных им книг — «Первоначальное, краткое пособие по печному делу (для школ десятников)» (1906; см.: Дом Булгакова 2015: 65).

[33] *Кадет* — здесь: сторонник партии конституционалистов-демократов (сокращенно «к.-д.»).

[34] *Хабеас корпус* — неприкосновенность личности; понятие английского права, которым гарантируется личная свобода (от *лат.* «habeas corpus»). В 1679 г. парламентом Англии был принят «Акт о личной неприкосновенности» («Habeas Corpus Act»), определяющий правила ареста обвиняемого в преступлении и привлечения его к суду.

[35] *Крепость Ивангород ~ И Ардаган и Карс...* — Подобно сну Алексея Турбина (см. с. 65 наст. изд.), сон Карася оказывается вещим. Ивангород станет принадлежать Эстонии с 1919 г., то есть в фабульном будущем. Карская область (на территории которой находится и Ардаган) отошла к Турции по Брест-Литовскому договору (март 1918 г.), но в течение последующих лет ее принадлежность оставалась спорной. Между Турцией и Арменией 3 декабря 1920 г. был подписан мирный договор, по которому Карская область вновь вошла в состав Турции; это положение подтверждено в советско-турецком договоре, подписанном 16 марта 1921 г. в Москве.

16

[1] *Хор Толмашевского* — Имеется в виду хор Софийского собора в Киеве. Его регентом в 1883–1920 гг. был Я.С. Калишевский (1856–1923), известный хоровой дирижер и певец.

[2] *Дискант* — самый высокий мужской певческий голос.

[3] *Сопрано* — высокий женский певческий голос.

[4] *Хо́ры* — здесь: галерея, балкон для размещения хора в храме.

[5] *Тяжкая завеса серо-голубая ~ царские врата.* — Завеса — в православном храме занавес внутри алтаря за царскими вратами (двустворчатые двери, ведущие в алтарную часть).

[6] *Паникадило* — большая люстра или многогнездный подсвечник в храме.

[7] *Риза* — здесь: облачение священнослужителя.

[8] *Орарь* — часть облачения диакона (один из низших чинов в церковной иерархии), длинная лента, перекинутая через плечо.

[9] *Камилавка* — головной убор священнослужителя, имеющий цилиндрическую форму с плоским верхом.

[10] *Протодиакон* — первый, старший диакон в кафедральном соборе.

[11] *...таинственные золотые слова...* — Имеются в виду надписи на хоругвях. Возможна также реминисценция из памятника литературы Киевской Руси «Слово о полку Игореве» (конец XII в.); ср.: «Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, с слезами смешено» (Слово 1987: 39).

[12] *Камертон* — инструмент для воспроизведения эталонной высоты звука («ля» первой октавы), металлическая двузубая вилочка; по камертону хормейстер указывает хористам высоту звуков, с которых следует начинать пение.

[13] *Стихарь* — длинное облачение диакона, священника, архиерея, имеющее широкие рукава.

[14] *Митра* — головной убор высшего духовенства в христианской церкви.

[15] *Позвольте, они же социалисты.* — С.В. Петлюра действительно был социалистом националистической ориентации. Однако реальная политическая программа Директории в «Белой гвардии» не проявлена: движение Петлюры представлено как стихийная волна без берегов.

[16] *Синенькая* — здесь: пятирублевый кредитный билет синего цвета.

[17] *...скоморохи... неслись... на старых фресках...* — Имеются в виду фрески на светские темы в Софийском соборе, в частности, изображения акробатов

и музыкантов на гипподроме, который существовал в IV–XIV вв. в г. Константинополе (ныне – Стамбул; см.: Лесскис 1999: 118).

[18] *Карманные воры с черными кашне…* – Кашне – шелковый шарф. Воры-карманники используют его, чтобы не было видно рук во время кражи.

[19] *Отлитургисали* – здесь: иронич. «обокрали» (см.: Лесскис 1999: 118); от *церк.-слав.* «литургисать» – «совершать литургию». Литургия – христианское богослужение.

[20] *– На каком же языке служили, отцы родные, не пойму я?* – Показателен фрагмент под названием «Три церкви» из очерка Булгакова «Киев-город» (1923); ср.:

> Три церкви – это слишком много для Киева. Старая, живая и автокефальная, или украинская.
>
> Представители второй из них получили от остроумных киевлян кличку:
>
> – Живые попы.
>
> Более меткого прозвища я не слыхал во всю свою жизнь. Оно определяет означенных представителей полностью – не только со стороны их принадлежности, но и со стороны свойств их характера.
>
> В живости и проворстве они уступают только одной организации – попам украинским.
>
> И представляют полную противоположность представителям старой церкви, которые не только не обнаруживают никакой живости, но, наоборот, медлительны, растерянны и крайне мрачны.
>
> Положение таково: старая ненавидит живую и автокефальную, живая – старую и автокефальную, автокефальная – старую и живую.
>
> Чем кончится полезная деятельность всех трех церквей, сердца служителей которых питаются злобой, могу сказать с полнейшей уверенностью: массовым отпадением верующих от всех трех церквей и ввержением их в пучину самого голого атеизма. И повинны будут в этом не кто иные, как сами попы, дискредитировавшие в лоск не только самих себя, но самую идею веры.
>
> В старом, прекрасном, полном мрачных фресок, в Софийском соборе детские голоса – дисканты нежно возносят моления на украинском языке, а из царских врат выходит молодой человек, совершенно бритый и в митре. Умолчу о том, как выглядит сверкающая митра в сочетании с белесым лицом и живыми беспокойными глазами, чтобы приверженцы автокефальной церкви не расстраивались

и не вздумали бы сердиться на меня (должен сказать, что пишу я всё это отнюдь не весело, а с горечью).

Рядом — в малой церкви, потолок которой затянут траурными фестонами многолетней паутины, служат старые по-славянски. Живые тоже облюбовали себе места, где служат по-русски. Они молятся за Республику (СССР. — *Е.Я.*), старым полагается молиться за патриарха Тихона, но этого нельзя ни в коем случае, и думается, что не столько они молятся, сколько тихо анафемствуют, и, наконец, за что молятся автокефальные — я не знаю. Но подозреваю. Если же догадка моя справедлива, могу им посоветовать не тратить сил. Молитвы не дойдут. Бухгалтеру (Петлюре. — *Е.Я.*) в Киеве не бывать.

Булгаков 2007–2011/3: 208–209

[21] *Выдушите* — здесь: выдавите.

[22] *Анафемы* — здесь: бесноватые, черти. Анафема (от греч. ανάθεμα — «отлучение») — провозглашаемая формула отлучения христианина от церкви, а также проклятие в широком смысле.

[23] *Двунадесятые праздники* — 12 важнейших православных церковных праздников: Рождество Христово, Крещение Господне (Богоявление), Сретение Господне, Благовещение Пресвятой Богородицы, Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье), Вознесение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне (Спас), Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста Господня, Введение во храм Пресвятой Богородицы.

[24] *Николай Кровавый* — прозвище, которое было дано императору Николаю II после массовой гибели людей во время коронационных торжеств 14 (26) мая 1896 г. (впоследствии это событие получило название «Ходынка» по названию Ходынского поля в Москве).

[25] *...встречавшей некогда тревожным звоном косых татар...* — Имеются в виду войска монгольских улусов, которые взяли Киев в декабре 1240 г. (Киев занят петлюровцами также в декабре).

[26] *Пролёт* — здесь: арка, ворота.

[27] *Слепцы-лирники* — нищие, играющие на лире. Колесная лира — старинный музыкальный инструмент, из которого звук извлекается с помощью ручки, вращающей вал: крючки вала цепляют за струны.

[28] *Картуз* — головной убор с козырьком, неформенная фуражка.

[29] *Гривна* — денежная единица УНР, объявленная решением Центральной рады от 1 марта 1918 г. (1 карбованец равнялся 2 гривнам). Однако гривна была введена в денежное обращение лишь 17 октября 1918 г.

[30] *Ой, когда конец века искончается, | А тогда Страшный суд приближается...* — Духовный стих «Архистратигу Михаилу» («Страшный суд») // Лира 1903: 39 (см. также: Збирнык 1906; Перший десяток 1917; см. также Балонов 2000: 196–197).

В Кр5 вычеркнуто продолжение песни:

Ой, восплачем мы все, возрыдаем,
А на бессмертный час размышляемо.
Ой, тогда-ту, никого не будет-о...
Тильки нас сам Иисус Христос судити буде...
Ох, услыши, услыши, господь Саваоф,
А помилуй нас сам Иисус Христос!..

[31] *Бандура* — многострунный щипковый музыкальный инструмент с широким грифом.

[32] *Черный, с обшитым кожей задом ~ белесые глаза, притворяясь слепыми.* — Реминисценция из романа Вс. В. Крестовского «Петербургские трущобы»; ср.:

> Шествие всей этой оравы убогих, грязных, дырявых заплат и вопиющего о хлебе безобразия замыкало собою, в виде арьергарда, безногое, цепко ползущее существо, какое-то пресмыкающееся, скорее гном, нежели человек, — гном, напоминающий черного большого жука, что с тяжким усилием, медленно и бочком, забирает вперед своими неуклюжими лапами.

Крестовский 1899–1900/1: 95;
см. также: Бобров 2001: 36

[33] *...безысходную дичь степей...* — Характеристика песен поддерживает ассоциацию петлюровского войска с архаичной, варварской культурой, монголо-татарским нашествием — характерно, напр., что у ранившего Турбина петлюровца «монгольские раскосые глаза» (см. примеч. 9 к гл. 13).

[34] *Вернися, сиротко, далекий свит зайдешь...* — Фрагмент украинского духовного стиха «Сиротка» («Сирітка»; Лира 1903: 55; см. также: Другий десяток 1917). Песня перекликается с зачином романа «Белая гвардия», открывающегося смертью матери. В Кр5 вычеркнута следующая строка: «А своей матинки до вику не знайдешь...»

Мотив отсылает также к рассказу И.А. Бунина «Лирник Родион» (1913), где вслед за разговором о Киеве и Страшном суде слепой лирник поет о скитаниях девочки-сироты в поисках умершей матери:

> Кто-то заговорил о Киеве. Может быть, глядя именно на это отражение, заговорили о Софиевском соборе, о Михайловском, — многие впервые побывали на этом пути в Киеве — и стали с умилением дивиться их красоте и ужасаться картинам Страшного суда, которыми славятся многие киевские церкви. Тогда, как бы продолжая их мерную речь, медленно и певуче заныла, заскрежетала и зажужжала старая лира Родиона.
>
> Он как бы тоже перебирал в своей памяти картины соборов, проходов под златоверхими колокольнями, темных и тесных полуподземных приделов. И, дойдя до картин судных, усилил тон: лира его зажужжала и запела смелее, тверже. Послышались вздохи, слабые восклицания нежности и грусти. И он еще усилил — и сквозь восточную, степную меланхолию мотива ясно проступило подобие органного хорала. Он почувствовал, понял, что́ именно должен спеть он для своих слушательниц, и стал им, матерям и невестам, сказывать нечто самое близкое женскому сердцу — о сироте и о мачехе, — мешая органные угрозы и назидания с песней, с мягкими славянскими укорами.
>
> Бунин 1988/2: 447–448

35 *Салопница* — «нищая, которая ходит в оборванном салопе» (Даль 1903–1909/4: 14); салоп — теплая верхняя женская одежда.

36 *Сту́пни* — лапти без задника или кожаные галоши (см.: Даль 1903–1909/4: 601).

37 *Чуйка* — длинный суконный кафтан.

38 *...с кистями... с углов гроба...* — Имеются в виду кисти, напоминающие украшения гроба или позаимствованные оттуда.

39 *...двери собора всё источали и источали новые волны.* — В Кр5 далее следует вычеркнутое: «К выходу на Владимирскую улицу и к другому великому проходу — через колокольню старой Софии, валил народ, стараясь попасть на Софийскую площадь».

40 *Скуфья* — шапочка черного цвета.

41 *То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу...* — Сходен зачин русской былины «Рождение Добрыни и первый бой его со змеем»; ср.:

> Как из далеча-далеча, из чиста поля,
> Из того было раздольица широкого,
> Что не грозная бы туча накаталася,
> Что не буйные бы ветры поднималися,

Выбегало тут стадечко звериное,
Что звериное, звериное – змеиное.

Былины 1904: 68

Ср. также зачин русской былины «Второй бой Добрыни со змеем. – Освобождение княжны Забавы»:

А не темные ли темени затемнили,
А не черные тут облаци попадали,
Летит по воздуху люта змея,
Летела же змея да через Киев-град.

Былины 1904: 72

[42] *...сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад.* – В Кр5 далее следует вычеркнутое:

> Волнами народа забило и закупорило все перекрестки на улицах, ведущих на площадь. Снизу от Крещатика по Михайловской, Софийской осели потоки, пропала в черноте белая Владимирская улица, а на самой площади, вокруг черного Богдана Хмельницкого, поднявшего коня на дыбы, закипел водоворот.

В украинской газете «Возрождение» («Відродження») 18 декабря 1918 г. был опубликован «Церемониал встречи С. Петлюры, составленный “Комитетом встречи” по согласованию с командиром корпуса Е. Коновальцем» («Церемоніял зустрічі С. Петлюри, вироблений “Комітетом Зустрічі” по розумінню з отаманом корпуса Є. Коновальцем»):

> Петлюра прибуде разом зі своїм штабом на вокзал точно о 1-ій годині дня. Після привітання на вокзалі Петлюра рушить зі своїм штабом по Безаківській, Бібіковським б., Володимирській аж до Городського театру.
>
> Біля театру начнуться привітання делегацій від національних організацій.

> Петлюра прибудет вместе со своим штабом на вокзал ровно в час дня. После приветствия на вокзале Петлюра следует со своим штабом по Безаковской, Бибиковскому бул., Владимирской до Городского театра.
>
> Возле театра начнутся приветствия делегаций от национальных организаций.

Хор трупи Садовського відспіває гімн «Слава, тобі, козаченьку». На Софійській площі зустріне Петлюру духовенство.

Буде відправлено молебен. Торжество закінчиться церемоніальным маршем військ.

Цит. по: Бумистренко, Рогозовская 1995: 131

Хор труппы Садовского споет гимн «Слава тобі, козаченьку». На Софийской площади встретит Петлюру духовенство.

Будет отслужен молебен. Торжество закончится церемониальным маршем войск.

Пер. наш

Безаковская улица — ныне улица Симона Петлюры.

Один из свидетелей событий, военный врач А.И. Ермоленко (1891—1958), 19 декабря 1918 г. записал в дневнике:

> Во всех церквах трезвон с утра. Днем приехала Директория: Винниченко, Петлюра, Швец, Андриевский. Прекрасные войска Петлюры (хорошо одетые, дисциплинированные) заполнили центр города. Всюду национальные флаги, всюду народ. Но, как и вчера и позавчера, громко никто не говорит, все сосредоточенны и молчаливы. Слышится почти исключительно украинская речь, Бывших офицеров, которых раньше одним взглядом можно было отличить, теперь нет и следа.
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 95

В романе реальный петлюровский парад происходит на два дня раньше: не 19, а 17 декабря. Возможно, причина в том, что это дата древнеримских сатурналий, Нового года, который осмыслялся не только как момент всеобщего обновления, но и как день очищения и освящения города (см.: Фрейденберг 1997: 83). Таким образом подчеркивается карнавальная, трагикомичная природа действа, актуализируется языческий характер происходящего, несмотря на то, что парад открывается молебном и крестным ходом. При этом войско Петлюры изображается в былинном духе: «Тут уже не жанровые картины, но летописное повествование, даже песнь с ее приподнятым боянным складом» (Лакшин 1966: 16). Образ «несметной силы» врага неоднократно встречается в былинах. Однако в образе «бурых рек», возможно, травестируется эпизод былины «Второй бой Добрыни со змеем», где герой, убив змея, трое суток стоит в его крови, которую затем по просьбе Добрыни поглощает Мать-Сыра Земля; далее герой освобождает из змеиных пещер многочисленных пленных, обращаясь к ним со следующими словами:

Ай же вы, цари, царевичи, короли да королевичи,
Ты, простая силушка несметная!
Выходите-ка на Божью волюшку.

Былины 1904: 77

[43] *Смушковый.* — См. примеч. 19 к гл. 8.

[44] *Черные.* — Эпитет отсылает к конному дивизиону Черных запорожцев, сформированному из конной сотни 2-го полка Запорожской дивизии. Отличительной особенностью дивизии была униформа черного цвета (ср. «черношлычная конница» в гл. 5; см. с. 59 наст. изд.). Однако в этом эпизоде речь идет о пехотинцах.

[45] *Бунчук* — ударный самозвучащий инструмент.

[46] *Толстый, веселый, как шар, Болботун...* — Части полковника П.Ф. Болбочана не участвовали во взятии Киева (см. примеч. 41 к гл. 6), и появление этого персонажа на параде не соответствует исторической действительности. Авторским вымыслом является также его внешность (см. ил. 37).

[47] *Шестипудовый* — массой около 100 кг.

[48] *Бо старшины з нами...* — Цитата из неустановленного источника либо авторская стилизация.

[49] *...трепались цветные оселедцы.* — В Кр5 далее идет вычеркнутое: «<...> и весело сверкали узенькие щелки, заменявшие полковнику Болботуну глаза». Вероятно, оселедцами (см. прим. 62 к гл. 3) здесь названы разноцветные шлыки на папахах.

[50] *...черноморский конный курень имени гетмана Мазепы.* — В действительности имя Мазепы в войсках Директории носил полк Запорожской дивизии (см.: Лурье, Рогинский 1989: 589).

[51] *...гетмана, едва не погубившего императора Петра под Полтавой...* — Во время Северной войны между Шведской империей и странами антишведской коалиции, в частности Россией, Мазепа в 1708 г. перешел на сторону шведов. В московском Оперном театре С.И. Зимина 6 октября 1922 г. была поставлена опера П.И. Чайковского «Мазепа» (либретто В.П. Буренина) на сюжет поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

[52] *...золотистыми буквами сверкало на голубом шелке.* — В Кр5 далее идет вычеркнутое: «Но несчастлив был седоусый мрачный возлюбленный Марии и ушел сам из-под Полтавы рядом с замученным, раненым императором Карлом... Хор собственных трубачей сверкал и весело рокотал и пел впереди Мазепиного куреня».

[53] *— Слава! Слава! — кричали с тротуаров.* — В Кр5 далее идут вычеркнутые фразы:

— Слава! — отвечали из конных рядов.

— Сла-а! Сла-а! — гукали кирпичные стены.

[54] — *Ото, казалы, банды...* — Аналогичная фраза присутствует в книге В.Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие» (см. с. 335 наст. изд.).

[55] *А где же Петлюра?* — С.В. Петлюра вместе с В.К. Винниченко запечатлен на фотографии во время парада в Киеве 19 декабря 1918 г. (см.: Кончаковский, Малаков 1993: 213). При этом сам Винниченко в книге «Возрождение нации» («Відродження нації»; 1920) назвал среди негативных качеств Петлюры «любовь к парадам и вообще к внешним эффектам» (цит. по: Попович 2008: 18).

[56] — *Берлинскому президенту... По случаю республики...* — Во время Ноябрьской революции в Германии (ноябрь 1918 г. — февраль 1919 г.) временным правительством страны был Совет народных уполномоченных, президентом которого являлся Фридрих Эберт (1871–1925).

[57] *Рыльский* — переулок в Шевченковском районе Киева между Владимирской и Стрелецкой улицами.

[58] *Архиерей* — высший чин священства в церковной иерархии.

[59] *Гаубица* — орудие для навесной стрельбы.

[60] *...шестидюймовые... кони...* — Рост коней, везущих артиллерию, указывается в дюймах, как калибр орудий.

[61] *Паньчу* — обращение к молодому человеку на территории Польши и Украины.

[62] *Кажуть, вин красавец неописуемый.* — В газете «Возрождение» 20 декабря 1918 г. помещен репортаж о явлении Петлюры перед войсками во время парада на Софийской площади:

Скромно одягнений в чорний жупан і чорну шапку з червоним верхом, з блідим стомленим лицем, отаман революційного українського війська пішов вздовж рядів своїх козаків.	Скромно одетый в черный жупан и черную шапку с красным верхом, с бледным утомленным лицом, атаман революционного украинского войска пошел вдоль рядов своих казаков.
...Публіка починає розходитись. Але стоячи купками на пішоходах, люди довго ще передавали свої враження один одному.	...Публика начинает расходиться. Но стоящие группками на тротуарах люди долго еще передавали друг другу свои впечатления.

— Не бачив Київ ще ніколи такого! — каже хтось.

— Ні, бачив! Але то було дуже давно. Бачив, коли вступав до Києва Богдан Хмельницький після перемоги над поляками.

— А, так, так! Але ми того не бачили, — одповідає другий.

Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 131–132

— Никогда еще Киев не видел такого! — говорит кто-то.

— Нет, видел! Но это было очень давно. Видел, когда вступал в Киев Богдан Хмельницкий после победы над поляками.

— А, да, да! Но мы того не видели, — отвечает другой.

Пер. наш

[63] *— Да... неописуемый.* — Повтор слова намекает на его каламбурное переосмысление; показательна шутливая фраза, которой Булгаков летом 1925 г. в Коктебеле приветствовал знакомого мальчика; ср.: «Здравствуй, красавец мой неописуемый» (Виленский, Навроцкий, Шалюгин 1995: 43). Сходный каламбур на основе слова «писатель» присутствует в ранних редакциях романа Булгакова «Мастер и Маргарита», где писательская организация (будущий Массолит) имеет названия «Всеобпис», «Опис», «Вседрупис», «Всемиопис» (Булгаков 2006: 67, 69, 73, 81).

[64] *Винница* — губернский (ныне областной) центр примерно в 200 км к юго-западу от Киева. В Винницу переехала Украинская Директория в феврале 1919 г., после отступления петлюровцев из Киева.

[65] *Турецкий барабан* — большой барабан с низким и сильным звуком.

[66] *Мариинский парк* — парк возле Мариинского дворца на Александровской (ныне Михаила Грушевского) улице.

[67] *Богдан Хмельницкий* — гетман Украины Богдан Зиновий Михайлович Хмельницкий, возглавивший антипольское восстание и провозгласивший в 1654 г. воссоединение Украины с Россией. Памятник ему в Киеве на Софийской площади открыт в 1888 г. (см. ил. на вкладке).

[68] *...указывал на северо-восток.* — Конная статуя Хмельницкого обращена в сторону Москвы.

[69] *Кожух* — тулуп из овчины.

[70] *Пла́хта* — род юбки из толстой полосатой или клетчатой ткани, четырехугольный кусок которой обернут вокруг тела поверх длинной рубахи.

[71] *...капитан Плешко, трижды отрекшийся...* — Евангельская реминисценция: «<...> в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф. 26: 34).

[72] *Рада.* – Имеется в виду Центральная рада Украинской Народной Республики.

[73] *...показалось в мутной мгле ~ красно, как чистая кровь.* – Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «<...> на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыхался на поверхности молочного моря тумана» (Толстой 1928–1958/9: 333).

[74] *...пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита.* – Памятник Богдану Хмельницкому в Киеве имел на лицевой стороне пьедестала надпись: «Волим под царя восточного, православного»; на правой стороне: «Богдану Хмельницкому – единая неделимая Россия»; на левой: «1654–1888». При петлюровцах, затем при большевиках они были уничтожены.

Писатель и публицист И.Ф. Наживин приводит анекдотический случай, относящийся к кампании украинизации вывесок в Киеве в период петлюровщины:

> Группа каких-то особо предприимчивых украинцев собралась у памятника гетмана Богдана Хмельницкого, на котором стояла надпись «Богдану Хмельницкому – единая, неделимая Россия». «Неделимая» показалась им оскорбительной, и вот по очереди, взобравшись на постамент, милые люди стали отковыривать в этом слове две первых его буквы. Правда, если бы им удалось достичь своей цели, получилась бы определенная бессмыслица: «Богдану Хмельницкому – единая, делимая Россия», но за смыслом в наше революционное время никто не гонится, и надо было видеть то старание, с каким ковыряли демонстранты две ненавистных им буквы, которые, однако, решительно не поддавались их усилиям.
>
> Наживин 1921: 177

[75] *Универсал* – историческое название указа или грамоты гетмана для публичного оглашения. Универсалами назывались также манифесты Центральной рады.

[76] *Интер... вставай... прокл...* – Имеется в виду революционная песня «Интернационал», музыка (1888) П. Дегейтера, стихи (1871) Э. Потье, русский перевод (1902) А.Я. Коца. «Вставай, проклятьем заклейменный...» – первая строка «Интернационала». С января 1918 г. по 1943 г. «Интернационал» был государственным гимном РСФСР, затем СССР.

[77] *Самокатчик* — военнослужащий самокатной части, то есть передвигающейся на каких-либо транспортных средствах (автомобилях, мотоциклах, велосипедах).

[78] *Кок* — чуб.

[79] *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!...* — финальный лозунг «Манифеста коммунистической партии» («Das Mannifest der Koommunistischen Partei»; 1848) немецкого философа и экономиста Карла Маркса (1818–1883) и его соратника, немецкого философа и экономиста Фридриха Энгельса (1820–1895).

[80] *«Як умру, то...»* — народная песня на слова стихотворения украинского поэта Тараса Шевченко (1814–1861) «Завещание («Заповіт»; 1845).

[81] *Марвихер* — опытный вор-карманник.

[82] *Безмундштучная немецкая папироска* — сигарета.

[83] *Житомирская улица.* — Имеется в виду Большая Житомирская улица, пролегающая от Владимирской улицы (ныне — от Михайловской площади) до Львовской площади.

[84] *Каланча* — здесь: Вольное пожарное общество, располагавшееся по адресу: Бульварно-Кудрявская улица, дом 18а.

[85] *Я написал антологию украинской поэзии.* — Персонаж претендует на персональное авторство, между тем слово «антология» обозначает сборник произведений разных авторов, так что ее можно составить, но не написать.

[86] *Я жаловаться буду председателю Рады...* — Украинская Центральная рада под председательством М.С. Грушевского (1866–1934) была упразднена в апреле 1918 г. и в декабре 1918 г. не существовала.

[87] *За что люблю — за смелость, мать их за ногу.* — В Кр5 далее идет вычеркнутый фрагмент:

> — Ты потише, — буркнуло в воротнике у низенького.
>
> — Ладно.
>
> Они хотели перейти улицу, но пришлось переждать. С Владимирской от площади завернул последний уходящий с парада конный полк Сечи Запорожской. Сухенький маленький бритый командир полковник Овсиенко, играючи, пришпоривал гнедую лошадь и, подбоченившись, плясал в седле. Трепался и бренчал бунчук впереди и широко веял прапор. Две гармошки в такт и лад гремели и разливались в головном взводе!

Гриць, Гриць, до работы! —

пели звонкие голоса теноров...

В Гриця порваны чоботы, —

отвечали сиплые рваные басы.

Грицю, Грицю, до телят.
В Гриця ножки болят!
Гриць, Гриць, до Маруси?
Зараз, зараз уберуся!!

Восхищенные жители бежали по тротуарам, глазели, останавливались в воротах, торчали простоволосые женщины, накинув на плечи серые платки.

— Слава! — кричали с тротуара. — Слава!

— Сл! Сл! — гукали серые стены зданий.

И полк ушел, и уже глухо вдали слышалась гармоника, и уже слились серые спины шинелей в седлах в одно пятно с разноцветным верхом, а двое — высокий и низенький — все стояли на перекрестке и глядели ему вслед.

В вычеркнутом фрагменте цитируется украинская народная песня:

Грицю, Грицю, до роботи!
В Гриця порвані чоботи...
Грицю, Грицю, до телят!
В Гриця ніженьки болять...

Українські пісні 1972: 56

Чоботы — вид обуви.

[88] *Зайдем к Тамарке... «Погреб— замок Тамары»*. — Травестируются образы из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Тамара» (1841). Вместо «черной скалы» (см.: Лермонтов 1936—1937/2: 134) «замок» расположен в подземелье; обитательница замка царица Тамара предстает хозяйкой подвала.

17

[1] *Заветной цели, о которой ~ пересечь, ну просто немыслимо!* — В Кр5 фрагмент имеет несколько иной вид (отличающиеся фразы вычеркнуты):

> Если человек чего-нибудь хочет по-настоящему добиться, непременно добьется, как бы это ни было трудно или невозможно. И вот заветной цели, о которой Николка думал все эти три лихих дня, когда события падали в семью, как камни, цели, связанной с загадочными последними словами распростертого на снегу, под огнем, цели этой Николка достиг. Но для этого ему пришлось весь день перед парадом бегать по городу и посетить не менее девяти адресов, а может, и десяти. И много раз в этой беготне Николка терял присутствие духа и падал, и опять поднимался, и все-таки добился.
>
> На самой окраине, в Литовской улице, в маленьком домишке разыскал одного из второго отделения дружины и от него узнал адрес, имя и отчество Ная.
>
> А сегодня ради той же цели Николка боролся часа два с бурными народными волнами, пытаясь пересечь Софийскую площадь и с Владимирской попасть на Мало-Провальную улицу. Но площадь нельзя было пересечь, ну просто немыслимо!

Название Литовской улицы, возможно, указывает на ее близость к Брест-Литовскому шоссе.

[2] *Михайловский монастырь.* — Имеется в виду Михайловский Златоверхий монастырь (основан в XII в.) на Трехсвятительской улице.

[3] *Костёльная* — улица в Шевченковском районе Киева, пролегающая от Трехсвятительской улицы до бывшей Думской площади (ныне — площадь Независимости).

[4] *...бесконечные черниговские пространства... за рекой Днепром...* — По Днепру проходила граница между Киевской и Черниговской губерниями.

[5] *...у двери флигеля, приютившегося в первом ярусе сада.* — По-видимому, это тот же сад, в котором находится жилище Юлии, однако оно помещается «наверху» (см. примеч. 18 к гл. 13), а флигель, где живут родственники Най-Турса, — «внизу».

[6] *...Феликс Феликсовича... Ирина...* — Наряду с фамилией, отсылающей к полковнику Н.Н. Най-Пуму (см. примеч. 75 к гл. 2), который был крестником императора Николая II, Булгаков дал Феликсу Феликсовичу Най-Турсу

и его сестре Ирине знаковые имена: племянница Николая II Ирина Александровна Романова (1895–1970) была замужем за князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым (1887–1967), который участвовал в убийстве Г.Е. Распутина (1869–1916).

Осенью 1921 г., вскоре по приезде в Москву, Булгаков вынашивал замысел пьесы о Распутине; в письме к матери от 17 ноября 1921 г. Булгаков просит передать сестре, Н.А. Земской, чтобы та нашла и прислала ему «<...> материал для исторической драмы, — всё, что касается Николая и Распутина в период 16–17 годов (убийство и переворот). <...> Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года». Особенно Булгакова интересует «Дневник» (Киев, 1918) В.М. Пуришкевича (1870–1920), принимавшего участие в убийстве Распутина: «Просите Надю достать, во что бы то ни стало! <...> Если “Дневник” попадет ей в руки временно, прошу немедленно *теперь же* списать из него всё, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича <...> и послать мне в письмах» (Булгаков 2007–2011/8: 28–29).

Характерно, что одной из реликвий, которые Николка прячет в тайнике, является фотография цесаревича Алексея (см. с. 170 наст. изд.), к чьей судьбе Распутин имел непосредственное отношение.

[7] *Мама стала совсем ненормальной... а впрочем, теперь всё вздор.* — В Кр5 Ирина Най, как и ее брат, картавит; соответственно, реплика выглядит так: «Мама стала совсем неногмальной за эти тги дня... а впгочем, тепегь всё вздог».

[8] *У самых ужасных дверей, где... чувствовался уже страшный тяжелый запах...* — Автобиографическая аллюзия. Будучи студентом медицинского факультета, Булгаков многократно посещал Анатомический театр по адресу: Фундуклеевская улица (ныне улица Богдана Хмельницкого), дом 37 (см.: Весь Киев 1915: 443). Сохранились воспоминания, что Булгаков побывал там и весной 1917 г., приехав на несколько дней в Киев: в Анатомическом театре по традиции собирались молодые медики (см.: Виленский 1991: 27).

Если сон Алексея Турбина (см. с. 62 наст. изд.) ассоциируется с пребыванием в раю и теофанией (собеседник Турбина Жилин «свидетельствует» о Боге, с которым не раз общался), то посещение морга Николкой можно трактовать как «сошествие во ад». Этот мотив имеет богатую литературную традицию: древнегреческий миф о музыканте Орфее, который спустился в Аид за погибшей возлюбленной, «Разговоры в царстве мертвых» («Νεκρικοί Διάλογοι») древнегреческого писателя-сатирика Лукиана (ок. 120 – ок. 190), поэма итальянского писателя Данте Алигьери (1266–1321) «Божественная комедия» («La Divina Commedia»; 1307–1321; опубл. 1555) — часть 1 «Ад» («Inferno») и др. (см.: Milne 1990: 89). Нисхождение в царство смерти отсы-

лает и к аналогичному сказочному мотиву — отголоску обряда посвящения (см.: Пропп 1986: 263). Показательно поэтому, что в царстве мертвых оказывается юноша-юнкер. Данный эпизод может быть также связан с древнерусским апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» (см.: Milne 1990: 89).

[9] *...у Ная было железное лицо...* — Реминисценция из повести Н.В. Гоголя «Вий» (1835); ср.: «<...> лицо было на нем железное <...>» (Гоголь 1937–1952/2: 217).

[10] *...разглядел... черную бороду и изможденное лицо в морщинах и горбатый нос.* — Прототипом персонажа мог послужить Франц Адольфович Стефанис (1865–1917), в течение долгого времени бывший директором Анатомического театра в Киеве (см.: Весь Киев 1915: 443). Стефанис заведовал также кафедрой анатомии Киевского университета и был одним из учителей Булгакова (см.: Аронов 1995: 146–147). Другой вероятный прототип — Павел Иванович Морозов (1846–1927), в 1920-х годах профессор анатомии Киевского женского медицинского института (см.: Виленский 1991: 163), в 1886–1910 гг. и 1917–1922 гг. — заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Университета Св. Владимира, а в 1909–1910 гг. — проректор этого университета (куда Булгаков поступил именно в 1909 г.).

[11] *...в жреческом кожаном фартуке и черных перчатках... склонился над... столом, на котором стояли, как пушки, светлея зеркалами и золотом... микроскопы... Вот видите, Сергей Николаевич...* — Реминисценция из драмы Л.Н. Андреева (1871–1919) «К звездам» (1906), где одного из главных героев, астронома Терновского, зовут Сергеем Николаевичем; показательна его реплика; ср.: «Мы по-прежнему остаемся обособленными, как египетские жрецы <...>» (Андреев 1990: 361).

Отождествление врача с египетским жрецом имеет место в повести Булгакова «Собачье сердце»; ср.: «В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила. <...> Жрец был весь в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук. Руки в черных перчатках» (Булгаков 2007–2011/2: 191–192).

Показательно также дошедшее в записи П.С. Попова высказывание Булгакова о мотивах поступления на медицинский факультет; ср.: «Выбрал карьеру врача, поскольку меня привлекала всегда блестящая работа. Работа врача мне и представлялась блестящей. Меня очень привлек микроскоп; когда я посмотрел на него, мне он показался очень интересным» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 1об.).

[12] *Как дрова в штабелях, одни на других, лежали... человеческие тела.* — Показательны воспоминания медсестры М.А. Нестерович-Берг; ср.:

<...> с Печерска вошли петлюровцы, а на Волынском посту удерживали еще фронт офицеры... Ночью же производились уже аресты и расстрелы. Много было убито офицеров, находившихся на излечении в госпиталях, свалочные места были буквально забиты офицерскими трупами. <...>

На второй же день после вторжения Петлюры мне сообщили, что анатомический театр на Фундуклеевской улице завален трупами, что ночью привезли туда 163 офицера. Я решила пойти и убедиться «своими глазами». Переодевшись, отправилась я в анатомический театр... Сунула сторожу 25 рублей, он впустил меня.

Господи, что я увидела! На столах в пяти залах были сложены трупы жестоко, зверски, злодейски, изуверски замученных! Ни одного расстрелянного или просто убитого, все — со следами чудовищных пыток. На полу были лужи крови, пройти нельзя, и почти у всех головы отрублены, у многих оставалась только шея с частью подбородка, у некоторых распороты животы. Всю ночь возили эти трупы. Такого ужаса я не видела даже у большевиков. Видела больше, много больше трупов, но таких умученных не было!..

— Некоторые еще были живы, — докладывал сторож, — еще корчились тут.

— Как же их доставили сюда?

— На грузовиках. У них просто. Хуже нет галичан. Кровожадные. Привезли одного: угодило разрывной гранатой в живот, а голова уцелела... Так один украинец прикладом разбил голову, мозги брызнули, а украинец хоть бы что — обтерся и плюнул. Бесы, а не люди, — даже перекрестился сторож.

Нестерович-Берг 2001: 161–162

[13] *Женские головы лежали со взбившимися и разметанными волосами, а груди их были мятыми, жеваными, в синяках.* — Реминисценция из стихотворения Ф. Сологуба (псевд. Ф.К. Тетерникова; 1863–1927) «Искали дочь» (1905), включенного в начале 1920-х годов в сборник «Соборный благовест» (Пг., 1922); описывается морг с трупами погибших во время уличных беспорядков; ср.:

Скорби пламенный язык ли,
Деньги ль двери открыли нам —
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
В сырую мглу, —
Под грудой тел мы дочь нашли
Там, на полу.

Сологуб 2004: 250

Сходен также эпизод повести А.И. Куприна «Яма» (1915). «У Куприна девицы из дома терпимости разыскивают в морге труп своей погибшей товарки <...> В обоих случаях действие перенесено в одно и то же помещение киевского Анатомического театра» (Петровский 2001: 168; см. также: Куприн 1957–1958: 5/316–319). О появлении повести «Яма» вспоминала Н.А. Земская: «Все читали, узнала о ней из разговоров других. Тайком от мамы: первая книга, которую мама серьезно запретила читать» (Дом Булгакова 2015: 25).

[14] *Ну, теперь будем ворочать их, а вы глядите...* — Предложение посмотреть на «движущихся» покойников придает понятию «анатомический театр» буквальное значение.

[15] *...со стуком сползла, как по маслу, на пол.* — В Кр5 далее идет вычеркнутое: «<...> и со стуком ударилась головой, заметая космами пол».

[16] *...шрама, опоясывающего ее, как красной лентой...* — Реминисценция из трагедии немецкого писателя И.В. Гёте «Фауст»; ср.: «Как странно под ее головкою прекрасной | На шее полоса змеится нитью красной, | Не шире, чем бывает острый нож!» (Гёте 2006: 209). Возможна также перекличка с романом Ю.Л. Слёзкина «Столовая гора»; ср.: «На шее тонкий кровавый след — червонная нить <...>» (Слёзкин 2013: 429).

[17] *...темные широкие пятна, вероятно, крови.* — Имеются в виду трупные пятна, которые образуются из-за того, что кровь скапливается в отдельных участках под кожей.

[18] *В ту же ночь ~ повеселел в гробу.* — Эпизод соотносится со сценой отпевания матери Турбиных в начале романа (см. с. 10 наст. изд.). Оба эпизода изображены с точки зрения Николки (см.: Петровский 2001: 62). При этом сцена предания тела Най-Турса земле в романе отсутствует. Таким образом, неизвестно, когда состоялись похороны и присутствовал ли на них Николка Турбин.

[19] *...с венцом на лбу...* — В православной традиции отпеваемому надевают на голову венчик с иконками.

[20] *...под тремя огнями...* — Имеются в виду свечи.

[21] *...и звезды крестами, и белый Млечный Путь.* — Возможная реминисценция из кн. VI трактата «О государстве» древнеримского политика, философа и оратора Марка Туллия Цицерона «Сон Сципиона»; ср.: «Такая жизнь есть путь на небо и в это собрание уже живших людей, которые, освободившись от тела, обитают в месте, которое ты видишь <...> и которое вы за греками называете Млечным Путем» (Цицерон 1917; см. также: Цицерон 1966: 84). У Цицерона образ Млечного Пути связан с идеей посмертного существования. Сципион Африканский поясняет, что человек не имеет права уклониться от долга, возложенного на него богами (см.: Milne 1990: 85)

Ср. также в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1877):

> Из-за покрытой снегом крыши видны были узорчатый с цепями крест и выше его — поднимающийся треугольник созвездия Возничего с желтовато-яркою Капеллой. Он смотрел то на крест, то на звезду, вдыхал в себя свежий морозный воздух <...> опять сел к форточке, чтобы купаться в холодном воздухе и глядеть на этот чудной формы молчаливый, но полный для него значения крест и на возносящуюся желто-яркую звезду.
>
> Толстой 1928–1958/18: 423

Сходный мотив — в романной трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1921–1941); ср.: «<...> поэт Алексей Алексеевич Бессонов <...> увидал сквозь разорванные облака в бездне неба звезду и, глядя на нее сквозь слезы, подумал, что <...> весь за спиной его спящий Петербург — лишь мечта, бред, возникший в его голове» (Толстой 1922а: 8). В другой сцене Телегин при виде звезды ощущает причастность к космической гармонии:

> И эта звезда, и Млечный Путь, и бесчисленные созвездия — лишь песчинки в небесном океане; а там, где-то, еще есть черные, угольные мешки, провалы в вечность. И все эти звезды и черные бездны — в нем, в горячем сердце Ивана Ильича... <...> И так же как таинственный, неощутимый свет звезд льется на землю, так сердце шлет навстречу им свой незримый свет — тоску по любви, и не хочет верить, что оно — мало, смертно. Это была минута божественной важности.
>
> Толстой 1922а: 325

18

[1] *Турбин стал умирать днем 22 декабря.* — Поворотный момент в судьбе героя приурочен к нижней кульминации годового цикла, самому короткому дню года — солнцевороту, актуализируя связь христианского Рождества с языческим праздником Коляды (ср. римские календы; см.: Фасмер 1986: 300).

Кроме того, 22 декабря — день зачатия праведной Анной Пресвятой Богородицы: празднуется память святой Анны (именно так звали мать Турбиных).

Дата 22 декабря играет также важнейшую роль в романе Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг», где все события заключены в годичный интервал между двумя одинаковыми числами. Мимолетная встреча Ольги с незнакомцем, в которого она сразу влюбляется и которому говорит: «<...> всё самое важное для меня — и хорошее и дурное — случается двадцать второго», — происходит 22 декабря, и в тот же день следующего года героиня, не сумев примирить физическую и идеальную любовь, кончает жизнь самоубийством (см.: Слёзкин 1922: 17–18, 180).

[2] *Переплётик* — здесь: резная металлическая оправа, в которую вставляется лампада (наполненный маслом светильник, зажигаемый перед иконами).

[3] *...зелень осветила...* — В Кр5 — «освятила» (оба варианта представляются правомерными).

[4] *Это был тот золотоглазый медведь ~ третий, седой профессор.* — Возможная реминисценция из рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья» (1892); ср.: «Приходил маленький, рыженький, с длинным носом и с еврейским акцентом, потом высокий, сутулый, лохматый, похожий на протодьякона, потом молодой, очень полный с красным лицом и в очках. Это врачи приходили дежурить около своего товарища» (Чехов 1974–1982/8: 27–28; см. также: Виленский 1991: 233).

Возможна также реминисценция из романа Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг»; ср.: «<...> высокий и полный, с золотым пенсне, совсем обыкновенный добродушный медведь» (Слезкин 1922: 14).

[5] *Камфорный* — пахнущий камфорой. Масляный раствор камфоры для подкожных инъекций применяется в лечении инфекционных заболеваний с симптомами дыхательной и сердечной недостаточности.

[6] *Но профессор ничего ~ посмотрел в лицо Турбину.* — В Кр5 фрагмент расширен (отличающийся текст вычеркнут):

Но профессор ничего не стал больше делать.

Гвардеец — молодой врач — поднял на Янчевского вопросительные глаза. Янчевский, подтолкнув крахмальную манжетку на левой кисти, осторожно еще раз пощупал кисть Турбина, бегло глянул на часы, тронул веко. Золотой в очках смотрел нахмуренно. Янчевский глянул в окошко на веранду, вздохнул, спросил у бритого:

— Ну, college («коллега» (*лат.*). — *Е.Я.*), что делать-то теперь? Посоветуйте. Не знаю, — и очень пытливо и с надеждой уставился на бритого. Глаза его были очень скорбны. Бритый очень смутился, хоть и знал эту манеру Янчевского, хоть и знал, что он по-настоящему умирает каждый раз, как умирает кто-нибудь, кого он лечил, потому что Янчевский был настоящий врач, такой, каких очень немного, может быть, несколько человек на всю страну.

Бритый волновался, помялся и сказал:

— Камфору опять.

Янчевский закивал головой часто, часто, одобряя это слово, но заговорил совсем другое:

— Вот ужас-то. И муж ее уехал... И всё уж так бывает... Да, да... — он опять повернулся к больному, но смотрел на него рассеянно, не вглядывался, всё думая о горе, о беде. — Сергей Васильевич, — обратился он к тому, в золотых очках, — давайте мы ему сейчас раствор.

Они зашевелились все трое. Турбина обнажали молодой бритый и сам Янчевский, а толстый хирург занялся аппаратом. Турбин застонал, попробовал размахивать руками, больше оскалил зубы, но быстро ослабел и затих. Старик профессор присел на край постели и держал руки Турбина, бритый прижал худые пожелтевшие ноги, и хирург, вколов изогнутые иглы в кожу бедер, стал по длинным резиновым трубкам вливать в больного солевой раствор, который должен был пополнить турбинскую кровь.

Когда кончилась процедура, Янчевский снял халат, вытер влажными ватными шарами руки и еще раз посмотрел в лицо Турбину.

[7] *Бродович.* — Внешность персонажа позволяет предположить человека одного поколения с Турбиным — среди сокурсников Булгакова был Иван Александрович Бровкович (см.: Виленский 1991: 40). Возможно также, что фамилия заимствована у религиоведа Иосифа Александровича Бродовича (1871— после 1917): в 1890-х годах он учился в Киевской духовной академии, затем служил там же. Одна из работ Бродовича посвящена истории христи-

анства в Японии (см.: Бродович 1904) и, таким образом, имеет непосредственное отношение к истории семьи Булгакова: его дядя, П.И. Булгаков, был священником русской миссии в Токио (см. примеч. 76 к гл. 2).

8 *24 декабря.* — Рождество в романе отмечается по новому стилю. Показательна запись в дневнике Булгакова от 23 декабря 1924 г.; ср.: «Сегодня по новому стилю 23, значит, завтра Сочельник» (Булгаков 2007–2011/2: 445).

В период создания «Белой гвардии» на Всеправославном конгрессе (совещание представителей ряда православных церквей) в Константинополе, в мае — июне 1923 г. было принято решение о переходе церкви на «новоюлианский» (фактически григорианский) календарь. В воззвании от 1 октября 1923 г. патриарх Тихон попытался ввести его в Русской православной церкви, однако уже 8 ноября распорядился «временно отложить» переход на «исправленный» календарь и фактически отказался от реформы (см.: Старый стиль 1952: 50).

9 *Глухая исповедь* — таинство покаяния применительно к больному или умирающему, лишенному дара речи.

10 *Мать-заступница.* — Традиционная функция Богородицы в христианской культуре — заступничество за людей перед Богом.

11 *На тебя одна надежда, Пречистая Дева. На тебя. Умоли сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...* — Т.Н. Кисельгоф вспоминала:

> Однажды он мне читал про эту... молитву Елены <...> А я ему сказала: «Ну зачем ты это пишешь?» Он рассердился, сказал: «Ты просто дура, ничего не понимаешь!» <...> Ну, я подумала: «Ведь эти люди <...> все-таки были не такие темные, чтобы верить, что от этого выздоровеют...»
>
> Цит. по: Чудакова 1988: 387; см. также: Лаппа 2006: 298

12 *...совершенно неслышным пришел тот ~ и благостный, и босой.* — Евангельская реминисценция; ср.:

> И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые;
>
> Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пой-

> дите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам.
>
> Мф. 28: 2–6

[13] *...еще раз возникло видение — стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, масличные деревья...* — Тема проникающего в современность евангельского Иерусалима станет одной из важнейших в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

[14] *— Мать-заступница, — бормотала... Елена ~ к самым глазам Елены.* — Реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»; ср.:

> <...> он запомнил один вечер <...> в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице...
>
> Достоевский 1972–1990/14: 18

В романе Ф.М. Достоевского «<...> моление матери о сыне <...> есть, по-видимому, видоизмененный мотив жития Алексея — человека Божьего» (Ветловская 1977: 170). Реминисценции из этого жития актуальны и в связи с образом главного героя «Белой гвардии». При этом Елена, обращаясь к Богородице, сама принимает материнские функции по отношению к братьям.

Сходна также молитва перед образом Богоматери в романе А.С. Грина «Блистающий мир» (1923); ср.:

> Выше поднялось пламя свечей, алтарь стал ярче, ослепительно сверкнул золотой узор церкви, как огненной чертой было обведено всё по контуру. И здесь <...> увидела она сквозь золотой туман алтаря, что Друд вышел из рамы, сев у ног маленького Христа. В грязной и грубой одежде рыбака был он, словно лишь теперь вышел из лодки <...>
>
> Грин 1991–1997/4: 186

Эпизоды имеют одинаковые финалы: героиня Грина Руна Бегуэм после молитвы остается «неподвижно застывшей в земном, долгом поклоне» (Грин 1991–1997/4: 186) — она в глубоком обмороке; о Елене Турбиной говорится, что «<...> она сникла к полу и больше не поднималась» (см. с. 240 наст. изд.).

Молитва Елены своеобразно варьирует каватину Валентина из оперы «Фауст» (см. примеч. 126 к гл. 2): оперный персонаж молит за сестру, героиня романа — за брата (см.: Петровский 2001: 61).

[15] *Кризис* (от *греч.* «κρίσις» — «судебное решение») — здесь: переломный момент болезни (см.: Силецкий 1994: 236–237).

Во время молитвы Елены било 3 часа дня (см. с. 239 наст. изд.), чего Елена не слышала. Можно предположить, что кризис Турбина совершается около 16 часов; ср. особое значение, которое имеет в романе это время суток (см. примеч. 1 к гл. 2).

19

[1] *Было его жития в Городе 47 дней.* — По-видимому, отсчет ведется не с момента взятия Города 14 декабря, а со дня парада 17 декабря.

[2] *Второго февраля...* — Ср. заглавие помещенного в Дополнениях отрывка «В ночь на 3-е число», а также название главы в рассказе Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (1922) — «Ночь со 2 на 3» (Булгаков 2007–2011/1: 353). Период 2–3 февраля, видимо, мотивирован автобиографически: в эти дни Булгаков был мобилизован отступавшими петлюровцами, но сумел бежать. В записи литературоведа П.С. Попова дошла фраза Булгакова, из которой следует, что были и иные обстоятельства, связанные уже с пребыванием во Владикавказе. Булгаков осознавал первую половину февраля как жизненный рубеж: «Пережил душевный перелом 15 фев<раля> 1920 г., когда навсегда бросил медицину и отдался литературе» (НИОР РГБ. Ф. 218. К. 1269. Ед. хр. 6. Л. 2). Учитывая разницу между григорианским и юлианским календарями, можно предположить, что дата 2/3 (15/16) февраля, фигурирующая в ряде произведений Булгакова, соотносится с этими драматичными воспоминаниями. Наконец, во время работы над последней редакцией романа тот же период ассоциировался для писателя с недавней смертью матери (1 февраля 1922 г.).

[3] *...прикрытой черной шелковой шапочкой.* — Сходная деталь в образе главного героя возникнет в романе «Мастер и Маргарита» (см.: Булгаков 2007–2011/7: 166).

[4] *Он резко изменился... глаза запали в тенях и навсегда стали неулыбчивыми и мрачными.* — Реминисценция из рассказа Л.Н. Андреева (1871–1919) «Елеазар» (1906):

> <...> то, что появилось нового в лице Елеазара и движениях его, объясняли естественно, как следы тяжелой болезни и пережитых потрясений. <...> До смерти своей Елеазар был постоянно весел и беззаботен, любил смех и безобидную шутку. <...> Теперь же он был серьезен и молчалив; сам не шутил и на чужую шутку не отвечал смехом <...>
>
> Андреев 1990: 192–193

[5] *...как 47 дней тому назад, прижался к стеклу...* — Фраза отсылает к гл. 1, действие которой происходит вечером 12 декабря, однако с того момента до 2 февраля прошло 52 дня, а не 47.

[6] *...Шервинский говорил, что они с красными звездами на папахах...* — О красноармейских звездах Шервинский будет рассказывать позже (см. с. 247 наст. изд.).

[7] *...их прервал звоночек.* — Поскольку приемные часы у Турбина «с 4-х до 6-ти» (см. с. 77 наст. изд.), можно предположить, что визит Русакова совершается между 16 и 17 часами (см. примеч. 1 к гл. 2).

[8] *Если это пациент, прими, Анюта.* — Говоря о частной врачебной практике Булгакова в Киеве, Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «Смена властей очень действовала на прием: в начале каждой новой власти всегда было мало народу — боялись, наверно, а под конец — много. Конечно, больше ходили солдаты и всякая голытьба — богатые люди редко болели этими болезнями» (цит. по: Чудакова 1988: 72).

[9] *— У меня сифилис, — хрипловатым голосом сказал посетитель...* — В рассказе Булгакова «Звездная сыпь» персонаж-сифилитик считает свое заболевание простудным: «— Глотка вот захрипла, — молвил пациент. <...> — Мне бы вот глотку полечить, — вымолвил он» (Булгаков 2007–2011/2: 334).

[10] *Турбин нарисовал ручкой молотка на груди у больного знак вопроса. Белый знак превратился в красный.* — Реакция кожи (дермографизм) служит показателем состояния вегетативной нервной системы пациента. Однако меняющийся цвет может быть истолкован и как намек на будущую идейную эволюцию Турбина в соответствии с политическими обстоятельствами.

Возможна также реминисценция из романа Е.И. Замятина «Мы», где Д-503 в беседе с I-330 говорит о необходимости соединить искусственно разделенные части человечества; реакция героини проявляет актуальный политический подтекст этих слов; ср.: «<...> она взяла со стола мой стеклянный треугольник и всё время, пока я говорил, прижимала его острым ребром к щеке — на щеке выступал белый рубец, потом наливался розовым, исчезал» (Замятин 1990: 109).

[11] *...через неделю первое вливание.* — Имеется в виду лечение сальварсаном (см. примеч. 38 к гл. 6).

[12] *Аггел* — злой дух, сатана.

[13] *Содом и Гоморра* — библейские города, уничтоженные Богом за грехи их жителей (Быт. 18—19).

[14] *Вы бром будете пить.* — Препараты брома применяются как лечебные средства при состояниях повышенного нервного возбуждения, истерии, неврастении и т. п.

[15] *...и трубят уже, трубят боевые трубы грешных полчищ, и виден над полями лик сатаны, идущего за ним.* — Евангельская реминисценция: в Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) говорится о трубах ангелов, навлекающих на людей страшную саранчу и смертоносных всадников (см.: Откр. 9).

В сходном стиле написана опубликованная в газете «Голос Киева» 2 октября 1918 г. статья за подписью «Савватий»:

> Разве мы живем теперь?
>
> Нет. Мы пребываем по инерции...
>
> Одна лишь Божья кара властна над этой немочью...
>
> И реки станут горькими, потому что их залили человеческой кровью.
>
> И придут в города дикие звери, привлеченные запахом падали.
>
> И огненный дождь упадет с неба, чтобы сжечь четвертую часть человечества.
>
> И возмущенная земля всколыхнется, чтоб от стыда и ужаса скрыться под водами. И еще одна четверть людей погибнет в развалинах своей жизни.
>
> Так будет, ибо книга судеб одна, и дерзко сорвана с нее печать. Зашелестели страницы, и сбывается виденное и слышанное Иоанном...
>
> И раздается уже топот апокалиптических всадников, несущих за собою мор и глад и землетрясение и смерть.
>
> Звезда, именуемая «Полынь», уже упала на землю...
>
> Цит. по: Петровский 2001: 293

[16] *А настоящее его имя по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель.* — Неточная цитата из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса), где говорится об ангеле бездны — предводителе страшной саранчи (см.: Откр. 9: 11).

[17] *...Нет, он уехал ~ Какое мне дело. Аггелы...* — Сочетание присутствующих здесь мотивов реализовано также в романе «Мастер и Маргарита»: автобиографический герой «Белой гвардии» спасен женщиной, связанной с таинственным, инфернальным персонажем — вездесущим, стремительно перемещающимся и обладающим властью (скорее мнимой, нежели реальной) над городом. Подобные отношения объединяют Мастера, Маргариту и Воланда. Сходство доказывает, что основополагающие элементы замысла последнего романа Булгакова сформировались не позже середины 1920-х годов.

Актуализированная в связи со Шполянским мифологема «предтечи» получит в «Мастере и Маргарите» развитие через мотив отрезанной или оторванной головы (Булгаков 2007–2011/7: 18, 56, 152) — вариация евангельского сюжета об Иоанне Крестителе (см.: Мф. 14: 10–11).

[18] *Братья столкнулись нос к носу в нижнем ярусе таинственного сада у другого домика.* — Родственники светлого героя Най-Турса и любовница рокового Шполянского обитают по соседству друг с другом.

[19] *...не стояли на столе мрачные, знойные розы, ибо давно уже не существовало разгромленной конфетницы «Маркизы»...* — Неточность: ранее в связи с цветами упоминался магазин «Ниццкая флора» (см. с. 17 наст. изд.).

[20] *— Какие такие звезды? ~ Маленькие, как кокарды, пятиконечные...* — Красная звезда (первоначально — в качестве нагрудного знака) была введена в 1918 г., причем официально именовалась «марсовой», поскольку ассоциировалась с античным богом войны (см.: Степанов 2010: 44); ср. образ «красного Марса» в начале романа (см. с. 9 наст. изд.).

Е.М. Ярославский (наст. имя — М.И. Губельман; 1878–1943), бывший в начале 1918 г. одним из двух военных комиссаров Московского военного округа, вспоминал:

> <...> возникла мысль о новом отличительном знаке. В нашей коллегии, состоявшей из тов<арищей> Полянского, Муралова и меня, т<оварищ> Полянский первый предложил идею пятиконечной звезды, с помещенными на ней изображениями молота, плуга и книги, как символов труда, деревни и интеллигенции. Коллегия остановилась на пятиконечной звезде, но с изображением на ней только молота и плуга, и в таком виде этот отличительный знак получил одобрение тов<арища> Троцкого.
>
> Из бесед 1919: 273

В газете «Известия ВЦИК» 19 апреля 1918 г. было напечатано сообщение «Значок красноармейца»: «<...> всем воинам Красной Армии присвоен нагрудный знак. <...> Это марсовая звезда с золотыми ободками, в середине на красном фоне золотые изображения плуга и молота». Однако на первых порах не было ясности в том, где следует помещать знак: так, в приказе по Военному комиссариату г. Москвы № 42 от 8 мая 1918 г. указано, что красноармейский значок «Марсовой звезды с плугом и молотом» (цит. по: Степанов 2010: 45) носится на околыше фуражки (см.: Степанов 2010: 45). Главнокомандующий всеми вооруженными силами И.И. Вацетис, члены РВСР И.Н. Смирнов и К.Х. Данишевский, начальник штаба Восточного фронта П.М. Майгур 8 сентября 1918 г. подписали в г. Арзамасе следующий приказ:

> <...> замечено, что многие красноармейцы не понимают <...> великого символа красной звезды и иные совершенно ее не носят, а иные носят ее на рубашках и шинелях.
>
> Революционный Военный Совет Республики приказывает всем начальствующим лицам и учреждениям немедленно озаботиться снабжением каждого находящегося в их ведении красноармейца красной эмалевой звездой. Эта звезда должна обязательно носиться каждым членом Красной Армии на околыше фуражки или на папахе, а на рубашках и шинелях можно носить вторую такую же звезду по личному желанию.
>
> Цит. по: Степанов 2010: 52–53

[21] — *Почему такая точность: в полночь...* — Роковой час появления красных позволяет трактовать красную звезду как знак Зверя — мотив, восходящий к Откровению Иоанна Богослова (Апокалипсису), где о Звере говорится: «И он сделает то, что всем <...> положено будет начертание на правую руку их или на чело их <...>» (Откр. 13: 16). Отношение к звезде как к знаку антихриста было характерно для массового сознания. Публицист И.Ф. Наживин писал:

> <...> эти новые социалистические войска с красной пентаграммой на лбу — на ушко наивные дурачки шептали, что это еврейский знак из Каббалы — были и для меня загадкой, от которой все мы шарахались в сторону вместо того, чтобы подойти поближе и попытаться разгадать ее.
>
> Наживин 1921: 126

Подобному восприятию способствовало то, что на первых порах звезды на головных уборах, на груди и на рукавах носились (и даже изображались на плакатах) не только привычным образом — лучом вверх, но и в перевернутом виде, вершиной вниз (см.: Степанов 2010: 56), что соответствовало распространенному виду пентаграммы, который стал символом черной магии. Командование Красной Армии было вынуждено выпустить листовку, объясняющую значение эмблемы на головном уборе красноармейца.

Эти коллизии отражены в романе Б.А. Пильняка «Голый год», где реализован мотив мистического, дьявольского вмешательства в историю: персонаж с евангельским именем Семен Зилотов (ср.: Лк. 6: 15) после контузии на фронте «<...> узрел великую тайну: — две души, великая тайна, черная магия, пентаграмма <...> На красноармейских фуражках загорелась мистическим криком пентаграмма <...> она принесет, донесет, спасет. Черная магия — черт! Черт, — а не бог! Бога попрать!» (Пильняк 2003—2004/1: 128—129).

Между тем пятиконечная звезда изначально воспринималась как знак Спасителя, символизируя пять ран Иисуса (см.: Бидерманн 1996: 202), поэтому звезда защищала от злых духов — не случайно, напр., в трагедии немецкого писателя И.В. Гёте «Фауст» Мефистофель боится пентаграммы (см.: Гёте 2006: 60).

[22] *Шафранный* — красновато-желтый, желто-оранжевый.

[23] *Марш «Двуглавый орел».* — Имеется в виду популярный в российской армии марш «Под двуглавым орлом». Марш был сочинен генерал-капельмейстером австрийской армии Й.Ф. Вагнером (1856—1908), и орел изначально подразумевался не российский, а австрийский (см.: Кац, Ронен 2003: 228).

20

[1] *...1919-й был его страшней.* — Подразумеваются лишь события начала 1919 г.: действия отступавших петлюровцев. По цензурным соображениям Булгаков не мог даже намекнуть на последовавший за этим красный террор (см.: Красный террор 2010: 25—80):

> Перед взятием Киева добровольцами (31 августа 1919 г.) в течение двух недель было расстреляно несколько тысяч человек (в их числе В.П. Листовничий: см. примеч. 7 к гл. 2. — *Е.Я.*), а всего за 1919 г., по разным данным, 12—14 тыс. чел., во всяком случае, только опознать удалось 4800 человек.
>
> Волков 2010: 18

В романе Б.А. Пильняка «Голый год», который послужил источником ряда реминисценций для «Белой гвардии», речь идет именно о 1919 г.

[2] *В ночь со второго на третье февраля...* — Булгаков приблизил реальную дату вступления красных в Киев на трое суток. В действительности большевики взяли Киев 5–6 февраля 1919 г. (см.: Антонов-Овсеенко 1977: 142).

[3] *...у входа на Цепной мост ~ шомполом по голове.* — Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «Эту сцену, как убивают человека у моста, он видел, вспоминал» (Кисельгоф 1991: 69). Сходный эпизод — в повести Булгакова «Тайному другу»; ср.:

> Мне приснился страшный сон. Будто бы был лютый мороз и крест на чугунном Владимире в неизмеримой высоте горел над замерзшим Днепром.
>
> И видел еще человека, еврея, он стоял на коленях, а изрытый оспой командир петлюровского полка бил его шомполом по голове, и черная кровь текла по лицу еврея. Он погибал под стальной тростью, и во сне я ясно понял, что его зовут Фурман, что он портной, что он ничего не сделал, и я во сне крикнул, заплакав:
>
> — Не смей, каналья!
>
> И тут же на меня бросились петлюровцы, и изрытый оспой крикнул:
>
> — Тримай його!
>
> Булгаков 2007–2011/4: 525–526

Возможна также евангельская реминисценция; ср. сцену истязаний Иисуса: «<...> взяв трость, били Его по голове» (Мф. 27: 30).

[4] *...несколько раз дернулся лежащий в судороге и стих.* — Непримиримо-враждебное отношение к евреям — одна из характерных черт петлюровщины. Между тем, лично С.В. Петлюра не был антисемитом (в правительствах Директории постоянно существовал пост министра по еврейским делам), пытался остановить волну погромов и даже утверждал, будто массовых погромов «<...> в действительности не было <...>» и подобные факты ему неизвестны (см.: Петлюра 2008: 304–305). Однако «<...> по данным Российского общества Красного Креста, петлюровцами до зимы 1919 года убито 15 000 человек и разгромлено 120 городов и местечек» (Кольцов 1922: 26). В 1919 г. число жертв среди еврейского населения составило около 120 тысяч человек (см.: Попович 2008: 28). Множество фактов жестокого преследования евреев зафиксировано в составленной писателем С.И. Гусевым-Оренбургским

(1867–1963) «Багровой книге» (см.: Гусев-Оренбургский 1922) – впрочем, речь в ней идет не только о преступлениях петлюровцев, но также о погромах, производившихся белогвардейцами и красноармейцами.

[5] *И в ту минуту, когда лежащий испустил дух, звезда Марс над Слободкой под Городом вдруг разорвалась в замерзшей выси, брызнула огнем и оглушительно ударила.* – Вероятная евангельская реминисценция; ср.: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику» (Откр. 8: 10). Ср. также: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны» (Откр. 9: 1; см. также: Шнеерсон 1993: 144). Разрыв снаряда в момент смерти невинной жертвы может быть отсылкой к евангельским образам «дня гнева», «небесного огня» (см.: Откр. 16: 17–21; 20: 9). Мотив гибели одного человека, обретающей всемирное значение, будет развит в романе Булгакова «Мастер и Маргарита».

[6] *Остался только стынущий труп еврея в черном у входа на мост...* – Несмотря на отдельные антисемитские реплики персонажей «Белой гвардии» (см. с. 44, 221 наст. изд.) и ряд мотивов, напоминающих концепцию революции как «еврейского заговора» (напр., акцентирована этническая принадлежность Шполянского, предстающего «эмиссаром» Троцкого), автор романа показывает, что именно евреи оказываются первыми жертвами хаотического бунта. Об этом говорят, в частности, упоминание о «повешенном за половые органы шинкаре еврее» (см. с. 70 наст. изд.) и эпизод убийства Фельдмана (см. с. 122 наст. изд.). Сцена убийства еврея отступающими петлюровцами является в этом смысле кульминационной и символической; она представлена как мировой катаклизм, ассоциирующийся с распятием Иисуса, после смерти которого «земля потряслась» (Мф. 27: 51).

[7] *...взойдет зеленая украинская трава, ~ никто выкупать ее не будет.* – Возможная реминисценция из книги В.Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие»; ср.:

> <...> если сегодня вы выйдете на Невский, на улицы сегодняшнего прекрасного, синенебого Петрограда, на улицы Петрограда, где так зелена трава, когда вы увидите этих людей, новых людей, которых позвали, чтобы они создали чудо, то вы увидите также, что они сумели только открыть кафе.
>
> Только простреленным на углу Гребецкой и Пушкарской остался трамвайный столб.
>
> Если вы не верите, что революция была, то пойдите и вложите руку в рану. Она широка, столб пробит трехдюймовым снарядом.

> И всё же, если от всей России останутся одни рубежи, если станет она понятием только пространственным, если от России не останется ничего, всё же я знаю — нет вины, нет виновных.
>
> Шкловский 2002: 149

Образ удобряющей землю крови перейдет в роман «Мастер и Маргарита»; ср.: «<...> кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья» (Булгаков 2007–2011/7: 335).

8 *...Василиса купил огород ~ заходящее солнышко, почесывая живот...* — Реминисценция из рассказа А.П. Чехова «Крыжовник» (1898), где герой, достигший искомого «идеала» — поместья с зеленым крыжовником, платит за это потерей человеческого облика; ср.:

> Иду к дому, а навстречу мне рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лень. Вышла из кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату, он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед, — того и гляди, хрюкнет в одеяло.
>
> Чехов 1974–1982/10: 60

9 *...поросята влетели в огород и... взрыли грядки.* — Реминисценция из повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (1831); ср.: «<...> проклятые сорванцы вогнали в огород стадо свиней, переевших мою капусту и огурцы» (Гоголь 1937–1952/1: 171).

10 *...поросята страшные — у них острые клыки.* — Травестия евангельской притчи о бесах, вошедших в свиней (см.: Лк. 8: 33). Ее отрывок послужил эпиграфом к роману Ф.М. Достоевского «Бесы», который стал источником ряда реминисценций в «Белой гвардии».

Черты Василисы получат развитие в образе Николая Ивановича, персонажа романа Булгакова «Мастер и Маргарита». В судьбы обоих бесовское начало вторгается в свинском обличье: Василису атакуют инфернальные поросята, Николай Иванович сам обращен в борова (см.: Булгаков 2007–2011/7: 294–295). Персонажей сближает одержимость молодыми ведьмами: Василиса воображает Явдоху «голой, как ведьма на горе» (см. с. 57 наст. изд.), а Наташа, горничная Маргариты, буквально становится ведьмой (см.: Булгаков 2007–2011/7: 354).

[11] *...подпрыгивали на аршин от земли, потому что внутри у них были пружины.* — Реминисценция из повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» (1831); ср.: «<...> свиньи на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили его плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вот этого сволока» (Гоголь 1937—1952/1: 126).

[12] *Дарница* — железнодорожная станция под Киевом (современный Дарницкий район).

[13] *Бушлат* — форменная верхняя одежда военных моряков.

[14] *Эшелон* — здесь: поезд, перевозящий военнослужащих.

[15] *Куколь* — остроконечный капюшон, часть верхнего облачения монаха. Здесь: остроконечный головной убор.

[16] *Человек очень сильно устал ~ и на ней распластаться.* — Возможная перекличка с рассказом А.С. Грина «Тифозный пунктир» (1922; см.: Чудакова 1976б: 64). Рассказ был опубликован в Литературном приложении к газете «Накануне» 3 декабря 1922 г., всего за неделю до того, как в следующем номере появился отрывок «В ночь на 3-е число» за авторством Булгакова (см. с. 705 наст изд.). Герой-рассказчик «Тифозного пунктира» — петербуржец, служащий в обозной команде в маленьком уездном городе; заболевая тифом, он стоит ночью на посту; ср.:

> С платформы <...> виден был ряд вагонов проходящего эшелона: светящиеся окна теплушек и раскрытые двери их дышали огнем железных печей, бросающих на засыпанный сеном снег рыжие пятна. Там ругались и пели. Закрывая хвост эшелона, темнели белые вагоны санитарного поезда, маня обещаниями, от которых содрогнулся бы человек, находящийся в обстановке нормальной.
>
> Взглядывая на них, я думал, что нет выше и недостижимее счастья, как попасть в эти маленькие, уютные и чистые помещения, так нерушимо и прочно ограждающие тебя от трепета и скорбей мучительной, собачьей жизни, нудной, как ровная зубная боль, и безнадежной, как плач.
>
> Грин 1991—1997/3: 183

[17] *Бронепоезд «Пролетарий».* — Сходное упоминание присутствует в очерке Булгакова «Путевые заметки: Скорый № 7 Москва — Одесса» (1923), где в финальном фрагменте описывается прибытие рассказчика в Киев; ср.: «Под обрывами разбегаются заржавевшие пути. Начинают тянуться бесконечные

и побитые в трепке войны составы классные и товарные. Мелькает смутная стертая надпись на паровозе “Пролетар...”<...>» (Булгаков 2007–2011/3: 187).

[18] *Две голубоватые луны, не грея и дразня, горели на платформе.* — Реминисценция из стихотворения В.Я. Брюсова «Сумерки» (1909; сборник «Все напевы»); ср.: «Горят электричеством луны | На выгнутых длинных стеблях <...>» (Брюсов 1973: 450).

[19] *...смотреть на звезду Марс ~ жила и была пятиконечная.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.:

> При въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба <...> стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света. Но в Пьере светлая звезда эта с длинным лучистым хвостом не возбуждала никакого страшного чувства. <...> Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе
>
> Толстой 1928–1958/10: 374–375

[20] *Вырастал во сне небосвод невиданный. Весь красный, сверкающий и весь одетый Марсами в их живом сверкании.* — Отождествление небесных светил и красноармейских звезд оценочно двойственно: красноармейцы уподобляются одновременно войску антихриста и «небесному воинству». Образ небосвода, испещренного пятиконечными звездами, — не только метафора торжества большевизма, но и предвестие будущей трагедии, своеобразная иллюстрация слов Жилина о том, что на небесах приготовлены украшенные звездами помещения для погибших красноармейцев (см. с. 68 наст. изд).

[21] *...неизвестный, непонятный всадник в кольчуге...* — Имеется в виду полковник Най-Турс; в «райском» сне Алексея Турбина Най-Турс представлен именно в кольчуге и упоминается, что он прибыл в рай на коне (см. с. 65, 67 наст. изд.).

[22] *...братски наплывал на человека.* — Заочное «братание» белогвардейца и красноармейца — развитие мотива сна Алексея Турбина, где говорится о соседствующих друг с другом райских хоромах для представителей противоборствующих сторон (см. с. 69 наст. изд.).

[23] *Жилин.* – Земляк красноармейца в его сне – тот же самый Жилин, который фигурировал как однополчанин Алексея Турбина в «райском» сне главного героя (см. с. 65 наст. изд.).

[24] *Волынская* – измененное название Волошской улицы в Киеве.

[25] «*И увидал я мертвых ~ и моря уже нет*». – Неточная цитата из Откр. 20: 12–15; 21: 1.

[26] *...ум его становился, как сверкающий меч...* – Ср. евангельский образ меча как слова истины: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10: 34); ср. также: «Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей» (Откр. 1: 16); ср. также: «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным <...>» (Откр. 19: 15).

[27] *Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий.* – Возможная перекличка с романом И.Г. Эренбурга (1891–1967) «Трест Д. Е. История гибели Европы» (1923); ср.: «<...> пустыми стеклянными глазами глядел в черный длинный коридор тысячелетий» (Эренбург 1962–1967/1: 287).

Эволюция Ивана Русакова повторится в судьбе Ивана Бездомного: персонаж романа «Мастер и Маргарита», перенесший сильнейшее душевное потрясение, квалифицируемое врачами как психическое расстройство, продолжает видеть в ежегодных снах древние события (см.: Булгаков 2007–2011/7: 481).

[28] «*...слезу с очей, и смерти не будет, уже ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло*». – Неточная цитата из Откр. 21: 4.

[29] *Я – демон...* – Реминисценция из романа Ю.Л. Слёзкина «Ольга Орг», где героиня сравнивает пытающегося ее соблазнить Владека Ширвинского с демоном, иронически цитируя поэму М.Ю. Лермонтова и оперу А.Г. Рубинштейна (1829–1894): «И будешь ты царицей мира» (Слезкин 1922: 49).

[30] *...его лицо из клубов выходило ярко-кукольным.* – Реминисценция из ряда произведений Ф.М. Достоевского; ср. в романе «Преступление и наказание» описание Свидригайлова:

> Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску: белое, румяное, с румяными, алыми губами, с светло-белокурою, бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами. Глаза были как-то слишком голубые, а взгляд их как-то слишком тяжел и неподвижен. Что-то было ужасно неприятное в этом красивом и чрезвычайно моложавом, судя по летам, лице.
>
> Достоевский 1972–1990/6: 357

Ср. также внешность Ставрогина в романе «Бесы»:

> <...> волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж слишком спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые — казалось бы, писаный красавец, а в то же время как будто и отвратителен.
>
> Достоевский 1972–1990/10: 37

[31] *Жить, будем жить*!! — Начальные слова романса композитора Р.М. Глиэра (1874–1956) на стихи Г. Галиной (1870/73–1942):

> Жить, будем жить! И от судьбы возьмем
> хотя одну весну, хотя одно мгновенье
> без жалкой слабости раздумья и сомненья...
> В неведомую даль свободные пойдем!
>
> Галина [б. г.]

Возможна также реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.: «<...> по старой привычке он делал себе вопрос: ну а потом чтó? чтó я буду делать? И тотчас же он отвечал себе: ничего. Буду жить. Ах, как славно!» (Толстой 1928–1958/12: 205). Ср. также: «Я не виноват, что я жив и хочу жить; и вы тоже» (Толстой 1928–1958/12: 223).

[32] *А смерть придет, помирать будем...* — Рефрен цыганской песни «Буран»: «И дождь будет, да и буран будет, | А придет смерть, помирать будем!» (Очи черные 2001: 235).

Соположение контрастных цитат, в которых речь идет о жизни и смерти, отсылает также к финалу пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1896):

> Что же делать, надо жить! <...> а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. <...> Мы отдохнем!
>
> Чехов 1974–1982/13: 115–116

Этот монолог прямо цитируется в финале пьесы «Белая гвардия» (см.: Булгаков 1990: 108).

[33] *Петька был маленький...* — В рассказе Булгакова «Воспаление мозгов» (1926) имеется пародийно-лубочный образ мальчика по имени Петька, который представлен как непременный персонаж халтурных сентиментальных рассказов наподобие святочных: «И вот Петька (мальчика Петькой назовем, такие замерзающие на жаре мальчики всегда Петьки бывают) уже в детдоме <...> Щеки у него толстые, и назвать рассказ “Петька спасен”» (Булгаков 2007–2011/1: 513).

[34] *...по зеленому большому лугу...* — Перекличка со статьей А. Белого «Луг зеленый» (1905), вошедшей в одноименный сборник (1919):

> Россия — большой луг, зеленый. На лугу раскинулись города, селенья, фабрики.
>
> Искони был вольный простор. Серебрилась ковыль. Одинокий казак заливался песнью, несясь вдоль пространств, над Днепром — несясь к молодой жене Катерине. <...> Но пришел из стран заморских пан, назвавшийся отцом твоим, Катерина, — казак в красном жупане <...> И все предались болезненным снам. И сама ты заснула в горнице, пани Катерина, и вот чудится тебе, будто пани Катерина пляшет на зеленом лугу, озаренная красным светом месяца, — то не месяц, то старый пан, пан отец — казак, в красном, задышавшем пламенем жупане, на нее уставился. <...> То не месяц: то неведомый казак, тебе из заморских стран ужас приносящий... Вот покрывает он зеленые луга сетью мертвых городов; вот занавешивает небо черным пологом фабричных труб — не казак, а колдун, отравляющий свободный воздух родного неба — души.
>
> Россия, проснись: ты не пани Катерина — чего там в прятки играть! Ведь душа твоя Мировая. Верни себе Душу, над которой надмевается чудовище в огненном жупане: проснись, и даны тебе будут крылья большого орла, чтобы спасаться от страшного пана, называющего себя твоим отцом.
>
> Не отец он тебе, казак в красном жупане, а оборотень — Змей Горыныч, собирающийся похитить тебя и дитя твое пожрать.
>
> Белый 2012: 382–383;
> см. также: Кацис 1996: 177

Эту статью Белый цитировал в речи на вечере в Союзе писателей 17 октября 1921 г.: «<...> Россия — большой луг зеленый, он еще зацветет цветами» (Ашукин 1998: 218).

В повести Белого «Серебряный голубь» (1909), героя которой, Дарьялова, зовут Петром (ср. Петьку в «Белой гвардии»), зеленый луг также символизирует Россию: «Посредь села большой луг; такой зеленый, есть тут где разгуляться, и расплясаться, и расплакаться песенью девичьей <...>» (Белый 1995: 18); ср. также: «Петр идет через луг, пошатываясь от восторга, не то от ядовитого испаренья этих мест <...>» (Белый 1995: 182).

[35] *...лежал сверкающий алмазный шар ~ обдал Петьку сверкающими брызгами.* — Реминисценция из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»; ср.:

> Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.
>
> — Вот жизнь, — сказал старичок учитель.
>
> Толстой 1928–1958/12: 158;
> см. также: Лурье, Рогинский 1989: 590

[36] *...стрекотал сверчок за печкой... пел свою песню...* — Возможная реминисценция. В начале 1920-х годов в Первой студии МХАТа продолжал идти спектакль «Сверчок на печи» (премьера — 1914 г.) по повести английского писателя Чарльза Диккенса «Сверчок за очагом. Семейная сказка» («The Cricket on the Hearth. A Fairy Tale of Home»; 1845). В театральных журналах 1920-х годов наряду с афишей спектакля публиковалась аннотация, завершавшаяся словами: «<...> по-прежнему поет свою тихую песнь за печкой старый друг дома — сверчок» (Зрелища. 1923. № 57. С. 30).

[37] *...синева... покрылась звездами... служили всенощную.* — Реминисценция из пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» (см. примеч. 32 к гл. 20); ср.: «Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах <...>» (Чехов 1974–1982/13: 116).

[38] *В алтаре зажигали огоньки, и они проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами.* — Символика звезд в финале «Белой гвардии» через реминисценции из романов Л.Н. Толстого ведет к знаменитой максиме немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804):

> Две вещи наполняют душу всегда новым удивлением и благоговением. И они поднимаются тем выше, чем чаще и настойчивее занимается ими наше размышление. *Это — звездное небо над нами и моральный*

> *закон в нас.* Как то, так и другое не нечто закутанное мраком или лежащее вне моего горизонта. Я вижу их перед собою и непосредственно соединяю их с сознанием своего существования.
>
> Кант 1908: 165–166;
> см. также: Лурье 1988: 200

Показателен также финал романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», где герой, глядя на ночное небо, постигает смысл бытия; ср.:

> Левин <...> смотрел на знакомый ему треугольник звезд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлениями. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звезды исчезали, но, как только потухала молния, опять, как будто брошенные какой-то меткой рукой, опять появлялись на тех же местах.
>
> Толстой 1928–1958/19: 397–398

[39] *...крест превратился в угрожающий острый меч.* — Евангельская реминисценция; ср.: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10: 34). См. также примеч. 26 к гл. 20.

[40] *Страдания, муки, кровь, голод и мор.* — Евангельская реминисценция; ср.: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам <...>» (Мф. 24: 6–7).

[41] *...а вот звезды останутся...* — Реминисценция из книги Цицерона «Сон Сципиона»; ср.:

> Звезды были такие, каких мы отсюда никогда не видели, и все они были такой величины, какой мы у них никогда и не предполагали; наименьшей из них была та, которая, будучи наиболее удалена от неба и находясь ближе всех к земле, светила чужим светом. Звездные шары величиной своей намного превосходили Землю. Сама же Земля показалась мне столь малой, что мне стало обидно за нашу державу, которая занимает как бы точку на ее поверхности.
>
> В то время как я продолжал пристально смотреть на Землю, Публий Африканский сказал: «Доколе же помыслы твои будут обращены вниз, к Земле? Неужели ты не видишь, в какие храмы ты пришел?..»
>
> Цицерон 1917; см. также: Цицерон 1966: 84

ДОПОЛНЕНИЯ

Фрагменты ранних редакций романа «Белая гвардия»

Глава 19

Впервые: Новый мир. 1987. № 2.

Печатается по Кр5, с исправлением ошибок и восстановлением пропущенных слов.

[1] *...глаза его устремились по направлению маленьких огней. От них вся гостиная сверкала, переливалась, источала запах леса, сверкал дед.* — В этой редакции события завершались не в начале февраля, а 18 января — в Крещенский сочельник.

[2] *Формалин* — дезинфицирующее средство.

[3] *Янчевский.* — См. примеч. 8 к гл. 14 романа «Белая гвардия».

[4] *Пластрон* — туго накрахмаленная грудь сорочки под фраком или смокингом.

[5] *Патрицианский.* — От «патриций» — в Древнем Риме представитель исконного римского рода, правящей знати.

[6] *Китайская тушь* — краска для каллиграфии и рисования, изготовленная из сажи и клея животного происхождения.

[7] *...фриска из 2-й рапсодии...* — Рапсодия — музыкальное произведение в свободном стиле с использованием народных мотивов. Здесь имеется в виду «Вторая венгерская рапсодия» (1847) венгерского композитора Ференца Листа (1811–1886). Фриска — одна из двух контрастных частей, входящих в состав венгерского народного танца чардаша: лассу (лашшу) — медленное вступление, фриска (фришка) — парная пляска. Друг Булгакова А.П. Гдешинский (см. примеч. 30 к гл. 9 романа «Белая гвардия») в одном из писем вспоминал: «Миша как-то сказал, что от музыки Листа загораются огни в душе» (Дом Булгакова 2015: 142).

[8] *...креповой свечой.* — Креп — шелковая или иная ткань с особой шероховатой поверхностью. Платье Ирины Най черного цвета — черный креп используется, в частности, для траурных повязок на рукавах, шляпах.

[9] *Визитка* — застегивающийся на одну пуговицу сюртук, полы которого расходятся спереди, образуя конусообразный вырез, а сзади закругляются.

[10] *Гофрированный* — имеющий волнистую складчатую поверхность.

[11] *...звездный флаг величественных Соединенных Штатов.* — В 1919 г. на флаге США было 48 звезд.

[12] *Карат* — единица измерения массы драгоценных камней и жемчуга (1 карат равен 200 мг); установлена в 1907 г., в СССР принята с 1922 г.

[13] *Чем он хорош...* — Реплика из монолога Демона в первой картине первого действия одноименной оперы А.Г. Рубинштейна (см. примеч. 64 к гл. 5 романа «Белая гвардия»).

[14] *...в Купеческом?* — Имеется в виду Киевское русское купеческое собрание, нааходившееся по адресу: Александровская улица, дом 16 (см.: Весь Киев 1915: 628). Ныне — Национальная филармония Украины.

[15] *Баттистини* Маттиа (1856—1928) — итальянский певец (баритон), исполнявший, в частности, партию Демона в одноименной опере.

[16] *Не плачь, дитя...* — Ария Демона из одноименной оперы А.Г. Рубинштейна.

[17] *Всё равно Валентина скоро убьют...* — В опере французского композитора Шарля Гуно «Фауст» (см. примеч. 126 к гл. 2 романа «Белая гвардия») Мефистофель предсказывает Валентину, что тот скоро будет убит, и Фауст в поединке убивает Валентина.

[18] *Папа мажет... Йодом бок...* — Йодистые препараты (в том числе в виде втираний) с середины XIX в. применялись для лечения сифилиса.

[19] *Кек-вок...* — Имеется в виду кэйк-уок (от *англ.* «cakewalk» — «прогулка с пирогом») — популярный в начале XX в. танец.

[20] *Олово конфет.* — Имеется в виду фольга.

[21] *...снял заклейку с таблицы.* — Имеется в виду докторская вывеска, которая во время болезни Турбина была заклеена.

[22] *...такую массу водки пьешь, что у тебя склероз сделается...* — Имеется в виду алкогольная амнезия, характерное для алкоголизма нарушение памяти.

[23] *И падает время... Как капли в пещере...* — Стихи Лариосика тематически близки стихам Шполянского «Капли Сатурна» (см. примеч. 9 к гл. 9 романа «Белая гвардия»). Сатурн — древнеримский бог, олицетворяющий время.

[24] *...к тебе я стану прилетать...* — Ария Демона из одноименной оперы.

[25] *...из далекого Дикого переулка.* — Ныне Филипповский переулок. В Диком переулке жили мать Ю.Л. Гладыревского и его брат Н.Л. Гладыревский (см. примеч. 20 к гл. 2 романа «Белая гвардия»; см. также: Тинченко 1997: 104).

[26] *Кабинетный портрет* — портрет, фотография небольшого формата для размещения на столе или на стене.

[27] *...в глаза Юлии Марковны...* — Впоследствии Булгаков изменил отчество героини — возможно, не желая акцентировать ее еврейское происхождение (не таким явным стал мотив пособничества Шполянскому).

[28] *Че-ка.* — Имеется в виду Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР; существовала в 1917–1922 гг.

[29] *...какая-то чепуха вновь закипает на Украине...* — В начале 1919 г. советские войска Украинского фронта начали широкомасштабное наступление.

[30] *...где-то, оказывается, идет драка с поляками...* — В январе 1919 г. в Белоруссии и Литве начались военные действия между РСФСР и Польшей; в первой половине февраля 1919 г. образовался польско-советский фронт.

[31] *...врачам и фельдшерам явиться на регистрацию... под угрозой тягчайшей ответственности...* — Показательна напечатанная 31 января 1919 г. в киевской газете «Наш путь» заметка «К мобилизации врачей»; ср.:

> Согласно приказу по главному управлению войск от 15 января № 46 главным военно-санитарным управлением была произведена мобилизация врачей гор. Киева. По полученным сведениям, до настоящего времени часть врачей не явилась по мобилизации на учет, некоторые врачи, получая предписание, без уважительных причин не прибывают в свои части и скрываются в различных местах.
>
> Цит. по: Бурмистренко, Рогозовская 1995: 138

Тема мобилизации героя-врача петлюровцами присутствует также в рассказах Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 353) и «Я убил» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 400).

[32] *Ты на комиссию подай.* — Имеется в виду медицинская комиссия, освобождающая от воинской службы.

[33] *Ammon. bromat ~ Natr. Bromat.* — Сохранился выписанный Булгаковым Н.Н. Судзиловскому 5 января 1919 г. рецепт на другое успокаивающее лекарство — микстуру В.М. Бехтерева. См. ил. 32.

[34] *А в середине серп и молоточек.* — Автор романа опережает события: красная звезда с серпом и молотом, соответствовавшая их изображению в гербе РСФСР, была введена в РККА лишь 13 апреля 1922 г. (см.: Степанов 2010: 56).

[35] *Прут, как саранча...* — Реминисценция из Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса); ср.:

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю <...> По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион.

Откр. 9: 1—11; см. также: Шнеерсон 1993: 145—146

Этот фрагмент в «Белой гвардии» цитирует Русаков (см. с. 256 наст. изд.)

[36] *Бобровицы* (Бобро́вица) — город в Черниговской губернии (ныне Черниговская область в Украине).

[37] *Утки* — здесь: непроверенная или преднамеренно ложная информация в газетах.

[38] *Лицо Юлии Марковны ожило немного ~ как будто она ждала худшего.* — В ЖР Юлия представлена подручной Шполянского. Первоначальный вариант ее имени может содержать реминисценцию из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»; ср. имя губернаторши — Юлия Михайловна Лембке. Ср. также: «<...> Петром Степановичем управляла Интернационалка, а Петр Степанович Юлией Михайловной, а та уже регулировала по его команде всякую сволочь» (Достоевский 1972—1990/10: 354). Сходная «схема» пародийно реализована в «Белой гвардии».

В ночь на 3-е число

Впервые: Накануне. 1922. 10 декабря. (Литературное приложение. № 30). Печатается по первой публикации.

[1] *Гашетка* — спусковой крючок огнестрельного оружия.

[2] *Приват-доцент* — внештатный преподаватель в университете, готовящийся к получению звания профессора.

[3] *Доктор Бакалейников.* — Возможно, использована фамилия реальных людей. Флейтист, дирижер и композитор Николай Романович Бакалейников (1881—1957) был автором романсов, писал музыку для выступлений А.Н. Вертинского, с 1919 г. работал дирижером в Киеве, в 1920-х годах служил начальником оркестров в штабе Киевского военного округа. Брат Н.Р. Бакалейникова, альтист и дирижер Владимир Романович Бакалейников (1885—1953), в 1920—1927 гг. занимал должность директора в Музыкальной студии МХАТа (с 1926 г. — Музыкальный театр имени народного артиста Республики Вл. И. Немировича-Данченко), преподавал в Московской консерватории.

[4] *Полковник Мащенко.* — Первым Синежупанным полком, где, судя по всему, оказался мобилизованный петлюровцами Булгаков, командовал полковник М.Е. Пащенко (?—1919), который до начала Первой мировой войны был школьным учителем и журналистом, известным под псевдонимом «Волчок» (см.: Тинченко 1997: 52, 55–56).

[5] *— Жида порют, — негромко и сочно звякнул голос.* — Возможная реминисценция из рассказа Л.Н. Толстого «После бала» (1903); ср.: «— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец <...>» (Толстой 1928—1958/34: 123). В обоих случаях подчеркнута национальность жертвы, она подвергается порке, истязанием руководят полковники.

[6] *Варвара Афанасьевна — жена доктора...* — Героиня носит реальное имя сестры Булгакова, В.А. Карум (см. примеч. 8 к гл. 1 романа «Белая гвардия»).

[7] *Колька...* — Имя младшего брата такое же, как в романе «Белая гвардия», но использована грубовато-просторечная форма.

[8] *Юрий Леонидович.* — Имя полностью тождественно имени Ю.Л. Гладыревского (см. примеч. 20 к гл. 2 романа «Белая гвардия»).

[9] *Парикмахер Жан.* — Парикмахерские «Жан» в Киеве находились по адресам: Львовская улица, дом 50 (неподалеку от Дикого переулка — см. примеч. 25 к гл. 19 ЖР) и Брест-Литовское шоссе, дом 11 (см.: Весь Киев 1915: 903).

[10] *Блузник* — мастеровой, рабочий.

[11] *Палки... с золотыми шарами.* — Имеется в виду распространенная модель трости с набалдашником в виде шара; ассоциировалась с привилегированными слоями общества.

[12] *— Команч, Вождь — Соколиный Глаз.* — Команчи — племя североамериканских индейцев; Соколиный Глаз — одно из нескольких имен, под которыми выступает Натаниэль Бампо (белый, а не индеец), герой романной пенталогии американского писателя Джеймса Фенимора Купера (1789—1851):

«Зверобой, или Первая тропа войны» (1841), «Последний из могикан» (1826), «Следопыт, или Озеро-море» (1840), «Пионеры, или Истоки Сусквеганны» (1823), «Прерия» (1827). Вождем является другой герой романов Фенимора Купера — Чингачгук из племени могикан.

[13] *Город прекрасный... Го-о-род счастливый! ~ Месяц сия-а-а-е-т с неба ночного!..* — Песня Веденецкого гостя из оперы Н.А. Римского-Корсакова (1844—1908) «Садко» (1895). Меццо-воче — вполголоса (от *ит.* «mezza voce»).

[14] *...под педалью еще пело «до».* — Правая педаль фортепиано используется для продолжения звучания, когда клавишу уже отпустили.

[15] *Австрийский карабин* — вероятно, карабин образца 1895 г. «Штайр Манлихер» (от *нем.* «Steyr Mannlicher»), разработанный австрийским конструктором Фердинандом Манлихером (1848—1904).

[16] *Экстрактор* — приспособление в оружии для выдвигания гильзы из ствола.

[17] *...медный таз для варенья (бить тревогу)...* — Сходная деталь присутствует в воспоминаниях И.В. Кончаковской; ср.: «Во дворе возле сараев были вкопаны столбы для вытрушивания ковров. Так там подвесили кусок рельсы "гонг", в который в случае налета нужно было колотить. Учредились ночные дежурства, но на наш дом, к счастью, никто не покушался» (МБКЭ 2011: 207).

[18] *Андреевская улица.* — Имеется в виду Андреевский спуск в Киеве.

[19] *Драбинский.* — Возможно, подразумевается некий Дубинский Николай Игнатьевич, проживавший в доме 15 по Андреевскому спуску (см.: Весь Киев 1915: 200).

[20] *Михаил.* — Имя главного героя тождественно имени автора.

[21] *Соль... до!..* — Первые ноты песни «Интернационал» (см. примеч. 76 к гл. 16 романа «Белая гвардия»).

[22] *У белой церкви с колоннами доктор Бакалейников вдруг отделился от черной ленты...* — Эпизод бегства Булгакова от петлюровцев зафиксирован в воспоминаниях Т.Н. Кисельгоф:

> <...> петлюровцы пришли, и через какое-то время его мобилизовали. Однажды я прихожу домой — лежит записка: «Приходи туда-то, принеси то-то». Я прихожу — на лошади сидит. Говорит: «Мы уходим сегодня в Слободку — это, знаете, с Подола есть мост в эту Слободку, — приходи завтра, за мостом мы будем», — еще что-то ему принести надо было. На следующий день я прихожу в Слободку, приношу бутерброды, кажется, папиросы, еще что-то. Он говорит: «Сегодня, наверное, драпать будут. Большевики подходят». А они больше-

ков страшно боялись. Я прихожу домой страшно расстроенная: потому что не знаю, удастся ли ему убежать от петлюровцев или нет. Остались мы с Варькой в квартире одни, братья куда-то ушли. И вот в третьем часу вдруг такие звонки!.. Мы кинулись с Варькой открывать дверь — ну, конечно, он. Почему-то он сильно бежал, дрожал весь, и состояние было ужасное — нервное такое. Его уложили в постель, и он после этого пролежал целую неделю, больной был. Он потом рассказал, что как-то немножко поотстал, потом еще немножко, за столб, за другой и бросился в переулок бежать. Так бежал, так сердце колотилось, думал, инфаркт будет.

Кисельгоф 1991: 69;
см. также: Воспоминания 1988: 118; Лаппа 2006: 312

Аналогичный эпизод есть в рассказе Булгакова «Необыкновенные приключения доктора» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 353).

[23] — *Боже ты мой!* ~ *Да ты... да ты седой...* — Реминисценция из повести Н.В. Гоголя «Вий»; ср.: «— Ах, боже мой! Да ты весь поседел» (Гоголь 1937–1952/2: 211). Возможна также реминисценция из пьесы Д.С. Мережковского «Павел I» (см. примеч. 104 к гл. 3 романа «Белая гвардия»); ср.: «Да, да, за такие ночи люди седеют» (Мережковский 1914: 138).

МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Ю.Л. Слёзкин
Столовая гора

В отрывках впервые: Накануне (Литературное приложение). 1922. № 25; 1923. № 37. В полном виде (с цензурными купюрами) под заглавием «Девушка с гор»: Слезкин 1925.

Прозаик Юрий Львович Слёзкин (1885–1947) в дореволюционные годы пользовался популярностью; в 1914–1915 гг. вышло четырехтомное собрание его сочинений. Наиболее известные романы — «Помещик Галдин» (1912), «Ветер» (1916), «Секрет полишинеля» (1917) и особенно «Ольга Орг» (1914), выдержавший 10 изданий и впоследствии экранизированный. Об отношениях Булгакова и Слёзкина см. примеч. 20 к гл. 2 романа «Белая гвардия».

Роман «Столовая гора» создан в 1922 г. Характер главного героя, носящего имя Турбина из романа «Белая гвардия», в известной мере отражает состояние и настроение самого Булгакова во владикавказский период его жизни. В дневниковой записи от 21 февраля 1932 г. Слёзкин вспоминал о Булгакове:

> Его манера говорить схвачена у меня довольно верно в образе писателя в «Столовой горе». Тогда я писал эту «Столовую гору» — она не была такая куцая, какой вышла из-под руки цензуры. Булгаков хвалил роман и очевидно вполне искренно относился с симпатией ко мне как к писателю и человеку. Написал даже большую статью обо мне для берлинского журнала «Сполохи», где и была она помещена.
>
> НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 30об.

Вместе с тем в записи от 9 февраля 1932 г. Слёзкин говорит, что образ Алексея Васильевича был встречен Булгаковым негативно: «Он обиделся, что я его вывел» (НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 7).

Сохранился автограф А.В. Луначарского на титульном листе рукописи: «Роман этот мною прочитан. Я не нахожу его политически вредным и препятствий к его опубликованию не вижу. Нарком А. Луначарский. 25/VI» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 228а). Тем не менее издание 1925 г. вышло в урезанном виде. На подаренном Булгакову экземпляре Слёзкин сделал следующую надпись: «Охолощенный роман мой о “Столовой горе” — цензурой и волей издателя обращенный в “Девушка с гор”, дарю любимому моему герою Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Юрий Слёзкин» (НИОР РГБ. Ф. 562. К. 21. Ед. хр. 11. Л. 9).

В авторской редакции «Столовая гора» была опубликована лишь в 2000-х годах (см.: Слёзкин 2005). Фрагменты романа печатаются по: Слёзкин 2013: 306–314, 328–330, 338–344, 358–360, 363–368, 390–398, 400, 415–417.

[1] *Столовая гора* — гора на границе республик Ингушетии и Северной Осетии. Вершина горы видна из столицы Северной Осетии, города Владикавказа, и изображена на его гербе.

[2] *Алексей Васильевич* — Имя отсылает к владикавказской пьесе Булгакова «Братья Турбины». См. также примеч. 20 к гл. 2 романа «Белая гвардия».

[3] *Он произносит речь в защиту Пушкина.* — Диспут о Пушкине, организованный цехом пролетарских поэтов, проходил 3 июля 1920 г. в летнем театре Владикавказа (см.: Файман 1987: 150–158).

[4] *Колосники* – верхняя часть театральной сцены с приспособлениями для спуска декораций.

[5] *...мастера цеха пролетарских поэтов...* – В начале XX в. в России существовало несколько объединений с подобным названием; наиболее известное из них – «Цех поэтов» (1911–1914 гг.), созданный Н.С. Гумилевым (1886–1921) и С.М. Городецким (1884–1967). В 1918 г. Городецкий создал «Цех поэтов» в Тбилиси, а с 1920 г. также в Баку. Словосочетание «цех поэтов» ассоциировалось прежде всего с акмеистами, поэтому в контексте пролетарской литературы и футуризма (приверженцами которых являются члены поэтического объединения в романе «Столовая гора») это название обретает пародийное звучание.

[6] *Милочка.* – Прототипом героини явилась владикавказская поэтесса Людмила Александровна (Ладо) Беридзе (ок. 1903–?). Ю.Л. Слёзкин оказал влияние на ее творчество; контакты со Слёзкиным Беридзе продолжала поддерживать и после его отъезда из Владикавказа. В 1930-х годах Беридзе писала Слёзкину: «<...> Вы были моим первым учителем, тем, кто впервые искусил меня словом» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 10).

Взаимоотношения между Беридзе и Булгаковым, если верить роману «Столовая гора», в 1920 г. тоже носили довольно тесный характер. Однако позже ситуация изменилась: в недатированном письме Слёзкину, которое относится, вероятно, к лету 1921 г., Беридзе, упоминая нескольких общих знакомых, сообщает, что Булгаков находится в Тифлисе, но добавляет, что с ним, как почти со всеми остальными, «<...> ничего общего под конец не имела <...>» и они ей «безразличны» (РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 20).

Заглавие, под которым роман Слёзкина был впервые опубликован и в дальнейшем издавался в СССР – «Девушка с гор», – акцентировало внимание именно на Милочке как главной героине книги.

[7] *Товарищ Авалов... – непререкаемый авторитет в их цехе. Он старый революционер...* – Прототипом персонажа явился Георгий Александрович Астахов (1897–1942), который выступал докладчиком на диспуте, – до 10 июня 1920 г. главный редактор владикавказской газеты «Коммунист», затем заведующий Терско-Кавказским отделением РОСТА (см.: Этингоф 2013: 159), член Владикавказского ревкома и руководитель местного цеха поэтов. Как и Булгаков, Астахов родился и вырос в Киеве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, знал несколько языков, в том числе восточных, в 1920-х годах написал несколько книг о Востоке: «От султаната к демократической Турции: Очерки из истории кемализма» (1926), «Япония» (1928), «Японский империализм: Политико-экономиче-

ский очерк» (1930), «По Йемену» (1931). Впоследствии находился на дипломатической работе; репрессирован, погиб в заключении (см.: Шенталинский 1998: 175–178).

Фамилия персонажа, возможно, пародийно намекает на З.Д. Авалова (Авалишвили; 1876–1944), грузинского историка и дипломата, политического деятеля Грузинской Демократической Республики, одного из создателей и преподавателей (в 1918–1921 гг.) Тбилисского государственного университета; впоследствии эмигрировал.

[8] *...он футурист, поклонник Маяковского.* — Покинув Владикавказ, Слёзкин характеризовал тамошнюю литературную жизнь следующим образом:

> <...> во Владикавказе нераздельно царит Маяковский. Вообще, как это ни странно, Владикавказ весьма «футуристичен» во всех областях своей жизни. То, что давно уже пережила Советская Россия, — сейчас здесь тема дня.
>
> Устраиваются диспуты, где поносится Пушкин как «буржуазный», «контрреволюционный» писатель; цех пролетарских поэтов демонстрирует своих сочленов с произведениями, похожими на битый щебень.
>
> Слезкин 1921: 14

[9] *Спец* — квалифицированный специалист непролетарского происхождения, сотрудничающий с большевистской властью.

[10] *Камер-юнкер* — низшее придворное звание; Пушкину оно было пожаловано в 1833 г. Ср. название одной из глав повести Булгакова «Записки на манжетах», где речь идет о пушкинском вечере во Владикавказе: «Камер-юнкер Пушкин» (Булгаков 2007–2011/1: 418).

[11] *Он типичныи представитель своей ~ доставать его оттуда.* — Характерные тезисы выступлений Г.А. Астахова; ср., напр., в докладе «Классовый характер русской литературы XIX в.» (9 июня 1920 г.):

> Некоторые простаки заподозревали его в революционности. Но она сводилась лишь к желанию некоторых поблажек народу «по манию царя». На революцию же он смотрел как на «бунт бессмысленно жестокий», на народ как на «поденщика, которому всего дороже печной горшок», восставших пугачевцев изображал бандитами, а их усмирителей — вроде Ивана Кузьмича в «Капитанской дочке» — героями.
>
> Цит по: Файман 1987: 146–147

Астахов выступил 22 июня 1920 г. в летнем театре Владикавказа с докладом «Пушкин и его творчество с революционной точки зрения» и в финале провозгласил: «<...> мы со спокойным сердцем бросаем в революционный огонь его полное собрание сочинений, уповая на то, что если там есть крупинки золота, то они не сгорят в общем костре с хламом, а останутся» (цит. по: Шенталинский 1998: 176).

«<...> скинуть с парохода современности» — неточная цитата из манифеста кубофутуристов (группа «Гилея») «Пощечина общественному вкусу», вошедшего в одноименный сборник (1912); ср.: «Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности».

[12] *Фромантен* Эжен (1820—1876) — французский живописец, историк искусства, писатель.

[13] *Мутер* Рихард (1860—1909) — немецкий историк искусства.

[14] *Перспектива* — техника изображения пространственных объектов на плоскости или какой-либо поверхности в соответствии с теми кажущимися сокращениями их размеров, изменениями очертаний формы и светотеневых отношений, которые наблюдаются в натуре.

[15] *Лито* — литературное объединение подотдела искусств.

[16] *Изо* — художественное объединение подотдела искусств.

[17] *Нельзя отрицать, что он тоже говорил прекрасно, у него больше эрудиции, он опытный лектор, известный писатель...* — Т.Н. Кисельгоф рассказывала:

> Диспут о Пушкине я помню. Была там. Это в открытом летнем театре происходило. Народу очень много собралось, в основном — молодежь, молодые поэты были. Что там делалось! Это ужас один! Как они были против, Боже мой! Я в зале сидела, где-то впереди, а рядом Булгаков и Бёме, юрист, такой немолодой уже. Как там Пушкина ругали! Потом Булгаков пошел выступать и прямо с пеной у рта защищал его. И Бёме тоже. А портрет Пушкина хотели уничтожить, но мы не дали. Но многие были и за Булгакова.
>
> Кисельгоф 1991: 84

Тезисы этого выступления воспроизведены в тенденциозном отчете М. Вокса «Диспут о Пушкине», опубликованном во владикавказском журнале «Творчество» (1920. № 3. 22 августа):

> <...> бунт декабристов был под знаком Пушкина, и Пушкин ненавидел тиранию (смотри письма к Жуковскому: «Я презираю свое отечество,

> но не люблю, когда говорят об этом иностранцы»); Пушкин — теоретик революции, но не практик — он не мог быть на баррикадах. Над революционным творчеством Пушкина закрыта завеса: в этом глубокая тайна его творчества. В развитии Пушкина наблюдается «феерическая кривая». Пушкин был «и ночь и лысая гора», приводит Булгаков слова поэта Полонского, и затем — творчество Пушкина божественно, лучезарно; Пушкин — полубог, евангелист, интернационалист (*sic*!). Он перевоплощался во всех богов Олимпа: был и Вакх и Бахус; и в заключение: на всем творчестве Пушкина лежит печать глубокой человечности, гуманности, отвращения к убийству, к насилью и лишению жизни человека человеком (на эту минуту Булгаков забывает о пушкинской дуэли). И в последних словах сравнивает Пушкина с тем существом, которое заповедало людям: «не убий».
>
> Цит по: Файман 1987: 155–156

Далее Вокс сочувственно излагает тезисы ответной речи Астахова и, подхватывая его слова об «очистительном огне революции», которого достоин Пушкин, заключает: «После этого костра вся божественность, гениальность, солнечность Пушкина должна исчезнуть, как навеянный за столетие дурман» (цит. по: Файман 1987: 158).

При аресте Астахова в архивы НКВД попало шутливое «Личное, доверительное, совершенно секретное послание» в стихах от К. Юста (псевд. К.Н. Феоктистова; 1898–1930), соратника по владикавказскому цеху поэтов: «Громил Булгакова наш Цех со всею силой... <...> Свершилась наша казнь. Сожжен лакейский Пушкин. Пусть воет Слёзкин. Пусть скулит БеМе...» (цит. по: Шенталинский 1998: 176). «БеМе» — одновременно инициалы Булгакова и фамилия юриста и библиофила Бориса Ричардовича Бёме (?–1930-е), вместе с Булгаковым оппонировавшего Астахову. Каламбур использован также в статье «Покушение с негодными средствами» (1920), появившейся (за подписью «М. Скромный») в газете «Коммунист» 10 июля 1920 г., — один из ее фрагментов называется «Ни бе ни ме». Статья посвящена Булгакову и Бёме, защищающим «контрреволюционера» Пушкина; ср. : «Слишком топорна и груба эта контрреволюционная “революционность” и “гуманность” г<оспод> оппонентов, чтобы не понять их сущность. А поэтому наш совет г<осподам> оппонентам при следующих выступлениях “для своих прогулок подальше (от революции) выбрать закоулок”».

В газете «Коммунист» 3 июля 1920 г. был напечатан большой отчет «На диспуте о Пушкине»; один из его фрагментов специально посвящен Булгакову:

За столиком оппонент.

Неслыханная вещь: сколько раз цех поэтов говорил о творчестве, сколько «диковинных» вещей о прежнем искусстве и о его бывших людях (гораздо диковиннее, чем в отчетный вечер) слышал обыватель ранее и в силу своей дрябленькой трусости «проглатывал» эти обиды — и вдруг теперь...

Оппонент!

Правда, выступил он «по приглашению» цеха — но всё же это делает ему, а значит, и всем его присным некоторую честь.

Что стало с молчаливыми шляпками и гладко выбритыми лицами, когда заговорил литератор Булгаков. Все пришли в движение. Завозились, заерзали от наслаждения.

«Наш-то, наш-то выступил! Герой!»

Благоговейно раскрыли рты, слушают.

Кажется, ушами захлопали от неистового восторга.

А бывший литератор разошелся.

Свой — почуял своих, яблочко от яблони должно было упасть, что называется, в самую точку.

И упало.

Захлебывались в экстазе девицы.

Хихикали в кулачок «пенсистые» солидные физиономии.

«Спасибо, *товарищ* Булгаков!» — прокричал один.

Кажется, даже рукоплескания были.

В общем — искусство вечное, искусство прежних людей полагало свой триумф.

[18] *Рабис* — профсоюз работников искусства.

[19] *Товарищ, верь, взойдет она... ~ Напишут наши имена*!» — Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «К Чаадаеву» (1818; см.: Пушкин 1994–1996/2–1: 68).

[20] *Он еще не оправился вполне после сыпного тифа, продержавшего его в кровати полтора месяца.* — Аллюзия на состояние Булгакова после болезни. Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «Он уже выздоровел, но еще очень слабый был. Начал вставать понемногу. А во Владикавказе уже красные были. Так вот мы у них и оказались» (Кисельгоф 1991: 81). Эти обстоятельства отражены в повести Булгакова «Записки на манжетах» (см.: Булгаков 2007–2011/1: 410–413).

[21] *...большой газеты...* — Имеется в виду издававшаяся во Владикавказе газета «Кавказ». См. воспоминания Т.Н. Кисельгоф:

<...> решили выйти погулять. Он так с трудом... на руку мою опирается и на палочку. Идем, и я слышу: «Вон, белый идет. В газете ихней писал». Я говорю: «Идем скорей отсюда». И вот пришли, и какой-то страх на нас напал, что должны прийти и нас арестовать. Кое-кого уже арестовали. Но как-то нас это миновало, не вызывали даже никуда.

Кисельгоф 1991: 81

[22] «*Русское слово*» — одна из популярнейших в дореволюционной России ежедневных газет, выходившая в 1895—1917 гг.; с 1897 г. издавалась И.Д. Сытиным (1851—1934); редактором с 1902 г. был В.М. Дорошевич (1864—1922). В.П. Катаев вспоминал о Булгакове:

Вообще мы тогда воспринимали его на уровне фельетонистов дореволюционной школы, — фельетонистов «Русского слова», например, Амфитеатрова... Дорошевича... Но Дорошевич хоть искал новую форму, а он ее не искал. Мы были настроены к этим фельетонистам критически, а это был его идеал. Когда я как-то высказался пренебрежительно о Яблоновском, он сказал наставительно:

— Валюн, нельзя так говорить о фельетонистах «Русского слова»!

Воспоминания 1988: 493—494

Сходно начало повести Булгакова «Записки на манжетах» (1922), где описывается крах владикавказской газеты ввиду молниеносного наступления Красной армии; ср.:

Сотрудник покойного «Русского слова», в гетрах и с сигарой, схватил со стола телеграмму и привычными профессиональными глазами прочел ее в секунду от первой строки до последней.

Его рука машинально выписала сбоку: «2 колонки», но губы неожиданно сложились дудкой: — Фью-ю!

Он помолчал. Потом порывисто оторвал четвертушку и начертал:

До Тифлиса сорок миль...
Кто продаст автомобиль?

Сверху: «Маленький фельетон», сбоку: «Корпус», снизу: «Грач».

И вдруг забормотал, как диккенсовский Джингель:

— Тэк-с, тэк-с!.. Я так и знал! Возможно, что придется отчалить. Ну что ж! В Риме у меня шесть тысяч лир. Credito Italiano (банк «Итальянский кредит» (*ит.*). — *Е.Я.*). Что? Шесть... И, в сущности, я итальянский офицер! Да-с. Finita la comedia! («Комедия окончена!» (*ит.*). — *Е.Я.*)

И, еще раз свистнув, двинул фуражку на затылок и бросился в дверь, с телеграммой и фельетоном.

Булгаков 2007–2011/1: 409–410

[23] *Эрдели* И.Г. (1870–1939) — генерал от кавалерии, один из основателей Добровольческой армии; в июле 1919 г. — апреле 1920 г. командовал войсками Северного Кавказа. Мать Слёзкина Вера Георгиевна была старшей сестрой генерала — таким образом, Слёзкин доводился ему племянником.

[24] *Добрармия.* — Имеется в виду Добровольческая армия (см. примеч. 20 к гл. 2 романа «Белая гвардия»).

[25] *...что произошло в Галиции при отступлении.* — Булгаков не принимал участия в боевых действиях во время Первой мировой войны — возможно, подразумевается его служба (1916 г.) в военных госпиталях в городах Каменце-Подольском и Черновицах (см. примеч. 63 к гл. 5 романа «Белая гвардия»).

[26] *Бричка* — легкая повозка для перевозки пассажиров.

[27] *Саваоф* — одно из имен Бога у иудеев и христиан; в христианской традиции обычно отождествляется с Богом Отцом (первая ипостась Святой Троицы).

[28] *Филиппика* — гневная обличительная речь.

[29] *Иоанн Златоуст* (ок. 347–407) — архиепископ Константинопольский, богослов.

[30] ...«*Остановите этих мерзавцев*!» — Цитата из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» — слова Кутузова во время Аустерлицкого сражения (см.: Толстой 1928–1958/9: 342).

[31] *Иегова* (Яхве) — имя Бога в русских переводах Ветхого Завета.

[32] *Потом он слег и пролежал полтора месяца.* — Автобиографическая аллюзия. В феврале — марте 1920 г. Булгаков во Владикавказе переболел сыпным тифом (см. примеч. 9 к гл. 14 романа «Белая гвардия»).

[33] *Бурка* — распространенный на Кавказе войлочный безрукавный плащ.

[34] *Ревком* — революционный комитет. Ревкомы — созданные большевиками во время Гражданской войны временные властные органы, наделенные чрезвычайными полномочиями и сосредоточивавшие всю полноту гражданской и военной власти.

[35] *Казбек* — гора в восточной части Центрального Кавказа на границе современных России и Грузии.

[36] *Осетинский поэт... Авалов...* — Возможно, в образе Авалова отразились также черты Дзахо (Константин Алексеевич) Гатуева (1892–1938). Дзахо Гатуев — осетинский этнограф, историк и литератор. В 1920 г. он был заместителем заведующего Терско-Кавказским РОСТА, заместителем председателя Терского облполитпросвета, членом Терского областного литературного комитета. В «Известиях временного революционного комитета гор. Владикавказа» 3 апреля 1920 г. излагалось его выступление на происходившем 1 апреля собрании местного Союза работников искусства:

> Избранный председателем т<оварищ> Гатуев в своей речи подчеркнул громадную роль искусства в нынешнем пролетарском движении, сравнив искусство с тем певцом, которого греки послали к осаждавшим Трою отрядам и который должен был звать героев к новым подвигам. Таково пролетарское искусство, которое, по утверждении внеклассового общества, должно стать всечеловеческим.

В газете «Коммунист» 20 апреля 1920 г. сообщалось о состоявшемся 18 апреля красноармейском концерте-митинге, на котором Гатуев произнес речь о будущем революционного искусства; 21 апреля 1920 г. здесь же помещена статья за подписью «К. Га-ев» (вероятно, Гатуев) «Искусство и пролетариат». В 1921–1923 гг. Гатуев заведовал художественным отделом наркомпроса Горской ССР.

[37] *Терек* — река, протекающая по территориям Грузии и России.

[38] *...их грабили и ингуши, и осетины...* — Сходное упоминание присутствует в повести Булгакова «Записки на манжетах»; ср.:

> Прошелестело платье в соседней комнате. Зашептал женский голос:
>
> — Сегодня ночью ингуши будут грабить город...
>
> Слёзкин дернулся в кресле и поправил:
>
> — Не ингуши, а осетины. Не ночью, а завтра, с утра.
>
> Булгаков 2007–2011/1: 414

[39] *...и бедной мамочке нужно с утра до вечера не отходить от плиты, превратиться в кухарку...* — Т.Н. Кисельгоф описывала жизнь во Владикавказе так: «Иногда ходили обедать к Милочке Беридзе — ее мать готовила обеды за деньги...» (цит. по: Чудакова 1988: 142)

[40] *Халил.* — Прототипом персонажа явился аварский (аварцы — наиболее многочисленный из народов современного Дагестана) художник Халил-бек Мусаясул (1897–1949). Выставка его картин проходила в 1919 г. во Владикавказе. В 1921 г. художник уехал на учебу в Академию художеств в Мюнхене; до 1948 г. жил в Германии, затем переехал в США (см.: Алиев 2008).

[41] *Ночь, ночь, боже, какая ночь!* — Реминисценция из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»; ср.: «А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине!» (Гоголь 1937–1952/6: 221–222).

[42] *— Да, вы не девушка, а динамит!* — Вероятная реминисценция из стихотворения Л.А. Беридзе «Исполкомы, Чека и совдепы...» (опубл. 1920); ср.: «В голове неотступность вопроса, | В сердце бьется динамо-снаряд» (Костер. Владикавказ, 1920. С. 13). Стихотворение пародируется также в повести Булгакова «Записки на манжетах»:

> Поэтесса пришла. Черный берет. Юбка на боку застегнута, и чулки винтом. Стихи принесла.
>
> Та, та, там, там.
> В сердце бьется динамо-снаряд
> Та, та, там.
>
> — Стишки — ничего... Мы их... того... как это... В концерте прочитаем.
>
> Глаза у поэтессы радостные. Ничего барышня. Но почему чулки не подвяжет?
>
> Булгаков 2007–2011/1: 417

[43] *Я получил повестку. ~ будет объявлено на вечере...»* — Об этом эпизоде Слёзкин рассказал в очерке «Литература в провинции»:

> Как характерный штрих местных литературных нравов, приведу оригинальное «приглашение», полученное мною:
>
> «Цех пролетарских поэтов и литераторов приглашает вас записаться оппонентом на пре<ние> (в оригинале «премию». — *Е.Я.*) о творчестве Пушкина, имеющее быть в программе 4 вечера поэтов.
>
> Несогласие ваше цехом поэтов будет сочтено за отсутствие гражданского мужества, о чем будет объявлено на вечере».

> Почему нужно обладать гражданским мужеством для того, чтобы выступить на диспуте в «защиту» Пушкина, — мне и доныне неизвестно. Как бы то ни было, вечер состоялся, и Пушкина «разнесли в пух и прах». Молодой беллетрист М. Булгаков «имел гражданское мужество» выступить оппонентом, но за то на другой день в «Коммунисте» его обвиняли чуть ли не в контрреволюционности. <Бедные> (в оригинале «Видные». — *Е.Я.*) «пролетарские поэты» (среди которых, кстати, нет ни одного рабочего), если бы они знали, что теперь в самом центре Советской России о Пушкине и говорят, и пишут, но отнюдь не с такою резвостью мыслей.
>
> Слезкин 1921: 14

История изложена также в повести Булгакова «Записки на манжетах»:

> Обливаясь потом в духоте, я сидел в первом ряду и слушал, как докладчик рвал на Пушкине в клочья белые штаны. Когда же, освежив стаканом воды пересохшее горло, он предложил в заключение Пушкина выкинуть в печку, я улыбнулся. Каюсь. Улыбнулся загадочно, черт меня возьми. Улыбка не воробей?
>
> — Выступайте оппонентом.
>
> — Не хочется.
>
> — У вас нет гражданского мужества.
>
> — Вот как? Хорошо, я выступлю.
>
> Булгаков 2007–2011/1: 418–419

[44] *Фокс* — фокстерьер (порода собаки).

[45] *Пинчер* — родовое наименование нескольких пород собак.

[46] *Ему всего только тридцать два года.* — Булгакову в 1920 г. было 29 лет.

[47] *Ланская.* — В развитие пушкинской темы героине дана фамилия, которую носила во втором браке жена А.С. Пушкина Наталья Николаевна (в девич. Гончарова; 1812–1863), в 1844 г. вышедшая замуж за генерала П.П. Ланского (1799–1877).

[48] *Глаза... с расширенными зрачками...* — Характерный признак употребления кокаина.

[49] *...я ведь не врач.* — Именно в 1920 г. во Владикавказе совершился поворот Булгакова от медицины к литературе: «Врачом он больше, сказал, не будет. Будет писать» (Кисельгоф 1991: 81).

[50] *На сцене его останавливает Томский.* — Возможная реминисценция из повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» и одноименной оперы П.И. Чайковского: Томский — внук старой графини, именно он рассказывает о якобы известном ей секрете трех карт; в опере это повествование представлено в виде арии Томского с рефреном: «<...> три карты, три карты, три карты».

[51] *Заказной спектакль* — спектакль, билеты на который выкуплены какой-либо организацией.

[52] *Ланская — кокаинистка...* — Сходный мотив — в пьесе Слёзкина «Пламя» (1920), игравшейся во Владикавказе вместе с пьесой Булгакова «Самооборона» (см. ил. 43). Сюжет «Пламени» носит условный характер: действие происходит во дворце Герцога, окруженном восставшим народом; весь город в огне. Среди обитателей дворца — труппа актеров; одна из актрис, Лолли, — опиоманка. В финале явившаяся неизвестно откуда танцовщица в черной маске убивает Герцога, и восставшие врываются во дворец (см.: РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Ед. хр. 77).

[53] *Предельная норма кокаина... не более 0,03...* — Превышение разовой дозы кокаина 0,03 г вызывает отравление с риском летального исхода.

[54] *Кокаин в медицине называют «коварным ядом», отравление им вызывает галлюцинации, панический страх...* — Сходное описание присутствует в рассказе Булгакова «Морфий» (1927); ср.:

> Кокаин — черт в склянке! <...> При впрыскивании одного шприца 2%-ного раствора почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. И потом всё исчезает бесследно, как не было. Наступает боль, ужас, тьма.

Булгаков 2007–2011/2: 386

[55] *...завлито областного подотдела искусств.* — В «Письме из Владикавказа» Ю.Л. Слёзкин рассказывает:

> Во Владикавказе, куда я, наконец, после кошмарного месячного пути в теплушках добрался <...> я заболел сыпным тифом и когда встал на ноги — добровольцы грузили арбы и уходили в горы. Вслед за ними пришли советские войска, и я принялся за работу по подотделу искусств.

Слезкин 1921: 14

По версии Т.Н. Кисельгоф, именно в подотделе искусств состоялось знакомство Слёзкина с Булгаковым, также перенесшим тиф:

> <...> Михаил решил пойти устроиться на работу. Пошел в подотдел искусств, где Слёзкин заведовал. То ли по объявлению он туда пошел, то ли еще как... Вот тут они и познакомились. Михаил сказал, что он профессиональный журналист, и его взяли на работу. Вообще Слёзкин много в подотдел внес. Через Владикавказ ведь масса народу ехала, много артистов, музыкантов... Он организовал всех, театр заработал, там хорошие спектакли шли: «Горе от ума», Островского вещи... концерты стали давать, потом опера неплохая была, да в таком небольшом городке.
>
> Кисельгоф 1991: 81; Воспоминания 1988: 120

Слёзкин заведовал подотделом искусств с 27 марта 1920 г. Как явствует из заметки, помещенной 3 апреля в газете «Известия временного революционного комитета гор. Владикавказа», 1 апреля он выступил на собрании местного Союза работников искусства и «<...> познакомил собравшихся с мероприятиями, предпринимаемыми властью с целью приблизить искусство к массам. Таковые: национализация театров и кинематографов, организация трупп драматической и оперной, Народной консерватории, студий живописи и культуры».

Должность заведующего подотделом Слёзкин занимал до конца мая (см.: Этингоф 2011: 38). Булгаков, возглавлявший с начала апреля литературную, затем театральную секции, был уволен, по-видимому, в начале июля 1920 г., после диспута о Пушкине — об этом повествует герой-рассказчик повести «Записки на манжетах» (Булгаков 2007—2011/1: 419). Впрочем, по крайней мере до конца октября 1920 г., Булгаков и Слёзкин продолжали принимать участие в мероприятиях подотдела искусств. В марте 1921 г. Слёзкин с семьей уехал из Владикавказа в Полтаву (см.: Слёзкин 2009: 26), а оттуда, в марте 1922 г., в Москву (см.: НИОР РГБ. Ф. 801. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 6).

[56] *...армянский поэт — наш завподискусств...* — После увольнения Ю.Л. Слёзкина на его место был назначен поэт Г.С. Евангулов (1894—1967); в 1921 г. эмигрировал. В записи Слёзкина 21 февраля 1932 г. говорится о Булгакове в начале 1920-х годов в Москве: «Вспоминал Кавказ со скрежетом зубовным, ненавидел Евангулова» (НИОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30).

[57] *Пятигорск* — город в Ставропольском крае.

[58] *Завмузо* — заведующий музыкальной секцией подотдела искусств.

[59] *Народная консерватория* — учреждение, в котором могли получать музыкальное образование люди без возрастных ограничений и без учета их профессиональной подготовки.

[60] *Завкиноком* — заведующий киносекцией. Слово «кинок», видимо, восходит к названию «Киноки» (от «кино-око»), которое носила группа режиссеров, созданная в 1919 г. Дзигой Вертовым (псевд. Д.А. Кауфмана; 1895/1896–1954).

[61] *Бим-Бом.* — Имеется в виду клоунский дуэт артистов И.С. Радунского (1872–1955) и М.А. Станевского (1879–1927) «Бим-Бом».

[62] *Дарья Ивановна* — мать Милочки (см. примеч. 6 к роману «Столовая гора»).

[63] *Дошлый* — «мастер своего дела; дока; опытный, сведущий, знающий» (Даль 1903–1909/1: 1214).

[64] *...мы готовимся к неделе красноармейца...* — Имеется в виду просветительная кампания; напр., 26 февраля 1921 г. газета «Коммунист» информировала: «В скором времени среди частей и гарнизона г. Владикавказа начнет проводиться “Неделя просвещения”». В рамках этого мероприятия (14–20 марта) Булгаков выступал перед красноармейцами с докладом; кроме того, во владикавказском театре была дважды сыграна его пьеса «Парижские коммунары» (1920). Ср. также опубликованный 1 апреля 1921 г. в газете «Коммунист» фельетон Булгакова «Неделя просвещения» (1921; см.: Булгаков 2007–2011/3: 12).

[65] *Арака* — алкогольный напиток из кукурузы, ячменя или иного зерна.

[66] *Персюк* — перс, представитель основного населения Персии (совр. Исламская Республика Иран). Вместе с тем фамилию Персюк носит один из персонажей написанной весной – летом 1922 г. повести М.М. Пришвина (1873–1954) «Раб обезьяний» (впоследствии – «Мирская чаша (19-й год XX века)»); 24 августа 1922 г. Пришвин читал ее в Москве на собрании литературно-художественного кружка «Звено» (см.: ЛЖ 2005, с. 502–503). Образ комиссара Персюка здесь имеет важное значение в контексте «скифской» темы (см. примеч. 9 к гл. 13 романа «Белая гвардия»).

[67] *...у него привычка дергать головой, когда он говорит...* — Деталь подтверждается дневниковой записью Булгакова под 23/24 декабря 1924 г.:

> Я до сих пор не могу совладать с собой, когда мне нужно говорить, и сдержать болезненные арлекинские жесты. Во время речи хотел взмахивать обеими руками, но взмахивал одной правой, и вспомнил

> вагон в январе 20-го года и фляжку с водкой на сером ремне, и даму, которая жалела меня за то, что я так страшно дергаюсь.
>
> Булгаков 2007–2011/2: 445

Возможно, одно из последствий перенесенной Булгаковым в ноябре 1919 г. контузии, о которой тоже упоминается в данной записи.

[68] *Чувяки* – мягкая кожаная обувь без каблуков.

[69] *Особист* – сотрудник Особого отдела, контрразведчик.

[70] *Комячейка* – коммунистическая ячейка, первичная, «низовая» организация РКП(б).

[71] *Сангвиник* – один из четырех типов темперамента в классификации древнегреческого врача Гиппократа (ок 460 до н. э. – между 377 и 356 до н. э.): человек энергичный, подвижный, сравнительно легко переживающий неудачи и неприятности.

[72] *Венский стул* – стул из гнутого под паром букового дерева.

[73] *Роман... «Дезертир».* – Заглавие отражает неоднократно встречающийся в произведениях Булгакова мотив – стремление насильно мобилизованного героя-врача вернуться к мирной жизни: таковы рассказы «В ночь на 3-е число», «Необыкновенные приключения доктора», «Я убил». Судя по этим текстам, мотив присутствовал и в том «прароманe» (см. с. 380 наст. изд.), из которого возник роман «Белая гвардия».

[74] *Фильдекосовый* – изготовленный из фильдекоса. Фильдекос – крученая пряжа из хлопка, внешне напоминающая шелк.

[75] *...опускает глаза на картонку, желтую, дорожную, с оборванными ремнями картонку, где лежит его сын...* – Ю.Л. Слёзкин наделяет Алексея Васильевича фактами собственной биографии. Показателен эпизод повести Булгакова «Записки на манжетах»; ср.:

> Через балконную дверь слышен непрерывный тоненький писк. У черта на куличках, у подножия гор, в чужом городе, в игрушечно зверино-тесной комнате у голодного Слезкина родился сын. Его положили на окно в коробку с надписью:
>
> M-me Marie. Modes et robes [Мадам Мари. Шляпы и платья].
>
> И он скулит в коробке.
>
> Булгаков 2007–2011/1: 421

Т.Н. Кисельгоф вспоминала: «У Слезкина жена, Жданович (Ангелина Ивановна Жданович (1899/1900–1978), вторая жена Слёзкина. – *Е.Я.*),

играла в “Горе от ума” (комедия (1822– 1824) А.С. Грибоедова (1795–1829). – *Е.Я.*) Лизу, а на следующий день ребенка родила, Юру» (Кисельгоф 1991: 87). На самом деле новорожденного назвали Львом; сам Л.Ю. Слёзкин (1920–2012) сообщает: «<...> рождение мое состоялось 17 июня 1920 года во Владикавказе» (Слёзкин 2009: 11).

[76] *Раз, два, три, четыре. Это там, за садами у Столовой горы.* – Доносящиеся звуки выстрелов при казнях «контрреволюционеров».

[77] *...они, кажется, уже не придут.* – Имеются в виду чекисты, которые могли бы арестовать Алексея Васильевича.

[78] *...первые свистки...* – Имеется в виду сигнал наступления комендантского часа.

[79] *Трек* – название сада владикавказского спортивного общества (часть территории сада занимал велотрек); 21 апреля 1920 г. приказом Терского наробраза был переименован в Сад отдела народного образования ревкома (см.: Этингоф 2011: 32).

[80] *...как птицы небесные, которые не сеют и не жнут...* – Неточная цитата из Нагорной проповеди; ср.: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6: 26).

[81] *Дикси. Я сказал!* – От *лат.* «dixi» – сказал, то есть закончил речь.

[82] *Обллиткультколлегия.* – По-видимому, коллегия подотдела искусств областного отдела народного образования.

[83] *Бешмет* – кафтан со стоячим воротником.

[84] *Петр Ильич.* – Персонажу даны имя и отчество композитора П.И. Чайковского.

[85] *Тифлис* – Тбилиси, столица Грузии.

[86] *Серебряная лира* – итальянская монета.

[87] *Кунак* – приятель, знакомый (см.: Даль 1903–1909/2: 561).

[88] *Арба* – высокая двухколесная повозка.

[89] *Пехтурою* – пешком.

[90] *Ларс.* – Имеется в виду Верхний Ларс, село в Северной Осетии на Военно-Грузинской дороге вблизи границы современных России и Грузии.

[91] *...их разоружили кинтошки...* – Имеются в виду грузины (от «кинто» – уличный разносчик в Тбилиси, в переносном значении праздношатающийся, легкомысленный молодой человек из городских низов). Грузинская Демократическая Республика в мае 1918 г. стала независимым государством. В мае 1920 г. ее независимость была признана РСФСР в обмен на обещание Грузии разоружать и интернировать белогвардейцев.

[92] *Обетованная земля* — здесь: Грузия. Библейская реминисценция; ср. изложенную в книге Исход историю возвращения израильтян из Египта в Землю обетованную (Израиль).

[93] *Замок Тамары* — остатки защитных сооружений (II—III вв.) на скале над Тереком.

[94] *Добровольцы* — военнослужащие Добровольческой армии, белогвардейцы.

[95] *Гранить* — здесь: бесцельно бродить, шататься.

[96] *Пифийские статьи* — здесь: пророческие. Пифия — жрица-прорицательница храма Аполлона в Дельфах (см.: СА 1994: 434).

[97] *Мобилизуют одни, мобилизуют другие...* — См. примеч. 20 к гл. 1 романа «Белая гвардия».

[98] *Чеховская реникса.* — Реминисценция из пьесы А.П. Чехова «Три сестры» (1900); ср.: «В какой-то семинарии учитель написал на сочинении “чепуха”, а ученик прочел “реникса” — думал, по-латыни написано» (Чехов 1974—1982/13: 174).

[99] *...по понедельникам — в свободный день.* — В понедельник в зрелищных учреждениях обычно не бывает представлений.

[100] *Т.* — товарищ (*сокращ.*).

[101] *Тео* — театральная секция подотдела искусств.

[102] *Завнаробразом* — заведующий отделом народного образования.

[103] *Сухово-Кобылин* А.В. (1817—1903) — русский драматург.

[104] «*Смерть Тарелкина*» (1869) — комедия А.В. Сухово-Кобылина, заключительная часть драматической трилогии «Картины прошедшего» (опубл. 1869); предыдущие части — «Свадьба Кречинского» (1854) и «Дело» (1861).

[105] *Генерал Варравин* — персонаж пьес А.В. Сухово-Кобылина «Дело» и «Смерть Тарелкина» Максим Кузьмич Варравин.

[106] *Людмила Брандахлыстова* — персонаж комедии А.В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина».

[107] «*Не оборачивался ли он ~ Да в стенку, батюшка, в стенку*». — Неточная цитата из комедии А.В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина»; ср.:

Расплюев. <...> ...имеем мы на Силу Копылова подозрение, что он оборотень. <...> Ты с ним жила?

Людмила. Жила.

Расплюев. Ну что, он оборачивался?

Людмила. Завсегда.

Расплюев. Во что же он оборачивался?

Людмила. В стену.
Расплюев. Как же он в стену оборачивался?
Людмила. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется.

Сухово-Кобылин 1989: 177

[108] «*Вот видите, оборачивался, — говорит Чибисову Расплюев. — Ясное дело — оборотень Тарелкин*». — Среди действующих лиц комедии А.В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» есть чиновник Чибисов, однако Расплюев с ним не общается. Возможно, подразумевается другой персонаж с «птичьей» фамилией — купец Попугайчиков, которого Расплюев допрашивает, заставляя дать показания на Тарелкина: «Да вы знаете ли, какое дело следуем, а? Оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь!! — взят! — сидит в кандалах — и показывает!! <...> Так что же вы тут говорите <...>» (Сухово-Кобылин 1989: 179).

[109] «*Только позволили бы мне ~ а умер — умер — а жив*». — Неточная цитата из монолога Расплюева в комедии А.В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина»:

> Всё наше! Всю Россию потребуем. <...> Я-а-а таперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом: — всякого подвергать аресту. <...> Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли? Нет ли при них жал или ядов. Нет ли таких, которые живут, а собственно уже умерли, или таких, которые умерли, а между тем в противность закону живут. <...> Вот так пошла бы ловля!..
>
> Сухово-Кобылин 1989: 174

[110] *Давыдов* В.Н. (псевд. И.Н. Горелова; 1849—1925) — российский актер и режиссер.

[111] *...эта борьба менее интересна той, какая бывает здесь вечером...* — Имеется в виду французская борьба, в начале XX в. один из постоянных цирковых номеров.

[112] *Штамбовые розы* — растения на длинных стеблях без боковых побегов.

[113] *...черные арабские письмена на зеленом поле.* — Подразумевается внешнее сходство разводов на ряске с арабской вязью.

[114] *...его выгнали из его собственной квартиры, дали в руки какой-то номерок и приказали явиться на место назначения...* — По-видимому, намек на мобилизацию Булгакова петлюровцами в феврале 1919 г.

[115] *Начнут искоренять буржуазный элемент из подотдела...* — Комиссия Терского областного исполнительного комитета, «обследовав» деятельность подотдела искусств 25 ноября 1920 г., приняла решение об «изгнании» оттуда как Слёзкина, так и Булгакова (см.: Файман 1987: 161).

[116] *Дреколье* — дубины, палки, колья, употребляемые в качестве оружия.

[117] *Вы ни холодные, ни горячие, вы — ничто.* — Реминисценция из Апокалипсиса: «<...> ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15–16).

[118] «*Через нечистоты идет правоверный в рай Магомета*»... — Цитата из неустановленного источника либо авторская стилизация.

[119] «*Спать, мечтать, забыться — ни о чем не думать...*» — Возможная отсылка к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841); ср.: «Я б хотел забыться и заснуть!» (Лермонтов 1936–1937/2: 141).

[120] *Ассигновка* — документ, по которому выдаются средства на расходы, предусмотренные бюджетом.

[121] *КавРОСТА* — Терско-Кавказское отделение Российского телеграфного агентства.

[122] *...гранки стенной газеты.* — Гранки — оттиски частей типографского набора, в который вносится правка; стенная газета — расклеиваемая на улицах.

[123] *Тов.* — товарищ (*сокращ.*).

[124] «*Известия Ревкома*». — Имеется в виду газета «Известия временного революционного комитета гор. Владикавказа» (затем «Известия революционного комитета гор. Владикавказа») — в архиве Ю.Л. Слёзкина сохранилось несколько ее номеров за апрель 1920 г.

В. Б. Шкловский
Сентиментальное путешествие

Впервые — отдельным изданием: Шкловский 1923.

Известный филолог и прозаик Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) с 1917 г. состоял в партии эсеров. После выхода в 1922 г. в Берлине (и вскоре переизданной в Москве) книги Г.И. Семенова «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.» (1922), где, в частности, открыто рассказывалось о подготовке эсерами в начале 1918 г. антибольшевистского восстания в Петрограде и указывалось, что

в ней участвовал Шкловский (см.: Березин 2014: 153–158), тому под угрозой ареста пришлось 14 марта 1922 г. бежать из Петрограда в Финляндию; затем Шкловский оказался в Германии. В Берлине в 1922–1923 гг. Шкловским были написаны автобиографические книги «Сентиментальное путешествие» и «ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза», мотивы которых варьируются в «Белой гвардии».

Фрагмент «Сентиментального путешествия» печатается по изд.: Шкловский 2002: 160–173.

[1] *Как-то раз, зайдя на вокзал, я решил ехать в Киев на несколько дней.* – Осенью 1918 г. Шкловский находился в Харькове, откуда отправился в Киев.

[2] *«Владимир» – орден* Святого Владимира (четырех степеней) за военные отличия и гражданские заслуги.

[3] *«Георгий»* – Георгиевский крест (см. примеч. 6 к гл. 9 романа «Белая гвардия»).

[4] *«Наша родина»* – студенческий добровольческий отряд, формировавшийся в Киеве праворадикальным политическим союзом «Наша родина» (см.: Тинченко 1997: 204–205).

[5] *...флаг... желтый с черным...* – Имеется в виду черно-желто-белый – флаг гербовых цветов Российской империи; использовался правительственными и административными учреждениями.

[6] *Посольство Астраханского войска.* – По-видимому, подразумевается вербовочное бюро Астраханской армии (формировалась с середины 1918 г. на территории Войска Донского).

[7] *«День»* – издававшаяся в 1912–1917 гг. в Петербурге (Петрограде) ежедневная газета леволиберального направления (с июня 1917 г. меньшевистская).

[8] *«Кузькина мать»* – газета, издававшаяся в Петрограде с 21 января 1918 г. (возможно, вышел всего один номер).

[9] *«Кривой Джимми».* – См. примеч. 24 к гл. 4 романа «Белая гвардия».

[10] *Агнивцев* Н.Я. (1988–1932) – поэт, один из создателей театра-кабаре «Би-ба-бо» (затем «Кривой Джимми»).

[11] *Лев Никулин, потом ставший заведующим политической частью Балтфлота, а сейчас член афганской миссии.* – Имеется в виду Л.В. Никулин (наст. фамилия – Ольконицкий; 1891–1967) – писатель; в 1918 г. работал в политотделе Балтфлота; с 1921 г. был на дипломатической работе, первая книга Никулина – «Четырнадцать месяцев в Афганистане» (1923). Балтфлот – Балтийский флот.

[12] *С. р.* — здесь: эсеры.

[13] *...с Союзом возрождения России, главой которого был Станкевич.* — Союз возрождения России (СВР) — сформировавшаяся в 1918 г. коалиция политических партий, противостоявшая Совету народных комиссаров. Не признавая Брестский мир, СВР выступал за возвращение России к довоенным границам (за исключением Польши и Финляндии) и восстановление российской государственности. В.Б. Станкевич (наст. имя — Владас Станка; 1884–1968) — политический деятель, юрист; в 1918 г. в Киеве вел активную работу и принимал участие в подготовке офицерского заговора против гетмана П.П. Скоропадского.

[14] *...немцы образовывали Советы...* — Имеются в виду Советы солдатских депутатов.

[15] *Паккард* — марка легковых автомобилей, выпускавшихся Packard Motor Car Company (в США).

[16] *...«вас всех давишь»...* — Цитата из народной сказки «Терем мухи» («Теремок»): «А я всех вас давишь!» (Сказки 1984: 105).

[17] *Меня попросили поступить в броневой дивизион на случай.* — То есть дали партийное задание. У автора был соответствующий опыт: в годы Первой мировой войны Шкловский служил инструктором запасного броневого дивизиона (см.: Шкловский 2002: 21).

[18] *Крепость.* — Имеется в виду Киевская крепость — построенные в XIX в. на Печерске фортификационные сооружения (ныне филиал Музея истории Киева).

[19] *Автопанцирный* — автоброневой.

[20] *Одна знакомая художница (Давидова)...* — Возможно, имеется в виду Н.М. Давыдова (1875–1933), художница, организатор народного художественного промысла, уроженка Киевской губернии.

[21] *...Киев брали еще раз 10...* — См. примеч. 44 к гл. 1 романа «Белая гвардия».

[22] *Арманд Дюкло, предсказатель и ясновидящий.* — Персонаж упомянут в воспоминаниях писательницы Тэффи (псведоним Н.А. Лохвицкой, в замуж. Бучинская; 1872–1952), также находившейся в 1918 г. в Киеве; ср.:

> Как-то при выходе из театра в вестибюле разговаривали мы с ясновидящим Арманом Дюкло. К нему подошел дежуривший у двери солдат и спросил:
>
> — Скажите мне, господин Дюкло, скоро ли Петлюра придет?
>
> Арман сдвинул брови, закрыл глаза.

— Петлюра... Петлюра... через три дня.

Через три дня Петлюра вошел в город.

Удивительное явление был этот Арман Дюкло. Перед моим отъездом из Москвы я была несколько раз на его сеансах. Он отвечал очень верно на задаваемые ему вопросы.

Потом, когда мы познакомились, он признавался, что обыкновенно приступал к сеансам с различных подготовленных трюков, но потом начинал нервничать, очевидно, впадал в транс и, сам не зная почему и как, давал тот или иной ответ.

Это был совсем молодой, лет двадцати, не больше, очень бледный и худой мальчик, с красивым, утомленным лицом. Никогда не рассказывал о своем происхождении, недурно говорил по-французски.

— Я жил много-много лет тому назад. Меня звали Калиостро.

Но врал он лениво и неохотно.

Кажется, был он просто еврейским мальчиком из Одессы. Импресарио его был какой-то очень бойкий студент. Сам Арман, тихий, полусонный, не был деловым человеком и очень равнодушно относился к своим успехам.

В Москве им чрезвычайно заинтересовался Ленин и два раза вызывал его в Кремль для уяснения своей судьбы. Когда мы его расспрашивали об этих сеансах, он отвечал уклончиво:

— Не помню. Помню только, что у самого Ленина до конца успех. У других различно.

Импресарио его рассказывал, что трусил безумно, потому что видел, как на Армана «накатило», и тогда он уже не отдает себе отчета, с кем имеет дело.

— Слава богу, пронесло благополучно.

Но пронесло ненадолго. Через несколько месяцев Арман был расстрелян.

Тэффи 1989: 347–348

«Ясновидящий» Дюкло (имя не названо) — также персонаж рассказа Б.А. Пильняка «Штосс в жизнь» (1928): здесь Дюкло во второй половине 1920-х годов вместе с женой Жанной выступает на Кавказских минеральных водах (см.: Пильняк 2003–2004/4: 82–84). По-видимому, тот же дуэт карикатурно изображен в фельетоне Булгакова «Мадмазель Жанна» (1925; см.: Булгаков 2007–2011/3: 497–500).

[23] ...«*дует ветер с востока, и дует ветер с запада, и замыкает ветер круг свой*». — Неточная цитата из книги Экклезиаста; ср.: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» (Эккл. 1: 6).

[24] *Цепь Галля* — цепь, состоящая из железных плоских полос, края которых соединены валиками (подобные цепи применяются, в частности, в велосипедах). Изобретатель — Андре Галь (1761—1844) — французский гравер, запатентовавший цепь в 1829 г.

[25] *Учредительное собрание* — выборный орган, созываемый с целью определения государственного строя, формы правления страны и т. п. Всероссийское Учредительное собрание было избрано 12 (25) ноября 1917 г.; созвано 5 (18) января 1918 г.; 6 (19) января 1918 г. разогнано большевиками (в тот же день принят декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания; 18 (31) января 1918 г. он одобрен III Всероссийским съездом Советов).

[26] *Гельсингфорс* — современный Хельсинки, столица Финляндии.

[27] ...*я в июне наступал за Ллойд Джорджа.* — Весной 1918 г. Шкловский отправился из Петербурга в Саратов, где принимал участие в подготовке антибольшевистского восстания; после разгрома подпольной эсеровской организации уехал в Москву, затем на Украину. Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945) — английский политический деятель, в 1916—1922 гг. премьер-министр Великобритании.

[28] *Я засахаривал гетмановские машины.* — Киевская городская дума намеревалась совершить переворот — свергнуть гетмана, установить новую власть и защитить город от Петлюры. Для этого, в частности, предполагалось вывести из строя бронемашины, принадлежавшие гетманским частям.

[29] *Лукьяновские казармы* — казармы 131-го пехотного Тираспольского полка на Большой Дорогожицкой улице (ныне дом 24 по улице Мельникова в Шевченковском районе Киева).

[30] ...*об измене Григорьева*... — Н.А. Григорьев (1885—1919) — подполковник УНР, затем полковник гетманской армии, летом 1918 г. перешедший на сторону Петлюры и с отрядом в 200 человек начавший партизанскую войну против немцев и гетманцев. В начале 1919 г., уже с шеститысячным отрядом, перешел на сторону красных, командовал дивизией; в мае 1919 г. поднял антибольшевистский мятеж. Был застрелен 27 июля 1919 г. Н.И. Махно (1888—1934), обвинившим Григорьева в контактах с белогвардейцами и погромах

[31] *Фельдфебель* — воинское звание (чин) унтер-офицерского состава и должность в армии Российской империи (соответствует современному старшему сержанту).

[32] *Завод Гретера.* — Имеется в виду Киевский чугунолитейный и механический завод Я. Гретера и Й. Криванека; контора завода находилась по адресу: Бибиковский бульвар, дом 42 (см.: Весь Киев 1915: 868); ныне — машиностроительный завод «Большевик».

[33] *Самопер попер на мордописню.* — Показателен эпизод в мемуарной книге политического деятеля, публициста, в 1913–1918 гг. главного редактора газеты «Киевлянин» В.В. Шульгина (1878–1976) «Три столицы» (Берлин, 1925); автор передает услышанный им в 1925 г. разговор в поезде по пути из Киева в Москву; ср.:

> — Вы мне скажите, кому нужно это киевское образование?
> — То есть это вы про украинский язык говорите?
> — Ну да!.. Что вы хотите! Мои девочки должны знать такой язык, который был бы для чего-нибудь им нужен. Вы мне скажите, что они с этой мовой будут делать?!
> — Ну, а все-таки! — сказал еврей примирительно.
> Но она не унималась:
> — Что значит «все-таки»?
> Он ответил:
> — То значит, что Украина тоже не малое пространство... Будут иметь, где хлеб кушать!
> — Нет, позвольте, — вмешался купец. — Что это за язык?! «Самопер попер до мордописни»...
> Мне стало тошно. Этот самопер, который попер в какую-то никогда не существовавшую мордописню, намозолил нам уши уже в 17-м году. А они его всё еще повторяют.
>
> Шульгин 1991: 204–205

[34] *...тургеневское «грае, грае, воропае»...* — Имеется в виду эпизод романа И.С. Тургенева (1818–1883) «Рудин» (1856), персонаж которого Пигасов саркастически высказывается об украинском языке:

> Вот мы толковали о литературе, — продолжал он, — если б у меня были лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом.
> — Это что еще? хорош поэт! — возразила Дарья Михайловна, — разве вы знаете по-малороссийски?
> — Нимало; да оно и не нужно.
> — Как не нужно?

— Да так же, не нужно. Сто́ит только взять лист бумаги и написать наверху: Дума; потом начать так: Гой, ты доля моя, доля! или: Седе казачино Наливайко на кургане! а там: По-пид горою, по-пид зеленóю, грае, грае воропае, гоп! гоп! или что-нибудь в этом роде. И дело в шляпе. Печатай и издавай. Малоросс прочтет, подопрет рукою щеку и непременно заплачет — такая чувствительная душа!

— Помилуйте! — воскликнул Басистов. — Что вы это такое говорите? Это ни с чем не сообразно. Я жил в Малороссии, люблю ее и язык ее знаю... «грае, грае воропае» — совершенная бессмыслица.

— Может быть, а хохол все-таки заплачет. Вы говорите: язык... Да разве существует малороссийский язык? Я попросил раз одного хохла перевести следующую первую попавшуюся мне фразу: грамматика есть искусство правильно читать и писать. Знаете, как он это перевел: храматыка е выскусьтво правыльно чытаты ы пысаты... Что ж, это язык, по-вашему? самостоятельный язык? Да скорей, чем с этим согласиться, я готов позволить лучшего своего друга истолочь в ступе...

Тургенев 1980: 215—216

[35] *...погибли все твердые знаки.* — Имеется в виду переход на украинскую орфографию. Буква ъ («ер»), которая по старой русской орфографии писалась на конце слов после согласных, в украинском не используется.

[36] *...узнал я об аресте Колчаком Уфимского совещания.* — Уфимское государственное совещание 8—23 сентября 1918 г. было созвано для создания единого органа власти на территории, не занятой большевиками; образовало Уфимскую директорию (в октябре 1918 г. переехала в Омск). Своими задачами Уфимская директория ставила борьбу за свержение большевистской власти, воссоединение России, восстановление договоров с державами Антанты, расторжение Брестского мира и продолжение войны с Германией. По предложению Уфимской директории был образован Съезд членов Учредительного собрания. После совершенного 18 ноября адмиралом А.В. Колчаком (1874—1920) переворота Уфимская директория оказалась распущена, а съезд членов Учредительного собрания арестован 19 ноября в полном составе по приказу Колчака; позже часть участников съезда расстреляна отрядом генерала В.О. Каппеля (1883—1920).

[37] *Как на суде Соломона, не будем требовать половинки ребенка, отдадим ребенка чужим, пусть живет!* — Библейская реминисценция; ср.:

Тогда пришли две женщины блудницы к царю и стали пред ним. И сказала одна женщина: о, господин мой! я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме; на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего с нами не было; только мы две были в доме; и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его; и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого сына положила к моей груди; утром я встала, чтобы покормить сына моего, и вот, он был мертвый; а когда я всмотрелась в него утром, то это был не мой сын, которого я родила. И сказала другая женщина: нет, мой сын живой, а твой сын мертвый. А та говорила ей: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой. И говорили они так пред царем. И сказал царь: эта говорит: мой сын живой, а твой сын мертвый; а та говорит: нет, твой сын мертвый, а мой сын живой. И сказал царь: подайте мне меч. И принесли меч к царю. И сказал царь: рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной и половину другой. И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите. И отвечал царь и сказал: отдайте этой живое дитя, и не умерщвляйте его: она — его мать.

3 Цар. 3: 16–27

[38] *Я игру вижу только на ход вперед.* — Ср. шахматную тему в книге Шкловского «Ход коня» (см. примеч. 6 к гл. 9 романа «Белая гвардия»).

[39] *...воевать с Красновым.* — П.Н. Краснов (1869–1947) — генерал от кавалерии, в 1918 — начале 1919 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией; с 1920 г. находился в эмиграции, где стал литератором (автор мемуаров, исторических и фантастических произведений).

[40] *Дарданеллы* — пролив между европейским полуостровом Галлиполи (Турция) и северо-западом полуострова Малая Азия, соединяющий Эгейское и Мраморное моря.

[41] *...Борис Мирский написал об этом луче фельетон...* — См. примеч. 104 к гл. 2 романа «Белая гвардия».

[42] *Вильно* — современный Вильнюс, столица Литвы.

[43] *Локомобиль.* — По-видимому, имеются в виду автомобили с паровым двигателем, которые в начале XX в. были довольно распространены.

[44] *И вот я влился в голодное и грязное войско военнопленных.* — В другом фрагменте «Сентиментального путешествия» Шкловский иначе излагает обстоятельства, при которых покинул Киев; ср.:

> В декабре или в конце ноября (1918 г. — *Е.Я.*) я был в Киеве, в гетманских войсках, что кончилось угоном мною броневика и грузовика с пулеметом в Красную армию. Но об этом, и о странных перестрелках на Крещатике, и о другом многом странном когда-нибудь после.
>
> Шкловский 2002: 135

Р.Б. Гуль
Киевская эпопея
(ноябрь – декабрь 1918 г.)
Фрагмент

Впервые: Гуль 1921.

Роман Борисович Гуль (1896–1986) — писатель и литературный критик. В 1914–1916 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. В 1916 г. был призван в армию, окончил школу прапорщиков. Весной 1917 г. попал на фронт, командовал ротой, затем был полковым адъютантом. В конце 1917 г. отправился на Дон, в Белую армию, участвовал в Гражданской войне, о чем в 1920 г. написал книгу «Ледяной поход» (которая в 1923 г. вышла и в Москве). Осенью 1918 г. Гуль оказался в Киеве, участвовал в обороне города от петлюровцев, попал к ним в плен и в конце 1918 г. был депортирован в Германию. За границей начал заниматься литературной работой, в частности, опубликовал воспоминания «Киевская эпопея» о последних месяцах пребывания в России.

Печатается по изд.: Гуль 1921: 59–83.

[1] *Всевеликое Войско Донское* — название непризнанного государства, донской казачьей республики, принятое Кругом Спасения Дона 18 мая 1918 г. на территории казачьей Области Войска Донского. Территория Всевеликого Войска Донского граничила с Екатеринославской и Харьковской губерниями Украины.

[2] *...на Прорезную улицу — в штаб дружины...* — Штаб Киевской добровольческой дружины размещался в доме 23 по Прорезной улице (см.: Тинченко 1997: 202).

[3] *Полковник Рот* Петр Александрович (1884–?) – сослуживец Гуля; после взятия Киева петлюровцами был, как и Гуль, вывезен в Германию.

[4] *...на Бульварно-Кудрявскую улицу – дом Вагнера.* – 2-й отдел дружины размещался в доме 25 по Бульварно-Кудрявской улице, принадлежавшем известному врачу-терапевту К.Э. Вагнеру (1862–1950). В 1897 г. Вагнер был избран ординарным профессором Киевского университета и до 1913 г. преподавал там же на медицинском факультете; с 1897 г. заведовал кафедрой врачебной диагностики, с 1903 г. – кафедрой госпитальной терапевтической клиники. Был одним из организаторов киевского Общества скорой медицинской помощи и в 1909–1913 гг. занимал должность председателя Общества. С 1913 г. жил в Москве, с 1917 г. – в Крыму; в 1920 г. эмигрировал.

[5] *Полковник Крейтон.* – См. примеч. 7 к гл. 11 романа «Белая гвардия».

[6] *Гвардии полковник Сперанский.* – См. примеч. 67 к гл. 2 романа «Белая гвардия».

[7] *Игорь Александрович Кистяковский* (1876–1940) – министр внутренних дел в правительстве гетмана Скоропадского.

[8] *«Вхождение» в состав армии генерала Деникина многих удивило, но никто не мог подумать, что генерал Кирпичев и Кистяковский заведомо лгали.* – Командование Добровольческой армии, не разделявшее германоориентированной политики гетмана П.П. Скоропадского, не соглашалось признавать «своими» украинские воинские формирования. Напротив, гетманское правительство стремилось представить свои вооруженные силы как подразделения Добровольческой армии, поскольку это повышало их популярность, способствуя притоку офицеров.

[9] *...дружина Святополка-Мирского куда-то выступила.* – Дружина полковника Л.С. Святополка-Мирского была разбита петлюровцами в районе железнодорожной станции Мотовиловка (примерно 50 км к юго-западу от Киева) 18 ноября 1918 г.

[10] *Приют* – здесь: детский сад, ясли.

[11] *Полный генерал.* – Имеется в виду не высшее генеральское звание (генерал-аншеф, затем – генерал рода войск), а внешний облик человека.

[12] *Канцырев* (Канцеров) Павел Григорьевич (1866–?) – генерал-майор, осенью 1918 г. временно исполнял обязанности начальника 2-го подотдела 2-го отдела Киевской добровольческой офицерской дружины. С 14 декабря находился под арестом у петлюровцев; бежал. Впоследствии – участник Белого движения.

[13] *Мотовиловка.* – См. примеч. 9 к книге «Киевская эпопея».

[14] *Жуляны* — село и историческая местность на юго-западной окраине Киева (ныне территория Соломенского района).

[15] *Олимпийцы* — здесь: люди, сохраняющие невозмутимое («олимпийское») спокойствие и внешнюю величавость (*иронич.*).

[16] *...полк... Лубенский.* — Имеется в виду Лубенский Сердюцкий конно-казачий полк Сердюцкой дивизии гетмана Павла Скоропадского, носивший такое название с 1918 г.

[17] *Бекеша* — меховая одежда, отрезная в талии, со складками и разрезом сзади.

[18] *Это школа старшин.* — Имеется в виду Инструкторская школа старшин, которая в 1918 г. находилась в здании бывшего Алексеевского инженерного училища (см. примеч. 40 к гл. 2 романа «Белая гвардия»).

[19] *В вагонах строевых...* — Имеются в виду вагоны строевых подразделений — отделов штабов, ведающих кадровыми вопросами.

[20] *Передок* — двухколесная повозка для буксировки орудия и перевозки зарядных ящиков.

[21] *Софиевская Борщаговка* — село в Киево-Святошинском районе Киевской губернии.

[22] *...вагон с 33 трупами офицеров.* — Подробнее об этом событии см. примеч. 48 к гл. 6 романа «Белая гвардия».

[23] *Михайловская Борщаговка* — историческая местность в Киеве в районе современных улиц Якова Качуры, Николая Трублаини, 9 Мая в Святошинском районе.

[24] *Петропавловская Борщаговка* — село в Киево-Святошинском районе Киевской губернии.

[25] *Полковник Зметнов* Георгий (Юрий) Георгиевич — участник Белого движения.

[26] *Бирзула* — город в Херсонской губернии, ныне г. Котовск (Одесская область Украины).

[27] *Мулен* — вице-консул Франции в Украинской державе.

[28] *Генерал Келлер.* — См. примеч. 6 к гл. 2 романа «Белая гвардия».

[29] *Князь Долгоруков.* — См. примеч. 37 к гл. 3 романа «Белая гвардия».

[30] *Генерал Харченко.* — Имеется в виду генерал-майор Виктор Васильевич Харченко (1853 — после 1918).

[31] *Губернский староста Андро.* — Имеется в виду Дмитрий Федорович Андро (1870–1920) — в 1897–1917 годах предводитель дворянства в Ровенском уезде, в 1906 г. член I Государственной думы от Волынской губернии. В мае 1918 г. был назначен волынским губернским старостой (главой администрации губернии).

[32] *Ольвиопольский гусарский полк.* – Имеется в виду Ольвиопольский конный полк в составе вооруженных сил Украинской Державы.

[33] *Кинбурнский драгунский полк.* – Имеется в виду 7-й драгунский Кинбурнский полк, который дислоцировался в Волынской губернии.

[34] *Мушка* – здесь: часть механического прицельного приспособления, располагается на стволе стрелкового оружия.

[35] *Блиндажик* – от блиндаж (*уменьшит.-ласкат.*) – подземное сооружение для защиты от пулеметного, артиллерийского огня.

[36] *Полковник Стессель.* – Возможно, имеется в виду Александр Анатольевич Стессель (1876–1933).

[37] *В Педагогическом музее скопилось боле 2000 человек.* – Показательны воспоминания В.В. Киселевского; ср.:

> <...> готовилась отправка, собирались что-то делать с русскими добровольцами в Киеве, и петлюровцы сказали, что всех добровольцев перевозят в музей, – был большой музей в Киеве, – и там нас собирались регистрировать или что-то такое... Пошли все в музей, только некоторые, которые были похитрее, решили в музей не переть, потому что немножко всё это было подозрительно, но мы, конечно, в музей никакой не пошли, сидели себе преспокойно дома и ждали, что будет...
>
> Киселевский 2003: 149

[38] *Аксельбант* – элемент форменной одежды, золотой или серебряный плетеный шнур с металлическими наконечниками; прикрепляется под погоном.

[39] *Генерал Ламновский.* – См. примеч. 29 к гл. 7 романа «Белая гвардия».

[40] *Черноморский кош.* – Имеется в виду Отдельный Черноморский кош – воинское соединение вооруженных сил Украинской державы, в ноябре 1918 г. перешедшее на сторону Директории.

[41] *Кубань.* – В результате Второго Кубанского похода (июнь – декабрь 1918 г.) Добровольческой армией были заняты Кубань, Задонье, Ставропольская губерния и Северный Кавказ.

[42] *Финк* Виктор Григорьевич (1888–1973) – журналист, писатель.

[43] «*Прощание с Киевом» Дона-Аминадо ~ живэ меж Вами згода.* – стихотворение (с эпиграфом «Была без радости любовь, | Разлука будет без печали»), опубликованное 23 декабря 1918 г. в газете «Свободные мысли»:

Не негодуя, не кляня,
Бегу под небо голубое.
Пусть будет чуден без меня
И Днепр, и многое другое.
Не так уж тесен Божий мир,
А мне мила моя свобода.
Adieu (прощай (*фр.*). – *Е.Я.*), Аскольд! Прощай и Дир!
И... хай живэ меж вами згода!

Цит. по: Бурмистренко,
Рогозовская 1995: 133

44 «*Нова Рада*» – ежедневная газета, выходившая в Киеве с марта 1917 г. до января 1919 г.

45 «*Відродження*» – газета, выходившая в Киеве (см. примеч. 42 к гл. 16 романа «Белая гвардия»).

46 *Спилка* (Українська селянська спілка; *укр.*) – Украинский крестьянский союз – организация, в 1917–1919 гг. объединявшая крестьян-бедняков на Украине.

47 *Самостийники* – сторонники «самостийной» (*укр.*), самостоятельной, суверенной Украины.

48 *Генерал Волховской.* – Имеется в виду генерал-майор (в гетманской армии – генеральный хорунжий) Михаил Николаевич Волховской (1868–1944); в вооруженных силах Украинской Державы в 1918 г. командовал 4-м корпусом. В ноябре – декабре 1918 г. руководил обороной Киева, был взят в плен петлюровцами; бежал; участвовал в Белом движении.

49 *Ах вы сени, мои сени, | Сени новые мои...* – Русская народная песня.

50 *...Птичка божия не знает | Ни заботы, ни труда.* – *Пушкин А.С.* «Цыганы» (1824) // Пушкин 1994–1996/4: 183.

51 *...Что ты ночью бродишь, Каин, | Черт занес тебя сюда.* – *Пушкин А.С.* «Утопленник» (1928) // Пушкин 1994–1996/3–1: 118.

52 *Журавель мой, журавель, журавушка молодой.* – Припев русской народной песни «Повадился журавель, журавель | На зелену конопель, конопель...».

53 *Дружина Святополка.* – Имеется в виду 1-я дружина Особого корпуса Украинской державы, которой командовал полковник Л.С. Святополк-Мирский.

54 *С.-р. Зарубин.* – Имеется в виду Зарубин Александр, юрист.

55 *Лубочные* – здесь: наивные, примитивные.

[56] *Ой, яблочко, куда ты катишься? | В музей попадешь, не воротишься...* — русская народная песня «Яблочко»; во время Гражданской войны существовало множество вариантов ее текста.

[57] *...от невероятного треска, взрыва.* — Сходны воспоминания В.В. Киселевского; ср.: «<...> тем, которые пошли в музей, устроили взрыв... Музей был под такой стеклянной крышей, и была масса раненных стеклами, которые посыпались сверху...» (Киселевский 2003: 149)

Другой свидетель событий, И.Г. Эренбург, писал:

> Белых офицеров собрали и заперли в Педагогическом музее (очевидно, дело было в размерах помещения, а не в педагогике). Помню, как все перепугались: вдруг раздался грохот, во многих домах повылетали стекла. Обыватели поспешно стали набирать воду в ванны — может, не будет воды — и жечь петлюровские газеты. Оказалось, что кто-то бросил бомбу в Педагогический музей.
>
> Эренбург 1962–1967/8: 288

[58] *Лукьяновская тюрьма.* — Имеется в виду Киевская губернская тюрьма, которая находилась по адресу: Дегтяревская улица, дом 7 (см.: Весь Киев 1915: 134).

[59] *Полковник Коновалец.* — См. примеч. 95 к гл. 5 романа «Белая гвардия».

[60] *Поехали в Германию...* — В мемуарной книге «Я унес Россию» (опубл. 1981–1989) Р.Б. Гуль также пишет об обстоятельствах эвакуации:

> <...> внезапно пришла и наша судьба. 30 декабря 1918 года в зал № 8 вошел сам командир Осадного корпуса полковник Е. Коновалец с комендантом музея. Коновалец невысокий, худой, невзрачный. Сделали перекличку, и комендант объявил, что сегодня ночью нас — полуголых, полуголодных, вшивых — под конвоем вывозят... в Германию. В эту невероятность нельзя поверить. Но — да, ночью вывозят — под немецким и украинским конвоем. Позднее я узнал от сопровождавшего нас лейтенанта, что нашей судьбой обеспокоился какой-то видный немецкий генерал и настоял перед Украинской директорией на нашем вывозе в Германию.
>
> Гуль 2001: 58–59

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. 9. Храм Николая Доброго в Киеве. Начало 1930-х годов. Фотография. Публ. по: Киев Михаила Булгакова. Фотоальбом / Сост. А.П. Кончаковский и др. Киев, 1990.

Ил. 10. Могила А.И. Булгакова и В.М. Воскресенской-Булгаковой на Байковом кладбище в Киеве. Фотография. НИОР РГБ.

Ил. 11. Вид на Андреевский спуск и Андреевскую церковь. Фотография. Публ. по: Киев Михаила Булгакова. Фотоальбом / Сост. А.П. Кончаковский и др. Киев, 1990.

Ил. 12. А.И. Булгаков. 1906(?) г. Фотография. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 13. Семья Булгаковых после смерти отца. 1907 г. Фотография. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 14. И.А. Булгаков. 1909 г. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 15. Е.А. Булгакова. 1919 г. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 16. В.М. Булгакова и И.П. Воскресенский. 1910-е годы. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 17. Н. А. Булгакова – выпускница гимназии. 1912 г. Фотография. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 18. Вера А. Булгакова. 1909 г. Фотография. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 19. Л.С. и В.А. Карумы. Июнь 1917 г. Фотография. Публ. по: Киев Михаила Булгакова. Фотоальбом / Сост. А.П. Кончаковский и др. Киев, 1990.

Ил. 20. Т.Н. Булгакова. 1914 г. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 21. Н.А. Булгаков – выпускник Александровской гимназии. Фотография. Май 1917 г. НИОР РГБ.

Ил. 35. Взрыв артиллерийских складов на Зверинце. 6 июня 1918 г. Фотография. Публ. по: Киев Михаила Булгакова. Фотоальбом / Сост. А.П. Кончаковский и др. Киев, 1990.

Ил. 36. Е.М. Коновалец. 1918 г. Фотография. Публ. по: За Державність. Warszawa, 1939. Зб. 9.

Ил. 37. П.Ф. Болбочан. 1913 г. Фотография. Публ. по: *В. Сідак, Т. Осташко, Т. Вронська.* Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ. 2014.

Ил. 38. С.В. Петлюра. 1917 г. Литография. Центральный государственный исторический архив, Львов, Украина.

Ил. 39. П.П. Скоропадский (на переднем плане) с офицерами. 1918 г. Библиотека Конгресса, Вашингтон, США.

Ил. 40. Немецкие войска в Киеве. 1918 г. Фотография. Частное собрание. Публ. по изд.: Der Spiegel. 2007. № 50.

Ил. 41. Михаил Булгаков и Татьяна Булгакова среди актеров Первого советского театра во Владикавказе. 1920(?) г. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 42. Программа спектакля «Братья Турбины». 1920 г. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 43. Афиша спектакля «Самооборона». 1920 г. Публ. по: *Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.

Ил. 44. Ю.Л. Слёзкин. 1918 г. Фото из собрания Ю.Л. Слёзкина-младшего (внука писателя).

Ил. 45. Л.Е. Белозерская. Начало 1920-х годов. Фотография. Публ. по: Весь Булгаков в воспоминаниях и фотографиях / Сост. Л.В. Губианури и др. Киев, 2006.

Ил. 46. Титульный лист журнала «Россия» (1925. № 4).

Ил. 47. Эскиз обложки несостоявшегося отдельного издания романа «Белая гвардия». 1925 г. РО ИРЛИ.

Ил. 48. Страница журнальной корректуры романа «Белая гвардия». 1925 г. НИОР РГБ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ВКЛАДЫШЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. 1927	*А.* Михаил Булгаков: Дни Турбиных (Белая гвардия). Изд. «Конкорд»: Париж, 1927 // Дни. Париж, 1927. 16 октября.
Абамеликов, Приходкин 1916	*Абамеликов Н.С., Приходкин Б.Д.* Записки по артиллерии. Киев, 1916.
Абызов 2006	*Абызов Ю.И.* А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк. М., 2006.
Адамович 1927	*Адамович Г.* «Дни Турбиных» М. Булгакова. — О русском языке и споре кн. Волконского с П. Бицилли // Звено. Париж, 1927. № 6. С. 309–313.
Айхенвальд 1927	*Айхенвальд Ю.И.* Литературные заметки // Руль. Берлин, 1927. 2 ноября.
Аксаков К., Аксаков И. 1981	*Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981.
Алиев 2008	*Алиев Д.* Неизвестные страницы из жизни Халил-бека Мусаясула // Настоящее время. Махачкала, 2008. 30 мая
Амфитеатров 1912	*Амфитеатров А.В.* Собр. соч. [В 37 т.] СПб., 1912. Т. 5.
Андреев 1990	*Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1990. Т. 2.
Антонов-Овсеенко 1977	*Антонов-Овсеенко В.А.* В боях за Киев // В защиту революции. Киев, 1977. С. 138–142.

Арго 1965 — *Арго А.М.* Своими глазами: Книга воспоминаний. М., 1965.

Аресты гласных 1918 — Аресты гласных // Киевские городские известия. 1918. № 19. С. 42–43.

Аронов 1995 — *Аронов Г.* «И каждый образ свой праобраз помнит...» // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 144–147.

Архангельский 1928 — *Архангельский В.* Коммунистические критики и советская литература // Воля России. 1928. № 1. С. 158–165.

Арьев 1988 — *Арьев А.* «Что пользы, если Моцарт будет жив...»: Михаил Булгаков и Юрий Слёзкин // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 425–444.

Асс 1927 — *Максим Л.* [*Асс М.М.*] Семья Турбиных («Белая гвардия») // Сегодня. Рига, 1927. 3 октября.

Афанасьев 1994 — *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: [В 3 т.] М., 1994.

Ашукин 1998 — *Ашукин Н.* Заметки о виденном и слышанном // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 175–219.

Бабель 1992 — *Бабель И.* Соч.: В 2 т. М., 1992. Т. 2.

Балонов 2000 — *Балонов Ф.* Песни лирников в «Белой гвардии» Михаила Булгакова // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 195–198.

БГ-1927 — *Булгаков Мих.* Дни Турбиных (Белая гвардия). Paris: Concorde, 1927. [Т. 1.] НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 1.

БГ-1929 — *Булгаков Мих.* Дни Турбиных (Белая гвардия). Роман. Том второй. Париж, 1929. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 3. Ед. хр. 2.

Бедный 1923 — *Бедный Д.* Как 14-я дивизия в рай шла. М.; Пг., 1923.

Белобровцева 2011 — *Белобровцева И.З.* Дачник поневоле: эстонский период в жизни И.Г.Лежнева // *Меймре А.* Топография культуры: деятели русской культуры – дачники в Эстонии. М., 2011. С. 77–88.

Белобровцева, Кульюс 2001 — *Белобровцева И., Кульюс С.* «Поезда иного следования»: Михаил Булгаков и Юрий Слёзкин // Булгаковский сб. Таллинн, 2001. Вып. 4. С. 20–31.

Белозерская 1989 — *Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. М., 1989.

Белый 1995 — *Белый А.* Собр. соч. М., 1995. Т. 3.

Белый 2012 — *Белый А.* Собр. соч. М., 2012. Т. 8.

Березин 2014 — *Березин В.С.* Виктор Шкловский. М., 2014.

Бидерманн 1996 — *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.

Блок 1999 — *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5.

Бобров 2001 — *Бобров С.* Перикопы «Белой Гвардии» // Булгаковский сб. Таллинн, 2001. Вып. 4. С. 32–39.

Богословская 1994 — *Богословская К.Е.* Пьесы М.А. Булгакова во Франции и Германии: 1927–1928: По неопубликованным материалам // Творчество Михаила Булгакова: Исследования и материалы. СПб., 1994. Кн. 2. С. 339–369.

Бодянский 1882 — *Бодянский П.Н.* Римские вакханалии и преследования их в VI веке от основания Рима. Киев, 1882.

Брик 1993 — *Брик Л.* Из воспоминаний // Имя этой теме: любовь!: Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 85–174.

Бродович 1904 — *Бродович И.А.* Христианство в Японии // Мирный труд. Харьков, 1904. № 10. С. 70–91.

Брокгауз, Ефрон 1890–1907	Энциклопедический словарь: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890–1907.
Брюсов 1973	*Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1.
БСЭ 1927	Булгаков // Большая советская энциклопедия. М., 1927. Т. 1. Стб. 609–611.
Будберг 2013	*Будберг Р.Ю.* При гетмане Скоропадском // Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. М., 2013. С. 264–279.
Булгаков 1922	*Булгаков М.* Юрий Слёзкин (Силуэт) // Сполохи. Берлин, 1922. № 12. С. 49–54.
Булгаков 1929	*Булгаков Мих.* Дни Турбиных (Белая гвардия). Роман. Том второй. Париж, 1929.
Булгаков 1966	*Булгаков М.А.* Избр. проза. М., 1966.
Булгаков 1989	*Булгаков М.А.* Избр. произв.: В 2 т. Киев, 1989. Т. 1.
Булгаков 1989–1990	*Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1989–1990.
Булгаков 1990	*Булгаков М.А.* Пьесы 1920-х годов. Л., 1990.
Булгаков 1992	*Булгаков М.* Белая гвардия // Слово. 1992. № 7. С. 63–70.
Булгаков 1998	*Булгаков М.А.* Белая гвардия. М., 1998.
Булгаков 2006	*Булгаков М.А.* «Мой бедный, бедный мастер...»: Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». М., 2006.
Булгаков 2007–2011	*Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2007–2011.
Булгаков, Булгакова 2001	*Булгаковы М. и Е.* Дневник Мастера и Маргариты. М., 2001.
Булгаков, Гдешинский 1991	Переписка М.А. Булгакова с А.П. Гдешинским: 1923–1940 // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. Кн. 1. С. 227–260.

Булгакова 1990	Дневник Елены Булгаковой. М., 1990.
Бунин 1988	*Бунин И. А.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1988.
Бурмистренко, Рогозовская 1995	*Бурмистренко С., Рогозовская Т.* Сорок семь дней из жизни Города: Хроника конца 1918 – начала 1919 года // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 124–139.
Бурмистров 1999	*Бурмистров А.* Неизвестный Михаил Булгаков // Михаил Булгаков на исходе XX века. СПб., 1999. С. 166–180.
Буссов 1998	*Буссов К.* Московская хроника, 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 11–158.
Былины 1904	Русские народные былины: По сборникам Кирши Данилова, Рыбникова, Киреевского и Гильфердинга. М., 1904.
Вайскопф 1993	*Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993.
Вдовина 1995	*Вдовина Л.В.* Роман «без вранья»: Роман М.А. Булгакова «Белая гвардия» и воспоминания Л. С. Карума «Моя жизнь. Рассказ без вранья» // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 152–164.
Вертинский 1990	*Вертинский А.* Дорогой длинною... М., 1990.
Весь Киев 1899	Весь Киев на 1900 год. Киев, 1899.
Весь Киев 1915	Весь Киев на 1915 год. Киев, 1915.
Вербицкая 1910	*Вербицкая А.А.* Ключи счастья. 2-е изд. М., 1910.
Ветловская 1977	*Ветловская В.Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977.
Ветлугин 1922	*Ветлугин А.* Герои и воображаемые портреты. Берлин, 1922.
Виленский 1991	*Виленский Ю.Г.* Доктор Булгаков. Киев, 1991.
Виленский, Навроцкий, Шалюгин 1995	*Виленский Ю.Г., Навроцкий В.В., Шалюгин Г.А.* Михаил Булгаков и Крым. Симферополь, 1995.

Вильтон 1923	*Вильтон Р.* Последние дни Романовых. Берлин, 1923.
Винниченко 1930	*Винниченко В.К.* Из истории украинской революции // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 277–358.
Владимиров 1992	*Владимиров И.* К истории романа // Слово. 1992. № 7. С. 70–71.
Владимиров 1998	*Владимиров И.* Алый мах всадника из Апокалипсиса // Булгаков М.А. Белая гвардия. М., 1998. С. 265–278.
Власть и интеллигенция 1999	Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. М., 1999.
Вокс 1920	*Вокс М.* «Братья Турбины» М. Булгакова// Коммунист. Владикавказ, 1920. 4 декабря.
Волин 1929	*Волин Б.* Недопустимые явления // Литературная газета. 1929. 26 августа.
Волков 2010	*Волков С.В.* Предисловие // Красный террор глазами очевидцев. М., 2010. С. 5–20.
Волков 2012	*Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: В 2 т. М., 2012.
Волошин 2003–2010	*Волошин М.А.* Собр. соч. [В 8 т.] М., 2003–2010.
Вольтер 1989	*Вольтер.* Поэмы. Философские повести. Памфлеты. Киев, 1989.
Воробьева 2002	*Воробьева А.Ю.* Российские юнкера, 1864–1917. История военных училищ. М., 2002.
Воронский 1925	*Воронский А.* О том, чего у нас нет // Красная новь. 1925. № 10. С. 70–91.
Воспоминания 1988	Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988.
Высылка 2005	Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005.

Галина [б. г.] — «Жить — будем жить!» Слова Г. Галиной. Музыка Р. Глиэра. М., Лейпциг [б. г.]

Гаспаров 1994 — *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.

Гёте 2006 — *Гёте И.-В.* Фауст / Пер. Н.А. Холодковского. М., 2006.

Глаголев 2004 — *Глаголев А.* Слово на заупокойной литургии при погребении профессора Афанасия Ивановича Булгакова (16 марта 1907 года) // Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004. С. 110–112.

Глинка 1990 — *Глинка Ф.Н.* Письма к другу. М., 1990.

Гоголь 1937–1952 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. [В 14 т.] М.; Л., 1937–1952.

Гольденвейзер 1922 — *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 161–303.

Горбачев 1927а — *Горбачев Г.* К юбилею одной резолюции // Удар. М., 1927. С. 73–192.

Горбачев 1927б — *Горбачев Г.* Творчество М. Булгакова // Красная газета: вечерний выпуск. 1927. 24 мая.

Гофман 1929 — *Гофман М.Л.* «Дни Турбиных» («Белая гвардия»). Роман. Том второй. Париж, 1929 // Руль. Берлин, 1929. 26 июня.

Грин 1991–1997 — *Грин А.С.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1991–1997.

Грознова 1994 — *Грознова Н.А.* М. Булгаков и критика его времени // Творчество Михаила Булгакова: Исследования и материалы. СПб., 1994. Кн. 2. С. 5–73.

Грузенберг 1994 — *Грузенберг О.* Страницы воспоминаний // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1994. № 3(7). С. 221–240.

Грушевский 2002 — Мастера историографии: Михаил Сергеевич Грушевский: 1866–1934 // Исторический архив. 2002. № 4. С. 119–134.

Гуль 2001 — *Гуль Р.Б.* Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1.

Гуль 1921 — *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1921. Т. 2. С. 59–86.

Гура 1997 — *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гусев-Оренбургский 1922 — *Гусев-Оренбургский С.И.* Багровая книга: Погромы 1919–20 гг. на Украине. Харбин, 1922.

Гюго 2001–2003 — *Гюго В.* Собр. соч.: В 14 т. М., 2001–2003.

Даль 1903–1909 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 т.] СПб., 1903–1909.

Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.

Дар бесценный 2010 — «Дар бесценный»: Банк ВТБ – Государственному литературному музею. М., 2010. Ч. 2.

Дегтяренко 1977 — *Дегтяренко П.М.* Киев в 1918 году // В защиту революции. Киев, 1977. С. 143–154.

Дейч 1966 — *Дейч А.И.* Голос памяти: Театральные впечатления и встречи. М., 1966.

Деникин 1925 — *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин, 1925. Т. 4.

Дерид 2001 — *Дерид В.* «Надежда и воспоминания как два главных источника радости для человека» // Булгаковский сб. Таллинн, 2001. Вып. 4. С. 135–149.

Дом Булгакова 2015 — Дом Булгакова. Киев, 2015.

Дон-Аминадо 1991 — *Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. М., 1991.

Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.

Другий десяток 1917 — Другий десяток народніх українських пісень з репертуара Охматівського хора П. Демуцького. [Кыйив, 1917].

Душечкина 2014 — *Душечкина Е.В.* Русская ёлка. История, мифология, литература. 3-е изд. СПб., 2014.

Евгеньев 1921а — *Евгеньев А.* Перлы и адаманты имажинизма: I // Вестник литературы. Пг., 1921. № 10. С. 6–7.

Евгеньев 1921б — *Евгеньев А.* Перлы и адаманты имажинизма: II // Вестник литературы. Пг., 1921. № 11. С. 7.

Ерыкалова 1993 — *Ерыкалова И.Е.* Парик, камзол, гусиное перо...: Рассказчик в романе М.А. Булгакова «Мольер» // Михаил Булгаков: «Этот мир мой...». СПб., 1993. Т. 1. С. 147–166.

Есенин 1995–2000 — *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1995–2000.

Ефимовский 1994 — *Ефимовский Е.А.* Встречи на жизненном пути. Париж, 1994.

Жильяр 1921 — Император Николай II и его семья: Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921.

Житомирская 1999 — *Житомирская С.В.* Конец сюжета // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 212–229.

Житомирская 2003 — *Житомирская С.В.* Еще раз об архиве М. Булгакова // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С. 247–254.

ЖР — «Журнальная» редакция романа «Белая гвардия» // Россия. 1925. № 4. С. 3–99; Россия. № 5. С. 3–82.

Жолковский 1994 — *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.

Загорский 1926 — *Загорский М.* Неудачная инсценировка // Новый зритель. 1926. № 42. С. 6.

Зайцев 2008 — *Зайцев П.Н.* Воспоминания. М., 2008.

Зайцов 2006 — *Зайцов А.А.* 1918: очерки истории русской гражданской войны. М.; Жуковский, 2006.

Залесский 2003	*Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
Замятин 1990	*Замятин Е.И.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
Зархин 1927	*Зархин Влад.* На правом фланге // Комсомольская правда. 1927. 10 апреля.
Збирнык 1906	Збирнык народних украинськихписень для народних хорив П. Демуцького: 1-й десяток. Кыйив, 1906.
Земская 1976	*Земская Е.* [Предисловие к публикации писем М.А. Булгакова 1921–1922 гг.] // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 35. 1976. № 5. С. 451–453.
Земская 2004	*Земская Е.А.* Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004.
Зозуля 1922	*Зозуля Е.* Рассказ об Аке и человечестве // Рупор. М., 1922. Вып. 1. С. 16–19.
Зозуля 1923	*Зозуля Е.* «Хлам»: Трагедия-сатира в 10 картинах // Возрождение. М., 1923. Вып. 2. С. 337–354.
Иванов 1987	*Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4.
Иванов, Гершензон 1921	*Иванов В., Гершензон М.О.* Переписка из двух углов. Пб., 1921.
Из бесед 1919	Из бесед по поводу годовщины Красной Армии // Военное дело. 1919. № 5–6. Стб. 270–274.
Из глубины 1990	Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990.
Ильф, Петров 1961	*Ильф И., Петров Е.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961.
Каверин 1997	*Каверин В.А.* Эпилог: Мемуары. М., 1997.
Каганская 1991	*Каганская М.* Белое и красное // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 93–99.

Кант 1908	*Кант И.* Критика практического разума. 2-е изд. СПб., 1908.
Карум 2004	*Карум И.Л.* О моей маме // Земская Е.А. Михаил Булгаков и его родные: Семейный портрет. М., 2004. С. 248–255.
Катаев 1923а	*Катаев В.* Опера // Россия. 1923. № 7. С. 6.
Катаев 1923б	*Катаев В.* Печатный лист о себе: Глава из повести «Похождения трех бездельников // Накануне: Литературное приложение. 1923. 15 апреля.
Катаев 1924	*Катаев В.* Фантомы: Московский фельетон // Накануне. 1924. 5 января.
Катаев 1983–1986	*Катаев В.П.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1983–1986.
Кац, Ронен 2003	*Кац Б.*, *Ронен О.* Марш // Звезда. 2003. № 3. С. 222–228.
Кацис 1996	*Кацис Л.Ф.* «...О том, что никто не придет назад». II: Предреволюционный Петербург и литературная Москва в «Белой гвардии» М.А. Булгакова // Литературное обозрение. 1996. № 5–6. С. 165–182.
Каховская 1989	*Каховская И.* Дело Эйхгорна // Родина. 1989. № 12. С. 90–96.
Киевская дума 1918	Состав и деятельность Киевской демократической городской думы: За период с 8 августа 1917 г. по 1 октября 1918 г. // Киевские городские известия. 1918. №№ 20–22.
Киевский трамвай 1933	Киевский трамвай за сорок лет: 1892–1932. Киев, 1933.
Киевские ведьмы 1997	Киевские ведьмы: Фантастические повести первой трети XIX века. М., 1997.
Киселевский 2003	*Киселевский В.В.* Воспоминания: Фрагмент // Дикое Поле. Донецк, 2003. Вып. 3. С. 147–150.

Кисельгоф 1991	Из семейной хроники Михаила Булгакова [Воспоминания Т. Кисельгоф] // Паршин Л.К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991. С. 13–113.
Кисельгоф 1995	Страницы молодости: из воспоминаний Т.Н. Кисельгоф // Булгаков М. Записки юного врача. Киев, 1995. С. 277–289.
Ключников, Сабанин 192	*Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2.
Ковалинский 1999	*Ковалинский В.* Он был Лариосиком // Зеркало недели. Украина. № 17.
Ковалинский 2013а	*Ковалинский В.* Взрыв на Зверинце // Еженедельник 2000. Киев, 2013. № 20–21.
Ковалинский 2013б	*Ковалинский В.* Взрыв на Зверинце // Еженедельник 2000. Киев, 2013. № 22.
Козьма Прутков 1965	*Козьма Прутков.* Полн. собр. соч. 2-е изд. М.; Л., 1965.
Кольцов 1922	*Кольцов М.* Петлюровщина. Пб., 1922.
Кончаковский 1997	*Кончаковский А.П.* Библиотека М. Булгакова: Реконструкция. Киев, 1997.
Кончаковский, Малаков 1993	*Кончаковский А.П., Малаков Д.В.* Киев Михаила Булгакова: Фотоальбом. 2-е изд. Киев, 1993.
Кр1	Корректура (гранки) 1–7 глав ЖР. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 5.
Кр2	Корректура 1–13 глав ЖР. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 6.
Кр3	Корректура 1–13 глав ЖР. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 7.
Кр4	Корректура 8–13 глав ЖР. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 8.

Кр5 — Корректура 14–19 глав «Белой гвардии» из невышедшего номера журнала «Россия». НИОР РГБ. Ф. 562. К. 2. Ед. хр. 9.

Кораблев 1996–1997 — *Кораблев А.* Мастер: Астральный роман. [В 3 ч.] Донецк, 1996–1997.

Красный террор 2010 — Красный террор глазами очевидцев. М., 2010.

Крестовский 1899–1900 — *Крестовский Вс. В.* Собр. соч. [В 8 т.] СПб., 1899–1900.

Крюкова 1995 — *Крюкова А.М.* М.А. Булгаков об А.Н. Толстом: Заметки на полях дневников и писем современников // А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования. М., 1995. С. 132–152.

Кузякина 1988 — *Кузякина Н.* Михаил Булгаков и Демьян Бедный // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 392–410.

Кульюс 2008 — *Кульюс С.* Эмигрантская критика о «Белой гвардии»: Петр Пильский. Предварительные материалы // Булгаковский сб. Таллинн, 2008. Вып. 5. С. 230–241.

Куприн 1933 — *Куприн А.* Юнкера. Париж, 1933.

Куприн 1957–1958 — *Куприн А.И.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1957–1958.

Купченко, Давыдов 1988 — *Купченко Вл.*, *Давыдов З.* М. Булгаков и М. Волошин // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 411–424.

Кутепов 1898 — *Кутепов Н.* Царская охота на Руси царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. XVII век. 2-е изд. СПб., 1898.

Лакшин 1966 — *Лакшин В.Я.* О прозе Михаила Булгакова и о нем самом // Булгаков М. Избр. проза. М., 1966. С. 3–44.

Лакшин 1989 — *Лакшин В.Я.* Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 5–68.

Лакшин 1994 — *Лакшин В.Я.* Берега культуры. М., 1994.

Лаппа 2006 — *Лаппа Т.Н.* Воспоминания // Воспоминания о Михаиле Булгакове: Е.С. Булгакова, Т.Н. Лаппа, Л.Е. Белозерская. М., 2006. С. 297–314

Левитский 1929 — *В. Л<евитский>*. «Дни Турбиных»: 2-й т. Париж, 1929 // Возрождение. Париж, 1929. 25 апреля.

Левченко 2001 — *Левченко Я.* Литературная репутация Виктора Шкловского // Литературоведение XXI века: Тексты и контексты русской литературы. СПб.; Мюнхен, 2001. С. 179–205.

Лежнев 1925 — *Лежнев А.* Литературные заметки // Красная новь. 1925. № 7. С. 263–271.

Лермонтов 1936–1937 — *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. М., 1936–1937.

Лесков 1958 — *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7.

Лесскис 1999 — *Лесскис Г.А.* Триптих М. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. М., 1999.

Летопись 1912 — Летопись Императорской Александровской киевской гимназии. Киев, 1912. Т. 1.

ЛЖ 2005 — Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 2.

Лира 1903 — Лира и ийи мотивы. Зибрав в Кыйивщыни П. Демуцькый. Кыйив, 1903.

Ло Гатто 1992 — *Ло Гатто Э.* Мои встречи с Россией. М., 1992.

Лосев 1993 — *Лосев В.* Вещие сны... // Булгаков М. Из лучших произведений. М., 1993. С. 5–52.

Лосев 2002 — *Лосев В.И.* Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 2002. Т. 2. С. 619–764.

Лукомский 2001 — *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 95–121.

Луначарский 1926	*Луначарский А.* Первые новинки сезона // Известия. 1926. 8 октября.
Луначарский 1964	*Луначарский А.В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 3.
Лункевич 1904	*Лункевич В.* Ростом с ноготок, а ума палата: Жизнь муравьев. 4-е изд. СПб., 1904.
Лурье 1989	*Лурье Я.С.* «Белая гвардия» // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 563–573.
Лурье 1990	*Лурье Я.С.* Белая гвардия; Дни Турбиных [Примечания] // Булгаков М.А. Пьесы 1920-х годов. Л., 1990. С. 514–536.
Лурье 1991	*Лурье Я.С.* Рукописи М.А. Булгакова в Пушкинском Доме // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. Кн. 1. С. 175–194.
Лурье 1995а	*Лурье Я.С.* К истории написания романа «Белая гвардия» // Русская литература. 1995. № 2. С. 236–241.
Лурье 1995б	*Лурье Я.С.* Рукописи М.А. Булгакова в Пушкинском Доме // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1995. Кн. 3. С. 129–149.
Лурье, Рогинский 1989	*Лурье Я.С., Рогинский А.В.* «Белая гвардия» [Комментарии] // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 573–590.
Лурье, Серман 1965	*Лурье Я.С., Серман И.З.* От «Белой гвардии» к «Дням Турбиных» // Русская литература. 1965. № 2. С. 194–203.
М	Текст без заглавия и признаков авторизации: финальный фрагмент заключительной главы «Белой гвардии», продолжение текста Кр5. НИОР РГБ. Ф. 562. К. 71. Ед. хр. 6.
Майзель 1929	*Майзель М.* Новобуржуазное течение в советской литературе. Л., 1929.

Малевич 1989	*Малевич О.* Карл Чапек. М., 1989.
Мариенгоф 1919	*Мариенгоф А.* [Стихотворения] // Явь. М., 1919. С. 5–21.
Мария Федоровна 2005	Дневники императрицы Марии Федоровны: 1914–1920, 1923 годы. М., 2005.
Марк Твен 1961	*Марк Твен.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1961. Т. 12.
Материалы к биографии 1995	Материалы к биографии доктора М. Булгакова // Булгаков М. Записки юного врача. Киев, 1995. С. 239–276.
Маяковский 1955–1961	*Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955–1961.
Маяковский, Брик 1991	*Маяковский В.В., Брик Л.Ю.* Переписка: 1915–1930. М., 1991.
МБВС 2014	Михаил Булгаков. Воспоминания современников: В 2 кн. Киев, 2014.
МБКЭ 2011	Михаил Булгаков. Киевское эхо. Киев, 2011.
Мережковский 1914	*Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч. [В 24 т.] М., 1914. Т. 6.
Милюков 1931	*Милюков П.М.* Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931. Т. 2. Ч. 1.
Михельсон 1912	*Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912.
Михутина 2007	*Михутина И.* Украинский Брестский мир: Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской центральной рады. М., 2007.
Мишуровская 2015	*Мишуровская М.* Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов. М., 2015.
МНМ 1991–1992	Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. 2-е изд. М., 1991–1992.

Могилянский 1923 — *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины: из пережитого в Киеве в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 74–105.

Могилянский, Скоропадский 1993 — Россия и Украина: Из дневников Н.М. Могилянского и писем к нему П.П. Скоропадского 1919–1926 // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 14. С. 253–274.

Монкевич 1995 — *Монкевич Б.* Організація регулярної армії Української держави 1918 р. // Україна в минулому. Київ; Львів, 1995. Вип. 7. С. 67–112.

Мягков 2003 — *Мягков Б.С.* Родословия Михаила Булгакова. М., 2003.

Наживин 1921 — *Наживин И.* Записки о революции. Вена, 1921.

Некрасов 1981–2000 — *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.

Некрасов 1998 — *Некрасов В.* Городские прогулки. // Юность. 1988. № 7. С. 8–31.

Некрасов 2004 — *Некрасов В.* Возвращение в дом Турбиных. Киев, 2004.

Нестерович-Берг 2001 — *Нестерович-Берг М.А.* В Киеве в конце 1918 года // 1918 год на Украине. М., 2001. С.157–168.

Нижинская, Роулинсон 1999 — *Нижинская И.*, *Роулинсон Д.* Предисловие редакторов американского издания // Нижинская Б.Ф. Ранние воспоминания. М., 1999. Ч. 1. С. 62–66.

Никольский 2009 — *Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова: Поэтика скрытых мотивов. 2-е изд. М., 2009.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Ноженко 2001 — *Ноженко С.* Медицина в контексте биографии М. Булгакова // Булгаковский сб. Таллинн, 2001. Вып. 4. С. 150–166.

Ноженко, Аронов, Вдовина 1995 — *Ноженко С.П., Аронов Г.Е., Вдовина Л.В.* Комментарии // Булгаков М. Записки юного врача. Киев, 1995. С. 293–301.

Нусинов 1929а — *Нусинов И.* Булгаков // Литературная энциклопедия. [В 11 т.] М., 1929. Т. 1. Стб. 609–611.

Нусинов 1929б — *Нусинов И.М.* Путь М. Булгакова // Печать и революция. 1929. № 4. С. 40–53.

-овъ 1929 — *-овъ.* «Дни Турбиных» («Белая гвардия»). Том II. Париж, стр. 159, ku. 24- // Неделя. Прага, 1929. 6 сентября.

Одоевцева 2006 — *Одоевцева И.* На берегах Невы. СПб., 2006.

Оленев 1922 — *Оленев С.* И было...: Из старой хроники // Горн. 1922. № 1. С. 136–138.

Осинский 1925 — *Осинский Н.* Литературные заметки // Правда. 1925. 28 июля.

Осоргин 1927 — *Мих. Ос<оргин>.* «Дни Турбиных» // Последние новости. Париж, 1927. 20 октября.

Осоргин 1929а — *Мих. Ос<оргин>.* «Дни Турбиных» // Последние новости. Париж, 1929. 25 апреля.

Осоргин 1929б — *Мих. Ос<оргин>.* Итальянец о русской литературе // Последние новости. Париж, 1929. 15 августа.

Очи черные 2001 — Очи черные: Старинный русский романс. М., 2001.

Папакин 2002 — *Папакин Г.* [Вступительная заметка к публикации писем П.П. Скоропадского] // Исторический архив. 2002. № 4. С. 70–73.

Паршин 1991 — *Паршин Л.К.* Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. М., 1991.

Паустовский 1958 — *Паустовский К.Г.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1958. Т. 3.

ПВЛ 1950 — Повесть временных лет. М., Л., 1950.

Переписка 1995	Из переписки М.А. Булгакова 1926–1939 годов: Н.Н. Лямин, С.С. Кононович, О.С. Бокшанская, Н.К. Шведе-Радлова // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1995. Кн. 3. С. 207–252.
Перепись 1920	Перепись г. Киева 16 марта 1919 г. Киев, 1920. Ч. 1.
Перес 1912	*Перес Ж.Б.* Почему Наполеона никогда не существовало, или Великая ошибка, источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории XIX века. М., 1912.
Перший десяток 1917	Перший десяток народнiх українських пiсень з репертуара Охматiвського хора П. Демуцького. [Кыйив, 1917].
Песни 1903	Песни Малороссии. М., 1903.
Песни 1929	Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. 2. Ч. 2.
Петрова 1969	*Петрова Н.В.* Когда и как был написан роман М. Булгакова «Белая гвардия» // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Т. 71. Сер. литературоведение и критика. 1969. Вып. 7. С. 57–78.
Петровский 2001	*Петровский М.С.* Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.
Петлюра 2008	*Петлюра С.В.* Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М., 2008.
Пильняк 2003–2004	*Пильняк Б.А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2003–2004.
Пильский 1927	*Пильский П.* Белая гвардия (Дни Турбиных) // Булгаков М. Белая гвардия (Дни Турбиных). Рига, 1927. С. 7–10.
Пильский 1929	*П<иль>ский П.* Булгаков Мих. Дни Турбиных. Роман. Т[ом] второй. Париж, 1929 // Сегодня. 1929. 4 мая.

Пильский 1940	*Пильский П.* Смерть Мих. Аф. Булгакова // Сегодня. Рига, 1940. 15 марта.
Погодин 1928	*Погодин А.* Два полюса // Новое время. Белград, 1928. 5 сентября.
Полетика 1982	*Полетика Н.П.* Виденное и пережитое. Тель-Авив, 1982.
Полуянская 1995	*Полуянская Н.* Картинки старого Киева: Городской быт на рубеже XIX–XX веков // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 235– 252.
Помяловский 1951	*Помяловский Н.Г.* Соч. М.; Л., 1951.
Попов 1928	*Попов П.* Я и Оно в творчестве Достоевского. М., 1928.
Попович 2008	*Попович М.* Петлюра // Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М.; СПб., 2008. С. 5–34.
ППБЭС 1992	Полный православный богословский энциклопедический словарь. [В 2 т.] М., 1992. Т. 1.
Пришвин 1982	*Пришвин М.М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 2.
Приходкин 1907	*Приходкин Б.Д.* Песни артиллериста. Житомир, 1907.
Пропп 1986	*Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
ПСР 2000	Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.
Пученков 2013	*Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. М., 2013.
Пушкин 1994–1996	*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1994–1996.
Равдин 2013	*Равдин Б.* Рижский след в истории изданий и постановок М. Булгакова: 1927 // Звезда. 2013. № 5. С. 196–206.

РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и истории.
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук.
Рейн [б. г.]	*Рейн Г.Е.* Из пережитого: 1907–1918. Берлин, [б. г.] Т. 2.
Рогозовская 2001	*Рогозовская Т.А.* В поисках компаса: Из «Дома Турбиных» к «Белой гвардии» // Булгаковский сб. Таллинн, 2001. Вып. 4. С. 177–208.
Рогозовская 2008	*Рогозовская Т.* «Из старых запыленных книг»: Михаил Булгаков и Виктор Гюго // Булгаковский сб. Таллинн, 2008. Вып. 5. С. 205–220.
Рышков 1929	*Е. Т.* [*Рышков Е.В.*] Михаил Булгаков – «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), роман, т. II, стр. 159. Париж, 1929 // Часовой. Париж, 1929. № 19–20. С. 26.
СА 1994	Словарь античности. М., 1994.
Савинков 1924	*Ропшин В. (Савинков Б.)* Конь вороной. Л; М., 1924.
Савченко 2000	*Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М., 2000.
Савченко 2004	*Савченко В.А.* Симон Петлюра. Харьков, 2004.
Савченко 2006	*Савченко В.А.* Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006.
Садовников 1884	*Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. СПБ., 1884.
Салтыков-Щедрин 1965–1977	*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977.
Свечин 1964	*Свечин М.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
СБК 1918	Статистический бюллетень по городу Киеву. Киев, 1918. Вып. 1.

СБК 1920	Статистический бюллетень по городу Киеву. Киев, 1920. Вып. 4.
СД 1995–2012	Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995–2012.
Сенкевич 1982	*Сенкевич Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 2.
Сервантес 1951	*Сервантес Сааведра М.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. М., 1951. Ч. 1.
Силецкий 1994	*Силецкий В.И.* Превратности Лахесис: Доля – случай – рок // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 232–237.
Сказки 1984	Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1984. Т. 1.
Скворцов 1986	*Скворцов В.* Принцесса Катя Десницкая // Огонек. 1986. № 41. С. 28–30.
Скобелев 1994	*Скобелев В.П.* О функции архаико-эпического элемента в романной структуре «Белой гвардии»: Приватное «Я» и коллективная одушевленность // Возвращенные имена русской литературы: Аспекты поэтики, эстетики, философии. Самара, 1994. С. 33–45.
Скоропадский 1995	*Скоропадский П.П.* «Украина будет!..»: Из воспоминаний // Минувшее. М.; СПб., 1995. Вып. 17. С. 7–115.
Скоропадский 2002	«...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов»: Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П.П. Скоропадского / Предисл. и подгот. публ. Г.В. Папакина // Исторический архив. 2002. № 4. С. 70–91.
Скотт 1964	*Скотт В.* Собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1964. Т. 15.
СЛКС 1988	Словарь латинских крылатых слов. М., 1988.
Слезкин 1921	*Слезкин Ю.* Литература в провинции: Письмо из Владикавказа // Вестник литературы. Пг., 1921. № 1. С. 13–14.

Слёзкин 1922	*Слезкин Ю.* Ольга Орг. Берлин, 1922.
Слезкин 1924	*Ю. Л. С<лезкин>.* Отзывы о книгах: Манускрипты: I. Белая гвардия — Мих. Булгакова // Накануне: Литературная неделя. 1924. 9 марта.
Слезкин 1925	*Слезкин Ю.* Девушка с гор. М., 1925.
Слёзкин 2005	*Слёзкин Ю.* Столовая гора: Повесть о многих изгнанниках // Дарьял. Владикавказ, 2005. № 3–5.
Слёзкин 2009	*Слёзкин Л.Ю.* До войны и на войне. М., 2009.
Слёзкин 2013	*Слёзкин Ю.Л.* Разными глазами. М., 2013.
Словарь крылатых слов 2005	Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М., 2005.
Слово 1987	Слово о полку Игореве. М., 1987.
Смелянский 1989	*Смелянский А.М.* Михаил Булгаков в Художественном театре. 2-е изд. М., 1989.
Солдатский песенник 1995	*Круглов М.А.* Солдатский песенник / Публ. [и вступ. ст.] А.Л. Налепина, О.Ю. Щербаковой // Российский Архив. М., 1995. [Вып.] 6. С. 472–487.
Соловьев 1912	*Соловъев В.С.* Собр. соч. [В 10 т.] 2-е изд. СПб. [1912] Т. 5.
Соловьев 1914	*Соловъев В.С.* Собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. СПб., 1914. Т. 10.
Сологуб 2004	*Сологуб Ф.К.* Собр. соч.: [В 6 т.] Т. 8. М., 2004.
СПА 1972	Советские писатели: Автобиографии. М., 1972. Т. 4.
Старый стиль 1952	Старый стиль и Элладская церковь // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 11. С. 49–53.
Стеллецкий 2013	Воспоминания генерала Б.С. Стеллецкого // Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. М., 2013. С. 247–263.

Степанов 2010 — *Степанов А.* Красноармейская звезда. 1918–1922: Мифы и действительность // Старый цейхгауз. 2010. № 2. С. 44–62.

Сулима 1995 — *Сулима М.* Два етюди // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 148–150.

Сумский 1930 — *Сумский С.* Одиннадцать переворотов // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 99–114

Сухово-Кобылин 1989 — *Сухово-Кобылин А.В.* Картины прошедшего. Л., 1989.

Терапиано 1953 — *Терапиано Ю.* Встречи. Нью-Йорк, 1953.

Тинченко 1997 — *Тинченко Я.* Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев; Львов, 1997.

Тинченко 2007 — *Тинченко Я.* Офіцерський корпус армії Української Народної Республіки: 1917–1921. Київ, 2007. Кн. 1.

Тинченко 2009 — *Тинченко Я.* Українські збройні сили: березень 1917 р. – листопад 1918 р. (організація, чиесльність, бойові дії). Київ, 2009.

Толстая 2006 — *Толстая Е.Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель. 1917–1923. М., 2006.

Толстой 1922а — *Толстой А.* Хождение по мукам. Берлин, 1922.

Толстой 1922б — *Толстой А.Н.* Четыре картины волшебного фонаря // Жар-птица. Париж, 1922. № 6. С. 3–10.

Толстой 1928–1958 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958.

Толстой 1982 — *Толстой А.Н.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1982. Т. 2.

Толстой 1969 — *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 3.

Троцкий 1926 — *Троцкий Л.Д.* Соч. М.; Л., 1926. Т. 17. Ч. 2.

Троцкий 1991 — *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М., 1991.

Турбин 1994 — *Турбин В.Н.* Незадолго до Водолея. М., 1994.

Тургенев 1980 — *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Произведения: в 12 т. М., 1980. Т. 5.

Тэффи 1989 — *Тэффи.* Ностальгия: Рассказы; Воспоминания. Л., 1989.

Тютчев 2002 — *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2002. Т. 1.

Ушаков 2001 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 3 т. М., 2001. Т. 3.

Український футуризм 1996 — Український футуризм: Вибрані сторінки / Az ukrán futurizmus: Szemelvények. Ніредьгаза / Nyíregyháza, 1996.

Українські пісні 1972 — Українські народні пісні з репертуару Б.Р. Гмирі. Київ, 1972.

Успенский 1982 — *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.

Уэллс 1964 — *Уэллс Г.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1964.

Файман 1987 — *Файман Г.* «Местный литератор» Михаил Булгаков: Владикавказ 1920–1921 гг. // Театр. 1987. № 6. С. 209–224.

Файман 1991 — *Файман Г.* «Булгаковщина» // Театр. 1991. № 12. С. 80–103.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 2.

Федоров 1927 — *А. Ф[едоров].* Белая гвардия... // За Свободу! Варшава, 1927. 11 декабря.

Федоров 1984 — *Федоров В.* О природе поэтической реальности. М., 1984.

Федюшин 2007 — *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918. М., 2007.

Ферм. Харибдов 1917 — *Ферм. Харибдов.* В толпе // Новый Сатирикон. 1917. № 44. С. 2.

Фиалкова 1986 — *Фиалкова Л.Л.* Пространство и время в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»: К проблеме изучения жанра и композиции произведения // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С.152–157.

Форель 1924 — *Форель А.* Человек и муравей: Очерк о наследственности и эволюции. М.; Л., 1924.

Франко 1976 — *Франко И.* Зібрання творів: У 50 т. Художні творі: Т. 1–25. Київ,1976. Т. 3.

Фрейд 1925 — *Фрейд З.* Психоанализ детских неврозов. М.; Л., 1925.

Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

ФСРЯ 1968 — Фразеологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1968.

Ходасевич 1931 — *Ходасевич В.* Смысл и судьба «Белой гвардии» // Сегодня. Париж, 1931. 29 октября.

Цетлин 1927 — *Цетлин Мих.* Мих. Булгаков. Дни Турбиных (Белая Гвардия). Роман. Изд. «Concordia», Париж, 1927 г. // Современные записки. Париж, 1927. Т. 33. С. 528–530.

Цицерон 1917 — *Цицерон Марк Туллий.* Сон Сципиона. М., 1917.

Цицерон 1966 — *Цицерон.* Диалоги. М., 1966.

Чапек 1924а — *Чапек К.* «ВУР»: Верстандовы универсальные работари. Л., 1924.

Чапек 1924б — *Чапек К.* RUR. Rossum's universal robots: Коллективная драма в 3-х действиях с прологом. Прага, 1924.

Чеботарева 1974 — *Чеботарева В.А.* К истории создания «Белой гвардии» // Русская литература. 1974. № 4. С. 148–152.

Человек-волк 1996 — Человек-волк и Зигмунд Фрейд. Киев, 1996.

Чехов 1974–1982 — *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Соч.: В 18 т. М., 1974–1982.

Чудакова 1973 — *Чудакова М.* К творческой биографии М. Булгакова: 1973–1923 // Вопросы литературы. 1973. № 7. С. 231–255.

Чудакова 1976а — *Чудакова М.О.* Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя // Записки ОР ГБЛ. М., 1976. Вып. 37. С. 25–151.

Чудакова 1976б — *Чудакова М.* Присутствует Александр Грин // Сельская молодежь. 1976. № 6. С. 31–37.

Чудакова 1987 — *Чудакова М.* Михаил Булгаков: глава из романа и письма [Вступ. статья] // Новый мир. 1987. № 2. С. 138–149.

Чудакова 1988 — *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1988.

Чудакова 1992 — *Чудакова М.* Необыкновенные приключения рукописи: Михаил Булгаков в Москве 1991–1992 гг. // Литературная газета. 1992. 18 марта.

Шапошникова 1993 — *Шапошникова Н.* Пречистенский круг: Михаил Булгаков и Государственная академия художественных наук в Москве // Михаил Булгаков: «Этот мир мой...». СПб., 1993. Т. 1. С. 111–126.

Шаргородский 1998 — *Шаргородский С.* Заметки о Булгакове: 1. Фантомист-футурист Иван Русаков // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 260–264.

Шаргородский 2000 — *Шаргородский С.* Заметки о Булгакове: 2. Булгаков и Есенин. 3. Палестинский пигмей // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 218–227.

Шаргородский 2012 — *Шаргородский С.* Визуальные контексты «Белой гвардии» М. Булгакова // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. С. 349–365.

Шекспир 2001 — *Шексир В.* Макбет. СПб., 2001.

Шенталинский 1997	*Шенталинский В.* Мастер глазами ГПУ // Новый мир. 1997. № 10. С. 167–185.
Шенталинский 1998	*Шенталинский В.* Охота в ревзаповеднике: Избранные страницы и сцены советской литературы // Новый мир. 1998. № 12. С. 170–196.
Шкловский 1923	*Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М.; Берлин, 1923.
Шкловский 1983	*Шкловский В.Б.* О теории прозы. М., 1983.
Шкловский 1990	*Шкловский В. Б.* Гамбургский счет. М., 1990.
Шкловский 1993	*Шкловский В.Б.* Письма М. Горькому: 1917–1923 гг. // De visu. 1993. № 1. С. 28–46.
Шкловский 2002	*Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...» М., 2002.
Шполянский 1917	*Шполянский Г.М.* Задачи партии социалистов-революционеров в городских думах (Популярное изложение нашей муниципальной программы). Киев, 1917.
Шмидт 1995	*Шмидт С.О.* Переписка М.Н. Тихомирова с Н.А. и А.М. Земскими // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 45–52.
Шнеерсон 1993	*Шнеерсон М.* «Я – писатель мистический»: К семидесятилетию «Белой гвардии» // Грани. 1993. № 70. С. 127–159.
Штейнпресс 1983	*Штейнпресс Б.С.* Оперные премьеры XX века: 1900–1940. Словарь. М., 1983.
Шульгин 1991	*Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991.
Щавинская 2013	*Щавинская Л.* Польская русская Илария Булгакова – летописец православия в Польше // Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 551–562.
Элиаде 1987	*Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.
Эренбург 1962–1967	*Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1962–1967.

Этингоф 2011 — *Этингоф О.Е.* М.А. Булгаков и Б.Е. Этингоф в Терском наробразе: весна и лето 1920 г. // М.А. Булгаков и булгаковедение в научном и образовательном пространстве. М., 2011. С. 14–44.

Этингоф 2013 — *Этингоф О.Е.* Спасение Ю.Л. Слёзкина и М.А. Булгакова во Владикавказе в 1920 г. // Сравнительная культурология: в поисках точки отсчета. М., 2013. С. 132–177.

Эткинд 1998 — *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998.

Юшкевич 1915 — *Юшкевич С.С.* Полн. собр. соч. [В 14 т.] СПб., 1915. Т. 14.

Яблоков 1997 — *Яблоков Е.А.* Роман Михаила Булгакова «Белая гвардия». М., 1997.

Яблоков 2001 — *Яблоков Е.А.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.

Яблоков, Дооге 2011 — *Яблоков Е.А.*, *Дооге Б.* В Токио, на полпути между Киевом и Беркли...: Зарубежные родственники Михаила Булгакова // Работа и служба. Сборник памяти Рашита Янгирова. СПб., 2011. С. 232–268.

Яблоновский 1927 — Яблоновский А.А. «Продажные, алчные, трусливые» // Сегодня. Рига, 1927. 13 ноября.

Янгиров 1999 — *Янгиров Р.* Русская эмиграция о романе «Белая гвардия»: 1920–1930-е гг. // Михаил Булгаков на исходе XX века. СПб., 1999. С. 50–73.

Яновская 1983 — *Яновская Л. М.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983.

Яновская 1987 — *Яновская Л.* По долгу истины // Советская Россия. 1987. 22 ноября.

Яновская 1989 — *Яновская Л.М.* «Моя земля!»: Небольшая прогулка вместо предисловия; Комментарии //

	Булгаков М.А. Избр. произв.: В 2 т. Киев, 1989. Т. 1. С. 5–23; 745–765.
Яновская 1997	*Яновская Л.* Записки о Михаиле Булгакове. Холон, 1997.
Яновская 2001	*Яновская Л.* Дайте слово текстологу: глава из книги // Уральская новь. 2001. № 10. С. 144–156.
Bulgakov 1927	*Bulgakov M.* Die Tage der geschwister Turbin, die weisse Garde. Berlin; Charlottenburg, 1927.
Bulgakov 1928	*Bulgakov M.* Bílá garda. Praha, 1928.
Bułgakow 1928	*Bułgakow M.* Biała gwardja. Warszawa, 1928.
Bulgakov 1930	*Bulgakov M.* La Guardia Bianca. Roma, 1930.
Faust 1889	Faust. Opéra en 5 actes de J. Barbier et M. Carré, musique de Ch. Gounod: Partition pour chant et piano. M., 1889.
Milne 1990	*Milne L.* Mikhail Bulgakov: A Critical Biography. Cambrige, 1990.
Néron 1884	Néron: Opéra en 4 actes (8 tableaux). Musique de A. Rubinstein / Нерон: Опера в 4 действиях (8 картинах). Музыка А. Рубинштейна. М., 1884.

Содержание

Михаил Булгаков

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

ДОПОЛНЕНИЯ

ФРАГМЕНТЫ РАННИХ РЕДАКЦИЙ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Булгаков М.А.
Белая гвардия / М.А. Булгаков; изд. подгот. Е.А. Яблоков. — М.: Ладомир, 2015. — 824 с., ил. (Литературные памятники).

ISBN 978-5-86218-536-2

«Белая гвардия» — первый роман М. Булгакова. В томе представлен научно подготовленный текст «Белой гвардии», уточненный по прижизненным публикациям. При этом сохранен предусмотренный автором внешний вид — воспроизведены визуально-графические приемы и особенности набора.

Наряду с окончательным текстом произведения в настоящем издании помещены фрагменты его ранних редакций, помогающие представить динамику замысла. В Приложение включены фрагменты художественных и документальных произведений 1920-х годов, непосредственно связанные с историей «Белой гвардии». В статье и примечаниях освещены обстоятельства создания и публикации романа, объяснены исторические, биографические реалии, отражены автобиографические мотивы «Белой гвардии», а также подтекстные связи с многими литературными произведениями, мифологией, фольклором.

В ряду иллюстраций — портреты родственников и знакомых писателя, исторических деятелей, послуживших прототипами персонажей «Белой гвардии», а также фотографии мест Киева, с которыми связана фабула романа.

Чтобы читателю было легче ориентироваться в сюжетной топографии, книга укомплектована вкладышем — планом Киева начала XX в.

Научное издание

Михаил Булгаков

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»

Редактор *А.О. Бурцева*
Корректор *О.Г. Наренкова*
Макет *Александр Зарубин*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г. Подписано в печать 31.10.2015 г.
Формат 70×90 $^{1}/_{16}$. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура «Баскервиль». Печ. л. 55,0. Тираж 1200 экз.
Зак. № 9401.
Научно-издательский центр «Ладомир»
124681, Москва, ул. Заводская, д. 4
Тел. склада: 8-499-729-96-70
E-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»,
107140, г. Москва, 1-й Красносельский пер., д. 3

1. Памятник святому Владимиру. Владимирская горка
2. Михайловский монастырь. Михайловская площадь
3. Михайловский подъем городской железной дороги. Михайловский проезд
4. Собор Андрея Первозванного. Андреевский спуск
5. Десятинная церковь. Владимирская улица
6. Памятник святой Ольге. Михайловская площадь
7. Римско-католический костел святого Александра
8. Городская Дума. Крещатикская улица
9. Дворянское собрание. Крещатик
10. Здание присутственных мест
11. Памятник П.А. Столыпину. Думская площадь
12. Памятник Богдану Хмельницкому. Софийская площадь
13. Спортивное поле. Дикая улица
14. Телеграф. Думская площадь
15. Потовая контора. Крещатик
16. Первое российское страховое общество
17. Киевская консерватория. Музыкальный проезд
18. Здание скорой медицинской помощи. Рейтерская улица
19. Памятник святой Ирине. Большая Владимирская улица
20. Софийский собор. Софийская площадь
21. Губернская земская управа. Угол Рыльского проезда и Стрелецкой улицы
22. Дворянский земельный банк. Большая
23. Владимирская улица
24. Единоверческая церковь. Павловская улица
25. Адресный стол. Вознесенская улица
Киевское художественное училище Академии художеств. Бульварно-Кудрявская улица
26. Татарская мечеть.
27. Телеграфная контора. Большая Владимирская улица
28. Скорбященская церковь
29. Мало-Благовещенская церковь
30. Городская станция Юго-западной железной дороги. Пушкинская улица
31. Технические курсы В.В. Перминова. Большая Владимирская улица
32. Вознесенская церковь
33. Золотые ворота. Большая Владимирская улица
34. Городской оперный театр. Большая Владимирская улица
35. Управление Юго-западной железной дороги. Театральная улица
36. Педагогический музей. Большая Владимирская улица
37. Собор святого князя Владимира. Большая Бульварная улица
38. Караимская кенасса. Большая Подвальная улица
39. Коммерческий институт. Бибиковский бульвар
40. Памятник графу Бобринскому. Бибиковский бульвар
41. Народная аудитория. Большая Кудрявская улица
42. Вольно-пожарная дружина. Большая Кудрявская улица
43. Купеческое собрание. Александровская улица
44. Памятник императору Александру II. Царская площадь
45. Городская публичная библиотека. Александровская улица
46. Городской опереточный театр. Александровская улица
47. Императорский дворец. Александровская улица
48. Здание удельного ведомства. Мариинский парк
49. Шулявская церковь
50. Дом командующего войсками. Александровская улица
51. Дворцовая пожарная команда. Александровская улица
52. Городской исторический музей. Александровская улица
53. Городская станция Московской Киево-Воронежской железной дороги. Александровская улица
54. Биржа. Крещатик
55. Институт благородных девиц. Институтская улица
56. Земельный банк. Институтская улица
57. Государственный банк. Институтская улица
58. Московский купеческий банк. Крещатик
59. Подольская пожарная команда. Институтская улица
60. Дом генерал-губернатора. Институтская улица
61. Дом губернатора. Екатерининская улица
62. Чайная народного популярного общества трезвости.
63. Павловская артель. Фундуклеевская улица
64. «Соловцов» (драматический театр). Николаевская площадь
65. Императорское российское техническое общество
66. Лютеранская церковь. Анненковская улица
67. Высшие женские курсы
68. Завод наследников Шанца. Борщаговская улица
69. Лодочная пристань и купель. Улица Добровольского
70. Городской крытый рынок. Бессарабская площадь
71. Городская Александровская больница. Левашевский спуск
72. Женский медицинский институт. Собачья тропа
73. Памятник крещению Руси. Крещатикский спуск
74. Главная городская электростанция. Александровская улица
75. Здание городской водокачки. Николаевское шоссе
76. Николаевские ворота. Николаевский подъезд
77. Военный собор. Никольская улица
78. Аскольдова могила. Николаевский спуск
79. Часовня святого Николая. Предмостовая набережная
80. Николаевский цепной мост
81. Киев-Печерская Успенская Лавра
82. Киевский частный ломбард. Угол Крещатика и Бессарабской улицы
83. Ипподром императорского юго-западного общества рысистых бегов. Суворовская улица
84. Введенский женский монастырь. Рыбальская улица
85. Церковь святой Ольги. Печерский базар
86. Юнкерской военное училище. Московская улица
87. Наводницкие ворота. Московская улица
88. Военный госпиталь. Госпитальная дорога
89. Площадь выставочной территории 1913 г.
90. Университет святого Владимира. Большая Владимирская улица
91. Памятник императору Николаю I. Николаевский парк
92. Еврейская синагога. Мало-Васильковская улица
93. Городской народный театр. Большая Васильковская улица.
94. Римско-католический костел святого Николая. Большая Васильковская улица
95. Городские скотобойни. Большая Васильковская улица
96. Кирпичный завод. Демиевка
97. Байково кладбище
98. Зверинецкое кладбище
99. Товарная станция
100. Вокзал Киев-I
101. Городская таможня. Таможенная улица
102. Киевский кадетский корпус. Кадское шоссе
103. Русский для внешней торговли банк
104. Лыбедская пожарная команды. Тарасовская улица
105. Железная церковь. Бибиковский бульвар
106. Покровский женский монастырь. Львовская улица
107. Издательство «Меркурий». Святославская улица
108. Лукьяновский народный дом попечительства народной трезвости. Лукьяновская улица
109. Церковь святого Федора. Лукьяновская улица
110. Еврейская больница. Лукьяновская улица
111. Больница для чернорабочих. Кадское шоссе
112. Передаточная станция на Святошино
113. Скаковой ипподром на Сырце
114. Пароходные пристани
115. Порт императора Николая II. Набережная улица
116. Лукьяновской кладбище
117. Братский монастырь и духовная академия. Александровская улица
118. Городской контрактный дом. Подольская площадь
119. Источник святого Сампсона. Подольская торговая площадь
120. Флоровский женский монастырь.
121. Издательство «Меркурий». Святославская улица

122-а. Духовная семинария. Вознесенский спуск
123-а. Центральный гараж. Фундуклеевская улица
122-б. Гараж «Россия». Прорезная улица
123-б. Лечебница общества покровительства животных
124. Политехнический институт

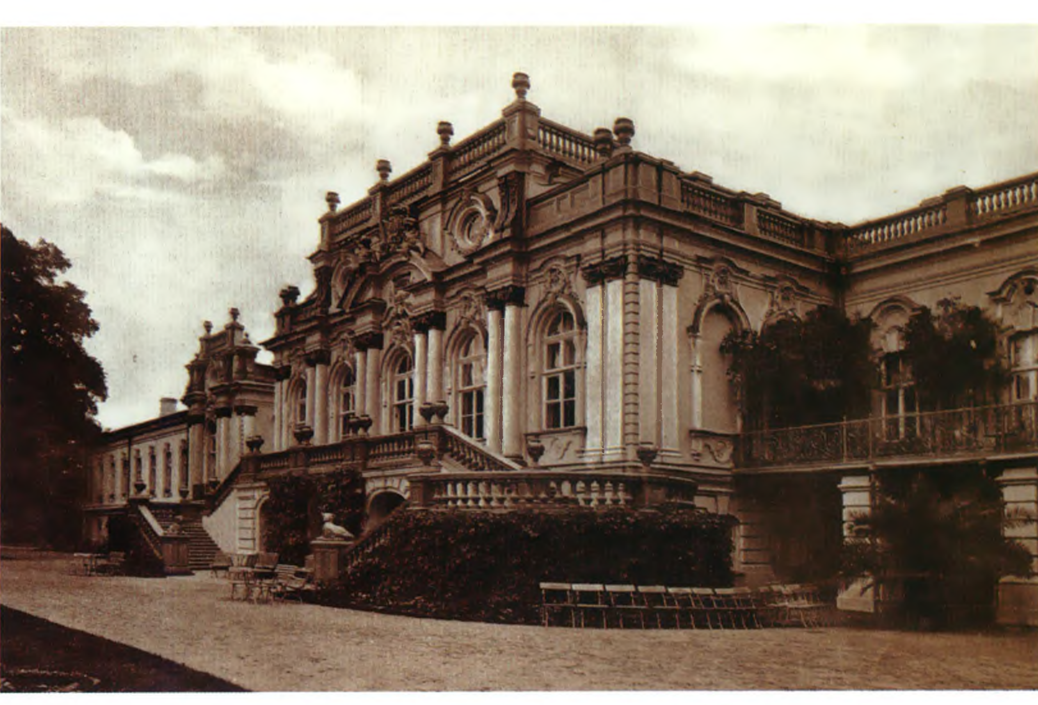
Красными линиями обозначены трамвайные пути.

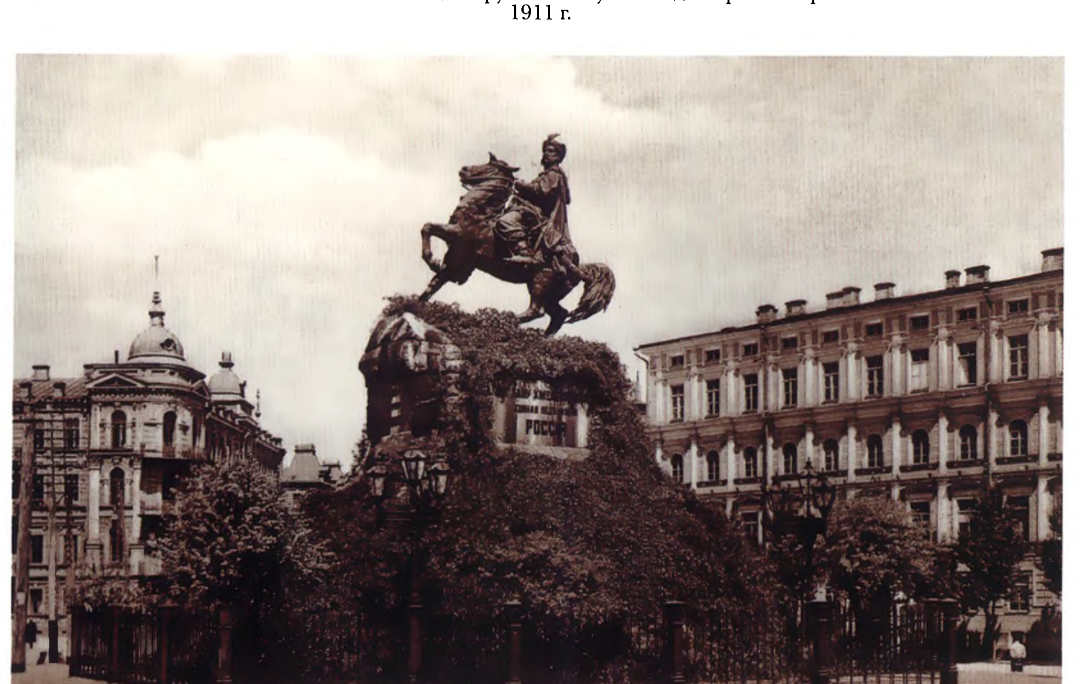
Ил. 1. Памятник Владимиру Великому на Владимирской горке.
1911 г.

Ил. 2. Киевский городской оперный театр на Владимирской улице.
1911 г.

Ил. 3. Мариинский дворец на Александровской улице.
1911 г.

Ил. 4. Памятник Богдану Хмельницкому на Софийской площади.
1911 г.

Ил. 5. Императорский университет св. Владимира на Владимирской улице.
1911 г.

Ил. 6. Николаевский цепной мост.
1911 г.

Ил. 7. Колокольня Собора Святой Софии на Софийской площади.
1911 г.

Ил. 8. Андреевская церковь на Андреевском спуске.
1911 г.

Ил. 9. Владимирский собор на бульваре Тараса Шевченко.
1911 г.

